Годъ XII-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XII-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 28-го апрѣля 1903 года. С.-Петербургъ.

„Міръ Божій", № 5, май 1903 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА.

издаваемое Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный Фондъ), приступая, по соглашенію съ Ал. Л. Костомаровой, къ изданію **Собранія сочиненій Н. И Костомарова**, объявляетъ, что въ предпринимаемое нынѣ изданіе войдутъ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка, въ числѣ 21 тома. Монографіи эти будутъ сгруппированы въ 8 книгъ, въ общемъ объемѣ около 375 печатныхъ листовъ. Цѣна на это изданіе по подпискѣ назначается, безъ пересылки, **20 рублей**, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при подпискѣ вносится **4 рубля** и подписчику выдается билетъ на полученіе всѣхъ **8 книгъ**; затѣмъ уплачивается по **3 рубля** при выдачѣ **I** и **II** книгъ; по **2 рубля** при выдачѣ **III, IV, V, VI** и **VII** книгъ, а **VIII** книга будетъ выдана безплатно подписавшимся на изданіе лицамъ.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія, которое предположено окончить не позже, какъ черезъ два года (къ маю 1905 года), цѣна будетъ повышена, а именно: за всѣ восемь книгъ **25 руб.** и при покупкѣ отдѣльными книгами: 1-я и 7-я книги по **3 руб. 50 к.**, 2-я, 4-я, 5-я и 6-я книги по **4 рубля**, 3-я книга **2 р. 50 к.** и 8-я **4 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи **М. М. Стасюлевича** въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

Всѣ двадцать одинъ томъ историческихъ монографій и изслѣдованій Н. И. Костомарова въ предлагаемомъ изданіи будутъ размѣщены въ восьми книгахъ такъ:

ВЪ ПЕРВУЮ КНИГУ войдутъ томы **I-й, II-й** и **III-й**, содержащіе въ себѣ: *I-й томъ:* Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Ру-

си.—Двѣ русскія народности.—Черты народной южнорусской исторіи.—Мистическая повѣсть о Нифонтѣ.—Легенда о кровосмѣсителѣ.—О значеніи Великаго Новгорода.—Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?—Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкинъ и его соучастники. Θеодосій Косой.—Иванъ Сусанинъ. *II-й томъ:* Иванъ Свирговскій, украинскій казацкій гетманъ XVI вѣка.—Гетманство Выговскаго. -Бунтъ Стеньки Разина.—По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ «Сельское духовенство». *III-й томъ:* Куликовская битва.—Ливонская война.—Южная Русь въ концѣ XVI вѣка. (Подготовка церковной уніи.—Бунтъ Косинскаго и Наливайки.—Унія).—Литовская народная поэзія.—Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи.

ВО ВТОРУЮ КНИГУ войдутъ томы **IV-й, V-й** и **VI-й,** составляющіе монографію «Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія».

ВЪ ТРЕТЬЮ КНИГУ войдутъ томы **VII-й** и **VIII-й,** состовляющіе монографію «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. (Исторія Новгорода, Пскова и Вятки).

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ КНИГУ войдутъ томы **IX-й, X-й** и **XI-й,** составляющіе монографію «Богданъ Хмельницкій».

ВЪ ПЯТУЮ КНИГУ войдутъ томы **XII-й, XIII-й** и **XIV-й,** содержащіе въ себѣ: *XII-й томъ:* Начало единодержавія въ древней Руси.—Гетманство Юрія Хмельницкаго.—Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ.—Исторія раскола у раскольниковъ.—Воспоминаніе о молоканахъ. *XIII-й томъ:* Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ.—Личность царя Ивана Васильевича Грознаго.—О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія.—Личности смутнаго времени.—Кто виноватъ въ смутномъ времени?—Великорусская народная пѣсенная поэзія. *XIV-й томъ:* Аѳанасій Филипповичъ.—Петръ Могила передъ судомъ изслѣдователей нашего времени.—Богданъ Хмельницкій—данникъ Оттоманской Порты.—О казакахъ.—Царевичъ Алексѣй Петровичъ.—Павелъ Полуботокъ.—Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица.—Самодержавный отрокъ.

ВЪ ШЕСТУЮ КНИГУ войдутъ томы **XV-й** и **XVI-й,** содержащіе въ себѣ: *XV-й томъ:* «Руина». Историческая монографія. 1663—1687 гг. (Гетманство Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича). *XVI-й томъ:* Мазепа и мазепинцы.

ВЪ СЕДЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы **XVII-й** и **XVIII-й,** составляющіе монографію подъ заглавіемъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и

ВЪ ВОСЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы **XIX-й, XX-й** и **XXI-й,** содержащіе въ себѣ: *XIX-й томъ*: Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.—Старинные земскіе соборы. *XX-й томъ:* Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *XXI-й томъ:* Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ „ИДЕАЛИСТКИ“.

I.

Рѣдко приходится встрѣчать людей, которые въ теченіе своей жизни такъ широко и разнообразно были знакомы съ знаменитыми людьми политическаго, философскаго, артистическаго и литературнаго міра, какъ Мальвида фонъ-Мейзенбугъ. Въ періодъ своей лондонской жизни она познакомилась съ Герценомъ, Мадзини, Сафи, она знала также Гарибальди, Орсини, Луи-Блана, Кошута, Ледрю Ролена и другихъ вожаковъ-эмигрантовъ европейской демократіи. Позже, переѣхавъ на континентъ, она сошлась близко съ Вагнеромъ и Ницше, также познакомилась съ Ренаномъ и Мишле. Вотъ почему мемуары Мейзенбугъ, гдѣ на ряду съ воспоминаніями автора, напечатано нѣсколько интересныхъ писемъ—главнымъ образомъ, письма Герцена и Мадзини, а также характерныя замѣтки по поводу тогдашняго европейскаго общества, представляютъ глубокій интересъ для всякаго читателя, интересующагося жизнью и психологіею великихъ людей. Легкость, изящество стиля, тонкая наблюдательность и чуткость, которыми проникнуты записки Мейзенбугъ, увеличиваютъ интересъ къ нимъ и говорятъ о ней, какъ о выдающейся художницѣ.

Мемуары Мейзенбугъ вышли на нѣмецкомъ языкѣ еще въ семидесятыхъ годахъ, но два года тому назадъ они были нѣсколько исправлены и переведены на французскій языкъ съ предисловіемъ Габріеля Моно—зять Герцена **).

Но прежде чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ г жи Мейзенбугъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ авторѣ. Личность г-жи Мейзенбугъ представляетъ интересъ какъ сама по себѣ, такъ и съ точки зрѣнія исторіи развитія нѣмецкой женщины вообще. Юность ея переноситъ насъ ко времени сороковыхъ годовъ, когда либеральное движеніе проникло въ слой самой нѣмецкой аристократіи и повело за собою фатальный разладъ «отцовъ» и «дѣтей». Мальвида фонъ-Мей-

---

*) Она тоже авторъ одного романа «Phoedra», вышедшаго на нѣмецкомъ языкѣ въ 1885 г. и многихъ разсказовъ.

**) „Mémoires d'une idealiste par Malvida M.“.

зенбугъ покинула родной кровъ, чтобы завоевать себѣ независимое положеніе. Быть самостоятельной, самой отвѣчать за себя, казалось ей необходимымъ условіемъ для развитія личности. Но нужно было имѣть силу характера, духовную устойчивость и смѣлость, чтобы порвать съ обстановкою, въ которой воспиталась Мальвида Мейзенбугъ. Она была дочерью министра гессенъ-кассельскаго владѣтеля, выросла при дворѣ во всей роскоши великосвѣтскаго общества. Мейзенбугъ называетъ себя «идеалисткой», и, дѣйствительно, ея воспоминанія, являющіяся въ то же время и ея автобіографіею, рисуютъ ее намъ, какъ женщину съ широкими духовными запросами. Она является натурою по преимуществу спокойной, уравновѣшенной, но созерцательной. Она поглощена своею внутреннею жизнью, ищетъ постоянно «самый лучшій идеалъ», стремясь къ которому человѣческая личность можетъ достигнуть своего полнаго совершенства. Но прежде чѣмъ остановиться на этой цѣли, Мейзенбугъ пережила глубокую внутреннюю борьбу, какую переживаютъ сильныя, богато одаренныя натуры, склонныя къ самосозерцанію. «Двѣ писательницы,—говоритъ она,—оказали сильное вліяніе на мою молодость: Беттина фонъ Арнимъ и Рахель. Мнѣ нравился больше серьезный и философскій духъ Рахель Фарнгагенъ, чтеніе которой вызывало у меня глубокія душевныя волненія. Но поэтическое и очаровательное воображеніе Беттины переносило меня къ «грезамъ объ одной лѣтней ночи». Она будила мое воображеніе, которое я старалась подавить въ мучительной борьбѣ. Больше, чѣмъ когда-либо, я терзалась какимъ-то страннымъ дуализмомъ. Съ одной стороны я стремилась къ мистическому аскетизму, а съ другой я чувствовала, что моя счастливая натура, любящая жизнь, способна создать себѣ блестящее будущее. Въ этомъ настроеніи духа я написала своему старшему брату письмо, которое привело его въ восхищеніе. Нѣсколько дней спустя, аскетическія идеи и сомнѣнія опять взяли надо мною верхъ. Я ему написала второе письмо, въ которомъ горько обвиняла себя въ воображаемыхъ прегрѣшеніяхъ, умоляя его меня поддержать. Къ тому времени я прочла первый разъ гётевскіе «Wahrheit und Dichtung». Онъ описывалъ тамъ, подобную моей, внутреннюю борьбу и говорилъ, что вышелъ изъ нея, бросивъ окончательно внутреннее созерцаніе и сдѣлавъ поворотъ «изнутри кнаружи». То же самое говорилъ онъ и въ своихъ «Бесѣдахъ съ Экерманномъ». «Всякая душа, полная идеальными впечатлѣніями, возвращается отъ самое себя къ внѣшнему міру». Эти нѣсколько словъ и спасли меня... Я рѣшила испытать то же самое, отвернуться отъ бездны своей собственной души, уйти отъ пустого и безысходнаго самосозерцанія къ наблюденію внѣшняго міра, къ свѣту, который даетъ наука, и къ практической, полезной дѣятельности. Только позднѣе я поняла, какіе два поэта являются типичными представителями этихъ двухъ направленій: Байронъ съ своимъ Манфредомъ и Гете съ своимъ Фаустомъ».

Однако, отвернуться отъ бездны своей «собственной души» — никогда не удалось нашей писательницѣ. Она не могла побѣдить свою созерцательную натуру и жить жизнью современнаго аѳинянина Гете. Она постоянно будетъ возвращаться къ «рефлексіямъ», которыя отравляли только молодость великаго нѣмецкаго писателя; въ концѣ концовъ, Мейзенбугъ находитъ успокоеніе въ жизни исключительно внутренней и легко мирится со всѣми трагическими событіями какимъ-нибудь софизмомъ. «Мое здоровье всегда было очень хрупкимъ, пишетъ немного дальше Мейзенбугъ,—и я провела лучшую часть своей жизни, терзаемая неслыханными страданіями. Я свыклась съ мыслью о смерти и она меня больше не пугала. Къ этому времени я прочла, что Нинонъ д'Анкло, находясь передъ лицомъ смерти, когда ей было шестнадцать лѣтъ, говорила окружающимъ: «Зачѣмъ вы плачете? Послѣ себя я оставляю только смертныхъ». Эти слова мнѣ очень понравились и я ихъ часто вспоминала. Я стала очень мягкой и спокойной, въ моей душѣ былъ миръ, а мира, прежде всего, я и желала. Въ семьѣ мнѣ даже шутя дали прозвище «умиротворительницы», потому что моя роль заключалась въ улаживаніи маленькихъ семейныхъ раздоровъ и соединеніи тѣхъ, которые окружали меня любовью и мягкостью...» Но въ этой любящей и мягкой душѣ скрывалась сильная, желѣзная воля, благодаря которой Мейзенбугъ вышла побѣдительницей изъ всѣхъ трудностей жизни.

Если мы отъ характера Мейзенбугъ перейдемъ къ ея общимъ взглядамъ, то найдемъ большія колебанія въ связи съ тѣми вліяніями, которымъ подвергался авторъ. Во время своего пребыванія въ Германіи она находилась подъ вліяніемъ одного близкаго своего друга Теодора Альтгауза и дѣлается матеріалисткой. Чтеніе Фейербаха и вліяніе Герцена усиливаютъ эту тенденцію. Позже, подъ вліяніемъ Мадзини, она дѣлается спиритуалисткой, вліяніе Вагнера развиваетъ въ ней вкусъ къ философіи Шопенгауэра. Постоянное стремленіе подавить свою физическую личность духовной находитъ свое теоритическое оправданіе въ формулѣ Шопенгауэра: «отрицаніе воли жизни». Эта формула кажется ей настоящимъ откровеніямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она сохранила всѣ гуманитарныя и либеральныя идеи своей юности и свое глубокое убѣжденіе въ необходимости дать женщинѣ больше мѣста въ общественной жизни. Этой послѣдней идеѣ она служила не только своими сочиненіями, но и личнымъ примѣромъ.

II.

Мальвида Мейзенбугъ родилась въ Касселѣ въ 1817 г. Ея отецъ, какъ мы уже замѣтили, былъ первымъ министромъ и ближайшимъ другомъ гессенъ-кассельскаго курфюрста, одного изъ тѣхъ «микроскопическихъ» государей, владѣнія которыхъ охватываютъ всего нѣ-

*

сколько квадратныхъ миль». Жизнь семьи Мейзенбугъ протекала при дворѣ, а потому на ней должны были отразиться всѣ перемѣны, происходившія въ царствующемъ домѣ, и, между прочемъ, перемѣны связанныя съ событіями 1848 г. Впрочемъ, къ этому послѣднему перевороту Мальвида была уже подготовлена: она его встрѣтила съ большой радостью. Ея демократическое воспитаніе было сдѣлано подъ вліяніемъ демократа Теодора Альтгауза, сына кассельскаго пастора. Отношенія Мейзенбугъ съ Альтгаузомъ, сначала дружескія, приняли потомъ болѣе сердечный характеръ: это была ея первая и послѣдняя любовь. Она и вызвала первыя столкновенія молодой Мальвиды съ ея родителями, которые никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что «презрѣнный демократъ» можетъ сдѣлаться ихъ зятемъ. Борьба противъ этой «условной лжи» своего сословія ускорила у Мальвиды внутренній поворотъ, начавшійся въ ней подъ вліяніемъ Альтгауза. Позже самъ Альтгаузъ перемѣнилъ свои чувства къ Мальвидѣ, что было для нея самымъ сильнымъ ударомъ въ жизни. Но она мужественно старалась побороть въ себѣ чувство горечи и разочарованія и сохранила къ нему свои дружескія отношенія до конца его жизни *). Вмѣстѣ съ Альтгаузомъ она пережила всѣ надежды и разочарованія тогдашняго либеральнаго нѣмецкаго общества: блестящее начало франкфуртскаго парламента и послѣдующія затѣмъ пораженія демократическихъ элементовъ.

Еще наканунѣ революціонныхъ событій Мальвида потеряла своего отца, послѣ чего ея отношенія съ матерью и другими родными сдѣлались еще болѣе натянутыми. Въ Германіи наступила реакція, Мейзенбугъ думала послѣдовать примѣру многихъ нѣмецкихъ демократовъ, которые эмигрировали въ свободную Америку. Но просьбы матери остановили Мальвиду. Она поступила учительницей въ гамбургскую «свободную религіозную общину», одно изъ тѣхъ педагогическихъ заведеній, которыя были основаны молодыми нѣмецкими либералами, направившими всѣ свои надежды теперь на подготовку юношества. Община преуспѣвала. Ея пріютъ и ея фребелевскіе классы, только что появившіеся тогда, скоро наполнились дѣвочками и мальчиками. Въ педагогическомъ персоналѣ существовала самая тѣсная солидарность. Преподаваніе велось по новѣйшимъ способамъ. Но община скоро должна была закрыть свои двери, а ея члены разойтись по всѣмъ концамъ міра. Это произошло по требованіямъ прусскаго правительства, давленію котораго гамбургскій сенатъ не могъ или не хотѣлъ сопротивляться.

Изъ Гамбурга Мейзенбугъ уѣзжаетъ въ Берлинъ, но отсюда послѣ обыска и допроса, принуждена была вскорѣ бѣжать въ Лондонъ. Бла-

*) Альтгаузъ умеръ въ началѣ 1850 года отъ чахотки, развитіе которой ускорило тюремное заключеніе.

годаря своимъ связямъ, и въ особенности своему знакомству съ семействомъ нѣмецкаго эмигранта Кинкеля, Мейзенбугъ получила нѣсколько уроковъ и такимъ образомъ осуществилась ея мечта жить своимъ трудомъ. Здѣсь же у Кинкеля она встрѣтилась въ первый разъ съ Герценомъ, въ домъ котораго вошла позже, какъ воспитательница его дѣтей. Еще прежде чѣмъ она лично познакомилась съ Герценомъ, ей попалось въ руки въ Гамбургѣ его сочиненіе: «Съ того берега», которое произвело на нее очень сильное впечатлѣніе. Какъ у многихъ демократовъ, такъ и у Мейзенбугъ пораженіе 1848 года вызвало большое разочарованіе. Она потеряла вѣру въ способность Западной Европы осуществить идеалы, волновавшіе лѣвое крыло тогдашней европейской демократіи. Книга Герцена, проникнутая тѣмъ же чувствомъ, отвѣчала вполнѣ настроенію вышеупомянутой части европейскихъ демократовъ. Она давала что-то бóльшее. Герценъ замѣнилъ старую иллюзію новой, намекая на особыя условія самобытнаго востока, который является какъ бы предопредѣленнымъ исполнить то, что оказалось не по силамъ Западной Европѣ. Но мы предоставляемъ здѣсь слово самой Мейзенбугъ: «Мнѣ часто приходило въ голову, что Европа по своему географическому очертанію можетъ способствовать лишь развитію индивидуализма; наоборотъ, Россія и Америка, благодаря своему особому географическому устройству, казалось мнѣ, пригодны для осуществленія идеала, которымъ я восхищалась. Такимъ образомъ, интересъ къ Россіи существовалъ уже у меня, когда я открыла книгу Герцена. Рабочій, одолжившій мнѣ ее, принадлежалъ къ соціальной фракціи и поэтому я ожидала найти въ ней изложеніе какой-нибудь новой соціальной системы. Однако, только что я начала читать, а ужъ съ первыхъ строкъ увидѣла, что здѣсь идетъ рѣчь не о какой-нибудь абстрактной теоріи, а о чемъ-то другомъ. Я почувствовала въ этихъ строкахъ бурный потокъ пережитыхъ впечатлѣній, глубокихъ страданій, я нашла тамъ горячую любовь къ человѣчеству, безжалостную логику, захватывающую сатиру и холодное презрѣніе, подъ которымъ скрывалась обманутая вѣра и отчаянный скептицизмъ. Все это возбуждало въ моей душѣ тысячи воспоминаній, объясняло, освѣщая ихъ свѣтомъ истины и анализа, все, что было пережито, начиная съ надеждъ, вызванныхъ событіями февраля и марта 1848 года и кончая вѣнскимъ разгромомъ и 2-мъ декабря, которыя сопровождались избіеніями и ссылками. Я была ошеломлена, читая, какъ на душѣ русскаго отразилось наше пораженіе, наши несбывшіеся идеалы, поруганныя мечты, отчаяніе наше и наша покорность... Все это было написано 27-го іюля 1848 года; Герценъ видѣлъ самъ іюльскую рѣзню и своимъ проникновеннымъ взоромъ могъ предвидѣть все то, что можно было ожидать отъ французской республики раньше ея побѣды надъ римской республикой (здѣсь идетъ рѣчь о французской экспедиціи, посланной помогать возстановленію папской власти,

покрывшей Францію несмываемымъ позоромъ). Герценъ показалъ, что подъ новымъ названіемъ скрывается все тотъ же старый порядокъ вещей. Наряду съ этими вулканическими вспышками пламенной души, Герценъ даетъ интересныя свѣдѣнія объ отдаленномъ восточномъ народѣ, который подъ историческими надстройками сохранилъ свою оригинальную культуру, глубоко отличающуюся отъ нашей и, укрѣпившись за неприступной крѣпостью своей поземельной общины, ожидаетъ лучшихъ условій для своего будущаго развитія».

Легко понять, съ какимъ волненіемъ Мейзенбугъ, отзывающаяся съ энтузіазмомъ о сочиненіи Герцена «Съ того берега», ждала встрѣчи съ нимъ. «Я была въ восторгѣ, когда, однажды, бывъ у Кинкеля, вдругъ услыхала: «Александръ Герценъ пріѣхалъ въ Лондонъ». У Кинкеля нѣсколько дней спустя она его и встрѣтила. «Я подходила къ его квартирѣ съ страстнымъ нетерпѣніемъ. Застала тамъ генерала Гауга, одного изъ друзей Герцена и сына послѣдняго. Наконецъ, вошелъ и самъ Герценъ. Мнѣ представился статный, крѣпко сложенный человѣкъ съ черными волосами и такой же бородой, съ расплывчатыми чертами лица, характерными для славянина и съ глазами необыкновеннаго блеска; никогда я не видѣла глазъ, такъ ярко выражавшихъ малѣйшіе оттѣнки въ душевномъ настроеніи человѣка. Послѣ обычнаго привѣтствія между нами завязался разговоръ, все болѣе и болѣе оживлявшійся. Я замѣтила въ немъ съ первыхъ же минутъ знакомства блестящій, острый умъ, который поражалъ меня, когда я читала его произведенія, но Герценъ еще ярче плѣнялъ меня силой своей логики въ разговорѣ».

Во второй разъ Мейзенбугъ встрѣтилась съ Герценомъ на одномъ рефератѣ Кинкеля, а въ третій разъ на Highat'скомъ кладбищѣ на похоронахъ ихъ общаго знакомаго г-на фонъ-Брюнингъ. «Онъ съ трудомъ удерживалъ свое волненіе и, пожимая мнѣ руку, сказалъ: «Ровно годъ тому назадъ я такъ же стоялъ возлѣ одной могилы съ моими сиротами».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого Мейзенбугъ получаетъ письмо отъ Герцена, гдѣ онъ спрашиваетъ ея совѣта, какъ устроить ему его дѣвочекъ, которыя должны были пріѣхать изъ Парижа. Съ тѣхъ поръ между ними устанавливаются опредѣленно дружескія отношенія. Это былъ самый критическій періодъ въ жизни Герцена. Пребываніе во Франціи навело уныніе на Герцена, внесло въ его душу горечь и разочарованіе. Сердце его стремилось на востокъ, утѣшало себя надеждами, но надежды эти были все же скорѣй теоретическія. Все болѣе и болѣе отрицательно относился онъ къ организованнымъ политическимъ партіямъ и сталъ сознательно или безсознательно склоняться къ Прудону и Максу Штирнеру. Мейзенбугъ, при первой своей встрѣчѣ съ нимъ послѣ разговора, подняла тостъ, произнося слово,

употребленное впервые Прудономъ, какъ политическій пароль. Это понравилось Герцену и онъ выразилъ свое согласіе по обыкновенію, съостривъ: «не я первый произнесъ это слово!» Къ идейной неопредѣленности прибавлялся еще упадокъ вѣры въ самого себя. Годъ тому назадъ онъ перенесъ тяжелую утрату въ трагической смерти своей жены Натальи Герценъ. Надо было еще годъ, два, чтобы Герценъ могъ оправиться отъ этого удара. Главной его заботой теперь было воспитаніе его двухъ дѣвочекъ, это время относится къ 1852—1853 году. Ему хотѣлось взять ихъ къ себѣ въ Лондонъ и заняться ихъ воспитаніемъ. Но не считая себя хорошимъ педагогомъ, онъ не рѣшался взять на себя такую отвѣтственность и думалъ помѣстить ихъ въ пансіонъ. Однако и это ему не улыбалось. Его пугало «англійское лицемѣріе», господствовавшее какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ воспитательныхъ учрежденіяхъ; вотъ почему раньше чѣмъ рѣшиться, какъ поступить, онъ обратился съ вышеупомянутымъ письмомъ къ Мейзенбугъ, компетентность которой въ дѣлѣ воспитанія ему была извѣстна. Мейзенбугъ отвѣтила дружескимъ письмомъ, сильно тронувшимъ Герцена. Въ ея лицѣ онъ увидѣлъ не только политическаго единомышленника, но и человѣка, сочувствующаго ему, какъ личности. «Ваша дружба напоминаетъ мнѣ мою юность, пишетъ онъ, это дружба активная, дружба настоящая, единственная, которую я понимаю и которой способенъ отдаться. Пассивную дружбу, т.-е. дружбу разсудочную, сотрудничество, заговорщичество, франкъ-масонство, политическую солидарность можно встрѣтить повсюду вокругъ себя, но это все очень неопредѣленно и очень отвлеченно. Я вамъ благодаренъ отъ всей души, такъ какъ вы мнѣ напомнили о существованіи въ этомъ vacuum horrendum, которымъ насъ окружаетъ міръ, другую привязанность, болѣе личную, болѣе человѣческую. Вѣрьте мнѣ, несмотря на мою наружность, напоминающую Фальстафа,—нѣтъ чувства, какъ возвышенно оно ни было бы, которое не нашло бы отголоска въ моемъ сердцѣ». Нѣсколько дней спустя послѣ этого письма Герценъ явился съ своей младшей дочерью къ Мейзенбугъ. Съ тѣхъ поръ она начала часто бывать у него. Онъ знакомилъ ее съ русской литературой, указывалъ ей на историческое значеніе Пушкина и на громадное различіе существующее между нимъ и Байрономъ, въ подражаніи которому обвиняли русскаго поэта. Онъ указывалъ на различіе между Онѣгинымъ и Донъ-Жуаномъ. Онѣгинъ выросъ на русской почвѣ, и чтобы ни говорили, а онъ не есть байроновскій Донъ-Жуанъ. Однимъ словомъ Герценъ передъ ней излагалъ свои взгляды, которые потомъ болѣе одробно онъ развилъ въ своемъ сочиненіи «Le developpement des idées en Russie». Подъ руководствомъ Герцена Мейзенбугъ читаетъ и Лермонтова, котораго она ставила выше Пушкина, находя въ его поэзіи много общаго съ поэзіей Леопарди: «Какъ у одного, такъ и у другого поэзія и вѣра

находятся въ постоянной борьбѣ съ скептицизмомъ». Здѣсь, въ домѣ Герцена Мейзенбугъ знакомится со многими эмигрантами и между прочимъ съ Мадзини и Сафи.

Такъ шло время всю весну и часть лѣта, когда Мейзенбугъ должна была уѣхать на берегъ моря. Герценъ обѣщалъ привезти къ ней своихъ дѣтей. Однако ожиданія Мейзенбугъ не оправдались. Время шло, а отъ Герцена не было никакого извѣстія. Тогда она ему пишетъ, спрашивая его въ полушутливой формѣ, какія развлеченія такъ долго задержали его въ Лондонѣ? «Только что получилъ ваше письмо,—и ты Брутъ?»—пишетъ Герценъ. «Мнѣ казалось, что вы знаете меня больше, чѣмъ кто-либо другой въ Лондонѣ, а между тѣмъ вы то же думаете, что кофейная Very, рестораны Piccadilly, Regent-Street, толпа, бесѣды, т.-е. то единственное, что я имѣю здѣсь, мнѣ такъ необходимо? Вамъ наша жизнь извѣстна; она сломана, сокрушена, она похожа на тѣ старые дворцы, оставшіеся отъ далекаго прошлаго, гдѣ обитаемъ только одинъ маленькій уголокъ. Какія удовольствія еще могутъ меня привязывать къ этой жизни? Одну только вещь люблю я фанатически въ мірѣ—это мою независимость, но развѣ вы стѣсняли бы меня тамъ, на берегу моря? Есть еще одна вещь—это дѣти, но они вѣдь тоже будутъ тамъ. Нѣтъ! Вы были неправы, судя такъ обо мнѣ.

«Я зналъ другую широкую жизнь, жизнь увлеченія и счастья: tempi passati! Единственная вещь, которая мнѣ остается, это страсть къ борьбѣ и я буду бороться. Борьба вотъ моя поэзія. Все же остальное мнѣ почти безразлично. И вы думаете, что для меня важно быть въ Лондонѣ или Broadstairs'ѣ, быть на Нюродѣ или же въ Ramsgate? Какъ-то въ разговорѣ я вамъ заявилъ, что вы единственный человѣкъ, съ которымъ я разговариваю съ открытой душой не только объ общихъ дѣлахъ (то, что я дѣлаю съ каждой уважаемой личностью), но и о частныхъ. Это удовольствіе широко замѣнило бы, кажется мнѣ, все остальное».

Послѣ этого письма опять наступаетъ молчаніе. Мейзенбугъ опять пишетъ, замѣчая Герцену на этотъ разъ, что она надѣется, что отчаяніе, которому онъ предается, не поведетъ его къ самоубійству. Черезъ нѣсколько дней Герценъ отвѣчаетъ ей. Письмо это имѣетъ еще болѣе важное автобіографическое значеніе, но оно также къ сожалѣнію не помѣчено числомъ. «Прежде всего, пишетъ онъ, я получилъ письма изъ Россіи, извѣщающія меня объ одномъ визитѣ, котораго я ожидалъ съ трепетомъ на сердцѣ; лишь вчера узналъ, что этотъ визитъ состоится только въ сентябрѣ. Съ другой стороны «Morning Adviser» напечаталъ статью, гдѣ называетъ Бакунина сыщикомъ, статья была подписана Г. М. Нужно было задать хорошую отповѣдь этому Г. М. и ждать его отвѣта. Однимъ словомъ я былъ занятъ, вовлеченъ во всякаго рода непріятную полемику, поэтому не

былъ расположенъ писать. Такъ проходили дни, а вы все не имѣли отъ меня никакихъ извѣстій.

«Самоубійство? Нѣтъ, человѣкъ не убиваетъ себя по разсудку; пуля не есть силлогизмъ; разъ только въ своей жизни я думалъ о самоубійствѣ и объ этомъ никто никогда не зналъ. Я стыдился признаться въ этомъ и поступать подобно тѣмъ несчастнымъ, которые эксплуатируютъ самоубійство. Кромѣ того, у меня больше нѣтъ достаточно сильныхъ страстей, которыя бросили бы меня въ эту крайность; я даже чувствую какое-то ироническое желаніе, какое-то любопытство слѣдить за ходомъ событій. Два года тому назадъ я писалъ, посвящая это, одному другу: «Для себя самого я больше ничего не ожидаю, ничто больше не въ состояніи вызвать ни великую радость, ни великое удивленіе. Я достигъ той степени равнодушія, покорности и скептицизма, при которыхъ переживаютъ всѣ удары судьбы, хотя я и жить не желаю долго, и умереть не желаю сейчасъ. Конецъ придетъ, какъ пришло и начало, случайно, безъ видимой, разумной причины. Я не желалъ бы ни ускорить его, ни избѣжать».

«Эти строки являются искреннимъ выраженіемъ моей мысли. Обдумайте ихъ. Вы могли бы упрекнуть меня въ усталости, если бы я жаловался, но я не жалуюсь никогда. Развѣ только, когда дружеская рука положитъ свой палецъ въ мою рану. Обыкновенно я говорю о переворотахъ, демократическихъ комитетахъ, о Миланѣ, объ Америкѣ и пр. Есть люди, какъ напримѣръ Д... и С... считающіе меня счастливымъ человѣкомъ на землѣ; другіе же, замѣчая во мнѣ нѣкоторую задумчивость, приписываютъ ее честолюбивымъ замысламъ. Такъ думаетъ большинство поляковъ.

«Бываютъ моменты, когда въ вашей душѣ разыгрывается буря, когда вы чувствуете необходимость въ сочувствіи близкой души, въ искреннемъ пожатіи руки, иногда въ душѣ такъ много накопляется: тогда я брожу по улицамъ города; я люблю Лондонъ ночью, тогда я хожу, хожу, не останавливаясь. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я дошелъ до самого моста Ватерло; я былъ одинъ, я сѣлъ, на душѣ было такъ тяжело. Подумаешь, младенецъ сорока лѣтъ!

«Но это состояніе скоро прошло. Вино для меня даръ неба. Одинъ стаканъ приводитъ меня въ себя... Но довольно, довольно объ этомъ. Все это такъ извѣстно. Въ любомъ романѣ вы найдете подобныя строки. Я не люблю лирическихъ изліяній».

Черезъ нѣсколько недѣль Мейзенбугъ возвратилась въ Лондонъ и возобновила свою прежнюю жизнь, проводя бо́льшую часть времени въ семействѣ Герцена. Каждый день она давала урокъ его младшей дочери и, наконецъ, совсѣмъ переселилась къ нимъ. Это случилось такъ. Какъ-то вечеромъ, она зашла къ Герцену, нашла его очень разстроеннымъ, онъ былъ грустенъ, чѣмъ-то озабоченъ. Когда Мейзенбугъ собралась уходить, онъ вышелъ проводить ее. Прощаясь съ

ней, онъ вдругъ заплакалъ. Объясняя причину своего волненія, онъ говорилъ о полномъ разстройствѣ домашней жизни, о своей абсолютной неспособности руководить воспитаніемъ дѣтей. «Я этого не заслужилъ! Я этого не заслужилъ!» — повторялъ Герценъ. «Его видъ меня крайне взволновалъ», — пишетъ М. «Всегда тяжело видѣть плачущаго мужчину, а въ особенности такого, какъ Герценъ, всегда сдержаннаго, всегда далекаго отъ какихъ бы то ни было сентиментальныхъ вспышекъ, всегда поглощеннаго общественными интересами и, казалось, чуждаго всему, что относилось къ кругу его домашней жизни. Я была глубоко тронута его довѣріемъ, и на вопросъ: «что вы мнѣ посовѣтуете?» отвѣтила ему: «я подумаю».

На другой же день она написала Герцену письмо съ предложеніемъ поселиться у него, чтобы руководить его дѣтьми, но съ условіемъ, чтобы они, Герценъ и Мейзенбугъ, оставались вполнѣ независимыми, иначе они возвратятся къ прежней жизни. Герценъ отвѣтилъ полнымъ согласіемъ. Онъ самъ много разъ хотѣлъ предложить Мейзенбугъ то же самое, но не рѣшался, боясь ограничить ея или свою собственную независимость. «Я боюсь всѣхъ, каждаго человѣка боюсь, и даже васъ боюсь,—писалъ ей Герценъ.—Но испробуемте вашъ проектъ! Вы мнѣ окажете величайшую услугу, вы спасете моихъ дѣтей. Какъ вы уже не разъ слышали отъ меня и наблюдали сами, у меня нѣтъ педагогическаго таланта, но я готовъ вамъ помогать и дѣлать все, что вы найдете необходимымъ».

Вступленіе М. въ домъ Герцена ознаменовалось цѣлымъ рядомъ «маленькихъ реформъ». Подобно многимъ русскимъ, своей частной жизнью Герценъ напоминалъ Обломова. Крайне инертный, небрежный и лѣнивый въ хозяйственныхъ дѣлахъ, онъ былъ мужественъ, предпріимчивъ, оригиналенъ, полонъ энергіи, когда дѣло касалось общественныхъ интересовъ. «Я скоро замѣтила въ Герценѣ,— пишетъ М., одну черту, удивительную въ человѣкѣ неутомимомъ въ спорахъ, съ твердыми убѣжденіями и съ тѣмъ трудолюбіемъ, которое такъ часто встрѣчается въ сильныхъ творческихъ талантахъ. Этотъ человѣкъ въ дѣлахъ обыденной жизни пассовалъ передъ самой незначительной перемѣной въ своей домашней жизни. Онъ предпочиталъ переносить тысячи неудобствъ, только бы не тратить энергіи на свое устройство, и потому Герценъ, хотя и сильно любилъ свою независимость, часто являлся жертвой обстоятельствъ».

Мейзенбугъ взялась энергично за «введеніе порядковъ». Прежде всего былъ положенъ конецъ многочисленнымъ визитамъ эмигрантовъ и друзей, которые отнимали все время у Герцена. Для пріемовъ были назначены опредѣленные дни. Только для двухъ изъ друзей Герцена было сдѣлано исключеніе: для одного поляка и для одного русскаго, которые во всякое время дня и ночи свободно могли приходить. Это были—Станиславъ Ворцель, извѣстный польскій эмигрантъ, о которомъ

съ такимъ теплымъ чувствомъ говоритъ Герценъ въ «Былое и Думы», и Энгельсонъ — русскій эмигрантъ и другъ Петрашевскаго. Къ этому маленькому обществу, часто собиравшемуся въ салонѣ у Герцена, нужно прибавить двухъ французскихъ эмигрантовъ: Жозефа Доменже, домашняго учителя сына Герцена, и Бартелеми, стараго заговорщика, рабочаго изъ Марселя, который такъ трагически закончилъ свою бурную жизнь въ Лондонѣ при обстоятельствахъ, разсказанныхъ самимъ Герценомъ.

Изъ болѣе рѣдкихъ посѣтителей Герцена нужно отмѣтить Мадзини, его близкаго друга, знаменитаго поэта и члена тріумвирата римской республики 1848 г. — Сафи и, наконецъ, Луи-Блана. Часто темой споровъ Герцена съ Мадзини являлся матеріализмъ, горячо оспариваемый Мадзини; Сафи скорѣй былъ склоненъ къ положеніямъ Герцена, но въ большинствѣ случаевъ онъ лишь слѣдилъ, молча, за споромъ двухъ противниковъ. По своему характеру, Сафи вообще былъ молчаливъ и способенъ былъ по цѣлымъ часамъ въ обществѣ не сказать ни слова. Онъ забывалъ о присутствующихъ, переставалъ слушать и отдавался своимъ мечтамъ. Мейзенбугъ разсказываетъ о немъ характерный анекдотъ. Однажды у Герцена какой-то словоохотливый французъ разсказывалъ Сафи въ теченіе двухъ часовъ свои воспоминанія. Казалось, Сафи слушалъ его со вниманіемъ. Когда сѣли за столъ, Герценъ, подозрѣвая, что безконечный разсказъ француза наскучилъ Сафи, замѣтилъ ему, смѣясь: «Ну теперь, Сафи, вы должны знать подробно исторію XII-го парижскаго округа». — «Я ничего не слушалъ», отвѣтилъ тотъ вполнѣ спокойно.

Французы вообще отличаются словоохотливостью. Луи-Бланъ тоже не былъ лишенъ этой слабости. Особенно онъ любилъ разсказывать о популярности, которой пользовался среди парижскихъ рабочихъ. Однажды онъ разсказалъ, какъ, гуляя съ какимъ-то членомъ временнаго республиканскаго правительства 1848 г., къ которому, какъ извѣстно, принадлежалъ и Луи-Бланъ, послѣдній замѣтилъ, что недалеко отъ него шелъ все время какой-то рабочій въ блузѣ. Въ эту минуту къ Луи-Блану подошла нищая съ протянутой рукой. Онъ началъ искать деньги въ карманѣ и, не находя ихъ, хотѣлъ идти дальше. Но къ нему подошелъ вышеупомянутый рабочій и, сунувъ ему въ руку нѣсколько су, сказалъ: «Не нужно, чтобы говорили, что Луи-Бланъ отказался подать милостыню нищей». Потомъ только Луи-Бланъ узналъ, что за нимъ всегда слѣдитъ рабочій, посланный своими товарищами, чтобы придти ему на помощь въ каждую минуту. Это очень льстило его тщеславію, которымъ онъ обладалъ въ не малой дозѣ. Такъ онъ искренно обидѣлся, когда кто-то ему замѣтилъ въ домѣ Герцена, что маленькая дочь послѣдняго любитъ его не за его лицо, а за синій фракъ и блестящія пуговицы. Прибавимъ, что Луи-Бланъ нравился дѣтямъ и своимъ маленькимъ ростомъ.

Въ такихъ разговорахъ проходили обѣды и вечера. Утра же посвящались исключительно работѣ: Герценъ все утро до обѣда занимался, не выходя изъ своей комнаты. Мейзенбугъ и Доменже въ это же время занимались съ дѣтьми. Послѣобѣденное время Герценъ часто посвящалъ своему сыну, читая съ нимъ классиковъ и въ частности шиллеровскаго «Валенштейна» — пьесу, которую, по словамъ Мейзенбугъ, Герценъ любилъ больше всѣхъ современныхъ драматическихъ произведеній.

III.

Часто говорили они и о воспитаніи дѣтей. Разговоры, споры нерѣдко очень затягивались; и потомъ Герценъ, отправившись къ себѣ, писалъ все, что не успѣлъ высказать, дополнялъ сказанное. Впрочемъ, это было еще его юношеской привычкой. Одно такое письмо напечатано въ мемуарахъ Мейзенбугъ, но, къ сожалѣнію, какъ и другія его письма, оно не помѣчено числомъ; приблизительно, мы можемъ отнести его 1855 г. Автобіографическій интересъ этого письма заключается только въ слѣдующихъ строкахъ: «Я знаю, какимъ бременемъ легло на васъ взятое вами воспитаніе моихъ дѣтей. Я понимаю всю тяжесть его тѣмъ болѣе, что знаю ваши иллюзіи относительно меня. На словахъ и въ романахъ люди, которые остаются вѣрными своему несчастью, которые страдаютъ и къ которымъ судьба безпощадна, эти люди кажутся интересными, а въ дѣйствительности это не такъ; они просто люди больные, они капризны, а подчасъ и невыносимы. Протягивая мнѣ дружескую руку и беря на себя воспитаніе моихъ дѣтей, вы преслѣдовали двоякую цѣль. Вы хотѣли, какъ это вы часто говорили, вылечить меня самого; я васъ понимаю и горячо благодарю васъ за ваше поистинѣ дружеское ко мнѣ отношеніе. Но вамъ не удалось достигнуть своей цѣли, вы увидѣли, что насъ связываетъ только то, что одинаково дорого и свято намъ обоимъ, что насъ связываютъ еще личная взаимная, глубокая симпатія, но что во всемъ остальномъ мы стоимъ на противоположныхъ точкахъ. Я люблю моихъ дѣтей, берегу ихъ, это все, что остается мнѣ изъ поэзіи моей жизни. Дальше, я работаю, читаю «Таймсъ», люблю моихъ истинныхъ друзей, въ томъ числѣ и васъ, но все это не можетъ измѣнить меня, вылечить, возродить. Если бы вы ничего не требовали отъ жизни, тогда мы, въ лучшемъ случаѣ, походили бы на людей, спасшихся отъ кораблекрушенія, но потерявшихъ все. Но вы, вы имѣете право на счастье, неотъемлемое право, передъ вами есть будущее, у васъ есть желанія, которыя вы должны осуществить. И развѣ вы думаете, что я настолько эгоистъ, что въ глубинѣ души моей не страдаю при мысли о томъ, какой невыносимой должна казаться вамъ жизнь подъ этою проклятою кровлею». Отвѣтъ М. успокоилъ Герцена, и они продолжали ту же жизнь, но не долго.

Первая непріятность, нарушившая миръ маленькаго кружка, была исторія съ Энгельсономъ. По словамъ М. этотъ самъ по себѣ превосходный человѣкъ, былъ болѣзненно самолюбивъ, немного завистливъ и послѣднее время, задѣтый неуспѣхомъ помѣщенной имъ статьи въ первомъ номерѣ «Полярной Звѣзды», былъ страшно раздражителенъ. Однажды, разсказываетъ М., Энгельсонъ зашелъ къ Герцену и, не заставъ его дома, началъ рѣзко, раздраженно спорить съ М.; потомъ вдругъ вынулъ изъ кармана маленькій револьверъ, говоря: «Видите ли этотъ револьверъ, я его всегда ношу съ собою и не знаю, на что способенъ, когда дохожу до самозабвенія въ своей злости». М. просила Энгельсона не посѣщать ихъ больше, на что послѣдній, нѣсколько успокоившись, согласился.

Вскорѣ къ Герцену пріѣхалъ Огаревъ съ женою. Послѣдняя хотѣла сама руководить воспитаніемъ его дѣтей, что повело къ столкновеніямъ съ М., и М. принуждена была покинуть семейство Герцена. Еще раньше самъ Герценъ убѣдившись, что такая жизнь посулитъ только одни огорченія М., написалъ ей письмо. «Онъ хотѣлъ придать моему отъѣзду,—пишетъ она,—праздничный характеръ. Я сама понимала что оставаться мнѣ дальше было невозможно, устраивать же праздничный отъѣздъ я считала лишнимъ и невозможнымъ, потому что мнѣ тяжело было; не съ спокойнымъ сердцемъ уѣзжала я, а переполненнымъ страданіемъ». И она уѣхала, не дождавшись возвращенія Герцена, который въ это время не былъ дома. «Не уѣзжайте, это принесетъ несчастье всѣмъ», говорилъ его слуга итальянецъ, когда она, уже собравшись съ вещами, уходила изъ квартиры. Въ тотъ же вечеръ къ ней пришли Огаревъ съ сыномъ Герцена и съ письмомъ отъ послѣдняго. «Со слезами на глазахъ я читалъ ваше письмо,—писалъ Герценъ,—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ: не такъ должны были мы разлучиться. Но если это облегчило ваше тяжелое настроеніе, пусть будетъ такъ, какъ вы хотѣли. Но я хочу, чтобы наша разлука не была размолвкой. Огаревъ и Александръ принесутъ вамъ больше, чѣмъ мое письмо: они должны засвидѣтельствовать вамъ мою глубоко-искреннюю дружбу. Да, въ извѣстномъ смыслѣ вы правы; хорошо разстаться такъ молчаливо, глазъ-на-глазъ съ дѣтьми, ради которыхъ вы переступили порогъ этого дома. Я принимаю ваши благословенія для дѣтей, а для себя я прошу вашу дружбу. Вашъ братъ и другъ А. Герценъ».

Но ни новыя занятія, ни кругъ друзей, какой былъ у М. въ Лондонѣ, не могли заставить ее забыть тихіе дни, проведенные возлѣ дѣтей Герцена. Она искренно привязалась къ нимъ и особенно къ младшей дѣвочкѣ Ольгѣ. Она готова была поступиться своею независимостью, только бы возвратиться въ этотъ домъ, который сдѣлался для нея роднымъ, дорогимъ. Въ такомъ духѣ она написала Герцену. Онъ отвѣтилъ ей. «Нѣтъ, я много думалъ, обдумывалъ ваше предположеніе и нахожу, что вы не совсѣмъ отчетливо представляете его себѣ, такая

жизнь будетъ невыносимою, она откроетъ ваши только что зажившія раны. Мы будемъ часто видѣться съ вами. Будемъ вмѣстѣ читать, разговаривать, переводить съ русскаго. Всегда вы найдете во мнѣ вашего брата. Прощайте. Ну, что вы скажете, господа клеветники? Дружба взяла верхъ». Дѣйствительно «дружба взяла верхъ». Г. вступаетъ въ переписку съ М. Онъ ей пишетъ, между прочимъ, что хотѣлъ поѣхать въ Парижъ, но французское посольство въ Лондонѣ отказалось визировать его паспортъ, «какъ опасной личности, путешествующей съ политическими цѣлями и подписывающей свои литературныя произведенія именемъ Искандеръ». Еще въ то время, какъ Мейзенбугъ жила въ домѣ Герцена, она начала переводить съ нѣмецкаго «Записки Дашковой о царствованіи Екатерины II». Теперь Герценъ послалъ написанное имъ введеніе къ запискамъ.

Переводъ этотъ былъ изданъ фирмой Гоффманъ-Кампе. По поводу введенія Герцена, Кампе написалъ М., что онъ «готовъ издавать все, что выходитъ изъ-подъ пера Герцена, который уже пріобрѣлъ себѣ права гражданства въ нѣмецкой литературѣ». Въ своихъ письмахъ къ М. Герценъ жалуется на старость и на переутомленіе, тѣмъ не менѣе онъ теперь работаетъ больше, чѣмъ когда-либо. Успѣхъ только что основаннаго «Колокола» наложилъ на него важныя обязанности. Но это все же не мѣшало ему слѣдить за европейской литературой и изрѣдка дѣлиться своими впечатлѣніями съ М. На просьбу послѣдней поскорѣе выслать ей только что вышедшую книгу Прудона «De la justice», Герценъ отвѣчаетъ: «Давно я не читалъ книги, которая такъ заставляла бы меня страдать, какъ эта книга Прудона. Римскій міръ умеръ, это будетъ ему надгробной плитой, но и самъ Прудонъ, подобно женѣ Лота, превращается въ каменную статую; послѣ того, какъ Прудонъ все понялъ, онъ кончаетъ тѣмъ, что приноситъ человѣка въ жертву семьѣ и этимъ надѣется водворить царство справедливости на землѣ! О третьей части, исключая только о прогрессѣ, можно сказать только одно: она печальна, печальна, печальна. Это дряхлый старикъ, пишущій свое завѣщаніе. Человѣкъ, который способенъ наполнить цѣлый томъ (т.-е. 200 страницъ) римско-католическими нелѣпостями противъ женщинъ, не можетъ называться свободнымъ человѣкомъ». Этотъ рѣзкій отзывъ объ узкихъ, мелко-буржуазныхъ взглядахъ Прудона на женщину очень характеренъ для Герцена. Несмотря на пережитыя Герценомъ всякаго рода умственныя и душевныя настроенія, въ немъ сохранился духъ бывшаго сенъ-симониста.

Хорошія отношенія, установившіяся у М. съ Герценомъ, опять были нарушены, благодаря несчастной привычкѣ Герцена шутить по поводу всего. Случилось это такъ. Мейзенбугъ уѣхала въ Гастингсъ съ намѣреніемъ долго пожить тамъ, но тоска полнаго одиночества заставила ее снова возвратиться въ Лондонъ. Всѣ друзья возрадовались ея возвращенію, одинъ Герценъ встрѣтилъ ее шуткой. Онъ ей

сказалъ, смѣясь, что она «не можетъ обойтись безъ общества». «Это замѣчаніе, исходящее отъ Герцена, который видѣлъ, какъ я въ теченіе трехъ лѣтъ добровольно отдавала всю свою жизнь его семейству, меня глубоко обидѣло. Я рѣшила окончательно порвать съ этимъ прошлымъ и даже не дала Герцену своего новаго адреса». Однако, Герценъ самъ узналъ ея адресъ и ко дню ея ангела прислалъ ей съ своимъ сыномъ любезное письмо и букетъ цвѣтовъ. Отношенія опять возобновляются; онъ снова пишетъ ей, между прочимъ описываетъ ей свои впечатлѣнія объ одной художественной выставкѣ въ Манчестерѣ, куда онъ ѣздилъ съ цѣлью изучить картины средневѣковой испанской школы.

Герценъ продолжалъ рекомендовать М. русскія книги для перевода. Такъ, онъ указалъ ей на «Дѣтство и отрочество» Толстого. Этотъ переводъ пользовался большимъ успѣхомъ и получилъ одобреніе со стороны англійскаго издателя. Изъ писемъ Герцена, имѣющихъ значеніе для характеристики политическихъ взглядовъ его, интересно письмо, гдѣ онъ говоритъ о войнѣ Австріи съ Франціей. Разочарованіе въ демократическихъ партіяхъ 1848 года, съ одной стороны, успѣхъ «Колокола» съ его умѣренной программой—съ другой, заставляли Герцена склоняться больше и больше къ тому, что позже было названо политическимъ опортунизмомъ. «Время революціонной демагогіи прошло,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ.—Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь все больше и больше, что эпоха большихъ политическихъ революцій закончена. Мы входимъ въ новую политическую эру, и всѣ эти господа (нѣмецкіе домократы), эти допотопные дѣятели принадлежатъ прошлому».

Когда начали ходить слухи о войнѣ между Австріей и Франціей, М. просила Герцена писать противъ войны, потому что война сама по себѣ есть зло, кромѣ того, она можетъ повести къ разгрому всей Германіи.

«Какъ и ты Брутъ!—отвѣчаетъ Герценъ.—Вы тоже боитесь, вы тоже не хотите дойти до конца вашей мысли. Бросьте дипломатію и всѣхъ людей стараго времени и станьте на болѣе широкую точку зрѣнія. Трагическія обстоятельства требуютъ другихъ мѣръ. Какъ я могу повѣрить, что дѣло идетъ о завоеваніи Германіи? Я написалъ бы статью, но едва ли она кого-нибудь успокоитъ. Думаете ли вы, что я могу измѣнить что-нибудь хоть на одну іоту? Думаете ли вы, что я, подобно Мадзини, буду изображать изъ себя какого-то святого и непримиримаго и буду мѣшать своей партіи? Я чуждъ этой политикѣ. Я никогда не совѣтовалъ воевать, но война приближается, и никто не думаетъ о Германіи. Но нужно, чтобы Австрія погибла, нужно, чтобы Франція развязала себѣ руки или же, въ противномъ случаѣ, она сдѣлается жертвой самаго ужаснаго деспотизма. Эта война противъ Австріи очень популярна въ Россіи»... Для болѣе яснаго пониманія этого письма, необходимо замѣтить, что въ нѣмецкихъ эмигрантскихъ листкахъ пе-

чатались статьи о Герценѣ, какъ о поклонникѣ идеи уничтоженія Австріи, замѣны ея новой славянской имперіей. Это, какъ извѣстно, было давнишней мечтой славянофиловъ, о которой они стали меньше говорить съ тѣхъ поръ, какъ въ существованіи Австріи они увидѣли оплотъ противъ разростанія германской имперіи.

Въ 1860 г. Мейзенбугъ поѣхала въ Парижъ. Здѣсь она получаетъ неожиданно отъ Герцена письмо съ предложеніемъ взять къ себѣ на воспитаніе его младшую дочь. Онъ отдавалъ свою дѣвочку ея абсолютному руководству. Она согласилась. Взявъ съ собой Ольгу, она поѣхала въ Италію. На этомъ и кончается та часть записокъ Мейзенбугъ, гдѣ она говоритъ о Герценѣ. Въ заключеніе замѣчу, что М. еще упоминаетъ объ одномъ визитѣ, который сдѣлалъ Герцену Тургеневъ въ 1860 г. въ Англіи, на берегу моря, но въ какомъ именно мѣстѣ не обозначено.

IV.

Среди представителей континентальной эмиграціи въ Лондонѣ больше всѣхъ другихъ пользовались извѣстностью Ледрю-Ролленъ, Кошутъ и Мадзини и рѣдко наѣзжавшій туда Гарибальди. Ихъ имена гремѣли не только на континентѣ, они были извѣстны послѣднему англійскому крестьянину. Въ первый годъ своего пребыванія въ Англіи, во время одной морской прогулки возлѣ Broodstars'а, лодочникъ обратился къ Мейзенбугъ съ вопросомъ, знаетъ ли она Ледрю Роллена? Она ему на это отвѣтила, что лично съ нимъ незнакома, но что это не трудно было бы ей сдѣлать, если бы она захотѣла. «Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ лодочникъ,—скажите ему, что если ему понадобится вѣрный морякъ, который могъ бы отвезти его въ своей лодкѣ на берегъ Франціи, чтобы освободить французскій народъ отъ Наполеона и привезти его обратно, пусть онъ подумаетъ обо мнѣ. Ему стоитъ лишь сдѣлать знакъ рукой и я готовъ».

Среди лондонской эмиграціи Ледрю - Роленъ играетъ роль, такъ сказать, оффиціальнаго оратора. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ бралъ слово и говорилъ отъ имени всѣхъ эмигрантовъ. Впрочемъ, его мощный ораторскій талантъ естественно опредѣлилъ его на эту роль.

Несмотря на общность взглядовъ, каждая группа эмигрантовъ въ Лондонѣ носила свой партійный отпечатокъ. Въ особенности отличались отъ всѣхъ венгерцы своимъ почти раболѣпнымъ преклоненіемъ передъ Кошутомъ, который съ своей стороны велъ себя, какъ король in partibus infidelium. Вотъ, напр., какъ Мейзенбугъ описываетъ появленіе Кошута въ одномъ эмигрантскомъ салонѣ. «У г-жи Пульской я видѣла въ первый разъ Кошута, пріѣздъ котораго въ Англію былъ встрѣченъ восторженными манифестаціями. Среди венгерскихъ эмигрантовъ онъ былъ какимъ-то королемъ, его окружали настоящимъ придворнымъ церемоніаломъ.

«Въ первый разъ, когда я пришла на приглашеніе Пульской, я застала тамъ много посѣтителей и почти всѣ они были венгерцы. Вдругъ раздался голосъ лакея: «The governor!» и сейчасъ же все общество встало и выстроилось въ двѣ шеренги. Дверь отворилась, и Кошутъ торжественно вошелъ; его супруга шла рядомъ съ нимъ, его сыновья, тогда еще совсѣмъ дѣти, слѣдовали за ними. Рядомъ съ ними и позади шли провожатые съ видомъ адъютантовъ; Кошутъ былъ одѣтъ въ венгерскій національный костюмъ съ длинными рукавами, лицо у него было привлекательно: въ его глазахъ и сѣдѣющей бородѣ было что-то серьезное и благородное. Онъ поклонился направо и налѣво съ оттѣнкомъ важности и обратился со словами только къ нѣкоторымъ лицамъ».

Полную противоположность Кошуту представлялъ Гарибальди съ его добрымъ и мягкимъ выраженіемъ лица, съ его простыми, демократическими монерами. Мейзенбугъ его видѣла послѣ его возвращенія изъ Южной Америки, гдѣ онъ сражался за независимость тамошнихъ республикъ. Оттуда онъ проѣхалъ на одномъ генуезскомъ кораблѣ, находившемся подъ его собственной командой въ Лондонѣ. «Я знала Гарибальди,—пишетъ М.,—по разсказамъ Герцена, который часто видѣлся съ нимъ въ Италіи. Между прочимъ, Герценъ мнѣ часто разсказывалъ съ большимъ волненіемъ, какъ послѣ смерти его жены одна незнакомая дама явилась къ нему съ двумя дѣтьми съ просьбой разрѣшить ей, хотя она не одной религіи съ нимъ, молиться возлѣ умершей вмѣстѣ съ дѣтьми, которыя точно также остались сиротами. Это были дѣти Гарибальди, а сопровождавшая ихъ женщина ихъ воспитательница. Лишь Гарибальди прибылъ въ Лондонъ, Герценъ поѣхалъ къ нему и привезъ его обѣдать къ намъ. Черты лица его потомъ сдѣлались всѣмъ извѣстны, даже и тѣмъ, кто не зналъ его лично, такъ что описывать ихъ подробно нѣтъ надобности. Онъ не былъ красивъ, но вся его наружность была полна простотой, мягкостью, добротой и достоинствомъ, которыя завоевывали ему всѣ симпатіи. Его присутствіе очаровывало всѣхъ. Въ немъ ничего не было таинственнаго, поражающаго, ни остроумія, ни бурной страсти, ни увлекающаго краснорѣчія, но онъ внушалъ чувство радостнаго спокойствія и убѣжденія; передъ вами былъ человѣкъ, никогда не знавшій сомнѣнія. Бесѣда его была умная, простая, пріятная, какъ и сама его личность; съ какимъ поэтическимъ вдохновеніемъ разсказывалъ онъ о своихъ приключеніяхъ въ Южной Америкѣ, о партизанской войнѣ, которую ему пришлось тамъ вести, о безконечныхъ ночахъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ товарищами подъ открытымъ небомъ». М. разсказываетъ еще о посѣщеніи, которое она сдѣлала по приглашенію Гарибальди, на его кораблѣ. На обѣдѣ, онъ поднялъ тостъ за «преданныхъ женщинъ, поддерживающихъ мужчинъ въ борьбѣ за республиканскую свободу». Однако, хотя Гарибальди по убѣжденіямъ былъ республиканецъ, онъ считалъ политиче-

ской необходимостью для всѣхъ итальянцевъ, желающихъ объединенія своей родины, поддерживать Савойскій домъ.

Иного взгляда держался Мадзини, «непримиримый», какъ его называлъ уже Герценъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Это былъ типъ фанатика идеи, не знавшаго ничего другого, кромѣ своей цѣли. По своимъ философскимъ убѣжденіямъ, Мадзини, какъ извѣстно, былъ деистомъ. Въ своихъ письмахъ и въ своихъ бесѣдахъ онъ постоянно возвращался къ великой цѣли человѣческаго прогресса, начертаннаго Богомъ и заключающагося въ нравственномъ совершенствованіи человѣчества путемъ свободы. Онъ былъ человѣкомъ съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Въ одномъ изъ писемъ къ одной своей лондонской знакомой онъ описываетъ, какъ, проѣзжая на лодкѣ по Фирвальштедтскому озеру, въ глубокой тиши чудной ночи, онъ былъ охваченъ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и непобѣдимой вѣры въ будущее своей родины. Въ заключеніе онъ прибавляетъ, что даже его знакомая, которую онъ зналъ, какъ невѣрующую, тронутая этой красотой природы, навѣрное, пала бы на колѣни передъ великимъ духомъ міра, присутствіе котораго онъ ощущалъ въ этотъ моментъ. Его мистицизмъ находитъ даже въ этимологіи словъ пророческія указанія. Такъ, читая обратно названіе столицы Италіи *Roma—Amor*, онъ видитъ въ этомъ предсказаніе о новомъ, третьемъ господствѣ Рима надъ всѣмъ міромъ. Но на этотъ разъ девизомъ Рима будетъ *любовь и братство.*

Постоянно поглощенный своей перепиской и своей литературной работой, Мадзини рѣдко выходилъ изъ дома. Но зато, гдѣ онъ бывалъ часто, онъ повсюду вызывалъ къ себѣ какое-то благоговѣйное почтеніе. Онъ былъ добръ и трогательно внимателенъ къ малѣйшимъ несчастьямъ своихъ друзей. Мейзенбугъ разсказываетъ, какъ Мадзини, замѣтивъ, что у нея слабѣетъ зрѣніе, хотѣлъ послать ей врача, но боялся, какъ бы этимъ не обидѣть ее.

Въ первый разъ Мейзенбугъ встрѣтила Мадзини у Герцена. «Я была поражена необыкновенной простотой и скромностью того, котораго Герценъ представилъ мнѣ, какъ Іосифа Мадзини—этого человѣка, идеями котораго вдохновлялся и руководился цѣлый народъ и громадное политическое вліяніе котораго заставляло трепетать могучихъ властителей. Мадзини былъ средняго роста, худощавъ и элегантенъ; въ его фигурѣ не было ничего внушительнаго, только голова его была очень выразительна; черты лица его были очерчены правильно и полны были благородства, открытый, умный лобъ, горящіе фантазіей, и въ то же время мягкіе, добрые глаза плѣняли всякаго, видѣвшаго его первый разъ; онъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ проходятъ мимо». Но настоящее близкое знакомство съ Мадзини началось у Мейзенбугъ позже, когда она, покинувъ домъ Герцена, сошлась близко съ англійскимъ семействомъ Stansfield—единственное, которое посѣщалъ Мадзини. Тамъ она видѣлась съ нимъ очень часто. Когда она

уѣзжала изъ Лондона, онъ переписывался съ ней. Эти письма поражаютъ насъ своей простотой и дѣловитостью. Они далеко не походятъ на письма Герцена, полные блестящихъ афоризмовъ и остроумія. Политическій идеалъ Мадзини былъ «всемірная республика». Вотъ почему онъ не ограничивался своей чисто итальянской дѣятельностью, онъ старался проникнуть повсюду, дѣйствовать на всѣ народности.

Какъ мы замѣтили въ началѣ статьи, еще одна личность занимаетъ большое мѣсто въ запискахъ Мейзенбугъ: Рихардъ Вагнеръ. Она познакомилась съ нимъ въ Лондонѣ, даже пригласила его къ Герцену, но Вагнеръ извинился тѣмъ, что спѣшилъ уѣхать изъ мрачнаго Лондона, и не явился на приглашеніе. Много времени спустя, въ 1860 г. Мейзенбугъ встрѣтила Вагнера въ Парижѣ. Здѣсь ихъ знакомство приняло болѣе близкій характеръ и такимъ оставалось до самой смерти великаго композитора. Мейзенбугъ часто присутствовала въ Парижѣ на его утреннихъ занятіяхъ, читала вмѣстѣ съ нимъ Шопенгауэра, котораго такъ любилъ Вагнеръ. Въ Парижѣ Мейзенбугъ была свидѣтельницей неудачныхъ спектаклей «Тангейзера», которые проваливались благодаря группѣ антивагнеровцевъ, приходившихъ въ театръ въ громадномъ количествѣ и не дававшихъ артистамъ играть. Вагнеръ философски переносилъ эти неудачи. Послѣ третьяго провала Мейзенбугъ застала Вагнера дома за чаемъ и спокойнымъ разговоромъ съ женой. Онъ шутилъ, а можетъ быть старался шутить, чтобы замаскировать оскорбленное самолюбіе автора. «Mademoiselle, мнѣ передавали, что вы тоже освистали меня», говорилъ Вагнеръ при всеобщемъ смѣхѣ присутствующихъ одиннадцатилѣтней Ольгѣ Герценъ, которая клялась ему въ обратномъ. Мейзенбугъ разсказываетъ, между прочимъ, о глубоко несчастной семейной жизни Вагнера; объ этомъ часто упоминалось и въ его біографіи.

Х. Г. Инсаровъ.

ВЕСЕННІЕ МОТИВЫ.

I.

Весна моя прошла... Послѣдній лучъ ея
Не скраситъ сумрачные годы!
Зачѣмъ, зачѣмъ потратилъ я
Въ безпечномъ вихрѣ бытія
Дары прекрасные природы!

Не думалъ я, когда гордился силой властной,
За счастья мигъ ее губя,
Что въ день холодный и ненастный
Не будетъ спутницы прекрасной,
Не будетъ, молодость, тебя!

II.

Въ день весенній первый громъ
Прозвучалъ вдали лазурной,
И поднялся вѣтеръ бурный,
Надвигая тьму кругомъ.

Молній блескъ и солнца лучъ...
Частый громъ со звонкимъ эхомъ
Мнѣ казался бодрымъ смѣхомъ
Надъ безсильемъ темныхъ тучъ!

А. Лукьяновъ.

ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ.

Романъ

Изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока.

I.

Весенній торгъ на Чагарскомъ полѣ у рѣки Анапки былъ въ полномъ разгарѣ. Мѣсто это находилось внутри обширной ненаселенной полосы, отдѣлявшей южные приморскіе поселки отъ сѣверныхъ оленьихъ стойбищъ и протянувшейся во всю ширину страны отъ Большого Внѣшняго моря, которое называлось также Моржовымъ *), до бухты Бѣлыхъ Дельфиновъ на другомъ внутреннемъ морѣ, которое южные люди звали Бобровымъ **), по причинѣ множества морскихъ бобровъ, пристававшихъ къ его берегамъ. Вся эта область была богата рыбой и дичью, но никто не появлялся здѣсь, кромѣ вооруженныхъ шаекъ, отправлявшихся на грабежъ. Мелкая война велась здѣсь съ перемѣннымъ успѣхомъ; то южные воины перебьютъ пастуховъ и угонятъ съ сѣвера стадо вмѣстѣ съ подростками; то оленеводы сожгутъ одинокое прибрежное жилище, возьмутъ кожи и ремни и тоже перебьютъ взрослыхъ, а мальчиковъ и дѣвочекъ уведутъ въ плѣнъ.

Однако Чагарское поле никогда не знало войны. Если одинокій охотникъ, рискнувшій въ погонѣ за оленями забраться за предѣлы своей страны, подвергался преслѣдованію враждебныхъ воиновъ и обращался въ бѣгство, стоило ему только достигнуть этихъ завѣтныхъ береговъ, и онъ могъ считать себя въ полной безопасности, ибо берега Анапки были посвящены великому морскому раку Авви, который ежегодно поднимался вверхъ по рѣкѣ вмѣстѣ съ безчисленными стадами подвластныхъ ему рыбъ отыскивать крупные древесные стволы, пригодные для челновъ. Лѣсу на Анапкѣ мало, и Авви проводилъ въ водахъ ея цѣлое лѣто, бдительно наблюдая за всѣмъ, что происходило на берегу. Авви

*) Тихій океанъ.
**) Охотское море.

былъ богъ сердитый и могущественный. Нѣкогда при столкновеніи съ отцомъ сухой земли, ворономъ Кутхомъ, онъ затащилъ его въ глубину и отпустилъ на волю только въ обмѣнъ за молодую дочь Кутха, съ круглыми черно-жемчужными подвѣсками въ ушахъ и круглыми черными глазами. Съ тѣхъ поръ воронъ уступилъ также Авви нѣкоторыя урочища на берегахъ рыбныхъ рѣкъ, гдѣ раздражительный ракъ ревниво слѣдилъ за порядкомъ и не допускалъ со стороны дѣтей ворона никакого нарушенія его правъ. На своихъ земляхъ Авви строго запрещалъ убійства и даже драки какъ людямъ, такъ и звѣрямъ. Если въ пору любви два оленя съ вѣтвистыми рогами собирались рѣшать споръ о молодой и гладкошерстной важенкѣ *), они должны были для этого удалиться на другія свободныя мѣста; безначальныя стаи песцовъ, случайно отыскавъ на полѣ Чагаръ полусгнившій трупъ россомахи, убѣгали на половину дневного перехода подраться изъ-за добычи; потомъ возвращались обратно и скоро съ новымъ остервенѣніемъ бѣжали на поприще новой драки, и такъ далѣе безъ конца.

Люди, приходившіе на берега Анапки, не имѣли права дѣйствовать копьемъ или лукомъ, и не должны были проливать крови, ибо право убивать принадлежало здѣсь только богу. Стоило дерзкому пришельцу поставить силокъ даже для куропатки, какъ огромная бурая клешня готова была незримо протянуться къ его горлу и стиснуть его кашлемъ или грызущей болью, приносящей смерть. Зато, принеся небольшую жертву, люди и звѣри получали право брать свою часть изъ рыбныхъ стадъ, приведенныхъ Авви съ моря, ибо великій ракъ былъ щедръ и не жалѣлъ морскихъ даровъ для каждаго, кто признавалъ его власть. Въ половинѣ лѣта медвѣдь совершалъ жертву корнями сараны, лисица кровью молодого зайца и даже тонкій горностай приносилъ съ большимъ трудомъ тѣло полевой мыши съ вольной земли за предѣлами Чагарскаго поля. Только совершивъ жертву, они могли селиться на берегахъ рѣки и сторожить въ мелкой водѣ широкоспинную горбушу, которая, обезумѣвъ отъ страсти материнства, лѣзла стадами впередъ на вѣрную гибель. Люди могли являться къ Анапкѣ еще весною, когда передовые отряды дѣтей Авви, пестрые гольцы, выходили къ полыньямъ задолго до появленія властителя. Стоило только покропить снѣгъ жертвенной похлебкой, потомъ отыскать щель во льду и опустить туда костяную уду на крѣпкой крапивной ниткѣ, и обильное пропитаніе было обезпечено для людей и упряжныхъ собакъ.

---

* Важенка—оленья самка.

Обильная рыба и безопасность съ незапамятныхъ временъ стали привлекать сосѣднія племена для вольнаго весенняго торга на берегу Анапки. Обмѣнъ разными предметами былъ необходимостью и при всеобщей враждѣ и недовѣрчивости онъ не могъ производиться ни на какомъ другомъ мѣстѣ. Дерзкіе и жадные къ прибыли жители многолюднаго селенія Вайкенъ попробовали устроить торгъ у себя, но Авви, разгнѣвавшись, прислалъ на нихъ въ первую же весну дикихъ воиновъ съ далекой рѣки Якъ, которые унесли всѣ товары, приготовленные для торга, безъ всякой платы, и сожгли два небольшихъ выселка, недавно основанныхъ изъ Вайкена на ближайшихъ рѣкахъ. Ибо Авви явно покровительствовалъ Чагарскому торжку, получая отъ приходящихъ племенъ обильную плату за мѣсто, черной жертвенной похлебкой, жиромъ домашнихъ оленей и черепами пестрыхъ нерпъ. Поэтому, каждой весною, въ день равноденствія, сѣверные и южные люди, посовѣтовавшись съ шаманами, неторопливо отправились въ путь, съ такимъ разсчетомъ, чтобы одновременно прибыть на священное мѣсто. Оленеводы *) шли легкимъ обозомъ съ небольшимъ, но отборнымъ стадомъ и самой проворной изъ женщинъ стойбища. Поморяне **) ѣхали на тяжело нагруженныхъ нартахъ, запряженныхъ собаками, обученными такъ искуссно, что онѣ понимали каждое слово хозяина. Эти собаки раздѣляли ненависть своихъ хозяевъ къ оленьимъ стадамъ сѣверянъ и участвовали вмѣстѣ съ ними въ походахъ, и пастухи боялись ихъ свирѣпости больше, чѣмъ копій и стрѣлъ своихъ противниковъ. Они съ отвращеніемъ передавали другъ другу, что приморскія женщины выкармливаютъ щенятъ собственнымъ молокомъ и кладутъ ихъ съ собою спать, какъ маленькихъ дѣтей.

Одинъ за другимъ подходили оленьи караваны изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ великой внутренней страны; съ высокаго и плоскаго Палпала, гдѣ пять ущелій простерлись вѣнцомъ, какъ растопыренные пальцы рукъ; съ мелкихъ притоковъ быстроводнаго Омолона, гдѣ въ тальниковыхъ кустахъ водятся огромные и жирные лоси, и съ крутыхъ устьевъ многоводнаго Яка, гдѣ въ концѣ лѣта красная рыба мечется, какъ въ котлѣ, задѣвая за весло челнока, переплывающаго съ берега на берегъ. Пѣшіе охотники племени одулъ ***) приходили на гладкихъ лыжахъ, волоча за собой маленькія легко нагруженныя санки. Они были неутомимѣе всѣхъ людей на пѣшемъ бѣгу и приходили не столько изъ торговаго разсчета, сколько изъ любопытства, ибо люди одулъ не

*) Оленьи коряки.
**) Приморскіе коряки.
***) Юкагиры.

желаютъ пропускать ни одного случая къ развлеченію. Съ далекаго южнаго мыса являлись ительмены *), приземистые и широколицые, въ одеждахъ, пестро сшитыхъ изъ сѣрыхъ собачинъ, пятнистыхъ птичьихъ шкурокъ и черныхъ соболей. Они платили выкупъ въ каждомъ поселкѣ, лежавшемъ на пути; вмѣстѣ съ ними являлись звѣрообразные куру **), мохнатые какъ медвѣди, съ выпученными глазами, какъ у злого духа Ивметуна, дающаго падучую болѣзнь. Съ невѣдомаго сѣвера являлись мореходы юитъ ***) въ балахонахъ изъ моржовыхъ кишекъ, украшенныхъ птичьими хохолками. Отецъ Кутхъ вдавливаетъ имъ при рожденіи носы внутрь, а они пробиваютъ себѣ щеки и вставляютъ туда костяныя пуговки. Даже оленьи всадники, живущіе неизвѣстно гдѣ ****), подвижные, какъ птицы, являлись на своихъ легконогихъ скакунахъ и останавливались лагеремъ въ сторонѣ отъ всѣхъ.

Предметы, привезенные для обмѣна, были неистощимо разнообразны. Оленеводы приносили шкуры молодыхъ оленей и готовое платье. Никакіе мѣха южныхъ и западныхъ странъ не могли соперничать съ ними въ красотѣ и мягкости и даже мохнатый куру готовъ былъ вынуть изъ ушей хитро завитыя бѣложелѣзныя серьги въ обмѣнъ за гладкошерстую рубаху изъ глянцевитыхъ черныхъ шкурокъ, съ пестринкой у подола и тонкой лисьей оторочкой. Они ежедневно закалывали жирныхъ оленьихъ быковъ, ибо ручныя стада и домашнія собаки даже на Чагарскомъ полѣ оставались подвластными ножу владѣльца. Священному раку принадлежали только рога, часть крови и душа каждаго убитаго животнаго. Мясо оленей тоже превосходило вкусомъ всякую другую ѣду и разбиралось пришельцами нарасхватъ. Не мудрено, что жители берега, презиравшіе оленеводовъ за грубость и глупость, завидовали ихъ жизни среди безчисленныхъ стадъ и со вздохомъ вспоминали о пышной мѣховой одеждѣ и сладкой мясной пищѣ, доступной каждому бѣдному пастуху.

Береговые принесли шкуры нерпъ и большихъ тюленей; моржовые ремни, китовину; огромные мѣшки, налитые смѣшаннымъ китовымъ, моржовымъ и тюленьимъ саломъ, пригоднымъ для освѣщенія и ѣды. Ительмены, земля которыхъ богата различными камнями, привезли берестяныя коробки, наполненныя наконечниками стрѣлъ, бережно переложенными травой, связки большихъ копій и маленькіе топоры, искусно выбитые изъ кремня и другого

---

*) Камчадалы.
**) Курильцы.
***) Эскимосы.
****) Тундренные ламуты.

гладкаго камня, чернаго, какъ перетопленный жиръ, и блестящаго, какъ осенній ледъ *).

Дороже всѣхъ цѣнились маленькія, мелко иззубренныя стрѣлки изъ тускло-прозрачнаго камня, похожаго на нечистый ледъ; онѣ считались амулетами и обладателю давали защиту отъ внезапныхъ болѣзней; поражая звѣря, онѣ проникали глубже и причиняли болѣзненную рану, истощавшую силы, необходимыя для бѣгства. Многіе изъ ительменовъ приносили также связки сушеныхъ мухоморовъ, дающихъ челевѣку внезапное веселье и способность сравниться съ духами. Мухоморы назначались преимущественно для оленеводовъ, которые были готовы заплатить по оленю за самую маленькую связку, лишь бы хоть однажды упоить свою душу силой грибного пьянства. Мохнатые куру приносили сладкіе съѣдобные клубни, ожерелья и блестящія иглы, которыя цѣнились по шкурѣ за иглу, такъ какъ были крѣпче костяныхъ и не стачивались отъ шитья. То и другое шло съ далекой земли на югѣ **), гдѣ, по разсказамъ, люди кишѣли, какъ мухи надъ рыбными вѣшалами, были искусны на выдумки и запрягали другъ друга въ сани, какъ оленей или собакъ. Люди одулъ приносили лосиную шерсть для вышивокъ, бѣлую съѣдобную землю и огромные луки, склеенные изъ двойныхъ деревянныхъ полосъ. Мореходы юитъ приносили китовый усъ для подбиванія полозьевъ и искусно сдѣланные наконечники гарпуновъ; маленькіе оленьи всадники, не допускавшіе приближенія чужихъ людей, выносили изъ своего лагеря ковши изъ бараньяго рога, арканы, искусно сплетеные изъ жилъ, острые кремни, дававшіе искру при взаимномъ ударѣ, и клали ихъ на снѣгу, безмолвно требуя равноцѣннаго дара.

Обширная долина на берегу Анапки между двумя грядами холмовъ, покрытыми съ южной стороны порослями ивняка, была вся занята лагерями гостей. Всѣ племена стояли порознь, и даже люди, пришедшіе изъ сосѣднихъ поселковъ, недовѣрчиво отодвигались другъ отъ друга, не взирая на безопасность мѣста. То было время, когда близкіе сосѣди враждовали другъ съ другомъ дольше и ожесточеннѣе всего.

Оленеводы соединились стойбищами по околоткамъ и, поставивъ походные шатры, отаборились въ большомъ кругу саней, соединенныхъ стоймя. Поморяне выгребли ямы въ снѣгу, обставили ихъ длинными ѣздовыми нартами и окружили снѣжнымъ окопомъ. Кромѣ того, они привязали снаружи самыхъ чуткихъ и злыхъ собакъ. Люди одулъ ушли въ глубину тальника и построили себѣ шалаши изъ вѣтвей на подвѣтряной сторонѣ холмовъ. Мореходы

*) Обсидіанъ.
**) Японія.

юитъ воздвигли цѣлую крѣпость изъ огромныхъ глыбъ снѣга, скрѣпленныхъ водою, какъ не сокрушимымъ цементомъ. Только боязливые оленьи всадники помѣстились въ чистомъ полѣ безъ всякаго стана. Ихъ вьючныя сумки были всегда завязаны, легкія палатки едва держались на жердяхъ, совершенно ручные олени, прибѣгавшіе на зовъ, какъ собаки, паслись вблизи. При первомъ признакѣ тревоги эти маленькіе людишки, похожіе на степныхъ тушканчиковъ, могли собрать свой летучій караванъ и умчаться прочь...

Всѣ народы сошлись почти одновременно, ибо отъ этого зависѣла безопасность взаимной встрѣчи и быстрота торга. Торгъ долженъ былъ начаться завтра, ибо первый день всегда былъ посвященъ жертвоприношеніямъ. Во всѣхъ разнообразныхъ лагеряхъ, отъ края до края долины, слышался громкій и дробный стукъ бубновъ, унылое пѣніе шамановъ или нечеловѣческіе вопли злыхъ духовъ, воплотившихся на время въ тѣлѣ своихъ служителей. Оленеводы убивали оленей и опрыскивали свѣжей кровью четыре стороны свѣта, выставляли на снѣгу маленькія жертвенныя фигурки изъ сала и тертыхъ листьевъ и дѣлали возліянія огню и водѣ густой и пахучей похлебкой, сваренной съ жиромъ и кореньями. Приморскіе жители убивали щенковъ и выставляли ихъ на длинныхъ и заостренныхъ шестахъ. Ительмены надѣлали идоловъ изъ дерева и приносили жертву имъ, хотя это могло возбудить ревность Авви. Трое людей куру, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними, строгали изъ дерева замысловатыя стружки, которыя они считали величайшей святыней; люди одулъ творили заклинанія надъ зловѣщими черными мѣшечками, гдѣ заключались высохшія части труповъ, принадлежавшихъ различнымъ предкамъ и раздѣленныхъ поровну между потомками. Мореходы юитъ хлопотали у молитвенныхъ картинъ, нарисованныхъ кровью на игрушечныхъ веслахъ, а оленьи всадники тихо и осторожно гремѣли челюстями дикихъ оленей и связками медвѣжьихъ зубовъ, которыя набрались въ ихъ мѣшкахъ послѣ прошлогодней охоты. Оленеводы предлагали свои дары богу молча и гордо. Они знали, что ихъ шкуры и мясо предметы общаго вожделѣнія, и не думали о цѣнахъ, но приморскіе жители ревностно молились о томъ, чтобы Авви умягчилъ сердце богатыхъ кочевниковъ и отуманилъ ихъ умъ и позволилъ имъ пріобрѣсти отъ нихъ столько рухляди и одежды, чтобы хватило на раздачу всѣмъ домочадцамъ и пріятелямъ въ родномъ селеніи. Боязливые оленьи всадники не знали, о чемъ молиться. Ихъ круглые быстрые глазки были жадны, какъ сорочьи, и привлекались больше всего къ новымъ преметамъ, самое употребленіе которыхъ оставалось для нихъ неизвѣстной загадкой.

Мышеѣды *), стоявшіе лагеремъ въ лѣвомъ углу обширнаго Чагарскаго поля, не молились и не приносили жертвъ. Они пришли съ безлюдной тундры, лежавшей къ югу отъ плоскихъ горъ Палпала и отличались пестротою одежды, ибо кафтаны изъ сурковыхъ шкуръ перемежались въ ихъ средѣ съ олеными рубахами и жесткими балахонами изъ плохо выдѣланной тюленины. Одни изъ нихъ пріѣхали на санкахъ объ одномъ оленѣ, другіе на парѣ небольшихъ собакъ, мохнатыхъ и коротконогихъ и столь свирѣпыхъ, что онѣ часто бѣсились отъ ярости, третьи пришли пѣшкомъ на небольшихъ лыжахъ изъ ременной плетенки, съ копьемъ вмѣсто посоха и котомкою за плечами. Мышеѣды были бѣднѣе всѣхъ людей сѣвера, ибо ихъ земля не родила даже мху и Авви, ненавидѣвшій ихъ за безбожіе и сварливость, не позволялъ рыбамъ подниматься въ ихъ рѣки. Мышеѣдами ихъ звали за то, что они не гнушались никакой пищей и ребятишки ихъ забавлялись, выкапывая мышей изъ земли и проглатывая ихъ цѣликомъ, какъ голодныя собаки. Сами себя они называли просто «людьми» и даже «настоящими людьми». Сосѣднія племена презирали ихъ отъ всей души и навязывали родство съ ними другъ другу. Оленеводы считали ихъ отраслью рода юитъ. Мореходы называли ихъ. какъ и оленьихъ, тундренными бродягами; приморскіе собачники сложили насмѣшливую сказку, будто мышеѣды родились отъ помета собачьихъ нартъ, проѣзжавшихъ сквозь восточную тундру для торга. На самомъ дѣлѣ мышеѣды представляли смѣсь различныхъ племенъ и были потомками всевозможныхъ отверженцевъ, бѣжавшихъ изъ приморскихъ поселковъ и кочевыхъ стойбищъ послѣ какого-нибудь непоправимаго преступленія. Убійцы и осквернители домашняго огня, расточители стадъ, послѣдыши вымороченныхъ семей и теперь постоянно уходили въ эти степи, необозримыя, какъ море, гдѣ мышеѣды обезпечивали имъ убѣжище и защиту отъ мести враговъ. И мышеѣды не боялись ни боговъ, ни людей; въ своихъ стойбищахъ они не приносили жертвъ даже въ то время, когда мстительный духъ заразы проходилъ надъ землею, разсыпая направо и налѣво свои незримыя стрѣлы. Они не боялись и не избѣгали смерти. Старики и больные приказывали родственникамъ немедленно убивать себя. Юноши и дѣвушки лишали себя жизни по минутному капризу, отъ злости, отъ огорченія въ любви, отъ обманутыхъ ожиданій. Мышеѣды относились къ богамъ до такой степени непочтительно, что сочиняли насмѣшливыя сказки о Кутхѣ и его семьѣ, полныя крѣпкаго и дерзкаго юмора и дававшія перевѣсъ надъ глупымъ ворономъ маленькимъ

*) Чукчи съ Телькенской тундры до сихъ поръ носятъ кличку мышеѣдовъ.

мышамъ, благодаря ихъ лукавому прозорству. Они разсказывали объ Авви, что онъ однажды показался на берегу въ видѣ большого моржа и сталъ хвастать силою, но «люди» предложили ему покататься на оленяхъ и поймавъ на арканъ двухъ большихъ дикихъ быковъ, припрягли ихъ къ моржу; быки утащили его въ горы, гдѣ онъ едва не погибъ съ голоду... Ихъ молодые парни обыкновенно соединялись въ шайки, которыя скитались на огромномъ пространствѣ, наводя ужасъ на сосѣдей, хотя при энергичномъ отпорѣ онѣ немедленно возвращались вспять. Одна изъ такихъ шаекъ забралась теперь на Чагарское поле, конечно, не для торгу, ибо у нихъ не было ничего пригоднаго для обмѣна. Запретъ Авви, однако, не имѣлъ въ ихъ глазахъ никакой цѣны, и врядъ ли даже эти необузданныя дѣти природы были въ состояніи понять сущность временнаго мира, установленнаго на полѣ Чагарскомъ.

Прежде всего они нуждались въ пищѣ, ибо у нихъ не было ни запасовъ, ни друзей между оленеводами. Пока другія племена занимались жертвоприношеніями, мышеѣды всей гурьбой отправились на рѣку и усѣвшись на самой большой полыньѣ, гдѣ ледъ далъ глубокія трещины, принялись удить рыбу.

По своему обыкновенію мышеѣды даже рыбною ловлею занимались съ шумомъ и насмѣшками.

— Ухъ, ухъ!—гикали они надъ прорубью, вытащивъ вертлярую рыбу на крючкѣ.

— Старшаго брата еще позови!

Другіе громко свистали и топали ногами, рискуя разогнать рыбу и заглядывая въ щель льда, насмѣшливо спрашивали: «Толстобрюхіе поморяне, гдѣ вы? Пловцы съ тупымъ носомъ, гдѣ вы?»—приравнивая жирныхъ гольцовъ къ жителямъ приморскихъ поселковъ на сѣверѣ и югѣ, въ особенности къ людямъ юитъ, у которыхъ были приплюснутые носы.

Уды ихъ состояли изъ тонкаго костяного колышка, къ срединѣ котораго была привязана леса; когда рыба проглатывала колышекъ вмѣстѣ съ приманкой, при первомъ напряженіи лесы, онъ поворачивался поперекъ, подобно тюленьему гарпуну, застрявшему въ ранѣ. Однако, чтобы рыба не соскальзывала съ крючка, ее нужно было подсѣкать съ такою силою, что леса, выскакивая изъ проруби, отлетала далеко назадъ вмѣстѣ съ добычею. Пользуясь этимъ, многіе мышеѣды не приносили даже удъ: они просто стояли сзади рыболововъ и слѣдили, не сорвется ли прочь какая-нибудь рыба, высоко взлетѣвшая на воздухѣ вмѣстѣ съ лесою. Такая рыба считалась ихъ законною добычею и они кидались на нее гурьбою къ великой потѣхѣ удильщиковъ, мстившихъ насмѣшками за свою потерю. Иногда два или три человѣка, впившись

въ скользкое рыбье тѣло когтями и зубами, разрывали его на части и пожирали сырьемъ, выкинувъ внутренности и съ хрустѣніемъ перегрызая тонкія рыбьи кости. Къ вечеру нѣсколько приморскихъ рыболововъ тоже пришли на рѣку, но лучшія мѣста были заняты мышеѣдами, а усѣвшись рядомъ съ ними, нужно было подчиниться ихъ безбожному обычаю, оскорблявшему пойманную добычу, или затѣять ссору. Поморяне предпочли уйти за цѣлый рѣчной плёсъ къ другой полыньѣ, гдѣ рыбы было меньше, но гдѣ они могли заниматься ловлею по своему, безъ всякой помѣхи.

II.

Торгъ начался на слѣдующее утро безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Старые знакомцы мѣнялись только другъ съ другомъ, не обращая вниманія на приставанія другихъ. Иные, надѣвъ на руку свитокъ плохого ремня, ходили изъ стойбища въ стойбище, не рѣшаясь разстаться съ своимъ товаромъ и не умѣя отыскать равноцѣннаго товара, но большая часть рѣшалась на обмѣнъ быстро, руководствуясь внезапно вспыхнувшимъ желаніемъ и не соразмѣряя взаимной стоимости товаровъ.

Жители селенія Палланъ вышли на торгъ всѣ вмѣстѣ, одѣтые въ панцыри изъ толстыхъ травяныхъ циновокъ и неся свои товары на концѣ копья. Такъ повелѣвалъ имъ обычай, желавшій сохранить въ мирномъ процессѣ обмѣна формы прежней неумолимой вражды.

Люди юитъ устроили торговую пляску совмѣстно съ двумя большими оленьими стойбищами; въ пляскѣ, кромѣ мужчинъ, участвовали и женщины. Она началась жертвоприношеніями и особыми обрядами, знаменующими временный бракъ, и должна была продолжаться до полнаго истощенія силъ всѣхъ участниковъ. Обмѣнъ товаровъ долженъ былъ состояться только на утро въ видѣ взаимныхъ даровъ, скрѣпляющихъ новыя узы брачнаго побратимства.

Торговля мухоморами велась подъ секретомъ, ибо всѣ гости ярмарки, возбужденные праздничными ощущеніями, до такой степени жаждали возможности упиться, что изъ взаимнаго соперничества у покупателей неминуемо долженъ былъ завязаться споръ. Только въ большомъ селеніи Вайкенъ, жители котораго славились торговою ловкостью и въ крайнемъ случаѣ надѣялись на свое многолюдство, продажа мухоморовъ производилась болѣе явно, и большая кожаная палатка, стоявшая среди лагеря, представляла родъ лавочки, гдѣ счастливые покупатели, не рискуя возвращаться домой съ драгоцѣнной покупкой, могли предаваться опьяненію въ атмосферѣ, наполненной острымъ запахомъ выдѣленій,

среди дикихъ криковъ сосѣдей, объятыхъ буйнымъ экстазомъ отъ могущественнаго снадобья. Жители селенія Вайкенъ не имѣли собственныхъ мухоморовъ, но они пріобрѣтали ихъ торговлей изъ южныхъ поселковъ и подбирали все лѣто и зиму грибъ къ грибу для годичной ярмарки. Ительмены, не знавшіе языка оленьихъ людей, большей частью отдавали имъ свои запасы на коммиссію, довольствуясь половиной платы. Другая половина оставалась счастливымъ торговцамъ, увеличивая благосостояніе ихъ селенія, которое было богаче всѣхъ на западномъ берегу.

Камакъ, богатый оленеводъ съ сѣвера, изъ племени сѣверныхъ таньговъ *), говорившихъ другимъ, болѣе грубымъ нарѣчіемъ, сидѣлъ въ глубинѣ палатки на большой сумѣ, наполненной рухлядью. Его безобразное лицо съ маленькими злыми глазами, большими оттопыренными ушами и бѣлымъ шрамомъ поперекъ щеки, дышало свирѣпостью и, дѣйствительно, заслуживало имя Камака, т.-е. дьявола, которое духи предковъ дали ему при рожденіи при посредствѣ установленныхъ гадательныхъ знаковъ. Онъ пришелъ на ярмарку въ первый разъ три года тому назадъ единственно ради мухоморовъ и сразу купилъ десятокъ крупныхъ грибовъ. Но на его природу мухоморы почему-то не дѣйствовали, и крупная доза, способная отравить быка, прошла совершенно безслѣдно. Упрямый таньгъ не хотѣлъ отстать и уже третій разъ приходилъ на ярмарку, отдавая всѣ свои шкуры за безплодную попытку опьяненія. Все свое время онъ проводилъ въ мухоморной палаткѣ, раздражая свои нервы зрѣлищемъ чужого возбужденія, готовый вытащить ножъ и воткнуть его въ грудь ближайшему сосѣду или, пожалуй, самому себѣ.

На другой сторонѣ палатки сидѣлъ Ваттувій, шаманъ изъ многочисленной семьи Кымчанто, что означаетъ «вышедшіе изъ солнечнаго луча», которая насчитывала въ своихъ нѣдрахъ тридцать взрослыхъ мужчинъ и больше сотни малолѣтнихъ дѣтей. Семья жила вмѣстѣ, но ея безчисленные олени были разбиты на четыре стада, которыя то сходились, то расходились, соотвѣтственно измѣненію временъ года. Ваттувій былъ младшимъ изъ шести сыновей престарѣлаго Ваата, еще жившаго въ большомъ шатрѣ на верховьяхъ рѣки Омкуелъ, и семья посвятила его служенію духамъ, чтобы упрочить свое благосостояніе покровительствомъ высшихъ силъ. Ваттувію могло быть около пятидесяти лѣтъ, но его небольшое сухощавое тѣло казалось какъ будто сплетеннымъ изъ крѣпкихъ оленьихъ жилъ и изобличало большую силу и необычайную ловкость, необходимую для подвиговъ волхованія, когда тяжелая палатка иногда поднимается надъ головой слушателей,

*) Чукчи.

какъ легкій берестяный буракъ, опрокинутый надъ муравейникомъ. Онъ присѣлъ на скрещенныхъ ногахъ, которыя упруго колебались, какъ перекрещенныя тетивы деревяннаго капкана. Его длинная черная грива была связана на затылкѣ пушистой полоской тюленьей шкуры, красиво окрашенной въ пунцовый цвѣтъ. Въ противоположность обычной модѣ мужчинъ, духи запретили ему стричь волосы и не позволили даже заплести ихъ въ косу, какъ это дѣлала большая часть шамановъ.

Сзади Ваттувія сидѣлъ его племянникъ, крѣпкій молодой атлетъ съ безусымъ лицомъ и большими карими глазами. Имя его было Ваттанъ, ибо всѣ потомки Ваата вставляли его имя въ свое, какъ основной корень. Отецъ послалъ его, чтобы блюсти за шаманомъ. который въ припадкѣ экстаза легко могъ причинить поврежденіе себѣ или другимъ; посѣщавшіе его духи нерѣдко обнаруживали проказливость и склонность къ опаснымъ шуткамъ, которыя безъ своевременнаго вмѣшательства шаманскихъ прислужниковъ грозили окончиться очень дурно.

Ваттувій держалъ на ладони три большихъ гриба съ пестрой шляпкой и чернымъ сморщеннымъ стержнемъ. Это была обычная порція крѣпкаго мужчины, но прежде чѣмъ принять ее, онъ желалъ воспѣть дѣйствіе мухомора, какъ это подобаетъ вдохновенному провидцу. Въ его глазахъ уже сверкали искры опьяненія, ибо въ этой тяжелой и возбуждающей атмосферѣ онъ ощущалъ движеніе мухоморныхъ духовъ, которые живутъ подъ пнями въ безобразныхъ грибахъ, но обладаютъ невѣдомой властью надъ всѣмъ міромъ.

— А-а!—громко вздохнулъ Ваттувій, давая знакъ, что сейчасъ начнетъ пѣть. Хозяева и гости, которые еще не были отуманены пріемомъ гриба, тотчасъ же притихли. Посѣщеніе Ваттувія считалось честью и каждое желаніе его исполнялось во всѣхъ шатрахъ отъ подножій Палпала до верховьевъ рѣки Кончана *).

Только Камакъ, прищурившись, посмотрѣлъ на гостя и не шевельнулся съ мѣста. Его презрѣніе къ южнымъ оленьимъ людямъ простиралось также и на духовъ и онъ упрямо не вѣрилъ, чтобы вдохновеніе ихъ стоило какого-нибудь вниманія.

— А-а!—повторилъ Ваттувій высокимъ протяжнымъ звукомъ.

Лубавое племя мухомора прячется подъ кучей листьевъ, ахъ, ахъ, ахъ!
Ищетъ, кого отуманить;
Не имѣетъ ни рукъ, ни ногъ, о, о, о!
Короткіе обрубки тѣлъ
Крадутъ силу у каждаго воина!..
Маленькіе красненькіе мухоморчики, ого! ого!

---

*) Рѣка Камчатка.

Проростаютъ сквозь землю,
Мягкимъ затылкомъ поднимаютъ обломки скалъ, ого!
Тяжелые пни поднимаютъ, сдвигая съ мѣста, ухъ!..
Маленькіе красные мухоморчики, ахъ! Ахъ!
Проростаютъ сквозь камень, охъ!
Сердце его разрываютъ въ дребезги,
Разсыпаютъ мелкими брызгами, ухъ! Ухъ! Ухъ!
Тайные духи мухомора,
Они знаютъ всѣ страны свѣта,
Они ходятъ по извилистымъ путямъ,
Словно слѣды мышей на снѣгу.
Они водятъ стараго пьяницу,
Чтобы показать ему все скрытое.
Онъ пролѣзаетъ въ дыру зенита,
Какъ нерпа, выходящая на ледъ,
Вмѣстѣ съ небесными людьми
Онъ играетъ въ мячъ
Живой моржовой головой,
Ревущей, глядящей, кусающей...
Онъ спускается сквозь пуповину земли,
Какъ нерпа, нырнувшая въ воду.
Онъ посѣщаетъ землю блаженныхъ собакъ,
Гдѣ оленьи стада, какъ морской песокъ,
Гдѣ жирные быки по каменной стрѣлѣ,
А важенки по скребку,
А телята совсѣмъ даромъ...
Онъ видитъ духовъ заразы
Съ глазами, висящими на ниткахъ,
Съ четырьмя желудками,
Съ острогой въ рукѣ...
Онъ видитъ большого голоднаго дьявола,
Его еще ни разу не кормили,
И никогда не будутъ кормить,
Остерегайтесь подходить къ нему близко!..

Ваттувій пѣлъ высокимъ протяжнымъ речитативомъ, останавливаясь по временамъ, чтобы перевести духъ. Образы такъ и лѣзли ему въ голову, отрывки прошлыхъ видѣній смѣшивались съ предвкушеніями мухоморнаго экстаза, и по временамъ онъ путался и не зналъ, что выбирать. Вдругъ хитрая улыбка мелькнула на его лицѣ. Онъ вспомнилъ безчисленныя проказы, которыя духи мухоморовъ продѣлываютъ надъ отуманенными людьми, подпавшими ихъ власти.

Насмѣшливое племя мухоморовъ,

Запѣлъ онъ опять тѣмъ же высокимъ и протяжнымъ голосомъ.

Они ходятъ по извилистымъ путямъ,
Они водятъ стараго пьяницу;

Водя, обманываютъ на каждомъ шагу.
На ровномъ мѣстѣ вырастаютъ горы,
На отвѣсномъ обрывѣ гладкая дорога,
Игла кажется копьемъ,
Костяной наперстокъ панцыремъ,
Малое большимъ,
Ясное темнымъ.
Насмѣшливое племя мухоморовъ,
Водя, пугаетъ на каждомъ шагу:
Полный мѣсяцъ корчитъ рожи,
Громкіе голоса требуютъ поклоновъ,
Гибкія лозы хлещутъ въ лицо,
Шиповникъ царапается, какъ женщина,
Колючія шишки попадаютъ въ обувь...
Ахъ, ахъ, ахъ!

Ваттувій опять сдѣлалъ передышку, на этотъ разъ короткую, ибо внезапно онъ почувствовалъ нетерпѣніе и потребность перейти отъ словъ къ дѣлу... Но такъ или иначе нужно было докончить пѣсню.

Могучее племя мухоморовъ,

—запѣлъ онъ ускореннымъ темпомъ,—

Кто съ нимъ водится, становится мудрымъ.
У него вырастаютъ широкія крылья,
Летая, повсюду обозрѣваетъ свѣтъ.
Все видитъ, все знаетъ,
Всѣмъ наслаждается, всему смѣется,
Проказливый дьяволъ, какъ они...

Слушателямъ стало страшно. Проказливые духи и ихъ служители пользовались очень дурною славой. Хозяинъ шатра Елхутъ, низкій и приземистый человѣкъ, съ раковинами въ ушахъ, кожаной повязкой на лбу и маленькими раскосыми глазками, осторожно переглянулся съ своимъ двоюроднымъ братомъ Юлтомъ, который стоялъ у входа и бдительно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ. Если слова Ваттувія обѣщали внезапное нападеніе со стороны людей или духовъ, нужно было держаться насторожѣ. Около десятка дѣтей и племянниковъ, все дюжіе парни, привычные къ дракамъ, сидѣли и стояли въ разныхъ мѣстахъ шатра, готовые по первому знаку Елхута схватиться за оружіе и броситься впередъ.

Подростокъ Чайвунъ, одинъ изъ пастуховъ Камака, который послѣ утренняго убоя долженъ былъ уйти вмѣстѣ со стадомъ на ближайшее пастбище, но отсталъ отъ товарищей и подъ конецъ увязался за хозяиномъ и забрался въ палатку мухоморовъ, потихоньку всталъ съ мѣста, вышелъ за дверь, потомъ выбрался изъ лагеря вайкенцевъ и поспѣшно пошелъ въ догонку за своимъ

стадомъ. Онъ боялся, чтобы проказливые духи не сыграли какой-нибудь злой шутки именно надъ нимъ, ибо они нападали охотнѣе всего на такихъ молодыхъ и беззащитныхъ парней. Они могли, напримѣръ, превратить его въ сурка за то, что онъ слишкомъ крѣпко спалъ въ снѣжныя ночи, вмѣстѣ съ своими оленями, или обкормить его волчеѣдиной, чтобы внутренняя сторона его кожи обмохнатѣла, или сдѣлать его ненавистнымъ для молодыхъ дѣвушекъ. Бѣдный пастухъ ускорилъ шаги и безъ оглядки убѣжалъ въ стадо.

Ваттувій торопливо разорвалъ грибы по волокнамъ и проглотилъ кусокъ за кускомъ, запивая водой, потомъ усѣлся на шкурѣ ожидать результата; уже черезъ пять минутъ лицо его стало корчиться, зрачки съузились и глаза стали судорожно и часто моргать. Онъ былъ наполовину пьянъ отъ ожиданія, ибо духи мухомора, уважая его искусство, являлись по его желанію безъ дальнихъ проволочекъ. Ваттанъ смирно сидѣлъ въ сторонѣ и наблюдалъ за дядей внимательно, но безъ особаго интереса. Ему случалось видѣть шамана въ такихъ странныхъ и разнообразныхъ припадкахъ вдохновенія, что у него исчезло не только удивленіе, но и страхъ передъ ними. Къ замысловатымъ подвигамъ Ваттувія онъ относился приблизительно, какъ къ хорошо знакомому и нѣсколько надоѣвшему представленію, и даже полуинстинктивно сомнѣвался въ ихъ реальности, хотя факты ежедневно доказывали ему его неправоту, ибо Ваттувій вылечивалъ даже оленей и собакъ отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней, предсказывалъ степень обилія дичи и размноженія домашнихъ оленей, давалъ женщинамъ лекарства отъ безплодія и дѣвушкамъ приворотные корешки для привлеченія молодыхъ парней.

Ваттувій посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ неподвижно растянулся на шкурѣ и закрылъ глаза, ибо дремота ускоряла и усиливала дѣйствіе гриба въ началѣ опьяненія. Въ разныхъ углахъ шатра было около десяти пьяныхъ; одни лежали на шкурахъ, какъ Ваттувій; другіе сидѣли, глядя вокругъ воспаленными глазами и произнося безсвязныя восклицанія.

Огромный старикъ, съ краснымъ лицомъ и волосами, подернутыми сѣдиной, топтался передъ очагомъ шатра, потряхивая головой и нелѣпо вывертывая бедра. Мухоморы заставили его вообразить себя молодой дѣвушкой и теперь ему казалось, что онъ пляшетъ обрядовый танецъ передъ толпой восхищенныхъ зрителей...

Ваттувій вдругъ поднялся на мѣстѣ и открылъ глаза.

— Пришли?—громко заговорилъ онъ.—Здравствуйте, здравствуйте! Ты иглокожій, ты сверло, ты ножовый черенъ!—перечислялъ онъ странныхъ духовъ мухомора, давая имъ имена соотвѣтственно ихъ внѣшнему сходству съ реальными предметами.

— Что надо?—спросилъ онъ, какъ будто отвѣчая на вопросъ.— Ножъ надо?

Онъ быстро поднесъ руку къ поясу, но ножны были пусты, ибо Ваттанъ давно вытащилъ и припряталъ у себя широкую полоску шифернаго камня, которая служила шаману для обычнаго употребленія. Не найдя ножа на обычномъ мѣстѣ, шаманъ передернулъ плечами, выпросталъ правую руку внутрь широкой мѣховой рубахи и тотчасъ же извлекъ ее вооруженною крѣпкимъ осколкомъ кости, сточеннымъ съ обѣихъ сторонъ и острымъ, какъ шило. Въ борьбѣ съ проказливымъ шаманомъ хуже всего было то, что онъ постоянно пряталъ на себѣ ножи въ разныхъ неизвѣстныхъ мѣстахъ.

«Подъ кожей!» равнодушно подумалъ Ваттанъ, двадцать разъ слышавшій отъ дяди такое хвастливое утвержденіе. Онъ разсматривалъ это такъ, какъ будто шаманамъ было свойственно имѣть подъ кожей особые карманы для мелкихъ вещей и это было самое естественное явленіе въ мірѣ...

— Какого?—опять спросилъ Ваттувій своего невидимаго собесѣдника.—Этого?—Онъ проворно подползъ къ своему ближайшему сосѣду, безчувственному, окончательно побѣжденному мухоморнымъ одурѣніемъ, повернулъ его спиною вверхъ и сталъ примѣривать самый предательскій ударъ. Ваттанъ быстро поймалъ и стиснулъ вооруженную руку шамана. Лицо Ваттувія сморщилось отъ боли, онъ всхлипнулъ, какъ ребенокъ, рука его безсильно разжалась и костяной ножъ упалъ на неподвижное тѣло спящаго. Ваттанъ хотѣлъ подобрать ножъ, но Ваттувій оказался проворнѣе, онъ подхватилъ ножъ лѣвой рукой и ударилъ на отмашь племянника, извиваясь, какъ раненая кошка, и усиливаясь вырвать свою онѣмѣвшую кисть изъ могучей руки молодого силача. Ваттанъ также быстро бросился впередъ, ножъ прокололъ мѣховую рубаху и, скользнувъ вдоль спины, оцарапалъ кожу. Ваттанъ поймалъ другую руку шамана и окончательно отнялъ ножъ, потомъ оттащилъ его на прежнее мѣсто.

— Гдѣ еще ножи? — сказалъ онъ ему рѣшительно, но безъ злости. Въ обычное трезвое время они жили съ Ваттувіемъ очень дружно, несмотря на разницу возрастовъ, ибо шаманъ относился съ уваженіемъ къ несокрушимой силѣ племянника и его равнодушному спокойствію передъ самыми необычайными выходками духовъ.

— Отдай ножи, — твердо повторилъ Ваттанъ. Онъ хорошо зналъ, что Ваттувій имѣетъ при себѣ еще оружіе.

Побѣжденный шаманъ опять втянулъ руку внутрь рубахи и вытащилъ кусокъ твердаго китоваго уса, сточеннаго съ боковъ двумя острыми лезвіями.

*

— Еще,—настаивалъ Ваттанъ,—еще есть.

Шаманъ досталъ еще ножъ изъ чернаго обсидіана, гораздо тверже и острѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе.

— Еще одинъ! — повторилъ Ваттанъ. Онъ зналъ наперечетъ все оружіе дяди и ему не хватало самаго опаснаго изъ ножей, священнаго шаманскаго кинжала, гладко выточеннаго изъ зеленаго нефрита съ ложбинкой на лезвіѣ, въ которой запеклась человѣческая кровь.

Этимъ кинжаломъ Ваттувій распарывалъ животъ своимъ паціентамъ, чтобы разсмотрѣть знаки вредныхъ чаръ на пораженныхъ внутренностяхъ; онъ имѣлъ собственную жизнь, могъ превращаться въ духа, обладалъ самостоятельной силой исцѣленія, но одной царапиной убивалъ врага.

— Отдай кинжалъ!—неотступно повторялъ Ваттанъ.

Ваттувій попрежнему передернулъ плечами и неожиданно, сбросивъ съ себя верхнюю одежду, засунулъ руки подъ рубаху племянника и принялся щекотать его голую грудь. Лицо его освѣтилось ясной и лукавой усмѣшкой. Нападеніе было такъ проворно и неожиданно, что Ваттанъ, смертельно боявшійся щекотки, отшатнулся и разронялъ всѣ ножи. Быстрѣе молніи Ваттувій подхватилъ свое оружіе и, нырнувъ головой въ сброшенную рубаху, выскочилъ на середину шатра.

— Вотъ ловите!—кричалъ онъ съ бѣшенымъ весельемъ; подбрасывая вверхъ одинъ за другимъ свои ножи, которые взлетали до дымового отверстія и какъ будто сами возвращались къ его незнающимъ промаха рукамъ. Зеленый кинжалъ, ярко выдѣлявшійся среди другихъ ножей величиной и видомъ, однажды даже вылетѣлъ наружу, благополучно проскользнувъ сквозь частый переплетъ сходящихся жердей шатра, и тотчасъ же вернулся назадъ къ своему владѣльцу, какъ соколъ, улетавшій въ вышину за пернатой добычей.

— Живой, живой! — боязливо шептали зрители, прижавшись къ стѣнамъ.

Даже вайкенцы были увлечены суевѣрнымъ страхомъ оленеводовъ и забыли о своемъ недовѣріи къ духамъ чужого племени. Только упрямый Камакъ неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и съ ненавистью смотрѣлъ на упражненія шамана. Онъ смѣшивалъ въ своей враждѣ всѣхъ людей, жившихъ къ югу отъ его родной рѣки на полуночномъ морѣ, и называлъ ихъ потомками собакъ, хотя бы они были извѣчные оленеводы, какъ и его ближайшіе сосѣди. Но этому непостижимо ловкому человѣку, охваченному буйнымъ весельемъ, онъ завидовалъ съ яростью и чувствомъ безсильнаго недоумѣнія. Такъ могла бы завидовать неуклюжая

россомаха быстрому степному орлу, который такъ легко носится надъ ровной тундрой, отыскивая добычу, а осенью безпечно улетаетъ на теплый югъ, покидая пѣшихъ обитателей тундры на шестимѣсячный голодъ, стужу и мракъ.

— Ловите, ловите!—кричалъ Ваттувій, подбрасывая свои ножи все быстрѣе и быстрѣе.

Теперь казалось, что въ воздухѣ летаетъ, по крайней мѣрѣ, двадцать ножей, а двѣ неутомимыхъ руки попрежнему успѣваютъ подхватывать ихъ быстрымъ ритмическимъ движеніемъ.

— Вотъ!—Ваттувій внезапно протянулъ обѣ руки надъ головою. Ножи куда-то исчезли.

— Теперь ищите!—задорно предложилъ Ваттувій, быстро снимая одежду.—Найдете, себѣ возьмете!

Послѣ нѣкотораго колебанія хозяинъ шатра Елхутъ принялся обыскивать одежды шамана. Онъ былъ самый богатый торговецъ на обоихъ моряхъ, но зеленый кинжалъ Ваттувія соблазнилъ его и онъ былъ не прочь пріобрѣсти его въ собственность.

Но въ одеждѣ не было ни одной лишней складки, чтобы спрятать такое множество ножей.

— Теперь на мнѣ ищите,—предложилъ шаманъ, насмѣшливо поглядывая на Елхута и поворачиваясь передъ нимъ, чтобы облегчить обзоръ. Но даже бѣглаго взгляда было достаточно, чтобы опредѣлить съ увѣренностью, что на этой обнаженной фигурѣ нѣтъ ни одного лишняго предмета.

— Не нашли?.. Вотъ!..—Шаманъ проворно надѣлъ платье и вытянулъ руки вверхъ. Ножи опять выскочили изъ его рукъ, или изъ рукавовъ и помчались вверхъ одинъ за другимъ.

Камакъ продолжалъ сидѣть на мѣстѣ. Чтобы выразить свое презрѣніе къ упражненіямъ Ваттувія, онъ даже закрылъ глаза, какъ будто задремалъ. Ваттувій поглядѣлъ на него съ той же лукавой улыбкой и подбросилъ кинжалъ, въ нѣсколько наклонномъ направленіи; возвращаясь обратно, кинжалъ опустился прямо на голову Камака и крѣпко кокнулъ его по темени концомъ рукоятки, потомъ отскочилъ въ сторону и исчезъ въ широкомъ рукавѣ шамана. Камакъ съ крикомъ вскочилъ съ мѣста: быть можетъ, онъ, дѣйствительно, задремалъ отъ утомленія, ибо, приближаясь къ мѣсту ярмарки, онъ терялъ сонъ и аппетитъ въ вѣчной думѣ о мухоморахъ. Онъ выхватилъ длинное копье съ роговымъ наконечникомъ, заткнутое за переплетъ жердей, и изо всей силы ткнулъ имъ шамана въ грудь. Ваттувій быстро отскочилъ въ сторону, копье, не встрѣтивъ сопротивленія, прошло далеко впередъ, прямо подъ руку Ваттана, который не долго думая, поймалъ конецъ, съ силой дернулъ къ себѣ, чтобы вырвать изъ рукъ

Камака, и, даже не оборачиваясь, ударилъ противника въ грудь тупымъ концомъ древка, съ такой силой, что Камакъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и сбилъ съ ногъ Елхута, стоявшаго сзади.

Торговцы мгновенно разсвирѣпѣли.

— Драться, драться!—кричали они:—на святомъ мѣстѣ?

И расхватавъ копья изъ-за перекладинъ шатра, бросились на обоихъ зачинщиковъ, какъ злая и хорошо выдрессированная собачья свора.

Оленьимъ людямъ пришлось бы плохо, ибо Ваттанъ такъ и не успѣлъ повернуть копья и сжималъ его въ рукахъ, какъ палку. Но безумный Ваттувій нашелся.

— Авви! Авви! Хакъ! хакъ! хакъ!—неистово завопилъ онъ, производя языкомъ характерное щелканье, которое считается голосомъ святаго рака.

Его подвижное лицо измѣнилось и сдѣлалось тоньше и длиннѣе, глаза выпятились изъ орбитъ, длинныя руки вытянулись впередъ, какъ клешни, сдвигая и раздвигая пальцы. Онъ упалъ на землю и ползъ на противниковъ, поджимая нижнюю часть тѣла, какъ ползущій ракъ поджимаетъ шейку, потомъ принимался пятиться обратно, дѣйствительно, напоминая рака, наполовину принявшаго человѣческую форму, но сохранившаго еще всѣ прежнія привычки. Вайкенцы и даже самъ Камакъ невольно отступили. Авви былъ слишкомъ близко, чтобы затѣвать запрещенную имъ битву.

Ваттанъ схватилъ Ваттувія въ охапку и торопливо выскочилъ изъ шатра.

— Домой пойдемъ!—говорилъ онъ шаману, лежавшему на его рукахъ смирно, какъ ребенокъ.—Будетъ тебѣ дурить!

Ваттувій не отвѣчалъ и не шевелился. Первый періодъ мухоморнаго опьяненія пришелъ къ концу, и теперь голова его кружилась и оцѣпененіе быстро охватывало его мысли и чувства. Когда Ваттанъ достигъ своего шатра, стоявшаго ближе къ рѣкѣ, утомленный шаманъ уже спалъ мертвымъ сномъ, который долженъ былъ продлиться до слѣдующаго утра и привести за собою при пробужденіи слабость всего тѣла, неутолимую жажду и тошноту.

III.

Въ разныхъ концахъ обширнаго поля уже устраивались игрища. Въ лагерѣ таньговъ молодые люди, растянувъ большую моржовую шкуру, только что купленную у поморянина, затѣяли веселую игру, которая была изобрѣтеніемъ приморскаго племени юитъ, но съ недавняго времени стала распространяться по всѣмъ сѣвернымъ поселкамъ. Всѣ участники игрища съ шумомъ и смѣхомъ

обступили со всѣхъ сторонъ шкуру и крѣпко ухватившись руками за петли, прорѣзанныя въ ея утолщенныхъ краяхъ, натянули ее, какъ кожу барабана, и подняли въ воздухѣ. Двое молодыхъ людей, приземистый парень съ гладко остриженною головою и высокая дѣвушка съ черными косами, взлѣзли на шкуру и остановились другъ противъ друга въ выжидательной позѣ.

— Го, го, го!—загудѣла толпа мѣрнымъ и медленнымъ ритмомъ. Съ послѣднимъ звукомъ двадцать паръ рукъ дружно и крѣпко тряхнули шкуру. Натянутая моржовина щелкнула, какъ тетива, и чета импровизированныхъ акробатовъ взлетѣла вверхъ, разставивъ руки и ноги, чтобы сохранить равновѣсіе, и высоко поднявшись надъ толпою, упала обратно на шкуру. Не успѣли ихъ ноги коснуться упругой поверхности, какъ толпа тряхнула еще сильнѣе, и «прыгуны на шкурѣ» взлетѣли еще выше прежняго. Дѣвушка снова спустилась вертикально, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ молодая елка, колеблемая вѣтромъ. Странное трепетаніе ея широкихъ бедеръ, замѣтное даже подъ волнистою мѣховою одеждою, свидѣтельствовало о крайнемъ напряженіи мускуловъ, необходимомъ для этихъ головоломныхъ упражненій. Но товарищъ ея былъ менѣе счастливъ; неудачно толкнувшись ногою о зыбкую поверхность шкуры, онъ готовъ былъ упасть впередъ, когда толпа съ хохотомъ подбросила ихъ въ третій разъ. На этотъ разъ мальчикъ перевернулся въ воздухѣ и опустился уже головою внизъ, болтая руками и ногами въ тщетной надеждѣ ухватиться за что-нибудь.

Потѣха разгоралась. Парни и дѣвушки смѣняли другъ друга на предательской шкурѣ. Упавшій на ноги три раза считался побѣдителемъ, но парнямъ рѣдко удавалось счастливо исполнить трудную задачу. Дѣвушки, легкія и крѣпкія на ногахъ, были искуснѣе и нерѣдко совершали три и четыре очереди подрядъ къ великому стыду своихъ партнеровъ. Въ особенности дѣвушка съ длинными косами отличалась неутомимостью. Ея стройная фигура то и дѣло взлетала надъ толпою и косы, украшенныя по концамъ полосками пунцоваго мѣха, взвивались и опять падали на ея круглыя плечи.

У снѣжнаго стана, принадлежавшаго воинственному поселку Паллянъ, нѣсколько воиновъ начали состязаніе на копьяхъ; они попрежнему были одѣты въ свои травяные панцыри, мѣшавшіе быстротѣ движеній, и тяжело наступали другъ на друга, нанося и отбивая удары и постепенно приходя въ изступленіе. Все это были сосѣди и родственники, но нельзя было сказать съ увѣренностью, не кончится ли ихъ воинственная игра серьезною схваткою, несмотря на святость мѣста.

Завидѣвъ любопытное зрѣлище, люди разныхъ племенъ стали

постепенно сходиться къ лагерю палланцевъ. Даже таньги бросили свою моржовую шкуру и всей гурьбой перешли къ палланцамъ. Воины продолжали нападать другъ на друга, роговые наконечники стучали о березовыя древки; уже не одинъ удачный выпадъ поразилъ толстую травяную плетенку, которая была такъ крѣпка, что безопасно выносила самые сильные удары. Зрители, впрочемъ, недолго простояли на мѣстѣ. Ихъ руки и ноги уже зудѣли отъ стремленія къ такимъ же атлетическимъ играмъ. То былъ вѣкъ постоянныхъ состязаній, которыя составляли главную утѣху жизни, предпочтительно даже предъ войною, ибо она преслѣдовала матеріальныя цѣли, питалась случайностями и даже не всегда давала возможность проявить всю красоту ловкости и граціозность силы. Юноши съ ранняго возраста принимались носить тяжести, бѣгать на далекое разстояніе съ тяжелымъ камнемъ на плечѣ, чтобы пріобрѣсти выносливость и крѣпость мышцъ, учились отражать удары копьемъ, увертываться отъ летящихъ дротиковъ и стрѣлъ, перескакивать черезъ преграды, обгонять другъ друга въ пѣшемъ бѣгу. Но самое любимое состязаніе была борьба, которая велась по различнымъ правиламъ, съ поясомъ и безъ пояса, и даже безъ мѣховой рубахи, съ условіемъ троекратной схватки или съ обязательствомъ нападать другъ на друга до истощенія силъ.

— Борьбу, борьбу!—уже кричали въ толпѣ на разныхъ языкахъ, но преимущественно на языкѣ южныхъ оленеводовъ, который былъ общимъ языкомъ ярмарки.

Палланцы перестали фехтовать и, спустившись въ глубину своего наполовину зарытаго въ снѣгу стана, тотчасъ же появились снова на поверхности, уже безъ панцырей и копій. Они притащили огромную свѣжеободранную шкуру стараго сіуча, которую разостлали на снѣгу, тщательно выровнявъ малѣйшія складки.

— Вы любите прыгать на шкурѣ!—дерзко сказалъ одинъ изъ палланскихъ воиновъ, намекая на таньговъ, но обращаясь ко всѣмъ оленеводамъ.—Вотъ, попрыгайте-ка!

Шкура была сырая, вся скользкая отъ остатковъ полузастывшаго сала, и неопытному человѣку даже стоять на ней было трудно.

Ваттанъ, стоявшій въ переднемъ ряду, почувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ голову при дерзкомъ вызовѣ, и сдѣлалъ движеніе, чтобы вступить на шкуру, но его предупредилъ юноша небольшого роста, тонкій и стройный, одѣтый въ красивую сѣрую одежду изъ шкуры горнаго барана, подпоясанную широкимъ поясомъ съ рѣзною костяною пряжкою. Голова была прикрыта небольшою пестрою шапочкою съ прорѣзомъ на темени. Онъ принадлежалъ къ ительменамъ и вмѣстѣ съ ними пришелъ съ Южнаго мыса, но мать его была изъ рода куру, какъ о томъ свидѣтель-

ствовали вьющіеся волосы и задумчивое выраженіе большихъ карихъ глазъ. Хотя вызовъ палланцевъ относился только къ оленеводамъ, но онъ тоже стоялъ среди зрителей и чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Проскользнувъ мимо удивленнаго Ваттана, онъ однимъ прыжкомъ попалъ на середину шкуры и остановился передъ противникомъ.

Дюжій палланскій борецъ, съ краснымъ лицомъ и двумя длинными клоками волосъ на бритомъ темени, презрительно посмотрѣлъ на тщедушнаго противника.

— Вишь, какой!—сказалъ онъ безцеремонно.—Ну, куда тебя бросить?

И не дожидаясь обычныхъ переговоровъ, онъ схватилъ противника за поясъ, поднялъ его на воздухъ и съ силой бросилъ впередъ. Ительменъ отлетѣлъ за предѣлы разостланной шкуры, однако устоялъ на ногахъ. Еще черезъ мгновеніе онъ опять подскочилъ къ противнику, схватилъ его обѣими руками за кисть правой руки и крѣпко дернулъ къ себѣ. Къ общему удивленію, палланецъ пошатнулся и подался впередъ тѣломъ, уступая превосходству силъ противника. Его лѣвая рука угрожающе взмахнула въ воздухѣ, но молодой ительменъ отскочилъ назадъ и опять дернулъ. Палланецъ упалъ на колѣни, потомъ повалился лицомъ на шкуру. Ительменъ стащилъ его со шкуры, повлекъ по утоптанной для борьбы площадкѣ, дергая и встряхивая его тяжелое тѣло за ту же вытянутую впередъ руку. Все это произошло такъ неожиданно, что палланецъ даже не сопротивлялся, и только закусывалъ губу, чтобъ не застонать отъ боли. Онъ былъ совершенно безпомощенъ въ крѣпкихъ рукахъ своего противника.

Протащивъ палланца три раза вокругъ площадки, ительменъ поддернулъ его вверхъ, удачно подтолкнувъ носкомъ лѣвой ноги потомъ почти на лету изо всей силы пнулъ его правой ногой въ спину. Теперь Палланецъ, въ свою очередь, отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и растянулся на снѣгу. Пролежавъ минуту, онъ медленно поднялся на ноги и, отвернувшись отъ зрителей, безмолвно сталъ спускаться въ станъ. Онъ не могъ даже схватиться за копье, ибо его правая рука висѣла, какъ обрубокъ дерева, и все тѣло было разбито.

Ительменъ, по праву побѣдителя, снова всталъ на рединѣ, вызывая соперниковъ.

— Таковы люди куру,—сказалъ онъ ломаннымъ оленнымъ нарѣчіемъ, обращаясь къ зрителямъ и комментируя вызывающія слова побѣжденнаго палланца. —Этими руками мы медвѣдей душимъ.

По обычаю южныхъ ительменовъ, онъ, прежде всего, хотѣлъ прославить племя матери, хотя она происходила съ далекаго острова за тремя проливами, гдѣ онъ никогда не былъ.

Палланцы разсвирѣпѣли, но толпа зрителей слишкомъ явно сочувствовала побѣдителю, чтобы они могли открыто взяться за оружіе. Вмѣсто того двое молодыхъ воиновъ спустились въ станъ и принесли оттуда охапку длинныхъ костяныхъ осколковъ, которые употреблялись тогда повсюду для выдѣлки стрѣлъ и копій. Ваттанъ, горѣвшій желаніемъ помѣряться силами съ молодымъ ительменомъ, уже вступилъ на шкуру, и оба они обнажили до пояса тѣло, избирая тотъ способъ борьбы, который требовалъ наибольшаго искусства. Бросая злобные взгляды на обоихъ противниковъ, палланцы принялись обтыкать края шкуры костяными осколками, прочно укрѣпляя ихъ въ снѣгу остріями вверхъ. Въ толпѣ послышались неодобрительные возгласы. Состязаніе внезапно пріобрѣтало смертельную опасность, ибо неудачливый борецъ, упавшій обнаженнымъ тѣломъ на острые осколки, рисковалъ получить тяжелыя раны, но палланцы въ качествѣ хозяевъ имѣли право предлагать какія угодно условія.

Борьба завязалась, но три очередныя схватки прошли безъ всякаго перевѣса въ чью-либо сторону. Ваттанъ дважды поднималъ и бросалъ наотмашь ительмена, но тотъ постоянно становился на ноги, какъ кошка. Съ другой стороны Ваттанъ оказался гораздо крѣпче его и никакія ухищренія душителя медвѣдей, никакія предательскія «подножки» не могли сдвинуть его съ мѣста. Отбросивъ отъ себя цѣпкаго потомка куру въ третій разъ, Ваттанъ вдругъ нагнулся и надѣлъ свою мѣховую рубаху.

— Будетъ съ тебя!—сказалъ онъ молодому ительмену.—Пойдемъ отсюда!

Душитель медвѣдей хотѣлъ возразить, ибо слова Ваттана какъ будто утверждали превосходство силы надъ ловкостью, но передумалъ и, быстро одѣвшись, послѣдовалъ за соперникомъ.

— Какъ тебя зовутъ?—съ любопытствомъ спрашивалъ Ваттанъ, удивленно разсматривая тонкое и крѣпкое тѣло ительменскаго борца.

— Колхочъ!—отвѣчалъ ительменъ, поправляя на головѣ свою вышитую шапочку.

— А гдѣ вы растете такіе?—безцеремонно приставалъ наивный пастухъ.

— Моя земля мысъ Кужи! *)—спокойно отвѣтилъ ительменъ.— Гдѣ два моря сходятся... такъ!—Онъ выставилъ впередъ сильно согнутый локоть.—Крутые утесы!.. Наши дома, какъ птичьи гнѣзда... тамъ!—И онъ показалъ рукою вверхъ.

— Никогда не видалъ такого цѣпкаго бычка,—сказалъ Ваттанъ.—Хочешь, побратаемся?

---

*) Мысъ Лопатка, южная оконечность Камчатки.

Ительменъ подумалъ немного, потомъ схватилъ лѣвую руку своего новаго друга, поднесъ ее ко рту и глубоко запустилъ зубы въ мякоть кисти и слизалъ выступившую кровь, потомъ подставилъ новому другу собственную лѣвую кисть.

Ваттанъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на этотъ волчій пріемъ, однако, подражая ительмену, тоже укусилъ его руку до крови.

— Но только этого мало,—сказалъ онъ, тщательно вытирая ротъ послѣ непріятнаго вкуса человѣческой крови.—Вотъ, погоди, оленя убьемъ, его кровью помажемся. А мясо себѣ возьмешь!..—прибавилъ онъ по щедрой привычкѣ оленевода.

Побратимство между людьми различныхъ родовъ издавна было въ ходу въ сѣверныхъ тундрахъ и лѣсахъ, смягчая междуплеменную ненависть, ибо такіе союзы считались священными и не уступали крѣпостью самому близкому родству.

Дѣвушки изъ поселка таньговъ всей гурьбой вернулись назадъ изъ палланскаго лагеря. Имъ хотѣлось устроить собственное состязаніе. Многіе молодые люди послѣдовали за ними, особенно изъ тѣхъ племенъ, которыя не имѣли на ярмаркѣ собственныхъ женщинъ. Дѣвушка съ длинными косами вынесла изъ своего шатра красивую женскую одежду и повѣсила ее на палкѣ, воткнутой въ снѣгъ. Предполагалось состязаніе въ пѣшемъ бѣгѣ, и, по обычаю, хозяйка выставила призъ для побѣдительницы.

Чрезъ минуту дѣвушки и женщины изъ близь лежащихъ оленныхъ лагерей, сбросивъ лишнюю одежду, уже неслись впередъ по дорогѣ, натоптанной караванами, помогая себѣ длинными посохами и стараясь обогнать другъ друга. Хозяйка безпечно бѣжала въ общей толпѣ, но послѣ обычнаго поворота, когда первая половина пути была окончена, она внезапно выдвинулась впередъ и также легко отдѣлилась отъ своихъ подругъ, какъ дикій олень отъ стаи мохнатыхъ собакъ, бѣгущихъ сзади. Достигнувъ межи, она, однако, не захотѣла снять приза и великодушно пробѣжала мимо, предоставивъ его слѣдущей подругѣ. Молодые люди съ восторгомъ смотрѣли на быстроногую побѣдительницу. Она была высока и стройна, съ крѣпкими плечами, выставлявшимися изъ подъ полураскрытаго ворота одежды; щеки ея раскраснѣлись отъ бѣга, густыя брови осѣняли большіе каріе глаза. Тонко очерченный носъ изгибался красивой дугой. Все лицо ея дышало возбужденіемъ и весельемъ.

— Кто эта дѣвушка?—спросилъ Ваттанъ у молодого таньга, стоявшаго рядомъ.

— Мами, дочь Камака!—отвѣчалъ таньгъ.—Камакъ самый богатый изъ таньговъ... Знаешь, должно быть!

Ваттанъ вспомнилъ сердитаго старика, въ мухоморной палаткѣ, и ему стало смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ досадно. Кто

бы могъ подумать, что у стараго полуумнаго мухоморoѣда могутъ быть такія дочери? Онъ махнулъ рукой и вдругъ, какъ прежде при борьбѣ, почувствовалъ неодолимое желаніе самому пуститься въ бѣгъ.

— Я тоже поставлю призъ!—сказалъ онъ, подходя къ начерченной на снѣгу межѣ.

Онъ бросилъ взглядъ въ сторону своего лагеря, но идти туда было далеко. Съ безпечнымъ жестомъ Ваттанъ снялъ бѣлый волчій шлыкъ, висѣвшій на его плечѣ, и повѣсилъ его на палку. Въ толпѣ раздался одобрительный шумъ. Шлыкъ былъ сдѣланъ изъ огромной волчьей головы, и къ ушамъ были привязаны дорогіе красные «корольки», купленные отъ заморскихъ куру, по оленьей шкурѣ за королекъ.

Молодые люди тотчасъ же стали подтягивать одежды, приготовляясь къ бѣгу. Мами, гордо улыбаясь, стала вмѣстѣ съ парнями. Грудь ея дышала совершенно спокойно, рука крѣпко сжимала гибкій посохъ съ роговымъ наконечникомъ, дающій опору во время быстраго бѣга.

— А-ха-ха!— весело разсмѣялся Ваттанъ.—Бѣжала зайчиха съ песцами, забыла, гдѣ ноздри, гдѣ хвостъ!.. Смотри, духъ захватитъ!..

— Посмотримъ,—сказала Мами;—тебѣ бы только не захватило!—прибавила она съ дерзкой улыбкой, окидывая его глазами.

— Ухъ, дѣвка!—даже зажмурился Ваттанъ.—Огонь!

Ительменъ тоже смотрѣлъ на быстроногую дочь таньговъ съ видимымъ восхищеніемъ.

— У насъ нѣту такихъ!—сказалъ онъ, подумавъ.—Дѣвушки сидятъ дома, парни по горамъ ищутъ ѣду... Откуда растутъ такія?—прибавилъ онъ, безсознательно повторяя недавній вопросъ Ваттана.

— Отъ стада!—съ гордостью отвѣчалъ Ваттанъ.—Съ малолѣтства за оленями бѣгаютъ, мальчики, дѣвочки, всѣ вмѣстѣ... Олени свои, домашніе, божій даръ... Тебѣ не понять этого!..—прибавилъ онъ съ вѣчнымъ презрѣніемъ зажиточнаго и увѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ кочевника къ полуголодному и безпечному охотнику или рыболову.

— Ну, ну!—нетерпѣливо сказала Мами, переступая на мѣстѣ. Толпа молодыхъ людей, повинуясь ея стремленію, ринулась впередъ, поднимая облако мелкаго снѣга и постепенно выравниваясь на бѣгу. Въ виду интереса, который возбуждало состязаніе, предполагалось не жалѣть силъ и перебѣжать черезъ все поле, и только обогнувъ одинъ изъ холмовъ на его лѣвой окраинѣ, вернуться назадъ.

Облако снѣжной пыли быстро исчезло, но никто не уходилъ

домой; зрители стояли у дороги и усердно смотрѣли вдаль, боясь оторваться и упустить надлежащую минуту. Наконецъ маленькое бѣлое облако снова явилось на горизонтѣ.

— Бѣгутъ, бѣгутъ! — закричали съ разныхъ концовъ. — Трое бѣгутъ!

— Го, го, го!—почти тотчасъ же оглушительно заревѣла толпа. —Баба впереди, баба!

Трое передовыхъ быстро приближались. Легконогая Мами, дѣйствительно, неслась впереди, какъ молодая лань, преслѣдуемая волками. Длинныя черныя косы съ красными кистями на концахъ развѣвались за ея плечами, какъ двѣ стрѣлы, опушенныя красными перьями. Она не только бѣжала быстрѣе парней, но даже играла съ ними, то подпуская ихъ на нѣсколько шаговъ, то снова быстро увеличивая промежутокъ. Колхочъ и Ваттанъ бѣжали рядомъ; на рыхломъ снѣгу Чагарскаго поля легконогій ительменъ оставилъ сзади тяжеловѣснаго побратима, но по мѣрѣ приближенія къ стойбищу Ваттанъ наверсталъ потерянное и теперь они бѣжали нога въ ногу по широкимъ, твердо наѣзженнымъ колеямъ. Лицо Ваттана почернѣло отъ гнѣва и напряженія. Глаза его выкатились изъ орбитъ, дыханіе выходило со свистомъ изъ его груди, и можно было ожидать каждую минуту, что онъ грянется на землю бездыханнымъ отъ нечеловѣческаго усилія. Ительменъ былъ блѣденъ и крѣпко стиснулъ зубы; его мохнатые волосы смерзлись отъ обледенѣвшаго пота и походили на большую шапку; крупныя капли катились по щекамъ и стекали за воротъ исподней мѣховой рубахи.

Мами бѣжала совсѣмъ иначе, легко и стройно, почти безъ всякихъ усилій. Ея мускулы были сдѣланы какъ бы изъ совершенно другого матеріала. Добѣжавъ до межи, она подхватила мохнатую волчью шапку и тотчасъ же надѣла ее себѣ на голову.

— Дайте мнѣ копье! — шаловливо говорила она: — теперь я буду воиномъ.

Толпа неистовствовала отъ восторга. Десять копій со всѣхъ сторонъ протянулись къ дѣвушкѣ. Юная дочь таньговъ теперь казалась зрителямъ воплощеніемъ великой Эндіу, дочери стараго Кутха и прародительницы всего человѣческаго рода.

Ваттанъ тоже остановился у межи и пошатнулся, но удержался на ногахъ при помощи посоха.

— Еще разъ! — прохрипѣлъ онъ, тяжело дыша. — Еще попробуемъ.

— Съ вами?—сказала дѣвушка съ пренебреженіемъ.—Вы не годитесь.

Она обвела нетерпѣливымъ взглядомъ толпу своихъ недавнихъ соперниковъ, которые являлись черезъ каждые нѣсколько секундъ

въ одиночку и группами, и невольно остановилась на худощавой. но удивительно стройной фигурѣ молодого одула, тоже подошедшаго полюбоваться на рѣдкое зрѣлище. Онъ былъ одѣтъ въ короткій замшевый кафтанъ, пышно расшитый лосиной шерстью и отороченный мѣхомъ выдры. Высокія штиблеты изъ гладкошерстной шкуры оленьяго теленка плотно облегали красиво выгнутыя ноги. Прямые волосы падали до плечей, столь же блестящими и пушистыми прядями, какъ шарфъ изъ хвостовъ черной лисицы. обвивавшей его шею.

— Развѣ съ тобой?—сказала дѣвушка полуутвердительно, съ видимымъ удивленіемъ разсматривая стройную осанку новаго гостя. Одулъ вопросительно взглянулъ на тощаго старика, стоявшаго рядомъ и одѣтаго въ такой же кафтанъ, но безъ вышивокъ и украшеній; но старикъ покачалъ головой и сказалъ какое-то слово на никому неизвѣстномъ языкѣ. Молодой человѣкъ слабо усмѣхнулся и тоже покачалъ головой.

— Стыдно молодымъ людямъ состязаться съ женщинами!— сказалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ. Однако, голосъ его прозвучалъ минутнымъ сожалѣніемъ и видно было, что предлагаемое состязаніе представлялось ему не лишеннымъ соблазна.

Въ эту минуту большой бѣлый заяцъ, согнанный съ логовища какимъ-то невѣдомымъ врагомъ, прокатился по дорогѣ и, увидѣвъ такую толпу людей, еще больше испугался и покатилъ въ сторону. Старикъ быстро указалъ на зайца и опять сказалъ что-то. Одулъ сорвался съ мѣста и какъ, стрѣла, понесся въ догонку. Заяцъ, легкій, какъ пухъ, мчался впередъ, не помня себя отъ страха и оставляя на снѣгу чуть замѣтные слѣды. Болѣе тяжелый преслѣдователь проваливался на рыхлыхъ мѣстахъ, но тѣмъ не менѣе разстояніе быстро сокращалось; черезъ четверть часа обезсилѣвшій звѣрекъ припалъ къ землѣ, закрывая глаза и ожидая смертельнаго удара. Одулъ спокойно взялъ его на руки и по бѣжалъ назадъ. Толпа съ изумленіемъ смотрѣла на этотъ новый способъ охоты. Не даромъ о быстротѣ одуловъ ходило такъ много разсказовъ. Этотъ новый подвигъ молодого одула равнялся съ побѣдой Мами, и отнынѣ они должны были соединиться вмѣстѣ въ пѣсняхъ и легендахъ всѣхъ восьми племенъ, собравшихся на ярмарку.

Глаза Мами зажглись отъ возбужденія и радости.

— Какъ зовутъ тебя? — спросила она, порываясь навстрѣчу молодому чужеземцу, какъ будто хотѣла немедленно пуститься съ нимъ взапуски.

— Я—Гирканъ, сынъ Метучи,—сказалъ молодой Одулъ, весело играя глазами,—это тебѣ!—прибавилъ онъ, подавая молодой дѣвушкѣ совершенно присмирѣвшаго зайца.

Мами поспѣшно взяла зайца и положила его на снѣгъ дороги, но онъ не хотѣлъ вѣрить своей свободѣ и лежалъ, какъ мертвый, не двигаясь съ мѣста.

— Бѣжимъ!—настойчиво повторяла дѣвушка.—Кто быстрѣе, попробуемъ!

Одулъ опять отрицательно покачалъ головой. Дѣвушка нетерпѣливо стукнула объ землю концомъ копья, которое все еще держала въ рукахъ, но ничего не сказала больше. Заяцъ, испуганный внезапнымъ стукомъ, вскочилъ на ноги и опять покатилъ по дорогѣ, что есть мочи.

— Ухъ-ухъ!—невольно заухала толпа, привлеченная новымъ зрѣлищемъ.

— Ну-ка!—сказала вдругъ молодая дѣвушка, отворачиваясь отъ Одула и обращаясь къ своимъ недавнимъ соперникамъ.—Теперь вы поймайте!

— Дѣвушка!—грозно сказалъ Ваттанъ, дѣлая шагъ по направленію къ Мами.—Мой дѣдъ говоритъ: если женщина лучше мужчины, отдайте ее мужу или убейте ее!..

— Я не боюсь!—твердо возразила Мами, сжимая въ рукахъ копье.

Въ толпѣ зрителей прозвучалъ неодобрительный гулъ. Угрозы побѣжденнаго не вызвали ничьего сочувствія, хотя онъ защищалъ авторитетъ мужчинъ.

Ваттанъ повернулся къ толпѣ и хотѣлъ что-то сказать, но въ эту минуту между дальнихъ холмовъ, синѣвшихъ на заднемъ планѣ, показалась маленькая черная точка, быстро приближавшаяся къ стойбищу.

— Всадникъ, всадникъ! — съ любопытствомъ заговорили въ толпѣ.

Въ лагерѣ оленныхъ всадниковъ должно было происходить что-нибудь необыкновенное, если они рѣшились послать вѣстника къ чужому племени.

Высокій долгоногій быкъ мчался во весь опоръ, выкидывая изъ-подъ копытъ во всѣ стороны твердые снѣжные комья. Впереди, почти на самой шеѣ, сидѣла безъ сѣдла и посоха дѣвочка лѣтъ десяти, маленькая и косматая, похожая на комокъ сѣрой шерсти, присохшій къ лопаткамъ скакуна. Она дала полную волю умному оленю, который, почуявъ издали запахъ человѣческаго жилья, во весь опоръ летѣлъ къ стойбищу. Десять паръ рукъ сняли дѣвочку съ оленьей спины. Она закрыла глаза, точь-въ-точь какъ недавній заяцъ, и безсильно повисла въ этихъ страшныхъ чужеплеменныхъ объятіяхъ.

— Что случилось? — спрашивали со всѣхъ сторонъ, но она такъ же мало могла говорить, какъ раненая птица въ рукахъ охот-

ника. На плечѣ ея кафтана была прорѣха, сдѣланная ножомъ или копьемъ, и къ краямъ присохло нѣсколько капель крови, выступившихъ изъ свѣжей царапины.

— Побѣжимъ, посмотримъ! — рѣшительно сказала Мами, потрясая копьемъ.

Стойбище всадниковъ отстояло почти на половину дневного перехода, но съ тѣхъ поръ, какъ она увидѣла быстроту Гиркана, ноги ея не стояли на мѣстѣ и ей хотѣлось бѣжать и бѣжать безъ конца.

Десятка полтора молодыхъ людей съ посохами и копьями бросились бѣжать по направленію къ южнымъ холмамъ. Они бѣжали равномѣрнымъ шагомъ, сберегая силы и на самомъ ходу оправляясь отъ недавней усталости. Но Гирканъ и Мами бѣжали впереди, время отъ времени упираясь копьемъ въ землю, чтобы сдѣлать внезапный прыжокъ. Порою молодой одулъ, какъ бы играя, выбѣгалъ впередъ; дѣвушка торопилась догнать его, но онъ отбѣгалъ все дальше и дальше, поддразнивая ее своимъ превосходствомъ, какъ раньше она поддразнивала другихъ. Потомъ оба они останавливались и принимались ожидать товарищей, которые не рѣшались ускорять обычной перебѣжки и оставались далеко сзади. Послѣ двухъ или трехъ попытокъ состязанія, Мами убѣдилась, что Гирканъ, дѣйствительно, быстрѣе ея. Она немедленно отказалась отъ спора и, дождавшись общей группы, побѣжала вмѣстѣ съ другими. На лицѣ ея было выраженіе раздумья; она, видимо, колебалась и рѣшала въ умѣ какой-то важный вопросъ. Гирканъ хитро поглядывалъ то на нее, то на мрачное лицо огромнаго Ваттана, бѣжавшаго рядомъ, и слегка усмѣхался. Его безпечному уму были смѣшны эти странные люди, превращавшіе каждый предметъ, даже слово или взглядъ, въ предметъ заботы и томительнаго безпокойства.

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЭМИЛЬ ЗОЛА.

Личный вкладъ художника въ произведенія искусства всегда останется однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ художественнаго творчества. Оттого интересъ къ личности писателя — интересъ не только законный, но и неизбѣжный. Даже тогда, когда эту личность заслоняетъ цѣлый сонмъ созданныхъ имъ образовъ, невольно хочется какъ-нибудь доискаться до нея, возстановить ее, возсоздать. И въ этомъ отношеніи всегда помогаетъ наружность автора. Въ чертахъ каждаго крупнаго писателя всегда есть нѣчто родственное его твореніямъ.

Когда впервые появились въ продажѣ фотографическія карточки Зола, это было несомнѣннымъ разочарованіемъ. Ничего задушевнаго, захватывающаго, совсѣмъ своего нельзя было высмотрѣть въ его спокойномъ взорѣ. Его круглое лицо казалось какимъ-то слишкомъ обыденнымъ. Зола похожъ на купца, на доктора, на кого хотите, только не на писателя, говорили его противники. И приверженцы его таланта не находили, что возразить на это. Такое же впечатлѣніе, признаюсь, производила и на меня наружность Зола, пока я могъ судить о немъ только по портретамъ.

Позднѣе мнѣ случилось однако увидѣть и самого Зола, и при томъ въ моментъ для него знаменательный. Зола входилъ въ Palais de Justice въ качествѣ обвиняемаго въ клеветѣ на судей Дрейфуса. Это былъ первый день его процесса. Одновременно прошли черезъ ворота рѣшетки Рошфоръ, Жоресъ, Лабори и многіе другіе. Зола вышелъ изъ своей кареты совершенно спокойно. На немъ былъ безукоризненный цилиндръ и осеннее пальто въ родѣ тѣхъ, какія сотнями шьются въ Луврѣ и Бонъ-Марше. Ни дать ни взять добрый буржуа, входящій на скромную свадьбу своихъ знакомыхъ.

Парижская толпа была тогда сильно возбуждена. Одни кричали: «Да здравствуетъ Рошфоръ!» «Да погибнетъ Зола!» «Да погибнетъ измѣнникъ!». Другіе, и очень немногіе, отвѣчали: «Да здравствуетъ Зола!» «Да погибнетъ Рошфоръ!». При этихъ послѣднихъ крикахъ Рошфоръ, ускоривъ шаги, быстро прошелъ въ калитку и уже за рѣшеткой, ставъ въ театральную позу на широкой лѣстницѣ «Дворца

справедливости», сверкая глазами, закричалъ: «Тѣ, кто кричалъ: «да погибнетъ Рошфоръ!», продали себя жидамъ и измѣнникамъ!» Зола, повидимому, тоже хотѣлъ что-то сказать. Въ его глазахъ вспыхнула какая-то мысль, что-то промелькнуло, проснулось... но это была лишь одна минута. Черезъ мгновеніе взоръ его опять потухъ и спокойно, не торопясь, какъ-то почти неуклюже, онъ прошелъ въ калитку и сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Но эта, оставшаяся невысказанной, мысль во взорѣ Зола, мнѣ кажется, передалась тогда многимъ присутствующимъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось, что въ это мгновеніе я схватилъ то задушевное и личное, чего не хватало мнѣ на фотографической карточкѣ. При всей почти мѣщанской обыденности его наружности мнѣ тогда померещилось въ Зола что такъ глубоко одинокое, свое. И тогда мнѣ невольно вспомнились слова объ одиночествѣ: «Одинокій человѣкъ,—писалъ Зола, — можетъ всегда находиться на людяхъ, жить ихъ обычною жизнью, принимать безъ малѣйшаго отпора общественные обычаи, походить во внѣшности на другихъ. Онъ все-таки останется одинокимъ, если онъ сохранилъ свою волю свободной отъ всякаго воздѣйствія, если онъ дѣлаетъ только то, что хочетъ, и поступаетъ только такъ, какъ хочетъ, неуязвимый подъ ударами клеветы, одинокій и стойкій».

Теперь завершился кругъ литературной и общественной жизни Зола. Шумно и торжественно проводилъ Парижъ его прахъ. Пресса опять осыпала его одновременно и клеветническими обвиненіями, и похвалами.

Мнѣ хотѣлось бы въ этомъ очеркѣ попристальнѣе всмотрѣться въ самую глубь его художественной, теоретической и общественной мысли. Мнѣ хотѣлось бы вдуматься въ его яркую индивидуальность, постараться возсоздать то внутреннее единство его личности, которое обнимаетъ все разнообразіе его взглядовъ, вкусовъ, интересовъ и запросовъ.

I.

Десять лѣтъ жизненной борьбы и литературныхъ исканій, двадцать лѣтъ спокойной художественной работы по заранѣе намѣченному и твердо исполненному плану и потомъ послѣднія десять лѣтъ новыхъ, нѣсколько растерянныхъ исканій въ литературѣ и энергичной общественной дѣятельности, вотъ къ чему сводится жизнь Зола, полная борьбы и труда, превратностей и славы.

И во всѣ эти три періода его дѣятельности Зола различно смотрѣлъ на художественное творчество. Только въ одномъ онъ никогда не мѣнялся; во всѣ эти три періода «онъ такъ же пламенно вкладывалъ и душу, и тѣло въ свой слогъ и свое искусство», какъ онъ выразился

еще въ 1860 г., когда, двадцатилѣтнимъ юношей, безъ средствъ и даже безъ высшаго образованія, онъ попалъ на «жесткую и жгучую мостовую Парижа».

Въ 1867 г. послѣ шести лѣтъ службы въ издательской фирмѣ Hachette'a, Зола, наконецъ, рѣшился посвятить себя исключительно литературѣ. Выпущенные имъ нѣсколько раньше «Contes à Ninon» (1864) и «Confession de Claude» (1866) доставили ему уже нѣкоторую извѣстность, и Вильмессанъ поручилъ ему въ своемъ «Evènement» отдѣлъ литературной и художественной критики. Въ этой газетѣ появились надѣлавшія столько шуму статьи Зола о Манэ. Это былъ первый крупный успѣхъ. Статьи эти, вмѣстѣ съ отзывами о новыхъ книгахъ, тогда́ же были собраны въ сборникѣ «Mes haines». Интересы Зола въ то время были строго художественные. Онъ весь полонъ искусствомъ. Онъ требуетъ широкаго простора для генія, отстаиваетъ независимость художественнаго творчества. Даже сюжетъ ему совершенно безразличенъ. Все дѣло въ исполненіи. Зола поборникъ искусства для искусства. Его опредѣленіе искусства, какъ «уголокъ природы, разсмотрѣнный черезъ темпераментъ художника», прежде всего, направлено противъ всякой попытки навязать художественному творчеству какія-либо постороннія цѣли.

Но такъ продолжалось не долго. Когда послѣ скандальнаго успѣха Therèze Raquin, Зола принялся за «Ругонъ-Макаровъ», онъ сталъ смотрѣть уже иначе.

Въ нашъ научный вѣкъ, начинаетъ теперь думать Зола, и искусство должно быть научнымъ. Оно должно широко пользоваться пріобрѣтеніями положительнаго знанія. Пріемы художественной работы должны измѣниться подъ вліяніемъ научныхъ методовъ. И если Зола все еще продолжаетъ утверждать, что искусство есть «уголокъ природы, разсмотрѣнный черезъ темпераментъ художника», то подъ природой онъ разумѣетъ теперь уже не то, что раньше. Терминъ природа — значительно съузился. Изучая природу и, какъ естествоиспытатель, собирая и классифицируя факты о человѣкѣ, такъ называемые «человѣческіе документы», художникъ долженъ, по мнѣнію Зола, пользоваться изъ всего этого лишь тѣмъ, «чѣмъ овладѣла наука». Онъ долженъ брать только «факты доказанные». Безразличіе къ сюжету, которое рекомендовалъ прежде Зола, такимъ образомъ уже отброшено. Выборъ сюжета сталъ теперь въ высшей степени важнымъ. И рядомъ съ этимъ отброшенной оказалась теорія «искусства для искусства». Теперь Зола хотѣлось бы, чтобы искусство преслѣдовало вполнѣ опредѣленную цѣль. Искусство должно, не отставая отъ науки, стремиться показывать явленія жизни, объяснять, что должно произойти, если люди съ извѣстными особенностями попадутъ въ извѣстную среду; выражаясь словами Зола, романистъ изображаетъ «послѣдовательность событій, отвѣчающую детерминизму изслѣдованныхъ явленій». Отсюда романъ есть не что иное, какъ научный опытъ. Правда, теперь романистъ-экспериментаторъ двигается еще

только ощупью, потому что область науки, на которой онъ основывается, самая темная и самая сложная изъ всѣхъ областей человѣческаго знанія; покамѣстъ экспериментальный романъ, какъ, нехотя, сознался Зола, еще только гипотеза, но задача его въ будущемъ, когда наука овладѣетъ всѣми фактами человѣческаго существованія Тогда искусство уже сольется и совпадетъ съ наукой.

И если во дни своей молодости Зола придавалъ огромное значеніе личному вкладу въ художественное творчество, то теперь, въ увлеченіи своей новой теоріей искусства, Зола сталъ думать иначе. «Романистъ-экспериментаторъ,—говоритъ теперь Зола,—даетъ мѣсто своему личному чувству лишь въ такихъ явленіяхъ, детерминизмъ которыхъ еще не опредѣленъ, стараясь по возможности контролировать идею a priori путемъ наблюденія и опыта».

Такіе взгляды высказалъ Зола въ своихъ парижскихъ письмахъ, помѣщенныхъ черезъ посредство Тургенева въ «Вѣстникѣ Европы». Они изложены въ особыхъ теоретическихъ статьяхъ: «экспериментальный романъ», «натурализмъ въ театрѣ» и пр., и разсѣяны во множествѣ очерковъ о современныхъ романистахъ, драматургахъ и поэтахъ. Эти разсужденія Зола составили цѣлыхъ четыре тома, когда они появились во французскомъ подлинникѣ, таковы: «Le roman experimental» (1880), «Les romanciers naturalistes» (1881), «Les documents littéraires» (1881), «Le naturalisme au theâtre» (1881).

И критика обратила особое вниманіе именно на эти журнальныя статьи Зола. Авторъ «Ругонъ-Макаровъ» представлялся, прежде всего, теоретикомъ экспериментальнаго романа. Парадоксы и увлеченія Зола-критика, вродѣ ссылокъ на Клодъ Бернара, заявленій, что романъ есть тотъ же научный опытъ, что «одинъ общій законъ детерминизма управляетъ и камнями мостовой и человѣческими мозгами», что деньги создаютъ генія и проч., критика стала всячески теребить, обрушиваясь на нихъ со всею тяжеловѣсностью научнаго здраваго смысла и философской выучки. И поживиться было чѣмъ. Какъ мыслитель, Зола упрощаетъ всѣ вопросы бытія съ поразительной наивностью. Чего стоитъ одно смѣшеніе словъ: идеалъ, метафизика, непознаваемое, философія, которымъ Зола неизмѣнно придавалъ совершенно тотъ же самый смыслъ, противополагая имъ науку и понимая подъ ними всякое малѣйшее отклоненін въ сторону отъ области положительнаго знанія. Естествоиспытательскій взглядъ на мірозданіе никогда не находилъ себѣ болѣе пламеннаго защитника, болѣе антифилософскаго поборника, чѣмъ Зола.

Хуже всего было то, что черезъ призму этого философскаго и эстетическаго упростительства, стала критика смотрѣть и на романы Зола. Указывая всю несостоятельность его разсужденій, критика ополчалась на автора «Ругонъ-Макаровъ» за то, что въ нихъ онъ не осуществилъ своей теоріи. Гюйо справедливо замѣтилъ, что Зола, увѣрявшій, будто его интересуетъ только физіологія человѣка, а отнюдь

не «метафизическая вертушка», въ сущности, какъ талантливый романистъ, всегда оставался психологомъ. Брандесъ обвинялъ Зола въ томъ, что, требуя отъ художника воспроизведенія одной только правды жизни и полнаго обузданія воображенія, Зола самъ своему собственному воображенію даетъ полный просторъ. И въ этомъ отношеніи критика была, разумѣется, права. Трудно найти болѣе наглядный способъ доказать теоретику искусства его заблужденія, какъ сославшись на него самого, какъ писателя. Однако, если теорія и практика не сходятся у художника, если крупный художникъ оказался плохимъ теоретикомъ, то не слѣдуетъ ли наоборотъ все вниманіе обратить на самыя его произведенія, а критическія статьи принимать во вниманіе лишь по поводу ихъ?

И если приглядѣться ближе, то теоретическія писанія Зола, дѣйствительно, окажутся лишь пространнымъ, но не имѣющимъ вовсе самостоятельнаго значенія историко-литературнымъ коментаріемъ къ «Ругонъ-Макарамъ». Зола излагаетъ здѣсь теорію задуманной имъ работы или, вѣрнѣе, то, что казалось ему теоріей этой работы. Даже въ Зола-критикѣ все время чувствуется авторъ «Ругонъ-Макаровъ». Онъ говорилъ въ своихъ «Парижскихъ письмахъ», какое мѣсто онъ занимаетъ среди другихъ французскихъ романистовъ, къ какой школѣ его надо отнести и чѣмъ отличается эта школа отъ другихъ современныхъ писателей, литературныхъ кружковъ, толковъ, вѣяній. Мало того, касаясь драмы и лирики, Зола и тутъ остается на той же точкѣ зрѣнія. Когда онъ пишетъ о современныхъ поэтахъ, его интересуетъ лишь вопросъ о томъ, существуетъ ли и въ поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ направленіе, родственное его собственному, и возможно ли оно въ стихотворной формѣ. Точно также и о драмѣ говорилъ Зола лишь, когда хотѣлъ понять причины своего неуспѣха, какъ драматурга, и выяснить себѣ, возможно ли реформировать драматическое искусство такъ, чтобы оно приблизилось къ его романамъ.

Читая журнальныя статьи Зола, никогда не надо упускать изъ вида что имѣешь дѣло съ художникомъ. Тогда статьи эти окажутся въ высшей степени интересными: онѣ помогутъ намъ вдуматься въ процессъ художественнаго творчества, скрывающійся за пестрой толпой героевъ Зола.

Въ медовый мѣсяцъ увлеченія «научнымъ міровоззрѣніемъ» и пламенной вѣры въ результаты естественно-научныхъ изысканій Зола, этотъ упоенный искусствомъ художникъ, какимъ мы его знаемъ по его первымъ статьямъ, начинаетъ зачитываться научной литературой. Воображеніе его возбуждено гипотезами, обобщеніями, результатами научныхъ наблюденій. Его увлекаетъ знаніе. Онъ самъ начинаетъ работать въ унисонъ съ учеными; онъ собираетъ отовсюду факты; классифицируетъ ихъ, обсуждаетъ, взвѣшиваетъ. Проблема наслѣдственности, модная въ шестидесятыхъ годахъ, вліяетъ особенно властно на его воображеніе. Зарождающіеся въ его творческой головѣ образы

естественно начинають укладываться въ заинтересовавшіе его законы наслѣдственности, и Зола создаетъ цѣлую генеалогію. Рядомъ съ этимъ всѣ тѣ пороки, странности, проявленія различныхъ свойствъ человѣческой природы, съ которыми онъ знакомится въ научной литературѣ, оживаютъ въ немъ въ конкретныхъ, живыхъ образахъ; даже самую свою работу онъ начинаетъ представлять себѣ образно; онъ воображаетъ себя самого ученымъ и свои чисто артистическія исканія—наукой. И онъ начинаетъ любить все это увлеченіе положительнымъ знаніемъ, всю эту погоню за научной правдой. Привычная и близкая, легче дающаяся работа художника какъ будто отступаетъ передъ всѣмъ этимъ сонмомъ накопленнаго и преувеличеннаго воображеніемъ фактическаго матеріала. Ему уже кажется, что онъ самъ, какъ ученый, полюбилъ только одну отвлеченную истину и къ ней только и стремится. И тогда, чувствуя, что теперь, какъ и прежде, онъ въ сущности только «вкладываетъ душу и тѣло въ свой слогъ и въ свое искусство», Зола восклицаетъ: «Увы, не правду въ насъ любятъ, а остроту рѣчи, прихотливость рисунка и красокъ, какія мы ей придаемъ!..»

Когда въ концѣ своей долголѣтней работы надъ «Ругонъ-Макарами» Зола изобразилъ экстазъ доктора Паскаля передъ составленнымъ имъ генеалогическимъ деревомъ своей семьи, Зола, несомнѣнно, вложилъ въ эту картину автобіографическія черты. Документы Паскаля—это тѣ замѣтки, наброски, вырѣзки самого Зола, о которыхъ разсказалъ намъ Тулузъ. Самъ Зола, начертавшій родословное дерево Ругонъ-Макаровъ, еще въ дни своей молодости, конечно, нерѣдко черпалъ вдохновеніе, всматриваясь въ развѣтвленія его сучьевъ, одѣвающіе его листья съ именами его героевъ. Это дерево для него было тѣмъ пріемомъ сосредоточенія вниманія, той точкой опоры для самовнушенія, которые такъ сильно помогаютъ напрягаться воображенію. Оттого и докторъ Паскаль говоритъ не какъ ученый, а скорѣе какъ художникъ. Ему удѣлилъ Зола гораздо больше своего я, чѣмъ тому романисту Сандозу въ «Oeuvre'ѣ», котораго онъ заставилъ высказывать свои собственные взгляды на искусство.

Зола былъ не «упростителемъ» положительной философіи, какъ его назвалъ Гюйо,—онъ былъ ея поэтомъ. Онъ старался художественно претворить все то творческое и наиболѣе важное, что заключается въ стремленіяхъ позитивистовъ, онъ проникся цѣликомъ жаждой той истины, которую люди упорно и настойчиво пытаются вырвать у не подающейся человѣческому уму, ревниво оберегающей свои тайны природы. И онъ почерпнулъ у позитивистовъ ихъ смѣлость мысли, ихъ дерзаніе передъ обнаженностью природы. Оттого-то, именно, онъ и не побоялся, изображая человѣка, сдернуть ту стыдливую пелену, которой люди прикрываютъ тайныя похоти своего тѣла.

И если позитивисты въ своемъ увлеченіи бездушной матеріей все таки рвались къ человѣку, къ его нуждамъ, къ его горю и страданію, если передъ ними не переставала теплиться надежда, что, создавъ научную соціо-

логію, они послужатъ человѣчеству въ его соціальныхъ невзгодахъ, то такъ же точно и Зола въ самомъ центрѣ своихъ художественныхъ интересовъ лелѣялъ вопросы общественности. Это ясно видно въ его статьѣ объ экспериментальномъ романѣ, такъ наивно отразившей впечатлѣніе, которое произвела на воображеніе Зола книга Клодъ Бернара объ экспериментальной медицинѣ. Придетъ время, говоритъ здѣсь Зола, «и настанетъ вѣкъ, когда всемогущій человѣкъ подчинитъ себѣ природу и воспользуется ея законами, чтобъ на землѣ воцарились, насколько это возможно, свобода и справедливость».

Вотъ куда влекло Зола въ его научныхъ поискахъ! Осуществленіе свободы и справедливости, вотъ къ чему онъ стремился. Зола, конечно, былъ писатель общественный, и свои общественныя увлеченія онъ черпалъ у позитивистовъ.

Въ періодъ художественной зрѣлости отъ той теоріи искуства, которую онъ исповѣдывалъ въ молодости, не осталось и помину. Теперь онъ такъ же близко стоитъ къ воззрѣніямъ Прудона, какъ далеко онъ стоялъ отъ нихъ, когда писались статьи, вошедшія въ «Mes haines». Когда мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію уже не художественныхъ интересовъ, лежащихъ въ основѣ «Ругонъ-Макаровъ», а самаго ихъ замысла, мы увидимъ воочію, что общественное значеніе имѣютъ не отдѣльные романы Зола, а вся ихъ серія цѣликомъ, такъ, какъ она была задумана имъ въ самомъ началѣ.

II.

Понять сущность самаго замысла «Ругонъ-Макаровъ» лучше всего поможетъ то замѣчаніе, которымъ заканчивается коротенькое предисловіе къ «La Fortune des Rougons»: «Этотъ томъ былъ уже написанъ,— говоритъ здѣсь Зола,—когда паденіе Бонапарта, необходимое мнѣ, какъ художнику, и неизбѣжность котораго я неизмѣнно чувствовалъ въ концѣ драмы, не смѣя надѣяться на то, что оно послѣдуетъ такъ быстро, дало потрясающую и необходимую развязку всему моему произведенію. Теперь оно завершено; оно заключено въ замкнутомъ кругѣ событій; оно становится картиной мертваго царства, цѣлой странной эпохи безумія и позора».

Самъ Зола свидѣтельствуетъ здѣсь о томъ, что замыселъ задуманной имъ серіи романовъ былъ замыселъ трагическій. Эпопея Ругонъ-Макаровъ—эпопея трагическая. Она сконцентрирована вся на роковой и неизбѣжной катастрофѣ, къ которой направлено все дѣйствіе.

И «La Fortune des Rougons», «La Curée», «La conquête de Plassans», «Son excellence Eugène Rougon» составляютъ какъ бы первый актъ этой драмы, они какъ бы еще только вводятъ насъ въ великую трагедію французской исторіи середины прошлаго вѣка. Имперія тогда была только что провозглашена и Франція повѣрила знаменитому слову

Наполеона III-го: имперія — это миръ. Настроеніе, тогда царившее во Франціи, Зола самъ изобразилъ намъ въ «la Curée»: «Молчаніе царило и на трибунѣ и въ прессѣ. Еще разъ спасенное общество радовалось, отдыхало и какъ бы потягивалось въ истомѣ теперь, когда сильное правительство стояло на стражѣ его интересовъ, ограждало его отъ всякой заботы, даже отъ заботы подумать о себѣ и своихъ дѣлахъ... Политика ужасала, какъ опасное лекарство. Усталые умы обращались къ своимъ частнымъ дѣламъ и къ удовольствіямъ. Имущіе тащили свои богатства изъ-подъ спуда, неимущіе во всѣхъ углахъ искали скрытыхъ сокровищъ». Роскошныя празднества въ Тюльерійскомъ дворцѣ, апофеозъ разныхъ «бѣлокурыхъ Венеръ» въ театрахъ, внѣшній блескъ Всемірной Выставки отвѣтили этому настроенію. Парижъ покрылся новыми домами, построенными Аристидомъ Саккаромъ. Онъ сталъ нарядeнъ и веселъ. Его женщины вновь стали законодательницами модъ всего міра. Символомъ главенства и превосходства Парижа былъ, основанный Октавомъ Муре магазинъ «Au bonheur des dames», этотъ «колосальный дворецъ искушеній, сіяющій люстрами, покрытый цѣлымъ потокомъ бархата, шелка и кружевъ».

Но катастрофа уже надвигалась, хотя и медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. Съ имперіей не воцарился во Франціи миръ; настало лишь царство непростительнаго легкомыслія. Въ погонѣ за наслажденіями «спасенное событіями 1852 года общество» какъ бы потеряло голову, обезумѣло, «ослѣпленное вѣшнимъ мишурнымъ блескомъ праздничнаго Парижа». Оно закрывало глаза и замалчивало, изображенный въ «Pot Bouille», страшный гнилой развратъ, скрывающійся за сверкавшими краснымъ деревомъ входными дверями новыхъ домовъ. Его ничуть не пугало одичаніе ремесленнаго населенія предмѣстій, приговореннаго какъ въ Assomoir'ѣ рано или поздно заразиться всесильнымъ недугомъ алкоголизма.

Трагизмъ безразсуднаго легкомыслія, охватившаго цѣлый народъ, Зола выразилъ въ «Nana».

При появленіи этого романа, его скрытый общественный смыслъ почему-то вовсе не былъ понятъ. Критика вовсе не замѣтила, зачѣмъ надо было Зола изобразить эту наивную въ своей невѣроятной злобѣ прелестницу. Критика не хотѣла расширить образъ, раскрыть скрывающійся въ немъ символъ. Даже та сцена, гдѣ Нана топчетъ ногами расшитый золотомъ мундиръ имперскаго камергера графа Мюффа, не навела ее на пониманіе этого романа. Потрясающія картины, развертывающіяся здѣсь одна за другой, критика сочла за простое преувеличеніе, за болѣзненную игру воображенія. И потому-то крики уличной толпы «на Берлинъ, на Берлинъ!» показались какой-то лишней пристройкой къ этой эпопеѣ развратнаго женскаго тѣла. Но для Зола Нана не была простой куртизанкой. Онъ преувеличивалъ смертоносное вліяніе ея чаръ именно потому, что она олицетво-

ряла въ его глазахъ все преступное легкомысліе «праздничнаго Парижа». Это легкомысліе онъ хотѣлъ изобразить не поверхностнымъ, а развратнымъ, не беззаботнымъ, а разлагающимъ и преступнымъ. Вниманіе его сосредоточивалось не только на психологіи самой Нана. Что Нана?! Нана безсознательно злобна, наивно развратна. Дѣло вовсе не въ ней самой. Дѣло въ томъ настроеніи общества, которое сдѣлало возможнымъ ея тріумфъ надъ Парижемъ. Въ знаменитой сценѣ скачекъ властвуетъ не Нана, а самъ «праздничный Парижъ», въ силу своего легкомыслія поклонившійся, какъ богинѣ, подругѣ своихъ оргій, конечной цѣли всѣхъ своихъ пріобрѣтательскихъ вожделѣній. И Нана явилась не только божествомъ, но и мстителемъ. Въ ея лицѣ обездоленныя предмѣстья какъ бы мстятъ богатому и сановному Парижу. Нана, говоритъ докторъ Паскаль, — это «возмездіе, это женщина выросшая изъ соціальнаго смрада предмѣстій, это золотая муха, вылетѣвшая изъ зіяющихъ подонковъ общества, которую терпятъ и скрываютъ, но которая несетъ въ трепетѣ своихъ крыльевъ броженіе всеобщей гибели».

И если преступное легкомысліе «праздничнаго Парижа» обезпечило Нана успѣхъ и побѣду, то вполнѣ понятно, почему, пока «она сама разлагается и мретъ отъ черной оспы, схваченной у смертнаго одра своего сына, подъ ея окнами проходитъ пьяный и обезумѣвшій отъ своихъ военныхъ затѣй Парижъ, безсмысленно бросающійся въ сторону всеобщаго разгрома». Война съ Германіей была дѣломъ того же преступнаго легкомыслія, что и развратный культъ Нана и ей подобныхъ....

Въ «l'Argent» и, наконецъ, въ «Débacle» мы уже присутствуемъ при окончательной развязкѣ. Теперь мы видимъ воочію къ чему ведутъ честолюбивыя затѣи, вскормленныя желчной завистью перваго салона Ругоновъ, и развернувшіяся во всю ширь страсти къ наживѣ и наслажденію. Политическій салонъ Ругоновъ во времена благоденствія напрасно внушалъ надежду ярко зеленымъ цвѣтомъ своей роскошной отдѣлки. Афферизмъ велъ къ позору банкротства, легкомысленная политика приключеній закончилась погромомъ подъ Седаномъ....

Теперь, когда мы можемъ обозрѣть все гигантское произведеніе Зола цѣликомъ, только слѣпой можетъ не замѣтить его законченной цѣлостности. И единство его не въ законѣ наслѣдственности, вліяніе котораго чувствуется только въ подробностяхъ. Главный трудъ Зола вовсе не «естественная и соціальная исторія одной семьи во время имперіи», какъ онъ его назвалъ. Основной замыселъ «Ругонъ-Макаровъ» былъ замыселъ общественной трагедіи. И самый художественный темпераментъ Зола толкалъ его къ трагизму. Если тотъ уголокъ природы, который онъ хотѣлъ разсмотрѣть, былъ полонъ трепета человѣческихъ страстей среди перепетій французской общественности въ эпоху второй имперіи, то поэтъ этого уголка обладалъ темпераментомъ трагическимъ. Уже въ «Thérèze Raquin», съ ея страстной траге-

діей обмана, убійства и угрызеній совѣсти, сказалось это свойство таланта Зола. Характерно для Зола, что первый сборникъ своихъ статей онъ назвалъ: «Mes haines». И кого ненавидитъ Зола? Кромѣ заурядности, глупости, раболѣпства передъ чужимъ мнѣніемъ, кромѣ педантовъ и лицемѣровъ, онъ ненавидитъ еще «улыбающихся юношей, неспособныхъ подражать серьезности отцовъ». «Развѣ вы не видите— спрашиваетъ ихъ Зола,—что намъ вовсе не до смѣха. Посмотрите, вы сами плачете. Чего вамъ стараться хвататься за бока, чтобы находить смѣшнымъ то, что ужасно». Зола позволяетъ смѣяться лишь тѣмъ, «кому смѣхъ замѣняетъ слезы». Онъ вообще не любилъ шутокъ. «Парижское остроуміе» ему всегда было чуждо. Можетъ быть, здѣсь сказывается его славянское происхожденіе отъ далматинцевъ съ береговъ Адріатическаго моря.

Потребность трагизма сказывается на каждомъ шагу въ романахъ Зола. Очень часто Зола влечетъ къ трагической катастрофѣ даже тогда, когда по общему замыслу «Ругонъ-Макаровъ» въ ней не чувствуется ни малѣйшей надобности. Если необходима была гибель Сильвэна въ «la Fortune des Rougons» и Флорана въ «Ventre de Paris», паденіе Ренэ и Жервэзы, самоубійство Жоржа, преступленіе Филиппа и разореніе всѣхъ остальныхъ жертвъ Нана, если убійство семейства Магё и роковыя предпріятія Аристида Саккара, такъ ужасно отразившіяся на судьбѣ всѣхъ его легковѣрныхъ довѣрителей, составляютъ различные случаи общей катастрофы имперіи, основанной на потокахъ крови, на легкомысліи и корыстолюбіи, то зачѣмъ еще столько другихъ ненужныхъ ужасовъ. Зачѣмъ надо кончить такой ужасной смертью аббату Фюжа, умереть самой Нана отъ черной оспы, зачѣмъ надо было изображать человѣка-звѣря, зачѣмъ въ «la Terre» эти убійства, этотъ пожаръ? Все это только потому, что всякое явленіе Зола воспринимаетъ въ его трагическомъ освѣщеніи.

И талантъ Зола былъ именно талантъ трагическій. Совершенно не вѣрно было бы назвать его пессимистомъ, какъ это часто дѣлали критики. Правда, Зола, какъ его справедливо упрекаетъ въ этомъ Гюйо, «рисуетъ намъ слишкомъ часто скотовъ», увѣряетъ насъ, что «во всѣхъ людяхъ сидитъ звѣрь, какъ и во всѣхъ есть задатокъ болѣзни», но это лишь результатъ увлеченія любезной Зола физіологіей. Если присмотрѣться ближе къ его романамъ, то этотъ поэтъ жестокаго паденія человѣка окажется вовсе не такимъ отрицателемъ. Онъ создалъ и цѣлый рядъ симпатичныхъ образовъ.

Длинная вереница ихъ тянется черезъ всю серію «Ругонъ-Макаровъ». Вспомнимъ только тетку Ренэ, госпожу Обертэ, въ «La Curée», добродушнаго скептика и сибарита епископа въ «La Conquête des Rougons», Елену Муре и ея второго мужа Рамбо въ «une Page d'amour», старую г-жу Гюгонъ и ея сыновей въ Нана, Денизу въ «Bonheur des dames», Полину въ «Joie de vivre». Въ «Argent» инженеръ Амлэнъ и его сестра Каролина

стоятъ уже не одинокими представителями порядочныхъ людей. Положимъ, что все это скорѣе второстепенныя личности, какъ бы блѣднѣющія на фонѣ картины передъ болѣе яркими очертаніями главнѣйшихъ героевъ эпопеи. Но развѣ и легкомысленная Ренэ въ «la Curée», и работящая, преданная Жервэза въ «L'Assomoir», доведенныя обѣ до окончательнаго паденія въ той средѣ общественнаго распада, въ которую ихъ закинула судьба, не заставляютъ искренне пожалѣть о себѣ? Развѣ можно осудить ихъ? Даже человѣкъ-звѣрь, Жакъ Лантье и тотъ не вызываетъ скорѣе состраданія, чѣмъ негодованія? И рядомъ съ этимъ въ романахъ Зола передъ нами проходятъ еще такіе добрые представители здоровой трудовой силы человѣчества, какъ Этьенъ въ «Germinal'ѣ» и Жанъ Макаръ герой «la Terre» и «Débacle». Другъ Жана Макара Морисъ говоритъ ему: «Жанъ, ты человѣкъ простой и крѣпкій! Поди возьми заступъ и топоръ, переверни свое поле и перестрой свой домъ!» Этотъ смѣлый, работящій и прямой крестьянинъ вполнѣ достоинъ услышать эти символическія слова надежды на обновленіе Франціи. Въ немъ и въ ему подобныхъ надо видѣть лучшіе задатки болѣе свѣтлаго и счастливаго будущаго...

III.

Докторъ Тулузъ разсказалъ намъ, какъ методически, изо дня въ день, работая опредѣленное количество часовъ, и весь погруженный въ свое грандіозное литературное предпріятіе, писалъ Зола своихъ «Ругонъ-Макаровъ». Особенно съ выхода въ свѣтъ «Ventre de Paris», когда Гонкуры свели его съ издателемъ Шарпантье, вся жизнь Зола сосредоточилась на этомъ трудѣ. И такъ продолжалось до 1893 года. Двадцать лѣтъ жилъ Зола отшельникомъ. Только все возрастающее къ нему вниманіе публики, только весь этотъ шумъ и говоръ, который подымался все громче и громче вокругъ его извѣстности, по мѣрѣ того, какъ и издатель выпускалъ его романы все въ большемъ и большемъ количествѣ экземпляровъ, заставляли Зола выходить изъ замкнутости своего одиночества. Наиболѣе горячіе нападки вызвали «Assomoir», «Nana», «la Terre». Въ сущности это было повтореніемъ нелѣпаго процесса противъ «M-me Bauvary» Флобера, противъ его собственной «Therèze Raquin». Зола опять стали обвинять въ безнравственности, въ оскорблеоіи изображаемыхъ имъ классовъ общества. Въ своихъ отвѣтахъ, вынужденныхъ и краткихъ, Зола лишь объяснялъ глубокое цѣломудріе замысла своихъ произведеній и только жаловался на то, что его не понимаютъ. Онъ всегда твердо вѣрилъ въ свою правоту и спокойно шелъ къ намѣченной цѣли.

И здѣсь сказалась въ Зола эта странная смѣсь замкнутости и одиночества съ умѣньемъ не только бороться противъ общественнаго мнѣнія, но и овладѣвать имъ.

Въ своихъ статьяхъ по теоріи искусства Зола настойчиво требо-

валъ отъ художника того, что онъ называетъ «чувствомъ дѣйствительности». Это любимое словцо Зола можно примѣнить и къ нему самому. Въ болѣе широкомъ смыслѣ оно прекрасно выражаетъ одну изъ основныхъ чертъ и его характера, и его ума. Зола былъ прежде всего человѣкомъ дѣйствительности. Онъ любилъ жизнь и вѣрилъ ей. Въ этомъ заключается его успѣхъ, и какъ писателя, и какъ общественнаго дѣятеля. Эта особенность Зола проходитъ красной нитью черезъ все его міровоззрѣніе. Развертывая передъ нами самыя потрясающія, самыя безысходныя картины современной жизни, онъ всегда видѣлъ въ ней залогъ лучшаго будущаго. Когда среди всеобщаго негодованія и насмѣшекъ въ своихъ статьяхъ о Манэ Зола спокойно говорилъ: «Я вѣрю въ свои мысли. Я знаю, что черезъ нѣсколько лѣтъ меня всякій сочтетъ правымъ», эта увѣренность не имѣла ничего общаго съ артистическимъ сектанствомъ Вилье де-Лиль-Адана, Верлэна или Малармэ. Зола никогда не былъ Клодомъ Лантье изъ своего «Oeuvre'а» съ его развинченнымъ экстазомъ новаторства, съ его безсильнымъ сумасшествіемъ генія, «слабые пальцы котораго не могутъ создать достойнаго ему произведенія». Зола никогда не могъ бы оказаться въ такомъ положеніи, какъ Клодъ Лантье, когда его картину впервые приняли на выставку. Никогда не допустилъ бы онъ, чтобы другіе воспользовались его новаторскими затѣями, чтобы чужія картины, залитыя солнцемъ, какъ того требовала школа Плэнъ-Эра, наводнили салонъ, пока его ничтожное полотно, символъ его безсилія, терялось гдѣ-то въ уголкѣ. Въ этомъ отношеніи ему особенно близокъ другъ Клода, романистъ Сандозъ, «смотрѣвшій на бракъ буржуазно, какъ на условіе уравновѣшеннаго и систематическаго труда». Вѣдь и Зола, какъ Сандозъ, умѣлъ воспользоваться «этой дрянной прессой, которая анаѳемски сильна, хотя самое ремесло журналиста и отвратительно»; и онъ имѣлъ право сказать о своихъ противникахъ: «У меня кости крѣпкія, они поломаютъ объ меня свои кулаки!»

И мало этого, Зола былъ даже настоящимъ дѣльцомъ въ своихъ книжныхъ дѣлахъ. Онъ всегда умѣлъ являться на книжный рынокъ во всеоружіи своей дѣловитости.

И денежный успѣхъ казался ему законнымъ и важнымъ. Въ статьѣ «Деньги и литература» онъ писалъ, что истинную независимость пріобрѣтаетъ лишь писатель, съумѣвшій обратиться непосредственно къ публикѣ, вырвавшій у нея не только обезпеченность, но и достатокъ. Зола вѣрилъ, что «талантъ, сила всегда отвоюютъ себѣ и славу, и состояніе». Оттого онъ и не остановился передъ этимъ странно звучащимъ парадоксомъ, что «деньги обезпечиваютъ появленіе великихъ произведеній искусства». Въ подобныхъ фразахъ надо видѣть не мѣщанское уваженіе къ деньгамъ. Тутъ говоритъ именно пробившійся въ жизни писатель, умѣющій считаться съ современностью и принимающій ея условія просто и непосредственно.

Тѣ же причины объясняютъ намъ лучше всего и истинный смыслъ столь долгихъ и столь смѣхотворныхъ попытокъ Зола проникнуть въ академію. Тутъ дѣло вовсе не въ томъ, что его плѣнялъ мундиръ академика съ зелеными пальмами. Къ нимъ Зола, вѣроятно, всю жизнь оставался довольно равнодушнымъ, но писатель, какъ стойкій и практическій боецъ на жалкой нивѣ настоящаго, долженъ былъ, по его мнѣнію, брать съ бою все, что только онъ можетъ отвоевать.

Подобныя же мысли руководили имъ и въ его заботахъ о литературной конвенціи съ Россіей. И тутъ—не простое корыстолюбіе. Если, протестовавшіе противъ Зола русскіе писатели ссылались главнымъ образомъ на читателя изъ нарождающейся народной или полународной интеллегенціи, отстаивая въ его интересахъ дешевизну переводныхъ книгъ, то Зола, разумѣется, не имѣя понятія объ этомъ типѣ читателя, старался лишь вырвать у книгопродавцевъ и издателей возможность спекулировать надъ чужой собственностью. Зола руководился здѣсь совершенно тѣми же соображеніями, какія заставили его, именно въ это время, будучи предсѣдателемъ общества литераторовъ, позаботиться объ интересахъ мелкой пишущей братіи.

То же самое чувство «дѣйствительности» опредѣляетъ, какъ я постараюсь показать, и общественные взгляды Зола.

Мы видѣли, что интересъ къ современной ему общественности ни разу не покинулъ его, что теоретикомъ чистаго искусства онъ былъ лишь очень недолго во дни своихъ первыхъ литературныхъ начинаній. Но именно самостоятельность Зола, его замкнутость и одинокость часто сбивали съ толку въ этомъ отношеніи и критику, и читателей. Только теперь, въ своихъ послѣднихъ романахъ и особенно въ «Travail», Зола высказался цѣликомъ. Онъ использовалъ теперь всѣ накопленные имъ «человѣческіе документы», какъ относительно настоящаго, такъ и по отношенію своихъ надеждъ на будущее; такимъ образомъ общественная физіономія Зола лишь недавно вполнѣ опредѣлилась...

Въ первые годы третьей республики онъ еще вѣрилъ въ возможность разрѣшенія соціальнаго вопроса на политической почвѣ. Отъ политическихъ реформъ онъ ждалъ обновленія Франціи. И вотъ на утрату этой вѣры и указываетъ Зола. Въ послѣднемъ романѣ «Ругонъ-Макаровъ» мы узнаемъ, что Аристидъ Саккаръ, ставъ республиканцемъ, опять проводитъ новыя, шальныя предпріятія. Въ «Paris» крупные дѣльцы такіе же распорядители дѣлами Франціи, какимъ былъ Гундерманъ въ «Argent». Третья республика ничего не измѣнила такимъ образомъ въ экономической жизни страны. И Зола сталъ презирать политику и политиканство. Идеальнымъ правителемъ для него сталъ тотъ префектъ въ «Travail», котораго главное достоинство заключается въ полномъ бездѣйствіи. Со времени «Germinal'a», соціальный вопросъ, который онъ тутъ впервые разносторонне изучилъ, окончательно замѣнилъ въ немъ его прежній интересъ политическій. Оттого, когда, окончивъ «Ругонъ-

Макаровъ», Зола вздумалъ отдаться общественной дѣятельности, начавъ съ председательства въ обществѣ литераторовъ, онъ уже прямо и искренно могъ заявить, что соціальный вопросъ онъ считаетъ въ наше время единственно важнымъ.

Но не созданіе болѣе совершеннаго соціальнаго строя лишь на обломкахъ настоящаго, какъ этого хочетъ Суваринъ въ «Germinal'ѣ» и Янсонъ въ «Paris», увлекало Зола. Система рѣзкаго обновленія человѣчества по эрфуртской программѣ, на которое такъ сильно надѣялся Аристидъ Бушъ, также вовсе не представлялась ему столь необходимой. Всякая мысль о разгромѣ настоящаго была совершенно чужда Зола. И можетъ быть тутъ-то и коренится причина того, почему всѣ эти Суварины, Янсены, Буши изображены иностранцами... Залогъ лучшаго будущаго Зола всегда видѣлъ въ настоящемъ. Оно никогда не казалось ему безысходнымъ. Если и ему впереди мерещился иной, лучшій строй жизни, то достиженіе его ему казалось результатомъ вѣрнаго и спокойнаго «шествія человѣчества къ прогрессу». Идея прогресса, хотя и медленнаго, но вѣрнаго, та идея прогресса, которая лежитъ въ основѣ соціологическихъ взглядовъ всѣхъ поголовно позитивистовъ и именно ими и развита съ особой силой, была дорогой идеей и для Зола. Зола, человѣкъ дѣйствительности, вѣрилъ твердо и неотступно въ способность дѣйствительности двигаться впередъ по пути къ добру, справедливости и свободы.

И вѣра въ прогрессъ зиждилась у Зола на непоколебимой увѣренности въ силу знанія и труда. Трудъ и знаніе, вотъ, что стоитъ въ самомъ центрѣ міровоззрѣнія Зола, и какъ артиста, и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ человѣка.

Въ знаніи черпалъ Зола свое вдохновеніе; жажда знанія сливалась у него съ потребностью художественнаго творчества; вѣра во все возрастающую силу научнаго знанія обезпечивала ему стойкость и увѣренность въ правильности избраннаго имъ пути. «Наука главная революціонная сила», говоритъ поэтому Зола. Наука, по его мнѣнію, и реформируетъ міръ. Лучшій соціальный строй наступитъ тогда, когда инженеры, какъ Марсіаль Жорданъ въ «Travail», организуютъ по новому условія труда. И, какъ знать? Можетъ быть, даже тяготѣющія надъ человѣчествомъ пагубныя страсти, мутящія ровное теченіе потока жизни: сладострастіе, честолюбіе, пріобрѣтательскія похоти,—все это будетъ излѣчено той будущей всемогущей медициной, о которой мечталъ докторъ Паскаль. Только не надо бояться правды, не надо замалчивать ужасовъ жизни, не надо стыдиться ихъ. Знаніе побѣдитъ вѣковое зло, выведетъ, наконецъ, людей на путь добра и счастья.

И залогъ успѣха знанія въ трудѣ. Каковъ бы ни былъ трудъ, Зола уважаетъ его и вѣритъ въ успѣхъ. Зола любилъ трудъ ради него самого, какъ онъ любилъ и знаніе. Ловкость, смѣтливость, выносливость въ работѣ плѣняли его болѣе всего. Работающій инженеръ, док-

торъ, писатель, художникъ, если у него есть «чувство дѣйствительности», если его не губятъ зловѣщія страсти, всегда представлялся Зола удачникомъ въ жизни, достигающимъ, въ концѣ концовъ, и счастья, и успѣха. «Кто не работаетъ, тотъ погибаетъ», говоритъ Зола. Что гибель человѣка въ бездѣйствіи, въ лѣности, это мы знаемъ еще по всей серіи бездѣльниковъ отъ Антуана Макара, черезъ обоихъ мужей Жервэзы, Лантье и Купо, вплоть до легкомысленныхъ жертвъ Нана. Такая же участь грозитъ и неудачникамъ, непрактичнымъ фантазерамъ, вродѣ г-на де Горсана въ «Лурдѣ» или Клода Лантье. Неспособность къ труду, совмѣстно съ неприспособленностью въ немъ Зола считаетъ результатомъ вырожденія человѣчества; этимъ объясняетъ онъ негодность жалкихъ отпрысковъ Аристида Саккара, маленькаго Виктора изъ «Argent» и Шарля въ «Docteur Pascal». Позорное, хотя и геніальное безсиліе Клода, Зола считаетъ также патологическимъ явленіемъ, слѣдствіемъ застарѣлыхъ страстей и недуговъ человѣчества.

Оттого въ картинѣ болѣе счастливаго, будущаго, человѣчества, человѣчества «простыхъ и стойкихъ», на первомъ планѣ стоитъ, направленная знаніемъ, «работа всѣхъ и для всѣхъ», Знаніе всегда шло рука объ руку съ трудомъ, между ними, по мнѣнію Зола, было всегда внутреннее сочувствіе. И въ немъ-то и заключается надежда человѣчества. Въ этомъ чисто художественномъ и искреннемъ увлеченіи трудомъ, который стоитъ только урегулировать, Зола былъ горячимъ поклонникомъ Фурье. Начитавшійся Фурье Люкъ Фроманъ и осуществляетъ завѣтныя мечты Зола о лучшемъ строѣ будущаго. И фурьеризмъ съ его вѣрой въ силу знанія, съ его теоріей заманчиваго, дающаго наслажденіе труда такъ подходилъ къ самому складу ума Зола, къ его стойкому и твердому характеру.

Если «чувство дѣйствительности» сказалось у Зола въ его соціально-политическихъ взглядахъ, то оно же руководило имъ въ области нравственныхъ понятій. И тутъ Зола близокъ къ дѣйствительности. Мораль Зола—мораль простая, почти каждо-дневная. У него не было ни малѣйшаго стремленія искать новыхъ нравственныхъ категорій, производить переоцѣнку нравственныхъ цѣнностей. Жана Макара, которому, по мнѣнію Зола, предстоитъ «пересоздать Францію», онъ изображаетъ «простымъ и крѣпкимъ». «Простые и крѣпкіе люди—надежда человѣчества». И они существуютъ. Мы уже видѣли, что трагическій темпераментъ Зола, какъ художника, его артистическія увлеченія человѣкомъ-звѣремъ, его любовь къ изображенію извращеній и всевозможныхъ патологическихъ пороковъ человѣчества вовсе не мѣшали ему признавать задатки добра въ изображаемыхъ имъ людяхъ.

И современемъ эта вѣра въ положительныя стороны современнаго человѣчества даже усилилась у Зола. Особенно ярко обнаружилась она въ «Travail».

IV.

Зола, «упроститель», во имя точнаго знанія ненавидѣвшій то, что онъ называлъ «идеаломъ», «неизвѣстнымъ», «философіей», презиравшій «метафизическую вертушку» и интересовавшійся только физіологіей человѣка, въ своихъ «Ругонъ-Макарахъ» отвелъ самое незначительное мѣсто стремленіямъ человѣчества въ область сверхъестественнаго. Въ «la Conquête de Plassans» онъ, правда, изобразилъ намъ аббата Фюжа. Но аббатъ Фюжа это то же, что и старшій Ругонъ: онъ играетъ на старыхъ заблужденіяхъ человѣчества ради своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Онъ ловкій дѣлецъ, вліяющій на женщинъ неотразимой энергіей своей личности, умѣющій заставить загорѣться въ нихъ мистической экзальтаціи. Искренній религіозный экстазъ въ наше время возможенъ, по мнѣнію Зола, только у такихъ неуравновѣшенныхъ натуръ, какъ аббатъ Муре; да и то, въ основѣ своей аскетизмъ вѣры оказывается и у него чѣмъ-то совершенно инымъ, коренившимся въ той же всесильной физіологіи. Въ «le Rêve» религіозная атмосфера «подъ тѣнью готическаго собора» служитъ къ тому, чтобы совсѣмъ вырвать героиню изъ современности и перенести ее въ сказочную обстановку еще живого прошедшаго.

Однако, когда, окончивъ свою трагическую эпопею второй имперіи, Зола сталъ присматриваться къ современности и даже мечтать объ общественной дѣятельности, его предсказаніе о конечной побѣдѣ научнаго міровоззрѣнія оказалось преждевременнымъ...

Конецъ 80-хъ и начало 90-хъ во Франціи годовъ были временемъ толковъ о «банкротствѣ науки» и о возрожденіи интуитивнаго метода мышленія, объ обновленіи философской мысли, о перетасовкѣ фактовъ въ этихъ двухъ областяхъ, еще такъ недавно казавшихся незыблемо разграниченными, областяхъ: научнаго детерминизма и сверхъестественнаго порядка явленій. Цѣлое новое, молодое литературное теченіе нарождалось на почвѣ этого умственнаго броженія. Стойкій въ своихъ воззрѣніяхъ, Зола, конечно, не придавалъ всему этому особаго значенія. Какъ большинство позитивистовъ, онъ продолжалъ спокойно ждать новой и уже окончательной побѣды естествоиспытательскаго упростительства въ познаніи міра. Но рядомъ съ подобными теченіями въ литературныхъ сферахъ, въ самой жизни, въ массахъ населенія чувствовалось, что побѣда «знанія» надъ «иллюзіями» далека отъ своего осуществленія. И въ третьей республикѣ вліяніе «чернаго міра» все еще оставалось непоколебленнымъ; еще больше, чѣмъ въ эпоху имперіи, отъ сельскихъ кюре продолжали зависѣть результаты на выборахъ въ цѣломъ множествѣ округовъ; главенствующая прогрессистская фракція республуканцевъ зачастую искала вновь поддержки у клерикаловъ; духовенство увѣряло даже, что ему съ Евангеліемъ въ рукахъ предстоитъ разрѣшить соціальный вопросъ, не сдѣлавшій почти

ни шагу впередъ къ своему разрѣшенію за всѣ двадцать лѣтъ республики. Эти факты уже не могли не возбудить воображенія Зола. Въ его «человѣческихъ документахъ» накопился теперь цѣлый архивъ объ охватившемъ всю Францію увлеченіи чудесами лурдской Богоматери. Перебирая эти документы, классифицируя и изучая ихъ, Зола увидѣлъ тогда передъ собою «несчастное больное человѣчество, жаждущее иллюзій, растерянное въ усталости конца вѣка, изнемогающее отъ слишкомъ быстро и жадно пріобрѣтенныхъ знаній», онъ понялъ, что человѣчество это воображаетъ, «будто врачи тѣла и души его покинули въ ту самую минуту, когда ему грозитъ опасность неизлечимой невзгоды; и оно возвращается назадъ, проситъ чудеснаго выздоровленія у мистическихъ Лурдовъ прошлаго, навѣки умершаго!»

И тогда въ творческомъ воображеніи Зола возникъ новый замыселъ трагической эпопеи...

Согласно установившейся привычкѣ работы, въ центрѣ дѣйствія вновь оказалась семья. Извѣстный ученый, членъ института, Мишель Фроманъ погибъ вслѣдствіи взрыва во время одного опаснаго опыта. Его жена, воспитанная въ религіозной средѣ, сочла это за наказаніе свыше своему мужу за его невѣріе. И она предназначила своего младшаго сына Пьера для духовной карьеры, въ надеждѣ, что онъ замолитъ грѣхи своего несчастнаго отца. Такъ впервые человѣческое горе вернуло къ церкви сына сводомыслящаго. И если наслѣдіе отца: его книги и память о немъ, въ концѣ концовъ, заставили Пьера Фромана сбросить съ себя рясу, то только пройдя длинный путь сомнѣній и надеждъ, онъ рѣшился, наконецъ, на этотъ поступокъ.

Начавъ серію «Les trois villes» съ романа «Lourde», Зола сразу ввелъ насъ въ самый центръ религіозной жизни Франціи. Тутъ психологія религіознаго чувства развертывается передъ нами въ своемъ самомъ глубокомъ и жизненномъ проявленіи. Тутъ мы воочію видимъ вѣру «несчастнаго человѣчества, взывающаго изъ самой бездны своихъ страданій». Всѣ эти неизлѣчимо больные, пріѣхавшіе со всѣхъ концовъ Франціи въ «бѣломъ поѣздѣ», окруженные сестрами милосердія, подъ звуки старыхъ псалмовъ представляли собой «цѣлый народъ въ предсмертныхъ судорогахъ борющійся со смертью и требующій отъ Бога, чтобы онъ обезпечилъ ему вѣчную жизнь». И религіозный экстазъ этихъ сотенъ и тысячъ молящихся передъ гротомъ Богоматери былъ экстазомъ искреннимъ, настоящимъ, тѣмъ вѣчнымъ экстазомъ страждущаго человѣчества, въ которомъ коренится вѣра въ лучшій невѣдомый міръ силы и славы. Съ изумительной силой художественнаго проникновенія овладѣлъ Зола сценами этого экстаза и таинственной психологіей чудесныхъ выздоровленій. Но только тутъ неожиданно, незамѣтно для самого Зола сказалась какая-то странная, тревожная растерянность мысли. Мыслитель не поспѣлъ за художникомъ. Самъ поэтъ положительнаго знанія оторопѣлъ передъ созданными его

воображеніемъ картинами. Пьеръ Фроманъ, оказавшійся уже не героемъ, а резонеромъ этой трагедіи послѣднихъ вздоховъ вѣры, не смогъ формулировать смысла ея перваго акта. Онъ, правда, совсѣмъ потерялъ здѣсь религіозное чувство. Религіозный экстазъ, вернувшій любимой имъ дѣвушкѣ здоровье, правда отнялъ у него въ то же время это дорогое ему существо. Мари де-Герсэнъ, надежда его отнынѣ свободной, несвязанной ничѣмъ молодой жизни, посвятила себя Богоматери. Но это не болѣе, какъ какая-то случайность, подробность, которой Зола напрасно навязываетъ символическій смыслъ. Въ «Лурдѣ» его новая драма не сдѣлала ни шагу впередъ. Мистическій «Лурдъ», противъ желанія самаго Зола, остался оплотомъ вѣры. Научное міровоззрѣніе оказалось передъ ней совершенно безсильнымъ. Въ послѣднихъ своихъ изслѣдованіяхъ и наукѣ пришлось допустить излѣчиваніе болѣзней въ состояніи экстаза, по крайней мѣрѣ тогда, когда заболѣваніе случилось на истерической почвѣ. Вѣра, такимъ образомъ, оказалась не только живой и сильной, но и творческой. Наукѣ осталось только склоняться передъ ней.

Растерянность Зола передъ таинственной психологіей религіознаго сознанія сказалась особенно въ тѣхъ растянутыхъ и вялыхъ разсужденіяхъ, которыми онъ силится объяснить утрату вѣры у Пьера Фромана. Неуклюже, какъ будто ища выхода, онъ толкаетъ Пьера на болѣе близкую себѣ почву соціальныхъ невзгодъ человѣчества. Пьеръ весь долженъ отдаться благотворительности, идти за соціалистами католиками, мечтать объ обновленіи католицизма. На этомъ и заканчивается «Лурдъ».

Поэтъ положительныхъ знаній вернулся, такимъ образомъ, назадъ въ свою сферу. Трагедія потухающей вѣры становится тогда трагедіей умирающаго католицизма. Передъ тѣмъ же суровымъ, неотвязчивымъ соціальнымъ вопросомъ, передъ которымъ навсегда замеръ, въ глазахъ Зола, политическій вопросъ, долженъ застыть, закостенѣть въ безсиліи и предсмертной агоніи и старый, неподвижный католическій міръ. Обстановкой дѣйствія, куда ведетъ насъ теперь Зола, становится сначала Римъ, дряхлѣющій и вѣчный Римъ, этотъ всемірный памятникъ католической старины и древняго главенства церкви, погруженный весь въ воспоминанія о прошломъ величіи, болѣющій неизлѣчимыми ранами прошедшаго, недоступный новымъ запросамъ человѣчества; но это не надолго,—развязка драмы вновь въ родномъ Парижѣ, среди настойчивой и кипучей борьбы, трепетно ищущемъ новыхъ путей, открытомъ всѣмъ вліяніямъ и всѣмъ тревогамъ современности. И пока въ этомъ гордомъ Римѣ католицизмъ умираетъ вѣрной смертью, не дрогнувъ, стараясь «стоять во весь ростъ», въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ задушивъ Бенедетту и Даріо, этихъ наслѣдниковъ красоты Италіи, запутавъ сѣтью своихъ вѣками сплетенныхъ интригъ надежды Пьера Фромана, отъ живой и дѣятельной сумятицы Парижа ожидается моментъ окончательнаго освобожденія. Въ Парижѣ католицизму

остается либо низко прислуживаться передъ чуждой ему властью правящихъ классовъ, либо въ лицѣ затертаго жизнью аббата Роза робко метаться среди бѣдняковъ предмѣстій...

Въ «Парижѣ» уже совсѣмъ сбилась и затерялась основная мысль серіи «Les trois villes».

Трагедія умирающаго католицизма перестаетъ теперь стоять въ центрѣ дѣйствія. Знакомыя, близкія и родныя черты Парижа, этого Парижа кипучей дѣятельности и рвущейся впередъ мысли, убійственной, но вѣчно обновляющейся и необходимой работы, Парижа искусства и науки, Парижа, жгучаго потока надеждъ и стольких разочарованій, заполонили теперь воображеніе Зола. Ужасная и улыбающаяся, позорная и плѣнительная жизнь Парижа охватила его какимъ-то вихремъ негодованія и восторга и дала ему новыя творческія силы, новое вдохновеніе. Давно, со времени «Nana», «Germinal'я», «Debacle'a» геній Зола не развертывался такимъ могучимъ взмахомъ образовъ, какъ въ этомъ романѣ. Третья республика во всемъ безобразіи ея безпринципной парламентарной стряпни, ея дѣланнаго ханжества, служенія наживѣ, ухищреннаго разврата и жестокаго приниженія работающихъ классовъ общества, эта третья республика вся цѣликомъ встаетъ здѣсь во всей полной наготѣ своихъ пороковъ и общественныхъ язвъ. Потрясающее противорѣчіе пресыщеннаго, теплаго, наряднаго Парижа и Парижа мрачнаго, голоднаго и сырого настойчиво возникаютъ въ сознаніи читателя съ самыхъ первыхъ главъ, съ самаго того момента, когда аббатъ Пьеръ долженъ такъ быстро спѣшить изъ убогой улицы Ивъ, на Монмартрѣ, въ богатый кварталъ парка Монсо въ царственный особнякъ Дювилльяровъ, гдѣ только что кончился шумный и нарядный завтракъ...

«Paris» уже выходилъ въ «Journal'ѣ», когда въ «человѣческихъ документахъ» Зола накопилось новое «дѣло», знаменитое и чреватое послѣдствіями дѣло Дрейфуса. Если «Paris» представлялъ трагедію третьей республики, какъ «Ругонъ-Макары» были трагедіей имперіи, то тутъ могъ бы быть прибавленъ еще одинъ актъ. Это былъ бы актъ такого же, охватившаго все французское общество, легкомыслія, какъ то, которое бросило Францію изъ объятій Нана подъ умѣлые, заранѣе разсчитанные выстрѣлы нѣмецкихъ пушекъ.

Подогрѣтый происками клерикаловъ націонализмъ и ненависть къ евреямъ охватили теперь Францію, и въ угарѣ напрасныхъ страховъ, мнимыхъ, не обоснованныхъ опасеній она бросилась вдругъ съ неимовѣрной жестокостью на капитана Дрейфуса, эту жертву зависти, сплетенъ и клеветы. Правительство исполняло тутъ, не предвидя послѣдствій, то, что потребовалъ отъ него его всесильный властелинъ, трусливая, мелко злая, пустая, необразованная французская буржуазія. Подъ ложнымъ опасеніемъ, что «отечество въ опасности», неповиннаго человѣка опозорили и заточили. И когда вся эта ложь стала выясняться, невинность Дрейфуса уже стала очевидной, изъ затаеннаго, безсозна-

*

тельнаго страха правды, буржуазія обрушилась и на тѣхъ, кто хотѣлъ пролить свѣтъ на это темное дѣло, и ихъ безсмысленно и ожесточенно стали звать жидами и предателями. Генералы, такъ безучастно давшіе оклеветать и замучить Дрейфуса, эти генералы, разбитые подъ Седаномъ, были возведены въ героевъ, въ славу Франціи. Мишурное знамя шовинизма, какъ гипнотическій кристаллъ, совсѣмъ затуманило всякую сознательность, всякій здравый смыслъ...

Какъ всегда, одиноко и со свойственными ему «чувствомъ дѣйствительности», съ твердой любовью къ истинѣ и вѣрой въ справедливость и добро смотрѣлъ Зола на всю эту разнузданную и раздирающую душу драму. И воображеніе его, какъ художника, какъ будто не посягнуло на ея нелѣпый и отвратительный ужасъ. Почти невольно, какъ журналистъ, втянутый притягательной силой «дѣла», онъ неожиданно выступилъ въ немъ уже какъ участникъ дѣйствія. «Письма къ Франціи» и потомъ «къ молодежи», которыя могли выйти въ свѣтъ лишь въ брошюрахъ, были тѣмъ подготовительнымъ шагомъ въ сторону общественной дѣятельности, о которомъ говорилъ Зола пять лѣтъ тому назадъ (1893), взявъ на себя предсѣдательство въ обществѣ литераторовъ...

Теперь, когда вся политическая и соціальная отрава бросилась въ голову Франціи, необходимо было парализовать зловредное вліяніе клерикаловъ и реакціонеровъ. Уже подозрѣнія, что бордеро было дѣломъ рукъ Эстергази, а не Дрейфуса, закралось въ сознаніе всѣхъ неотуманенныхъ и оставшихся хладнокровными французовъ. «Я обвиняю» Зола и слѣдовавшій за тѣмъ процессъ были несомнѣнно якоремъ спасенія. Зола выступилъ одиноко, но съ глубокой чуткостью къ общественнымъ интересамъ, съ свойственнымъ ему чувствомъ дѣйствительности.

И побѣда осталась за нимъ. Побѣда, правда, была не полная, правительство потушило «дѣло» амнистіей, и Дрейфусъ не получилъ нравственнаго удовлетворенія. Но самое его присутствіе на похоронахъ Зола и все это пламенное восхищеніе передъ авторомъ «Ругонъ-Макаровъ» было показателемъ цѣлаго переворота въ умственной и общественной жизни Франціи. «Сектанты и бандиты», какъ называлъ Зола противниковъ пересмотра дѣла Дрейфуса, утратили свое значеніе. Ихъ жалкіе успѣхи на выборахъ въ Парижѣ лишь оттѣняютъ ихъ безсиліе. Сплоченные силою вещей, бывшіе дрейфусары создали цѣлое обновляющее вѣяніе въ политической и литературной жизни Франціи. Политическій индиферентизмъ 80-хъ годовъ, которому отдалъ до нѣкоторой степени дань и самъ Зола, смѣнился бодрящимъ интересомъ къ общественности. Послѣдняя серія романовъ Зола, такъ неудачно названная «четырьмя евангеліями», отразила въ себѣ это полное новыхъ надеждъ настроеніе современной Франціи. Вмѣстѣ съ послѣдними романами Анатоля Франса, вмѣстѣ съ драмами Мирбо, Доннэ и Бріё, съ поэмой «Les

Aubes» Вергарена, оно направило французскую литературу по новому руслу. Даже изъ среды поэтовъ символистовъ, еще дальше ушедшихъ въ политическій индиферентизмъ, послышались толки о новой «гуманитарной» школѣ поэзіи. Когда такъ нелѣпо и странно умеръ отъ угара Зола, послѣдними романами этого поэта труда и положительнаго знанія были «Travail» и «Vérité».

Въ посмертной травлѣ Зола, его противники, Баресы и Леметры кричали, что между ними и Зола останется границей Рейнъ. Этотъ Рейнъ не граница между Германіей и Франціей, это рубежъ между старой, наболѣвшей вѣковыми невзгодами Франціей и Франціей новой, молодой, рвущейся впередъ къ справедливости и народному благу.

Евгеній Аничковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Пусть твой холоденъ взглядъ, пусть въ душѣ у тебя
Уголка для меня не найдется,—
О тебѣ я не меньше мечтаю, любя,
И въ мечтахъ мнѣ не меньше поется.

И любовь не умретъ, хоть не встрѣтитъ она
Ни отвѣтной любви, ни участья;
Вѣдь она такъ свѣтла, такъ чиста и нѣжна,
Что сама по себѣ уже счастье.

И не такъ же ли любятъ ночные цвѣты
Лучъ безстрастный луны серебристой?
Для него берегутъ красоту и мечты,
Для него и ихъ лепетъ душистый.

Не далекимъ ли звѣздамъ въ весеннюю ночь
Соловей распѣваетъ признанья?
Пусть не внемлютъ онѣ, но любовь превозмочь
Нѣтъ ни силъ у него, ни желанья.

Пусть безстрастнѣе ты бѣлыхъ лунныхъ лучей,
Недоступнѣй звѣзды отдаленной,—
Я пою для холодныхъ прекрасныхъ очей
И умру съ своей пѣсней влюбленной.

II.

Кажется, немного мнѣ дано судьбою:
Рѣдкія свиданья, краткій разговоръ,
Иногда случайно брошенный тобою
Легкою улыбкой освѣщенный взоръ.

Кажется, немного мнѣ дано на долю,
Но какая буря въ сердцѣ у меня!
Сколько смѣнъ внезапныхъ радости и боли,
Темноты бездонной, яркаго огня.

Кажется, немного ты даешь мнѣ свѣта,
Ласки и участья; но ихъ призракъ, тѣнь,
Но одно подобье теплаго привѣта
Мракъ ночной мѣняетъ въ лучезарный день.

Кажется, немного... Пусть! Но въ этомъ маломъ,
Въ этомъ скудномъ дарѣ—жизнь души моей
И ни силъ, ни воли у меня не стало
Жить безъ этихъ рѣдкихъ солнечныхъ лучей.

П—ва.

ЧАЙКИ.

Только небо, только море...
Вѣетъ влагой вѣтеръ свѣжій,
Еле внятны шумы волнъ;
Тонетъ взоръ въ нѣмомъ просторѣ;
Мимо сонныхъ побережій
Одинокъ скользитъ мой челнъ.
И въ безлюдіи великомъ
Надъ пустынными волнами
Чайки носятся однѣ,
Рѣютъ чайки съ грустнымъ крикомъ
И закатными лучами
Золотятся въ вышинѣ.
Чайки вольныя! скажите,
Изъ какой угрюмой дали
Вы примчались? много-ль дней.

Бѣлокрылыя, летите?
Много-ль, странствуя, видали
    Незнакомыхъ кораблей?
У подножья скалъ гигантскихъ
Не всплываютъ ли, какъ прежде,
    Въ пѣнѣ волнъ береговыхъ
Трупы викинговъ норманнскихъ
Въ окровавленной одеждѣ
    И въ доспѣхахъ боевыхъ?
Вспоминая дни былые,
Не кочуютъ ли толпою
    Въ дальнихъ сѣверныхъ моряхъ
Ихъ дружины удалыя
На украшенныхъ рѣзьбою
    Темнопарусныхъ ладьяхъ,
И не слышется-ль порою
Въ дикомъ воѣ урагана,
    Въ пѣсняхъ мирныхъ рыбарей
Голосъ ихъ, зовущій къ бою
Изъ гробницы океана
    Спящихъ въ немъ богатырей?

Сергѣй Маковскій.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политическій строй кіевской Руси.

Государствомъ современная теорія государственнаго права называетъ *союзъ, основанный на власти, не вытекающей изъ кровнаго родства или родового старѣйшинства.* Власть или господство должно составлять такимъ образомъ необходимый признакъ всякаго государства, древняго и новаго—безразлично. Но всѣ другіе признаки, какими отличается современное правовое государство,—высшая политическая форма, которую выработалъ цивилизованный европейскій Западъ,—могутъ быть свойственны не всякому государственному союзу, а именно только этому правовому государству. Этими признаками являются: во-первыхъ, понятіе о томъ, что власть въ идеѣ своей принадлежитъ не отдѣльному лицу надъ такими же отдѣльными лицами, а всему обществу, какъ цѣлому; иными словами, *современное правовое государство есть союзъ общественнаго, а не личнаго господства;* во-вторыхъ, *цѣлью* правового государства признается *осуществленіе* не личныхъ интересовъ, а *общаго блага;* въ-третьихъ, наконецъ, *средствами управленія признаются учрежденія,* т.-е. организаціи, отличающіяся постоянствомъ состава, опредѣленностью вѣдомства и самостоятельностью въ кругѣ дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію; при этомъ различаются учрежденія верховныя и подчиненныя. Верховныя учрежденія—это тѣ, которыя принимаютъ непосредственное участіе въ дѣятельности верховной власти, помогаютъ главѣ государства въ его непосредственныхъ трудахъ на пользу государства, творятъ нормы, создаютъ законъ, въ рамкахъ котораго течетъ государственная жизнь. Учрежденія, не принимающія участія въ непосредственной дѣятель-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль, 1903 г.

ности главы государства и потому не творящія законодательныхъ нормъ, а просто исполняющія повелѣнія закона, называются подчиненными учрежденіями. Подчиненныя учрежденія дѣлятся въ свою очередь на центральныя, которыя вѣдаютъ отдѣльныя отрасли управленія на всемъ пространствѣ страны и потому находятся обыкновенно въ столицѣ или центрѣ государства, и областныя или мѣстныя, вѣдающія извѣстную отрасль управленія въ опредѣленной лишь части государства или области.

Такъ какъ изучаемый нами періодъ исторической жизни русскаго народа является начальнымъ періодомъ русской исторіи, то прежде всего мы должны уяснить себѣ *образованіе русскаго государства*, т.-е. появленіе союза, основаннаго на власти, не вытекающей изъ кровнаго родства. Разрѣшивъ эту задачу, мы обязаны затѣмъ внимательно изслѣдовать, какъ понимались въ кіевской Руси субъектъ власти и цѣль государственнаго союза, и какъ организованы были въ то время средства управленія. Только послѣ этого процессъ политическаго развитія древнѣйшей Россіи выяснится для насъ съ достаточной полнотою и во всѣхъ необходимыхъ подробностяхъ. Только тогда мы въ состояніи связать генетическими нитями политическій процессъ съ другими сторонами исторической жизни. Такова программа изученія политическаго строя кіевской Руси.

Какой общественный союзъ предшествовалъ въ нашемъ отечествѣ образованію того варяжскаго княжества, которое появилось на Руси, какъ обыкновенно думаютъ, съ приходомъ Рюрика? Этотъ научный вопросъ принадлежитъ къ числу такихъ, которые поселяютъ между различными изслѣдователями русской исторіи разногласія, совершенно непримиримыя. Одни изслѣдователи утверждаютъ, что до варяжскаго княжества среди славянъ существовалъ исключительно родовой бытъ; по мнѣнію другихъ—въ то время господствовалъ бытъ семейно-общинный; третьи опредѣляютъ этотъ бытъ какъ задружно-общинный; по взгляду четвертыхъ, городская область, основанная на внѣшней торговлѣ, была древнѣйшей политической организаціей нашихъ отдаленныхъ предковъ; наконецъ, пятые утверждаютъ, что варяжскому княжеству предшествовало княжество племенное. Попытаемся разобраться въ этой разноголосицѣ.

Сторонники родовой теоріи утверждаютъ, что родовой бытъ былъ свойственъ славянамъ еще на Карпатахъ и въ періодъ, когда началось ихъ разселеніе оттуда, въ VI-мъ и VII-мъ вѣкахъ, и въ доказательство этого ссылаются, во-первыхъ, на извѣстіе византійскаго писателя, императора Маврикія, сообщающаго, что у славянъ много царьковъ, во-вторыхъ, на извѣстную Краледворскую рукопись, на разсказъ о судѣ Любуши, гдѣ сходка состоитъ изъ однихъ родоначальниковъ, въ-третьихъ, на текстъ «Начальной лѣтописи»: «живяху кождо своимъ родомъ, на своихъ мѣстѣхъ владѣюще кождо родомъ

своимъ», въ-четвертыхъ, на то, что и позднѣе, при князьяхъ, вѣче состояло изъ однихъ «старцевъ градскихъ», т.-е. родовыхъ старѣйшинъ: въ-пятыхъ, на обычай кровной мести и неполученіе наслѣдства дочерьми при отсутствіи братьевъ, наконецъ, въ-шестыхъ, на такія данныя, какъ названіе новобрачныхъ княземъ и княгиней: они назывались такъ по той причинѣ, что, вступая въ бракъ, становились родоначальниками. Мы уже знаемъ, какъ надо понимать текстъ «Начальной лѣтописи» о родѣ и неполученіе наслѣдства дочерьми при отсутствіи сыновей: родъ—это задруга или вервь, а ограниченіе наслѣдственныхъ правъ дочерей объясняется идеей принадлежности имѣнія семьѣ, а не лицу. Задружнымъ же началомъ объясняется и кровная месть. Вообще надо замѣтить, что древнѣйшіе обширные родственные союзы славянъ удобнѣе называть задругами или вервями, а не родами, потому что въ точномъ научномъ смыслѣ родовымъ бытомъ надо считать такой, который основанъ на безусловной и неограниченной власти родоначальника надъ членами рода, власти, включавшей въ себѣ понятіе о правѣ родоначальника подвергнуть всѣхъ членовъ родового союза казни и продать ихъ въ рабство, причемъ по смерти отца старшій сынъ является полнымъ его преемникомъ и сохраняетъ manus и надъ матерью. Ничего подобнаго, какъ намъ уже извѣстно, у славянъ не было, и потому родовымъ бытъ древнѣйшихъ славянъ назвать нельзя. Мы сейчасъ видѣли, что и третье, и пятое доказательство сторонниковъ родовой теоріи не могутъ быть приняты: они говорятъ въ пользу семейно-задружнаго, а не родового быта. Такъ же мало въ пользу родовой тооріи говорятъ и другія изложенныя сейчасъ доказательства. Извѣстіе Маврикія становится понятнымъ лишь при сопоставленіи его съ его же собственнымъ замѣчаніемъ, что славяне не знаютъ правительства, и съ свидѣтельствомъ другого византійскаго писателя, жившаго нѣсколько ранѣе, Прокопія, по словамъ котораго славяне живутъ въ демократіи, не имѣютъ единоличной власти и совѣщаются вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Здѣсь ясно указано, что единовластія родоначальниковъ не было, что существовали вѣчевыя сходки, что общаго правительства не было. Такъ какъ мы знаемъ, съ другой стороны, что задруга были чисто демократическимъ союзомъ, не имѣвшимъ единаго главы, то остается предположить, что царьки Маврикія—племенные князья. Что касается Краледворской рукописи, то извѣстно, что достовѣрность ея подвергается весьма сильному сомнѣнію; но если бы она была и достовѣрна, то не указывала бы на составъ вѣча изъ однихъ родоначальниковъ: кромѣ «владыкъ» на «снемѣ» присутствуютъ, по словамъ «Суда Любуши», еще «кметы» и «лехи», т.-е. весь народъ. Уже это извѣстіе, равно какъ и свидѣтельство Прокопія о демократическомъ устройствѣ славянъ, противорѣчитъ представленію о составѣ вѣча изъ однихъ родовыхъ старѣйшинъ; въ свое время мы убѣдимся, что вѣче состояло изъ всѣхъ свободныхъ, а рѣшающій голосъ при-

надлежалъ главамъ семействъ, а не родовъ, да и «старцы градскіе», какъ увидимъ, вовсе были родовыми старѣйшинами. Наконецъ, новобрачные полагаютъ начало не новому роду, а новой семьѣ.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ доказательства, приводимыя сторонниками родовой теоріи, вовсе не подтверждаютъ этой теоріи, а даютъ совершенно иной матеріалъ. Матеріалъ этотъ интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что въ значительной степени подтверждаетъ двѣ другихъ теоріи—семейно-общинную и задружно-общинную, но подтверждаетъ, однако, именно лишь въ значительной степени, а не вполнѣ. Дѣло въ томъ, что обѣ эти теоріи предполагаютъ существованіе не только семьи и задруги, что—фактъ несомнѣнный, но и, кромѣ того, существованіе территоріальной общины, высшаго соединенія семей или задругъ подъ вліяніемъ необходимости въ защитѣ отъ внѣшнихъ опасностей. Обыкновенно прибавляютъ къ этому, что однимъ изъ основныхъ элементовъ такой территоріальной общины у восточныхъ славянъ была колонизація, ставившая пригороды, т.-е. позднѣйшія колоніи, и ихъ вѣча въ политическую зависимость отъ метрополіи, главнаго города и его вѣчевой сходки. Это замѣчаніе имѣетъ за себя, дѣйствительно, весьма прочное основаніе, такъ какъ опирается на извѣстный лѣтописный текстъ, гласящій: «новгородцы и смольняне, и полочане, и кіевляне, и всѣ волости изначала на вѣче, какъ на думу, сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Но здѣсь возникаетъ вопросъ: не было-ли, кромѣ внѣшнихъ опасностей и колонизаціи, какихъ-либо другихъ элементовъ, создавшихъ городскія территоріальныя общины, какъ соединенія семей и вервей? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ разбору двухъ послѣднихъ названныхъ выше теорій,—теоріи городской торговой области и теоріи племенного княжества. Существуетъ, какъ намъ уже извѣстно, взглядъ, что основной отраслью народнаго производства въ кіевской Руси служила внѣшняя торговля; отсюда вытекаетъ и дальнѣйшій выводъ: торгово-промышленная территорія извѣстнаго города и послужила основой для образованія городской области. Это подтверждается слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, тѣмъ, что большинство древнѣйшихъ русскихъ городовъ расположилось по великому водному пути, служившему торговой дорогой: таковы Кіевъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ; если нѣкоторые, какъ Переяславль, Черниговъ, Ростовъ, и выдвинулись на востокъ, то лишь потому, что торговля направлялась на востокъ; во-вторыхъ, за большимъ городомъ обыкновенно идетъ его округъ: Олегъ взялъ Смоленскъ, въ силу этого смоленскіе кривичи признали его власть; онъ взялъ Кіевъ, и ему подчинились кіевскіе поляне; въ-третьихъ, позднѣе, при варяжскихъ князьяхъ, городскія области не имѣли чисто племенного состава, не состояли изъ одного только и притомъ цѣльнаго племени, а составились изъ частей разныхъ племенъ: такъ Новгородская область составилась изъ славянъ ильменскихъ съ вѣтвью кривичей,

центромъ которыхъ былъ городъ Изборскъ, въ составъ Черниговской области вошла сѣверная половина сѣверянъ съ частью радимичей и съ цѣлымъ племенемъ вятичей; Кіевская область состояла изъ всѣхъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и южной части дреговичей съ городомъ Туровомъ; сѣверная часть дреговичей съ городомъ Минскомъ была оторвана западной вѣтвью кривичей и вошла въ составъ Полоцкой области. Мы видѣли въ свое время, что основное положеніе этой стройной теоріи не выдерживаетъ критики: народное хозяйство кіевской Руси покоилось не на внѣшней торговлѣ, а на добывающей промышленности и скотоводствѣ, первенствующее значеніе которыхъ опредѣлялось вовсе не интересами внѣшней торговли, а рѣдкостью населенія при чрезвычайномъ обиліи даровъ природы. Уже отсюда слѣдуетъ, что городскую область, предшествовавшую варяжскому княжеству, нельзя выводить изъ внѣшней торговли. Но и ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ доказательствъ показываетъ несостоятельность разбираемой теоріи. Въ самомъ дѣлѣ: то обстоятельство, что много городовъ было расположено по великому водному пути, вовсе не свидѣтельствуетъ, что эти города возникли подъ вліяніемъ торговли: не надо забывать прежде всего, что рѣки въ то время были единственными удобными путями сообщенія, по нимъ только и могла совершаться колонизація, такъ что древнѣйшія поселенія, выросшія потомъ въ города и ставшія метрополіями, и должны были, естественно, возникнуть по рѣчнымъ путямъ; притомъ города были и къ западу отъ великаго воднаго пути и притомъ не въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ къ востоку: укажу на Псковъ, Изборскъ, Туровъ, Коростѣнь, Пересѣченъ, города славянъ ильменскихъ, кривичей, дреговичей, древлянъ, и улучей и тиверцевъ; они не могли возникнуть подъ вліяніемъ торговыхъ потребностей; наконецъ, соглашаясь съ тѣмъ, что внѣшняя торговля могла содѣйствовать дальнѣйшему росту приречныхъ городовъ и сосредоточенію въ нихъ торговаго населенія, никакъ нельзя признать, что торговля *создала* эти города уже потому, что нѣкоторые города возникли до начала развитой торговли, до VIII-го вѣка, да и преданіе объ основаніи Кіева, занесенное въ «Начальную лѣтопись» и носящее всѣ признаки достовѣрности въ своей бытовой обстановкѣ не отмѣтило вліянія внѣшней торговли, тогда, впрочемъ, еще не существовавшей, а указало, что Кіевъ возникъ на мѣстѣ первоначальныхъ поселеній трехъ братьевъ звѣроловов. Такъ падаетъ первое доказательство. Второе—тѣсная связь города съ его областью—не является рѣшительнымъ фактомъ въ дѣлѣ опредѣленія вліянія внѣшней торговли: вѣдь эта связь могла быть слѣдствіемъ и не торговыхъ интересовъ, а, напримѣръ, племенного родства. Наконецъ, третье доказательство—сложный племенной составъ отдѣльныхъ княжествъ—фактъ позднѣйшаго времени, имѣющій тѣмъ меньше значенія, что при князьяхъ городскія области или княжества постоянно перекраивались; какъ мало значенія имѣютъ эти

позднѣйшія территоріальныя дѣленія,—это показываетъ уже наблюденіе, что Новгородъ считался позднѣе непремѣнной частью владѣній кіевскаго князя, а вѣдь нельзя же отсюда сдѣлать выводъ, что новгородская и кіевская земля составляли до прихода варяжскихъ князей одно политическое цѣлое. Также Туровъ имѣлъ особаго князя до Рюрика, а потомъ онъ вошелъ въ составъ Кіевской области, какъ и земля древлянъ, гдѣ были свои князья еще при Игорѣ.

Итакъ, нельзя признать внѣшнюю торговлю силой, создавшей древнѣйшія русскія городскія области. Быть можетъ, этой силой надо признать племенную кровную связь? Я думаю, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно. Въ этомъ именно смыслѣ существованія племенныхъ княжествъ надо понимать извѣстія Прокопія и Маврикія. Арабскій писатель X-го вѣка, Аль-Масуди, прямо указываетъ на племенныхъ князей у славянъ. И наша «Начальная лѣтопись» помнитъ, что у каждаго восточно-славянскаго племени было свое княженіе. Она разсказываетъ и преданіе о происхожденіи племенного княженія у полянъ, и изъ этого разсказа нельзя не сдѣлать заключенія, что племенные князья были не выборные, а наслѣдственные, потому что у полянъ княженье сталъ держать родъ Кія. Наконецъ, и позднѣе, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ племенъ, сохранились свои князья: у древлянъ, напр., былъ при Игорѣ свой князь Малъ и, повидимому, до него княжили его предки, о которыхъ древляне выражаются такъ: «наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревскую землю». Упоминаемые въ договорѣ Олега съ греками «свѣтлые князья, подъ рукою Олега сущіе»—не кто иные, очевидно, какъ такіе же племенные князья, кое-гдѣ еще уцѣлѣвшіе. Племенной князь подчинялся вѣчу, что видно какъ изъ приведеннаго уже мною текста о существованіи вѣча изначала у всѣхъ племенъ, такъ и изъ разсказа «Начальной лѣтописи» о томъ, какъ хозары потребовали съ полянъ дани, а тѣ, «здумавше» (очевидно, на вѣчѣ), дали имъ мечъ. Наконецъ, ополченіемъ племени завѣдывали выборные «старцы градскіе», тысяцкій и сотскіе. Племенной же князь былъ военачальникомъ, судьей и жрецомъ.

Итакъ, ходъ политическаго развитія восточныхъ славянъ со времени начала ихъ разселенія по равнинѣ до появленія варяжскихъ князей представляется въ слѣдующемъ видѣ: славяне разселялись отдѣльными рѣдкими поселками по берегамъ рѣкъ; изъ первоначальныхъ поселеній выдѣлялись позднѣйшія, и образовывались верви; количество вервей увеличивалось, главнымъ образомъ, путемъ естественнаго размноженія населенія, но также и посредствомъ посторонней примѣси изъ позднѣйшихъ приходцевъ; родственные между собою верви сомкнулись въ племена, во главѣ съ вѣчемъ, княземъ и выборными старшинами, находившимися въ древнѣйшемъ городѣ—метрополіи; племенное княжество появилось подъ вліяніемъ отчасти внѣш-

нихъ опасностей, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе потребности предотвратить внутренніе международные раздоры. Внѣшнимъ опасностямъ отдѣльныя племена, впрочемъ, не въ состояніи были противостоять: сѣверныя племена были покорены варягами, южныя—хозарами. Въ такомъ состояніи находилась русская земля въ началѣ IX-го вѣка. *Государства* даже самаго примитивнаго не существовало, потому что племя—союзъ кровный по существу своему, и власть въ племенномъ союзѣ имѣетъ кровную основу.

Какъ же образовалось русское государство? Преданіе объ этомъ, занесенное въ помѣщенную въ «Начальномъ лѣтописномъ сводѣ» «Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ первѣе поча княжити, и какъ Русская земля стала есть», гласитъ слѣдующее: въ IX-мъ вѣкѣ сѣверные славяне и нѣкоторые финскія племена находились подъ властью варяговъ; но затѣмъ варяги были прогнаны; тогда начались усобицы между отдѣльными родами; подъ ихъ вліяніемъ, чувствуя потребность во внутреннемъ мирѣ, чудь, славяне ильменскіе, кривичи и Весь отправили пословъ къ варяжскому племени Русь и велѣли сказать: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». Тогда пришли три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ ихъ родами. Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ. Это случилось въ 862 году. Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ остался одинъ княземъ. Онъ побѣдилъ возставшихъ было противъ него подъ начальствомъ Вадима новгородцевъ и распространилъ свою власть на Полоцкъ и Ростовъ. Двое бояръ Рюрика, Аскольдъ и Диръ, пошли великимъ воднымъ путемъ на Константинополь, по дорогѣ овладѣли Кіевомъ, освободивъ полянъ отъ подчиненія хозарамъ, но подъ Константинополемъ въ 866 году потерпѣли неудачу и вернулись въ Кіевъ. По смерти Рюрика княземъ въ Новгородѣ сдѣлался его родственникъ Олегъ; онъ покорилъ смоленскихъ кривичей, любецкихъ сѣверянъ, велѣлъ убить Аскольда и Дира и завладѣлъ Кіевомъ и землей полянъ, подчинилъ себѣ древлянъ, черниговскихъ сѣверянъ, радимичей. Поселившись въ Кіевѣ, Олегъ назвалъ его матерью городовъ русскихъ. «И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася Русью». Таково преданіе. Три главныхъ вопроса должны мы теперь разрѣшить: во-первыхъ, что достовѣрнаго заключаетъ въ себѣ изложенное преданіе относительно самой фактической стороны дѣла? во-вторыхъ, кто были варяги и Русь? въ-третьихъ, каковы были причины образованія варяжскаго княжества? Недостовѣрной, прежде всего, надо признать всю хронологію, потому что «Повѣсть о началѣ Русской земли» разбита по годамъ искусственно: придаточное предложеніе иногда, напр., отдѣляется хронологическими датами отъ главнаго; притомъ же, напр., 866 годъ, какъ годъ нападенія Аскольда и Дира на Константинополь, недостовѣ-

ренъ: нападеніе, по греческимъ источникамъ, произошло въ 860 или 861 году, недостовѣренъ также и исходный пунктъ хронологическихъ вычисленій—852 годъ, который авторъ «Повѣсти» ошибочно считаетъ началомъ царствованія императора Михаила. Такимъ образомъ, нельзя признать достовѣрной и дату прибытія Рюрика съ братьями въ Новгородъ—862 годъ. Затѣмъ, самый разсказъ о *призваніи* князей отличается слишкомъ идиллическимъ характеромъ, чтобы можно было признать его безусловно на вѣру. Но все остальное: мотивы, вызвавшіе появленіе варяговъ, имена пришельцевъ, данныя о ихъ завоеваніяхъ, повидимому, сомнѣніе возбудить не могутъ: бытовыя явленія всегда вѣрно отражаются въ народныхъ преданіяхъ, кровавыя событія не легко забываются, а собственныя имена обыкновенно надолго удерживаются въ народной памяти. Такимъ образомъ, личности Рюрика, Синеуса и Трувора—историческія личности; еще менѣе подлежитъ сомнѣнію личность Олега, съ именемъ котораго дошелъ до насъ и договоръ съ греками. Достовѣрны и извѣстія о возстаніи новгородцевъ и ихъ подчиненіи Рюрикомъ, а также и о завоеваніяхъ Олега. Такъ рѣшается первый вопросъ. Второй вопросъ—о варягахъ и Руси—сыгралъ, какъ извѣстно, очень серьезную роль въ развитіи русской исторіографіи и имѣетъ обширную литературу. Онъ не настолько, однако же, важенъ самъ по себѣ, чтобы стоило въ настоящее время останавливаться на немъ подробно. Я ограничусь поэтому указаніемъ, что варяговъ и Русь надо считать норманнами, потому что норманны подъ именемъ верингоігь извѣстны въ скандинавскихъ сагахъ, у византійскихъ императоровъ IX, X и XI вѣковъ норманнская гвардія называласьβάραγγοι, по свидѣтельству Михаила Пселла и другихъ византійскихъ писателей, наконецъ, собственныя имена русскихъ князей, а также пословъ и гостей въ договорахъ Олега и Игоря, и русскія (не-славянскія) названія днѣпровскихъ пороговъ, сохраненныя намъ Константиномъ Багрянороднымъ, звучатъ по норманнски. Указанія на то, что Черное море называлось Русскимъ, что еще въ 842 году руссы нападали на Константинополь, что въ первой половинѣ IX-го вѣка въ греческихъ житіяхъ св. Стефана Сурожскаго и св. Георгія Амастридскаго сохранились извѣстія о грабежахъ русскихъ въ Крыму, нисколько не противорѣчатъ норманнской теоріи происхожденія Руси: норманны рано стали проникать на югъ Россіи по великому водному пути, раньше, чѣмъ отмѣтила это «Повѣсть временныхъ лѣтъ», хронологія которой, какъ мы знаемъ, недостовѣрна; завоевательное движеніе Олега было лишь послѣднимъ моментомъ длиннаго процесса, сущность котораго сводится къ неудержимому стремленію норманновъ купцовъ и вмѣстѣ разбойниковъ къ богатой Византіи. Что касается причинъ образованія варяжскихъ княжествъ, то онѣ хорошо отразились въ преданіи и сводятся, во-первыхъ, къ потребности въ установленіи внутренняго порядка путемъ устраненія раздоровъ между отдѣльными семьями и

вервями и, во-вторыхъ, къ необходимости защититься отъ иноземнаго владычества и вражескихъ нападеній: Рюрикъ съ братьями по приходѣ начали «города рубить и воевать всюду», а Олегъ, покоряя славянскія племена, освобождалъ ихъ отъ подчиненія хозарамъ.

Итакъ, русское государство въ видѣ варяжскаго княжества образовалось подъ вліяніемъ потребностей во внутренней безопасности и внѣшней защитѣ посредствомъ завоеванія варягами или норманнами различныхъ племенныхъ княжествъ восточныхъ славянъ въ IX-мъ вѣкѣ. Такъ какъ намъ извѣстно существованіе племенныхъ князей при Олегѣ и Игорѣ, извѣстно, что у дреговичей въ Туровѣ былъ свой князь Туръ, въ Полоцкѣ еще во второй половинѣ X-го вѣка княжилъ Рогволодъ, а у вятичей въ XII-го ст. былъ князь Ходота, то нельзя не признать, что, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ племенъ долго еще сохранялась племенная самостоятельность, и зависимость ихъ отъ кіевскаго варяжскаго князя сводилась главнымъ, образомъ, если не исключительно, къ уплатѣ дани и участію въ военномъ ополченіи. Внутренняя самостоятельность вятичей сохранялась всего дольше: съ Ходотой боролся еще Владиміръ Мономахъ. Другія племена покорены были окончательно и лишены племенного княженія раньше: Ольга, какъ извѣстно, уничтожила самостоятельность древлянъ, Владиміръ Святой лишилъ особыхъ князей полочанъ и радимичей. Новгородцы, кривичи и поляне давно уже не имѣли племенныхъ князей: первыя два племени по крайней мѣрѣ, съ Рюрика и Олега, а третье со временъ Аскольда и Дира. Въ Черниговѣ не было уже князя при Святославѣ, а упоминается въ лѣтописи воевода, т.-е. вѣроятно, выборный тысяцкій, Претичъ. Такъ постепенно пали племенныя княжества. Власть варяжскихъ князей вытекала уже не изъ кровнаго родства, а изъ завоеванія. Поэтому варяжское княжество и можетъ быть признано государствомъ.

Переходя теперь къ изслѣдованію вопроса о томъ, чѣмъ отличалось это древнѣйшее русское государство отъ современнаго правового государства, мы займемся сначала разсмотрѣніемъ организаціи средствъ управленія въ то время, потому что матеріалъ, сюда относящійся, отличается наибольшей конкретностью, и его изученіе поможетъ намъ разобраться въ болѣе общихъ и глубокихъ вопросахъ о цѣли государства въ кіевскій періодъ и о субъектѣ власти, о томъ, кому тогда въ сущности эта власть принадлежала.

Первой политической силой въ варяжскомъ княжествѣ, какъ и въ княжествахъ племенныхъ, было *вѣче*. Соціальный составъ вѣча намъ уже извѣстенъ изъ приведеннаго раньше текста лѣтописи о существованіи вѣча изначала и о томъ, что на вѣче собирались не только горожане, но и смерды или крестьяне, сельскіе жители, вообще всѣ свободные люди. Сюда же обыкновенно являлся въ потребныхъ случаяхъ и князь со своей дружиной. Въ одномъ мѣстѣ «Ипатьевской лѣтописи» сказано, что на вѣче собрались всѣ «отъ мала до велика», такъ что,

очевидно, возрастъ не былъ препятствіемъ для посѣщенія вѣчевой сходки. Но одно дѣло—присутствіе на вѣчѣ и другое—право рѣшающаго на немъ голоса: это послѣднее право принадлежало, повидимому, лишь главамъ семействъ, какъ показываетъ разсказъ о томъ, что когда Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Владиміра Мономаха, уговаривалъ кіевское вѣче идти походомъ на Мономахова сына, Юрія Долгорукаго, то кіевляне сказали: «на Владимирово племя не можемъ поднять руки, а на Ольговичей пойдемъ, *хотя и съ дѣтьми*»; отцы здѣсь отвѣчаютъ за дѣтей по той, очевидно, причинѣ, что рѣшающій голосъ былъ только у первыхъ. Таковы данныя о составѣ вѣча. Не трудно замѣтить, что надлежащей опредѣленности, необходимаго постоянства въ составѣ вѣчевой сходки не было: не опредѣлено было число лицъ, при которомъ вѣче признавалось законнымъ, почему всякая сходка, въ какомъ бы количествѣ ни собрались на нее свободные люди, считалась нормальной и правильной. Даже въ томъ случаѣ, когда собиралось нѣсколько сходокъ, ни одна изъ нихъ не имѣла никакихъ юридическихъ преимуществъ передъ другими, такъ что въ случаѣ разногласія оставалось одно средство—междуусобная борьба. Мало того: и тогда, когда собиралось лишь одно вѣче, борьба, вооруженное столкновеніе было необходимостью, потому что не существовало голосованія, не было мысли о необходимости признать авторитетъ большинства, всѣ вопросы должны были рѣшаться единогласно. Непостоянство состава вѣчевыхъ сходокъ и неорганизованность способовъ рѣшенія на нихъ разныхъ дѣлъ приводили къ крайнему разнообразію внѣшней обстановки вѣча: не существовало одного постояннаго мѣста для собранія свободныхъ людей. Такъ, въ Кіевѣ вѣче собиралось то на площади передъ соборомъ св. Софіи, то на Ярославовѣ дворѣ, то на Угорскомъ, то на торговищѣ, то, наконецъ, на площади у Туровой божницы. Въ Полоцкѣ вѣчевыя сходки бывали и около церкви Богородицы, и на площади Софійскаго собора.

Значительной неопредѣленностью отличалось, наконецъ, и вѣдомство вѣча. Чаще всего вѣче участвовало въ избраніи и изгнаніи князей. Извѣстія объ этомъ постоянно встрѣчаются въ лѣтописяхъ X, XI и XII-го вѣковъ. Еще въ 970 г. новгородцы вытребовали себѣ князя Владиміра отъ уходившаго тогда во второй разъ въ Болгарію Святослава. Въ 1023 г. кіевляне не приняли къ себѣ въ князья сына Владиміра Святого, Мстислава, когда онъ побѣдилъ своего брата Ярослава. Въ 1068 году кіевское вѣче изгнало Изяслава Ярославича и возвело на столъ полоцкаго князя Всеслава. Въ 1095 году новгородцы прогнали князя Давида и призвали Мстислава, а муромцы въ то же время возвели у себя на столъ Изяслава. Съ 1135 года начинается постоянное избраніе и изгнаніе князей новгородскимъ вѣчемъ. Въ Кіевѣ въ XII-мъ вѣкѣ послѣдовательно были выбраны вѣчемъ въ 1113 году Владиміръ Мономахъ, въ 1132 году Ярополкъ, въ

1146 г. Изяславъ Мстиславичъ, въ 1154 г. Ростиславъ, въ 1157 г. Изяславъ Давидовичъ, въ 1168 году Мстиславъ Изяславичъ. То же самое наблюдается въ XII-мъ вѣкѣ въ Полоцкѣ, гдѣ въ 1127 г. вѣче выбрало въ князья Рогволода, въ 1132 г. Василька Святославича, въ 1151 г. Ростислава Глѣбовича, въ 1157 г. Рогволода Борисовича и т. д. Въ Друцкѣ вѣчемъ былъ выбранъ въ 1146 г. Глѣбъ Ростиславичъ; въ 1158 г. онъ былъ изгнанъ и замѣненъ Рогволодомъ Борисовичемъ. Весь этотъ рядъ фактовъ очень внушителенъ и, несомнѣнно, указываетъ на весьма важную роль вѣча въ замѣщеніи княжескихъ столовъ, но преувеличивать эту роль, во всякомъ случаѣ, не приходится: нельзя сказать, чтобы выборъ и изгнаніе князя принадлежали къ числу постоянныхъ и непререкаемыхъ функцій вѣча, невозможно возводить въ принципъ это фактическое участіе вѣча въ распредѣленіи князей по городамъ и областямъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на то обстоятельство, что изъ 50-ти князей, занимавшихъ кіевскій столъ до нашествія татаръ, только 14 были призваны вѣчемъ. Но вѣче не только выбрало и изгоняло князей, оно дѣлало имъ нерѣдко указанія въ ихъ правительственной дѣятельности и заключало съ ними «ряды» или договоры по тѣмъ или другимъ вопросамъ, касавшимся княжескаго управленія: такъ, въ 968 году кіявляне, стѣсненные печенѣгами, отправили посольство къ Святославу, находившемуся въ Болгаріи, со словами: «ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ»; въ 1015 году Ярославъ собралъ новгородцевъ на вѣче, чтобы посовѣтоваться съ ними о томъ, что предпринять противъ Святополка; въ 1868 г. кіевское вѣче потребовало отъ князя Изяслава Ярославича, чтобы онъ шелъ на половцевъ, разорявшихъ русскую землю; въ 1097 г. вѣче во Владимірѣ Волынскомъ заставило Давида Игоревича выдать Ростиславичамъ—Володарю и Васильку—ихъ враговъ. Въ XII-мъ вѣкѣ кіевское вѣче заключаетъ «рядъ» съ Игоремъ Ольговичемъ о томъ, чтобы князь судилъ самъ, а не поручалъ суда притѣснявшимъ народъ тіунамъ; черниговское вѣче въ 1139 году заставило Всеволода Ольговича помириться съ побѣдившимъ его Ярополкомъ кіевскимъ. Но опять приходится отмѣтить, что вѣче не часто рѣшалось на указанія князьямъ, вмѣшивалось въ ихъ распоряженія въ исключительныхъ, экстренныхъ случаяхъ и еще рѣже заключало съ князьями формальные договоры: кіевское вѣче за все время до татарскаго нашествія только 4 раза заключило рядъ съ князьями. Бывали, далѣе, случаи, и опять-таки далеко не всегда и не повсемѣстно, когда вѣче объявляло войну и заключало миръ: въ 997 г. бѣлгородское вѣче вело мирные переговоры съ печенѣгами; въ 1096 г. муромцы и рязанцы заключили миръ съ Мстиславомъ Владиміровичемъ; въ 1186 г. встрѣчаемъ случай заключенія мира полоцкимъ вѣчемъ и т. д. Наконецъ, тогда, когда приходилось учреждать экстренные денежные сборы съ

свободныхъ людей, они рѣшались обыкновенно вѣчемъ: напр., въ 1018 году новгородское вѣче установило сборъ денегъ для помощи Ярославу противъ Святополка Окаяннаго. Однако, обычныя дани въ пользу князя устанавливались, какъ сейчасъ увидимъ, одностороннею волею послѣдняго, безъ прямого, по крайней мѣрѣ, участія вѣчевого собранія. Изъ всего сказаннаго о вѣдомствѣ вѣча видно, что оно, несомнѣнно, принимало участіе въ дѣлахъ верховнаго управленія, но участіе это не было постояннымъ, систематическимъ, организованнымъ, вѣдомство вѣча отличалось чрезвычайной неопредѣленностью и неустойчивостью: въ сущности, вѣче дѣйствовало лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда положеніе казалось ему ненормальнымъ и требовало вмѣшательства; вотъ почему въ княженіе Владиміра Мономаха въ Кіевѣ почти не упоминается о дѣятельности вѣча: Мономахъ чутко прислушивался къ голосу общественнаго мнѣнія и всегда старался идти навстрѣчу потребностямъ и запросамъ народа.

Итакъ: вѣче не имѣло ни постояннаго состава, ни упорядоченнаго способа рѣшенія дѣлъ, ни разъ навсегда установленнаго мѣста собранія, ни, наконецъ, опредѣленнаго вѣдомства. Ясно, слѣдовательно, что *учрежденіемъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова вѣчевую сходку кіевской Руси назвать нельзя ни въ какомъ случаѣ: это былъ лишь первоначальный зародышъ учрежденія.

Второй политической силой въ древнѣйшей Россіи былъ *князь*. Изслѣдованіе порядка княжескаго владѣнія—первая задача при изученіи княжеской власти и ея политическаго значенія. Существуетъ двѣ главныхъ теоріи о порядкѣ княжескаго владѣнія въ кіевской Руси, родовая, утверждающая, что князья распредѣлялись по городамъ по очереди старшинства и по смерти старшаго передвигались на лучшіе столы въ томъ же порядкѣ, и теорія добыванія столовъ князьями, сводящаяся, въ сущности, къ полному и безусловному отрицанію какихъ бы то ни было правилъ о распредѣленіи столовъ и ихъ наслѣдованіи; самое большее, что готовы признать послѣдователи этой теоріи,—это нѣкоторое вліяніе понятія объ «отчинѣ», т.-е. о наслѣдованіи волости сыномъ отъ отца, а также участіе вѣча въ замѣщеніи княжескихъ столовъ. Изученіе относящагося къ разбираемому вопросу матеріала показываетъ, что обѣ названныхъ теоріи даютъ частичное пониманіе цѣлаго, но выводы ихъ должны быть расположены въ иной перспективѣ. Прежде всего нельзя отрицать, что, какъ то утверждали сторонники родовой теоріи, идеаломъ княжескаго владѣнія было извѣстное соотвѣтствіе между степенью старшинства князей и степенью богатства волостей, ими занимаемыхъ, причемъ Кіевъ всегда долженъ былъ доставаться старшему изъ всѣхъ князей, а опредѣленіе лѣстницы остальныхъ волостей, по степени ихъ достоинства, установилось не сразу. Все это видно какъ изъ фактовъ замѣщенія княжескихъ столовъ при нормальныхъ условіяхъ, безъ борьбы

князей между собою и безъ участія вѣча, такъ изъ нѣкоторыхъ прямыхъ заявленій князей. Святославу въ 972 году наслѣдовали три сына: старшій, Ярополкъ, сѣлъ въ Кіевѣ, второй, Олегъ, въ землѣ древлянской, третьему, Владиміру, достался Новгородъ; когда въ 1015 году умеръ Владиміръ Святой, то старшій его сынъ Святополкъ занялъ кіевскій столъ, а другіе сыновья распредѣлились, насколько это намъ извѣстно, слѣдующимъ образомъ: въ Новгородѣ былъ Ярославъ, въ Ростовѣ—Борисъ, въ Муромѣ—Глѣбъ, въ древлянской землѣ—Святославъ, во Владимірѣ на Волыни—Всеволодъ, въ Тмуторокани—Мстиславъ. Когда дружина Владиміра предлагала Борису ростовскому занять силой Кіевъ, Борисъ отказался, сказавъ: «не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго»,—такъ прочно сидѣло въ немъ убѣжденіе, что Кіевъ долженъ былъ принадлежать старшему. Позднѣе, когда изъ всѣхъ сыновей Владиміра Святого остались живы только два—Ярославъ и Мстиславъ, послѣдній, исходя изъ того же убѣжденія, объявилъ Ярославу: «сѣди Кыевѣ, ты еси старѣйшій братъ». Сыновья Ярослава въ 1054 году размѣстились слѣдующимъ образомъ: старшій, Изяславъ, сталъ княжить въ Кіевѣ и Новгородѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Смоленскѣ и Игорь во Владимірѣ на Волыни. Дольше всѣхъ сыновей Ярослава жилъ Всеволодъ, который занялъ кіевскій столъ послѣ смерти старшихъ братьевъ, послѣдовательно княживъ сначала въ Переяславлѣ, потомъ въ Черниговѣ. Онъ умеръ кіевскимъ княземъ въ 1093 году. Тогда выступили на первый планъ внуки Ярослава, старшимъ изъ которыхъ былъ Святополкъ, сынъ старшаго Ярославича, Изяслава. Сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, безпрекословно призналъ старшинство Святополка: «аще сяду на столъ отца своего,—говорилъ онъ,—то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ». Чувствуя себя и послѣ смерти Святополка младше Олега Святославича, Владиміръ Мономахъ долго не хотѣлъ и тогда занимать кіевскій столъ. Какъ глубоко было въ изучаемый періодъ убѣжденіе князей, что они имѣютъ право перехода на лучшіе столы по очереди старшинства, это видно особенно ясно изъ слѣдующаго факта, относящагося къ концу XII-го вѣка: когда кіевскій князь Ярославъ Изяславичъ (изъ потомства Мономаха) замѣтилъ Святославу Всеволодовичу черниговскому (происходившему отъ Олега Святославича): «къ чему тебѣ наша отчина? Тебѣ эта (т.-е. кіевская) сторона (Днѣпра) не надобна», то Святославъ отвѣтилъ: «я не угринъ и не ляхъ, мы единаго дѣда внуки, и сколько тебѣ до него, столько и мнѣ».

Но идеалъ и дѣйствительность, право и фактъ и теперь далеко не всегда совпадаютъ. Еще въ меньшей степени такое совпаденіе суще ствовало въ старину. Наряду съ главнымъ руководящимъ началомъ дѣйствовали другіе принципы, второстепенные, производившіе рядъ исключеній, доводившихъ чрезвычайно часто дѣйствительность до пол

наго извращенія, до діаметральной противоположности общепринятой нормѣ. Первымъ изъ такихъ второстепенныхъ началъ является *начало договора или ряда*, опредѣлявшее нерѣдко порядокъ княжескаго владѣнія въ кіевской Руси наряду съ очередью старшинства: ряды князей между собою были однимъ изъ средствъ возстановленія попраннаго права старшинства и, сверхъ того, въ сомнительныхъ случаяхъ установляли распредѣленіе волостей. Такъ, напр., мы имѣемъ извѣстія о рядѣ Ярослава съ Мстиславомъ въ 1026 г., Изяслава съ Всеволодомъ въ 1077 г., Владиміра Мономаха съ Олегомъ Святославичемъ въ 1094 г.; въ 1097 г. состоялся княжескій съѣздъ и рядъ между князьями въ Любечѣ, а въ 1100 г. въ Витичевѣ; въ 1102 г. былъ рядъ у Святополка Изяславича съ Владиміромъ Мономахомъ: по условіямъ этого ряда, сынъ Святополка долженъ былъ сѣсть въ Новгородѣ, а сынъ Мономаха во Владимірѣ Волынскомъ. Другимъ принципомъ, приводившимъ къ исключеніямъ изъ общаго правила о порядкѣ наслѣдованія столовъ по старшинству, надо признать *начало добыванія столовъ*, несправедливо объявлявшееся нѣкоторыми изслѣдователями исключительно господствующимъ. Княжескія усобицы имѣли цѣлью или возстановленіе попраннаго права старшинства или удовлетвореніе личнаго честолюбія. Примѣровъ добыванія столовъ можно много найти въ нашихъ источникахъ. Извѣстны, напр., въ X-мъ в. усобицы сыновей Святослава, кончившіяся утвержденіемъ Владиміра въ Кіевѣ, борьба Святополка съ Ярославомъ въ 1016 г. и слѣдующихъ, борьба Мстислава съ Ярославомъ въ 1024 г., попытка Брячислава полоцкаго захватить Новгородъ въ 1021 г., захватъ Тмуторокани Ростиславомъ въ 1064 и 1065 годахъ, захватъ Новгорода Всеславомъ и Полоцка Изяславомъ въ 1069 г., изгнаніе Изяслава Святославомъ и Всеволодомъ въ 1073 г.;много вниманія удѣляетъ «Начальная лѣтопись» шумной и продолжительной борьбѣ Ольговичей и Давидовичей съ Святополкомъ и Владиміромъ Мономахомъ въ концѣ XI-го вѣка. Въ XII-мъ вѣкѣ Всеволодъ Ольговичъ завоевалъ кіевскій столъ, а внукъ Мономаха Изяславъ Мстиславичъ прямо говорилъ: «не мѣсто идетъ къ человѣку, а человѣкъ къ мѣсту», и велъ ожесточенную борьбу съ Юріемъ Долгорукимъ за Кіевъ. Нѣкоторые князья стремились добыть цѣлый рядъ волостей для своей семьи и старались утвердить ихъ за своимъ потомствомъ: такъ, Всеволодъ Ярославичъ въ послѣдней четверти XI-го вѣка соединилъ въ рукахъ членовъ своей семьи болѣе половины всѣхъ русскихъ волостей: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, ростовско-суздальскую землю, потомъ Новгородъ; въ началѣ XII-го вѣка Владиміръ Мономахъ собралъ въ своей семьѣ $^3/_4$ тогдашней Руси.

Эти послѣдніе факты приводятъ насъ къ констатированію третьяго исключенія изъ общаго правила о порядкѣ княжескаго владѣнія,—къ утвержденію между князьями *мысли объ отчинѣ*, т.-е. о наслѣдованіи

сыномъ владѣній отца, другими словами — о наслѣдованіи по нисходящей прямой, а не боковой ломаной линіи, какъ то слѣдовало по общему правилу объ очереди старшинства. Въ 1096 г. Олегъ Святославичъ объявилъ Изяславу Владиміровичу, захватившему Муромъ: «иди въ волость отца своего Ростову, а то (т.-е. Муромъ) волость отца моего»; и лѣтопись прибавляетъ: «Олегъ же надѣялся на правду, яко правъ бѣ въ семь». Въ Любечѣ въ 1097 году было рѣшено: «кождо да держитъ отчину свою». Полоцкъ въ XI-мъ вѣкѣ сдѣлался отчиной потомства Изяслава, сына Владиміра Святого и Рогнѣды. Въ одномъ изъ полоцкихъ пригородовъ Изяславлѣ въ томъ же столѣтіи столъ былъ занятъ княземъ Брячиславомъ, «того бо бяше отцина», замѣчаетъ лѣтопись. Въ XII-мъ вѣкѣ упоминавшійся уже нами внукъ Мономаха Изяславъ Мстиславичъ сдѣлалъ Волынь отчиной своего рода: послѣ него здѣсь княжилъ сынъ его Мстиславъ Изяславичъ, потомъ внукъ Романъ Мстиславичъ и т. д.

Четвертымъ второстепеннымъ условіемъ, вліявшимъ на распредѣленіе волостей между князьями, было *выдѣленіе князей-изгоевъ*. Изгои— это преждевременно осиротѣвшіе князья, отцы которыхъ умерли или при жизни ихъ дѣдовъ, или хотя и по смерти послѣднихъ, но раньше, чѣмъ достигли старшаго кіевскаго стола; такими изгоями въ XI-мъ вѣкѣ были, напр., полоцкіе Изяславичи: Брячиславъ, Всеславъ и ихъ потомство; еще при жизни Ярослава Мудраго умеръ его старшій сынъ Владиміръ; сынъ этого Владиміра Ростиславъ и дѣти Ростислава Рюрикъ, Володарь и Василько были также изгоями; изгоемъ считался и Давидъ Игоревичъ, сынъ Игоря Ярославича. Обыкновенно изгоевъ надѣляли какой-нибудь второстепенной волостью въ потомственное владѣніе, и у нихъ не было надежды передвинуться на лучшій столъ. Это сильно тяготило изгоевъ и нерѣдко заставляло наиболѣе энергичныхъ и честолюбивыхъ изъ нихъ рѣшаться на преступленія: такъ въ концѣ XI-го в. Давидъ Игоревичъ, княжившій въ одной половинѣ волынской земли, опасаясь воинственнаго Василька Ростиславича, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Володаремъ владѣлъ другой половиной той же земли, задумалъ и осуществилъ извѣстное ослѣпленіе Василька. И Давидъ и Василько съ Володаремъ были изгоями.

Наконецъ, пятое условіе намъ уже извѣстно изъ обзора дѣятельности вѣча: то было *вліяніе народа*, который на вѣчевой сходкѣ нерѣдко выбиралъ и изгонялъ князей. Факты, сюда относящіеся, были уже приведены въ свое время.

Произведенный нами обзоръ условій, опредѣлявшихъ порядокъ княжескаго владѣнія въ кіевской Руси, ясно показываетъ, на какихъ непрочныхъ, постоянно колебавшихся и взаимно другъ другу противорѣчившихъ основаніяхъ покоился въ то время этотъ порядокъ. Неопредѣленность и непостоянство являются отличительными чертами порядка княжескаго владѣнія.

Каковы же были взаимныя отношенія князей въ древнѣйшей Россіи? Быть можетъ, тутъ, по крайней мѣрѣ, установились прочные и устойчивые юридическіе обычаи? Присматриваясь къ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, нельзя это признать. Отношенія младшихъ князей къ старшему въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ опредѣлялись весьма неясной формулой, обязывавшей младшихъ почитать старшаго, какъ отца: въ 1015 г. Борисъ говоритъ о старшемъ своемъ братѣ Святополкѣ Окаянномъ: «аще и отецъ ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто»; Ярославъ въ 1054 г. завѣщаетъ дѣтямъ: «се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему... сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будеть въ мене мѣсто». Родственныя отношенія младшихъ къ старшему не имѣютъ характера государственнаго подчиненія и потому строго отличаются князьями отъ отношеній подданническихъ: когда во второй половинѣ XII-го вѣка старшій изъ князей, Андрей Боголюбскій, потребовалъ отъ Ростиславичей смоленскихъ, посаженныхъ имъ въ кіевской землѣ, выдачи нѣкоторыхъ бояръ и, получивъ отказъ, пригрозилъ имъ изгнаніемъ изъ южной Руси, то тѣ отвѣчали: «мы тебя признали вмѣсто отца, а ты сталъ обходиться съ нами не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками (т.-е. подданными); такъ Богъ насъ разсудитъ». Приказывать старшій князь слѣдовательно, не имѣлъ права, и это ясно видно еще изъ слѣдующихъ словъ Ярослава своему старшему сыну Изяславу: «аще кто хоцеть обидѣти брата своего, то ты помогай, егоже обидять». Правда отдѣльные сильные князья подчиняютъ себѣ иногда всѣхъ другихъ князей; такъ, Владиміръ Мономахъ требовалъ отъ князей полнаго повиновенія: онъ потребовалъ, чтобы на его зовъ явился въ Кіевъ Ярославъ Святополчичъ, Глѣбу минскому отдалъ его княжество подъ условіемъ подчиненія—«наказа ему о всемъ»,—Святославичи черниговскіе участвовали, по его требованію, во всѣхъ походахъ; сынъ Мономаха Мстиславъ также призывалъ князей въ походы и наказывалъ за неповиновеніе. Но все это случаи проявленія фактической силы и не опираются ни на какое юридическое основаніе. Подчиненіе носитъ тутъ временный и случайный характеръ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нѣкоторую объединяющую роль могли играть только княжескіе съѣзды: они устанавливали до нѣкоторой степени порядокъ княжескаго владѣнія, какъ съѣзды въ Любечѣ въ 1097 г. и Витичевѣ въ 1100 г., судили провинившихся князей, какъ то было въ 1100 г. въ Витичевѣ по поводу ослѣпленія Василька Давидомъ Игоревичемъ, рѣшали нѣкоторыя общерусскія дѣла, напримѣръ о походахъ на половцевъ, какъ на съѣздѣ у Долобскаго озера въ 1103 г. Но и съѣзды нельзя назвать постоянными и организованными учрежденіями: во-первыхъ, они были рѣдки, во-вторыхъ, нѣкоторые князья отказывались на нихъ являться, какъ, напримѣръ, Олегъ Святославичъ въ 1096 г.; въ-третьихъ, князья не всегда подчинялись рѣшенію съѣздовъ: такъ, Василько и Володарь

Ростиславичи не согласились съ рѣшеніемъ витичевскаго съѣзда, лишившаго ихъ Волыни. Такимъ образомъ, взаимныя отношенія князей въ кіевской Руси, подобно порядку княжескаго владѣнія, отличались неопредѣленностью и неустойчивостью.

Остается познакомиться съ вѣдомствомъ князей, чтобы закончить рѣчь о княжеской власти. *Законодательство*—въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ нужно понимать это слово въ столь древнюю эпоху, несомнѣнно, входило въ кругъ вѣдѣнія князя. Начальная лѣтопись говоритъ о томъ, что Владиміръ Святой много заботился «о уставѣ земленѣмъ». «Русская Правда» даетъ намъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ законодательной дѣятельности князей: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ «отложиша оубіеніе за голову, но кунами ся выкупати»; Владимиръ Мономахъ опредѣлилъ максимальный процентъ при займѣ; «а се аже холопъ оударитъ свободна мужа.., то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны». Но само собою разумѣется, что эту законодательную дѣятельность князей трудно признать правильной, постоянной и организованной: она была вообще рѣдкимъ явленіемъ, сопровождалась участіемъ боярской думы и лишена была, въ сущности, творческаго характера, черпала свое содержаніе исключительно въ господствовавшемъ тогда юридическомъ обычаѣ. Однимъ изъ существенныхъ элементовъ, творившихъ право или, по крайней мѣрѣ, примѣнявшихъ и иногда нѣсколько измѣнявшихъ юридическій обычай, было судебное рѣшеніе. Это обстоятельство ставитъ въ связь *судебную власть* князя съ его законодательной дѣятельностью. На вершеніе суда княземъ указываетъ «Русская Правда», предполагающая жалобу закупа *князю* на обиду отъ господина и говорящая о тяжбѣ братьевъ *передъ княземъ* о наслѣдствѣ, о наказаніяхъ отъ князя за разныя преступленія, о приводѣ вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, на *княжъ* дворъ и т. д. Въ лѣтописяхъ также встрѣчаемъ неоднократныя указанія на княжескій судъ: въ 1024 г. Ярославъ судилъ и казнилъ волхвовъ въ Суздалѣ, въ 1071 г. бѣлозерскіе волхвы требовали, чтобы ихъ судилъ самъ князь Святославъ. Всеславъ полоцкій, по «Слову о полку Игоревѣ», «людемъ судяше». Наконецъ, и изъ «Поученія Владиміра Мономаха» видно, что судъ входилъ въ вѣдѣніе князей. Не надо только забывать, что, во-первыхъ, наряду съ княземъ и подчиненными ему органами тогда судъ вершили очень часто третейскіе судьи, по выбору сторонъ, такъ что всеобъемлющей, опредѣленной и постоянной судебную власть князя назвать нельзя; во-вторыхъ, князь цѣнилъ въ судѣ по преимуществу фискальную сторону его,—виры, продажи и судебныя пошлины; въ-третьихъ, наконецъ, какъ мы скоро убѣдимся, самая роль судьи въ процессѣ того времени была крайне ограничена. Собственно *административная дѣятельность* князей имѣла совершенно-ничтожное значеніе и сводилась къ назначенію должностныхъ лицъ разнаго рода, вѣдавшихъ

управленіе. Полиція безопасности, не говоря уже о полиціи благосостоянія, не существовала въ древнѣйшей Россіи. Сохранилось, правда, извѣстіе, что Владиміръ Святой поддерживалъ нищихъ и убогихъ, кормилъ ихъ, но это извѣстіе нельзя понимать въ смыслѣ организованной общественной благотворительности съ особыми учрежденіями, больницами и богадѣльнями; это была простая милостыня въ видѣ раздачи нищимъ пищи, одежды и денегъ. Но главной отраслью правительственной дѣятельности князя былъ *сборъ налоговъ*. Намъ уже извѣстно, что основнымъ налогомъ того времени была прямая подать или дань, извѣстія о которой въ лѣтописяхъ и актахъ идутъ сплошнымъ непрерывающимся рядомъ съ IX по XII столѣтіе. Дань сбиралась двумя способами: или князь самъ за ней ходилъ—это такъ называемое полюдье,—или ему ее привозили сами жители, что называлось повозомъ. О полюдьѣ говоритъ Константинъ Багрянородный, изъ лѣтописи извѣстно полюдье Игоря въ землѣ древлянъ въ 945 г. Подъ 984 г. упоминается о томъ, что радимичи везутъ повозъ. Другимъ важнымъ источникомъ княжескихъ доходовъ были, какъ намъ уже извѣстно, собиравшіеся князьями судебные штрафы, — виры и продажи. Нормы дани, какъ и виръ и продажъ, установились обычаемъ и къ концу періода достигли нѣкоторой прочности. Это, по крайней мѣрѣ, можно съ полной увѣренностью сказать о вирахъ и продажахъ: виры были трехъ родовъ—въ 80, 40 и 20 гривенъ, а продажи также имѣли три размѣра: въ 12 гривенъ, въ 3 гривны и въ 60 кунъ. Нѣкоторые источники, какъ, напр., грамота Ростислава смоленской епископіи 1150 года, указываютъ и на отвержденіе размѣровъ дани: напр., въ Торопцѣ дань бралась въ размѣрѣ 400 гривенъ. Большая опредѣленность финансовой дѣятельности князя и его доходовъ объясняется первостепеннымъ значеніемъ этой стороны дѣла въ глазахъ князей, преимущественнымъ вниманіемъ ихъ къ фискальнымъ интересамъ, совершенно естественнымъ при первобытномъ государственномъ строѣ. Наконецъ, *внѣшняя дѣятельность* князей кіевскаго періода слагается изъ завоеваній, стремленія защитить русскую землю отъ внѣшнихъ враговъ и заботы о поддержаніи правильныхъ торговыхъ сношеній. Завоеванія не были значительны; особенно извѣстна борьба между Польшей и кіевскими князьями изъ-за Червонной Руси: въ 981 г. Владиміръ Святой завоевалъ ее у Польши, при Святополкѣ Окаянномъ она вернулась къ Польшѣ и снова была завоевана Ярославомъ и Мстиславомъ въ 1038 году. Въ 1038 и 1040 годахъ упомянуты походы Ярослава на ятвяговъ. Въ 1030 г. онъ побѣдилъ Чудь и основалъ Юрьевъ. Изъ исторіи распредѣленія населенія по равнинѣ и колонизаціи намъ уже извѣстна непрерывная и очень упорная борьба Руси въ X, XI и XII вѣкахъ сначала съ печенѣгами, потомъ съ половцами, безъ набѣговъ которыхъ обходился рѣдкій годъ. Приходилось защищаться также отъ камскихъ болгаръ, напр., въ 1088 г., литовскихъ и финскихъ племенъ:

такъ, въ 1106 г. говорится о набѣгѣ литовскаго племени Зимиголы, въ 1054 г. Голяди, въ 1103 г. Мордвы. Наконецъ, походы Олега, Игоря и Владиміра Ярославича на Константинополь и сохранившіеся торговые договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками, а также разсказъ Константина Багрянороднаго, свидѣтельствуютъ о заботахъ русскихъ князей, направленныхъ къ поддержанію правильныхъ торговыхъ сношеній съ заграничными рынками.

Окидывая общимъ взглядомъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ о княжеской власти, трудно признать и эту власть правильно организованной: и порядокъ княжескаго владѣнія, и взаимныя отношенія князей отличались неопредѣленностью и непрочностью, отсутствіемъ твердыхъ и нерушимыхъ основаній; дѣятельность князей была мало развита, несложна и проникнута была по преимуществу фискальными началами. Ясно такимъ образомъ, что хотя князья и проявляли болѣе энергичную и постоянную дѣятельность, чѣмъ вѣче, но учрежденіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова княжеская власть не была.

Еще менѣе можно назвать учрежденіемъ *боярскую думу*, совѣтъ изъ старшихъ дружинниковъ, состоявшій при князѣ. Изучая составъ боярской думы кіевскаго періода, необходимо различать два періода— до XI вѣка и съ начала этого вѣка. До XI вѣка совѣтники князя состояли изъ двухъ группъ, бояръ и старцевъ градскихъ: такъ, въ разсказѣ «Начальной лѣтописи» о крещеніи Владиміра подъ 987 годомъ два раза упоминается о совѣщаніи его съ боярами и старцами градскими. Бояре—это старшіе дружинники, старцы градскіе—это выбиравшіеся вѣчемъ начальники ополченія смердовъ, тысяцкіе и сотскіе. Но въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ тысяцкіе и сотскіе сливаются съ дружиной, не выбираются вѣчемъ, а назначаются распоряженіемъ князя: такъ, тысяцкіе причислены къ дружинѣ Владиміра Мономаха въ пространной «Русской Правдѣ», въ разсказѣ о битвѣ при рѣкѣ Супоѣ между кіевскимъ княземъ Ярополкомъ Владиміровичемъ и черниговскими Ольговичами въ 1136 г., кіевскій тысяцкій причисленъ къ княжескимъ боярамъ. Причина сліянія старцевъ градскихъ съ боярами заключается въ томъ, что немногочисленный высшій слой городского купечества, изъ котораго выходили эти «старцы», чувствовалъ себя ближе къ князю и его дружинѣ, чѣмъ къ смердамъ, потому что торговалъ и воевалъ, какъ и князь съ дружиной. Вотъ почему по источникамъ XI-го и XII-го вѣковъ дума состоитъ исключительно изъ однихъ бояръ: такъ, по свидѣтельству «Русской Правды» сыновья Ярослава отмѣнили кровную месть по совѣту «*мужей* ихъ», т.-е. бояръ; *бояре* Турякъ, Лазарь и Василь посовѣтовали Давиду Игоревичу ослѣпить Василька. Въ 1097 г. Святополкъ созвалъ бояръ, чтобы посовѣтоваться по поводу мнимыхъ замысловъ Василька. «Слово о полку Игоревѣ» говоритъ о «*боярахъ* думающихъ». Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать, что постояннаго состава дума не имѣла: съ кѣмъ посо-

вѣтоваться, это рѣшалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самъ князь. Вотъ почему число совѣтниковъ по отдѣльному вопросу обыкновенно было очень невелико: дума Давида Игоревича по вопросу объ ослѣпленіи Василька состояла всего изъ троихъ бояръ; четверо или пятеро бояръ участвовали въ рѣшеніи отмѣнить месть; Мономахъ установилъ законную высоту процента при займѣ по совѣту съ шестью боярами. По этнографическому своему составу дружина, въ томъ числѣ и старшая, отличалась разноплеменностью, что также препятствовало ей образовать изъ себя плотную корпорацію: въ составѣ ея были варяги, упоминающіеся у Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, Владиміра, Ярослава Добрыня былъ бояриномъ Владиміра, а между тѣмъ, онъ былъ славяниномъ; въ 992 г. Янъ Усмошвецъ, несомнѣнный славянинъ, сдѣланъ былъ «великимъ мужемъ» за побѣду надъ печенѣжскимъ богатыремъ; въ 1015 г. въ дружинѣ Бориса упоминается Георгій *Угринъ*, т. е. венгръ по происхожденію; въ 1024 г. Мстиславъ, разбивъ Ярослава при Лиственѣ, сказалъ: «кто сему не радъ? се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла»; значитъ, дружина его состояла не изъ сѣверянъ и не изъ варяговъ, а, вѣроятно, изъ тмутороканцевъ и касоговъ (онъ раньше побѣдилъ касожскаго князя Редедю); въ «Русской Правдѣ» встрѣчается бояринъ по прозванію «Чюдинъ», несомнѣнно, финнъ по происхожденію. Та же неопредѣленность наблюдается и въ вѣдомствѣ боярской думы кіевскаго періода: князь совѣтовался не только съ тѣми, съ кѣмъ хотѣлъ, но также и по тѣмъ дѣламъ, по какимъ ему было угодно. Въ сущности не было сферы дѣятельности князя, въ которой не принимала бы того или иного участія дума; всего полнѣе и яснѣе вѣдомство боярской думы характеризовано въ извѣстныхъ словахъ Начальной лѣтописи о Владимірѣ Святомъ: «бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ нею думая о *строи земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ*». И въ самомъ дѣлѣ: условія войны и мира иногда опредѣлялись князьями по совѣту съ боярами; такъ Игорь совѣтовался съ дружиной о томъ, слѣдуетъ ли принять мирныя предложенія византійскаго императора Романа; въ 1093, 1095, 1096 и 1103 годахъ князья совѣщались съ боярами о военныхъ дѣлахъ; финансовыя дѣла также иногда обсуждались боярской думой: Игорь отправился за данью къ древлянамъ по совѣту дружины; съ участіемъ бояръ издаются законы сыновьями Ярослава и его внукомъ Владиміромъ Мономахомъ; Владиміръ Святой не обходится безъ совѣта думы въ дѣлѣ принятія христіанства. Но уже изъ того, что намъ извѣстно о дѣятельности вѣча и князя, видно, что любой изъ этихъ разнообразныхъ и очень важныхъ вопросовъ управленія могъ рѣшаться безъ всякаго участія княжескихъ совѣтниковъ—бояръ.

Итакъ и боярская дума нисколько не походила на сколько-нибудь организованное, правильное учрежденіе, потому что не отличалась ни постоянствомъ состава, ни опредѣленностью вѣдомства.

Вѣче и князь были несомнѣнными носителями верховной власти въ кіевской Руси; боярская дума содѣйствовала князю въ его правительственной дѣятельности. Такимъ образомъ, мы познакомились съ такими зарождавшимися уже въ то время учрежденіями, которыя, по современной терминологіи, должны бы были называться учрежденіями верховными или высшими. Насколько можно было примѣнить это названіе къ князю, вѣчу и боярской думѣ, т. е. насколько въ то время верховное управленіе отличалось и отдѣлялось отъ подчиненнаго,—это мы узнаемъ, познакомившись съ органами центральнаго и мѣстнаго или областного управленія въ кіевской Руси.

Центральное управленіе въ древнѣйшей Россіи отличалось полнымъ отсутствіемъ всякой правильной организаціи: не было въ сущности не только центральныхъ учрежденій, но и отдѣльныхъ лицъ, которыя постоянно вѣдали бы опредѣленную категорію дѣлъ на всемъ пространствѣ княжества. Составляя по нашимъ источникамъ списокъ разнаго рода должностныхъ лицъ, состоявшихъ непосредственно при князѣ, и обращая вниманіе на ихъ дѣятельность, легко убѣдиться, что все это были органы хозяйственнаго управленія, которымъ лишь временно могли даваться тѣ или другія отдѣльныя порученія по общему управленію. Едва ли не самымъ важнымъ должностнымъ лицомъ при князѣ былъ *дворскій*, завѣдывавшій княжескимъ дворцомъ и дворомъ, а также дворцовымъ хозяйствомъ. Но на ряду съ нимъ существовалъ уже—по крайней мѣрѣ въ XII-мъ вѣкѣ—рядъ лицъ, вѣдавшихъ какую-либо отдѣльную отрасль хозяйственнаго управленія: *казначей* завѣдывалъ княжеской казной, *печатникъ* былъ секретаремъ князя, *меченоша* хранилъ оружіе, *стольникъ* вѣдалъ съѣстные припасы и напитки, *покладникъ* или *спальникъ*—домашнюю обстановку княжескаго дворца, *подъѣздной княжъ*, упоминаемый въ «Русской Правдѣ», былъ, по всей вѣроятности, начальникомъ княжеской охоты. Кромѣ того, существовалъ еще цѣлый рядъ *тіуновъ* или прикащиковъ, принадлежавшихъ нерѣдко къ числу несвободныхъ слугъ, челяди или рабовъ. «Русская Правда» знаетъ нѣсколько разновидностей этихъ тіуновъ: кромѣ общаго термина «княжъ тивунъ», въ ней встрѣчается еще тіунъ огнищный, завѣдывавшій, очевидно, «огнищами», т.-е. княжескими холопами, которыхъ онъ судилъ и наказывалъ, тіунъ конюшій, которому были подчинены рядовые или простые конюхи, и который былъ, вѣроятно, тожественъ съ конюхомъ старымъ или конюшеннымъ старостой, сельскій тіунъ, соотвѣтствовавшій, несомнѣнно, сельскому старостѣ и управлявшій княжескими селами, и тіунъ ратайный или ратайный староста, вѣдавшій спеціально земледѣльческія работы. Не различая хозяйственнаго управленія отъ управленія общаго, князья нерѣдко поручали тіунамъ и судъ въ городахъ и даже въ столицѣ: извѣстенъ, напр., разсказъ «Начальной лѣтописи» о рядѣ кіевлянъ съ Игоремъ Ольговичемъ,

причемъ кіевляне требовали, чтобы князь не поручалъ суда въ Кіевѣ тіунамъ, притѣснявшимъ народъ.

Нѣсколько больше зародышей порядка, — разумѣется, весьма примитивнаго — наблюдается въ другой сферѣ администраціи, извѣстной теперь подъ именемъ управленія областнаго или мѣстнаго. Прежде всего необходимо выяснить вопросъ объ *областномъ дѣленіи*. Четыре термина указываютъ на областное дѣленіе въ изучаемый періодъ. Эти термины—«городъ», «торгъ», «міръ» и «земля». Впрочемъ, торгъ обыкновенно совпадалъ съ городомъ, что однако не было постоянно, такъ какъ были торги и внѣ городовъ. Торгъ былъ важнымъ мѣстомъ не только въ хозяйственной, но и въ гражданской жизни того времени: здѣсь, по «Русской Правдѣ», совершались разнаго рода сдѣлки: купля-продажа, заемъ, конкурсъ при несостоятельности и т. д; здѣсь начинался «сводъ», здѣсь «закликали» или «заповѣдывали» о пропажѣ своей собственности. Это придавало торгу и извѣстное административное значеніе. Все, что сказано о торгѣ, относится и къ городу, такъ какъ въ городѣ обыкновенно, даже, вѣроятно, всегда, былъ торгъ. Но городъ былъ гораздо болѣе важнымъ административнымъ пунктомъ, чѣмъ торгъ. Города кіевскаго періода дѣлились на концы, о которыхъ упоминается въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Новгородѣ. Городъ былъ средоточіемъ извѣстной волости или волостей, «земель», какъ ихъ называетъ «Русская Правда». «Земля», надо думать, соотвѣтствовала «міру», упоминаемому въ краткой «Правдѣ», хотя очень возможно, что подъ «міромъ» разумѣлся и городъ.

Итакъ, основной административной единицей былъ городъ съ его волостью или «землей», къ нему тянувшей; кромѣ того, нѣкоторое административное значеніе имѣли внѣгородскіе торги или погосты. Разсмотримъ теперь, каковы были органы областной администраціи.

Важнѣйшимъ органомъ администраціи въ городѣ былъ *посадникъ*. Въ нашихъ источникахъ сохранилось множество извѣстій о посадникахъ въ различныхъ русскихъ городахъ IX—XII вѣковъ. Уже Рюрикъ посадилъ своихъ «мужей» въ Ростовѣ, Бѣлоозерѣ и Полоцкѣ, а Олегъ—въ Смоленскѣ и Любечѣ. Въ 977 г., послѣ бѣгства Владиміра изъ Новгорода, Ярополкъ поставилъ туда своихъ посадниковъ; въ 980 г. Владиміръ отправилъ Добрыню посадникомъ въ Новгородъ. Ярославъ въ лѣтописи подъ 1014 г. названъ посадникомъ въ Новгородѣ, что даетъ поводъ думать, что и другіе сыновья Владиміра получившіе при его жизни въ управленіе города, были посадниками отца. Въ 1018 и 1036 гг. и въ началѣ XII-го вѣка упоминаются посадники въ Новгородѣ, назначенные кіевскимъ княземъ. Въ 1071 г. встрѣчаемъ посадника Яна на Бѣлоозерѣ, въ 1079 г. посадника Ратибора въ Тмуторокани. Въ 1096 г. Олегъ Святославичъ посадилъ посадниковъ по городамъ въ ростовско-суздальскомъ краѣ, а въ 1097 г. Свя-

тополкъ сдѣлалъ посадникомъ во Владимірѣ Волынскомъ Василія. Въ XII-мъ в. въ волынскихъ пригородахъ также упоминаются посадники. Наконецъ, пространная «Русская Правда» говоритъ о должности посадника какъ обычной для каждаго города. Посадникъ былъ замѣстителемъ князя въ области; поэтому вѣдомство его вполнѣ совпадало съ вѣдомствомъ князя, такъ что говорить объ этомъ подробно послѣ всего намъ извѣстнаго о правительственной дѣятельности князя было бы излишне. «Русская Правда» нѣсколько разъ говоритъ о *вирникѣ*. Нѣкоторые изслѣдователи считали вирника за особаго финансоваго чиновника, за сборщика податей, но другіе отожествляли его съ посадникомъ. Это послѣднее мнѣніе надо принять, потому что, во-первыхъ, по «Лаврентьевской лѣтописи», въ 1176 году ростовская земля роздана была въ *посадничество* русскимъ (т.-е. кіевскимъ) дѣтскимъ, и «они многу тяготу людямъ твориша *продажами* и *вирами*»; во-вторыхъ, вѣдомство вирниковъ совпадало съ кругомъ дѣятельности посадниковъ: финансовое вѣдомство вирника не вызываетъ ничьихъ сомнѣній, въ краткой «Русской Правдѣ» прямо сказано, что вирники сбираютъ виру; но нельзя отрицать и его судебное значеніе: онъ не только сбиралъ виру и получалъ при этомъ «поклонъ» или «покони», т.-е. кормъ натурой и отчасти деньгами, но ему шла значительная часть самой виры: изъ двойной 80-ти-гривенной виры 16 гривенъ, а изъ простой 40-гривенной 8; не можетъ быть, чтобы столь значительныя суммы получались, какъ вознагражденіе за сборъ виры; судебная роль князя и его органовъ заключалась, какъ было уже сказано и какъ скоро будетъ доказано, только въ формальной оцѣнкѣ доказательствъ,—центръ тяжести для нихъ находился въ доходѣ отъ суда; финансовая или фискальная и юридическая стороны суда сливались въ одно нераздѣльное цѣлое, не могла, слѣдовательно, и финансовая власть по сбору судебныхъ пошлинъ быть отдѣленной отъ власти судебной. Но если вирникъ и посадникъ—одно и то же, то никакъ нельзя согласиться съ нѣкоторыми изслѣдователями, которые отожествляютъ съ посадниками тысяцкихъ, думаютъ, что тысяцкіе замѣняли въ нѣкоторыхъ городахъ посадниковъ. Тысяцкіе, упоминающіеся въ источникахъ въ Кіевѣ, Бѣлгородѣ, Вышгородѣ, Переяславлѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, «держали воеводство», какъ выражается «Начальная лѣтопись», т.-е. были начальниками городского ополченія и, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, существовали на ряду съ посадниками; тамъ, гдѣ жили князья, посадниковъ не было, но тысяцкіе были.

Посадники и въ XII-мъ вѣкѣ тысяцкіе, раньше выбиравшіеся, назначались княземъ большею частью изъ числа старшихъ дружинниковъ—бояръ. Но и члены младшей дружины—*отроки* или *дѣтскіе*—получали нерѣдко административныя порученія. Что отрокъ и дѣтскій одно и то же—въ этомъ убѣждаетъ насъ текстъ «Русской Правды».

Отрокъ, несомнѣнно, участвовалъ въ процессѣ при поклепѣ, т.-е. при обвиненіи по подозрѣнію, такъ какъ сказано: «а иже свержеть виру, то гривна кунъ сметная *отроку*; а кто и *клепалъ*, а тому дати другую гривну». Но, какъ скоро увидимъ, однимъ изъ обычныхъ доказательствъ въ процессѣ при поклепѣ былъ судъ Божій, испытаніе желѣзомъ, водою и ротà или присяга. Слѣдовательно, отрокъ долженъ былъ принимать участіе и въ этихъ испытаніяхъ. Между тѣмъ извѣстно, что при испытаніи желѣзомъ дѣйствовалъ дѣтскій: «а желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, и полгривны дѣтьскому». Изъ этого сопоставленія слѣдуетъ, что отрокъ и дѣтскій—одно и то же. Затѣмъ отрокъ былъ подчиненъ посаднику и употреблялся имъ для административно-полицейскихъ цѣлей: напримѣръ, онъ долженъ былъ помочь истцу схватить и связать его бѣглаго холопа; подобное же значеніе имѣлъ и дѣтскій: по той же «Русской Правдѣ», онъ игралъ дѣятельную роль при исполненіи приговоровъ по дѣламъ о спорѣ изъ за наслѣдства. Вотъ второе наблюденіе, подтверждающее тожество отрока и дѣтскаго. «Русская Правда» даетъ возможность довольно точно опредѣлить судебное значеніе отрока или дѣтскаго. Онъ прежде всего, несомнѣнно участвовалъ въ процессѣ по дѣламъ объ убійствѣ. Это несомнѣнно по слѣдующимъ признакамъ: отрокъ вмѣстѣ съ вирникомъ получалъ «поконы *вирные*» натурой или деньгами, а вира платилась, какъ извѣстно, при убійствѣ; затѣмъ, по словамъ «Правды», «иже свержеть *виру*, то гривна кунъ сметная *отроку*; о томъ же, наконецъ, свидѣтельствуетъ и полученіе дѣтскимъ полугривны при испытаніи желѣзомъ, потому что это испытаніе примѣнялось чаще всего въ процессѣ объ убійствѣ. Впрочемъ, и въ дѣлахъ о татьбѣ, т.-е. въ преступленіяхъ противъ правъ собственности, при искѣ на сумму выше полугривны золотомъ судебнымъ доказательствомъ, при наличности извѣстныхъ условій, служило также испытаніе желѣзомъ, откуда можно сдѣлать выводъ, что и въ разборѣ этихъ дѣлъ отрокъ участвовалъ. Далѣе: отрокъ получалъ «наклады» при продажѣ въ 12 гривенъ — деньгами и натурой, слѣдовательно, долженъ былъ присутствовать на судѣ при всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ платилась такая продажа, а она платилась за оскорбленіе дѣйствіемъ и за нарушеніе правъ собственности. Къ этому надо еще прибавить административно-полицейскую дѣятельность отрока или дѣтскаго: участіе его въ поимкѣ бѣглаго холопа и въ дѣлежѣ наслѣдства между братьями, тягавшимися о немъ передъ княземъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что всѣ дѣла вершились на судѣ при участіи отрока. Весьма важенъ вопросъ о томъ, какое значеніе на судѣ имѣлъ отрокъ, былъ ли онъ помощникомъ вирника, простымъ исполнителемъ его приказаній, или самостоятельнымъ органомъ судебной власти? «Русская Правда» заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на рѣшеніе вопроса въ первомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ подчиненности отрока главному судьѣ: князь

посылаетъ дѣтскаго дѣлить наслѣдство между братьями, посадникъ отправляетъ отрока поймать и связать бѣглаго холопа, «поклоны» идутъ не одному отроку, а «вирнику съ отрокомъ». Слѣдовательно, чаще всего отрокъ былъ лицомъ второстепеннымъ на судѣ. Это не исключаетъ, впрочемъ, возможности его самостоятельнаго значенія въ отдѣльныхъ случаяхъ. Чтобы убѣдиться, что эта возможность иногда становилась дѣйствительностью, стóитъ только припомнить цитованное уже мѣсто «Лаврентьевской лѣтописи» подъ 1176 г., гдѣ говорится, что Ростиславичи роздали въ ростовской землѣ *посадничество* русскимъ (т.-е. южнорусскимъ, кіевскимъ) *дѣтскимъ*, которые и обременяли населеніе вирами и продажами: посадничество и право налагать виры и продажи ясно указываетъ на самостоятельное значеніе дѣтскихъ. Бывали, значитъ, случаи назначенія въ посадники членовъ не старшей, а младшей княжеской дружины.

Къ числу судебныхъ чиновниковъ принадлежалъ, далѣе, метельникъ или метальникъ. Нѣкоторые отожествляли метальника съ мятельникомъ—отъ слова «мятель»—верхнее платье—и считали его поэтому лицомъ, завѣдывавшимъ княжескимъ гардеробомъ, но эта мысль не можетъ быть принята, потому что, во-первыхъ, чтеніе «мятельникъ» не встрѣчается въ источникахъ, и, во-вторыхъ, въ «Русской Правдѣ» ясно выступаетъ на видъ судебное значеніе метальника. Это легко усмотрѣть изъ слѣдующей статьи: «а се оуроци судебнии: отъ виры 9 кунъ, а метелнику 9 вѣкошь, а отъ бортноѣ земли 30 кунъ, а о(тъ) инѣхъ о(тъ) всѣхъ тяжь, кому помогуть, по 4 куны, а метельнику 6 вѣкошь». Изъ приведеннаго текста видно, что метельникъ участвовалъ при разборѣ дѣлъ объ убійствѣ, такъ какъ сказано «отъ виры», затѣмъ дѣлъ о бортной землѣ, т.-е., вѣроятно, объ уничтоженіи бортной межи, наконецъ, «иныхъ всѣхъ тяжъ». Итакъ, во всѣхъ судебныхъ процессахъ игралъ какую-то роль метельникъ. Повидимому, метельникъ не былъ самостоятельнымъ судьей, а состоялъ при вирникѣ. Мы видѣли уже, что для исполненія административно полицейскихъ порученій посылались отроки или дѣтскіе; поэтому нельзя признать метельника тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи были недѣльщики и пристава. Остается признать метельника секретаремъ, записывавшимъ суммы налагаемыхъ взысканій. По всей вѣроятности, писецъ, упоминаемый въ другомъ мѣстѣ «Русской Правды», былъ тотъ же метальникъ или метельникъ.

При испытаніи желѣзомъ 5 кунъ получалъ мечникъ. Слѣдовательно, и онъ также участвовалъ въ судопроизводствѣ по цѣлому ряду преступленій. Нѣкоторые предполагаютъ, что мечникъ на судѣ держалъ эмблему правосудія—мечъ; другіе сближаютъ мечника съ метальникомъ.

Въ краткой «Русской Правдѣ» упоминается ябетникъ, котораго обыкновенно сближаютъ со скандинавскимъ Aembet, означавшимъ вообще должностное лицо, чиновника.

Въ привилеѣ, т.-е. уставной грамотѣ, данной въ XV-мъ вѣкѣ смоленской землѣ, ябетникомъ названъ чиновникъ, занимавшійся отыскиваніемъ воровъ и покражи по слѣдамъ преступленія, помогавшій въ этомъ отношеніи потерпѣвшему.

Таковы были чиновники по преимуществу судебные, говорю—«по преимуществу», потому что въ кругъ ихъ вѣдѣнія, вообще мало опредѣленный, входилъ не только судъ, но и нѣкоторыя финансовыя функціи, какъ то показываетъ предшествующее изложеніе.

По преимуществу *финансовыми* должностными лицами были данники, мытники и осменики. Данники упоминаются, напр., въ лѣтописи подъ 1096 годомъ и, какъ показываетъ самое названіе, завѣдывали сборомъ дани. Мытника знаетъ «Русская Правда», а мытъ, какъ проѣзжую пошлину съ товаровъ, упоминаетъ Ростиславова грамота 1150 года. Мытникъ, очевидно, и завѣдывалъ сборомъ мыта и присутствовалъ при этомъ часто при сдѣлкѣ купли-продажи, какъ видно изъ «Русской Правды». Сборщиками торговыхъ пошлинъ были осменики, которые въ то же время, какъ показываютъ позднѣйшіе источники, вѣдали торговую полицію.

Намъ остается указать еще на мостника и городника, при которыхъ въ качествѣ помощниковъ также, по «Русской Правдѣ, были отроки. По прямому свидѣтельству того же источника, мостникъ строилъ и чинилъ мосты, а городникъ—городскія стѣны и укрѣпленія. Они получали кормъ и особое издѣльное вознагражденіе отъ населенія.

Разсматривая вѣдомство всѣхъ указанныхъ выше должностныхъ лицъ, мы наблюдали въ этомъ отношеніи большую неопредѣленность и неустойчивость, постоянныя колебанія и отступленія, смѣшеніе разныхъ функцій управленія. Но этимъ дѣло не ограничивалось: власть органовъ, замѣщавшихъ князя въ извѣстной области, посадниковъ, была совершенно безгранична до тѣхъ поръ, пока князь не являлся въ область: они судили по всѣмъ дѣламъ и присуждали ко всѣмъ принятымъ юридическимъ обычаемъ наказаніямъ; инстанцій не было, апелляція, хотя бы даже самая безпорядочная и неорганизованная, была большею частью невозможна: такъ, мы видимъ, что посадникъ Святослава Ярославича Янъ велѣлъ убить волхвовъ на Бѣлоозерѣ, наказалъ ихъ примѣненіемъ существовавшей еще тогда кровной мести, не обративъ никакого вниманія на ихъ желаніе быть судимыми самимъ княземъ. Но если безъ князя посадникъ былъ всесиленъ, то стоило князю пріѣхать въ область, и власть посадника немедленно исчезала: всѣ дѣла, даже самыя мелкія, рѣшалъ самъ князь. Слѣдовательно, не только областное управленіе не было организовано правильно, и не установилась административно-судебная іерархія, но органы управленія лишены были, въ сущности, всякой самостоятельности въ кругѣ дѣлъ, ими рѣшаемыхъ; въ рукахъ князя сходились всѣ нити власти, верховное и подчиненное управленіе совершенно не раздѣлялись. По-

нятно, что о существованіи правильныхъ, хотя бы въ незначительной степени, учрежденій говорить не приходится, средства управленія находились, очевидно, на первоначальной ступени своего развитія. Постоянныя, прочно установленныя нормы были чужды древнѣйшему русскому управленію.

Какова была дѣйствительная *цѣль* русскаго государственнаго союза въ его первоначальномъ видѣ, т.-е. съ IX-го до конца XII-го вѣка? Предшествующее изложеніе доставило уже намъ значительный матеріалъ для правильнаго рѣшенія этого вопроса. Мы видѣли, что русское государство появилось и утвердилось вслѣдствіе того, что оно соотвѣтствовало двумъ настоятельнымъ потребностямъ общества, потребности во внѣшней защитѣ отъ инородцевъ и потребности въ устраненіи внутреннихъ раздоровъ. Военная дѣятельность князей и княжескій судъ и должны были удовлетворить этимъ настоятельнымъ потребностямъ. Безъ сомнѣнія, они и удовлетворяли имъ до извѣстной степени и, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ достигали цѣли общаго блага, потому что иначе самое существованіе государства было бы невозможно. Но степень удовлетворенія общественныхъ потребностей и мѣра достиженія идеала общаго блага были въ то время чрезвычайно невелики, такъ что очень часто непосредственной цѣлью правительственной дѣятельности оказывались личные, частные интересы, а не общее благо. Такъ, военная дѣятельность князей направлена была не только и даже не столько на отраженіе вражескихъ нападеній, сколько на усобицы, преслѣдовавшія очень узкія задачи, личное обогащеніе князей, увеличеніе ихъ владѣній, собираніе земли въ рукахъ князей одной какой-либо вѣтви Рюрикова дома. Даже внѣшнія предпріятія князей направлены были нерѣдко къ ихъ личной выгодѣ: такъ, Святославъ въ своемъ тяготѣніи къ Болгаріи, по собственнымъ его словамъ, руководился стремленіемъ къ личному обогащенію: онъ хотѣлъ овладѣть ею, потому что туда «вся благая сходятся»,—свозятся товары изъ Венгріи, Руси, Византіи. Въ администраціи и судѣ, какъ мы только что убѣдились, хозяйственный, фискальный интересъ преобладалъ надъ интересами благоустройства, порядка, справедливости и правосудія. Это видно изъ того, что въ администнативно-судебномъ строѣ древнѣйшей Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало органамъ хозяйственнаго управленія,—приказчикамъ или тіунамъ разнаго рода или такимъ лицамъ, которыя вѣдали разныя отрасли княжескаго дворцоваго хозяйства, какъ дворскій, казначей, стольникъ, подъѣздной и проч. Сборъ штрафовъ и судебныхъ пошлинъ— вотъ къ чему стремился, главнымъ образомъ, судья того времени. Интересы правосудія для него стояли при этомъ на второмъ планѣ. Это всего лучше видно изъ разсмотрѣнія характера судопроизводства и участія въ судѣ установленной власти. Мы должны обстоятельнѣе

познакомиться съ этой стороной дѣла, потому что она представляетъ собою яркую иллюстрацію къ тому общему положенію, что цѣли общаго блага отступали на второй планъ передъ частными интересами и узкими, формальными требованіями. Уголовный процессъ раздѣляется, какъ извѣстно, на двѣ части,—слѣдствіе и судъ. Первымъ необходимымъ условіемъ для начала слѣдствія во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, по «Русской Правдѣ», была *наличность истца:* безъ истца было невозможно начало слѣдствія; вотъ почему, если найдены были кости или трупъ неизвѣстнаго человѣка, то процессъ не возникалъ, разслѣдованія не производилось; государственная власть не принимала на себя иниціативы въ этомъ отношеніи; уже въ этомъ нельзя не видѣть слабости понятія объ общественныхъ задачахъ государственнаго союза. «Аже кто оубиетъ княжа мужа въ разбои, *а головника не ищуть*»,—читаемъ въ пространной редакціи «Русской Правды»; эти слова, несомнѣнно, указываютъ, что при убійствѣ для начала слѣдствія не былъ необходимъ отвѣтчикъ. Такъ какъ ниже сказано: «*не будеть ли татя*, то по слѣду женуть», то, очевидно, и въ дѣлахъ о татьбѣ, т.-е. во всѣхъ преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ, слѣдствіе начиналось также безъ наличности отвѣтчика. Вторымъ необходимымъ условіемъ начала слѣдствія при убійствѣ и нарушеніи правъ имущественныхъ признавалась *наличность слѣдовъ преступленія*, въ частности при убійствѣ трупа. Но въ дѣлахъ о преступленіи противъ свободы, чести и здоровья непремѣннымъ вторымъ условіемъ для начала процесса была *наличность отвѣтчика.* Таковы были условія для начала слѣдствія: ихъ значительная сложность показываетъ, что государственная власть того времени мало заботилась объ общественной безопасности. Это дѣлается еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на самое производство слѣдствія, на его ходъ. Въ «Русской Правдѣ» встрѣчаются многочисленныя и несомнѣнныя указанія на производство слѣдствія самимъ истцомъ. Вотъ эти указанія: если кто-либо потерпѣлъ побои до синяковъ и крови, «то видока *ему* не искати»; всѣ статьи о «сводѣ» показываютъ, что «сводъ» производился самимъ истцомъ: онъ говорилъ: «поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ»; самъ истецъ также «закликалъ на торгу» о пропажѣ принадлежавшей ему вещи или холопа, самъ и «познавалъ» найденную у другого свою вещь: изъ его заявленія о потерѣ не вытекала необходимость дѣятельнаго и самостоятельнаго производства слѣдствія властями; далѣе мы имѣемъ свидѣтельство «Русской Правды» о томъ, что при бѣгствѣ холопа возможенъ былъ случай, «аже кто своего холопа *самъ досочиться*». Существующія власти только содѣйствовали истцу въ нѣкоторыхъ случаяхъ: такъ, напр., посадникъ долженъ былъ помогать при поимкѣ бѣглаго холопа, давая истцу отрока.

Слѣдствіемъ установлялось обвиненіе, опредѣлялся всегда отвѣтчикъ.

*

Но строго различались основанія такого обвиненія, и сообразно этимъ основаніямъ измѣнялся и дальнѣйшій ходъ процесса: и взаимныя отношенія сторонъ, и способы доказательствъ. Все дѣло было въ томъ, «въ поклепѣ» или не въ поклепѣ было обвиненіе. Поклепомъ, какъ видно изъ «Русской Правды», называлась такая форма обвиненія, въ которой основаніемъ служило не отысканіе поличнаго и не свидѣтельство очевидцевъ преступленія изъ числа свободныхъ людей, а или показаніе холопа-очевидца, или свидѣтельство свободныхъ людей, знавшихъ лишь объ обстоятельствахъ, наводившихъ на подозрѣніе. Короче: поклепъ—обвиненіе по подозрѣнію. Онъ примѣнялся въ дѣлахъ объ убійствѣ и въ преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ. Ходъ судоговоренія при поклепѣ былъ таковъ: во-первыхъ, допрашивались представленныя истцомъ лица, свидѣтельствовавшія объ обстоятельствахъ, наводящихъ на подозрѣніе, напр., о томъ, что обвиняемаго видѣли проходящимъ ночью около мѣста преступленія; во-вторыхъ, отвѣтчикъ представлялъ семь или, если отвѣтчикъ былъ иностранецъ, двухъ свидѣтелей своего добраго поведенія (послуховъ); если же таковыхъ онъ не могъ найти, то подвергался, смотря по степени важности преступленія, испытанію желѣзомъ или испытанію водой или «ротѣ» (присягѣ); въ-третьихъ, произносился приговоръ. При обвиненіи безъ поклепа, т.-е. когда были свидѣтели-очевидцы, судъ заключался лишь въ опросѣ свидѣтелей и постановленіи приговора. Таковъ былъ ходъ самаго суда. Но роль судьи была здѣсь лишь немногимъ активнѣе, чѣмъ во время слѣдствія. И на судѣ представитель государственной власти—князь или посадникъ—былъ пассивенъ, что усугублялось еще тѣмъ, что судебныя доказательства не подлежали спору, считались внушающими безусловное довѣріе, при соблюденіи извѣстныхъ условій. Такъ, напр., если отвѣтчикъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, и истецъ представилъ свидѣтелей-очевидцевъ (видоковъ), то отвѣтчикъ не имѣлъ права оспаривать ихъ показанія, и судья на ихъ основаніи обязанъ былъ произнести опредѣленный приговоръ; требовалось только, чтобы показанія очевидцевъ сходились между собою и съ показаніемъ истца дословно, «слово противу слова», по выраженію «Русской Правды». Только при поклепѣ, когда выступали не очевидцы преступленія, а свидѣтели объ обстоятельствахъ, наводившихъ на подозрѣніе, ихъ показанія встрѣчали противовѣсъ, но и здѣсь не оставалось простора для судейской инициативы и для дѣятельнаго вмѣшательства судьи въ судоговореніе: выступали послухи—свидѣтели о добромъ поведеніи обвиняемаго, которымъ судья былъ долженъ безусловно вѣрить, если ихъ было законное число и они показывали единогласно, или примѣнялись ордаліи—испытаніе желѣзомъ, водой и присяга, результатъ примѣненія которыхъ безусловно опредѣлялъ содержаніе приговора. Обращаясь, наконецъ, къ послѣднему акту процесса—исполненію судебнаго рѣшенія,—

мы наблюдаемъ здѣсь тѣ же характеристическія черты: исполненіе приговора часто принадлежало торжествующей сторонѣ: обиженный холопомъ самъ бьетъ его, раздѣвъ; несостоятельнаго должника кредиторъ самъ уводитъ къ себѣ домой въ холопство или на торгъ для продажи; спорную вещь собственникъ самъ беретъ у отвѣтчика; месть совершалась самимъ истцомъ, въ чемъ убѣждаютъ такія выраженія, какъ «мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну» и пр., «ожели себе не можеть мьстити», «чада смирять». Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе приговора было связано съ фискальными интересами съ доходами князя, посадника и другихъ органовъ судебной власти,—судья проявлялъ бо́льшую активность: такъ, не истецъ, а самъ князь подвергалъ преступника «потоку и разграбленію», т.-е. казни или изгнанію и конфискаціи имущества; князь и его органы взыскивали поступавшія въ княжескую казну виры и продажи. Сводя теперь въ одно цѣлое все только что сказанное о процессѣ въ кіевской Руси, можно сказать, что этотъ процессъ отличался рѣзко выраженнымъ формализмомъ, выражавшимся какъ въ формальномъ отношеніи къ судебнымъ доказательствамъ, въ безусловномъ къ нимъ довѣріи, если была выполнена извѣстная форма, такъ и въ произнесеніи тяжущимися шаблонныхъ формулъ: «поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ», «вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ», «по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ», и, наконецъ въ строго формальныхъ дѣйствіяхъ сторонъ, какъ поиски слѣда преступленія со свидѣтелями, заповѣдь на торгу, клятва свидѣтелей сдѣлки и т. д. Характеръ процесса опредѣляется, какъ извѣстно, тѣмъ, преобладаетъ ли въ немъ чисто гражданское обвинительное начало, или уголовное—слѣдственное. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдственный процессъ по уголовнымъ дѣламъ уже начиналъ зарождаться въ древнѣйшей Россіи, потому что, какъ мы видѣли для начала слѣдствія по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ не требовалась наличность отвѣтчика, и соотвѣтственно этому въ этихъ дѣлахъ примѣнялась особая форма обвиненія—поклепъ,—и существовали особыя судебныя доказательства—послухи и ордаліи,—но обвинительное—гражданское начало имѣло опредѣляющее значеніе: слѣдствіе было въ рукахъ частныхъ лицъ, господствовалъ формализмъ, не было общественнаго обвинителя, представителя закона въ родѣ нашего прокурора. Все это какъ нельзя лучше показываетъ, насколько затемнена была въ то время конечная цѣль государственнаго союза—общее благо,—какъ сильно заслонялась она преобладавшими тогда частными и фискальными интересами. Впослѣдствіи, при обзорѣ нравственныхъ понятій древнѣйшаго русскаго общества, мы убѣдимся, что общественный элементъ былъ очень слабъ и въ понятіи преступленія, что́ также свидѣтельствуетъ, что государство почти не осуществляло въ дѣйствительности идеи общаго блага, столь ясно выраженной въ органи-

заціи современнаго западно-европейскаго правового государственнаго союза.

Наконецъ, *субъектомъ власти*, ея носителемъ не былъ въ сущности общественный союзъ, какъ цѣлое, и князь и даже вѣче не являлись выразителями этой коллективной воли; власть принадлежала отдѣльнымъ лицамъ надъ такими же отдѣльными лицами. Это видно, прежде всего, изъ того извѣстнаго уже намъ факта, что рѣшеніе вѣча признавалось дѣйствительнымъ лишь тогда, когда оно постановлялось единогласно; логическимъ выходомъ изъ этого и вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ выраженіемъ принципа личной власти служитъ междуусобіе между партіями, составлявшими вѣче, и физическое насиліе надъ несогласно мыслящими. Когда каждый членъ общества считаетъ себя въ правѣ не подчиняться закону, съ которымъ онъ не согласенъ, вопреки большинству, то этимъ своимъ сопротивленіемъ онъ какъ нельзя болѣе сильно подчеркиваетъ ту специфическую особенность государства, что оно покоится на началѣ личнаго господства. Понятно, при такихъ условіяхъ, что и князь имѣлъ полное право дѣйствовать самовольно, безъ вѣча и даже вопреки вѣчу, пока послѣднее не принуждало его идти за собой силой. При преобладаніи личнаго господства, естественны и нарушенія нормальнаго порядка княжескаго владѣнія, и взглядъ князей на землю какъ на свою семейную собственность, и зарожденіе мысли объ отчинѣ, которая особенно къ концу періода стала все болѣе прививаться къ дѣйствительной жизни.

Сравнивая теперь государство кіевскаго періода съ современнымъ правовымъ, благоустроеннымъ государствомъ, мы видимъ, что имъ обоимъ свойственъ только *одинъ общій признакъ*: и то и другое построено на принципѣ власти или господства. Но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они между собою противоположны: субъектомъ власти въ древнѣйшей Россіи является личность, въ современномъ государствѣ—общественный союзъ, какъ цѣлое, такъ что и монархъ, даже неограниченный,—не собственникъ государства, а представитель власти, принадлежащей цѣлому союзу, «первый слуга государства», по выраженію Фридриха II-го; цѣлью государственной дѣятельности тогда были частные интересы, теперь общее благо; наконецъ, средства управленія не были организованы, не существовало правильныхъ учрежденій, верховныхъ и подчиненныхъ, составляющихъ необходимую принадлежность современнаго благоустроеннаго государства. Изъ четырехъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ современное государство, три не были свойственны русскому государству кіевскаго періода.

Переходя къ изученію генетическихъ нитей, связывающихъ политическій процессъ съ другими процессами общественной жизни, необходимо, прежде всего, установить, какія явленія въ жизни государства въ древнѣйшей Россіи обязаны своимъ существованіемъ *непо-*

средственному вліянію другихъ, тоже политическихъ явленій. Предшествующее изложеніе даетъ для этого достаточный матеріалъ: мы видѣли, что когда появилась государственная власть, не основанная на кровномъ началѣ, то стали утверждаться и органы, отъ нея исходящіе, князь сталъ назначать лицъ, отъ него зависѣвшихъ и руководившихъ управленіемъ въ стольномъ его городѣ и въ областяхъ. До появленія такой государственной власти не было и не могло быть и подчиненныхъ органовъ администраціи, которые въ племенномъ княжествѣ замѣняются главами отдѣльныхъ семейныхъ союзовъ. Итакъ, ясно, что *отъ внутреннихъ условій политическаго развитія зависѣло появленіе подчиненныхъ административныхъ органовъ.* Но было бы несомнѣнной ошибкой выводить это явленіе изъ однихъ только чисто-политическихъ условій, потому что эти органы удовлетворяли не только потребностямъ княжеской власти самой по себѣ, но силою вещей призваны были, хотя и въ незначительной мѣрѣ, идти навстрѣчу интересамъ общаго блага, такъ что *въ появленіи подчиненныхъ административныхъ органовъ сказались также и непосредственныя соціальныя вліянія:* во-первыхъ, потребность всего общества, особенно многочисленныхъ смердовъ, въ устраненіи внутреннихъ раздоровъ, усилившихся вслѣдствіе роста населенія и возникновенія нѣкоторой земельной тѣсноты; во-вторыхъ, потребность высшаго соціальнаго слоя, дружинниковъ, въ наградѣ за военную службу и административныя обязанности, ими на себя принятыя.

Административные органы, исходившіе отъ княжеской власти, были самымъ верхнимъ, послѣднимъ слоемъ, самой новой политической формаціей. Идя глубже въ политическій строй того времени, мы встрѣчаемся съ явленіями, на которыхъ сказалось главнымъ образомъ соціальное, а не политическое уже, вліяніе: я разумѣю вѣче и боярскую думу. Почему вѣчу принадлежало важное значеніе въ политической жизни кіевской Руси? Потому что смерды, которые численно преобладали въ вѣчевыхъ собраніяхъ и органомъ, проводившимъ желанія которыхъ было вѣче, представляли собою очень вліятельный классъ населенія, большею частью экономически независимый отъ другихъ классовъ вслѣдствіе равномѣрнаго распредѣленія хозяйственныхъ благъ. Боярская дума, въ свою очередь, была отраженіемъ того значительнаго соціальнаго вѣса, какимъ пользовались княжескіе дружинники, также въ значительной степени экономически независимые или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ зависимые отъ князя, потому что однимъ изъ источниковъ ихъ существованія была торговля. Итакъ, *въ вѣчѣ и боярской думѣ отразились по преимуществу соціальныя вліянія.* Однако, какъ показываютъ сейчасъ и ранѣе сдѣланныя замѣчанія, эти соціальныя вліянія слагались, въ свою очередь подъ воздѣйствіемъ хозяйственныхъ порядковъ. *Непосредственное воздѣйствіе хозяйственныхъ порядковъ становится замѣт-*

нымъ при изученіи образованія государства и появленія княжеской власти, потому что князь долженъ былъ обезпечить цѣлость территоріи для хозяйственной ея эксплуатаціи и обезопасить торговые пути, *но все-таки и здѣсь главными были соціальныя условія*, интересы смердовъ и купцовъ, не только хозяйственные, но и правовые: князь долженъ былъ явиться источникомъ того «порядка», котораго такъ жаждали наши отдаленные предки и котораго они добились въ столь ограниченной степени. Но какъ разъ это послѣднее обстоятельство, именно недостаточность установившагося порядка, составлявшая типическую черту древнѣйшаго русскаго государства и сводившаяся къ примитивности средствъ управленія, къ недостаточному выраженію идеи общаго блага и къ понятію объ отдѣльной личности какъ носителѣ власти, и оказывается необъяснимымъ, если имѣть въ виду только политическія и соціальныя вліянія. *Основной причины несовершенствъ въ государственномъ строѣ кіевскаго періода надо искать въ экономической организаціи*,—не въ какой-либо отдѣльной чертѣ послѣдней, а во всѣхъ почти ея сторонахъ. Прежде всего здѣсь важно преобладаніе добывающей промышленности и скотоводства, затѣмъ господство вольнаго землепользованія и первобытныхъ, хищническихъ системъ хозяйства, сводящихся въ сущности къ полной безсистемности: отсутствіе порядка, стройности и связности въ экономической жизни вело къ неорганизованности и политическаго строя. Затѣмъ натуральное хозяйство, семейная форма предпріятій и отсутствіе органической хозяйственной связи между производителями хозяйственныхъ благъ и внѣшнимъ рынкомъ создавали не химическое соединеніе, не тѣсную, внутренно-связную сплоченность отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, а механическую ихъ смѣсь, выдвигали на первый планъ семью и связанную съ ней отдѣльную личность, а не общество какъ цѣлое. Поэтому и политическій строй отличался безсвязностью, слабостью начала общаго блага и отсутствіемъ общественнаго господства при преобладаніи господства личнаго. Внѣ этихъ экономическихъ условій, дѣйствовавшихъ притомъ непосредственно, нельзя объяснить исторію русскаго государства въ кіевскій періодъ.

Предшествовавшія объясненія исчерпали все содержаніе политической исторіи кіевской Руси, такъ что на долю вліянія внѣшней природы, а также количества и распредѣленія населенія не осталось ничего. Относительно вліянія внѣшней природы можно только замѣтить тоже, что́ было сказано о немъ раньше: естественныя условія—равнинность страны, равномѣрность климата, обиліе орошенія и рѣчныхъ путей сообщенія—содѣйствовали объединенію Руси подъ властью Олега и его ближайшихъ преемниковъ, но они и здѣсь не были настоящими творческими силами, потому что хозяйственныя обстоятельства, въ частности господство натуральнаго хозяйства, оказались сильнѣе ихъ, сдѣ-

лавъ единство страны скоропреходящимъ, случайнымъ и эфемернымъ явленіемъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о другой сторонѣ дѣла, о вліяніи политическаго процесса на всѣ остальныя. Ясно, что уже самое несовершенство установившагося въ кіевской Руси государственнаго порядка не могло создать благопріятную почву для такого вліянія: политическія условія не вносили ни въ хозяйство страны, ни въ устройство ея общества ничего новаго, не говоря уже о томъ, что они возникли гораздо позднѣе, чѣмъ сложился экономическій и даже соціальный типъ кіевской Руси: нельзя же признать причиной извѣстнаго явленія обстоятельство, возникшее позднѣе этого самаго явленія. Въ одномъ лишь отношеніи политическій процессъ оказалъ вліяніе, впрочемъ, второстепенное, поздно обнаружившееся и легшее послѣднимъ пластомъ на рядъ другихъ, болѣе важныхъ вліяній, экономическихъ и соціальныхъ: княжескія усобицы и нападенія печенѣговъ и половцевъ, дурно отзывавшіяся на массѣ населенія, разорявшія эту массу, оказали свою долю вліянія на усиленіе колонизаціоннаго движенія къ концу періода.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОХЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой.*

(*Продолженіе*) *).

31.

Арнольдъ много читалъ и преимущественно книги по вопросамъ юридическимъ.

Въ чтеніе ихъ онъ вкладывалъ всю свою проницательность, исканіе и жажду истины, а также прирожденную способность претворять все ясно и просто выраженное въ образы, какъ бы иллюстрируя примѣрами лишь слегка намѣченное, и логически разбираясь въ немъ. Но для этой работы передъ нимъ лежалъ не одинъ прямой путь, а множество разныхъ перекрестковъ и часто онъ замѣчалъ, что сбился съ прямой дороги и запутался въ непроходимыхъ дебряхъ. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда находилъ, что опасно продолжать путь или остановиться, и слѣдуетъ возвратиться по своимъ собственнымъ слѣдамъ и начать его сызнова. Но подобная работа вызывала нѣкоторую усталость и потому времени отъ времени онъ брался за что-нибудь другое, чтобы въ иномъ направленіи и по иному пути, но также не пользуясь никакими посторонними указаніями, вновь очутиться въ совершенно чуждой ему области. На него имѣло извѣстное вліяніе то, что онъ слышалъ или что ему хвалили. Назовутъ ему какое - нибудь сочиненіе и онъ поспѣшно хватается за него, какъ бы боясь упустить что-то, что легко можетъ ускользнуть. Постепенно ему становилось все труднѣе приводить прочитанное въ извѣстную систему какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Онъ не могъ рѣшить, дѣйствительно ли пустое—пусто, а непонятное—не понятно лишь ему одному. Нерѣдко онъ опускался въ самую глубь черныхъ водъ учености, чтобы потомъ съ пренебреженіемъ убѣдиться, какъ легко уничтожить мнимую глубину. Но онъ тщетно старался провести какія бы то ни было границы. Какъ въ темную ночь даль иногда кажется безконечной и вмѣстѣ съ

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль, 1903 г.

тѣмъ какъ бы оканчивается непроницаемой стѣной, такъ и ему казалось по отношенію къ чтенію. Онъ хватался то за то, то за другое; трудности казались ему легкими, легкое непреодолимымъ. Но всякую помощь онъ пока укорно отклонялъ отъ себя, потому что чувствовалъ, что никакая посторонняя рука не можетъ ему замѣнить собственнаго инстинкта до тѣхъ поръ, пока онъ, хотя бы послѣ долгой борьбы, не выберется на прямую дорогу и не присоединится къ идущимъ по ней. Выбившись изъ силъ отъ нетерпѣливыхъ поисковъ истины, онъ искалъ прибѣжища въ поэзіи. Но тамъ ему часто приходилось наталкиваться на образы и картины, которые онъ потомъ всячески старался забыть; неопредѣленность же, царившая въ ней, словно облачная завѣса, окутывала все кругомъ и этимъ приводила его въ недоумѣніе, дѣлая подозрительнымъ и до крайности обостряя вниманіе. Все красочно-обманчивое, безпокойно-пылающее возбуждало его недовѣріе, даже тамъ, гдѣ было создано рукой великаго мастера.

Ко всему, что имѣло какое бы то ни было отношеніе къ искусству, онъ не относился серьезно уже потому, что не былъ способенъ оцѣнить умѣнье воплощать идею и наивно требовалъ отъ созданныхъ умомъ образовъ непосредственной пользы.

Онъ ухватился за газеты, чтобы хотя этимъ путемъ приблизиться къ дѣйствительности. И вотъ людская глупость, преступность, сумашествіе и отчаяніе предстали передъ нимъ съ холодной непосредственностью и сухостью. Но стоило очистить факты отъ лишней болтовни, высвободить ихъ отъ невѣрнаго освѣщенія и тогда отъ политики оставались одна голая ложь, борьба и обманъ, а между тѣмъ выкрикивались слова—Богъ, отечество, церковь, свобода, распредѣленіе богатствъ.

Нѣкоторое время Арнольдъ не могъ разобраться въ фразахъ и блуждалъ среди нихъ точно плѣнникъ. Онъ жаждалъ ухватиться за нѣчто незыблемое, что было бы и ему доступно, и такимъ образомъ натолкнулся на цифры и основанную на нихъ науку. Казалось, въ умѣ у него стало проясняться. Врата, черезъ которыя врывался свѣтъ распахнулись передъ нимъ точно отъ заклинанія. И какъ тетива лука всякій разъ послѣ того, какъ ее спустятъ, приходитъ опять въ свое нормальное положеніе, такъ и его умъ, вслѣдствіе такой работы, не переутомлялся и не ослабѣвалъ, а, наоборотъ, становился болѣе пригоднымъ къ труду, болѣе эластичнымъ. Но Арнольдъ перецѣнивалъ блеснувшій свѣтъ, перецѣнивалъ и ясность, съ которой человѣкъ, освѣщающій своимъ внутреннимъ огнемъ лишь наружный видъ вещей, видитъ ихъ.

Въ тотъ день, когда у Потчиссера вечеромъ былъ назначенъ обѣдъ, лилъ дождь. Арнольдъ какъ разъ отдыхалъ послѣ занятій и углубился въ размышленія, когда человѣкъ Христіанъ подалъ ему визитную карточку Максима Шпехта.

Арнольдъ былъ удивленъ моднымъ костюмомъ и оживленной

улыбкой своего бывшаго знакомаго изъ Подолина. Шпехтъ описалъ ему свою настоящую жизнь и, внутренне неувѣренный въ себѣ, всячески старался указать на какую-нибудь духовную связь между своимъ прошедшимъ и настоящимъ. Но когда человѣкъ держитъ въ рукахъ черезчуръ полный бокалъ, ему трудно скрыть, что напитокъ, брызжущій черезъ край, смочилъ и его руку.

Арнольдъ былъ задумчивъ. Онъ напрасно задавалъ себѣ вопросъ, зачѣмъ собственно явился къ нему Шпехтъ, и находилъ неумнымъ и легкомысленнымъ такимъ образомъ врываться къ человѣку, чтобы красть у него драгоцѣнное время.

— Повидимому, вы много читаете, — замѣтилъ Шпехтъ, бросая взглядъ на множество книгъ, валявшихся на столѣ. — Между прочимъ я могу вамъ рекомендовать одинъ романъ, который я только что прочелъ. Если хотите, я одолжу вамъ его... Шпехтъ говорилъ наставительно. и съ дѣланною серьезностью.

Арнольдъ покачалъ головой.

— Я не читаю романовъ,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на удивленно-вопросительную гримасу Шпехта и съ усмѣшкой прибавилъ: Въ романахъ люди слишкомъ часто блѣднѣютъ...

Шпехтъ захихикалъ.

— Превосходно, — замѣтилъ онъ. Онъ сидѣлъ какъ разъ противъ Арнольда, лицо его напоминало лицо человѣка, мучающагося сознаніемъ, что онъ что-то забылъ и не могущаго отдѣлаться отъ этого тягостнаго чувства. Казалось, что все въ немъ—руки, ноги, платье—обременено какой-то заботой. При прощаньи губы его подергивались отъ подавленной просьбы. Арнольдъ видѣлъ въ окно, какъ онъ садился въ элегантный экипажъ, поджидавшій его у подъѣзда.

«Вотъ какъ,—подумалъ онъ,—вѣрно его дѣла идутъ не дурно».

Вошелъ Христіанъ и доложилъ, что дядя велѣлъ узнать, поѣдетъ ли Арнольдъ на вечеръ къ Потчиссеру. Арнольдъ отвѣтилъ утвердительно. На этотъ вечеръ онъ смотрѣлъ не какъ на предстоящее удовольствіе, но совершенно серьезно считалъ его посѣщеніе частицею своей задачи и предпринятой работы.

Получивъ отвѣтъ Арнольда, Барромео отправился въ комнату жены. Тихо, точно ступая на цыпочкахъ, вошелъ онъ къ ней. Анна, сидя у окна, читала. Сухощавая, блѣдная, веснущатая барышня причесывала ей голову. Барромео удивился и собрался удалиться.

— Ты желаешь что-нибудь сказать мнѣ, Фридрихъ?—вѣжливо и кротко спросила его Анна. Осторожно, Лина, вы мнѣ больно дѣлаете,—обратилась она къ дѣвушкѣ и нетерпѣливо постучала ногой объ полъ.

— Я хотѣлъ только предупредить тебя, Анна, что никакъ не могу быть у Потчиссера,—отвѣтилъ мужъ.

— Дѣловыя обязательства мѣшаютъ?—насмѣшливо сказала Анна.

однако безъ малѣйшей досады.—Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только ѣхать безъ тебя,—холодно добавила она.

Барромео пожалъ плечами и напряженно сталъ слѣдить за жужжащей мухой.

Онъ стоялъ у двери, словно дожидаясь приказаній.

— Надѣюсь, что въ такомъ случаѣ твой племянникъ проводитъ меня,—продолжала Анна, хмуря лобъ.

Барромео вторично пожалъ плечами.

— Вообще, вѣдь, онъ подаетъ блестящія надежды на то, чтобы сдѣлаться вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ,—продолжала она язвить.—Откровенно признаюсь тебѣ, что, судя по твоимъ разсказамъ, я ожидала видѣть нѣчто другое; думала, что встрѣчу человѣка, готоваго завоевать само небо, а увидала тихаго, наивнаго, некрасиваго и недурного юношу; ты немного оплошалъ, Фридрихъ, что весьма удивительно при твоемъ всегдашнемъ скептицизмѣ.

Парикмахерша кончила прическу и откланялась. Докторъ Барромео началъ медленно прохаживаться взадъ и впередъ, поглаживая свою бороду. Наконецъ, онъ съ глубокомъ вздохомъ произнесъ:—До какой степени мелокъ долженъ быть умственный уровень женщинъ; иначе правдивость и непосредственность пробудила бы въ нихъ хоть какой-нибудь отголосокъ.

Анна Барромео нахмурилась.

— Отголосокъ?—рѣзко отвѣтила она.—Безъ причины нѣтъ и слѣдствія. Ты разсказалъ мнѣ предлинную исторію и я надѣялась увидѣть чудо дѣятельной силы, увидѣть... фанатика справедливости, что ли; человѣка, слова котораго жгутъ, какъ угли... Ну, а въ немъ ни единый человѣкъ не замѣтитъ ничего подобнаго.

Докторъ замолчалъ. Заложивъ руки за спину, онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ. По временамъ что-то пробѣгало по его безжизненному лицу, причемъ робкій, терпѣливый, какъ бы взвѣшивающій взглядъ становился глубже и печальнѣе.

—Я не бралъ на себя никакихъ обязательствъ относительно того, до какой степени тебя займетъ Арнольдъ,—наконецъ сказалъ онъ.—Если ты не видишь въ немъ болѣе того, что онъ выказываетъ, то съ тобой можетъ случиться то же, что съ богачомъ и Іисусомъ Христомъ въ Священномъ Писаніи. Никогда мы не бываемъ столь жалки, какъ въ случаяхъ, когда думаемъ, что смотримъ на что-нибудь сверху внизъ, а оно стоитъ высоко надъ нами.

Анна Барромео опустила голову. Она была достаточно умна, чтобы не сознавать, что ею взятъ фальшивый тонъ. И въ тонѣ ея отвѣта на этотъ разъ сквозило больше участія.

—Хорошо; положимъ, онъ именно таковъ, какимъ ты его видишь. Почему же въ такомъ случаѣ онъ кажется глупымъ и удивленнымъ простякомъ? Если такой человѣкъ, какимъ ты его считаешь, попадаетъ

въ нашъ кругъ, онъ долженъ производить дѣйствіе динамита. Между тѣмъ, получается впечатлѣніе, что онъ ко всему относится хладнокровно—улыбается, смотритъ и молчитъ. Даже научился раскланиваться по нашему... Почему я отъ него не слыхала ни одного слова, которое могло бы хоть что-нибудь объяснить мнѣ? Почему онъ ничего не дѣлаетъ такого, что бы мнѣ импонировало, если онъ такъ преисполненъ тѣмъ, чему я должна вѣрить, но не вѣрю, потому что не имѣю доказательствъ на это? За это ты не можешь вѣдь претендовать на меня.

Почему же онъ въ такомъ случаѣ ничего не предпринимаетъ? Чего онъ хочетъ? Чего ждетъ?—Анна Барромео подняла лицо. Щеки ея были блѣдны, выраженіе глазъ—грозно-насмѣшливое и возбужденное. Она отрицала только ради того, чтобы отрицать. Казалось, что она стремится убить въ себѣ болѣе горячаго приверженца Арнольда, нежели тотъ, что воочію находился передъ нею.

— Оставимъ это,—съ досадой произнесъ Барромео, махнувъ рукой.

Анна облокотилась на руку.

— У тебя явилась скверная замашка въ обращеніи со мною,—пробормотала она,—когда нечего болѣе возражать, лучше всего прекратить разговоръ.

Фридрихъ Барромео остановился передъ нею. Въ то время какъ онъ глядѣлъ на нее сверху внизъ, что-то дрогнуло въ его лицѣ, но онъ тотчасъ же подавилъ въ своемъ сердцѣ болѣе теплыя слова, точно стеръ мѣловую надпись на грифельной доскѣ.

— Ты права,—началъ онъ дѣловымъ тономъ,—но развѣ я обратилъ бы тебя, указавъ, въ чемъ собственно заключается твоя ошибка? Только то признается истиной, что человѣкъ самъ пережилъ. Болѣе мелкій человѣкъ, нежели Арнольдъ, поступилъ бы именно такъ, какъ ты требуешь. Онъ бы началъ бросаться изъ стороны въ сторону, метать искры, учинять разныя безплодныя попытки, позировать. А у него такъ много спокойнаго самообладанія, что онъ выжидаетъ, на что ему укажетъ сама природа.

Замѣтивъ легкомысленную усмѣшку Анны, онъ замолчалъ, со страннымъ выраженіемъ поправилъ воротникъ рубашки и вышелъ изъ комнаты.

Анна взяла со столика романъ Толстого, но скоро наступило время одѣваться. Она позвонила горничной, и занималась съ нею около часу. Одѣвшись, она сошла въ столовую. Арнольдъ въ это время также спустился внизъ.

Экипажъ ждалъ ихъ.

Потчиссеръ занималъ домъ на Рингѣ.

Выложенныя мраморомъ сѣни вели въ пріемные покои. Проходя по высокимъ, просторнымъ комнатамъ, Арнольдъ, мысли котораго были всегда направлены на критику окружающаго, вдругъ какъ-то

успокоился. Анну Барромео тотчасъ окружили мужчины; подошелъ поздороваться и Потчиссеръ.

Въ такіе дни онъ держался натянуто, сдержанно, какъ бы неувѣренно, точно совѣсть у него была не совсѣмъ спокойна.

Увидавъ Натали Арнольдъ подошелъ къ ней.

На ней было свѣтлозеленое муаровое платье, на шеѣ жемчугъ, въ волосахъ бриліанты. Можно было придти въ восторгъ отъ ея невинной и удивленной, выражающей какъ бы зависть къ самой себѣ, улыбки. Идя рядомъ съ Арнольдомъ, она отвѣчала на поклоны то лукаво-застѣнчиво, то по дѣтски-торжествующе, или съ молчаливымъ, но краснорѣчивымъ вопросомъ во взорѣ. Всѣхъ здѣсь она знала и могла разсказать жизнь каждаго.

Вотъ эта молоденькая женщина уже 6 лѣтъ замужемъ и до сихъ поръ не имѣетъ дѣтей. А почему? Потому что считала неприличнымъ въ первый годъ замужества имѣть ребенка и... отказалась отъ него. На второй годъ онъ уже не появлялся, на третій и четвертый—тоже нѣтъ. Собрали торжественный семейный совѣтъ; но теперь уже, повидимому, само потомство считаетъ для себя неприличнымъ явиться на свѣтъ Божій. А вонъ тамъ около канделябра стоитъ худая женщина — быть такой худышкой вовсе не интересно. Ея мужъ бросился въ окно, потому что его близкій другъ нашелъ эту худобу аппетитной. Неправда ли, какъ свѣтъ испорченъ? А вотъ этотъ толстѣйшій господинъ съ рыжей бородой совершилъ огромныя растраты, и только любовная связь съ графиней Полайской, избавила его отъ тюрьмы.

«Ни одна изъ этихъ женщинъ не вѣрна своему мужу» прошептала Натали и на ея лицѣ выразилось удовольствіе. «Онѣ таскаютъ лакомство съ каждаго стола и вездѣ одинаково насыщаются.»

— Я могу разсказать вамъ тысячу разныхъ исторій. Здѣсь очень красиво, не правда ли? — Такъ болтала Натали, причемъ выказала массу знанія и поразительное отсутствіе сознательности. Имъ попалась навстрѣчу Петра, и Натали вторично своимъ дѣтски-ликующимъ голоскомъ заявила, что веселится, какъ богъ! Петра по своему обыкновенію молча склонила голову.

Въ этомъ движеніи, какъ и во многомъ другомъ, весьма ясно обнаруживались ея разсудительность и чуткость. А когда Арнольдъ съ Натали исчезли у нея изъ виду, она вздохнула полу-пророчески, полу-разочарованно.

Она, не могла разобраться въ себѣ самой. Въ свѣтѣ она чувствовала себя чужой всѣмъ, но не могла никого отталкивать наслаждалась имъ вмѣстѣ со всѣми, увѣряя себя по своей слабости, что только и ждетъ когда же въ будущемъ будетъ имѣть возможность отказаться отъ него, когда дойдетъ до нея очередь упиваться чѣмъ нибудь болѣе высокимъ и ей придется для этого только раскрыть губы.

Арнольдъ оставался въ числѣ лицъ, окружавшихъ Натали. Имъ

овладѣла странная веселость, вызванная отчасти рѣшимостью видѣть во всемъ только хорошую сторону. Онъ поймалъ обращенный на себя взглядъ Анны Барромео и замѣтилъ, что она выдѣляется не только красотой, но также и чѣмъ-то, что таится въ ней и что она выказываетъ не каждому. Въ то же время онъ шутилъ съ Натали, смѣялся, чувствовалъ себя выше всякихъ сомнѣній и старался найти указаніе въ окружающей беззаботности и все-таки у него не проходило странное чувство, что вотъ онъ сидитъ съ этими людьми за однимъ столомъ и ихъ связываетъ съ нимъ желаніе вмѣстѣ поѣсть. Безконечное число подаваемыхъ блюдъ его поражало и онъ снова и снова всматривался въ людей, казалось, скованныхъ другъ съ другомъ цѣпью, которую никакія силы не въ состояніи порвать и звонъ которой они старались заглушить громкой болтовней.

32.

Натали за обѣдомъ сидѣла рядомъ съ Арнольдомъ. Ея полуобнаженная грудь и обнаженныя плечи отвлекали его взоръ отъ выраженія ея лица, лукаваго и покорнаго въ одно и то же время.

Часто она на секунду закрывала глаза и покачивала головой какъ бы въ тактъ невидимой музыкѣ.

— Петра имѣетъ склонность часто вѣшать голову,—сказала она ревностно и живо, разрѣзая кусочекъ фазана на своей тарелкѣ.—Хотите я скажу вамъ секретъ?—но тутъ же обратилась къ своему сосѣду слѣва, чтобы отвѣтить на его вопросъ.

Арнольдъ увидалъ между двумя букетами цвѣтовъ очень красивое женское лицо и съ застывшей улыбкой уставился на эти цвѣты, причемъ ему казалось, что сердце его какъ бы колышется въ пару... въ немъ проснулось глухое желаніе обладать.—Что вы хотите довѣрить мнѣ?—спросилъ онъ Натали съ тою безпричинной веселостью, которая овладѣла имъ и связала, какъ оковами. Натали снова повернулась къ нему.—Ахъ, да!—тихо проговорила она, восторженно вскидывая голову.—Петра помолвлена съ Эммерихомъ Хиртлемъ. Но объ этомъ вы должны молчать, у нихъ не все еще слажено. Во всякомъ случаѣ, сердце Петры тутъ не при чемъ. Знаете ли, что я думаю?—продолжала она, измѣнивъ тонъ и откидывая голову.—Я думаю, что не легко найти двухъ людей, въ которыхъ до такой степени было бы налицо все необходимое для того, чтобы стать друзьями, какъ въ насъ съ вами.

Арнольдъ въ это время осторожно и неловко накладывалъ себѣ мороженое, которымъ обносили; покончивъ съ этимъ, онъ посмотрѣлъ на Натали и безъ малѣйшаго смущенія дотронулся до ея обнаженнаго локтя. Отвѣтъ его ему самому очень понравился своею простотой.— Развѣ нѣтъ ничего, что было бы еще лучше дружбы? Но въ то же

мгновеніе онъ почувствовалъ, точно его кто-то ударилъ кулакомъ въ грудь, и отшатнулся отъ самого себя. Чувственность не влекла его къ Натали, между ними не было ничего общаго, онъ не чувствовалъ себя близкимъ ей, и все-таки произнесъ эти слова! И вновь увидалъ онъ между цвѣтами чудное лицо и имъ овладѣло безпокойство. Натали разсмѣялась; она отнеслась къ его словамъ, какъ къ пустой шуткѣ и ни обратила на нихъ вниманія Но Арнольдъ всѣми силами старался отдѣлаться отъ собственныхъ словъ, какъ отъ глупо взятаго на себя обязательства; ему было стыдно и у него явилось желаніе подняться и отдать себя на судъ общественный. Смущенно сталъ онъ провѣрять самаго себя и ему показалось безуміемъ сидѣть здѣсь въ духотѣ, среди людскихъ испареній, втиснутымъ въ рядъ безсмысленно разряженныхъ людей и все это для того только, чтобы вмѣстѣ съ ними ѣсть и слушать ихъ пустую болтовню. Какъ вѣтеръ, несясь вдоль аллеи, нагибаетъ то одно, то другое дерево и этимъ выдѣляетъ его изъ общей массы, такъ и тутъ то одно лицо, болѣе ярко освѣщенное, нежели остальныя, бросалось Арнольду въ глаза, то другое; одно добродушно-остроумное, другое трусливое и боязливое, третье насмѣшливое и мрачно-жадное... И Арнольдъ думалъ: «Честнымъ, прямымъ и сильнымъ поступкомъ было бы встать и уйти отсюда. Тамъ, гдѣ нечего дѣлать, тамъ не къ чему и бывать». Но почему же онъ только думалъ, что это было бы честно, смѣло и прямо? Почему оставался на мѣстѣ и продолжалъ кушать дорогой испанскій виноградъ? И въ то же время онъ вовсе не сознавалъ, что этимъ измѣняетъ себѣ. Онъ думалъ: если бы онъ серьезно былъ убѣжденъ въ превосходствѣ такого поступка, такъ не сталъ бы колебаться, и вновь пробудившееся довѣріе къ себѣ подѣйствовало на него примиряюще.

— Вы замечтались?—спросила Натали.

Арнольдъ засмѣялся. — Вы правы — отвѣтилъ онъ. Множество обнаженныхъ шей, плечъ, бюстовъ—все это смѣшивалось въ одно цѣлое и ему казалось что надъ столомъ носился запахъ теплой кожи и крови.

— Сегодня я въ такомъ радостномъ настроеніи,—воскликнула, слегка потягиваясь Натали,—что готова расцѣловать весь свѣтъ,—и при этомъ ея глаза искрились и вспыхивали. Арнольдъ глубокимъ и пытливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, точно желая запомнить малѣйшее ея движеніе.

— Вы точно ребенокъ со старческимъ лицомъ,—сказалъ онъ.—Въ одной рукѣ держите игрушки, въ другой... Не знаю, но...

— Но?—Натали вся насторожилась. Каждое мнѣніе о себѣ, даже самое нелестное, приводило ее въ состояніе радостнаго волненія.—Ну, а въ другой?

— Что-то ядовитое.—Арнольду показалось, что здѣсь за столомъ онъ пережилъ цѣлые годы. До него донесся голосъ Бернея.—Дайте

намъ незастроенную землю, воздухъ, лѣсъ, поля и мы дадимъ вамъ благородныхъ людей.

Всѣ поднялись изъ-за стола. Не ново: мечты Руссо,—сказалъ какой-то господинъ съ длинными, бѣлыми волосами. Въ воздухѣ носился дымъ отъ сигаръ, запахъ кофе и ликеровъ. Берней подошелъ къ почтенному господину; у него была привычка насквозь пронизывать взоромъ человѣка, съ которымъ говорилъ.—Руссо?! Чистѣйшее недоразумѣніе!—воскликнулъ онъ.—Мы хотимъ обновить рассу, у насъ не какіе-то несбыточные идеалы будущаго, мы хотимъ вырастить настоящихъ мужчинъ. Постоянно приходится выслушивать болтовню о женскомъ вопросѣ; настало, наконецъ, время потолковать о мужскомъ.

Воцарилось досадное молчаніе, потомъ разговоръ снова возобновился. Арнольдъ равнодушно повернулся къ этой группѣ спиной. Его способность мыслить искала себѣ цѣли, отголоска, чего-нибудь, что заставило бы ее воспрянуть. Это сурово пришпорило бы ее. И снова ему почудилось, что позади и около его подкарауливаетъ какая-то опасность, и ему надо постараться избѣжать ее. Нигдѣ и ни въ чемъ, кромѣ какъ въ самомъ себѣ, не находилъ онъ вѣрнаго прибѣжища. Все постороннее, до чего дотрагивалась его рука, превращалось во враждебную силу, все нечистое, что встрѣчалъ его взоръ, становилось для него привидѣніемъ...

Левинъ Остербургъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы нарушить одиночество Арнольда. Онъ слышалъ, какъ Натали говорила о немъ, какъ о какомъ-то самородкѣ. Это мутило его и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало посмотрѣть, что это такое за самородокъ, ибо на все, что нельзя было бы подвести подъ его понятіе о свѣтѣ о жизни, онъ коварно, исподтишка тявкалъ, какъ собака. Теперь же онъ принялся выспрашивать Арнольда объ акціяхъ, леченіи холодной водой, болѣзняхъ печени и, въ концѣ концовъ, началъ разсказывать исторіи собственной фабрикаціи. И чѣмъ терпѣливѣе слушалъ его Арнольдъ, тѣмъ эти исторіи становились фантастичнѣе и тѣмъ выше поднимался онъ въ глазахъ Левина.

Потчиссеръ усадилъ мужчинъ за карточные столы. Игроковъ можно было сравнить съ маленькими отрядами людей, вооружившихся съ ногъ до головы противъ одного общаго врага—скуки. Въ концертномъ залѣ попросили одну изъ дамъ сыграть что-нибудь. При первыхъ же аккордахъ музыки, многіе изъ начавшихъ уже «развлекаться» вернулись. Поспѣшнѣе всѣхъ прилетѣла Натали. Арнольдъ предложилъ ей мѣсто, а самъ сталъ за ея стуломъ. Сначала онъ смотрѣлъ лишь на пальцы музыкантши, но потомъ со все возраставшимъ удивленіемъ сталъ оглядываться по сторонамъ и разсматривать слушателей. Чѣмъ-то тусклымъ, какъ бы стертымъ вѣяло какъ отъ самой исполнительницы, такъ и отъ ея игры. Она какъ бы передавала душу всѣхъ этихъ людей, душу безвольную. Казалось, денежныя дѣла, помыслы о день-

гахъ, также какъ и безплодныя волненія изъ-за ревниваго стремленія во что бы то ни стало быть вмѣстѣ,—все позабыто.

Женщины съ раздувающимися ноздрями впивали въ себя звуки. На многихъ лицахъ наряду съ искреннимъ удивленіемъ проступала радость, что можно восторгаться или притворяться восторженнымъ. Глаза Петры приняли выраженіе какого-то безумія; съ глубокимъ изумленіемъ замѣтилъ Арнольдъ происходящую въ Наталй перемѣну: грудь и плечи ея дрожали, по спинѣ и шеѣ точно пробѣгалъ пламень, голова какъ-то странно склонилась. Арнольдъ отошелъ въ сторону, чтобы видѣть. Лицо выражало сладкую растерянность, а на губахъ играла истерическая улыбка, въ глазахъ появилась удушливая мечтательность и влажный, нездоровый блескъ. Арнольдъ почувствовалъ себя страшно далекимъ отъ Наталй, она отталкивала его и возбуждала отвращеніе.

Всѣ оставались еще на мѣстахъ, а кругъ слушателей всѣ увеличивался прибывающими изъ другихъ комнатъ; піанистка послѣ громкихъ апплодисментовъ, начала новую пьесу; Арнольдъ тихонько вышелъ изъ комнаты и прошелъ въ сѣни съ мраморнымъ мозаичнымъ поломъ, тамъ въ укромномъ уголкѣ онъ увидѣлъ молодого человѣка и молодую дѣвушку, погруженныхъ въ мирную бесѣду. Онъ пошелъ дальше. На стѣнахъ висѣли картины, въ углахъ стояли драгоцѣнныя вазы. Изъ большого зала онъ прошелъ въ слѣдующій, поменьше, круглый. Тутъ какъ единственное украшеніе стояла статуя Антонія изъ Сполато. Отправляясь бродить по дому, Арнольдъ хотѣлъ только вздохнуть свободно и подумать. Но теперь, при видѣ мраморной фигуры, онъ въ изумленіи замеръ на мѣстѣ. Въ первую минуту ему казалось, что передъ нимъ въ волшебной наготѣ предстало какое-то существо изъ волшебнаго міра, воплотившееся, какъ въ сказкахъ, съ помощью волшебства же... Но когда онъ убѣдился, что передъ нимъ торжественно и неподвижно стоитъ только камень, то чувство холодной отчужденности въ немъ стало мало-по-малу исчезать и его замѣнила печаль о прошломъ и эта печаль съ каждой секундой дальнѣйшаго созерцанія становилась сильнѣе и наконецъ, перешла въ неясную, но гнетущую тоску по немъ. И все же, даже въ эту минуту, онъ относился къ себѣ сознательно и понималъ, что между его умомъ и чувствомъ существуетъ полная связь. Невольно онъ повторилъ лѣвой рукой спокойно-героическое движеніе статуи и ея божественно-холодный безстрастный наклонъ головы. Выраженіе полныхъ чувственныхъ губъ какъ бы смягчалось и просвѣтлялось взглядомъ глазъ, которые съ кротостью взирали на все что еще творилось и судили лишь уже совершившееся.

Арнольдъ вернулся къ обществу. Анна Барромео собиралась ѣхать домой и разыскивала его. Молча сидѣлъ онъ рядомъ съ ней въ каретѣ. Она наклонилась впередъ и закрыла глаза руками. Въ ней боролись разныя смутныя ощущенія—съ одинаковымъ неудовольствіемъ

думала она о предстоящей ночи какъ и вообще о возвращеніи домой. Арнольдъ въ темнотѣ обернулся къ ней. Какъ могло бы быть все просто и ясно подумалъ онъ, и почему она не такова?—И въ эту минуту онъ понялъ, что и ему въ будущемъ предстоитъ многое пережить и испытать разныхъ осложненій и это вызвало въ немъ чувство неудовольствія.

II.

Максимъ Шпехтъ покинулъ свою партію и вышелъ изъ редакціи газеты, которая первая доставила ему возможность новой дѣятельности, онъ сдѣлался редакторомъ листка, субсидируемаго правительствомъ. Зарабатывалъ онъ около двухсотъ гульденовъ въ мѣсяцъ, а проживалъ около пятисотъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребности еженедѣльно возрастали и надежды выпутаться изъ сѣти долговъ, въ которой онъ бился, оставалось все меньше; онъ очутился въ затруднительномъ и весьма сомнительномъ положеніи — сдѣлался рабомъ, котораго бьютъ и притомъ рабомъ тѣхъ же людей, среди которыхъ надѣялся разыгрывать господина. Почва уходила у него изъ-подъ ногъ. Для того, чтобы быть въ состояніи продолжать такое, въ сущности жалкое существованіе, надо было, чтобы всякаго рода приключенія не давали ему времени опомниться.

Тутъ-то онъ вспомнилъ Арнольда. При разсчетѣ на успѣхъ онъ возлагалъ въ одинаковой мѣрѣ надежды какъ на его гуманность, такъ и на простоту, правда и то и другое качество того Арнольда, на котораго смотрѣлъ теперь сквозь уменьшительное стекло своей настоящей жизни; онъ неизмѣнно пускалъ его въ ходъ при своихъ сужденіяхъ о событіяхъ и людяхъ своего прошедшаго. Первое посѣщеніе должно было служить лишь знакомъ вниманія—просить онъ еще не рѣшился тогда. Когда онъ вторично явился, то размышленія и перенесенныя за тѣ дни, что прошли со времени перваго визита, страданія укрѣпили его рѣшимость и онъ настойчиво и развязно потребовалъ отъ Арнольда восемьсотъ гульденовъ взаймы. Арнольдъ съ молчаливымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и налилъ себѣ изъ графина воды, но не сталъ ее пить. Внутренній голосъ предупреждалъ его быть насторожѣ. Шпехтъ блуждающими глазами наблюдалъ за нимъ. — Это будетъ дружеская услуга—произнесъ онъ съ улыбкой.

Арнольдъ кивнулъ головой.—У меня нѣтъ такой суммы на дому—отвѣтилъ онъ.—Завтра я вамъ пришлю, а если вамъ понадобится больше, скажите, это ничего не значитъ». Онъ смотрѣлъ на лицо Шпехта и оно казалось ему чужимъ и новымъ, совершенно инымъ нежели прежде. Щеки и подбородокъ распухли, самъ онъ тоже раздался въ ширину, раздобрѣлъ, хотя модное платье скрадывало всѣ невыгодныя линіи. Сравнивая учителя изъ Подолина съ развязнымъ,

преисполненнымъ всяческихъ аппетитовъ, развинченнымъ, холоднымъ и въ то же время какъ бы опьяненнымъ человѣкомъ, онъ старался найти причины такой неблагопріятной перемѣны. Какія-то душевныя силы были нарушены въ Шпехтѣ, какая-то буря оглушила его; онъ походилъ на человѣка, который помимо своей воли принимаетъ участіе въ пляскѣ и непремѣнно долженъ его принимать, и который, несмотря на всѣ видимые признаки того, что ему жарко, увлеченъ и задыхается,—на самомъ дѣлѣ не знаетъ даже что съ нимъ происходитъ. Это-то и старался распознать Арнольдъ и не упускалъ изъ виду ни единаго движенія бывшаго учителя, не пропускалъ мимо ушей ни единаго его слова. Когда Шпехтъ пригласилъ его съ собою въ театръ въ его распоряженіи имѣлось два отличныхъ редакціонныхъ мѣста,— Арнольдъ принялъ предложеніе. Точно два друга вышли они изъ дому и, еще не доходя до цѣли у Арнольда уже появилось ощущеніе, что вотъ они связаны другъ съ другомъ и въ то же время не подходятъ другъ къ другу, то ощущеніе, что отнимаетъ у человѣка, начиная съ ритма шаговъ до мыслей включительно, отпечатокъ, накладываемый на нихъ одиночествомъ.

Шла новая пьеса, которая повсюду имѣла громадный успѣхъ. Шпехтъ держалъ себя въ театрѣ съ видомъ превосходства. По окончаніи двухъ первыхъ актовъ раздались бурные аплодисменты. Занавѣсъ опустился и въ залѣ стало свѣтло.

— Блестящая вещь,—сказалъ Шпехтъ вполнѣ довольный и знаками поздоровался съ нѣсколькими лицами. Потомъ онъ предложилъ Арнольду пройтись и они стали взадъ и впередъ прогуливаться по устланному ковромъ коридору.

— Какъ вамъ понравилось? — спросилъ Шпехтъ покровительственно.

— Я нахожу пьесу совершенно безсмысленной, — отвѣтилъ Арнольдъ.

— Да въ умѣ ли вы? — съ крайнимъ изумленіемъ воскликнулъ Шпехтъ.

— Зачѣмъ ему понадобилось влюбляться? И зачѣмъ онъ влюбился, разъ отъ этого ему предстояло погибнуть?—не смущаясь, продолжалъ Арнольдъ.—И все это ложь, ни одинъ мужчина не погибнетъ вслѣдствіе подобной причины, все это выдумки.

— Но развѣ вы не понимаете,—снисходительно, но не безъ ироніи, возразилъ ему Шпехтъ,—что авторъ пытается доказать, что всякая любовь, даже самая идеальная, губитъ мужчину, разъ только душа у него больна или испорчена. Въ подобныхъ случаяхъ для него любовь даже къ самой совершенной женщинѣ все равно, что ядъ.

— Само собою разумѣется, я это отлично понимаю. Но, вѣдь, у такого болвана нечему было и портиться. И потомъ: развѣ потерю состоянія можно назвать гибелью?

Лицо Шпехта все болѣе вытягивалось. Казалось онъ хотѣлъ сказать: такъ вотъ ты теперь каковъ. Оба они собрались вернуться на свои мѣста, какъ вдругъ въ дверяхъ одной ложи показалась Беата и Ханка и всѣ четверо очутились другъ противъ друга. Съ лица Беаты лишь на одну секунду сбѣжала краска и она растерялась; но потомъ сейчасъ же, какъ и Ханка, протянула руку молодымъ людямъ.

Шпехтъ не спускалъ съ нея глазъ. На ней было платье точно изъ рыбьей чешуи, все переливающееся огоньками; плечи, руки и грудь были обнажены; прохаживавшіеся отъ скуки въ корридорѣ мужчины окидывали ее дерзкимъ, испытующимъ взглядомъ, а она, повидимому, была этимъ довольна, такъ какъ ея глаза, безпокойно вспыхивая, перебѣгали отъ одной стѣны къ другой, съ одного лица на другое.

— Мнѣ надоѣла эта дрянная пьеса,—сказалъ Ханка, настроенный юмористически. Онъ, по желанію жены, сбрилъ усы и теперь походилъ не то на Наполеона, не то на іезуитскаго патера.

— Намъ надо поспѣшить,—торопила его Беата съ вздрагивающей ноткой въ голосѣ.—Знаешь что, Александръ,—воскликнула она, внезапно увлеченная одной изъ своихъ многочисленныхъ и неожиданныхъ выдумокъ,—дадимъ передъ нашимъ отъѣздомъ вечеръ въ память Подолина. Шпехтъ и господинъ Анзорге должны пообѣдать у насъ...

— Отлично; но и помимо того, зайдите какъ-нибудь поболтать часокъ-другой,—сказалъ Ханка Арнольду, задерживая его руку въ своей.

Арнольдъ кивнулъ. Онъ вдругъ почувствовалъ странное влеченіе къ Ханка, точно въ его власти было отвратить отъ него что-то дурное. И все-таки онъ былъ увѣренъ, что не такъ-то скоро придется поболтать съ нимъ часокъ-другой по выраженію Ханка. Въ эту минуту онъ рѣшилъ держаться въ сторонѣ отъ всего, что могло бы помѣшать ему ясно и неуклонно слѣдовать по своему пути. Ему оставалось только узнать, въ чемъ собственно помѣха, и избѣгать ея.

Неосвѣщенный залъ, точно пещера, поглощалъ людей. Шпехтъ тупо посмотрѣлъ на дверь, въ которой исчезла Беата.

— Замѣтили вы ея плечи?—пробормоталъ онъ, обращаясь къ Арнольду.—Прямо сказочныя. Онъ былъ похожъ на горячечнаго.

Изъ фойе показался еще одинъ запоздавшій зритель, Хиртль. Шпехтъ представился ему и они сговорились послѣ спектакля втроемъ поужинать у него. Сначала Арнольдъ отказывался было, но Хиртль почти боязливо напомнилъ, что онъ до сихъ поръ еще не исполнилъ своего обѣщанія навѣстить его.

34.

Хиртль узналъ отъ Анны Барромео объ истинной причинѣ пріѣзда Арнольда въ городъ, правда, въ нѣсколько искаженномъ видѣ, при-

правленной всяческаго рода пряностями, какими только можетъ снабдить свѣтъ подобныя событія. Съ тѣхъ поръ Хиртль не только чувствовалъ почтеніе къ Арнольду — онъ любовался имъ и уважалъ его, какъ любуются и уважаютъ полководца, выигрывающаго сраженіе, читатели военныхъ разсказовъ.

Но онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы и другимъ превозносить его до небесъ и передавать все что самъ зналъ о немъ, изукрасивъ факты различными благородными деталями, плодомъ собственной фантазіи. Признавая лучшія качества своихъ друзей, Хиртль какъ бы украшалъ себя ими въ то-же время, за нихъ питалъ страстную любовь къ друзьямъ, то-есть ко всѣмъ людямъ, водившимъ съ нимъ компанію. Когда человѣкъ Хиртля отворилъ входную дверь, къ нимъ навстрѣчу выскочила маленькая желтенькая собачонка. Юстинъ, такъ звали лакея обладалъ наружностью чистокровнаго дворянина. Онъ сталъ безшумно приводить въ порядокъ обѣденный столъ. Убранство комнатъ состояло изъ дивановъ и мягкихъ креселъ всевозможнаго вида и величины. На стеклянныхъ столикахъ стояли въ красныхъ, зеленыхъ, голубыхъ и желтыхъ флаконахъ разныя эссенціи и духи; на письменномъ столѣ въ изысканномъ порядкѣ были разложены и разставлены печати, часы, бумажникъ, кольца, цѣпочки, коробочки, а изъ всѣхъ угловъ и со всѣхъ стѣнъ оглядѣли фотографическія карточки мужчинъ и дамъ съ самыми сердечными надписями. Противъ книжнаго шкафа стоялъ маленькій старинный комнатный органъ. «Цѣнная вещица»,—сказалъ Хиртль, наморщивая лобъ съ видомъ знатока. Его блѣдныя черты выражали боязнь, чтобы, чего добраго гости не ушли отъ него слишкомъ рано—вѣдь онъ, Богъ знаетъ, до чего, боялся полнаго одиночества ночныхъ часовъ.

Этотъ страхъ дѣлалъ его остроумнымъ, онъ же вызывалъ въ его обращеніи что-то обольстительное, тонкое, достойное любви и что проступало тѣмъ яснѣе, чѣмъ становилось позднѣе. Какъ бы ища помощи, онъ цѣплялся за каждую улыбку своихъ посѣтителей. Шпехтъ подсѣлъ къ органу и надавилъ мѣха. Онъ ёще не успѣлъ забыть нѣкоторыхъ пріемовъ игры со времени своего учительства и теперь взялъ нѣсколько аккордовъ, напоминающихъ хоралъ. Арнольдъ, который временами, точно его что подталкивало, ощущалъ потребность разобраться въ себѣ самомъ и провѣрить себя, обдумывалъ планы своихъ будущихъ работъ.

И вдругъ онъ почувствовалъ что-то таинственное, никогда еще имъ не испытанное, пронизывавшее его до кончиковъ пальцевъ.

Это чувство было похоже на то, если бы грудь его наполнили горячими парами. Какая-то тоска по чему-то, гнетущая, неопредѣленный натискъ неизрасходаванныхъ силъ, какъ бы переходившихъ изъ кристаллизированнаго состояніе въ рѣдкое и заполнявшихъ все помѣщеніе.

По дорогѣ домой Шпехтъ, принадлежащій къ числу людей, что передъ отправленіемъ ко сну обнаруживаютъ свои самыя благородныя качества, выкладывалъ Арнольду разные свои взгляды. По его мнѣнію слѣдовало работать, исходя изъ центра, вотъ въ чемъ вся суть.

О какомъ центрѣ идетъ рѣчь, онъ умалчивалъ.

Арнольдъ спалъ долго и глубоко и утромъ лишь съ трудомъ могъ обуздать свои безпорядочно блуждающія мысли. Барромео за столомъ спросилъ его какія онъ получаетъ извѣстія изъ Подолина и какіе тамъ виды на урожай. Повидимому, вопросъ давно уже былъ заготовленъ, такъ давно, что успѣлъ залежаться и отзывался какимъ-то гнильемъ. Вечеромъ къ дому подъѣхалъ экипажъ и наверхъ явился посланный Хиртля просить Арнольда не отказать ему въ удовольствіи прокатиться съ нимъ. Арнольдъ приказалъ отвѣтить, что у него на это нѣтъ ни времени, ни охоты. Послѣ этого наверхъ явился уже самъ Хиртль полу-сконфуженный, полу-обиженный.

— Къ чему собственно послужитъ вамъ ваше уединеніе? спросилъ онъ. Одинъ солнечный лучъ дастъ куда больше, чѣмъ цѣлая библіотека. Это была мысль доктора Бернея, но Хиртль присвоилъ себѣ изреченіе этого остряка, передѣлалъ его и теперь и повторялъ на всѣ лады.

Арнольдъ уступилъ его настояніямъ; не потому, что хотѣлъ измѣнить самому себѣ, а потому, что вновь почувствовалъ въ себѣ то сильное, безграничное и неопредѣленное броженіе, которое онъ хотѣлъ заглушить пребываніемъ въ обществѣ.

— Одиночество куда какъ тяжело,—сказалъ Хиртль, когда Арнольдъ усѣлся съ нимъ рядомъ въ каретѣ.—Лучше находиться въ обществѣ даже какого-нибудь разбойника, нежели оставаться одному. Онъ и не подумалъ о томъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести подобное признаніе на честнаго человѣка.

— Почему вы не работаете? сурово спросилъ Арнольдъ. Хиртль пожалъ плечами.

— Я ничего не умѣю дѣлать. Отвѣтилъ онъ. Я былъ купцомъ, но съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы заняться штопкой чулокъ. Все равно занялъ бы только мѣсто другого, болѣе способнаго на дѣло, да и зачѣмъ? Отецъ оставилъ мнѣ достаточно, чтобы я могъ нѣсколько лѣтъ, до конца моей жизни, провести спокойно. Но на Арнольда мрачныя пречувствія Хиртля, выставлявшаго напоказъ словно дорогое платье, свою увѣренность въ близкой смерти, не произвели никакого дѣйствія. День былъ воскресный; вечеръ довольно душный. Хиртль злился, что не заказалъ открытой коляски.

Улицы были переполнены народомъ, возвращавшимся съ увеселительныхъ прогулокъ.

Ихъ карета, непонятно почему, неслась съ безумной скоростью

среди разступающейся толпы. Какъ скверно пахнетъ въ городѣ лѣтомъ подумалъ Арнольдъ.

Все внутри его поднималось и разросталось, будто стремясь безцѣльно наполнить пустоту міроваго пространства.

Онъ видѣлъ какъ мимо нихъ мелькало множество лицъ и напрасно старался удержать въ памяти черты хотя одного изъ нихъ, которое могло бы сдѣлаться для него дорогимъ и незамѣнимымъ.

Словно частые удары молота, раздавался стукъ лошадиныхъ подковъ, но внезапно его заглушилъ отчаянно громкій крикъ кучера «берегись!» Хиртль испуганно вдрогнулъ и въ то же мгновеніе раздался ужасный крикъ. Лошади споткнулись, подковы застучали по мостовой неправильно, затѣмъ экипажъ два раза наклонился на бокъ, сначала переднимъ колесомъ, затѣмъ заднимъ и остановился. Хиртль выпрыгнулъ изъ кареты съ одной стороны, Арнольдъ съ другой.

Въ одно мгновеніе густая толпа окружила лежавшаго на мостовой человѣка; глаза у него были закрыты, а изо рта, носа и ушей текла кровь. Толпа роптала, взволнованно шепталась и съ угрозой поглядывала на Хиртля и Арнольда. Полицейскій протискался впередъ. Хиртль стоялъ растерянный и испуганный, а Арнольдъ, не въ характерѣ котораго было оставаться бездѣятельнымъ зрителемъ, хлопоталъ около раненаго. Онъ предложилъ уступить ему экипажъ, распорядился, чтобы принесли воду, разорвалъ свой платокъ на полосы и перевязалъ ими раны на шеѣ и рукѣ, изъ которыхъ текла кровь. Стоя на колѣняхъ рядомъ съ раненымъ, онъ нечаянно поднялъ голову и увидѣлъ около себя молодую дѣвушку въ темномъ платьѣ и большой шляпѣ. Ея лицо оставалось неподвижнымъ, словно изъ бронзы. Арнольдъ пересталъ работать и, какъ бы, ожидая отъ нея приказаній, старался встрѣтиться съ нею взглядомъ. У раздавленнаго вся сѣдая борода слиплась отъ крови; когда его подняли и хотѣли положить въ карету Хиртля, дѣвушка сказала.—Не туда, подождите карету скорой помощи. И въ движеніяхъ ея, и въ голосѣ сквозило презрѣніе. Одинъ изъ полицейскихъ, записавъ имя кучера и Хиртля, обратился затѣмъ къ ней.—Имя этого человѣка Тецнеръ,—сказала она тихимъ, но необыкновенно твердымъ голосомъ.—Живетъ онъ въ улицѣ Ваза, № 18. Меня зовутъ Верена Гофманъ, живу я на улицѣ Ваза, № 20. Подъѣхала карета скорой помощи. Любопытные посторонились. Оказалось, что потерпѣвшій, по крайней мѣрѣ наружно, пострадалъ лишь слегка. Ему сдѣлали перевязку, положили на носилки и увезли. Нѣсколько молодыхъ людей окружили экипажъ Хиртля и ругали кучера; а одинъ изъ нихъ даже плюнулъ въ окно кареты.—Подумайте только,—сказалъ Хиртль, довѣрчиво кладя руку на плечо Арнольда,—вѣдь лошади, несмотря на быструю ѣзду, осторожно перешагнули черезъ человѣка. Повидимому, только колеса прошли по его рукѣ и плечу. Арнольдъ высвободилъ свою руку.

— Мнѣ пора домой,—отрывисто сказалъ онъ.—Прощайте! — и исчезъ сумракѣ вечера. Хиртль устало и съ досадой посмотрѣлъ передъ собой; при свѣтѣ фонаря онъ разглядѣлъ на своемъ лаковомъ ботинкѣ свѣтящуюся каплю крови. Вздрогнувъ отъ отвращенія, онъ вынулъ бѣлый батистовый платокъ, старательно стеръ имъ кровь и затѣмъ боязливо бросилъ въ водосточную трубу. Безъ спутника катанье потеряло для него всякую привлекательность; онъ отдалъ кучеру приказаніе ѣхать домой. Печально развалившись въ каретѣ, онъ отъ нечего дѣлать въ умѣ слегка перебиралъ разныя несправедливости соціальнаго строя, которыя такъ ярко выражаются въ томъ, что меньшинство ѣздитъ въ каретахъ, тогда какъ большинство вынуждено передвигаться на собственныхъ ногахъ. Изъ этого вытекаетъ и другое зло, а именно—нѣкоторые изъ пѣшеходовъ попадаютъ подъ колеса каретъ.

Отъ этихъ размышленій на него напало мрачно-философское настроеніе и, вернувшись къ себѣ, онъ зажегъ въ спальнѣ всѣ двѣнадцать электрическихъ лампочекъ, бросился въ одно изъ мягкихъ креселъ и со страхомъ сталъ глядѣть въ глаза одиночеству. Попробовалъ, было, читать, но буквы прыгали передъ глазами. Все написанное поэтомъ глупо и жестоко резюмировалось въ одномъ—мы не можемъ помочь тебѣ. Онъ хватался то за медицинскія, то за философскія сочиненія, то за учебники и даже за старыя газеты; подъ конецъ открылъ одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола, вытащилъ изъ изъ него черную тетрадь и сталъ въ ней писать. Это было нѣчто въ родѣ дневника, выполнявшаго неважную роль зеркала; само собою онъ былъ не болѣе, какъ вѣрнымъ эхомъ его пустыхъ, жалкихъ, тщеславныхъ и обидчивыхъ чувствъ, которыя, словно насѣкомыя, расползлись по всѣмъ направленіямъ въ головѣ этого человѣка. Но передъ своими друзьями Хиртль постоянно хвастался этой тетрадью и пряталъ ее ото всѣхъ. Хранилась она у него подъ тройнымъ замкомъ и чтобы добраться до нея, надо было, въ концѣ концовъ, нажать секретную пружину.

Лицо Хиртля какъ бы завяло и выражало страшную усталость. Онъ раздѣлся, но долго еще метался подъ голубымъ атласнымъ одѣяломъ и лишь тогда, когда на полъ палъ дневной свѣтъ, погрузился въ сонъ.

35.

Верена.

По непонятной причинѣ Арнольдъ вдругъ началъ ото всѣхъ сторониться: отклонялъ всякія приглашенія и самъ никого не принималъ. Болѣе того, онъ даже пересталъ обѣдать у Барромео, а покупалъ ветчины и колбасы и закусывалъ у себя, или же отправлялся въ

какой-нибудь ближайшій дешевенькій трактирчикъ. Но, несмотря на это, онъ не могъ избѣжать встрѣчъ съ тысячами людей, мимо которыхъ проходилъ точно въ шапкѣ невидимкѣ, и хотя оставался одинокъ, но вокругъ него такъ и мелькали разныя лица и картины, которыя безпрерывно занимали его умъ и развлекали въ часъ работы.

— Куда приведутъ мои труды?—думалъ онъ иногда, охваченный сомнѣніями, словно черными птицами мелькавшими на горизонтѣ.—Куда? къ какому берегу пристану я—пловецъ?» И онъ продолжалъ работать, ни откуда не видя поддержки дружескимъ теплымъ словомъ.

Въ то-же время въ ушахъ безпрерывно раздавался голосъ, какъ бы сулившій такую поддержку, и его отголосокъ не смолкалъ. Среди милліона глазъ только одни глаза и преслѣдовали его. Не имѣя обыкновенія долго мучаться и пребывать въ нерѣшительности, онъ однажды уже поздно вечеромъ вдругъ принялъ рѣшеніе. Къ тому же, между прочимъ, ему хотѣлось узнать и о человѣкѣ, котораго они переѣхали.

— Здѣсь живетъ госпожа Гофманъ?—спросилъ онъ въ улицѣ Ваза мечтательно зѣвающаго въ сѣняхъ швейцара. Тотъ назвалъ номеръ комнаты въ третьемъ этажѣ. Арнольдъ поднялся по лѣстницѣ и въ пустынномъ корридорѣ сталъ искать глазами дощечки съ именемъ. Тутъ на него напало чисто дѣтское сомнѣніе и заставило его колебаться— онъ не могъ себѣ представить, что та дѣвушка, видѣнная имъ всего одинъ разъ, можетъ гдѣ-то жить и, какъ всякая другая, нанимать комнату. Между тѣмъ, дверь, передъ которой онъ стоялъ, распахнулась и на порогѣ показался человѣкъ, въ которомъ Арнольдъ тотчасъ же узналъ переѣханнаго ими старика; на головѣ у него и на лѣвой рукѣ была положена повязка. Увидѣвъ передъ собою чужого, старикъ остолбенѣлъ, а затѣмъ быстро обернулся назадъ и крикнулъ: «Верена, берегись, шпіоны!» Потомъ сталъ смотрѣть на Арнольда, придавъ лицу лакейское выраженіе вздернувъ кверху плечи, какъ бы въ знакъ глубочайшей преданности, и, наконецъ, съ ироническимъ подобострастіемъ произнесъ:

— Войдите, господинъ графъ. Вино заморожено и гренки поджарены.

Потомъ онъ въ припрыжку направился къ лѣстницѣ мимо Арнольда, которому показалось, что передъ нимъ сумасшедшій! Въ это время черезъ корридоръ, плохо освѣщавшійся изъ комнаты, въ переднюю вошла Верена Гофманъ и остановилась въ дверяхъ. Ея блѣдное лицо было слегка наклонено внизъ; крайне удивленная, она необыкновенно медленно подняла вѣки.

— Вы ко мнѣ?—и на утвердительный знакъ Арнольда сдѣлала движеніе, какъ бы приглашая его войти. Онъ очутился въ довольно большой комнатѣ, освѣщенной стоячей лампой. Прежде всего ему бросились въ глаза книги; онѣ были вездѣ: на стѣнахъ столѣ, постелѣ, стульяхъ, даже на полу. Въ одномъ углу стоялъ человѣческій скелетъ, въ другомъ была устроена маленькая плита, на которой кипѣла вода.

Рядомъ было какое-то сооруженіе въ родѣ стола, а на немъ вогнутое зеркало, микроскопъ, реторта, бутылки, два кочна капусты и каравай хлѣба. Арнольдъ съ удивленіемъ разглядывалъ убранство комнаты и, въ концѣ концовъ,—улыбнулся. Молодая дѣвушка не то съ любопытствомъ, не то съ досадой, въ свою очередь, разсматривала чужое лицо, казавшееся ей пошловатымъ и тупымъ.

— Чѣмъ могу служить?—спросила она отчетливымъ, яснымъ голосомъ съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

— Я хотѣлъ узнать, какъ здоровье пожилого господина, котораго мы переѣхали. Я, если вы помните, тогда находился въ томъ же экипажѣ. Но, повидимому, все обошлось благополучно.

— Очень любезно съ вашей стороны, отвѣтила дѣвушка, наклоняя голову, какъ будто чувствовала себя утомленной;—хотя выбранный вами часъ для наведенія справки немного необыченъ. Господинъ Тецнеръ здоровъ.

Арнольдъ молча смотрѣлъ на бѣлыя мягкія руки говорившей. Какъ ни странно, но онѣ выглядывая изъ рукавовъ синяго ситцеваго платья, напоминали ему грозди бѣлыхъ колокольчиковъ. Шея дѣвушки, не стѣсненная воротникомъ платья, была также бѣла и кругла какъ и руки, можетъ быть даже черезчуръ бѣла и черезчуръ кругла.

— Говоря по правдѣ, сказалъ Арнольдъ, котораго начало тяготить все возрастающее удивленіе молодой дѣвушки, — я пришелъ не только ради господина Тецнера, но и ради васъ самихъ.

Верена Гофманъ широко раскрыла глаза. Странный гость все еще спокойно стоялъ передъ ней; она сѣла въ бамбуковое кресло и жестомъ пригласила его занять мѣсто противъ себя.

Ея увѣренность возбудила въ Арнольдѣ легкое чувство упрямства и онъ остался стоять; тогда молодая дѣвушка улыбнулась, отчего ея лицо чудесно измѣнилось, въ немъ исчезло выраженіе недовѣрчиваго выжиданія и обманчиваго спокойствія.

— Я не вполнѣ понимаю—сказала она съ любезной ироніей и нѣсколько холоднымъ пронзительнымъ блескомъ глазъ, — вы, повидимому совершенно не желаете подчиняться общепринятымъ обычаямъ. Должны же вы допустить, что посѣщеніе неизвѣстнаго человѣка въ часы, когда обыкновенно ложатся спать, не можетъ сразу осчастливить меня—и она продолжала иронически улыбаться, отчего ротъ ея казался необыкновенно большимъ, губы тонкими, а лицо на много старѣе.

— Мое имя Анзорге,—быстро отвѣтилъ Арнольдъ и послѣ этого безъ всякаго стѣсненія усѣлся на стулѣ, точно данная справка должна была вполнѣ удовлетворить ее.

— Зачѣмъ господинъ Тецнеръ назвалъ меня въ сѣняхъ графомъ? Развѣ вы ждете къ себѣ какого-нибудь графа?

Арнольдъ засмѣялся и съ любопытствомъ перегнулся впередъ. Лицо

Верены снова приняло выраженіе скрытности и спокойствія. «Это такъ, равнодушно кинула она;—у Тецнера бываютъ дни—когда онъ всѣхъ людей называетъ графами. Это съ нимъ бываетъ.—Она медленно проводила ладонью руки по ручкѣ кресла и смотрѣла на полъ. Это то равномѣрное спокойствіе, придававшее ей сходство съ глубокимъ, уединеннымъ озеромъ,—вотъ что главнымъ образомъ интересовало и даже привлекало Арнольда.

Варена Гофманъ подняла голову.

— А теперь, господинъ Анзорге,—сказала она съ легкимъ нетерпѣніемъ,—могу я узнать?..—и она запнулась.

Арнольдъ разсматривалъ въ это время скелетъ въ углу комнаты, но тутъ быстро заглянулъ ей въ глаза. Она съ своей стороны внимательно разсматривала его, точно изучая какой-нибудь предметъ.

— Я такъ и зналъ,—откровенно признался Арнольдъ,—что вы меня спросите объ этомъ, а мнѣ нечего будетъ вамъ отвѣтить. Я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе: представьте себѣ, что мы съ вами уже давно знакомы и что сегодня вы меня поджидали къ себѣ въ гости... онъ поколебался, подыскивая выраженіе,—вѣдь можно же вообразить себѣ, что я путешествовалъ или что вы съ дѣтства переплыли черезъ океанъ... Конечно, въ такомъ случаѣ намъ слѣдовало бы другъ другу ясно и подробно все разсказать о себѣ; иначе какъ могли бы люди сходиться,—онъ искалъ подходящаго заключительнаго слова, но вмѣсто этого недовольно мотнулъ головой и смолкъ.

Молодая дѣвушка механически перелистывала лежащую на столѣ книгу. Въ томъ какъ она безъ малѣйшаго признака любопытства обдумывала сказанное, какъ оно подѣйствовало на нее и какъ она позволяла ему дѣйствовать на себя, видна была рѣдкая философская выдержка. Страстность и одновременно глубокое недовѣріе ко всему, что можетъ волновать, очевидно, держали ея душу въ надлежащемъ равновѣсіи.

— Если бы я вамъ отвѣтила такъ, какъ вы этого желаете, сказала она, не поднимая головы отъ раскрытой книги, то вы впослѣдствіи напрасно старались бы вновь увидать во мнѣ то, что видите теперь. Я не знаю что васъ, собственно, толкнуло ко мнѣ; можетъ быть уличный интересъ... Видите ли, у меня очень мало времени и я хочу чтобы у меня его было мало... я могу удѣлить въ своей жизни лишь мѣсто тому, что приноситъ мнѣ пользу.

Лицо Арнольда вспыхнуло.

— Въ такомъ случаѣ жалкая же ваша жизнь,—быстро отвѣтилъ онъ.

Верена Гофманъ пожала плечами и неопредѣленнымъ жестомъ указала на разбросанныя повсюду книги. Казалось, она не была расположена пускаться въ дальнѣйшія объясненія. Медленной, раскачивающейся походкой она задумчиво стала ходить взадъ и впередъ позади

стола, разсѣянно дотрогиваясь рукой до разныхъ предметовъ и по временамъ съ удивленіемъ косясь на посѣтителя, вовсе не собиравшагося уходить.

Потомъ вдругъ, принявъ рѣшеніе, она быстро подошла къ нему, оперлась руками на столъ позади себя и сказала:

— Зовутъ меня Верена Гофманъ; мнѣ двадцать пять лѣтъ; родилась я въ Петербургѣ, живу здѣсь пятый годъ и шестой семестръ изучаю медицину.

Арнольдъ слушалъ внимательно.

— Медицину,—повторилъ онъ,—да, это нѣчто опредѣленное. На ней можно остановиться.—И онъ сдѣлалъ движеніе рукой, точно забиралъ всю ее въ руки. Тутъ много найдется работы, продолжалъ онъ, окидывая взглядомъ стѣны комнаты, тутъ есть и начало и конецъ и эта работа ведетъ къ цѣли, а такъ оно и должно быть.

Верена, увидѣвъ, что ея насмѣшка, сверхъ всякаго ожиданія, не произвела никакого дѣйствія, стала себя держать иначе, даже выраженіе лица измѣнилось.

— Этого одного недостаточно,—съ чувствомъ отвѣтила она,—одной работой, достиженіемъ цѣли удовлетвориться нельзя. Что такое работа безъ гармоніи, и цѣль безъ личности? За работой единичнаго человѣка должно чувствоваться прошлое цѣлыхъ поколѣній и онъ долженъ носить въ себѣ это сознаніе, какъ дворянинъ—свое дворянское достоинство. А если этого нѣтъ,—и ея голосъ понизился и сталъ сдавленнымъ,—то нужно, чтобы онъ могъ захватить себѣ все будущее, какъ это бываетъ во снѣ.

Нѣсколько смущенная, она отвернулась и на секунду закрыла глаза.

— Что вы такое говорите?—сказалъ Арнольдъ съ безпомощнымъ видомъ, точно напрасно дѣлая усиліе уловить смыслъ ея словъ. Верена снова подошла къ нему и ею вновь овладѣло прежнее замѣшательство, только на этотъ разъ съ большей необъяснимой силой.

Вдругъ его приходъ показался ей чѣмъ-то таинственнымъ и значительнымъ; вдругъ ее заинтересовала его манера медленно растягивать слова и во время разговора наклонять голову впередъ.

Раздался шумъ шаркающихъ по каменной лѣстницѣ шаговъ, сначала гдѣ-то вдали, потомъ какое-то царапанье у самыхъ дверей, точно кто высаживался около нея, и все это перемѣшанное со вздохами, сморканіемъ, наконецъ, снаружи постучали и Верена Гофманъ отправилась отпирать.

Вошелъ Тецнеръ; на немъ были синіе очки, шляпа съ отвислыми полями, каучуковый плащъ и необыкновенно громадные сапоги. Подъ мышкой онъ несъ большущій фоліантъ. Лицо у него было какое-то ноздреватое и одутловатое; губы до того распухли, что прямо-таки вытягивались изъ бороды, казавшейся при скудномъ освѣщеніи кана-

реечнаго цвѣта. Благодаря тому, что глаза были скрыты очками, все лицо имѣло какое-то странное, точно слѣпое выраженіе. Верена тихо произнесла нѣсколько словъ по-русски. Тецнеръ посмотрѣлъ на Арнольда, причемъ всѣмъ тѣломъ повернулся въ его сторону; затѣмъ сбросилъ шляпу, на головѣ у него, точно ночной колпакъ, показалась бѣлая повязка.

Арнольдъ вопросительно по очереди глядѣлъ то на того, то на другого.

Верена подала ему руку съ серьезно-ласковой улыбкой и сказала:

— Надѣюсь видѣть васъ еще разъ у себя, — въ глазахъ у нея появилось что-то товарищеское, все существо дышало спокойствіемъ.

36.

Арнольдъ, ощупывая впотьмахъ перила, медленно спустился въ сѣни. Крохотное пламя масляной лампочки, висѣвшей надъ дверью въ швейцарскую, заставляло сливаться стѣны съ окружающимъ мракомъ, вслѣдствіе чего помѣщеніе казалось безконечнымъ. Арнольдъ вернулся обратно; потомъ сталъ то подниматься, то спускаться по лѣстницѣ, не думая о томъ, что такимъ образомъ можетъ разбудить портье. Когда онъ приближался къ лампочкѣ, ему представлялось, что передъ нимъ печь, въ которой старательно поддерживается огонь—до такой степени то, что ему казалось онъ видитъ передъ собой, не соотвѣтствовало дѣйствительнымъ предметамъ.

Раздался звонокъ и затѣмъ изъ швейцарской показался какъ-то чудно́ укутанный и совершенно сонный швецаръ, прошлепалъ въ туфляхъ къ входной двери, отперъ ее, чтобы впустить кого-то снаружи и выпустить Арнольда. Очутившись на улицѣ, послѣдній черезъ нѣсколько минутъ остановился; ему казалось, что онъ не слышитъ собственныхъ шаговъ, будто ступаетъ по песку или мокрой землѣ, а между тѣмъ, онъ шагалъ по мостовой, залитой теплымъ лѣтнимъ луннымъ свѣтомъ. Безъ всякаго перехода онъ вдругъ вспомнилъ статую у Потчиссера. Ему казалось, что она подобно сіянію спускается съ неба и въ ту же минуту становится для него вѣстникомъ и путеводителемъ въ высь. Онъ сразу ощутилъ ея гармонію и сталъ стремиться къ гармоніи въ себѣ самомъ. Точно какія-то облака разсѣялись въ его мозгу. Теперь онъ уже съ совершенно инымъ чувствомъ стремился къ дѣятельности, границы которой до сихъ поръ такъ страстно хотѣлъ опредѣлить.

Онъ относился теперь гораздо спокойнѣе ко всему, что еще наканунѣ утомляло его блуждающіе взоры, будто передъ нимъ все вертѣлось въ искусномъ танцѣ. Онъ понялъ, что его сбивало съ толку количество впечатлѣній; что разнообразіе дѣлало его разсѣяннымъ, и рѣшился всѣ силы обратить на что-нибудь одно, направить въ одномъ направленіи и твердо устранять съ пути всякую помѣху. Такимъ спо-

собомъ онъ думалъ загладить свою вину передъ самимъ собой и думалъ, что это побужденіе ему внушено лбомъ Верены Гофманъ, окутаннымъ тайной. Такимъ образомъ онъ очутился у того же исходнаго пункта, отъ котораго обыкновенно отправляются молодые люди; нисколько не задумываясь, добровольно, но безъ всякаго увлеченія, такъ какъ уже пережили утро жизни, удобно отправляются они по избранному пути. Карманы ихъ пусты ибо, кромѣ разбитыхъ надеждъ, у нихъ ничего не имѣется; да и ихъ они подобно тому, какъ дѣти вышвыриваютъ на улицу обломки своихъ куколъ, съ отвращеніемъ и злобой разбрасываютъ во всѣ стороны. Арнольдъ добылъ себѣ подробную программу знаній, требующихся для сдачи экзамена. Выяснить размѣры требованій было не такъ-то легко. Въ университетѣ его посылали отъ одного къ другому. Наконецъ, онъ взялъ экипажъ и поѣхалъ на домъ къ одному изъ профессоровъ юридическаго факультета, на котораго ему указали. Тотъ оказался холоднымъ и надутымъ. Но увѣренныя и опредѣленныя манеры и вопросы Арнольда его смутили. Онъ давалъ требуемыя свѣдѣнія, точно ученикъ, котораго спугнули отъ сна.

Арнольдъ записывалъ; въ концѣ концовъ его веселость и любезность повергли ученаго въ удивленіе и подкупили въ пользу посѣтителя. Онъ подумалъ, чтос лѣдуетъ остеречь черезчуръ ревностно начинающаго.

— Отъ такого заработка никто не богатѣетъ, слишкомъ великъ наплывъ желающихъ, а грудь alma mater истощена.

Арнольдъ не понялъ.

— Я не голоденъ,—коротко отвѣтилъ онъ и собрался уходить, но у дверей еще разъ обернулся.—Я забылъ поблагодарить васъ, господинъ профессоръ,—сказалъ онъ, вскидывая голову и открыто заглядывая ему въ лицо,—но я думаю, что нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который не находилъ бы своей профессіи невыносимой, если занимается ею только ради пропитанія. Мое мнѣніе таково: кто не ощущаетъ внутри себя цѣли для занятій, въ томъ держитъ перевѣсъ исключительно желудокъ.

Старикъ величественно выпрямился, но Арнольдъ съ упрекомъ тряхнулъ головой и вышелъ. Послѣ этого онъ сталъ искать себѣ студента, съ которымъ могъ бы заниматься греческимъ и латынью.

Отъ того и другого языка у него въ головѣ уцѣлѣли лишь первоначальныя правила. По совѣту профессора, онъ оставилъ свой адресъ у педеля университета.

На слѣдующее же утро по лѣстницѣ дома Барромео безпрерывно то поднимались, то спускались молодые люди съ мрачными и страдальческими лицами.

Большею частью они выказывали притворную скромность, униженную покорность, плохо согласовавшіяся съ представленіями Арнольда. Но что на него произвело еще болѣе удручающее впечатлѣніе и окон-

чательно обезкуражило, такъ это огромное число не имѣющихъ средствъ къ существованію студентовъ. Въ корридорѣ, гдѣ нерѣдко по десяти или по пятнадцати человѣкъ заразъ дожидались своей очереди войти, лакею съ трудомъ удавалось обуздать ихъ зависть и назойливость. Каждый хотѣлъ войти первымъ; и не своею личностью или поведеніемъ надѣялись они вытѣснить другъ друга, а низкой платой за услуги. Съ каждымъ новымъ пришельцемъ Арнольдъ становился все нерѣшительнѣе. Онъ не хотѣлъ смотрѣть сверху внизъ на того, кто будетъ давать ему знанія, а по меньшей мѣрѣ хотѣлъ чувствовать себя на равной съ нимъ ногѣ. И какъ бы симпатичнымъ ни казалось ему какое-нибудь лицо, но тѣнь страданій на немъ отталкивала его. Безъ кровинки, безсильныя, всплывали передъ нимъ эти лица, не говорили, а что-то лепетали и вновь, блѣдныя, какъ троглодиты, исчезали.

Часто Арнольдъ разспрашивалъ ихъ о роднѣ, обстоятельствахъ жизни, намѣреніяхъ и, въ концѣ концовъ, безошибочно находилъ въ нихъ значительный плюсъ горя, непригодности и спутанности понятій. Онъ хотѣлъ отыскать вѣрный симптомъ этого явленія, чтобы избѣжать случайности, но каждый изъ пришельцевъ считалъ свое дѣло законченнымъ, какъ только убѣждался, что, благодаря легкомысленнымъ, на его взглядъ, разспросамъ, его ожиданія не могутъ оправдаться.

— Я не затѣмъ пришелъ, чтобы заниматься соціальной политикой,—насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—на это мнѣ не остается времени, въ то время какъ другіе торжествуютъ за столомъ.

Арнольдъ замолчалъ, обдумалъ его отвѣтъ, затѣмъ сказалъ, что онъ-то ищетъ человѣка, который съумѣлъ бы отвѣтить ему на его вопросы и которому это казалось бы столь же необходимымъ и существеннымъ, какъ ему задавать ихъ. Если бы у него въ то время уже были способности наблюдать за самимъ собою, то онъ удивился бы собственнымъ словамъ. Какъ брошенный въ воду человѣкъ, долгое время дѣлаетъ ненужныя и фальшивыя движенія, а потомъ внезапно самъ находитъ средство спасенія и начинаетъ плыть, такъ и Арнольдъ теперь ясно и опредѣленно формулировалъ мысль, вызванную въ немъ данной минутой и обстоятельствами.

Студентъ удалился, разразившись отрывистымъ смѣшкомъ, а Арнольдъ, не желавшій никого вводить въ заблужденіе пустыми обѣщаніями, болѣе уже не сталъ разговаривать съ остальными. Предаваться нездоровому состраданію, или предоставить благодѣтельной судьбѣ разрѣшить удручающія условія, какъ нѣчто непредотвратимое, или же въ безполезной горячности совершить необдуманные поступки было одинаково противъ его натуры.

Ему стало яснымъ, что правильная дѣятельность, направленная къ извѣстной цѣли, имѣетъ бо́льшее значеніе, нежели преждевременный поступокъ.

Онъ рѣшился обратиться къ Веренѣ, которая, быть можетъ, въ состояніи отрекомендовать ему нужнаго человѣка.

Для работы у него теперь былъ полный просторъ: госпожа Барромео уѣхала въ деревню, дядя отправился въ Венгрію, гдѣ у него былъ процессъ, а лѣто и солнце не отвлекали его. И день, и ночь его окна стояли настежъ и онъ довольствовался клочкомъ неба надъ крышами домовъ и короткими криками птицъ, раздававшимися съ улицы.

Верена Гофманъ сейчасъ же отвѣтила, что знаетъ подходящаго человѣка и скоро пришлетъ его. Она имѣла случай въ полицейскомъ правленіи встрѣтиться съ господиномъ Хиртль, добавляла она въ письмѣ. «Послѣ того, какъ кучера осудили за черезчуръ быструю ѣзду и господинъ Хиртль внесъ за него штрафъ, онъ разсказалъ мнѣ, когда рѣчь зашла объ васъ, много интереснаго на вашъ счетъ. Повидимому, онъ очень любитъ хвастаться своими друзьями; но я все-таки желала бы какъ можно скорѣе вновь видѣть васъ у себя. Болѣе всего меня заставляетъ задуматься одно обстоятельство. Если бы все сказанное имъ оказалось простой болтовней, то меня удивила бы способность человѣка изобрѣсть подобную тему, для короткаго разговора».

Почеркъ письма былъ тонокъ и закругленъ, точь-въ-точь, какъ шея и руки самой Верены.

«Что это значитъ?—думалъ Арнольдъ.—Что она хочетъ знать? И что такое извѣстно обо мнѣ Хиртлю?

Онъ только что успѣлъ дочитать письмо, какъ вслѣдъ за Христіаномъ, явившимся съ докладомъ, въ комнату вошелъ довольно взволнованный Шпехтъ; не снимая шляпы, онъ бросился въ кресло, охватилъ колѣни руками, въ которыхъ держалъ тросточку и, широко раскрывая маленькія, безпокойныя глазки, сказалъ:

— Слава Богу, что вы дома. Я былъ бы въ отчаяніи, если бы не засталъ васъ. Вы должны выручить меня, дружище! Вчера я на честное слово проигралъ Хиртлю четыреста гульденовъ. Мы играли въ макао: я, Хиртль, Левинъ Остербургъ и еще одинъ господинъ. Игра была довольно крупная. Къ сегодняшнему вечеру я долженъ — вы понимаете, Арнольдъ, моя честь...—онъ запнулся, такъ какъ удивленное и недовольное лицо Арнольда не подавало ему радужныхъ надеждъ.

Арнольдъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, милѣйшій Шпехтъ, не могу.

Максимъ Шпехтъ медленно снялъ съ головы шляпу, вытащилъ изъ кармана шелковый платокъ и обтеръ имъ влажный, круглый, слегка раскраснѣвшійся лобъ.

— Вы хотите быть жестокимъ, любезнѣйшій,—прошепталъ онъ съ дѣланной улыбкой, пытаясь казаться любезнымъ и убѣдительнымъ,— но, бросая друзей на произволъ судьбы, человѣкъ самъ себя наказываетъ. Вы достаточно богаты, чтобы пропустить сквозь пальцы по-

добную сумму, а я,—онъ хотѣлъ посмотрѣть на часы, но быстро отдернулъ руку обратно,—если я не заплачу до вечера, то мнѣ останется купить себѣ револьверъ.

При этомъ онъ просунулъ указательный палецъ за воротникъ и обвелъ имъ вокругъ шеи.

— Что за чепуху вы городите,—отвѣтилъ Арнольдъ.—Въ сказанномъ вами такъ мало смысла, что я даже не желаю давать себѣ труда возражать вамъ. Играя въ карты, нельзя же проигрывать больше, чѣмъ имѣешь. Это было бы нечестно и, слѣдовательно, не могло бы считаться долгомъ чести. Я вовсе не желаю, милѣйшій Шпехтъ, чтобы вы на своихъ сапогахъ растаскивали мои деньги по улицамъ. Я думаю, что деньги надо употреблять на благородныя цѣли и этимъ облагородить ихъ.

— Да полно вамъ, дорогой мой, разыгрывать реформатора, пользуясь моимъ маленькимъ затрудненіемъ,—жалобился Шпехтъ, дѣлая усталое движеніе головой, въ то время когда въ его глазкахъ засвѣтилась ненависть и отчаяніе.—Вѣдь какъ-ни-какъ, а я долженъ отвѣчать за случившееся. Теоріи пригодны для будущаго. Я не прошу васъ сдѣлать мнѣ подарокъ, подождите только, когда настанетъ и на моей улицѣ праздникъ: я пустилъ корни, теперь дайте время распустить листья и принести плоды.

Арнольду стало стыдно за Шпехта, такъ какъ самъ онъ не могъ иначе, какъ съ презрѣніемъ, относиться къ подобнымъ рѣчамъ.

Вокругъ рта Шпехта играла слащаво-насмѣшливая улыбка, очевидно вызванная желаніемъ не показаться слишкомъ ничтожнымъ и слишкомъ пристыженнымъ.

— Хорошо,—наконецъ, произнесъ Арнольдъ съ ласковымъ, но задумчивымъ взглядомъ. — Я не имѣю права учить васъ и такъ какъ вы разсчитывали на меня, то, пожалуй, долженъ признать вашъ счетъ. Хорошо, я вамъ дамъ эти деньги.

Лицо Шпехта стало багровое, потомъ сразу поблѣднѣло.—Можетъ быть вы не совсѣмъ справедливы ко мнѣ?—спросилъ онъ, съ явнымъ вздохомъ облегченія.—Развѣ у насъ не нашлось бы достаточно причинъ и способности соединиться, вмѣсто того, чтобы все время точить зубы другъ на друга.

Онъ толковалъ точно съ завязанными глазами, а Арнольдъ слушалъ его точно съ заткнутыми ушами. Вставая и прощаясь, Шпехтъ сказалъ:—Мы оба приглашены на послѣзавтра вечеромъ къ Ханка. Они уѣзжаютъ на этой недѣлѣ. Надѣюсь тамъ увидимся.

Арнольдъ снова принялся за работу, заглушая въ себѣ всякое раздумыванье насчетъ Шпехта. Скоро наступилъ вечеръ и вмѣсто того, чтобы выйти, онъ принялся медленными шагами ходить взадъ и впередъ по своимъ тремъ комнатамъ и проходилъ такимъ образомъ больше часа. На душѣ у него было ясно; онъ созидалъ свою жизнь,

управляя возникающими желаніями и стараясь познать дремлющія въ глубинѣ души. Онъ какъ будто изучалъ почву своей натуры, какъ архитекторъ изучаетъ почву, на которой собирается воздвигнуть тяжелое зданіе.

Спать онъ легъ рано и всталъ на разсвѣтѣ. Слѣдующій день также прошелъ въ работѣ. Его охватила удивительная неутомимость, потому что тотъ, кто ежедневно вырабатываетъ въ себѣ все большую ясность представленія о всемъ необходимомъ, долженъ ежедневно располагать свѣжими силами.

Вечеромъ потребность подышать чистымъ воздухомъ выгнала его наружу. Только что онъ завернулъ за ближайшій уголъ, какъ увидѣлъ передъ собою большое скопленіе экипажей, сбившихся въ одну кучу, такъ какъ всю дорогу загораживали поломанныя полки для перевозки тяжестей. Его глаза—онъ самъ не зналъ, какъ это случилось—упали на Беату Ханка. Вечерняя заря освѣщала ея смѣющееся личико.

Шаловливой рукой отдернула она стору кареты въ которой сидѣла и съ любопытствомъ старалась разглядѣть что мѣшаетъ ѣхать дальше; увидѣвъ рядомъ съ ней не Ханка, а Максима Шпехта, Арнольдъ сильно удивился. У него не хватило времени разглядѣть ихъ подробнѣе, такъ какъ стора быстро спустилась.

37.

На ходу Арнольдъ вдругъ вспомнилъ слова Натали. Какъ-то она предупредила его, чтобы онъ не вздумалъ дать понять Ханка какого онъ мнѣнія о Беатѣ.

«Вѣдь онъ воспиталъ ее для себя», прибавила она тогда съ своей нѣсколько легкомысленной усмѣшкой. Не знай онъ, при какихъ обстоятельствахъ разошелся Шпехтъ съ Беатой, его ничуть не удивило бы встрѣтить ихъ вдвоемъ и при такой обстановкѣ. Но теперь что-то темное нахлынуло въ его душу, такъ что онъ даже пріостановился, чтобы собраться съ мыслями и придти къ какому-нибудь рѣшенію. Онъ воочію представилъ себѣ прямолинейность и даже нѣкоторую сухость Ханка и характеръ Беаты, приноравливающійся, какъ бы скользящій... Первымъ движеніемъ было недовѣріе къ самому себѣ, такъ какъ онъ почувствовалъ что его какъ-то странно влечетъ къ исторіи, въ которой, онъ это чуялъ, крылось что-то таинственное, какой-то обманъ. Пока ему еще не было ясно какое онъ лично займетъ въ ней мѣсто; при мысли, что ему придется смотрѣть и на Ханка, какъ на человѣка, въ жизни котораго нѣтъ правды, онъ испытывалъ горестный гнѣвъ и чувствовалъ, что какъ бы самъ ни отнесся къ происходящему передъ его глазами, но ничто уже болѣе не въ состояніи

усыпить его безпокойство. Страхъ ошибиться заставилъ его считать собственныя подозрѣнія ужасными и, въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ, не откладывая, сейчасъ же сходить къ Натали.

Какой-то инстинктъ подталкивалъ его довѣриться чувству женщины; къ тому же подумалъ онъ, вѣдь эта женщина считала, что Ханка, само собою разумѣется, совершилъ ужасную ошибку. Съ каждымъ шагомъ дотолѣ столь чуждый ему образъ Александра Ханка вырисовывался передъ нимъ все яснѣе и яснѣе и, въ концѣ концовъ, сталъ казаться истиннымъ другомъ. Натали Арнольдъ засталъ за укладкой сундуковъ и ящиковъ. Несмотря на то, что было около восьми вечера, она, повидимому, ничуть не удивилась его приходу, такъ какъ у нихъ бывали гости во всякое время дня. — Завтра мы уѣзжаемъ въ деревню,—сказала она, и съ комическимъ отчаяніемъ стала оглядываться по сторонамъ, чтобы найти свободный стулъ; повсюду были разложены платья и бѣлье. — Немного поздно, но все-таки я ужасно рада лѣсамъ, лугамъ и чистому воздуху. Петра сегодня у мамà. Мамà больна, но, думаю все-таки поѣдетъ. Не навѣстите ли вы насъ въ горахъ? Это было бы очень - хорошо. Ну вотъ, садитесь на этотъ сундучокъ для шляпъ. Дѣти уже спятъ. Представьте себѣ что сегодня сказала Леночка Левину.

— Папа, сказала она, я не понимаю какъ ты можешь скучать съ мамой.—Какъ вамъ это нравится? Вѣдь чудесно, не такъ ли? Если бы только отцы были такъ же умны, какъ дѣти, то не имѣли бы ихъ.

Арнольдъ сѣлъ и началъ напрямки:

— Мнѣ хочется спросить васъ, на какомъ основаніи вы думаете, что въ отношеніяхъ Беаты къ Ханка не все чисто?

Натали до нельзя удивленная, съ минуту молча сморѣла ему въ глаза, потомъ всплеснула руками и опустилась противъ него на скатанный коверъ.—Я?—воскликнула она, не то пораженная, не то разсмѣшенная.—Когда же я говорила что-нибудь подобное? И за этимъ-то вы и явились ко мнѣ? Да вы съ ума сошли?

—Вы говорили это,—совершенно спокойно подтвердилъ Арнольдъ,—но, слушайте, отвѣчайте мнѣ правду. Ваша улыбка показываетъ, что и теперь вы того же взгляда. Думаете вы, что такой человѣкъ, какъ Ханка, долженъ узнать всю правду, хотя бы уже потому, что она извѣстна другимъ?

На лбу Натали появилась задумчивая складка; опустивъ глаза, она вертѣла вокругъ пальца кольцо.

— Я васъ не понимаю,—сказала она, наконецъ.—А что же вамъ то извѣстно?—ужъ болѣе оживленно продолжала она,—разскажите-ка.

Арнольдъ покачалъ головой.

— Я знаю, что этимъ путемъ ничего не выиграю,—сказалъ онъ просто,—но вамъ не мѣшало бы понять, что слѣдуетъ иногда кое-что

и разрушить, чтобы дать возможность уцѣлѣть остальному; я говорю о Ханка.

— Что за чепуха!—воскликнула Натали нетерпѣливо постукивая кончикомъ ботинки по полу.—Не тревожьте того, что спокойно. Но не угодно ли вамъ, наконецъ, объяснить мнѣ, въ чемъ собственно дѣло? Что же вы знаете? Отъ этого все зависитъ.—Такъ какъ ея любопытство все необузданнѣе прорывалось наружу, то она сама устыдилась и разсмѣялась. Арнольду стало ясно, что онъ ошибся и попросилъ хлѣба у голодной.

Въ эту минуту явился Левинъ Остербургъ, разгоряченный и важный, точно осѣненный блескомъ таинственныхъ приключеній. Пожавъ руку Арнольда, онъ тотчасъ же заговорилъ, точно визитъ послѣдняго былъ между ними заранѣе условленъ.

— Вы должны жениться, господинъ Анзорге, у меня есть для васъ чудная дѣвушка! Не шутя, честное слово! Не богата и не бѣдна, но, какъ говорится, вполнѣ интелегентная. Между нами, чудная личность. Принципы, идеалы, все, какъ теперь принято.—Онъ стоялъ, широко растопыривъ ноги, съ напускною искренностью и якобы пониманіемъ, чмокалъ губами и обмахивался носовымъ платкомъ. Натали съ испугомъ и удивленіемъ смотрѣла на него.—Единственнымъ препятствіемъ могло бы быть,—продолжалъ Левинъ,—что она жидовка. Но вѣдь вы, такъ сказать, человѣкъ просвѣщенный.—Онъ неестественно широко выпятилъ глаза и сталъ гнѣвно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, размахивая руками.—И какое намъ дѣло до всей этой исторіи, которая якобы разыгралась двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ? Всѣ мы люди, всѣ братья. Честное слово, это мое убѣжденіе, господинъ Анзорге.—Послѣднія слова онъ почти выкрикнулъ въ окно.

— Что ты пьянъ, что ли?—спросила его Натали съ ледянымъ спокойствіемъ. Левинъ сразу оборвался.

— Ахъ-ха-ха,—вздохнулъ онъ,—прежде я былъ остроуменъ, а вотъ теперь два года какъ сдѣлался глупцомъ.

Арнольдъ простился. Въ этомъ домѣ его всегда охватывала атмосфера поразительной безсмысленности, какая-то паутина безцѣльныхъ и необычныхъ рѣчей, безпричиннаго смѣха и горя, важности и безпочвенности, серьезности и пустоты.

На слѣдующій день къ нему явился молодой человѣкъ, котораго обѣщала прислать Верена. По наружности это былъ мальчикъ; нѣжный, съ розовымъ дѣтскимъ личикомъ и серьезными, умными глазами. Въ манерѣ говорить сквозило что-то трезво-почтительное; обращеніе было сдержанно и тактично; но Арнольдъ сейчасъ же подумалъ, что онъ-то и есть нужный ему помощникъ. Прежде всего онъ, хотя и смутно, почувствовавъ въ маленькомъ бѣлокуромъ господинѣ извѣстнаго рода порядочность и деликатность, честность и ясность души.

Такимъ образомъ, онъ съ удовольствіемъ предвкушалъ для себя наступленіе рабочей поры, и когда отъ Ханка принесли письмо, въ которомъ напоминалось, что они ждутъ его сегодня вечеромъ, онъ рѣшилъ не ходить туда. «Зачѣмъ стремиться къ тому, что не ясно?—думалъ онъ; въ тинистой водѣ не водится рыба». Но послѣ обѣда, сѣвъ за письмо, чтобы увѣдомить ихъ о своемъ отказѣ, онъ вдругъ перерѣшилъ иначе. Крупнымъ почеркомъ вывелъ онъ обращеніе и первыя слова, но затѣмъ положилъ перо обратно на столъ. Передъ нимъ внезапно предстало лицо Александра Ханка,—серьезное и вопрошающее лицо друга. День былъ жаркій; духота, пыль и городская жара дѣйствовали на Арнольда разслабляюще. Члены казались какъ бы тяжелѣе, суставы неподвижнѣе; солнце не свѣтило, а точно тлѣло въ гнѣздѣ изъ испареній. На улицѣ было еще хуже, чѣмъ въ комнатахъ, и онъ уже хотѣлъ вернуться, но остановился и, точно принимая участіе въ человѣческомъ потокѣ, что съ такимъ трудомъ двигался впередъ, сталъ раздумывать. Потомъ вдругъ повернулъ по направленію улицы Ваза. Слова Верены: «Я надѣюсь еще разъ увидать васъ», прозвучали въ его ушахъ.

Нѣсколько разъ дернулъ онъ звонокъ, но внутри никто не шевельнулся. Разочарованный онъ уже повернулся, было уходить, но увидѣлъ Верену Гофманъ, поднимающуюся по лѣстницѣ. Замѣтя его съ послѣдняго поворота, она на минуту пріостановилась и улыбнулась. На ней было бѣлое полотняное платье съ черной лентой вокругъ шеи и таліи.—На площадкѣ было такъ прохладно, что хотѣлось остаться, но это было бы черезчуръ негостепріимно.

Она протянула ему руку; на ея крѣпкое пожатіе онъ отвѣтилъ такъ же сильно; потомъ отперевъ дверь, она вошла первая и безъ особаго смущенія накинула на неоправленную еще постель шерстяное одѣяло; затѣмъ поставила на столикъ у окна мелкій сахаръ и содовую воду и пригласила его сѣсть.

Изъ окна открывался далекій видъ на сосѣдніе дворы, и Верена, указывая на нихъ, замѣтила:

— 250 оконъ.

Арнольдъ кивнулъ.—На сколько же человѣкъ приходится по окну?—замѣтилъ онъ съ улыбкой, точно для рѣшенія этого вопроса требовались какія-то очень сложныя исчисленія. Верена сказала, что рада его приходу. Господинъ Хиртль воспользовался случаемъ, что переѣхалъ Тецнера, чтобы познакомиться съ нею. Онъ-то и разсказывалъ ей объ Арнольдѣ. А въ чемъ же на самомъ дѣлѣ суть этой исторіи съ жидовкой? Что слѣдуетъ думать объ ней? Она не вѣритъ, чтобы нашлось много мужчинъ, способныхъ на мужественные поступки.

— Да что же собственно извѣстно обо мнѣ Хиртлю?—съ досадой сказалъ Арнольдъ.—Да и зачѣмъ вообще толковать объ этомъ. Эта исторія еще не окончена и потому надо подождать конца.—Его го-

лосъ звучалъ властно и въ немъ слышалось что-то, что мѣшало Веренѣ отвѣтить ему насмѣшкой. Она слушала его не возражая.

— Жарко,—сказала она, наконецъ, и со вздохомъ откинулась назадъ.—Хорошо! можно жить, не перекидывая мостовъ. Мы можемъ разговаривать другъ съ другомъ, словно перекликаясь съ одного берега на другой. Только это нѣсколько утомительно. Арнольдъ не нашелся, что отвѣтить. Онъ былъ еще слишкомъ неискусенъ въ подаваніи репликъ и при своемъ неумѣніи выражаться не умѣлъ подыскивать словъ, въ которыхъ впослѣдствіе не приходилось бы раскаиваться. Ему показалось, что онъ обидѣлъ Верену

— Какъ вы живете?—робко спросилъ онъ.—Вы часто бываете грустны, но сегодня оживлены, точно ласточка.

Молодая дѣвушка молча смотрѣла въ окно. Потомъ она тяжеловато поднялась съ мѣста, причемъ на лицо у нея легла тѣнь.

— У меня нѣтъ тайнъ,—сказала она значительно и, ея слова звучали, точно были обращены къ кому-то въ воздушномъ пространствѣ. Будемъ примѣнять мѣрку полезности другъ къ другу, я упоминала объ этомъ въ прошлый разъ. Кто первый обнаружитъ себя, тотъ первый и потерпитъ пораженіе. Я никогда не требовала отъ другихъ откровенности, также какъ не могу требовать отъ цвѣтка, чтобы онъ благоухалъ. Вамъ слѣдовало бы избѣгать меня. Я не приношу пользы развитію другихъ людей. Арнольдъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ глазами за тѣмъ, какъ она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Ея походка казалась ему пріятной; его привлекало то, что во время разговора ничто не измѣнялось въ ея лицѣ; даже губы, и тѣ еле шевелились. Вслѣдствіе этого, его вниманіе еще усиливалось, а пѣвучій, усталый и какъ бы струящійся голосъ вибрировалъ въ душномъ комнатномъ воздухѣ, точно серебряныя нити. Но при всемъ томъ ему послышался въ ея рѣчахъ что-то высокомѣрное и затаенное. Было мгновеніе когда у него явилось желаніе крикнуть ей: «Чего ты боишься?» Чѣмъ болѣе онъ прислушивался къ ея голосу, тѣмъ явственнѣе чувствовалъ, что у Верены въ прошедшемъ есть что-то очень тяжелое и что именно онъ призванъ оказать ей помощь, сослужить службу, тѣмъ болѣе ощущалъ ненужность самому открываться ей и лишь чувствовалъ что долженъ помочь. Ему хотѣлось сказать: «Вотъ я; говори же и довѣрься». Но онъ не произносилъ этихъ словъ и былъ удивленъ, что всякая довѣрчивость, повидимому, безслѣдно исчезла въ ней и это дѣлало его упорнымъ и угрюмымъ. Верена спросила, приходилъ ли молодой человѣкъ, котораго она послала, и стала восхвалять его достоинства. Она сидѣла противъ Арнольда съ легкой насмѣшливой улыбкой на губахъ; допивъ стаканъ, она усталымъ жестомъ стала поправлять прическу. Арнольдъ удивился. Инстинктивно онъ понималъ, что она ищетъ его и что ему слѣдуетъ подойти къ ней со словами участія,

но разсудокъ мѣшалъ чувству. Чудное волненіе въ груди, точно облако, заволакивало смутныя намѣренія и онъ ни на минуту не ошибался въ значеніи глубокаго покоя, внезапно овладѣвшаго имъ.

Верена Гофманъ наблюдала за его смущеніемъ. Ея привычка все взвѣшивать разсудкомъ и ничему, кромѣ него, не придавать цѣну часто заставляла ее смотрѣть на собственныя ощущенія грустными или недовѣрчивыми глазами; поэтому часто она еще и тогда разсуждала, когда душа уже предавалась глубокимъ грезамъ. Не поднимая взгляда со стола, она сказала тихимъ, осторожнымъ, но опредѣленнымъ тономъ, причемъ ея голова склонилась къ плечу: «Я должна и желаю оставаться одной. Это даже менѣе моя личная потребность, нежели внѣшняя необходимость. Правда, я васъ просила вторично посѣтить меня, но когда я это дѣлала, вы сами меня ничуть не интересовали. Отчасти во мнѣ говорила симпатія, а отчасти самолюбіе—вѣдь у человѣка всегда бываетъ желаніе не являться въ глазахъ симпатичныхъ людей въ искаженномъ видѣ.—Она встала, посмотрѣла на часы и наморщивъ лобъ, сказала: я должна пойти къ Тецнеру.

— А господинъ Тецнеръ? Въ какихъ вы съ нимъ отношеніяхъ? спросилъ Арнольдъ; все сказанное Вереной проплыло мимо него, словно неуловимое облачко. Верена была поражена вопросомъ и пожала плечами.

— Тецнеръ? Это человѣкъ... очень богатый человѣкъ изъ Россіи... у котораго есть свои пунктики. Я его очень давно знаю.

Арнольдъ сидѣлъ, наклонивъ гогову впередъ, и въ такомъ видѣ походилъ на лошадь, прислушивающуюся къ постороннему шуму.

Вдругъ онъ откинулъ голову и, устремивъ на Верену прямой открытый взглядъ сказалъ: «Ваши отвѣты не совсѣмъ честны. Это потому, что вы только играете вещами, которыя желаете скрыть, а не скрываете ихъ на самомъ дѣлѣ. Верена Гофманъ остановилась. Она слегка прислонила голову къ плечу скелета и вынувъ носовой платокъ, подержала его нѣкоторое время у рта, и глубоко вздохнула. Но потомъ ея лицо вспыхнуло, точно изнутри у нея прорвался пламень; носъ, подбородокъ, губы, плечи, все вздрагивало, точно въ истерикѣ. Затѣмъ она болѣе глубокимъ голосомъ нежели раньше, сказала: «Да вѣдь въ этомъ-то вся и бѣда. Только что два человѣка познакомятся, какъ одинъ изъ нихъ требуетъ у другого правъ и отчета. Оставьте меня въ покоѣ. Предоставьте мнѣ забавляться, если я забавляюсь. Развѣ мы должны сейчасъ же расплачиваться за то, что возбуждаетъ въ комъ-нибудь симпатію? Всецѣло отдаваться чему-нибудь вредно, дружба вредна».

Арнольдъ положилъ свои громадныя руки на столъ и сталъ медленно складывать кончики пальцевъ. Дѣлая это, онъ какъ бы желалъ что-то сказать, но губы не повиновались. Между тѣмъ, Верена, по-

видимому, уже раскаивалась въ необдуманныхъ словахъ. Она нѣсколько растерянно оглянулась, вторично посмотрѣла на часы, не торопясь, надѣла большую круглую шляпу и съ разсѣянной, но любезной улыбкой обратилась къ Арнольду:

— Къ сожалѣнію, я должна васъ оставить; но моя дверь остается открытой для васъ до слѣдующаго посѣщенія.

Онъ быстро взглянулъ ей въ лицо, казавшееся, благодаря улыбкѣ гораздо старше, кивнулъ головой и послѣдовалъ за ней. Не обмѣнявшись ни единымъ словомъ, они дошли до улицы, гдѣ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Арнольдъ уже собирался откланяться, какъ вдругъ въ окнѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ, показалась голова Тецнера.

— Я жду тебя Верена сказалъ онъ ласково и кротко.—Веди съ собою твоего знакомаго. Молодой другъ, у меня вы найдете самыя рѣдкія водки на всемъ земномъ шарѣ, да и многое другое, что можно только встрѣтить на столѣ великаго бухарскаго хана. Войдите, войдите, сегодня мы еще молоды, а завтра уже будемъ мертвы.

Арнольдъ кивнулъ головой состроилъ гримасу и засмѣялся.

— Объ моемъ угощеніи ужъ позаботились въ другомъ мѣстѣ,— со смѣхомъ возразилъ онъ,—но вы, можетъ быть, что-нибудь прибережете для меня на другой разъ.

— Браво,—воскликнулъ Тецнеръ, хлопая въ ладоши. Верена бросила глубокій сочувственный взглядъ на Арнольда, веселость котораго ей очень понравилась. Прощаясь, она почти порывисто пожала ему руку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ глухую ночь, тропой знакомой,
Сошелъ я на берегъ морской.
Меня давили стѣны дома
И ихъ удушливый покой;
И на челнокъ, вчера прибитый
Къ землѣ стихіею шальной,
Я сѣлъ, какъ онъ, полуразбитый.
Какъ онъ, обманутый волной.
Здѣсь ночь была еще печальнѣй,
Еще тоскливѣй тишина.
Тѣнь заколоченной купальни
Качала мертвенно волна,
И черной траурной каймою
Песка касалася, шурша.
Я зарыдалъ, объятый тьмою,
И въ мірѣ ни одна душа
Меня не слышала.

А. Ѳедоровъ.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть I.

I.

Обширная казенная квартира статскаго совѣтника Модеста Петровича Балясова была, какъ всегда, скудно освѣщена. Въ то время, какъ многочисленныя окна другихъ квартиръ казеннаго дома, начиная съ обѣденнаго часа и раньше, горѣли яркими огнями, освѣщая прилегающую къ нимъ часть набережной канала и бросая полосы свѣта на поверхность самого канала, изъ выходившихъ на улицу тринадцати оконъ квартиры Балясова въ третьемъ этажѣ, обыкновенно было освѣщено два или три, причемъ свѣтъ часто передвигался отъ одного къ другому, но непремѣнно—когда зажигался въ однихъ окнахъ, то гаснулъ въ прежнихъ.

Такова была система освѣщенія у Балясова и ее твердо усвоили и хозяева и прислуга. Электрическая энергія доставалась имъ, обитателямъ казеннаго дома, дешевле, чѣмъ населенію всѣхъ другихъ домовъ. Но жили въ этой квартирѣ люди экономные. Весь вечеръ, по мѣрѣ того, какъ хозяева заходили то въ одну комнату, то въ другую, или прислуга приносила самоваръ, накрывала столъ, приготовляла постели, постоянно раздавалось въ разныхъ комнатахъ щелканіе мѣдной кнопки выключателя. Это вошло уже въ привычку и ни для кого уже не составляло заботы.

Но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда послѣ долгихъ колебаній и обсужденій совершился переходъ отъ керосина къ электричеству, это доставляло много огорченія самому Модесту Петровичу. То и дѣло онъ выбѣгалъ изъ своего кабинета и, уличивъ горничную или сына или дочь въ недостаточномъ вниманіи, собственноручно гасилъ электрическую лампочку, и всякій разъ при этомъ громко, для свѣдѣнія всѣхъ живущихъ въ квартирѣ, читалъ маленькую лекцію о томъ, что электрическое освѣщеніе

выгодно только тогда, когда съ нимъ умѣютъ обращаться, въ противномъ же случаѣ оно раззорительно.

Была суббота, часовъ семь вечера. Четверть часа тому назадъ электрическія лампы въ квартирѣ Балясова освѣщали столовую и тогда окна всѣхъ остальныхъ комнатъ были темны. Въ это время Балясовы обѣдали. Потомъ свѣтъ въ столовой вдругъ погасъ, три окна, выходившія на улицу, потемнѣли, но зато тотчасъ же появился свѣтъ въ разныхъ концахъ квартиры, — въ двухъ окнахъ съ правой стороны и въ одномъ окнѣ съ лѣвой и эти окна были раздѣлены между собой десяткомъ темныхъ оконъ.

Комната о двухъ окнахъ была гостинная. Въ ней сидѣли теперь двѣ дамы. При первомъ взглядѣ на нихъ, легко было опредѣлить, что это были мать и дочь.

Мать звали Ириной Васильевной. Средняго роста, очень худощавая, съ лицомъ блѣднымъ, необыкновеннаго очертанія, она съ перваго взгляда поражала и приковывала къ себѣ вниманіе новаго человѣка. Благодаря чрезмѣрной худобѣ скулы на этомъ лицѣ слишкомъ выдавались, еще ярче подчеркивали ихъ глубоко впалые щеки. Рѣзко очерченный подбородокъ придавалъ этому лицу выраженіе непреклонной твердости. Большіе темные глаза смотрѣли строго, но только до тѣхъ поръ, пока ея тонкія, красиво вырѣзанныя губы были сомкнуты.

Но когда она начинала говорить, часто обнажая свои крупные, ровные, дивно сохранившіеся зубы, въ глазахъ ея вдругъ появлялась какая-то необыкновенная мягкость и все лицо ея, несмотря на угловатость и рѣзкость очертаній, пріобрѣтало какую-то безконечную привлекательность. Тогда и рѣзкія очертанія какъ бы сглаживались и являлась мысль, что это лицо въ иныя минуты можетъ быть очень красивымъ.

Большой выпуклый лобъ онъ держала открытымъ, причесывая свои густые темные волосы гладко назадъ. Голосъ у нея былъ густой, грубоватый, и когда она говорила, всегда казалось, что ей стоило усилій сдержать его, что, если бы она дала ему волю, то изъ ея груди полились бы могучія волны звуковъ.

Она сидѣла на коротенькой кушеткѣ съ низкой мягкой спинкой, слегка опрокинувшись на нее. Красноватый свѣтъ лампы, одѣтой въ шелковый тюльпанъ, со стѣны падалъ на ея голову, но оставлялъ въ тѣни ея лицо.

Дочь немного походила на нее. Только въ очертаніяхъ лица можно было замѣтить общность, но эта общность скрадывалась молодостью, смягчавшею всѣ рѣзкости. Дѣвушку, которой съ виду можно было дать лѣтъ восемнадцать, звали Людмилой. Легкій золотистый оттѣнокъ свѣтло-русыхъ волосъ давалъ нѣжный тонъ ея лицу и даже ея одеждѣ. Въ то время, какъ отъ матери

вѣяло строгостью, ея внѣшность давала впечатлѣніе чего-то свѣтлаго, яснаго, но въ то же время холоднаго. Въ особенности холодны были ея глаза,—большіе, синіе. Но и они, какъ глаза Ирины Васильевны, обладали способностью мѣнять свое выраженіе, какъ только она начинала говорить; въ этомъ было ихъ сходство.

Людмила сидѣла на кругломъ табуретѣ около піанино, нѣсколько бокомъ къ нему. Ея правая рука опиралась на пюпитръ, а лѣвой она брала отдѣльные аккорды на басовыхъ нотахъ, безъ всякой связи, повидимому, совсѣмъ не думая о нихъ.

Ирина Васильевна долго молчала, полулежа съ раскрытыми глазами, точно слушала ея аккорды. Но въ дѣйствительности она даже не слышала ихъ и, можетъ быть, забыла о томъ, что Людмила здѣсь, хотя думала о ней.

— И такъ, ты ѣдешь сегодня на этотъ вечеръ, — сказала Ирина Васильевна, ничуть не перемѣнивъ позы, даже не пошевельнувшись.

Людмила перестала брать аккорды и вся повернулась къ матери.

— Я хотѣла бы. Да вѣдь и платье готово. Его сейчасъ принесутъ.

— Это доводъ, разумѣется,—промолвила Ирина Васильевна, и ея тонкія губы чуть-чуть усмѣхнулись.

— Можно и безъ доводовъ поѣхать,—сказала Людмила.

— Ничего не надо дѣлать безъ доводовъ, мой другъ, т.-е. безъ хорошо обдуманнаго основанія. Гдѣ-то я читала, что жизненный путь весь усѣянъ осколками разбитыхъ жизней, вотъ такъ, какъ иной осторожный хозяинъ втыкаетъ на поверхности стѣны отъ воровъ осколки разбитаго стекла... И тотъ, кто идетъ по этому пути безъ хорошо обдуманныхъ основаній, похожъ на идущаго босыми ногами по осколкамъ. Основанія, это—ковры, которые мы постилаемъ себѣ подъ ноги, чтобы не порѣзаться осколками.

— Основаніе есть. Я этого никогда не видала. Это для меня новый міръ.

— А ты достаточно подготовила себя къ тому, чтобы въ этомъ новомъ мірѣ не растеряться? Вѣдь когда ѣдутъ въ новую страну, то изучаютъ путеводитель, чтобы знать, куда идти, чтó смотрѣть и чтобы не переплатить. .

— О,—воскликнула Людмила,—кажется, я достаточно хорошо ко всему подготовлена! Ты, мама, хорошо позаботилась объ этомъ.

При этихъ словахъ дочери, Ирина Васильевна приподнялась и внимательно взглянула на нее. Ей показалось, что въ тонѣ, какимъ сказала ихъ Людмила, былъ странный новый оттѣнокъ. Впрочемъ, не совсѣмъ новый,—онъ скорѣе былъ рѣдкій, такъ что она забывала о немъ.

— Что ты такъ смотришь? — спросила Людмила. — Развѣ я сказала что-нибудь странное?

— Ты ни въ чемъ не хотѣла упрекнуть меня?—вмѣсто отвѣта спросила Ирина Васильевна.

— Право же, нѣтъ. Развѣ есть въ чемъ?..

— Не знаю... Не знаю! — задумчиво откликнулась Ирина Васильевна и поднялась.

Она ходила по комнатѣ, но при этомъ у нея не было какого нибудь значительнаго вида, заставлявшаго подозрѣвать волненіе. Лицо ея было спокойно или скорѣе безстрастно.

— Видишь ли,—заговорила она: — этотъ новый для тебя міръ мнѣ очень хорошо извѣстенъ. По всей вѣроятности, онъ остался такимъ, какъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ, по крайней мѣрѣ, насколько я могу судить по тѣмъ отдѣльнымъ экземплярамъ, которые бываютъ у... Модеста Петровича... Да и съ чего ему мѣняться? У насъ все развивается такъ медленно и такъ... по внѣшности... Ну, да... У нихъ, должно быть, другія ходячія идеи, другія слова, но навѣрное, все такая же склонность играть тѣми и другими... Я хорошо знаю этотъ міръ, Люда, и совѣтую тебѣ заранѣе посмотрѣть на него недовѣрчиво...

— Развѣ мы съ тобой на что-нибудь смотримъ довѣрчиво?— промолвила Людмила.

Опять Ирина Васильевна внимательно посмотрѣла на дочь, потому что опять въ ея простомъ и ясномъ голосѣ ей послышался глубоко скрытый оттѣнокъ упрека. Но Людмила смотрѣла на нее прямо, какъ человѣкъ, которому нечего прятаться. И опять приходилось ей изобличить себя въ напрасной подозрительности.

— А развѣ кто-нибудь стоитъ этого?—промолвила она.

Дочь ничего не отвѣтила, повернулась къ піанино и быстро и громко сыграла нѣсколько тактовъ шопеновскаго вальса. Она играла гладко и увѣренно, но, очевидно, не была виртуозомъ.

Вошла горничная и сообщила о томъ, что портниха принесла платье. Людмила оборвала свою музыку и быстро поднялась.

— Ты взглянешь? — спросила она мать на ходу, направляясь вслѣдъ за уходившей горничной.

— Вѣдь ты не будешь примѣрять...

— Ну, все-таки...

— Хорошо, хорошо. Пришли сюда счетъ...

Людмила ушла, а Ирина Васильевна, какъ раньше, продолжала ходить по комнатѣ, но въ ея движеніяхъ теперь явилось безпокойство, а въ лицѣ выраженіе чего-то похожаго на брезгливость. Всякій разъ, сдѣлавъ одинъ туръ по комнатѣ и вернувшись къ дверямъ, она на нѣсколько секундъ останавливалась и смотрѣла въ темноту столовой, какъ бы ожидая оттуда чего-то.

И вотъ послышались шаги горничной, затѣмъ мелькнула ея толстая расплывшаяся фигура въ снопѣ лучей, проникавшихъ чрезъ растворенную дверь изъ гостинной въ столовую.

— Вотъ счетъ, барыня, пожалуйте...

Ирина Васильевна молча взяла незапечатанный конвертъ, подошла къ лампочкѣ и развернула счетъ. Тамъ стояла цифра 49. Она хорошо знала цѣны петербургскихъ портнихъ и ей было извѣстно, что эта цифра, по сравненію съ тѣми, какія фигурируютъ въ ихъ счетахъ—жалкая. Что можно было сдѣлать на эту ничтожную сумму? Въ этомъ сорока девятирублевомъ платьѣ Людмила должна «показать себя» на одномъ изъ многолюднѣйшихъ вечеровъ столицы.

И благодаря искусству не столько портнихи, сколько самой Ирины Васильевны, какъ-то умѣвшей для своей дочери создавать нѣчто художественное изъ самого дешеваго матеріала, Людмила въ самомъ дѣлѣ «покажетъ себя». Она будетъ замѣчена, ея туалетъ, несмотря на его простоту, найдутъ изящнымъ, а ее самое интересной.

Въ этомъ не сомнѣвалась Ирина Васильевна. Но чего ей это стоило!.. Чего ей стоило научиться создавать для своей дочери и отчасти для себя самой туалеты изъ дешевой, почти грошевой матеріи, чего ей стоило убѣдить портниху въ томъ, что именно для нихъ она должна шить дешевле, чѣмъ для другихъ, измѣняя для этого даже своимъ портняжнымъ принципамъ!

Но все равно, такъ или иначе, а по счету надо было платить. У Ирины Васильевны для этого не было денегъ. Модестъ Петровичъ твердо установилъ порядокъ, по которому о всякомъ расходѣ сообщалось ему, онъ самъ вынималъ бумажникъ и, убѣдившись въ томъ, что расходъ неизбѣженъ, скрѣпя сердце, платилъ.

Вотъ когда выраженіе брезгливости въ лицѣ Ирины Васильевны сдѣлалось опредѣленнымъ и явственнымъ. Пройдясь еще раза три по комнатѣ, она машинальнымъ движеніемъ руки повернула кнопку выключателя и лампочка въ гостиной погасла. Такъ же механически прикасалась она къ кнопкамъ въ другихъ комнатахъ и освѣщала свой путь, а затѣмъ тотчасъ гасила свѣтъ. Она прошла такимъ образомъ нѣсколько комнатъ и остановилась у притворенной двери кабинета своего мужа. Сквозь щель въ самомъ низу и вдоль проникалъ свѣтъ. Она постучала.

— Можно?

— Пожалуйста,—отвѣтилъ изъ кабинета сиплый, какъ будто простуженный слабый тенорокъ, и послышалось скрипѣніе дивана.

Ирина Васильевна явственно представила себѣ, что Модестъ Петровичъ послѣ обѣда лежитъ на диванѣ. Теперь онъ поднялся

и сидитъ, ожидая ее и, можетъ быть, досадуя на то, что ему помѣшали отдыхать. Она отворила дверь и вошла.

Въ комнатѣ было тусклое освѣщеніе. На письменномъ столѣ горѣла лампочка, придѣланная къ резервуару обыкновенной рабочей лампы, которая прежде освѣщалась керосиномъ. Продолговатый металическій абажуръ былъ низко спущенъ и закрывалъ всю лампочку, такъ что ее не было видно. Только столъ былъ ярко освѣщенъ, все остальное было въ глубокой тѣни.

Модестъ Петровичъ довольно высокій, изрядно растолстѣвшій человѣкъ, шлепая туфлями, подошелъ къ столу и приподнялъ абажуръ, и разомъ освѣтились и онъ самъ, и все, что было въ кабинетѣ.

Его совершенно выбритое лицо, съ жирными отдувшимися щеками, съ толстыми чувственными губами, казалось нездоровымъ. Была въ немъ какая-то рыхлость. Подъ глазами выпуклыя припухлости, излишній жиръ ниже подбородка, пухлыя возвышенія на груди, какъ у женщины, чрезвычайно рѣдкіе волосы на головѣ, съ просвѣчивавшей розовой кожей, а главное какой-то странный сѣрый цвѣтъ лица и воспаленные бѣлки глазъ, все это говорило о нездоровомъ организмѣ. Бритое лицо скрывало его возрастъ, а слишкомъ свѣтлый цвѣтъ волосъ мѣшалъ разглядѣть многочисленныя сѣдины, но все же никто при взглядѣ на него не сказалъ бы, что онъ молодъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка ожирѣвшаго и какъ бы нѣсколько опустившагося. Въ выраженіи лица его не было ничего злого, скорѣе въ немъ преобладала слащавость, которая слышалась и въ его слабомъ теноровомъ голосѣ.

Домашній туалетъ его былъ страненъ. Онъ всегда потрясалъ Ирину Васильевну, но ей уже давно надоѣло протестовать. Притомъ же Модестъ Петровичъ, дѣлавшій ей уступки въ пустякахъ, ради сохраненія домашней тишины, почему то упорно защищалъ это свое право: онъ былъ въ короткомъ сильно заношенномъ пиджакѣ, изъ подъ котораго выглядывала ситцевая рубаха съ растегнутымъ воротомъ. Правда, онъ теперь приподнялъ этотъ воротъ, но сейчасъ же забылъ объ этомъ и часть его жирной волосатой груди была открыта. Въ его одеждѣ, прическѣ, въ лицѣ, которое онъ брилъ не каждый день, было что-то неопрятное и Ирина Васильевна какъ только увидѣла его, сдѣлала брезгливую мину и говорила съ нимъ, слегка отвернувъ отъ него лицо.

— Ну, что тамъ такое?—своимъ сиплымъ теноркомъ спросилъ Модестъ Петровичъ.

— Надо оплатить вотъ этотъ счетъ,—отвѣтила Ирина Васильевна.

— Какой счетъ? я ничего не заказывалъ.

— Это я заказывала. Платье для Людмилы...

— Почему вдругъ платье? Почему ни съ того, ни съ сего заказываются платья?

— Модестъ Петровичъ, объ этомъ мы уже одинъ разъ достаточно говорили. Вы знаете, что я безъ вашего согласія ничего не заказываю... Вотъ счетъ.

Она положила на столъ счетъ. Модестъ Петровичъ не взялъ его въ руки, какъ бы боясь, что этимъ можетъ санкціонировать его, а какъ-то издали острымъ взглядомъ окинулъ его. Глаза у него были не сильные, буквы на такомъ разстояніи онъ, пожалуй, не прочиталъ бы, но къ цифрамъ у него было какое-то чутье, въ особенности, когда эти цифры обозначали деньги.

— Гм... Одно платье сорокъ девять рублей... Это чортъ знаетъ что такое. На эти деньги можно цѣлый мѣсяцъ кормить двадцать человѣкъ. Безобразіе носить такія платья...

У Ирины Васильевны нервная дрожь пробѣжала по всему тѣлу, и она невольно двинула плечами.

— Портниха ждетъ уплаты, - сказала она, какъ бы не слыша доводовъ.

— Зачѣмъ это платье? Развѣ у нея нѣтъ платьевъ? Вѣдь она же ходитъ въ платьяхъ... Ей осенью сдѣлали новое, заплатили тридцать пять рублей...

— Она сегодня ѣдетъ съ братомъ на университетскій вечеръ. Нельзя ѣхать туда въ коричневомъ платьѣ.

— Вотъ пустое... почему нельзя?.. Тамъ бываютъ бѣдныя курсистки, которыя не могутъ платить по сорокъ девять рублей за платье. Почему нельзя въ коричневомъ? По моему, даже неловко разодѣваться на вечеръ, гдѣ бываетъ небогатая учащаяся молодежь... Курсистки живутъ на десять рублей въ мѣсяцъ, а вы сорокъ девять рублей тратите на платье.

— Послушайте, Модестъ Петровичъ...—видимо сдерживая себя, сказала Ирина Васильевна.—Какое вы имѣете отношеніе къ курсисткамъ, которыя живутъ на десять рублей въ мѣсяцъ? Вѣдь все равно, если вы не заплатите портнихѣ, то эти деньги не отдадите бѣднымъ курсисткамъ, а положите ихъ въ банкъ... Но главное не это, а то, что я заказала платье съ вашего согласія и предупредила васъ, что его принесутъ сегодня. Я оставляю вамъ счетъ...

И она повернулась и вышла, услышавъ за собою возгласъ: «Безобразіе! Это прямо развратъ...»

Ирина Васильевна пошла въ гостинную, здѣсь уже была Людмила, коробка съ платьемъ и портниха.

— Чудесно вышло, чудесно! Такъ идетъ барышнѣ!—говорила портниха.—Это просто удача!

— Немного дорого, — замѣтила Ирина Васильевна, впрочемъ безъ всякаго убѣжденія.

Портниха начала многословно увѣрять, что страшно дешево и стала перечислять всѣ мелочи и цѣны на нихъ. Выходило, что она сдѣлала платье себѣ въ убытокъ.

— Хорошо, хорошо,—разсѣянно сказала Ирина Васильевна,— я только не знаю, приготовилъ ли мужъ деньги...

Портниха заявила, что ей сегодня очень нужны деньги, изъ-за этого она торопилась и отложила всѣ другія работы. И въ то время, какъ она въ этомъ увѣряла, изъ столовой послышались звуки шлепающихъ туфлей и на порогѣ появился Модестъ Петровичъ со счетомъ въ рукахъ. Ирина Васильевна взглянула на него и вдругъ лицо ея сдѣлалось строгимъ.

— Модестъ Петровичъ, прошу васъ, — внушительно промолвила она и Балясовъ, очевидно уже знавшій значеніе этого взгляда и этого обращенія, быстро поднялъ руку къ вороту рубахи и началъ торопливо застегивать его.

Ирина Васильевна тотчасъ же вышла въ сосѣднюю комнату, Людмила послѣдовала за ней. Это была небольшая комната, въ родѣ второй гостинной, дальше была спальня Ирины Васильевны, потомъ Людмилы. Но онѣ не пошли въ свои комнаты, а остались здѣсь и до нихъ не вполнѣ ясно долетали слова изъ разговора Модеста Петровича съ портнихой.

Это былъ странный разговоръ. Статскій совѣтникъ Балясовъ, какъ казалось, съ полнымъ знаніемъ дѣла разбиралъ всѣ мелочи счета портнихи.

— Мнѣ нисколько не жаль заплатить вамъ,—говорилъ онъ,— но я люблю платить только за то, за что слѣдуетъ. У васъ тутъ матерія стоитъ по рублю шестьдесятъ копѣекъ. Положимъ, это возможная цѣна, но вамъ, какъ портнихѣ, навѣрно сдѣлали уступку. Обыкновенно дѣлаютъ десять процентовъ скидки.

— Позвольте вамъ сказать,—скромно возражала портниха:— уступку, дѣйствительно, дѣлаютъ, но это ужъ, извините мой выигрышъ.

— Почему же выигрышъ? Вы должны брать только за вашъ трудъ. Вотъ вы поставили за фасонъ двѣнадцать рублей, довольно десять, я и заплачу вамъ десять, это вашъ заработокъ, это вашъ выигрышъ, если вамъ угодно, а другого выигрыша никакого не должно быть... Затѣмъ вотъ ленты. У васъ поставлено по сорокъ пять копѣекъ за аршинъ, но я знаю, что такія ленты стоятъ по тридцать пять копѣекъ.

Портниха возражала, онъ настаивалъ. Бесѣда ихъ была очень оживленная и кончилась тѣмъ, что вмѣсто сорока девяти рублей, онъ заплатилъ ей всего сорокъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. И она согласилась и подписала счетъ.

— Знаете, мадамъ Балясова, — говорила потомъ портниха

Иринѣ Васильевнѣ,—вашъ мужъ... съ нимъ очень трудно... ахъ, какъ трудно!.. Вотъ за сорокъ одинъ рубль согласилась... Это прямо въ убытокъ. Это же всякій понимаетъ, что прямо въ убытокъ.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказала Ирина Васильевна и прибавила ей тихо, какъ бы желая, чтобы не услышала Людмила:— остальное я вамъ пришлю...

— Слушай, мама, — сказала ей потомъ Людмила, и глаза ея при этомъ горѣли какимъ-то недобрымъ огнемъ, — если ему это такъ непріятно, я могу отказаться...

— Отъ чего?

— Отъ вечера и отъ платья.

— Платье уже сдѣлано, отъ него нельзя отказаться... А вообще ни отъ чего не слѣдуетъ отказываться, мой другъ, напротивъ, надо всегда добиваться во что бы то ни стало.

Въ восемь часовъ пришелъ Миша, совсѣмъ юный, только въ этомъ году испеченный студентъ, въ новомъ мундирѣ, которымъ онъ видимо гордился. Онъ забѣжалъ на минуту и поднялъ цѣлую исторію по поводу того, что Людмила не готова. Онъ былъ распорядителемъ и долженъ былъ сейчасъ же ѣхать за какой-то пѣвицей.

— Вотъ я и пріѣхалъ въ каретѣ и разсчитывалъ тебя по дорогѣ отвезти. Это ничего не стоило бы... А потомъ это будетъ уже неловко.

Въ этомъ замѣчаніи слышался какъ бы отголосокъ балясовской разсчетливости. Такимъ образомъ всегда выгадывалъ самъ Модестъ Петровичъ. Вѣчно его кто-нибудь подвозилъ, когда было по дорогѣ. Если товарищъ посылалъ поздравительную телеграмму имениннику или какому-нибудь юбиляру, онъ присоединялъ свое имя и платилъ за это пятачокъ.

Михаилъ, который и лицомъ былъ очень похожъ на отца, впиталъ въ себя эти свойства съ самыхъ малыхъ лѣтъ и сегодня совершенно серьезно разсчиталъ, что такимъ образомъ на каретѣ можно сдѣлать экономію.

— Когда же ты будешь готова? — спросилъ онъ рѣшительно.

— Часовъ въ десять,—отвѣтила Людмила.

— Ну, хорошо. Я сейчасъ съѣзжу за пѣвицей, потомъ мнѣ надо привести еще скрипачку, а затѣмъ я все-таки воспользуюсь каретой и заѣду за тобой.

И онъ умчался исполнять свои распорядительскія обязанности, которыя, видимо, его увлекали.

II.

Когда Людмила, при помощи горничной Саши, одѣвалась въ своей комнатѣ, послѣдней въ длинной анфиладѣ комнатъ казенной квартиры, вошла Ирина Васильевна.

— Знаешь, что я придумала,—промолвила она:—я съ тобой поѣду на этотъ вечеръ...

— Да?—съ легкимъ оттѣнкомъ удивленія спросила Людмила.— Такъ внезапно? Ты вѣдь не собиралась?

— Мнѣ вдругъ захотѣлось чего-нибудь шумнаго!—отвѣтила Ирина Васильевна.

Людмила промолчала. Она почти навѣрно знала, какія соображенія заставили ея мать принести эту жертву. Она давно уже не любила выѣзжать и ей не только никогда не хотѣлось «чего-нибудь шумнаго», но, напротивъ, нервы ея всегда болѣли отъ большого общества. И вотъ о чемъ, должно быть, она думала, когда послѣ обѣда полулежала на кушеткѣ и потомъ ходила по комнатѣ.

Ирина Васильевна вошла и осмотрѣла Людмилу. Платье блѣднорозоваго цвѣта, очень простое, сидѣло на ней прекрасно. Тонкія кружевца оттѣняли слегка открытыя плечи и шею. Все было дешевое, но какъ-то удачно сопоставленное, давало впечатлѣніе платья, стоющаго гораздо дороже.

— Въ самомъ дѣлѣ, это очень удачно!—сказала Ирина Васильевна.—Я вотъ одѣнусь и сдѣлаю тебѣ прическу.

Въ торжественныхъ случаяхъ она всегда сама дѣлала Людмилѣ прическу. Какъ-то, однажды, былъ призванъ для этого парикмахеръ, но такъ какъ ему пришлось заплатить пять рублей, то Балясовъ пришелъ въ ужасъ, назвалъ это развратомъ, объяснилъ, что на такія деньги въ деревнѣ цѣлая семья кормится въ теченіе мѣсяца, и отказался на будущее время платить. Это заставило Ирину Васильевну получше изучить парикмахерское искусство.

Ирина Васильевна одѣлась чрезвычайно быстро и минутъ черезъ десять уже явилась къ дочери. Для себя она не признавала никакихъ цвѣтовъ, кромѣ сѣраго въ разныхъ оттѣнкахъ, то розовомъ, то впадавшемъ слегка въ зелень, то въ сталь. Гардеробъ ея былъ до послѣдней возможности ограниченъ. За туалеты для Людмилы она, хотя и съ брезгливостью, но все же сражалась съ мужемъ, для себя же она никогда не просила и даже самъ Модестъ Петровичъ разъ въ годъ, въ началѣ зимняго сезона, считалъ своимъ долгомъ выдавать ей на это.

И теперь на ней было ея обычное сѣрое платье. Отличіемъ

отъ будничныхъ дней былъ только приставной воротникъ изъ дорогихъ кружевъ, въ пріобрѣтеніи которыхъ не участвовалъ Модестъ Петровичъ. Этотъ воротникъ достался ей отъ матери и бережно хранился.

Прическу она тоже измѣнила, слегка взбивъ свои черные волосы и допустивъ, чтобы они свѣшивались на лобъ и къ вискамъ.

Четверть часа ушло на прическу.

— Ты будешь сегодня очень хорошенькая, — сказала Ирина Васильевна, сдѣлавъ дочери окончательный осмотръ.

Въ это время въ передней раздался звонокъ, а черезъ минуту прибѣжала горничная и почему-то съ испуганнымъ лицомъ объявила, что пріѣхалъ Поршневъ. Испуганное выраженіе лица горничной, вѣроятно, было вызвано соображеніемъ, что Поршневъ помѣшаетъ барынямъ во́-время попасть на вечеръ.

— Мнѣ не зачѣмъ выходить къ нему,—сказала Людмила.

— Почему же? Ты вѣдь одѣта.

— Мнѣ не хочется.

Ирина Васильевна нахмурилась.

— Я хотѣла бы, чтобы ты вышла, — промолвила она. — Онъ пойметъ, что, разъ мы собираемся на вечеръ, то не можемъ принимать его, но все же выйти нужно.

— Если ты хочешь... — отвѣтила Людмила и отвернула лицо отъ матери, видимо стараясь скрыть свое недовольство.

И опять Ирина Васильевна стала думать объ этой новой черточкѣ въ ея отношеніяхъ съ дочерью. Она не могла сказать съ достовѣрностью, когда это началось, но уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ она явственно чувствуетъ это. Оно проявляется то въ видѣ неяснаго упрека, то въ видѣ неохотнаго исполненія того, что было обычно и къ чему давно слѣдовало привыкнуть.

Поршневъ былъ давній знакомый Балясовыхъ. Лѣтъ семь тому назадъ онъ появился въ ихъ домѣ просто въ качествѣ дѣлового человѣка, чего-то искавшаго въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ служилъ Модестъ Петровичъ.

Такихъ гостей много перебывало въ ихъ домѣ. Ирина Васильевна называла ихъ «метеорами». Между ними были болѣе блестящіе метеоры и совсѣмъ тусклые. Они ухаживали за Модестомъ Петровичемъ, привозили конфекты и даже игрушки дѣтямъ, а когда Людмила выросла, цвѣты, доставляли билеты на ложи въ театръ. Все это завершалось долгимъ и очень таинственнымъ разговоромъ съ Модестомъ Петровичемъ съ глазу на глазъ, при тщательно притворенныхъ дверяхъ въ его кабинетѣ.

Затѣмъ, очевидно, онъ оказывалъ въ своемъ вѣдомствѣ надлежащее «содѣйствіе», метеоръ получалъ удовлетвореніе и исчезалъ съ горизонта.

Въ качествѣ такого метеора явился и Поршневъ, но даже получивъ удовлетвореніе, не исчезъ, а сдѣлался ихъ постояннымъ знакомымъ, а въ послѣдніе годы, когда Людмила сдѣлалась взрослою дѣвушкою, знакомство это осложнилось кой-чѣмъ новымъ и важнымъ и Поршневъ сталъ бывать у нихъ чаще, чѣмъ просто добрый знакомый.

Поршневъ принадлежалъ къ людямъ, каждый шагъ которыхъ въ дѣловой области отмѣчается удачею. Когда-то онъ былъ товарищемъ Балясова по институту, гдѣ они вмѣстѣ обучались сельскохозяйственнымъ знаніямъ, но. едва начавъ курсъ, бросилъ и исчезъ. Такъ онъ и остался безъ диплома и по паспорту значился всего лишь «потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ». Средствъ личныхъ у него тогда не было никакихъ. И тѣмъ не менѣе онъ выплылъ на поверхность и теперь никто уже не сомнѣвался въ томъ, что это большой, очень большой корабль.

Когда онъ семь лѣтъ тому назадъ явился къ Балясову въ качествѣ искателя «содѣйствія» по какимъ-то лѣснымъ предпріятіямъ, у него было сотни двѣ тысячъ, а теперь, послѣ того, какъ онъ получилъ содѣйствіе, за нимъ считали около милліона. И содѣйствіе-то это было такого рода, что Модестъ Петровичъ имѣлъ полное основаніе считать себя одною изъ главныхъ пружинъ, такъ сильно выдвинувшихъ Поршнева.

Но насколько удачливъ былъ Поршневъ въ дѣлахъ, настолько же не везло ему въ домашней жизни. Женился онъ лѣтъ десять тому назадъ и всѣ эти десять лѣтъ были сплошнымъ рядомъ исторій, отъ которыхъ, какъ онъ самъ говорилъ, облысѣлъ его черепъ. Самъ онъ про жену свою разсказывалъ чудовищныя вещи, но другіе источники рисовали дѣло иначе. По нимъ причиною несогласія были нѣкоторые странные вкусы самого Поршнева. Впрочемъ, это лучше, чѣмъ кто другой, зналъ Балясовъ Модестъ Петровичъ, который отъ времени до времени проводилъ съ нимъ какіе-то таинственные вечера въ никому неизвѣстныхъ мѣстахъ.

Для Ирины Васильевны и Людмилы эта сторона личности Поршнева была темна, однако-жъ, не настолько, чтобъ онъ хоть на минуту внушалъ имъ уваженіе. И тѣмъ не менѣе частые визиты его встрѣчались любезно, и на этотъ разъ Ирина Васильевна, выйдя къ нему, сочла своимъ долгомъ начать съ извиненія, что онѣ уѣзжаютъ.

Наружность у Поршнева была могучая: высокій ростъ, богатырская спина, цвѣтущее лицо, хотя нѣсколько ожирѣвшее и носившее на себѣ слѣды частыхъ кутежей. Натура у него была крѣпкая: несмотря на то, что онъ былъ года на три старше Балясова, Модестъ Петровичъ рядомъ съ нимъ казался старикомъ.

— Куда же это вы?—спросилъ Поршневъ, чрезвычайно разочарованный сообщеніемъ Ирины Васильевны.

— Сегодня университетскій вечеръ. Людмила не бывала на такихъ вечерахъ, ей хочется посмотрѣть.

— Скучно, скучно, увѣряю васъ—скучно, Людмила Модестовна,—сказалъ Поршневъ.—Давка, пыль и безалаберщина.,.

— Я хочу видѣть пыль и безалаберщину. Я люблю видѣть все,—отвѣтила Людмила.

— Но въ такомъ случаѣ, почему бы вамъ не взять съ собою меня?—предложилъ Поршневъ.

— Но это будетъ то же, что здѣсь. Изъ-за вашей спины я ничего не увижу,—отвѣтила Людмила.

— А... въ такомъ случаѣ мнѣ остается стушеваться.

Но онъ не стушевался: вышелъ Модестъ Петровичъ, однако, не въ томъ видѣ, какъ онъ выходилъ. къ портнихѣ, а одѣвшійся вполнѣ прилично, и увелъ его къ себѣ. Пріѣхалъ Михаилъ и увезъ дамъ на вечеръ въ распорядительской каретѣ.

Залъ дворянскаго собранія былъ уже биткомъ набитъ. Они пріѣхали часовъ въ одиннадцать, когда еще тянулся концертъ. Среди духоты, въ воздухѣ, наполненномъ парами отъ дыханія тысячи грудей, раздавался женскій голосъ. Какая-то извѣстность читала стихи. Въ это время Балясовы вошли въ залъ и съ трудомъ, при помощи распорядительскихъ усилій Михаила, протискиваясь сквозь толпу, заняли мѣста, которыя Михаилъ предупредительно оставилъ для нихъ.

Людмила, дѣйствительно, ни разу не была еще на такомъ вечерѣ. Несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, несмотря на то, что со школьной скамьей она разсталась три года назадъ, и на то, что въ четырнадцать лѣтъ по своему сложенію имѣла видъ уже взрослой дѣвушки, несмотря на то, что Ирина Васильевна, согласно съ своими принципами воспитанія, старалась показывать ей жизнь во всевозможныхъ видахъ, никогда не являлось у ней мысли повезти дочь на такой вечеръ.

Въ домѣ Балясовыхъ бывали студенты—теперь товарищи Михаила, а раньше просто знакомые, и каждый годъ они предлагали свезти Людмилу на одинъ изъ студенческихъ вечеровъ, но Ирина Васильевна отклоняла и какъ-то безапелляціонно. Когда ей приводили доказательства въ пользу, она не возражала, какъ будто признавая ихъ, и тѣмъ не менѣе стояла на своемъ.

Когда объ этомъ поднимала вопросъ сама Людмила, она говорила, что это еще успѣется, что такихъ вечеровъ бываетъ каждый годъ множество и что всѣ они походятъ другъ на друга, какъ близнецы. Возраженія ея были несущественны и скорѣе казалось, что у нея противъ этихъ вечеровъ есть что-то такое, чего она не высказываетъ.

Но въ этомъ году Михаилъ сдѣлался студентомъ и это, въ

сущности, не важное обстоятельство какъ будто разрушило до сихъ поръ непобѣдимое препятствіе. Она и теперь до послѣдняго момента скептически относилась къ поѣздкѣ Людмилы на вечеръ, тѣмъ не менѣе не препятствовала, а въ послѣднюю минуту даже рѣшила ѣхать сама.

Попавъ на свои мѣста, гдѣ-то въ десятомъ ряду, онѣ совершенно затерялись въ публикѣ. Вниманіе всѣхъ было сосредоточено на эстрадѣ, куда были устремлены всѣ глаза и уши. Тамъ читали, пѣли, играли на скрипкѣ, на рояли, гудѣлъ хоръ, а залъ отъ времени до времени оглашался аплодисментами.

Во всемъ этомъ для Людмилы не было ничего новаго. Она перебывала съ матерью на всевозможныхъ концертахъ, посѣщала театры, жизнь ея далеко не была затворническою. Ей, пожалуй, не приходилось видѣть такъ густо набитаго народомъ зала, такой большой толпы, испытывать такую духоту и такія неудобства.

Но тѣмъ не менѣе, какъ только она сѣла на свое мѣсто и обвела взоромъ всю картину, у нея явилось странное, еще не испытанное ощущеніе чего-то новаго. Во всемъ этомъ было нѣчто, чего не находила она въ другихъ зрѣлищахъ. Было какое-то особенное настроеніе, котораго она не умѣла назвать.

Всюду она чувствовала себя простымъ зрителемъ, который присутствовалъ при чемъ-то постороннемъ, устроенномъ для его развлеченія. И рѣшительно ко всѣмъ такимъ развлеченіямъ она научилась относиться критически, какъ строгій судья.

А тутъ ее обхватила какая-то общность со всѣмъ заломъ, точно она вмѣстѣ со всѣми другими принимаетъ участіе въ совершающемся. И это было такъ ново и непонятно, что она въ первое время смутно воспринимала все, что дѣлалось на эстрадѣ. Да и не это интересовало ее. Какая-то сплоченность чувствовалась въ этой толпѣ. Сидѣвшіе въ креслахъ партера, выглядывавшіе изъ-за колоннъ съ боковыхъ мѣстъ, стоявшіе при входѣ, наполнявшіе всѣ проходы и корридоры, всѣ, казалось, одинаково чувствовали и мыслили. Таково было ощущеніе.

Но она скоро освоилась и это прошло. Уже къ концу концерта она научилась и смотрѣть и слушать и теперь у нея было одно любопытство.

Послѣ концерта публика встала и потянулась въ фойе и буфетъ, а въ залѣ убирали кресла и очищали воздухъ. Михаилъ былъ страшно занятъ своимъ распорядительствомъ и только одинъ разъ подбѣжалъ къ нимъ, а потомъ его нельзя было разыскать. Они не встрѣтили ни души знакомыхъ.

— Видишь, я говорила, что будетъ скучно!—сказала Ирина Васильевна.

— Но, мама, надо испытать и скучное,—возразила Людмила,—

притомъ же въ этомъ скучномъ есть что-то своеобразное. Ты не находишь?

— Да, можетъ быть!.. Но я его не люблю...

— Что?

— Да вотъ именно это—своеобразное.

— За что ты не любишь?

— За многое... О, за очень многое...

И лицо Ирины Васильевны сдѣлалось печальнымъ. Въ глазахъ появилось то выраженіе, какое бывало у нея всегда, когда рѣчь касалась прошедшихъ лѣтъ.

Тамъ, въ глубинѣ прошлаго, было что-то, сыгравшее въ ея жизни важную роль, и оно осталось главнымъ навсегда.

Бываютъ въ жизни людей такія событія, которыя давно уже прошли, закончились и навѣрно никогда не вернутся, а между тѣмъ они кладутъ свою окраску на всю остальную жизнь, хотя бы эта жизнь сложилась, какъ кажется, не по нимъ и даже противъ нихъ. Такія событія были въ жизни Ирины Васильевны.

Людмила знала объ этомъ кой-что, но слишкомъ мало и ничего навѣрное. Она узнавала изъ намековъ, изъ случайно долетавшихъ до ея уха полуфразъ и это только тревожило ее, но ничего не разъясняло. Она могла узнать это только отъ матери. И если бы она прямо спросила ее, то Ирина Васильевна прямо и отвѣтила бы. Между ними ни въ чемъ не было тайны. Но именно то, что этотъ вопросъ разбередилъ бы какія-то раны и то, что она сама никогда не пыталась коснуться его, удерживало Людмилу.

Она твердо знала только одно: что Модестъ Петровичъ не отецъ ей, что былъ, а можетъ быть и есть на свѣтѣ кто-то, кто былъ ея отцомъ. Но себя она не помнитъ иначе, какъ въ семьѣ, которая состояла изъ мужа, Модеста Петровича Балясова, и жены, Ирины Васильевны. Никто посторонній не врывался въ эту семью и не требовалъ своихъ правъ.

Но какъ это было, когда и при какихъ условіяхъ, этого Людмила не знала. По временамъ, когда Модестъ Петровичъ слишкомъ уже проявлялъ свою личность, она въ глубинѣ души ощущала радость при мысли, что онъ ей не отецъ; и радость эта поддерживалась тѣмъ презрѣніемъ къ нему, которое она видѣла въ глазахъ матери, но больше этого она ничего не знала о своемъ происхожденіи.

Толпа давно уже влекла ихъ за собою и они прошли нѣсколько комнатъ. Потомъ ихъ точно волною выбросило въ обширный залъ, гдѣ было нѣсколько свободнѣе.

Здѣсь, вдоль стѣнъ, тянулись буфеты съ закусками и чайною посудою. За столиками пили чай, ѣли бутерброды и пирожки. За буфетами суетились студенты въ разныхъ мундирахъ и молодыя

дѣвушки съ распорядительскими бантиками на груди. Они нарѣзали хлѣбъ, колбасу, сыръ, наливали чай и даже подавали все это къ столикамъ и все это дѣлалось необыкновенно весело, съ громкимъ смѣхомъ, не какъ работа, а какъ развлеченіе или какъ игра.

— Вотъ имъ весело!—сказала Людмила.

— Да, пока...—какъ-то загадочно произнесла Ирина Васильевна.

Онѣ дошли уже до конца зала и повернули обратно, когда имъ пересѣкли дорогу два студента и остановились передъ ними. Одинъ изъ нихъ былъ ихъ знакомый. Онъ пріѣхалъ изъ уѣзднаго города, гдѣ родился Модестъ Петровичъ Балясовъ и сначала сезона посѣщалъ ихъ домъ.

Небольшого роста, смуглый, худощавый, болѣзненный, онъ держался всегда тихо, скромно, молчаливо. У него были симпатичныя грустныя глаза, благодаря которымъ онъ производилъ пріятное впечатлѣніе и привлекалъ къ себѣ. Но что онъ былъ за человѣкъ, что у него было въ душѣ, какія мысли наполняли его голову, никто не зналъ. Фамилія его была Чекаловъ. Здѣсь они встрѣтились съ нимъ случайно и онъ тотчасъ узналъ ихъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ.—Я не зналъ, что вы здѣсь...

— А, Чекаловъ,—промолвила Ирина Васильевна.—Вы не распорядитель?

— Нѣтъ, куда мнѣ...

— Значитъ свободны и можете немножко заняться нами?..

— Съ удовольствіемъ; если хотите чаю, я вамъ достану... Вотъ кстати и столикъ.

И говоря это, онъ какъ будто забылъ о томъ, что держитъ подъ руку товарища, который стоялъ передъ ними и, повидимому, чувствовалъ себя неловко.

Между тѣмъ, самъ этотъ товарищъ по внѣшности представлялъ не совсѣмъ обычную фигуру и Балясовы сразу обратили на него вниманіе.

Высокій, сухощавый, съ рѣзкими чертами лица, онъ далеко не казался такимъ молодымъ, какъ Чекаловъ, да и по сравненію съ другими товарищами онъ смотрѣлъ старше. И не столько возрастъ отличалъ его, сколько выраженіе лица человѣка, кой-что испытавшаго и о многомъ думавшаго.

Но это не было старчество, въ лицѣ этомъ не было слѣдовъ преждевременной зрѣлости, излишествъ, словомъ, лицо его не походило на истасканныя лица молодыхъ кутилъ. Совершенно бритое, ого съ перваго взгляда походило на лицо актера на первыя роли и ростъ его и вся осанка его годились для этого. Недлинные свѣтлые волосы на его головѣ торчали густымъ ежемъ и открывали довольно большой выпуклый и какой-то упорный лобъ. Сѣрые глаза его смотрѣли сквозь бѣлыя стекла золотыхъ очковъ.

Но мундиръ свидѣтельствовалъ, что онъ былъ студентъ, въ этомъ не возникало сомнѣнія.

— Представь меня,—сказалъ онъ, наконецъ, Чекалову, когда тотъ, забывъ о немъ, притащилъ его вмѣстѣ съ дамами къ круглому столику...

— Ахъ, да... Позвольте вамъ представить, Ирина Васильевна... Мой товарищъ, Крученинов.

И такъ какъ Чекаловъ сейчасъ же побѣжалъ къ буфету хлопотать о чаѣ, то дамы остались съ новымъ знакомымъ.

Чекалову, очевидно, не легко доставался чай, онъ добывалъ его минутъ десять; въ это время дамы успѣли поверхностно ознакомиться съ его товарищемъ. Крученинов отыскалъ имъ стулья, которыя здѣсь брались съ бою, и усадилъ ихъ, а самъ стоялъ передъ ними и этимъ давалъ имъ возможность вполнѣ разсмотрѣть его.

— Вы товарищъ съ Чекаловымъ по факультету?—спросила его Ирина Васильевна.

— Да, и по курсу.

— Но вы кажетесь гораздо старше его.

— Это такъ и есть. Я думаю, лѣтъ на восемь, а то и на всѣ десять.

— Отчего же такая разница? Вы такъ поздно кончили гимназію?

— Ахъ, нѣтъ. Я кончилъ ее очень рано, семнадцати лѣтъ. Но я, вѣдь, уже третій факультетъ продѣлываю.

— А, значитъ вы очень ученый?

— Нѣтъ, не очень, да я и не хочу быть ученымъ.

— Но для чего-нибудь же вы это дѣлаете... Чего-нибудь вы ищете?..

— Конечно, хотя уже почти убѣдился, что не найду..

— И все-таки продолжаете?

— Теперь ужъ у меня вошло въ привычку быть студентомъ, ходить въ университетъ, имѣть товарищей... И я боюсь, что на мою жизнь—я вѣдь очень здоровъ—не хватитъ факультетовъ.

— Вы думаете такъ долго учиться?

— Да знаете, когда не можешь рѣшить самыхъ простыхъ жизненныхъ вопросовъ, то какъ-то приличнѣе быть ученикомъ... Такое чувство: я ничего не разрѣшилъ, но, вѣдь, я только учусь... когда выучусь, разрѣшу...

Въ это время Чекаловъ добылъ и принесъ имъ чай, и разговоръ измѣнилъ направленіе.

Людмила, не принимавшая участія въ разговорѣ, но внимательно и не безъ нѣкотораго волненія прислушивавшаяся, а главное присматривавшаяся къ лицу Крученинова, нашла его инте-

реснымъ. Въ немъ было что-то въ высшей степени увѣренное и спокойное. Отвѣчая на вопросы, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза и лицо его было серьезно даже тогда, когда онъ говорилъ пустяки. Если же онъ шутилъ, то смѣялся громко и открыто и что-то необыкновенно веселое и радостное было въ этомъ смѣхѣ. Въ этомъ человѣкѣ была цѣльность и, какъ подумала Людмила, какая-то «отточенность».

Въ залѣ уже заиграла музыка, часть публики направилась туда и въ буфетѣ осталось немного народу. Прибѣжалъ Михаилъ и пригласилъ ихъ въ залъ. Онъ былъ знакомъ съ Кручениновымъ, но немного.

— Вы танцуете?—спросилъ Крученинъ Людмилу, которая до сихъ поръ не показала ему своего голоса.

— Немного,—отвѣтила она.

— Я тоже немного,—можетъ быть, это кстати?..

— Хорошо, такъ потанцуемъ немного!—съ улыбкой произнесла Людмила.

И когда они вошли въ залъ, Крученинъ тотчасъ же предложилъ ей руку, они вдвоемъ спустились внизъ, а Ирина Васильевна съ Чекаловымъ остались за колоннами.

III.

Музыка играла вальсъ. Они сдѣлали нѣсколько туровъ, но Людмила сейчасъ же почувствовала, что Крученинъ плохо владѣетъ темпомъ, и дѣйствительно среди множества вертѣвшихся паръ ихъ скоро сбили и они должны были остановиться и искать выхода. Крученинъ взялъ ее за руку и вывелъ въ ту сторону, гдѣ была эстрада.

— Это очень трудно,—сказалъ онъ:—простое дѣло—самое трудное дѣло... неправда ли?

— Не знаю,—отвѣтила Людмила.—Я еще въ своей жизни не сдѣлала ни одного дѣла ни простого, ни сложнаго.

— Вы хотите туда, къ вашей мамѣ?—спросилъ онъ, остановившись на полъ-пути. И этотъ простой вопросъ затруднилъ ее.

Странное чувство: она была очень привязана къ своей матери. Между ними съ давнихъ поръ установилась рѣдкаго качества близость. Ни одного шага не дѣлала она, не посовѣтовавшись съ матерью, всегда онѣ были вмѣстѣ и всѣ интересы ихъ были общіе и никогда Людмилѣ не приходило въ голову, что это можетъ тяготить ее.

И вотъ вдругъ у нея явилось совершенно неизвѣстное ей чувство, какъ будто ей было бы пріятно побыть нѣкоторое время, хоть нѣсколько минутъ, внѣ взоровъ Ирины Васильевны. Этотъ

человѣкъ, который велъ ее подъ руку, былъ совсѣмъ чужой для нея и новый и тѣмъ не менѣе она ради этого одного не прочь была побыть съ нимъ.

— Пройдемтесь немного,—сказала она.—Мама навѣрное занята разговоромъ съ Чекаловымъ.

— Ну, Чекалова еще надо разговорить. Для этого требуется много усилій.

— А въ самомъ дѣлѣ, онъ всегда молчитъ.

— Нѣтъ, не всегда. Онъ даже краснорѣчивъ. Но для этого требуется, чтобы онъ былъ въ обществѣ людей, которыхъ онъ совсѣмъ не стѣсняется.

— Кажется, онъ у насъ не стѣсняется. Онъ давно знакомъ съ отцомъ.

— Да... Потому-то онъ и стѣсняется... Впрочемъ,—прибавилъ Кручениновъ, какъ бы извиняясь, можетъ быть, я не долженъ бы говорить объ этомъ...

— Я, право, не знаю, должны или нѣтъ: я думаю, что для этого нѣтъ правилъ,—промолвила Людмила

— Правилъ нѣтъ, но могутъ быть соображенія...

— Такъ соображайте,—полушутя замѣтила она.

— Трудно соображать, когда не знаешь еще, до какой степени человѣкъ, съ которымъ ты говоришь, освѣдомленъ относительно...

Онъ остановился, а Людмила повернула къ нему лицо и съ выжиданіемъ смотрѣла на него.

— Что же вы не кончаете?

— Относительно своего собственнаго положенія,—докончилъ Кручениновъ.

— А вы о немъ много освѣдомлены?—спросила она съ тѣмъ выраженіемъ скептицизма и недовѣрія, которое отъ долговременнаго постояннаго общенія прямо перешло къ ней отъ Ирины Васильевны.

— Да, очень много,—отвѣтилъ Кручениновъ.

— Такъ что, когда вы встрѣтили насъ сегодня, мы для васъ не были новостью?

— Не были. И я прибавлю, что мнѣ давно хотѣлось встрѣтиться съ вами.

— Почему же?

— Такъ. Мнѣ надо многое провѣрить... Видите ли, меня интересуютъ люди... Я вотъ на третьемъ факультетѣ учусь, множество наукъ перепробовалъ и во многія изъ нихъ углублялся, а все же, въ концѣ концовъ прихожу къ заключенію, что единственная дѣйствительно интересная—наука человѣкъ... А ваша семья, вы меня извините, если я это скажу, мнѣ кажется, что ваша семья представляетъ собой необычную комбинацію...

— Вы знаете ее со словъ Чекалова?

— Отчасти. Но у меня есть и другой источникъ...

— Вы говорите такъ, какъ будто задались цѣлью заинтриговать меня...

— А почему вы думаете, что я не задался этой цѣлью? Да, именно задался.

— Въ такомъ случаѣ почему же вы не познакомились съ нами раньше? Вы могли это сдѣлать черезъ Чекалова. Мой отецъ охотно принимаетъ у себя студентовъ.

— Да, я это знаю... но къ нему неохотно идутъ... Впрочемъ. нѣтъ, не то: къ нему идутъ, но у него неохотно остаются... А вотъ ваша мама. Кажется, въ самомъ дѣлѣ Чекаловъ разговорился. Посмотрите, какъ онъ жестикулируетъ.

Они, дѣйствительно, очутились близко около Ирины Васильевны и Чекалова. Тѣ ихъ не видѣли.

Людмила взглянула на нихъ и просто не узнала Чекалова, до такой степени увлеченіе разговоромъ измѣнило его лицо. Невзрачный, блѣдный, несуразный, онъ теперь казался какимъ-то обновленнымъ. Глаза его блестѣли, на щекахъ появился румянецъ, самъ онъ выпрямился и сталъ отъ этого выше. Они подошли и остановились.

— Это не такъ... нѣтъ, нѣтъ, это не такъ,— съ горячностью говорилъ Чекаловъ. — Можетъ быть, потомъ многіе или даже всѣ—ну, пусть всѣ—потомъ изгадятся и сдѣлаются негодяями, а теперь они искренни... Теперь мы всѣ искренни и всѣ увѣрены, что такими и останемся... Можетъ быть, не останемся—говорятъ, что жизнь изгаживаетъ людей,—но мы этого не знаемъ...

Ирина Васильевна слушала его съ снисходительной, но въ то же время недовѣрчивой усмѣшкой, а Людмила спрашивала себя: «почему Чекаловъ вдругъ заговорилъ? у насъ онъ всегда упорно молчитъ». И она подошла близко къ нимъ.

— Оказывается, что Чекаловъ умѣетъ говорить,—съ улыбкой сказала Ирина Васильевна, — только мы съ нимъ расходимся въ мнѣніяхъ...

— Если бы я думалъ такъ, какъ вы, то я долженъ былъ бы сейчасъ пойти и броситься въ Неву, — съ прежней горячностью заявилъ Чекаловъ.—И не я одинъ, а половина присутствующихъ здѣсь.

— Ты, надѣюсь, сдѣлалъ для меня исключеніе, — замѣтилъ Крученинковъ.—Я не знаю такого случая, когда я долженъ былъ бы броситься въ Неву... По моему, человѣкъ долженъ жить во что бы то ни стало.

— Почему вы такъ думаете?—спросила Ирина Васильевна:—значитъ вы не допускаете такихъ положеній, когда жить нельзя?..

— Допускаю только одно:—когда жить нельзя, то наступаетъ естественная смерть...

— А иначе нѣтъ?

— Иначе нѣтъ, не допускаю. Я пробылъ четыре года на естественномъ факультетѣ, я тщательно изучилъ человѣческій организмъ. И я нахожу, что природа затратила неимовѣрныя усилія и ухищренія, чтобы сдѣлать этотъ организмъ такимъ сложнымъ и такимъ совершеннымъ. Она работала надъ этимъ десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ лѣтъ, медленно, постепенно, терпѣливо. Такъ неужели справедливо, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, взять да однимъ движеніемъ и разрушить этотъ организмъ?

— Такъ по вашему, человѣкъ не имѣетъ права распорядиться своей жизнью?

— Ни въ какомъ случаѣ. Хозяинъ жизни не онъ, а природа. Она неустанно работаетъ и мы живемъ, когда она пасуетъ, жизнь кончается. Когда же мы насильственно прерываемъ жизнь, мы обкрадываемъ природу... Такъ я думаю, но не выдаю это за непреложную истину потому, что истины никто еще не нашелъ, ее еще только ищутъ...

Людмила смутно слышала то, что говорилъ Крученинивъ. Она задумчиво смотрѣла на танцующихъ и едва ли видѣла ихъ. Голова ея была полна вопросовъ, которые какъ-то сами собой родились послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса.

Странныя недосказанныя рѣчи Крученинова тамъ, когда они были по ту сторону залы, точно спугнули въ ее головѣ рой мыслей, спавшихъ до сихъ поръ такъ крѣпко, что она даже не знала объ ихъ существованіи. Уже одно то, что онъ прямо говорилъ о ея отцѣ, встрѣтившись съ нею въ первый разъ, показывало, что ему, можетъ быть, о ея происхожденіи извѣстно больше, чѣмъ ей самой. Иначе не сталъ бы онъ говорить такимъ образомъ съ нею о Модестѣ Петровичѣ.

Потомъ эти намеки на то, что къ Балясовымъ будто бы неохотно идутъ студенты. У нихъ дѣйствительно бываютъ все разные. Придетъ разъ-другой и перестанетъ ходить. Даже товарищи Михаила постоянно какъ бы чередовались.

Но самое главное, это — упоминаніе о какомъ-то источникѣ, изъ котораго онъ черпалъ свѣдѣнія объ ихъ семьѣ, которая «представляетъ собой необычную комбинацію»...

Людмила не могла опредѣлить, почему этотъ источникъ такъ заинтриговалъ ее, но ей въ этомъ чувствовалось, что-то такое, что близко ея касалось.

И ей захотѣлось опять, хоть на нѣсколько минутъ отдалиться съ Крученинымъ отъ Ирины Васильевны. Она и не думала до-

пытываться у него о значеніи тѣхъ намековъ, которые взбудоражили ея душу. Она только хотѣла хоть немного познакомиться съ его личностью.

— Мы почти совсѣмъ не танцовали, мама,—сказала она Иринѣ Васильевнѣ.

— Я видѣла. Я думаю, это и невозможно,—такая толкотня..

— При настойчивомъ желаніи все возможно,—сказала Людмила:—вѣдь танцуютъ же...

— А тебѣ хочется?

— Я не прочь...

— Вы позволите мнѣ устроить мѣсто для кадрили? — предупредительно спросилъ Крученинаовъ.

— Если мама ничего не имѣетъ противъ.

— Ровно ничего. Меня только удивляетъ твое желаніе топтаться на мѣстѣ.

Крученинаовъ послѣдняго замѣчанія не слышалъ. Онъ тотчасъ же пошелъ устраивать кадриль, которая была на очереди.

— Крученинаовъ вашъ другъ?—спросила Людмила у Чекалова.

— Я считалъ бы себя счастливымъ, если бы имѣлъ такого друга,—отвѣтилъ Чекаловъ.—Онъ очень хорошо относится ко мнѣ, но онъ гораздо выше меня.

— Что же онъ такъ уменъ или ученъ? — съ своей скептической улыбкой спросила Ирина Васильевна.

— Онъ довольно уменъ, ученость же его, кажется, небольшая... Человѣкъ, интересующійся всѣмъ, не можетъ быть ученымъ. Но онъ—мыслящій—это большая рѣдкость. А кстати,—прибавилъ Чекаловъ,—вы знаете, почему онъ такъ убѣжденно говоритъ противъ самоубійства? это—цѣлая исторія. Когда онъ былъ еще на второмъ курсѣ филологическаго факультета — это его первый факультетъ — съ нимъ произошло что-то, хорошо я не знаю, какая-то непріятность, не то оскорбленіе, но положеніе было такое, что онъ готовъ былъ застрѣлиться. И онъ сказалъ себѣ тогда: жизнь слишкомъ серьезная вещь, я не знаю, имѣю ли я право пресѣчь ее. Надо сперва рѣшить этотъ вопросъ. И онъ кончилъ филологическій и поступилъ на естественный, теперь вотъ на юридическомъ, и все старался разрѣшить этотъ вопросъ и вотъ, кажется, разрѣшилъ уже, потому что говоритъ съ убѣжденіемъ.

— Должно, быть у него есть средства, если онъ можетъ такъ долго учиться,—спросила Ирина Васильевна.

— Очень небольшія, рублей шестьсотъ или семьсотъ въ годъ, но онъ живетъ по-спартански...

Въ это время вернулся Крученинаовъ и сейчасъ же предложилъ руку Людмилѣ.

— Пойдемте, сейчасъ начнется кадриль.

Людмила кивнула головой матери и ушла съ нимъ. Кадриль ее не интересовала. Она не любила танцевъ, которые казались ей глупымъ занятіемъ, и нисколько не развлекали ее. Но она боялась упустить случай больше поговорить съ заинтриговавшимъ ее человѣкомъ.

И когда танцующіе стали только на свои мѣста и кадриль еще не началась, она уже обратилась къ своему кавалеру съ вопросомъ.

—. И такъ, почему же вы думаете, что у насъ остаются неохотно?

— Я этого не сказалъ,—отвѣтилъ Кручениновъ.—Я не сказалъ *у васъ*, а у вашего отца.

Этотъ отвѣтъ заставилъ Людмилу еще внимательнѣе отнестись къ нему. Значитъ, онъ знаетъ самое главное въ ихъ семьѣ, глубоко раздѣлявшее ихъ семью на двѣ части, съ одной стороны отецъ и съ другой—она съ матерью.

— Почему же неохотно остаются у отца?—спросила Людмила и въ голосѣ ея слышна была настойчивость.

— О, это слишкомъ длинная исторія, которую за танцами не разскажешь... она началась въ семидесятыхъ годахъ и не кончилась еще въ наше время...

— Не кончилась?

— Разумѣется, нѣтъ, потому что какъ разъ въ это время вы начинаете вашу жизнь, которая тѣсно связана съ ихъ жизнью.

Грянула музыка, раздалась команда дирижера и они начали кадриль.

Людмила танцовала механически... Щеки ея раскраснѣлись, въ глазахъ выражались безпокойство и досада и отъ внутренняго волненія она кусала губы.

Она досадовала и на эту музыку и на эту толпу, которой зачѣмъ-то надо вертѣться и кружиться на мѣстѣ, на своего новаго знакомаго, который своими рѣчами такъ затягивалъ ее въ какое-то неизвѣстное и опасное мѣсто и — чего еще никогда съ нею не бывало — на мать, которая издали слѣдила за ними, не спуская съ нихъ глазъ.

— Такъ вы ничего мнѣ и не скажете?—блеснувъ своими холодными красивыми глазами, промолвила Людмила, когда они кончили первую фигуру кадрили, пока ее продѣлывали другія пары.

— Развѣ можно при такихъ условіяхъ?—спросилъ Кручениновъ.

— Можно, можно...—съ какой-то повелительной настойчивостью сказала Людмила и онъ, очевидно не ожидавшій такого сильнаго

тона отъ нея, которая до сихъ поръ казалась ему пассивной,—съ величайшимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, нельзя,—также твердо отвѣтилъ онъ.—Это заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ то, какое мы можемъ оказать ему здѣсь. Вы на меня досадуете, я это вижу, я кажусь вамъ похожимъ на интригана, который старается заинтересовать... Но я совсѣмъ не то, чѣмъ кажусь... Нашъ разговоръ не случаенъ.. Я искалъ встрѣчи съ вами и это нужно для васъ...

— Зачѣмъ же вы хотите, чтобъ я замучилась?

— Но я надѣюсь, что вы найдете возможность продолжить нашъ разговоръ при лучшихъ условіяхъ.

— Если вы знаете такъ много о нашей семьѣ, то должны знать, что это почти невозможно.:. Мать не отпускаетъ меня отъ себя, а я слишкомъ, слишкомъ дорожу ея спокойствіемъ, чтобы пойти на перекоръ...

— Это надо сдѣлать, потому что иначе ваша жизнь будетъ одностороння и несправедлива... Вы къ этому идете. Посмотрите, ваша мама съ Чекаловымъ подошла къ намъ, она стоитъ за вашей спиной.

Людмила обернулась и лицомъ къ лицу встрѣтилась съ Ириной Васильевной, которая пытливо смотрѣла на нее.

— У тебя странное выраженіе глазъ,—сказала Ирина Васильевна.—Неужели танцы такъ тебя волнуютъ? Ты никогда не любила ихъ.

— А сегодня они меня... интересуютъ—сказала Людмила и начала вторую фигуру.

Разговоръ ея съ Крученинымъ не могъ продолжаться. Ирина Васильевна уже не отходила отъ нихъ, пока не кончилась кадриль.

Былъ уже второй часъ ночи. Толпа въ залѣ еще больше потустѣла. Многіе, не попавшіе на концертъ, пришли теперь спеціально, чтобы танцовать. Людмила раскраснѣлась отъ движенія и духоты.

— Можетъ быть, намъ пора домой?—спросила Ирина Васильевна, когда музыка перестала играть и всѣ отдыхали отъ танцевъ.

Людмила вздрогнула. Привыкнувъ слѣдить за собой и владѣть собой, она сейчасъ же поймала себя на этомъ: она испугалась предложенія матери.

— Еще такъ рано,—возразила она.—Теперь только начинается оживленіе... Неужели ты устала?

— Ну, да если бы я устала, это было бы не важно,—съ улыбкой замѣтила Ирина Васильевна,—если тебѣ не скучно, то и не будемъ торопиться.

— А-а! вотъ гдѣ вы!—вдругъ раздался вблизи отъ нихъ гром-

*

кій, густой, нѣсколько хриплый голосъ. Ирина Васильевна и Людмила разомъ обернулись.

Къ нимъ двигалась, борясь съ противоположнымъ теченіемъ, громоздкая фигура Поршнева. Людмила нахмурила брови и лицо ея сдѣлалось сумрачнымъ. Ирина Васильевна тоже не выразила замѣтнаго удовольствія, но все же на лицѣ ея появилась любезная улыбка. Поршневъ протянулъ ей руку, а затѣмъ и Людмилѣ.

— Вы, кажется, не разсчитывали быть здѣсь,—сказала ему Людмила и ей трудно было скрыть свое разочарованіе, хотя она, желая угодить матери, и старалась объ этомъ.

— Я сюрпризомъ... Я, знаете, сидѣлъ съ Модестомъ, сидѣлъ, и вдругъ мнѣ пришло въ голову: да кто же тамъ позаботится объ ужинѣ для нихъ?

— Мы не собираемся ужинать,—попрежнему недружелюбно сказала Людмила.

— Это правда, видимо смягчая ея тонъ,—промолвила Ирина Васильевна,—мы не собирались, но такъ какъ, повидимому, намъ предстоитъ здѣсь оставаться долго, то это, вѣроятно, не помѣшаетъ...

— Ну, вотъ видите, до чего я проникнутъ вами—я чувствую даже вашъ аппетитъ...

— Какая красивая венгерка!..—съ не особенно естественнымъ восхищеніемъ воскликнула Людмила:—мнѣ вдругъ захотѣлось танцовать венгерку.

— Въ какомъ ты сегодня плясовомъ настроеніи!—почти съ упрекомъ произнесла Ирина Васильевна.

— Это со мной бываетъ такъ рѣдко, мама.

— Такъ пойдемте?..—спросилъ Крученинковъ и предложилъ ей руку, которую она тотчасъ же взяла.

— Постойте, я васъ не познакомила,—остановила Ирина Васильевна: Поршневъ Владиміръ Ивановичъ, Крученинковъ.

— Мы немного... знаемъ другъ друга,—неувѣренно сказалъ Поршневъ и почему-то покраснѣлъ.

— Да... немного...—отозвался Крученинковъ и сейчасъ же сдѣлалъ движеніе, чтобы идти къ танцующимъ, а Людмила быстро пошла за нимъ.

— Вы знаете Поршнева?—съ глубокимъ изумленіемъ спросила она.—Я не хочу танцовать... Сдѣлаемте нѣсколько па и пройдемъ въ сторону...

— Съ этого и начнемъ,—промолвилъ Крученинковъ и они начали танцовать. Обойдя одинъ кругъ, они замѣшались въ толпѣ и вышли за колоннами. Тутъ они направились въ обходъ, выбравъ такую сторону, чтобы не встрѣтиться съ Ириной Васильевной.

«Какъ странно,—подумала про себя Людмила,—я сегодня бѣгаю отъ мамы, этого со мной еще никогда не бывало».

— Такъ вы знаете Поршнева! — повторила свой вопросъ Людмила.

— Да,—процитировалъ Крученинов, «мы немного знаемъ другъ друга». Не знаю какъ онъ меня, а я его знаю только съ дурной стороны.

— Вы странный человѣкъ. Вы знаете все, что до меня касается.

— И я вижу, что это доставляетъ вамъ большое огорченіе...

— Разумѣется,—взволнованнымъ голосомъ говорила Людмила, потому что вы обо всемъ начинаете и ничего не договариваете.

— Не могу же я говорить здѣсь... Не могу я открыть всему міру ваши тайны... Да и ваша мама—она видитъ насъ, кажется, сквозь стѣны... Слушайте, Людмила Модестовна... Я, дѣйствительно, случайно близко знаю то, что васъ очень касается... Я знаю, напримѣръ, что этотъ забрызганный грязью человѣкъ, съ которымъ меня только что познакомили, ищетъ васъ... Онъ настойчиво добивается васъ и у него есть шансы...

— У него нѣтъ шансовъ, если рѣчь идетъ обо мнѣ.

— Но, вѣдь, вы... Развѣ вы существуете, какъ личность, какъ воля? Вы тѣнь вашей матери, которая вынула изъ васъ вашу душу и на ея мѣсто вложила свою... Достаточно, чтобы онъ имѣлъ шансы у нея.

— Значитъ, вы думаете, что моя мать способна...

— Я ничего дурного не говорю про вашу мать... Я знаю ее гораздо больше, чѣмъ вы: я знаю ее со всѣмъ ея прошлымъ...

— Вы знаете это?

— Да, достовѣрно.

— Откуда?

— Изъ одного очень достовѣрнаго источника.

— Знаете ли что?—все съ болѣе усиливающимся волненіемъ говорила Людмила.—Знаете ли что вы сдѣлали со мной? Кажется, вы вынули изъ меня ту душу, которую вложила въ меня моя мать, и положили на ея мѣстѣ какую-то новую... Слушайте. если я найду способъ... Вы понимаете?

— Я понимаю,—то я буду къ вашимъ услугамъ во всякое время.

— Какъ я найду васъ?

— Чекаловъ укажетъ.

— Я не хочу Чекалова... Никакихъ посредниковъ.

— Тогда въ университетъ. Если я скажу вамъ квартиру, вы забудете. Просто университетъ Александру Крученинову. Замѣтьте Александру, потому что есть другіе... Пойдемте къ вашимъ!

И больше они ни слова ни сказали.

Крученинов быстро повелъ ее въ ту сторону, гдѣ они оставили Ирину Васильевну съ Чекаловымъ и Поршневымъ.

— Наплясалась?—спросила Ирина Васильевна, а сама при этомъ пристально смотрѣла въ глаза дочери и въ душѣ ея тѣ смутныя опасенія, которыя она испытывала впродолженіи всего вечера, выростали въ настоящій страхъ. Никогда у Людмилы не было такихъ глазъ, такого блеска въ нихъ, такого пожара.

— Да,—отвѣтила Людмила,—и, знаешь, у меня вдругъ голова разболѣлась... Я прошу тебя, поѣдемъ домой.

— Вдругъ?

— Да, вдругъ...

— Это будетъ безбожно,—воскликнулъ Поршневъ,—я пріѣхалъ сюда, чтобы провести вечеръ съ вами, а вы..

— Вечеръ уже прошелъ... Теперь ночь,—замѣтила Людмила, сверкнувъ на него глазами.

— Да, конечно. Намъ пора ѣхать!—очень серьезно сказала Ирина Васильевна. Она просто боялась теперь Людмилы. Трудно было предсказать, какъ она способна обойтись съ Поршневымъ.

— Досадно, досадно... Просто обидно,—говорилъ Поршневъ.— Въ такомъ случаѣ позвольте хоть довезти васъ.

— Пожалуйста,—поспѣшно согласилась Ирина Васильевна, очевидно желавшая предупредить отвѣтъ Людмилы. Отъ нея она сегодня уже не ожидала ничего хорошаго.

— До свиданія,—сказала Ирина Васильевна, обращаясь къ Крученинову,—можетъ быть, какъ-нибудь побываете у насъ?

Крученинов поклонился ей и ничего не отвѣтилъ. Людмила молча подала ему руку и только глазами дала ему почувствовать, что твердо рѣшила исполнить свое намѣреніе. Чекаловъ проводилъ ихъ внизъ и вмѣстѣ съ Поршневымъ помогъ имъ одѣться. Къ подъѣзду подкатила карета Поршнева. Онѣ сѣли, Поршневъ противъ нихъ, и поѣхали.

— Эхъ, право, закатиться бы куда-нибудь въ ресторанъ, да устрицами освѣжиться... Жаль вотъ только, что у Людмилы Модестовны голова болитъ,—сказалъ Поршневъ.

— Да, у меня голова болитъ,—подтвердила Людмила.

— Отъ устрицъ пройдетъ, ей-ей пройдетъ...

— Нѣтъ, поздно, Владиміръ Ивановичъ,—сказала Ирина Васильевна.—Это въ другой разъ, а теперь мы просто благодаримъ васъ... Такъ вы встрѣчались съ Крученинымъ?

— Да, случалось...

— Онъ, кажется, очень интересный человѣкъ...

— Чѣмъ это?

— Такъ, повидимому... У него своеобразные взгляды.

— Не знаю-съ.

— Онъ прошелъ два факультета и теперь на третьемъ.

— Самый лучшій способъ ничего не дѣлать.

— Да, но это невыгодно... Другіе въ это время дѣлаютъ карьеру... все-таки это своеобразно...

— Своеобразность еще не большое достоинство...

— Словомъ, онъ вамъ не нравится,—вдругъ неожиданно замѣтила Людмила.

— Почему же? Онъ мнѣ ни нравится, ни не нравится .. Я къ нему равнодушенъ, я его слишкомъ мало знаю. Такъ, встрѣчались... Мало ли кого встрѣчаешь въ обществѣ!

Они пріѣхали. Поршневъ выскочилъ первый и помогъ дамамъ выйти. Они позвонили, швейцаръ отперъ дверь и онѣ, простившись съ Поршневымъ, скрылись въ подъѣздѣ.

Людмила молча поднималась по лѣстницѣ и чувствовала, что въ душѣ ея совершается что-то страшное. У нея было такое ощущеніе, какъ будто въ этотъ вечеръ она надѣлала цѣлый рядъ преступленій и, что хуже всего, всѣ эти преступленія были направлены противъ матери.

Мучительность этого чувства осложнялась еще другими. Она такъ сжилась съ матерью, что, не слыша ея голоса, не видя ея лица, какимъ-то непонятнымъ чутьемъ узнавала, что она переживаетъ. И въ эти минуты для нея было ясно, что Ирина Васильевна переживаетъ страшное смущеніе и безпокойство.

А Ирина Васильевна тоже молчала и въ этомъ ихъ молчаніи, когда онѣ послѣ столь шумнаго вечера, не дѣлились впечатлѣніями, было что-то зловѣщее.

Онѣ поднялись, горничная впустила ихъ въ квартиру. Началось обычное щелканіе электрическихъ кнопокъ, когда онѣ проходили черезъ гостиную, столовую и другую гостиную.

— Какъ я устала,—промолвила Людмила, когда онѣ были въ спальнѣ Ирины Васильевны.

— Ложись спать,—какъ-то сумрачно отвѣтила Ирина Васильевна и прибавила:—осторожно снимай платье.

Дверь между ихъ комнатами оставалась отворенною, когда онѣ раздѣвались и мылись. Когда Людмила была уже въ бѣльѣ, она подошла къ двери.

— Спокойной ночи, мама.

Ирина Васильевна какимъ-то значительнымъ взглядомъ посмотрѣла на нее.

— Ты ничего не имѣешь сказать мнѣ?—спросила она.

— Не знаю, мама... Сейчасъ... ничего... Я устала,—прибавила она и зѣвнула.

— Ну, спокойной ночи.

Ирина Васильевна приблизилась къ ней и поцѣловала ее. Людмила осторожно притворила дверь и легла въ постель.

Но тысячи новыхъ, совсѣмъ новыхъ мыслей, какія никогда еще не бывали въ ея головѣ, долго мѣшали ей спать и только къ утру, въ конецъ утомивъ и измучивъ ея голову, они дали ей покой.

IV.

Людмилу волновали смутныя мысли, всѣ выражавшіяся въ вопросахъ и недоумѣніи, а въ то же время въ сосѣдней комнатѣ, въ душѣ Ирины Васильевны происходила другая работа, столь же мучительная, но выражавшаяся въ болѣе опредѣленныхъ формахъ.

Никогда еще такъ ярко не выражалось въ Людмилѣ то, чего больше всего на свѣтѣ боялась Ирина Васильевна. Если до сихъ поръ она изрѣдка замѣчала проявленіе укора или пассивнаго протеста, то она могла говорить себѣ: ничего, пустое, это въ ней еще не окрѣпло, это не серьезно.

Но теперь она съ ужасомъ увидѣла, что въ душѣ ея дочери долгое время происходитъ незримая для нея работа, что она, Ирина Васильевна, несмотря на всю свою внимательность и всю свою зоркость, проглядѣла важный моментъ, когда это началось, не замѣтила, какъ это продолжалось и развилось до степени опасной.

И теперь ее повергала въ ужасъ мысль: какъ? неужели же неусыпная работа столькихъ лѣтъ, работа убѣжденная и страстная, ни къ чему не привела? Не можетъ быть. Что же такое человѣческая душа, какъ не результатъ тысячей впечатлѣній и вліяній, наростающихъ съ перваго момента сознанія каждый часъ, каждое мгновеніе, покрывающихъ одно другое, борющихся между собою? А развѣ всѣ впечатлѣнія, какія воспринимала Людмила съ самыхъ малыхъ лѣтъ, она, Ирина Васильевна, не подчинила своему контролю и развѣ она допускала до ея души какое-нибудь другое вліяніе, кромѣ своего? Нѣтъ, во всемъ, во всей жизни Людмилы была только она—Ирина Васильевна. Людмила ея созданіе, не только потому, что родилась отъ нея, а и потому, что она не спала надъ нею, бодрствовала со дня ея рожденія.

Двадцать лѣтъ назадъ...

Двадцать лѣтъ назадъ она была обманута въ первый разъ. Да, именно въ этомъ году исполнилось двадцать лѣтъ этому обману. Она могла бы праздновать его юбилей.

Была ли она обманута вторично: этого она до сихъ поръ навѣрно не знаетъ. Нѣтъ, кажется, она уже не была обманута. Модестъ Петровичъ, тогда еще двадцатипятилѣтній студентъ, правда, ходилъ въ высокихъ сапогахъ, носилъ ситцевую рубаху на вы-

пускъ, толстую палку и длинные волосы. На сходкахъ его тогда еще звучный и пріятный теноръ раздавался громче всѣхъ другихъ голосовъ и о народномъ благѣ онъ говорилъ такъ краснорѣчиво и такъ убѣжденно, какъ никто.

Но въ частной жизни его былъ уже достаточно намѣченъ будущій дѣлатель карьеры, осторожный взяточникъ, не брезгующій никакими средствами для того, чтобы накопить какъ можно больше тысячъ.

И тогда у него была привычка, когда нужно было выручить товарища или поддержать какое-нибудь «общее дѣло», устраивать подписку, дѣлать складчину и, не приложивъ изъ своего кармана ни одного гроша, имѣть такой видъ, будто все сдѣлано имъ. И тогда онъ ловко присосѣживался къ закусывающимъ и выпивающимъ товарищамъ и уходилъ раньше, чѣмъ надо было платить. И тогда онъ изъ скупости покупалъ пиджаки на толкучкѣ и любилъ упрекать тѣхъ, кто дѣлалъ платье у портныхъ, утверждая, что нельзя тратить десятки рублей на свою одежду, «когда народъ ходитъ въ лаптяхъ».

Всѣ эти пріемы остались у него и теперь, только теперь ихъ не заглушалъ шумъ звонкихъ фразъ, поэтому они только жалки; а тогда при ихъ помощи онъ безъ всякаго труда попадалъ въ герои.

Нѣтъ, въ немъ она не заблуждалась. Конечно, ея предусмотрительность не заходила такъ далеко, чтобы она могла предвидѣть полностью тотъ типъ, какой изъ него выработался. Но въ этомъ ужъ нѣтъ ничего новаго. Это просто логическое развитіе тѣхъ задатковъ, какіе въ немъ сидѣли.

Нѣтъ, онъ не обманулъ ее и, значитъ, она была обманута только одинъ разъ. Но и одного раза было достаточно для того, чтобы все ея міросозерцаніе перевернулось вверхъ дномъ.

То было время прекрасныхъ словъ, удивительно звучныхъ и чарующихъ своимъ благородствомъ; то было время, когда при словѣ «народъ» загорались глаза и люди, казалось, готовы были отдать жизнь... Но отдали ее очень немногіе, остальные въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, которые протекли съ тѣхъ поръ, устроились, кто гдѣ нашелъ для себя удобнымъ.

Ирина Васильевна Арнольдова—это было крупное имя въ кружкахъ того времени. Много было въ тѣхъ кружкахъ красивыхъ женщинъ, отвергавшихъ туалеты, сознательно отказывавшихся отъ изящныхъ манеръ, одѣвавшихся въ некрасивыя кофты, отрѣзывавшихъ и съ презрѣніемъ отбрасывавшихъ свои роскошные волосы и все-таки остававшихся красивыми, любившихъ, а потому и плодившихъ дѣтей.

Но такого другого лица не было. Если бы Арнольдова не была

умна, если бы она по своему образованію не стояла выше многихъ, то одно это лицо дало бы ей то исключительное мѣсто, какое ей принадлежало.

Это была какая-то величественная, властная красота, одухотворенная желѣзнымъ характеромъ, придававшимъ ея чуднымъ большимъ глазамъ неотразимую силу. Въ нее были влюблены и руководители и послушные ученики, пастыри и стадо. Изъ-за нея люди ссорились, расходились на всю жизнь, а слабые даже мѣняли направленіе.

У нея не было опредѣленнаго положенія, но то обстоятельство, что у нея не было близкой родни, отъ которой она зависѣла бы, и были, правда ничтожныя, но вполнѣ свободныя средства—давало ей самостоятельность.

У нея не было никакой профессіи, она даже не была ни на какихъ курсахъ. Но она получила въ дѣтствѣ хорошее образованіе и много читала. Она была образованнѣе многихъ мужчинъ, игравшихъ значительныя роли.

Было у нея еще одно преимущество передъ многими. Исповѣдуя свободу безъ всякихъ ограниченій и во всемъ, а въ томъ числѣ, разумѣется, и свободу любви, она была недоступна и сама этою свободою не пользовалась. Что было этому причиной? Холодность ли ея, или глубокая чистота и, какъ ея послѣдствіе, брезгливость, но въ двадцать три года она оставалась неприкосновенною, тогда какъ многія изъ ея современницъ сдѣлались жертвами этой идеи. Правда, потомъ онѣ благополучно оформили свое положеніе и теперь, то-есть въ то время, когда объ этомъ думала Ирина Васильевна, были почтенными женами и матерями.

Но зато и цѣнила она себя высоко. Простые смертные могли, конечно, вздыхать по ней, сколько угодно, но отдать себя она могла только герою.

Среди простыхъ смертныхъ Модестъ Петровичъ Балясовъ игралъ далеко не второстепенную роль. Изъ-рядовъ выдвигало его уже одно происхожденіе. Онъ вышелъ, правда, изъ глубоко-провинціальной купеческой семьи, которая занималась торговлею ситцами, но никто достовѣрно не зналъ его генеалогіи, а такъ какъ самъ онъ объявилъ себя вышедшимъ изъ народа, то эта репутація за нимъ и утвердилась.

Пріѣзжавшіе иногда къ нему сродники ходили въ высокихъ сапогахъ, въ картузахъ и поддевкахъ, говорили языкомъ мѣщанъ, а такъ какъ въ Петербургѣ о народѣ имѣли представленіе смутное, то они даже какъ бы служили подтвержденіемъ того, что Балясовъ происходилъ изъ народа. А это цѣнилось, тѣмъ больше, что Балясовъ по своимъ способностямъ выдавался среди товарищей.

Онъ никогда форменно не учился, а просто своимъ личнымъ

усиліемъ поборолъ всѣ науки и выдержалъ надлежащій экзаменъ помимо школы. Это былъ настоящій подвигъ, въ особенности для человѣка, происходившаго изъ народа.

А затѣмъ и вообще онъ чрезвычайно легко все схватывалъ. Въ особенности онъ могъ гордиться своею памятью, которая ему и помогла такъ успѣшно овладѣть науками. Онъ безъ труда выучивалъ наизусть цѣлыя страницы изъ умныхъ книгъ и говорилъ ихъ съ такимъ убѣжденнымъ видомъ, что слушатели не подозрѣвали, что это принадлежитъ не ему.

Передъ Ириной Васильевной Арнольдовой онъ преклонялся. Ея красота ослѣпляла его, а ея воспитанность ему, вышедшему изъ мѣщанскаго слоя, казалась чѣмъ-то недосягаемымъ. И онъ, несмотря на свою осторожность и привычку строго обдумывать и взвѣшивать каждый свой шагъ, однажды самымъ рѣшительнымъ образомъ сдѣлалъ ей предложеніе быть его женою и притомъ не въ какомъ-нибудь гражданскомъ смыслѣ, а въ самомъ форменномъ, то-есть обвѣнчаться.

Если бы Арнольдова могла смотрѣть на это предложеніе, какъ на партію, то она нашла бы его выгоднымъ. Чрезвычайно способный студентъ, прекрасно учившійся, считавшійся въ числѣ первыхъ, дѣловитый, предусмотрительный, онъ и теперь подавалъ надежду, что въ свое время сдѣлаетъ карьеру.

А кромѣ того, предлагая себя въ мужья и желая, очевидно, увеличить свои шансы, онъ выдалъ ей тайну, которую тщательно скрывалъ отъ всѣхъ товарищей: что у его отца, торгующаго ситцами, есть капиталъ до ста тысячъ, что онъ единственный наслѣдникъ, если не считать сестру, которая получитъ «законную часть» и слѣдовательно немного уменьшитъ эту сумму.

Но Арнольдова даже не могла серьезно посмотрѣть на это предложеніе. Оно казалось ей дерзостью.

— Послушайте,—сказала она ему,—чтобы дѣлать такое предложеніе, надо имѣть какія-нибудь основанія, а у васъ, кажется нѣтъ никакихъ. По крайней мѣрѣ, я не давала вамъ ихъ.

— Я люблю васъ безумно,—отвѣчалъ Балясовъ.

— Но я не люблю васъ вовсе.

— Я сдѣлаю такъ, что вы меня полюбите.

— Я знаю, что вы человѣкъ способный,—иронически замѣтила Арнольдова,—но едва ли ваши способности годятся для этого, притомъ же ваше предложеніе даетъ мнѣ право говорить откровенно, я вѣдь хорошо знаю, что вы совсѣмъ не то, за что васъ принимаютъ.

— Какъ не то?

— Я не стану объяснять вамъ *какъ*, потому что вы въ душѣ согласны со мною. Нѣтъ, я не хочу быть вашею женою.

И Балясовъ ушелъ отъ нея оскорбленный, но его сумасшедшее чувство отъ этого не только не прошло, а сдѣлалось еще болѣе безумнымъ.

Въ это время произошло одно событіе, сыгравшее рѣшительную роль въ жизни Арнольдовой, да и Модеста Петровича тоже.

Появилось новое лицо. Откуда? Никто не зналъ тогда. Знали, что онъ прежде былъ въ провинціальномъ университетѣ, а затѣмъ перешелъ въ Петербургъ. Его фамилія была Рокотовъ.

Онъ появился и сразу занялъ первенствующее положеніе. И произошло это какъ-то само собою. Люди, которые считали себя главами различныхъ кружковъ и толковъ, которыхъ было множество, точно почувствовавъ его превосходство, пришли къ нему и добровольно передали ему въ руки свой авторитетъ.

По внѣшности Рокотовъ не походилъ на героя. Въ этомъ отношеніи даже Балясовъ могъ бы поспорить съ нимъ. Онъ былъ средняго роста, худощавый, наружность его была какъ бы запущена.

Длинные волосы онъ носилъ потому, что забывалъ остричь ихъ, борода его и баки разрослись неимовѣрно потому, что онъ никогда о нихъ не думалъ. Одѣвался онъ во что попало, но никогда не подчеркивалъ себя одеждой. Онъ не носилъ ни высокихъ сапогъ, ни косоворотки, ни толстой палки, которыми щеголялъ Балясовъ. Въ толпѣ его можно было признать за небогатаго чиновника, а вѣрнѣе—можно было совсѣмъ не замѣтить.

Волосы на головѣ и борода были у него необыкновеннаго свѣтло-золотистаго цвѣта и этотъ цвѣтъ смягчалъ постоянную нарочитую суровость его взгляда. Если бы онъ захотѣлъ заняться своей внѣшностью, то ему ничего не стоило бы сдѣлать себя красивымъ. Въ лицѣ его было много данныхъ для этого. Особенно привлекательны были его синіе глаза, въ которыхъ, несмотря на его стараніе придать имъ суровость, гдѣ-то въ глубинѣ ихъ постоянно свѣтилась какая-то грустная доброта.

По наружности онъ далеко не былъ юнымъ, да и то, что ему приписывали въ прошломъ, требовало отъ него извѣстнаго времени. Говорили, что онъ принадлежалъ къ типу «вѣчныхъ студентовъ», что онъ уже лѣтъ двѣнадцать путешествуетъ по университетамъ, постоянно мѣняя факультеты, которые, въ сущности его мало интересовали. Съ виду ему было больше тридцати лѣтъ.

Что же это была за сила, сразу давшая ему такое преимущество и поставившая его во главѣ? На сходкахъ онъ появлялся рѣдко и почти не говорилъ, а если ужъ ему необходимо было говорить, то это выходило плохо. Даромъ краснорѣчія онъ не обладалъ: онъ какъ-то вырубливалъ какія-то короткія фразы, предо-

ставляя слушателямъ самимъ связывать ихъ и дѣлать выводы. Очевидно, не въ этомъ была его сила.

Важно было то, что съ того времени, какъ онъ появился, мало-по-малу начали сглаживаться и совсѣмъ исчезать тѣ маленькія различія, которыя дѣлили все молодое общество на кружки, нерѣдко враждовавшіе между собою изъ-за пустыхъ несогласій. Они были раздроблены, въ каждомъ уголкѣ были свои герои, свои задачи, а цѣлое и главное какъ-то расплывалось и переставало чувствоваться.

Ему только одному извѣстнымъ способомъ онъ умѣлъ сглаживать эти разногласія и объединять людей. Его организаторскія способности были замѣчательныя и въ этомъ была его сила. Онъ зналъ что-то общее, что-то главное, въ которомъ всѣ признали свое, и въ какіе-нибудь полъ-года, онъ объединилъ все, что такъ нуждалось въ этомъ.

По всей вѣроятности онъ обладалъ и другой силой — силой покорять гордыхъ, потому что очень скоро всѣ узнали, что Арнольдова, какъ говорили, «сдалась ему». Ее, дѣйствительно, всѣ видѣли съ нимъ. Она дѣлила съ нимъ то исключительное положеніе, какимъ пользовался онъ самъ, онъ признавалъ ее своей подругой.

Сама Ирина Васильевна этого не отрицала и это было такъ. Какъ это случилось? Полюбила ли она его за ту силу, при посредствѣ которой онъ такъ искусно покорялъ и объединялъ людей? или просто своимъ холоднымъ умомъ она нашла, наконецъ, человѣка, достойнаго взять ея ласки? А можетъ быть ее гордость нашла удовлетвореніе въ томъ исключительномъ положеніи, которое занималъ онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и она, какъ его подруга. Но вѣрно то, что она отдалась ему безъ боя.

Это супружество длилось нѣсколько мѣсяцевъ и Арнольдова наслаждалась не столько любовью, сколько общимъ признаніемъ и преклоненіемъ; и вдругъ произошло нѣчто, чего никто не ожидалъ.

Для всѣхъ это имѣло такой видъ, что Рокотовъ просто сошелъ со сцены. Люди, стоявшіе къ нему близко, знали, что онъ, преслѣдуя разъ навсегда выработанный планъ и находя, что здѣсь его работа кончена, перешелъ въ другое мѣсто, чтобы тамъ дѣлать то же самое.

Но съ Арнольдовой онъ разстался не такъ просто. Между ними происходили сильныя сцены, въ которыхъ она отъ него чего-то настойчиво требовала, а онъ отказывался дать.

Какія именно сцены происходили между ними, никто не зналъ, но всѣмъ было извѣстно, что Арнольдова черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна была сдѣлаться матерью и что Рокотова это ни-

сколько не смягчило и онъ все-таки ушелъ «осуществлять свой планъ».

Такъ какъ никто не зналъ достовѣрно ничего, касающагося интимной стороны дѣла, то толки были самые различные. Одни называли его негодяемъ, другіе утверждали, что дѣло прежде всего, а любовь, ребенокъ и тому подобныя личныя мелочи для истинно убѣжденнаго дѣятеля не должны имѣть значенія.

Но дѣйствительность была такова, что Рокотовъ ушелъ и исчезъ, точно канулъ въ воду, а Арнольдова осталась и, такъ какъ все ея вліяніе въ послѣдній годъ было основано на ея близости съ Рокотовымъ, то съ его исчезновеніемъ и оно какъ-то вдругъ упало.

И осталась она послѣ него уже не той гордой красавицей, какою была прежде. Теперь она была оскорблена и озлоблена. Она сказала себѣ: «Если тотъ, кого я считала самымъ лучшимъ и кого избрала, оказался негодяемъ, то остальные тѣмъ больше».

И всѣ ея убѣжденія, которыя казались непоколебимыми вдругъ перемѣнились, точно вывернулись наизнанку. Въ это время Балясовъ кончилъ курсъ и готовился дѣлать свою карьеру. Онъ пришелъ къ ней чуть ли не черезъ недѣлю послѣ того, какъ Рокотовъ исчезъ, и сказалъ:

— Ну, а можетъ быть теперь вы меня не прогоните?..

Его сумасшедшая любовь подсказала ему, что нѣтъ лучшаго момента, чтобы овладѣть гордой женщиной, какъ тотъ, когда она оскорблена.

— А вы знаете, что я скоро должна сдѣлаться матерью?— спросила Арнольдова.

— Я это знаю,—отвѣтилъ Балясовъ,—это знаютъ всѣ.

И Арнольдова согласилась выйти за него. Ни на одну минуту она не почувствовала къ нему нѣжности, а тѣмъ менѣе благодарности за великодушіе. У нея теперь были новые взгляды и она поступала сообразно съ ними и только.

Дальше жизнь сложилась уже довольно обыкновенно. Она обвѣнчалась съ Балясовымъ въ присутствіи очень малаго кружка знакомыхъ. И эти знакомые были всѣ точно отобраны—все люди, собиравшіеся дѣлать карьеру. Такъ поступало большинство: пока они числились студентами, они казались отчаянными головами, готовыми чуть не на смерть за благо родины; но какъ только получали дипломы, тотчасъ весь пылъ у нихъ самъ собою остывалъ. Казалось, что пыла этого природой имъ было отпущено ровно столько, сколько требовалось на школьные годы. Они дѣлались спокойными, благоразумными, тихонько пристраивались и терпѣливо дѣлали каждый свою карьеру, сообразно своимъ способностямъ и связямъ.

У Ирины Васильевны Балясовой родилась дочь, которая хотя не была дочерью Бѣлясова, тѣмъ не менѣе получила его имя. Затѣмъ черезъ годъ родился сынъ Михаилъ, который уже былъ вполнѣ достояніемъ Модеста Петровича.

Первые годы своей супружеской жизни Модестъ Петровичъ доставлялъ своей женѣ нѣкоторую иллюзію счастья. Его любовь сохранялась довольно долго. Уже прошло лѣтъ семь съ тѣхъ поръ, какъ онъ служилъ въ избранномъ имъ вѣдомствѣ, а онъ все еще падалъ передъ нею на колѣни и млѣлъ.

Но Ирина Васильевна была неизмѣнно холодна съ нимъ и борьба съ этой холодностью, наконецъ, утомила его. Онъ тоже вдругъ охладѣлъ и сразу его нѣжная почтительность и мягкость превратились въ грубость.

Въ это время у него уже стали проявляться многія черты, которыя во времена студенчества были въ зачаткѣ, а теперь вызрѣли. На службѣ своей онъ съумѣлъ устроиться удивительцо ловко, сразу попалъ въ точку, то-есть избравъ такое мѣсто, отъ котораго зависѣло «устройство дѣлъ».

А съ теченіемъ лѣтъ онъ все больше и больше укрѣплялся и достигъ того, что всѣ «дѣла» и не какія-нибудь, а стотысячныя и даже милліонныя, были въ непосредственнній зависимости отъ него, всѣ проходили чрезъ его руки и получали отъ него направленіе, и такъ какъ онъ смотрѣлъ на вещи «здраво и правильно», то, благодаря этому, у него въ банкѣ завелся сначала небольшой капиталъ, который выросталъ гигантскими скачками и нынѣ составлялъ довольно крупную сумму.

Параллельно съ этимъ развивалась, уже не сдерживаемая страстной любовью, его прирожденная мѣщанская скупость, да вдобавокъ къ этому, обнаружились такія склонности по отношенію къ женщинамъ, отъ которыхъ жена его содрогалась.

Онъ сталъ ей нестерпимъ, но она выносила и терпѣла все, она ко всему приспособляла себя, потому что у нея былъ планъ и была дочь.

Ея собственная жизнь не удалась и она затаила въ глубинѣ души непримиримую вражду къ людямъ, перенеся свою ненависть съ одного, оскорбившаго ее, на всѣхъ.

«Всѣ негодяи, всѣ до одного. Доброта, любовь, подвигъ, все это красивыя слова, при посредствѣ которыхъ люди обдѣлываютъ свои дѣла. Честнымъ бываетъ только тотъ, кому это выгодно»

И воспитывая свою дочь сообразно этимъ злобнымъ взглядамъ, она какъ бы мстила за свою неудавшуюся жизнь, мстила всему человѣчеству, какъ будто бы оно принимало участіе въ оскорбленіи, которое ей нанесли.

Воспитаніе Людмилы, это была какая-то страстная работа, на-

чавшаяся съ перваго момента сознанія у дѣвочки и проникавшая каждое мгновеніе ея жизни. Оно наполняло душу Ирины Васильевны и помогало ей выносить рядомъ съ собою статскаго совѣтника Балясова, иногда даже не замѣчать его со всѣми его мерзостями. Это было настоящее творчество, проникавшее все ея существо и наполнявшее ея жизнь.

И вотъ въ то самое время, когда она имѣла право думать, что ея творческая работа привела къ блестящему результату, что душа Людмилы—ея созданіе, цѣльное и законченное, которое она можетъ смѣло пустить въ жизнь,—въ этой душѣ начинается какое-то броженіе, проявляются зловѣщіе признаки недовольства и протеста.

Откуда же это? Не могло же это придти извнѣ, вѣдь она была неусыпнымъ стражемъ этой души. Если же надо признать, что въ душѣ человѣческой заложены какія-то зерна будущихъ душевныхъ качествъ, то благодаря ея многолѣтней заботѣ, эти зерна давно уже должны были заглохнуть и погибнуть.

Но нѣтъ, произошло что-то незримое, что-то ускользнувшее отъ ея недремлющаго ока и это «что-то», заподозрѣнное ею уже давно, сегодня проявилось съ неожиданной силой...

Что же случилось? Кто врагъ и гдѣ искать его?

Вотъ вопросы, которые мучили Ирину Васильевну и мѣшали ей спать въ эту ночь.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Разсказъ.

(*Окончаніе* *).

V.

Широкая даль рѣки рябилась отъ волнъ.

Разорванныя сѣрыя тучи плыли по небу и нѣтъ-нѣтъ затѣняли солнце. Тогда вѣтеръ крѣпчалъ, волны вспѣнивались, заворачивали гребни и съ гуломъ накатывали ихъ на сосѣдніе вскипающіе валы. Темная, волнующаяся рѣка вдругъ бѣлѣла отъ безчисленныхъ «зайцевъ», шумъ и толчея водоворотовъ усиливались.

Лодка съ трудомъ справлялась съ прибоемъ, колыхалась, кренилась; брызги летѣли черезъ край, а гребни болѣе смѣлыхъ волнъ даже пробовали вползти на носъ и корму судна. Тогда среди купцовъ подымался переполохъ.

— Демьянъ, будь ты трижды проклятъ!.. Что же ты, утопить насъ хочешь?! Вчера, въ хорошую погоду, ты спорилъ и пьянствовалъ, а теперь... что же это?.. Да насъ вправду захлестнетъ! Эй, ребята, налегай! Что вы, какъ мертвые, перебираете веслами, точно супъ хлебаете... Эй, живо... Не зѣвай!

Впрочемъ, напуганные шкваломъ рабочіе и сами старались, налегали во всю мочь на весла, такъ что веслища гнулись дугой, а уключины скрипѣли, какъ немазанныя якутскія телѣги.

— Только бы скорѣе, только бы скорѣе... на ту сторону, за материкъ... Тамъ тише, подъ горой непогода не хватаетъ!.. Ударь! ударь!.. чего смотришь?!.—ободрялъ и поторапливалъ людей Гуранъ, крѣпко нажимая на руль и не спуская глазъ съ бѣгущихъ наискось волнъ.

Анна, забившись въ уголъ своего помѣщенія, къ счастью, не видѣла многаго; тѣмъ не менѣе скрипъ лодки, ея покачиваніе, восклицанія людей, ревъ волнъ, гудѣніе вѣтра, шипѣніе вскипав-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, мартъ, 1903 г.

шей у бортовъ пѣны страшно тревожили ее. Къ тому же Саша плакалъ, а Карскій занятъ былъ выкачиваніемъ воды со дна лодки. Бѣдной женщинѣ остался исключительно въ утѣшеніе торчавшій впереди ея на кормовой палубѣ Гуранъ. Она не спускала глазъ съ темнаго, сосредоточеннаго лица мужика, ища въ немъ отвѣта и ободренія. Кормчій увидѣлъ ея вопрошающій взглядъ, горделиво улыбнулся и замѣтилъ вскользь:

— Не бойтесь, барыня! Сейчасъ конецъ!.. Нахлестались вчера пропойцы, вотъ и не выгребаютъ теперь... Эй, эй!.. Правый наляжь!..

Было поздно. Большой валъ поднялъ высоко носъ судна, затѣмъ шлепнулъ его въ бокъ такъ крѣпко, что сбилъ съ уключины весла и, пока ихъ наладили, повернулъ лодку бокомъ къ волнамъ. Съ торжествующимъ рычаніемъ понесли онѣ ее, креня все больше и больше. Край ея уже касался воды. Купцы перестали кричать и ругаться. Среди мгновенно воцарившагося молчанія слышны были явственно слова громко читаемой ими молитвы... Карскій вытащилъ изъ-подъ навѣса жену съ ребенкомъ и посадилъ ихъ на открытую палубу. Гуранъ налегалъ изо всѣхъ силъ на непослушный руль.

— Ударь!.. ударь правымъ!..—оралъ онъ неистово.

Въ носовой части люди свалились въ кучу и перемѣшались невообразимо. Наконецъ, надъ движущимися безпорядочно головами, плечами и ногами всплыла крѣпкая фигура Обуха съ весломъ въ рукахъ. Онъ сѣлъ на тѣла людей, весло заложилъ на уключину и крѣпко загребъ. Судно вздрогнуло и, какъ бы удивленное, нехотя стало поворачиваться противъ бушующихъ злобно волнъ.

Все это длилось нѣсколько мгновеній, тѣмъ не менѣе воды набралось въ лодку столько, что она сильно отяжелѣла и опасно осѣла внизъ.

— Ничего не подѣлаешь, надо приставать... Не выгребемъ къ тому берегу!—рѣшилъ Гуранъ.

— Ну что-жъ, причаливай!..—кричали ему съ носа Козьма и Демьянъ.

Впрочемъ, волны сами распорядились, и раньше чѣмъ Гуранъ могъ избрать направленіе, онѣ выбросили лодку на болотистую, размокшую мель. Лишь только дно стукнуло о твердую землю, младшій изъ купцовъ, Терешкинъ, выскочилъ совершенно голый наружу и съ безумными восклицаніями понесся по болоту. Скоро, однако, онъ провалился въ зыбучій песокъ и взвылъ къ бурлакамъ о спасеніи. Тѣ бросили ему немедленно веревку и вытащили съ укорами и насмѣшками.

Пошелъ дождь, густой, мелкій и холодный. Вѣтеръ сталъ ров нѣе, но ничуть не ослабъ. Волны мѣрно толкали лодку въ корму,

подымали ее вверхъ, покачивали, затѣмъ шлепали о песокъ, точно пробовали крѣпость ея дна. Пришлось судно втащить еще дальше на мель и укрѣпить причалами.

Люди, продрогшіе и усталые, проспали ненастье, укрывшись толстымъ брезентомъ. Вой вѣтра и всплески волнъ баюкали ихъ всю ночь.

На завтра разбудило ихъ ощущеніе докучливаго зноя. Солнце стояло высоко и жарило немилосердно. Въ его лучахъ золотисто-голубая гладкая рѣка сіяла, какъ зеркало. Нигдѣ ни слѣда непогоды: ни тумана, ни тучки на небосклонѣ. Тутъ же за илистой мелью, за узкимъ протокомъ, подымался громадный рыжій утесъ, морщинистый и корявый, съ лѣсистыми лощинами, еще влажными отъ вчерашняго дождя.

Бурлаки съ большимъ трудомъ столкнули на воду лодку и переправились на ту сторону. Тамъ, пока Козьма и Гуранъ ладили бичеву, лямочники развели огонь и принялись сушить свои убогія лохмотья и обутки. Спиридонъ поставилъ обѣдъ. Купцы прогуливались важно на солнышкѣ подъ утесомъ.

— Страсть какъ испужался я, когда вчера купецъ-то изъ себя воздухъ выпустилъ...—жаловался съ серьезнымъ видомъ Индюкъ.— Пришелъ въ себя только, когда Обухъ изволили сѣсть мнѣ на голову...

— Ха! ха! Что же ты укусилъ его?

— Зубы у меня съ золотой подчинкой, жалко ихъ... Зато я нѣмца въ желудокъ дернулъ... Онъ—чинушъ, живоглотъ—кишки у него крѣпкіе!..

Нѣмецъ улыбался, польщенный общимъ вниманіемъ.

— Не почувствовалъ...

— Еще бы! Да вы черти всѣ вчера заживо померли отъ страха!..—мрачно замѣтилъ майданщикъ.

— Ты-то живъ былъ, а?—протянулъ Индюкъ.—Признаться, я всегда предпочиталъ водку водѣ.

— Ловко!.. Хорошо, что въ Ленѣ не спиртъ текетъ, а то давно бы ты утопился!..—разсмѣялся Обухъ.

— Всѣмъ бы теперь его по сотой пригодилось!.. Эхъ-ма!

Дёма, Дёма, будь ты душка,
Поднеси ты намъ косушку!..

запѣлъ Индюкъ, забавно кивая на Демьяна. Тотъ, улыбающійся и довольный, подошелъ къ костру.

— Что, ребята, экая теплынь—золото! Тихо, берегъ ровный мягкій... махнемъ сегодня!.. Что?

— А не осталось тамъ чего-нибудь со вчерашняго дня? Страсть голова трещить съ похмелья... Не потянемъ въ такомъ состояніи...

*

— Ну, нѣтъ!.. Будя! Трое сутокъ вы пировали на мои деньги... Пора и честь знать!..

— А что? Говорилъ я вамъ: фараонъ! Выведетъ васъ въ пустыню и погубитъ... Дай, Демьянъ, дай, не кобенься... Еще впереди Олёкма... Будешь слезы проливать... Дай лучше теперь по косушкѣ... Не дразни!..

— Безстыжіе! Двадцать верстъ прошли—уже водки просятъ, —обратился Демьянъ къ Карскому, который тоже подошелъ къ костру.

— Чего стыдишь!.. Не дай, а не стыди!—пробурчалъ майданьщикъ.

— Давай, братъ, давай!.. Разъ есть, нечего юлить... знаешь старинное правило: пока одного не кончишь, не начинай другого!.. Мы вотъ кончимъ, тогда и пойдемъ...

— Такой онъ водяной путь!—продолжалъ жаловаться Демьянъ.—Вчерась мы черезъ ихъ чуть не утонули, а сегодня, гдѣ ночевать будемъ, неизвѣстно! Вы спрашивали, во сколько дней попадемъ на Витимъ—вотъ вамъ и дни... Они хуже непогоды... что съ ими подѣлаешь!..

— Не скули!... Нечего брехать! Людей у тебя довольно... Молодецъ въ молодца!.. Подхватимъ, въ одинъ духъ допремъ... Въ накладѣ не будемъ, а водки-то дай... шутка-ли похмелье... Развѣ самъ не знаешь... Извергъ ты!.. Вотъ что!

— Ловко дернемъ, Демьянъ Петровичъ, только бичева захлещетъ!..—ластились къ нему рабочіе.

— Ну, ладно!—согласился нехотя хозяинъ.

Карскій ушелъ къ женѣ, съ испугомъ посматривающей на шумящихъ опять подъ утесомъ людей.

— Знаешь, это грозитъ превратиться въ пытку!—сказала она мужу.

— Кажется, сегодня конецъ. Выпьютъ остатокъ. Больше достать негдѣ. Берегъ пустынный. Всѣ поселенія на той сторонѣ,— отвѣтилъ Карскій, указывая на противоположный берегъ, гдѣ за уступами блѣдно-зеленыхъ луговъ и зубчатаго лѣса клубились кое-гдѣ облака сизаго дыма и сверкали искорки не то стеколъ, не то церковныхъ крестовъ. Городъ исчезъ за крутымъ поворотомъ.

Послѣ обѣда лямочники сверхъ ожиданія принялись за работу. Наладили лямки изъ бересты, разбились на двѣ смѣны по пяти человѣкъ и, уцѣпившись рядышкомъ за конецъ бичевы, пошли. Гуранъ ловко отвелъ лодку подальше отъ берега на глыбь, и она двинулась съ шумомъ противъ теченія.

— Ишь тянутъ — наѣлись!—проговорилъ самодовольно Демьянъ.—Теперь они уже пойдутъ!. Вы не опасайтесь, баринъ!.. Пріѣ-

демъ, дастъ Богъ, во-время!.. Тутъ ничто больше не помѣшаетъ... развѣ медвѣдь выскочитъ...—ободрялъ Карскаго Гуранъ.

— Этого недоставало!.. — простонала Анна, хватая на руки игравшаго на палубѣ Сашу.

— Пошто пугаетесь!.. Сюда-то онъ не придетъ.—Самъ въ страхѣ удирать будетъ. Помню, разъ выскочилъ нечаянно изъ-за камня, воду пилъ... попалъ подъ бичеву, да назадъ къ водѣ, а тамъ—судно... Тогда опять—въ лѣсъ, тамъ опять—веревка. Бился, бился... да какъ броситься вдоль берега точно пуля... Онъ бѣжитъ, реветъ, и лямочники бѣгутъ, кричатъ... Мы такъ пробѣжали съ полъ-версты шибче парохода, пока люди не отстегнулись и не удрали въ камни... А звѣрь дальше берегомъ бёгъ пуще прежняго... И такая случилась отъ этого оказія, что лодка чуть не разбилась; ее снесло на перекатъ теченіемъ...

Карскій не могъ удержаться отъ смѣха, слушая своеобразныя утѣшенія стараго кормщика, но Анна обиженно унесла сына подъ навѣсъ, и хотя тотъ кричалъ и шипѣлъ, подражаю теченію воды, и рвался на палубу, она оставалась большую часть времени вмѣстѣ съ нимъ въ своей будкѣ. Оттуда она подозрительно взглядывала на живописные утесы, подымающіе высоко къ небу поросшія лѣсами вершины, на темныя пади, кудрявыя отъ хвой и березняка. Обыкновенно по дну такихъ падей струились ручьи, и намытыя ими косы желтаго песка отдѣляли темный лѣсъ и темный утесъ отъ темнаго ихъ отраженія въ зеркалѣ движущейся воды.

VI.

Берегъ, дѣйствительно, былъ хорошъ, ровенъ и чистъ; лямочники двигались быстро и весело. Одной смѣной предводительствовалъ Обухъ, за нимъ слѣдовалъ Индюкъ, два верховыхъ мужика, молчаливыхъ, но «жортыхъ» и «тяглыхъ» рабочихъ, а въ концѣ трепался «замухрышка» Нѣмецъ. Почему его называли Нѣмцемъ, такъ и осталось для Карскаго загадкой. Во главѣ второй смѣны шелъ Майданьщикъ, за нимъ Ахметка, дальше два жигана и въ концѣ опять старикашка, утверждавшій, что нѣкогда служилъ на Кавказѣ и поэтому прозванный Служивымъ.

— Такъ точно-съ! И судимъ тамъ былъ военно-полевымъ судомъ, но лишенъ своего состоянія не былъ...—отвѣчалъ онъ на разспросы.

— Извѣстно, куроцапъ, курицу укралъ! Сознайся: всыпали тебѣ за это?..—поддразнивалъ его Индюкъ.

Служивый улыбался и рукою почесывалъ незамѣтно спину. Онъ больше всего дружилъ съ Нѣмцемъ, и оба они все свободное

время проводили вмѣстѣ, когда кого-нибудь изъ нихъ сажали на носу караулить отъ зажоръ бичеву. Одинъ шилъ что-нибудь и разсказывалъ, а другой внималъ, сидя на корточкахъ у огня, гдѣ единовластно царилъ Спиридонъ. Тотъ, видимо, покровительствовалъ друзьямъ и при случаѣ тайно надѣлялъ ихъ лучшими кусками. Зато старики слушали его разсказы и не возражали. Крайне неряшливый, оборванный и безобразный поваръ до страсти любилъ романическія исторіи. При всѣхъ онъ помалкивалъ, опасаясь насмѣшекъ, но друзьямъ онъ открывалъ свое наболѣвшее сердце.

— Горячая была женщина... Любила меня безумно... Обниметъ, точно углями обсыплетъ, а я... ничего!.. Равнодушенъ былъ я!.. Денегъ мнѣ она, ѣды, всего много... а я ничего!.. Погуляю, городъ, окрестности осмотрю и прощаюсь: оставайся, голубушка моя, долженъ я тебя спокинуть, своей доли искать! Она въ плачъ, въ безчувствіи обморока... а я ничего... Истуканъ я былъ, прямо безчувственный извергъ!.. Ихъ слезы для меня—все равно роса... Одна непремѣнно требовала: женись да женись!.. Купеческая дочь была, состояніе тысячное, домъ въ лучшей улицѣ, два магазина, приказчики, лошади и все другое... Не могу, говорю, принужденъ доли своей искать... Отправился я это въ Саратовъ...

— Знаю. Бывалъ и я въ Саратовѣ съ енераломъ!..—вдругъ вставилъ служивый.

Спиридонъ неодобрительно взглянулъ на него, но Служивый уже увлекся.

— Пріѣхали мы это—разсказывалъ, въ свою очередь, онъ,—остановились въ гостиницѣ. Сейчасъ самоваръ, булокъ, ветчины... Съѣли мы, выпили, отправились въ театръ. Енералъ въ середину, а я въ корридорѣ стою... По представленіи домой, опять самоваръ, булки... чай пьемъ... Въ полдень обѣдаемъ. И такъ каждый день... А затѣмъ дальше, въ слѣдующій городъ... Опять въ гостиницѣ, опять самоваръ, булки, ветчина... Круглый годъ такъ мы по Россіи ѣздили, ревизію дѣлали... даже въ Парижъ попали...

— Да, да! Все было, все!—улыбался сочувственно Нѣмецъ.

— Да вы, черти, что свое мелете... Вѣдь я то еще не кончилъ...—вмѣшивался гнѣвно Спиридонъ.—Изъ Саратова, значитъ, въ Царицынъ. Иду себѣ по улицѣ съ котелочкомъ за спиной, вдругъ горничная: «моя барыня говоритъ, что живетъ напротивъ...»

— Сссо-ри-вай! Черти!.. Ослѣпли, что ли, тетерева зобатые!.. Не видите, что творится!..—ругался Гуранъ.

Разсказъ обрывался, разсказчики торопливо устремлялись на руфъ и, вооруженные багромъ, старались освободить ущемленную плавникомъ или камнями бичеву.

— Вздуть бы васъ, проклятые брехуны! Чего надѣлали,— сердился Гуранъ.—Какъ дернуло-то!..

Разговоры на носу прекращались на нѣкоторое время, и слышенъ былъ исключительно шумъ разступающихся передъ лодкой быстринъ, шлепанье ногъ идущихъ по берегу лямочниковъ да восклицанія играющихъ въ карты купцовъ. Иногда Гуранъ унималъ Анну, встревожившуюся чѣмъ-либо чрезмѣрно.

— Совсѣмъ вы глупо разсуждаете. Никогда это не бываетъ, чтобы бичева на ровномъ плёсу лопнула... Да и ничуть не опасно это... Лодка къ берегу и стой... Одна задержка и только!.. Вотъ другое дѣло, когда мы въ «сколы» придемъ, «быки» огибать станемъ, на баграхъ да на шестахъ... Тамъ, дѣйствительно, случается, что бичева о грани протрется... Тамъ, вѣрно, берегтись надо, а что тутъ—такъ никакой страхъ не у мѣста... Кто же загодя-то боится?..

Карскій, заслышавъ издали, что Гуранъ разговариваетъ, бросалъ книгу, слѣзалъ съ крыши навѣса, гдѣ онъ чаще всего отдыхалъ у мачты и спѣшилъ на корму; тамъ ловкими разспросами старался придать бесѣдѣ менѣе животрепещущій интересъ.

Погода благопріятствовала путешественникамъ. Подвигались они безостановочно, пользуясь и ночами достаточно еще свѣтлыми въ этихъ широтахъ.

Переходили они изъ плёса въ плёсъ, огибая крутые мысы и пологія желтыя стрѣлки, минуя одинъ за другимъ зеленыя острова и изумрудныя луга... Блѣдныя дали бѣжали къ нимъ навстрѣчу, окрашиваясь все ярче, а позади блѣднѣли оставленныя ими мѣста. Иногда вѣтерокъ набрасывалъ на рѣку серебристую сѣть мелкой ряби, или ярко золотило ее полуденное солнце, или луна бросала на ея струи столбъ дрожащаго свѣта. Развалины подмытыхъ скалъ высились мѣстами длинной стѣной у самой воды, и судно двигалось осторожно у ихъ подножья, разрѣзая носомъ хрустальныя, затѣненныя ими быстрины. Теченіе бурлило у водорѣза, лодка мѣрно дрожала, мачта качалась, натягивая пологую дугу бичевы, нависшія съ крыши края парусины трепыхались точно кончики крыльевъ плывущей птицы; галька хрустѣла подъ ногами лямочниковъ, а Карская въ своей будкѣ мѣрно убаюкивала, сына:

Бай-и-бай, котята
Спятъ, спятъ, не плачутъ...
Утромъ встанутъ, все скачутъ!..

А на носу горѣлъ красный огонекъ, и Спиридонъ разсказывалъ новому слушателю:

— Любила меня... такъ меня любила... А я ей говорю: «прощай, ненаглядная, обожаю тебя, но необходимо принужденъ уда-

литься...» Что же ты: спишь?—возмущался онъ поведеніемъ неблагодарнаго гостя.

— Нѣтъ!.. Такъ только я закрылъ глаза, ради пущаго воображенія...

Только Козьмы нигдѣ не было видно. Какъ проводилъ время странный старикъ, для Карскаго долго оставалось загадкой. Зато Демьяна видно было весь день; чаще всего онъ игралъ съ купцами въ карты, рѣже смѣнялъ Гурана или тащилъ бичеву.

Такимъ образомъ они добрались до Олекминска.

Замѣтивъ издали городъ, бѣлѣвшій въ утренней зарѣ, путники перегребли на ту сторону и вскорѣ остановились у пристани. Предполагалась дневка. Демьянъ отправился въ лавки закупать новые запасы муки, сухарей, солонины... Откуда-то явился Козьма и помѣстился на крышѣ лодки. Купцы одѣлись и отправились къ знакомымъ. Лямочники разбрелись по кабакамъ. Карскій вмѣстѣ съ женой и сыномъ пошелъ разыскивать товарищей.

Прохожіе указали имъ на маленькій домикъ, жильцы котораго, очевидно, еще спали. Ставни и двери были наглухо заперты. Но когда прибывшіе постучались и сказали, кто они, имъ немедленно открыли и встрѣтили ихъ въ высшей степени радушно.

Для остающихся здѣсь они были воплощеніемъ надежды и торжества. Женщинъ среди колонистовъ не было, и Аннѣ некому было повѣрить свои тревоги и волненія. Зато Карскій наспорился и наслушался вволю. Даже вечеромъ, отправляясь къ лодкѣ, онъ еще доказывалъ:

— Нельзя безнаказанно останавливаться слишкомъ долго на одномъ мѣстѣ. Самыя лучшія формулы не больше, какъ человѣческія же измышленія. Надо стремиться все выше и выше. Доктрины—это только лѣса для такого подъема. Жизнь много шире ихъ. Она состоитъ изъ многихъ теченій, и горизонтъ ея необозримъ. У насъ есть только два указателя для того, чтобы не затеряться въ ея безпредѣльности. Они, по моему мнѣнію, не въ нашемъ мозгу, а въ нашемъ сердцѣ: это справедливость и доброжелательство...

— Я не знаю, какъ примѣнить ихъ безъ разсужденія, а гдѣ начинается разсужденіе, тамъ начинается доктрина. Не знаю, почему вы такъ боитесь ихъ!.. Есть всякія доктрины: большія и малыя, узкія и широкія, любовныя и жестокія. Почему мнѣ отказываться отъ нихъ!..—сурово настаивалъ провожавшій ихъ маленькій человѣчекъ въ большой шляпѣ.

— Все доктрина, даже таблица умноженія доктрина!—рѣшилъ басомъ другой.

— Совсѣмъ нѣтъ!—зашищался Карскій.

— Да оставьте!—просила Анна.—Вѣдь вы объ этомъ уже говорили!..

— А вотъ и наша лодка!

На крышѣ сидѣлъ Козьма и уныло глядѣлъ въ сторону города.

— Гдѣ же люди?

Старикъ развелъ руками.

— Грѣхи!..—вздохнулъ онъ.—Но вы не уходите, могутъ сейчасъ придти, тогда немедля двинемъ.

Опять разыгралась та же, что въ Якутскѣ, исторія, и только благодаря энергіи полиціи лодка двинулась дальше съ уменьшеннымъ количествомъ экипажа. Индюка мертвецки пьянаго казаки насильно притащили и втолкнули въ лодку.

— Этого, сокровища, не оставятъ... Никто такого самоцвѣта не хочетъ!.. Другое дѣло вотъ эти челдоны, трижды лопни ихъ глаза! И доказывалъ я урядинку, что они уговоръ сдѣлали, и паспорты показывалъ. Подавай письменное условіе!.. Какое такое письменное условіе... Они, ваше благородіе, и писать-то не умѣютъ... Не внимаетъ онъ, а почему не внимаетъ, извѣстно: купецъ, что ихъ сманилъ, трешницу, а то и больше сунулъ ему за обшлагъ... Вотъ те и письменное условіе... Я ихъ, желтобрюхихъ, поилъ, кормилъ, вывезъ, а они хуже варнаковъ со мной поступили!..—жаловался Демьянъ на сбѣжавшихъ у него сородичей, двухъ обстоятельныхъ сибирскихъ мужичковъ.

— Опять внизъ отправились! Они такъ третій уже разъ!.. Рублей по пятидесяти домой привезутъ, ловкачи.!.—таинственно сообщалъ Карскому Спиридонъ.

— Скверно. Мужики они были надежные, крѣпкіе, ровные... А теперь какъ разъ скверный путь пойдетъ, скóлы да «быки», да шивера!.. Охъ, грѣхи, грѣхи!..—вздыхалъ Козьма.

— Эхъ! Пройдемъ какъ-нибудь! Только бы худыхъ людей объѣхать!..—утѣшалъ Гуранъ.

— А на ту сторону гдѣ переправимся?

— Надо бы, а то по утру остальные сбѣгутъ... А только крѣпко пьяные люди, не выгребутъ... Развѣ, что вы, баринъ, намъ помогли бы, да купцовъ попросимъ...

— Тоже толку въ нихъ мало. Налакались... Не будите ихъ лучше.. Испужаются, станутъ орать, людей смущать... Хватитъ насъ! я, Козьма, господинъ пассажиръ, Ахметка, Служивый. Какънибудь справимся!..—доказывалъ Демьянъ.

Съ большимъ трудомъ удалось имъ перегрести черезъ быстро въ этомъ мѣстѣ несущуюся рѣку. Луна серебрила бурныя струи. Утесъ, чернѣвшій по ту сторону, казался какой-то сказочной горой съ древними развалинами на вершинѣ. Судно, причалившее

къ берегу у ея подошвы, соверпенно исчезло въ смолено-черной тѣни утеса, а судовой огонек .ревратился въ крошечную красную звѣздочку на громадномъ граурномъ пятнѣ береговъ.

VII

Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Сѣрая его ткань, перемѣшанная съ мглою, совершенно закрыла окрестности. Неясныя пятна горъ по сторонамъ и смутно движущійся вверху навѣсъ облаковъ образовали длинный коррилоръ, по которому съ злобнымъ рычаніемъ неслась изсѣченная и вспѣненная непогодою рѣка. Усталые, промокшіе лямочники еле перебирали ногами, и отяжелѣвшая отъ влаги лодка двигалась крайне тихо и вяло.

— Который-то день уже насъ стегаетъ?!

— Какъ зарядитъ, будетъ мочить до самаго Витима!

— И на кой чортъ мы такъ стараемся? Кого хотимъ удивить... кого утѣшить?—ворчалъ Индюкъ.—Скажемъ просто: не хотимъ и баста. А то возьмемъ, братцы, съ баржи куль муки, кой-что солонины и... барда! Дѣло говорю. Безъ лодки мы тутъ меньше чѣмъ въ пять сутокъ будемъ на Мачѣ... Право!

Предложеніе, однако, не вызвало сочувствія. Одни жиганы заговорили въ перебивку.

— Вѣрно. Мы знаемъ, мы здѣсь бывали... Всѣ тропы, всѣ ходы и выходы спиртоноскія *) знаемъ... Не разъ со спиртомъ изъ Олекмы хаживали... Правду говоритъ Индюкъ... Тутъ тайгою много ближе... Дня три будетъ... не больше!

— Что же ты, Обухъ, скажешь—а?

Обухъ выпрямился и лямку на груди передвинулъ.

— Ишь, солонины имъ чужой захотѣлось! Налегай, налегай... Нечего зубы скалить!.. Самъ буду что ли везти?!

Онъ нагнулся впередъ и упершись въ размокшую землю сильно потянулъ бичеву.

Разговору мѣшалъ вѣтеръ, дождь и спирающія дыханіе лямки. Тѣмъ не менѣе Индюкъ немного спустя опять заговорилъ:

— Меньше насъ стало, а дѣлать то же самое дѣлаемъ... Вода быстрѣе, а людей меньше.... Вы думаете вамъ этотъ супостатъ добавитъ? Какъ же?.. Держи карманъ... Онъ почтитъ вашу добродѣтель... Онъ васъ умаслитъ!.. Ждите! Подавись онъ, дьяволъ, тѣми шкурами, что ихъ ему тащимъ!.. Не пойду я сегодня дальше и конецъ! . Дождь такой!.. Ему, идолу, хорошо подъ палаткой... Давайте, братцы, остановимся!.. Скажемъ, что не пойдемъ... Что же

*) Контрабандисты доставляющіе на пріиски запрещенный тамъ спиртъ; они же по большей части являются скупщиками краденаго золота.

за спѣхъ?.. Векселя къ сроку что ли намъ въ банкъ платить?!.. Ну, нѣтъ, шалишь... Вотъ подъ этимъ утесомъ расположимся, тутъ, кстати, и яма подъ горою... Огонь разведемъ, обсушимся... Эй! Стопъ машина!

Лямочники остановились. Гуранъ торопливо заворочалъ рулемъ.

— Эй, чего стали?

— Небось, сядемъ! Думаешь, какъ ты, подати выстаивать будемъ?..—отрѣзалъ Индюкъ, приближаясь для объясненія.

— Помилуйте, вѣдь нѣтъ еще полудня... Вѣдь такой формой мы и къ зимѣ до Мачи не доберемся...—усовѣщивалъ рабочихъ Демьянъ.

— Именно, съ пользой лѣто проведемъ, за дачу не заплотимъ...— огрызался Индюкъ, собирая бичеву.

— Ѣды не хватитъ. Вѣдь я взялъ ея въ самый обрѣзъ, чтобъ вамъ легче было.

— Да ты, пёсъ, что же кожъ-то своихъ не убавилъ? Голодомъ намъ грозишь... Выискался статуй стоеросовый!..

Подъ утесомъ у огня вспыхнула жестокая перебранка. Ругань и самыя причудливыя проклятья, перемѣшанныя съ плескомъ волнъ, завываніемъ вѣтра, шлепаньемъ дождя, падали на колышущуюся на причалахъ лодку, точно шумъ вновь разгулявшейся непогоды.

— Что это? Степа, слышишь?

— Слышу...

— Что-то случилось.. Не нападеніе ли? Не ходи... умоляю тебя!

— Да ладно! Не пойду.. —кисло отвѣтилъ Карскій.

Онъ все-таки вышелъ наружу на кормовую палубу и сталъ прислушиваться. Гуранъ, Кузьма, купцы шли кучей къ мелькающимъ у огня людямъ. Смѣна лямочниковъ отдыхающая въ лодкѣ тоже зашевелилась; нѣкоторые высунули головы изъ-подъ брезента.

— Вставайте, дурни, нашихъ бьютъ!—будилъ ихъ Спиридонъ.

Перебранка подъ утесомъ то усиливалась, то затихала. Вначалѣ не производила она на Карскаго особаго впечатлѣнія, онъ слышалъ ихъ во время пути не мало и привыкъ къ нимъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ разбиралъ суть вопроса, волненіе охватывало его.

— Анна, я пойду. Тамъ, дѣйствительно, что-то нехорошее творится!

— Подожди, и я съ тобой... Сейчасъ только возьму Сашу...— зашептала блѣдная женщина.

Степанъ слышалъ, какъ задрожали и защелкали у нея зубы.

— Нѣтъ, вдвоемъ хуже!.. Сейчасъ вернусь!..

Не ожидая отвѣта, онъ прыгнулъ на берегъ и побѣжалъ къ костру.

Къ его удивленію, буря уже затихла. Лямочники дружески пе-

реговаривались съ хозяевами и купцами. Спиридонъ вмѣстѣ съ Нѣмцемъ отправились за посудою на лодку. Жиганы, Служивый и Ахметъ собирали на костеръ топливо... Карскій замѣтилъ боченочекъ въ рукахъ у Демьяна, понялъ въ чемъ дѣло и убрался во свояси; на пути онъ встрѣтился съ женою и повелъ ее обратно.

— Пойдемъ, недоразумѣніе и въ этотъ разъ улажено, но... чѣмъ это кончится—не знаю! Ты прости мнѣ, что я опрометчиво подвергъ тебя столькимъ непріятностямъ!..

— Степа, что ты?.. Я вѣдь сама настаивала на отправкѣ... Ты забылъ?

— Да, но я согласился. Есть что-то унизительное въ этомъ зрѣлищѣ... Право, меня это просто гложетъ... Эти жалкіе люди, плохо одѣтые, плохо оплачиваемые, эксплуатируются безсовѣстно; когда же въ нихъ просыпается сознаніе своего положенія, ихъ гнусно спаиваютъ водкой!.. А мы смотримъ и молчимъ. Когда они нагнувшись весь день бредутъ въ непогоду, оборванные и босые, когда вѣтеръ теребитъ ихъ жалкія лохмотья, а наболѣвшія ноги оставляютъ кровавые слѣды на камняхъ... Мнѣ такъ стыдно, что я не глядѣлъ бы я ни на красивыя воды, ни на кого изъ... этихъ сытыхъ... Меня коробятъ даже тѣ ничтожныя удобства, которыя есть у насъ... Крѣпкій, хорошо одѣтый, я сижу въ своей будкѣ въ сухости, въ теплѣ, и попиваю чаекъ съ сухарями... Ѣдемъ мы на спинахъ этихъ людей!.. Я знаю, что это происходитъ вездѣ постоянно, но впервые я это увидѣлъ воочію... Вѣдь среди нихъ есть и старики, и больные... Подчасъ у меня является желаніе присоединиться къ нимъ, помочь имъ, но удерживаетъ меня не то ложный стыдъ, не то глупый предразсудокъ...

— Вовсе не предразсудокъ, но я думаю, что мы ничѣмъ не обязаны ни Демьяну, ни купцамъ, ни ихъ поклажѣ, которую собственно слѣдовало бы сбросить прежде всего...

Карскій задумался.

— Этого я сдѣлать не могу. Впрочемъ, если бы даже всю кладь мы сбросили, то все-таки мы бы ничего не дѣлали, а они бы насъ дальше везли...

— Пусть тогда всѣ тащатъ. Чѣмъ ты хуже этихъ лавочниковъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что выходитъ какъ будто я такой же!.. Нѣтъ, Анна, это не возраженіе. Здѣсь все дѣло въ нашихъ ощущеніяхъ: удовлетворяетъ-ли насъ сознаніе, что съ уплатою денегъ мы сбросили съ себя отвѣтственность или нѣтъ?.. Въ правѣ ли мы требовать за плату, какъ бы она высока ни была, чтобы другіе худѣли, болѣли, страдали... Бичева очень тяжелый трудъ... Далеко ли мы ушли отъ Олёкмы, а посмотри, какъ страшно рабочіе отощали... глаза ихъ ввалились... лица осунулись... Нѣтъ, меня никогда не оставятъ ихъ измученные взгляды...

Анна прижалась къ мужу и обняла его за шею.

— Стёпа, Стёпа ты правду сказалъ когда-то, что мы изъ тѣхъ, которымъ хорошо только на самомъ днѣ...

— Зачѣмъ же?!. Это черезчуръ далеко. Просто плюну я завтра на всякія... разсужденія и... впрегусь въ лямку!—весело отвѣтилъ Карскій.

Когда назавтра Карскій, дѣйствительно, надѣлъ лямку и потянулъ бичеву, всѣ его спутники очень удивились и собрались на носу лодки поглядѣть, какъ везетъ «баринъ»...

— Погрѣться захотѣлъ. Дѣйствительно, холодно... Эй давай и мнѣ лямку!—крикнулъ толстый Терешкинъ.

Но прошелъ онъ не больше полуверсты и вернулся на лодку, вспотѣвшій, усталый и мокрый, требуя забавно громко ѣсть, чаю мяса и водки. Карскій продолжалъ идти.

— Сильный человѣкъ!—хвалилъ его Гуранъ.

Вчерашній ливень превратился въ мелкій, надоѣдливый дождичекъ, въ сѣрую слякоть, разпыляемую въ воздухѣ бурными порывами вѣтра. Темная рѣка тяжело колыхалась.

— Сильный вы человѣкъ!—похвалилъ Демьянъ Карскаго, когда тотъ вернулся на лодку со смѣной лямочниковъ.

По усталому лицу Карскаго скользнуло раздраженіе, онъ готовился рѣзко отвѣтить, но почувствовалъ на себѣ любопытные взгляды недавнихъ своихъ товарищей, Индука, Обуха и другихъ, и удержался.

— Пріятнаго аппетита!—протяжно пожелалъ ему бродяга.— Ау, Спиридонъ, тащи намъ нашу вонючку!

Появленіе Карскаго у бичевы и на слѣдующій день вызвало среди окружающихъ уже болѣе продолжительные толки. Довольнымъ казался только одинъ Гуранъ.

— Бѣдовый лямочникъ!.. Природный бурлакъ... Идетъ, какъ часы, и не дёрнетъ!—расхваливалъ онъ Аннѣ Степана.

Благосклонность къ Карскому проявилъ также и Козьма; онъ, сверхъ обычая, явился днемъ въ бутку Карской и предложилъ ей кусокъ говяжаго жиру.

— Если что... если у мужа ноги напухнутъ... хорошо передъ сномъ вымочить въ теплой водѣ да вотъ жиромъ смазать... Подъ лямкой плечо или грудь сопрѣетъ, ссадина сдѣлается, тоже хорошо смазать... Берите, знаю, что у васъ не припасено... Не разсчитывали вѣдь...

Демьянъ вначалѣ не высказывался и двусмысленно покачивалъ головою.

— Мы считаемъ, что онъ это по собственной дѣлаетъ охотѣ.. вродѣ забавы... Скучно, книжки надоѣли, вотъ и ищетъ развле-

ченія... Никому не вредно это, но и не нужно!.. Мы полностью людямъ заплатили до самой Мачи... А если кто развлекается, то мы тоже мѣшать не могимъ... На то онъ пассажиръ!..

— Ну ужъ это какое развлеченіе, это прямо безпорядокъ!.. Отъ этого другимъ въ башки дурныя мысли могутъ придти... Очень просто!—ворчалъ солидный Брылкинъ, враждебно посматривая на бредущихъ по берегу бурлаковъ.

— Что же я могу доспѣть?—оправдываяся Демьянъ.

— А ты бы его лямку спряталъ,—неожиданно вставилъ молчаливый Губинъ.

— Пошто? Этого опять я не могу... Изъ-за этого могли бы люди взбунтоваться!

— Вотъ и видишь: начинается!

— Что начинается?—испугался Демьянъ.

— Да то, что виданное ли дѣло, чтобы образованный господинъ въ лямкѣ ходилъ... За это тебя не похвалятъ... Зачѣмъ мало людей взялъ, скажутъ...

Демьянъ окончательно растерялся.

— Да онъ насъ не послушаетъ... Развѣ вы, Василій Митричъ, соблаговолите сказать ему слово... Да къ тому же и денегъ-то ему я никакихъ платить не намѣренъ...

— А вдругъ онъ потребуетъ!—шутилъ Брылкинъ.—Ну, чтожъ это бы еще ничего!.. Недостаетъ человѣка, онъ и нанялся... Тогда бы онъ былъ такой же мужикъ, какъ другіе... тогда бы все, какъ слѣдуетъ... А то теперь, поди, какъ понимать это? Новые порядки вводить, что ли? Спрошу я его... Почему не спросить. Можетъ онъ не понимаетъ?—громко разсуждалъ купецъ.

Дѣйствительно, когда Карскій, возвращаясь съ работы, проходилъ по узенькой доскѣ мимо купеческаго помѣщенія, Брылкинъ учтиво пригласилъ его зайти на минуту. На крошечномъ столикѣ стоялъ чай, водка, закуски. Степанъ грузно сѣлъ на указанное мѣсто.

— Что? Устали?.. Милости просимъ закусить съ нами.. Водочки рюмочку... Очищенная, безъ запаху...

— Не пью.

— Ну, такъ чаю...

— Жена ждетъ съ обѣдомъ!

— Да-а-а!—протянулъ обиженно старшій купецъ.—Значитъ, полный отказъ! А скажите, молодой человѣкъ, нельзя ли узнать, по какой причинѣ вы, вольный и непринужденный, взяли на себя вдругъ такую обузу заодно съ мужиками?

Карскій взглянулъ пристально на купца и промолчалъ.

Было въ тонѣ и обращеніи купцовъ, съ самаго начала его съ ними знакомства, что-то для него крайне непріятное, ехидное и

враждебное. Но, подумавъ, онъ побѣдилъ отвращеніе и отвѣтилъ возможно сердечно:

— Просто хотѣлъ помочь лямочникамъ, господа!

— Мы это видимъ. — Но развѣ это ваше дѣло?.. Это дѣло Демьяна. И мы, и вы ему заплатили, и мы въ правѣ требовать... А если онъ людей обижаетъ, если ихъ мало или работаютъ они непосильно, такъ на него въ городѣ пожаловаться можно. На то есть власти, государевы чиновники, суды... Къ нимъ и обратиться слѣдуетъ, молодой человѣкъ ..

Карскій насторожился. Разговоръ принималъ хорошо ему знакомый характеръ.

— Развѣ вамъ это мѣшаетъ?—спросилъ онъ уступчиво.

— Конечно, мѣшаетъ. Эта шушера готова вообразить, что всѣ мы ей обязаны помогать... Что—разъ тяжело—всѣ мы должны вылѣзать. Да такимъ образомъ легко случится, что сами сядутъ а насъ заставятъ везти... Если вы ихъ жалѣете, то дайте имъ рубль или четверть водки поставьте, а то такъ не гоже! Вы ихъ не знаете!.. Вы думаете съ ими обращаться, какъ съ благородными, а они совсѣмъ бросовый народъ... отребье, варнаки, пьяницы!.. Для кого вы стараетесь-то? Развѣ они восчувствуютъ!.. Ихъ во какъ нужно держать!..—добавилъ купецъ, сжимая кулакъ.

— Позабавились вы и будетъ! Ужъ вы сдѣлайте для насъ это, просимъ васъ, уважьте насъ... — сказалъ молчаливый Губкинъ. Карскій всталъ.

— Нѣтъ, не могу. Я думаю, что я такъ обязанъ поступать!

— Ахъ, какой вы противный... Все вы напротивъ судите... Люди такъ, а вы наоборотъ... Нельзя же все по своему дѣлать... Если всѣ станутъ по своему поступать, такъ что же это выйдетъ!.. Конечно, заставить васъ мы не можемъ, но и мы тогда свободны... Какъ аукнется, такъ и откликнется, вы это знайте!..—напутствовали Степана купцы.

Обѣдая, онъ слышалъ за перегородкой, какъ они разговаривали нарочно приподнятыми голосами.

— Сейчасъ въ первой волости прротоколъ... Такъ и такъ: примѣромъ своимъ вводитъ народъ въ смущеніе... Дѣлаетъ не подобающее своему званію... и прямо бунтъ производитъ! Власти съ такими не шутятъ... Живо руки къ лопаткамъ!.. Да и въ сундукахъ, что везетъ, кто его знаетъ! Пожалуй, тоже незаконныя бумаги...

Анна въ ужасѣ ломала руки.

— Не обращай на нихъ вниманія. Навѣрное краденное золото везутъ, и опасаться полиціи у нихъ много больше причинъ, чѣмъ у насъ... Иначе поѣхали бы по почтѣ или пароходомъ... — успокаивалъ жену Карскій.

— Все-таки я бы предпочитала безъ этого! Чего стоитъ одинъ видъ свѣтлыхъ пуговицъ...

— Ни въ какомъ случаѣ уступить не могу!.. Ты сама потеряла бы ко мнѣ всякое уваженіе!—защищался Карскій.

Съ этого момента отношенія къ нему привиллегированной части путешественниковъ сильно ухудшились... Купцы не скрывали вражды къ нему, и часто онъ слышалъ за спиною будто въ пространство брошенныя прозвища:

— Фармазонъ!.. Сицилистъ!

Козьма не являлся больше. Осторожный Гуранъ помалкивалъ. Демьянъ избѣгалъ съ нимъ встрѣчи и воротилъ отъ него лицо. Спиридонъ сталъ имъ присылать обѣды все хуже и хуже. Карскій довольно строго потребовалъ себѣ пищу по уговору, а на недостатокъ вѣжливости не обращалъ вниманія. Послѣднее было для него не трудно, такъ какъ онъ теперь все время или спалъ, или шелъ по берегу въ лямкѣ. Но онъ не могъ не замѣтить, что съ нѣкоторыхъ поръ Анна, даже несмотря на холодную, вѣтряную погоду, выскакиваетъ по временамъ на палубу къ Гурану и просиживаетъ тамъ долгіе часы. Въ то же время обыкновенно изъ купеческаго помѣщенія доносились пѣсни, смѣхъ, восклицанія, вызывающія улыбку на лицахъ сосѣдей-лямочниковъ...

Наконецъ, разъ все это взорвало Степана, онъ отстегнулъ лямку и приказалъ Гурану взять себя на лодку. Тотъ не соглашался причаливать и Демьянъ тоже кричалъ, что времени терять нельзя. Карскій уже хотѣлъ вплавь направиться къ лодкѣ, когда одинъ изъ купцовъ выглянулъ и весело приказалъ пристать:

— Бери, бери... Причаливай!.. Не опасайся... Чего смотрѣть?

— Ты и не повѣришь, что они здѣсь выдѣлываютъ!.. Это какіе-то изверги?.. Какія словца, пѣсни, какіе грязные разсказы!.. Просто усидѣть у насъ въ будкѣ невозможно!.. Они вѣдь знаютъ, что все слышно! .—жаловалась возбужденно Анна.

Карскій взглянулъ укоризненно на Гурана.

— Ссоривай!.. Эй!.. Наметывай. . Дружно ребята, дружно!—кричалъ тотъ умышленно приподнятымъ голосомъ, избѣгая его взгляда...

— Тише!.. услышитъ!..—говорилъ за перегородкой сердитый голосъ

— Какой—тише! Пусть слышитъ!.. Я заплатилъ за мѣсто и въ правѣ дѣлать, что вздумаю... Онъ тащитъ бичеву, а я пою... Развѣ я ему мѣшаю?.. А придетъ онъ сюда, ну, такъ что-жъ... подеремся... не впервой... Лишь бы не на смерть...—возражалъ другой голосъ, въ которомъ Карскій узналъ Терешкина.

Вслѣдъ затѣмъ купецъ запѣлъ:

Утромъ кофій съ сухарями,
Вечоръ рожа съ фонарями...
. . . .

Дальше слѣдовала такая гнусность, что даже Гуранъ покраснѣлъ. Карскій быстро направился по узкому проходу и, ухватившись за дугу входа, нагнулся внизъ.

— Прошу перестать! Сейчасъ прошу перестать!..

— Что-о! Кто ты такой, что смѣешь приказывать?.. Великая душа на маленькихъ ножкахъ...—бормоталъ Терешкинъ.

— Уходите... уходите... мимо! Оставьте насъ въ покоѣ!—вмѣшался Брылкинъ.

— Требую, чтобы вы прекратили безобразіе...

— Вы согласились до отъѣзда, что все снесете!

— Да что тутъ съ нимъ толковать! Свидѣтелей нѣтъ!.. Пусть жалуется!..

— Хозяинъ! — вскричалъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ Карскій.

— Что—хозяинъ! Мы и хозяину зубы посчитать можемъ!..

Демьянъ и не думалъ являться. Карскій чувствовалъ свое безсиліе и бѣсился все больше.

— Въ воду брошу!—проговорилъ онъ, наконецъ, глухо.

— Руки коротки... Слышите, братцы, убійствомъ угрожаетъ!

— Связать его! — распоряжался Терешкинъ, приближаясь къ Карскому съ гаруснымъ шарфомъ въ рукѣ.

Карскій протянулъ руку къ толстяку, но купцы удержали товарища. Въ то же время Карскій почувствовалъ сзади легкое прикосновеніе и обернулся.

— Оставь, Степа, этихъ злыхъ людей! Пусть поютъ!.. Имъ же стыдно!—проговорила блѣдная, какъ полотно, Карская.

Степанъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе плечомъ, но тутъ же замѣтилъ странный, полный боли взглядъ жены, ея необычную блѣдность, струи быстро несущейся пучины близко, тутъ же подъ ея ногами, и мгновенно устыдился.

— Жаль, что ты вмѣшалась! Слѣдовало мерзавца бросить!

— Что же бы вышло хорошаго?

— Они Богъ знаетъ до чего они въ состояніи довести!—говорилъ сердито Карскій, усаживая жену подъ навѣсъ.

— Не опасайтесь... Больше пѣть не будутъ!.. Знаю я ихъ, московскихъ калачей!.. Какіе они купцы, просто лабазники, сами себя величаютъ!—утѣшалъ его въ сторонкѣ Гуранъ.

— Сегодня они пьяны. Сегодня вы должны имъ простить. А вытрезвятся—не посмѣютъ... Вѣдь это видно, что вы и въ рожу смазать можете...

— Христіанинъ!.. Сердобольный господинъ... А сейчасъ: въ воду

А въ участокъ не угодно ли?.. Враги религіи и отечества...—кудахталъ за полотномъ пьяный Терешкинъ, пересыпая все многоэтажной руганью.

— Вы сойдите на берегъ, сойдите на берегъ, господинъ,—настаивалъ Гуранъ.

Карскій послушался. Нѣкоторое время гремѣли еще дикія восклицанія, нарушая чистоту прелестнаго, пригожаго дня, но постепенно все затихло.

Лямочники молча встрѣтили Карскаго и выжидательно посматривали на него, пока онъ надѣвалъ лямку. Ему казалось, что во взглядахъ и обращеніи кроется недовольство имъ и легкая насмѣшка.

VIII.

Предсказанія Гурана оправдались. Купцы больше не пѣли и не сквернословили. Они между собою даже прекращали разговоры, когда приближался Карскій, и только провожали его враждебнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ. Зато за глаза и въ сторонѣ отъ Анны они давали волю своей злобѣ.

— Ишь, Бога захотѣли быть умнѣе!.. Міръ вздумали поправлять... Недоросли!—философствовалъ на носу Брылкинъ.

— Эй, пошли, корявые!..—кричалъ и свистѣлъ Терешкинъ въ сторону лямочниковъ.

— Слышите, какъ свистятъ на васъ... — обратился къ Карскому Индюкъ.

— А почемъ знаете? Можетъ быть, на васъ!

— Ну, нѣтъ! Не свистѣли на насъ раньше, зачѣмъ имъ теперь свистѣть?

— Мы бы ихъ свиснули!.. Какъ же!..—вмѣшались жиганы.

Карскій вспыхнулъ.

— Худо держите лямку. Выше поднять надо. Духъ вамъ сопретъ...—проговорилъ Обухъ. Онъ полуобернулся на ходу, и они съ Карскимъ дружески встрѣтились глазами.

Къ счастью, разговоры у лямочниковъ бывали непродолжительны. Шли они по большей части молча, съ глазами, уставленными безсмысленно въ пространство или въ сермяжныя спины идущихъ впереди товарищей. Великолѣпные виды, казалось, не существовали для нихъ. Глаза ихъ не замѣчали синевы водъ, густой окраски скалъ, свѣжей зелени лѣсовъ, то позлащенныхъ солнцемъ, то меркнущихъ внезапно отъ тучъ. Они только съ досадой встрѣчали начало всякаго плеса, со скукой брели вдоль него и съ нетерпѣніемъ высматривали конечный мысъ, за которымъ начинался новый, также утомительный, плесъ. Желтые, какъ золото, или сѣрые, какъ платина, пески, занимали ихъ исключительно своей сы-

пучестью, зыбкостью и глубиною. Они не видѣли ни живописныхъ, каменныхъ обваловъ, ни красивой разноцвѣтной гальки. Они не любили говорить и думать, потому что тогда къ трудамъ тѣла приходилось добавлять трудъ духа.

Карскій за это время многому научился. Онъ близко познакомился съ психологіей упряжнаго животнаго. Вначалѣ онъ еще по привычкѣ кое-что замѣчалъ, останавливалъ подольше взглядъ на попадающихся по пути красотахъ; пробовалъ убить время размышленіями о важныхъ общественныхъ и умозрительныхъ вопросахъ; но все это быстро прекратилось. Онъ разъ-два споткнулся, сбился въ шагу, дернулъ товарищей и его дернули, и онъ оставилъ наблюденія и разсужденія, сталъ, какъ всѣ, глядѣть на дорогу, высматривая только издали препятствія и соображая, сколько времени придется идти къ тому мысу, за которымъ судно войдетъ въ болѣе тихія струи.

Возвращался онъ къ себѣ сонный, разбитый, одеревенѣлый, равнодушный... Иногда бралъ на колѣни сына и огрубѣлыми пальцами ласкалъ его золотыя кудри, но отвыкшій отъ него мальчикъ дичился и убѣгалъ къ матери.

— Онъ тебя, Степа, теперь такъ рѣдко видитъ!..—оправдывала ребенка Анна. Иногда Карскій приходилъ со смѣны до того усталымъ, что даже отвѣчать не могъ. Тогда Анна смотрѣла въ его отупѣлое лицо выжидательно глазами, полными слезъ и преданности. Разъ, обмывая напухшія его ноги, она крѣпко прижала къ нимъ свои губы. Степанъ смутился и быстро поджалъ подъ себя ступню...

— Это опять что такое?

— Ты... святой!

— Совсѣмъ я не святой... Даже чувствую себя хуже, чѣмъ былъ: что-то во мнѣ тупѣетъ... Уже... не сочувствую никому!.. Я раньше разсужденіемъ отрицалъ этотъ путь, теперь же убѣдился на опытѣ, что онъ, дѣйствительно, самый утопическій въ дѣлѣ исправленія человѣческихъ отношеніи... Лучшіе люди исчезнутъ безслѣдно въ пучинѣ физическихъ страданій, не достигнувъ даже личнаго успокоенія... Ты думаешь, я спокоенъ? Ничуть! Меня гложетъ вопросъ, почему все это совершается такъ нелѣпо?.. Къ тому же я только теперь ясно вижу ту громадную перемѣну, какая должна совершиться въ нравахъ, чувствахъ, понятіяхъ, инстинктахъ, чтобы хоть приблизительно восторжествовали идеалы братства и справедливости... Прямо руки опускаются... но кто-нибудь долженъ же начать...

— Да, если есть силы и здоровье!..—тихо прошептала Анна. Она опустила внизъ свои тонкія руки, и склонила голову безсильно на грудь.

*

— Не въ томъ дѣло, ненаглядная!—горячо заговорилъ Степанъ.—Я знаю, но больно сознавать себя бременемъ и помѣхою!

Карскій съ тревогою замѣтилъ, какъ быстро худѣла она отъ всѣхъ этихъ волненій, неудобствъ.

— Не грусти, твой Степа за тебя отработаетъ!.. Къ тому же этотъ путь, къ счастію, не единственный... Жизнь движется впередъ широкимъ потокомъ и струи ея многосложны...—утѣшалъ онъ ее мягко, и она уснула, прижавшись къ нему, убаюканная его разсказами о томъ, какъ они со временемъ устроятся на югѣ, на землѣ...

Такихъ вечеровъ у нихъ было все меньше. Путь становился труднѣе. Обыкновенно Карскій, поѣвъ, валился сейчасъ же, какъ снопъ на постель.

Долина рѣки дѣлалась все уже. Берега сдвигались и закрывали горизонтъ. Исчезли ясные, просторные, безконечные плесы, исчезли острова. Жилистое теченіе собралось въ трубу и лилось неудержимо по каменному ложу каменнаго корридора, образуя буруны, бугры и воронки на болѣе крупныхъ неровностяхъ дна, съ шумомъ перекатываясь на мелкихъ шиверахъ, клокоча и лязгая у подножья подмытыхъ изъѣденныхъ теченіемъ «быковъ».

Судно перебиралось осторожно изъ поворота въ поворотъ точно входило на гору по большимъ и скользкимъ хрустальнымъ ступенямъ. Лямочники все ощутительнѣе чувствовали его тяжесть, и бичева натягивалась все крѣпче. На бичевикѣ преобладала теперь галька и острая скальная осыпь. Мѣстами тропинка представляла узкій, подмытый рѣкою уступчикъ высокаго обрыва, мѣстами это былъ мелкій, покрытый водою шиверъ. Съ одной стороны подымался отвѣсно утесъ, съ другой пѣнились бѣшенныя волны. Бичева напрягалась тогда, какъ струна, сильно накреняя мачту. Лямочники тихо брели въ водѣ, погружаясь иногда выше колѣнъ, а иногда и выше пояса. Гуранъ глазъ не спускалъ съ воды и даже худѣлъ отъ безпокойства.

— Главное, мало людей!..—жаловался онъ.

— Гдѣ же ихъ взять то!.. Гдѣ ихъ доспѣть!? Я ли не убивался?..—огрызался Демьянъ.

Теперь уже ежедневно останавливались они ночевать въ виду общаго обезсилѣнія людей и въ виду наступленія темныхъ ночей. Селеній и жителей нигдѣ ни слѣда.

Разъ всего попался имъ навстрѣчу одинокій путникъ. Онъ плылъ внизъ по теченію на маленькомъ плоту, въ треухѣ и косматой дохѣ, похожій издали на подхваченную разливомъ копну сѣна. Подъ рукой впереди него стояла на ножкахъ сибирская винтовка, а около нея горѣлъ на маленькомъ глиняномъ шесткѣ крошечный огонечекъ, и кипѣлъ крошечный чайникъ.

— Эй, братъ, откуда?—спросилъ его Гуранъ.

— Съ воздуха!..

— А куда?

— Отсюда не видать!..—отвѣтилъ дерзко охотникъ, провожая лодку глазами.

— Ишь, фигура!.. Плыветъ на плоту, но поплыветъ и безъ его!.. Спиртоносъ!..—объяснилъ Аннѣ Гуранъ.

Въ другой разъ лодка наткнулась на трехъ такихъ молодцовъ, отдыхавшихъ подъ скалой у костра. Тутъ же лежалъ вверхъ дномъ небольшой верховой батъ. Одинъ изъ бродягъ подошелъ къ лямочникамъ и заговорилъ съ ними, но Гуранъ рѣзко закричалъ на нихъ, чтобы шли, и замедлившіе было шагъ люди опять дернули. Только идущій во главѣ Майданщикъ вынулъ кисетъ и бросилъ незнакомцу. Въ тоже время у берега явился въ душегубкѣ Козьма и долго плылъ слѣдомъ за лодкой, какъ бы оберегая ее. Бродяга махнулъ рукой и вернулся къ своимъ.

На ночевкѣ лямочники, какъ всегда, развели раньше всего на берегу костеръ, чтобы на просторѣ въ ожиданіи ужина, пообсушить и починить платье да обувь, покалякать и разсправить уставшіе члены. Ужинъ готовилъ Спиридонъ теперь всегда на лодкѣ, и спали всѣ на лодкѣ, но отдыхать рабочіе предпочитали на берегу, гдѣ ничье присутствіе не стѣсняло ихъ. Карскій немедленно послѣ остановки уходилъ къ женѣ.

— Видѣли, какъ испугались? Даже старый боберъ вылѣзъ изъ своей норы. Говорю вамъ, они съ золотомъ ѣдутъ...—соображалъ многозначительно Индюкъ.

— Чего имъ пугаться? Троихъ-то бѣдняковъ, которые безъ хлѣба, соли и табаку вторыя уже сутки сидятъ...—объяснилъ Майданщикъ.

— Да развѣ три человѣка мало? Да съ троими молодцами ворохъ дѣловъ передѣлать можно!.. — горячился Индюкъ.—Отсюда недалече, всего одинъ переходъ, цѣлую баржу двое бродягъ половили. Сумерки стояли. Плыветъ баржа, какъ наша, а они въ душегубкѣ мимо. Подошли къ рулевому. «Дай хлѣба», говорятъ Онъ имъ и подалъ, а бродяга-то хвать его за руку, да на корму... Тутъ его ножомъ и въ воду... Судно къ берегу повернуло, а тамъ уже пять человѣкъ дожидается... Тѣ лямочники, что по берегу шли, не дураки парни, побросали все и убѣжали, а смѣну, что въ лодкѣ отдыхала, да хозяевъ порѣзали молодцы въ мигъ да въ Лену... Только хозяйскую жену въ живыхъ оставили... всю ночь съ ней тѣшились, а поутру разорвали пополамъ и тоже въ воду... Проплыли съ теченіемъ кой-куда, да въ соотвѣтственномъ мѣстѣ товаръ, водку, хлѣбъ и все прочее, какъ слѣдуетъ, на берегъ сгрузили, баржу зажгли и пустили... Пошла голубушка концы

хоронить!.. Все имъ сошло съ рукъ... Никого въ тотъ разъ не поймали. Кто въ тайгѣ умнаго человѣка поймаетъ? Скалы, лѣсъ, вода. Тутъ всякъ, точно иголка въ стогу сѣна... Ищи ее! Тутъ жить можно!.. Тутъ такихъ дураковъ мало, чтобы они дьявола потѣшали, ноги на каменьяхъ калѣчили, требуху купеческую на себѣ тащили...

Индюкъ шапку передвинулъ на другое ухо и взглянулъ презрительно на слушателей. Тѣ, видимо, были заинтересованы. У жигановъ даже глаза загорѣлись, Нѣмецъ широко раскрылъ свой вороній ротъ, даже Служивый покручивалъ свой щетинистый усъ.

— Со-всимъ нэ пы-малъ? — переспросилъ съ недовѣріемъ Ахметъ.

— Да говорю тебѣ, стоеросовый, не поймали... Нѣкоторые по сей день здравствуютъ. Разбогатѣли съ той удачи. Одинъ въ Киринскѣ фальшивую монетню открылъ. Теперь у него два дома... въ почетѣ живетъ. А нѣкоторые, правда, погибли, но не по этому случаю. Мало ли случаевъ нашему брату погибнуть? Мало ли нашихъ челдоны треклятые въ Лену ежегодно спускаютъ? Льется кровь рассейская... Каждая пядь земли здѣсь этой кровью облита... А то случается сами себя тоже здорово перекрошатъ, когда двѣ партіи спиртоносовъ сойдутся, золото другъ у дружки отнимать станутъ. Въ тѣхъ-то мѣстахъ, гдѣ теперь идемъ, по осени подъ каждой, почитай, колодой трупъ человѣческій валяется... Извѣстно: золотоносная земля.

Индюкъ, видимо, воспламенился и посыпались разсказы одинъ другого ужаснѣе, кровавѣе, невѣроятнѣе. Выраженія: пнулъ, рубанулъ, треснулъ, уважилъ, долбнулъ—такъ и мелькали. Разсказчикъ помогалъ себѣ жестами или разыгрывалъ цѣлыя пантомины, показывая, какъ корчились, закатывали глаза, хрипѣли умирающіе... Затѣмъ описывалъ тѣ неисчислимыя богатства и удовольствія, которыя доставались удальцамъ...

Глаза бурлацкой мелюзги горѣли хищнымъ огнемъ, но Майданщикъ курилъ спокойно свою трубочку, а Обухъ потягивался и зѣвалъ.

— Что же это ужинать не зовутъ? Какъ ты думаешь, Индюкъ, почему это *онъ* по собственной волѣ лямку съ нами тащитъ?..— спросилъ неожиданно силачъ.

— Кто его знаетъ! Съ жиру бѣсится!.. зажирѣлъ!.. А то, можетъ, насъ подстерегаетъ!..—гнѣвно отвѣтилъ бродяга.

— Ой ты!.. Враль вралевичъ!.. Такой ты, слышу я, фартовый... Посмотрѣть на тебя, такъ ты ровно въ золотѣ ходишь!..—усмѣхнулся Майданщикъ.

— Все отъ ней, отъ сердечной... Отъ водочки-мамочки, батюшка ты мой!.. Все что ни добуду, къ тебѣ несу!..—отгрызался

уже опять весело Индюкъ.—А ты, Обухъ, знай, что у этихъ барынь особый скусъ!

— Эй, вы тамъ! Балагуры!.. Ужинать и спать!—загремѣлъ съ судна голосъ Демьяна и гулкимъ эхомъ покатился по черной рѣкѣ.

Брошенный огонь одиноко догоралъ, отбрасывая далеко на воду алый трепетный сполохъ. Въ его вспышкахъ являлись изъ мрака съ одной стороны стоящая неподвижно среди бѣгущихъ струй лодка, съ другой—громадный корявый утесъ. Огонь потухалъ, уменьшался, какъ бы всасывая разлитую здѣсь недавно людскими разсказами кровь. Взамѣнъ изъ-за края скалы всплывала луна и серебрила своимъ ровнымъ, чистымъ свѣтомъ спящіе лѣса, горы, пески и камни и вѣчно бодрствующую, вѣчно бѣгущую къ океану рѣку.

IX.

Лодка еле-еле двигалась. Зеленоватыя струи рѣки мѣстами прямо становились на дыбы, высоко вползали на грудь судна и, разбитые его водорѣзомъ, бѣжали съ шипѣніемъ мимо, вымѣщать злобу на спокойный берегъ и мутить дальнія тихія воды.

— Дружно, ребята, дружно! Нахрапомъ!..—ободрялъ усталыхъ лямочниковъ Гуранъ.—Никакъ имъ пособить не могу. У берега озеро, но мелко, а глыбже—огневая быстерть!..—извинялся онъ передъ Анной, которая съ видимымъ страданіемъ посматривала на согбенную фигуру мужа среди тихо шагающихъ рабочихъ. Даже Демьямъ и Козьма впряглись въ бичеву, и даже Терешкинъ въ болѣе трудныхъ мѣстахъ присоединялся къ лямочникамъ. Къ помощи Карскаго всѣ до того привыкли, что, когда онъ однажды проспалъ, Демьянъ разбудилъ его безъ дальнихъ околичностей.

— Вы намъ простите, но безъ васъ у насъ совсѣмъ другое силъ расположеніе...—вѣжливо объяснилъ онъ свою неучтивость.

Карскій, разумѣется, сейчасъ же одѣлся и вышелъ.

Крупные утесы все чаще и чаще подходили къ самой рѣкѣ. Одинъ они уже были принуждены «обойти», такъ какъ онъ совсѣмъ былъ лишенъ карниза. Козьма собралъ бичеву и перевезъ ее осторожно среди бурлящихъ и клокочущихъ волнъ. Затѣмъ перевезъ по одному людей. Лодка все это время стояла у скалъ на баграхъ, лихорадочно содрогаясь отъ ударовъ теченія.

Немного повыше этой скалы путешественники замѣтили трупъ утопленника, плывущій лицомъ внизъ, съ руками и ногами повисшими у вздутаго, одѣтаго въ красную рубаху, корпуса, какъ сѣрыя тряпки.

— Гости плывутъ!.. Мача близко...—замѣтилъ Гуранъ, указывая Аннѣ на тѣло.

Та глазъ не могла отвести отъ мертвеца, пока его отталкивали багромъ отъ лодки.

На слѣдующій день наткнулись на другого, тотъ былъ совсѣмъ нагой, исключая ступней, одѣтыхъ въ старыя размокшія бродни. Онъ уткнулся головой въ мель, волны опрокинули его на бокъ и обнаружили на груди жестокую рану. Онъ строго глядѣлъ на проѣзжихъ пустыми глазницами, откуда чайки давно выклевали глаза.

Къ несчастью, и этого увидѣла Анна.

— Далеко ли Мача?—частенько спрашивала съ тѣхъ поръ Анна рвущимся отъ волненія голосомъ.

— Верстъ шестьдесятъ осталось, не больше... Вы не пугайтесь, теперь мы все равно, что на мѣстѣ... Теперь ужъ сумнѣнія нѣтъ, что дойдемъ... А на утопленниковъ вы не смотрите. Ихъ тутъ много... Обыкновенно—пріиски... Золото! — вздохнулъ Гуранъ.

Но Карская уже не могла побѣдить охватившаго ее ужаса и дикой потребности видѣть *ихъ* всѣхъ... Она не сводила глазъ съ хрустальныхъ, зеленоватыхъ волнъ, отыскивая на нихъ темныя, подозрительныя пятна.

Только присутствіе мужа успокоивало ее, но мужъ все спалъ, спалъ крѣпко, мертвецкимъ, усталымъ сномъ. Такъ поступали всѣ лямочники, въ настоящее время даже весь экипажъ лодки, такъ какъ всѣ принимали посильное участіе въ тяжеломъ трудѣ

Близость цѣли и безысходность положенія возбуждала всѣхъ:

— Скоро и ѣды не будетъ!—объявилъ Демьянъ.

Всѣ торопились; даже Индюкъ повторялъ частенько:

— Вправду, поскорѣй бы!.. Покончить бы съ этой ледащей дурой!.. А и то правда: не знаю, зачѣмъ васъ не покину... Вѣдь сегодня еще я былъ бы въ кабакѣ!.. Совсѣмъ человѣкъ отъ сообщенія съ вами ума рѣшился!.. И нѣтъ во мнѣ ни къ чему теперь настоящей охоты...

— Ну, этотъ рубль, что отъ Демьяна получишь, тоже небось въ разсужденіе принимаешь...—иронически замѣтилъ Майданщикъ.

— Вѣрно, другъ мой! Но что рубль?.. Отъ рубля на Мачѣ деньгамъ счетъ начинается! На долго ли это хватитъ? Эхъ вы—нелюди!.. Были бы вы съ умомъ, у всѣхъ бы рубли очутились... Еще время—баржу бы мы на сколы пустили... Купцы, навѣрное, везутъ золото!..

— Да ты золото-то видѣлъ? Брехать легко... А такое дѣло изъ-за двухъ-трехъ рублей устроить тоже не шибко умно... У всякаго проектъ!.. Твой нелѣпый, ты и помалкивай,—напустился на него Майданщикъ.

— А у тебя развѣ лучше?..

— Можетъ, и есть!

— Такъ скажи!..

Старый разбойникъ сощурилъ хитро глазъ.

— Прытокъ-ты! Рано умрешь...

— Миновала меня, значитъ, смерть моя!.. Старые вы хрычи! —смѣялся Индюкъ...

Онъ оставилъ уговаривать гловарей артели и обратился къ мелкотѣ. Все шептался съ тѣмъ и другимъ и въ настроеніи лямочниковъ совершался какой-то переломъ, который даже Карскій замѣтилъ. Они не такъ уже старательно тащили лямку.

Однажды среди глубокаго сна Карскій почувствовалъ, что кто-то его крѣпко и тревожно дергаетъ за плечо. Съ легкимъ стономъ онъ проснулся, но сразу не могъ разобрать, что съ нимъ. Онъ думалъ, что это утро, что пора вставать на работу и жалѣлъ о страшно быстро умчавшейся ночи. Между тѣмъ, кругомъ было темно и какъ-то... непонятно. Его продолжали дергать за плечо и нашептывать:

— Стёпа, Стёпа... вставай... Они сговариваются... они сейчасъ придутъ... вотъ ножъ... Они идутъ... Всѣ погибнемъ... Не хочу я... въ этой страшной землѣ... на родину... Плывутъ.. плывутъ... подбираются.

Карскій узналъ голосъ жены и вскочилъ съ испугомъ. Онъ прислушался мгновеніе. Дѣйствительно снаружи летѣли какіе-то вздохи, лепетанія, шорохъ...

— Это вода, Анна, не пугайся... Я сейчасъ зажгу свѣчу.

— Ни за что! Они легче замѣтятъ насъ... Ты не знаешъ, я тебѣ не говорила, не хотѣла пугать тебя... Они такъ странно смотрятъ на меня... Плывутъ, плывутъ лицомъ внизъ... съ руками обвисшими, какъ плети. Слушай, слушай... опять... Ты ничего не слышалъ?..

Она хватала его крѣпко за руку, но онъ рѣшительно вырвалъ ее и зажегъ свѣчу. Когда онъ увидѣлъ жену въ одномъ бѣльѣ съ черными волосами, разсыпавшимися кругомъ возбужденнаго лица, съ безумно горящими широко раскрытыми глазами, съ ножомъ въ рукѣ, онъ ужаснулся...

Онъ осторожно попробовалъ отнять у нея, прежде, всего злосчастный клинокъ...

— Милая. милая... Иди сюда... Не пугайся... Это я... И ничто не угрожаетъ намъ.

Свѣтъ, повидимому, успокоилъ больную...

— Боюсь... боюсь... Степа!.. Сама не знаю, что со мной творится..—жаловалась она много спокойнѣе.

— Не бойся... Всѣ спятъ, а завтра мы будемъ въ Мачѣ... Не вскипятить ли тебѣ чаю?

— Хорошо бы, но ты не уходи... Я съ тобою... я тебя ни за что не оставлю... Возьмемъ и Сашу... Ты спишь, а я все бодрствую... Столько ночей... Иногда прямо являлись они... Протягивали кровавыя руки... Что сдѣлалъ вамъ ребенокъ?.. Пощадите... Онъ не выдастъ васъ... Не кладите грубыхъ пальцевъ на его головку... косточки у него нѣжныя...—опять начинала бредить она.

— Анна, Анна... Онъ спитъ спокойно, смотри, и нѣтъ никого...—шепталъ Карскій, обнимая бьющуюся жену. Она притихла въ его крѣпкихъ объятіяхъ.

— Эти ночи... ужасныя ночи... они прошли... хорошо, что ихъ больше не будетъ... Мнѣ кажется минутами, что я проваливаюсь въ какую-то темную бездну... я повисла на самомъ краю... и меня что-то зоветъ изъ глубины, чтобы я бросилась туда... Нѣтъ, нѣтъ я хочу разъ, еще разъ взглянуть сознательно на родину!

— Да пустое. Все кончится хорошо... Послѣдній вѣдь день... Ночь просидимъ вмѣстѣ, а днемъ... вѣдь ничего не можетъ случиться...

— Безъ тебя я и днемъ боюсь...

— Хорошо. Мы посмотримъ завтра. А теперь ты одѣнься. Мы пойдемъ чай пить. Сашу оставимъ. Пусть спитъ... Никто сюда не придетъ, повѣрь мнѣ... Я буду зорко слѣдить за всѣмъ... Скоро свѣтаетъ!.. Одѣвайся!..

Анна колебалась.

— Хорошо!—согласилась она, наконецъ, поборовъ страхъ остаткомъ разсудка.

Они вышли на кормовую палубу.

Густая, молочная мгла плотно окутывала судно. Берега исчезли въ ней. Даже мачта и носъ лодки чуть значились среди пронизаннаго луннымъ свѣтомъ тумана. Внизу шумѣли глухо невидимыя струи. Изрѣдка на мигъ, сквозь незамѣтные ходы во мглѣ, лучъ мѣсяца проникалъ къ водѣ и зажигалъ серебристыя искры, молни и зыбучіе столбы на ея черныхъ волнахъ. Тогда казалось, что лодка несется въ облакахъ по лентѣ свѣта въ невѣдомое царство На носу тлѣлъ огонекъ.

— Знаешь, ты подожди здѣсь, а я сбѣгаю и поставлю чайникъ. . Въ мигъ вернусь...

— Нѣтъ, нѣтъ... я съ тобой!..

Она не отпускала его руки, и они съ трудомъ перебирались по скрипучимъ узкимъ доскамъ вдоль лодки надъ шумящей водой. Вездѣ за полотномъ навѣса слышно было мѣрное дыханіе спящихъ людей. Только въ одномъ мѣстѣ край парусины приподнялся, и оттуда глянули сверкающіе глаза, но Анна не замѣтила ихъ. Она окончательно успокоилась, перестала дрожать и

разъ еще только вздрогнула, когда изъ-за костра выглянулъ къ нимъ неожиданно мистическій туманный ликъ.

Это былъ Козьма. Увидѣвъ ихъ, онъ ничуть не удивился, какъ будто ждалъ ихъ и былъ имъ даже радъ.

- Садитесь вотъ сюда! Здѣсь чище... Веселѣе будетъ... Вы тоже не спите, видѣлъ я — все жгете свѣтъ... И я не сплю... Думливъ я... все думаю, какъ... что... вотъ отъ этого и безпокоюсь... Другимъ все нипочемъ, а я не могу... Слава Богу, завтра конецъ! Только бы погода не пришла, а то вѣтеръ гудитъ въ каменьяхъ... Слышите?!

Глухіе, жалобные звуки пролетѣли вверху, точно стаи вспугнутыхъ птицъ. Туманъ колыхался. Анна повеселѣла.

Такъ они просидѣли до разсвѣта, распивая чай и разговаривая мирно о разныхъ предметахъ. Старикъ разговорился и, по просьбѣ Карскаго разсказывалъ о деревенской жизни въ родномъ селѣ, о промыслахъ, рыбной ловлѣ, хлѣбопашествѣ и прочихъ «верховыхъ дѣлахъ».

На разсвѣтѣ Карскіе вернулись къ себѣ. Анна уснула немедленно; Степанъ тоже соснулъ еще часокъ до работы.

X.

День всталъ сѣрый и вѣтряный. Въ узкой долинѣ рѣки, особенно на открытыхъ по вѣтру поворотахъ, бушевала почти буря. Лямочники съ трудомъ одолѣвали теченіе воды и воздуха. Согнувшись въ три погибели, они шли упорно, съ зажмуренными глазами, похожіе на воловъ, бодающихъ врага. Гуранъ не скрывалъ своихъ опасеній.

— Ничего не видно... Рябитъ, а что рябитъ — неизвѣстно... Гдѣ мель, а гдѣ вѣтеръ, Богъ его знаетъ!? Я бы совѣтовалъ подождать...

Ни лямочники, ни пассажиры слышать объ этомъ не хотѣли.

— Вамъ хорошо!.. Хотите спите, хотите работаете... Чаи по ночамъ распиваете!.. Полунощники!..—разсуждалъ громко Индюкъ, бросая злобный взглядъ на запоздавшаго Карскаго.

— Не желаемъ, не разсчетъ намъ!..—поддержали возбужденно бродягу жиганы.

— Лучше ты, Гуранъ, бичевы наддай, а мы пойдемъ... Всѣмъ надоѣло!.. Ужъ я-те говорю, такъ будетъ лучше! — совѣтовалъ дружески въ сторонѣ Майданщикъ.

По лицу Гурана мелькнуло что-то и онъ больше не настаивалъ. Онъ повелъ лодку дальше отъ берега быстринами, по безопаснымъ глубокимъ водамъ; но лямочникамъ отъ этого прибавилось много труда. Въ этотъ день всѣ путешественники были въ

движеніи. Демьянъ тащилъ лямку наравнѣ съ другими и помогали имъ даже оба купца. Только солидный Брылкинъ блюлъ свое достоинство. Впрочемъ, старость извиняла его.

Тѣмъ не менѣе, едва подъ вечеръ они дотащились къ послѣднему опасному утесу, отдѣляющему ихъ отъ Мачи. Крутой «быкъ» врѣзывался въ самый материкъ, и вода прямо клокотала впереди него отъ вѣтра и буруновъ. Большіе подводные камни изрѣдка высовывали изъ волнъ свои черные, склизкіе лбы.

— Ночуемъ, братцы, ночуемъ... Завтра, дастъ Богъ, стихнетъ!

— Какъ же!.. Кой дуракъ станетъ сидѣть въ такомъ сквознякѣ!.. Кабакъ, чай рукой подать... Полъ-часа ходьбы... Ты мнѣ сейчасъ тогда долженъ мое жалованье выплатить, а тогда сиди, если хошь!—бунтовался Индюкъ...

— Свѣтло еще!.. Вѣдь Мачу то видно!..—кричали другіе! Демьянъ нерѣшительно посматривалъ на Гурана, но и тотъ былъ за движеніе.

— Убѣгутъ люди. Послѣ и за пять рублей не наймешь ихъ. Сколько сутокъ придется тогда торчать здѣсь!?. Ѣдемъ! Лишь бы не мѣшкать, пока свѣтло!..

— Утопишь ты насъ!.. Безпремѣнно утопишь!.. — вздыхалъ Демьянъ.

Первую скалу «обошли» они благополучно; но за ней была вторая болѣе опасная. Между утесами берегъ образовалъ небольшую вогнутость, полную скальныхъ обваловъ, поросшихъ мхомъ, кедровикомъ и кустовидной лиственницей. Вода въ бухточкѣ стояла спокойная и вѣтеръ сюда не проникалъ, но лодку отъ тихой заводи отдѣлялъ рядъ острыхъ камней и ее пришлось держать баграми и на причалахъ среди самаго кипучаго водоворота, пока заносили бичеву за слѣдующій утесъ. Причалы напрягались и дрожали какъ струны, дрожало судно, дрожали камни и скалы отъ бѣшеныхъ ударовъ прибоя. Промокшіе и иззябшіе бурлаки развели на берегу огонь, сушились и грѣлись, въ то время какъ часть ихъ, карабкаясь по выступамъ скалъ помогала товарищамъ заносить канатъ. Два раза душегубка подплывала къ утесу и два раза волны и порывы вѣтра отбрасывали ее назадъ. Управляли въ ней два лучшіе гребца Обухъ и Индюкъ, такъ какъ Козьма остался на суднѣ помогать Гурану въ случаѣ срыва судна.

— Не сдюжаютъ! Эй, ворочайтесь... Пусть Обухъ сюда идетъ... Я свезу канатъ!..—кричалъ старикъ, стараясь покрыть голосомъ рокотъ волнъ.

Душегубка опять приближалась къ утесу. Она скользила среди пѣнистыхъ воловъ, съ бугра на бугоръ. Обухъ прилежно гребъ, нагнувшись впередъ, Индюкъ посылалъ товарищамъ воздушные

поцѣлуи. Вдругъ челнокъ исчезъ; еще разъ взмахнуло весло, простерлись вверхъ чьи-то руки и омутъ сомкнулся надъ ними...

Бурлаки ахнули. Всѣ они замерли неподвижно въ тѣхъ положеніяхъ, въ какихъ ихъ застигло событіе. Они зашевелились только, когда Козьма закричалъ на суднѣ:

— Лови!.. Лови!.. Веревку!.. Сюда... Обухъ!..

Они взглянули на рѣку и увидѣли быстро плывущій вверхъ дномъ челнокъ, а ближе къ судну бьющагося въ заворотахъ буруновъ человѣка. Причалы дрогнули въ рукахъ лямочниковъ и возможно, что они отпустили бы и судно на волю, еслибъ Гуранъ не привелъ ихъ въ себя крѣпкимъ ругательствомъ.

— Эй, вы тамъ, ротозѣи!.. И насъ утопить хотите... Тащи крѣпче веревки!

Обуха удалось поймать, но Индюкъ поплылъ внизъ за другими, повернувшись лицомъ ко дну...

Демьянъ немедленно отправился «козей тропой» черезъ «камень» въ Мачу, за лодкой и людьми.

Лямочники просидѣли до утра у огня, посмѣнно придерживая въ рукахъ причалы; они не рѣшались ихъ закрѣпить за камни или кусты; веревки были черезчуръ коротки, и отъ постоянныхъ подергиваній волной канаты легко могли протереться о твердые края утесовъ.

Карскій былъ вмѣстѣ съ другими на берегу. Онъ теперь сожалѣлъ, что не высадилъ раньше на землю жену и ребенка.

Анна, очевидно догадываясь о его безпокойствѣ, придавала ему бодрости, являлась частенько на палубѣ то одна то съ Сашей на рукахъ и дѣлала ему успокоительные знаки. Пламя раздуваемаго вѣтромъ костра освѣщало кругомъ утесы, рѣку и колышущееся на ней судно...

На разсвѣтѣ, какъ предсказывалъ Гуранъ, вѣтеръ затихъ. Изъ-за чернаго «быка» въ перламутровомъ воздушномъ просвѣтѣ показалась лодка съ урядникомъ на носу.

Бичеву прибывшіе перенесли безъ труда за утесъ, и судно выплыло, наконецъ, изъ плѣненія.

Путники послѣ трехнедѣльнаго странствованія опять увидѣли человѣческое жилище. На крутомъ берегу бѣлѣлъ посадъ и сверкалъ стеклами многочисленныхъ оконъ, столбы сѣраго дыма густо струились изъ трубъ, розовѣя въ лучахъ утренней зари.

Еслибъ не тѣнь Индюка, котораго путники еще не успѣли забыть, они навѣрное громкимъ ликованіемъ или дружной пѣсней встрѣтили бы предѣлъ своихъ приключеніи. Лямочники быстро двигались по удобному, утоптанному бичевику.

Карскаго не было среди нихъ, онъ былъ имъ уже не нуженъ и теперь помогалъ женѣ укладывать вещи.

— Наконецъ то, наконецъ..—повторяли супруги тоже слово, какимъ они встрѣтили недавно извѣстіе о своемъ освобожденіи.

Имъ впрочемъ не везло: они и на Мачѣ не застали парохода.

— Можетъ быть, придетъ сегодня... можетъ, завтра... а можетъ, и совсѣмъ не придетъ!.. Все зависитъ отъ состоянія воды въ верховьяхъ...—объяснили имъ въ будкѣ на пароходной пристани.

— Мы, очевидно, попали въ неудачливую струю! Въ Якутскѣ тоже опоздали къ пароходу,—замѣтилъ печально Карскій.

Господинъ въ будкѣ пожалъ плечами. Онъ отказался принять ихъ багажъ, и Карскіе принуждены были нанять извощика, чтобы перебраться съ поклажей въ гостиницу.

— Въ хорошую гостиницу... Я васъ свезу... Дешевая и удобная...—увѣрялъ ихъ извозчикъ.

«Гостиница» оказалась просторной сибирской избой, половина которой свѣшивалась надъ краемъ рѣчного обрыва и была подперта снизу столбами врытыми въ откосъ. Карскій невольно вспомнилъ якутскіе разсказы о легендарныхъ витимскихъ ловушкахъ, откуда спящіе гости проваливались, будто бы, вмѣстѣ съ постелью прямо въ Лену. Онъ преодолѣлъ, однако, непріятное ощущеніе и вошелъ на крыльцо. Большая передняя, замѣняющая вмѣстѣ съ тѣмъ и корридоръ, полна была спящаго на землѣ и скамьяхъ народа. На зовъ явилась изъ боковушки среднихъ лѣтъ женщина въ темномъ платьѣ и въ темномъ платочкѣ на головѣ.

При видѣ гостей ея желтое обрюзглое лицо приняло слащавое выраженіе, и черные глазки быстро задвигались.

— Комнату... Есть, есть!.. Милости просимъ!..

Она показала имъ довольно приличную, выбѣленную известью комнатку за относительно умѣренную цѣну.

— Останетесь довольны! У насъ тутъ тишина, спокойствіе... Останавливаются все больше знакомые! Молочка для ребенка сейчасъ доставлю. А на долго ли?—пѣла хозяйка.

— До парохода.

— Понимаю, понимаю. Онъ, можетъ случиться, и не придетъ! Тогда и зимовать у меня можно—со столомъ, на всемъ готовомъ. И занятіе здѣсь не трудно найти письменнымъ людямъ.

Извозчикъ, который безъ спросу снесъ во время разговора вещи, потребовалъ рубль. Карскій удивился и замѣтилъ, что переѣздъ былъ очень малъ.

— Мы тутъ вольные. Тутъ тайга. Тутъ цѣна безъ торга. Таксы нѣту!—доказывалъ бойко извозчикъ.

Карскій вздохнулъ и уплатилъ цѣну; онъ утѣшалъ себя надеждой на скорый отъѣздъ. Въ случаѣ чего, онъ рѣшилъ продать всѣ лишнія вещи и уѣхать по почтѣ. Онъ немедленно собрался

въ слободку справиться основательнѣе о пароходѣ, сдѣлать нужныя покупки и запастись... револьверомъ.

— По пути поищи на всякій случай болѣе приличной гостинницы!—просила жена.

Слободка спала. Ставни лавокъ были наглухо заперты. Карскій началъ экскурсію съ поисковъ гостинницы. Ему пришлось много пройти по грязной «главной» улицѣ, пока онъ увидѣлъ, наконецъ, на заборѣ надпись «Номера». По узенькимъ ступенькамъ онъ взобрался на крошечное крылечко и оттуда въ тѣсный, полутемный корридорчикъ. По обѣимъ его сторонамъ помѣщался рядъ закрытыхъ дверей. За нѣкоторыми изъ нихъ слышны были смѣхъ и разговоры, но никто не являлся, несмотря на усиленное покашливаніе Карскаго и постукиваніе ногами. Наконецъ, въ противоположномъ концѣ корридора появился рыжій, бородатый еврей въ туфляхъ, въ клѣтчатыхъ панталонахъ и соотвѣтственной курткѣ.

— Чего нужно?

— Номеръ

Еврей въ отвѣтъ толкнулъ одну дверь и вѣжливо, за локоть, ввелъ туда гостя. Напрасно Карскій сопротивлялся, замѣтивъ по серединѣ женщину въ «почти воздушномъ» одѣяніи.

— Виноватъ!..—бормоталъ онъ.

— Ничего, ничего... Валяйте!

Карскій продолжалъ отступленіе, пока не очутился опять въ корридорѣ; тогда еврей толкнулъ слѣдующую дверь. Тамъ тоже была женщина—къ счастью, она еще спала на кровати. Карскій отвернулся. А еврей, между тѣмъ, уже открылъ третьи двери, гдѣ весело смѣялись двое.

— Я сдамъ вамъ сейчасъ квартиру въ полномъ порядкѣ, съ мебелью и всѣми удобствами...—шутилъ, одѣваясь, мужчина.

— Который, значитъ, вамъ нравится номеръ?..—спрашивалъ насмѣшливо еврей.

— Мнѣ не... надо!..—проговорилъ смущенно Карскій.

— Тогда зачѣмъ вы заходили?.. Вернитесь!.. Есть еще номера... подходящіе номера!..—кричалъ вслѣдъ уходящему хозяинъ, а мужчины и женщины вторили ему смѣхомъ.

Въ другой гостинницѣ Карскій нашелъ опять исключительно мужчинъ. Тогда онъ оставилъ дальнѣйшіе розыски.

— Какъ-нибудь пробьемся!.. Вѣдь недолго — день, два не больше...—разсуждалъ онъ, направляясь къ пристани, гдѣ было замѣтно больше движенія, чѣмъ на улицахъ слободки. Съ синѣющаго на той сторонѣ устья Витима, впадающаго въ Лену напротивъ слободки, плыли судна парусныя и на веслахъ, баломутя рѣку. Отрѣзокъ косматаго, хвойнаго лѣса заполнялъ полукругъ горной пади, мягко запирающей горизонтъ туманнымъ перехва-

томъ. Солнце какъ разъ сіяло надъ ней, осыпая небо, лѣсъ и рѣку золотой пылью.

— Все это очень красиво, но... пароходъ куда лучше!..—размышлялъ Карскій, спускаясь по откосу.

У пароходной будки господинъ, судя по его шведской курткѣ и клеенчатомъ картузѣ, близко знакомый съ судоходствомъ, опять увѣрилъ Карскаго, что парохода не будетъ.

— Какъ же здѣсь написано, что долженъ былъ придти недѣлю тому назадъ... Разъ не былъ, значитъ...—доказывалъ упорно Карскій, указывая на росписаніе, приклеенное подъ навѣсомъ.

— Вовсе не значитъ! Я вамъ говорю: не будетъ и баста! Да что вы, милостивый государь, такой допросъ учиняете?.. Вы судебный слѣдователь, что ли!.. Сказано разъ: не будетъ — и дѣлу конецъ!

Незнакомецъ отвернулся и ушелъ, воинственно насвистывая. Другіе еще менѣе могли объяснить Карскому.

— Помилуйте, развѣ можно разсчитывать на пароходы?.. Есть ли они или ихъ нѣтъ? Когда они уходятъ или приходятъ? Были ли они или ихъ не было?.. Все это тайна! Никакого открытія навигаціи у насъ не происходитъ... Лучше всего по старинѣ... обратитесь къ лодочникамъ...

— Ну, нѣтъ!.. Довольно съ меня!

— Тогда... по почтѣ!

На обратномъ пути Карскій соображалъ, сколько приблизительно онъ можетъ выручить за свои вещи. Ничего цѣннаго и легко сбываемаго, ни золотыхъ вещей, ни драгоцѣнностей, у него не было. Могъ онъ продать только свои книги, свое зимнее пальто да женино черное шелковое платье—воспоминаніе лучшихъ дней. Охотниковъ на эти предметы наврядъ ли онъ найдетъ скоро. Придется вѣрно прожить нѣсколько дней!

Въ виду этого онъ купилъ чаю, сахару и съѣстнаго больше, чѣмъ поручила ему жена и выбралъ себѣ револьверъ.

Когда онъ попробовалъ зарядить его, приказчикъ внимательно наблюдавшій за нимъ, быстро спряталъ коробку съ патронами подъ прилавокъ.

— Нельзя. Вы сначала револьверъ положите въ карманъ да застегнитесь, тогда получите патроны...

— Почему же?

— Да такъ!.. Былъ тутъ такой... Одного приказчика ранилъ, другого убилъ... За револьверъ не заплатилъ, да еще кассу пробовалъ ограбить...

— Извините, я и не думалъ...

— Мы и не обижаемся. А только запрещено нонѣ патроны совмѣстно съ револьверомъ продавать...

Немного смущенный возвращался Карскій поспѣшно въ «гостинницу», то и дѣло проваливаясь въ болотныя ямы, прикрытыя ловко раздвигающимися досками панелей.

Въ «тихомъ» домикѣ надъ обрывомъ уже зароилось. Передняя была биткомъ набита размашистыми фигурами плохо одѣтыхъ, но, видимо прекрасно чувствующихъ себя здѣсь молодцовъ. Карскому показалось, что среди нихъ мелькнуло мрачное лицо Майданщика. Какой-то плечистый бородачъ, подпоясанный ремешкомъ, въ мѣховомъ треухѣ на головѣ осматривалъ, посвистывая, ящики Карскаго.

— Ваши?—спросилъ кратко, когда тотъ остановился на мгновеніе около нихъ.

— Мои. А что?

— Хорошо окованы!—процѣдилъ незнакомецъ и «стрѣльнулъ» слюною въ сторону.

За стѣною кто-то жалобно стоналъ.

Жену Карскій нашелъ въ крайнемъ возбужденіи. Она сидѣла на стулѣ за ширмою, устроенною изъ стола, кровати и матрацовъ. Глаза ея чуть не выскакивали изъ орбитъ и зубы щелкали...

— Хорошо, что ты пришелъ, я уже собиралась бѣжать. Револьверъ купилъ?

— Купилъ, купилъ... Что же случилось!?..

— Ужасы, говорю тебѣ! Это притонъ. Если мы невредимы уйдемъ отсюда, то это будетъ величайшее счастье! Мужъ хозяйки въ тюрьмѣ... по ошибкѣ. Этотъ больной, что стонетъ—это подстрѣленный спиртоносъ. Сама хозяйка разсказала мнѣ это, предостерегая отъ людскихъ оговоровъ. . А тутъ: слышишь?!

Она указала на сосѣднюю комнату. Карскій прислушался и, дѣйствительно, вскорѣ за тонкою перегородкою защелкалъ мѣрно оборачиваемый на оси барабанъ револьвера. Очевидно. кто-то тамъ развлекался такимъ невиннымъ и занятнымъ образомъ.

— Саша!.. Саша! иди сюда!..—торопливо звала Анна сына, который воспользовавшись невниманіемъ родителей вышелъ изъ-за матрацовой баррикады.

— Я ухожу, я сейчасъ ухожу... Хорошо, что ты пришелъ; еще немного и я стала бы выть, царапаться и кусаться... Иначе съ этими людьми нельзя... Бросимъ имъ деньги, вещи... все... Пусть только исчезнутъ, пусть исчезнутъ!..

Карскій вынулъ и зарядилъ револьверъ. Сосѣдъ, услышавъ щелканье барабана, прекратилъ свои упражненія, подошелъ къ дверямъ и сталъ сквозь щель наблюдать за сосѣдями. Столпившіеся въ передней люди разступились, удивленные вызывающимъ видомъ уходящихъ.

— На пристань!.. Заночуемъ въ будкѣ... Буду слезно молить,

буду просить и пустятъ насъ... Тамъ все-таки ближе... сроднѣе...— страстно говорила Карская.

Но судьба вдругъ улыбнулась имъ. Когда они очутились на краю обрыва, откуда по откосу спускалась къ рѣкѣ дорога, они замѣтили на голубомъ зеркалѣ воды быстро несущійся къ берегу пароходъ.

Карскій проводилъ жену съ ребенкомъ къ будкѣ, затѣмъ нанялъ извозчика и вернулся за вещами. Чемоданы онъ торжественно, но безпрепятственно вынесъ изъ «притона», зато скромная хозяйка солоно посчитала за молоко, самоваръ, яйца и вообще все спрошенное «безъ уговору».

Нѣсколько часовъ спустя Карскіе сидѣли въ крошечной каютѣ парохода и весело пили чай.

Въ истомленныхъ чертахъ Анны опять затеплилась присущая ей доброта, взглядъ Степана утратилъ недавнюю рѣзкость, Саша свободно изучалъ запретные углы. Вечеромъ, когда пароходъ, взбивая волны лопастями и выбрасывая въ мѣрномъ дыханіи столбы искристаго дыма, понесся навстрѣчу темнѣющей рѣкѣ, Карскій, нагнувшись надъ машиннымъ люкомъ, созерцалъ съ восхищеніемъ, почти съ нѣжностью давно невиданныя стальныя колеса, шатуны и поршни, сверкавшіе въ электрическомъ свѣтѣ, и думалъ объ удивительномъ созданіи человѣка, о собирательной душѣ давно погибшихъ поколѣній, воплощенной въ металлическомъ существѣ, которое, въ свою очередь, позволяетъ своимъ творцамъ укладываться въ иномъ, болѣе высокомъ, и человѣчномъ порядкѣ...

Вацлавъ Сѣрошевскій.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

Продолженіе *).

ЧАСТЬ XI.

Глава XXI.

— Зачѣмъ люди живутъ въ Англіи, когда могутъ жить въ раю?— сказала герцогиня, томно прислоняясь къ борту лодки и обмакивая пальцы въ воды озера Комо.

Въ этотъ ароматный апрѣльскій день имъ съ Жюли казалось, что онѣ плывутъ по волшебной странѣ. Когда весна спускается на берега озера Комо, она приноситъ съ собой въ этотъ очаровательный уголокъ всю красоту и прелесть, всѣ радости, на какія только способны земля и небо. И по берегамъ другихъ озеръ — Маджіоре, Лугано, Гарда—высятся синія горы и виноградники нѣжатся на солнцѣ, сверкая своей изумрудной зеленью. Но только на берегахъ Комо всѣ эти красоты природы сливаются въ одну цѣлую, величавую, гармоническую картину. Нигдѣ горы не склоняются другъ къ другу такъ царственно красиво, какъ на сѣверномъ берегу озера Комо; нигдѣ онѣ не раздвинулись вправо и влѣво такими стройными рядами, точно грандіозныя колонны величественнаго свода, поддерживающія завѣсу ослѣпительно яркихъ облаковъ, въ солнечные дни висящую надъ равниной Брешьи, дивную завѣсу, отдѣляющую жителей горъ отъ обитателей мраморныхъ городовъ Брешьи, Вероны и Падуи, лежащихъ на пути въ Венецію.

И въ этой дивной рамкѣ, между сверкающими льдами, которые и въ апрѣлѣ вѣнчаютъ вершины горъ, и недвижными отраженіями ихъ въ глубокихъ водахъ озера, нѣтъ такого уголка луга, виноградника, лѣсистаго склона, гдѣ бы не трудилась весна, убирая дернъ генціанами, глуша его нарциссами, раскидывая надъ нимъ первую золотую сѣтку листьевъ каштана; гдѣ бы не радовала вашъ взоръ изумрудная

---

*) См. „Міръ Божій", № 4, апрѣль, 1903 г.

травка; гдѣ бы оливы и персики и дикія вишни въ цвѣту не рисовали на небесной лазури измѣнчивыхъ и дивныхъ узоровъ, приводящихъ въ неизъяснимый восторгъ вашу душу. Ужъ розы начинали виться вверхъ по стѣнамъ, и плющъ обвивалъ кипарисы, и всѣ сады были усыпаны роскошными букетами камелій и азалій; а поросшіе травой берега заливчиковъ, уходившихъ глубоко въ горы, все еще были покрыты нѣжными и строгими въ своей бѣлизнѣ буквицами, и здѣсь особенно свѣжо и ярко чувствовалось торжество весны, только что побѣдившей зиму.

И въ сердцѣ и въ чувствахъ Жюли Ле-Бретонъ, въ то время какъ она, сидя рядомъ съ герцогиней, разсѣянно слушала болтовню старика лодочника, положившаго весла и занимавшаго разсказами дамъ, сила возрожденія, родственная веснѣ, тоже дѣлала свое цѣлительное и животворное дѣло. Она все еще имѣла видъ человѣка, оправляющагося отъ тяжкой болѣзни, но въ ея лицѣ и взглядѣ было что-то и другое, болѣе глубокое, болѣе трогательное. Такъ смотритъ тотъ, кто, ложась и вставая, носилъ въ своей душѣ всю ту же безъисходную боль, кто стоялъ лицомъ къ лицу со страстью, безуміемъ и самоосужденіемъ; кто поневолѣ жадно искалъ отвѣта на тѣ вопросы, которыхъ большинство изъ насъ никогда и не задаютъ себѣ: «Куда ведетъ меня моя жизнь? какую цѣнность она имѣетъ для кого бы то ни было?» Такой взглядъ и голосъ глубоко трогаютъ насъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, въ чьей душѣ есть имъ откликъ. Сэръ Уильфрэдъ Бери, напримѣръ, образецъ спокойнаго и разсудительнаго человѣка, не способенъ былъ тронуться такимъ взглядомъ. Для него, при всемъ его тонкомъ умѣ, Жюли представляла собою лишь type passionnel, инстинктивно отталкивавшій его. Точно также и герцогъ Кроуборо. Такіе люди относятся къ женщинамъ въ родѣ Жюли ле-Бретонъ или насмѣшливо, или враждебно, ибо отъ женщинъ своего круга они требуютъ прежде всего нѣкоторой наивности и легкомыслія, облегчающихъ жизнь мужчины.

Но для такихъ натуръ, какъ Эвелина Кроуборо, Мередитъ, Джэкобъ Делафильдъ, типы въ родѣ Жюли имѣютъ неотразимую притягательную силу. Ибо всѣ они дѣти чувства, и это роднитъ ихъ, какъ бы различны ни были они по уму и взглядамъ на жизнь. Ихъ привлекаетъ и пылкій темпераментъ, и чувствительность, и то, что на техническомъ языкѣ католицизма, именуется «даромъ слезъ». Какъ бы тамъ ни было, жалость и любовь къ бѣдной Жюли, хоть и безумной, хоть и виновной,— глубоко залегли въ сердечкѣ Эвелины; онѣ привели ее на берегъ Комо; онѣ помогали ей бороться, съ одной стороны, съ мужемъ, писавшимъ ей сердитыя письма, съ другой — съ трогавшей ее и въ то же время приводившей ее въ недоумѣніе постоянной грустью подруги.

«Я часто слыхалъ,— писалъ ей огорченный герцогъ,—объ опустошеніяхъ, которыя вноситъ въ семейную жизнь нелѣпая и неразумная женская дружба. Но я никогда не думалъ, что ты, Эвелина, заставишь

меня испытать это на себѣ. Не стану повторять доводовъ, которые я сто разъ уже приводилъ напрасно. Но еще разъ прошу и умоляю тебя—найди какую-нибудь добрую и надежную особу, которой ты могла бы поручить миссъ Ле-Бретонъ, а сама возвращайся домой, ко мнѣ и дѣтямъ, и къ тысячѣ и одной обязанностямъ, которыми ты пренебрегла.

«Весенній мѣсяцъ въ Шотландіи, который я обыкновенно провожу такъ пріятно, уже погибъ; а теперь, очевидно, будетъ испорченъ и сезонъ. Ты, конечно, знаешь, что въ нашемъ Строфшайрскомъ помѣстьѣ предстоятъ важные выборы, и премьеръ не далѣе, какъ вчера, выразилъ надежду, что ты это помнишь и дѣйствуешь. Черезъ недѣлю въ Лондонъ пріѣдетъ великій герцогъ С. Мнѣ очень хотѣлось бы оказать ему какую-нибудь любезность. Но что же я могу сдѣлать безъ тебя? И какъ, скажи на милость, объяснить ему твое отсутствіе?

«Еще разъ, Эвелина, прошу и требую, чтобы ты вернулась домой!»

Герцогиня отвѣтила съ тою же почтой:

«Ахъ, Берти, голубчикъ мой, какой ты тупоголовый! Вѣдь я тебѣ все это уже объясняла до потери сознанія. Я рада все-таки, что ты не говоришь: приказываю; тогда мнѣ пришлось бы трудненько.

«Что касается выборовъ, конечно, будь я дома, это казалось бы мнѣ очень забавнымъ. Но здѣсь я сильно сомнѣваюсь, нужно ли намъ дѣлать то, на что намекаешь ты и лордъ М. Герцогу не слѣдъ вмѣшиваться въ выборы. Во всякомъ случаѣ мнѣ полезно поразмыслить объ этомъ немножно, хотя я вполнѣ допускаю, что изъ-за этого вашъ кандидатъ можетъ и провалиться.

«Великій герцогъ препротивный и, не будь онъ великимъ герцогомъ, ты первый бы его срѣзалъ. Въ прошломъ году мнѣ все время за обѣдомъ приходилось осаживать его. Это было очень унизительно и совсѣмъ не забавно. Можешь устроить для него обѣдъ и позвать однихъ мужчинъ. Лучшаго онъ и не стоитъ.

«О здоровьи малютокъ м-рсъ Робсонъ телеграфируетъ мнѣ каждое утро; до сихъ поръ ни у одного изъ нихъ, кажется, и пальчикъ не заболѣлъ со времени моего отъѣзда; и я увѣрена, что матери вообще совершенно имъ не нужны. Но все же я много думаю о нихъ, особенно по ночамъ. Вчера ночью я пробовала думать о томъ, какъ ихъ надо воспитывать—еслибъ я только не была такой соней! А все-таки дома мнѣ никогда въ жизни не приходило въ голову подумать объ этомъ. Такъ что все къ лучшему.

«Право же, я скоро вернусь къ тебѣ, бѣдный ты мой, брошенный миленькій Берти! Но у Жюли нѣтъ, кромѣ меня, никого на свѣтѣ, и я чувствую себя ньюфаундлендомъ, вытащившимъ изъ воды утопающаго. Вода была глубока; жизнь только начинаетъ возвращаться къ спасенному, и отъ собаки пользы мало. Но она все-таки сидитъ, для компаніи, пока не придетъ докторъ. Вотъ такъ и я.

«Я знаю, что ты не одобряешь тѣхъ мыслей, какія теперь сидятъ у меня въ головѣ. Но это оттого, что ты не понимаешь. Почему бы тебѣ самому не пріѣхать сюда? Ты присмотрѣлся бы къ Жюли и полюбилъ бы ее не меньше, чѣмъ я ее люблю; все устроилось бы очень просто, и я ни капельки бы не ревновала!

«Д-ръ Мередитъ пріѣдетъ, по всей вѣроятности, сегодня вечеромъ, а Джэкобъ завтра, проѣздомъ въ Венецію, гдѣ теперь Чедлей со своимъ бѣднымъ мальчикомъ».

Надъ озеромъ дулъ breva, сѣверный вѣтеръ, приносящій хорошую погоду, свѣжій, но мягкій. Южное солнце лило свои уже жгучіе лучи на Белладжіо, на длинную террассу виллы Мельци, на бѣлый туманъ вишневаго цвѣта, легкимъ облакомъ лежавшій на зеленыхъ склонахъ горъ надъ Санъ-Джіованни.

Герцогиня и лодочникъ неожиданно перешли съ обычныхъ разговоровъ, при помощи которыхъ герцогиня старалась усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ,—о веснѣ, объ отелѣ Бельвю, о садахъ виллы Карлотта, къ совсѣмъ иному. Эвелина случайно спросила лодочника, участвовалъ ли онъ въ битвахъ 59 года, и старикъ вмигъ, на ея глазахъ, точно переродился. Весла праздно лежали на водѣ; зато рѣчь его лилась рѣкою, а все лицо словно просвѣтлѣло, озаренное страстью. Наварра и ея король, разбитый въ бою; десять лѣтъ злобнаго выжиданія и спорная побѣда при Мадджентѣ; борьба съ пятью заразъ, вырвавшая у Австріи холмы Санъ-Мартино; униженія и ярость герцога Виллафранка, все это было близко сердцу этого изможденнаго сѣдобородаго старика. Истый латинянинъ, онъ говорилъ образно и краснорѣчиво, какъ не съумѣлъ бы говорить ветеранъ сѣвера; онъ сразу выросъ, сталъ на одной высотѣ съ великими событіями, въ которыхъ онъ принималъ участіе; въ немъ чувствовался потомокъ расы, которую, словно камень отъ утесовъ, служившихъ первобытными устоями міра, вѣками перекатывали и полировали волны исторіи.

Отъ кампаніи 1859 года онъ перешелъ къ 1848 г. къ миланскимъ днямъ, незабвеннымъ пяти днямъ, когда населеніе выставило армію, и то, что началось почти шуткою, кончилось упоительнымъ бредомъ нежданной побѣды. Рѣчь его стала горяча, отрывиста, сбивчива, какъ всякая лѣтопись уличной борьбы. Затѣмъ, лицо его вдругъ поблѣднѣло, черты обострились, онъ перенесъ своихъ слушательницъ къ мрачнымъ годамъ, когда Австрія мстила за себя, а Италія молча страдала подъ ея игомъ. Вытянувъ тощую руку, старикъ одинъ за другимъ указывалъ на берегахъ озера города, то залитые блескомъ заката, то окутанные тѣнью сѣвернаго склона—Граведону, Варсину, Ардженьо; эти города слали своихъ сыновъ подъ австрійскіе пули и штыки, ради избавленія Италіи.

Онъ называлъ святыя имена—Стаццонелли, Риччини, Крешьерн,

Ронкетти, Череза, Превитали, все почти молодежь, разстрѣлянныхъ за ношеніе ружья или кинжала, за помощь, оказанную товарищу при бѣгствѣ изъ австрійскихъ казармъ, за оскорбительное поведеніе въ отношеніи австрійскаго офицера или солдата.

Объ одной изъ такихъ казней, которой онъ былъ очевидцемъ, разстрѣляніи молодого человѣка двадцати шести лѣтъ, его друга и родственника, старикъ разсказалъ такъ, что герцогиня вся побѣлѣла, и крупныя слезы выступили у нея на глазахъ. Замѣтивъ произведенное имъ впечатлѣніе, старикъ испугался.

— Ахъ, эччеленца, вѣдь это было необходимо! Итальянцы должны были показать, что они не боятся смерти, чтобы Господь позволилъ имъ жить. Ессо, eccelenza!

И онъ дрожащими руками вытащилъ изъ нагруднаго кармана старый измятый конвертъ, перевязанный веревочкою. Развязалъ и досталъ оттуда листокъ бумаги, потемнѣвшій отъ времени и видимо побывавшій во многихъ рукахъ. То былъ грубо отпечатанный отчетъ о послѣднихъ завѣтахъ и страданіяхъ мантуанскихъ мучениковъ, заговорщиковъ 1852 года, изъ темницъ и могилъ которыхъ выбились и, обновленныя, расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ силы, возродившія Италію и освободившія ее нѣсколько лѣтъ спустя, изгнавъ австрійцевъ съ Бурбонами вмѣстѣ.

— Смотрите, эччеленца!--Онъ заботливо расправилъ складки на истертомъ листкѣ и вложилъ его въ руку герцогини.—Будьте добры посмотрѣть, гдѣ тутъ отмѣтка чернилами. Тамъ вы найдете послѣднія слова донъ Энрико Таццоли, своднаго брата моего отца. Онъ былъ священникъ, эччеленца. Ахъ, тогда не то, что теперь. Тогда священники стояли за Италію. Въ одной Мантуѣ повѣсили троихъ. А дона Энрико сначала разстригли, потомъ повѣсили. И вотъ тутъ записаны его послѣднія слова Скарселлики, который пострадалъ вмѣстѣ съ нимъ. Veda, eccelenza! Я-то знаю ихъ наизусть, еще съ дѣтства.

Старикъ снова взялся за весла и медленно гребъ, шопотомъ повторяя про себя отдѣльныя фразы и отрывки изъ того, что читала герцогиня.

«Обиліе жертвъ не лишало насъ мужества въ прошломъ, не лишитъ и въ будущемъ, пока намъ не блеснетъ заря побѣды. Народное дѣло все равно, что вѣры— оно крѣпко только мучениками... Вы, остающіеся въ живыхъ, побѣдите, и въ вашей побѣдѣ будемъ жить мы, мертвые!..

«Не крушитесь о насъ: кровь предтечъ — сѣмя, которое мудрый сѣятель бросаетъ въ плодородную землю... Поучите нашу молодежь поклоняться великой идеѣ и страдать за нее. Трудитесь неустанно ради лучшаго будущаго и не горюйте о насъ!.. Вы увидите Италію единой и могучей. Все предвѣщаетъ это. Работайте. Нѣтъ такого препятствія, котораго нельзя было бы побѣдить; такого сопротивленія, съ которымъ нельзя было бы справиться. Остается только рѣшить:

какъ и *когда*. Вы, болѣе счастливые, чѣмъ мы, найдете ключъ къ этой загадкѣ, когда свершите все положенное, и время приспѣетъ... Надѣйтесь! Мои родные, братья мои, надѣйтесь неизмѣнно и не теряйте времени на слезы».

Герцогиня читала вслухъ по-итальянски, а Жюли, наклонившись къ ея плечу, слѣдила за словами.

— Удивительно!—тихо выговорила Жюли, опускаясь на скамью.— Въ двадцать семь лѣтъ съ веревкой на шеѣ—утѣшаться мыслью объ «Италіи». Что ему «Италія», что онъ ей? Рай въ будущемъ, даже не сейчасъ... Кто теперь способенъ на это?

Въ ея лицѣ и позѣ ужъ не было вялости, тоски. Герцогиня вернула старику его сокровище и съ радостью посмотрѣла на Жюли. Ни разу еще, со времени болѣзни пріятельницы, она не видѣла ее такой оживленной.

И, дѣйствительно, вызовъ всему міру, звучавшій въ этихъ словахъ казненнаго итальянца, пробудилъ въ угнетенной душѣ Жюли новыя силы. Онъ дышалъ такой же бодрящей, живительной властью, какъ снѣга на вершинахъ далекихъ Альпъ, окружавшихъ озеро, какъ свѣжій вѣтеръ, дувшій съ горъ, какъ «блескъ и тѣнь, и дивный миръ», которымъ здѣсь вѣяло отовсюду.

И умъ кричалъ ей, но словно сквозь рыданія: «что значатъ, что значатъ личная борьба и горе? Ихъ можно пережить. Сердце можно заставить замолкнуть — укрѣпить нервы — вернуть силу. Воля, идея останутся; останется вѣчное зрѣлище міра — вѣчная жажда человѣка видѣть, знать, чувствовать, проявлять себя,—не одной страстью, такъ другой,—не въ любви, такъ въ патріотизмѣ, искусствѣ, мысли».

Лодка причалила немного пониже виллы, гдѣ поселились герцогиня и Жюли. Герцогиня поднялась по лѣстницѣ. Сверху ей кивали золотистыя головки фуксій, обвивавшихъ мраморную баллюстраду, но лицо ея было озабочено. Ей предстояло написать обычное ежедневное письмо мужу, далекому и недовольному.

Жюли простилась съ ней поцѣлуемъ и стояла, глядя вслѣдъ маленькой фигуркѣ, пока она не скрылась изъ виду. За это время она очень привязалась къ герцогинѣ. Какое-то новое чувство смиренія и признательности наполнило ея сердце. Она не должна позволять Эвелинѣ такъ жертвовать собою. Когда герцогиня настаивала на томъ, что больную необходимо увезти за границу, Жюли была слишкомъ слаба, чтобы противорѣчить. Но теперь надо поскорѣе возвратить герцогу его сокровище.

Сама Жюли вышла на свою обычную прогулку, на которой она каждый день пробовала свои постепенно прибывавшія силы. Она поднялась по извилистой дорогѣ въ Кріанте, прошла черезъ хорошенькую деревушку подъ Каденаббіей; потомъ свернула налѣво и поднялась по

тропинкѣ, ведущей въ лѣса, нависшіе надъ знаменитыми садами виллы Карлотта.

Что за дорога! Налѣво, казалось подъ самыми ея ногами, вся земля и небо — широко раскинувшееся озеро, алыя горы, небо, пылавшее блескомъ заката.

Золотисто-алый отблескъ его ложился на тихія воды; чуть видныя отсюда лодки ползли, какъ мошки отъ берега къ берегу; на полдорогѣ между Белладжіо и Каденаббіей виднѣлось бѣлое пятнышко — пароходъ, оставлявшій позади себя серебряную борозду. Направо—зеленый склонъ и на немъ каждый листикъ, цвѣтокъ, каждый стебель травы, словно преображенные яркимъ свѣтомъ, лившимся съ запада. На самой вершинѣ холма нѣсколько разбросанныхъ оливъ, персиковыхъ деревьевъ и дикихъ вишень выдѣлялись на голубомъ фонѣ неба, и тонкіе стволы ихъ, и жемчужно-бѣлый цвѣтъ, и легкіе перистые листочки, отливавшіе золотомъ въ блескѣ заката, казались чѣмъ-то волшебнымъ, воздушнымъ, фантастическимъ, словно хоръ ангеловъБотичелли на вершинѣ горы.

Вотъ и скамья въ зеленой лощинкѣ, гдѣ Жюли обыкновенно присаживалась отдохнуть! Что за видъ! Прямо передъ глазами скала, одѣтая еще безлистными каштановыми деревьями и словно ложившаяся на озеро. Безчисленное множество стволовъ и вѣтвей, темно-коричневаго или сѣро-стальнаго цвѣта рѣзко вырисовывались въ серебряномъ воздухѣ; на самой вершинѣ скалы горделиво высилось надъ другими великолѣпное раскидистое дерево, все черное, словно гербъ или знамя лѣса. Межъ стволами деревъ сверкали далекіе снѣга на горахъ и алѣвшія въ лугахъ заката вершины утесовъ; а ближе — иной снѣгъ, покрывавшій вишневыя и персиковыя деревья, нарушалъ еще зимнюю величавость пейзажа. И всюду въ воздухѣ падали съ неба, разливались по холмамъ, сверкали на озерѣ чистѣйшіе оттѣнки розоваго и самаго темнаго синяго цвѣта; озеро и горы, и облака казалось таяли одно въ другомъ, словно небо и земля сговорились лишь оттѣнить и подчеркнуть красоту народившейся новой весны, молоденькихъ листочковъ и цвѣтовъ, сіявшихъ огненными точками на глубокомъ фонѣ дали.

По зеленому выступу, окаймлявшему лощинку, гдѣ пріютилась скамья, дѣти тащили на веревкѣ козу. Напротивъ стоялъ домикъ contadino, сложенный изъ сѣраго камня. Передъ домикомъ вертѣлось колесо водяной мельницы и бѣжалъ говорливый ручей, сбѣгавшій съ горъ. Все было такъ спокойно, краски и звуки такъ мягки. Голоса дѣтей сливались съ журчаньемъ ручья; въ лѣсу подъ горой пѣлъ соловей. Иныхъ звуковъ не было слышно. Съ тихой затаенной радостью весна вступала въ свои права. Ахъ вотъ! — Angelus! Волна звуковъ разлилась надъ озеромъ, передаваясь изъ деревни въ деревню... Слезы стояли въ глазахъ Жюли. Эта красота давила, угнетала ее. У нея не

было живого мѣста въ душѣ, и этотъ призывъ природы былъ ей еще не по силамъ... Всего нѣсколько короткихъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Уорквортъ выпалъ изъ ея жизни, какъ Делафильдъ спасъ ее отъ гибели, какъ умеръ лордъ Лэкинтонъ.

Отъ Уорќворта пришло одно только письмо — дикое, безсвязное, писанное ночью въ номеркѣ убогой гостиницы близъ Gare des Sceaux. Онъ получилъ ея телеграмму, и для него, какъ для нея все было кончено. Но письмо было не однимъ только крикомъ обманутой страсти. Въ немъ звучала новая нотка душевной тоски, такая же неожиданная для нея и поразительная въ его устахъ, какъ и самый крикъ страсти. Выражаясь языкомъ религіи, это было письмо человѣка, «сознавшаго свою грѣховность».

«Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ подали вашу телеграмму? Я шагалъ взадъ и впередъ по платформѣ, съ которой отходятъ поѣзда, сходя съ ума отъ волненія и тревоги, не понимая, что могло съ вами случиться, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ начальникъ станціи. «Monsieur attend une dépêche»? Пришлось продѣлать еще какія-то глупыя формальности, наконецъ, я получилъ ее. Мнѣ казалось, что я уже заранѣе зналъ, что въ ней было написано.

«Такъ васъ встрѣтилъ Делафильдъ? Делафильдъ заставилъ васъ вернуться назадъ?

«Я видѣлъ его вчера на улицѣ передъ отелемъ и мы обмѣнялись нѣсколькими словами. Мнѣ всегда не нравилось его длинное, блѣдное лицо, его надменный властный тонъ, по крайней мѣрѣ, съ простыми смертными въ родѣ меня, не имѣющими счастья принадлежать къ аристократіи. Вчера я болѣе обыкновеннаго спѣшилъ отдѣлаться отъ него.

«Такъ онъ догадался?...

«Это не могло быть случайностью. Не знаю, какъ, но онъ догадался. И васъ вырвали у меня. Боже мой. Если бы я только могъ добраться до него и швырнуть ему въ лицо его презрѣніе! А между тѣмъ...

«Я всю ночь шагалъ изъ угла въ уголъ по своему номеру. Какъ я томился по васъ! Такого остраго страданія я, кажется, никогда еще не испытывалъ. Ибо я не изъ тѣхъ людей, которые любятъ терзаться. Я всегда старался по возможности избѣгать этого. Но на этотъ разъ меня схватило крѣпко. И это еще не все. Есть другое ..

«Какія мы странныя половинчатыя существа! Знаете ли вы, Жюли, что къ разсвѣту я на колѣняхъ благодарилъ Бога за то, что Онъ разлучилъ насъ. что вы на пути домой, невредимая, недоступная для меня? Что это было, сумасшествіе, или?.. Я не могу этого объяснить. Знаю только, что я то ненавидѣлъ Дельфильда, какъ смертельнаго врага—все равно, зналъ онъ, что дѣлалъ, или не зналъ, то благословлялъ его! Я теперь понимаю, что люди называютъ обращеніемъ. Въ эти страшные часы, пережитые мной, во мнѣ словно проснулось такое,

чего я никогда не подозрѣвалъ въ себѣ. Я изъ вѣрующей семьи, получилъ религіозное воспитаніе. Должно быть, человѣкъ, въ концѣ концовъ, не въ состояніи освободиться отъ крови и взглядовъ, которые ему оставили въ наслѣдство его предки. Мой бѣдный старикъ отецъ— я сознаю, что былъ дурнымъ сыномъ и ускорилъ его смерть—былъ чѣмъ-то въ родѣ пуританскаго святого съ очень суровыми воззрѣніями. Всю эту ночь, мнѣ казалось, я говорю съ нимъ и меня давило его осужденіе. Я, какъ живое, видѣлъ передъ собой его старческое лицо, когда онъ излагалъ мнѣ мысли, которыя я осмѣлился допустить въ себѣ, и указывалъ мнѣ на рискъ, который я готовъ былъ взять на себя по отношенію къ женщинѣ, которую я люблю, которой я обязанъ вѣчной благодарностью.

«Жюли, какъ странно глубоко захватило меня мое назначеніе! Вчера вечеромъ я видѣлъ много народу въ посольствѣ—все славные люди и всѣ наперерывъ ухаживали за мной. Никогда прежде такіе люди не обращали на меня особеннаго вниманія. Очевидно, эта миссія или выдвинетъ, или погубитъ меня. Для меня это ясно. Меня можетъ постигнуть неудача. Я могу умереть. Но если я успѣю выполнить свою задачу, Англія будетъ кой-чѣмъ мнѣ обязана, и люди, стоящіе на верверщинѣ... Боже мой, какъ я могу писать объ этомъ вамъ?! Я вернулся въ гостинницу и половину ночи думалъ о томъ, какая разница между тѣмъ человѣкомъ, какимъ меня представляютъ себѣ эти почтенные люди, и тѣмъ мерзавцемъ, какимъ я самъ сознаю себя. Какъ! Взять все изъ рукъ женщины и затѣмъ обратиться противъ нея же, тащить ее въ грязь, предлагать ей то, за что ты самъ застрѣлилъ бы другого мужчину, если бы онъ предложилъ это твоей сестрѣ! Воръ и подлецъ!

«Жюли, милая, любимая, забудьте все это! Ради Бога, не будемъ больше касаться этого. Пока я живъ, ваше имя, память о васъ будутъ жить въ моемъ сердцѣ. Мы, по всей вѣроятности, не увидимся въ теченіе многихъ лѣтъ. Вы выйдете замужъ и будете счастливы. Сейчасъ, я знаю, вы страдаете. Я словно вижу васъ въ поѣздѣ,—на пароходѣ—ваше блѣдное личико, освѣтившее для меня новую жизнь, ваши милыя, худенькія ручки, такъ легко умѣщавшіяся въ одной моей! Вы въ горѣ, моя родная, вы выбиты изъ колеи. И все таки вы отдаете въ мое распоряженіе свой чуткій, ясный умъ и все свое сердце. Съ этимъ не страшно и адскихъ мукъ! И снова, и снова, я говорю себѣ: если бы только она была здѣсь! Если бы она пришла сюда, ко мнѣ, обвила бы руками мою шею, я, навѣрное, нашелъ бы въ себѣ мужество—самое обыкновенное мужское мужество—вырвать изъ этой путаницы и себя, и ее. Эйлинъ возвратила бы мнѣ свободу и простила бы мнѣ.

«Нѣтъ, нѣтъ—все кончено! Пора! За дѣло! Вы устроили это для меня. Я не заставлю васъ пожалѣть объ этомъ.

«Прощай, Жюли, моя любовь, прощай навсегда!»

Это было странное письмо, безсвязное, нелогичное, писанное урывками: въ немъ сквозили и нравственные завѣты, унаслѣдованные отъ цѣлаго ряда богобоязненныхъ предковъ и заглохшіе было подъ дальнѣйшими эгоистическими наслоеніями, но теперь ожившіе и очищенные подъ вліяніемъ отчасти истинной страсти, отчасти взятой на себя тяжкой отвѣтственности. Въ этомъ письмѣ сказались и низкія, и высокія свойства души писавшаго, но оно было истинно человѣческимъ документомъ, вырваннымъ изъ самой глубины жизни, и на женщину, къ которой оно было адресовано, оно, въ общемъ, повліяло успокоительно.

Онъ любилъ ее! Хотя бы только въ моментъ разставанія,—онъ любилъ ее! Подъ конецъ въ немъ было чувство, искренность, мука душевная, а за это все можно простить.

Да Жюли и простила давно все то, что, по ея мнѣнію, нужно было прощать. Развѣ онъ виноватъ, что, когда они встрѣтились, онъ былъ уже связанъ съ Эйлинъ Моффатъ соображеніями общественнаго и практическаго свойства, которыя она, Жюли, вполнѣ признавала и понимала? Развѣ онъ виноватъ что отношенія между ними сложились въ дружбу, которая, въ свою очередь, могла перейти въ любовь только посредствомъ страсти? Нѣтъ! То, что онъ предложилъ ей вначалѣ, онъ имѣлъ полное право чувствовать и предлагать. Это она со своей знойной затаенной страстью, выросшей изъ трагическаго невѣдѣнія, повліяла на его чувство...

Такъ она защищала его и вмѣстѣ оправдывала себя. Что касается до предложенія поѣхать въ Парижъ, онъ былъ въ правѣ отнестись къ ней, какъ къ женщинѣ, способной рѣшить сама за себя, какъ далеко можетъ завести ее любовь. Онъ былъ въ правѣ думать, что ея прошлое, ея воспитаніе и условія ея жизни были не таковы, какъ у обыкновенной барышни, выросшей подъ крылышкомъ родителей, и что ея любовь естественно можетъ быть болѣе смѣлой и страстной, чѣмъ у другихъ. Онъ слишкомъ пылко, слишкомъ строго осудилъ себя, но тѣмъ нѣжнѣе помнило его ея сердце. Ибо это значило, что онъ мучился изъ-за нея, что его мысли рвались къ ней въ порывѣ раскаянія. И снова она чувствовала себя любимой и прощала всей душой.

И все-таки онъ выпалъ изъ ея жизни, и она невольно, безсознательно тянулась къ другимъ сферамъ и фазамъ бытія, и за время ея болѣзни и выздоровленія ея собственная страсть къ нему какъ-то притупилась и приняла другой характеръ.

Стыдилась ли она безумнаго порыва, который привелъ ее въ Парижъ? Трудно сказать. Ее часто охватывала дрожь сознанія, что она была на краю бездны, и она дивилась тому, что она все еще въ нормальныхъ, узаконенныхъ условіяхъ жизни, что Эвелина попрежнему можетъ быть ея другомъ, что Тереза попрежнему обожаетъ ее, какъ святую. Сказать правду, ее больше унижала въ собственныхъ глазахъ

минута самозабвенія, предшествовавшая ея уговору съ Уорквортомъ. Въ ней было много умственной надменности; до знакомства съ Уорквортомъ она всегда говорила и думала, что любовь ничуть не выше другихъ страстей, и презирала тѣхъ, кто удѣлялъ ей слишкомъ много мѣста въ своей жизни. И вотъ она сама поддалась этой страсти, какъ глупая дѣвчонка, для которой только любовная исторія и можетъ всколыхнуть ту лужицу, гдѣ ей суждено провести всю свою жизнь!

Она должна взять себя въ руки и начать жизнь сызнова. Сидя на дерновой скамьѣ въ этотъ тихій итальянскій вечеръ, она думала о старомъ лодочникѣ и объ иныхъ страстяхъ, къ которымъ обратилъ ея мысли этотъ нежданный взрывъ патріотизма. Общество, литература, друзья, честолюбивыя стремленія—все это еще принадлежитъ ей; ко всему этому она можетъ вернуться. Пріѣдетъ докторъ Мередитъ—его общество, бесѣда съ нимъ будетъ новымъ оселкомъ для ея ума и вкуса. Довольно безплоднаго копанья въ собственной душѣ и безполезныхъ сожалѣній! Она съ горечью вспомнила минуту слабости въ первый періодъ ея выздоровленія, когда она, изнемогая отъ душевнаго одиночества, прокралась однажды вечеромъ въ церковь и облегчила свою душу исповѣдью. Какъ она сказала герцогинѣ, католицизмъ, привитый въ юности монахинями въ Брюгге, до сихъ поръ по временамъ накладывалъ на нее свою тяжелую властную руку. Теперь, когда силы возвращались къ ней, она была склонна видѣть въ немъ присущій ея натурѣ элементъ слабости и въ будущемъ рѣшила окончательно стряхнуть съ себя это безполезное суевѣріе.

Но Мередитъ былъ не единственнымъ гостемъ, котораго ждали на виллѣ. Жюли давно уже школила себя, готовясь къ встрѣчѣ съ Джэкобомъ Делафильдомъ.

Странно, какъ самая мысль о Делафильдѣ волновала ее, задѣвала всѣ струны ея существа. Слабый лучъ радости, запавшій въ ея душу, когда она думала о литературѣ и общественной жизни, сразу погасъ. Она впала въ задумчивость, въ мрачную тревогу тѣхъ, кто чувствуетъ, что во мракѣ притаилась какая-то преслѣдующая его сила, и томится ожиданіемъ и не знаетъ, гдѣ и какъ отразить ее.

Эта смутная борьба въ ея душѣ, въ сущности, была коллизіей между языческимъ и христіанскимъ взглядами на жизнь.

Въ своей самостоятельности, гордости, въ своемъ желаніи поставить надо всѣмъ высшимъ судьею разумъ Жюли по своимъ теоретическимъ взглядамъ была стоикомъ и язычницей. Делафильдъ же всѣмъ своимъ существомъ былъ воплощеніемъ долга и этому долгу Жюли въ критическую минуту своей жизни была вынуждена подчиняться. Эта мысль язвила и унижала ее. А фактовъ измѣнить было нельзя и она не знала, какъ ей уйти отъ этой странной безмолвной, но ощутительной власти, пріобрѣтенной надъ нею человѣкомъ, который любилъ ее и спасъ противъ ея воли.

Въ періодъ ея выздоровленія въ Кроуборо-гоузѣ, куда перевезла ее герцогиня, Делафильдъ часто навѣщалъ ее. Его невозможно было не принимать, не разсказавъ герцогинѣ всей исторіи поѣздки въ Парижъ. А разсказать тоже было невозможно. Если Эвелина втайнѣ и пугалась своихъ догадокъ, отъ самой Жюли она не узнала ничего. И Делафильдъ приходилъ и уходилъ, передавалъ послѣднія слова лорда Лэкинтона, разсказывалъ о его похоронахъ, велъ дѣловые переговоры между Жюли и братьями Чантрей. Жюли даже не просила его объ этихъ услугахъ. Онѣ были возложены на него, какъ бы съ общаго согласія, и она чувствовала себя слишкомъ слабой, чтобы протестовать

Вначалѣ, когда онъ входилъ въ комнату или подходилъ къ ней, она едва сдерживалась, такъ нестерпимо душила ее обида и злоба. Но мало-по-малу, благодаря его любезности, такту и выдержкѣ, между ними установились, если и не прежняя дружба, то все же отношенія, носившія внѣшній характеръ интимности. Ни однимъ словомъ, ни однимъ, хотя бы туманнымъ, намекомъ онъ не напомнилъ ей о случившемся. Слушая разговоры Делафильда съ герцогиней, она не могла себѣ представить, что бы это былъ тотъ же самый человѣкъ, котораго она видѣла преображеннымъ на палубѣ корабля, который говорилъ ей прерывающимся голосомъ: «Я благодарю Бога, что нашелъ въ себѣ мужество это сдѣлать».

Спускались сумерки. Почему это всякій разъ, какъ она позволяла мыслямъ о Делафильдѣ завладѣть своимъ умомъ, самое воспоминаніе объ Уорквортѣ на время сглаживалось? Въ душѣ ея поднимался гнѣвный протестъ, безмолвный, но неудержимый. Ея пылкая, но съ критической складкой натура инстинктивно возмущалась противъ подобныхъ людей, словно окруженныхъ атмосферой высотъ, людей, на которыхъ смотришь и чувствуешь, что у нихъ каждая мысль, слово, поступокъ подчинены религіозной идеѣ. Чѣмъ они, въ сущности, лучше другихъ? Какое право они имѣютъ насиловать чужую волю?

И все же, въ то время, какъ лучи заката догарали на вершинахъ горъ за Белладжіо, пока послѣдній отблескъ не погасъ въ спокойной и уже звѣздной глубинѣ, Жюли, словно противъ воли скованная какими-то чарами, думала не объ Уорквортѣ, не о своихъ честолюбивыхъ мечтахъ, но о словахъ и поступкахъ, о мнѣніяхъ и взглядахъ человѣка въ глазахъ котораго она прочла однажды его сокровенные помыслы и осужденіе, и безкорыстную тревогу, и боль за нее.

Д-ръ Мередитъ пріѣхалъ въ условленный часъ. Герцогиня и Жюли катали въ лодкѣ по озеру этого переутомленнаго лондонца, наслаждавшагося праздностью и чистымъ воздухомъ, а онъ, возсѣдая между двухъ дамъ, занималъ ихъ разговоромъ о политикѣ, книгахъ и людяхъ служившимъ для Жюли именно тѣмъ умственнымъ стимуломъ, котораго втайнѣ жаждала герцогиня.

На щекахъ Жюли сталъ появляться слабый румянецъ. Она теперь могла разговаривать, написала кой кому изъ друзей, становилась по крайней мѣрѣ временами, прежней Жюли, чуткой, любящей, обаятельной.

Что касается Мередита, онъ мало зналъ, но подозрѣвалъ многое. Въ болѣзни и выздоровленіи Жюли были особенности, заставлявшія его, какъ врача, предполагать нравственную причину; а разъ имѣлась нравственная причина, она, несомнѣнно, должна была находиться въ связи съ ея отношеніями къ Уоркворту.

Никто изъ нихъ не произносилъ имени молодого офицера. Разъ-два у Мередита являлось искушеніе заговорить о немъ—ему было обидно, что Жюли не платитъ искренностью за его беззавѣтное чувство, но ея блѣдность и усталый видъ обезоруживали его.

— Она поправляется,—сказалъ онъ однажды герцогинѣ.—Умъ ея снова энергично работаетъ. Но почему у нея по временамъ такой несчастный видъ, словно для нея все кончено и нѣтъ будущаго?

Герцогиня задумалась и вздохнула.

— Вѣдь она была влюблена въ него,—это не такъ скоро проходитъ.

— И чѣмъ онъ ее такъ плѣнилъ!—нетерпѣливо пожалъ плечами докторъ.—Конечно, о его помолвкѣ съ Моффатъ ей извѣстно не было?

— Вначалѣ—да. А когда она узнала, бѣдняжка, было уже слишкомъ поздно.

— Слишкомъ поздно для чего?

— Видите ли, когда полюбишь, не такъ легко стряхнуть это съ себя, потому только, что человѣкъ обманулъ васъ!

— Но такъ должно быть! Мужчины не стоятъ всей той любви, которую расточаютъ имъ женщины.

— О, это правда!—воскликнула герцогиня.—Страшная правда! Но что пользы въ проповѣдяхъ? Все равно мы до скончанія вѣка будемъ поступать такъ же.

— Хоть бы вы не выбирали дураковъ и обманщиковъ!

— Вотъ это резонно. Ахъ, еслибъ у насъ въ Англіи была принята французская система! Еслибъ можно было сказать Жюли. Вотъ твой будущій мужъ! Все устроено, все готово вплоть до бѣлья и серебра,—ты должна обвѣнчаться съ нимъ!—Какъ бы счастливы были мы всѣ.

Д-ръ Мередитъ воззрился на неё.

— У васъ есть на примѣтѣ такой женихъ?

Герцогиня колебалась.

— Не пойдемъ ли мы немного пройтись по лѣсу? предложила она наконецъ, подбирая свои бѣлыя юбки.

Мередитъ послушно подалъ ей руку. Они гуляли съ полчаса, и когда вернулись на лицѣ журналиста, раскраснѣвшемся и озабоченномъ не такъ то легко было прочесть его мысли.

И настроеніе его были не изъ лучшихъ. Ему понадобилось вскарабкаться на самую вершину Монте-Крочіоне, чтобы вернуться болѣе или менѣе успокоеннымъ и согласнымъ принять участіе въ игрѣ, затѣянной герцогиней. Ибо если есть мужчины эгоисты и волокиты—умныя женщины должны были бы разгадывать ихъ съ перваго взгляда, но онѣ никогда не разгадываютъ,—есть другіе, съ запасомъ слишкомъ хорошихъ чувствъ для этого грѣшнаго міра, слишкомъ добрые, слишкомъ благородные...

Въ такомъ-то саркастическомъ и жестокосердомъ настроеніи д-ръ Мередитъ ждалъ прибытія Джэкоба Делафильда.

Но когда Делафильдъ пріѣхалъ, тайная вражда къ нему Мередита очень скоро разсѣялась. Молодой человѣкъ вовсе не имѣлъ вызывающаго вида счастливца.

На первый взглядъ это былъ тотъ же безпечный веселый Джэкобъ, всегда готовый идти гулять или кататься на лодкѣ, всегда въ дружбѣ съ итальянскими лодочниками и слугами. Но вскорѣ изъ-подъ этого проглянуло другое—затаенное горе, которое этотъ сильный человѣкъ пряталъ въ своей груди.

— А вѣдь его молодость прошла,—неожиданно замѣтилъ однажды вечеромъ Мередитъ герцогинѣ, указывая на Делафильда, одиноко шагавшаго съ трубкой въ зубахъ по нижней терассѣ сада.

Лицо герцогини приняло тоскливое выраженіе.

— Это словно пробилось наружу,—медленно выговорила она.—Я думаю, это всегда въ немъ было, только не показывалось.

— Что «это»? Назовите.

— Не могу!—Она слегка вздрогнула; Мередитъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее.

— Что-нибудь сверхчеловѣческое—неземное?

Она кивнула головой и тотчасъ же, словно раскаявшись, стала увѣрять, что онъ милѣйшій и лучшій изъ людей.

— Конечно,—подтвердилъ Мередитъ.—Въ немъ только сказался мистикъ. Онъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ есть шестое чувство.

— Я знаю только, что у него есть какая-то странная власть надъ людьми,—сказала Эвелина, снова вздрогнувъ.—Будь Берти таковъ, я была бы несчастнѣйшей женщиной въ мірѣ. Но, благодаря Бога, въ немъ этого нѣтъ и слѣда.

— Въ сущности, это власть священника надъ душами, сказалъ Мередитъ.—Вы женщины черезчуръ воспріимчивы къ такимъ вещамъ и девять разъ изъ десяти во вредъ себѣ.

Герцогиня помолчала минутку, потомъ нагнулась къ своему собесѣднику и, приложивъ пальчикъ къ губамъ, многозначительно указала взглядомъ на нижнюю терассу. Тамъ была теперь уже не одна фигура, а двѣ—Жюли и Делафильдъ ходили рядомъ.

— Но это десятый!—шепнула герцогиня.

Мередитъ усмѣхнулся, бросилъ ей шутливое «Chi sa?» и перемѣнилъ разговоръ.

Делафильдъ, прекрасный гребецъ, скоро сдѣлался предводителемъ маленькой компаніи во всѣхъ ея прогулкахъ по озеру, онъ бралъ себѣ въ подручные двухъ дюжихъ молодцовъ изъ Тремеццо, и четырехвесельная лодка иной разъ съ утра до ночи не отдыхала. Погода стояла чудная; было тепло, какъ лѣтомъ. Дикія вишни стряхнули на траву покрывавшій ихъ снѣгъ; зато теперь грушевыя деревья стояли въ подвѣнечномъ уборѣ, и на голубомъ фонѣ неба розовѣли распускавшіеся цвѣты яблони. Ночи стояли тихія, лунныя; зори были полны таинственной, невѣроятной красоты; горы и лѣсъ, и озеро казались только одеждой, прозрачной, неуловимой одеждой какого-то духа, сотканнаго изъ огня и свѣта, живущаго и въ нѣдрахъ горъ, и въ кристально-чистомъ воздухѣ, и на лонѣ залитыхъ солнцемъ водъ, невидимаго, но дышащаго повсюду.

Но постепенно радость этихъ прогулокъ была отравлена: всѣ томились напряженнымъ ожиданіемъ. Природа осыпала ихъ лучшими своими дарами, но ея щедрость не производила должнаго впечатлѣнія. Сквозь разговоры и смѣхъ, въ прогулкахъ и по озеру, и по холмамъ, рѣдко, но ощутительно сквозили иногда скрытые страхъ и борьба, боль, сожалѣніе и отчаянное упорство.

Жюли опять и похудѣла, и поблѣднѣла. Делафильдъ тоже сталъ какъ-то молчаливъ и разсѣянъ. Онъ былъ любезенъ и милъ, какъ всегда, но теперь уже всѣ замѣчали, что его веселость искусственная, и въ голосѣ его иногда слышались нотки горечи, рѣзко противорѣчившія всему остальному и долго не забывавшіяся.

Мередитъ и герцогиня съ удивленіемъ, затаивъ дыханіе, слѣдили за этой борьбой двухъ индивидуальностей, двухъ сильныхъ воль. Они не знали, что эта борьба уже не первая, но инстинктивно, по какому-то безмолвному уговору, держались въ сторонѣ, оставляя Жюли и Делафильда вдвоемъ. Они смутно понимали, что онъ настаиваетъ, а она противится, и что вся его жизнь постепенно свелась къ сознанію двухъ фактовъ—ея близости и ея сопротивленія.

«On ne s'appuie que sur ce qui résiste». Эти слова оправдывались на нихъ обоихъ. Въ сущности, каждаго привлекала въ другомъ цѣльность натуры, и ни одинъ не могъ ни на минуту забыть о другомъ. Въ воздухѣ накоплялось электричество, и каждая мелочь получала особое символическое значеніе.

Жюли нерѣдко по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ Мередитомъ, стараясь забыться, но для бѣднаго доктора въ этомъ было мало отрады. Одного взгляда или слова Делафильда было достаточно, чтобы она опять очутилась въ плѣну; съ гордымъ и недовольнымъ лицомъ она

все-таки шла за нимъ, и герцогиня съ Мередитомъ снова становились только зрителями

Герцогиня пожимала плечами и смѣялась, но нерѣдко со слезами на глазахъ. Она чувствовала въ воздухѣ дыханіе страсти, но страсти, невѣдомой ея кроткой натурѣ.

Хоть бы поскорѣе кончилось такъ или иначе это странное положеніе вещей, и она могла бы обвить руками шею своего герцога и выпросить у него прощенія за то, что она такъ надолго покинула его. Она съ грустью и раскаяніемъ говорила себѣ, что дѣтишки, пожалуй, и вправду забудутъ ее.

И все же она стойко оставалась на своемъ посту, а время шло, недѣля за недѣлей. И драматизмъ положенія, несравненно болѣе драматичнаго, чѣмъ то предполагали она или докторъ Мередитъ, все время держалъ зрителей въ напряженномъ состояніи. Однажды вечеромъ Жюли и Джэкобъ оставили лодку въ Тремеццо, чтобы вернуться домой пѣшкомъ по прелестной тропинкѣ, обѣгающей озеро между Тремеццо и Каденаббіей. Закатъ почти догорѣлъ, но воздухъ былъ все еще полонъ его жемчужныхъ и розовыхъ отблесковъ и насыщенъ ароматомъ цвѣтущаго лавра. Каждая вершина горы, каждая бѣленькая деревушка, прилегшая ли у края воды, или же прильнувшая своей стройной колокольней къ утесу, каждый домъ, дерево, человѣческая фигура, казалось, были еще пропитаны свѣтомъ, казались дивными чертами какого-то только что явленнаго и уже исчезающаго міра. Отголоски вечерняго звона струились надъ озеромъ; съ большой лодки, полной крестьянъ, неслось пѣніе, гимнъ какому-то святому или Мадоннѣ; грубая, но вѣрная гармонія разносилась далеко окрестъ.

— Это паломники; они ѣздили на поклоненіе святому въ Ленно,— сказала Жюли, указывая на лодку. И, чтобы лучше слушать пѣніе, присѣла на скамеечку на низкомъ валу надъ озеромъ.

Отвѣта не было, и, оглянувшись, она съ удивленіемъ замѣтила, что возлѣ нея только одинъ Делафильдъ; герцогиня же и докторъ давно обогнули уголъ виллы Карлотта и скрылись изъ виду.

Делафильдъ пристально смотрѣлъ на нее. Онъ былъ очень блѣденъ, и у Жюли вдругъ упало сердце.

— Я, кажется, не въ силахъ терпѣть это дольше, — сказалъ онъ, подойдя къ ней совсѣмъ близко.

— Что терпѣть?

— Чтобы у васъ былъ такой видъ, какъ сейчасъ.

Жюли не отвѣтила. Ея печальные глаза съ горечью вглядывались въ расплывающуюся синюю даль.

Делафильдъ сѣлъ на валу у ея ногъ. Поблизости не было ни души. Всѣ туристы въ этотъ часъ сидѣли за табль-д'отомъ въ Каденаббіи; вдали порой мелькали лодки, но на сушѣ вокругъ все было тихо.

Делафильдъ неожиданно взялъ ея руку и, крѣпко сжавъ ее, тихо выговорилъ:

— Неужели вы никогда не простите мнѣ?

— Я думаю, что мнѣ слѣдуетъ благословлять васъ.

Ему показалось, что лицо ея выразило мучительное страданіе сердца, глубоко, быть можетъ, неизлѣчимо раненаго. Волна чувства нахлынула на него, но онъ сдержалъ себя.

Онъ наклонился къ ней и тихо, нѣжно шепнулъ:

— Жюли! Вы помните, что вы обѣщали лорду Лэкинтону, когда онъ умиралъ?

— О!—вскрикнула Жюли и вскочила на ноги, растерянная, неспособная слова произнести отъ волненія. Глаза ея выражали и гордость и страхъ. Онъ подождалъ, глядя на нее съ блѣдной рѣшимостью.

— Вы не знали, что я видѣлся съ нимъ?

— Какъ могла я знать!

Она гнѣвно отвернулась, задыхаясь отъ рыданій.

— Я такъ и думалъ,—тихо выговорилъ Делафильдъ.— Вы надѣялись, что вамъ не напомнятъ о вашемъ обѣщаніи!

Она не отвѣтила и опять безсильно опустилась на скамью, держась худенькой рукой за выступъ стѣны, обративъ свое блѣдное, облитое слезами лицо къ озеру и вечернему небу. Въ ея позѣ была безсознательная жалоба, нѣмая, тоскливая жалоба природѣ на жестокость людей. Это не ускользнуло отъ Делафильда. Въ душѣ его шла быстрая и пламенная борьба. Одинъ голосъ говорилъ: «Зачѣмъ ты преслѣдуешь ее? Уважай ея слабость, ея горе!». А другой возражалъ: «Именно потому, что она слаба, она должна уступить, должна позволить руководить собой и обожать себя»!

Онъ опять придвинулся къ ней. Со стороны можно было подумать, что они оба смотрятъ на далекую лодку и слушаютъ пѣніе паломниковъ.

— Вы думаете, я не понимаю, почему вы дали такое обѣщаніе,—началъ онъ мягко, и его сдержанность, спокойный тонъ его голоса имѣли въ себѣ какія-то неотразимые чары для женщины, сидѣвшей съ нимъ рядомъ.—У васъ вырвали это обѣщаніе; вы по добротѣ не хотѣли огорчить умирающаго. Вы думали, что я никогда не узнаю, или же никогда не предъявлю своихъ правъ. А я эгоистъ, я пользуюсь своимъ преимуществомъ, я предъявляю эти права! Я видѣлъ лорда Лэкинтона за нѣсколько часовъ до его смерти. Онъ разъ пять повторилъ мнѣ: «Она не должна быть одна». И уже въ послѣднюю минуту: «Спросите ее еще разъ—она подумаетъ—она обѣщала».

Жюли пылко повернулась къ нему.

— Ни одинъ изъ насъ не связанъ этимъ обѣщаніемъ—ни одинъ!

Делафильдъ улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что я повторяю свое предложеніе потому, что онъ просилъ меня?

Наступила пауза. Жюли поневолѣ принуждена была взглянуть на него. Она подняла глаза и тотчасъ, вспыхнувъ, опустила ихъ.

— Нѣтъ,—выговорилъ онъ, тяжело переводя духъ;—вы этого не хотите сказать и не думаете. Но вы—да, вы связаны. Жюли! Я еще разъ склоняюсь передъ вами съ мольбой—вы должны подумать!

— Какъ могу быть я вашей женой?—возразила она прерывающимся голосомъ.—Вы знаете все, что произошло. Это было бы чудовищно!

— Ничуть,—былъ спокойный отвѣтъ.—Это было бы естественно и хорошо. Жюли! Какъ странно, что я долженъ такъ говорить съ вами! Вѣдь вы гораздо умнѣе меня и—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—гораздо сильнѣе. Но въ другихъ—вы мнѣ позволите это сказать—я могъ бы помочь вамъ, оберечь васъ. Вѣдь больше мнѣ ничего и не надо.

— Какъ могу быть я вашей женой!—повторила она страстно, ломая руки.

— Будьте, чѣмъ хотите—только будьте со мной—моимъ другомъ, товарищемъ, хозяйкой въ моемъ домѣ—больше я ничего не прошу—ничего!—Голосъ его оборвался и наступила пауза. Затѣмъ онъ продолжалъ.

— Но въ глазахъ свѣта сдѣлайте меня вашимъ слугой и мужемъ.

— Я не могу осудить васъ на такую участь,—промолвила она.—Вы знаете, кому принадлежитъ мое сердце.

Делафильдъ не смутился.

— Я знаю, кому принадлежитъ ваше сердце. Со временемъ вы перестанете думать объ этомъ человѣкѣ, онъ не стоитъ того. Я беру на себя весь рискъ—весь!

— Ну, по крайней мѣрѣ, я съ вами не лицемѣрю, — выговорила она съ горечью дрожащими губами.—Вы знаете, что я такое!

— Да, знаю, и я у вашихъ ногъ.

Слезы хлынули изъ глазъ Жюли. Она отвернулась и прижалась лицомъ къ стѣнѣ. Делефильдъ не пытался лаской утѣшить ее. Онъ спокойнымъ голосомъ рисовалъ ей жизнь, которая ее ожидаетъ, и товарищескій союзъ, который онъ предлагаетъ ей. Ни слова о своихъ, такъ называемыхъ, видахъ на будущее. Она знала, что ему трудно заставить себя говорить объ этомъ. Въ его словахъ звучала скорѣе аскетическая, мистическая нотка, всегда и раньше плѣнявшая эту женщину, въ которой честолюбіе странно уживалось рядомъ съ возвышенной поэтической фантазіей.

И все же она была честолюбива и мысленно заполняла то, чего не договаривалъ онъ.

«Ему все-таки придется принять это отвѣтственное положеніе, хочетъ онъ того, или нѣтъ,—говорила она себѣ,—и если дѣйствительно ему нужна моя помощь»...

И вдругъ ей стало стыдно своихъ колебаній.

«Нѣтъ, какъ ни смотри, все это такъ чудовищно, нелѣпо»...

— Вы сами не понимаете, о чемъ просите,—вскричала она въ отчаяніи.—Я не то, что вы называете порядочной женщиной—вы сами это слишкомъ хорошо знаете! Я не мѣрю жизнь на вашъ аршинъ. Я способна на такую поѣздку, какой вы помѣшали, и я совсѣмъ не каюсь въ ней, ничуть! Я способна солгать—вы не можете. У меня бываютъ иногда самыя гнусныя и низкія мысли—у васъ нѣтъ. Леди Генри считала меня интриганкой—я и есть интриганка. У меня это въ крови. Я даже не знаю, способна ли я, въ концѣ концовъ, понять васъ и вашу жизнь. А если нѣтъ—я сдѣлаю васъ несчастнымъ.

Она подняла на него глаза. Все ея гибкое тѣло выпрямилось въ благородномъ вызовѣ.

Делафильдъ нагнулся къ ней и насильно взялъ обѣ ея руки въ свои.

— Если бы даже все это было правдой, я въ тысячу разъ охотнѣе согласился бы рискнуть этимъ, чѣмъ снова уйти изъ вашей жизни—стать вамъ чужимъ. Жюли, вы доказали, что вы способны на безумство изъ-за любви—вы должны знать, что такое любовь. Посмотрите же мнѣ въ лицо—вотъ такъ, прямо въ глаза! Сдайтесь! Это воля покойнаго и Божья воля!

И когда, повинуясь его властному и тихому голосу, Жюли посмотрѣла ему въ лицо, она почувствовала, какъ ее обволакиваетъ волна мистической и страстной нѣжности, парализующей ея сопротивленіе. Какая-то нечеловѣческая сила покорила ея волю. По щекамъ ея катились слезы, и ея послѣдній протестъ, ея возмущеніе растаяли въ этихъ слезахъ.

Глава XXII.

Въ послѣднихъ числахъ мая Жюли Ле-Бретонъ обвѣнчалась съ Джэкобомъ Делафильдомъ въ англійской церкви во Флоренціи, въ присутствіи герцогини и герцога—угрюмаго и недовольнаго свидѣтеля брака, который онъ считалъ результатомъ коварныхъ навѣтовъ своей жены. Прямо отъ дверей церкви молодые уѣхали въ Камальдомъ и Валломброзо, а черезъ двѣ недѣли оттуда въ Швейцарію. Жюли была поклонница Буссо и Обермана, читала письма Байрона; ей хотѣлось собственными глазами увидѣть св. Дэконгольфа, Вевэ и Шильонъ.

И вотъ въ одинъ прекрасный день въ концѣ мая они очутились въ Монтрё. Въ городкѣ было уже жарко и людно, но они отыскали старинную гостинницу въ Шарнэ, откуда изъ сада видно было все озеро, и поселились тамъ недѣльки на двѣ, пока Делафильда не вызовутъ въ Англію по дѣламъ. Герцогъ Чёдлей чрезвычайно сердечно отнесся къ извѣстію о бракѣ Делафильда, его поздравительное письмо и тронуло Жюли, и въ то же время польстило ея самолюбію.

«Вы выходите замужъ за чудеснѣйшаго человѣка,—писалъ этотъ печальный отецъ умирающаго сына.—Мой мальчикъ и я обязаны ему больше, чѣмъ это можно выразить словами. Могу только сказать вамъ что для тѣхъ, кто ему дорогъ, онъ ничего не жалѣетъ—ни труда, ни жертвъ. Онъ не умѣетъ любить вполовину; его привязанности захватываютъ его всего. Онъ слишкомъ долго посвящалъ себя такимъ больнымъ и жалкимъ созданіямъ, какъ мы съ сыномъ. Пора и ему взять отъ жизни немного счастья. Вы дадите ему это счастье, и мы съ Мервиномъ глубоко вамъ благодарны. Если радости и здоровью не суждено быть нашимъ удѣломъ, я не такъ еще озлобленъ, чтобы не желать ихъ другимъ. Благослови васъ Боже! Джэкобъ скажетъ вамъ, что мой домъ не изъ веселыхъ. Но если вы съ нимъ будете иногда навѣщать его, въ немъ станетъ свѣтлѣе».

Жюли отвѣтила очень милымъ письмомъ, спрашивая себя, что можетъ быть извѣстно о ней герцогу. Она знала что Джэкобъ посвятилъ кузена въ ея исторію и сообщилъ ему, что лордъ Лэкинтонъ призналъ ее своей внучкой. Но она знала также, что, узнавъ о ея замужествѣ, леди Генри врядъ ли въ состояніи будетъ удержать языкъ за зубами.

Дѣйствительно, до печальнаго герцога дошло не мало интересныхъ росказней о невѣстѣ его кузена. Леди Генри сдѣлала все, что она считала долгомъ сдѣлать, и прислала герцогу кучу мелко исписанныхъ листковъ почтовой бумаги, наполненныхъ совершенно ненужными, по мнѣнію герцога, свѣдѣніями.

Онъ смялъ ихъ всѣ съ нетерпѣніемъ человѣка, для котораго ничто на землѣ не имѣетъ смысла и цѣнности, кромѣ двухъ-трехъ привязанностей, и написалъ ей въ отвѣтъ:

«Что хорошо для Джэкоба, то хорошо и для меня, и если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ, Арабелла, я вамъ посовѣтую не ссориться съ Джэкобомъ изъ-за такой серьезной вещи, какъ его бракъ. Во всей этой исторіи, которую вы мнѣ разсказали, я, право, не могу разобраться, кто правъ, кто виноватъ; но чѣмъ порвать съ Джэкобомъ я лучше приму *кого угодно* въ качествѣ его невѣсты. Въ данномъ же случаѣ, насколько я понимаю, эта леди очень умна, воспитана, хорошей семьи съ обѣихъ сторонъ. Милая моя Арабелла, неужели у васъ не было горя въ жизни, что вы такъ легко расходитесь съ людьми? Если такъ, я вамъ завидую, но не имѣю ни мужества, ни желанія подражать вамъ».

Жюли, разумѣется, не знала объ этомъ обмѣнѣ мыслей, хотя изъ писемъ герцога къ Джэкобу догадывалась, что нѣчто подобное произошло. Но ей было ясно, что она будетъ избавлена отъ всякихъ непріятностей и затрудненій, нерѣдко сопутствующихъ вступленію такой особы, какъ она, въ кругъ богатой и вліятельной семьи, какъ Делафильды. Съ леди Генри, правда, еще предстояла борьба. Но мать

Делафильда, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сына, съ другой—главы рода, приняла невѣстку со свойственнымъ ей добродушіемъ и привѣтливостью; а его сестра, прелестная бѣлокурая Сусанна, и слишкомъ многимъ была обязана брату, и слишкомъ любила его, чтобы не быть милой съ его женой.

Нѣтъ, со стороны свѣта все шло гладко и ладилось отлично. Герцогъ, несмотря на возраженія Джэкоба, прибавилъ ему жалованья; Жюли, въ свою очередь, уже пользовалась доходомъ съ капитала, оставленнаго ей лордомъ Лэкинтономъ. Ей стоило теперь только показаться въ лондонскомъ свѣтѣ, чтобы съ избыткомъ вернуть свое былое вліяніе. Всѣ козыри перешли въ ея руки, и если теперь леди Генри вздумаетъ продолжать борьбу, тѣмъ хуже для нея.

Все это было или должно было быть пріятно женщинѣ, умѣвшей цѣнить земныя блага и преимущества. Но и это не могло разсѣять угнетеннаго состоянія, которое не покидало Жюли въ первыя недѣли ея замужества.

Что касается Делафильда, онъ приступилъ къ этому рискованнѣйшему опыту своей жизни—браку, являвшемуся на дѣлѣ лишь узаконенной дружеской близостью съ женщиной, которую онъ обожалъ, какъ человѣкъ, готовый добросовѣстно расплатиться за то, что онъ сдѣлалъ. Эта изящная стройная женщина, съ ея рѣдкимъ умомъ и общественными талантами была теперь его собственностью, подругой его жизни и хозяйкой въ его домѣ. Но, хоть онъ и зналъ, что имѣетъ надъ нею большую власть, она не любила его, и сліянія, какое бываетъ при настоящемъ бракѣ, не произошло и не могло произойти. Что-жъ, пусть и такъ! Онъ старался установить между ними такія отношенія, которыя бы оправдывали учиненное имъ насиліе надъ законами естества и духа. Его деликатность и чуткость, въ связи съ интенсивностью его страсти дѣлали для него каждую мелочь въ ихъ общемъ днѣ символомъ и святыней. Что сердце ея рвалось къ Уоркворту, что надъ нею мрачной тѣнью нависла горечь и тоска обманутой, неудовлетворенной любви, все это онъ не только зналъ, но и постоянно напоминалъ себѣ объ этомъ, клиномъ вбивалъ это въ свое сознаніе, какъ аскетъ вбиваетъ себѣ въ тѣло острые гвозди. Его задачей было утѣшить ее, заставить ее забыть, вернуть ей душевный покой и беззаботность.

Для этого онъ обратился прежде всего къ ея уму. Онъ горячо поощрялъ ее въ ея работѣ для Мередита. Съ первыхъ же дней ихъ супружества онъ сталъ ея слушателемъ, ученикомъ и критикомъ. Лично интересуясь больше соціальными, экономическими и религіозными вопросами, онъ смиренно признавалъ себя профаномъ въ изящной литературѣ. Ему хотѣлось обогатить ежедневную жизнь Жюли новыми стремленіями и новыми радостями, которыя разсѣяли бы мрачныя думы періода ея болѣзни и выздоровленія, и дать ей почувствовать, что у

нея подъ рукою, въ лицѣ спутника ея жизни, человѣкъ, который искренно раздѣляетъ всѣ ея усилія, искренно гордится каждымъ ея успѣхомъ.

Увы! разсчетъ былъ слишкомъ простъ и слишкомъ очевиденъ. Делафильдъ недостаточно принялъ во вниманіе сложность натуры Жюли, ея души, опустошенной и потрясенной страстью. Жюли и сама не прочь была бы вернуться къ духовной, умственной дѣятельности, но эту дѣятельность ей предлагали какъ бы взамѣнъ утраченныхъ опасныхъ наслажденій любви и это будило въ ней первое упорство. Она слишкомъ часто чувствовала себя предметомъ наблюденія, раздумья, религіозныхъ и мистическихъ волненій.

Притомъ же она теперь все чаще и чаще подмѣчала странности и эксцентричности въ человѣкѣ, сдѣлавшемся ея мужемъ. И острый здравый смыслъ, такъ странно уживавшійся въ ней рядомъ съ способностью къ беззавѣтной страсти, все чаще подсказывалъ въ ней, что современемъ, когда все уляжется и войдетъ въ норму, она всею душою примѣнится къ свѣту, онъ же, наоборотъ, будетъ отходить отъ него все дальше. И если такъ, пропасть между ними, вмѣсто того, чтобы заполниться, все будетъ расти.

Однажды, въ дождливый іюньскій день, Жюли осталась дома одна; Делафильдъ уѣхалъ въ Монтре по дѣламъ. Она взяла книгу и спустилась по отлогой тропинкѣ, которая ведетъ отъ Шарнэ къ старинной окруженной полями деревнѣ Брентѣ.

Дождь только чтоересталъ. День былъ холодный, снѣгъ сползалъ съ горъ, и даже сосны на Кубли были опушены имъ. На западѣ низко ползли по небу тяжелыя тучи; озеро расплылось въ холодномъ туманѣ, сливавшемся съ бахромою тучъ. Но на востокѣ, надъ долиною Роны, небо уже прояснилось, и когда Жюли, присѣвъ отдохнуть на полдорогѣ, повернулась въ ту сторону, передъ нею открылись во всемъ своемъ величіи Альпы—Rochers de Naye, Velan, Dent du Midi. На острыхъ вершинахъ его утесовъ играли солнечные лучи, и весь онъ, бѣлый, массивный, съ изрѣзанными боками, торжествующе высился надъ бѣлымъ моремъ тумана, окутывавшаго міръ внизу.

Но свѣжій вѣтеръ, bise, не улегся, и Жюли, вздрогнувъ, плотнѣе закуталась въ плащъ. Сердце ея тосковало по Комо и югу, можетъ быть и по маленькой герцогинѣ, которая такъ по-женски нѣжно баловала ее.

Весна—вторая весна окружала ее, но этой холодной сѣверной веснѣ были чужды чары Италіи. Нарциссы на лугахъ, покрывавшихъ крутые склоны, совсѣмъ прибило къ землѣ дождемъ; красно-коричневые каштаны блестѣли подъ влажными лучами солнца; опадающій цвѣтъ яблонь дышалъ такою грустною красою; только густая роскошная трава, вся пестрѣвшая цвѣтами, жила полною жизнью и говорила о близости лѣта.

Жюли вдругъ схватила книгу, лежавшую возлѣ нея на скамьѣ и торопливо раскрыла ее. То была одна изъ книгъ Сенъ-Симона, принадлежавшая ея матери и уже однажды сыгравшая роль въ ея жизни.

Она искала знаменитаго опредѣленія характера дофина, этого образцоваго принца, смерть котораго, по мнѣнію и Сенъ-Симона, и Фенелона, и самой Франціи, была крушеніемъ великихъ надеждъ.

«Принцъ, ласковый, кроткій, гуманный, терпѣливый, скромный, удивительно совѣстливый и, насколько это позволяло его положеніе—иногда даже болѣе того, смиренный и строгій къ самому себѣ».

Ну, развѣ не вылитый портретъ?

«Affable, doux, humain, patient, modeste-humbe et busteré pour soi—больше, чѣмъ отъ него требовалось, быть можетъ, больше, чѣмъ слѣдовало».

Она читала дальше, о принцессѣ, которая, по своей человѣческой слабости, боялась столь совершеннаго супруга и пыталась соблазнить его и низвести его съ высоты; о Людовикѣ XIV, его дѣдѣ, и на старости лѣтъ оставшемся суетнымъ и конфузившемся этого святого юноши съ высокою душою; о дворѣ, съ неудовольствіемъ думавшемъ о томъ времени, когда ему придется быть подъ ферулою человѣка, презиравшаго и осуждавшаго шалости его, и страсти, и, наконецъ, дошла до финала, гдѣ Сенъ-Симонъ въ экстазѣ, со страхомъ и обожаніемъ прощается навѣки съ характеромъ и сердцемъ, которыхъ Франція не была достойна.

Она читала строку за строкою, все время виновато сознавая, что она придаетъ двойной смыслъ прочитанному.

Затѣмъ она закрыла книгу и задумалась о своемъ мужѣ.

Есть французское слово «recueilli» *), которое часто можно услышать въ католическихъ монастыряхъ. Жюли въ ранней юности часто слыхала его, но никогда оно не ласкало ея слуха. Оно говорило о цѣпяхъ, самоограниченіи, о добровольномъ умерщвленіи своихъ желаній, совершенно не свойственномъ и непріятномъ ея натурѣ. Но всякій, знающій Делафильда, не могъ не примѣнить этого слова къ нему. Человѣкъ, замкнутый въ себѣ, живущій, такъ сказать, передъ лицомъ Вышняго, строго слѣдящій за каждымъ своимъ словомъ и мыслью, мистикъ страстный искатель духовнаго идеала, другъ милосердія, чистоты, простоты жизни.

Жюли уныло склонила голову на руки. Что, въ сущности, можетъ быть нужно отъ нея такому человѣку? Что она можетъ дать ему, какъ можетъ сдѣлаться необходимой для него? А женщина даже въ дружбѣ должна чувствовать себя необходимой, чтобы быть счастливой.

Уже и теперь ихъ отношенія, при которыхъ она все брала и ни-

*) Recueilli—сосредоточенный, замкнутый въ себѣ, предавшійся духовному созерцанію.

чего не давала взамѣнъ, вызывали въ ней тайное раздраженіе и непріязнь,—что же будетъ дальше?

— Онъ никогда не видѣлъ меня настоящей, такою, какъ я есть,— думала она, тревожно оглядываясь на прошлое ихъ знакомство.—Я и не такъ слаба, какъ онъ думаетъ, и не такъ умна! И какъ это странно,—онъ все время въ такомъ напряженномъ состояніи!...

Она припоминала разные факты и черточки изъ его жизни, то нелѣпыя, то милыя, то такія суровыя, что отъ нихъ на нее вѣяло холодомъ. Она вспомнила, какъ ей трудно было убѣдить Делафильда разрѣшить себѣ хотя бы самый необходимый комфортъ и удобства; невольная улыбка, не безъ оттѣнка нѣжности, мелькнула на ея лицѣ, когда она вспомнила разсказъ Делафильда о его жизни въ Камальдомѣ и о презрѣніи, которое онъ внушалъ молодому франту-лакею скромностью своего гардероба и вообще своихъ требованій.—У меня даже не нашлось ничего такого, что я могъ бы подарить ему,—усмѣхаясь разсказывалъ Делафильдъ.—Это было мнѣ наказаніемъ.

Но, хоть онъ и смѣялся надъ своими привычками, отстать отъ нихъ всетаки не хотѣлъ и Жюли уже настолько вошла въ роль жены, что теперь строила планы, какъ убѣдить его замѣнить новыми дорожный portemanteau и шляпу, принявшія положительно неприличный видъ.

А *ей* все время давалось все самое лучшее—горничная, роскошное купэ, изысканная пища. Раза два у нихъ были препирательства по этому поводу. Но на всѣ ея выговоры, онъ отвѣчалъ: «Дорогая, оправьтесь сначала, наберитесь силъ, и тогда дѣлайте, что хотите».

Но всего ярче проявилась наклонность Делафильда къ аскетизму и мистикѣ въ Ла-Вернѣ, на горѣ, осѣненной памятью св. Франциска. На этихъ высотахъ онъ словно преобразился, какъ человѣкъ, долго томившійся духовной жаждой и, наконецъ, нашедшій источникъ жизни. Жюли въ душѣ даже стало страшно. Ей, какъ и Эвелинѣ, казалось, что въ немъ вдругъ что-то пробилось наружу—изъ души на свѣтъ. Оглядываясь назадъ, она видѣла, что *это* всегда въ немъ было, но въ молодомъ и дѣловитомъ управляющемъ имѣніями герцога, въ кузенѣ герцогини, въ племянникѣ леди Генри это проходило для большинства незамѣченнымъ. Но какъ это выросло и развилось теперь! И куда это приведетъ ихъ обоихъ? Когда Жюли начинала думать объ этомъ, она ловила себя на тоскѣ по Мэйферу, обѣду «запросто» и свѣтской болтовнѣ.

— Какая жалость, что вы не родились католикомъ! Вы, пожалуй, сдѣлались бы монахомъ,—сказала она ему однажды вечеромъ на Ла-Вернѣ, когда онъ читалъ ей выдержки изъ «Fioretti» съ собственными комментаріями на поляхъ.

Но онъ, улыбаясь, покачалъ головой.

— Видите ли, у меня нѣтъ вѣры—или почти нѣтъ.

Отвѣтъ поразилъ ее. И ей показалось, что въ глубинѣ его синихъ глазъ притаился рой мыслей, которымъ онъ не даетъ воли въ ея присутствіи, но которыя, тѣмъ не менѣе, являются неотступными спутницами его души. На минуту она представилась себѣ Эльзой, а мужъ ея современнымъ Лоэнгриномъ въ духовномъ смыслѣ, пришедшемъ, невѣдомо откуда, искателемъ какой-то таинственной и непонятной ей правды.

— Что вы будете дѣлать,—спросила она его однажды,—когда вамъ достанется герцогскій титулъ?

Лицо Делафильда мгновенно омрачилось. Еслибъ онъ могъ разсердиться на нее, онъ бы разсердился.

— Объ этомъ я по возможности избѣгаю думать и говорить,— отвѣтилъ онъ рѣзко и, поднявшись съ мѣста, замѣтилъ, что солнце быстро спускается къ равнинѣ Козентино и что они далеко отъ гостинницы.

— Нелѣпо и не по-людски,—шепталъ ей критическій внутренній голосъ, когда она шла вслѣдъ за нимъ.

И много такихъ воспоминаній мелькало въ умѣ Жюли въ то время, какъ она сидѣла на скамейкѣ, мечтательно глядя вдаль. Въ силу естественной реакціи, мысли ея постепенно перешли въ грёзы совершенно иного рода, о реальномъ мірѣ борьбы подъ звуки трубъ и барабановъ.

Далеко, далеко въ африканской пустынѣ она шла вслѣдъ за небольшимъ отрядомъ Уоркворта.

О, этотъ ослѣпительный свѣтъ, желтый горячій песокъ, длинная вереница негровъ носильщиковъ, нагруженныхъ тюками, горсть англійскихъ офицеровъ, и впереди всѣхъ статный юноша, безконечный безводный путь, пальмы, мангу, мимозы—вся картина, какъ живая, стояла передъ глазами ея души. Она вмѣстѣ съ путниками страдала отъ зноя, жажды, физической и умственной усталости, вмѣстѣ съ ними испытывала на себѣ таинственное обаяніе этой не нанесенной на карту, не покоренной страны.

Думалъ ли онъ о ней, иногда—ночью, при свѣтѣ звѣздъ или въ яркомъ блескѣ полудня? Да, да, онъ думалъ о ней! Мысли каждаго изъ нихъ до конца жизни будутъ стремиться къ другому.

Въ глазахъ Делафильда—она знала—его любовь къ ней была только оскорбленіемъ.

Зато *онъ*, по крайней мѣрѣ, нуждался въ ней; его желанія были простыя, земныя, онъ добивался денегъ, положенія, успѣха — только того, что женщина могла ему дать или добыть для него. И, наконецъ, онъ требовалъ любви — жадно, неудержимо, очертя голову, какъ всѣ люди, потому что не могъ совладать съ собой, хоть это и дѣлало его измѣнникомъ слову и своей невѣстѣ. А затѣмъ, искалъ прощенія! И

память обо всемъ этомъ глубоко залегла въ ея измученномъ, трепетно бившемся сердцѣ.

Она вдругъ опомнилась и отогнала свои мысли, браня себя, какъ это съ ней бывало по сто разъ на день.

Нѣтъ, нѣтъ, *нѣтъ*! Все это прошло, и они съ Джэкобомъ съумѣютъ сдѣлать свою совмѣстную жизнь прекрасной. Почему же нѣтъ?

Но горячія слезы все время жгли ей глаза въ то время, какъ пальцы ея лѣниво перевертывали страницы книги; и эти слезы застилали ей луга и цвѣты и фигуру молоденькой дѣвушки, медленно поднимавшейся по длинной отлогой тропинкѣ, которая ведетъ отъ деревни къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Жюли.

Фигура приближалась. Жюли отерла слезы, туманившія ей глаза, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за дѣвушкой.

Она была маленькая и худенькая; изъ-подъ широкихъ полей ея шляпки виднѣлись бѣлокурые волосы, гладкими, блестящими волнами ложившіеся на шею и виски. Подойдя къ Жюли, она разсѣянно подняла на нее глаза, и Жюли увидѣла лицо, полное нѣжной и своеобразной красоты, на которой, однако, лежалъ отпечатокъ хрупкости, даже болѣзненности. Казалось, это лицо поблѣднѣло въ тропическомъ климатѣ и только теперь на немъ выступила легкая краска подъ вліяніемъ свѣжаго альпійскаго воздуха. Но глаза были полны жизни и сразу говорили о выдающейся личности. Въ этихъ серьезныхъ внимательныхъ, слегка тревожныхъ глазахъ было столько нервной энергіи, что это казалось даже страннымъ рядомъ съ явной физической слабостью ихъ обладательницы. Впрочемъ, этотъ контрастъ сказывался и въ другомъ. Напр., при видѣ сидящей на скамьѣ Жюли, легкая морщинка между бровями дѣвушки обозначилась явственнѣе, она окинула незнакомку острымъ, внимательнымъ взглядомъ, въ которомъ сказалась чуткая и тревожная наблюдательность.

Когда дѣвушка подошла ближе, Жюли приподнялась со скамьи. Щеки ея вспыхнули, губы раскрылись; она какъ будто хотѣла заговорить. Дѣвушка не безъ удивленія посмотрѣла на нее и прошла мимо.

Она несла подъ мышкой книгу, въ которой было заложено нѣсколько только что распечатанныхъ писемъ. Когда она прошла мимо скамьи, изъ книги выпалъ конвертъ и остался лежать незамѣченнымъ на дорогѣ.

Жюли тяжело перевела духъ. Она подняла конвертъ и прочла на немъ то самое имя, какое ожидала увидѣть.

Съ минуту она колебалась, потомъ догнала обладательницу письма.

— Вы уронили это, проходя мимо.

Дѣвушка быстро обернулась.

— Благодарю васъ очень. Вы такъ любезны...—она запнулась, удивленная тѣмъ, что Жюли такъ пристально смотритъ на нее.

— Вы—миссъ Моффатъ?

— Да Это мое имя. Но, извините, боюсь, что я васъ не помню.— Ея застѣнчивость была необычайно мила.

— Я м-рсъ Делафильдъ.

Дѣвушка вздрогнула.

— Да? Я... Извините пожалуйста.

Она вся вспыхнула и растерянно смотрѣла на заговорившую съ ней даму, а Жюли тѣмъ временемъ торопливо спрашивала себя: «Что она знаетъ? что она слышала?»—но вслухъ она только выговорила: Я думала, что вы слыхали обо мнѣ. Лордъ Юрдэль говорилъ мнѣ, что онъ писалъ, по желанію отца, леди Бланшъ. Ваша мать и моя были сестры.

Дѣвушка застѣнчиво отвела взглядъ.

— Да, мама говорила мнѣ.

Наступило минутное молчаніе. Страхъ и тревога, овладѣвшіе было Жюли, разсѣялись. Въ обращеніи дѣвушки не было ни ревности, ни ненависти, только дѣвичья робость и сдержанность.

— Могу я пройтись съ вами немного?

— Пожалуйста! Вы остановились въ Монтре?

— Нѣтъ, мы въ Шарнэ,—а вы?

— Мы пріѣхали всего два дня тому назадъ и поселились въ маленькомъ пансіонѣ въ Брентѣ. Мнѣ хотѣлось подышать воздухомъ полей, вѣдь теперь уже нарциссы цвѣтутъ. Если бы погода была теплая мы остались бы здѣсь, но мама боится холода—изъ за меня. Я была больна.

— Я слышала объ этомъ, — сказала Жюли своимъ серьезнымъ и ласковымъ голосомъ, невольно внушавшимъ симпатію.—Потому-то ваша матушка и не могла пріѣхать...

Глаза Эйлинъ наполнились слезами.

— Да, бѣдная мама! Я уговаривала ее ѣхать—она такъ любила дѣдушку, а у насъ была хорошая сидѣлка, но она ни за что не хотѣла меня оставить. Она...

— Она всегда тревожится за васъ?

— Да. Мое здоровье въ послѣднее время не очень-то хорошо и съ тѣхъ поръ, какъ умеръ папа...

— У нея нѣтъ никого, кромѣ васъ?

Они прошли нѣсколько шаговъ, молча. Затѣмъ дѣвушка подняла на нее глаза.

— Вы видѣли дѣдушку въ послѣднія минуты? Разскажите мнѣ объ этомъ. Мои дяди пишутъ такъ мало.

Жюли съ трудомъ исполнила ея желаніе. Она не сообразила, какъ трудно ей будетъ говорить о лордѣ Лэкинтонѣ. Но, тѣмъ не менѣе, она описала, какъ умѣла, рыцарскую смерть старика. Эйлинъ Моффатъ слу-

шала ее внимательно, съ своей обычной застѣнчивостью, полной чувства, которая, казалось, была въ ней характерной чертой.

Когда онѣ дошли до вершины холма, откуда дорога сворачиваетъ въ Шарнэ, Жюли замѣтила, что спутница ея утомлена.

— Вы недавно хворали,—сказала она,—вамъ нельзя такъ много ходить. Могу я отвести васъ домой? Вы не думаете что вашей матери непріятно будетъ меня видѣть?

Дѣвушка не сразу отвѣтила.

— А, вотъ и она!

Навстрѣчу имъ быстро шла пожилая дама, небольшого роста, сѣдая; широкополая шляпа частью скрывала ея черты.

Жюли вся затрепетала. Это была сестра, о которой мать ея вспоминала, умирая. Ей казалось, что частица души ея матери, что-то такое, что можетъ бросить свѣтъ на жизнь и душу ея матери, приближается къ ней по этой швейцарской тропинкѣ.

Но пожилая дама, подойдя, съ удивленіемъ и нѣкоторымъ высокомѣріемъ посмотрѣла на незнакомку, шедшую рядомъ съ ея дочерью.

— Эйлинъ! Зачѣмъ ты зашла такъ далеко? Ты обѣщала мнѣ вернуться черезъ четверть часа.

— Я не устала, мама. Мамочка, это—м-рсъ Делафильдъ. Ты помнишь—дядя Юрдэль писалъ...

Лэди Бланшъ Моффатъ застыла на мѣстѣ. Въ сердце Жюли снова закрался страхъ, и на этотъ разъ онъ не разсѣялся. Послѣ явнаго колебанія, сѣдая дама холодно протянула руку.

— Какъ вы поживаете? Братья писали мнѣ о вашемъ замужествѣ, но они говорили, что вы въ Италіи.

— Мы только что оттуда.

— А вашъ мужъ?

— Онъ уѣхалъ въ Монтрё, но теперь скоро вернется. Мы всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей гостинницы. Не хотите ли зайти отдохнуть? У миссъ Моффатъ очень усталый видъ.

Наступила пауза. Леди Бланшъ смотрѣла на дочь. Жюли видѣла, какъ дрогнулъ ея большой, неправильный ротъ, съ легка вывороченными наружу губами. Она взяла дочь подъ руку и наклонилась къ ней, тревожно вглядываясь въ ея лицо.

— Благодарю васъ, мы зайдемъ на четверть часа. Въ Шарнэ можно достать экипажъ?

— Да, я думаю. Вы посидите немножко на нашемъ балконѣ; я пошлю узнать.

Они пошли вмѣстѣ къ Шарнэ. Леди Бланшъ упорно говорила о погодѣ, которая дѣйствительно была ужасна, и такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ мало знакомыми людьми. Ни слова объ отцѣ; ни слова даже о письмѣ брата и о родствѣ Жюли съ ней самой. Жюли отно-

силась къ этому совершенно спокойно и разговоръ кое-какъ поддерживался все время, пока онѣ не дошли до маленькой гостинницы въ Шарнэ.

Жюли повела своихъ спутницъ по темному корридору на террасу, гдѣ было нѣсколько стульевъ и, между прочимъ, мягкое кресло-качалка.

— Пожалуйста,—сказала Жюли, усаживая дѣвушку и поправляя подушки. Эйлинъ улыбалась и не противилась. Жюли принесла шаль и закутала ее, такъ какъ въ воздухѣ чувствовалась сырость. Эйлинъ, благодаря ее, слегка коснулась ея руки. Между ними уже установилась тайная симпатія.

Леди Бланшъ чопорно сидѣла возлѣ дочери, все время наблюдая за выраженіемъ ея лица. Она была суха и, видимо, чувствовала себя не въ своей тарелкѣ, что еще больше бросалось въ глаза рядомъ съ милой привѣтливостью ея дочери. Но Жюли какъ будто не замѣчала этого. Она приказала подать чай и уже ни словомъ больше не напоминала о существующемъ между ними родствѣ. Онѣ съ леди Бланшъ разговаривали между собой совершенно, какъ посторонніе.

Жюли понимала, въ чемъ дѣло. Она вспомнила вечеръ въ домѣ герцогини, старую дѣву, пріятельницу Моффатъ, свой собственный разговоръ съ Эвелиной. Очевидно, до леди Бланшъ дошли какіе-нибудь сплетни о ней и Уорквортѣ. Оба они тогда были слишкомъ заняты собой и несчастны, чтобы думать о томъ, «что скажутъ». И, очевидно, слухи дошли до ея тетки. Леди Бланшъ, по всей вѣроятности, ненавидитъ ее, хотя и обязана быть съ ней вѣжлива изъ-за Делафильда. Но въ обращеніи ея дочери не было и тѣни непріязни. Очевидно, мать, щадя ее, скрыла отъ нея непріятные слухи.

Жюли вдругъ стало необыкновенно легко на душѣ. Она украдкой смотрѣла на Эйлинъ, сравнивая дѣйствительность съ тѣмъ безобразнымъ представленіемъ о соперницѣ, которое сложилось въ ея ревнивой душѣ—какъ о глупенькомъ, нагломъ созданіи, завладѣвшемъ всѣмъ, чего добиваются лучшія, чѣмъ она, благодаря только грубой силѣ — преимуществамъ богатства и рожденія. А она все время была такая—нѣжная, трогательная, воздушная—дитя, о которомъ говорилъ Уорквортъ—невинное, не знающее свѣта дитя, принесенное въ жертву ихъ страсти. Она, какъ сейчасъ, видѣла передъ собой карточку, словно съ мольбой смотрѣвшую на нее изъ рукъ Уоркворта. Потомъ взглянула на оригиналъ—взглянула робко, съ нарождающейся любовью, и сердце ея безумно забилось—не то раскаяніемъ, не то воскресшей ревностью. Вотъ и сейчасъ подъ этой маской свѣтскаго разговора, быть можетъ, онѣ обѣ втайнѣ думаютъ о немъ. Мысли дѣвушки всегда витаютъ около ея возлюбленнаго...

И все это время Жюли была какъ-то странно озабочена—ее преслѣдовала мысль объ Уорквортѣ.

Постепенно съ высокихъ горъ надъ озеромъ сползли послѣднія гряды облаковъ и на вершинахъ показались сосновые лѣса, осыпанные снѣгомъ. Слабо бѣлѣли бѣлыя стѣны Гліона; какой-то жемчужно-золотистый свѣтъ разлился надъ горами и озеромъ. Но солнце хмурилось и въ воздухѣ не было ласки. Эйлинъ и въ теплой шали дрожала отъ холода. Когда Жюли заговорила объ Италіи, дѣвушка вся встрепенулась и съ такимъ энтузіазмомъ откликнулась на ея рѣчи, что онѣ обѣ почувствовали, какъ незамѣтно сблизились еще больше.

Внизу послышались шаги.

— Мой мужъ,—сказала Жюли, вставъ, и, подойдя къ баллюстрадѣ, махнула платкомъ Делафильду, который шелъ изъ Монтрё по крутой тропинкѣ, извивавшейся межъ виноградниковъ.

— Я скажу ему, что вы здѣсь,—прибавила она какимъ-то особеннымъ тономъ, который можно было принять за застѣнчивость новобрачной.

Она сбѣжала по ступенькамъ съ террасы въ нижній садъ. Эйлинъ посмотрѣла на мать и шепнула:

— Какая она чудная! Я глазъ отъ нея не могу отвести. Я не видала женщины граціознѣе. Мама, она похожа на тетю Розу?

Леди Бланшъ покачала головой.

— Ни капельки! Мнѣ она кажется слишкомъ манерной.

— О, мама! — И дѣвушка съ ласковымъ упрекомъ поймала руку матери, какъ бы говоря:. «Милая мамочка, ты должна полюбить ее, потому что я ее люблю, а о тетѣ Розѣ и обо всѣхъ этихъ ужасныхъ вещахъ не надо думать,—надо только жалѣть.

— Тссъ!—сказала леди Бланшъ, улыбаясь ей немного тревожно.— Тише, они идутъ.

На площадкѣ лѣстницы показались Делафильдъ и Жюли, оба высокіе, изящные; это была прекрасно подобранная пара. Леди Бланшъ посмотрѣла на нихъ и презрительно надула нижнюю губу, что придавало ея лицу непріятное выраженіе. Но съ Делафильдомъ она была немного знакома раньше и сейчасъ же замѣтила, съ какой милой заботливой нѣжностью онъ поздоровался съ ея дочерью.

— Жюли сказала мнѣ, что миссъ Моффатъ далеко еще не окрѣпла послѣ болѣзни,—обратился онъ къ леди Бланшъ. Та только вздохнула въ отвѣтъ. Онъ придвинулъ къ ней стулъ и между ними сразу завязался обычный разговоръ свѣтскихъ людей, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу и путешествующихъ въ одной и той же странѣ. А Жюли опять сѣла возлѣ Эйлинъ.

Немного было сказано между ними, но каждая чувствовала, что другая интересуется ею, и Жюли время отъ времени заботли-

вой рукой поправляла шаль, окутывавшую хрупкую фигурку дѣвушки.

Легкія угрызенія совѣсти, которыя испытывала Жюли, только дѣлали ее еще болѣе чуткой. Она мысленно говорила себѣ, что сумѣетъ все загладить. Только бы леди Бланшъ захотѣла!

Но она должна захотѣть! Жюли почувствовала приступъ былой самоувѣренностью, вѣры въ себя и свою власть надъ людьми, которая, въ сущности почти никогда не измѣняла ей. Въ ней опять зашевелились инстинкты хитрости, интриги, какъ въ то время, когда она была компаньонкой лэди Генри.

Во время разговора Эйлинъ замѣтила лежавшую на столѣ англійскую газету, принесенную Делафильдомъ изъ Монтрё и еще не распечатанную.

— Пожалуйста, дайте мнѣ ее,—сказала дѣвушка, быстро протягивая руку.—Навѣрно уже есть извѣстія о свадьбѣ Тины, мамочка. Это моя кузина, — пояснила она Жюли, вставшей, чтобы подать ей газету.—Самая любимая кузина. О, благодарю васъ!

Она развернула газету. Жюли отошла, чтобы взять чашку у леди Бланшъ.

Вдругъ раздался крикъ—крикъ смертельной муки.

— Эйлинъ,—вскрикнула леди Бланшъ, кидаясь къ ней,—что, что съ тобой?!

Газета упала на полъ, но дѣвушка, задыхаясь, указывала на нее.

— Мама! мама!..

Жюли поблѣднѣла, какъ смерть, охваченная предчувствіемъ. Леди Бланшъ суетилась около дочери.

— Эйлинъ, милочка, что случилось?

Дѣвушка въ мучительной тоскѣ охватила руками станъ матери, вся дрожа, поднялась на ноги и провела рукой по глазамъ.

— Онъ умеръ, мама! онъ умеръ! онъ—*умеръ!*

Послѣднее слово вырвалось со стономъ, еще болѣе страшнымъ, чѣмъ ея первый крикъ ужаса. Дѣвушка пошатнулась, вырвалась изъ рукъ матери и упала бы, если бы ее не поддержала Жюли.

Ее бережно уложили снова на кресло. Она была похожа на сломанный цвѣтокъ, въ которомъ внезапно изсякли всѣ источники жизни. Леди Бланшъ нагнулась къ ней, оттолкнувъ Жюли, и безумно сжимала въ своихъ объятіяхъ безчувственную дочь. Делафильдъ побѣжалъ за водой и коньякомъ. Жюли подняла газету и взглянула на телеграммы. Въ первомъ же столбцѣ она нашла то, чего искала:

«Каиръ, 12-го іюня. Неожиданная вѣсть о трагической кончинѣ майора Уоркворта вызвала здѣсь искреннее огорченіе. Онъ погибъ отъ лихорадки, около 25-го мая, въ мѣстечкѣ, находящемся въ трехъ недѣляхъ пути отъ берега. Письма отъ офицера, принявшаго вмѣсто

него начальство надъ миссіей, только теперь пришли въ Денгу. Уже черезъ 2 недѣли послѣ того, какъ миссія, покинувъ берегъ, стала углубляться внутрь страны, майоръ Уорквортъ почувствовалъ приступы лихорадки. Онъ мужественно боролся съ болѣзнью, но недугъ былъ смертельный и свалилъ его меньше, чѣмъ въ недѣлю. Гонецъ привезъ также документы и письма умершаго, которые отправлены его роднымъ въ Англію. Майоръ Уорквортъ былъ очень способный офицеръ, подававшій большія надежды, и смерть его тяжелая утрата для нашей арміи».

Жюли упала на колѣни возлѣ своей безчувственной кузины. Лэди Бланшъ тѣмъ временемъ разстегивала платье дочери, грѣла своимъ дыханіемъ ея холодныя руки и въ безумномъ страхѣ причитала надъ ней:

— Родная моя! голубушка! Господи, за что же это такое! И зачѣмъ только я позволила имъ сблизиться? Это все я виновата, все я. Не переживетъ она этого!

И, цѣпляясь за безчувственныя руки дочери, она вся корчилась отъ рыданій, въ которыхъ не было ни тѣни горя, или сожалѣнія о комъ бы то ни было, кромѣ ея дочери, ея плоти и крови, лежавшей тутъ безъ сознанія, пораженнной тяжкимъ ударомъ.

Но Жюли уже не сознавала происходившей передъ нею трагедіи. Вся ея способность воспріятія снова поглощена была обманомъ чувствъ, захватившимъ ее цѣликомъ. Передъ ея широко раскрытыми, полными ужаса глазами встало то самое видѣніе, которое мучило ее въ критическій періодъ ея любви къ Уорквортy. Надъ вѣчными снѣгами, окаймлявшими озеро, поднялся призракъ—исхудалый, съ пылающими щеками, съ прилипшими къ вискамъ волосами, а глаза—о, какъ ужасны были эти глаза!—въ нихъ читалась нѣмая ярость человѣка, еще молодого, мучительно разстающагося съ жизнью въ послѣдней агоніи одинокаго, никѣмъ не облегченнаго страданія.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БІОЛОГИЧЕСКІЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ.

(*Окончаніе* *).

IV.

Подробный разборъ ученія итальянской школы криминологіи заставилъ насъ сдѣлать, между прочимъ, рядъ экскурсій въ области криминальной антропологіи, психологіи и психіатріи, и хотя данныя, добытыя нами изъ этихъ экскурсій, носятъ почти исключительно отрицательный характеръ, они, тѣмъ не менѣе, не лишены значенія, такъ какъ, свидѣтельствуя о томъ, что итальянская школа избрала ложный путь для рѣшенія вопроса о причинахъ преступности, эти данныя тѣмъ самымъ все-таки приближаютъ насъ къ истинѣ. Я нахожу поэтому небезполезнымъ, прежде чѣмъ перейти къ соціальнымъ факторамъ преступности, отмѣтить въ нѣсколькихъ словахъ тѣ главные выводы, которые мы въ правѣ сдѣлать изъ разобранныхъ нами до сихъ поръ многочисленныхъ и весьма разнообразныхъ фактовъ.

Мы видѣли, что въ теченіе долгихъ вѣковъ преступленіе считалось просто проявленіемъ злой воли и, какъ таковое, не подлежало научному изслѣдованію. Труды Ломброзо явились первой крупной попыткой подвести явленія преступности подъ законъ причинности: исходя изъ своихъ изслѣдованій, въ самомъ методѣ которыхъ было много ошибочнаго, Ломброзо пришелъ къ заключенію о существованіи особаго преступнаго типа, понимаемаго не въ профессіональномъ смыслѣ, какъ принимается, напримѣръ, существованіе типа крестьянина, рабочаго, военнаго и т. п., а какъ особая разновидность рода человѣческаго, противопоставляемая всему остальному человѣчеству и характеризуемая прирожденными недочетами и изъянами. Существованіе такого особаго вида преступныхъ людей и постоянное его пополненіе новыми особями объясняется атавизмомъ, возвращеніемъ къ типу дикаря, для котораго преступность была не исключеніемъ, а правиломъ.

Такова была первоначальная антропологическая теорія преступности, впослѣдствіи видоизмѣненная въ *антропологo-психіатрическую* по которой преступникъ совмѣщаетъ въ себѣ черты, общія первобытному дикарю и скрытому эпилептику.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль, 1903 г.

Мы видѣли, насколько мало обосновано ученіе о преступномъ типѣ съ анатомо-антропологической точки зрѣнія; затѣмъ мы особенно подробно останавливались на роли, которую Ломброзо приписываетъ въ дѣлѣ преступности скрытой эпилепсіи; останавливались потому, что въ этой части ученія Ломброзо есть нѣкоторая, правда, очень небольшая доля истины, ибо преступныя дѣйствія психопатовъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно, носятъ неизбѣжный характеръ автоматически совершающихся актовъ, но мы могли также убѣдиться, что именно наличность этого психическаго автоматизма и заставляетъ выдѣлить эти преступные акты въ особую категорію, совершенно отличную отъ настоящихъ преступленій. Иными словами, мы убѣдились въ полной несостоятельности попытки поставить преступность въ непосредственную зависимость отъ такихъ біологическихъ факторовъ, какъ особенности анатомической или психической организаціи преступнаго субъекта.

Съ другой стороны, мы видѣли, что и помимо сомнительности всѣхъ данныхъ, на которыхъ построено ученіе о преступномъ типѣ, отожествленіе преступника съ первобытнымъ дикаремъ не выдерживаетъ критики еще и потому, что, во-первыхъ, мы далеко не въ правѣ считать жестокость непремѣнной характерной чертой всѣхъ дикарей, а во-вторыхъ, смягченіе нравовъ подъ вліяніемъ цивилизаціи идетъ, такъ сказать, въ видѣ постоянно расширяющихся концентрическихъ круговъ, которые достаточно убѣдительно говорятъ объ относительности этическихъ формулъ и въ особенности объ относительности юридическихъ нормъ.

Обязательнымъ достоинствомъ всякой научной теоріи должна быть ея примѣнимость къ извѣстнымъ явленіямъ, гдѣ и когда бы эти явленія ни наблюдались. Такъ, теорія естественнаго подбора и борьбы за существованіе одинаково вѣрна для нашего времени, какъ она вѣрна по отношенію къ органическому міру вторичной или третичной эры; одинаково примѣнима къ животному и растительному міру тропическаго пояса и къ фаунѣ и флорѣ полярныхъ странъ. Или, если мы обратимся къ области общественныхъ наукъ, то увидимъ, напримѣръ, что въ политической экономіи законъ Грешана о вытѣсненіи денежныхъ знаковъ лучшаго качества монетой худшаго достоинства (при одинаковой ихъ платежной способности) одинаково осуществляется и въ Англіи XVI-го вѣка, и во Франціи временъ второй имперіи, и въ современной Россіи.

Посмотримъ, примѣнимъ ли тотъ же критерій по отношенію къ теоріи, которая ставитъ преступность въ зависимость отъ атавизма. Дѣйствительно ли явленія преступности настолько объединены, на протяженіи хотя бы всей исторической жизни человѣчества, чтобы въ нихъ можно было усмотрѣть своего рода переживанія доисторическаго періода.

Въ древней Іудеѣ побивали камнями за такія преступленія, какъ идолопоклонство, колдовство и т. п. преступныя дѣйствія, на которыя

мы не находимъ ни малѣйшаго намека въ современныхъ западно-европейскихъ законодательствахъ. Римъ отдавалъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ первыхъ христіанъ, какъ вѣроотступниковъ. Правда, отъ всего этого насъ отдѣляютъ почти тысячелѣтія, но давно ли въ той же западной Европѣ пылали костры инквизиціи, на которыхъ тысячами и сотнями тысячъ сжигались самые ужасные для того времени преступники—еретики и колдуны? не далѣе, какъ въ XVI-мъ и въ XVII-мъ вѣкахъ. Мало того, судебные процессы колдуній разбирались еще въ XVIII-мъ вѣкѣ: въ Австріи они были отмѣнены не далѣе, какъ въ 1766 году, и даже во Франціи—въ странѣ Вольтера и великой революціи—парламентъ города Бордо еще въ 1718 году, менѣе чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ, произнесъ смертный приговоръ по обвиненію въ колдовствѣ, т.-е. въ занятіи, надъ которымъ въ наше время могли бы только посмѣяться. Въ наше время... но и въ наше время юридическія нормы не опираются на однѣ и тѣ же общія основы. Эти нормы, оказывается, подвержены огромнымъ колебаніямъ не только въ силу того, что «tempora mutantur», но еще и потому, что—какъ говоритъ Паскаль—истина по сю сторону Пиренеевъ становится ложью по ту сторону. Если это изреченіе Паскаля въ настоящее время едва ли вполнѣ вѣрно, что касается собственно Пиренеевъ, то оно, увы, остается еще во всей своей силѣ по отношенію къ другимъ государственнымъ границамъ ..

Спрашивается, какъ же быть съ упорными «вѣроотступниками», каковыми въ свое время считались первые христіане, еретики и кое-гдѣ еще и теперь считаются сектанты? Зачислить ихъ въ категорію прирожденныхъ преступниковъ? Но въ настоящее время и тѣ, и другіе, и третьи, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ, вовсе не считались бы преступниками: ихъ дѣянія не подходили бы ни подъ какую статью уголовнаго кодекса. А если такъ, если школа, кладущая въ основу преступности атавизмъ, считается только съ преступниками, наблюдаемыми въ наше время, да и то только въ опредѣленныхъ странахъ, и тѣмъ самымъ какъ бы провозглашаетъ незыблемость и абсолютную высшую цѣнность современнаго законодательства этихъ странъ, то не становится ли она жертвою того же оптическаго обмана, который заставляетъ антропологовъ гордо провозглашать примордіальное превосходство своей бѣлой расы надъ ея низшими сестрами?

Но тутъ передъ нами является уже знакомый намъ итальянскій криминалистъ, баронъ Гарофало, который пытается разсѣять наше недоумѣніе, указывая на то, что существуютъ преступленія *естественныя*. Этотъ не совсѣмъ удачно выбранный терминъ слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, въ какомъ Дюркгеймъ признаетъ, какъ мы видѣли, преступника правильнымъ агентомъ общественной жизни: нѣтъ, естественными преступленіями Гарофало называетъ такія преступныя дѣйствія, которыя нарушаютъ одно изъ двухъ присущихъ нормальному человѣку коренныхъ альтруистическихъ чувствъ, а именно, чувство жа

лости или человѣчности и элементарное чувство честности. Изъ области преступности пришлось бы, слѣдовательно, исключить не только политическія преступленія и преступленія противъ религіи, но и всю обширную категорію преступленій и проступковъ, признаваемыхъ въ частности тѣмъ или инымъ законодательствомъ, ибо подъ рубрику естественныхъ преступленій подходятъ только такія дѣйствія, которыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ считались бы преступленіями—таковыми будутъ, напримѣръ, кража и всякое насиліе надъ личностью.

Съ отвлеченной точки зрѣнія, это ученіе объ естественныхъ преступленіяхъ можетъ, пожалуй, казаться логически выдержаннымъ и стройнымъ цѣлымъ, но вопросъ о преступности есть, прежде всего, жгучій вопросъ дѣйствительности, и однихъ умозрительныхъ построеній недостаточно для его разрѣшенія. Если же обратиться къ дѣйствительности, то придется убѣдиться, что она мало соотвѣтствуетъ основамъ ученія Гарофало. Мало соотвѣтствуетъ потому, что *неизмѣнныя* коренныя альтруистическія чувства, чувство жалости и элементарное чувство честности, можно приписывать только абстрактному человѣку; въ дѣйствительности же, чувства эти постоянно мѣнялись и мѣняются подъ вліяніемъ вѣрованій, общественныхъ отношеній, историческихъ условій: то, что намъ кажется элементарной честностью, могло совершенно не укладываться въ нравственный міръ не только доисторическаго дикаря, но и представителя первобытныхъ цивилизацій; тамъ, гдѣ мы видимъ мотивъ для состраданія, религіозныя вѣрованія далекаго прошлаго могли заставлять видѣть только радостное событіе и т. д. Вотъ почему, въ дѣйствительности, нѣтъ такой категоріи преступленій, которая всегда и вездѣ была бы заклеймена этимъ именемъ. Возьмемъ даже убійство. Не говоря уже о томъ, что здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, имѣло значеніе упомянутое уже нами дѣленіе на *своихъ* и *чужихъ* и что убійство очень долгое время считалось преступленіемъ только въ томъ случаѣ, когда оно было совершено надъ членомъ соціальной группы, къ которой принадлежалъ убійца; не говоря уже объ этомъ, убійство даже въ предѣлахъ одного и того же общественнаго цѣлаго далеко не всегда считалось преступленіемъ: достаточно вспомнить столь распространенный въ древности обычай человѣческихъ жертвоприношеній и исторію Агамемнона, жертвующаго жизнью своей дочери Ифигеніи; достаточно вспомнить, что въ Спартѣ, напримѣръ, дѣтоубійство не считалось преступленіемъ, какъ не считалось и не считается преступленіемъ и теперь среди многихъ дикарей убійство стариковъ и т. п. Наконецъ, и въ наше время убійство допускается и санкціонируется закономъ въ извѣстныхъ случаяхъ: во-первыхъ, въ видѣ войны; во-вторыхъ, въ случаяхъ такъ называемой личной обороны; въ третьихъ, въ видѣ смертной казни, а также «при исполненіи карантинною, таможенною, лѣсною или иною стражей своихъ обязанностей».

Если говорить объ естественныхъ преступленіяхъ, какъ наруше-

ніяхъ тѣхъ элементарныхъ требованій нравственности, того минимума морали, который считается обязательнымъ въ наше время, то не значитъ ли это допустить опять ту же прискорбную ошибку самомнѣнія, то же отсутствіе перспективы. Вѣдь то средневѣковое общество, представители котораго отправляли еретиковъ на костры, съ такимъ же правомъ могло считать и считало свое правосудіе наиболѣе удовлетворяющимъ требованіямъ нравственности, какъ и современная французская литература, отправляющая убійцу на эшафотъ и придерживающаяся мздовоздающей формулы «око за око, зубъ за зубъ». Смертная казнь, оправдываемая извѣстными юридическими нормами, не именуется убійствомъ, какъ въ свое время не именовались убійствами и человѣческія жертвоприношенія, но не трудно предвидѣть такой моментъ, когда смертная казнь будетъ отмѣнена, и тогда, можетъ быть, какой-нибудь Ломброзо XXX-го вѣка не прочь будетъ, основываясь на ея существованіи въ наше время, думать, что жестокость и кровожадные инстинкты были обычнымъ для насъ явленіемъ, въ особенности, когда онъ узнаетъ, что французскій литераторъ Альфонсъ Карръ при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ смертной казни съ цинизмомъ воскликнулъ: «Que messieurs les assassins commencent!» *).

Къ тому же, основная идея ученія объ естественныхъ преступленіяхъ не нова. Уже давно юристы, считая опаснымъ понятіе объ относительности законодательныхъ нормъ, старались найти надежную опору для положительнаго законодательства въ такъ называемомъ *отвлеченномъ* уголовномъ правѣ. Такъ, одинъ изъ французскихъ профессоровъ уголовнаго права говоритъ: «Отрицать существованіе абстрактнаго уголовнаго права значитъ смотрѣть на карательные законы, какъ на совершенно своевольныя, иногда даже случайныя постановленія законодателя, у насъ (во Франціи), какъ на давленіе большинства. А въ такомъ случаѣ то, что создано однимъ большинствомъ, другимъ большинствомъ можетъ быть разрушено, независимо отъ какихъ-либо требованій справедливости и разума. Съ другой стороны, если отнять у уголовныхъ законовъ ихъ философское основаніе, то требуемыя ими стѣсненія свободы личности будутъ казаться невыносимыми; возмущеніе противъ этихъ постановленій будетъ казаться законнымъ; общественное мнѣніе станетъ оправдывать тѣхъ, кого правосудіе нашло бы нужнымъ порицать. Этотъ антагонизмъ между закономъ и общественнымъ мнѣніемъ породитъ смуты».

Тѣмъ не менѣе, по признанію того же профессора, идея о независимости законодательныхъ нормъ отъ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ началъ находитъ сторонниковъ и среди юристовъ. Факты говорятъ сами за себя, и какъ мы сейчасъ видѣли, Гарофало пришлось исключить изъ области естественныхъ преступленій весьма многія дѣя-

---

*) Пусть господа убійцы покажутъ примѣръ (т. е. перестанутъ убивать).

нія, которыя положительный законъ квалифицируетъ, однако, какъ преступленія. Пришлось, между прочимъ, исключить отсюда и политическія преступленія, хотя Ломброзо пытался было прослѣдить и здѣсь роль біологическихъ факторовъ преступности въ своемъ обширномъ трудѣ «Le crime politique et les révolutions par rapport au droit, à l'anthropologie criminelle et à la science du gouvernement».

Намъ было бы не совсѣмъ удобно останавливаться, на матеріалѣ, которымъ пользовался итальянскій профессоръ для этого труда—скажемъ только, что изученіе индивидуальныхъ факторовъ преступности дало здѣсь еще болѣе сбивчивые и противорѣчивые результаты, чѣмъ въ области общей преступности, и перейдемъ къ не менѣе поучительнымъ фактамъ иного рода.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи вспыхнула своего рода эпидемія преступности, выразившаяся въ такъ называемой «пропагандѣ дѣломъ». Печальные подвиги анархистовъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ, ихъ какъ бы соединяло одно общее стремленіе, подтачивавшее самыя основы общественности. Тѣмъ не менѣе, несмотря на общность характера этихъ преступныхъ дѣяній, герои ихъ дѣйствовали въ большинствѣ случаевъ совершенно изолировано: ихъ не соединяла никакая организація, у нихъ не было какихъ-нибудь опредѣленныхъ общихъ плановъ дѣйствій: каждый изъ нихъ задумывалъ и приводилъ въ исполненіе свое дѣло исключительно на свой рискъ и страхъ. Вальянъ, Эмиль Анри, Казеріо дѣйствовали каждый въ одиночку. «Всѣ эти преступленія,—писалъ одинъ изъ видныхъ представителей французской магистратуры, Ал. Бераръ *),—совершаются индивидуально, каждый анархистъ дѣйствуетъ какъ ему угодно, внѣ всякаго плана общихъ дѣйствій... Это возстаніе изолированныхъ индивидовъ безъ предводителя, безъ организаціи, безъ дисциплины... Никогда не было, нѣтъ и не будетъ анархистской арміи».

Могло бы, слѣдовательно, казаться, что тутъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо должны были играть первостепенную роль индивидуальные, органическіе факторы преступности: могло казаться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло прежде всего съ умственными и нравственными аномаліями, съ продуктами наслѣдственнаго вырожденія. Но отъ этого вопросъ не теряетъ своей важности: общество не можетъ оставаться беззащитнымъ передъ такого рода эпидеміей. Тѣмъ интереснѣе, тѣмъ важнѣе ознакомиться съ ней ближе, выяснить ея характеръ, опредѣлить ея факторы. Успѣхъ и цѣлесообразность борьбы со зломъ всецѣло зависитъ отъ разумнаго и справедливаго отношенія къ нему: внѣ такого отношенія трудно найти вполнѣ дѣйствительныя и надежныя средства борьбы, еще труднѣе тогда разсчитывать на дѣйствительность какихъ-нибудь мѣръ предупрежденія. Все это такъ. Отъ общества, переживающаго смутную

*) Alexandre Bérard, „Les hommes et les théories de l'anarchie". (*Archives d'anthropologie criminelle*, 1892, стр. 625 и 630).

эпоху взрывовъ и покушеній, трудно, однако, требовать сознательно-разумнаго и справедливаго отношенія къ виновникамъ этихъ смутъ; совершенно сбитое съ толку безсмысленной жестокостью этихъ преступленій, оно не въ силахъ разобраться во всѣхъ этихъ ужасахъ; оглушенное грохотомъ взрывовъ, опьяненное видомъ проливаемой крови, оно само становится послушной жертвой одного изъ тѣхъ сложныхъ стихійныхъ движеній, гдѣ разнуздываются самые грубые инстинкты.

Но тамъ, гдѣ масса теряетъ голову и всецѣло отдается первому инстинктивному движенію гнѣва, негодованія или отчаянія, представители науки, посвятившіе себя внимательному и спокойному изученію всякихъ жгучихъ вопросовъ общественности, ищущіе факторовъ преступности въ роковомъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій, должны явиться во всеоружіи своихъ знаній и попытаться помочь разобраться въ этомъ непонятномъ на первый взглядъ хаосѣ ужасовъ, ознакомить, по возможности общество, съ истинными причинами зла и тѣмъ самымъ указать мѣры для предупрежденія ужасныхъ преступленій.

Именно по поводу этихъ преступленій Тардъ писалъ: «Какъ бы ни былъ чудовищенъ этотъ взрывъ утонченной дикости *(sauvagerie savante)*, не слѣдуетъ ни удивляться ему, ни пугаться его; нужно бороться съ нимъ и, прежде всего, *понять его»* *). Понять этотъ «взрывъ дикости» пытался, между прочимъ, самъ Тардъ, пытался и Ломброзо. О попыткѣ перваго изъ этихъ криминологовъ, весьма неудачной и свидѣтельствующей о томъ, что французскій соціологъ въ данномъ случаѣ не оказался на высотѣ своего призванія, намъ придется сказать нѣсколько словъ впослѣдствіи, а теперь остановимся, прежде всего, на объясненіяхъ Ломброзо. Они для насъ тѣмъ интереснѣе, что, повидимому, дѣло идетъ здѣсь о субъектахъ умственно и нравственно извращенныхъ—тутъ, значитъ, итальянскому профессору и книги въ руки.

Возьмемъ для примѣра одно изъ наиболѣе жестокихъ и безсмысленныхъ преступленій такого рода—убійство австрійской императрицы Елизаветы. Ломброзо посвятилъ ему цѣлую статью **) и мы можемъ, слѣдовательно, ознакомиться обстоятельно съ его взглядами. Сообразно съ принципами антрополого-психіатрической школы, Ломброзо, разумѣется, прежде всего, обращается къ изученію личности преступника. Это изученіе онъ начинаетъ, однако, не съ особенностей физической организаціи Луккени, а съ его біографіи, особенно останавливаясь при этомъ на тяжелыхъ условіяхъ, среди которыхъ протекло дѣтство преступника. Обстоятельство это въ высшей степени интересно, если вспомнить, что было время, когда для Ломброзо тѣ или иныя житейскія условія являлись вопросомъ второстепеннымъ: будучи поставленъ

*) Gabriel Tarde. „Les crimes de haine" (*Archives d'anthropologie criminelle*, 15-го мая 1894 г.).

**) Cesar Lombroso, „Le crime de Luccheni" (*Revue des Revues*, 1-го ноября 1898 г.). Русскій переводъ этой статьи былъ напечатанъ въ „Журналѣ журналовъ".

лицомъ къ лицу съ преступникомъ, онъ, прежде всего, торопился осмотрѣть, ощупать, измѣрить этотъ интересный «экземпляръ» рода человѣческаго... убѣдиться, все ли у него въ порядкѣ, на мѣстѣ ли сидитъ носъ, правильно ли сложена ушная раковина и т. п.

Какъ и въ большинствѣ случаевъ такого рода, Ломброзо приходитъ къ тому заключенію, что Луккени представляетъ много характерныхъ чертъ вырожденія, общихъ эпилептикамъ и типу преступника. Мы не станемъ разбирать здѣсь доводы, на которые опирается это заключеніе: въ нихъ нѣтъ ничего новаго и, какъ во всѣхъ подобнаго изслѣдованіяхъ Ломброзо, мы встрѣчаемъ здѣсь, наряду съ фактами весьма убѣдительными, нисколько недоказательныя мелочи и малообоснованныя заявленія, въ родѣ слѣдующаго: «Il paraît qu'à cette époque il eut une attaque d'epilepsie» *).

Гораздо важнѣе и интереснѣе отмѣтить здѣсь то, что и самого автора не совсѣмъ удовлетворяетъ все это «антропологo-психіатрическое» изслѣдованіе, ибо, закончивъ его, онъ не считаетъ еще выполненною поставленную себѣ задачу и прибавляетъ: «если таковы индивидуальныя, органическія причины преступленія Луккени, то несравненно важнѣе причины, стоящія въ зависимости отъ общихъ и экономическихъ условій, отъ собственнаго злосчастья и нищеты этого субъекта и отъ бѣдствій, переживаемыхъ въ послѣднее время его родиною». Незаконнорожденный, Луккени росъ безъ всякаго присмотра, окруженный пьянствомъ, нуждою и развратомъ; съ малолѣтства ему пришлось скитаться въ поискахъ работы и переносить послѣдствія распространившейся по всей Италіи нищеты. А такихъ неуравновѣшенныхъ субъектовъ, какъ Луккени, нищета, по мнѣнію Ломброзо, толкаетъ на самоубійство или на преступленіе не только въ силу переживаемыхъ ими лично страданій, но и потому, что эти болѣзненно впечатлительныя натуры крайнѣ чувствительны ко всему окружающему. Ломброзо приводитъ цѣлый рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что многіе анархисты стали таковыми именно въ силу сейчасъ указанныхъ причинъ. «Я сталъ анархистомъ,—повѣствуетъ одинъ изъ нихъ,—при видѣ своихъ товарищей, вымаливавшихъ со слезами на глазахъ работу и чувствовавшихъ себя какими-то паріями». Даже Казеріо (убійца Карно) плакалъ при мысли о судьбѣ своихъ злополучныхъ соотечественниковъ. Источникомъ проявляемой этими субъектами маніи убійства приходится, по мнѣнію Ломброзо, признать любовь къ человѣчеству. Недаромъ же, замѣчаетъ авторъ, преступники этой категоріи особенно многочисленны въ Испаніи и Италіи, гдѣ нищета поистинѣ ужасна. «На нужды образованія»—говоритъ Ломброзо,—Италія расходуетъ въ годъ 1 фр. 90 сант. на человѣка, тогда какъ Пруссія тратитъ на это 9 фр. 60 сант., а Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 11 фр. 60 сант. Въ Италіи среднее богатство не

*) Кажется, въ это время съ нимъ случился припадокъ эпилепсіи.

превышаетъ 800 франковъ, тогда какъ въ Голландіи, напримѣръ, оно достигаетъ 8.000 франковъ. Итальянецъ платитъ за соль въ 400 разъ больше ея дѣйствительной стоимости, и вслѣдствіе такой дороговизны потребленіе предметовъ первой необходимости съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сокращается, такъ что въ настоящее время оно не превышаетъ 275 франковъ въ годъ, тогда какъ въ Англіи тратится, въ среднемъ, на тѣ же предметы 600 франковъ въ годъ». Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, Ломброзо склоняется къ тому мнѣнію, что истинная причина анархизма кроется въ томъ, что «по меньшей мѣрѣ пятая часть населенія Италіи находится какъ бы еще въ дикомъ состояніи, живетъ въ лачугахъ, которыхъ гнушался бы папуассъ, довольствуется пищей, отъ которой отказались бы бушмены, имѣетъ о мірѣ представленіе, стоящее едва ли выше того, которое сложилось у какихъ-нибудь кафровъ, и какъ будто только для того и существуетъ, чтобы стремиться къ рабству».

Если совокупность причинъ преступленія Луккени принять за единицу, то на долю особенностей организаціи преступника придется, по мнѣнію Ломброзо, не больше одной трети: среда, въ которой онъ родился и жилъ, оказала на него несравненно болѣе значительное вліяніе. Пусть Луккени эпилептикъ, но вѣдь эпилептиковъ, говоритъ Ломброзо, значительно удаляясь отъ своихъ прежнихъ взглядовъ,— эпилептиковъ повсюду масса, есть они въ Норвегіи и Швеціи, гдѣ они, однако, не превращаются въ анархистовъ, не наблюдается такое превращеніе и въ Швейцаріи или въ Англіи, дающей, между тѣмъ, пріютъ множеству анархистовъ, которые по отношенію къ окружающей ихъ тамъ жизни являются, однако, своего рода живымъ противорѣчіемъ, чѣмъ-то въ родѣ «болида, упавшаго изъ небесныхъ пространствъ на землю».

Какъ видите, Ломброзо, не отказываясь вполнѣ отъ первоначально высказывавшихся имъ взглядовъ на преступленіе и на преступниковъ, пополняетъ, однако, эти взгляды такими элементами, которые только лишній разъ подчеркиваютъ несостоятельность антропологической или даже антрополого - психіатрической теоріи преступности. Въ самомъ дѣлѣ, разъ даже по отношенію къ такому безсмысленно жестокому злодѣянію, какъ убійство австрійской императрицы Елизаветы приходится признать, что индивидуальныя особенности физической и духовной организаціи преступника играли незначительную роль въ сравненіи съ соціальными условіями среды, то необходимо допустить, что, родись Луккени хотя бы отъ тѣхъ же родителей алгоголиковъ и съ той же, слѣдовательно, отягощенной наслѣдственностью, но будь онъ съ дѣтства поставленъ въ иныя условія, и его «эпилептическій темпераментъ» все-таки не довелъ бы его до преступленія. Иными словами, Ломброзо приходитъ къ тому заключенію, что не въ атавизмѣ все дѣло, или, вѣрнѣе, что помимо этого біологическаго атавизма приходится еще считаться съ атавизмомъ иного рода, ибо въ одной изъ

первоклассныхъ европейскихъ державъ пятая часть населенія живетъ въ условіяхъ, которымъ едва ли позавидовали бы бушмены и папуассы..

V.

Итакъ, даже по мнѣнію главы антропологической школы криминологіи и даже по отношенію къ преступленіямъ, совершаемымъ субъектами съ отягощенной наслѣдственностью, соціальныя условія играютъ огромную, подавляющую роль, передъ которой совершенно стушевываются не только біологическіе факторы собственно говоря, т.-е. особенности организаціи преступника, но и такъ называемые физическіе или космическіе факторы, т.-е. условія *естественной* среды, въ противоположность условіямъ искусственной или общественной среды. Таково, напримѣръ, вліяніе температуры: статистика доказываетъ, что въ лѣтніе мѣсяцы преступленій противъ личности больше, чѣмъ зимою, тогда какъ максимумъ преступленій противъ собственности падаетъ на зимніе мѣсяцы. Ясное дѣло, что сами по себѣ космическіе факторы играютъ тутъ весьма незначительную роль и, если лѣтомъ совершается больше насилій, чѣмъ зимою, то это потому, что лѣтомъ люди живутъ менѣе замкнуто, чаще сталкиваются между собою, точно такъ же какъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, дающій себя гораздо сильнѣе чувствовать зимою, вызываетъ большее число кражъ зимою. Вообще когда говорятъ объ этихъ пресловутыхъ космическихъ факторахъ, которымъ одно время склонны были приписывать черезчуръ важное значеніе въ общественной жизни, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они весьма рѣдко дѣйствуютъ сами по себѣ; нужно помнить нелишенный интереса фактъ, на который ссылается Тардъ: по статистикѣ оказывается, что число женщинъ, убитыхъ молніей, въ два раза меньше числа мужчинъ — очевидно, однако, что въ этой привилегіи женщинъ физическія условія не играютъ никакой роли.

Выразить зависимость преступности отъ общественныхъ условій въ одной или въ нѣсколькихъ общихъ формулахъ, какъ пыталась это сдѣлать антропологическая школа по отношенію къ біологическимъ факторамъ, пока невозможно, потому что такъ называемая моральная статистика—встрѣчающая, между прочимъ, серьезныя затрудненія въ постоянныхъ измѣненіяхъ уголовнаго законодательства во времени и въ пространствѣ—не дала еще для этого достаточныхъ фактовъ. Что же касается теоретическихъ обобщеній, то изъ нихъ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе теорія Тарда, по которой распространеніе преступности ставится въ зависимость отъ присущей человѣку склонности къ *подражанію*.

Извѣстно, что французскій соціологъ придаетъ огромное значеніе въ соціальной жизни вообще *законамъ подражанія*, которое выражается то въ формѣ *обычая* (imitation-coutume), то въ видѣ *моды* (imitation-

mode), т.-е. подражанія новому. Примѣняя эти общія положенія къ преступности, Тардъ обращаетъ прежде всего вниманіе на то, что преступность распространяется, какъ это ни кажется парадоксальнымъ на первый взглядъ, сверху внизъ, изъ высшихъ общественныхъ классовъ въ низшіе. Хищеніе, убійство, грабежъ и даже бродяжничество были привилегіей сильныхъ міра прежде, чѣмъ стать достояніемъ подонковъ общества. Съ другой стороны городская преступность обособлялась отъ сельской: въ этой послѣдней господствовали *подражаніе-обычай* и сравнительно грубыя формы преступности, тогда какъ на городской преступности — и въ особенности на преступности большихъ городовъ съ ихъ лихорадочно ускореннымъ темпомъ жизни — отзывалось и продолжаетъ отзываться *подражаніе-мода*, стремленіе къ новизнѣ, утонченная испорченность. И Тардъ приводитъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ примѣровъ заразительности въ дѣлѣ преступности: въ 1875 году парижанка Гра брызнула измѣнившему ей любовнику сѣрной кислотой въ лицо, и съ тѣхъ поръ этотъ способъ женской мести сталъ практиковаться на каждомъ шагу; то же по отношенію къ пріемамъ убійства съ разсѣченіемъ трупа на части и т. п. Словомъ, какъ выразился д-ръ Корръ, «эпидеміи заразныхъ болѣзней распространяются съ быстротою пара и вѣтра, эпидеміи преступности съ быстротою телеграфа».

Но, нисколько не отрицая этихъ фактовъ, мы и въ соціологіи вообще, и въ криминологіи въ частности все-таки не можемъ признать за законами подражанія того значенія, какое придаетъ имъ Тардъ. Начать съ того, что подражаніе - мода предполагаетъ и изобрѣтательность, въ возникновеніи которой теорія Тарда не даетъ отчета. Во-вторыхъ, весьма многочисленные факты свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ параллелизмѣ въ развитіи политическихъ учрежденій, экономическаго и общественнаго строя у племенъ и народовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга такими географическими или хронологическими разстояніями, что ни о какомъ заимствованіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Какъ мы уже сказали, данныя моральной статистики не позволяютъ пока свести явленія преступности къ одной общей формулѣ, но среди собранныхъ матеріаловъ уже и сейчасъ можно отмѣтить не мало интересныхъ фактовъ, на каждомъ шагу подтверждающихъ взглядъ профессора Листа *) на преступленіе, какъ на явленіе «соціально-патологическаго» порядка, стоящее въ тѣсной зависимости отъ экономическаго положенія общества. Такъ, по изслѣдованію брюссельскаго профессора Гектора Дени (Denis), изложенному на 3-емъ конгрессѣ криминальной антропологіи въ 1892 году, преступность въ Бельгіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ была обратно пропорціональна экономиче-

*) Franz von Liszt. *Das Verbrechen als sozial-pathologische Erscheinung*. Дрезденъ, 1899.

скому благосостоянію страны, выражаемому въ цѣнахъ на продукты потребленія. Годы экономическихъ кризисовъ регулярно давали соотвѣтствующее повышеніе преступности. Съ другой стороны, французская статистика насчитываетъ на 100.000 жителей, принадлежащихъ къ классу прислуги, т.-е. къ одному изъ самыхъ бѣдныхъ, 20 обвиняемыхъ, тогда какъ на 100.000 человѣкъ либеральныхъ профессій, *куда включаются и собственники-рантье*, имѣется только 12 обвиняемыхъ и, наконецъ на то же число бродягъ и лицъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни, насчитывается *139 обвиняемыхъ*! Эти данныя достаточно краснорѣчиво говорятъ о зависимости преступности отъ экономическихъ условій, и если та же статистика свидѣтельствуетъ о значительномъ числѣ подсудимыхъ и среди купцовъ, т.-е. среди зажиточнаго класса, то не слѣдуетъ забывать, что это сословіе является носителемъ идеаловъ буржуазіи par excellence. Болѣе чѣмъ какое-либо сословіе, купечество отозвалось на знаменитый кличъ «enrichissez-vous!» (наживайтесь). Что этотъ кличъ дѣйствительно сталъ во Франціи девизомъ господствующихъ классовъ, объ этомъ говорятъ хотя бы слѣдующіе факты, заимствуемые нами изъ замѣчательной работы Ивернеса, обнимающей криминальную статистику Франціи за цѣлое пятидесятилѣтіе: жадность, которая въ періодъ времени отъ 1826 до 1830 года была въ 13-ти случаяхъ мотивомъ такихъ преступленій, какъ убійство, насилія или поджоги, теперь является такимъ мотивомъ въ 22 случаяхъ изъ 100; съ другой стороны, за тѣ же 50 лѣтъ преступленія противъ личности постоянно уменьшались, тогда какъ число преступленій противъ собственности такъ же правильно увеличивалось.

Разсмотрѣнные нами факты позволяютъ намъ не очень пугаться того Дамоклова меча, который собирались повѣсить надъ человѣчествомъ итальянскіе криминалисты во имя наслѣдственности или Дюркгеймъ во имя якобы оздоравливающей функціи наказанія, призваннаго поддерживать живучесть коллективныхъ чувствъ, оскорбляемыхъ преступленіимъ. Перефразируя знаменитое изреченіе одного изъ предвѣстниковъ французской революціи, мы въ правѣ сказать: «Les sociétés ont les criminels qu' ils méritent» (общества имѣютъ преступниковъ, которыхъ они заслуживаютъ).

Въ настоящее время дѣлается очень много для улучшенія тюремъ, и реформаторы пенитенціарной части съ гордостью указываютъ на то, что въ образцовыхъ тюрьмахъ камера преступника обходится чуть ли не въ 6000 франковъ. Но корень вопроса не въ томъ, чтобы улучшить тюрьмы, а чтобы сдѣлать ихъ совершенно ненужными.

Д-ръ **Левъ Шейнисъ.**

ВЪ КОНСУЛЬТАЦІИ.

(Очеркъ).

— Григорій Аѳанасьевичъ Зарубинъ дома?

— Дома. пожалуйте.

— Онъ у себя въ кабинетѣ?

— Въ кабинетѣ, сударь... Только у нихъ сейчасъ пріемъ, кліенты дожидаются.

— Ахъ, какая досада! Ну, вы все таки скажите ему, что пришелъ, молъ, Алексѣй Платоновичъ Яворовскій... будете помнить?. На минутку, молъ, проситъ...

— Слушаю.

Горничная ушла въ кабинетъ, а назвавшій себя Яворовскимъ, молодой, высокій мужчина, въ формѣ инженеръ-технолога, вошелъ въ маленькую невзрачную пріемную, гдѣ въ скромной позѣ сидѣли у стѣны три кліента — старикъ-рабочій въ рваной, лоснящейся кацавейкѣ, съ рукой, забинтованной въ марлю и висящей на перевязи, еще одинъ старикъ въ формѣ желѣзнодорожнаго кондуктора и молодая, миловидная женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Всѣ три кліента сидѣли молча, въ какихъ-то угнетенныхъ скорбныхъ позахъ, а женщина даже украдкой утирала слезы, не переставая въ тоже время укачивать ребенка и тихонько постукивать его по спинкѣ.

«Не весело видно судиться вашему брату», — сочувственно глядя на эту печальную группу, подумалъ было молодой инженеръ, но, заслышавъ приближающіеся изъ кабинета шаги, всталъ на встрѣчу выходившему адвокату.

— Алексѣй Платоновичъ, голубчикъ! какимъ тебя вѣтромъ занесло?—привѣтствовалъ адвокатъ гостя, и все его интеллигентное, тонкое лицо, какъ рамкой окруженное длинными русыми кудрями, освѣтилось радостной, свѣтлой улыбкой.

— По дѣлу, братъ, по юридическому дѣлу... Опять у насъ на дорогѣ, «ѳемидкинъ сынъ» подлость сдѣлалъ, и никому другому, какъ тебѣ же, придется поправлять бѣду.

— Это желѣзнодорожный юрисконсультъ вашъ?—съ улыбкой спросилъ адвокатъ.

— Онъ самый... Мы всѣ его «ѳемидкинымъ сыномъ» зовемъ.

Адвокатъ опять улыбнулся

— Ну, ладно, ладно, повоюемъ еще разъ съ вашимъ «ѳемидкинымъ сыномъ»... Только теперь ты, братъ, извини меня, я пріемъ прервалъ... Черезъ десять минутъ я къ твоимъ услугамъ... А пока пройди, голубчикъ, въ столовую — Аннушка тебѣ чаю дастъ...—И крикнувъ прислугѣ, чтобы подали гостю чаю, адвокатъ, молодой, легкой походкой, снова направился въ свой кабинетъ.

Въ столовой, куда вошелъ Яворовскій, было почти такъ же бѣдно и невзрачно, какъ и въ пріемной, съ той только разницей, что всѣ деревянныя части находившейся здѣсь мебели какъ-то удивительно ярко блестѣли: блестѣлъ буфетъ, какъ новенькій, сіялъ самоварный столикъ, горѣли блескомъ старые, сильно подержаные стулья и даже ножки обѣденнаго стола глядѣли какими-то именинницами. Но, въ общемъ, этотъ парадный блескъ оставлялъ довольно комическое впечатлѣніе, такъ какъ совершенно не шелъ къ старой, дрянной мебели.

«Однако. Зарубинъ начинаетъ, какъ видно, насчетъ обстановки заботиться!»—съ добродушной усмѣшкой подумалъ Яворовскій, но, поднявъ голову, онъ тутъ же увидѣлъ и причину этого всеобщаго блеска: за буфетомъ, вставъ на табуретку, какой-то дюжій парень, съ шапкой черныхъ кудрей на головѣ, ожесточенно шмыгалъ суконкой по стѣнкамъ буфета, наводя всюду лоскъ и глянецъ.

Замѣтивъ вошедшаго барина, парень соскочилъ было съ табуретки и, подбирая свои суконки, приготовился, какъ видно, ретироваться, но Яворовскій остановилъ его.

— Вы мнѣ не мѣшаете, продолжайте, пожалуйста, ваше дѣло,— сказалъ онъ парню и, взглянувъ снова на лоснящійся сіяющій буфетъ, улыбнулся во второй разъ.

«Нѣтъ, каковъ Зарубинъ-то! Считается безсребренникомъ, адвокатомъ для рабочихъ и въ то же время политуру на свой колченогій буфетъ наводитъ!.. Этакое чучело!..»

А парень, между тѣмъ, снова разложилъ свои суконки, взобрался на табуретъ и съ такимъ ожесточеніемъ принялся за стѣнки буфета, что тамъ даже зазвенѣла и задребезжала посуда.

Отъ нечего дѣлать Яворовскій досталъ изъ книжнаго шкафа первую попавшуюся книгу, оказавшуюся изслѣдованіемъ какого-то юриста о клеветѣ, и сталъ читать, прихлебывая поданный горничной чай. Но прождать ему пришлось довольно долго.

Хотя Зарубинъ и обѣщалъ покончить со своими кліентами че-

резъ десять минутъ, но провозился онъ съ ними больше часа, такъ что Яворовскій успѣлъ отмахать страницъ сорокъ клеветы, прежде чѣмъ въ столовую не пришелъ, наконецъ, хозяинъ.

— Ну что, заждался, братъ? Извини, голубчикъ: сегодня кліентовъ навалило какъ-то особенно много! Пойдемъ въ кабинетъ!

И обхвативъ пріятеля за талію, адвокатъ увлекъ его къ себѣ, засыпая по дорогѣ вопросами.

— Ну, разсказывай про вашего «ѳемидкина сына», чтó онъ натворилъ еще?

— Нѣтъ, ты разскажи лучше, что это съ тобой случилось, что ты задумалъ реставрировать свою мебель? Была мебель просто дрянная, а теперь дрянь, но въ стилѣ модернъ?

Адвокатъ расхохотался.—Это все онъ, парень этотъ старается... Это мой бывшій кліентъ...

— Такъ это онъ въ видѣ гонорара мебель тебѣ обезобразилъ?

— Вотъ именно. Благодарность его обуяла: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ окружного суда оправданнымъ, не можетъ этого забыть.

— Защищалъ его ты?

— Я. И представь, — со смѣхомъ прибавилъ Зарубинъ, — съ тѣхъ поръ какъ Сенька явился въ деревню, по его выраженію, «въ оправдательномъ видѣ»—родители его положительно заболѣли какой-то безконечной благодарностью къ твоему покорному слугѣ. Именно, заболѣли,—я не подберу другого выраженія. Вотъ ужъ полгода, какъ на меня, словно изъ рога изобилія, сыплются цыплята, грибы, масло, моченыя яблоки, бараньи ноги, огурцы, капуста... Однимъ, словомъ, всѣ произведенія садовъ, полей и огородовъ... А Сенька, съ своей стороны, тоже заразился этой благодарностью и по праздникамъ, разъ въ мѣсяцъ, обязательно является ко мнѣ и производитъ безпорядокъ въ квартирѣ: стучитъ молотками, починяетъ что-то, прибиваетъ гвозди, но главнымъ образомъ—полируетъ. Полируетъ все, что на глаза попадается, такъ что у меня только и остался одинъ кабинетъ, куда я спасаюсь отъ его политуры.. Но, впрочемъ,—съ улыбкой добавилъ Зарубинъ,—Сенька теперь и къ кабинету уже подбирается и, вѣроятно, придется ему уступить, потому что надо же дать какой-нибудь выходъ этой черноземной благодарности...—Ну, а теперь разсказывай, братъ, про «ѳемидкина сына», потому что мнѣ скоро въ консультацію надо... Но Яворовскій какъ будто не слышалъ приглашенія пріятеля, онъ подперъ рукой свою лохматую голову и задумчиво глядѣлъ передъ собой.

— А вѣдь это страшно трогательно.. такая благодарность...

— Да, братъ, въ рабочей средѣ умѣютъ быть благодарными,— серьезными, вдумчивыми глазами взглянувъ на пріятеля, промол-

вилъ Зарубинъ.—Въ этой средѣ человѣкъ, кажется, до гробовой доски способенъ помнить самую пустячную услугу...—Но ты однако, еще ни слова не сказалъ мнѣ о твоемъ дѣлѣ...

Однако, и на этотъ разъ Яворовскому не удалось приступить къ дѣлу, потому что вошла горничная и снова принесла чаю. И только, когда она ушла со своимъ подносомъ, Яворовскій всталъ, досталъ изъ кармана какія-то бумаги и началъ.

— Дѣло самое обыкновенное. У насъ на дорогѣ есть увѣчный кочегаръ Маркеловъ, грамотный парень, но плохо знаетъ ариѳметику... И вотъ за незнаніе ариѳметики «ѳемидкинъ сынъ» наложилъ на него штрафъ въ 2.000 рублей...

— Что та-ко-е?

— А вотъ самъ читай, вотъ тебѣ документы, вотъ прошеніе Маркелова—читай!.. Читай вслухъ!

Зарубинъ взялъ изъ рукъ пріятеля замасленную бумагу, исписанную крупнымъ крестьянскимъ почеркомъ и сталъ читать:

«Его превосходительству

Господину начальнику дороги

Прошеніе.

Будучи штатнымъ кочегаромъ и какъ я нынѣшнею осенью два раза участвовалъ въ крушеніяхъ: первый разъ въ августѣ мѣсяцѣ съ раздробленіемъ стопы и съ пропажею пальта, а черезъ два мѣсяца опять очутился подъ обломками катастрофы, хотя и съ признаками жизни, но съ окончательной потерей всего организма. Такъ что въ нынѣшнее время я остаюсь съ семействомъ безъ послѣдствій и проѣдаю одежу, а потому всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство обратить вниманіе на мои слезы, чтобы сдѣлать мнѣ съ семействомъ резолюцію и выслать результатъ на мое имя, но не меньше, какъ 1.000 рублей за здоровье и 17 рублей за пальто, потому что я и на службѣ довольно терпѣлъ отъ своего начальства, и ни мнѣ, ни товарищамъ моимъ поверстныхъ денегъ не давали, а экономическія за топливо всегда жулили и смазчиковъ насчетъ казенныхъ полушубковъ тоже обижали.

А также страдаютъ и другія категоріи.

Бывшій кочегаръ, покорный проситель,

Петръ Маркеловъ».

— Чортъ побери, какой, однако, кочегарскій стиль!—со смѣхомъ промолвилъ Зарубинъ, окончивъ чтеніе.—Но сколько же ему назначили за «окончательную потерю всего организма»?

— Вотъ тутъ-то и заковыка. Пальто своему онъ зналъ цѣну, а организма оцѣнить не съумѣлъ.

— Да сколько онъ получаетъ въ годъ?

— 300 рублей.

— Ну, значитъ, по десятилѣтней сложности—3.000 рублей.

— Вотъ то-то и есть. А проситъ онъ, по ошибкѣ, только 1,000 р. «за здоровье», и «ѳемидкинъ сынъ», разумѣется, не преминулъ воспользоваться ошибкой. Вотъ слушай, какой докладъ написалъ «ѳемидкинъ сынъ» въ совѣтъ управленія дороги... И раскрывъ печатный журналъ совѣта, Яворовскій прочиталъ:

«Хотя, на основаніи ст. 683 т. X., ч. I, кочегару Маркелову и причиталось бы 3.017 рублей, какъ утратившему полную трудоспособность, но въ виду того, что проситель ходатайствуетъ лишь о 1.017 рубляхъ, я полагалъ бы выдать 1.017 руб.» Противъ этого доклада,—пояснялъ далѣе Яворовскій,—имѣется коротенькая резолюція желѣзнодорожнаго ареопага: «выдать, въ полное удовлетвореніе кочегара Маркелова, 1.017 руб.».

— Од-нако! — широко разведя руками и даже привставъ съ мѣста, воскликнулъ Зарубинъ и на его выразительномъ молодомъ лицѣ загорѣлось негодованіе. — Это, дѣйствительно, «ѳемидкинъ сынъ»!..

— И знаешь, — горячо поддержалъ товарища Яворовскій, — этотъ желѣзнодорожный подъячій говоритъ, что въ данномъ случаѣ онъ только защищалъ казенный интересъ!.. Какъ тебѣ нравится этотъ безкорыстный грабежъ? И потомъ чего стоитъ этотъ просвѣщенный взглядъ на казну!.. По мнѣнію «ѳемидкина сына», выходитъ, что казна—это какой-то ростовщикъ, какой-то жуликъ... я не знаю... лавочникъ какой-то, который обрадовался, что ему, вмѣсто пятіалтыннаго, по ошибкѣ полуимперіалъ дали!..

— Дѣйствительно, ком-панія!—покачивая головой, возмущался Зарубинъ. — Но что же, однако, ты думаешь дѣлать съ Маркеловымъ?

— А я ужъ почти все сдѣлалъ: призвалъ его къ себѣ, объяснилъ все, что надо, не совѣтывалъ получать назначенныхъ денегъ и велѣлъ сегодня же придти къ тебѣ въ консультацію. Да еще, на всякій случай, велѣлъ нашему канцелярскому сторожу его подбадривать...

— Отлично! Это все, что надо! А тамъ мы закатимъ искъ и вырвемъ всю сумму сполна! Это дѣло битое!.. Ну, а теперь ѣдемъ, братъ, со мной въ консультацію... Мнѣ давно пора!..

Но это неожиданное приглашеніе застало Яворовскаго врасплохъ.

— Я?.. Да зачѣмъ же я тебѣ?..

— Да такъ просто, поѣдемъ и все тутъ... Посмотришь, какъ мы работаемъ, а потомъ, чортъ возьми, поѣдемъ куда-нибудь ужинать!..—И хлопнувъ пріятеля по плечу, Зарубинъ энергично потащилъ его въ прихожую одѣваться...

Консультація помѣщалась на окраинѣ города, въ рабочемъ

кварталѣ, и занимала маленькую квартирку, состоящую всего изъ двухъ комнатенокъ съ кухней. Въ одной комнатѣ было разбросано по стѣнамъ нѣсколько конторскихъ столовъ, съ тяжелыми, толстыми книгами на нихъ, а въ другой стояли длинныя сосновыя скамейки для посѣтителей. Вообще, обстановка была, можетъ быть, даже слишкомъ демократична: голыя стѣны, запотѣвшія окна и душный, какъ въ извозчичьей избѣ, воздухъ съ запахомъ сапогъ, полушубковъ и человѣческаго пота. Но въ этой мѣстности, гдѣ ютилась бѣднота, и гдѣ почти не было настоящихъ городскихъ построекъ, а виднѣлся лишь длинный рядъ деревянныхъ лачужекъ, сиротливо лѣпившихся другъ къ другу, и невозможно было найти сколько-нибудь сносное помѣщеніе. Къ тому же консультація, созданная и поддерживаемая бѣднѣйшей частью молодой адвокатуры, располагала лишь очень мизерными средствами, такъ какъ кліенты платили пятаки и гривенники, а многіе не могли предложить даже и этого.

Когда Зарубинъ съ Яворовскимъ вошли въ консультацію, тамъ ужъ дожидались посѣтители, и помощникъ Зарубина, молодой адвокатъ изъ евреевъ, Абрамъ Марковичъ Шаргородскій, вписывалъ ихъ имена и адреса въ толстую книгу.

— Ну что, много сегодня народу? — поздоровавшись съ помощникомъ и познакомивъ съ нимъ Яворовскаго, спросилъ Зарубинъ.

— Человѣкъ десять есть, да, вѣроятно, еще подойдутъ.

Зарубинъ быстро, со свойственной ему порывистостью движеній, проглядѣлъ книгу записей, положилъ себѣ на столъ мировой уставъ и десятый томъ Свода законовъ, усадилъ подлѣ этого же стола Яворовскаго и затѣмъ, открывъ дверь въ комнату посѣтителей, началъ пріемъ:

— Пожалуйте, господа!..

Изъ комнаты кліентовъ первой довольно смѣло вышла дѣвочка, лѣтъ 11—12. На ней было форменное платье съ пелеринкой и фартучкомъ, а каштановые, пышные волосы ея были убраны въ черную сѣтку. Однако, при видѣ незнакомыхъ мужчинъ, дѣвочка слегка оробѣла и, остановившись у порога, нѣсколько испуганнымъ, но звонкимъ и чистымъ дѣтскимъ голоскомъ спросила:

— Здѣсь адвокаты принимаютъ?

— Здѣсь, здѣсь, барышня!— не безъ удивленія оглядывая столь юную кліентку, промолвилъ Зарубинъ.—Пожалуйте-ка сюда, поближе къ столу, садитесь... вотъ сюда, пожалуйста...

Дѣвочка подошла, по-дѣтски взобралась на стулъ и сѣла, причемъ ноги ея значительно не достигали до полу.

— Вы что же, по дѣлу къ намъ, барышня?

— По дѣлу...

— Ну, разскажите же намъ, въ чемъ ваше дѣло?—съ ласко-

вой улыбкой предложилъ Зарубинъ и тихонько погладилъ маленькую посѣтительницу по ея густымъ, вьющимся волосамъ. Эта ласка, повидимому, помогла юной кліенткѣ побороть свою робость: дѣвочка довѣрчиво взглянула въ лицо Зарубину своими ясными, сѣрыми глазами и потомъ, какъ-то однимъ духомъ, произнесла:

— Я учусь въ училищѣ и теперь меня выгоняютъ, потому что мой папа очень крѣпко бѣдный, и у насъ нѣту денегъ, чтобъ за меня платить... Такъ напишите мнѣ такое прошеніе, чтобъ меня не выгоняли...

Зарубинъ ласково, съ нѣжной улыбкой поглядѣлъ на дѣвочку и перевелъ взглядъ на Яворовскаго. Тотъ тоже растроганными, умиленными глазами смотрѣлъ на маленькую посѣтительницу и, казалось, готовъ былъ подойти къ ней и расцѣловать.

— Хорошо, барышня, я вамъ напишу, только не прошеніе, а письмо къ одной богатой дамѣ. Вы сами отнесите къ ней письмо и она, по всей вѣроятности, за васъ заплатитъ... А если не заплатитъ, такъ вы еще разъ сюда придите, и мы тогда что-нибудь придумаемъ, чтобъ вамъ можно было учиться.

Дѣвочка, какъ большая, закивала головой, въ знакъ своего согласія, а Зарубинъ досталъ бумаги и быстро, разгонистымъ, крупнымъ почеркомъ написалъ письмо къ извѣстной въ городѣ благотворительницѣ, съ которой былъ знакомъ лично.

— Вотъ вамъ, барышня, письмо, отнесите его, и все, дастъ Богъ, устроится благополучно.

Дѣвочка соскочила со стула, взяла письмо, и въ рукахъ у нея блеснула мелкая серебряная монета.

— Вы что жъ это, заплатить намъ хотите?—съ добродушной улыбкой спросилъ Зарубинъ.

— Да.

— У насъ это необязательно: кто можетъ—платитъ, а кто не можетъ, тому и такъ сдѣлаемъ, что надо.

— Нѣтъ, я хочу...

— Ну, если хотите,—смѣясь промолвилъ Зарубинъ,— такъ опустите вонъ въ ту кружку, что виситъ на стѣнѣ.

Дѣвочка, держа въ вытянутой рукѣ свою монету, черезъ всю комнату пошла къ кружкѣ, но, увидѣвъ, что кружка виситъ слишкомъ высоко и что ей не достать, безпомощно оглянулась назадъ. На помощь къ ней тотчасъ же подоспѣлъ Яворовскій. Онъ поднялъ дѣвочку, помогъ ей бросить монету и, опуская потомъ маленькую кліентку на полъ, не удержался и звонко поцѣловалъ ее. А дѣвочка, ободренная и повеселѣвшая, спрятала письмо, поклонилась Зарубину и уже въ дверяхъ звонкимъ голоскомъ произнесла.

— До свиданія! Спасибо!

Вслѣдъ за дѣвочкой къ столу Зарубина подошла вторая кліентка,

маленькая, высохшая старушка съ морщинистымъ и сильно заплаканнымъ лицомъ.

— Въ чемъ дѣло, старушка, о чемъ плачешь?—ласково обратился къ ней Зарубинъ. Но старушка только рукой махнула и заплакала еще сильнѣе.

— Дѣло-о!—вологодскимъ говоромъ, сильно ударяя на о, протянула она и опустилась на придвинутый ей стулъ.—Тутъ, батюшка, тако дѣло, что въ острогъ на старости лѣтъ хотятъ меня, старуху, всадить—вотъ како тутъ дѣло!.. И все занапрасно, все занапрасно... Господь одинъ видитъ, а я... неужто бы я... мнѣ о гробѣ думать надо, а не то, чтобы чужое красть...

— Да ты, бабушка, разскажи все сначала, по порядку, какъ дѣло-то было?

— А такъ было дѣло, кормилецъ, что шаль пропала, вотъ какъ было дѣло...

— У кого же шаль-то пропала?

— У кухарки, у Агафьи... На одной лѣстницѣ мы съ ней жили: я у купца въ нянькахъ жила, а она у офицера въ кухаркахъ. Ну, шаль-то и пропала...

— И кухарка заявила на тебя въ полицію?

— Зачѣмъ въ полицію? Ко мнѣ прибѣжала: плачетъ, жалуется—шаль унесли.—«Не видала-ль, говоритъ, бабушка, кто унесъ-то? Ты, говоритъ, сейчасъ у меня въ кухнѣ была».—«Нѣтъ, говорю, ничего не видала. А коли ты, говорю, на меня, можетъ, подумала, такъ, сдѣлай милость—обыщи!»—«Нѣтъ, говоритъ, зачѣмъ я стану тебя обыскивать: чай, я тебя знаю». А я ей наоборотъ говорю: «Нѣтъ, Агафья, обыщи, сдѣлай милость, чтобы потомъ грѣха не вышло...» Ну, стала она искать: сундукъ мой кованый перерыла, постель встряхнула, еще сундучекъ былъ маленькій, и тотъ перетрясла—нѣту шали! Ну, заявили мы дворнику, я же и заявила-то, а теперь вотъ повѣстка и пришла, на судъ требуютъ... А купецъ-то, хозяинъ мой, какъ узналъ, что повѣстка—сейчасъ меня, рабу Божію, съ мѣста долой, сію минуту согналъ. «Не надѣялся, говоритъ, я на тебя, старушка, что ты такая вредная женщина будешь».—«Нѣтъ, говорю, господинъ купецъ, я своей душѣ не лиходѣйка, я два раза въ годъ говѣю, и неужто бы я... на этако дѣло... пошла?..»—При этихъ словахъ старушка еще сильнѣе заплакала и долго сморкалась въ концы своего теплаго, чернаго платка.

— Ну, что же дальше-то?—спросилъ Зарубинъ, чтобы не давать ей окончательно расплакаться.

— Дальше-то?—сквозь слезы продолжала старуха.—А дальше я отъ купца ушла, да вотъ и плачу цѣльную недѣлю, суда жду... И Агафья тоже плачетъ—боится, какъ бы и ее на судъ не вытребовали... Да и меня, старуху, ей жалко: «и зачѣмъ ты, говоритъ, бабушка, дворнику сказывала?» А я нешто знала?..

— А Агафья получила повѣстку?

— Нѣту-ти.

— Не получала?

— Нѣтъ, мнѣ одной прислана...

— Да быть не можетъ? А ну-ка, покажи сюда повѣстку-то!

Старуха порылась въ карманѣ и вынула скомканную сѣрую повѣстку мирового судьи.

Зарубинъ взялъ повѣстку, поглядѣлъ въ нее, вскинулъ плечами, потомъ еще разъ посмотрѣлъ на старуху и, наконецъ, громко, неудержимо расхохотался.

— Ахъ, ты, бѣдная ты, моя старушка! Да, вѣдь, это тебя привлекаютъ по ст. 61! Это насчетъ просроченнаго паспорта! У тебя просроченный паспортъ?

— Паспортъ?

— Да!

— Просроченный, былъ просроченный...

— Такъ вотъ за это тебя и вызываютъ. Только за это, и никакой кражи тутъ нѣтъ! Ахъ ты, бѣдная головушка, какую тревогу-то забила! Ничего тебѣ не будетъ, не бойся, ступай къ мировому судьѣ, заплатишь ему рубль штрафу— и шабашъ! Никто тебя въ кражѣ не винитъ.

Но старуха глядѣла на Зарубина широко открытыми, мигающими глазами и, повидимому, ровно ничего не понимала.

— А шаль-то?

— Что шаль?

— Да укралъ-то кто?

— А ужъ этого я тебѣ, старушка, не скажу—не знаю,—съ добродушной улыбкой промолвилъ Зарубинъ, но потомъ, мѣняя тонъ на серьезный, онъ долго, вразумительно и методично сталъ объяснять старухѣ ея дѣло, пока та, наконецъ, не поняла. Но зато, какъ только старуха сообразила, что ее въ острогъ не посадятъ, и что никакой опасности ей не угрожаетъ, она опять начала плакать и креститься отъ радости.

— Дай же тебѣ, Царица небесная, что ты меня, старую, вызволилъ!—трогательно благодарила она Зарубина.

Когда старуха ушла, пришелъ какой-то не то конторщикъ, не то приказчикъ, въ пиджакѣ, въ крахмальномъ воротникѣ, съ хитрой, остренькой физіономіей и съ бѣгающими плутоватыми глазками.

— Въ чемъ ваше дѣло?—указывая рукой на стулъ, спросилъ Зарубинъ.

— А изволите ли видѣть,—усаживаясь и сразу переходя въ конфиденціальный тонъ, началъ кліентъ,—должокъ у меня одинъ имѣется: бралъ я у одного субъекта деньжонокъ подъ вексель и теперича векселю срокъ вышелъ-съ...

— Ну-съ?

— Ну, такъ я вотъ и пришелъ къ вашей милости: нельзя ли, напримѣръ, мнѣ какъ-нибудь интригу этому самому субъекту сдѣлать?..

— Что сдѣлать?

— Интригу съ... Мнѣ, извольте видѣть, самому до зарѣзу деньги нужны, а субъектъ-то онъ изъ купцовъ, богатый человѣкъ, у него однѣхъ лавокъ штукъ восемь, да мельница есть, да трактиръ онъ содержитъ...

— Но я все-таки не пойму, чего же вы хотите отъ вашего субъекта: хотите ли вы добиться отсрочки платежа, или желаете совсѣмъ не платить по векселю?

— Да ужъ если милость ваша,—просительно склоняя на бокъ голову, промолвилъ кліентъ,—такъ наставьте, чтобы совсѣмъ, то-ись, чтобы полную интригу ему сдѣлать: что ему, онъ человѣкъ богатый, трактиръ, мельница...

— Такъ вы, значитъ, хотите,—спокойно спросилъ Зарубинъ,— чтобы я научилъ васъ, какъ смошенничать?

Плутоватый кліентъ опѣшилъ, заерзалъ на стулѣ и растерянно забормоталъ.

— Помилуйте, что вы-съ?.. Упаси Боже, зачѣмъ же-съ?..

— Такъ вы къ мошенникамъ и обращайтесь,—не слушая возраженій, продолжалъ Зарубинъ,—а сюда вы напрасно пришли. Ступайте съ Богомъ!..

Несчастный кліентъ заерзалъ еще больше на своемъ стулѣ, окончательно опѣшилъ и, ретируясь затѣмъ къ выходу, какъ-то смущенно мялъ свой картузъ и все повторялъ:

— Зачѣмъ же-съ?.. Упаси Боже... какъ можно?..

— Ступайте, ступайте!—напутствовалъ его Зарубинъ и, подойдя къ двери, пригласилъ очередного кліента:—Слѣдующій!

Въ комнату степенно, не торопясь, вошелъ приземистый, бородатый крестьянинъ, медленно оглядѣлъ углы, отыскивая образъ, но, не найдя ничего подходящаго, тихонько крякнулъ, перекрестился и отвѣсилъ поклонъ.

— Миръ вамъ.

— Здравствуйте и вы,—съ едва уловимой улыбкой отвѣтилъ ему Зарубинъ.—Садитесь, землячокъ, что скажете?

Крестьянинъ, все такъ же не торопясь, сѣлъ на стулъ, оправилъ полы армяка и спокойно проговорилъ:

— Я къ вашей милости изъ деревни, отъ обчества, чтобы вы намъ какое ни на есть усмотрѣніе сдѣлали...

— Что-жъ, это можно. Насчетъ земли, что ли, хлопочете?

— Такъ точно, господинъ, насчетъ земли: лужокъ у насъ сосѣдъ-купецъ оттягалъ и рощу нашу продалъ на срубъ—вотъ мы и судимся съ нимъ, который годъ судимся...

— Это можно будетъ ваше дѣло разсмотрѣть, только, земля-

чокъ, я по такимъ дѣламъ на дому принимаю. Вы приходите ко мнѣ на домъ, вотъ вамъ адресъ, тамъ и потолкуемъ. Завтра вечеромъ и приходите.

— Хорошо, господинъ повѣренный, слушаю,—приподнимаясь и принимая визитную карточку съ адресомъ, проговорилъ крестьянинъ.— И еще, господинъ, просьбишка у насъ къ вамъ имѣется...

— Тоже насчетъ земли?

— Никакъ нѣтъ, это особая статья...

— Ну, если особая, такъ разскажите... Да вы садитесь, садитесь...

Крестьянинъ опять опустился на стулъ и медленно почесалъ затылокъ, видимо затрудняясь, какъ приступить къ изложенію своего дѣла и не подыскивая сразу подходящихъ словъ.

— Такъ въ чемъ ваше дѣло-то?—поощрилъ его Зарубинъ.

— Да видишь ли, ваше благородіе, дѣло тутъ такое, что и надо бы хуже да некуда... Извѣстно, они канителили, канителили и доканителились до того, что теперь никакихъ способовъ не стало. Прямо, хучь все бросай и бѣги... Сами извольте разсудить, сколько времени бьемся и хучь бы тебѣ что, хучь бы тебѣ какой ни на есть толкъ...

Изъ этого приступа Зарубинъ, разумѣется, не понялъ ни полъслова, но, какъ человѣкъ опытный, не потерялся и сталъ «разбирать» слова крестьянина такъ, какъ разбираютъ школьники предложеніе, т.-е. отыскивать подлежащее, сказуемое, дополненіе и пр.

— Кто «они»?—спросилъ онъ у кліента.

— Да мужики наши. Мужики и пѣвчій Павлушка—вотъ что на клиросѣ замѣсто баса поетъ...

Подлежащее было, такимъ образомъ, найдено. Оставалось раскрыть подлинный смыслъ сказуемаго.

— Какимъ же родомъ они «канителили»?

— А такимъ родомъ, что лупили этого самого Павлушку, какъ сидорову козу: гдѣ встрѣнутъ—сейчасъ ему лупка, сейчасъ по чемъ ни попадя...

И сказуемое, такимъ образомъ, было возстановлено.

— За что же били-то?

— А ужъ извѣстно, не даромъ. Даромъ бить не будутъ. Ну, одначе, и подражать ему тоже не согласны. Нѣ-ѣтъ, на это согласія нашего не будетъ: коли ты, шельма, на клиросѣ участвуешь, такъ долженъ же ты законъ помнить? Такъ ли я говорю?

— Вещь понятная...

— Вотъ то-то и есть,—постепенно разгорячаясь, промолвилъ кліентъ.—А это что же такое: хоровое, напримѣръ, пѣніе и въ то же время двѣ дѣвки «чижолыя» ходятъ—хорошъ порядокъ? Да и дѣвки-то не рядовыя, а то же всѣ на клиросѣ участвуютъ.

— Такъ Павлушка, стало быть, обидѣлъ этихъ дѣвушекъ, такъ, что ли?

— А ужъ извѣстно, что не молебны служилъ съ ними.

— Такъ что же теперь дѣлать-то?

— Вотъ за этимъ мы, стало быть, и пришли къ вамъ, чтобы вы намъ усмотрѣніе сдѣлали... А съ такимъ хоромъ намъ нельзя, намъ такой хоръ безъ пользы. Сами теперича извольте разсудить: ежели мы съ эстимъ хоромъ, гдѣ нечистота завелась, пойдемъ, къ примѣру, молебствовать, али тамъ съ водосвятіемъ—много мы намолебствуемъ, много мы намолимъ у Бога? Да Господь и окомъ своимъ праведнымъ на насъ, на подлецовъ, не поглядитъ: «очиститеся, сказано, отъ скверны»,—а мы какъ очистились? Ну, разумѣется, и дохнетъ скотина...

Двѣ дѣвки, Павлушка, хоровое пѣніе, молебствіе и скотина окончательно сбили Зарубина съ толку. Теперь ужъ онъ почти ничего не понималъ, а главное не могъ взять въ толкъ, причемъ здѣсь онъ и консультація, въ какомъ отношеніи могла быть консультація къ амурамъ какого-то Павлушки и какъ могла она эти амуры предотвратить. Однако, чтобы не обезкураживать крестьянина, пріѣхавшаго изъ далекой деревни, Зарубинъ попробовалъ задать нѣсколько наводящихъ вопросовъ.

— И давно этотъ пѣвчій Павлушка такими дѣлами занимается?

— Какъ вамъ сказать, господинъ повѣренный?.. Прежде на него никто не жаловался, а началось это съ нимъ послѣ баса: какъ стали его господа за басъ хвалить, да какъ стали его баловать, угощать водкой и все такое—онъ и распустился: сталъ пьянствовать, куражиться, началъ бабъ обижать... А теперь вотъ до того, шельма, дошелъ, что пѣвчихъ дѣвокъ трогаетъ, которыя на клиросѣ участвуютъ.

— А вы батюшкѣ своему не жаловались?

— Какъ не жаловались — всѣмъ обществомъ просили: убери, молъ, батя, нечистоту-то изъ хора!..

— Ну, что-жъ батюшка?

— Попъ-то? А попъ, извѣстно, передъ господами интересуется. Мы ему дѣло говоримъ, а онъ намъ: «кабы вы, знали, говоритъ, ребята, какой въ ёмъ, въ подлецѣ, басъ замѣчательный!» Ну, видимъ мы, что съ попа взятки гладки, задумали сами Павлушку проучить. Окружили его наши парни какъ-то, кричатъ: «вышибай изъ него, ребята, басъ!» Ну, и дѣйствительно, наклали и здорово наклали... Только послѣ того, что же вы думаете? Онъ, басъ-то этотъ самый, возьми да и подай земскому начальнику прошеніе, а земскій всѣхъ на семь дней и посади... Вотъ какая исторія!.. Человѣкъ двадцать народу, въ самую рабочую пору, изъ-за Павлушки на семь сутокъ. Ну, разумѣется, мужикамъ это обидно

показалось, и въ скорости, дѣйствительно, у господина земскаго жеребецъ трехлѣтній пропалъ...

— Украли?

— Нѣтъ, зачѣмъ украли? А такъ что въ полѣ его ночью мужички поймали и тамъ изувѣчили...

— Тоже здорово! Ну, а дальше?

— А дальше, извѣстно, пріѣзжалъ становой, допросъ сымалъ и теперь опять три человѣка на мѣсяцъ посажены.

— Нѣтъ, землячокъ, хоть убей, я васъ не понимаю. Не понимаю, чего же хочетъ общество, причемъ здѣсь Павлушка?

— А Павлушка, ваше благородіе, выздоровѣлъ. Отходили его господа-то и опять онъ, анаѳемская душа, на клиросъ вылѣзъ и опять у насъ склока: мы, мужики, говоримъ: «не желаемъ его», а господа говорятъ: «а мы желаемъ».

— Такъ, значитъ, вы только и хотите, чтобы Павлушку за развратъ убрали съ клироса?

— Вотъ, вотъ, это самое, господинъ повѣренный.

— Такъ такъ бы и давно сказали. А насчетъ Павлушки можно будетъ архіерею просьбу написать... Завтра, какъ насчетъ земли говорить придете, заодно ужъ и архіерею напишемъ...

Поднявшись со своего мѣста, крестьянинъ имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ только что жернова ворочалъ: рукавомъ армяка онъ вытиралъ обильно выступившій на его лицѣ потъ. Утеръ потъ и Зарубинъ, и только Яворовскій, отвернувшись лицомъ къ окошку, напрягалъ всѣ усилія, чтобъ не разсмѣяться вслухъ.

— Слѣдующій!—пригласилъ дальше Зарубинъ.

На этотъ разъ въ комнату вошла молодая, миловидная, но очень бѣдно одѣтая женщина и, какъ только сѣла, начала горько, неудержимо плакать.

— Вы успокойтесь, успокойтесь, голубушка, — ласково, какъ врачъ съ больной паціенткой говорилъ Зарубинъ, и въ голосѣ его зазвучала такая теплота и задушевность, что Яворовскій невольно залюбовался своимъ пріятелемъ.

— Можетъ быть, вамъ воды дать? — все такъ же участливо спрашивалъ Зарубинъ женщину.

— Нѣтъ... благодарствуйте... я такъ... сейчасъ пройдетъ... извините... Я пришла... хотѣла просить...

— Да вы успокойтесь, милая, а потомъ и разскажете намъ ваше горе... Можетъ быть, и плакать-то нечего, можетъ быть, и помочь вамъ не трудно. И Зарубинъ налилъ изъ графина стаканъ воды и подалъ кліенткѣ.

Но это вниманіе, повидимому, сконфузило ее: она смутилась, взяла стаканъ, но не стала пить, а поставила его на столъ и тотчасъ же стала излагать свое дѣло, вытирая глаза кончиками головного платка.

— Мужъ у меня, господинъ адвокатъ... куска хлѣба меня лишилъ, бродягой меня сдѣлалъ...

— Какимъ же образомъ?

— А такимъ образомъ, что паспорта не выдаетъ: «не выдамъ, говоритъ, и шабашъ».

— Да онъ кто такой, чѣмъ занимается?

Женщина потупилась, нахмурила свои черныя, красивыя брови и съ видимымъ усиліемъ произнесла:

— Онъ, господинъ адвокатъ, нехорошимъ, худымъ дѣломъ занимается... онъ—воръ, форточникъ...

— Вотъ какъ!.. А живетъ-то онъ гдѣ, мѣстожительство его?

Женщина опять нахмурила свои брови.

— Какое у него, подлеца, жительство—въ острогѣ онъ, второй мѣсяцъ сидитъ... А я изъ-за него, негодяя, скитаюсь по людямъ: ни на мѣсто поступить не могу, ни квартиры снять не могу—одно слово бродяга!.. И женщина опять горько заплакала.—Недѣли двѣ у тетки все ночевала, а теперь старшій дворникъ гонитъ, говоритъ: «какъ можно безъ паспорта ночевать?» Напужалъ тетку такъ, что она и днемъ-то меня не пускаетъ, боится...

— А скажите, вашъ мужъ гдѣ судился, у мирового или въ окружномъ судѣ?

— У мирового.

— И раньше никогда не судился?

— Никогда.

— А какого онъ званія?

— Званія? Да какое же у него, господинъ адвокатъ, званіе—одно слово, воръ!..

— Нѣтъ, я не про то, вы скажите, кто онъ: крестьянинъ, мѣщанинъ, изъ духовныхъ? Паспортъ откуда онъ получалъ всегда?

— Изъ волости.

— Ну, значитъ, крестьянинъ... Это хорошо, вамъ можно будетъ выхлопотать отдѣльный видъ на жительство.

— Явите Божескую милость, господинъ адвокатъ... А то вѣдь куды я дѣнусь безъ паспорта: ни я работать, ни я на мѣсто...

— А скажите, что за причина, что мужъ вашъ не выдалъ вамъ вида?

— А такая причина, господинъ адвокатъ, что подлецъ онъ и больше ничего!.. Все норовитъ на зло: живи, молъ, какъ знаешь: ни въ острогъ тебѣ нельзя, ни на волѣ тебѣ нельзя, хоть скрозь землю провалисъ.. Онъ, господинъ адвокатъ, боится, что я его брошу... А только я и таиться не желаю: непремѣнно брошу! какъ мнѣ съ этакимъ идоломъ жить? Не говоря ужъ, что онъ острожный человѣкъ, а только онъ и работать не хочетъ: ни мѣста у него, ни квартиры, ни одежи, ни хозяйства... Судите сами, господинъ адвокатъ, около чего же жить-то, когда я пятый годъ за-

мужемъ, а не видѣла у себя на квартирѣ ни самовара своего, ни кострюли, ни посуды... какъ есть «ни ложки, ни плошки» — около чего же мнѣ жить-то?..

— Ну, это ваше дѣло: можетъ быть, помиритесь, а можетъ быть и разойдетесь,—вамъ виднѣе будетъ... А паспортъ мы вамъ добудемъ...

— Будьте настолько добры, господинъ повѣренный... А скоро это будетъ?

— Что, паспортъ-то? Ну, это не такъ ужъ скоро...

Лицо женщины опять омрачилось, а въ красивыхъ карихъ глазахъ загорѣлась тревога.

— А какъ же мнѣ это время жить-то? Вѣдь мнѣ ночевать негдѣ, меня, какъ чумы, всѣ боятся безъ паспорта. Я и то ужъ разъ на улицѣ ночевала...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы не безпокойтесь, это устроится, мы въ полицію напишемъ и вамъ временное свидѣльство выдадутъ.— И обращаясь затѣмъ къ своему помощнику, Зарубинъ прибавилъ:— Абрамъ Марковичъ! Напишите, голубчикъ!

Абрамъ Марковичъ подозвалъ къ себѣ женщину, усадилъ ее и, приготовляясь писать прошеніе земскому начальнику и въ полицію, сталъ подробно разспрашивать кліентку, откуда мужъ ея родомъ, какой волости и пр.

А Зарубинъ, между тѣмъ, продолжалъ пріемъ. На этотъ разъ у его стола стоялъ широкоплечій гигантъ-ломовой извозчикъ. Повидимому, ломовой пришелъ прямо съ работы, потому что на его бородатомъ, скуластомъ лицѣ, на чудовищныхъ рукахъ и на изодранной въ лохмотья рабочей кацавейкѣ были видны слѣды муки, которую, надо думать, онъ еще сегодня возилъ.

— Что скажешь, молодецъ?—обратился къ нему Зарубинъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, на судъ требуютъ... Тамъ и дѣло-то такое, что добраго слова не стоитъ — совсѣмъ плевое глупое, дѣло— а между прочимъ, повѣстку прислали, явиться сказано...

— А въ чемъ дѣло-то?

— Да такъ, больше ничего, какъ озорство одно... съ пьяныхъ глазъ, конечно... а ежели разобрать, такъ одна глупость...

— Но все-таки, въ чемъ же дѣло?

— Да такъ надо говорить, что у одной посадской дѣвки (такъ, непутящая, дрянь дѣвка-то) мы съ товарищемъ сороковку отняли. Ну, и выпили, конечно... Только и дѣла всего...

— Отняли?—съ живостью спросилъ Зарубинъ и лицо его сразу сдѣлалось серьезнымъ, даже встревоженнымъ.

— Такъ точно... съ пьяныхъ глазъ, разумѣется. Видимъ, идетъ дѣвка по полю, несетъ сороковку въ рукахъ. Ну, мы къ ней: «поднеси, молъ, красавица, по стаканчику!» А она: «убирайтесь,

говоритъ, къ чорту желтоглазые»... Это мы, то-ись, желтоглазые... Ну, мы за ней: «давай сюда, такая-сякая, сороковку!» Она, извѣстно кричать!.. Ну, мы все-таки настигли ее, свалили, сороковку-то и отняли.

— И били при этомъ дѣвку?..

Извозчикъ съ какимъ-то недоумѣніемъ растопырилъ свои громадныя, бѣлыя отъ муки руки.—Да ужъ не безъ того, конечно... маненечко помяли, потому что, по правдѣ вамъ сказать, господинъ повѣренный, мы-таки здорово дерябнувши были.

— Плохо, братъ, твое дѣло, — тревожно покачивая головой, проволвилъ Зарубинъ.—Очень плохо...

— О-о?—вопросительно и вмѣстѣ съ недоумѣніемъ протянулъ извозчикъ.

— Совсѣмъ плохо.—А бумаги тебѣ изъ суда прислали? Копію обвинительнаго акта получилъ?

— Присылали чтой-то, да я неграмотный: мнѣ все одно, хоть присылай, хоть не присылай.

— А гдѣ же эта бумага?

Извозчикъ съ виноватымъ видомъ почесалъ затылокъ.—Запамятовалъ, ваше благородіе, извините, на квартерѣ бумага-то, а я съ работы прямо.

— А повѣстка въ судъ?

— Повѣстка здѣся...—И запустивъ свою чудовищную руку въ такой же чудовищный карманъ, извочикъ извлекъ оттуда цѣлую горсть всякой дряни, начиная отъ трубки, мѣдныхъ монетъ и кисета и кончая перочинымъ ножомъ, пуговицами и какими-то растерзанными, запачканными въ деготь бумажками, и сталъ въ этой горсти разбираться.

— Но когда же вызываютъ, по крайней мѣрѣ?

— На завтрашній день велѣно.

— На завтра?

-- Такъ точно, къ 12 часамъ... А вотъ и повѣстка, ваша честь...

Зарубинъ развернулъ грязный скомканный клочокъ бумаги, расправилъ его пальцами и потомъ упавшимъ голосомъ сказалъ.

— Ну, такъ и есть... По 1642 статьѣ—грабежъ съ насиліемъ.

И обращаясь затѣмъ къ извозчику, Зарубинъ съ несвойственной ему строгостью и досадой въ голосѣ спросилъ:

— А раньше-то ты гдѣ былъ? раньше почему не пришелъ сюда?

— А раньше, ваше благородіе, я на работѣ былъ, — съ младенческой невозмутимостью отвѣчалъ извозчикъ.

— Знаю, что на работѣ, да сюда-то ты зачѣмъ въ послѣдній день пришелъ? Вѣдь у тебя серьезное дѣло, тебя будутъ судить за грабежъ съ насиліемъ, а это знаешь чѣмъ пахнетъ?—арестант

скія роты, а то и каторга!..—При упоминаніи о каторгѣ извозчикъ даже назадъ попятился. Но потомъ широкое, запудренное мукой, лицо его вдругъ расплылось въ добродушную улыбку.

— Что ты, баринъ? Это за сороковку-то — и въ каторжныя работы идти? Что ты, милый, Христосъ съ тобой?..

— Вотъ и изволь ему втолковать теорію грабежа и ученіе о насиліи!—разводя руками, къ Яворовскому обратился Зарубинъ. Но затѣмъ, повернувшись снова къ извозчику, онъ все-таки сдѣлалъ попытку подойти къ вопросу съ другой стороны и разъяснить ломовому, по крайней мѣрѣ, серьезность и опасность его положенія.

— Послушай, тебя къ слѣдователю вызывали?

— Какъ же, два раза требовали...

— А ты знаешь, что къ слѣдователю по пустякамъ не зовутъ?..

— Да оно и такъ какъ будто, а между прочимъ, вотъ же насчетъ сороковки вызывали?..

Зарубинъ переглянулся съ Яворовскимъ, но потомъ опять продолжалъ.

— Да оставь ты, ради Христа, свою сороковку! Не то важно, что ты *сороковку* отнялъ, а то важно, что ты ее *отнялъ*, понимаешь, *отнялъ насильно* и *билъ* при этомъ дѣвушку! Вотъ это самое законъ и называетъ гра-бе-жомъ съ насиліемъ.

— Грабежомъ? Такъ, вѣдь, ты пойми, баринъ. что я отнялъ-то? Вѣдь пустякъ отнялъ—сороковку... двадцать копеекъ...

Зарубинъ безпомощно поглядѣлъ на Яворовскаго и только плечами пожалъ.

— Изволь-ка съ такимъ Ерусланомъ вести юридическій диспутъ о теоріи права!..—И вынувъ платокъ, Зарубинъ утеръ потъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. — А главное, — шопотомъ прибавилъ онъ пріятелю, —что это стоеросовое дитя удивительно крѣпко держится на своей позиціи здраваго смысла. Не только ты его не собьешь, но онъ тебя спибетъ съ высотъ твоей юридической теоріи, потому что въ здоровую, не развращенную юриспруденціей голову наша теорія никогда не влѣзетъ. Но надо все-таки продолжать этотъ диспутъ, чтобы разъяснить ему серьезность положенія, потому что завтра, въ судѣ, его словно обухомъ по лбу треснутъ.

— Ну, оставимъ это пока,—опять къ извозчику обратился Зарубинъ.—Ты не понимаешь, что совершилъ грабежъ, но пойми хоть то, что дѣло твое очень плохо. Судить тебя будутъ не у мирового, а въ окружномъ судѣ, гдѣ будетъ 12 судей присяжныхъ да прокуроръ, да судьи коронные — и всѣ тебя будутъ судить.

— О-о?—съ искреннимъ изумленіемъ протянулъ извозчикъ.— Скаж-жи, пожалуйста... И съ чего такое—за сороковку столько

народу?..—И вздернувъ своими гигантскими плечами, извозчикъ присовокупилъ.—А по мнѣ бы, баринъ, надо такъ разсудить: отнялъ я у дѣвки, скажемъ, сороковку, ну, и меня заставь купить ей сороковку, ну двѣ, ну четверть, что ли. А что я далъ дѣвкѣ раза два по шеѣ, такъ пущай законъ и мнѣ дастъ, пущай меня на Казачій тамъ, подъ арестъ, али какъ...

Какъ ни былъ серьезно настроенъ Зарубинъ, но, слушая эту теорію уголовнаго права, отъ которой вѣяло наивной чистотой мысли и доисторической правдой, не могъ не улыбнуться.

— Ну, вотъ что, милый человѣкъ, мы съ тобой только зря время теряемъ. А ты сдѣлай вотъ какъ: сбѣгай-ка ты, живымъ манеромъ, къ себѣ на квартиру, возьми бумагу, которую тебѣ изъ суда прислали и сейчасъ же, сегодня же приходи ко мнѣ, но не сюда, а тоже на квартиру ко мнѣ—вотъ тебѣ адресъ. А дома мы еще потолкуемъ, и завтра я приду въ судъ—защищать тебя буду. Понялъ?

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокородіе...

— Ну, такъ бѣги, да смотри у меня—живо, не копайся!

Извозчикъ повернулся и грузно зашагалъ своими исполинскими, пудовыми сапогами къ выходу.

— Послушай! неужели его могутъ закатать въ каторжныя работы?—накинулся на пріятеля Яворовскій, какъ только извозчикъ скрылся за дверью.—Вѣдь, это было бы чортъ знаетъ, что такое! Вѣдь, отъ такой судебной правды дыбомъ волосы встать могутъ?

— Въ каторгу, не въ каторгу, а въ арестанскія роты съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ закатать могутъ.

— Но неужели же присяжные не поймутъ—вѣдь, не ослы же они и не звѣри?..

— Вотъ я на это и надѣюсь,—съ какой-то грустной задумчивостью промолвилъ Зарубинъ.—А замѣтилъ ты, что онъ, извозчикъ этотъ, какъ пришелъ со своимъ недоумѣніемъ, такъ и ушелъ, не понимая, чего отъ него хотятъ, что случилось, за что его преслѣдуютъ .. И изъ суда такъ же уйдетъ... Это постоянно, на каждомъ шагу я наблюдаю...—Зарубинъ еще что-то хотѣлъ сказать на эту тему, но какъ разъ въ эту минуту изъ пріемной показалась фигура новой кліентки, какой-то старушки въ черномъ салопѣ.

— Погодите немножко, матушка, я васъ позову,—обратился къ ней Зарубинъ. —Мы на пять минутъ перерывъ сдѣлаемъ, вздохнуть надо...

Старушка исчезла опять въ пріемную, а Зарубинъ сѣлъ бокомъ на столъ подлѣ Яворовскаго, закурилъ папироску, протяжно и шумно вздохнулъ и въ прежнемъ задумчивомъ, грустномъ тонѣ

продолжалъ свою недосказанную мысль.—Да... по моему, самая трагическая роль въ нашемъ процессѣ—это роль невѣжественнаго, темнаго подсудимаго... Приведутъ его въ судъ, посадятъ на скамью, солдатиковъ около него съ саблями поставятъ, а онъ глядитъ и ровнехонько ничего не смыслитъ. Понимаешь, по лицу видно, что человѣкъ, какъ въ туманѣ, что мысли его разбѣжались, разсыпались, что онъ уже не владѣетъ своей головой, а только озирается, дико, испуганно, какъ волкъ, котораго уже поймали, скрутили и котораго остается только добить...—И помолчавъ немного, Зарубинъ нѣсколько разъ. порывисто затянулся дымомъ и потомъ прибавилъ:—Да, братъ, ужасное это зрѣлище—вотъ такой темный-человѣкъ на судѣ. Столько тутъ нѣмого драматизма, столько безпомощности... Ты когда-нибудь видѣлъ быка на бойняхъ?—неожиданно предложилъ онъ вопросъ.—Такъ вотъ то же самое и нашъ простолюдинъ передъ лицомъ суда. Онъ, какъ быкъ, ничего не понимаетъ, ничего не соображаетъ, онъ только *чуетъ* опасность, хотя и не знаетъ, откуда она придетъ и съ которой стороны блеснетъ надъ нимъ обухъ... А о томъ же, что вокругъ него происходитъ, что дѣлаютъ въ судѣ, онъ часто даже отдаленнаго представленія себѣ не создаетъ... Да и откуда ему создать? Онъ видитъ только, что его привели въ большую, красивую залу, самую красивую изъ всѣхъ, какія онъ видѣлъ въ своей жизни, и что въ залѣ кругомъ господа сидятъ: господа на скамейкахъ, господа за большимъ столомъ и господа за маленькими столами... Всѣ эти господа что-то дѣлаютъ, что-то пишутъ, говорятъ. Сначала поговоритъ одинъ господинъ, въ мундирѣ и съ позументами на обшлагахъ, потомъ поговоритъ другой господинъ, въ манишкѣ и во фракѣ, потомъ немножко поговоритъ еще одинъ господинъ въ мундирѣ, а затѣмъ всѣ господа, которые сидятъ на скамейкахъ, куда-то уйдутъ, гдѣ-то побудутъ, потомъ выйдутъ и одинъ прочитаетъ что-то... И какъ только прочитаетъ, всѣ господа зашевелятся, заговорятъ, начнутъ расходиться и какъ-то быстро растаютъ, словно ихъ и не было здѣсь... И останется во всей залѣ только онъ одинъ. Одинъ съ солдатомъ. А потомъ и они уйдутъ: солдату прикажутъ сдать его подъ росписку, и поведетъ его солдатъ черезъ весь городъ и будутъ на нихъ показывать пальцами мальчишки, будутъ останавливаться, оглядываться прохожіе. А онъ, осужденный, все будетъ шагать, шагать до самой тюрьмы и все будетъ спрашивать себя: да что же такое случилось? что съ нимъ сдѣлали тѣ господа, которые сидѣли въ богатой залѣ? И опомнится только тогда, когда на ногахъ зазвенятъ цѣпи, а по головѣ загуляетъ тупая бритва арестантскаго цирюльника...

Назначенныя пять минутъ для перерыва еще далеко не прошли,

а нетерпѣливая старушка въ черномъ салопѣ уже опять стала какъ-то осторожно и робко высовывать голову изъ пріемной.

— Что, матушка, нетерпѣніе васъ разбираетъ?—съ улыбкой обратился къ ней Зарубинъ. — Ну, что съ вами дѣлать, пожалуйте!

Старушка какъ-то удивительно быстро засеменила ножками, подбѣжала къ столу, усѣлась и, не дожидая дальнѣйшихъ приглашеній, начала длиннѣйшее повѣствованіе о томъ, что у нея былъ зять, что у зятя былъ трактиръ, а въ трактирѣ машина, но что теперь машина испортилась и не играетъ, а зять померъ. Яворовскій слушалъ, слушалъ и никакъ не могъ понять, чего собственно старушка хочетъ и о чемъ она такъ пространно и монотонно толкуетъ: выходило какъ-то такъ, что чѣмъ больше говорила старушка о зятѣ, тѣмъ яснѣе становилось, что и зять, и трактиръ, и машина совсѣмъ не относятся къ дѣлу, а что старушку просто-на-просто выселяютъ изъ квартиры за неплатежъ денегъ. Но до этого вывода Яворовскій дошелъ не скоро, такъ какъ старушка каждую минуту отъѣзжала въ сторону, а дряхлѣющая мысль ея то и дѣло хваталась за зятя. Въ концѣ же концовъ, эта старческая болтовня притупляла вниманіе и дѣйствовала на нервы, и, чтобы не слушать старуху, Яворовскій сталъ перелистывать толстую конторскую книгу, въ которую Зарубинъ записывалъ имена кліентовъ консультаціи и въ которой противъ каждаго имени коротенько, въ нѣсколькихъ словахъ, была изложена суть каждаго дѣла. Книга, сверхъ ожиданія оказалась много интереснѣе старухиныхъ разговоровъ, и, начавъ ее перелистывать отъ скуки, Яворовскій скоро увлекся и сталъ читать съ интересомъ, присматриваясь къ этой безконечно-разнообразной вереницѣ то простенькихъ, то трагическихъ дѣлъ рабочаго люда. Всѣ дѣла были записаны Зарубинымъ какъ-то необыкновенно коротко, точно онъ выдавилъ, выжалъ изъ нихъ весь смыслъ и воплотилъ его въ двухъ словахъ: дочь изнасиловали, самоваръ украли, съ фабрики «безъ пути» выгнали, разсчета не дали, хозяинъ «расшибъ», священникъ вѣнчать не хочетъ, баринъ на содержаніе ребенка не даетъ, полиція столицы лишила, разсчетную книжку незаконно отобрали, дворники въ подворотнѣ ключицу сломали, еще баринъ на содержаніе ребенка не даетъ, въ богадѣльню не принимаютъ, инженеръ «зубы выбилъ», купецъ «надругался»... Но особенно много было дѣлъ паспортныхъ—ими положительно пестрѣла вся книга: отецъ не даетъ паспорта, свекоръ не даетъ паспорта, общество не даетъ паспорта, управа не даетъ паспорта, хозяинъ задержалъ паспортъ, господа не отдаютъ паспорта, подрядчикъ потерялъ паспортъ...

Долго читалъ Яворовскій эту книгу, и вся правовая страда рабочаго люда обрисовывалась передъ нимъ, какъ на ладони: изъ-

за этихъ маленькихъ, всего въ нѣсколькихъ словъ, записей, словно выглядывали коротенькія, человѣческія драмы и чувствовалось дыханіе огромной, но сѣренькой, убогой жизни, омытой безпомощными слезами и покрытой пятнами человѣческой крови...

Отъ книги Яворовскаго оторвалъ Зарубинъ.

— А Маркелова твоего, братъ, все нѣту... Я ужъ и старуху отпустилъ, и кліентовъ больше нѣтъ—какъ же быть-то?

— Да неужто же не придетъ?—захлопнувъ книгу и приподымаясь съ мѣста, съ недоумѣніемъ проговорилъ Яворовскій.—Вѣдь, самъ сказалъ, что непремѣнно будетъ, да я и сторожу велѣлъ подбадривать его.

— Ужъ и не знаю...

— Неужто же раздумалъ?—съ досадой и даже съ какимъ-то смущеніемъ въ голосѣ промолвилъ Яворовскій.—А впрочемъ, не ждать же его тебѣ...

— Да, братъ, вѣдь меня ломовой съ обвинительнымъ актомъ дожидается...

— Такъ ѣдемъ по домамъ. А я тебѣ лучше въ другой разъ пришлю его.

Пріятели совсѣмъ уже было собрались уходить и даже одѣлись, какъ въ пріемной неожиданно показалась фигура запыхавшагося желѣзнодорожнаго сторожа—того самаго, попеченію котораго поручилъ Яворовскій Маркелова.

— Ну что? что Маркеловъ?—съ живостью набросился на него Яворовскій.

— Такъ что, Алексѣй Платоновичъ, онъ не придетъ...

— Не придетъ? почему? что же случилось?

— Да онъ, Алексѣй Платоновичъ, помирился, получилъ ужъ деньги-то...

— Да не можетъ быть?

— Такъ точно, Алексѣй Платоновичъ... И даже пьянствуетъ уже... Я ему говорю: «что же ты, подлецъ этакой, тебѣ Алексѣй Платоновичъ добра желаютъ, а ты...»

— Но что же онъ говоритъ, по крайней мѣрѣ?

— А сказываетъ: «не дожидаться же мнѣ, молъ, еще годъ али полгода. Я и то, говоритъ, съ семействомъ околѣлъ совсѣмъ... А такъ, по крайности, голодомъ не помру».

— И росписку выдалъ, что не имѣетъ претензій?

— А какъ же, у нотаріуса, говоритъ, былъ... Главная причина, Алексѣй Платоновичъ, что бѣдность у него, куска хлѣба въ домѣ нѣтъ... Ну, и дѣтишки, семейство большое...

Яворовскій только переглянулся съ Зарубинымъ и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, вертя въ рукахъ свою форменную фуражку.

А. Яблоновскій.

НОКТЮРНЪ.

(Изъ Ришпена).

Ужъ день потухъ,
И рокотъ нѣжный
Волны прибрежной
Чуть ловитъ слухъ.
Мракъ ночи глухъ...
Подъ ритмъ небрежный
Спитъ безнадежный
Мой скорбный духъ.

И въ монотонныхъ
Напѣвахъ сонныхъ
Прибоя вновь
Я будто чую
Пережитую
Свою любовь.

Ев. Дегенъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Студенты въ Москвѣ“ г. П. Иванова.—Интересныя данныя о матеріальномъ положеніи студенчества.—Долгъ общества по отношенію къ молодежи.—„Интеллигенція и народъ“ г. Смирягина.—Пессимизмъ г. Смирягина и безсилье реакціонной мысли.—„Думы журналиста“ г. Лемке.—Его проектъ договорныхъ отношеній редакціи и издателей.

Есть книги, значеніе которыхъ вообще отрицательное. Къ ихъ числу, безспорно, принадлежитъ и трудъ г. П. Иванова «Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы». И не потому это такъ, что все въ ней невѣрно или выдумано, или превратно истолковано. Какъ увидимъ ниже, есть въ фактахъ г. Иванова и кое-что несомнѣнно цѣнное. Но вся книга проникнута особымъ духомъ. Пословица говоритъ, что для лакея великаго человѣка нѣтъ великихъ людей, потому что у лакея на все лакейская точка зрѣнія. Именно таково пониманіе авторомъ того міра, который онъ взялся описывать. Очевидно, г. Ивановъ не мало вращался среди студенчества въ Москвѣ, даже добросовѣстно изучилъ разныя условія внѣшней жизни студенчества, и описаніе этихъ условій и есть то цѣнное, что даетъ его книга. Но за этой внѣшностью онъ ничего больше не увидѣлъ, а то, что видѣлъ, представилъ по-лакейски. Что ни «типъ», выводимый имъ, то либо пошлякъ, либо прямо мерзавецъ, либо жалкій выродокъ. Такой сплошной подборъ «типовъ» достаточно говоритъ самъ за себя, чтобы стоило препираться съ авторомъ и указывать его односторонность, предвзятость и нарочитое сгущеніе красокъ. Мы напередъ готовы признать, что среди тысячъ московскихъ студентовъ найдется достаточно и пошляковъ, и негодяевъ, и неврастениковъ, и вырождающихся. Но обобщать каждаго изъ нихъ въ *типъ* студента и изъ-за такого типа не видѣть ничего болѣе, значитъ взяться не за свое дѣло, не понимать того, о чемъ пишешь, и сознательно или безсознательно извращать истину.

Этими бѣглыми замѣчаніями мы и ограничимся относительно «студенчества» г. Иванова, въ книгѣ котораго болѣе для насъ интересны данныя о матеріальныхъ условіяхъ быта студентовъ въ Москвѣ. Эти данныя заслуживаютъ вниманія хотя бы потому, что никогда не мѣшаетъ повторять старую истину, насколько русское студенчество въ массѣ не обезпечено и при какихъ трудныхъ условіяхъ приходится нашему студенту добиваться знаній, что и налагаетъ такой особый отпечатокъ на русское студенчество въ отличіе отъ

его западно-европейскаго товарища. Въ то время, какъ послѣдній въ массѣ не только живетъ обезпеченно, но даже жуируетъ, проводя, по крайней мѣрѣ, первые годы больше въ погонѣ за радостями жизни, чѣмъ въ усердномъ штудированіи науки,—средній бюджетъ, по цифрамъ г. Иванова, заслуживающимъ полнаго довѣрія, русскаго студента не превышаетъ 25 р. въ мѣсяцъ. Такова обычная субсидія, получаемая изъ дому, таковъ же обычный размѣръ стипендій. Сумма болѣе, чѣмъ невелика, и чтобы жить на нее, надо урѣзывать себя во всемъ, иначе и самое необходимое, т.-е. квартира, столъ, книги, не уложится въ предѣлѣ этихъ двадцати пяти рублей.

Уклоненія отъ этой средней вверхъ такъ рѣдки, что ихъ не приходится принимать въ разсчетъ. Зато уклоненія внизъ не знаютъ предѣла, и тутъ уже мы встрѣчаемъ почти нищету, на помощь которой и являются благотворительныя общества, съ ихъ уплатой за слушаніе лекцій, столовыми и общежитіями. Особенно, оказывается, важную роль играютъ въ жизни студенчества столовыя. Вопросъ питанія, пожалуй, еще важнѣе квартирнаго. Здоровый, молодой организмъ кое-какъ примѣняется къ самой тѣсной, неуютной квартирѣ, но тотъ же молодой организмъ, да еще въ періодъ незаконченнаго роста, когда питаніе должно быть усиленное, чтобы ростъ не останавливался, требуетъ во что бы то ни стало обильной пищи. И въ этомъ отношеніи положеніе огромнаго большинства студенчества было бы безвыходнымъ, если бы не столовыя «общества для пособія нуждающимся студентамъ». За послѣдній отчетный годъ (1902) общество выдало студентамъ въ двухъ своихъ столовыхъ, большой и малой, 94.149 *безплатныхъ* обѣдовъ, а за 10 лѣтъ дѣятельности малой и 9 большой выдано такихъ обѣдовъ 1.051.862. Приблизительно 11% всего московскаго студенчества пользуется безплатными обѣдами.

Но, кромѣ того, тѣ же столовыя за минимальную плату даютъ возможность бѣднѣйшей части студенчества, избѣгающей благотворительности, питаться сносно. Особенно ярко значеніе этой стороны дѣятельности столовыхъ въ Петербургѣ, гдѣ и безплатные, и платные обѣды, такъ сказать, дополняютъ другъ друга. Прежде всего, вотъ цѣны блюдъ въ петербургской столовой, которыя такъ интересны, что для читателя любопытно познакомиться съ ними. Въ петербургской столовой «система выдачи обѣдовъ удивительное своеобразна. Цѣны назначаются не на обѣды, а на отдѣльныя порціи. Въ столовой есть касса, гдѣ студенты, выбравъ себѣ порціи, покупаютъ марки на соотвѣтствующую сумму. Вотъ нѣкоторыя блюда изъ меню: борщъ малороссійскій—6 к., ½ порціи (1 тарелка)—3 к.; супъ перловый—5 к., ½ порціи—3 к.; вареное мясо—3 коп., антрекотъ—22 к., лангетъ—22 к. (½ порціи—11 к.), паштетъ—11½ к. (½ порціи 6 к.); котлеты 2 штуки—12 к. (1—6 к.). Замѣтимъ, что котлеты расходятся въ громадномъ количествѣ. Гречневая каша безъ масла—1 к., съ масломъ—4 к., горошекъ—3 к., картофель—1½ к. Такимъ образомъ, имѣя въ карманѣ всего даже 3 к., студентъ можетъ съѣсть тарелку горячаго съ хлѣбомъ (хлѣбъ въ неограниченномъ количествѣ). Десятикопѣечный бюджетъ даетъ уже возможность пообѣдать какъ слѣдуетъ. На первое, предположимъ, тарелку борща—3 к., на второе котлету—6 коп., и къ ней

каша—1 к.». Можно себѣ представить поэтому, какое огромное значеніе играла петербургская столовая въ жизни студентовъ. Больше трети студентовъ пользовались ею. Въ 1899 г. за 6 мѣсяцевъ въ ней перебывало 112.550 обѣдающихъ, изъ нихъ около трети безплатно. Эти числа еще увеличились за послѣдніе годы. Благотворное вліяніе этой прекрасно поставленной столовой, между прочимъ, выразилось въ томъ, что число больныхъ катарральными разстройствами желудка, по свѣдѣніямъ университетскаго врача, уменьшилось вдвое.

Но не только на «физику» студенчества и матеріальный бытъ вліяла столовая. Цѣль ея была, по словамъ отчета, «не только доставить студентамъ здоровую пищу, но и дать имъ возможность провести хоть часъ въ день въ уютной комнатѣ, пользуясь достаточнымъ свѣтомъ и воздухомъ». Это и было достигнуто съ устройствомъ своего прекраснаго помѣщенія, гдѣ, кромѣ здоровой пищи, была и читальня съ 36 газетами, дешевый буфетъ, гдѣ продавались чай, кофе, шоколадъ, пиво... «Не удивительно,—говоритъ авторъ,—что столовая играла у студентовъ роль маленькаго клуба», а необходимость такого *своего* товарищескаго собранія, быть можетъ, нигдѣ такъ сильно не ощущается, какъ въ жизни студенчества. И въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо отмѣчаетъ авторъ, одиночество одно изъ главныхъ золъ студенческой жизни. Только что покинувъ родную семью, затерянный въ огромномъ городѣ, юноша испытываетъ прямо-таки до болѣзненности потребность въ обществѣ, которое хоть сколько-нибудь замѣняло бы ему родную атмосферу. Одиночество на ряду съ матеріальными лишеніями въ первые годы студенческой жизни подрываютъ не одно юное существованіе, и бороться съ нимъ—одна изъ благороднѣйшихъ задачъ столовыхъ. На Западѣ ее выполняютъ корпораціи, студенческіе союзы, общества спорта и т. п. У насъ до нѣкоторой степени могла бы взять ее на себя столовая, что и дѣлала петербургская. Естественное, непреоборимое влеченіе къ обществу, къ единенію съ товарищами не можетъ быть подавлено никакими мѣрами, и лучше поэтому дать ему правильный исходъ, нормальное развитіе въ условіяхъ открытыхъ, не стѣсняемыхъ суровыми рамками предписаній, такъ сказать, на виду у всѣхъ, въ томъ числѣ и начальства. Подавленная потребность не значитъ убитая, она проложитъ свою дорогу и пролагаетъ, въ видѣ сборищъ пьянственнаго характера въ излюбленныхъ трактирахъ и пивныхъ, ютящихся въ центрахъ, обитаемыхъ студенчествомъ, въ родѣ описываемаго г. П. Ивановымъ «Седана», гдѣ не одинъ десятокъ молодежи спиваются до полной потери облика человѣческаго.

Въ дальнѣйшихъ очеркахъ автора, къ сожалѣнію, мы не находимъ данныхъ о внутренней жизни студенчества, которая, какъ это ни странно, до сихъ поръ остается мало затронутой въ литературѣ. А между тѣмъ, безъ такого серьезнаго изученія этой стороны нашей учащейся молодежи едва ли возможна правильная постановка и самой университетской реформы. Литература по разнымъ причинамъ обходила этотъ вопросъ, пожалуй, одинъ изъ самыхъ живыхъ и интересныхъ. Правда, разные гг. Сигмы нѣтъ-нѣтъ да и выступятъ съ напыщенно-широковѣщательнымъ словомъ по адресу молодежи. «Берегитесь,—поучаетъ сей достопочтенный мужъ,—молодость очень коротка, и кто не

работалъ надъ собой въ молодости, ничего не достигнетъ подъ старость». Святая истина, можно замѣтить, но отъ нея никому ни тепло, ни холодно. Было бы лучше поосновательнѣе выяснить условія, мѣшающія работать, чѣмъ бросать свои упреки на вѣтеръ. Думаемъ, что и сама моледежь не хуже г. Сигмы понимаетъ свои задачи и смыслъ своего пребыванія въ университеты. И когда читаешь хотя бы даже въ такомъ несовершенномъ изложеніи, какъ трудъ г. Иванова, про бытъ и матеріальныя условія студенческой жизни, многое представляется въ иномъ освѣщеніи. Поражающая бѣдность и неустанная борьба за существованіе огромной части студенчества не можетъ не оказывать вліянія и на ученіе, не говоря уже обо всемъ прочемъ. «По крайней мѣрѣ, 50% учащихся въ московскомъ университетѣ,—говоритъ нашъ авторъ,—нуждается въ помощи. А, быть можетъ, ни для кого такъ не тяжела бѣдность, какъ для студента. Вѣдь для умственной жизни, для успѣшнаго занятія наукой необходимо, прежде всего, спокойствіе духа. Матеріальная необезпеченность создаетъ атмосферу, почти невозможную для человѣка, посвятившаго себя служенію чистой наукѣ. Мелочи жизни отвлекаютъ вниманіе, разсѣиваютъ всякую сосредоточенность. Вѣчная пѣсня о голодѣ, о холодѣ, о завтрашнемъ днѣ капля за каплей вливаютъ ядъ въ жизнь человѣка. Борьба за существованіе играетъ огромную роль въ жизни студента. А что можетъ быть общаго между борьбой за существованіе и занятіемъ чистой наукой? Поневолѣ наука часто отходитъ на задній планъ...»

И приходится не тому удивляться, что молодежь мало учится, но что она все же учится и, какъ бы то ни было, выдвигаетъ изъ своей среды новыя и новыя почтенныя силы на разныхъ поприщахъ жизни. За двадцать лѣтъ эта жизнь въ большихъ городахъ страшно вздорожала, а заработки учащейся молодежи сократились. Общественная благотворительность не поспѣваетъ за ростомъ нужды, которая въ средѣ учащихся прогрессируетъ изъ года въ годъ Вмѣстѣ съ количественнымъ ростомъ учащейся молодежи растетъ и ея бѣдность, какъ результатъ общаго обѣднѣнія Россіи. По нашимъ личнымъ воспоминаніямъ, лѣтъ двадцать тому назадъ въ одномъ изъ крупныхъ университетскихъ центровъ не было 50% нуждающейся молодежи, и въ то же время легче было доставать всякія подсобныя занятія. Не было такой отчаянной конкуренціи, сбивающей цѣны до смѣшного (въ родѣ 3 р. за урокъ въ мѣсяцъ). Понятно, и самое ученіе шло много лучше, что и подтверждаютъ жалобы старыхъ профессоровъ, что прежде студенты являлись на экзаменъ съ лучшей подготовкой. И это несомнѣнно такъ, если обратить вниманіе на всевозможные виды труда, не дающіе возможности заниматься самому. «Сфера приложенія студенческаго труда чрезвычайно разнообразна. И хотя мы еще до Америки не дошли,—обыкновенный физическій трудъ не принятъ среди студентовъ,—но уже «интеллигентность» ихъ труда нужно понимать въ очень широкомъ смыслѣ. Подсчетъ избирательныхъ шаровъ въ какомъ-нибудь кредитномъ обществѣ, чѣмъ особеннымъ это «интеллигентное» занятіе отличается отъ занятія простого рабочаго? Тоже самое можно сказать о лидерахъ, т.-е. ѣздящихъ на рекламныхъ велосипедахъ какой-нибудь фабрики». «Вообще, характеръ

заработка студентовъ рѣдко соотвѣтствуетъ ихъ призванію. Многіе, напр., служатъ пѣвчими въ различныхъ церквахъ, другіе играютъ въ оркестрѣ, даже увеселительнаго заведенія Омона». «Отъ хорошей жизни не полетишь», говоритъ мастеровой у Горбунова. То же приходится сказать и объ этомъ участіи въ оркестрѣ Омона.

И ни общества благотворительныя, ни разныя бюро для пріисканія занятій не могутъ, не въ силахъ помочь этой вопіющей нуждѣ, которая коренится въ самыхъ условіяхъ русской жизни, страстно жаждущей просвѣщенія и изъ глубины своей выдвигающей все новые и новые кадры юношей, которые, не смотря ни на что, устремляются въ университетъ и высшія учебныя заведенія. Демократическій характеръ массы учащихся объясняется средой, откуда они выходятъ, и это составляетъ и счастье нашей жизни, и ея горе, такъ какъ этимъ же объясняется и бѣдность учащейся молодежи, такъ рѣзко отличающая ее отъ западно-европейской. Преобладающій буржуазный характеръ послѣдней отразилъ въ себѣ общій буржуазный типъ общества, изъ среды котораго выходитъ большинство студенчества на Западѣ. Большая обезпеченность, привычки извѣстнаго культурнаго режима, вмѣстѣ съ общими условіями окружающей жизни, придаютъ нѣмецкому или французскому студенчеству много чертъ, дѣлающихъ его такъ мало похожимъ на наше. Главное, что отличаетъ нашего студента, это идеальное отношеніе къ жизни, презрѣніе къ матеріальной сторонѣ, почти дѣтское равнодушіе къ вопросамъ о хлѣбѣ насущномъ‘ что и даетъ ему силу выдержать гнетъ нужды во времена студенчества. Но намъ, обществу, никогда не слѣдуетъ забывать объ этомъ гнетѣ, и всякое содѣйствіе къ его облегченію уже есть заслуга предъ русскимъ просвѣщеніемъ, Все возрастающія нужды студенчества налагаютъ обязанность усилить ту помощь, которую общество оказываетъ учащейся молодежи. Тѣмъ болѣе, что размѣры ея пока весьма невелики, какъ показываетъ нашъ авторъ. По его даннымъ, напр., московское «общество для пособія недостаточнымъ студентамъ» израсходовало около 60.000 р. въ 1902 г. на помощь. Такимъ образомъ, ея не хватаетъ и на половину нуждающихся, а большинство получающихъ должны довольствоваться крохами. И за эти крохи большое спасибо, конечно, скажетъ ему студенчество, но какъ мало это въ сравненіи съ огромностью вопіющихъ нуждъ.

Послѣ студенческихъ нелегкихъ годовъ, послѣ борьбы съ этимъ гнетомъ нужды, все же въ массѣ своей наша интеллигенція не выходитъ такой черствой, эгоистической и жадной, какъ ее рисуетъ нѣкто г. Смирягинъ, выступившій съ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ нея, подъ заглавіемъ «Интеллигенція и народъ».

Въ немъ авторъ обвиняетъ всю интеллигенцію огуломъ въ развращеніи народа. Казалось-бы, именно теперь запоздало такое обвиненіе. Теперь-то между народамъ и интеллигенціей достаточно поставлено разныхъ перегородокъ, отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга, и г. Смирягинъ могъ бы быть доволенъ...

Въ чемъ же, однако, повинна бѣдная интеллигенція? Онъ начинаетъ съ

«твердо установленнаго» факта, что «въ послѣднія десятилѣтія нравственность народная падаетъ съ невѣроятной быстротой. Народъ нашъ, еще недавно бывшій наивно-патріархальнымъ, добродушнымъ, религіознымъ, теперь въ массѣ своей огрубѣлъ, озвѣрѣлъ, развратился». Въ доказательство приводятся понадерганныя отовсюду сообщенія, въ которыхъ на ряду съ пѣніемъ пѣсенъ на улицахъ ставятся извѣстія о томъ, какъ «крестьянинъ Лукіанъ обругалъ и побилъ сотскаго» или какъ другой крестьянинъ, укравъ овцу, «спряталъ ее за божницей». Есть и ссылки на художественную литературу, на «Власть тьмы» и даже «Мужиковъ» Чехова. Авторъ, что называется, бралъ свое добро всюду, гдѣ находилъ, и, сваливъ безъ разбора, въ одну кучу, пришелъ къ своему пессимистическому выводу. Но послѣдній нуженъ ему, какъ и слѣдовало ожидать, не самъ по себѣ, а для доказательства мысли, что во всемъ виновата интеллигенція.

Прежде всего она съумѣла всѣхъ убѣдить, что нужно просвѣщеніе. И вотъ, «мы обыкновенно радуемся размноженію въ народѣ книгъ, увеличенію числа школъ, народныхъ чайныхъ, театровъ», а, между тѣмъ, «99% теперешнихъ народныхъ просвѣтителей не слѣдуетъ подпускать и близко къ народу», потому что «образованіе народа должно быть ввѣрено только тѣмъ интеллигентамъ, которые сами искренно держатся православной вѣры». Это неожиданное заключеніе особенно поразительно теперь, когда, насколько всѣмъ извѣстно, инославныхъ и иновѣрныхъ просвѣтителей и нѣтъ въ деревенскихъ школахъ, какъ, впрочемъ, не было ихъ и прежде. На этомъ обвиненіи авторъ особенно настаиваетъ, и въ заключеніе говоритъ: «Теперешнія народныя школы отучаютъ дѣтей отъ серьезной самостоятельной работы, выпускаютъ изъ своихъ стѣнъ непріученныхъ къ дисциплинѣ полузнаекъ, а способныхъ даровитыхъ, лучшихъ учениковъ приносятъ въ жертву безцвѣтной, безформенной массѣ, забывая, что для родной страны и для всего человѣчества одинъ талантъ дороже тысячи посредственностей». Авторъ, должно быть, незнаетъ, что именно «интеллигенція», которую онъ обвиняетъ въ устройствѣ такой школы, постоянно твердила и твердитъ о необходимости полной передѣлки программъ школы, расширенія ея и бóльшаго простора для «самостоятельной работы». Въ апрѣльской книгѣ нашего журнала приведены пожеланія новгородскаго губернскаго комитета, въ которыхъ мѣстная интеллигенція какъ разъ указываетъ на эти недостатки школы. Меньше всего повинна интеллигенція въ школьномъ неустройствѣ, которое давно составляетъ одну изъ главныхъ темъ ея работы въ вопросахъ о народной жизни.

Конечно, ея взгляды на эти неустройства не совпадаютъ съ желаніями г. Смирягина, который такъ, напр., рѣшаетъ вопросъ о школьномъ воспитаніи: «Что же касается тѣлесныхъ наказаній въ школѣ, то при практическомъ рѣшеніи этого щекотливаго вопроса слѣдовало бы руководствоваться не кабинетными теоріями и не газетными статьями, а указаніями родителей учениковъ». Самъ авторъ глубоко убѣжденъ, что родители желаютъ введенія тѣлесныхъ наказаній, но и тутъ мы можемъ сослаться на многочисленныя и единодуш-

ныя пожеланія комитетовъ по улучшенію сельской промышленности объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній вообще...

Г. Смирягинъ не прочь поучить интеллигенцію, которая и пьетъ больше, чѣмъ народъ, и обираетъ его, и ничему научить его не можетъ. Но самъ не указываетъ положительныхъ воздѣйствій на народъ, настаивая только на одномъ,—на возможномъ удаленіи интеллигенціи отъ ея зловредной дѣятельности для народа. Это отсутствіе своей, *положительной* программы у автора высокохарактерная черта всей книги, вышедшей, очевидно, изъ среды вполнѣ опредѣленной. Мы уже столько слышали подобныхъ реакціонныхъ голосовъ, что лишній разъ книга г. Смирягина уже и не заслуживала бы вниманія. Но эту черту ея намъ и хотѣлось подчеркнуть, какъ не личную, присущую автору только, а всему направленію, выразителемъ котораго онъ выступаетъ Все скверно и все надо уничтожить, это очень легко сказать, но чѣмъ же замѣнить уничтожаемое? Надо для этого имѣть хоть маленькую, но положительную программу, въ которой были бы намѣчены общія основы благоустройства, какъ оно мерещится возбужденной фантазіи реакціонно настроеннаго критика. Школа плоха, ея программа узка, мертвенна и не отвѣчаетъ ни одному живому запросу, какой жизнь ставитъ на каждомъ шагу крестьянину. Интеллигенція давно указала на этотъ коренной недостатокъ школы и тутъ же предлагаетъ рядъ коренныхъ реформъ. Реакціонеръ начинаетъ съ отрицанія послѣднихъ, но ничего не предлагаетъ взамѣнъ, не отстаивая, какъ г. Смирягинъ, даже своей церковно-приходской. Крестьянское хозяйство падаетъ, условія деревенской жизни стали невозможны, и это интеллигенція давно отмѣтила, съ цифрами въ рукахъ доказала упадокъ, въ прекрасныхъ художественныхъ произведеніяхъ обрисовала всю неприглядность современной деревни. И сейчасъ же намѣтила рядъ реформъ для подъема послѣдней, а сельскохозяйственные комитеты почти въ одинъ голосъ подтвердили необходимость именно намѣченныхъ интеллигенціей мѣръ, какъ показываетъ хотя бы указанная нами программа новгородскаго комитета, взятая нами, какъ очень умѣренная, представляющая какъ бы среднюю ариѳметическую изъ ряда подобныхъ же программъ. Реакціонная критика, идущая еще дальше въ осужденіи деревни («народъ озвѣрѣлъ, огрубѣлъ, развратился» — уже чего хуже), съ пѣною у рта возстаетъ противъ такихъ программъ, но взамѣнъ ничего не предлагаетъ. Тотъ же г. Смирягинъ, по наивной откровенности, очень характерный представитель реакціонной мысли, хотя бы однимъ словомъ обмолвился о желательной въ его смыслѣ программѣ реформъ. Одно только мы нашли въ его филиппикѣ—это указаніе на недостаточную твердость въ православіи, отмѣчаемую имъ, какъ главную причину всѣхъ золъ, съ требованіемъ непремѣнной искренности въ православной вѣрѣ отъ всѣхъ, кто такъ или иначе имѣетъ соприкосновеніе съ народомъ. Но мы уже указали выше, что, насколько намъ извѣстно, ни иновѣрцевъ, ни инославныхъ нѣтъ ни среди народныхъ учителей, ни среди многочисленныхъ представителей деревенской власти. Г. Смирягинъ очень настаиваетъ на «искренности», но не даетъ никакихъ указаній, почему всѣхъ «народныхъ просвѣтителей», какъ онъ огуломъ называетъ всю

сельскую интеллигенцію, онъ считаетъ неискренно православными. Слѣдовало бы перечислить отличительные признаки искренности. Правда, онъ заявляетъ, что эти «интеллигенты» недостаточно строго соблюдаютъ посты и другія правила, установленныя православной церковью, и самъ же въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что «видимое порою благочестіе—нерѣдко напускное фарисейство» (стр. 79).

Такая слабость реакціонной мысли, неспособной дать какую бы то ни было положительную программу, говоритъ сама за себя и ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждается. Г. Смирягинъ потому и интересенъ, что онъ проще, наивнѣе и смиреннѣе, если можно такъ характеризовать его по сравненію съ другими, его единомышленниками, которые выступаютъ съ пышными и громкими увѣреніями, что всѣ вопросы текущей жизни ими давно рѣшены и только внѣшнія обстоятельства имъ мѣшаютъ проявить себя во всей красотѣ творчества. А въ концѣ концовъ, какъ и г. Смирягинъ, сводятъ все къ сплошному отрицанію, до чего никогда не доходила столь ненавистная имъ интеллигенція, которая многое отрицаетъ, но на мѣсто отрицаемаго знаетъ, что утвердить, черпая матеріалъ не «отъ ума», а изъ жизни...

Обвинять интеллигенцію нѣтъ ничего легче, почему и находится такая тьма охотниковъ. Не въ такихъ условіяхъ стоитъ противная сторона, которая можетъ возражать лишь намеками, а подчасъ и полнымъ молчаніемъ. Господа Смирягины отлично знаютъ это, но дѣлаютъ видъ и другихъ стараются убѣдить, что это молчаніе — знакъ безсилія, какъ это дѣлаетъ, напр., г. Н. Энгельгардтъ, постоянно налетающій на «толстые ежемѣсячники», которые хранятъ «величавое безмолвіе» по поводу массы «назрѣвшихъ вопросовъ общественности». И не безъ результата проходятъ эти обвиненія... Вотъ потому-то мы и обращаемъ вниманіе читателей на «Думы журналиста» г. Лемке. Въ этой книгѣ читатели найдутъ нѣкоторыя не безполезныя указанія на тѣ условія, при которыхъ идетъ работа журналиста, преслѣдующаго высшія цѣли.

Г. Лемке затронулъ въ своей книгѣ рядъ интересныхъ и жгучихъ вопросовъ журналистики, но мы желали бы остановить вниманіе читателя лишь на нѣкоторыхъ болѣе для него интересныхъ. Читатель до сихъ поръ, къ сожалѣнію, далеко не такъ освѣдомленъ объ условіяхъ работы журналиста, какъ того можно бы желать. Онъ часто удивляется умолчанію о многихъ, повидимому, такихъ интересныхъ явленіяхъ жизни, готовъ винить журналиста въ небрежности, тогда какъ все это невольныя прегрѣшенія. Авторъ, г. Лемке, самъ поработавшій не мало въ провинціальной печати, и начинаетъ съ главнаго— тѣхъ печальныхъ условій, въ которыхъ изо дня въ день идетъ работа печати. Съ одной стороны—это «независящія обстоятельства», а съ другой — зависимость провинціальнаго работника печати отъ капитала. Много въ «думахъ» г. Лемке вѣрнаго, недурно схваченнаго и достойнаго вниманія Особенно живо представлены внѣшнія условія, тѣ «независящія обстоятельства», въ которыхъ такъ много случайнаго, непредвидѣннаго, что и самому опытному журналисту нельзя знать, съ какой стороны грянетъ громъ.

Для примѣра двѣ-три сценки, столь хорошо знакомыя всякому, кто рабо-

талъ въ провинціи. Пріѣзжаетъ пріятель автора, повѣствующій ему свою редакціонную эпопею, въ городъ, гдѣ основывается новая газета, и встрѣчаетъ благосклонный пріемъ и со стороны губернатора, и со стороны цензора, чиновника, редактирующаго мѣстныя «Губернскія Вѣдомости». Цензоръ оказывается и «самъ въ душѣ литераторъ», а у губернатора взглядъ на задачи мѣстной печати очень широкъ. «Мнѣ, главное нравится,—говоритъ губернаторъ нашему редактору при представленіи, — что вы затрогиваете очень важные вопросы, коренные, такъ сказать, вопросы нашей жизни вообще, краевой въ особенности и, по моему, это ваша громадная заслуга... Правда, есть въ газетѣ теперь такой тонъ, который не слѣдовало бы вводить. Ну, напримѣръ, зачѣмъ сегодня такъ высмѣянъ предсѣдатель губернской управы?.. Впрочемъ, это разумѣется, ваши убѣжденія, и я совершенно не имѣю права въ нихъ вмѣшиваться. И притомъ все это не особенно важно... Одно только, пожалуйста, помните, что я другъ печати. Этимъ все сказано». Кажется, какія милыя отношенія, и нельзя не порадоваться, что печать имѣетъ въ провинціи такихъ друзей. Но умудренный опытомъ редакторъ думаетъ иначе. «Другъ печати... думалось мнѣ.—Если даже онъ не врагъ ея, то и то хорошо», — и дѣйствительность скоро подтвердила его опасенія. Появилась въ газетѣ обличительная статья по адресу предсѣдателя одного изъ просвѣтительныхъ обществъ за его боязнь гласности, выразившуюся въ рядѣ самыхъ некультурныхъ поступковъ. Статья произвела должное впечатлѣніе, но оказалось, въ лицѣ предсѣдателя былъ задѣтъ одинъ изъ пріятелей губернатора, и «другъ печати» немедля дѣлаетъ внушеніе цензору. Послѣдній, «самъ въ душѣ литераторъ», принялъ мѣры и пересталъ пропускать все, что касалось городского хозяйства и думы, въ которой онъ занималъ должность члена городской управы. И, въ концѣ концовъ, газета обвинялась въ томъ, что «настойчиво сравниваетъ Россію съ Западомъ и притомъ всегда не въ пользу первой», что «подрываетъ религіозно-нравственныя основы православнаго населенія» и «освѣщаетъ отрицательныя стороны дѣятельности мѣстной администраціи».

А далѣе исторія обычная, и авторъ заканчиваетъ свое повѣствованіе: «этого, полагаю, достаточно, чтобы получить нѣкоторое впечатлѣніе о главномъ бытовомъ условіи жизни провинціальной печати». Эти условія дѣлаютъ жизнь послѣдней крайне неустойчивой, неуравновѣшенной и неувѣренной въ завтрашнемъ днѣ, не позволяя спокойно заниматься дѣломъ, и безъ того требующимъ крайняго напряженія силъ. Случайность и беззащитность—вотъ что убиваетъ энергію, истощаетъ и въ конецъ измочаливаетъ нервы журналиста. Самый суровый законъ, но *законъ* предпочтительнѣе усмотрѣнія «друзей печати», вродѣ этого милаго администратора и не менѣе милаго цензора, «литератора въ душѣ».

На этой сторонѣ дѣятельности журналиста авторъ долго не останавливается, справедливо замѣчая, что тутъ журналистъ, какъ таковой, ничего не подѣлаетъ. Его увлекаетъ другой вопросъ—отношенія журналиста къ издателю, т.-е. къ капиталу, который, по мѣрѣ роста газетнаго дѣла въ провинціи, сталъ все больше интересоваться провинціальной печатью, какъ дѣломъ прибыльнымъ. «Самъ по себѣ приливъ капитала въ дѣло, по существу очень въ

немъ нуждающееся, конечно, не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій», замѣчаетъ г. Лемке. Но дурно то, что вмѣстѣ съ капиталомъ вступаетъ въ печать торгашъ, тотъ Иванъ Непомнящій, котораго еще Салтыковъ обрисовалъ такъ мѣтко. «Спросите Непомнящаго, что онъ хочетъ, какія цѣли преслѣдуетъ его газета?—и ежели въ немъ еще сохранилась хоть капля искренности, то вы услышите отвѣтъ: «хочу подписчика». Подъ фирмой газеты Непомнящій пріобрѣлъ себѣ сокровище. Понятно онъ бережетъ ее какъ зеницу ока отъ всякихъ случайностей. Въ виду упроченія ея будущности, не должно быть рѣчи ни объ идеяхъ, ни о цѣляхъ, ни объ убѣжденіяхъ, ни о чемъ, кромѣ наивѣрнѣйшихъ способовъ удержать за собой сокровище. Онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ мысль и вкусы вліятельной среды; справляется у приспѣшниковъ, угадываетъ смыслъ улыбокъ и тѣлодвиженій, напоминаетъ о своей неизмѣнной готовности, а иногда даже удостоивается собесѣдованій... Безъ идеи, безъ убѣжденій, безъ яснаго понятія о добрѣ и злѣ, Непомнящій стоитъ на стражѣ руководительства, не вѣря ни во что, кромѣ тѣхъ пятнадцати рублей, которые приноситъ подписчикъ, и тѣхъ грошей, которые вытаскиваетъ изъ кошеля кухарка».

Сначала этотъ Непомнящій составлялъ особенность исключительно столичной печати, но въ послѣдніе годы онъ вошелъ и въ провинціальную, когда послѣдняя стала рости не по днямъ, а по часамъ, какъ видно изъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ. «По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», къ концу 1900 г. изъ 97 числившихся въ провинціи газетъ, только двѣ основаны до 1861 г., 23—въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, 72—въ 80-хъ и 90-хъ, причемъ 55 изъ нихъ послѣ 1895 г.».

Подвигамъ Непомнящаго посвящено много вниманія г. Лемке, но на нихъ не станемъ останавливаться. Гораздо существеннѣе вопросъ о томъ, какъ же думаетъ авторъ обуздать торгаша? Лучше всего, конечно, не связываться съ нимъ совсѣмъ, съ чѣмъ согласенъ и авторъ. И если бы журналисты строго держались этого правила, Непомнящій, не имѣя работника, не могъ бы и издавать газеты. Но безъ капитала и газетъ нельзя издавать. Поэтому г. Лемке предлагаетъ другой выходъ—договоръ между редакціей и издателемъ, которому предоставляется прибыль предпріятія на условіяхъ невмѣшательства въ «нутро дѣла». И г. Лемке даже выработалъ проектъ такого договора, въ которомъ очень подробно перечислены взаимныя права и обязанности обѣихъ сторонъ, причемъ, надо замѣтить, на издателя возложено больше обязанностей, чѣмъ предоставлено ему правъ.

Разбирать самый проектъ не представляется намъ особенно интереснымъ и нужнымъ. Существенна только идея договора. Насколько подобные договоры могутъ вообще содѣйствовать развитію провинціальной печати? И мыслимы ли они сами по себѣ? Увы! при всемъ сочувствіи къ положенію провинціальныхъ работниковъ пера, мы сильно сомнѣваемся, чтобы нашлись издатели, которые согласились бы подписать такой договоръ. Кажется, все въ немъ просто—издателю прибыль, «намъ нутро дѣла». Но въ томъ и дѣло, что и то и другое такъ тѣсно соединено, что ихъ нельзя раздѣлить. И ни одинъ издатель не согласится только давать деньги, въ чаяніи будущей проблематической при-

были, которая всецѣло зависитъ отъ способа веденія дѣла, отъ «нутра дѣла». Если же найдется издатель, не дорожащій прибылью, то это уже не будетъ Иванъ Непомнящій, а скорѣе меценатъ, котораго интересуетъ именно сущность дѣла, и потому его уже ни устранять не надо, ни связывать по рукамъ и ногамъ договорами не приходится. Но всякое дѣло, основанное на меценатствѣ, крайне непрочно, и не о томъ, конечно, мечтаетъ г. Лемке. Съ другой стороны, Иванъ Непомнящій, пожалуй, готовъ подписать любой договоръ, зная хорошо, что ничего не стоитъ его нарушить. Въ самомъ дѣлѣ, въ его рукахъ всегда окажутся «независящія обстоятельства», одной ссылки на которыя достаточно, чтобы всѣ договоры разсыпались прахомъ.

Не такимъ путемъ, поэтому, можно надѣяться удержать печать отъ тѣхъ прискорбныхъ явленій, которыя внесъ съ собой Иванъ Непомнящій. Только въ себѣ самихъ найдутъ журналисты силы, которыя могутъ имъ дать торжество надъ торгашомъ. Разъ послѣдній знаетъ, что журналисты не пойдутъ на сдѣлки съ совѣстью, не допустятъ себя до униженій подкупа, не продадутъ свое первородство за чечевичную похлебку, то и безъ договора торгашъ не рискнетъ честью газеты, рискуя остаться безъ главнаго орудія — работника пера. Скорѣе въ этомъ дѣлѣ могутъ поддержать журналистовъ профессіональные союзы, которые придадутъ имъ сплоченность и бо́льшую устойчивость въ отстаиваніи своихъ интересовъ и достоинства печати. Но... тутъ мы опять выходимъ за предѣлы, доступные журналистамъ, такъ какъ учрежденіе такихъ союзовъ не отъ насъ зависитъ. И пока все сводится къ личной устойчивости отъ всякаго соблазна, къ личной охранѣ своей чести писателя и достоинства работника пера. И надо признать, къ чести провинціальной журналистики, что этотъ личный устой въ ней много крѣпче, чѣмъ въ столичной. Сплошь и рядомъ приходится читать и слышать объ уходѣ изъ той или иной газеты порядочныхъ работниковъ изъ-за вопросовъ чести и достоинства, нарушенныхъ издателемъ, и какъ-то мало такихъ же примѣровъ въ столичной печати, гдѣ самодовольные гг. Энгельгардты чувствуютъ себя недурно...

Свою книгу г. Лемке заканчиваетъ обращеніемъ къ читателю, призывая его къ болѣе тѣсному единенію съ писателемъ. «Пусть писатель поставитъ своимъ девизомъ твердое, независимое слово, пусть читатель приметъ за правило не пропускать случая указать намъ на наши ошибки и заблужденія... Среди громадной многомилліонной массы читателей есть уже довольно значительный элементъ, который не только можетъ, но обязанъ поддерживать словомъ своихъ пишущихъ товарищей,—товарищей по одной общей культурной работѣ, цѣль которой, независимо отъ рода дѣятельности, всегда была и будетъ одна и та же—совершенствованіе общества и человѣка». Это доброе пожеланіе готовы были бы раздѣлить и мы, но не видимъ, въ какой формѣ оно могло бы осуществиться. Если въ видѣ «писемъ въ редакцію», то не дай Богъ! Думаемъ, что и самъ г. Лемке не о такой формѣ единенія мечтаетъ, но пока наша жизнь другой формы еще не выработала...

А. Б.

ОТМѢНА КРУГОВОЙ ПОРУКИ.

Періодъ напряженнаго оживленія, въ который, послѣ продолжительнаго затишья, вступаетъ наше крестьянское законодательство, открылся мѣрою выдающейся важности: 12-го марта 1903 года отмѣнена круговая порука, въ теченіе долгихъ вѣковъ связывавшая сельскихъ обывателей. Эта мѣра не является неожиданностью. Государство издавна стремилось къ тому, чтобы устранить посредничество общины въ раскладкѣ и взиманіи налоговъ и стать въ непосредственныя отношенія къ каждому плательщику *); съ шестидесятыхъ же годовъ прошлаго столѣтія вопросъ о болѣе нормальной постановкѣ фиска пріобрѣлъ особенную важность и почти не сходилъ съ очереди. Тѣмъ не менѣе, реформа 12-го марта подвергалась опасности замедлиться. Круговая порука была такъ прочно связана съ своеобразными чертами экономическаго быта русскаго крестьянства и примитивной организаціей податного дѣла, что ея уничтоженіе потребовало значительнаго времени и усилій. Подготовительныя работы, направленныя къ отмѣнѣ круговой поруки, начались еще въ 1894 году. «Нынѣ, обладая болѣе близкими къ населенію органами,—говорилось во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1895 г.,—финансовое вѣдомство приступило къ подготовкѣ преобразованія способовъ взиманія крестьянскихъ платежей въ видахъ устраненія тѣхъ обремененій, которыя налагаются на крестьянское населеніе не столько самими платежами, сколько несовершенными способами и пріемами ихъ взысканія». Но эта попытка не привела къ ожидаемымъ результатамъ. «Положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ», утвержденное 23-го іюня 1899 года освободило отъ дѣйствія круговой поруки только подворныхъ владѣльцевъ и тѣ сельскія общества, въ которыхъ числилось менѣе 60 ревизскихъ душъ, для остальной же массы крестьянскаго населенія принципъ круговой отвѣтственности былъ сохраненъ въ полной неприкосновенности. Невыплаченныя къ 1-му января части платежей должны были разверстываться между всѣми домохозяевами. Недоборъ, оставшійся, послѣ этого, къ 1-му февраля, могъ быть пополненъ изъ мірскихъ суммъ или снова раскладывался между членами общества и взыскивался полицейскими мѣрами. Какъ средства понужденія «упорныхъ» неплательщиковъ, были установлены: а) обращеніе взысканія на арендную плату за сданныя неисправнымъ хозяиномъ строенія или землю; б) наложеніе ареста на заработную плату; в) опредѣленіе къ неплательщику опекуна; г) продажа движимаго имущества. Въ случаѣ дальнѣйшаго «упорства» у неисправнаго хозяина отбиралась полевая земля и сдавалась въ аренду на сроки не болѣе трехъ лѣтъ, а затѣмъ, продавались строенія, не составляющія необходимости въ хозяйствѣ. Безуспѣшность всѣхъ этихъ мѣръ, однако, не служила доказательствомъ явной неплатежеспособности крестьянскаго общества. Только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ казенная

*) П. Н. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры". Ч. I, стр. 141.

палата имѣла право сложить недоимку со счетовъ; обыкновенно же, неуплаченныя суммы просто присоединялись къ окладу слѣдующаго года. Очевидно порядокъ, введенный правилами 1899 года, нисколько не ослаблялъ вреднаго вліянія круговой поруки. Какъ и раньше, сельское общество отвѣчало за всѣхъ своихъ членовъ; какъ и раньше, подати пріурочивались не только къ объекту обложенія, но и къ личности плательщика. Закрѣпощеніе крестьянства оставалось въ полной силѣ. Измѣненія были настолько незначительны, что г. Шванебахъ, разбирая въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи законъ 23 іюня 1899 года, затрудняется ясно опредѣлить, въ чемъ заключалось существенное практическое различіе между старою и новою процедурою взысканія *). Г. же Тернеръ, бывшій однимъ изъ составителей закона, опредѣленно признаетъ, что «Положеніе» даже распространило дѣйствіе круговой поруки и придало ея примѣненію организованныя и устойчивыя формы. Всякія случайности были исключены. Разъ только накоплялась недоимка, она неминуемо влекла за собою круговую отвѣтственность **). Такимъ образомъ, всего четыре года назадъ начало огульной отвѣтственности крестьянства восторжествовало надъ индивидуалистическими тенденціями финансоваго вѣдомства. Но это была послѣдняя побѣда. Реформа 12-го марта 1903 г. окончательно признаетъ низшей податною единицею каждаго отдѣльнаго домохозяина какъ въ селеніяхъ съ общиннымъ, такъ и съ подворнымъ владѣніемъ. По новымъ правиламъ, распоряженіе взысканіемъ недоимокъ передается податнымъ инспекторамъ при участіи должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Если недоимка превышаетъ 20 проц. оклада и не можетъ быть покрыта продажею движимаго имущества, то, по предложенію земскаго начальника, примѣняются: а) отобраніе селеніемъ и сдача въ аренду съ торговъ полевой земли неисправнаго плательщика и б) продажа принадлежащихъ недоимщику строеній, не составляющихъ необходимости въ его хозяйствѣ. Отобраніе полевой земли производится селеніемъ, къ которому принадлежитъ неисправный крестьянинъ, на срокъ по усмотрѣнію схода, не свыше, однако, шести лѣтъ съ обязательствомъ уплатить единовременно всю числящуюся недоимку. Отобранная земля передается сходомъ отдѣльнымъ домохозяевамъ или распредѣляется между всѣми ними или оставляется въ нераздѣльномъ пользованіи всего селенія. Въ случаѣ отказа селенія отобрать полевую землю, уѣздный съѣздъ, по представленію податного инспектора, дѣлаетъ распоряженіе о сдачѣ земли въ аренду съ торговъ. Срокъ аренды не можетъ превышать шести лѣтъ. Къ участію въ торгахъ допускаются одни только члены того сельскаго общества, къ которому принадлежитъ недоимщикъ. Если же первые торги не состоятся, то на вторыхъ могутъ участвовать и посторонніе лица. При сдачѣ земли съ торговъ обязательство единовременной уплаты недоимки устраняется. Въ случаѣ безуспѣшности отобранія земли податной инспекторъ назначаетъ продажу строеній,

*) П. Х. Шванебахъ. „Наше податное дѣло", стр. 138.
**) Ѳ. Тернеръ. „Государство и землевладѣніе." ч. II, стр. 385.

не составляющихъ необходимости въ хозяйствѣ. При подворномъ владѣніи мѣры понужденія заканчиваются продажею земельнаго участка.

Переходной характеръ новыхъ правилъ очевиденъ.

Податная система настолько тѣсно связана со всѣмъ строемъ крестьянской жизни, что окончательное торжество культурнаго фискальнаго порядка находится въ зависимости отъ тѣхъ коренныхъ реформъ крестьянскаго быта, которыя поставлены теперь на очередь. Но, при всѣхъ недостаткахъ и пробѣлахъ, при всей неопредѣленности реформы 12-го марта, ея огромное значеніе несомнѣнно. По разсчетамъ «Правительств. Вѣстника», круговая порука могла до настоящаго времени имѣть примѣненіе слишкомъ къ 62.000 селеній въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи. Ею обезпечивалось поступленіе около 63 проц. оклада казенныхъ и земскихъ сборовъ. Что же касается до мірскихъ сборовъ, которыхъ законъ 23-го іюня 1899 года совсѣмъ не коснулся, то они могли быть взыскиваемы по круговой порукѣ повсемѣстно. Такимъ образомъ, государство, наконецъ, приблизилось къ огромной массѣ плательщиковъ. Сельскія общества потеряли иниціативу и наблюденіе въ дѣлѣ взиманія налоговъ и превратились въ простыхъ исполнителей распоряженій земскаго начальника и податного инспектора. Смиренный сельскій обыватель попалъ въ сферу непосредственнаго дѣйствія грандіозной государственной машины. Значеніе этого факта далеко выходитъ за границы спеціальной области фиска; ему предстоитъ серьезная роль въ эволюціи соціально-экономическихъ отношеній русскаго крестьянства, и опредѣленіе этой роли представляетъ наиболѣе важную задачу при разсмотрѣніи реформы 12-го марта.

II.

Недоимочность крестьянскаго населенія, съ которой такъ тщетно боролась круговая порука, составляетъ старое зло нашего финансоваго хозяйства и объясняется различнымъ образомъ. Приведенная выше цитата изъ всеподданнѣйшаго доклада о росписи на 1895 г. показываетъ, что финансовое вѣдомство видитъ причины недоимочности въ несовершенствѣ способовъ взысканія. По другому взгляду, способы взысканія имѣютъ второстепенное значеніе, и накопленіе недоимокъ происходитъ вслѣдствіе непосильной тяжести самыхъ платежей. Истинный характеръ крестьянской недоимочности играетъ такую рѣшающую роль въ оцѣнкѣ новыхъ правилъ, что на его выясненіи придется остановиться съ нѣкоторою подробностью.

Не такъ давно статистическое бюро псковскаго губернскаго земства издало работу, посвященную вопросу о недоимкахъ въ связи съ экономическимъ положеніемъ населенія *). Это изданіе представляетъ опытъ разработки матеріаловъ подворной переписи по Изборской волости, Псковскаго уѣзда, но

*) Къ вопросу о недоимкахъ въ связи съ экономическимъ положеніемъ населенія (опытъ разработки статистическихъ матеріаловъ по Изборской волости Псковскаго уѣзда).

заключающіяся въ немъ цифровыя данныя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ и на общія причины крестьянской недоимочности. Изборская волость къ 1-му января 1901 года имѣла въ недоимкѣ по всякаго рода платежамъ 86.730 р., что равняется 132 проц. нормальнаго годоваго оклада. Изъ 2.337 дворовъ лишь 199 или 12,8% не имѣютъ недоимки; остальные же 2038 или 87,2% обременены долгомъ, въ среднемъ, по 37,1 р. на дворъ. При болѣе детальной группировкѣ дворовъ мы получаемъ слѣдующую картину недоимочности.

Группы	Число дворовъ	въ %	Недоимки на 1 дворъ	на 1 раб. м. п.
0. Безъ недоимки	299	12,8	—	—
1. Съ недоимкою до 30 руб. .	968	41,5	15,0 р.	9,6 р.
2. Свыше 30 руб.	1.070	45,7	66,0 »	42,4 »

т.-е. почти половина всѣхъ дворовъ обременена недоимкою, достигающею 66 р. на дворъ или 42 р. на одного работника мужского пола. Группировка дворовъ по главнѣйшимъ экономическимъ признакамъ крестьянскаго хозяйства открываетъ причины такой сильной задолженности. По семейному составу и рабочей силѣ дворы различной задолженности мало отличаются одинъ отъ другого.

Группы.	Ѣдоковъ на 1 дв.	Работн. об. пол. на 1 дв.	Ѣдоковъ на 1 раб.
0	6,5	3,1	2,0
1	6,6	3,1	2,1
2	6,8	3,3	2,0

Число членовъ семьи нѣсколько повышается вмѣстѣ съ возрастаніемъ недоимочности, но число ѣдоковъ на 1 рабоника, которое и опредѣляетъ выгодность или невыгодность семейнаго состава въ хозяйственномъ отношеніи, остается одинаковымъ для всѣхъ слоевъ Изборской деревни. Такое же незначительное вліяніе на степень недоимочности оказываетъ и количество обрабатываемой земли.

Группы	Процентъ дворовъ, сдающихъ;	арендующія надѣлы.	Среднее число надѣловъ въ фактическ. пользованіи двора.	Проц. дворовъ, имѣющ. купчую землю.
0	12,3	20,2	1,9	19,6
1	32,2	45,5	1,9	49,9
2	55,5	34,3	2,1	30,9

Число дворовъ, сдающихъ надѣлы въ аренду, правильно и сильно растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ недоимочности, но среди фактическихъ земледѣльцевъ разницы не замѣчается. Наоборотъ, наиболѣе задолженная группа оказывается даже въ лучшихъ земельныхъ условіяхъ, сравнительно съ незадолженными дворами. Даже фактъ владѣнія купчею землею не избавляетъ крестьянина отъ недоимки и почти треть изборскихъ собственниковъ принадлежитъ къ самой обремененной долгомъ части населенія. Очевидно, ни семейный составъ, ни рабочая сила двора, ни степень земельной обезпеченности не объясняютъ факта накопленія недоимки и распредѣленія ея между отдѣльными слоями деревенской массы. По крайней мѣрѣ, цифры псковскихъ статистиковъ совершенно

отрицаютъ непосредственную связь между этими экономическими факторами и недоимочностью. Иной результатъ даетъ сопоставленіе задолженности съ количествомъ скота и размѣрами льноводства въ различныхъ группахъ. Необходимо замѣтить, что скотовладѣніе и льноводство играютъ въ Псковской губерніи чрезвычайно важную роль. Ленъ представляетъ главный, а во многихъ хозяйствахъ, вѣроятно, и единственный, источникъ денежныхъ доходовъ крестьянскаго населенія. Количество же скота довольно точно опредѣляетъ степень доходности хозяйства, такъ какъ на псковской почвѣ урожай всецѣло зависитъ отъ удобренія.

Группы.	Средн. посѣвъ льна.	Получено льна.	Средній валовой доходъ отъ продан. льна на 1 дворъ	на 1 раб.
0	8,3 мѣръ	24,7 пудовъ	124 р.	88 руб.
1	7,4 »	21,6 »	108 »	67 »
2	5,6 »	16,8 »	84 »	49 »

	0 гр.	1 гр.	2 гр.
Всего скота на 1 дворъ въ переводѣ на крупный	4,1 головъ	3,4 гол.	2,9 гол.

Эти двѣ таблицы съ полною ясностью обрисовываютъ экономическое положеніе недоимочныхъ дворовъ. И количество скота, и размѣры льняныхъ посѣвовъ правильно понижаются вмѣстѣ съ увеличеніемъ недоимки. Кромѣ того, совершенно правильно понижаются и производительность, и доходность хозяйствъ, причемъ разница между крайними группами выражается весьма крупными цифрами. Въ то время, какъ одинъ дворъ безнедоимочной группы получаетъ отъ продажи льна 124 р. валового дохода, 1 дворъ наиболѣе задолженной группы довольствуется всего лишь 84 руб. Такія же рѣзкія различія между отдѣльными недоимочными группами обнаруживаютъ и данныя о промысловой дѣятельности изборскаго крестьянства.

Группы.	Проц. дворовъ съ промыслами.	Въ томъ числѣ мѣстными—	отхожими.
0	73,3	75,8	24,2
1	78,3	73,6	26,4
2	81,5	64,9	35,1

Несмотря на чисто земледѣльческій характеръ Изборской волости, процентъ дворовъ, вынужденныхъ прибѣгать къ промысловому заработку, очень значителенъ. Но незадолженные дворы «подрабатываютъ», главнымъ образомъ, въ своемъ районѣ, не отрываясь отъ собственнаго хозяйства. Дворы же недоимочныхъ группъ даютъ большій процентъ отхожихъ промышленниковъ, связь которыхъ съ землею уже слабѣе, какъ видно изъ распредѣленія занятыхъ промыслами крестьянъ по различнымъ отраслямъ труда.

	% лицъ, занятыхъ тѣмъ или инымъ промысломъ въ группахъ.		
Занятія	0	1	2
Разный извозъ.	63,1	55,7	49,9
Ломка алебастра и сельскохозяйств. работы	7,5	14,9	18,3

Фабрично-заводскіе и желѣзнодорожн. рабочіе, служба и услуженіе	9,7	14,6	19,0
Ремесленники и кустари	13,6	11,4	10,7
Торговля	6,1	3,4	2,1

Всѣ занятія, въ которыхъ преобладаютъ дворы высшихъ экономическихъ группъ, требуютъ и болѣе высокаго экономическаго уровня. Разный извозъ, составляющій главный промыселъ изборскаго крестьянства, возможенъ, конечно, только при извѣстномъ количествѣ лошадей и свободнаго времени, очень часто не имѣющихся у экономически слабыхъ дворовъ.

Зато тѣ отрасли труда, гдѣ нужны только свободныя руки, привлекаютъ наиболѣе бѣдныя хозяйства.

Такимъ образомъ, цифры псковскихъ статистиковъ показываютъ, что накопленіе недоимки не находится въ зависимости отъ внѣшнихъ экономическихъ признаковъ, какъ земельная обезпеченность и рабочая сила крестьянскаго двора; она опредѣляется внутреннимъ строемъ крестьянскаго хозяйства, его соціально-экономическимъ типомъ. Хозяйства, въ большей или меньшей степени предпринимательскія, обладающія возможностью технически усовершенствованнаго веденія дѣла (при большемъ количествѣ скота), способныя удовлетворить требованіямъ міроваго рынка (увеличеніе посѣвовъ льна) и, кромѣ того, занимающія наиболѣе выгодное и доходное положеніе въ промыслахъ, являются наименѣе недоимочными.

Слабыя же, полупролетарскія хозяйства, вынужденныя конкурировать съ своими лучше вооруженными собратьями, естественно, не справляются съ требованіями современнаго экономическаго момента и постепенно приходятъ въ упадокъ. Но, вслѣдствіе неотчуждаемости крестьянской земли, недоимка является единственнымъ русломъ, куда направляется хроническій дефицитъ большей части крестьянскихъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, недоимочность деревни обусловливается не тѣми или иными недостатками податного механизма; она представляетъ явленіе соціально-экономическаго характера. Уже одинъ ростъ недоимокъ, несмотря на всѣ усилія фиска, подтверждаетъ эту мысль. По свѣдѣніямъ, собраннымъ особымъ совѣщаніемъ для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности, въ губерніяхъ сѣверныхъ, прибалтійскихъ, промышленныхъ, центрально-черноземныхъ, восточныхъ и малороссійскихъ недоимки по однимъ казеннымъ окладнымъ сборамъ превышаютъ 20% годового оклада, достигая по отдѣльнымъ губерніямъ поразительно высокаго процента: въ Симбирской—277%, въ Тульской—244%, Казанской—418%, Оренбургской—277%, Самарской—363%, Уфимской—397% и т. д. *). Эти невѣроятныя цифры слишкомъ категорически говорятъ объ общихъ причинахъ недоимочности, чтобы можно было возлагать надежды на какіе-либо усовершенствованные пріемы и способы взысканія. Задолженность крестьянства, лишь одинъ изъ частныхъ результатовъ «эволюціи, проявляющейся въ сельской жизни,

*) „Промышлен. Міръ" 1903, № 13. Л. Бухъ. „Круговая порука".

когда въ натуральное ея хозяйство внѣдряются денежные обороты и денежныя требованія, когда крестьянинъ, прежде зависѣвшій только отъ стихійныхъ силъ, подпадаетъ еще подъ несравненно болѣе тяжкую зависимость отъ рыночныхъ цѣнъ и міровыхъ конъюнктуръ, и, подъ гнетомъ непонятныхъ ему силъ, изъ самодовлѣющаго мужика превращается въ землепашца, работающаго въ голодающей русской деревнѣ на міровой рынокъ» **).

III.

Общія и глубокія причины недоимочности русской деревни заставляютъ думать, что реформа 12-го марта не будетъ имѣть особаго вліянія на болѣе успѣшное поступленіе окладныхъ сборовъ. По мнѣнію г. Буха, даже введеніе новыхъ правилъ возможно только при полномъ сложеніи накопленныхъ крестьянами недоимокъ, такъ, въ противномъ случаѣ, придется немедленно, разверставъ недоимку по отдѣльнымъ домохозяевамъ, отобрать землю въ большинствѣ губерній. Но даже при сложеніи недоимокъ «не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что при существующей финансово-экономической системѣ, направленной къ искусственному развитію у насъ крупной фабрично-заводской промышленности, обусловливающей собою непомѣрное развитіе косвеннаго обложенія и дороговизну предметовъ первой необходимости, крестьяне окажутся очень скоро опять въ положеніи недоимщиковъ» **). Мы не раздѣляемъ увѣренности г. Буха въ логической неизбѣжности сложенія существующихъ недоимокъ при переходѣ къ новой системѣ взысканія. Напомнимъ, что при отмѣнѣ подушной подати, по предположеніямъ Бунге, недоимки должны были бы также подлежать отмѣнѣ. Но Вышнеградскій держался иного взгляда. «Въ 1887 г. недоимокъ взыскали около 7, а въ 1888 г. 9¼ мил. и во всеподданнѣйшемъ докладѣ по росписи на 1889 г. министръ могъ объяснить, что «за небывалымъ погашеніемъ недоимокъ» этотъ источникъ казеннаго дохода исчерпанъ» ***). Такимъ образомъ, новыя правила могутъ быть введены, и часть недоимокъ можетъ быть взыскана. Но мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Буха, что крестьяне снова должны дѣлаться недоимщиками. Отмѣна круговой поруки не повыситъ платежеспособности крастьянства, и, съ этой точки зрѣнія, реформа едва ли оправдаетъ ожиданія фиска. Но соціально-экономическое значеніе ея не уменьшается. Личная отвѣтственность крестьянства, несомнѣнно, ускоритъ эволюцію крестьянскаго хозяйства въ сторону болѣе современныхъ формъ. Характеристика недоимочныхъ группъ показала намъ, что наиболѣе задолженные дворы наиболѣе приближаются къ той чертѣ, которая отдѣляетъ крестьянина отъ пролетарія. Въ высшей по недоимочности группѣ крестьянъ Изборской волости 55,5% дворовъ сдаютъ свои надѣлы. Связь съ землею у этой части населенія, очевидно, настолько слаба, что можетъ пор-

*) Шванебахъ. „Наше податное дѣло", стр. 170.
**) Л. Бухъ. „Круговая порука". „Промышленный Міръ" 1903 г., № 13.
***) Шванебахъ. „Наше податное дѣло", стр. 13.

ваться при самомъ незначительномъ внѣшнемъ давленіи. Но круговая порука отсрочивала послѣдній шагъ; она служила нѣкотораго рода спасительнымъ щитомъ для слабѣющихъ хозяйствъ. Распространенное мнѣніе, будто круговая отвѣтственность въ смыслѣ уплаты однимъ домохозяиномъ податей за другого на практикѣ никогда не встрѣчается, едва ли вполнѣ справедливо. «Въ дѣйствительности,—говорилъ г. Ермоловъ въ извѣстной книгѣ «Неурожай и народное бѣдствіе»,—такой оптимистическій взглядъ на круговую поруку едва ли имѣетъ за собою практическое основаніе. Напротивъ того, можно было бы привести цѣлый рядъ случаевъ, когда взысканія въ силу круговой поруки производятся съ лицъ, за которыми не имѣется недоимокъ, и притомъ не только на пополненіе недоимокъ, но даже на пополненіе учиненныхъ сельскими властями растратъ уже однажды уплоченныхъ суммъ». Правда, значенія этого щита не слѣдуетъ преувеличивать. «Круговая порука обрушивается всей своею тяжестью и на несостоятельныхъ домохозяевъ, потому что болѣе состоятельные крестьяне, такъ называемые богачи или богатыри, уплачивая окладъ за недоимщиковъ, вознаграждаютъ себя отобраніемъ отъ нихъ части земли или покосовъ, стоимостью обыкновенно превосходящихъ размѣръ уплоченной за нихъ податной недоимки» *). Однако, круговая порука угрожала иногда и деревенскимъ богачамъ. Не говоря уже о томъ, что при существованіи общей отвѣтственности ни одинъ крестьянинъ не могъ опредѣлить съ точностью размѣра своихъ платежей, администрація производила нерѣдко распродажу всего движимаго имущества недоимочнаго селенія за долги отдѣльныхъ домохозяевъ. При этомъ состоятельное крестьянство являлось главнымъ отвѣтчикомъ, такъ какъ бѣднота, обыкновенно, всегда оказывалась на томъ минимальномъ имущественномъ уровнѣ, который устранялъ возможность что-нибудь продать. Домохозяинъ установленнаго закономъ типа минимальной обезпеченности не представлялъ для фиска никакой цѣнности. Насколько же число такихъ крестьянъ значительно, видно изъ того, что, по мнѣнію «Вѣстника Финансовъ» (1900 г., № 50), равнодушное отношеніе къ недоимкамъ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ, вызванное крайнею ихъ задолженностью, было одною изъ причинъ практическаго неуспѣха закона 13-го мая 1896 г. о пересрочкѣ выкупного долга на льготныхъ условіяхъ. Уклоненіе однихъ домохозяевъ влекло за собою и другихъ. «Состоятельные домохозяева, зная, что имъ придется отвѣчать, безъ всякаго ограниченія, за неисправныхъ, можетъ быть, по нерадѣнію, сочленовъ, въ свою очередь, нерѣдко уклоняются отъ платежа повинностей, выжидая моментъ, когда нагрянетъ понудительное взысканіе и одинаково пострадаетъ правый и неправый» **). Но понудительное взысканіе, нестрашное для бѣдноты, далеко не благопріятствовало развитію состоятельнаго хозяйства. Съ усиленіемъ обезпеченной группы населенія противоположность ея интересовъ съ остальными должна была опредѣлиться и въ ея средѣ должно было возникнуть стремленіе отдѣлить свою судьбу отъ судьбы сельскаго об-

*) Ѳ. Тернеръ. „Государство и землевладѣніе“, ч. II, стр. 371.
**) Ѳ. Тернеръ. „Госуд. и землевлад.“, ч. II, стр. 373.

щества. Съ этой точки зрѣнія отмѣна круговой поруки объясняется не только узко фискальными соображеніями, но и назрѣвшими потребностями опредѣленной группы крестьянства, наличность которой признана правящими сферами. «Въ прежнее время, — говоритъ «Прав. Вѣстн.», разъясняя значеніе реформы 12-го марта,—тягость и несправедливость круговой поруки еще значительно смягчались однообразіемъ интересовъ и приблизительною равномѣрностью достатка большинства членовъ каждой общины. Но нынѣ не существуетъ и этихъ условій: строй нашей деревни рѣзко измѣнился, отдѣльныя группы крестьянъ и отдѣльныя личности обособились отъ большинства какъ по своимъ занятіямъ, такъ и по достатку; община неявляется нынѣ уже тѣмъ, чѣмъ она была нѣкогда: совокупностью лицъ, связанныхъ между собою всѣми интересами жизни и притомъ равныхъ другъ другу по достатку, предпріимчивости и даже степени развитія; очевидно, что при такихъ условіяхъ зависимость отъ большинства дѣлалась все болѣе и болѣе тяжелою... Хотя фактически круговая порука, при новой системѣ взысканія сборовъ, примѣнялась сравнительно рѣдко, но самая возможность ея примѣненія, возникавшая во всѣхъ случаяхъ наличности недоимки, оказывала пагубное вліяніе на благосостояніе крестьянъ, препятствуя развитію въ ихъ средѣ предпріимчивости и иниціативы: одна вѣроятность отвѣтственности за неисправность своихъ односельцевъ вносила полную неопредѣленность въ хозяйственные разсчеты...»

Отмѣна круговой поруки явилась юридическимъ выраженіемъ экономическаго обособленія крестьянскихъ хозяйствъ отъ общей массы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она вызываетъ и улучшеніе фискальнаго аппарата. Инертная община уступила свое мѣсто дѣятельному и сильному государству, руководимому одной цѣлью наибольшаго поступленія налоговъ. Дѣйствіе новаго податного механизма очевидно. Отдѣльные домохозяева въ самомъ скоромъ времени испытаютъ вліяніе усовершенствованныхъ пріемовъ взысканія. Не трудно предвидѣть, какъ отзовется перемѣна на различныхъ экономическихъ группахъ крестьянства. Въ слѣдующей таблицѣ заключаются данныя, которыя помогутъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

	Въ группахъ.					
	Безлошадной.	съ 1 л.	съ 2 л.	съ 3 л.	съ 4 л.	съ 5 и больш. л.
Процентъ податей и повинностей къ общему расходу 1 хозяйства *) . . .	14,2	10,2	8,4	7,8	7,2	5,4

Наиболѣе тяжелый податной гнетъ лежитъ, такимъ образомъ, на наименѣе обезпеченныхъ хозяйствахъ. Естественно, что эти хозяйства, при усиленіи фискальныхъ требованій, должны будутъ прекратить существованіе. Правила объ отобраніи полевой земли у неисправныхъ плательщиковъ намѣчаютъ путь, которымъ крестьянская бѣднота потеряетъ хозяйственную самостоятельность.

*) Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по 4 у.у. Воронежской губ. см. Ильинъ. „Развитіе капитализма“, стр. 96.

Аренда и покупка земли, несомнѣнно, сосредоточатся въ рукахъ самостоятельнаго слоя деревенскаго населенія. При этомъ государство, въ стремленіи создать прочные кадры платежеспособныхъ земледѣльцевъ, допускаетъ къ торгамъ на надѣльную землю даже лицъ постороннихъ сельскимъ обществамъ. Первенствующее право сельскихъ обществъ на землю своихъ неисправныхъ сочленовъ едва ли будетъ осуществляемо, такъ какъ единовременная уплата недоимки въ размѣрѣ 418°/о оклада (Казанская губ.) представляетъ слишкомъ большую трудность для задолженнаго крестьянства. Надѣльная земля бѣдныхъ хозяйствъ пойдетъ съ публичнаго торга въ аренду болѣе обезпеченныхъ и приспособленныхъ къ современнымъ экономическимъ условіямъ владѣльцевъ. Форма временного лишенія права пользоваться землею мало измѣняетъ существо дѣла, такъ какъ послѣ шести лѣтъ безземельнаго существованія немногіе хозяева будутъ въ состояніи снова возвратиться къ земледѣльческому труду. Можно даже думать, что реформа 12-го марта установила аренду земли только какъ переходную мѣру къ допущенію свободной мобилизаціи крестьянской собственности. Если мы сопоставимъ отмѣну круговой поруки съ принципіально рѣшенной уже свободой выхода изъ общины, то направленіе дальнѣйшаго крестьянскаго законодательства выясняется съ достаточною ясностью. Цѣлый рядъ вѣковыхъ институтовъ долженъ или пасть, или подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ, и среди нихъ на первой очереди стоитъ община. То теченіе, передовой волной котораго является отмѣна круговой поруки, вѣроятно, вскорѣ смоетъ и эту возбуждавшую столько споровъ, «особенность русской жизни». Аграрный романтизмъ, очевидно, не входитъ въ программу дѣйствующихъ историческихъ силъ. Отмѣна всѣхъ стѣсненій крестьянства въ свободномъ распоряженіи землей, право отказа отъ надѣла, право на выходъ изъ общины,—вотъ тѣ преобразованія, которыя уже намѣчаются въ дымкѣ близкаго будущаго. Мы не отвергаемъ ихъ прогрессивнаго значенія. Но въ настоящее время нельзя ограничиться только уничтоженіемъ отжившихъ формъ. Милліоны крестьянства, въ критическій моментъ его развитія, требуютъ усиленной положительной работы Тяжелый процессъ перехода въ новую экономическую стадію можетъ пройти безболѣзненно только въ благопріятныхъ общихъ условіяхъ, на созданіе которыхъ и должны быть обращены энергичныя усилія общественной мысли.

Ник. Іорданскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Антиеврейскіе безпорядки въ Кишиневѣ. На первый и второй день Пасхи въ Кишиневѣ произошли сильные антиеврейскіе безпорядки, удручающія подробности которыхъ выясняются изъ сообщеній «С.-Петерб. Вѣд.», «Бессарабца», «Восхода», «Новаго Времени» и друг., въ слѣдующемъ безотрадномъ видѣ.

Въ полдень перваго дня Пасхи толпа, вначалѣ изъ подростковъ и уличныхъ мальчишекъ, къ которымъ постепенно стали присоединяться и взрослые, начала накидываться на евреевъ. Началось съ такъ называемаго «Новаго Базара». Разбивали рундуки, лавчонки, били окна. Часамъ къ 10-ти вечера толпа нѣсколько успокоилась, но на другой день, 7-го апрѣля, погромъ опять начался съ утра большимъ количествомъ отдѣльныхъ бандъ, которыя, такъ сказать, подѣлили между собою городъ. До вечера успѣли разгромить всю еврейскую бѣдноту, какъ лавки, такъ и квартиры. Въ верхнихъ же болѣе богатыхъ квартирахъ, гдѣ живутъ богатые христіане и лишь отчасти евреи, побили окна (у евреевъ) и разгромили попадающіяся здѣсь мелкія лавочки (почти всѣ еврейскія).

7-го апрѣля, вечеромъ, городъ представлялъ полную картину разрушенія: разбитыя двери и окна, опустошенныя помѣщенія, разбитая мебель въ помѣщеніяхъ и на улицахъ, и все это покрыто пеленою пуха и перьевъ отъ еврейскихъ перинъ и подушекъ. Евреи мѣстами защищались.

Въ настоящее время число раненыхъ, лежащихъ въ больницѣ (а многіе находятся по домамъ), превосходитъ 300; изъ нихъ уже умерло около 40 человѣкъ. Изъ всего количества раненыхъ приблизительно 100 тяжело. Погромъ, нечего и говорить, обрушился всею своею тяжестью на бѣднѣйшую часть населенія, и вотъ послѣдняя, лишившаяся крова, разоренная до тла, изувѣченная стала наполнять больницу, въ которой нѣкоторая часть нашла себѣ пріютъ. А какія сцены разыгрывались въ «мертвецкой», куда родственники приходили разыскивать своихъ родныхъ. Обезображенные и изуродованные трупы лежали другъ около друга; многіе были покрыты перьями и казались бѣлыми. Среди труповъ лежали: ребенокъ, убитый на груди у старика; какой-то реалистъ 17—18 лѣтъ, задушенный въ клозетѣ, въ который несчастный

укрылся, ища спасенія. Жестокость толпы не знала предѣловъ. Нападали вооруженные желѣзными ломами и топорами. Одна дѣвушка, увидѣвъ, что посреди улицы лежитъ распростертымъ знакомый тяжело раненый старикъ-еврей, бросилась къ нему на помощь и обратилась къ стоявшей вокругъ многочисленной толпѣ съ мольбой помочь ей поднять старика и отвезти въ больницу. Изъ толпы, въ которой находились и учащіеся, не вышелъ ни одинъ человѣкъ, и дѣвушкѣ съ трудомъ удалось уложить старика. Погромъ былъ направленъ исключительно противъ евреевъ, и толпа принималась за нападеніе, лишь тщательно удостовѣрившись предварительно, кому принадлежитъ домъ. Немедленно во всѣхъ русскихъ окнахъ появились иконы, пасхи и т. д., къ тому же средству прибѣгали иные евреи. Еврейское населеніе пряталось на чердакахъ, въ подвалахъ; туда же сносилась большая часть имущества. Прятались даже въ бочкахъ, а нѣкоторые находили убѣжище у сердобольныхъ русскихъ.

Что касается громилъ, то они дѣйствовали небольшими кучками, въ 20—25 человѣкъ, систематически уничтожавшихъ имущество и избивавшихъ евреевъ. По сообщенію «С.-Петерб. Вѣд.», интеллигентная публика-христіане вела себя крайне равнодушно: она спокойно гуляла и наблюдала за ужасной работой.

Такъ шло до вечера понедѣльника, когда все начало успокоиваться, а къ ночи все стало тихо, такъ что казалось, будто весь городъ вымеръ.

По сообщенію «Бессарабца», въ среду, 9-го апрѣля, судебные слѣдователи 1-го и 3-го участковъ гор. Кишинева производили судебно-медицинскій осмотръ труповъ евреевъ, убитыхъ во время погрома. Всего убито и умерло отъ ранъ 47 и собраны они частью на еврейскомъ кладбищѣ, частью въ еврейской больницѣ. Причины смерти устанавливать было легко, такъ какъ всѣ раны наносились исключительно въ голову, тяжелымъ, тупымъ орудіемъ—обломками мебели, полѣньями и палками. Поэтому судебно-медицинскихъ вскрытій не производилось, а они были замѣнены простыми осмотрами. Личность нѣкоторыхъ труповъ до сихъ поръ не установлена. Въ земской больницѣ двое убитыхъ христіанъ.

Обвиняемыхъ по дѣлу о безпорядкахъ около 500 человѣкъ. Они содержатся частью въ тюрьмѣ, частью по полицейскимъ участкамъ и въ одной отведенной для нихъ артиллерійской казармѣ на Боюканахъ.

Въ томъ же «Бессарабцѣ» напечатано слѣдующее письмо въ редакцію:

М. г. г. редакторъ!

«На второй день св. Пасхи злонамѣренные люди, чтобы взволновать христіанское населеніе и привлечь его къ участію въ безпорядкахъ, чинимыхъ къ крайнему прискорбію въ гор. Кишиневѣ, распространяли по городу ложный слухъ, будто старый Михайлоархангельскій соборъ оскверненъ евреями и окна въ немъ побиты. Теперь тотъ же вымыселъ эти люди стали распространять по селамъ и деревнямъ Бессарабіи съ прибавленіемъ еще и той выдумки, будто при этомъ нападеніи евреями на православный храмъ убито два православныхъ священника.

«По порученію преосвященнаго Іакова, епископа кишиневскаго, объявляется,

что ничего подобнаго въ гор. Кишиневѣ не было, что все это — измышленіе людей злонамѣренныхъ, повторяемое за ними и другими лицами по легковѣрію.

Секретарь при преосвященномъ *Е. Козакевичъ*».

Въ дополненіе приводимъ изъ «Новостей» показаніе очевидца-русскаго, по недоразумѣнію едва не сдѣлавшагося жертвой погрома.

«Уже за двѣ недѣли до Пасхи,—пишетъ г. Андрей Назаровъ,—въ городѣ упорно говорили, что на Пасху будутъ бить евреевъ. Слухи эти оправдались въ первый же день. Грабители, количествомъ не превышая 200 чел., разбились на маленькія группы по 8—10 чел., спокойно нападали на еврейскіе дома и лавки, грабили ихъ, а самихъ хозяевъ избивали или убивали. При нападеніи на дома, гдѣ находились однѣ лишь женщины, грабители дѣйствовали въ количествѣ лишь двухъ-трехъ человѣкъ.

«Въ большинствѣ случаевъ грабители совершали свое гнусное дѣло на глазахъ большой праздничной спокойной толпы.

«7-го апрѣля я отправился въ самый центръ разгрома и просилъ зрителей заступиться за обижаемыхъ евреевъ. Отчасти мнѣ это удавалось. Но когда я увидѣлъ, какъ колотятъ одного старика-еврея, я бросился выручать его. Въ это время страшный ударъ прикладомъ въ лицо едва не свалилъ меня съ ногъ. Ударъ пришелся поперегъ щеки отъ уха до глаза и повредилъ мнѣ глазъ. Я зашатался, точно пьяный, а на меня посыпались со всѣхъ сторонъ удары. Вѣроятно, меня тамъ и убили бы, если бы нѣкоторыя, знавшія меня, лица не стали кричать: «Да, вѣдь, вы убиваете православнаго». Лишь тогда побои прекратились. Теперь я залечиваю свою рану. Обо всемъ этомъ я подробно изложилъ прокурору одесской судебной палаты».

Въ Кишиневъ выѣзжалъ директоръ департамента полиціи Лопухинъ.

Крючники и рабочіе на р. Волгѣ. На волжскихъ пристаняхъ закипѣла обычная навигаціонная жизнь. Для всѣхъ волжскихъ работниковъ наступила обычная страда, отличающаяся отъ деревенской еще большею напряженностью и продолжительностью. Особенно тяжело приходится крючникамъ. «Сарат. Дневникъ» въ передовой статьѣ обращаетъ вниманіе на условія ихъ труда, которыя, дѣйствительно, крайне тягостны. Крючникамъ приходится переносить заразъ на спинѣ огромныя тяжести: 10—12 пудовъ въ «мѣстѣ» товара—вѣсъ обыкновенный. Встрѣчаются мѣста въ 20—22 пуда вѣсомъ, и находятся крючники, которые поднимаютъ такой грузъ, непосильный для иной лошади. Вслѣдствіе непосильной работы, крючники постоянно страдаютъ разстройствами пищеварительнаго аппарата, нерѣдко кровавымъ поносомъ, постоянно нуждаются для поддержанія бодрости при спѣшной до лихорадочности разгрузкѣ пассажирскихъ пароходовъ въ изрядныхъ порціяхъ водки. Случаи увѣчья крючниковъ на волжскихъ пристаняхъ и на товарныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ очень часты. Въ больницы приволжскихъ городовъ то и дѣло доставляются крючники съ заворотомъ кишекъ—это на языкѣ крючниковъ называется «надорвать животъ», или съ растяженіемъ спинныхъ мышцъ—съ «сорванной спиной». Эти увѣчья—излечимы. Но бываютъ случаи непоправи-

мые. Въ отчетѣ о врачебно-санитарныхъ пунктахъ въ Симбирской губерніи описывается калѣка, бывшій крючникъ, лѣтъ 40, который ходилъ на четверенькахъ, опираясь на руки и колѣна. Крючничалъ онъ 15 лѣтъ, пока не былъ раздавленъ свалившимъ его грузомъ. Продолжительность срока службы этого крючника можетъ показаться удивительной при тяжелыхъ условіяхъ работы. Но дѣло въ томъ, что въ этой профессіи происходитъ извѣстнаго рода подборъ. Становятся на работы 18-ти лѣтъ, и въ первые два года крючникъ долженъ «выломаться». Только желѣзныя организаціи выдерживаютъ эти два года испытанія. Всѣ слабые или уходятъ, избирая другіе виды труда, или навсегда калѣчатъ себя. Зато тѣ, что «выломались», при благопріятныхъ условіяхъ работаютъ на пристаняхъ десятками лѣтъ.

Несчастные случаи съ крючниками обратили, по словамъ «Сар. Дневн.», вниманіе санитарнаго надзора, и при управленіи округа путей сообщенія недавно состоялось по этому вопросу совѣщаніе. Управленіе округа предполагало установить правило, чтобы крючниковъ не принуждали поднимать и переносить непосильныя тяжести. Съ этою цѣлью правленіе и пригласило пароходныхъ агентовъ и представителей казанской биржи для обсужденія вопроса, какая тяжесть можетъ быть допускаема на спину крючника безъ вреда для его здоровья и жизни. Санитарный врачъ высказался за предѣльную тяжесть въ 10 пудовъ. Но агенты, судовладѣльцы и пароходчики высказались противъ такого ограниченія въ сферѣ чернаго труда вообще и противъ предложенной врачомъ нормы—въ частности. «Крючники встрѣчаются и посильнѣе лошадей. Между ними попадаются силачи, которые переносятъ на спинѣ рояли»—говорили нѣкоторые. Въ виду такого отношенія судовладѣльцевъ и пароходчиковъ къ данному вопросу, пишетъ «Казанскій Телеграфъ», въ министерствѣ путей сообщенія проектируется принудительнымъ способомъ ввести на волжскихъ, камскихъ и другихъ пристаняхъ нормальный вѣсъ груза для переноски однимъ человѣкомъ. Установленіе этой нормы для крючниковъ очень желательно, но если даже она и будетъ строго соблюдаться, что при отсутствіи спеціальной инспекціи сомнительно, то все таки это слишкомъ мало для облегченія труда крючниковъ. Непосильныя тяжести, поднимаемыя крючниками есть только одно изъ проявленій эксплуатаціи труда крючниковъ. Корень зла въ трудѣ крючниковъ—подрядчикъ. Между рабочими и пароходною компаніею стоитъ этотъ вездѣсущій паукъ, къ рукамъ котораго пристаетъ порядочная часть заработка. Надъ подрядчиками нѣтъ контроля.

— У нихъ,—говорятъ крючники,—тысяча-то пудовъ, какъ саратовская верста: перетаскаешь 10 тысячъ, а подрядчикъ пишетъ восемь—кто его учтетъ?

Особенно беззастѣнчиво практикуется эксплуатація персидскихъ «амбаловъ» на нижневолжскихъ пристаняхъ и на астраханскомъ рейдѣ.

На рейдѣ въ Астрахани можно встрѣтить людей, которые за одномѣсячную и притомъ почти 20-ти-часовую каторжную работу, получаютъ отъ своего подрядчика по два рубля, да+еще зачтенные по 4 руб. на каждаго человѣка за съѣденные чуреки, изготовляемые пекаремъ подрядчика. Притомъ этотъ разжирѣвшій подрядчикъ получаетъ впередъ ежемѣсячно изъ заработка львиную

долю: одну четвертую часть общаго заработка. За что несчастные труженики теряютъ такую уйму денегъ?

Культурный уровень русскихъ крючниковъ выше, чѣмъ этихъ бѣдныхъ илотовъ, которыхъ вывозятъ изъ Персіи, какъ рабочій скотъ, безпомощныхъ, «безъ языка», въ чужую страну. Поэтому эксплуатація русскихъ крючниковъ не достигаетъ такихъ размѣровъ. Но соображеніе, что посредничество подрядчиковъ должно быть устранено, одинаково примѣнимо и къ русскимъ «амбаламъ».

Волга имѣетъ также огромную армію судорабочихъ, число которыхъ достигаетъ minimum 150 тыс. человѣкъ. Въ «Русск. Вѣд.» находимъ слѣдующія данныя о положеніи труда этой судовой арміи, основное ядро которой составляютъ матросы. Трудъ ихъ лучше всего обставленъ на пассажирскихъ пароходахъ, хуже на буксирныхъ и на баржахъ. Матросъ живетъ на суднѣ въ теченіе семи навигаціонныхъ мѣсяцевъ, работая изо дня въ день сплошь всю недѣлю, не имѣя ни праздниковъ, ни опредѣленно установленнаго отдыха; продолжительность рабочаго дня ни на паровыхъ, ни на непаровыхъ судахъ не ограничена никакими нормами; болѣе или менѣе точнаго перечня обязанностей матроса нѣтъ. Главная обязанность матроса состоитъ въ «несеніи вахты». На пассажирскихъ пароходахъ вахта эта менѣе продолжительна, нежели на буксирныхъ или непаровыхъ судахъ, однако, и въ первомъ случаѣ она продолжается minimum 12 часовъ въ сутки, причемъ матросы вахтятъ и по два раза (по 6-ти часовъ каждая вахта) и по три раза въ сутки (по 4 часа), раскалывая такимъ образомъ и день, и ночь и не имѣя возможности въ теченіе болѣе чѣмъ полугода пользоваться правильнымъ и регулярнымъ сномъ. Фактически у матроса далеко не свободны отъ работы и остающіеся отъ вахты часы: по условіямъ, заключаемымъ съ судовладѣльцами, матросы обязаны исполнять «не только всѣ по должности присвоенныя работы, но и всѣ другія, вызываемыя дѣломъ, и не только на пароходахъ, но и на пароходныхъ пристаняхъ, а также другихъ судахъ», принадлежащихъ данному хозяину или пароходному обществу. Подъ этимъ неопредѣленнымъ названіемъ «всѣ другія, вызываемыя дѣломъ работы», скрывается цѣлый рядъ весьма сложныхъ и тяжелыхъ обязанностей, какъ-то: нагрузка, выгрузка и паузка товаровъ, нагрузка дровъ, откачиваніе изъ трюма воды, приборка и чистка судна, переноска пассажирскаго багажа, стаскиваніе судна съ мели, наблюденіе за цѣлостью груза и пароходнаго имущества.

На непаровыхъ судахъ трудъ матроса усложняется продолжительнымъ откачиваніемъ воды изъ трюма и управленіемъ огромнымъ рулемъ, что требуетъ, по свидѣтельству санитарнаго врача казанскаго округа путей сообщенія А. В. Чирикова, громадной затраты мышечныхъ силъ, особенно напряженнаго вниманія за движеніемъ буксирнаго парохода и продолжительнаго однообразно-вертикальнаго положенія тѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ совокупность этихъ обязанностей часто лишаетъ баржеваго рабочаго необходимаго для каждаго организма отдыха извѣстной продолжительности.

Огромное большинство судорабочихъ (матросы, кочегары, масленщики, штур-

вальные, а иногда даже лоцманы) помѣщаются въ невозможныхъ условіяхъ—въ пароходномъ или баржевомъ трюмѣ. Трюмныя помѣщенія признаются представителями правительственныхъ учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находится Волга, невозможными. «Трюмныя помѣщенія абсолютно вредны для здоровья»,—говоритъ врачъ санитарнаго надзора казанскаго округа путей сообщенія А. В. Чириковъ. «Перевозка людей въ товарномъ трюмѣ и устройство въ немъ каютъ для команды безусловно недопустимы въ санитарномъ отношеніи»,—говоритъ и другой изслѣдователь, врачъ санитарнаго надзора казанскаго округа путей сообщенія А. Ф. Никитинъ. Существованіе такихъ помѣщеній санитарные врачи министерства путей сообщенія объясняютъ лишь «непростительнымъ отношеніемъ судовладѣльцевъ къ интересамъ охраненія здоровья и жизни своихъ рабочихъ».

Никакихъ приспособленій, которыя дѣлали бы трюмныя помѣщенія сколько-нибудь удобными для жилья, вы не встрѣтите ни на баржахъ, ни на пароходахъ. Въ трюмныхъ каютахъ нѣтъ даже самыхъ необходимыхъ предметовъ обстановки, которые можно найти даже въ худшихъ казармахъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, напримѣръ, стола, шкафа, табуретки или стула. Вся меблировка ихъ заключается въ койкахъ или нарахъ. На пассажирскихъ пароходахъ трюмное помѣщеніе заполнено расположенными въ два-три яруса койками; проходъ въ большинствѣ случаевъ загроможденъ армяками, овчинными тулупами и полушубками; грязная одежда, за недостаткомъ соотвѣтствующихъ мѣстъ, хранится на нарахъ или койкахъ. Въ довершеніе всего, число коекъ въ трюмномъ помѣщеніи пароходовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ значительно меньше числа судорабочихъ, пользующихся ими, такъ какъ судопромышленники находятъ вполнѣ удобнымъ для судовой команды посмѣнное пользованіе и жилымъ помѣщеніемъ, и койками: одна часть команды вахтитъ, другая отдыхаетъ на койкахъ, затѣмъ отдохнувшіе идутъ на вахту, а окончившіе вахту занимаютъ ихъ помѣщенія. Въ помѣщеніяхъ судорабочихъ на баржахъ койки замѣняются нарами; нары представляютъ общее для всѣхъ обитателей помѣщенія ложе, которымъ судовая команда точно также пользуется посмѣнно. Нары даже въ огромныхъ баржахъ сбиты изъ необтесанныхъ досокъ. О непростительно небрежномъ отношеніи судовладѣльцевъ къ жизни и безопасности судовой команды точно также свидѣтельствуетъ и существующая нынѣ система спуска въ трюмныя жилыя помѣщенія: въ трюмъ команда можетъ пробраться черезъ «люкъ»,—квадратную дыру, прорѣзанную въ палубѣ; размѣръ этой дыры не превышаетъ 10—11-ти кв. вершк.; лѣстницы круты, не имѣютъ перилъ, часто безъ достаточнаго числа ступенекъ; уставшій рабочій, спускаясь, всегда рискуетъ сорваться и упасть въ трюмъ; при внезапномъ несчастномъ случаѣ съ судномъ отдыхающимъ въ трюмномъ помѣщеніи рабочимъ не легко будетъ выбраться черезъ узкую щель.

«Поистинѣ изумительно, какъ въ такомъ герметически закрытомъ помѣщеніи не задыхается пять-восемь человѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ»,—таково заключеніе правительственнаго санитарнаго надзора относительно трюмныхъ жилищъ на волжскихъ пароходахъ. «Отсутствіе чистаго воз-

духа, свѣта и необходимаго для организма тепла, т.-е. отсутствіе трехъ гигіеническихъ факторовъ, безъ которыхъ немыслимо ни одно жилое помѣщеніе, является отличительной чертой командныхъ помѣщеній», таково заключеніе того же надзора относительно трюмныхъ помѣщеній на волжскихъ баржахъ.

Чтенія для заключенныхъ. Сотрудникъ «Влад. Газеты» сообщаетъ о тюремныхъ чтеніяхъ въ одномъ уѣздномъ городѣ и въ орловской губернской тюрьмѣ, въ которыхъ онъ принималъ активное участіе.

Орловская тюрьма, пишетъ онъ, огромное зданіе, очень похожее на средневѣковый замокъ, съ мрачными башнями по угламъ, и почти всегда переполнена заключенными. Иногда въ ней даже не хватало мѣстъ для арестантовъ.

Чтенія устраивались въ спеціально отведенной для этого камерѣ, которая по нѣкоторымъ причинамъ стояла свободной. Въ ней мы устроили экранъ для волшебнаго фонаря и мѣста для слушателей.

Въ день чтенія арестанты обыкновенно извѣщались черезъ надзирателей, причемъ на чтеніяхъ бывали только «желающіе»: арестантовъ не неволили, «не сгоняли» на чтенія, какъ это, къ сожалѣнію, иногда дѣлается въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ. Кто хотѣлъ—шелъ, не хотѣлъ—не нужно. Это было однимъ изъ условій устройства чтеній.

Я не помню, чтобы кто-нибудь отказывался. Напротивъ,—некуда было размѣстить желающихъ и приходилось соблюдать очередь.

Странное впечатлѣніе производила эта тюремная публика—слушатели и слушательницы въ арестантскихъ халатахъ (на чтеніяхъ бывали и арестантки). Суровыя лица, блѣдныя, изнуренныя тюрьмой и болѣзнями,—они, казалось, никогда не могли улыбнуться... Многіе изъ нихъ были въ цѣпяхъ, кандалахъ, многіе были приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ и уже не надѣялись ни на что...

Въ камерѣ во время чтеній царствовала тишина, которая иногда прерывалась дружнымъ смѣхомъ когда слушателямъ что нибудь казалось смѣшнымъ, или возгласомъ какого-нибудь впечатлительнаго слушателя. Повѣсти Гоголя, разсказы Гаршина («Сигналъ»), «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ», «Чѣмъ люди живы», разсказы Тургенева («Муму»), Короленко («Лѣсъ шумитъ» и др.), «Миссъ Мардсенъ», историческіе разсказы, чтенія по географіи—все это заинтересовывало слушателей, заставляло ихъ не пропускать ни одного чтенія... Съ какими радостными воплями встрѣчалась, напримѣръ, картина, когда кузнецъ Вакула прощается съ чортомъ, держа его за хвостъ и наказывая розгой. А купецъ Калашниковъ съ его удалью, съ его побѣдой надъ опричникомъ!

Арестанты забывали тутъ начальство, которое обязано было присутствовать на чтеніяхъ, забывали надзирателей, стоявшихъ у дверей и укорявшихъ ихъ за шумъ, забывали тюрьму...

Камера оживлялась и здоровый смѣхъ звучалъ въ ней. Сильное впечатлѣніе производили и такіе разсказы, какъ напр., «Чѣмъ люди живы» Л. Н. Толстого; очень интересовали тюремную публику и «Бояринъ Орша», и

«Капитанская дочка», и «Царь Иванъ Васильевичъ Грозный», и многіе другіе разсказы, прочитанные въ тюрьмѣ.

Арестанты сами помогали въ устройствѣ чтеній: управляли волшебнымъ фонаремъ, завѣшивали окна, слѣдили за картинами и т. д. Цѣлый рядъ маленькихъ услугъ исполнялся ими съ видимымъ удовольствіемъ.

И когда чтенія заканчивались, много благодарныхъ голосовъ раздавалось въ толпѣ:

— Спасибо! Приходите въ воскресенье. Очень понравилось...

— Много довольны...

И гремѣли цѣпями...

Къ сожалѣнію, въ тюрьмахъ нельзя устраивать систематическихъ чтеній; слушатели перемѣняются: выходятъ изъ тюрьмы, переводятся въ другіе замки, ссылаются въ мѣста отдаленныя и «не столь отдаленныя»... Но и чтенія по литературѣ, исторіи и т. д. имѣютъ большое значеніе для арестованныхъ. Уже одно то, что хоть разъ въ недѣлю, въ праздничный день, арестантъ почувствуетъ себя человѣкомъ,—уже это одно много значитъ.

Если тюрьма должна служить не только для наказанія виновныхъ, но и для исправленія ихъ, то чтенія и тюремныя школы должны быть устроены во всѣхъ тюрьмахъ. Они много помогутъ въ дѣлѣ исправленія. И программа чтеній должна быть расширена. Во многихъ тюрьмахъ чтенія ведутся слишкомъ односторонне: напр., арестантамъ читаютъ исключительно книги духовно-нравственнаго содержанія, житія святыхъ и т. д.

Необходимо также, чтобы и тюремные комитеты, имѣющіе средства, помогли въ выпискѣ волшебныхъ фонарей, книгъ и т. д.

Своеобразные просвѣтители. Въ Перми уже нѣсколько лѣтъ существуетъ библіотечное общество имени одного изъ мѣстныхъ дѣятелей Д. Д. Смышляева. Это общество основало библіотеку въ самой Перми и подгородномъ мотовилихинскомъ казенномъ пушечномъ заводѣ. Библіотеки общества, открывшія возможность широкимъ кругамъ населенія читать книги за ничтожную плату (5 к. въ мѣсяцъ), сразу завоевали симпатіи населенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, началась, по словамъ «Пермскаго Края», работа разныхъ «темныхъ силъ», провинціи противъ просвѣтительныхъ начинаній.

Въ январѣ 1902 года на общемъ собраніи членовъ библіотечнаго общества докторъ мотовилихинской заводской больницы г. Соловьевъ (онъ же и членъ мотовилихинскаго комитета библіотеки) заявилъ, что въ члены общества желаютъ вступить 13 инженеровъ пушечнаго завода, которые и обязуются платить 3-хъ-рублевый членскій взносъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы изъ нихъ шестеро были выбраны въ члены библіотечнаго комитета.

Общество поняло, что гг. инженеры, враждебно относившіеся къ библіотекѣ, хотятъ за 13 членскихъ взносовъ купить право распоряжаться библіотекой. Инженеры при баллотировкѣ въ члены комитета были единодушно провалены, и докторъ Соловьевъ тотчасъ же заявилъ о своемъ отказѣ быть членомъ комитета.

14-го марта 1902 года на общее собраніе явились всѣ инженеры мотовилихинскаго завода, но при выборахъ въ члены комитета отъ баллотировки демонстративно отказались, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ихъ въ прошлый разъ «провалили» и о провалѣ «пропечатали» въ газетахъ. За отказомъ инженеровъ въ члены комитета былъ выбранъ мелкій заводскій служащій Новиковъ (браковщикъ снарядовъ).

Съ этого времени инженеры начали вымещать на подчиненномъ имъ Новиковѣ всю непріязнь къ смышляевской библіотекѣ. До 21-го іюня его всячески третировали, ему запрещено было ходить по заводу, такъ какъ начальство подозрѣвало, что онъ разсказываетъ интеллигентнымъ членамъ комитета о заводскихъ порядкахъ, а тѣ помѣщаютъ объ этомъ замѣтки въ мѣстной газетѣ. 11-го января 1903 года инженеръ Строльманъ заподозрилъ Новикова въ томъ, что онъ вынесъ соръ, въ изобиліи накопившійся въ собраніи членовъ ссудо-сберегательной кассы служащихъ пермскихъ пушечныхъ заводовъ, и, забывъ все свое начальническое величіе, явился въ пріемную и заявилъ Новикову: «Я часто тебя видалъ—ты по заводу шляешься. Если еще увижу, что ты ходишь по заводу, тотчасъ же уволю!» Черезъ нѣсколько минутъ въ пріемную прибѣжалъ инженеръ Назаровъ и началъ кричать: «Новиковъ, если ты еще будешь шляться по фабрикѣ, въ ту же минуту прогоню съ завода». Новиковъ хотѣлъ было возражать, но инженеръ Назаровъ нѣсколько разъ поднесъ ему кулакъ къ носу и прокричалъ: «Молчать! молчать!».

Въ концѣ концовъ, Новиковъ не вынесъ всей этой травли и въ послѣднемъ общемъ собраніи членовъ библіотечнаго общества, происходившемъ въ минувшемъ февралѣ, было прочтено его заявленіе такого содержанія:

«Со времени выбора меня въ члены комитета я впалъ въ немилость заводскаго начальства, которое приняло противъ меня цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. Такъ съ 1-го іюля меня перевели на другую работу, сбавивъ на 10 р. получаемое мною жалованіе (20 р.—вмѣсто 30 р. въ мѣсяцъ); неоднократно совсѣмъ угрожали уволить меня со службы, предлагая на выборъ: «или служить, или заниматься дѣлами смышляевской библіотеки» и пр. Въ особенности неутомимо преслѣдуетъ меня инженеръ Назаровъ, въ вѣдѣніи котораго я состою и который требовалъ, чтобы я занимался заводскимъ дѣломъ, а не библіотеками. Въ виду этого, несмотря на свое искреннее желаніе продолжать работу въ библіотечномъ комитетѣ смышляевскаго общества, я, къ величайшему моему сожалѣнію, вынужденъ выйти изъ его состава, даже не дожидаясь новыхъ выборовъ, о чемъ прошу довести до свѣдѣнія общаго собранія».

На общемъ собраніи, по прочтеніи этого заявленія, Новиковъ заявилъ, что онъ беретъ свой отказъ обратно, такъ какъ вскорѣ послѣ подачи имъ только что прочтеннаго заявленія его съ завода уволили и теперь ничто не препятствуетъ ему работать въ комитетѣ.

Исторія одной газеты. Недурную иллюстрацію къ характеристикѣ нашихъ желѣзнодорожниковъ представляетъ исторія «Желѣзнодорожной Недѣли»,

изложенная въ письмѣ издателя, напечатанномъ почти во всѣхъ провинціальныхъ изданіяхъ.

«Въ теченіе долгихъ лѣтъ назрѣвала потребность среди желѣзнодорожныхъ тружениковъ имѣть свой органъ, въ которомъ они могли бы изъяснить предъ власть имущими свои нужды, свои запросы и обиды. Съ возникновеніемъ «Желѣзнодорожной Недѣли», появившейся исключительно съ цѣлью служенія нуждамъ желѣзнодорожнаго работника, казалось, потребность въ такомъ органѣ удовлетворена, и тѣмъ, кто близко стоитъ къ желѣзнодорожному дѣлу, оставалось только содѣйствовать этой цѣли, тѣмъ болѣе, что журналъ не могъ выходить изъ границъ, опредѣленныхъ программой, за исполненіемъ которой слѣдитъ правительственный органъ, спеціально для этого поставленный,—цензурный комитетъ. Въ началѣ такъ и было. Даже больше. Въ концѣ прошлаго года журналъ удостоился получить отличіе со стороны центральнаго управленія желѣзныхъ дорогъ: по приказанію г. министра путей сообщенія, журналъ былъ рекомендованъ для выписки мѣстными управленіями во всѣ дежурныя комнаты, читальни и библіотеки на линіяхъ. Это обстоятельство съ одной стороны, вызвало неблагопріятное впечатлѣніе въ средѣ тѣхъ желѣзнодорожниковъ, которые желали видѣть свой органъ совершенно свободнымъ отъ оффиціальнаго покровительства и думали, что отличіе журналу будетъ во вредъ въ смыслѣ его направленія и содержанія, съ другой стороны—переполохъ среди тѣхъ, которымъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ мракъ милѣе свѣта. Началось противодѣйствіе распространенію изданія въ тѣхъ именно сферахъ, для которыхъ оно предназначалось. Журналъ выписывался только на тѣхъ линіяхъ, гдѣ исполненіе предписаній центральнаго управленія считалось обязательнымъ, на многихъ линіяхъ вовсе не выписывали его, какъ принципіально вредный безотносительно къ тому, что въ немъ содержится. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ годъ наиболѣе усерднаго исполненія предписанія о выпискѣ журнала для желѣзнодорожныхъ учрежденій—1900—всего было выписано около 600 экземпляровъ.

«Затѣмъ пошли инсинуаціи и доносы по поводу дѣятельности журнала, которая въ рапортахъ нѣкоторыхъ усердныхъ охранителей желѣзнодорожной невинности выставлялась чуть-чуть что не антиправительственною. Когда это не повело къ цѣли—дискредитированію журнала въ глазахъ центральнаго управленія, предпринята была попытка подвергнуть журналъ остракизму ради личныхъ интересовъ тѣхъ, кого въ своемъ откровенномъ словѣ обижалъ журналъ.

«Попытка удалась, цѣль была достигнута приватно, безъ огласки и безъ отмѣны первоначально рекомендующаго распоряженія г. министра путей сообщенія. Здѣсь возникаетъ вопросъ о правильности отмѣны распоряженія высшей власти низшею, хотя бы и въ формѣ конфиденціальной, но этотъ вопросъ насъ нисколько не интересуетъ, представляя только аномалію вообще желѣзнодорожной жизни.

«Я коснулся исторіи «одобренія» «Желѣзнодорожной Недѣли» только потому, что она выясняетъ послѣдующее.

«Вслѣдъ за отмѣной одобренія (въ январѣ 1902 г.) началась травля журнала всѣми законными путями.

«Заправилы, имѣвшіе возможность воздѣйствовать на желѣзнодорожныхъ служащихъ, пользовались этимъ, чтобы противодѣйствовать распространенію журнала среди нихъ, и такимъ образомъ содѣйствовать кончинѣ ненавистнаго новорожденнаго въ семьѣ желѣзнодорожной. Запугиванье и угрозы по адресу увлекающихся журналомъ въ результатѣ сдѣлали во многихъ углахъ желѣзныхъ дорогъ то, что журналъ, будучи подцензурнымъ изданіемъ, оффиціально одобреннымъ, оказался въ положеніи нелегальнаго изданія. Журналъ подвергался изъятію изъ обращенія въ читальняхъ и библіотекахъ, уничтожался нѣкоторыми усердными начальниками, будучи частною собственностью лицъ, выписывающихъ его, не доставлялся по адресу, благодаря зависимости почтовой доставки на станціяхъ отъ тѣхъ, кому онъ казался вреднымъ и т. п. Одновременно, и даже раньше, проявилась усердная ловля желѣзнодорожныхъ корреспондентовъ, сообщавшихъ редакціи «Желѣзнодорожной Недѣли» факты и событія линейной и управленской жизни, въ которыхъ ярко обрисовывалась ея неприглядность, ея мракъ, способствующій темнымъ дѣлишкамъ людей, любящихъ ловить въ мутной водѣ рыбку и наслаждаться произволомъ.

«Все вышеизложенное, мнѣ кажется, достаточно уясняетъ, насколько тяжело вести изданіе журнала въ смыслѣ нравственномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, является понятнымъ, что, при этихъ условіяхъ, матеріальное положеніе изданія также неблагопріятно.

«Лично я въ настоящее время не могу продолжать изданія, помимо матеріальнаго недостатка, благодаря полному упадку физическихъ силъ, не позволяющему вовсе работать такъ напряженно, какъ этого требуетъ журналъ».

Въ результатѣ почтенное и полезное для общества изданіе пришлось пріостановить.

Владимірскіе офени. «Влад. Газета» приводитъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности офеней, которые въ настоящее время являются главными распространителями книжки въ народѣ.

Крупный офеня закупаетъ и продаетъ книгъ на 300—500 руб., средній на 200—300 руб., а мелкій на 25—75 руб., между тѣмъ какъ обороты съ иконами достигаютъ большихъ размѣровъ: у крупнаго офени—на 1.000—5.000 р., средняго 500—1.000 р. и мелкаго 50—500 р. Такимъ образомъ организація кредита офенямъ не требуетъ огромныхъ средствъ; онъ измѣряется, въ большинствѣ случаевъ, единицами и десятками рублей. Но, принимая во вниманіе дешевизну народныхъ книгъ и возрастающую быстроту ихъ распродажи, нельзя не признать, что и этотъ небольшой кредитъ дѣлаетъ большое дѣло и сотни тысячъ книгъ идутъ въ читательскую среду нашей деревни и число офень, торгующихъ книгами, увеличивается.

Процентъ, который получаютъ офени отъ продажи книгъ, огромный. Онъ равенъ 100—500 проц. Такъ, книга, стоющая имъ самимъ 0,65, продается часто за 5 коп. Чтобы увеличить этотъ процентъ, выработаны нѣкоторые

пріемы. Издатели, напримѣръ, намѣренно не обозначаютъ на книгѣ ея продажной цѣны или, наоборотъ, печатаютъ на обложкѣ ея: цѣна 40 к., а продаютъ офенямъ за 8—10 к. Но при всемъ этомъ, общій доходъ отъ книгъ невеликъ. Это оттого, что, несмотря на всю ловкость, унаслѣдованную отъ отцовъ и пріобрѣтенную самимъ, офеня продаетъ не такъ много книгъ. Крупный офеня продаетъ въ теченіе года до 600 экземпляровъ книгъ, средній до 400, а бѣдный до 200. И только. Центральное же мѣсто въ коробѣ офени и до сихъ поръ еще принадлежитъ иконамъ, скобянымъ и мануфактурнымъ товарамъ. Такимъ образомъ, прокормиться одною продажею книгъ офеня не можетъ. Такъ что мечтать въ настоящее время о самостоятельной, держащейся на собственныхъ ногахъ, безъ поддержки ея другой торговлей, офенской книжной торговлѣ нельзя. Придетъ время, и оно уже не далеко, и для самостоятельной торговли, но теперь широкая организація книжнаго распространенія должна быть устроена при другихъ торговляхъ. Нужно класть возможно болѣе хорошихъ книгъ въ коробъ офени, вмѣстѣ со скобяными и иными товарами и это принесетъ много пользы. При другой торговлѣ книга никогда не принесетъ убытка, а непремѣнно дастъ хорошій барышъ.

Интересны нѣкоторыя черты процесса офенской торговли.

Въ выборѣ мѣста торговли офени руководятся урожаемъ хлѣбовъ. Гдѣ хорошій урожай и дешевыя цѣны на хлѣбъ, туда больше идутъ торговать. «Когда у мужика есть дурныя деньги и хлѣбъ, говоритъ офеня, тутъ офеня и живетъ. А если нѣтъ, то изъ этой мѣстности офеня бѣжитъ, не оглядываясь». Забравшись въ какую-либо мѣстность, офеня не любитъ возвращаться въ тѣ самыя деревни, гдѣ онъ уже побывалъ въ прошломъ году. На это есть причины этическаго характера. Дѣло въ томъ, что нравственный уровень офень не высокъ, и въ ихъ офенскомъ промыслѣ плутни и обманы занимаютъ довольно выдающееся мѣсто. Населеніе называетъ ихъ «владимірскими обманщиками» и «дуросвѣтами». Дружелюбно принимаютъ офеней только въ темныхъ, непросвѣщенныхъ углахъ. Поэтому офеня и разыскиваетъ для своей торговли такіе углы. Продавъ въ селеніи много товара, онъ обыкновенно спѣшитъ поскорѣе отсюда убраться, чтобы качество его товара не было скоро узнано и ему не досталось отъ покупателей.

Нѣкоторые офени ведутъ торговлю отъ себя. Большинство же держатъ работниковъ («приказчиковъ»). Притомъ такъ, что или работникъ торгуетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, или же пускается имъ въ отдѣльную торговлю. Жалованье приказчика обусловливается опытностью его. Въ мѣсяцъ онъ получаетъ 6—9 рублей, причемъ хозяинъ еще съ осени закрѣпощаетъ его задаткомъ. Такіе работники, конечно, ненадежны и хозяева жалуются: «нельзя стало работниковъ однихъ пускать—все пропьютъ».

Торговля ведется и въ разносъ, и въ развозъ. Пріѣхавъ въ деревню, хозяинъ съ работниками идутъ по обѣимъ сторонамъ улицы, предлагая свои товары, а лошадь, нагруженная товаромъ, идетъ посреди улицы. Это своего рода вооруженное нападеніе, организованное такимъ образомъ, чтобы, по воз-

можности, ни одинъ деревенскій житель не прошелъ бы мимо офенскаго короба, не заглянувъ на товары.

Странствуя такимъ образомъ, офени доходятъ изъ Владимірской губерніи до китайской границы и Адріатическаго моря, розыскивая глухіе уголки. Въ нихъ онъ несомнѣнно нужный человѣкъ, удовлетворяющій извѣстнымъ матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ въ сѣрой, «доисторической» жизни этихъ уголковъ.

Одна изъ особенностей офенской торговли — мѣновая торговля. Офени попадаютъ иногда въ такіе глухіе уголки, гдѣ хозяйство натуральное далеко еще не вытѣснено денежнымъ, гдѣ деньги являются довольно большею рѣдкостью и припасаются только на уплату податей. Тамъ офеня мѣняетъ товаръ на товаръ, что даетъ ему большій % выгоды. Ленъ, пшеницу, скотъ, дрова и т. п. беретъ офеня за свой товаръ и перепродаетъ очень выгодно. Встрѣчаются между офенями и такіе, которые разживаются на счетъ голоднаго населенія, удачно производя операціи по скупкѣ и продажѣ хлѣба и скота.

Странствованіе офеней богато приключеніями, имѣющими для нихъ часто роковой исходъ. Населеніе, возмущенное ихъ недобросовѣстностью, иногда бьетъ. ихъ. Отсиживаютъ офени цѣлыми днями и въ холодной. Особенно много притѣсненій терпитъ офеня отъ сельскихъ властей. Впрочемъ, за торговлю лубочными изданіями они переносятъ менѣе гоненій, чѣмъ за хорошую книгу.

Большимъ препятствіемъ въ офенской торговлѣ является бѣдность крестьянскаго населенія. Ни въ одной европейской странѣ грамотный человѣкъ не расходуетъ такъ мало на покупку книгъ, какъ у насъ въ Россіи. Статистикъ Ф. А. Щербина говоритъ, что десятки грамотныхъ семей не имѣютъ никакой возможности расходовать на книги даже копѣйки. Есть семейства, покупающія въ теченіе года 3 книги по 2 коп. Очень многіе тратятъ на это дѣло пятачекъ.

Помимо этого препятствія, приходится бороться съ конкуренціей книгопродавческихъ пунктовъ,—конкуренціей, опасной не по количеству и качеству имѣющагося въ нихъ товара, а потому, что при мизерности бюджета, покупательская емкость крестьянина чрезвычайно быстро исчерпывается, — если онъ покупаетъ книги у мелочного лавочника, въ школѣ, въ земскомъ складѣ, то у него не остается денегъ на покупку книгъ у офень.

Но при всемъ этомъ офенская торговля книгами развивается. Объ этомъ говорятъ многіе офени. Падаетъ торговля иконами и другими товарами, но «торговля книгами развивается, такъ какъ грамотность распространяется годъ отъ году постепенно». Эта сторона офенскаго промысла, несомнѣнно, имѣетъ будущее, такъ какъ число школъ и число грамотныхъ, несмотря на самыя неблагопріятныя условія и самыя двусмысленныя отношенія къ нуждамъ образованія, не могутъ не увеличиваться. Вымретъ типъ современнаго офени, какъ порожденіе отодвинувшагося далеко назадъ прошлаго, но онъ оставитъ по себѣ наслѣдство—типъ книгоноши. И по проторенной дорожкѣ офень неудержимо потекутъ въ народную среду сотни тысячъ, если не милліоны книгъ, дѣйствительно хорошихъ.

За мѣсяцъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Нашему финляндскому генералъ-губернатору.

Въ заботахъ о тѣснѣйшемъ государственномъ сплоченіи Державы Нашей Мы предначертали мѣропріятія по объединенію Великаго Княжества Финляндскаго съ коренными частями Имперіи, но исполненіе этихъ мѣръ встрѣтило въ части населенія Финляндіи дерзновенное противодѣйствіе. Злонамѣренные люди, съ цѣлью увлечь на путь сопротивленія правительству мирное населеніе, не склонное слѣдовать ихъ наущеніямъ, дозволили себѣ дѣйствія, нарушившія спокойное теченіе жизни, и даже не остановились передъ открытымъ насиліемъ въ отношеніи лицъ, вѣрныхъ своему долгу. При обычныхъ условіяхъ, поколебленный подобными дѣйствіями порядокъ могъ бы быть возстановленъ привлеченіемъ виновныхъ къ судебной отвѣтственности и другими, указанными въ общихъ законахъ, способами. Нынѣ однако сіи способы являются непримѣнимыми, такъ какъ нѣкоторыя должностныя лица, а въ особенности судебныя установленія, не только не содѣйствуютъ охраненію общественнаго порядка, но нерѣдко сами подаютъ пагубный примѣръ неповиновенія закону. Желая возстановить порядокъ въ Финляндіи и оградить законопослушный народъ отъ вліянія крамолы, Мы признали за благо временно, на три года, предоставить высшимъ правительственнымъ властямъ Великаго Княжества Финляндскаго особыя полномочія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Полномочія эти перечислены въ Постановленіи, Нами 20-го марта (2-го апрѣля) сего года утвержденномъ.

Препровождая къ вамъ сіе Постановленіе для надлежащаго исполненія, вмѣняемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ непремѣнный долгъ Нашему Финляндскому Сенату скорѣйшее завершеніе пересмотра узаконеній по судоустройству и судопроизводству.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано
«Николай».

Въ Царскомъ Селѣ.
27-го марта (9-го апрѣля) 1903 г.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОСТАНОВЛЕНІЕ

о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ Селѣ 20-го марта (2-го апрѣля) 1903 года Высочайше соизволилъ утвердить слѣдующее временное постановленіе о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

1. Генералъ-губернатору предоставляется:

а) дѣлать распоряженіе о закрытіи на срокъ гостинницъ, книжныхъ складовъ, магазиновъ и вообще торговыхъ и промышленныхъ заведеній;

б) воспрещать всякія общественныя и частныя собранія;

в) закрывать частныя общества и ихъ отдѣленія;

г) воспрещать пребываніе въ Финляндіи лицамъ, признаннымъ имъ вредными для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія; мѣра сія, кромѣ случаевъ, не терпящихъ отлагательства, принимается генералъ-губернаторомъ не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія и можетъ сопровождаться водвореніемъ таковыхъ лицъ въ опредѣленной мѣстности Имперіи.

2. Лица, предназначенныя къ водворенію въ Имперіи, передаются въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ подчинить ихъ гласному надзору полиціи на основаніи дѣйствующихъ въ Имперіи узаконеній. По письменному предложенію генералъ-губернатора или губернатора, лица сіи могутъ быть задерживаемы чинами общей полиціи или отдѣльнаго корпуса жандармовъ и содержаться подъ стражею до отправленія въ мѣсто назначенія. Тѣ же мѣры примѣняются къ лицамъ, которыя не были непосредственно предназначены къ высылкѣ въ опредѣленную мѣстность, но, послѣ воспрещенія имъ пребыванія въ Финляндіи, не выбыли въ назначенный срокъ изъ края или самовольно возвратились въ оный.

3. Указанныя въ статьяхъ 1 и 2 настоящаго постановленія лица, вмѣстѣ съ удаленіемъ ихъ изъ предѣловъ Финляндіи, могутъ быть лишаемы производящихся имъ изъ казенныхъ суммъ пенсій, не иначе однако, какъ съ испрошеніемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Высочайшаго на сіе соизволенія.

4. Губернаторамъ финляндскихъ губерній предоставляется разрѣшать въ административномъ порядкѣ какъ дѣла о нарушеніи Высочайшаго постановленія о публичныхъ собраніяхъ отъ 2-го іюля 1900 г., такъ и дѣла о нарушеніи изданныхъ ими единолично или по соглашенію съ городскимъ управленіемъ обязательныхъ постановленій или полицейскихъ правилъ, объ изъятіи коихъ изъ вѣдомства суда ими объявленно во всеобщее свѣдѣніе. Виновные въ сихъ нарушеніяхъ присуждаются губернаторомъ къ денежному штрафу въ размѣрѣ, опредѣленномъ подлежащими правилами, но не свыше 400 марокъ, каковой штрафъ, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, замѣняется тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 главы II уголовнаго уложенія. Жалобы на постановленныя губернаторомъ опредѣленія могутъ быть приносимы осужденными генералъ-губернатору въ двухнедѣльный со дня объявленія опредѣленія срокъ, только въ случаѣ нарушенія губернаторомъ предѣловъ власти или неправильнаго примѣненія закона; рѣшенія генералъ-губернатора считаются окончательными и дальнѣйшему обжалованію не подлежатъ.

5. Городскіе магистраты, а также городское и сельское общинныя управленія, подчиняются высшему надзору генералъ-губернатора и ближайшему губернаторовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) О лицахъ, избранныхъ въ бургомистры, ратманы, предсѣдатели и вице-предсѣдатели городскихъ уполномоченныхъ, а также въ другія должности по городскому или сельскому общиннымъ управленіямъ, доносится мѣстному губернатору, отъ котораго зависитъ утвердить представленнаго кандидата въ должности. Въ случаѣ двукратнаго отказа въ утвержденіи избраннаго лица,

должность замѣщается хозяйственнымъ департаментомъ сената по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ.

б) Бургомистры и ратманы магистратовъ, предсѣдатели и вице - предсѣдатели городскихъ уполномоченныхъ, а также другія лица, состоящія на службѣ по городскому или сельскому общиннымъ управленіямъ, могутъ быть административнымъ порядкомъ удаляемы отъ службы хозяйственнымъ департаментомъ сената по соглашенію съ генералъ - губернаторомъ, съ соблюденіемъ правилъ Высочайшаго постановленія отъ 1-го (14-го) августа 1902 года.

в) Губернаторамъ предоставляется пріостанавливать исполненіе постановленныхъ подвѣдомственными имъ общинными властями рѣшеній, не соотвѣтствующихъ общимъ государственнымъ интересамъ или нуждамъ мѣстнаго населенія, либо нарушающихъ требованія закона. О таковыхъ рѣшеніяхъ губернаторъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернатору, который въ случаѣ признанія ихъ подлежащими отмѣнѣ, предлагаетъ о томъ хозяйственному департаменту сената.

6. Настоящее постановленіе остается въ силѣ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня обнародованія его въ сборникѣ постановленій великаго княжества Финляндскаго.

— Въ «Прав. Вѣстн.» напечатано: «Въ с.-петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ уже въ концѣ февраля текущаго года обнаружилось нѣкоторое возбужденіе среди слушательницъ, вызванное объявленіемъ проекта правилъ, устанавливавшихъ порядокъ переводныхъ испытаній въ институтѣ. Возбужденіе это, все усиливаясь, привело 10-го марта къ тому, что въ 5 часовъ пополудни образовалось въ анатомической аудиторіи незаконное собраніе около шестисотъ слушательницъ. Увѣщанія директора института, а потомъ и попечителя учебнаго округа, не имѣли успѣха, и сходка продолжалась въ теченіи трехъ часовъ. Въ виду упорства значительнаго числа слушательницъ, собравшихся съ цѣлью протеста противъ примѣненія правилъ, выработанныхъ совѣтомъ института и утвержденныхъ еще 8-го марта министерствомъ народнаго просвѣщенія, всѣ ученыя и учебныя занятія въ институтѣ были съ 11-го марта пріостановлены впредь до особаго распоряженія. Замѣченныя участницы сходки были преданы профессорскому дисциплинарному суду. По разсмотрѣніи дѣла, судъ наложилъ взысканія на 345 слушательницъ, изъ коихъ 28 были приговорены къ различнымъ наказаніямъ, превышающимъ замѣчаніе, но не достигающимъ той степени, которая выражается увольненіемъ изъ института, остальныя же 317—къ замѣчанію. Признанныя наиболѣе виновными 28 слушательницъ были затѣмъ вызваны директоромъ въ институтъ для выслушанія приговоровъ профессорскаго суда; однако, 27 лицъ означенной категоріи предложенію директора не подчинились. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, усмотрѣвъ въ такомъ образѣ дѣйствій слушательницъ не только новое, притомъ умышленное, нарушеніе дисциплины, но еще демонстративное заявленіе неуваженія къ профессорскому суду, а также нежеланія подчиняться и впредь законному порядку, призналъ нужнымъ удалить изъ института, частью уволить изъ него вышеуказанныхъ 27 слушательницъ. 27-го марта занятія въ институтѣ были возобновлены.

«Въ с.-петербургскомъ университетѣ порядокъ былъ нарушенъ 18-го марта, хотя занятія въ этотъ день вообще шли безпрепятственно. Означеннаго числа группа студентовъ въ количествѣ до 500 человѣкъ (общее число студентовъ петербургскаго университета около 4.000), сплотившаяся, очевидно, заранѣе, вошла около 12 часовъ дня черезъ главный подъѣздъ и, быстро заполнивъ площадку лѣстницы противъ актоваго зала, образовала незаконное сборище, которое требованіямъ чиновъ инспекціи разойтись не подчинилось. Прибывшіе затѣмъ ректоръ университета и попечитель учебнаго округа тщетно пытались возстановить порядокъ, вразумленія ихъ были встрѣчены крайне грубыми и неприличными протестами. Предметами разсужденій участниковъ продолжавшейся два часа сходки служили безпорядки, происходившіе за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, а также вопросы, совершенно чуждые академической жизни. Вслѣдствіе сего о 68 лицахъ, относительно присутствія которыхъ на сходкѣ имѣлись указанія, въ профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ было возбуждено надлежащее производство; для обезпеченія же правильнаго теченія судебнаго разсмотрѣнія дѣла, равно какъ для огражденія не участвовавшихъ 18-го марта въ безпорядкахъ студентовъ отъ воздѣйствія агитаторовъ, которые въ послѣдующіе дни употребили бы всѣ старанія для образованія новыхъ незаконныхъ сходокъ, занятія въ университетѣ были временно пріостановлены, подобно тому, какъ это было сдѣлано и въ женскомъ медицинскомъ институтѣ послѣ сборища 10-го марта. Дисциплинарный профессорскій судъ с.-петербургскаго университета, разсмотрѣвъ въ цѣломъ рядѣ засѣданій дѣла объ упомянутыхъ 68 студентахъ и выслушавъ показанія свидѣтелей, а также объясненія тѣхъ обвиняемыхъ, которые явились въ судъ, постановилъ: относительно 4 лицъ дѣло пріостановить въ виду болѣзни или несвоевременнаго врученія повѣстокъ о вызовѣ въ судъ; 4 студентовъ признать по обвиненію въ участіи въ сходкѣ оправданными, остальныхъ 60 чел. признать виновными въ этомъ проступкѣ. Изъ числа послѣднихъ, въ зависимости отъ степени ихъ вины, правдивости ихъ объясненій на судѣ, а также другихъ соображеній, судъ приговорилъ 14 лицъ къ удаленію изъ с.-петербургскаго университета навсегда, но безъ лишенія ихъ права поступать въ другія высшія учебныя заведенія согласно п. 7-му правилъ о взысканіяхъ, 21 лицо къ увольненію изъ сего университета, а именно 7 человѣкъ до 12-го августа 1904 года и 14 человѣкъ до 15-го августа 1903 года, 7 лицъ къ нравственному порицанію и переводу въ разрядъ вольнослушателей, 4 лица къ переводу въ разрядъ вольнослушателей, 12 лицъ къ выговору и 2 лица къ замѣчанію. Приговоръ этотъ, по надлежащемъ, въ чемъ слѣдуетъ, утвержденіи попечителемъ учебнаго округа, приведенъ въ исполненіе, и съ 28-го марта открыты снова библіотека университета, канцелярія и нѣкоторыя лабораторіи, а также помѣщенія для ученыхъ обществъ. Въ виду близости пасхальныхъ вакацій, начинающихся въ этомъ году 3-го марта, чтеніе лекцій не возобновляется послѣ означеннаго перерыва занятій, но экзамены будутъ производиться согласно утвержденному и своевременно объявленному росписанію

«Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, когда нормальный ходъ университетской жизни подвергался неоднократнымъ нарушеніямъ, учебнымъ начальствомъ и административными властями было обращено вниманіе на то, что состоящая въ завѣдываніи общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Императорскаго с.-петербургскаго университета студенческая столовая является мѣстомъ, гдѣ наиболѣе безпокойныя лица изъ учащейся молодежи собираются для обсужденія вопросовъ объ организаціи, такъ называемыхъ, студенческихъ забастовокъ, обструкцій и т. п., вслѣдствіе чего столовая эта подвергалась закрытію. Въ настоящее время имѣющимися въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніями вполнѣ точно установлено, что какъ въ 1899, 1900 и 1901 гг., такъ и въ 1902 и 1903 гг. въ означенной столовой, помимо нарушенія порядка въ видѣ пѣнія хоромъ запрещенныхъ пѣсенъ, происходили сходки отдѣльныхъ кружковъ молодежи для обсужденія вопросовъ не только объ организаціи безпорядковъ въ стѣнахъ университета, но и объ устройствѣ уличныхъ демонстрацій и т. п. Въ столовой этой, несмотря на то, что дѣйствующими о ней правилами запрещается посѣщеніе ея лицами, не принадлежащими къ составу студентовъ с.-петербургскаго университета, безпрепятственно появлялись люди, студенческой средѣ посторонніе. Въ ней также между лицами неблагонадежными происходили свиданія по предметамъ ихъ преступной дѣятельности. Она, наконецъ, служила мѣстомъ, гдѣ почти открыто распространялись и даже читались вслухъ подпольныя изданія. Состоявшаяся 18-го сего марта въ университетѣ сходка, какъ выяснено при разсмотрѣніи дѣла, была организована заранѣе и большинство ея участниковъ явилось на сходку непосредственно изъ студенческой столовой. Такимъ образомъ и устройству означенной сходки было рѣшено на предшествовавшемъ сборищѣ въ столовой. На основаніи сказаннаго, а также въ виду того, что вышеописанными нежелательными явленіями, происходившими ранѣе въ студенческой столовой, достаточно доказывается полное безсиліе общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Императорскаго с.-петербургскаго университета обезпечить порядокъ въ завѣдываемой обществомъ студенческой столовой, послѣдняя, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, закрыта».

— Съ 6-го по 8-е сего марта въ гор. Батумѣ выѣздной сессіей кутаисскаго окружного суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсмотрѣно дѣло по обвиненію Гогиберидзе и другихъ рабочихъ (въ числѣ 21 человѣка, по преимуществу грузинъ) керосино-нефтяного завода Ротшильда въ Батумѣ (каспійско-черноморское нефтепромышленное общество) въ возстаніи противъ правительства, имѣвшемъ мѣсто 9-го марта прошлаго 1902 года, и въ принужденіи властей къ освобожденію арестованныхъ наканунѣ рабочихъ, товарищей обвиняемыхъ, причемъ безпорядки эти сопровождались столкновеніемъ съ ротой солдатъ 7-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, вызванной для усмиренія рабочихъ. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель кутаисскаго окружного суда С. А. Богородскій при членахъ гг. Шухѣ и Левитскомъ. Обвинялъ прокуроръ кутаисскаго суда Н. М. Бѣлявскій. Защищали подсудимыхъ: пом. прис. пов. Л. Н.

Андронниковъ, прис. пов. Н. К. Муравьевъ и А. Ф. Стааль, пом. прис. пов. А. А. Бѣлоруссовъ, прис. пов. А. А. Іогансенъ, прис. пов. В. Ф. Макѣевъ, пом. прис. пов. М. П. Іолшинъ, прис. пов. Л. А. Хоментовскій, пом. прис. пов. Н. З. Эліава и прис. пов. Гелазаровъ. 8-го марта, въ 9 часовъ вечера, при открытыхъ дверяхъ была объявлена резолюція суда. Судъ отвергъ обвиненіе въ возстаніи противъ правительства (ст. ст. 263—266 улож. о наказ.) и, оправдавъ 13 обвиняемыхъ, изъ остальныхъ 8 приговорилъ: двухъ за невооруженное сопротивленіе властямъ (ст. 271 улож. о нак.) къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 и 3 мѣсяца, а остальныхъ 6 за ослушаніе, по предварительному соглашенію, распоряженій власти (273 ст. улож. о нак.)—пятерыхъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца каждаго и одного (несовершеннолѣтняго) къ аресту при полиціи на 3 недѣли. По объявленіи резолюціи защитники заявили ходатайство объ измѣненіи принятой по отношенію къ подсудимымъ мѣры пресѣченія, и судъ, согласно съ заключеніемъ прокурора, опредѣлилъ освободить осужденныхъ изъ-подъ стражи по представленіи каждымъ изъ нихъ поручительства въ размѣрѣ 100 р., причемъ судъ принялъ солидарное поручительство защитниковъ, и всѣ обвиняемые были освобождены въ тотъ же день.

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Уралецъ» на три мѣсяца.

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. 4-го апрѣля 1903 г. На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе «Самарской Газеты» на три мѣсяца.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русское Богатство"—мартъ; „Русская Мысль"—мартъ. „Русская Старина"—апрѣль).

Юридическая безпомощность массы русскаго народа—одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей жизни. Явленіе это, употребляя математическіе термины, разумѣется, не «первообразное», а «производное», ибо вытекаетъ въ качествѣ прямого слѣдствія изъ другихъ, болѣе глубокихъ, условій, среди которыхъ протекаетъ народная жизнь, но и, разсматриваемое само по себѣ, оно не можетъ не привлекать къ себѣ самаго серьезнаго вниманія каждаго, неотносящагося индифферентно къ благу родины, человѣка. На эту сторону русской жизни уже давнымъ-давно обратила вниманіе наша литература, пытались придти на помощь бѣдѣ и нѣкоторыя изъ нашихъ земствъ, но литература не въ состояніи, конечно, сдѣлать многаго въ смыслѣ практическаго разрѣшенія даннаго вопроса, а что касается земствъ, то, какъ разъяснилъ недавно правительствующій сенатъ, организація юридической помощи населенію лежитъ внѣ предѣловъ компетенціи земскихъ учрежденій. Было бы, конечно, очень желательно, чтобы при имѣющемъ въ скоромъ времени обсуждаться въ губерн-

скихъ совѣщаніяхъ проектѣ реформы быта «сельскаго состоянія» вопросъ о юридической безпомощности этого «состоянія» и о средствахъ уврачеванія такого тяжкаго недуга его жизни былъ бы поставленъ на подобающую ему высоту. Но пока что, а мѣры помощи требуются немедленныя. Одною изъ такихъ, крайне несовершенныхъ, но все же направленныхъ къ разсѣянію окружающаго массы населенія юридическаго мрака, является организація русскими присяжными повѣренными и ихъ помощниками въ нѣсколькихъ городахъ особыхъ юридическихъ консультацій. Описанію этихъ-то учрежденій и сравненію ихъ съ нѣкоторыми, направленными къ той же цѣли, учрежденіями германскими и посвящена напечатанная въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства», весьма интересная статья г. Михаила Беренштама, называющаяся «Юридическія консультаціи въ Россіи и рабочіе секретаріаты въ Германіи».

Въ качествѣ явленія единичнаго, юридическія консультаціи возникли въ Россіи уже довольно давно, но главная масса ихъ начинаетъ возникать только со второй половины девяностыхъ годовъ, причемъ значительная часть и этой «массы» возникла лишь за послѣдніе два-три года. Въ газетѣ «Право» отмѣчены данныя о возникновеніи или дѣятельности 45 консультацій, но г. Беренштамъ полагаетъ, что въ дѣйствительности ихъ значительно больше, а могло бы быть и еще больше. «Необходимо еще принять во вниманіе,—говоритъ онъ,—что въ нѣкоторыхъ городахъ желаніе присяжныхъ повѣренныхъ организовать консультаціи встрѣчало внѣшнія затрудненія: въ Уфѣ, напр., гдѣ числится 9 присяжныхъ повѣренныхъ и 2 помощника присяжныхъ повѣренныхъ, предсѣдатель окружного суда увѣдомилъ иниціаторовъ, что «общее собраніе окружного суда не можетъ разрѣшить консультацію какъ по малочисленности въ Уфѣ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, такъ и по отсутствію помѣщенія въ зданіи суда». Въ Минскѣ комитетъ попечительства о народной трезвости отклонилъ предложеніе мѣстныхъ повѣренныхъ объ учрежденіи при немъ бюро для безплатной юридической помощи, хотя въ Вильнѣ, Севастополѣ и другихъ городахъ такія бюро существуютъ; наконецъ, и въ Саратовѣ, единственномъ городѣ съ судебной палатой, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ консультаціи, группа адвокатовъ рѣшила устроить таковую, но «возбужденное по этому предмету ходатайство не получило, однако, удовлетворенія». По многимъ причинамъ, о которыхъ придется говорить еще ниже, и существующія консультаціи, въ общемъ, далеко не удовлетворяютъ своему назначенію. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ консультацій уже успѣлъ проявиться бюрократическій духъ и то стремленіе разить врага (въ данномъ случаѣ подпольную адвокатуру) не при помощи собственной широко раскинутой дѣятельности, долженствующей самымъ фактомъ своего существованія подрывать работу подпольной адвокатуры, а путемъ обращенія къ начальству (наше исконное, истинно русское средство заставить замолчать!) за принятіемъ репрессивныхъ мѣръ. Такъ, по цитируемымъ г. Беренштамомъ словамъ «Права», въ Одессѣ «совѣтъ (консультаціоннаго) бюро обращается къ съѣзду съ просьбой объ удаленіи «этихъ паразитовъ» (подпольныхъ адвокатовъ) изъ зданія съѣзда и выражаетъ увѣренность, что съѣздъ не оставитъ этой просьбы безъ вниманія».

Чего ужъ лучше, чѣмъ такое развитіе «правосознанія»! Одесскимъ адвокатамъ оставалось бы, послѣ ихъ просьбы къ съѣзду *выгнать* конкуррентовъ, еще *согнать* къ нимъ кліентовъ, и тогда правосознаніе въ Одессѣ пошло бы навѣрное еще болѣе быстрыми шагами. Дѣло развитія правосознанія находится также подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ начальства и въ Кутаисѣ. Тамъ «военный губернаторъ циркуляромъ по полиціи предписалъ немедленно предложить содержателямъ конторъ и кабинетовъ для составленія дѣловыхъ бумагъ закрыть ихъ и впредь учрежденія таковыхъ не допускать... Вмѣстѣ съ тѣмъ оповѣстить населеніе объ учрежденіи консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ при окружномъ судѣ, гдѣ желающіе могутъ получить указанія и совѣты по дѣламъ судебнымъ». Г. Беренштамъ говоритъ по этому поводу, что «предписаніе кутаисскаго губернатора почти не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ дѣйствовалъ или по просьбѣ консультаціи, или, во всякомъ случаѣ, съ вѣдома ея». До такой степени, очевидно, слабо еще у насъ понятіе о томъ, что можно и чего нельзя дѣлать, даже въ средѣ лицъ, избравшихъ «право» предметомъ спеціальнаго изученія!.. Конечно, нѣтъ ничего болѣе легкаго, но нѣтъ въ то же самое время и ничего болѣе понижающаго уровень правосознанія, гражданственности, культуры, какъ разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ общественной жизни при помощи правилъ знаменитаго Мымрецова «тащыть» и «не пущать». Одесскіе насадители правосознанія просятъ кого слѣдуетъ «не пущать» подпольныхъ адвокатовъ и полагаютъ, что они разрѣшили вопросъ чрезвычайно глубоко и остроумно; въ Кутаисѣ рѣшили «ташыть» въ участокъ содержателей конторъ и кабинетовъ для составленія дѣловыхъ бумагъ, а въ Волынской губерніи и въ городѣ Елисаветградѣ такъ тамъ поступаютъ еще патріархальнѣе: тамъ просто высылаютъ подпольныхъ адвокатовъ изъ мѣстъ ихъ жительства административнымъ порядкомъ. Г. Беренштамъ по этому поводу говоритъ: «Прежде всего такія высылки, какъ идущія въ разрѣзъ съ основными требованіями законности, какъ совершающіяся негласно, безъ спроса провинившихся, безъ всякихъ процессуальныхъ гарантій, иногда по просьбѣ и указанію непосредственно заинтересованныхъ въ высылкѣ лицъ (земскихъ начальниковъ, чиновъ низшей полиціи, землевладѣльцевъ и т. п.) не могутъ, конечно, внушить крестьянину того чувства законности, объ отсутствіи котораго такъ много говорится въ послѣднее время. Но еще важнѣе, что такія мѣры не приведутъ къ желаемой цѣли». Тутъ мы съ г. Беренштамомъ рѣшительно несогласны: почему второй мотивъ «еще важнѣе»? А что, если бы административными высылками и т. п. мѣрами подпольная адвокатура была вполнѣ убита, т.-е. «мѣры эти привели къ желаемой цѣли»,—были ли бы онѣ въ такомъ случаѣ допустимы или нѣтъ? Очевидно, нѣтъ, ибо этими самыми мѣрами, столь же очевидно, было бы убито и всякое, самое элементарное чувство законности среди гражданъ Россіи. Сегодня административныя мѣры разсматривались бы, какъ наиболѣе цѣлесообразныя, для борьбы съ подпольною адвокатурою, завтра съ знахарями, послѣзавтра съ ростовщиками, но тогда отчего не идти и дальше, почему не примѣнить ихъ къ ворамъ, убійцамъ и т. д., почему не упразднить совсѣмъ суды и не замѣ-

нить ихъ административнымъ усмотрѣніемъ? Вотъ почему говорить въ данномъ случаѣ о соображеніяхъ цѣлесообразности, какъ о такихъ, которыя «еще важнѣе», намъ представляется глубоко неправильнымъ. Нецѣлесообразность такихъ мѣръ Беренштамъ мотивируетъ тѣмъ, что «жизнь требуетъ еще подпольныхъ ходатаевъ и не замедлитъ на смѣну высылаемыхъ выставить другихъ, которые постараются и, вѣроятно, съумѣютъ обставить свою дѣятельность еще большей таинственностью. Нѣтъ, такими мѣрами можно только окончательно запугать «поселянина», заставить его видѣть въ подпольномъ адвокатѣ своего истиннаго друга, пріучить его считать свою попытку возстановить нарушенныя права чѣмъ-то запретнымъ, опаснымъ, противозаконнымъ». Чѣмъ же объясняется малый успѣхъ юридическихъ консультацій въ ихъ борьбѣ съ «подпольной адвокатурой»? Минуя общія условія жизни, тормозящія у насъ вообще всякія проявленія частной инціативы въ общественныхъ дѣлахъ, слѣдуетъ указать въ качествѣ отвѣта на поставленный вопросъ прежде всего на то обстоятельство, что многія консультаціи носятъ все-таки *барскій* характеръ: будучи основаны на чувствѣ «жалѣнія» къ «меньшому брату», консультаціи эти раздѣляютъ судьбу многихъ и многихъ другихъ запечатлѣнныхъ идеею филантропіи учрежденій. «Подпольный адвокатъ» существо близкое къ народной массѣ, «свой человѣкъ», тогда какъ дипломированный членъ юридической консультаціи—человѣкъ, какъ бы то ни было, но прежде всего баринъ, а потому чужой. Обстановка, въ которой помѣщаются консультаціи (преимущественно въ зданіяхъ окружныхъ судовъ), отдаленность ихъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ютится по большей части нуждающаяся въ юридической помощи бѣднота, и многія другія обстоятельства составляютъ крупныя препятствія къ тому, чтобы дѣятельность консультаціи приносила надлежащіе плоды. Организація правильной подачи населенію юридической помощи земскими учрежденіями, безъ сомнѣнія значительно подвинула бы это дѣло впередъ, но кореннымъ образомъ и это средство, конечно, вопроса бы не разрѣшило. Для этого необходимы измѣненія многихъ другихъ условій жизни. «Пока принципъ свободной иниціативы и широкой самодѣятельности всѣхъ слоевъ общества не завоюетъ себѣ правъ гражданства, — справедливо говоритъ г. Беренштамъ, — всѣ начинанія въ области юридической помощи населенію будутъ всегда хоть немного отзываться благотворительность, успѣхъ и судьба ихъ будутъ всегда зависѣть отъ энергіи отдѣльныхъ лицъ, а не отъ такого могучаго рычага, какъ сознаніе своихъ собственныхъ «пользъ и нуждъ».

Совсѣмъ на другихъ основаніяхъ построено это же дѣло въ Германіи. Тамъ данный вопросъ получилъ прочное разрѣшеніе путемъ организаціи такъ называемыхъ «рабочихъ секретаріатовъ». Описанію этихъ-то учрежденій и посвящена вторая часть интересной статьи г. Беренштама. Рабочіе секретаріаты — явленіе очень новое и въ самой Германіи. Первый изъ нихъ возникъ въ Нюрнбергѣ въ 1894, а второй (въ Мюнхенѣ) только въ 1898 году. Нюрнбергскій секретаріатъ возникъ по иниціативѣ самихъ рабочихъ. Въ 1894 году рабочіе избрали тамъ особую коммиссію, на которую была возложена обязанность доводить до свѣдѣнія фабричной инспекціи о всѣхъ ставшихъ извѣстными ей

жалобахъ рабочихъ. Такая постановка дѣла оказалась неудовлетворительной, такъ какъ членамъ коммиссіи, людямъ, снискивающимъ себѣ, конечно, пропитаніе лишь собственнымъ тяжелымъ трудомъ, было крайне затруднительно выполнять возложенныя на нихъ обязанности безъ большого ущерба своимъ дѣламъ и матеріальнымъ условіямъ своего существованія. Ихъ заработокъ долженъ былъ сильно сокращаться, такъ какъ приходилось постоянно пропускать рабочіе часы и даже цѣлые дни. Но дѣло было, тѣмъ не менѣе, начато. Редакція соціалъ-демократической газеты «Мюнхенская Почта», въ цѣляхъ поддержанія начавшагося движенія, устроила у себя спеціальныя «юридическія бесѣды», но и это средство не могло привести къ желательнымъ результатамъ. Отсюда вытекли сами собою два главныхъ начала, на которыхъ должно зиждиться дѣло организованной юридической помощи пролетаріату: 1) необходимость возложить юрисконсульскія обязанности на отдѣльное лицо и 2) необходимость оплачивать его трудъ особымъ вознагражденіемъ. Эти-то начала и легли въ основу возникшаго нюрнбергскаго секретаріата.

«Въ самомъ началѣ 1895 года,—пишетъ г. Бернштамъ,—докторъ Кваркъ сдѣлалъ сообщеніе о нюрнбергскомъ секретаріатѣ въ ферейнѣ франкфуртскихъ сапожниковъ. Но къ этому времени нюрнбергскій секретаріатъ успѣлъ развить еще сравнительно очень незначительную дѣятельность и не могъ привлечь къ подобнымъ учрежденіямъ особое довѣріе рабочей массы. Неутомимая энергія д-ра Кварка поборола, однако, это недовѣріе: спустя всего полгода, собраніе представителей рабочихъ организацій постановило возбудить въ своихъ ферейнахъ вопросъ объ открытіи въ Франкфуртѣ секретаріата.

«Подбодренный этимъ успѣхомъ, д-ръ Кваркъ въ сентябрѣ того же года выступилъ на одномъ изъ собраній съ уже болѣе детально разработаннымъ проектомъ, организаціи секретаріата. Особое вниманіе удѣлилъ онъ финансовой сторонѣ вопроса; по его вычисленіямъ, оказалось, что рабочіе для покрытія расходовъ по секретаріату, при даровой помощи всѣмъ обращающимся въ него, должны будутъ сдѣлать къ своимъ обычнымъ отчисленіямъ въ кассы организаціи незначительную прибавку въ два пфенига. Большинство ораторовъ собранія высказались за безплатную помощь секретаріата, и собраніе приняло резолюцію, коей рабочіе кассы «приглашались высказаться, согласны ли они дѣлать на секретаріатъ взносы по 2 пфенига съ члена въ недѣлю». И вотъ во всѣхъ организаціяхъ возгорѣлась горячая борьба мнѣній. За открытіе секретаріата сразу же высказались литографы, булочники и рабочіе по металлу и дереву. Собраніе рабочихъ въ Оберрадѣ (предмѣстье Франкфурта) выразило будущему учрежденію самыя горячія симпатіи. Многія другія собранія высказались въ принципѣ за секретаріатъ и только сомнѣвались, найдутся ли достаточныя средства для того, чтобы секретаріатъ могъ хорошо функціонировать. Каменьщики, соглашаясь на открытіе секретаріата, требовали, чтобы съ неорганизованныхъ рабочихъ, прибѣгающихъ къ помощи секретаріата, взималось хоть незначительное вознагражденіе. Скульпторы тоже не могли примириться съ мыслью, что организованные рабочіе будутъ нести расходы на «индифферентныхъ». Въ общемъ же, идея устроить секретаріатъ встрѣтила въ

союзахъ весьма теплыя симпатіи; на собраніи уполномоченныхъ выяснилось, что къ концу октября двадцать союзовъ высказались за и только шесть противъ секретаріата. Этотъ результатъ далъ возможность собранію уполномоченныхъ принять резолюцію о желательности открытія секретаріата. Въ состоявшемся вскорѣ собраніи д-ръ Кваркъ нарисовалъ слушателямъ полную картину многосторонней дѣятельности будущаго секретаріата.

«Собраніе избрало коммиссію изъ пяти членовъ и возложило на нее обязанность озаботиться подготовительными работами для открытія секретаріата. Эта коммиссія выработала проектъ статута секретаріата и правилъ внутренняго распорядка его. На публичномъ собраніи 27-го февраля 1896 г. этотъ проектъ былъ утвержденъ; рѣшено было открыть секретаріатъ 1-го іюля 1896 г. Кромѣ того, было постановлено устроить среди рабочихъ сборъ денегъ: секретаріатъ могъ быть открытъ лишь при наличности 4 тысячъ марокъ. Сборъ пошелъ довольно туго и за полъ-года далъ только 1.100 марокъ: выборы въ рейхстагъ и крупныя субсидіи гамбургскимъ портовымъ стачечникамъ совершенно истощили финансовыя силы рабочихъ. Только черезъ два года была собрана нужная сумма и состоявшееся 20-го октября 1898 года громадное собраніе могло сдѣлать окончательное постановленіе объ открытіи секретаріата 1-го января 1899 года». Такъ возникъ этотъ секретаріатъ. Возникъ онъ, какъ видѣлъ читатель,—мы нарочно привели длинныя выдержки (хотя и съ значительными сокращеніями) изъ описанія первыхъ моментовъ его зарожденія г. Беренштамомъ,—съ большими трудностями, но зато и результатъ такого, возникшаго всецѣло на основѣ самодѣятельности рабочаго класса, учрежденія оказался вполнѣ плодотворнымъ. Мы не имѣемъ возможности останавливаться на цифровыхъ данныхъ, доказывающихъ послѣднее, отсылая интересующихся къ статьѣ г. Беренштама, и приведемъ въ заключеніе лишь нѣкоторые параграфы устава и правилъ внутренняго распорядка, которыми регулируется дѣятельность франкфуртскаго секретаріата. Эти параграфы устава гласятъ: «1) Рабочій секретаріатъ устроенъ по инціативѣ франкфуртскихъ рабочихъ, стоящихъ на почвѣ современнаго рабочаго движенія; онъ долженъ быть учрежденіемъ независимымъ во всѣхъ отношеніяхъ и служить лишь интересамъ народа. 2) Секретаріатъ имѣетъ два отдѣленія: а) первое безплатно даетъ всѣмъ лицамъ, независимо отъ ихъ пола, общественнаго положенія, мѣстожительства, возраста и отношенія къ партіи, юридическіе совѣты и, поскольку это возможно, юридическую защиту, а также изготовляетъ дѣловыя бумаги по всѣмъ отраслямъ законодательства; б) второе отдѣленіе имѣетъ цѣлью помогать и давать совѣты всѣмъ профессіонально организованнымъ рабочимъ по вопросамъ организаціи, заработной платы и пр. 3) Сношенія съ публикою производятся исключительно рабочими секретарями. 4) Финансовое и другое управленіе секретаріатовъ, въ особенности же приглашеніе и разсчеты съ должностными лицами, распредѣленіе занятій, а также контроль надъ дѣятельностью чиновниковъ секретаріата, возлагается на особую коммиссію надзора (Aufsichtskommission), состоящую изъ семи членовъ, въ которой правомъ голоса пользуются и рабочіе секретари. Коммиссія надзора должна собираться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ

для обсужденія текущихъ дѣлъ. 5) Коммиссія обязана ежегодно дѣлать въ публичномъ народномъ собраніи докладъ о своей дѣятельности. 6) Жалобы на секретарей приносятся коммиссіи надзора, которая разрѣшаетъ ихъ окончательно. 7) Расходы секретаріата покрываются добровольными взносами, съ этой цѣлью выставлены для продажи особыя марки. 8) Рабочіе секретари (каждый по своему отдѣленію) обязаны ежегодно представлять коммиссіи надзора отчеты о своей дѣятельности; кромѣ того, для опубликованія вмѣстѣ съ отчетами они должны представить политико-экономическую работу на тему, избранную ими по соглашенію съ коммиссіей. Отчеты секретарей, ихъ сочиненіе и отчетъ кассира печатаются, а затѣмъ продаются профессіональнымъ союзамъ по той цѣнѣ, въ которую обошлись секретаріату. Внутренній порядокъ секретаріата опредѣляется такими правилами: 1) Секретари обязаны присутствовать въ секретаріатѣ въ назначенные коммиссіей надзора и опубликованные во всеобщее свѣдѣніе часы. 2) Помощь оказывается секретарями совершенно безплатно; отъ предлагаемыхъ подарковъ они должны отказываться; пожертвованія должны совершаться путемъ покупки особыхъ марокъ. 3) Книги о своей дѣятельности секретари обязаны вести согласно указаніямъ коммиссіи. Секретарь перваго отдѣленія долженъ еженедѣльно опубликовывать въ органѣ секретаріата («Франкфуртскій голосъ народа») краткій отчетъ о своей дѣятельности. 4) Всѣ служащіе въ секретаріатѣ, а также члены коммиссіи надзора обязаны сохранять въ строжайшей тайнѣ тѣ личныя отношенія, которыя стали имъ извѣстны вслѣдствіе служебной дѣятельности въ секретаріатѣ». Нужно ли говорить, что необходимой предпосылкой такой истинно здравой и истинно отвѣчающей намѣченнымъ цѣлямъ постановки даннаго дѣла является возможность самой широкой самодѣятельности самихъ массъ населенія.

Устройство такихъ же точно секретаріатовъ, но находящихся подъ чуждою имъ опекою, разумѣется, можетъ нести съ собою лишь одинъ вредъ и ничего болѣе

Оставляя, однако, въ сторонѣ это основное условіе для возникновенія и правильнаго функціонированія рабочихъ секретаріатовъ, остановимся на вопросѣ, назрѣваютъ ли, напр., у насъ въ Россіи остальныя данныя для существованія такихъ же учрежденій? До извѣстной степени на этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ начавшая печататься въ мартовской книжкѣ «Русской Мысли» интересная статья г. Николая Рубакина, называющаяся «Книжный потокъ» (факты и цифры изъ исторіи книжнаго дѣла въ Россіи за послѣднія 15 лѣтъ). Въ статьѣ этой авторъ прослѣдилъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, за количествомъ выходящихъ въ Россіи, начиная съ 1887 года, всѣхъ книгъ на русскомъ языкѣ, и вотъ къ какимъ пришелъ онъ выводамъ. Въ 1887 году въ Россіи было напечатано *не менѣе* 18.540.390 экз. книгъ и брошюръ. «Чтобы представить себѣ съ достаточною ясностью все ничтожество книжнаго потока въ 1887 году, представьте себѣ,—говоритъ г. Рубакинъ,— что всѣ эти 18½ милл. книгъ будутъ разложены по лицу русской земли на равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой; тогда каждую книжку, напечатанную

въ этомъ году, придется положить на разстояніи версты одну отъ другой,— одна книжка приходится на одну квадратную версту; чтобы дойти отъ книжки къ книжкѣ, нужно совершить довольно обстоятельную прогулку. Даже сопоставляя эти $18^1/_2$ милл. книгъ съ числомъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, и то находимъ прибавку эту крайне ничтожной,—по $2^1/_2$ книжки на каждую деревню или городъ въ мѣсяцъ». Въ 1888 г. число экземпляровъ вышедшихъ въ Россіи книгъ даже упало, но въ 1890 году подъемъ начался снова и шелъ уже безостановочно. Въ 1893 году книгъ было напечатано уже 27.224.903, а черезъ два года эта цифра возвысилась уже до 35.412.814. Очевидно, появился, на свѣтъ новый читатель, какой-то невѣдомый до того времени «таинственный незнакомецъ». И этотъ незнакомецъ сталъ съ того времени изъ году въ годъ заявлять о своемъ существованіи все громче и громче. «Лѣто 1896 года,—продолжаетъ авторъ цитируемой статьи,—останется памятнымъ въ исторіи русской общественной жизни вообще и русской книги въ частности. Съ этого времени русское общество узнало кое-что о таинственномъ незнакомцѣ; правда, свѣдѣнія о немъ были еще далеко не полны, тѣмъ не менѣе, всѣмъ стало ясно, что читатель проявился en masse и заговорилъ. Съ 1896 г. спросъ на книжный товаръ идетъ въ гору crescendo. Въ 1898 г. было напечатано въ Россіи на русскомъ языкѣ 44.221.864 экз. книгъ и брошюръ, то-есть почти на 10 милліоновъ больше, чѣмъ въ 1895 году. Еще черезъ три года, въ 1901 году было напечатано 58.529.480 экземпляровъ, т.-е слишкомъ на 14 милліоновъ больше. Такимъ образемъ, съ 1887 по 1901 годъ т.-е. за пятнадцать лѣтъ, производство «книжнаго товара» (на одномъ только русскомъ языкѣ языкѣ) увеличилось въ Россіи *слишкомъ въ три раза*, т.-е. болѣе, чѣмъ *на двѣсти процентовъ*. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ крупный фактъ, что книга захватила за послѣдніе годы новые и къ тому же очень широкіе круги и что круги эти стали потребителями книжнаго содержанія, тогда какъ до этого времени питались, такъ сказать, одною устной народной словесностью». «По многимъ признакамъ,—говоритъ г. Рубакинъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи,—есть основаніе думать, что оживленію книжнаго рынка, прежде всего, дало наростаніе читателей именно въ слояхъ фабричнаго люда». Эту же мысль г. Рубакинъ доказывалъ и въ своей извѣстной книгѣ «Этюды о русской читающей публикѣ», къ этому же заключенію пришли и многіе другіе наблюдатели даннаго явленія.

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена очень интересная статья г. Дубровина, называющаяся «Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ». Переписка между этими лицами является любопытнымъ матеріаломъ для сужденія о какой-то необыкновенной сложности и, если можно такъ выразиться, путанности характера такого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго дѣятеля русскаго просвѣщенія, какимъ былъ несомнѣнно Каразинъ. Извѣстно, что въ первые годы царствованія Александра I-го Каразинъ появился на исторической сценѣ въ качествѣ лица очень близкаго къ императору, принимавшаго дѣятельное участіе въ составленіи самыхъ разнообразныхъ проектовъ реформъ

и иниціатора мысли объ основаніи харьковскаго университета. Но затѣмъ звѣзда его быстро начинаетъ меркнуть. Окрылённый успѣхомъ своей поѣздки въ 1802 году въ Харьковъ, гдѣ, благодаря своему энергическому образу дѣйствій, Каразинъ убѣдилъ дворянство Слободско-Украинской губерніи внести на содержаніе будущаго университета 400.000 рублей, Каразинъ прилетѣлъ въ радужномъ настроеніи въ Петербургъ, но императоръ Александръ уже его не принялъ и отдалъ ему заочное приказаніе всѣ дѣла по харьковскому университету передать въ только что учрежденное тогда Министерство Народнаго Просвѣщенія. Каразинъ повиновался и дѣло пошло въ министерствѣ съ обычною бюрократическою медленностью. Пылкій Каразинъ написалъ объ этомъ письмо государю, которое, конечно, не осталось тайною для его враговъ; начались противъ него интриги, и въ результатѣ Каразинъ въ 1804 году былъ уже совсѣмъ отставленъ отъ службы «съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника». Удалившись въ свое имѣніе Кручикъ, Каразинъ и тамъ продолжалъ составлять проекты реформъ, которыя и отсылалъ въ Петербургъ, часто на имя самого государя. Эти записки вызвали указъ, данный слободско-украинскому губернатору, которымъ было повелѣно: «Статскаго совѣтника Каразина за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежатъ и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его, подъ карауломъ посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней. Послѣ чего истребовать отъ него подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отваживался болѣе безпокоить его величество». Несмотря на этотъ указъ, Каразинъ по прежнему продолжалъ писать проекты и отсылать ихъ въ Петербургъ. Во время извѣстной исторіи Семеновскаго полка въ 1820 году въ казармы Преображенскаго полка была подброшена прокламація. Авторъ ея, по словамъ такого знатока александровской эпохи, какимъ былъ покойный Шильдеръ, не былъ открытъ и неизвѣстенъ до настоящаго времени, но почему-то въ этомъ заподозрили Каразина, вслѣдствіе чего, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургъ. Освобожденный изъ Шлиссельбурга послѣ шестимѣсячнаго заключенія, Каразинъ былъ послѣ этого отправленъ снова въ его деревню съ запрещеніемъ выѣзжать оттуда и отдачею его переписки подъ контроль мѣстнаго губернатора. Восшествіе на престолъ императора Николая I-го застало Каразина въ этомъ положеніи. Воспользовавшись этимъ, разбитый нравственно и физически, Каразинъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему свободнаго проживанія во всей имперіи, на что и было получено позволеніе, «съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, до него непринадлежащаго». Въ 1829 году слободо-украинское дворянство, «руководствуясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимою дѣятельностью», избрало его въ предсѣдатели уголовной палаты. Каразинъ снова воспрянулъ духомъ, но не надолго, ибо въ утвержденіи его въ должности предсѣдателя изъ Петербурга пришелъ отказъ. Вотъ тутъ-то и начинаютъ проявляться въ характерѣ Каразина какія-то новыя черточки. Въ 1837 году пріѣхалъ онъ въ Москву для опредѣленія, съ согласія графа Нессельроде, своего сына въ министерство иностранныхъ дѣлъ и тутъ написалъ Бенкендорфу та-

кое письмо: «Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущею рукою. Ради Бога всемогущаго, не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде), и если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжальтесь надо мною: оставьте мнѣ послѣднее это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжальтесь! Я, который не привыкъ никому раболѣпствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно уже, довольно! пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ». Получивъ это письмо, Бенкендорфъ отвѣтилъ, что «вредить ближнему есть дѣло чуждое его образу мыслей», и на конвертѣ написалъ такъ: «Господину Каразину. Москва. На Воздвиженкѣ; домъ Кокошкина». То обстоятельство, что на адресѣ не стояло обычнаго «его высокородію», въ высшей степени возмутило Каразина и онъ отослалъ письмо Бенкендорфа назадъ нераспечатаннымъ при запискѣ, въ которой напоминалъ, что онъ дворянинъ, что въ свое время онъ получилъ отъ государя шесть рескриптовъ и т. подобныя, казалось бы, совершенно несвойственныя Каразину, вещи.

Тутъ обидился въ свою очередь за такое непочтеніе къ своей особѣ Бенкендорфъ: онъ призвалъ московскаго оберъ-полицеймейстера Муханова и приказалъ ему, пригласивши къ себѣ Каразина, вручить ему лично пакетъ. Мухановъ такъ и поступилъ: онъ призвалъ Каразина, передалъ ему пакетъ и настаивалъ, чтобы пакетъ этотъ былъ при немъ же, Мухановѣ, вскрытъ и прочитанъ. Каразинъ сначала отказался исполнить это, а когда Мухановъ продолжалъ настаивать, то взялъ пакетъ, изорвалъ его, не вскрывая, на мелкіе кусочки и бросилъ на полъ. Мухановъ потребовалъ, чтобы Каразинъ тутъ же удостовѣрилъ письменно о томъ, какъ поступилъ онъ съ пакетомъ и затѣмъ изложилъ мотивы своего поступка. Каразинъ это исполнилъ и Бенкендорфъ обо всемъ происшедшемъ доложилъ государю. На это послѣдовала резолюція: «выслать съ жандармскимъ офицеромъ на обыкновенное мѣсто жительства». Сверхъ того надъ нимъ назначенъ былъ полицейскій надзоръ. Тогда Каразинъ обратился къ императору Николаю съ такимъ письмомъ: «Государь всемилостивѣйшій! Прошеніе мое, принесенное черезъ посредство московскаго генералъ-губернатора, вѣроятно, уже рѣшено. (О какомъ именно прошеніи здѣсь идетъ рѣчь, неизвѣстно). Но тѣмъ не менѣе я отваживаюсь бесѣдовать съ моимъ самодержцемъ. Я употреблю для сего языкъ простосердечія, слѣдовательно, и правды; такой языкъ любилъ безсмертный твой прадѣдъ Петръ Великій. Приключеніе, за которое я передъ публикою древней русской столицы такъ уничижительно пострадалъ, состояло вотъ въ чемъ (удостой читать со вниманіемъ: я донесу такія истины, которыя, наконецъ, инымъ образомъ не могли бы быть обнаружены). Нечаянно случилось по поводу избранія меня Слободско-Украинскою губерніею въ кандидата предсѣдателя уголовной палаты, что дѣйствія тайной экспедиціи, кои никогда еще не смѣшивались съ судомъ по законамъ, обнародованы самымъ громкимъ образомъ: именно провозглашены въ Харьковской каѳедральной церкви, во время съѣзда дворянства для выборовъ и къ ярмаркѣ, предъ многолюдствомъ всякаго званія, пола и возраста. (О какомъ «провозглашеніи» говоритъ здѣсь Каразинъ, неизвѣстно, но, судя по дальнѣйшему, надо думать, что съ церковной кафедры оглашенъ былъ фактъ заключенія его

въ Шлиссельбургскую крѣпость по подозрѣнію въ составленіи прокламаціи и подбрасыванія ея въ казармы Преображенскаго полка). Мнѣ, предмету таковой нелѣпости, пропустить ее безмолвно не позволяли ни лѣта мои, ни, смѣю сказать, значеніе въ обществѣ, ни званіе отца дочери-невѣсты и шестерыхъ сыновей, одинъ за другимъ вступающихъ въ службу. Всякій бы могъ, указывая на меня пальцемъ, сравнивать меня съ Мазепою и Пугачевымъ, ибо о нихъ лишь раздавалась въ храмахъ позорное провозглашеніе. Кто захочетъ быть зятемъ такому человѣку? И не подвергалъ ли я сыновей насмѣшкамъ, отъ коихъ бы имъ житья не было, и безчисленнымъ поединкамъ въ военной службѣ. Само правительство было интересовано въ семъ случаѣ. Ибо не даромъ его дѣйствія внѣ законовъ не имѣютъ никакого плебисцита. Отнять ее, мы въ Азіи!—Всѣ министры издревле, всѣ государи отъ Алексѣя Михаиловича, учредителя тайной канцеляріи, до вашего императорскаго величества сіе чувствовали. Наказанія сего рода, такъ сказать, комнатныя, не имѣли на службу ни малѣйшаго вліянія. Мой бывшій Орестъ, Сперанскій, послѣ ссылки, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Сибири. Само собою слѣдуетъ, такъ сказать математически, что если бы когда-нибудь наказаніе по тайной (потайное?) было когда-нибудь обнародовано въ дѣйствительный укоръ чести наказаннаго, что случилось первый разъ можетъ быть въ теченіе двухъ столѣтій, то оно должно быть вознаграждено какою-либо высочайшею милостью, которая бы водворяла его въ первобытное состояніе. Александръ Христофоровичъ (Бенкендорфъ) понимаетъ иначе сію важную истину». Описавши затѣмъ подробно инцидентъ съ бенкендорфовскимъ пакетомъ въ Москвѣ, Каразинъ продолжалъ: «пожалѣйте о моемъ семействѣ, добрѣйшій государь! Данная мнѣ пощечина пала и на него: она далеко и громко раздается въ Россіи, ибо, что ни говори эти господа, имя мое въ ней извѣстнѣе есть и будетъ ихъ именъ, тускло отсвѣчивающихся только на подписяхъ объявляемыхъ повелѣній. Съ какого повода они выставляютъ меня, подобно какъ Фамусовъ Чацкаго, карбонаріемъ? Пусть въ доказательство сошлются хоть на одного свидѣтеля, хоть на одну страну моей руки... Не я ли, скрывъ имя, говорилъ о васъ достойнымъ образомъ и теперь въ Москвѣ? Не я ли обращалъ вниманіе на то, что портреты ваши, какъ бы умышленно представляющіе васъ иностранцемъ и суровымъ, ничуть на васъ не похожи? Значительное лицо ваше привлекаетъ, между тѣмъ какъ портреты грозятъ: оно есть прекрасная середина изъ физіономій Маріи и Александра, незабвенныхъ для любви и художествъ» и т. д., въ томъ же родѣ. Отвѣта на это письмо Каразинъ не получилъ. Все это, конечно, весьма характерно для того времени, въ которое жилъ Каразинъ и для его собственной личности. Слѣдя за его письмами, нельзя не видѣть, какъ постепенно мельчала эта во всякомъ случаѣ крупная личность нашего общества, какъ обстоятельства постепенно надламывали ея недюжинныя силы. При другихъ условіяхъ изъ Каразина вышелъ бы, навѣрно, весьма замѣтный общественный дѣятель, который оставилъ бы послѣ себя на нивѣ народнаго просвѣщенія гораздо болѣе яркій слѣдъ, но судьба судила иначе. 14-го ноября 1842 года Каразинъ скончался.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Негры въ Соединенныхъ Штатахъ. — Будущее американской расы. Бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ Гроверъ Кливилэндъ произнесъ въ Нью-Іоркѣ рѣчь по поводу негритянскаго вопроса, надѣлавшую много шума по всей территоріи великой сѣверной республики. Интересъ, вызванный этою рѣчью въ американскомъ обществѣ и печати, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что негритянскій вопросъ въ послѣднее время очень обострился вслѣдствіе рѣшительнаго образа дѣйствій теперешняго президента Рузвельта, не принадлежащаго къ числу людей, останавливающихся на полпути.

Рузвельтъ задался цѣлью уничтожить расовый предразсудокъ, господствующій въ Соединенныхъ Штатахъ. Само собою разумѣется, что борьба, которую онъ предпринялъ, можетъ имѣть для него очень важныя политическія послѣдствія, особенно если принять во вниманіе близость президентскихъ выборовъ во время которыхъ негритянскій вопросъ, конечно, будетъ играть очень важную роль. Первымъ актомъ президента Рузвельта въ этомъ направленіи было приглашеніе Букера Вашингтона въ Бѣлый Домъ, вторымъ—назначеніе другого негра, доктора Крума, сборщикомъ въ Чарльстонъ въ Южной Каролинѣ. Весь югъ всполошился вслѣдствіе этого назначенія, хотя большинство населенія этого округа составляютъ негры. Въ Вашингтонъ отправлены были делегаціи которыя протестовали въ конгрессѣ и сенатѣ. Сенаторъ Моней, демократъ изъ округа Миссисипи, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и сказалъ громоносную рѣчь противъ Рузвельта. Сенатъ отказался утвердить назначеніе, но ничто не помогло и Рузвельтъ настоялъ на своемъ. Въ Чарльстонѣ противники Крума хотятъ помѣшать ему вступить въ исполненіе своихъ обязанностей и кто побѣдитъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что конфликтъ принимаетъ теперь острый характеръ и весь вопросъ заключается въ томъ, на чьей сторонѣ окажется большинство націи. Разумѣется, культурные классы поддержатъ Рузвельта, но не они составляютъ большинство. Рѣшающимъ факторомъ можетъ быть только рабочее населеніе, которое составляетъ главную силу на выборахъ. Соединенные Штаты представляютъ единственную страну въ мірѣ, гдѣ свободный трудъ бѣлыхъ и чернокожихъ, существующій уже въ теченіе двухъ поколѣній, не отдѣляется непроходимою пропастью, какъ въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Австраліи, въ Капѣ и т. д., гдѣ бѣлый рабочій низачто не согласится работать рядомъ съ негромъ, и если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда, это сотрудничество бѣлой и черной расы бываетъ вынужденною необходимостью, то бѣлый все-таки будетъ держать своего чернокожаго товарища на извѣстномъ разстояніи и низачто не допуститъ никакого равенства между нимъ и собою. Такъ было прежде и въ Соединенныхъ Штатахъ. «Рыцари труда» («Knights of Labour»),—самая значительная рабочая организація въ Америкѣ до 1886 года, признавали въ своихъ статутахъ равенство расъ, но никогда не могли принудить мѣстные синдикаты выбирать членами негровъ и такъ какъ, по уставу, довольно было трехъ голосовъ противъ одного, то

*

негры нигдѣ не могли быть выбраны. Когда «Knights of Labour» были замѣнены «американскою федераціею труда», то президентъ этой ассоціаціи Самюэль Гомперсъ подтвердилъ въ своей декларацiи принципъ равенства расъ, но, тѣмъ не менѣе, на югѣ синдикаты бѣлыхъ отказываются принимать негровъ, которые и образуютъ отдѣльныя ассоціаціи, хотя и преслѣдующія одинаковыя цѣли, но не имѣющія между собою никакихъ сношеній. Однако, такое отдѣленіе негровъ отъ бѣлыхъ примѣняется со строгостью лишь въ области высшихъ ремеслъ, требующихъ сложной и продолжительной подготовки. Механики, граверы, художественные рабочіе и спеціалисты всякаго рода не принимаютъ въ свои синдикаты негровъ, тогда какъ простыя ремесла, каменьщики, землекопы, портовые рабочіе и т. д., не дѣлаютъ такого различія, что, впрочемъ, понятно, потому что, въ противномъ случаѣ, они очутились бы въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, и въ южныхъ штатахъ идея равенства черныхъ и бѣлыхъ рабочихъ сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи и это заставляетъ Рузвельта надѣяться на справедливое разрѣшеніе негритянскаго вопроса въ ближайшемъ будущемъ.

Кливилэндъ становится, однако, на совершенно противоположную точку зрѣнія. Онъ находитъ, что «ни декретъ, освободившій ихъ, ни законъ, даровавшій имъ политическія права, не избавилъ негровъ отъ несовершенствъ и недостатковъ, составляющихъ принадлежность ихъ расы и результатъ ихъ долговременнаго рабства». Нежеланіе политическихъ дѣятелей южныхъ штатовъ признать соціальное равенство негровъ Кливилэндъ объясняетъ «расовымъ инстинктомъ», болѣе глубокимъ нежели предразсудокъ или ненависть одной расы къ другой. По его мнѣнію, такъ какъ негритянскій вопросъ больше всего интересуетъ южные штаты, гдѣ большинство населенія составляютъ негры, то и надо предоставить этимъ штатамъ самимъ рѣшить его. Вообще же американскій союзъ долженъ позаботиться объ интеллектуальномъ и нравственномъ развитіи негровъ, потому что это составляетъ непремѣнное условіе для повышенія ихъ соціальнаго и политическаго положенія. Кливилэндъ высказалъ мнѣніе, что избирательное право должно обусловливаться воспитаніемъ, и вполнѣ ясно далъ понять, что онъ находится на сторонѣ партіи, желающей преобладанія бѣлыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Само собою разумѣется, что его рѣчь чрезвычайно понравилась южнымъ штатамъ, и мѣстная печать восхваляетъ его. Но даже въ сѣверныхъ штатахъ къ рѣчи Кливилэнда отнеслись очень сочувственно и похвалили ее, что косвеннымъ образомъ указываетъ на недовольство негрофильской политикой Рузвельта.

При такихъ условіяхъ поведеніе Рузвельта, конечно, вызываетъ ожесточенный протестъ и негодованіе въ южныхъ штатахъ. Но президентъ не изъ такихъ людей, которые отступаютъ передъ угрозами. Онъ объявилъ, что заставитъ штаты признать равенство негровъ на дѣлѣ, а не только на бумагѣ. Онъ назначилъ, напримѣръ, въ одно мѣстечко почтмейстеромъ одну образованную негритянку. Населеніе взбунтовалось и тогда Рузвельтъ, въ наказаніе совсѣмъ упразднилъ въ этомъ мѣстечкѣ почтовую контору. Затѣмъ онъ назначилъ на довольно видный постъ въ Бостонѣ негра. Это была съ его стороны очень злая

шутка въ политическомъ отношеніи. Бостонъ, называющій себя «Американскимъ Аѳинами», былъ родиною аболиціонистскаго движенія и всегда проповѣдывалъ равенство негровъ... но только для южныхъ штатовъ! У себя бостонцы вовсе не желали допускать такого равенства и вотъ теперь Рузвельтъ преподносъ имъ пилюлю, которую они должны были проглотить.

Рузвельтъ выдвинулъ на сцену еще другой жгучій вопросъ о будущности американской расы. Нѣсколько времени тому назадъ Рузвельтъ адресовалъ двумъ американскимъ писательницамъ, написавшимъ книгу о женскомъ трудѣ, открытое письмо надѣлавшее очень много шума въ американской печати. Въ этомъ письмѣ Рузвельтъ, самъ имѣющій шестерыхъ дѣтей, высказывается рѣшительнымъ сторонникомъ библейскаго правила: «Плодитесь и множитесь», и говоритъ, что тѣ, кто ради удобства, стремленія къ независимости и по др. соображеніямъ, не желаютъ имѣть дѣтей, совершаютъ преступленіе противъ своей расы. Рузвельтъ горячо нападаетъ на американскихъ женщинъ, которыя не хотятъ видѣть въ бракѣ и материнствѣ своего призванія, и обращаетъ вниманіе американскаго общества на опасность, которая грозитъ ему, такъ какъ семьи все уменьшаются и приростъ населенія падаетъ.

Вслѣдствіе этого письма президента, нѣкоторыя газеты занялись разслѣдованіемъ вопроса и, дѣйствительно, пришли къ заключенію, что американскія семьи болѣе не увеличиваются и избытокъ рожденій наблюдается только въ семьяхъ эмигрантовъ. Но послѣдней переписи оказалось, что число родившихся заграницей и потомковъ эмигрантовъ, переселявшихся въ Америку съ 1832 года, превышаетъ число коренныхъ американцевъ. Въ Чикаго установлено уже, что браки между коренными американскими семьями, почти всегда бываютъ бездѣтны. То же самое оказывается и въ Бостонѣ. Профессоръ Элліотъ, въ гарвардскомъ унисерситетѣ, въ своей публичной лекціи высказалъ сожалѣніе по поводу того, что браки между академически-образованными людьми становятся все болѣе рѣдкимъ, всѣ боятся обузы, которую представляетъ семья! Эти факты, обнародованные газетами, производятъ волненіе и уже въ нѣкоторыхъ штатахъ проектируются законы, для поощренія многодѣтныхъ семействъ. Какъ всегда въ Америкѣ, частныя лица стали во главѣ движенія и нѣкоторые богачи уже назначили преміи семьямъ съ большимъ количествомъ дѣтей.

Въ Англіи.—Коммиссія Мозелли. Вернувшійся изъ своего путешествія въ Южную Африку, Чэмберленъ долженъ былъ найти Англію нѣсколько измѣнившейся. Частичные выборы, происходившіе въ его отсутствіе, ясно указываютъ, что начался «отливъ имперіализма». Вездѣ либеральные кандидаты одержали побѣду и положеніе кабинета Бальфура становится все болѣе и болѣе критическимъ. Англійскій народъ сильно разочарованъ результатами южно-африканской войны. Послѣ столькихъ жертвъ и столькихъ усилій англичане надѣялись сдѣлаться безспорными властителями южно-африканскаго континента и повелѣвать расами и партіями. Но теперь пришлось разочароваться. Побѣжденный африкандерскій элементъ тѣмъ не менѣе остается всемогущимъ въ Южной Африкѣ, между тѣмъ какъ англосаксонскіе элементы въ

побѣжденной странѣ своими чрезмѣрными претензіями и эгоизмомъ создаютъ только затрудненія англійскому правительству.

Чэмберленъ во время своего путешествія, которое, быть можетъ, могло бы предупредить войну, если бы онъ совершилъ его раньше, вынужденъ былъ не только идти на уступки, но даже умножать обѣщанія, охлаждать рвеніе черезчуръ ретивыхъ насадителей британской культуры и стараться ослабить и успокоить враждебныя чувства. Онъ долженъ былъ также отклонить требованіе отмѣны конституціи, предъявленное ему лордомъ Мильнеромъ и англосаксонцами въ Капѣ.

Но больше всего содѣйствовали наступленію реакціи противъ имперіализма финансовыя затрудненія, отягощеніе новыми налогами и т. п., такъ какъ министру финансовъ приходится теперь постоянно ломать голову надъ придумываніемъ новыхъ источниковъ доходовъ. Нѣкоторые серьезные органы печати жалуются на то, что англійская публика, нѣсколько деморализованная войной и политикою приключеній, находится теперь въ очень нервномъ состояніи. Наиболѣе энергичные и молодые члены консервативной и уніонистской партіи демонстративно отдѣляются отъ кабинета и на каждомъ шагу даютъ понять Бальфуру, что онъ не пользуется болѣе ихъ довѣріемъ. Но Бальфуръ съ удивительнымъ пренебреженіемъ и равнодушіемъ относится къ этому факту. Онъ или не хочетъ замѣчать, или не надѣется спасти министерство и только порою, посредствомъ ловкаго парламентскаго маневра, старается помочь которому-нибудь изъ своихъ коллегъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. По общему мнѣнію консервативное министерство держится до сихъ поръ только потому, что въ либеральной партіи существуетъ расколъ и обнаруживается большой недостатокъ въ людяхъ и принципахъ.

Недавно вернулась въ Англію коммиссія Мозелли, посланная въ Соединенные Штаты для изученія условій промышленнаго труда. Исторія этой коммиссіи довольно любопытна: одинъ очень богатый и интеллигентный англичанинъ, мастеръ Мозелли, обезпокоенный промышленными успѣхами Новаго Свѣта, рѣшилъ отправить туда на свой счетъ наиболѣе интеллигентныхъ и представительныхъ рабочихъ и поручить этимъ делегатамъ британскаго труда изучить условія американскаго труда. Были выбраны двадцать три человѣка, члены тредъ-юніоновъ, большинство которыхъ были секретарями синдикатовъ и вмѣстѣ съ мистеромъ Мозелли, главою и организаторомъ миссіи, они отправились въ Соединенные Штаты, гдѣ въ теченіе цѣлаго года они изучали условія труда на различныхъ американскихъ фабрикахъ и жизнь въ фабричныхъ селеніяхъ. Отчеты о дѣятельности этой коммиссіи опубликованы теперь и они указываютъ на необыкновенно тщательное и подробное разслѣдованіе, которое производилось коммиссіей самымъ систематическимъ образомъ. Мнѣнія коммиссаровъ расходятся только относительно нѣкоторыхъ пунктовъ второстепеннаго характера, но въ главномъ сходятся совершенно.

Прежде всего они дѣлаютъ заключеніе, что экономическое превосходство Соединенныхъ Штатовъ зависитъ вовсе не отъ какихъ-либо особенно выдающихся качествъ рабочихъ или ихъ патроновъ, не отъ матеріальныхъ

условій, благопріятствующихъ развитію промышленности, а отъ чисто нравственныхъ причинъ, большинство которыхъ находится всецѣло въ зависимости отъ демократической организаціи страны. По словамъ членовъ коммиссіи Мозелли, американскій рабочій, не взирая на стачки, находится все-таки въ лучшихъ отношеніяхъ со своимъ патрономъ, нежели европейскій рабочій; онъ отдаетъ ему больше своего времени и труда и получаетъ отъ него болѣе возвышенную плату, даже принимая въ разсчетъ дороговизну американской жизни. Несомнѣнно также, что американскій рабочій менѣе опасается введенія машинъ и даже, наоборотъ, самъ придумываетъ и отыскиваетъ новыя, механическія усовершенствованія. Вообще, американскій рабочій обнаруживаетъ болѣе живой умъ и большее стремленіе усовершенствовать способы производства.

Всѣ эти качества американскаго рабочаго зависятъ, по мнѣнію коммиссаровъ, прежде всего, отъ превосходства американскаго воспитанія. Въ сѣверныхъ штатахъ въ особенности это замѣтно, такъ какъ тамъ образованіе распространено повсемѣстно и притомъ съ соблюденіемъ полнаго равенства. Никакихъ различій въ этомъ отношеніи не существуетъ и въ городахъ и деревняхъ сѣверныхъ штатовъ однѣ и тѣ же школы посѣщаютъ одновременно и будущіе рабочіе, и будущіе патроны и будущіе чиновники. Спеціализація ученія начинается позднѣе, въ области высшаго образованія, но всѣ въ Америкѣ получаютъ солидное образованіе въ самомъ началѣ. Мозелли утверждаетъ, что именно это равенство и солидность образованія служатъ главнымъ орудіемъ національнаго преуспѣянія. Делегатъ синдиката англійскихъ металлургическихъ рабочихъ Уолльсъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что въ сѣверныхъ штатахъ не дозволяется выходить изъ школы раньше 14—15 лѣтъ. Въ одномъ маленькомъ городкѣ, населенномъ исключительно только рабочими, 50% дѣтей остаются въ школѣ до 15 лѣтъ, а 25% до 16.

Въ общемъ, большинство рабочихъ въ Америкѣ получили такое же образованіе, какъ и ихъ патроны, посѣщавшіе такія же школы. Это обстоятельство способствуетъ укрѣпленію равенства, и если все-таки оно не препятствуетъ возникновенію порой столкновеній на почвѣ заработной платы, то во всякомъ случаѣ оно поощряетъ также и кооперацію на почвѣ труда, совершенно неизвѣстную въ Старомъ Свѣтѣ.

Но и на фабрикѣ точно также не замѣчается никакого различія общественныхъ классовъ, какъ и въ школѣ. Почти вездѣ рабочій имѣетъ право говорить съ патрономъ ежедневно, если захочетъ; съ своей же стороны патронъ всячески старается поощрять частную инеціативу и профессіональную изобрѣтательность своихъ рабочихъ. Парализующее вліяніе классовъ, такимъ образомъ, совершенно уничтожено въ Америкѣ и трудъ и капиталъ становятся союзниками и сотрудниками.

Лучше образованный, лучше обученный, поставленный въ лучшія условія американскій рабочій, не только становится болѣе быстрымъ въ работѣ, но также и болѣе искуснымъ, и лучшимъ въ нравственномъ отношеніи. Онъ умѣетъ разсчитывать и экономничать. Онъ пьетъ и играетъ меньше, чѣмъ англійскій рабочій и вообще рѣдко случается, чтобы у него не было собственнаго малень-

каго домика и ему пришлось бы нанимать уголъ. Коммиссары всѣ единогласно признаютъ, что демократическая цивилизація снабдила американскаго рабочаго такими качествами, благодаря которымъ американская промышленность можетъ торжествовать побѣду надъ промышленностью Стараго Свѣта.

Отчетъ и заключенія коммиссіи, напечатанныя въ газетахъ, вызвали въ Англіи много разговоровъ. Коммиссія, безъ сомнѣнія, достигла своей цѣли, заставивъ обратить вниманіе на ту роль, которую играютъ условія труда въ общемъ прогрессѣ страны.

Албанцы и ихъ литература. Послѣднія событія на Балканахъ и убійство русскаго консула въ Митровицахъ обратили вниманіе европейской печати на одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ Европы — албанцевъ, которымъ до сихъ поръ интересовались только немногіе ученые этнографы и филологи, искавшіе какихъ-либо слѣдовъ литературы у этого народа. Вообще объ албанской литературѣ врядъ ли кто-нибудь слышалъ въ Европѣ. Ученые находили только слѣды новогреческой литературы да занесенные изъ Южной Италіи переводы, заимствованные у калибрійскихъ, апулійскихъ и сициліанскихъ албанцевъ, и разныя церковныя писанія. У этого племени, несмотря на всю его жизнеспособность, не существовало общаго понятнаго шрифта, на которомъ бы онъ могъ выражать свои мысли; да впрочемъ этотъ воинственный народъ, державшійся въ своихъ горахъ въ теченіе тысячелѣтій и свято хранившій древніе завѣты и въ особенности законъ кровавого возмездія, не особенно нуждался въ литературѣ. Тѣмъ не менѣе, все-таки греческая и римская культура коснулись береговыхъ поселеній Албаніи и ея главныхъ караванныхъ путей. Въ Дураццо правили французскія и неаполитанскія династіи князей и одинъ изъ нихъ, Карлъ Дураццо былъ даже призванъ на королевскій престолъ въ Венгріи, но затѣмъ былъ убитъ. На албанское населеніе, спокойно принявшее христіанство, эти политическія событія почти не оказали никакого вліянія. Населеніе, несмотря на христіанскую вѣру, все-таки оставалось вѣрнымъ своимъ стариннымъ обычаямъ и только нашествіе турокъ заставило албанцевъ вступить въ политическую жизнь. Имъ не трудно было принять исламъ, который болѣе подходилъ къ ихъ воинственному характеру и отказаться отъ христіанской вѣры, не успѣвшей пустить глубокихъ корней. Но уже послѣ того какъ албанское населеніе подчинилось турецкому господству, въ Албаніи возникло движеніе, которое не только пробудило политическое сознаніе въ народѣ, но и создало ему литературу и, вѣроятно, въ будущемъ позволитъ ему достигнуть національной самостоятельности. Движеніе независимости началось въ 1878 году основаніемъ албанской лиги «Kongrà» и еще болѣе усилилось подъ вліяніемъ пограничныхъ столкновеній съ черногорцами изъ-за разграниченія территоріи на основаніи берлинскаго трактата. Затѣмъ это движеніе привело къ кровавымъ стычкамъ съ турецкими войсками и въ настоящее время горные албанцы свободны и независимы, несмотря на номинальную власть надъ ними разныхъ турецкихъ вали, мутесарифовъ и каймакамовъ.

Македонское движеніе довольно явственно подтверждаетъ это и сербы и болгары вынуждены отступить передъ албанцами.

Политика и литература у албанцевъ, конечно, тѣсно связаны между собой. Если бы 25 лѣтъ тому назадъ не началось политическое движеніе, то албанцы не имѣли бы той литературы, которую они имѣютъ теперь. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что албанскія газеты издаются только за границей; — въ турецкихъ вилайетахъ Албаніи, конечно, онѣ не могли бы существовать. Но зато въ Тріестѣ, Бухарестѣ, Генуѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ и Катанцаро (Южная Италія) имѣется уже цѣлая албанская литература. Впрочемъ, это исключичительно политическая литература, къ тому же носящая на себѣ очень яркій восточный отпечатокъ. Шрифтъ употребляется латинскій и греческій съ разными особенными значками и вставками. Одинъ изъ знатоковъ албанскаго языка, д-ръ Сиро Трухелка, смотритель національнаго музея въ Сараевѣ, говоритъ, что албанскій языкъ—самый мелодическій изъ всѣхъ европейскихъ языковъ, но онъ слишкомъ богатъ звуками и отчасти это богатство было причиною, что у албанцевъ такъ долго не было литературы. Латинскихъ буквъ не хватало для выраженія всѣхъ звуковъ, имѣющихся въ албанскомъ языкѣ и албанскіе писатели придумывали разные способы и комбинаціи, чтобы помочь дѣлу. Вначалѣ каждый писалъ по своему, но теперь уже всѣми принятъ способъ писанія, который можетъ удовлетворить болѣе или менѣе требованіямъ албанскаго языка и имѣетъ то преимущество, что не вводитъ никакихъ новыхъ знаковъ въ латинскую азбуку.

До послѣднихъ лѣтъ единственными книгами, напечатанными на албанскомъ языкѣ, были изданныя въ Римѣ церковныя писанія, катехизисы и трактаты, напечатанные въ іезуитскихъ типографіяхъ. Но эти книги не могли быть доступны народу, такъ какъ ни языкъ, ни выраженія не были чисто албанскими. Только постепенно, съ усиленіемъ политическаго движенія, народилась и настоящая албанская литература. Основаніе нѣсколькихъ албанскихъ газетъ за границей вызвало къ жизни много поэтическихъ талантовъ среди албанцевъ, большею частью, впрочемъ, проживающихъ за границей. Одинъ изъ лучшихъ лирическихъ поэтовъ Албаніи, Гегъ Постриппа, живетъ въ Египтѣ. Въ албанской газетѣ, въ Бухарестѣ, «Vll i Sgiperije» (Звѣзда Албаніи), а также въ «La Nazione Albanese», издающейся въ Катанцаро, печатаются произведенія албанскихъ беллетристовъ изъ Буэносъ-Айреса и Санъ-Франциско. Очень много содѣйствовалъ развитію національной албанской литературы ежемѣсячный журналъ «Albania», издававшійся нѣсколько лѣтъ въ Брюсселѣ и затѣмъ, съ 1902 года, въ Лондонѣ. Журналъ этотъ издается въ современномъ духѣ и, наряду съ политическими статьями, печатаетъ стихи, популярныя статьи и повѣсти, касающіяся Албаніи и албанцевъ.

Народная поэзія существуетъ тамъ давно и по словамъ д-ра Трухелка, «въ Албаніи каждый—поэтъ». При всякихъ болѣе или менѣе торжественныхъ обстоятельствахъ, являются на сцену импровизаторы и ихъ импровизаціи передаются изъ устъ въ уста, пока не будутъ преданы забвенію, уступая мѣсто новымъ произведеніямъ поэзіи. Нѣкоторыя изъ этихъ импровизацій, впрочемъ,

сохраняются и становятся достояніемъ народной поэзіи. Албанская поэзія преимущественно носитъ воинственный характеръ,—это пѣсни войны и кровавой мести. Но рядомъ съ этою поэзіей распространена еще другая—нѣжная, лирическая поэзія, образцы которой («Соловей», «Плѣнные» и др.) приведены въ нѣмецкомъ переводѣ франкфуртской газетой. Эти стихотворенія дѣйствительно очень поэтичны, а по словамъ переводчика въ оригиналѣ они очень мелодичны.

Германскія женщины и выборы въ рейхстагъ. Въ Берлинѣ состоялось довольно многолюдное собраніе мужчинъ и женщинъ, съ цѣлью обсужденія вопроса объ участіи женщинъ въ предстоящихъ выборахъ въ рейхстагъ. Такъ какъ согласно 21-й статьѣ закона о ферейнахъ, ограниченія параграфа 8-го не касаются избирательныхъ ферейновъ, то однимъ изъ депутатовъ рейхстага было предложено, чтобы женщины воспользовались этимъ обстоятельствомъ и основали, въ виду предстоящихъ выборовъ, свой собственный избирательный ферейнъ. 21-я статья, дающая такія преимущества избирательнымъ ферейнамъ, имѣла въ виду только ферейны «спеціальнаго характера», покровительствующіе извѣстнымъ кандидатамъ, но это не можетъ служить препятствіемъ для болѣе широкаго пользованія этими правами,—замѣтилъ депутатъ въ своей рѣчи собранію. Обрисовавъ яркими штрихами политическое положеніе, онъ указалъ на то, что женщины въ семьѣ и промышленности сильнѣе другихъ ощущаютъ на себѣ зло капитализма и политики интересовъ господствующихъ классовъ, и это вынуждаетъ ихъ вступить на поприще общественной жизни и требовать для себя такихъ же правъ, какими пользуются мужчины. Но пока женщины могутъ лишь косвеннымъ образомъ вліять на выборы, могутъ только агитировать и такимъ путемъ заявлять обществу и рейхстагу о своихъ желаніяхъ и о томъ, чего онѣ ждутъ отъ того и другого. Собраніе вотировало резолюцію, выражающую желаніе, чтобы женщины, воспользовавшись параграфомъ 21-мъ, основали свой избирательный ферейнъ. Тотчасъ же послѣ этой резолюціи былъ разсмотрѣнъ уставъ такого ферейна, устраиваемаго для Берлина и окрестностей. Каждая взрослая женщина можетъ сдѣлаться членомъ этого ферейна, внося ежемѣсячно 20 пфенниговъ. Собраніе предложило нѣкоторыя перемѣны устава и затѣмъ произошли выборы комитета ферейна, состоящаго изъ трехъ человѣкъ. Избранными оказались г-жи Вейгельсъ, Баадеръ и Баашке.

Извѣстная общественная дѣятельница Клара Цеткинъ, появленіе которой въ собраніи вызвало шумныя оваціи, обратилась ко всѣмъ присутствовавшимъ женщинамъ съ горячимъ призывомъ воспользоваться своимъ кратковременнымъ правомъ и основать политическій ферейнъ. Если онѣ упустятъ это, то принесутъ большой вредъ себѣ и обществу. Только посредствомъ труда, посредствомъ практики достигается политическая опытность. Постоянно приходится слышать: «Вы, женщины, не нуждаетесь въ политическихъ правахъ; вы политически незрѣлы». Поэтому-то женщины и должны теперь какъ можно шире воспользоваться этими крошечными минутными политическими правами,

чтобы доказать противное. Женщины не должны оставаться послѣдними въ борьбѣ за право и справедливость.

Однако новооснованные женскіе избирательные ферейны съ первыхъ же шаговъ натолкнулись на препятствія со стороны прусскихъ властей. Представительница ферейна въ Темпельгофѣ г-жа Тиль представила, согласно закону, уставъ ферейна для засвидѣтельствованія мѣстному начальнику, но напрасно ждала она возвращенія устава, которое по закону, должно было послѣдовать немедленно. Когда она лично явилась въ канцелярію, то ей отвѣтили, что «г. начальникъ занятъ въ настоящее время приготовленіями къ одному патріотическому празднеству и поэтому не имѣлъ до сихъ поръ времени засвидѣтельствовать уставъ новаго ферейна».

Между тѣмъ предсѣдательница, не ожидая такого замедленія, назначила уже общее собраніе членовъ ферейна и объявила программу засѣданія. Но не успѣли собраться члены въ назначенный часъ, какъ уже явился полицейскій съ письменнымъ приказомъ начальника, воспрещающимъ собраніе. Очевидно начальникъ, не имѣвшій времени засвидѣтельствовать уставъ новаго ферейна, всетаки улучилъ свободную минутку, чтобы написать приказъ!

Въ печати по этому поводу возникла полемика. «Frankfurter Zeitung» и нѣкоторыя другія газеты замѣчаютъ, что г. мѣстный начальникъ не имѣлъ никакихъ законныхъ основаній для такого поступка и прусскій законъ о ферейнахъ не даетъ ему на это никакого права. Г-жа Тиль, конечно, представила законнымъ порядкомъ жалобу на такой образъ дѣйствій мѣстнаго начальства, но «справедливо можно опасаться—замѣчаетъ франкфуртская газета—что пока эта жалоба пройдетъ всѣ инстанціи и будетъ полученъ на нее отвѣтъ, минуетъ періодъ выборовъ въ рейхстагъ и такимъ образомъ на практикѣ женщины въ Пруссіи не въ состояніи будутъ воспользоваться правами, которыя доставляетъ имъ статья 21-я закона объ асоціаціяхъ».

Возмущеніе, вызванное такими уловками прусской полицейской власти, сдѣлало то, что число женскихъ избирательныхъ ферейновъ возрастало не по днямъ, а по часамъ и при этомъ газеты заявляютъ, что эти ферейны не будутъ преходящимъ явленіемъ. Конечно, они не могутъ существовать оффиціально, но тѣмъ не менѣе, при всякихъ выборахъ, они будутъ заявлять о себѣ и прусскому начальнику придется снова прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы на законномъ основаніи, бороться съ ними.

Броженіе въ южно-американскихъ республикахъ. Маленькія республики средней и Южной Америки находятся, если можно такъ выразиться, въ состояніи «хронической революціи». Тамъ никогда не бываетъ спокойно, но въ послѣднее время это состояніе броженія какъ будто еще больше усилилось. Зато и въ нѣкоторыхъ отеляхъ въ Нью-Іоркѣ замѣчается большое оживленіе. По словамъ нью-іоркскихъ корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ, между этимъ оживленіемъ и смутами въ южно-американскихъ латинскихъ республикахъ существуетъ тѣсная связь. Никакіе перевороты не происходятъ въ этихъ государствахъ безъ участія Нью-Іорка. Оттуда разные искатели приключеній от-

правлются въ путь, надѣясь тамъ, въ Южной Америкѣ, стяжать лавры и пріобрѣсти, кромѣ того, болѣе реальныя вещи. Изъ Нью-Іорка посылается оружіе для предстоящихъ болѣе или менѣе кровавыхъ битвъ, свергнутые же государственные дѣятели этихъ республикъ также направляютъ свои стопы въ Нью-Іоркъ, если только они не успѣли собрать столько денегъ, чтобы ѣхать въ Парижъ и тамъ на парижскихъ бульварахъ прожигать жизнь.

Два отеля въ Нью-Іоркѣ, отель «Муро» и отель «Америка», населены такими дѣятелями, ожидающими только случая, чтобы примѣнить свои способности къ дѣлу. Пока не представится такой случай, эти люди занимаются только тѣмъ, что разсказываютъ другъ другу свои геройскіе подвиги и обсуждаютъ лучшіе способы, посредствомъ которыхъ скорѣе и легче можно ниспровергнуть президента или диктатора гдѣ-нибудь на ихъ отдаленной родинѣ. Разговоры эти, впрочемъ, ведутся вполголоса, такъ какъ каждому президенту или диктатору южно-американской республики извѣстна репутація упомянутыхъ отелей и они содержатъ тамъ своихъ шпіоновъ.

Обыкновенно революціи въ латинскихъ республикахъ подготовляются слѣдующимъ образомъ: въ Нью-Іоркѣ существуютъ двѣ или три крупныя торговыя фирмы, которыя держатъ въ своихъ рукахъ почти всю торговлю въ Южной Америкѣ. Деньги этихъ фирмъ являются главною двигательною силой всѣхъ революцій. Стоитъ, напримѣръ, какому-нибудь президенту обложить высокою вывозною пошлиной какой-нибудь продуктъ страны и такъ какъ эту пошлину приходится уплачивать экспортной фирмѣ, потому что туземецъ получаетъ обыкновенно такъ мало за свои продукты, что съ него больше ничего не возьмешь, то разумѣется президентъ, который ввелъ такую пошлину, теряетъ расположеніе и дружбу крупной фирмы и если не произойдетъ соглашенія и не будетъ найденъ какой-нибудь другой способъ уладить дѣло, то фирма устраиваетъ революцію. Президентъ и остальные дѣятели отправляются въ изгнаніе. Въ двухъ названныхъ отеляхъ идетъ дѣятельная работа. Они всегда бываютъ переполнены изгнанниками южно-американскихъ государствъ, министрами, генералами и разными другими вождями, имена которыхъ пользуются громкою извѣстностью на родинѣ. Надъ многими изъ этихъ дѣятелей тяготѣетъ даже смертный приговоръ, но это ихъ нисколько не смущаетъ, такъ какъ они твердо увѣрены, что новое положеніе вещей недолговременно и снова произойдетъ переворотъ, который выдвинетъ ихъ на сцену политической жизни и позволитъ имъ вернуться —большею частью также временно—къ тѣмъ должностямъ, которыя они занимали раньше. Первымъ признакомъ подготовляющагося новаго переворота являются объявленія, красующіяся на первыхъ страницахъ большихъ американскихъ газетъ: «Приглашаются сильные и здоровые люди на службу въ Южную Америку». Затѣмъ туда же отправляются суда съ оружіемъ и военными припасами подъ видомъ земледѣльческихъ орудій, сала, строительныхъ матеріаловъ и т. д. Вскорѣ послѣ этого изъ Сальвадора, Никарагуа, Парагвая или какого-нибудь другого маленькаго государства получается телеграмма: «Вспыхнула революція!»

Въ американской газетѣ «Sun» разсказывается, какимъ образомъ была

устроена революція въ С.-Доминго, гдѣ въ настоящее время происходятъ большіе безпорядки. «Въ курительной комнатѣ отеля Мура въ Нью-Іоркѣ появился недавно генералъ Евгеній Дешанъ и тотчасъ же всѣмъ стало ясно, что онъ явился для того, чтобы вызвать къ жизни революцію противъ Веласкеца, президента С.-Доминго. Одна очень извѣстная американская фирма предъявила искъ на эту республику въ нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ. Надѣяться на то, что администрація Веласкеца признаетъ этотъ искъ, было нельзя, между тѣмъ фирма получила завѣренія, что если сдѣлается президентомъ генералъ Хуанъ-Исидоръ Хименецъ, то онъ удовлетворитъ предъявленныя претензіи. Въ подвалахъ обоихъ отелей были спрятаны 6.000 старыхъ ружей, которые затѣмъ, подъ видомъ сельскохозяйственныхъ орудій, бочекъ съ гвоздями и т. п., отправили въ разныя гавани по сосѣдству съ С.-Доминго. Тотчасъ же послѣ этого была издана прокламація, приглашающая народъ въ С.-Доминго «свергнуть иго тирановъ и собраться подъ знаменемъ Хименеца, который обѣщаетъ дать странѣ хорошее управленіе». Документъ этотъ былъ подписанъ пятью генералами—повидимому ни одинъ изъ революціонеровъ С.-Доминго, обитающихъ въ нью-іоркскихъ отеляхъ, не имѣетъ меньшаго титула! Все было подготовлено, но одинъ изъ этихъ генераловъ сдѣлалъ неосторожность и написалъ одному изъ своихъ друзей въ С.-Доминго о подготовленіи переворота. Письмо было перехвачено, попало въ руки президента Веласкеца и въ результатѣ грузъ оружія былъ конфискованъ. Тѣмъ не менѣе это не остановило революціоннаго движенія и, какъ извѣстно, мятежники обложили и взяли столицу».

Рѣдкое явленіе. Недавно въ Стокгольмѣ общество было очень заинтересовано публичными лекціями молодой турецкой принцессы, Гаиріе Бенъ-Аидъ, жены бывшаго турецкаго генеральнаго консула Али-Нури-бея. Уже самый фактъ появленія турецкой женщины въ качествѣ лектора долженъ былъ возбудить всеобщее вниманіе, какъ совершенно необычное явленіе. Молодая турецкая принцесса пожелала ознакомить, главнымъ образомъ, европейскихъ женщинъ съ печальнымъ положеніемъ ихъ восточныхъ сестеръ, съ этою цѣлью она совершаетъ теперь круговую поѣздку по Европѣ. Сначала она посѣтила Копенгагенъ, а затѣмъ отправилась въ Стокгольмъ и вездѣ своимъ появленіемъ возбуждала всеобщее вниманіе. Но, выступая въ качествѣ адвоката турецкой женщины, принцесса должна была обратиться къ помощи другого лица, такъ какъ сама она не говоритъ ни на какомъ другомъ европейскомъ языкѣ, кромѣ своего родного. Поэтому ее сопровождаетъ всюду армянскій журналистъ Анмегіанъ, бывшій редакторъ газеты «Stamboul», который прочитываетъ ея докладъ, переведенный на французскій языкъ. Принцесса входитъ, привѣтствуетъ публику по турецкому обычаю прикладываніемъ руки ко лбу, затѣмъ произноситъ краткое вступленіе на турецкомъ языкѣ и послѣ того предоставляетъ говорить Анмегіану, который стоитъ возлѣ нея. Анмегіанъ читаетъ ея докладъ, описывающій жизнь и воспитаніе турецкой женщины. Обыкновенно все образованіе турчанокъ ограничивается лишь чтеніемъ Корана и во всей Турціи едва най-

дется сотня женщинъ, которыя обучены иностранными гувернантками и поэтому получили все таки нѣкоторое образованіе. Яркими штрихами рисуетъ лекторша порабощенное положеніе турецкой женщины въ гаремѣ. Дѣвушка—это товаръ, о которомъ ведется торгъ. Она не видала своего будущаго мужа и повелителя и о ея вкусахъ не справляется никто. Ее вынуждаютъ къ повиновенію, иногда насильственными мѣрами и обращаются съ нею порой хуже чѣмъ съ рабыней. Рабство воспрещено оффиціально, но торговля дѣвушками процвѣтаетъ. Даже жены султана, за однимъ только исключеніемъ, ничто иное, какъ рабыни. Но несмотря на всѣ препятствія и загражденія въ Турцію все таки проникаютъ идеи прогресса и свободы. Самосознаніе начинаетъ просыпаться и у турецкихъ женщинъ и доказательствомъ можетъ служить, что появились уже турецкія писательницы, которыя стараются вызвать интересъ къ судьбѣ турецкихъ женщинъ и помочь имъ выбраться изъ своего униженнаго и порабощеннаго положенія.

Само собою разумѣется, что въ докладѣ турецкой принцессы говорится не только о положеніи турецкихъ женщинъ, но и о положеніи Турціи вообще, причемъ, конечно, достается и султану. Принцессу сопровождаетъ и ея супругъ, Али-Нури-бей, приговоренный турецкими судебными властями, въ общемъ, къ 101 году тюремнаго заключенія. Понятно Али-Нури-бей предпочелъ скрыться и жить на свободѣ за границей. Какъ оказывается, онъ вовсе не турокъ, а шведъ, уроженецъ Малмё, но турецкій подданный. Онъ поступилъ на службу въ турецкую дипломатію и былъ генеральнымъ консуломъ, между прочимъ въ Роттердамѣ и Амстердамѣ. Его обвинили въ принадлежности къ младотурецкой партіи и судили, но друзья помогли ему бѣжать. Али-Нури-бей недавно только получилъ судебный приговоръ, мотивировка котораго указываетъ между прочимъ, на основательность географическихъ познаній турецкихъ судей. Тамъ, между прочимъ, Али-Нури-бею ставится въ вину, что онъ, будучи генеральнымъ консуломъ въ Роттердамѣ, безъ разрѣшенія султана «выѣхалъ изъ Роттердама въ Голландію»!

Супруга Али-Нури-бея, принцесса Гаиріе, дочь умершаго турецкаго паши Бенъ-Аида, который былъ нѣкогда министромъ финансовъ въ Тунисѣ и посланникомъ при дворѣ Наполеона III. Онъ былъ страшно богатъ и ему принадлежала седьмая часть Туниса, но и ему, въ концѣ концовъ, пришлось спасаться бѣгствомъ изъ Туниса въ Мальту. Въ настоящее время его оба сына ведутъ процессъ съ французскимъ правительствомъ насчетъ возвращенія наслѣдства послѣ ихъ отца. Въ случаѣ выигрыша принцесса Гаиріе должна будетъ получить около десяти милліоновъ. Выйдя замужъ за европейски образованнаго человѣка, принцесса Гаиріе, получившая только обычное турецкое воспитаніе, подъ вліяніемъ мужа, усвоила себѣ болѣе широкій образъ мыслей. Съ его помощью она старалась пополнить пробѣлы своего воспитанія. Все больше и больше разгоралось въ ней возмущеніе противъ приниженнаго положенія женщинъ въ Турціи. Она рѣшилась даже идти прямо къ султану и говорить ему объ этомъ, и ей удалось, къ великому ужасу придворныхъ слугъ, проникнуть въ покои главнаго евнуха, которому она и высказала, въ пламенныхъ выра-

женіяхъ, свое негодованіе на такое отношеніе къ женщинѣ, какое существуетъ въ Турціи. Ошеломленный этимъ внезапнымъ появленіемъ и краснорѣчіемъ турчанки, главный евнухъ, къ удивленію всѣхъ, далъ ей свободу высказаться, между тѣмъ какъ султанъ невидимо присутствовалъ при этой сценѣ, за шелковою занавѣской. Смѣлый поступокъ принцессы не имѣлъ однако, для нея никакихъ непосредственныхъ дурныхъ послѣдствій; ее даже накормили завтракомъ въ Ильдызъ кіоскѣ и затѣмъ въ сопровожденіи четырехъ адъютантовъ препроводили домой, но, тѣмъ не менѣе, друзья посовѣтовали ей поскорѣе и тайно убраться изъ Константинополя, гдѣ она не могла быть въ безопасности. Она такъ и сдѣлала. За границей къ ней присоединился ея мужъ, также бѣжавшій изъ турецкой столицы и пріятель обоихъ, журналистъ Ахмегіанъ, тоже приговоренный турецкимъ судомъ къ пожизненному заключенію за то, что свободно высказывалъ свои мысли о положеніи дѣлъ въ Турціи въ одной изъ турецкихъ газетъ, издающихся заграницей, вслѣдствіе невозможности издаваться въ Турціи при существующихъ условіяхъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Душа хирурга.—Реакція противъ имперіализма въ Англіи.—Взаимныя отношенія балканскихъ народностей.

Профессоръ медицинскаго факультета д-ръ Форъ печатаетъ въ журналѣ «Revue» интересную статью, въ которой анализируетъ душевное состояніе хирурга. «Въ нашъ вѣкъ, говоритъ онъ, столько сдѣлано поразительныхъ открытій, что уже ничто не представляется намъ невозможнымъ и мы равнодушно читаемъ объ открытіяхъ, которыя сто лѣтъ тому назадъ взволновали бы весь міръ. За послѣдніе годы, пожалуй, только одно открытіе Рёнтгена заставило насъ встрепенуться. Этотъ удивительный, таинственный свѣтъ, невидимый для глазъ и дѣлающій доступными нашему зрѣнію непроницаемыя тѣла, вызвалъ у насъ чувство смущенія, но не потому, чтобы онъ открывалъ намъ невидимый міръ. Это открытіе поразило насъ оттого, что мы не ожидали его и что оно было долею отъ всего того, что мы привыкли рисовать себѣ въ нашемъ воображеніи. Но существуетъ наука—хирургія которая, среди всеобщаго равнодушія пользуется все-таки привилегіей возбуждать всеобщее вниманіе своими успѣхами и всѣхъ одинаково интересуетъ. Сообщеніе о какой-нибудь необыкновенной операціи всегда вызываетъ нѣкоторое волненіе. Хирургія близко затрогиваетъ всѣхъ и поэтому о ней никто не можетъ говорить равнодушно.

«Благодаря пастёровскимъ доктринамъ, хирургія въ теченіе двадцати лѣтъ, сдѣлала такіе успѣхи, какихъ она не могла достигнуть въ прежнія времена, несмотря на всѣ свои смѣлыя и честолюбивыя стремленія. Теперь совершаются операціи, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ нельзя было бы и помышлять и поэтому мы невольно восхищаемся и преклоняемся передъ торжествомъ этой науки. Но если теперь уже никто не оспариваетъ могущества хирургіи, то все же душа хирурга остается сокрытой для постороннихъ очей, такъ какъ

есть чувства, которыя можетъ знать только тотъ, кто ихъ испыталъ. Душа хирурга неизвѣстна никому и глубокія эмоціи, наполняющія и волнующія ее, могутъ быть анализированы только тѣмъ, кто самъ испыталъ ихъ. Художники и писатели любятъ изощрять свой талантъ насчетъ хирургіи и тѣхъ, кто ей служитъ. Очень часто хирурговъ представляютъ грубыми, нечувствительными и жестокими существами; во всякомъ случаѣ имъ приписывается извѣстная черствость сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что прежніе хирурги должны были обладать исключительною энергіей, для того, чтобы ежедневно возобновлять ту жестокую борьбу съ окровавленнымъ и измученнымъ больнымъ, которая въ тѣ времена называлась операціей. Очень возможно, что постоянное возобновленіе кровавыхъ сценъ сдѣлало прежнихъ хирурговъ «по наружности» нечувствительными къ страданіямъ своихъ больныхъ. Но это только по наружности. Многіе подъ маскою непоколебимой энергіи, навѣрное, скрывали глубокое и болѣзненное ощущеніе, которое они, силою воли, заставляли прятаться въ тайникахъ своей души. Теперь времена измѣнились. Конечно, хирургъ долженъ обладать извѣстною долею индиферентизма къ виду крови, но преувеличивать этотъ индиферентизмъ не слѣдуетъ. Нынѣшнія операціи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ напоминаютъ картины прошлаго. Анестезія, устранивъ боль, сознаніе и испугъ, отняли у оперативнаго акта то, что придавало ему въ прежнія времена характеръ ужаса. Зрѣлище страданія, даже крики паціента, стонущаго подъ ножомъ или пилой, перепиливающей ему кости, почти неизвѣстны современнымъ хирургамъ, которые лишь въ очень опасныхъ случаяхъ рѣшаются отказаться отъ всемогущей и благодѣтельной помощи хлороформа».

Тѣ, кто въ наружномъ хладнокровіи хирурга видятъ презрѣніе къ человѣческой жизни и думаютъ, что хирургическая практика убиваетъ въ душѣ хирурга всякую чувствительность и мягкость, плохо понимаютъ эту душу. Напротивъ, ничто такъ не развиваетъ эти благородныя качества души, ничто не способствуетъ такъ развитію чувства состраданія, какъ именно ежедневное зрѣлище страданій, которыя требуютъ вмѣшательства хирурга. Ему вовсе не нужно питать «любовь къ крови», какъ это думаютъ многіе, а надо только не бояться крови. «Я думаю, прибавляетъ профессоръ, — что, пожалуй, нѣтъ въ мірѣ положенія, болѣе требующаго отъ человѣка сострадательности и мягкости по отношенію къ тѣмъ, кто страдаетъ, какъ положеніе хирурга. Хирургъ долженъ быть ласковымъ и убѣдительнымъ и особенно терпѣливымъ съ тѣми, кто страдаетъ и пугается операціи. Мягкость вѣдь не исключаетъ энергіи, непоколебимой твердости и авторитета. Но это правда, что хирургъ долженъ обладать несомнѣнною нравственною силой. Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который бы, подобно хирургу, такъ часто подвергался сильнымъ эмоціямъ, иногда нѣжнымъ, но часто трагическимъ и мучительнымъ и притомъ безконечно разнообразнымъ, такъ что, быть можетъ только это разнообразіе дозволяетъ имъ стойко выдерживать постоянныя повторенія такихъ эмоцій. Ежедневно ставится на карту человѣческая жизнь, и хирургъ попеременно испытываетъ то чувство удовлетворенія послѣ побѣды надъ трудностями, то страхъ при видѣ неизбѣжной опасности. Внезапно и безъ

всякаго приготовленія онъ переходитъ отъ душевнаго спокойствія послѣ правильной операціи къ сильной тревогѣ, которую порождаетъ въ немъ какое-нибудь неожиданное осложненіе. Душа быстро закаляется въ этой непрестанной борьбѣ и смѣнѣ душевныхъ эмоцій. Нѣтъ ни одного акта въ профессіональной жизни хирурга, который бы не налагалъ на него серьезной отвѣтственности. Каждое его рѣшеніе, мысль и каждое дѣйствіе и порою даже движеніе можетъ вести за собою серьезныя, иногда благодѣтельныя, а иногда и очень трагическія, роковыя послѣдствія. Трудная и важная обязанность возлагается на человѣка, который во всякое время держитъ въ своихъ рукахъ жизнь и смерть, и въ роли хирурга заключается иногда много величія! Отвѣтственность его начинается, однако, не съ того момента, когда онъ приступаетъ къ операціи, а тогда, когда онъ принимаетъ какое-нибудь рѣшеніе. Безъ сомнѣнія, бываютъ многочисленные случаи, серьезныя положенія, во время которыхъ никакія колебанія не могутъ быть допущены. Малѣйшее промедленіе можетъ стоить жизни и поэтому хирургъ долженъ дѣйствовать рѣшительно и часто на свой страхъ. Но бываютъ не столь ясно выраженные случаи и тогда-то хирургъ оказывается въ очень трудномъ положеніи. Не было непосредственной опасности для жизни, но эта опасность могла наступить каждую минуту и повлечь за собою быструю смерть и вотъ это заставило хирурга рѣшиться на операцію, чтобы обезпечить больного отъ роковой случайности. Но операція, какъ бы она ни была легка, можетъ все-таки окончиться смертью и въ такомъ случаѣ хирургъ, желая спасти больного, въ дѣйствительности произнесъ ему смертный приговоръ, кромѣ того есть и такіе больные, которые расплачиваются своею жизнью за то, за что другіе потомъ будутъ спасены! Только такими жертвами достигается прогрессъ. Понятно, поэтому, что хирургъ, рѣшаясь на операцію, долженъ испытывать сильное волненіе, сознавая отвѣтственность, которую онъ беретъ на себя, но хирургъ, достойный этого имени, не долженъ бояться этой отвѣтственности. Фатальный исходъ операцій часто находится въ зависимости отъ минутной разсѣянности или слишкомъ сосредоточеннаго одностронняго вниманія, отъ слишкомъ медленнаго или слишкомъ быстраго движенія, вообще отъ массы мелочей, которыя недоступны для обыкновеннаго наблюдателя. И часто бываетъ, что хирургъ, хотя съ виду и сохраняющій полнѣйшее хладнокровіе и твердость руки, тѣмъ не менѣе чувствуетъ въ своей душѣ смертельную тревогу, замѣтивъ неуловимые признаки, что жизнь больного подвергается смертельной опасности, и чувствуя, что на немъ лежитъ отвѣтственность. Жизнь хирурга полна этихъ глубокихъ волненій и никогда онъ не испытываетъ минуты абсолютнаго нравственнаго покоя. Но зато онъ переживаетъ великія и трагическія минуты, минуты торжества и участія и минуты отчаянія и горькихъ сожалѣній. Его жизнь полна высокихъ ощущеній и, умирая, онъ можетъ сказать себѣ, что его окровавленныя руки облегчили гораздо болѣе страданій, нежели причинили ихъ!

Въ англійскомъ журналѣ «International Quaterly» напечатана статья Мэссингема, въ которой авторъ жалуется на то, что парламентъ въ настоящее

время не имѣетъ ни достаточно авторитета, ни вліянія на внѣшнюю политику страны; финансовый контроль палаты общинъ также ослабѣлъ, могущество же палаты лордовъ постоянно усиливается и новыя парламентскія правила, создающія такое положеніе, заставляютъ палату общинъ кое-какъ и невнимательно выполнять свои обязанности. Спикеръ облеченъ теперь новыми правами и все болѣе и болѣе обнаруживаетъ стремленіе пользоваться своею дискреціонною властью въ ущербъ лидеру палаты, однако въ этой мрачной картинѣ современнаго политическаго положенія въ Англіи, авторъ видитъ все-таки свѣтлыя стороны, заключающіяся въ томъ уваженіи къ парламентскимъ учрежденіямъ, которое показываютъ въ настоящее время независимыя консервативные члены. Благопріятнымъ симптомомъ авторъ считаетъ также образованіе могущественной радикальной группы, достаточно сильной въ интеллектуальномъ и діалектическомъ отношеніи, чтобы удерживать въ границахъ честолюбіе Чемберлена и недовѣрчивое отношеніе Бальфура къ свободному парламентскому правительству. Но пока эти силы, въ которыхъ лежитъ залогъ будущаго страны, достаточно разовьются, палата общинъ, сохраняя свой величественный, церемоніальный видъ, все-таки будетъ терять свое значеніе, какъ центральная сила британской конституціи, однако въ британскомъ народѣ слишкомъ много жизненной силы, слишкомъ онъ любитъ свои свободныя учрежденія, чтобы допустить ихъ упадокъ. Временное ослѣпленіе призракомъ славы и цѣлями имперіализма пройдетъ, какъ проходитъ опьяненіе, и здравый смыслъ и чувство народа возьмутъ верхъ надъ этими случайными уклоненіями.

Въ «Edinburgh Review» также напечатана статья, въ которой говорится о несовмѣстимости двухъ идеаловъ: демократіи, съ ея внутреннею работою надъ созданіемъ свободнаго, активнаго и благоденствующаго народа, который долженъ мирнымъ образомъ распространить по всему міру цивилизацію и торговлю путемъ свободной эмиграціи избытка населенія, и имперіи, стремящейся завладѣть міромъ силою оружія, за счетъ обремененнаго и обезсиленнаго народа и въ интересахъ лишь небольшого класса спекуляторовъ и капиталистовъ. Ни одна нація не станетъ закрывать свои двери сильному своимъ трудомъ эмигранту, который приноситъ съ собою свои собственные идеалы, свои собственные семейные и соціальные типы. Но призрачное движеніе впередъ, движеніе солдатъ и флага, за которымъ не слѣдуетъ торговля, всюду встрѣчаетъ сопротивленіе и вызываетъ всеобщее раздраженіе. Дѣйствительная колонизація такихъ людей, которые желаютъ быть колонистами и сдѣлать карьеру, находитъ вездѣ хорошій пріемъ, тогда какъ захватъ страны только ради выгоды и эксплуатаціи ея праздными людьми, космополитами пауками, старающимися опутать весь земной шаръ своими сѣтями, всегда нуждается въ поддержкѣ оружія.

Македонскій вопросъ, выдвинутый на сцену политической жизни Европы послѣдними событіями, служитъ, конечно, темою многочисленныхъ статей въ иностранныхъ журналахъ. Особенно англійская журналистика интересуется

этимъ вопросомъ. «Contemporary Review», напр., разбирая отношенія, существующія между различными народностями на Балканахъ, говоритъ, что греки, въ сущности, симпатизируютъ туркамъ. «Странно и даже нѣсколько непріятно видѣть, — говоритъ авторъ статьи, — что въ Аѳинахъ въ настоящее время не турокъ, а болгаръ считаютъ худшими врагами національныхъ стремленій въ Македоніи. Но тотъ, кто изучалъ восточный вопросъ, не будетъ удивленъ такою внезапною и калейдоскопическою перемѣной со времени войны 1897 года, и только тѣ филантропы, которые надѣются наперекоръ всему и готовы вѣрить наперекоръ исторіи, что всѣ христіанскія расы востока могутъ соединиться вмѣстѣ для крестоваго похода противъ турокъ, врядъ ли согласятся повѣрить, что это надо отнести въ область фантазіи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, даже прежде чѣмъ македонскій вопросъ принялъ острый характеръ, греческая печать постоянно убѣждала султана послать войска въ Македонію и еще недавно, въ одной изъ главныхъ аѳинскихъ газетъ совершенно отрицались факты, приведенные въ «Daily News» о поведеніи турецкихъ войскъ и заявлялось, что «многія другія націи поступили бы точно также при подобныхъ обстоятельствахъ!»

Что касается албанцевъ, то, по словамъ покойнаго профессора Вирхова, они обладаютъ «самыми интеллектуальными черепами въ Европѣ». Но, по словамъ д-ра Диллона, изучившаго ихъ нравы, они, кромѣ того, обладаютъ и наибольшею долею жестокости и своею кровожадностью и отвращеніемъ къ спокойной, трудовой жизни напоминаютъ курдовъ и также какъ они считаютъ, что имѣютъ право эксплуатировать другія, болѣе слабыя, расы. Главные ихъ племенные обычаи, это обычай кровавой мести и гостепріимства, которые свято соблюдаются. Было вычислено, что около 25% населенія умираютъ насильственною смертью, но албанецъ не боится смерти и у него существуетъ поговорка: «Умереть это несчастье, но жить — это также половина несчастья». Любовь къ свободѣ и независимости, нежеланіе подчиняться какимъ-либо правиламъ современной государственной жизни, импульсивность и дикость составляютъ главныя черты характера албанцевъ и тѣми мѣрами, которыя думаютъ примѣнить къ нимъ теперь, трудно будетъ покорить этотъ независимый горный народъ, такъ мало придающій цѣны какъ чужой, такъ и своей собственной жизни.

Вообще въ сужденіяхъ и статьяхъ англійскихъ журналовъ звучитъ пессимистическая нота. Съ албанцами совладать будетъ трудно и развѣ только временно удастся возстановить временное спокойствіе. Проектируемыя реформы не могутъ быть панацеей, тѣмъ болѣе, что между христіанскими народностями существуетъ такая же племенная вражда, какъ между турками и христіанами въ Турціи. Нужны рѣшительныя средства, чтобы уничтожить источникъ постоянныхъ смутъ и безпорядковъ на Балканскомъ полуостровѣ, но Европа не можетъ прибѣгнуть къ нимъ, такъ какъ тутъ сталкиваются интересы различныхъ европейскихъ странъ, и изъ мелкой смуты и вспышекъ на Балканскомъ полуостровѣ легко можетъ возникнуть большая европейская война.

---

*

ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ.

(Письмо первое.).

Возвратясь въ Пекинъ послѣ двухлѣтняго отсутствія, я нашелъ въ немъ много перемѣнъ: на обращенныхъ въ развалины боксерскимъ движеніемъ 1900 года, китайскихъ пепилищахъ выросъ новый европейскій благоустроенный городъ, а старый отодвинулся далеко въ сторону. Но странное дѣло: тишина на улицахъ европейскаго Пекина, размѣренность и однообразіе европейской жизни, ничтожное уличное движеніе, стоящіе по угламъ улицъ полицейскіе изъ солдатъ международныхъ отрядовъ, ходящіе съ ружьями часовые у воротъ посольскихъ зданій—вся эта новая, понятная европейскому уму жизнь, водворившаяся на развалинахъ прежней свободной китайской народной жизни, скучна и сѣра своимъ однообразіемъ, надоѣдлива своими казарменными порядками. Время отъ времени является потребность уйти изъ-подъ надзора европейской улицы въ прежнюю шумящую и кипучую народную жизнь, увидать непринужденно веселыя или свободно гнѣвныя, непритворно ласковыя или откровенно грубыя лица, услыхать простую, но содержательную и образную народную рѣчь.

Вся вмѣстѣ взятая народная суета во всей своей непритязательной правдѣ, открытой и никѣмъ не стѣсняемой, освѣжаетъ и ободряетъ, отгоняя прочь подступающую скуку и апатію. Пробывъ въ народной толпѣ, возвращаешься обратно въ европейскую приглаженную улицу свободнымъ отъ усталости и скуки. Народная уличная жизнь начинается въ Пекинѣ очень рано. Въ этой жизни для европейца все ново, все занимательно, все особенное, свое, или привлекательное, или отталкивающіе.

Только на улицахъ китайскаго города можетъ европеецъ увидѣть всю повседневную трудовую жизнь населенія. Сюда цивилизація еще не проникла; народъ не знаетъ никакихъ облегчающихъ трудъ техническихъ приспособленій, онъ все дѣлаетъ при посредствѣ собственной мускульной силы рукъ, ногъ и спины, присоединяя силу своихъ домашнихъ помощниковъ животныхъ.

Съ восходомъ солнца на улицахъ Пекина прежде другихъ тружениковъ появляются водовозы, развозящіе воду въ деревянныхъ чанахъ или, если близко, разносящіе ее въ большихъ деревянныхъ ведрахъ на коромыслѣ. Деревянные чаны развозятся на ручной телѣжкѣ, одноколесной, скрипучей и визгливой, а большіе чаны при посредствѣ лошади. Старый Пекинъ не имѣетъ водопровода и жители воду получаютъ изъ колодцевъ, очень многочисленныхъ, находящихся по нѣскольку на каждой улицѣ и составляющихъ общественную собственность.

Изъ такихъ колодцевъ при помощи блоковъ, если вода глубоко, или при помощи только одной веревки, вытягивается плетеными изъ ивовыхъ прутьевъ ведерками вода и наливается или въ четыре небольшіе чана, поставленные по два на каждой сторонѣ ручной телѣжки, или по жолобу вливается въ одинъ большой чанъ. Наполнивъ чаны водой, китаецъ-водоносъ набрасываетъ себѣ на плечи лямку изъ широкой полосы холста, прикрѣпленной къ рукояткамъ телѣжки, и, ставъ въ эти оглобельки, сильными, мускулистыми руками везетъ свою тяжелую ношу.

Издали слышится скрипуче-визгливый ходъ деревяннаго колеса деревянной водовозки, и вотъ передъ глазами проходитъ, нагнувшись впередъ и тяжело ступая, полуголый водовозъ, съ катящимся ручьемъ потомъ по его загорѣлой почти до чернаго цвѣта груди и спинѣ.

Яркое и жгучее солнце востока положило особую лоснящуюся политуру на его кожу. Голова водовоза защищена отъ солнечныхъ лучей широкой соломенной шляпой, ноги—башмаками изъ толстаго синяго холста, черезъ плечо перекинуто толстое полотенце, которымъ онъ отираетъ катящіеся по груди и спинѣ ручьи трудоваго пота.

Приближаясь къ моднымъ Цянь-Миньскимъ воротамъ, начинаемъ встрѣчать все больше и больше жизни. Вотъ и площадь. Китайскія телѣги и группы осликовъ съ ихъ погонщиками ожидаютъ нанимателей. Китайская телѣга представляетъ собою экипажъ весьма оргинальный, но крайне неудобный для европейца: это кибиточка на двухъ колесахъ, въ которую нужно забраться и сидѣть или съ вытянутыми ногами, или поджавъ ноги, такъ какъ дно этой телѣги представляетъ собою ровную плоскость. Лѣтомъ во время жаровъ или во время дождей для закрытія животнаго и возницы протягивается надъ ними синій холщевый пологъ, укрѣпленный одной стороной на верху кибитки, а другими концами прикрѣпленный къ оглоблямъ надъ головой лошади.

Ослики въ Пекинѣ крайне разнообразны по росту: есть совсѣмъ маленькіе, есть средніе, есть высокіе. Какъ серьезно стоятъ они въ группѣ, пошевеливая своими длинными ушами. Какое умное и вмѣстѣ съ тѣмъ грустное выраженіе въ ихъ глазахъ. Всѣ ослики осѣдланы широкими мягкими плоскими сѣдлами, а на шеѣ у каждаго надѣты мелкіе бубенчики, мягко позвякивающіе, когда осликъ бѣжитъ своей мелкой торопливой трусцой.

Погонщики осликовъ страшно всѣ выносливы, они цѣльными днями на ногахъ и безъ устали бѣгутъ слѣдомъ за осликомъ, покрикивая на него и погоняя тонкой палочкой, замѣняющей хлыстъ. Среди взрослыхъ погонщиковъ часто встрѣчаются подростки, которые дружно зарабатываютъ себѣ съ осликами кусокъ хлѣба.

Въ настоящее время сообщеніе по улицамъ Пекина стало значительно удобнѣе и скорѣе, нежели прежде. Въ настоящее время нѣтъ необходимости ѣздить по улицамъ Пекина въ телѣгѣ, испытывая толчки, когда этотъ громоздкій, нерессорный экипажъ прыгалъ по выбоинамъ въ каменной мостовой или по колеямъ немощеныхъ улицъ. Всю душу бывало выматывало, когда приходилось испытывать это путешествіе. Отъ стука и треска разбаливалась голова, а отъ толчковъ о стѣнки кибитки, очень чувствительныхъ, нерѣдко у неопытнаго еще сѣдока появлялись на головѣ шишки. Въ настоящее время количество телѣгъ значительно сократилось, такъ какъ послѣ боксерскаго 1900 года вошли въ общее почти употребленіе рикши, вытѣснившіе неудобовыносимыхъ телѣжниковъ.

Рикша это общее названіе человѣка и колясочки, которую онъ везетъ. Колясочка эта двуколесная, очень легонькая, съ мѣстомъ только для одного пассажира. По мощенымъ и шоссированнымъ улицамъ такую колясочку везетъ одинъ человѣкъ или двое, и если путь далекій и трудный, то трое.

Способъ передвиженія такой: одинъ бѣжитъ впереди въ оглобелькахъ, а одинъ или двое бѣгутъ сзади, подталкивая колясочу за спинку.

Рикша есть изобрѣтеніе чужеземное и родиной ея надо считать городъ Іокогаму въ Японіи, гдѣ изобрѣтателемъ этого способа передвиженія явился англичанинъ, придумавшій для себя колясочку, которую возилъ одинъ японецъ. Это было въ 1868 году.

Изъ Іокогамы рикши, какъ чрезвычайно удобныя для передвиженія, распространились по всей Японіи, затѣмъ перешли въ портовые города Китая, вытѣснивъ повсюду ѣзду въ экипажахъ, а въ настоящее время они распространились и на сѣверѣ Китая, въ Портъ-Артурѣ и Ніочжуанѣ.

Пройдя чрезъ Цянь-мынь'скія ворота съ разрушенною надъ ними послѣ пожара 1900 года башней, а нынѣ совершенно разобранной, мы вступаемъ въ китайскій городъ и выходимъ на главную Императорскую улицу, по которой Императоръ слѣдуетъ для поклоненія и приношенія жертвъ въ храмъ неба.

Эта улица составляетъ сердце китайскаго Пекина: по ней расположены всѣ магазины, лавки, банкирскія конторы, мастерскія, базары; по ней самое людное движеніе, самое большое оживленіе; въ прилегающихъ къ ней уличкахъ и переулочкахъ совмѣщается вся дѣловая, торговая, промышленная жизнь. Въ нихъ театръ и мѣста удовольствій и развлеченій.

Съ первыхъ же шаговъ по этой улицѣ охватываетъ всей полнотой китайская жизнь и первое впечатлѣніе производитъ тяжелое. Тотчасъ же въ началѣ этой улицы находится мостъ, хотя съ перилами изъ бѣлаго мрамора, но крайне загрязненный. Мостъ этотъ перекинутъ черезъ небольшую рѣчушку, лѣтомъ пересыхающую, и служитъ постояннымъ пребываніемъ многочисленныхъ нищихъ, ужасныхъ пекинскихъ нищихъ въ рубищахъ и язвахъ, протягивающихъ свои изможденныя руки и неотвязно преслѣдующихъ проходящаго европейца жалобными криками: «господинъ, нечего ѣсть, дай нѣсколько денегъ». На большомъ разстояніи преслѣдуютъ эти жалобные крики и забѣгающіе впередъ нищіе, часто женщины съ дѣтьми, становятся въ ожиданіи на колѣни. Многіе нищіе лежатъ на землѣ въ язвахъ, не имѣя силы подняться и даже говорить, эти несчастные только жалобно воспаленными глазами смотрятъ на проходящаго. На улицѣ посреди грязи, отбросовъ, пыли живутъ эти несчастные полуголые, часто голые, иногда прикрывающіе свою ужасную наготу рогожкой или какимъ-нибудь рваньемъ, здѣсь они жмутся другъ къ другу, когда холодно, здѣсь они спятъ и часто здѣсь же умираютъ.

Среди нищихъ, поражающихъ ужасомъ мученій и страданій, изрѣдка встрѣчаются и благообразные нищіе, протягивающіе молча для подаянія корзиночку. Но такихъ нищихъ можно встрѣтить очень рѣдко. У китайцевъ очень сильно и прочно развито и держится родовое начало; всѣ родственники поддерживаютъ обѣднѣвшихъ сородичей и помогаютъ имъ пережить трудное время. Истинными нищими являются только или бездомныя дѣти улицы и нищеты, или одинокіе калѣки.

Здѣсь же на мосту по одной его сторонѣ пріютились уличныя харчевни, въ которыхъ на открытомъ воздухѣ рабочій людъ имѣетъ свой невзыскательный горячій завтракъ и обѣдъ.

Перейдя мостъ нищихъ, мы вступаемъ въ самую сутолоку. Пѣшіе, конные, верховые на лошадяхъ, мулахъ, осликахъ, телѣги, рикши, продавцы всевозможныхъ вещей, все это, словно муравьи въ громадной муравьиной кучѣ, копошатся, стремясь по всѣмъ направленіямъ и сохраняя въ то же время поразительный порядокъ, наполняя воздухъ хаосомъ всевозможныхъ звуковъ, начиная отъ выкрикиваній погонщиковъ ословъ, скрипа ручныхъ телѣжекъ, стука и звона по дереву и металлу продавцовъ различныхъ издѣлій и кончая пронзительнымъ ревомъ животныхъ.

Начинаютъ встрѣчаться богатые магазины, что можно узнать по обилію рѣзныхъ украшеній по дереву, по золоченымъ, вертикально спускающимся вывѣскамъ.

Толпы народа окружаютъ европейца, но вѣжливость, тактичность китайцевъ поразительны. Они молча разсматриваютъ чужеземца, перекидываются другъ съ другомъ замѣчаніями и только нѣкоторые предложатъ вопросъ: «Гуй-чу ши шема ди-фанъ?» «Какой страны житель», и затѣмъ обязательно вопросъ: «Нинна гуй синъ», т. е. «Ваше почтенное имя». Китайцы вѣжливы, общительны, тактичны и никогда не позволятъ себѣ сдѣлать непріятность европейцу, если онъ самъ не вызоветъ на это своимъ поведеніемъ. Бывали случаи, что любознательные европейцы, попавъ въ уличную толпу, начинали разгонять её отъ себя толчками и хлыстами, бывшими въ рукахъ, и въ отвѣтъ на это получали отъ толпы комья грязи, уличные отбросы и камни, но должно-ли винить въ этомъ китайцевъ.

При ласковомъ обращеніи съ толпой она отвѣчаетъ всегда изысканной вѣжливостью и безусловно дорожитъ вниманіемъ чужестранца. Но быть долго въ китайской толпѣ невыносимо для европейца, вслѣдствіе природнаго запаха чесночной травы-черемши, которую китайскій народъ поѣдаетъ въ громадномъ количествѣ, пропитывая воздухъ этимъ ужаснымъ запахомъ.

Единственнымъ средствомъ избавиться отъ толпы можетъ служить только входъ въ первый магазинъ. Китайская толпа столь же быстро расходится, какъ быстро и плотно собирается.

Китайскіе магазины и лавки узнаются, главнымъ образомъ, по особымъ вывѣскамъ, на которыхъ не пишется названіе торговли или производства, а дѣлается указаніе на спеціальность той или другой лавки. Всѣ магазины и лавки въ Китаѣ занимаются торговлей по спеціальностямъ, и въ магазинѣ, гдѣ торгуютъ шелковыми матеріями, ничего, кромѣ шелку, купить нельзя. Спеціалисты-врачи имѣютъ также свои вывѣски; у спеціалиста по глазнымъ болѣзнямъ надъ дверью спускаются на длинныхъ четкообразныхъ веревкахъ два бѣлыхъ круга, въ серединѣ которыхъ нарисованъ глазъ. У воротъ постоялаго двора находится большой шестъ съ прикрѣпленными къ нему изображеніями мѣдныхъ денегъ, и проч.

Семейная жизнь въ Китаѣ не развита, и женщина-китаянка находится въ приниженномъ, подчиненномъ положеніи у мужчины, который все свое свободное время проводитъ или на улицѣ, или въ компаніи въ ресторанахъ, замѣняющихъ наши клубы, или въ общедоступныхъ увеселительныхъ чайныхъ домахъ.

Для бѣднаго рабочаго населенія на всѣхъ модныхъ улицахъ много харчевенъ, много лавочекъ съ прохладительными напитками въ видѣ фруктовыхъ квасовъ. Обстановка этихъ уличныхъ ресторановъ непритязательна, но дешева. Тутъ же на самодѣльномъ переносномъ очагѣ варится супъ, жарятся лепешки, готовятся соусы, овощи, рисъ. Изъ большихъ блюдъ отдѣльныя части пищи соединяются, смотря по вкусу и желаніямъ, въ маленькія чашечки, и густая пища поѣдается посредствомъ палочекъ, замѣняющихъ наши вилки, ножи и ложки, а жидкое выпивается черезъ край.

Несущаяся съ улицы тучами пыль, насѣдающая на ѣду, не смущаетъ аппетита потребителей. Кромѣ харчевенъ, многочисленные разносчики на лоткахъ предлагаютъ вкусныя печенья.

Какъ не притязательна жизнь китайскаго народа, не знающаго европейскаго комфорта, такъ же просты его потребности и ихъ удовлетвореніе. Не зная удобствъ въ передвиженіяхъ на большія разстоянія, какія имѣетъ европеецъ въ экипажахъ, общественныхъ каретахъ, трамваяхъ съ электрической тягой, желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, китаецъ и до сего дня еще пользуется своими первобытными омнибусами, гдѣ за дешевую плату совершаетъ переѣзды въ ужасной тѣснотѣ, но не въ обидѣ.

На улицѣ проходитъ вся жизнь: здѣсь китаецъ на виду всѣхъ совершаетъ свой туалетъ, уличный цирульникъ брѣетъ ему голову, моетъ и расчесываетъ волосы, на улицѣ башмачникъ чинитъ обувь, улица для китайца полна удовольствій и развлеченій своими фокусниками, разсказчиками уличныхъ сценъ, продавцами ученыхъ птичекъ, которыхъ онъ носитъ на палочкѣ, профессіональными игроками въ кости, домино, уличными врачами, гадальщиками и предсказателями судьбы.

Въ китайскомъ городѣ повсюду на улицахъ массы народа, но никогда нельзя увидѣть драки, никогда нельзя услышать ругани, никогда нельзя встрѣтить валяющагося мертвецки пьянаго. Какъ бы ни было велико скопленіе народа на базарахъ и ярмаркахъ, тѣмъ не менѣе повсюду поддерживается образцовый порядокъ не при помощи полиціи и кулаковъ, а вѣковой воспитанностью и культурностью народа, выше всего ставящей въ обращеніи вѣжливость и учтивость.

Всѣ тѣ китайскія церемоніи, которыя часто смѣшны для европейцевъ, составляютъ для китайцевъ основу ихъ общежитія; передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ обязательные къ исполненію завѣты предковъ, эти церемоніи воспитали весь китайскій народъ отъ крестьянина до вельможи въ правилахъ почета и уваженія старшихъ и учтиваго обращенія между собою. Эта учтивость въ обращеніи составляетъ одну изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ китайскаго характера.

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ 15 февр. 1903 г.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Пыльный дождь 21—22-го февраля (нов. ст.); роль пыли въ жизни земли и человѣка.

Въ ночь съ 21-го на 22-ое февраля (нов. стиля) почти во всей центральной Европѣ и въ Англіи шелъ *пыльный «дождь»*. Образцы пыли были собраны въ Гаврѣ, Брестѣ, Брюсселѣ и во многихъ мѣстахъ Швейцаріи. Вотъ какъ описываютъ это явленіе очевидцы. Передъ выпаденіемъ пыльнаго «дождя» появился сухой туманъ и горячій вѣтеръ, туманъ былъ желтовато-краснаго цвѣта и захватывалъ дыханіе. Затѣмъ, на иглы сосенъ, на траву, на снѣгъ начала осѣдать пыль. *Форель* изслѣдовалъ нѣсколько образцовъ этой пыли, собранныхъ въ Швейцаріи. Пыль оказалась желтоваторозоваго цвѣта и по минералогическому составу совершенно похожей на ту, которая въ мартѣ 1901 года покрыла всю центральную Европу (вплоть до Даніи). Похожа эта пыль и на ту, что выпадаетъ часто въ Сициліи, а также и на ту, что была собрана въ Альпахъ Валисскаго кантона 2-го августа 1902 г. Такъ какъ перечисленные нами пыльные дожди идутъ, по мнѣнію Фореля и большинства ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, изъ Сахары и несутъ къ намъ песчаную пыль этой пустыни, то и родиной пыльнаго дождя 21—22-го февраля текущаго года Форель считаетъ ту же Сахару.

Другой ученый, бельгійскій профессоръ *Принцъ*, подвергъ микроскопическому анализу образцы этого пыльнаго дождя, собранные въ Бельгіи (въ замкѣ Амеруа и въ Гентѣ).

Результаты этого анализа нѣсколько иные, чѣмъ Фореля, но окончательные выводы ихъ все же близки другъ къ другу. Нѣкотораго различія въ составѣ образцовъ пыли Фореля (собранныхъ въ Швейцаріи) и Принца (собранныхъ въ Бельгіи) и нужно было ожидать, такъ какъ по мѣрѣ движенія этотъ пыльный дождь, какого бы происхожденія онъ ни былъ, освобождался отъ болѣе тяжелыхъ частицъ, а кромѣ того при собираніи пыли въ образцы, конечно, попадали и частицы почвы, на которой она осѣла. Цвѣтъ образцовъ пыли проф. Принца былъ уже иной—свѣтлокоричневый (цвѣта кофе съ молокомъ); пыль представляла собою тонкую мучнистую массу, склеивающуюся даже въ сухомъ видѣ; смоченная водой, она образовала коричневатое тѣсто, имѣющее характеръ глины и рѣзкій запахъ земли.

Подъ микроскопомъ видно, что эта пыль состоитъ изъ коричневатожелтыхъ глинистыхъ или известковыхъ комочковъ, съ примѣсью главконита, изъ различныхъ растительныхъ остатковъ, споръ, небольшого числа діатомовыхъ водорослей, затѣмъ осколковъ минераловъ—кварца, ортоклаза, циркона, слюды, рутила, турмалина, граната, однимъ словомъ минераловъ, входящихъ и въ составъ мѣстныхъ (Арденны) горныхъ породъ. Кромѣ того, въ большомъ количествѣ присутствуютъ желтовато-бѣлые обломки известковаго шпата (углекислой извести) и еще большее количество непрозрачныхъ зеренъ и шариковъ, нѣкоторые изъ послѣднихъ содержатъ желѣзо, другіе являются углистыми частицами, наконецъ, третьи—частицами стекла, зеленоватаго, рѣже бѣлаго цвѣта, или даже совершенно непрозрачными. Эти стекловатыя частицы очень похожи на стекло, встрѣчающееся въ вулканическихъ породахъ и пеплѣ вулканическихъ изверженій, но, съ другой стороны, такія же образованія встрѣчаются и въ золѣ большихъ заводскихъ трубъ и даже болѣе походятъ на послѣднія. Поэтому проф. Принцъ и приходитъ къ слѣдующему выводу. Наиболѣе крупныя зерна образцовъ пыльнаго дождя 21—22-го февраля, собранныхъ въ Бельгіи, принадлежатъ къ мѣстнымъ породамъ, стекловатыя частицы составляютъ незначительную примѣсь и происхожденіе ихъ случайное; главной составной частью пыли является тонко-мучнистая глинистая и известково-гипсовая масса, съ частицами главконита и слюды, похожая по составу на тонкую пыль ландъ и пустынь.

Такимъ образомъ и проф. Принцъ отвергаетъ гипотезу о связи этого пыльнаго дождя съ вулканическими изверженіями Мартиники. Между тѣмъ, вначалѣ большинство предполагало, что эта связь несомнѣнна и что въ данномъ случаѣ повторяются явленія, происходившія послѣ знаменитаго изверженія Кракатау въ 1883 г., когда мелкій вулканическій пепелъ, унесенный отъ мѣста изверженія верхними воздушными теченіями, окуталъ постепенно весь земной шаръ и вызвалъ особыя сумеречныя явленія, когда въ низкихъ широтахъ солнце и луна окрашивались въ синій и зеленый цвѣтъ, а въ болѣе высокихъ появилась красная заря; только въ 1886 г. атмосфера освободилась отъ этого пепла Кракатау.

Итакъ, пепельный дождь 21—22-го февраля не вулканическій; микроскопическій анализъ привелъ насъ къ этому отрицательному результату, но что же даетъ намъ право дѣлать положительный выводъ о происхожденіи этого «дождя» изъ песковъ Сахары? Метеорологическія наблюденія.

Прежде всего отмѣтили, что пыльный дождь 21—22-го февраля охватилъ не только центральную Европу. По собраннымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ оказалось, что онъ выпалъ, кромѣ упомянутыхъ уже нами мѣстъ, на Канарскихъ островахъ, на о-вѣ Мадерѣ, въ Бристолѣ, въ Лондонѣ, въ Амстердамѣ, въ Дортмундѣ (Вестфалія), въ Бюкебургѣ (Липпе-Шауенбургъ), въ Гермсдорфѣ (Силезія), въ Станиславѣ (Галиція), въ Ишлѣ и Боклабрюкѣ (Верхняя Австрія), въ Галейнѣ (Зальцбургъ), въ Ливиненталѣ (Тессинскій кантонъ) и въ части Средиземнаго моря между Испаніей и Марокко.

Эта полоса, приблизительно въ 500 тысячъ квадратныхъ километровъ, въ нижней своей части вытянута въ с. з.—ю.-в. направленіи, верхняя уже ея

часть направлена на востокъ и юго-востокъ внутрь европейскаго материка. Оказывается, что въ этомъ же направленіи дули въ данное время вѣтры и были расположены изобары, а именно: полоса высокаго (выше 770 милим.) атмосфернаго давленія тянулась въ это время съ юго-востока Соединенныхъ Штатовъ до Россіи и имѣла въ Атлантическомъ океанѣ ширину приблизительно въ 10 градусовъ широты, къ югу она достигала до 40-ой параллели. Въ Старомъ Свѣтѣ полоса эта шла отъ сѣвера Франціи и Германіи до Сѣверной Африки; на востокѣ доходила до Чернаго моря. Барометрическій максимумъ (выше 780-ти метр.) былъ на югѣ Франціи и Испаніи. Въ Сѣверной Европѣ въ это время было низкое давленіе, центръ его (ниже 735 милим.) находился около полярнаго круга.

Вслѣдствіе такого распредѣленія изобаръ въ интересующей насъ области наблюдались слѣдующіе вѣтры: 21-го февраля въ Западной Европѣ однообразный вѣтеръ съ ю. на ю.-з.; на слѣдующій день тоже, кромѣ Германіи, гдѣ воздушное теченіе повернуло на западъ. Въ Атлантическомъ океанѣ, вдоль береговъ южной Европы до 25-го западной долготы (по Гринвичскому меридіану), а также и на Азорскихъ о-вахъ господствовалъ ю.-з. вѣтеръ. По мѣрѣ приближенія къ Америкѣ направленія вѣтра становились непостоянными, но все же съ значительнымъ преобладаніемъ с.-з. Въ сѣверной Европѣ, подъ вліяніемъ низкаго давленія на сѣверѣ, были сильные вѣтры между з. и ю.-з., тогда какъ на югѣ материка, также какъ въ Тунисѣ и въ Алжирѣ, дулъ слабый вѣтеръ съ измѣнчивымъ направленіемъ.

Такое совпаденіе между полосой пыльнаго дождя 21—22-го февраля и полосой распредѣленія вѣтровъ приводитъ бельгійскаго ученаго *Вандеръ Линдена* къ выводу, что облака пыли переносились въ данномъ случаѣ нижними вѣтрами. Это же подтверждается и многочисленными наблюденіями, сдѣланными въ морѣ, изъ которыхъ видно, что, дѣйствительно, эти пыльныя облака шли относительно низко и походили на желтый туманъ; они двигались съ юго-запада, такъ какъ были сначала замѣчены вдоль береговъ Сѣверной Африки, что видно изъ многочисленныхъ корабельныхъ записей. Многія судна линіи Гамбургъ-Америка встрѣтили эти облака у западнаго берега Африки. Такъ, капитанъ парохода «Westphalia» заявилъ, что, идя изъ Монтевидео, онъ бросилъ якорь у Мадеры 24-го февраля; послѣдніе дни погода была скверная благодаря вѣтру съ в. и воздухъ былъ наполненъ пылью. Въ журналѣ парохода «Ville-de-San-Nicolas» записано: «втеченіе 22-го и 23-гофевраля (11°—12° сѣв. шир. и 27°—26° восточ. долг.) воздухъ былъ насыщенъ тонкой красноватой пылью, которая образовала какъ бы плотную пелену. Мы принуждены были пользоваться звуковыми сигналами... Это было почти въ 300 миляхъ отъ острововъ Зеленаго Мыса и приблизительно въ 500 миляхъ отъ африканскаго берега».

На сѣверо-западъ отъ этого мѣста, между островами Зеленаго Мыса и Дакаръ, въ корабельномъ журналѣ судна «Cordillère» подъ 21-мъ февраля записано: «съ часу вечера небо совершенно заволокло; туманъ все уплотняется и къ заходу солнца становится непроницаемымъ. Палубу покрываетъ мучнистая желтая пыль (это пыль пустыни...)». Наконецъ, въ широтахъ еще болѣе высокихъ,

около Тенерифа, подобное же явленіе было записано въ журналѣ судна «Caravellas» подъ 19-мъ февраля: «Съ 3-хъ часовъ утра красная пыль падаетъ на палубу и вокругъ корабля (тонкій красный песокъ); не видимъ горизонта уже въ теченіе 2-хъ дней».

Маскаръ получилъ письмо отъ директора метеорологическаго бюро на Азорскихъ о-вахъ, описывающее тѣ же явленія.

20-го февраля въ 10 часовъ утра на Пунтѣ-Дельгьда опустился густой туманъ, совершенно закрывшій солнце. Затѣмъ выпало громадное количество пыли, окрасившей въ желтый цвѣтъ горы Пико (2.274 метра), стѣны города, деревья, траву пастбищъ и стада. То же наблюдалось и въ Хортѣ и на другихъ Азорскихъ островахъ центральной группы. Населеніе было сильно испугано. Изъ этихъ описаній ясно, что вдоль береговъ Африки 19-го—22-го февраля громадныя массы пыли наполняли нижніе слои атмосферы. То же было и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ появлялся этотъ пыльный дождь: всюду онъ стѣснялъ дыханіе и все заволакивалъ какъ бы туманомъ.

Какъ же была поднята и перенесена изъ Сахары эта масса пыли? Мы уже знаемъ, что въ эти дни Сахара была занята южной частью антициклона *), гдѣ дуетъ вѣтеръ съ востока.

Извѣстно, что чѣмъ больше пространство охватываетъ антициклонъ, тѣмъ глубже окружающія его депрессіи, иначе говоря, тѣмъ ниже вокругъ его барометрическое давленіе. Антициклонъ конца февраля текущаго года, какъ мы видѣли, дѣйствительно, былъ окруженъ такими депрессіями: мы видѣли сильное паденіе атмосфернаго давленія на сѣверѣ Европы, а также и въ Атлантическомъ океанѣ, сѣвернѣе антициклональной области съ большимъ давленіемъ. Весьма вѣроятно, что такое же барометрическое паденіе было въ это время и на югѣ антициклона въ Сахарѣ. Господствующіе тамъ восточные вѣтры должны были при этихъ условіяхъ дуть съ особенною силою и на громадномъ протяженіи и дѣйствительно мы видимъ, что капитанъ «Вестфаліи» чувствуетъ еще этотъ вѣтеръ у западныхъ береговъ Африки. Эти вѣтры, если они не сопровождаются дождемъ, вздымаютъ съ почвы пустыни громадныя количества песка и уносятъ ихъ далеко.

Эти соображенія позволяютъ Вандеръ-Линдену утверждать, что пыльный дождь февраля 1903 г. образованъ пескомъ Сахары, унесеннымъ на западъ восточными вѣтрами пустыни. Достигнувъ океана этотъ песокъ былъ оттолкнутъ на сѣверо-востокъ, а затѣмъ юго-западнымъ вѣтромъ до юга Англіи и Голландіи, здѣсь эти массы пыли встрѣтили вѣтеръ съ запада, который направилъ ихъ въ Германію, а съ востока ея они были отброшены на юго-востокъ. Весь

---

*) Если изобары (линіи, соединяющія пункты съ одинаковымъ атмосфернымъ давленіемъ) являются концентрическими кривыми, окружающими область съ меньшимъ давленіемъ, то образуется вихрь; дующій къ центру и вращающійся въ сторону, противоположную движенію часовой стрѣлки, это—*циклонъ*; если же изобары окружаютъ областъ съ наибольшимъ давленіемъ, то рождается вихрь, распространяющійся отъ центра и вращающійся согласно движенію часовой стрѣлки, это—*антициклонъ*.

этотъ круговоротъ былъ обусловленъ единственно направленіемъ вѣтровъ, дувшихъ вокругъ одной части антициклона, и направленіе его можетъ быть выражено вращеніемъ часовой стрѣлки.

Вообще пыльные дожди довольно часты вдоль западныхъ береговъ Африки, но обыкновенно они локализированы на относительно небольшомъ пространствѣ. Особенно часто они происходятъ около Канарскихъ островозъ; наиболѣе сильный и продолжительный пыльный дождь наблюдался здѣсь между островами Зеленаго Мыса и Тенерифомъ отъ 11-го до 17-го февраля 1898 г. Можно отмѣтить еще пыльный дождь на Канарскихъ островахъ 21-го—22-го февраля 1883 г. Атмосферныя условія этихъ двухъ дождей были тѣ же, что и дождя 1903 г.

Конечно, переносы пыли на такія громадныя разстоянія, какъ то констатировано для пыльнаго дождя въ февралѣ текущаго года,—явленія относительно рѣдкія и врядъ ли они играли большую роль въ исторіи земной коры. Гораздо значительнѣе съ этой точки зрѣнія болѣе скромные переносы пыли съ одного мѣста на другое. Такіе переносы происходятъ, конечно, и въ Сахарѣ, происходятъ и въ другихъ пустыняхъ и образуютъ тамъ цѣлые ряды песчаныхъ дюнъ. Но кромѣ дюнъ возможны и другія образованія на поверхности земли, создаваемыя отложеніемъ атмосферной пыли. Тамъ, гдѣ климатъ сухъ, растительность слабо развита, а почва сложена изъ мучнистыхъ породъ, воздухъ непрозраченъ даже и въ тихую погоду, такъ какъ въ немъ носятся милліарды взвѣшенныхъ частицъ мелкой пыли. Вычислено, что даже относительно крупныя частицы пыли, діаметромъ въ 1/40 миллиметра падаютъ на землю со скоростью въ 2 сантиметра въ секунду, скорость же паденія частицъ съ діаметромъ въ 10 разъ меньшимъ уже всего 0,02 сантиметра въ секунду. Между тѣмъ даже въ воздухѣ, совершенно спокойномъ на первый взглядъ, все же существуютъ восходящіе токи воздуха, скорость которыхъ больше 2-хъ сантиметровъ въ секунду.

Вѣтеръ же, скорость котораго обыкновенно въ нѣсколько сотъ разъ больше, конечно, увлекаетъ съ собою частицы пыли діаметра гораздо болѣе значительнаго, чѣмъ 1/40 милиметра,—и потому во время бурь въ такихъ сухихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ нагоріяхъ Азіи, въ сѣверо-западномъ Китаѣ, воздухъ такъ наполненъ пылью, что даже днемъ воцаряется иногда полный мракъ. По мнѣнію бар. Рихтгофена, мощныя, въ нѣсколько сотъ футовъ, толщи лёсса*) въ сѣверномъ Китаѣ произошли именно такимъ образомъ, это—переработанная вѣтромъ пыль. Врядъ ли возможно объяснять такимъ образомъ происхожденіе лёсса во всѣхъ мѣстахъ земного шара, напр., у насъ въ Россіи, но по отношенію къ Китаю большинство геологовъ присоединяется къ мнѣнію Рихтгофена.

---

*) Лессомъ называютъ свѣтло-желтый мучнистый суглинокъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ (0,03—0,04 милим.), угловатыхъ или слегка округленныхъ зеренъ кварца, глины (7—10%) и углекислой извести. На югѣ Россіи лёссъ зовется „бѣлоглазкой".

Часто и самъ человѣкъ способствуетъ образованію въ воздухѣ громадныхъ количествъ пыли, напр., при вырубкѣ и корчевкѣ лѣсовъ и подготовкѣ ихъ подъ пахоту. Такія поляны часто лежатъ обнаженныя и лишенныя всякой растительности; поверхность, измельченная предварительной обработкой, высыхаетъ и даетъ обильную пищу вѣтру, который и разноситъ пыль на громадныя пространства. Особенно способствуетъ образованію пыли наша первобытная система земледѣлія, когда подъ такъ называемымъ «чернымъ паромъ» стоятъ на югѣ Россіи милліоны десятинъ, лишенныя всякой растительности. Труды метеорологической сѣти юго-западной Россіи съ ясностью показали, что пыльныя бури, столь частыя и сильныя на сѣверномъ берегу Азовскаго моря, обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, обширнымъ пространствамъ земли, стоящимъ здѣсь подъ чернымъ паромъ.

Также громаднымъ количествомъ мелкой пыли въ воздухѣ объясняется и получившій столь печальную извѣстность у насъ въ Россіи «сухой туманъ», называемый въ степной полосѣ «помохой», когда воздухъ становится молочнымъ и настолько непрозрачнымъ, что въ 30—40 саженяхъ трудно уже различать предметы. Явленія эти еще недостаточно изучены, но ясно одно, что они всегда связаны съ нахожденіемъ въ воздухѣ громаднаго количества твердыхъ частицъ, будь то минеральная пыль почвы или споры растеній и бактерій, или, наконецъ, дымъ, состоящій изъ продуктовъ неполнаго сгоранія лѣсовъ или торфа во время частыхъ у насъ лѣсныхъ и торфяныхъ пожаровъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ, конечно, преобладаетъ какая-нибудь одна изъ этихъ причинъ, но, вѣроятно, могутъ быть случаи, когда дѣйствуетъ совокупность двухъ и даже трехъ изъ нихъ. Помоха наблюдается, главнымъ образомъ, лѣтомъ, при восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтрахъ, и если вѣтеръ не силенъ, то держится иногда нѣсколько дней, но послѣ небольшого даже дождя помоха пропадаетъ; иногда помоха движется тучей и движеніе ея вполнѣ опредѣлено господствующимъ въ данное время вѣтромъ. Помоха оказываетъ губительное дѣйствіе на растительность, какъ луговую, такъ и древесную: травы рѣдѣютъ и погибаютъ, многіе хлѣба также погибаютъ окончательно, другіе даютъ мелкое и тощее зерно, лѣсъ иногда втеченіе нѣсколькихъ часовъ пріобрѣтаетъ осенній видъ, листья липы и осины бурѣютъ и покрываются темными пятнами. Мѣстные жители во время продолжительной помохи жалуются на общую слабость и даже зудъ въ тѣлѣ; есть нѣкоторыя указанія, что въ это время усиливаются и эпидемическія болѣзни (холера).

Помоха охватываетъ иногда громадныя пространства. Такъ, мгла 1896 г. въ 6 дней, отъ 13 до 18 іюня, заняла площадь отъ Акмолинской области до западной окраины Европейской Россіи, при чемъ сильнѣе всего была на востокѣ.

Явленія, подобныя нашей помохѣ, встрѣчаются въ сухихъ равнинахъ Испаніи и въ странахъ Верхняго Нила и также вызваны обогащеніемъ атмосферы пылью, которая поднимается восходящими токами воздуха, образовавшимися благодаря сильному нагрѣванію сухой, лишенной растительности почвы.

Но даже и подобныя перемѣщенія массъ пыли, хотя и имѣющія громад-

ное значеніе не только въ жизни людей, но, какъ мы видимъ, и въ измѣненіи «лика земли», все же—явленія періодическія, а не постоянныя: они не мыслимы безъ сильнаго вѣтра, только сильный вѣтеръ можетъ поднять и переносить такую громадную массу твердыхъ частицъ. Роль пыли не ограничивается этими грандіозными періодическими явленіями, она гораздо шире, значительнѣе и постояннѣе. Мелкая пыль находится въ взвѣшенномъ состояніи въ нашей атмосферѣ всегда и вездѣ, но не въ одинаковыхъ количествахъ. Такъ, по опредѣленіямъ Эткена (Aitken) число пылинокъ въ 1 куб. сантим. воздуха колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ:

Вершина Бенъ-Невиса (Шотландія)........	отъ	335	до	473
» Риги (Швейцарія)...............	»	210	»	2.000
Каннъ и его окрестности................	»	1.550	»	150.000
Белладжіо (оз. Комо).................	»	3.000	»	10.000
Парижъ..........................	»	16.000	»	210.000

Изъ этой таблички видно, что меньше всего постоянной пыли на высокихъ горахъ, затѣмъ на берегу моря и озеръ, въ относительно малонаселенныхъ пунктахъ, а всего болѣе—въ большихъ городахъ. Слѣдовательно, наибольшее количество постоянной пыли нужно приписать дѣятельности человѣка, главнымъ образомъ дыму и копоти, выбрасываемой дымовыми трубами нашихъ домовъ, фабрикъ и заводовъ.

Но откуда же берется пыль въ воздухѣ высокихъ горъ? Во-первыхъ, она можетъ быть мѣстнаго происхожденія тамъ, гдѣ имѣются обнаженныя скалы, во-вторыхъ—восходящія воздушныя теченія могутъ принести ее изъ другихъ мѣстъ и наиболѣе мелкая пыль можетъ оставаться здѣсь въ взвѣшенномъ состояніи втеченіи продолжительнаго времени, въ третьихъ—большое, но еще не учтенное, участіе въ образованіи этой постоянной пыли имѣетъ и такъ называемая «метеорная пыль». Норденшильдъ, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и теоритическихъ изысканій, вычисляетъ, что на землю падаетъ въ годъ до 10.000.000 тоннъ метеорной пыли. Если даже признать вычисленія знаменитаго шведскаго ученаго сильно преувеличенными, все же присутствіе метеорной пыли въ нашей атмосферѣ несомнѣнно: она была находима во многихъ мѣстахъ. Такъ напр., въ Швеціи на снѣгу была найдена черная пыль, оказавшаяся желѣзомъ метеорнаго происхожденія. Понятно, что только при значительномъ одновременномъ выпаденіи такой пыли и притомъ именно на снѣгъ она можетъ быть замѣчена; такіе же случаи, конечно, исключительные. Поэтому нужно признать, что громадныя массы метеорной пыли достигаютъ земной поверхности и, постепенно вывѣтриваясь, ускользаютъ отъ нашего вниманія. Недавно метеорную пыль нашли въ красномъ илѣ Тихаго океана и другихъ морей; и здѣсь она состояла изъ шариковъ желѣза съ примѣсью кобальта и никеля, шарики эти достигали величины 0,2 милиметра, но, конечно, и здѣсь преобладающая масса метеорныхъ пылинокъ имѣла гораздо меньшіе размѣры и подверглась разложенію. Вообще, врядъ ли обычнымъ микроскопическимъ изслѣдованіемъ подобнаго ила можно выяснить количествен-

ное значеніе метеорной пыли въ образованіи земного шара; здѣсь необходимы другіе методы учета, которыхъ наука пока еще не выработала. Но намъ кажется, что анализы большихъ количествъ постоянной пыли, собранныхъ изъ чистаго воздуха горныхъ высотъ могли бы много поспособствовать выясненію вопроса о томъ, правъ ли Норденшильдъ, отводя метеорной пыли центральную роль въ процессѣ образованія земного шара и другихъ міровыхъ тѣлъ.

Хотя мы не можемъ точно учесть различные моменты происхожденія постоянной пыли, но громадное значеніе ея въ жизни земли намъ совершенно ясно: она является однимъ изъ главныхъ факторовъ въ процессѣ образованія дождя и тумана.

Еще лѣтъ 20 тому назадъ извѣстный англійскій физикъ Джонъ Эткенъ, котораго мы уже цитировали выше, демонстрировалъ слѣдующій опытъ.

«Вотъ, говоритъ онъ, два большихъ пріемника, соединенныхъ трубками съ сосудомъ съ кипящей водой. Направимъ паръ въ одинъ изъ пріемниковъ: вы видите паръ тотчасъ же, лишь только онъ туда входитъ. Вотъ поднимается густой туманъ и вы видите, что весь пріемникъ наполняется густымъ паромъ, образующимъ прекрасное бѣлое облако, настолько плотное, что черезъ него ничего не видно. Пустимъ паръ въ другой пріемникъ. Какъ пристально ни вглядывайтесь, вы не замѣтите пара, когда онъ туда входитъ; онъ входитъ туда въ теченіе долгаго времени, но вы его не видите. Никакого намека на облако въ этомъ пріемникѣ, хотя онъ также полонъ парами воды, какъ и первый, въ которомъ все время вы видите туманъ. Чему приписать такое различіе въ этихъ двухъ случаяхъ? Только слѣдующему: въ первомъ пріемникѣ, наполненномъ теперь туманомъ, до опыта находился комнатный воздухъ, тогда какъ во второмъ былъ этотъ же воздухъ, но пропущенный предварительно черезъ ватный фильтръ и слѣдовательно свободный отъ какой бы то ни было пыли. Воздухъ, заключающій пыль, образуетъ густое облако паровъ воды; въ воздухѣ, свободномъ отъ пыли, такого облака не появляется».

Чему же приписать такую конденсирующую способность пыли?

По мнѣнію проф. Менсбругге, это объясняется тѣмъ (законность, установленная лордомъ Кельвиномъ), что шероховатыя, исчерченныя поверхности сгущаютъ паръ воды сильнѣе, чѣмъ совершенно гладкія, при этомъ чѣмъ уже данное углубленіе, тѣмъ скорѣе и легче происходитъ это сгущеніе. Частицы пыли покрыты, конечно, массой узкихъ микроскопическихъ трещинъ и углубленій, въ нихъ то и происходитъ осажденіе и сгущеніе паровъ воды *).

Поэтому большіе, особенно фабричные, города почти всегда окутаны слабымъ туманомъ, который прекрасно видѣнъ, если смотрѣть на городъ издали, съ какого-нибудь возвышенія. При нѣкоторыхъ, благопріятныхъ условіяхъ—усиленіи количества водяныхъ паровъ въ воздухѣ и пониженіи температуры—въ такихъ городахъ появляются туманы, видимые и ощущаемые уже самими

*) Подробнѣе объ этомъ см. нашу „Научную хронику" въ мартовской книжкѣ 1902 г.: „О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ".

жителями. Какъ всѣмъ извѣстно, особенно славится своими туманами Лондонъ: здѣсь все благопріятствуетъ образованію тумана—и влажный климатъ, и обиліе въ воздухѣ угольной копоти; послѣдней Лондонъ обязанъ появленіемъ иногда черного тумана, затрудняющаго дыханіе; во время этого тумана въ Лондонѣ прекращается всякое движеніе. По мѣрѣ роста фабричной дѣятельности увеличивается въ Лондонъ и число туманныхъ дней. Такъ, въ пятилѣтіе отъ 1871—1875 гг. здѣсь было въ среднемъ за годъ 50,8 дней съ туманомъ, въ пятилѣтіе отъ 1876—1880 гг. 58,4 дней, отъ 1881—1885 гг. 62,2 дня, 1886—1890 гг. 74,2 дня. Слѣдовательно, число тумановъ въ Лондонѣ за 20 лѣтъ выросло въ $1^1/_2$ раза, при чемъ наиболѣе сильно это возрастаніе сказывалось зимой и осенью, когда помимо фабричныхъ происходитъ топка и домовыхъ печей. Парижъ въ былое время, когда топливомъ въ немъ были дрова, не зналъ густыхъ тумановъ, теперь же, съ переходомъ къ каменному углю, и въ Парижѣ часто наблюдаются густые желтые туманы.

Проливные дожди слѣдующіе за вулканическими изверженіями и образующіе изъ вулканическаго пепла потоки грязи, залившіе, напр., Помпею, эти дожди вызываются не только изверженіемъ громадной массы водяныхъ паровъ, но и твердыхъ частицъ, которыя немедленно сгущаютъ эти пары въ воду. Многіе склоняются къ тому мнѣнію, что, напр., дождливое лѣто прошлаго года было обязано, между прочимъ, и громаднымъ количествамъ вулканической пыли, обогатившей нашу атмосферу во время изверженій на Антильскихъ островахъ. Вообще, можно утверждать, что круговоротъ воды на земномъ шарѣ былъ бы гораздо медленнѣе, если бы воздухъ былъ свободенъ отъ пыли; тогда водяные пары въ тихую погоду могли бы скопляться въ атмосферѣ въ громадныхъ количествахъ, она была бы пересыщена парами, такъ какъ сгущеніе шло бы гораздо медленнѣе.

Наша характеристика значенія пыли въ жизни земли была бы не полна, если бы мы не сказали нѣсколькихъ словъ объ органическихъ частяхъ пыли.

Было уже упомянуто, что даже въ пыли помохи находится большое количество микроорганизмовъ, большею частью принадлежащихъ къ отряду грибовъ, упомянуто также и о томъ, что въ образцахъ пыльнаго дождя въ февралѣ текущаго года были найдены различные растительные остатки. Вообще, можно сказать, что во всякой пыли находится масса микроорганизмовъ, а также иногда сѣмена и споры высшихъ растеній. Вполнѣ основательно бактеріи и ихъ споры, носящіяся въ воздухѣ считаются одной изъ главныхъ причинъ многихъ болѣзней; поэтому за послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ ученые начали усердно заниматься изученіемъ бактерій, извлекаемыхъ изъ атмосферной пыли. Опредѣляются не только виды, но количества ихъ въ кубической единицѣ воздуха. Особенно систематично ведутся подобныя изслѣдованія въ парижской городской лабораторіи Монсури докторомъ Микелемъ. Между прочимъ, изъ его изслѣдованій видно, что въ кубическомъ метрѣ воздуха находится на высокихъ горахъ 1 бактерія, на Атлантическомъ океанѣ 0,6, на вершинѣ Парижскаго пантеона—200, въ паркѣ Монсури—490, а въ воздухѣ нѣкоторыхъ улицъ Парижа отъ 30 до 36 тысячъ бактерій, въ воздухѣ же, взятомъ изъ госпи-

талія Питье въ одномъ кубическомъ метрѣ воздуха находится 79 тысячъ бактерій. Но нужно замѣтить, что количество бактерій въ воздухѣ колеблется въ зависимости отъ времени года и погоды: лѣтомъ, особенно въ влажную и теплую погоду находится въ воздухѣ наибольшее количество бактерій, послѣ же дождя количество ихъ уменьшается.

До сихъ поръ мы говорили о пыли открытаго воздуха; въ воздухѣ, находящемся внутри домовъ, пыли гораздо больше. Такъ, тотъ же англійскій ученый Эткенъ, на котораго мы уже ссылались, нашелъ въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ воздуха въ залѣ засѣданія королевскаго общества въ Эдинбургѣ:

У пола	до засѣданія	275.000	пылинокъ
У потолка		3.000.000	»
У пола	послѣ засѣданія	400.000	»
У потолка		3.500.000	»

Сильно увеличивается количество пыли въ комнатахъ послѣ продолжительнаго горѣнія свѣчей, лампъ и газа. Такъ, послѣ горѣнія четырехъ газовыхъ горѣлокъ въ теченіе двухъ часовъ количество пыли въ комнатѣ увеличилось слишкомъ въ сто разъ.

Какъ всякое физическое явленіе, атмосферная пыль является то благодѣтельною, то враждебною человѣку. Мы видѣли, что она ускоряетъ круговоротъ воды и тѣмъ, конечно, повышаетъ интенсивность жизни на земной поверхности, но, съ другой стороны, большія количества ея являются причиной сухихъ тумановъ, помохи, безспорно наносящихъ страшный вредъ человѣку. И самъ человѣкъ нераціональнымъ веденіемъ сельскаго хозяйства, гигантскимъ развитіемъ городовъ и концентраціей въ послѣднихъ фабричнаго и заводскаго производства способствуетъ увеличенію въ атмосферѣ количества пыли и вслѣдствіе этого ухудшаетъ климатъ. Но благодаря научнымъ изслѣдованіямъ стали ясны причины этого ухудшенія и средства борьбы съ ними. Научная постановка земледѣлія, охранительные лѣсные законы, искусственныя лѣсонасажденія, регулированіе рѣкъ и искусственное орошеніе безводныхъ сухихъ равнинъ помогутъ человѣку бороться съ пыльными бурями, помохой и засухами, а уничтоженіе, при помощи особыхъ приборовъ, угольнаго дыма и копоти въ самый моментъ ихъ образованія позволятъ большимъ фабричнымъ центрамъ избавиться отъ вредныхъ и во всѣхъ смыслахъ невыгодныхъ искусственныхъ тумановъ. Подобнаго рода мѣропріятія начинаютъ практиковаться уже въ широкихъ размѣрахъ въ культурныхъ странахъ—въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Россія и здѣсь идетъ въ самомъ хвостѣ: она слишкомъ невѣжественна, чтобы понять необходимость такой борьбы, и слишкомъ бѣдна, чтобы осуществить ее; наша борьба съ засухами, неурожаями, пыльными бурями и проч. носитъ какой-то игрушечный, канцелярскій характеръ; да, впрочемъ, иного она и носить не можетъ. До фабричнаго же «тумана» мы не доросли.

Пыль, конечно, приноситъ самой разнообразный вредъ здоровью человѣка, въ особенности же пыль жилыхъ помѣщеній и фабрикъ; такая пыль содержитъ въ себѣ не только зародыши заразныхъ болѣзней, но и острые кусочки камня, которые разъѣдаютъ слизистую оболочку и способствуютъ проникнове-

венію въ ткани бактерій; иногда такая пыль, содержитъ и спеціальныя ядовитыя вещества: мышьякъ, свинецъ, сѣру и проч. Кому неизвѣстно распространеніе чахотки у каменьщиковъ, мельниковъ, граверовъ по стеклу, отравленіе сѣрой и фосфоромъ рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ, свинцомъ—наборщиковъ и т. п.?! Борьба началась и въ этой области, но относительно недавно; окончательная побѣда возможна здѣсь только при высокой культурѣ, когда общественная солидарность будетъ шире пониматься и глубже чувствоваться.

Но все же благодаря пропагандѣ гигіенистовъ въ нѣкоторыхъ странахъ сдѣланы уже первые шаги въ борьбѣ съ вреднымъ вліяніемъ пыли на организмъ человѣка. Такъ, все большее и большее распространеніе получаютъ: распрыскиваніе на пыльныхъ дорогахъ керосина или смолы, запрещеніе плевать на землю, выколачивать ковры на улицахъ и лѣстницахъ, употребленіе мокрыхъ опилокъ при метеніи и тому подобныя «мелочи», имѣющія громадное общественно-гигіеническое значеніе. Съ одной изъ такихъ мелочей гигіенистамъ до сихъ поръ не удавалось справиться, это съ пылью, находящейся въ мягкой мебели, коврахъ, въ занавѣсяхъ и т. п. Вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе не только для богатой буржуазной семьи, имѣющей эти прекрасныя вещи въ своей квартирѣ, но и для всего общества, такъ какъ подобной мебелью и декоративными украшеніями полны наши театры, концертныя залы и многія другія общественныя учрежденія. Между тѣмъ, обыкновенное выбиваніе пыли изъ мебели, помимо общественной опасности, не достигаетъ и прямой своей цѣли, такъ какъ большая часть пыли остается въ мебели и только перемѣщается изъ одного мѣста въ другое.

Въ виду этого, нельзя не считать большимъ прогресомъ въ области общественной гигіены изобрѣтеніе особаго аппарата, при помощи котораго пыль изъ мягкой мебели удаляется совершенно и собирается при этомъ въ особый замкнутый пріемникъ. Аппаратъ этотъ выпущенъ англійской фирмой «Vacuum Cleaner». Онъ состоитъ изъ выкачивающаго насоса, который приводится въ движеніе моторомъ, дѣлающимъ 250 оборотовъ въ минуту. Насосъ соединенъ при помощи гибкихъ трубокъ съ плоскимъ металлическимъ конусомъ, нижняя часть котораго оправлена въ каучукъ. Между этимъ конусомъ и насосомъ находится герметически закрытый ящикъ для собиранія пыли; входящій въ него воздухъ ударяется объ особую металлическую пластинку и оставляетъ здѣсь наиболѣе крупныя частицы пыли, затѣмъ воздухъ фильтруется черезъ двойной мѣшокъ изъ плотнаго полотна и выходитъ наружу почти совершенно свободнымъ отъ пыли. На днѣ ящика устроена особая дверца, черезъ которую можно время отъ времени собирать накопившуюся въ немъ пыль и сжигать ее.

При помощи этого аппарата пыль совершенно извлекается изъ всякихъ матерій, ковровъ, обоевъ и т. п.; воздухъ при этомъ проходитъ черезъ нихъ со скоростью 50 метровъ въ секунду и извлекаетъ пыль не только изъ тканей, но изъ-подъ пея.

Этотъ приборъ приспособленъ для удаленія пыли не только изъ матерій или вообще изъ предметовъ, проницаемыхъ для воздуха, но со стѣнъ, потолковъ, и половъ, не покрытыхъ тканями; въ этомъ случаѣ пускается въ ходъ малень-

кая щетка, приводимая во вращеніе электричествомъ и расположенная у входного отверстія высасывающаго конуса; и въ этомъ случаѣ вся пыль всасывается въ ящикъ.

Упомянутая выше англійская компанія уже произвела предварительные опыты въ нѣсколькихъ театрахъ, въ спальныхъ вагонахъ и даже примѣнило его къ чисткѣ домашнихъ животныхъ, которые подчинялись этой операціи съ большимъ удовольствіемъ. Крайне поразительно количество пыли, собранное при помощи такихъ приборовъ изъ мебели одного театра: 240 килограммъ, т.-е. 15 пудовъ! Эти пуды пыли накопились здѣсь въ теченіе 50 лѣтъ, несмотря на часто производившіяся выкалачиванія мебели. Пыль эта подвергнута микроскопическому изслѣдованію и оказалась состоящей изъ минеральныхъ частицъ, волоконъ шерсти и самыхъ разнообразныхъ микробовъ.

II.

О размѣрахъ микробовъ, о размноженіи *низшихъ организмовъ* и о дѣйствіи на нихъ жидкаго воздуха.

Намъ не разъ уже приходилось говорить о тѣхъ предѣлахъ микроскопическаго изслѣдованія, которые обусловливаются самымъ устройствомъ нашихъ микроскоповъ и несовершенствомъ ихъ стеколъ. Предѣлъ этотъ—0,1 микрона, т.-е. 0,0001 милиметра; частицы меньшего діаметра уже неразличимы подъ микроскопомъ.

Тотъ методъ іенскихъ физиковъ, о которомъ мы говорили въ мартовскомъ «Научномъ фельетонѣ» и который сильно увеличиваетъ разлагающую силу микроскопа, врядъ-ли сможетъ, безъ дальнѣйшихъ усовершенствованій, быть примѣненъ къ изученію обычныхъ микроскопическихъ препаратовъ.

Интересно, что многіе микробы приближаются уже къ этой предѣльной величинѣ: такъ, одинъ патогенный микробъ, найденный въ организмѣ кролика и изученный Кохомъ *(Micrococus progrediens)*, имѣетъ въ діаметрѣ всего только 0,15 микрона, такую же приблизительно величину имѣетъ бактерія, открытая Вогесомъ въ водѣ *(Pseudomonas indigofera)*. Но мы знаемъ, что существуютъ микроорганизмы еще меньшей величины, уже неразличимые нашими микроскопами и обнаруживаемые только тѣми болѣзнетворными процессами, которые они производятъ, а также и слабой опалесценціей тѣхъ жидкостей, въ которыхъ они находятся.

Является вопросъ, во много-ли разъ меньше эти невидимые микробы тѣхъ, которые мы еще различаемъ подъ микроскопомъ, можетъ-ли существовать между ними такое же громадное различіе въ величинѣ, какое существуетъ, напр., между организмомъ человѣка и микробомъ съ діаметромъ въ 0,1 микрона?

Бельгійскій профессоръ *Герера*, исходя изъ вычисленій Максвеля, Лошмидта, Гофмейстера и Ненцкаго, приходитъ къ выводу, что въ микрококкѣ такого объема (діам. 0,1 микрона) *(Micrococus progrediens)* содержится не болѣе 10.000 молекулъ бѣлковаго вещества и 3.000 молекулъ сѣры, а отсюда слѣдуетъ заключить, что тотъ микроорганизмъ, діаметръ котораго былъ бы 0,01 микрона, заключалъ бы не болѣе дюжины молекулъ бѣлковаго вещества и трехъ молекулъ сѣры.

На основаніи этихъ вычисленій Герера заключаетъ, что невозможно предположить существованіе микроорганизмовъ, которые были бы въ нѣсколько сотъ разъ меньше, чѣмъ извѣстные намъ микробы, различимые подъ микроскопомъ. Дѣйствительно, подобнаго рода соображенія указываютъ на опредѣленный предѣлъ мелкости организмовъ, но выводъ этотъ обязателенъ только для тѣхъ, кто молекулярное строеніе вещества считаетъ реальностью.

Въ нѣкоторой связи съ вопросомъ о предѣлѣ мелкости микроорганизмовъ находится и вопросъ о предѣлѣ размноженія ихъ путемъ дѣленія.

По теоріи Вейсмана, одноклѣточные организмы дѣленіемъ на двѣ части могутъ размножаться безконечно, причемъ каждая дочерняя клѣтка является частью материнской, такъ что можно сказать, что жизнь послѣдней продолжается непосредственно.

Многочисленные же опыты Бючли, Мопа и Энгельманна показываютъ, что послѣ цѣлаго ряда дѣленій и для микроба наступаетъ, наконецъ, старость, истощеніе клѣтки, которое можетъ побороть только коньюгація, т.-е. соединеніе двухъ индивидумовъ различныхъ поколѣній въ одинъ; послѣ коньюгаціи клѣтка можетъ снова размножаться дѣленіемъ.

Недавно опубликована работа англійскаго ученаго Н. Кэлькинса (Calkins), которая даетъ этому вопросу иное освѣщеніе.

Для своихъ опытовъ Кэлькинсъ взялъ очень распространенную инфузорію-парамецію (*Paramecium caudatum*). 1-го февраля 1901 г. онъ изолировалъ 2 клѣтки отъ разныхъ индивидуумовъ и въ дальнѣйшихъ опытахъ исходилъ изъ 8 индивидуумовъ, происшедшихъ отъ дѣленія на двѣ части этихъ 2-хъ клѣтокъ.

Къ 1-му мая 1902 г. одна изъ этихъ клѣтокъ дала 553, другая 505 поколѣній. За весь этотъ періодъ размноженія коньюгація мѣста не имѣла, но въ отдѣльные промежутки времени жизненная энергія колоній ослабѣвала, причемъ этого факта нельзя было привести въ связь съ колебаніями температуры. Приблизительно каждые 3 мѣсяца наступалъ періодъ, когда клѣтки дѣлались вялыми и слабыми, переставали регулярно дѣлиться, давали индивидуумовъ неправильной формы и, наконецъ, умирали, если въ жизнь колоній не вмѣшивался такъ или иначе экспериментаторъ. Періоды ослабленія колоній могли быть прекращены механическимъ раздраженіемъ, напр., перевозкой ихъ по желѣзной дорогѣ, или же химическимъ, напр., измѣненіемъ пищи (мясной экстрактъ вмѣсто настойки сѣна), или же, наконецъ, повышеніемъ температуры. Благодаря вышеупомянутымъ раздражителямъ, колонія оправлялась очень быстро и снова начинала дѣлиться съ прежнимъ успѣхомъ.

Результаты этихъ опытовъ наводятъ автора на слѣдующія соображенія.

Коньюгацію можно сравнивать съ оплодотвореніемъ яйца у высшихъ организмовъ; оплодотвореніе и коньюгація физіологически тожественны, такъ что инфузорія, нуждающаяся для дальнѣйшаго размноженія, въ коньюгаціи, подобна зрѣлому яйцу, нуждающемуся въ оплодотвореніи. Но въ послѣднее время стало извѣстно*), что, напр., яйца иглокожихъ способны размножаться и безъ

---

*) См. „Научный обзоръ“ за ноябрь 1902 г. „Оплодотвореніе въ животномъ царствѣ“. П. Ю. Шмидта.

оплодотворенія, благодаря чисто механическимъ или химическимъ раздражителямъ, дѣйствующимъ на яйцо. Такимъ образомъ былъ обнаруженъ своего рода искусственный партеногенезисъ (безполое размноженіе). У инфузорій мы видимъ то же самое и потому можно также говорить объ искусственномъ партеногенезисѣ инфузорій. Очень возможно, что и въ природѣ подобные раздражители могутъ дѣйствовать на инфузорій, для которыхъ поэтому возможно безконечное дѣленіе въ вейсмановскомъ смыслѣ (безъ коньюгаціи). Но и коньюгація сама по себѣ, по наблюденіямъ того же Кэлькинса, не всегда ведетъ къ обновленію клѣтки, такъ что для обновленія клѣтки необходима не столько сама коньюгація, сколько совокупность извѣстныхъ условій, обыкновенно осуществляемыхъ при ней. Если результаты работы Кэлькинса подтвердятся и другими изслѣдователями, то мы пріобрѣтемъ обобщеніе громадной важности для всей біологіи.

За послѣдніе два года намъ не разъ приходилось говорить о работахъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ вліяніе на организмы различныхъ температуръ. Здѣсь мы остановимся на опытахъ Эллена Мэкфедіена (Allan Mackfadyen) о вліяніи низкихъ температуръ на микроорганизмы. Благодаря этимъ опытамъ, еще въ 1900 г. стало извѣстно, что температура жидкаго воздуха (—190° С), дѣйствующая на микробовъ въ теченіе 7 дней, не оказываетъ вреднаго вліянія на жизнеспособность ихъ, а температура жидкаго водорода (—252 °) не убиваетъ ихъ даже въ теченіе 10 часовъ.

Теперь тотъ же ученый поставилъ опыты, при которыхъ жидкій воздухъ дѣйствовалъ на бактеріи впродолженіи полугода. Для опытовъ были взяты микробы, не производящіе споръ, именно: тифозная бацилла, бацилла coli comunis и одинъ стафилококъ (Staphylococcus pyogenes aureus), а также дрожжи (Sacharomyces). Бактеріи помѣщались въ жидкомъ воздухѣ или на кусочкахъ ваты, вложенныхъ въ металлическія продыравленныя трубочки, или прямо на ушкѣ изъ платиновой проволоки. Дрожжи же раньше помѣщенія въ жидкій воздухъ мылись, прессовались и завертывались въ рисовую бумагу.

Пребываніе микробовъ въ теченіе полугода въ жидкомъ воздухѣ не оказало никакого вліянія на ихъ жизнеспособность. Они росли нормально и отправленія ихъ остались неизмѣнными.

Мэкфедіенъ нашелъ также, что свѣтящіяся бактеріи не теряютъ этой способности послѣ дѣйствія на нихъ температуры жидкаго воздуха. Но затѣмъ онъ занялся вопросомъ, будутъ ли онѣ свѣтиться послѣ того, какъ ихъ растереть при температурѣ жидкаго воздуха. Надо замѣтить, что при такой температурѣ, когда всякіе химическіе процессы прекращаются, даже и растираніе не можетъ нарушить химическаго строенія протоплазмы, она только разрушаетъ клѣтки. Опытъ показалъ, что послѣ растиранія способность свѣченія бактеріи пропадаетъ. Отсюда авторъ вполнѣ правильно дѣлаетъ выводъ, что свѣченіе бактерій есть функція живой цѣлой клѣтки, а не химическаго вещества протоплазмы свѣтящихся бактерій.

В. Агафоновъ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Май 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.— Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Луговой. „Грани жизни".—*В. Вересаевъ.* „Разсказы". Т. III.—*Лонгфелло.* „Пѣснь о Гайаватѣ".—*Луве де-Куврэ.* „Любовныя похожденія кавалера Фоблаза".—*Шницлеръ.* „Часы жизни".

А. Луговой. «Грани жизни». Романъ въ пяти частяхъ. Два тома. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. Чтобы понять красивое, хотя нѣсколько вычурное заглавіе г. Лугового, надо привести небольшую выдержку изъ второй части, гдѣ разсказывается, какъ героиня романа Нерамова вмѣстѣ съ героемъ Сарматовымъ посѣщаютъ фабрику хрустальныхъ издѣлій въ Богеміи и любуются искусствомъ стараго опытнаго гравера, гранящаго чашу. «Звенитъ тонкая чаша, а на поверхности хрусталя появляются новыя и новыя грани и новые узоры и прихотливые арабески... Такъ жизнь человѣка въ рукахъ Сатурна, какъ эта чаша въ рукахъ гравера, задумчиво полушопотомъ, начинаетъ фантазировать Сарматовъ.—И въ нашемъ сердцѣ время проводитъ грани за гранями, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ онѣ тоньше, тѣмъ драгоцѣннѣе чаша жизни. Но грани—предѣлы. Немножко въ сторону, немножко за грань, и красота нарушена; немножко глубже, чѣмъ слѣдуетъ, и, вмѣсто грани, трещина. Перекрещиваются между собой тысячи граней, и звонкая чаша горитъ алмазами; нѣсколько трещинъ на ней—и она разбита». Таковъ смыслъ заглавія романа, въ которомъ повѣствуется, какъ жизнь налагала грани въ сердцѣ героини, которая стремится самостоятельно завоевать себѣ мѣсто въ жизни. Какъ женщинѣ, ей приходится съ большими препятствіями отвоевывать себѣ это мѣсто, и около вопроса о женской самостоятельности, о правѣ женщины на «самочинное» существованіе сосредоточивается главный интересъ повѣствованія. Разговоры о женскомъ трудѣ, женской самостоятельности и проч. составляютъ добрую половину содержанія, что дѣлаетъ романъ нѣсколько монотоннымъ, растянутымъ и, правда сказать, скучноватымъ. Личность героини, въ общемъ, очерчена живо и нешаблонно, но все остальное мало оригинально и нехудожественно, а безконечные разговоры на вышеупомянутую тему еще усугубляютъ впечатлѣніе нехудожественности. Авторъ покидаетъ свою героиню въ апогеѣ жизни, когда она завоевала свое мѣсто въ жизни, и обрываетъ внезапно романъ неожиданной смертью мужа ея, что не производитъ, однако, впечатлѣнія незаконченности, такъ какъ авторъ могъ бы еще и еще тянуть процессъ «огранки» своей героини до безконечности, и романъ не сталъ бы отъ этого ни интереснѣе, ни содержательнѣе. Происходитъ это отъ того, что въ самой конструкціи романа есть крупный дефектъ,—нѣтъ развитія характе-

ровъ, художественнаго процесса въ ихъ обрисовкѣ, который такъ или иначе завершился бы въ цѣльный и яркій образъ, вполнѣ законченный и опредѣленный. И героиня, и ея герои не встаютъ предъ нами, какъ живые люди. Это—обычныя схемы, которыми авторъ искусно оперируетъ, поскольку это нужно для его темы, но сами-то они мало интересны, не сверкаютъ «гранями» и не вызываютъ особыхъ отраженій въ сердцѣ читателя, остающагося довольно равнодушнымъ къ ихъ судьбѣ и къ «шлифовкѣ» ихъ авторомъ.

Оригинальную черту романа составляетъ дѣятельность героини, избравшей своей цѣлью устройство образцовой мастерской изящныхъ дамскихъ нарядовъ. Цѣли этой она добивается и очень успѣшно конкурируетъ съ разными французскими магазинами. Но какъ самая цѣль, такъ и способы ея осуществленія врядъ ли кого могутъ увлечь и заинтересовать, какъ отрасль промышленности слишкомъ исключительная и весьма ограниченнаго общественнаго значенія. Тѣмъ болѣе, что все это сводится къ личному благополучію, хотя героиня порой и пробалтывается о иныхъ началахъ, болѣе высокаго пошиба, чѣмъ сколачиваніе копѣйки за чужой счетъ. Но дальше разговора дѣло не идетъ, и героиня благоразумно удерживается отъ осуществленія артельной мастерской.

Въ концѣ концовъ, всѣ «грани» въ сердцѣ героини сводятся къ одному—благополучному и обезпеченному существованію чисто мѣщанскаго свойства, что убиваетъ и тотъ малый интересъ, какой вызываетъ вначалѣ ея борьба за жизнь.

Впрочемъ, второе изданіе показываетъ, что читателей привлекаетъ кое-что къ этому объемистому творенію. Мы думаемъ, что это «кое-что» заключается отчасти въ женскомъ вопросѣ, составляющемъ центръ романа, отчасти въ попыткѣ дать нѣкоторое новое практическое его разрѣшеніе. И то, и другое, вѣроятно, и привлекаетъ преимущественно читательницъ. *А. Б.*

В. Вересаевъ. Разсказы. Т. III. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. Въ третій томъ разсказовъ г. Вересаева вошли пять небольшихъ очерковъ и повѣсть «На поворотѣ», составляющая главное содержаніе этого тома. Повѣсть эта, какъ часто бываетъ въ текущей критикѣ, не была вполнѣ оцѣнена по достоинству. Герой ея Токаревъ какъ-то былъ просмотрѣнъ критикой, больше занявшейся типами молодежи, выведенными въ повѣсти, а неудачная, растянутая и нѣсколько грубая сцена купанія въ началѣ повѣсти слишкомъ привлекла вниманіе критиковъ, изъ-за нея не увидѣвшихъ сущности вопроса, составляющаго центръ повѣсти. Между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ не временное, преходящее значеніе, это дѣйствительно «проклятый» для многихъ и многихъ вопросъ объ «убыли души», когда «на поворотѣ» отъ молодости къ годамъ угасанія измѣняютъ человѣку слабѣющія силы, и онъ начинаетъ съ жгучею болью испытывать все наростающій разладъ между прежними идеальными порывами и своимъ дряхлѣющимъ «я». Въ такомъ настроеніи разлада находятся Токаревъ, человѣкъ въ свое время, и очень сравнительно недавнее, горѣвшій огнемъ идеализма, самоотверженія и страстной жажды борьбы, и любимая имъ дѣвушка, фельдшерица Варвара Васильевна, тоже принесшая не одну жертву и посвятившая всю себя страждущимъ. Оба дошли до поворотнаго пункта жизни, когда приходится настойчиво рѣшить вопросъ, что дѣлать, такъ какъ прежнее изжито, а новое или смутно и неясно, или уже не возбуждаетъ души, усталой и истрепанной жизнью. Настроеніе окружающей молодежи, съ ея жизнерадостностью и бодростью, трогаетъ ихъ, но не заражаетъ. Даже напротивъ, молодой задоръ подчасъ больно ранитъ утомленную душу, бередитъ не зажившія воспоминанія о старомъ, когда и оба они также горѣли, также были полны вѣры въ себя и надежды на лучшее. Варвара Васильевна—прекрасная фельдшерица, вызывающая у всѣхъ трогательное обожаніе своей самоотверженностью при исполне-

нія долга, доходящей до героизма, но она—не только исполнительница велѣній долга, она прежде всего человѣкъ, желающій жить всѣми человѣческими стремленіями, жаждущая высшей цѣли, которая вѣчно влекла бы ее впередъ и впередъ. Долгъ, одинъ долгъ не можетъ наполнить всего человѣка, захватить его всецѣло. Онъ подавляетъ, а не развиваетъ всѣхъ силъ, заложенныхъ въ насъ, и съ невыносимою болью испытываетъ она это чувство подавленности при встрѣчѣ съ непримиримой жаждой дѣла, огромнаго, захватывающаго, всеобщаго, въ юной дѣвушкѣ Танѣ, которая сама—жизнь и неудержимое стремленіе къ дѣлу, не знающее ни колебаній, ни уступокъ. Ее убиваетъ сознаніе, что въ ней нѣтъ больше этой свободной жажды дѣла, страстнаго влеченія къ полнотѣ жизни, что прежніе порывы ослабли, и даже старое личное чувство, любовь къ Токареву, на мигъ ожившая въ ея сердцѣ, уже не вдохновляетъ, а скорѣе еще рѣзче подчеркиваетъ ея душовную усталость. И она умираетъ, сознательно заразившись при уходѣ за больнымъ сапомъ, чтобы покончить съ невыносимымъ для ея прямой и искренней натуры настроеніемъ вѣчнаго разлада и неувѣренности въ себѣ, въ людяхъ, въ своемъ дѣлѣ. Токаревъ переживаетъ то же самое, но по природѣ болѣе мягкій и нерѣшительный, онъ неспособенъ на такой рѣшительный шагъ и можно предвидѣть, что поворотъ для него завершится менѣе трагически. Онъ уже наполовину примирился съ своей «убылью души», когда пытается оправдаться предъ юношей, братомъ Варвары Васильевны, въ своей уступчивости и слабости. Его полукомическая попытка покончить съ собою—это окончательная сдача, отказъ отъ борьбы за высшія цѣли жизни и полное примиреніе съ жизнью. И у читателя не является ни малѣйшаго желанія упрекнуть его за это примиреніе: тяжелое чувство жалости, какъ при видѣ безнадежно больного, охватываетъ насъ, когда послѣ неудачнаго порыва покончить съ собою Токаревъ, разбитый и приниженный, бредетъ «въ темнотѣ, не зная, куда». Онъ страдалъ и боролся, и не вышелъ побѣдителемъ,—пусть такъ! Но только ограниченность и самодовольное тупоуміе можетъ отвернуться отъ него презрительно: кто понялъ настроеніе Токарева, тотъ признаетъ, какъ многое въ немъ не чуждо всякому, кто не примирился еще съ жизнью и борется съ нею... *А. Б.*

Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно иллюстрированное изданіе. 399 рисунковъ. Переводъ И. А. Бунина. Изданіе т ва «Знаніе». 1903 г. Первое изданіе этого отличнаго перевода прекрасной поэмы было нами въ свое время разсмотрѣно («Библіогр. отдѣлъ» 1899 г., май), поэтому мы можемъ здѣсь ограничиться простымъ указаніемъ на настоящее новое изданіе, которое отличается отъ перваго значительно повышенною цѣною (2 р. вмѣсто 1 р. 25 к.) и увеличеніемъ числа рисунковъ. Правда, большинство этихъ рисунковъ, несмотря на свою миніатюрность, представляютъ несомнѣнный интересъ, даже независимо отъ текста: они, повидимому, срисованы съ подлинныхъ экспонатовъ какого-нибудь этнографическаго музея и даютъ наглядное понятіе о разнообразнѣйшихъ предметахъ обихода американскихъ краснокожихъ. Что касается текста самого перевода, то, насколько можно судить безъ построчнаго сравненія, онъ не подвергся въ новомъ изданіи никакимъ измѣненіямъ, хотя нѣкоторыя, впрочемъ немногочисленныя, шероховатости, нужно и можно было бы исправить. Укажемъ, напр., тяжелые обороты: «вы, кто любите», «вы, кто помните» (стр. 4), или безусловно неправильное мѣсто: «сотни *солнцевъ*» (стр. 57), или провинціализмы въ удареніяхъ, какъ «дѣва прерій» (стр. 23 и въ другихъ мѣстахъ), «жестокò» (стр. 167) или, наконецъ, неудачные неологизмы вродѣ «стрѣлодѣлатель» (стр. 99 и дальше). Устранить эти недочеты было тѣмъ легче, что ихъ немного. Однако, повторяемъ, въ общемъ переводъ г. Бунина читается пріятно и легко, а это большая рѣдкость среди нашихъ стихотворныхъ переводовъ. *Е. Дегенъ.*

Луве де-Куврэ. Любовныя похожденія кавалера Фоблаза. Съ портретомъ автора, иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ и предисловіемъ. Спб. 1903 г. Этотъ романъ далеко не шедевръ, но любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Своею необыкновенною въ былые дни популярностью онъ обязанъ, конечно, игривости своего содержанія и искусству автора сплетать и расплетать въ безконечныхъ комбинаціяхъ самыя невѣроятныя положенія. Это типичный романъ XVIII вѣка, когда читатели искали въ подобнаго рода произведеніяхъ не опредѣленно очерченныхъ живыхъ типовъ, не вѣрной картины, а только увлекательно разсказанныхъ событій. Автору охотно прощались натяжки, несуразности, непослѣдовательности и противорѣчія, лишь бы онъ умѣлъ поддержать интересъ къ непрерывно развивающейся фабулѣ. И въ этомъ отношеніи «Фоблазъ» можетъ удовлетворить самые требовательные вкусы: несмотря на свою полную обветшалость, онъ и теперь не вызываетъ скуки: такъ умѣло ведется интрига, такъ ловко держитъ авторъ читателя въ ожиданіи все ускользающей развязки. Но въ этомъ произведеніи есть и другого рода черты, которыя, вѣроятно, проходили незамѣченными для большинства читателей, составившихъ его славу, но интересны съ точки зрѣнія историка литературы. Здѣсь можно найти слѣды вліянія самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и литературныхъ теченій. Книга эта писалась въ знаменательный періодъ 1787—1789 года и содержитъ не мало замѣчаній или разсужденій, которыя, правда, совсѣмъ не вяжутся съ сутью разсказа, но должны показать, что авторъ стоитъ на высотѣ современности и дорожитъ званіемъ «добраго гражданина». Болѣе органическое вліяніе оказали на автора идеи Руссо объ отношеніи половъ и о правахъ чувства. Подъ этимъ вліяніемъ сложился несомнѣнно самый удачный съ современной точки зрѣнія женскій характеръ романа—пылкая графиня де-Линіоль. Всѣ прочія дамы ведутъ обычныя любовныя интриги, какъ это водилось въ XVIII вѣкѣ, сохраняя лишь необходимые конвенансы въ глазахъ свѣта, она же требуетъ правъ своей страстной любви. «Что за важность,—разсуждаетъ она,—что Фоблазъ повѣнчанъ съ другой! Я его люблю, и онъ меня любитъ, (онъ впрочемъ, любитъ всѣхъ женщинъ), а поэтому я его жена, а онъ мой мужъ». Эту мысль она краснорѣчиво и увлекательно развиваетъ и своей теткѣ, и отцу Фоблаза, съ полною примитивною убѣжденностью въ своей правотѣ. Эти страницы могъ бы не стыдясь подписать авторъ «Новой Элоизы». Наконецъ, въ романѣ есть еще любопытная особенность: одно изъ дѣйствующихъ лицъ, польскій графъ, продолжительно разсказываетъ исторію избранія на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, Барскую конфедерацію, попытку конфедератовъ выкрасть короля изъ Варшавы и т. д. Несмотря на фантастическія подробности, видно, что авторъ былъ хорошо освѣдомленъ съ главными фактами. Противъ обыкновенія французскихъ авторовъ, даже гораздо болѣе поздняго времени, топографія передается здѣсь болѣе или менѣе вѣрно, даже географическія имена не переврапы, и ужъ вина русскаго переводчика, что онъ упоминающуюся тамъ рѣку Сулу переименовываетъ въ Сулъ.

Имя героя романа и воспоминаніе объ его баснословныхъ похожденіяхъ надолго пережило имя самого автора романа, также какъ весьма многіе никогда не слыхали имя испанскаго автора, пустившаго въ обращеніе по всей Европѣ типъ Донъ-Жуана. Отголосокъ популярности Фоблаза мы находимъ еще у Пушкина: талантъ Евгенія Онѣгина побѣждать женскія сердца весьма напоминаетъ французскаго героя.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,

Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья,
Умомъ и страстью побѣждать
И т. д.

Французскій прообразъ далъ образцы примѣненія каждаго изъ этихъ пріемовъ и тѣхъ, которые перечисляются далѣе въ такомъ изобиліи. И тутъ же у Пушкина слѣдуетъ упоминаніе самого источника:

Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ
И т. д.

Этотъ «супругъ лукавый» даже не вполнѣ понятенъ, если не имѣть въ виду друга Фоблаза, графа Розамбера, который очень зло смѣялся надъ околпаченными мужьями, пока, женившись, самъ не попалъ въ смѣшное положеніе благодаря побѣднымъ талантамъ Фоблаза. Напомнить русской публикѣ эту книгу было бы небезполезно, но, къ сожалѣнію, небрежный языкъ перевода, ничего не говорящее предисловіе, слѣпой шрифтъ и дрянная бумага настоящаго изданія показываютъ, что оно расчитано не на тѣхъ читателей, которые отнеслись бы къ нему съ серьезными требованіями, а исключительно на тѣхъ, которые будутъ искать въ немъ легкаго и пикантнаго чтенія. Для послѣднихъ, впрочемъ, нужно замѣтить, что нѣкоторые эпизоды въ русскомъ переводѣ сокращены. *Ев. Дегенъ.*

Артуръ Шнитцлеръ. Часы жизни. Четыре одноактныхъ пьесы. Переводъ съ нѣмецкаго О. Н. Поповой. Издательство О. Н. Поповой. С. Петербургъ. 1902 г. Жена мудреца. Маленькія новеллы. Переводъ съ нѣмецкаго. О. Н. Поповой sic. Шнитцлеръ принадлежитъ къ числу наиболѣе читаемыхъ и переводимыхъ въ послѣднее время писателей. Нѣкоторыя его вещи выходятъ одновременно въ нѣсколькихъ переводахъ. И, нужно сказать, онъ по многимъ качествамъ своего таланта заслуживаетъ той популярности, которой пользуется.

О Шнитцлерѣ, какъ и о многихъ писателяхъ нашихъ дней, можно сказать, что онъ гораздо больше ставитъ вопросовъ, чѣмъ разрѣшаетъ. Въ этомъ смыслѣ онъ идетъ рядомъ съ жизнью, которая въ его изображеніи освѣщается своеобразно и вдумчиво. Хотя часто онъ далеко не ясно формулируетъ поднимаемые вопросы, но всегда заставляетъ задуматься, тѣмъ болѣе, что это по большей части—вопросы общечеловѣческіе: вопросы міросозерцанія, морали, эстетики. Ихъ развиваетъ онъ — наиболѣе удачно, и въ своихъ небольшихъ новеллахъ, и въ одноактныхъ драмахъ. Изъ такихъ отдѣльныхъ драмъ, объединенныхъ только общимъ центральнымъ вопросомъ, состоитъ извѣстная «Трилогія» Шнитцлера («Der grüne Kakadu»).

И въ разсматриваемомъ нами томикѣ четыре пьесы такъ или иначе затрогиваютъ одинъ общій и насущный вопросъ объ отношеніяхъ жизни и творчества. Гейнрихъ («Часы жизни»), служитель «свободнаго искусства», разрѣшаетъ его въ пользу послѣдняго. Онъ узнаетъ, что его больная мать рѣшилась умереть раньше времени ради него, «*изнемогавшаго подъ гнетомъ ея болѣзни*», чтобы спасти его талантъ—дать ему возможность слѣдовать своему призванію; онъ знаетъ это—и, послѣ взрыва отчаянія, какъ будто ставъ выше своего человѣческаго горя, говоритъ о тѣхъ «*часахъ жизни*», которыми мать пожертвовала для него: «Часы жизни? Они исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣми, которые о нихъ помнятъ. Я не считаю позорнымъ создать такіе часы, которые сохранятся дольше того предѣла, который имъ положенъ». Для него вопросъ рѣшенъ. Но весь уголокъ сложной и напряженной жизни, раскрытый въ пьесѣ,

показываетъ, насколько ясно для другихъ людей тотъ же вопросъ всей ихъ изстрадавшейся душой разрѣшенъ въ обратную сторону.

Одна изъ вѣчныхъ трагедій жизни.

Другой конфликтъ жизни и искусства—въ душѣ неудачника-актера, сводящаго счеты съ несчастнымъ прошлымъ («Послѣднія маски»). «Что такое самый пылкій любовный восторгъ въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ ждешь того, кого ненавидишь?» — говоритъ онъ, и страстно ждетъ предмета своей ненависти—бездарнаго, безполезнаго человѣка, которому жизнь дала все, отнятое у него. Поддавшись силѣ воображенія, онъ играетъ, изливая все то, что хотѣлъ бы сказать своему врагу, поднимается до высокаго трагическаго паѳоса; но врагъ приходитъ—и недавній герой теряется: порывъ прошелъ, его побѣждаетъ самоувѣренность ограниченной посредственности, за которую стоитъ жизнь.

Новое выраженіе мотивъ, объединяющій всѣ пьесы тетралогіи (которая, впрочемъ, не носитъ у Шнитцлера этого названія), получаетъ въ пьесѣ «Женщина съ кинжаломъ». Передъ нами художникъ, для котораго искусство—все. Въ кровавой развязкѣ своей драмы онъ видитъ только фигуру жены съ кинжаломъ въ рукѣ, со взглядомъ, устремленнымъ на трупъ—ту позу, которая ему давно нужна для картины—и счастливъ: *«Ужель услышана моя молитва, Боже? Такъ вотъ отвѣтъ, какъ долженъ кончить я картину—Божественной покорный волѣ, я завершу начатое творенье»*. Но это не основной выводъ пьесы. Вся она цѣликомъ выражаетъ мысль, что, можетъ быть, жизнь сильнѣе искусства. Эта мысль — вѣрнѣе, вопросъ—получаетъ необыкновенно оригинальное выраженіе въ обработкѣ Шнитцлера, хотя самая концепція уже не нова: человѣкъ чувствуетъ свою связь съ старинной картиной; она напоминаетъ ему о прошлой, таинственной, какъ бы забытой имъ жизни его вѣчнаго «я».

Что дѣйствительно существуетъ и что только кажется существующимъ? Гдѣ граница между жизнью и грёзой, между переживаемой правдой и воображаемымъ призракомъ? Вотъ вопросы, вызываемые пьесой. Они уже были затронуты Шнитцлеромъ въ его «Трилогіи».

«Быть... представлять (sein... spielen)—знаете ли вы точно различіе между тѣмъ и другимъ?» говоритъ поэтъ Ролланъ («Der grüne Kakadu»). Эти слова можно было бы поставить эпиграфомъ къ пьесѣ «Женщина съ кинжаломъ». Если нѣкоторый символизмъ и реальность изображенія кажутся органически слитыми въ этой романтической пьесѣ, то съ другой стороны—пьеса «Литература» походила бы на чисто—реальную комедію, если бы комичискій сюжетъ не былъ окрашенъ серьезностью затрагиваемаго отвлеченнаго вопроса—объ отношеніяхъ жизни и искусства.

Переходя къ формѣ разбираемыхъ пьесъ—мастерскихъ въ отношеніи архитектоники—надо отгѣнить, что фабула ихъ почти всегда намѣчена опредѣленными, но (за исключеніемъ «Литературы») самыми общими чертами: сила сосредоточена на анализѣ характеровъ, или на выясненіи отвлеченной идеи—вопроса. Внѣшняя жизнь является только рамой, иногда - символомъ. Обстановка рисуется какъ бы въ туманѣ. То, что называется интригой, большею частью только угадывается по отдѣльнымъ намекамъ. Это—и сильная, и слабая сторона манеры Шнитцлера: сильная потому, что все вниманіе сосредоточивается на развитіи внутренней драмы—психологической и философской стороны пьесы; слабая—потому, что иногда изъ-за этого страдаетъ внѣшняя реальность и жизненность драмы. Лучшимъ примѣромъ того и другого является первая драма книги.

Не развивая въ пьесѣ «интриги», Шнитцлеръ, однако, иногда увлекается красивой и эффектной фабулой. Выбравъ ее для воплощенія своей идеи, онъ

какъ будто любуется блескомъ созданной комбинаціи. Впрочемъ, изъ числа разбираемыхъ пьесъ такова только «Женщина съ кинжаломъ»; таковъ отчасти «Зеленый попугай» (главная пьеса цитованной Трилогіи),—но онѣ только свидѣтельствуютъ о силѣ таланта.

Еще болѣе убѣждаешься въ его силѣ и разнообразіи при чтеніи новеллъ Шницлера. Объ этихъ небольшихъ разсказахъ можно сказать, что здѣсь столько же истиннаго реализма въ выполненіи, сколько правдивости въ замыслѣ. Художественное чувство мѣры — ихъ главное внѣшнее достоинство. Только обладая имъ въ высшей степени, авторъ могъ разработать сюжетъ разсказа «Почетный день», не рискуя своей оригинальностью. Въ заключительной сценѣ заурядный писатель не воздержался бы отъ мелодраматическихъ эффектовъ; у Шницлера она полна простоты и—высокаго трагизма.

По содержанію эта пьеса стоитъ отдѣльно отъ другихъ, или соприкасается съ ними только косвенно. Остальныя новеллы группируются въ одной области. Въ каждой изъ нихъ обрабатывается одинъ эпизодъ—но положеніе всегда характерно и ему дается глубокое освѣщеніе, ставящее его на общечеловѣческую почву. Такова, напр., новелла «Жена мудреца», гдѣ встрѣчаются два міросозерцанія, совершенно чуждыя одно другому: обыкновенный «средній человѣкъ» «*содрагается отъ того величественнаго всепрощенія*», которое отнимаетъ всякую силу у его привычнаго эгоизма и заставляетъ преклониться передъ собой.

Въ простомъ и тепло написанномъ разсказѣ «Цвѣты» авторъ останавливается на думахъ о смерти, побѣждаемыхъ жизнью. Мертвый въ гробѣ мирно спи — и сквозь бодрый тонъ съ грустью чувствуется вѣчная смѣна горя и счастья въ жизни.

Новелла «Прощаніе», полная психологическаго интереса по своему сюжету, примыкаетъ по основному вопросу къ первой новеллѣ, давшей заглавіе книгѣ. Съ другой стороны, «Прощаніе» можно сблизить съ заключительной вещью сборника—«Мертвые молчатъ», хотя здѣсь совершенно иначе поставленъ и освѣщенъ тотъ же вопросъ, о правѣ на существованіе двухъ взаимно исключающихъ другъ друга основъ жизни. Послѣдняя вещь, полная реализма, написана съ потрясающимъ искусствомъ.

Вообще всѣ разсказы этого сборника очень рельефно — даже по сравненію съ драмами Шницлера—выражаютъ гуманное настроеніе автора. Это послѣднее усугубляетъ цѣнность созданій мастера-реалиста.

Въ числѣ чисто-внѣшнихъ достоинствъ мы не отмѣтили еще чрезвычайной сжатости изложенія и силы языка Шницлера. Подводя итоги, мы можемъ сказать, что эти два качества, въ соединеніи со всѣми выше отмѣченными, дѣлаютъ очень и очень серьезной задачу переводчика. Г-жа Попова выполнила ее безусловно удачно. Ея переводъ мѣстами суховатъ, но вездѣ видны опытная рука и литературный вкусъ.

Мы не боимся умалить его достоинства, коснувшись въ переводѣ «Женщины съ кинжаломъ» одной стороны, которая — на нашъ взглядъ, выиграла бы во впечатлѣніи при иной передачѣ. Мы имѣемъ въ виду стихотворную часть драмы.

Г-жа Попова передаетъ правильные пятистопные ямбы оригинала нѣсколько свободно, чередуя правильные стихи съ ритмическою прозой, какъ, напр., вначалѣ:

Паола. Вы здѣсь еще! Вы не оставили нашъ домъ?
Ліонардо, Нѣтъ! Уйти я былъ не въ силахъ.
Паола Теперь спѣшите!
Леонардо. Но поцѣлуевъ ароматъ
Еще въ моихъ кудряхъ, и несогласенъ я,
Чтобы во тьмѣ ночной его развѣялъ вѣтеръ

Паола. Какъ неразумно это. Уже свѣтаетъ.
Слуга, проснувшись, замѣтить можетъ насъ.

Намъ кажется, что удачнѣе было бы передать всю эту часть прозой, или сохранить правильный размѣръ подлинника.

Останавливаясь на мелочахъ, мы и здѣсь можемъ отмѣтить только одно мѣсто въ новеллѣ «Почетный день»: «Du bist doch mein süsses und gescheites Afferl»—эти чисто нѣмецкія ласковыя слова переданы черезъ: «Ты моя *сладкая* и умная обезьянка»—и звучатъ по-русски нѣсколько странно.

Отмѣченныя частности перевода г-жи Поповой не мѣшаютъ намъ въ цѣломъ высоко оцѣнить его, какъ умѣлую и продуманную передачу крупнаго и интереснаго автора. *Ю. Верховскій.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Гиляровъ-Платоновъ. „Университетскій вопросъ“.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Университетскій вопросъ («Современныя Извѣстія» 1868—1884 гг.). Изд. К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1903 г. Только что вышедшій въ изданіи К. П. Побѣдоносцева сборникъ статей когда-то извѣстнаго и теперь уже прочно забытаго Н. П. Гилярова-Платонова явится, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ, иллюстрирующихъ извѣстное направленіе русской мысли конца прошлаго вѣка. Вопросы, затрогиваемые публицистомъ «Современныхъ Извѣстій» не утратили еще своей остроты и непосредственной связи съ жизнью; способы ихъ рѣшенія мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ, которые настойчиво рекомендуются и теперь; наконецъ, тѣ общія причины, которыя вызвали самую постановку этихъ вопросовъ, сохраняютъ и до настоящаго времени свою силу и значеніе. Все это вмѣстѣ взятое сообщаетъ упомянутому сборнику двойной интересъ,—интересъ историческаго документа и, параллельно съ этимъ,—свода злободневныхъ передовыхъ статей по университетскому вопросу.

«Чѣмъ оживить университетъ?—писалъ Гиляровъ-Платоновъ въ 1873 г.— Чѣмъ достигнуть, чтобы наука университетская не была безжизненна, чтобы воспитаніе университетское было вполнѣ плодовито, чтобы молодые люди поглощались ученіемъ, чтобы профессора на каѳедрахъ не спали и студенты на скамьяхъ не скучали?» Чѣмъ остановить развитіе и ростъ «нездоровыхъ элементовъ» и какъ устранить изъ стѣнъ университета «пеструю безцвѣтную толпу дѣтей чиновниковъ и духовенства», толпу, изъ которой выходятъ «старые, обстрѣленные воробьи въ родѣ Стефановича или Дейча», и которая парализуетъ всѣ попытки оживленія и обновленія? «Вопросъ соціальный, отвѣчаетъ Гиляровъ-Платоновъ, есть не что иное, какъ видоизмѣненный педагогическій вопросъ»; стоитъ рѣшить первый, и самъ собою рѣшится второй, и наоборотъ; съ рѣшеніемъ же обоихъ потеряютъ свое вліяніе «нездоровые элементы», ибо «пестрой безцвѣтной толпы» уже не будетъ, она фактически перестанетъ существовать, для нея, — «для всѣхъ этихъ недовольныхъ и безпокойныхъ», къ счастью, есть «благодѣтельная для общества реторта», реторта эта—«спеціальныя ремесленныя школы, основанныя и содержимыя правительствомъ и земствами». «Пусть откроются,—пишетъ Гиляровъ-Платоновъ, — ремесленныя школы: башмачныя, сапожныя, портняжныя, столярныя слесарныя и т. д... въ эти школы потекутъ молодые люди, не воспитавшіе пока еще своего неудовольствія на директора или инспектора до степени всероссійскаго и даже всемірнаго озлобленія». Что же касается университета, то доступъ въ него долженъ быть открытъ лишь для обезпеченныхъ, не нуждающихся и не знающихъ нищеты молодыхъ людей, ибо послѣдніе «сколько извѣстно изъ судеб-

ныхъ дѣлъ составляютъ самое незначительное меньшинство въ числѣ нашей недовольной и протестующей молодежи».

Такими «разумными мѣропріятіями» будетъ не только рѣшенъ вопросъ объ оживленіи университета:—эти мѣры сгладятъ и устранятъ цѣлый рядъ соціальныхъ противорѣчій и увеличатъ общее благосостояніе государства, ибо «незамѣтно будетъ поднятъ уровень всего мастерового сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уровень всякаго мастерства»; болѣе того—«классъ людей недоучившихся и черезъ то недовольныхъ» уменьшится количественно и ослабѣетъ качественно, «лишніе люди» станутъ дѣйствительно лишними и имъ не будетъ мѣста въ обществѣ, какъ не будетъ мѣста и въ университетѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1881 г., Гиляровъ-Платоновъ пошелъ еще дальше по пути «разумныхъ мѣропріятій». Непрекращавшіяся студенческія волненія убѣдили его, что обыкновенныхъ средствъ для лѣченія застарѣлой университетской болѣзни, недостаточно, что необходимы временныя, исключительныя мѣры и что палліативы, даже въ видѣ нормальныхъ ремесленныхъ школъ, не въ состояніи даже замедлить роста «нездоровыхъ элементовъ», уже не говоря о полномъ уничтоженіи ихъ. Какъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, Гиляровъ-Платоновъ предложилъ новое средство—круговую поруку доноса или, какъ онъ выражается, «нравственное круговое ручательство». «Оставимъ,—пишетъ онъ,—препирательство о словѣ доносъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ есть прямо священная обязанность. Офицеры объявляютъ своему товарищу, что они служить съ нимъ не могутъ, что онъ мараетъ ихъ мундиръ. Это не есть доносъ... Это есть судъ чести своего рода, и мы не сомнѣваемся, что большинству студентовъ именно присуще то чувство чести, которому мерзитъ считать своимъ товарищемъ человѣка, способнаго сочувствовать анархическимъ движеніямъ, а тѣмъ болѣе участвовать въ нихъ. Остальные предстанутъ предъ начальство съ круговою порукою: мы всѣ чисты, никто изъ насъ не загаженъ; мы ручаемся одинъ за всѣхъ и всѣ за одного». Проектъ этотъ Гиляровъ-Платоновъ считалъ настолько удачнымъ, что не остановился передъ проповѣдью не только студенческой, но и всеобщей, всѣхъ обывателей «нравственной круговой поруки». «Два года назадъ,—пишетъ онъ,—бродили слухи, что по поводу взрыва во дворцѣ кто-то предлагалъ обыскать весь городъ. Мѣра эта кромѣ безпокойства всѣмъ, и обыскиваемымъ и обыскивающимъ, ничего бы не доставила. Да она и невозможна, ибо для одновременнаго всѣхъ обыска не достанетъ агентовъ, а только одновременный обыскъ можетъ привести къ цѣли. Не обыскъ, а простой надзоръ, возложенный на самихъ домовладѣльцевъ, съ матеріальною отвѣтственностью, будетъ подѣйствительнѣе полицейскаго обыска, нравственная же порука, какъ дополнительная мѣра, отчасти облегчитъ и самихъ домовладѣльцевъ, а вмѣстѣ предупредитъ и всѣ злоупотребленія, столь теперь обыкновенныя, устарѣлою паспортною системою».

Проектъ Гилярова-Платонова не осуществился, «простой надзоръ», по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой онъ его предлагалъ, примѣненъ не былъ, студенческія же безпорядки, несмотря на цѣлый рядъ исключительныхъ мѣръ и университетскій уставъ 1884 г. не прекращались. Послѣднее заставило Гилярова-Платонова предложить еще одно «разумное мѣропріятіе». «Въ николаевское время,—пишетъ онъ,—военная служба бывала отличною исправительною школою для шалуновъ. И почему не такъ?..» «Не умѣвшій соблюсти сравнительно легкую учебную дисциплину пусть пройдетъ курсъ дисциплины болѣе строгой, и смотря потому, сколь успѣшно выдержитъ онъ предстоящій ему искусъ, могутъ быть отворены ему снова двери храма наукъ или заперты навсегда».

И эта мѣра, какъ извѣстно, оказалась на практикѣ нецѣлесообразной.

Б. Савинковъ.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

М. Чайковскій. „Жизнь Петра Ильича Чайковскаго". Т. III.—*П. Картавовъ.* „Литературный архивъ".

Модестъ Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. III-й (вып. XVII—XXV). Цѣна всѣхъ трехъ трехъ томовъ 9 рублей. Двадцать пятымъ выпускомъ закончено чрезвычайно объемистое (1.920 стр.) изданіе біографіи П. И. Чайковскаго, такъ что теперь является возможность сдѣлать общую оцѣнку литературнаго значенія труда Модеста Чайковскаго. Онъ далъ обильные матеріалы для біографіи Чайковскаго, но и только. Матеріалами послужили главнымъ образомъ письма самого П. И. Чайковскаго и его дневники. Это очень драгоцѣнные матеріалы вслѣдствіе ихъ достовѣрности, но образъ человѣка они могутъ создать только при художественномъ пользованіи ими, а этого какъ разъ у Модеста Чайковскаго мы и не видимъ.

Перепечатка писемъ композитора, хотя бы и очень многочисленныхъ, въ хронологическомъ порядкѣ еще недостаточна для возсозданія его личности. Иногда обиліе писемъ даже мѣшаетъ этому.

Возьмемъ, напримѣръ, важнѣйшую черту душевной жизни Петра Ильича въ послѣдніе годы: тоска, доходившая иной разъ до безумной степени, тоска, на которую П. И. жалуется чуть ли не въ каждомъ письмѣ. Не странно ли: человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ творческихъ силъ, окруженный извнѣ всѣми благами жизни, художественнымъ успѣхомъ, матеріальною обезпеченностью,—непрерывно страдаетъ отъ какой-то бѣшеной тоски. Письма П. И. никакихъ объясненій этой тоскѣ не даютъ. Если тутъ не было какой-нибудь причины въ обстановкѣ П. И., о которой мы ничего не знаемъ, то такая тоска могла быть только признакомъ или слѣдствіемъ душевнаго состоянія близкаго къ болѣзни. А между тѣмъ авторъ біографіи не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки къ объясненію этой тоски путемъ опроса близкихъ къ П. И. людей.

Съ другой стороны чрезвычайное обиліе писемъ, такъ увеличившее объемъ изданія, могло быть оправдано особымъ ихъ интересомъ. Но, именно, въ III-мъ томѣ они становятся гораздо менѣе интересными. Намъ интересны письма П. И., въ которыхъ онъ касается важныхъ вопросовъ жизни, религіи, искусства, или въ которыхъ выясняются его отношенія къ Л. Толстому, къ Рубинштейну и другимъ выдающимся лицамъ,—таковы большинство его писемъ во II-мъ томѣ, Но весьма мало интересны тѣ письма, въ которыхъ излагаются его родственныя чувства къ братьямъ, къ племяннику В. Давыдову и др., а такихъ писемъ, къ сожалѣнію, очень много.

Затѣмъ, нельзя не указать на неосторожное обращеніе издателя съ матеріаломъ, имѣвшимся у него въ рукахъ, еще въ одномъ отношеніи. Уже не говоря о томъ, что нѣкоторые крайне рѣзкіе отзывы о живыхъ еще людяхъ, и притомъ извѣстныхъ, просто неумѣстны и совершенно не отвѣчаютъ тому, какъ держалъ себя по отношенію къ людямъ самъ П. И.,—сопоставленіе безъ комментарій различныхъ отзывовъ даетъ невѣрное освѣщеніе взглядамъ П. И. Вы читаете, напр., крайне рѣзкій отзывъ объ одномъ композиторѣ и черезъ страницу наилучшій отзывъ о другомъ композиторѣ. Это сопоставленіе значительно потеряетъ въ своей рѣзкости, если принять во вниманіе, что первый отзывъ записанъ въ дневникѣ, можетъ быть, въ минуту раздраженія, а второй отзывъ помѣщенъ въ письмѣ къ композитору, съ которымъ П. И. былъ связанъ узами дружбы, и сочиненіе котораго П. И. въ этомъ письмѣ разсматриваетъ.

Наконецъ, очень непріятное впечатлѣніе произвело на меня самое оконча-

ніе книги: на семи страницахъ подробнѣйшимъ образомъ описывается умираніе П. И. отъ холеры. Для чего и для кого это нужно? Вѣдь самъ же издатель приводитъ слова умиравшаго къ своему племяннику: «Я боюсь, что ты потеряешь ко мнѣ всякое уваженіе послѣ всѣхъ этихъ пакостей». Послѣднимъ сочиненіемъ П. И. была 6-я симфонія, въ которой онъ самъ, можно думать, видѣлъ олицетвореніе своей жизни *). Послѣдняя часть этой симфоніи полна потрясающей скорби, но отнюдь не вызываетъ въ насъ непріятнаго чувства. И мнѣ кажется, если бы издатель взглянулъ на свою задачу съ болѣе художественной точки зрѣнія, то онъ закончилъ бы біографію П. И. не описаніемъ припадковъ холеры, а описаніемъ величественныхъ похоронъ П. И., въ которыхъ выразилась благодарность русскаго общества за все то, что оно получило отъ П. И.

Такъ какъ въ октябрѣ этого года я предполагаю дать на страницахъ «Міра Божьяго» обстоятельный очеркъ жизни П. И. Чайковскаго, то я не буду останавливаться на содержаніи III-го тома. Укажу только, что и въ немъ есть очень важные отзывы П. И. о Л. Толстомъ, о Глинкѣ и многихъ композиторахъ. Важнѣйшіе факты изъ жизни П. И. за періодъ 1885—1893 гг.—это распространеніе его извѣстности за границей, гдѣ онъ достигъ популярности, до него не достигнутой никѣмъ изъ русскихъ композиторовъ.

Изъ личной жизни П. И. укажу еще на банальный, увы, конецъ его платоническаго и столь поэтическаго вначалѣ романа съ Н. Ф. фонъ-Меккъ (см. «Міръ Божій» 1902 г. № 8-й, августъ Библ. отд.). Съ 1877 года Н. Ф. фонъ-Меккъ выдавала П. И. по 6.000 рублей въ годъ, чтобы онъ могъ всецѣло посвятить себя исключительно творчеству. Условіемъ этой субсидіи было: никогда лично не встрѣчаться. Результатомъ этого условія была глубокая дружба этихъ двухъ людей, продолжавшаяся до 1890 г., когда Н. Ф., указывая на разстройство своего состоянія, отказала П. И. въ дальнѣйшей субсидіи. Письмо Н. Ф. съ этимъ отказомъ (13-го сентября 1890 г.) заключало въ себѣ слова, оскорбившія П. И. до глубины сердца и оставившія въ немъ рану, заставлявшую его упрекать своего друга даже въ бреду на смертномъ одрѣ. Эти слова были: «не забывайте и вспоминайте иногда».

Послѣ этого письма П. И. не получилъ отъ Н. Ф. уже болѣе ни слова, несмотря на живѣйшее желаніе и письменныя просьбы его сохранить прежнія дружескія отношенія.

Издатель объясняетъ такое отношеніе Н. Ф. ея сильной нервной болѣзнью; П. И. сталъ видѣть въ своихъ отношеніяхъ къ Н. Ф. «какую-то банальную, глупую шутку», и «вся это идеальная возвышенная дружба представлялась ему преходящимъ капризомъ богатой женщины». Мнѣ кажется, что въ такой развязкѣ отчасти виноватъ и самъ П. И. Дѣло въ томъ, что субсидія ему была предложена, когда онъ не имѣлъ средствъ, а въ 1890 г. П. И. получалъ уже въ годъ не менѣе 8.000 рублей (3.000 рублей изъ кабинета Государя съ 1888 года, отъ 5.000 до 6.000 гонорара за оперы (стр. 372) и гонораръ отъ Юргенсона). Такимъ образомъ, уже при первомъ намекѣ со стороны Н. Ф. на свои денежныя стѣсненія (уже въ ноябрѣ 1889 г.) П. И. слѣдовало отказаться отъ этой субсудіи. Почему онъ этого не сдѣлалъ, остается невыясненнымъ издателемъ.

Такая развязка единственнаго въ своемъ родѣ романа производитъ очень грустное впечатлѣніе.

Въ общемъ, несмотря на указанные выше литературные недостатки, изданіе

---

*) „Я страдаю отъ тоски, не поддающейся выраженію словомъ (въ моей симфоніи есть одно мѣсто, которое, кажется, хорошо ее выражаетъ...“) стр. 618.

Модеста Чайковскаго является драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію русской музыки. Пользованіе книгою особенно облегчается обстоятельными указателями въ концѣ III-го тома. *Викторъ Вальтеръ.*

Литературный архивъ издаваемый П. А. Картавовымъ. Спб. Октябрь. 1902 г. Эпиграфомъ къ первой книжкѣ своего изданія г. Картавовъ взялъ извѣстную цитату изъ сочиненій Бѣлинскаго: «Когда дѣло идетъ о такихъ поэтахъ и писателяхъ, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, и въ особенности Пушкинъ и Лермонтовъ, то каждая строка написанная ихъ рукой принадлежитъ потомству и должна быть сохранена для него».

Къ сожалѣнію, эти слова великаго критика до сихъ поръ еще не получили полнаго признанія. А между тѣмъ, съ этой точки зрѣнія, каждое произведеніе, посвященное вопросамъ библіографіи, печати или исторіи литературы уже самымъ фактомъ своего появленія заслуживаетъ полнаго вниманія и глубокаго сочувствія. Тѣмъ болѣе естественно такое сочувствіе у насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало подобнаго рода изданій, гдѣ исторія печати только недавно стала на научную почву и гдѣ библіографія находится почти въ младенческомъ состояніи.

«Литературный архивъ» ставитъ своей задачей «сохраненіе и соединеніе всѣхъ донынѣ неизданныхъ произведеніи русскихъ авторовъ и переводчиковъ, матеріаловъ для исторіи русской титературы, журналистики, цензуры, иллюстраціи и книжной торговли», и обѣщаетъ давать четыре новыхъ отдѣла: «Литературный мѣсяцесловъ», «Неизданныя произведенія», «Литературная лѣтопись», «Рѣдкости русской печати». По этому же плану составлена и первая книжка новаго изданія, и содержаніе ея въ общемъ интересно и разнообразно. Особенное вниманіе обращаетъ на себя юбилейная замѣтка о забытыхъ произведеніяхъ Некрасова, съ перечнемъ стихотвореній и разсказовъ поэта, какъ помѣщенныхъ въ «Пантеонѣ» Ѳ. А. Кони, такъ и проданныхъ извѣстному въ свое время издателю и книгопродавцу В. П. Полякову. Здѣсь же по корректурнымъ листамъ самого Некрасова, принадлежащимъ г. Картавову, напечатана чрезвычайно рѣдкая и почти затерянная драматическая фантазія поэта «Юность Ломоносова».

Большой интересъ также представляютъ выдержки изъ богатаго литературными воспоминаніями, альбома недавно умершей вдовы Н. В. Шелгунова Л. П. Шелгуновой, часть которыхъ была ею уже напечатана въ ея извѣстныхъ мемуарахъ «Изъ далекаго прошлаго» («Женское дѣло» 1901 г. и отдѣльно). Здѣсь мы находимъ нѣсколько новыхъ стихотвореній А. Майкова. Мих. Л. Михаилова, Полонскаго, Некрасова, Огарева, Плещеева, Курочкина, Мея и другихъ, — тѣхъ, каждая строчка которыхъ «принадлежитъ потомству и должна быть сохранена для него».

Не лишена нѣкоторой цѣнности и историческая справка, сдѣланная г. Картавовымъ о забытомъ портретѣ Герцена, помѣщенномъ, въ самый разгаръ славы «Колокола» въ возобновленномъ Минаевымъ «Гудкѣ». («Гудокъ» Блока и Розенгейма прекратился въ 1859 г. «по недостатку подписчиковъ и неспособности сотрудниковъ»). На виньеткѣ вокругъ слова «Гудокъ» былъ изображенъ въ числѣ другихъ лицъ Герценъ со знаменемъ въ рукѣ, на которомъ была сдѣлана надпись: «Уничтоженіе крѣпостнаго права». Виньетка эта сохранилась лишь въ первыхъ 4 №№ «Гудка». Въ пятомъ № ея уже нѣтъ—Рядомъ съ этой замѣткой помѣщены «Матеріалы для библіографіи сочиненіи А. И. Герцена, напечатанныхъ въ Россіи» — довольно полный, хотя и не лишенный пропусковъ (напр.: «Прерванные разсказы» изд. 2-ое 1857 г. «Кто виноватъ» изд. 1863 г. и др.) списокъ сочиненій Герцена, изданныхъ въ Россіи.

Въ остальномъ сборникъ даетъ мало новаго и цѣннаго: перепечатано «По-

сланіе къ Привѣтѣ» Палицина; объявленіе объ изданіи и закрытіи безвременно погибшаго славянофильскаго «Паруса» и передовыя статьи его единственныхъ двухъ №№, хорошо извѣстныя широкому кругу читателей по частичнымъ перепечаткамъ въ «Очеркахъ по исторіи рус. ценз.» А. М. Скабичевскаго (Спб. 1892 г.); сдѣлана библіографическая справка о стихотвореніяхъ гр. Е. Ростопчиной, помѣщенныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1846 г.; помѣщено зачѣмъ-то всѣмъ еще памятное открытое письмо къ кн. Мещерскому, тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства В. Петрово-Соловово и добавленіе къ этому письму семи другихъ предводителей дворянства, по случаю 30-ти лѣтняго юбилея «Гражданина»; сообщены примѣчанія И. А. Олениной къ баснямъ Крылова и, наконецъ, данъ обѣщанный «Мѣсяцесловъ» (Январь-мартъ), отнюдь не составляющій украшенія сборника г. Картавова. Не говоря уже о грубой опечаткѣ (sic) въ датѣ смерти Глѣба Успенскаго, нельзя не отмѣтить такихъ хронологическихъ промаховъ, какъ неточность въ годѣ и днѣ смерти И. Ѳ. Богдановича (умеръ 2-го апрѣля 1831 г., а не 6-го января, какъ сообщаетъ составитель); повтореніе дважды даты смерти Д. В. Веневитинова, причемъ одинъ разъ съ ошибкой на три дня; пропуски датъ Н. С. Саханской, С. В. Ковалевской, А. Ѳ. Писемскаго и др.

Сборникъ снабженъ виньетками въ стилѣ 1-ой половины столѣтія и снимками съ заглавныхъ листовъ наиболѣе интересныхъ перепечатокъ. (Обложка «Юности Ломоносова», «Парусъ» № 1, «Посланіе къ Привѣтѣ»).

Б. Савинковъ.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

П. Боборыкинъ. „Вѣчный городъ“. — *В. Семевскій.* „Крестьяне въ царствованіи императрицы Екатерины II.—*Д. Бантышъ-Каменскій.* „Исторія Малой Россіи“.

П. Д. Боборыкинъ. Вѣчный городъ (Итоги пережитаго). Москва 1903 г. Книга эта съ интересомъ прочтется и тѣми, кто знаетъ Италію и Римъ, такъ сказать, по личному опыту, и тѣми, кто просто интересуется этими очагами европейской культуры. Прочтется, несмотря на то, что г. Боборыкинъ пустилъ-таки въ ходъ достаточно умѣнья, чтобы она не прочлась. Начнемъ съ мелкихъ, но досадныхъ недостатковъ, портящихъ эту хорошую книгу, а потомъ укажемъ на ея достоинства.

Во-первыхъ, г. Боборыкинъ. по обыкновенію, не могъ воздержаться отъ тѣхъ вычурныхъ, ненужныхъ и злящихъ читателя словечекъ, которыми онъ съ такимъ успѣхомъ портитъ и свои беллетристическія произведенія. Ну, для какой надобности (отъ своего-ли, отъ чужого-ли имени) вставлены всѣ эти «бурщикозная среда» (стр. 7), «шкандалы» (тамъ же), «вицы» (тамъ же), «прошлись по писательству» (стр. 14), «это меня заохотило пролетѣть туда» (25), «собирательная психія» (30), «красивость» (стр. 68 и въ двадцати пяти другихъ мѣстахъ, вмѣсто слова красота), («вы желали бы меньшаго натиска обобщеній и выводовъ, «разводовъ» стр. 80), «заостренное чувство «божественной» красоты» (89), «родится и множится, маклачитъ и работаетъ всякое дрянцо» (95), «слишкомъ «барочный» стиль» (119), «контенансъ» (145), «римскій мондъ» (256), «отвѣчаютъ вамъ «въ контру» (272), «праховый товаръ» (тамъ же), «итальяшки» (290), «продѣлываетъ всѣ виды международнаго фешена» (295) и т. д. Къ чему это въ книгѣ о Римѣ, въ общемъ, такъ продуманно и интересно написанной? Право, точно врагъ г. Боборыкина взялъ корректуру книги да тайкомъ, «въ контру» автору (употребляемъ выраженіе изъ вышеотмѣченной коллекціи), и вставилъ

*

въ текстъ всѣхъ этихъ «итальяшекъ», «тузистыхъ растакуэровъ», всѣ эти «красивости» и т. п. А жаль, если это досадное обстоятельство отвадитъ читателей отъ книги. Умный наблюдатель, образованный и внимательный человѣкъ, много на своемъ вѣку перевидавшій и передумавшій, чувствуется здѣсь на каждомъ шагу. Много вѣрныхъ замѣчаній о мертвенности политической жизни современной Италіи, объ отношеніяхъ квиринала къ Ватикану, много интересныхъ соображеній о нынѣшнемъ направленіи папской политики; немножко по-диллетантски только трактуется вопросъ о соединеніи церквей. Г. Боборыкинъ какъ-то совсѣмъ оставляетъ въ тѣни *корень* этого вопроса въ современномъ его положеніи: право, вѣротерпимость тутъ не при чемъ, и ни на одну іоту ея упроченіе къ соединенію церквей отношенія не имѣетъ и отъ него не зависитъ. Вообще, причемъ тутъ соединеніе церквей (или причемъ въ дѣлѣ соединенія церквей г. Боборыкинъ), для читателя остается нѣсколько неясно; все кажется, что этотъ вопросъ былъ взятъ нашимъ маститымъ беллетристомъ больше всего «для контенансу», говоря его словами,— для того, чтобы, такъ сказать, не угрызаться совѣстью, безпокоя своими визитами Ледоховскаго, Рамполлу, Льва XIII. Впрочемъ, это неважно.

Памятники древняго Рима г. Боборыкинъ и понимаетъ глубоко, и *чувствуетъ* ихъ сильно; то же самое нужно сказать и о произведеніяхъ скульптуры и живописи временъ ренессанса и послѣдующей эпохи. Рядъ, дѣйствительно, превосходныхъ страницъ посвященъ прогулкамъ по Риму и его окрестностямъ, передачѣ тѣхъ глубокихъ и яркихъ впечатлѣній, которыя положили римскія руины на душу широко образованнаго, одареннаго эстетическимъ чувствомъ человѣка. И не только Римъ, — Флоренцію также правдиво оцѣнилъ нашъ писатель: «... и площадь, и палаццо сразу захватывали васъ и давали вамъ ноту итальянскаго средневѣковья, какъ, быть можетъ, никакой другой пунктъ старыхъ городовъ Италіи». Эта рецензія пишется въ двухъ шагахъ отъ палаццо Веккіо и площади Синьоріи, и пишущій не станетъ ни въ какомъ случаѣ спорить съ П. Д. Боборыкинымъ, такъ вѣрно отмѣтившимъ самое типичное, самое ярко-характерное мѣсто Флоренціи...

Можемъ только порекомендовать эту книгу всѣмъ интересующимся Римомъ съ художественной и археологической стороны, а также не вполнѣ безучастно относящимся къ вопросамъ политической современности въ Италіи. Работа г. Боборыкина и тѣмъ, и другимъ читателямъ дастъ не мало поучительнаго.

X. Y. Z.

В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ 1-й. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1903. in 8-vo. Стр. XL+644. Ц. 3 р. 50 к. Первый томъ названнаго сочиненія г. Семевскаго въ *первомъ* изданіи вышелъ въ свѣтъ 22 года тому назадъ: то была его диссертація на степень магистра русской исторіи. Только въ прошломъ году появился второй томъ того же сочиненія, о которомъ мы имѣли случай говорить въ апрѣльской книжкѣ «Міра Божьяго» 1902 г. (стр. 99—102). Необходимость переизданія перваго тома чувствовалась уже давно: его стало трудно доставать и во многихъ случаяхъ онъ требовалъ исправленій и дополненій соотвѣтственно новымъ литературнымъ и архивнымъ даннымъ... За 22 года, прошедшихъ со времени перваго изданія, измѣнилось весьма многое, видоизмѣнились методы изслѣдованія и совсѣмъ переустановились цѣли изученія крѣпостной поры. При переработкѣ своего труда нашъ авторъ не могъ, конечно, видоизмѣнить научную его физіономію и долженъ былъ остаться въ рамкахъ давно намѣченныхъ, тѣмъ не менѣе новое появленіе стараго тома и въ наши дни представляетъ широкій интересъ, заставляетъ критику приковать къ послѣднему вниманіе и просто образованныхъ, и ученыхъ слоевъ современнаго русскаго общества. Дѣло въ томъ, что книга г. Семевскаго является одинаково дружественной и читателю изъ большой публики, и ученому спеціалисту. Когда

насъ спрашиваютъ, что прочитать на тему—каково было крестьянское житье при крѣпостномъ правѣ—мы немедленно отсылаемъ спрашивающихъ къ работѣ В. И. Семевскаго; когда мы сами приступаемъ къ изученію крестьянскаго вопроса или продолжаемъ и углубляемъ послѣднее, то, независимо отъ нашихъ основныхъ тенденцій, не разстаемся съ тою же работой; мы либо опираемся на нее, либо наводимъ въ ней справки, либо болѣе или менѣе желчно полемизируемъ... Будемъ утверждать, что въ наши дни интересъ къ книгѣ г. Семевскаго удвоился. Когда исторія крестьянъ въ царствованіе Екатерины II задумывалась нашимъ авторомъ, тогда, прежде всего, любопытствовали выяснить, какъ тяжела и печальна была участь кормильца и поильца русскаго государства, крѣпостного крестьянина; тогда мало спрашивали, почему такъ было и могло-ли бы все обстоять иначе, а хотѣли закрѣпить возможно скорѣе темноту былого, показать всю ея мерзость въ назиданіе потомству; тогда и сама историческая наука не чуждалась либо раздавать прошлымъ моментамъ русской (какъ и всякой) исторической дѣйствительности или отдѣльнымъ лицамъ лавровые вѣнки, либо клеймить нелестными эпитетами. Теперь не для хвалы и порицанія мы изучаемъ прошлое, въ прошломъ для насъ не можетъ быть уже ничего хорошаго или дурного, свѣтлаго или темнаго, мы не видимъ въ этомъ прошломъ ничего, кромѣ закономѣрной, послѣдовательной смѣны явленій и формъ при полномъ отсутствіи какой бы то ни было сверхъестественности или чудесности; насъ интересуетъ теперь вопросъ, почему такъ было и къ какимъ результатамъ то или другое явленіе вело. Интересъ къ изученію реальныхъ условій, среди какихъ *жило русское крестьянство въ крѣпостную эпоху*, въ наше время не ослабѣлъ, но видоизмѣнился и сталъ болѣе сложнымъ. Мы каждое мгновеніе заняты вопросомъ, какъ *живетъ современное намъ крестьянство*, мы хорошо знаемъ, что существуемъ въ преддверіи новыхъ крупныхъ реформъ, долженствующихъ завершить собою циклъ освободительныхъ теченій половины XIX столѣтія... Неразрывными нитями наша современность должна быть связана съ предшествующей эпохой въ единый стройный процессъ развитія: мы призваны показать не темноту или прелесть прошлаго въ крестьянскомъ вопросѣ, а его связь съ настоящимъ, выяснить историческую эволюцію русскаго крестьянства. Современная программа внутренней политики можетъ быть только сознательной, менѣе всего богатой элементами стихійнаго порядка. Каждый мелкій фактъ, не говоря уже о болѣе или менѣе крупныхъ явленіяхъ, долженъ быть выразительно связанъ съ прошлымъ и поставленъ по своему значенію на принадлежащее ему въ ряду другихъ мѣсто. Для истинно живого человѣка текущей дѣйствительности сливаются въ одно могучее цѣлое вопросы, какъ жило, какъ живетъ крестьянство и въ какомъ направленіи надлежитъ толкать жизнь крестьянской массы... И при такомъ расширенномъ пониманіи крестьянскаго вопроса книга г. Семевскаго съумѣла сохранить интересъ и значеніе. Первый томъ представляется наиболѣе важнымъ, такъ какъ посвященъ характеристикѣ положенія помѣщичьихъ (крѣпостныхъ) крестьянъ (стр. 1—456) и крестьянъ поссессіонныхъ (стр. 457—576). Обстоятельная характеристика г. Семевскаго сопровождается мелкими дополнительными изслѣдованіями и библіографическими указаніями (на стр. 577—638) и введеніемъ, резюмирующимъ все содержаніе книги (стр. I—XXXVII). Всего менѣе въ первомъ томѣ «Крестьянъ въ царствованіе императрицы Екатерины II» мы удовлетворены главою «Поземельная община у крѣпостныхъ крестьянъ» (стр. 101—138): вопросъ о происхожденіи поземельной общины у крѣпостныхъ крестьянъ оставленъ въ сторонѣ, а самая характеристика общины въ XVIII-мъ вѣкѣ не отличается достаточною ясностью и строгостью формулировки, какъ будто бы теоретическая сторона дѣла у нашего автора не приведена въ надлежащую систему. Сильное впечатлѣніе производитъ VII-я глава (стр. 178—237), въ которой г. Семевскій излагаетъ уголовную юрисдикцію помѣщиковъ надъ крестьянами или,

точнѣе говоря, печальную повѣсть помѣщичьихъ звѣрствъ. Въ свое время эта глава имѣла специфическій интересъ, теперь она представляется культурно-бытовой картиной изъ исторіи русскаго общества XVIII столѣтія, отражающей лишь одну сторону стараго русскаго міровоззрѣнія въ его практическомъ воплощеніи. Это одна изъ драгоцѣннѣйшихъ главъ въ сочиненіи В. Семевскаго: ее можно рекомендовать для внимательнаго изученія всякій разъ, когда берутся непристойно идеализировать старыя бытовыя формы или начинаютъ въ прошломъ искать идеаловъ для современной дѣйствительности; ея содержаніе по существу гораздо шире передачи тѣхъ грубыхъ подробностей крѣпостной жизни, которыя мы въ ней читаемъ. Мало-мальски думающаго читателя глава эта приведетъ невольно къ нѣкоторымъ поучительнымъ выводамъ, заставитъ сдѣлать рядъ удивительныхъ аналогій и помечтать на тему о красотѣ законнаго порядка вещей. Не можемъ затѣмъ не выдѣлить особо XII-й (стр. 394—418) и XIII-й (стр. 419—456) главъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о побѣгахъ и волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ въ XVIII столѣтіи. Очень жаль, что эти главы какъ бы теряются въ громадномъ сочиненіи почтеннаго автора. Указанную тему слѣдовало бы подвергнуть болѣе детальной обработкѣ и болѣе глубокому анализу, не стѣсняясь приложеніемъ подлинныхъ документовъ. Мы положительно совѣтовали бы г. Семевскому превратить эти главы въ особую монографію и выпустить въ свѣтъ отдѣльною книжкой. Авторъ ничего не говоритъ здѣсь объ участіи помѣщичьихъ крестьянъ въ пугачевскомъ движеніи. «Пугачовщина,—пишетъ В. Семевскій (стр. 443),—явленіе въ высшей степени сложное; въ этомъ народномъ движеніи, кромѣ казаковъ и инородцевъ, принимали участіе не одни крѣпостные крестьяне, а также приписанные къ горнымъ заводамъ, экономическіе, дворцовые и др. крестьяне, и потому намъ придется вернуться къ вопросу о томъ, какое участіе въ немъ принимали каждый изъ этихъ разрядовъ крестьянъ; тогда мы разсмотримъ и отношеніе крестьянъ къ пугачовщинѣ». Этими словами г. Семевскій намекаетъ на то, что онъ намѣренъ подарить нашу литературу *третьимъ* томомъ своего сочиненія. Общее экономическое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, ихъ домашній и духовный бытъ, самоуправленіе и приходская жизнь, пугачовщина — вотъ предполагаемое содержаніе этого тома, поскольку его можно уяснить по словамъ введенія къ лежащему передъ нами первому тому (на стр. XXXIV—XXXV). Едва-ли надо говорить о томъ нетерпѣніи, съ какимъ наша литература будетъ ждать выхода въ свѣтъ этой книги, долженствующей завершить собой многолѣтнюю работу нашего автора надъ избранной имъ драгоцѣнной въ научномъ отношеніи темой. Г. Семевскому придется въ этомъ третьемъ томѣ вновь говорить о поземельной общинѣ, затронуть вопросы объ условіяхъ сельскаго хозяйства и промышленности, словомъ, говорить о такихъ предметахъ, которые требуютъ громадной теоретической выправки и совершенно новыхъ точекъ зрѣнія, не тѣхъ, что господствовали въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, когда почтенный историкъ русскаго крестьянства только задумывалъ свой трудъ... Передъ нашимъ авторомъ открываются такимъ образомъ не только очень широкіе горизонты, но и довольно тяжкая отвѣтственность... Мы убѣждены, что переизданіе въ переработанномъ видѣ перваго тома «Крестьянъ въ царствованіе императрицы Екатерины II» встрѣтитъ самый радушный пріемъ въ читающей публикѣ и не сомнѣваемся, что послѣдняя горячо вмѣстѣ съ нами пожелаетъ почтенному автору съ успѣхомъ и въ скоромъ времени окончить работу надъ *третьимъ* томомъ. *Василій Сторожевъ.*

Д. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Въ 3-хъ частяхъ. Изданіе четвертое. Кіевъ. 1903 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. Стр 609. Авторъ «Исторіи Малой Россіи» умеръ свыше 50 лѣтъ тому назадъ; его книга была издана впервые въ 1822 году, второе изданіе ея появилось черезъ восемь лѣтъ послѣ

перваго, третье—въ 1842 году, настоящее четвертое изданiе «печатано съ третьяго изданiя безъ измѣненiя». Эти хронологическiя даты съ достаточной точностью опредѣляютъ современную цѣнность и научное значенiе «Исторiи Малой Россiи», составленной Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. О Карамзинѣ говорили, что его предпрiятiе писать «Исторiю государства Россiйскаго» было чрезвычайно рискованнымъ при тогдашнемъ состоянiи исторической науки въ Россiи; то же можно сказать и о предпрiятiи Бантышъ-Каменскаго, который въ своей «Исторiи Малой Россiи» рѣшительно подражаетъ своему старшему современнику, «россiйскому исторiографу». Отсутствiе критическаго метода, хаотическое изложенiе фактовъ, неумѣнiе разбираться въ источникахъ, устарѣлый языкъ и манера выражаться, попытки навязать прошлому и историческимъ дѣятелямъ современные Бантышъ-Каменскому оффицiальные взгляды, все эта дѣлаетъ чтенiе «Исторiи Малой Россiи» подвигомъ для нынѣшняго читателя-неспецiалиста.

Для интересующихся приводимъ отрывки. Разсуждая о началѣ казачества и Запорожской Сѣчи, Бантышъ-Каменскiй пишетъ: «Предлагаю мое мнѣнiе: запорожцы, должно думать, переселились за Днѣпръ съ Кавказа, гдѣ нынѣ обитаютъ черкесы, народъ воинственный, упражняющiйся въ разбояхъ». Догадка эта вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, чта московскiе люди называли въ свое время малорусскихъ казаковъ чаркасами, вѣроятно, производя это названiе отъ города Черкассъ. Свои филологическiя, этнографическiя и литературныя свѣдѣнiя Бантышъ-Каменскiй проявляетъ слѣдующимъ образомъ: «Несправедливо думаютъ, что нарѣчiе, коимъ говорятъ теперъ малороссiяне, обязано своимъ происхожденiемъ единственно влiянiю языка польскаго... Свѣдующiе люди находятъ нынѣшнее малороссiйское нарѣчiе сходнымъ съ тѣмъ, коимъ говорятъ венгерскiе россiяне, извѣстные подъ именемъ карпатороссовъ... Г. Котляревскiй, въ новѣйшее время, въ переложенной на малороссiйское нарѣчiе «Энеидѣ» показалъ съ отличнымъ искусствомъ, до какой степени умъ гибкiй и оборотливый можетъ управлять гармоническими звуками». Такимъ образомъ историкъ Малоросiи въ знаменитой «Энеидѣ» Котляревскаго видѣлъ лишь своего рода фокусъ. Образцомъ оффицiальныхъ характеристикъ историческихъ дѣятелей можетъ служить характеристика личности гетмана Мазепы, сдѣланная Бантышъ-Каменскимъ. «Одаренный отъ природы умомъ необыкновеннымъ, получивъ у iезуитовъ отличное образованiе, Мазепа, кромѣ малороссiйскаго языка, зналъ латинскiй, нѣмецкiй и польскiй; имѣлъ даръ слова, искусство убѣждать; но съ хитростью, осторожностью Виговскаго соединялъ въ себѣ злобу, мстительность, любостяжанiе Брюховецкаго; превосходилъ Дорошенка въ славолюбiи, всѣхъ въ неблагодарности».

Несмотря, однако, на всѣ свои недостатки, «Исторiя Малой Россiи» Бантышъ-Каменскаго имѣетъ крупное значенiе въ разработкѣ данныхъ, относящихъ къ малорусской исторiи. Это была первая попытка дать полную исторiю края, основанную на первоисточникахъ; попытка эта осталась единственной и до сихй поръ. «Исторiя Малой Россiи» дала могучiй толочкъ къ развитiю малорусскоъ исторiографiи. Въ ученыхъ трудахъ Максимовича, Костомарова, Антоновича и многихъ другихъ современныхъ намъ историковъ разработка малорусской исторiи, конечно, приняла иную форму, форму научныхъ изслѣдованiй, а не повѣствовательнаго разсказа, но полной исторiи Малороссiи, объединенной въ одномъ научномъ трудѣ, мы до сихъ поръ не имѣемъ; блестящiя монографiи названныхъ ученыхъ не запомнили этого пробѣла. Въ заключенiе своей «Исторiи Малой Россiи» Бантышъ-Каменскiй пишетъ: «Другой съ лучшимъ искусствомъ, краснорѣчивѣе опишетъ дѣла украинцева. Слава не мой удѣлъ. Доволенъ и тѣмъ, что исхитилъ изъ рукъ всеразрушающаго времени нѣсколько хартiй, доселѣ неизвѣстныхъ, составилъ цѣлое изъ отрывковъ разбросанныхъ». Этотъ «другой» не пришелъ еще на смѣну Бантышъ-Каменскому. Правда, извѣстный

львовскій профессоръ исторіи М. С. Грушевскій, ученикъ В. Б. Антоновича, занятъ сейчасъ изданіемъ своей «Исторіи Украіни-Руси», но многотомность этого сочиненія (вышло до сихъ поръ 4 громадныхъ тома, предполагается всѣхъ 8), безъ сомнѣнія, послужитъ преградой къ широкому его распространенію; кромѣ того, написанная на малорусскомъ языкѣ «Історія» львовскаго ученаго врядъ ли получитъ широкій доступъ въ предѣлы Россійской имперіи.

Издана «Исторія Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго весьма прилично. Если бы не нѣкоторая небрежность корректуры, его можно было бы считать точнымъ снимкомъ съ послѣдняго изданія «Исторіи» въ 1842 г.; мѣшаетъ этой точности также и ненужное, неоговоренное примѣчаніе издателя на III стр. предисловія, помѣщенное среди примѣчаній автора. Недурно сдѣланы почти всѣ приложенія, состоящія изъ портретовъ гетмановъ и др. историческихъ дѣятелей, различныхъ рисунковъ, автографовъ, боплановской карты и пр.; особенно хороши вышли «двадцать шесть роскошныхъ изображеній малороссіянъ въ странныхъ одеждахъ», «почерпнутыхъ изъ рукописи г. Ригельмана», какъ поясняетъ Бантышъ-Каменскій. *М. Славинскій.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. Коншинъ. „Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность".— *Ганзель.* „Новый видъ мѣстныхъ налоговъ".

Земледѣліе, фабрично заводская и кустарная промышленность и ремесла. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коншинъ. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. № XLIV. М. 1903 г. Стр. 214. Ц. 1 р. 25 к. Не названный переводчикомъ авторъ («старый географъ» какъ онъ самъ про себя говоритъ на стр. 168) доказываетъ, что уже теперь люди могутъ устроиться такъ, чтобы жить богатой и культурной жизнью и въ то же время обезпечить себѣ полную независимость, т.-е. не жить чужимъ трудомъ и не позволять другимъ себя эксплуатировать. Подобнаго рода утвержденіе, поскольку оно можетъ быть доказано, имѣетъ большую важность. Въ настоящее время много интеллигентныхъ людей готовы были бы отказаться отъ значительной части своихъ удобствъ и удовольствій, только бы не чувствовать себя соучастниками великой исторической неправды, тяготѣющей какъ фатумъ даже надъ честными людьми. Но насъ постоянно убѣждаютъ, что мы не можемъ сами себя ни кормить, ни одѣвать, ни согрѣвать, ни снабжать достаточнымъ запасомъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій, и потому должны принимать и пищу и одежду и наслажденія на тѣхъ условіяхъ, на какихъ даетъ ихъ намъ современная промышленная организація, основанная на всемогуществѣ капитала и одушевленная стремленіемъ къ наживѣ. Противъ этого-то пониманія дѣйствительности и возстаетъ нашъ авторъ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что всюду въ Европѣ и въ частности въ Англіи земля можетъ давать, при разумномъ къ ней отношеніи, гораздо больше средствъ пропитанія, чѣмъ она даетъ въ настоящее время, и для этого вовсе не нужно вкладывать въ нее особенно много труда: нужно только примѣнить всѣ данныя, добытыя агрономіей, и работать не въ одиночку, а соединенными усиліями многихъ семействъ, не ссорясь другъ съ другомъ, а заботясь лишь объ общемъ благѣ. По вычисленіямъ автора, 200 семей (въ 1.000 душъ) на площади въ 1.000 акровъ (средняго плодородія) могли бы собственнымъ трудомъ доставлять себѣ все нужное для прокормленія и имѣть достаточно досуга для всевозможныхъ неземледѣльческихъ занятій и удовольствій и достаточно мѣста на своей землѣ для частныхъ и общественныхъ садовъ, для площадей, общественныхъ зданій, фабрикъ и проч. Обезпечивъ же себѣ пропитаніе и досугъ, эти люди могли бы, опять-

таки собственнымъ трудомъ, не изнуряя себя и не насилуя своихъ вкусовъ, снабжать себя въ умѣренномъ количествѣ всѣми предметами удобства и роскоши, которые теперь приходится получать путемъ компромиссовъ и униженій передъ капиталистами. Въ этой идеальной общинѣ не будетъ уже раздѣленія между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью, между трудомъ и орудіями производства, между трудомъ умственнымъ и трудомъ физическимъ: каждый будетъ участвовать личнымъ трудомъ и въ добываніи пищи, и въ обезпеченіи всевозможныхъ удобствъ, и въ развитіи наукъ, и въ наслажденіи искусствомъ.

Эти предположенія нельзя считать несбыточными мечтами. Но къ сожалѣнію, самъ авторъ слишкомъ заботится о томъ, чтобы во что бы то ни стало убѣдить читателей и увеличить число сторонниковъ своихъ идей. Отъ этого страдаютъ сами идеи. Нужно имѣть смѣлость защищать свой идеалъ такимъ, каковъ онъ есть—со всѣми затрудненіями, которыя онъ вызываетъ, со всѣми врагами, которыхъ онъ противъ себя имѣетъ. Поэтому автора разбираемой книги, какъ и большинство реформаторовъ, слѣдуетъ упрекать не въ излишней смѣлости, а въ излишней робости. Если бы всѣ реформаторы смѣло настаивали на своихъ требованіяхъ, они можетъ быть сдѣлали бы меньше, чѣмъ имъ хотѣлось бы, но во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ они дѣлаютъ теперь. Если народныя массы еще не созрѣли для реформы, то для подготовленія, для воспитанія ихъ больше всего сдѣлаютъ не тѣ, кто будутъ скрывать отъ народа противорѣчіе между реформою и дѣйствительною жизнью, а тѣ, кто осуществятъ реформу въ чистомъ видѣ хотя бы для небольшой группы людей и на примѣрѣ такой обновленной чистой жизни покажутъ народу всѣ преимущества реформы. Между тѣмъ реформаторы обыкновенно стараются умалить въ глазахъ общества трудность реформы, представить ихъ болѣе легкими, а окружающую жизнь—болѣе близкою къ ихъ идеаламъ. Они дѣлаютъ видъ, точно ихъ предложеніе не коренная реформа жизни, а простое разъясненіе того, что всѣми давнымъ давно признается.

Авторъ разбираемой книжки во многомъ сходится съ нашими народниками и повторяетъ ихъ ошибки. Какъ и народники, онъ предостерегаетъ противъ вредныхъ сторонъ фабрично-заводской промышленности и указываетъ на преимущества земледѣльческой жизни и самостоятельной свободной работы каждаго труженика у себя дома или въ небольшихъ матерскихъ. И подобно народникамъ, онъ склоненъ смѣшивать защиту своего идеальнаго земледѣлія и идеальной промышленной организаціи съ защитой всякаго земледѣлія и всякой мелкой и домашней промышленности. Когда онъ говоритъ объ осуществленіи своего идеала въ будущемъ, онъ ясно сознаетъ, что первымъ условіемъ такого осуществленія является сознательный отказъ отъ эгоизма, отъ грабительскихъ наклонностей, отъ алчности. «Никакая подобная перемѣна,—говоритъ онъ (т.-е. соединеніе земледѣлія съ обрабатывающей промышленностью и вообще «интеграція» труда вмѣсто современнаго «раздѣленія труда»)—не можетъ произойти до тѣхъ поръ, пока общество сохранитъ свое устройство, которое позволяетъ собственникамъ земли и капитала подъ покровительствомъ государства и историческихъ правъ присваивать себѣ ежегодный избытокъ производства» (стр. 6—7). Но когда авторъ отъ будущаго обращается къ прошлому и настоящему и отыскиваетъ въ окружающей дѣйствительности зачатки будущаго строя, онъ уже забываетъ, что эти зачатки нужно искать въ общественной психологіи, а не во внѣшнихъ формахъ промышленной организаціи. Если алчность и эгоизмъ составляютъ главное препятствіе къ образованію идеальныхъ общинъ съ преобладаніемъ земледѣльческаго труда, то современные зачатки идеальныхъ общинъ нужно искать тамъ, гдѣ всего успѣшнѣе и сознательнѣе ведется борьба съ алчностью и эгоизмомъ. Поэтому наилучшія друзья у нашего автора могутъ оказаться въ центрахъ фабрично-заводской промышленности, а злѣйшіе враги—

среди сплошного земледѣльческаго населенія. Наиболѣе подготовленными для реформъ, предлагаемыхъ авторомъ, быть можетъ являются жители ненавистныхъ ему городовъ, а наименѣе подготовленными—тѣ земледѣльцы и кустари, которыхъ онъ беретъ подъ свою защиту. Онъ же, подобно нашимъ народникамъ, считаетъ современныхъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и кустарей—живымъ доказательствомъ своихъ идей, готовой опорой своихъ идеаловъ, а крупную промышленность безъ всякой критики признаетъ тормазомъ, который всегда и всюду только вредитъ. Преимущество автора передъ нашими народниками заключается въ томъ, что онъ сильно выдвигаетъ одно требованіе, которое сразу уясняетъ истинный смыслъ его реформы, обнаруживая всю ея трудность и смѣлость: онъ настаиваетъ на обязательности для всѣхъ простого физическаго труда. Онъ справедливо полагаетъ, что перенести обрабатывающую промышленность въ деревни и достигнуть наибольшей выгоды и наивысшаго счастья для тружениковъ-земледѣльцевъ можно будетъ только при томъ условіи, если интеллигентные люди откажутся отъ пренебреженія къ физическому труду и научатся работать руками такъ же хорошо, какъ и головою (стр. 161).

Но предъявляя современному обществу столь повышенныя требованія, авторъ мало занимается вопросомъ, гдѣ же найти средства для выполненія подобныхъ требованій, гдѣ найти людей, которые могли бы служить примѣромъ. Вмѣсто того, чтобы смѣло ставить вопросъ объ осуществимости своихъ надеждъ, онъ большею частью предпочитаетъ заниматься болѣе легкимъ дѣломъ—опроверженіемъ чужихъ надеждъ, тѣхъ, которыя возлагаются на крупную обрабатывающую промышленность, на фабрики и заводы. Но недостатки извѣстныхъ плановъ и надеждъ еще не служатъ доказательствомъ, что нужно отдаться другимъ надеждамъ и строить другіе планы. Наши народники доказывали, что русскій капитализмъ не имѣетъ твердой почвы, ибо не можетъ надѣяться на завоеваніе внѣшнихъ рынковъ. Авторъ разбираемой книги доказываетъ, что капитализмъ въ Англіи теряетъ почву, ибо Англія потеряетъ внѣшніе рынки. Но и онъ, какъ наши народники, забываетъ, что даже самый слабый и мизерный капитализмъ можно считать все-таки наилучшимъ воспитательнымъ средствомъ для подготовленія лучшаго будущаго. Чтобы опровергнуть такое мнѣніе, нужно показать, что существуютъ другіе болѣе вѣрные пути. Нужно сравнивать крупную и мелкую промышленности, городскую культуру и земледѣльческій трудъ не по степени ихъ устойчивости, а по пригодности ихъ для тѣхъ идей, которымъ мы сочувствуемъ. Нашъ авторъ радуется каждому торжеству земледѣлія и мелкой промышленности, хотя передъ читателемъ постоянно возникаетъ вопросъ, не куплено ли это торжество цѣною столь же безпощадной эгоистической борьбы и столь же жестокой эксплуатаціи человѣческаго труда, какъ и на фабрикахъ и заводахъ. Англійскіе трэдъ-юніоны враждебно относятся къ мелкой промышленности, потому что у мелкихъ хозяевъ положеніе рабочихъ хуже и борьба съ ними труднѣе для рабочихъ. Сельское населеніе Англіи бѣжитъ въ города, потому что въ деревнѣ жизнь слишкомъ непригладна и слишкомъ тяжело давитъ сверху деспотическая власть землевладѣльцевъ (см. интересное письмо г. Діонео о новомъ капитальномъ изслѣдованіи сельскаго хозяйства въ Англіи, Райдера Хаггарда, «Русское Богатство», № 1). Авторъ хочетъ, чтобы Англія брала примѣръ съ другихъ странъ, въ которыхъ земледѣліе и домашняя промышленность развиты сильнѣе. Но самъ же онъ долженъ постоянно признаваться, что и въ другихъ странахъ жизнь тружениковъ вовсе не такъ разумна и не такъ счастлива, чтобы ей можно было завидовать. Французскіе огородники, успѣхи которыхъ приводятъ нашего автора въ восторгъ, трудятся какъ рабы (стр. 58) и притомъ трудятся не на себя, а на тѣхъ же ненасытныхъ обитателей Лондона, которые такъ позорно равнодушны къ родному земледѣлію (стр. 55) Знакомъ нашъ авторъ и съ тяжелыми условіями земледѣльческаго труда въ Россіи (стр. 62). Поэтому особенно странно для

русскаго читателя звучатъ его рѣчи о преимуществахъ Россіи передъ Англіею. Конечно, у насъ есть свои преимущества, а у Англіи есть недостатки, которыхъ у насъ нѣтъ. Но еще больше у Англіи такихъ недостатковъ, которые намъ отлично знакомы. Вотъ, напр., авторъ утверждаетъ, что Англія—рай посредниковъ и останется таковымъ «до тѣхъ поръ, пока она будетъ существовать ввозимыми пищевыми продуктами» (стр. 19). «Въ странѣ, которая ввозитъ свои пищевые продукты, не можетъ быть иначе: люди, выращивающіе сами продукты, исчезаютъ съ рынка, и вмѣсто нихъ появляются посредники» (стр. 63). Въ Россіи, т.-е. въ странѣ, которая *вывозитъ* пищевые продукты, именно этотъ вывозъ и создаетъ свой особый рай для посредниковъ. При этомъ нужно замѣтить, что посредники посредникамъ рознь. Наши посредники по хлѣбной торговлѣ не умѣютъ согласовать своихъ интересовъ съ интересами земледѣлія. А въ Соединенныхъ Штатахъ высокая техника хлѣбной торговли приноситъ фермерамъ огромныя выгоды, дѣлая ихъ господами положенія на международномъ хлѣбномъ рынкѣ.

Болѣе заслуженными являются похвалы автора по адресу «русской системы» обученія ручному труду. Но и тутъ не обошлось безъ преувеличеній. Къ сожалѣнію, «русская система» извѣстна въ Россіи очень мало и примѣняется лишь въ немногихъ техническихъ заведеніяхъ. Гораздо болѣе широкое и плодотворное примѣненіе она получила въ общеобразовательныхъ школахъ Америки и Франціи *). И потому слишкомъ преждевременно говорить о русскомъ «трудолюбивомъ юношествѣ, стремящемся соединить ручной трудъ съ наукою» (стр. 16).

Переводчика можно упрекнуть за недостаточно внимательное отношеніе къ терминологіи. Про русскихъ кустарей, напр., говорится, что $7^1/_2$ милліоновъ человѣкъ «совмѣщаютъ *фабричный* трудъ съ земледѣліемъ» (стр. 16).

А. Рыкачевъ.

П. Гензель. Новый видъ мѣстныхъ налоговъ: обложеніе «незаслуженнаго» прироста цѣнностей при городскихъ улучшеніяхъ въ Англіи, Америкѣ и другихъ странахъ. (Съ приложеніемъ библіографическаго указателя). С.п.б. 1902. Стр. II+193, Ц. 1 р. 25 к. Интересъ къ городскому хозяйству сильно возросъ за послѣднее время, въ особенности послѣ того, какъ во многихъ городахъ Запада руководящей идеей городского хозяйства сдѣлалась общественная реформа, т.-е. коренное улучшеніе жизни трудящихся классовъ. Съ этимъ замѣчательнымъ явленіемъ русскіе читатели могли познакомиться, въ легкомъ, общедоступномъ изложеніи, по книгѣ К. Гуго: «Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ управленіи». (Перев. съ нѣм. С.п.б. 1898 г.). Между прочимъ, Гуго разсказываетъ вкратцѣ объ упорной борьбѣ, которую пришлось вести совѣту лондонскаго графства, чтобы добиться права на примѣненіе особаго, новаго налога, betterment tax. Этому-то новому налогу, «спеціальному обложенію», и посвящена книга г. Гензеля. Въ городскихъ финансахъ Англіи «спеціальное обложеніе» играетъ пока очень скромную роль. Но то, что городскія управленія Лондона и Манчестера добились отъ парламента права на «спеціальное обложеніе», было большей побѣдой демократической программы, ибо борьба велась на принципіальной почвѣ: споръ шелъ о разномъ пониманіи налоговой справедливости. Дѣло въ томъ, что «спеціальное обложеніе», дѣйствительно, выходитъ изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ состоятельные классы привыкли умѣщать свое понятіе о дозволенныхъ, справедливыхъ налогахъ. «Спеціальное обложеніе» есть налогъ на тѣ спеціальныя выгоды, которыя достаются отдѣльной небольшой группѣ городскихъ собственниковъ отъ

*) См. статью *Н. Рудольфа*: „Краткая характеристика ручныхъ занятій въ въ учебныхъ заведеніяхъ за границей и у насъ“. „Техническое образованіе“, 1902 г. № 7.

мѣропріятія, предпринятаго городомъ въ общественныхъ интересахъ. Напр., городъ, въ общественныхъ интересахъ, проводитъ новую улицу. Цѣны на участки, прилегающіе къ новой улицѣ, конечно возрастаютъ и собственники ихъ обогащаются безъ какихъ бы то ни было усилій и заслугъ съ своей стороны. И вотъ городское управленіе находитъ справедливымъ покрывать свои расходы на проведеніе новой улицы, частью или цѣликомъ, изъ «незаслуженнаго» прироста цѣнности счастливыхъ участковъ, а не изъ общихъ налоговъ, собираемыхъ, по той или иной системѣ, со всего городского населенія. Такимъ образомъ, «спеціальное обложеніе» является новымъ ограниченіемъ принципа частной собственности, въ числѣ многихъ другихъ, внесенныхъ въ современную жизнь финансовыми реформами послѣдняго времени. Вызванное жизненными потребностями городского хозяйства, «спеціальное обложеніе» должно было вступить въ борьбу со старыми привычными понятіями, которыя упорно отстаивались землевладѣльцами и домовладѣльцами. Въ концѣ концовъ, собственники должны были уступить и въ настоящее время принципъ «спеціальнаго обложенія» завоевалъ себѣ прочное положеніе въ Англіи, Америкѣ и Германіи. Г. Гензель, давая подробную исторію спеціальнаго обложенія въ названныхъ 3 странахъ, ставитъ себѣ цѣлью выяснить общія причины, доставившія побѣду новому виду мѣстныхъ налоговъ; исторія изучаемаго имъ налога излагается въ постоянной связи съ исторіей мѣстнаго управленія и мѣстныхъ финансовъ вообще. Это дѣлаетъ «спеціальную» тему г. Гензеля интересной не для однихъ только спеціалистовъ. Достоинствомъ книги является то, что, оставаясь на почвѣ строгой, объективной науки, г. Гензель въ то же время выдвигаетъ на первый планъ не цифры, не голые факты и тексты законовъ, а борьбу живыхъ идей и интересовъ: борющіяся стороны вырисовываются передъ читателемъ со всѣми своими специфическими чертами, свойственными данному времени и данному мѣсту, и это разнообразіе специфическихъ чертъ еще болѣе подчеркиваетъ неизбѣжность и общность одного и того же историческаго процесса въ разныхъ странахъ. Интересно слѣдить, какъ одна и та же идея идетъ къ побѣдѣ разными путями въ зависимости отъ національныхъ различій: въ Англіи мы видимъ упорную идейную борьбу, на почвѣ правовыхъ понятій, съ упрямымъ консерватизмомъ лордовъ, въ Америкѣ—быстрое практическое примѣненіе, давшее грандіозные хозяйственные результаты, но въ то же время и грандіозныя злоупотребленія, въ Германіи, и въ особенности въ Пруссіи,—руководящую роль и просвѣщенное попечительство государственной власти.

Впрочемъ и достигнутые результаты пока еще весьма различны въ разныхъ странахъ. Въ Англіи городскія управленія Манчестера и Лондона только въ 1894 и 1895 гг. добились отъ парламента права установить спеціальное обложеніе (съ очень стѣснительными ограниченіями) для нѣкоторыхъ предпринятыхъ ими мѣропріятій. Торжество тутъ заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что лорды уступили въ принципѣ: ихъ коммиссія подъ предсѣдательствомъ лорда Сольсбюри объявила, что «принципъ betterment'а самъ по себѣ не является не справедливымъ». Между тѣмъ всего за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ палата лордовъ вполнѣ соглашалась съ тѣми своими членами, которые называли проектъ betterment'а «свирѣпымъ въ своей ненависти къ несчастнымъ собственникамъ» (лордъ Онсло), «самымъ несправедливымъ предложеніемъ, какое когда-либо было сдѣлано» (лордъ Сольсбюри).

Въ Соединенныхъ Штатахъ «спеціальное обложеніе» получило весьма широкое примѣненіе уже въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія; впрочемъ, судьба его была различна въ разныхъ штатахъ. Въ настоящее же время «едва ли найдется въ Соединенныхъ Штатахъ такой городъ, который не пользовался бы спеціальнымъ обложеніемъ» (45). Благодаря этому сбору въ городскія кассы стекаются огромныя средства. Въ 1891 г. 24 города съ населеніемъ свыше 100.000 собрали путемъ «спеціальнаго обложенія» около 20 милліоновъ дол-

ларовъ, или немногимъ менѣе 7% всей суммы доходовъ. Въ Чикаго «спеціальное обложеніе» составляло въ томъ же году около $^1/_5$ всей суммы доходовъ, а именно $6^1/_2$ милл. долларовъ, или болѣе $^1/_5$ всѣхъ доходовъ всѣхъ 700 русскихъ городовъ (59).

Больше всего мѣста г. Гензель удѣляетъ исторіи «спеціальнаго обложенія» въ Германіи (стр. 72—160) и въ особенности въ Пруссіи. Уже въ 1875 г. прусскимъ городамъ было разрѣшено устанавливать «спеціальное обложеніе» (Beitrage) при проведеніи новыхъ улицъ. Но особенно широкое развитіе идея «спеціальнаго обложенія» получила въ новомъ законѣ о коммунальныхъ налогахъ 14-го іюля 1893 г., законѣ, который составилъ эпоху въ исторіи прусскихъ финансовъ. Смыслъ реформы состоялъ въ томъ, что государство отказывалось въ пользу общинъ отъ реальныхъ налоговъ, но зато сильно ограничивало право общинъ на взиманіе подоходнаго налога. Реформа была непріятна городскимъ собственникамъ, которые во многихъ городахъ свалили всю тяжесть городского бюджета на плательщиковъ подоходнаго налога, а теперь, послѣ реформы, должны были повысить обложеніе земель, домовъ и промысловъ. Чтобы облегчить собственникамъ этотъ тяжелый переходъ, правительство и обратилось къ «спеціальному обложенію», поставивъ этотъ налогъ, вмѣстѣ съ пошлинами на первое мѣсто въ ряду различныхъ источниковъ коммунальнаго дохода. Такимъ образомъ, въ Пруссіи «спеціальное обложеніе» само по себѣ не вызвало оппозиціи и недовольства городскихъ домовладѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе, общая сумма, получаемая путемъ этого налога, до сихъ поръ не достигла значительныхъ размѣровъ: она составила немногимъ болѣе 2% общей суммы всѣхъ налоговъ, взимаемыхъ прусскими городами.

Франціи и Бельгіи посвящено только 8 страницъ, а Россіи — 3. Нашему законодательству и нашей городской практикѣ «спеціальное обложеніе» неизвѣстно. Авторъ «не ожидаетъ прогресса въ этомъ отношеніи, разъ наше городское самоуправленіе будетъ находиться въ тѣхъ же условіяхъ, что и нынѣ» (183). Но на основаніи опыта Западной Европы, г. Гензель предсказываетъ «спеціальному обложенію» большую будущность, какъ на Западѣ, такъ и у насъ и притомъ не только для городского, но и для земскаго хозяйства.

Очеркъ «теоріи» спеціальнаго обложенія (168—182) изложенъ очень кратко и, какъ намъ кажется, не вполнѣ удачно. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что «въ финансовой литературѣ это все еще terra incognita». *А. Рыкачевъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

I. Розенталь. „Общая физіологія“.—*I. Гинтервальдеръ.*—„Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій“.—*Ф. Конъ.* „Растеніе“.—*Гантшъ.* „Краткое руководство къ стереохиміи“.— *А. Реформатскій.* „Неорганическая химія“.

Д-ръ I. Розенталь, профессоръ физіологіи въ университетѣ въ Эрлангенѣ. Общая физіологія. Введеніе въ изученіе естествознанія и медицины. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей С. С. Салазкина, профессора женскаго медицинскаго института въ С.-Петербургѣ. Съ приложеніемъ статей Ненцкаго, Спенсера, Бунге и Бючли. Со 137 рисунками въ текстѣ. Библіотека естествознанія, подъ редакціей проф. П. И. Броунова и В. А. Фаусека. Изданіе акц.-общ. Брокгаузъ-Ефронъ, С.-Петербургъ. 1902 г. 377+XX текста. Авторъ книги прежде всего касается вопроса о томъ, чѣмъ занимается физіологія, какія цѣли она преслѣдуетъ и въ какой связи стоитъ съ другими, какъ часто біологическими, такъ и физическими естественными науками. Затѣмъ онъ указываетъ на значеніе индукцій и дедукцій въ естествознаніи и опредѣляетъ разницу между такъ называемыми индуктивными-естественными и дедуктивными-математическими науками. Переходя послѣ этого

къ изложенію важнѣйшихъ методовъ изслѣдованія въ естествознаніи вообще и въ физіологіи въ частности, авторъ обращаетъ вниманіе читателя на то, какъ важно въ дѣлѣ изученія явленій умѣло примѣнить тотъ или иной методъ. Отъ выбора подходящаго метода въ большинствѣ случаевъ зависитъ удача изслѣдователя, а равно и большій или меньшій прогрессъ въ извѣстной отрасли знанія. Что касается физіологіи въ частности, то авторъ указываетъ, что изученіе жизненныхъ явленій немыслимо безъ наблюденій и опытовъ надъ живыми животными, т.-е безъ вивисекцій, а это возможно лишь при помощи разнообразныхъ, нерѣдко очень сложныхъ, вспомогательныхъ средствъ. Затрогивая вопросъ о вивисекціяхъ, авторъ пользуется случаемъ указать читателю, что часто дѣлаемыя профанами нападки на вивисекціи ни на чемъ не основаны, такъ какъ имъ «человѣчество обязано своимъ огромнымъ тріумфомъ въ дѣлѣ борьбы съ болѣзнями и искусствомъ леченія ихъ». Далѣе, семь главъ книги (начиная съ IV и кончая X) посвящаются изложенію главнѣйшихъ законовъ физики и химіи, предварительное знакомство съ которыми необходимо для пониманія явленій жизни. Послѣ этого, такъ сказать, введенія въ общую физіологію, авторъ переходитъ къ описанію самыхъ жизненныхъ явленій, при чемъ сначала знакомитъ читателя съ этими явленіями у высшихъ позвоночныхъ, а потомъ уже останавливается на описаніи организаціи и жизни у простѣйшихъ живыхъ существъ. Съ этою цѣлью, выбравъ представителемъ млекопитающихъ кролика, какъ болѣе доступный для изслѣдованія объектъ, онъ излагаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ анатомическое строеніе означеннаго животнаго и главнѣйшіе физіологическіе процессы питаніе, кровообращеніе, обмѣнъ веществъ, дыханіе и пр. Вслѣдъ за этимъ авторъ говоритъ о строеніи и жизненныхъ свойствахъ одноклѣточныхъ организмовъ, т.-е. объ ихъ способности къ движенію, о питаніи, размноженіи, раздражимости и смерти; въ связи съ этимъ онъ описываетъ клѣтки, какъ элементы, входящіе въ составъ сложныхъ организмовъ; между прочимъ тутъ же онъ указываетъ на значеніе ядра и протоплазмы, на дифференцировку клѣтокъ и вкратцѣ касается строенія простыхъ тканей. Давъ, такимъ образомъ, краткій очеркъ главнѣйшихъ физіологическихъ процессовъ, совершающихся въ организмѣ высшихъ позвоночныхъ и простѣйшихъ организмовъ, авторъ переходитъ къ подробному изложенію обмѣна веществъ (процессовъ дыханія, кровообращенія, выдѣленія и замѣщенія веществъ), при чемъ въ этотъ отдѣлъ общей физіологіи включаетъ какъ растительный, такъ и животный міръ. Растительному міру тутъ отводится довольно много мѣста и подробно говорится о питаніи растеній, новообразованіи у нихъ неорганическихъ соединеній, выдѣленіи кислорода, возникновеніи и исчезаніи хлорофилла, передвиженіи газовъ и воды въ растеніяхъ и пр. Далѣе читатель знакомится съ сущностью кругооборота матеріи и превращеніемъ энергіи въ организмахъ и, наконецъ, съ различными отправленіями послѣднихъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ авторъ касается цѣлаго ряда весьма интересныхъ біологическихъ вопросовъ, какъ, напр., вопросовъ о продукціи и регулированіи тепла, о различныхъ формахъ движенія, продукціи электричества, раздраженіи и раздражимости, ростѣ и размноженіи организмовъ и пр. Въ главѣ о раздражимости мы находимъ довольно подробное описаніе той роли, какую играютъ центральная и периферическая нервная система и органы чувствъ въ воспринятіи и проведеніи извѣстныхъ импульсовъ, а также въ дѣлѣ возникновенія разнообразнаго рода ощущеній. Что касается главы о ростѣ и размноженіи, то въ ней авторъ вкратцѣ указываетъ на ростъ животныхъ клѣтокъ, процессъ регенераціи, различныя формы дѣленія, а затѣмъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, касается теорій эволюцій, эпигенеза и наслѣдственности. Наконецъ, въ послѣдней главѣ книги, посвященной вопросу о возникновеніи жизни, сначала приводится рядъ данныхъ, доказывающихъ невозможность произвольнаго зарожденія организмовъ, а потомъ затрогивается вопросъ объ измѣнчивости живыхъ

существъ, происхожденіи новыхъ видовъ, борьбѣ за существованіе, филогенезѣ, цѣлесообразности, господствующей въ органической природѣ и приспособляемости организмовъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе книги I. Розенталя «Общая физіологія». Книга, какъ видно изъ ея содержанія, представляетъ извѣстный интересъ для всякаго біолога, но тѣмъ не менѣе въ ней имѣются и нѣкоторые недостатки. Прежде всего, въ распредѣленіи научнаго матеріала замѣчается значительная неравномѣрность: семь главъ книги посвящаются исключительно описанію основныхъ законовъ физики и химіи и, собственно, лишь въ одиннадцати главахъ трактуется о жизненныхъ явленіяхъ. Конечно, предварительное знакомство съ физическими и химическими законами необходимо для уразумѣнія основъ общей физіологіи, но ихъ легко можно было бы изложить въ болѣе сжатой формѣ и удѣлить больше мѣста для общей физіологіи. Въ главѣ XV, «Обмѣнъ веществъ у организмовъ», по моему мнѣнію, слишкомъ пространно для краткаго курса общей физіологіи говорится о процессахъ обмѣна веществъ у растеній и пр. Далѣе, въ изложеніи научныхъ фактовъ нѣтъ достаточной послѣдовательности и стройности, которыя, какъ извѣстно, въ такой значительной степени облегчаютъ читателю-неспеціалисту оріентированіе въ массѣ матеріала и составленіе себѣ яснаго представленія о предметѣ. Въ этомъ отношеніи книга I. Розенталя, мнѣ кажется, далеко уступаетъ всѣмъ извѣстной книжкѣ Клодъ-Бернара «Курсъ общей физіологіи», которая теперь читается съ такимъ же интересомъ, съ какимъ она читалась и 25 лѣтъ тому назадъ. Съ этой точки зрѣнія она уступаетъ такъ же и книжкѣ М. Ферворна «Общая физіологія», вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ уже въ третьемъ изданіи. Кромѣ того, автору можно поставить въ упрекъ, что онъ, постоянно касаясь различныхъ сторонъ жизни клѣтки, въ то же время даетъ слишкомъ краткое описаніе строенія послѣдней, вслѣдствіе чего, напр., процессы непрямого дѣленія клѣтокъ и оплодотвореніе, для читателя, незнакомаго предварительно съ анатоміей клѣтки, едва ли будутъ вполнѣ понятны. Къ этому нужно еще прибавить, что о такихъ интересныхъ біологическихъ вопросахъ, какъ, напр., вопросы о происхожденіи жизни, эволюціи и эпигенезѣ, наслѣдственности и др., въ книгѣ говорится какъ бы вскользь, отводится очень мало мѣста.

Несмотря на указанные и другіе недостатки, книга I. Розенталя весьма интересна и ее прочтетъ съ удовольствіемъ всякій, кто интересуется біологіей, хотя нельзя не замѣтить, что она доступна не столько для широкой публики, сколько для лицъ, уже нѣсколько знакомыхъ съ основами біологіи. Книга переведена и издана вполнѣ прилично, причемъ редакторами приложены къ ней еще статьи Ненцкаго, Спенсера, Бунге и Бючли, имена которыхъ достаточно говорятъ за интересъ этихъ приложеній. *А. Догель.*

Іог. М. Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Переводъ подъ редакціей и съ приложеніемъ статьи проф. Э. Ю. Петри: Антропологическія коллекціи и наблюденія. Спб. 1903 года. Цѣна 2 р. Въ популярно-научной нѣмецкой литературѣ книга Гинтервальднера «Wegfesser für Naturaliensammler, Wien 1889» является однимъ изъ наиболѣе полныхъ и толково составленныхъ руководствъ. Что же касается до перевода этой книги на русскій языкъ, то, на нашъ взглядъ, въ этомъ не представлялось особой надобности. Дѣло въ томъ, что на русскомъ языкѣ существуютъ уже превосходныя «Программы и наставленія» для собиранія коллекцій по всѣмъ отдѣламъ естествознанія, издаваемыя с.-петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей, существуютъ и руководства по отдѣльнымъ отраслямъ—по собиранію растеній, животныхъ. Пользуемся случаемъ, чтобы отмѣтить здѣсь прекрасное «Руководство къ зоологическимъ экскурсіямъ и собиранію зоологическихъ коллекцій», изданное недавно въ Москвѣ подъ редакціей Г. А. Кожевникова.

Такимъ образомъ, необходимости въ появленіи книги Гинтервальднера на русскомъ языкѣ не было. Съ другой стороны, переводъ сдѣланъ настолько плохо и редакція этого перевода настолько небрежна, что часто положительно становишься втупикъ, что собственно должно означать то или другое выраженіе. Эти недоумѣнія начинаются уже съ первой страницы текста, гдѣ рекомендуется предпринимать экскурсіи «въ разные часы дня и *времена года* (?)».

О временахъ года говорится и дальше, въ главѣ о собираніи растеній, гдѣ мы встрѣчаемся съ такимъ выраженіемъ: «Зимою немного явнобрачныхъ въ цвѣту». (стр. 156). Полагаю, нѣтъ надобности пояснять, что на обязанности редактора лежало бы указать, какія явнобрачныя цвѣтутъ у насъ зимой... на снѣгу!

Нѣсколько дальше встрѣчаемъ мы весьма неуклюжую фразу: «Вниманія заслуживаютъ и тѣ особенности, по которымъ для однодомныхъ, двудомныхъ и полигамическихъ растеній опредѣляется мѣсто въ системѣ Линнея».

То, что говорится далѣе о сушкѣ растеній, слишкомъ подробно и въ то же время недостаточно выдѣляются основные, наиболѣе простые способы сушки. О наклейкѣ растеній говорится прямо нѣчто несообразное: «Наклейка производится такимъ образомъ, что растеніе кладутъ по серединѣ листа, а затѣмъ прикрѣпляютъ его, наклеивая на извѣстныя части стебля вѣтвей и т. п. намазанныя гумми полоски бумаги шириной 1,5—3 m.

Къ книгѣ приложено нѣсколько дополненій, между прочимъ, статья о ядовитыхъ змѣяхъ, водящихся въ Россіи. Страннымъ образомъ здѣсь рекомендуется для изученія змѣй читателю нѣмѣцкая книга Lachmann'а и не упоминается о прекрасномъ трудѣ А. М. Никольскаго о русскихъ пресмыкающихся и земноводныхъ.

Мы обратили такимъ образомъ вниманіе на нѣсколько слабыхъ сторонъ перевода. Укажемъ еще какъ курьезъ на одно изъ немногочисленныхъ примѣчаній редактора (на стр. 9), гдѣ онъ рекомендуетъ путешественнику держаться извѣстнаго режима, не ѣсть фруктовъ, не пить лимонадовъ (?!), употреблять пищу простую и здоровую. «Въ общемъ путешественники ѣдятъ въ пути немного». Могу увѣрить редактора, что это не совсѣмъ такъ! Что же касается того, какая должна быть пища, то конечно, это опредѣляется тѣмъ, что можно достать и чего нельзя. Въ частности, прибавимъ, бываютъ случаи, когда путешественники по недѣлямъ ничего не ѣдятъ и даже умираютъ съ голода!

Къ числу достоинствъ книги надо отнести интересную главу о содержаніи животныхъ въ неволѣ. *Б. А. Федченко.*

Ф. Конъ. Растеніе. Популярныя лекціи изъ области ботаники. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей академика С. И. Коржинскаго и Р. И. Танфильева. Въ двухъ томахъ. Цѣна 7 р. 50 к. Съ 415 политипажами въ текстѣ. Для того, чтобы переводная популярно-научная книга имѣла успѣхъ у русской читающей публики, требуется не мало: прежде всего, книга должна быть хорошо и интересно написана; затѣмъ, книга должна быть хорошо переведена, правильнымъ, литературнымъ языкомъ; далѣе, книга должна быть прередактирована лицомъ достаточно компетентнымъ; наконецъ, переводное изданіе можетъ разсчитывать на успѣхъ лишь тогда, когда въ нашей оригинальной литературѣ имѣется соотвѣтственный пробѣлъ.

Всѣ вышеозначенныя условія имѣются налицо въ данномъ случаѣ, и мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ выходъ въ свѣтъ послѣдняго выпуска «Растенія», съ большимъ изяществомъ изданнаго Девріеномъ.

«Растеніе»—это рядъ (17) отдѣльныхъ публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ ботаники, которыя читались Ф. Кономъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи въ теченіе почти полустолѣтія.

Для изданія въ одной книгѣ, разумѣется, онѣ были пересмотрѣны вновь и снабжены примѣчаніями. Главная цѣль этихъ лекцій и цѣль всей книги—

«служить руководствомъ тѣмъ, кто пожелалъ бы принять участіе въ вѣяніи жизни, проникающей ботанику нашего вѣка», пополнить недостаточность естественно-историческаго образованія у самаго широкаго круга интеллигентной публики. Сообразно съ этимъ отдѣльныя лекціи трактуютъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ ботаники, начиная съ самыхъ общихъ—«Задачи ботаники», «Вопросъ жизни», и переходя далѣе къ болѣе спеціальнымъ, напр., «Орхидеи». Но даже и въ такихъ лекціяхъ, напр., «Гёте, какъ ботаникъ», которыя, казалось бы, могутъ представить лишь болѣе частный интересъ, авторъ умѣлъ затрогивать самые общіе вопросы. Вслѣдствіе этого, основная черта всей книги это чрезвычайный интересъ, съ которымъ книга эта читается. Даже если большинство фактовъ вамъ знакомо, даже если въ томъ или другомъ отдѣлѣ ботаники вы являетесь и спеціалистомъ, все-таки трудно оторваться отъ чтенія этой превосходной книги, въ которой отдѣльныя части ботаники такъ ярко освѣщаются съ общей точки зрѣнія. Прибавимъ еще, что Конъ является однимъ изъ самыхъ выдающихся ботаниковъ нашего времени и потому фактическая сторона не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ.

Что касается перевода, то надо признать его очень хорошимъ: языкъ перевода вполнѣ литературный, и это объясняется, конечно, тѣмъ, что книга переведена одной изъ лучшихъ переводчицъ. Внимательно прочитавъ большую часть «лекцій», мы почти не замѣтили какихъ-либо недосмотровъ по части перевода. Позволимъ себѣ только указать на то, что въ статьѣ «Ж.-Ж. Руссо, какъ ботаникъ» напрасно называть г-жу Варренсъ съ прибавкой частицы *фонъ*, такъ какъ Руссо («Confession») она именуется M-me *de*-Warrens. Такъ ее и по русски слѣдуетъ называть.

Проредактирована книга вполнѣ основательно; впрочемъ, какихъ-нибудь измѣненій въ русскомъ изданіи дѣлать не пришлось и книга издана возможно близко къ оргиналу.

Мы видимъ, что въ нашей бѣдной ботанической литературѣ книга Кона займетъ весьма почетное мѣсто. Пожелаемъ по этому «Растенію» возможно широкаго распространенія.

Книга издана весьма изящно, и потому цѣну нельзя назвать высокой.

Б. Федченко.

Гантшъ, профессоръ химіи въ Вюрцбургѣ. Краткое руководство къ стереохиміи съ дополнительною статьею А. Вернера, профессора цюрихскаго университета. Переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ профессора М. И. Коновалова. Москва. 1903. XX,V+246. Цѣна 1 р. Стереохимія *) возникла изъ попытокъ найти объясненіе для тѣхъ случаевъ изомеріи органическихъ соединеній, которые съ точки зрѣнія такъ называемыхъ структурныхъ формулъ оставались непонятными. Идеи относительно зависимости этого рода изомеріи отъ молекулярной структуры соединеній впервые были высказаны еще Пастеромъ (въ 1861 г.) въ его классической работѣ: «О молекулярной диссиметріи органическихъ соединеній, встрѣчающихся въ природѣ», тѣмъ не менѣе основаніе современной стереохиміи было положено лишь въ серединѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія работами голландскаго химика Вантъ-Гоффа и французскаго—Ле-Беля, появившимися почти одновременно. Съ тѣхъ поръ развитіе стереохиміи шло чрезвычайно быстро. Разработкой основныхъ гипотезъ Ле-Беля и Вантъ-Гоффа занялись видные представители науки. Появилось много цѣнныхъ теоретическихъ и экспериментальныхъ работъ, составляющихъ предметъ обширной спеціальной литературы. Въ настоящее время стереохимія, въ качествѣ самостоятельнаго отдѣла химическихъ знаній введена въ академическое

*) Stéréochimie—собственно химія въ пространствѣ, ученіе о пространственномъ распредѣленіи атомовъ въ химической молекулѣ.

преподаваніе въ большинствѣ западно-европейскихъ университетовъ. Въ русскихъ университетахъ вопросы стереохимической изомеріи излагаются пока лишь въ связи съ общимъ курсомъ органической химіи. Этимъ, можетъ быть, отчасти объясняется и бѣдность нашей учебно-химической литературы сочиненіями по стереохиміи. За исключеніемъ компиляціи г. Безрѣдка, изданной болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ, и работъ, касающихся частныхъ вопросовъ стереохиміи, на русскомъ языкѣ по этому предмету ничего не имѣется. Мысль пополнить этотъ пробѣлъ переводомъ именно учебника проф. Гантша слѣдуетъ признать особенно удачною, такъ какъ эта книга, благодаря своимъ дидактическимъ достоинствамъ (критическому выбору матеріала, ясности и систематичности изложенія), является едва ли не лучшимъ руководствомъ для приступающихъ къ изученію стереохиміи. Несмотря на то, что учебникъ Гантша названъ краткимъ, въ немъ довольно подробно разсматриваются всѣ наиболѣе важныя теоріи и гипотезы, какъ относительно оптической, такъ и геометрической изомеріи углерода и азота, даются краткіе историческіе очерки по развитію и указывается весьма подробно литература предмета. Кромѣ того, къ французскому переводу книги, съ котораго сдѣланъ, между прочимъ, и русскій, прибавлена глава о стереохимической изомеріи неорганическихъ соединеній, написанная цюрихскимъ профессоромъ А. Вернеромъ. Русскій переводъ, какъ мы только что упомянули, сдѣланъ съ французскаго, изданнаго въ 1896 г.

О наиболѣе интересныхъ работахъ, появившихся съ того времени, редакціей русскаго перевода сдѣланы краткія указанія въ примѣчаніяхъ къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ текста. Переведена книга хорошо. Можно бы пожелать большей послѣдовательности въ передачѣ терминовъ и собственныхъ именъ. Переводчица въ одномъ случаѣ, напр., пишетъ *дву*гидрофталевая кислота, въ другомъ—*ди*бромянтарная, или: *дву*бромтоланъ и *ди*хлоркоричная кислота. Та и другая форма, положимъ, одинаково употребительны, но, для избѣжанія непріятной пестроты, лучше придерживаться какой-нибудь одной. Имя автора на заглавной страницѣ пишется—Ганчъ, а въ алфавитномъ указателѣ—Гантшъ и послѣднее написаніе намъ кажется болѣе правильнымъ. Затѣмъ, переводчица не могла, конечно, не знать, что буква М, поставленная передъ фамиліями во французскомъ языкѣ означаетъ «господинъ», и все-таки оставила ее безъ измѣненія и въ русскомъ текстѣ. Получился курьезъ. Все, это конечно, мелочи, которыя не умаляютъ достоинства перевода, сдѣланнаго вполнѣ толково и добросовѣстно.

Издана книга, какъ и всѣ изданія московской коммиссіи, прекрасно, и цѣна ея, принимая во вниманіе объемъ и внѣшность, можетъ быть названа даже дешевой. *Г. Б.*

Неорганическая химія (начальный курсъ). А. Реформатскаго, приватъ-доцента Императорскаго московскаго университета. Москва. 1903 г. Цѣна 2 р. Настоящій учебникъ, какъ это видно изъ предисловія его автора, составленъ изъ лекцій, читанныхъ «въ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы», и, повидимому, предназначается, главнымъ образомъ, для слушателей этихъ заведеній. И по расположенію учебнаго матеріала, и по нѣкоторымъ особенностямъ его изложенія, курсъ г. Реформатскаго значительно отличается отъ большинства руководствъ по неорганической химіи. Прежде всего, вся теоретическая часть курса вмѣстѣ съ періодической системой излагается во введеніи. Такое отступленіе отъ обычнаго порядка изложенія авторъ оправдываетъ педагогическимъ значеніемъ періодической системы. «Намъ всегда казалось,—говоритъ онъ въ предисловіи,—что признавая за періодической системой высокія научныя заслуги, различные авторы руководствъ по неорганической химіи, мало цѣнили ея педагогическое значеніе въ дѣлѣ болѣе связнаго и легкаго усвоенія химическаго матеріала». Мы не знаемъ, съ какой подготовкой слушателей автору приходится приходится имѣть дѣло при

изложеніи курса неорганической химіи, но въ виду того, что, напр., въ нашихъ гимназіяхъ химія не проходится, позволительно допустить, что и среди нихъ могутъ находиться лица, не имѣющія самыхъ элементарныхъ свѣдѣній химіи. И можно сомнѣваться, чтобы для нихъ было облегченіемъ начинать изученіе химіи съ такихъ теоретическихъ обобщеній, сознательное усвоеніе которыхъ немыслимо безъ предварительной подготовки. Педагогическое значеніе періодической системы не подлежитъ сомнѣнію и, вопреки утвержденію автора, давно уже получило признаніе въ учебно-химической литературѣ. Покойный проф. Рихтеръ, напр., положилъ періодическую систему въ основу своего образцоваго учебника, но это нисколько не помѣшало ему сохранить строго индуктивный характеръ курса. Самый періодическій законъ излагается имъ лишь тогда, когда предполагается, что изучающимъ уже пріобрѣтенъ достаточный запасъ теоретическихъ и фактическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для его точнаго пониманія. И намъ кажется, что только при этомъ условіи, т.-е. при условіи точнаго и сознательнаго пониманія періодической системы отъ нея можно ожидать тѣхъ благотворныхъ въ педагогическомъ отношеніи результатовъ, о которыхъ говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ.

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ курса г. Реформатскаго слѣдуетъ отнести сжатость въ обработкѣ его описательной (спеціальной) части при ясности и научности ея изложенія. Авторъ устранилъ изъ нея весь, ненужный для начинающаго, баластъ фактическихъ подробностей, справедливо находя, что обогатиться ими всякій можетъ впослѣдствіи. Фактическій матеріалъ сгруппированъ такимъ образомъ, чтобы направить вниманіе изучающаго на уясненіе общихъ законностей, наблюдаемыхъ въ ряду сходственныхъ элементовъ. Экспериментальная иллюстрація излагаемаго очень удачна. Среди опытовъ и приборовъ, описываемыхъ въ курсѣ, есть много новыхъ и такихъ, которые, несмотря на представляемый ими интересъ и поучительность, въ большинствѣ учебниковъ обыкновенно не фигурируютъ. Таковы, напр. опыты и приборы для полученія фтора, брома, аргона, приборы для демонстраціи объемнаго состава амміака, для сожиганія фосфора въ кислородѣ подъ водой, описаніе и схематическій рисунокъ машины Линде, приборъ Анделя для открытія рудничнаго газа и др. Не лишены интереса и практическаго значенія для изучающаго также и приложенія, которыми снабжена книга.

Кромѣ таблицъ справочнаго характера, здѣсь помѣщены списки аппаратовъ и реактивовъ, необходимыхъ для начальныхъ занятій въ лабораторіи, а также указатель книгъ по теоретической и неорганической химіи на русскомъ языкѣ. Въ послѣднемъ есть кой-какіе недочеты. Такъ, совсѣмъ не указаны почему то книги по аналитической химіи, въ спискѣ «самыхъ краткихъ курсовъ по химіи въ элементарномъ изложеніи» не указанъ едва ли не лучшій изъ оригинальныхъ курсъ Григорьева, въ спискѣ книгъ полезныхъ при практическихъ занятіяхъ не упомянуто очень хорошее руководство Эрдмана; съ другой стороны въ перечнѣ книгъ изъ которыхъ «можно получить болѣе подробное ознакомленіе съ химіей» фигурируетъ почему-то натуръ-философія Оствальда, имѣющая лишь весьма отдаленное отношеніе къ химіи. Съ внѣшней стороны книга издана хорошо. Кромѣ 97 хорошо исполненныхъ рисунковъ въ текстѣ, къ ней приложены 7 портретовъ наиболѣе выдающихся химиковъ и снимокъ съ недавно воздвигнутаго въ Парижѣ памятника Лавуазье.

Резюмируя вышеизложенное, мы должны сказать, что «неорганическая химія» Реформатскаго можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ лишь для лицъ, уже обладающихъ элементарными свѣдѣніями по этой наукѣ; съ этой оговоркой она можетъ быть рекомендована и для цѣлей серьезнаго самообразованія.

Г. Б.

---

*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

от 15-го марта до 15-го апрѣля.

Г. Зудерманъ. Собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. подъ ред. К. Бальмонта. Изд. Скирмунта. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Грантъ-Алленъ. Женщина, которая осмѣлилась. Изд. Вербицкой. Мск. Ц. 50 к.

С. Елпатьевскій. Въ кухнѣ. Изд. губ. земства. Вятка. 1901 г. Ц. 5 к.

Максимъ Горькій и всѣ «нынѣшніе». Сонъ скромнаго читателя. Поэма. Изд. «Знанія». Одесса. Ц. 20 к.

А. А. Апраксинъ. Вольшіе корабли. Ром. изъ петерб. высш. сферъ. Спб. Изд. Осипова. Ц. 1 р.

Ф. Боденштедтъ. Пѣсни Мирзы-Шаффи. Юрьевъ. Ц. 40 к.

П. А. Россіевъ. Безъ героевъ. Разсказы. Мск. Ц. 70 к.

Сѣверные цвѣты. Третій альманахъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Мск. Ц. 1 р. 80 к.

Семенъ Подъячевъ. Мытарства. Очерки моск. раб. дома. Изд. Раппъ и Потарова. Харьковъ. Ц. 25 к.

Н. А. Рубакинъ. Кораллы и люди. Харьковъ. Изд. то же. Ц. 10 к.

А. С. Пушкинъ. Сочиненія и письма. Т. I. Изд. «Просвѣщенія». Спб. 1903 г.

К. Ломакинъ. Разсказы. Мск. 1903 г. Ц. 80 к.

Актеръ Павелъ Скуратовъ. Сказки, былины, легенды. Съ рис. худ. М. Ярового, П. Левченко и др.

А. М. Ѳедоровъ. Разсказы. Кн. I. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

В. И. Немировичъ-Данченко. Годъ войны. 3 тома. Изд. Сойкина. Ц. 4 р. 50 к.

Его же. У океана. 2 тома. Изд. Сойкина. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русскіе писатели въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Галлерея XIX вѣка. Ред. К. Л. Оленина. Изд. Г. Н. Каранта. Одесса. 1903 г. Ц. 6 р.

А. Столповская. «Проявленія упадка во Франціи. (По націон. источн.). Мск. Ц. 1 р. 1903 г.

Пр. Р. Випперъ. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 35 к.

D-r E. Jaumann. Общепонятныя чтенія объ электричествѣ и свѣтѣ. Перев. А. А. Бохновичъ. Брянскъ. 1903 г. Ц. 3 р.

Проф. Г. Потонье. Палеонтологія растеній или палеофитологія. Екатеринославль. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Коллонтай. Жизнь финляндскихъ рабочихъ. 1903 г. Спб. Ц. 2 р. 35 к.

Ф. Шершеневичъ. Учебникъ торговаго права. Изд. Башмакова. Казань. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Б. Механическая теорія стоимости и цѣнности. I. Трудъ. Харьковъ. 1903 г. Ц. 25 к.

Н. Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависсъ. Всеобщая исторія. Перев. Кончаловской. Мск. 1903 г. Ц. 35 к.

Н. П. Кильдюшевскій. Прямолинейная тригонометрія. Казань. Изд. Башмакова. 1903 г. Ц. 75 к.

Драго Войновичъ. Исторія сербскаго народа. Одесса. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Черкассовъ. Мозгъ и его дѣятельность. Мск. 1903 г. Ц. 30 к.

Ю. Н. Лавриновичъ. Очерки французской общественности. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Максъ Нордау. Новая біологическая теорія преступленія Перев. Малинина. Мск. 1903 г. Ц. 20 к.

Густавъ Шмоллеръ. Происхожденіе, сущность и значеніе современной благотворительности. Перев. Малинина. Мск. Ц. 20 к.

М. Мельгунова. Страна пирамидъ. Мск. Изд. «Труда». 1903 г. Ц. 10 к.

Ея же. Въ римскомъ циркѣ. Мск. Изд. «Труда». 1903 г. Ц. 8 к.

Г. Ф. Липпсъ. Основы психофизики. Перев. Котляра. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Сигизмундъ Либровичъ. Неполомицкій царевичъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Германъ Зибенъ. Прогрессъ, какъ нравственная задача. Перев. съ нѣм. подъ ред. Булгакова. Изд. Таценко. Кіевъ. 1903 г. Ц. 20 к. 1903 г.

Пр. В. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ. 1903 г. Ц. 3 р.

П. Д. Первовъ. Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. Мск. 1903 г. Ц. 35 к.

В. Львовъ. Первое знакомство съ географіей Россіи. Для воскр. и нач. школъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Гордѣевъ. Въ глуши родныхъ степей. 250 верстъ по Донской области. Спб. 1903 г.

М. Поляковъ. Сіонизмъ и евреи. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

П. И. Георгіевскій. Краткій учебникъ политической экономіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Г. И. Ивановъ. Начальный курсъ географіи. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Г. Фальборкъ и В. Чарнолусскій. Приход.

скія училища. Ц. 25 к. Министерскія училища. Ц. 25 к. Народныя училища. Ц. 75 к. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1903 г.

В. Львовъ. Самоѣды. Мск. 1903 г Изд. «Труда». Ц. 15 к.

П. Лебедевъ. Будда, его жизнь и ученіе. Мск. Изд. «Труда». Ц. 10 к.

М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ человѣкъ и писатель. Перев. Михайлова. Одесса. Изд. Каранта. Ц. 30 к.

А. И. Введенскій. Литературныя характеристики. Спб. Изд. Мельникова. 1903 г. Ц. 2 р.

Θ. Батюшковъ. Разборъ книги. О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворенія. Спб. 1903 г.

Бороздинъ. Литературныя характеристики. Спб. Изд. Пирожникова. Ц. 1 р. 75 к.

Пр. Овсянико-Куликовскій. Н. В. Гоголь. Мск. 1903 г. Мск. 1903 г. Изд. «Вѣстн. Восп.». Ц. 1 р.

Эмиль Зола. Моя ненависть и др. публицист. очерки. Спб. Изд. ред. «Образованія». Ц. 1 р. 50 к.

Ст. Сухановъ. Символизмъ и Леонидъ Андреевъ, какъ его представитель. Кіевъ. 1903 г. Ц. 20 к.

А. А. Малининъ. Въ защиту книги Vera «Одна за многихъ». Мск. 1903 Ц. 15 к.

П. С. Новоплянскій. Наслѣдственность или вѣчное упражненіе. Вильна. 1903 г. Ц. 35 к.

Карменъ. Отвѣтъ Вѣрѣ. Одна изъ многихъ. Съ предисл. Altalena. Одесса. 1903 г. Ц. 15 к.

Бѣлиловскій и Гамалея. Чума въ Одессѣ. Одесса. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лемке. Думы журналиста. Спб. Изд. Пирожкова. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маркъ Твэнъ. Кружокъ смерти. Б—ка нашихъ дѣтей. Изд. Лавровой и Попова. Мск. Ц. 40 к.

Эрнстъ Сетонъ-Томпсонъ. Хромуша-медвѣжонокъ. Путешествіе дикой утки съ утятами по сухому пути. Мск. Б—ка для юношества и дѣтей подъ ред. Горбунова-Посадова. Ц. 25 к.

Его же. Лабо, король Коромпо. Ист. одного волка. Мск. Изд. то же. Ц. 15 к.

С П. Порѣцкій. Давайте работать. Практ. руководство ко всевозможн. работамъ изъ бумаги, дерева, металла и проч. Мск. Изд. то же. Ц. 80 к.

Матеріалы къ вопросу о нуждахъ сельскохозяйств. промышленности въ Саратовской губ. Ц. 1 р.

Тюмень въ XVII столѣтіи. Изд. А. И. Чукмалдиной. Моск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Стенографическій отчетъ засѣданій очереди. тверского губ. земск. собранія и сессіи 1901 года 1902 г.

Отчетъ тверской губ. земской управы за 1901 г.

Московскія городскія начальн. училища. Мск. 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности орловскаго ссудосбер. т-ва за 1902 г. Вятка.

М. И. Козинцовъ. Князь Николай Дмитріевичъ Долгоруковъ. Матер. для біографіи. 1903 г.

И. С. Вольманъ. Опека и попечительство. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

А. Ф. Никитинъ. Питаніе матросовъ пассажирскихъ пароходовъ рѣки Волги. Спб. 1903 г.

Отчетъ библіотеки о-ва взаимн. вспомоществов. приказчиковъ-евреевъ г. Одессы. 1903 г.

Сельско-хоз. обзоръ Вятской губ. за 1902 г.

Отчетъ о-ва для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышл. и состоящ. при немъ моск. прядильн. ткацк. училища за 1902 годъ.

Столѣтіе юрьевскаго бывш. дерптскаго у-та. Проф. Н. Θ. Сумцова. Харьковъ. 1903 г.

Отчетъ м-ву земледѣлія и госуд. имуществъ. А. Н. Балакшина. Спб. 1903 г.

Педагогическіе курсы нижегородскаго губ. з-ва съ 4-го по 25-е іюня 1902 г.

Д. Языковъ. Ипполитъ Θедоровичъ Богдановичъ. Мск. 1903 г. Ц. 20 к.

Его же. Граф. Параск. Ивановна Шереметева. Мск. 1903 г. Ц. 20 к.

Д-ръ Ганзеръ. Пьянство излѣчимая болѣзнь. Пер. врача Коровина. Мск. Ц. 20 к.

Б. А. Бродскій. Вліяніе одиннадцати-часового рабочаго дня на организмъ и на самочувствіе человѣка. Спб. Ц. 25 к.

Проф. Г. В. Хлопинъ. Гигіена городовъ. Юрьевъ. 1903 г. Ц. 50 к.

П. Г. Мижуевъ. Народное образованіе и реформа средней школы въ Норвегіи. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Его же. Средняя школа въ Германіи. Изд. «Русской Школы». Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Г. А. Евреиновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 1903 г.

Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій. Городскія, уѣздныя и маріинскія училища. Ц. 1 р. Испытанія на званія учителей. Ц. 1 р. Испытанія на званіе начальнаго учителя. Ц. 25 к. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1903 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Studies in Contemporary Biography» by James Bryce (Macmillan). 10 T. (Современные біографическіе очерки). Въ книгѣ заключается двадцать очерковъ, представляющихъ вполнѣ законченные портреты политическихъ дѣятелей, крупныхъ представителей духовенства, адвокатовъ, выдающихся писателей и др., съ которыми автору пришлось дѣйствовать совмѣстно на политическомъ поприщѣ или противъ которыхъ онъ сражался. Книга представляетъ интересный вкладъ въ біографическую литературу и читается съ интересомъ; она представляетъ очень яркое и образное изображеніе англійской политической жизни

(Times).

«The Development of Modern Philosophy» by Robert Adamson. Two volumes; 18 s. (Blackwood). (Развитіе современной философіи). Въ первомъ томѣ этого изданія собраны лекціи покойнаго профессора, въ которыхъ можно прослѣдить его переходъ отъ неогегеліанизма къ эмпиризму или натурализму; во второмъ — двѣ лекціи о принципахъ психологіи и случайныя публичныя лекціи, читанныя авторомъ на философскія темы.

(Times).

«The Human Machine» by T. F. Nirbet (Grant Richards). 3 s. 6 d. (Человѣческая машина). Авторъ говоритъ, что человѣкъ представляетъ изъ себя весьма сложный механизмъ и всякая форма умственной, эмоціональной или чувственной дѣятельности человѣка сопровождается всегда извѣстною дѣятельною работой нервныхъ клѣтокъ. Съ этой точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ всѣ проявленія человѣческой дѣятельности и при этомъ старается объяснить заблужденія и ошибки человѣческаго ума и человѣческихъ учрежденій тѣмъ, что человѣкъ всегда можетъ дѣйствовать только въ одномъ направленіи, аргументы никогда не вліяютъ на его дѣйствія, и обращеніе къ разуму массъ совершенно безполезно, такъ какъ извѣстное предрасположеніе дѣлаетъ человѣка нечувствительнымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ. Вообще авторъ обнаруживаетъ слишкомъ большую склонность къ пессимистической философіи и хотя многіе его взгляды должны вызвать серьезныя возраженія, тѣмъ не менѣе его соціальная философія, которую онъ строитъ на своей матеріалистической точкѣ зрѣнія, не можетъ не возбудить вниманія образованныхъ читателей, интересующихся философскими вопросами.

(Times).

«Vorträge über Descendenz-theorie» gen halten an der Universität Freiburg voa August Weismann (Gustav Fischer) Ienъ (Лекціи о теоріи происхожденія). Августъ Вейсманъ, на склонѣ дней своихъ излагаетъ въ этой книгѣ результаты своихэ работъ и своихъ изслѣдованій въ такой популярной формѣ, которая дѣлаетъ о-доступной широкому кругу читателей. Ве первомъ томѣ Вейсманъ знакомитъ читателей съ основными пунктами своего ученія, своими взглядами на приспособленіе и на принципъ подбора. Во-второмъ томѣ онъ разсматриваетъ теорію наслѣдственности съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

(Berliner Tageblatt).

«Nerves in Disorder» by Alfred T. Scho field (Hodder and Stoughton). 3 s. 6 d (Нервы не въ порядкѣ). Очень полезная книга, выставляющая на видъ разницу между воображаемыми болѣзнями и болѣзнями, всецѣло зависящими отъ воображенія. Авторъ указываетъ, какимъ образомъ разстройство нервъ можетъ быть вылѣчено самовнушеніемъ и созданіемъ привычекъ, которыя могутъ направить безсознательную дѣятельность мозга на правильный путь.

(Daily News).

«Parliament: Postand Present» A popular and pictures Account of a Thousand Years in the Palace of Westminster» by Arnold Wright and Philip Smith. 7 s. 6 d. (Hutchinson and C°). (Парламентъ въ прошломъ и настоящемъ). Эта прекрасно написанная популярная исторія англійскаго парламента снабжена хорошими портретами парламентскихъ дѣятелей, прошлыхъ и настоящихъ и содержитъ въ себѣ описаніе различныхъ инресесныхъ фактовъ и подробностей парламентской процедуры.

(Daily News).

«Geschichte der Philosophie» in übersichtlicher Darstellung. Von prof. D-r Adolf Mannheimer. 1. Theil zweite umgearbeitete und erheblich vermehrte Auflage.

(*Neuer Frankfurter Verlag*). (*Исторія философіи въ краткомъ изложеніи*). Авторъ этой книги нѣсколько времени тому назадъ читалъ народныя лекціи о нѣкоторыхъ главахъ исторіи философіи и затѣмъ издалъ ихъ въ видѣ маленькой брошюрки, но второе изданіе уже разрослось въ большую книгу, такъ какъ авторъ прибавилъ довольно большое введеніе о сущности и задачахъ философіи и главу о философскомъ міровоззрѣніи индусовъ. Лекцію о греческой философіи онъ также расширилъ. Свою книгу авторъ предназначаетъ не для тѣхъ, кто спеціально занимается философіей, не для ученыхъ, а для большой публики, которую онъ старается познакомить съ исторіей развитія философіи и заинтересовать.

(Frankfurter Zeitung).

«*Books Fatal to their Authors*» *by P. H. Ditchfield* (*Elliott Stock*). (*Книги фатальныя для своихъ авторовъ*). Эта книга представляетъ какъ бы каталогъ преслѣдованій. Въ одной главѣ за другой авторъ методически разбираетъ тѣхъ, кто пострадалъ за свои произведенія, касающіяся богословія, свободомыслія, магіи, науки, политики и т. д. Онъ приводитъ также сатиры, драмы и поэтическія произведенія, авторы которыхъ подвергались преслѣдованію. Поэтъ, ученый и богословъ сталкиваются вмѣстѣ, какъ представители и защитники взглядовъ, навлекшихъ на нихъ преслѣдованіе. Но они стремились распространить эти взгляды среди своихъ современниковъ и, издавая книги, создавали себѣ враговъ въ лицѣ власть имущихъ людей, находившихъ эти взгляды несовмѣстимыми съ извѣстными условіями жизни. Само собою разумѣется, что больше всего возбуждали преслѣдованія разныя богословскія сочиненія и авторы ихъ часто подвергались обвиненію въ ереси. Такого рода книги, конечно, оказывались «фатальными» для своихъ авторовъ, которымъ даже иногда приходилось платить жизнью за черезчуръ большую смѣлость своихъ воззрѣній.

(Daily News).

«*Thoughts on some Social Questions*» *by Louisa Twining* (*Elliot Stock*). *1 s. 6 d.* (*Мысли о нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросахъ*). Авторъ говоритъ о прежней борьбѣ за реформу въ Англіи и тѣхъ временахъ, когда крайняя сантиментальность соединялась съ удивительною черствостью чувствъ и когда въ особенности ярко выразились характерныя черты націи. Эти воспоминанія автора, лично пережившаго многія стадіи борьбы, представляютъ не малый историческій и общественный интересъ.

(Daily News).

«*Ein Frauenproblem*» *von Georg Groddeck* (*G. G. Naumann*). *Leipzig* (*Проблема женщинъ*). Авторъ высказываетъ убѣжденіе, что мы идемъ на встрѣчу такому времени, когда женщина окончательно вытѣснитъ мужчину изъ занимаемаго имъ положенія носителя культуры. Условія современной жизни способствуютъ уничтоженію индивидуальности и мужественности европейцевъ; въ женщинѣ же дремлютъ непочатыя силы. Авторъ основываетъ свои утвержденія на ходѣ всемірной исторіи, съ одной стороны, а съ другой — на извѣстныхъ измѣненіяхъ человѣческаго рода, подъ вліяніемъ которыхъ женскій способъ мышленія, мягкость, сострадательность и чувствительность все рѣшительнѣе выступаютъ на мѣсто мужской рѣзкости и беззастѣнчивости. Чрезвычайно любопытны примѣры, которыми авторъ подкрѣпляетъ свои воззрѣнія, а также историческая часть его книги, указывающая на большую эрудицію автора.

(Berliner Tageblatt).

«*Die Erde und das Leben*». *Eine vergleichende Erdkunde von prof. D-r Friedrich Ratzel. Leipzig (Bibliographisches Institut)*. (*Земля и жизнь*). Этотъ новый трудъ извѣстнаго ученаго въ дѣйствительности представляетъ главное произведеніе новой географической литературы, такъ какъ авторъ воспользовался для своего труда всѣми новѣйшими изслѣдованіями и создалъ цѣлое, не оставляющее желать лучшаго относительно полноты матеріала и группировки добытыхъ научныхъ фактовъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Die Grenzen der Aesthetik*» *von Gerhard v. Keussler* (*Hermann Seemann*). *Leipzig* (*Границы эстетики*). Книга эта даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Авторъ не только поставилъ себѣ задачей опредѣлить границы эстетики, отдѣляющія ее отъ сосѣднихъ съ нею наукъ, но изучаетъ также ихъ взаимныя отношенія и устанавливаетъ положеніе эстетики въ системѣ наукъ. Книга написана такъ ясно и понятно, какъ немногія изъ научныхъ трудовъ и въ то же время представляетъ совершенно оригинальное изслѣдованіе. Она раздѣляется на три главныя части: первая болѣе относится къ наукамъ, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ эстетикѣ, нежели къ самой эстетикѣ. Въ этой части авторъ обнаруживаетъ громадныя познанія въ литературѣ предмета и критическій взглядъ на нее. Вторая часть изслѣдуетъ предметъ эстетики, а третья ея законы.

(Berliner Tageblatt.).

«*La vie privée d'autrefois*». *La vie de Paris sous Louis XVI, début du règne. Par Alfred Franklin. 3 fr. 50.* (*Частная жизнь въ прежнія времена*). Нравы, обычаи и моды парижанъ съ XV-го по XVIII-ый вѣкъ возникаютъ передъ глазами читателя въ живописной формѣ, въ этомъ сборникѣ, заключающемъ въ себѣ, между прочимъ, ме-

муары одного молодого англичанина, пріѣхавшаго въ Парижъ въ эпоху первыхъ годовъ царствованія Людовика XVI.

(Journal des Débats).

«The Poetry of Plants» by Hugh Macmillan (Isbister). 6 s. (*Поэзія растеній*). Популярно написанныя ботаническія бесѣды о самыхъ распространенныхъ цвѣтахъ, богатыя содержаніемъ и оригинальными мыслями. Авторъ имѣетъ въ виду широкій кругъ читателей, въ которомъ онъ желаетъ пробудить любовь и интересъ къ природѣ.

(Daily News).

«Volcanic Studies in Many Land» by Tempest Anderson. London (*Tohn Murray*). (*Вулканическія изслѣдованія въ разныхъ странахъ*). Авторъ этой интересной книги посвящаетъ свое вниманіе вулканическимъ явленіямъ, которыя за послѣднія двѣнадцать мѣсяцевъ особенно участились и указываютъ на необычайное усиленіе вулканической дѣятельности. Авторъ посѣтилъ, одну за другой, всѣ типичныя вулканическія области земного шара, подробно изслѣдовалъ ихъ, описалъ и фотографировалъ. Южно-итальянскій округъ, разумѣется, занимаетъ выдающееся мѣсто въ его описаніяхъ, а также Липарскіе острова, Этна, Исландія, Колорадо и гейзеры Іеллостонскаго парка. Трагическимъ событіямъ въ Вестъ-Индіи авторъ удѣляетъ, однако, не такъ много вниманія, но это потому, что книга его была уже готова, когда послѣдовало изверженіе на Мартиникѣ. Авторъ задержалъ ея выходъ и въ іюнѣ посѣтилъ оба острова, причемъ ему удалось даже снять фотографію съ Лысой горы во время изверженія.

(Bookseller).

«Thirty Years in Australia» by M-rs Cross (*Ada Cambridge*). *7 s. 6 d.* (*Methuen*). (*Тридцать лѣтъ въ Австраліи*). Въ высшей степени интересное описаніе жизни цѣлаго поколѣнія въ Австраліи. Авторъ разсказываетъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходилось бороться поселенцамъ въ Австраліи, описываетъ жизнь въ городахъ и жизнь на фермахъ и сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ, бросающихъ свѣтъ на развитіе и ростъ австралійскихъ колоній.

(Athaeneum).

«25 Years in 17 prisons» by «№ 7» (*Robinson and C°*). (*25 лѣтъ въ 17 тюрьмахъ*). Въ книгѣ заключается исторія жизни одного бывшаго каторжника, которая можетъ служить хорошею иллюстраціей тюремной системы и англійскихъ законовъ. «№ 7-й» написалъ очень интересную книгу, затрогивающую одну изъ самыхъ трудныхъ соціальныхъ проблемъ.

(Athaeneum).

«Litterature and Life Studies» by W. D. Howells (*Harper and Brothers*). (*Литература и жизнь*). Извѣстный американскій писатель рисуетъ въ этихъ живо написанныхъ и занимательныхъ очеркахъ отношеніе литературы къ жизни. Онъ говоритъ о тѣсной связи существующей между тою и другой, о литераторѣ, какъ о дѣловомъ человѣкѣ, объ издателяхъ и ихъ отношеніи къ молодымъ сотрудникамъ и вообще о всѣхъ вопросахъ, касающихся литературной профессіи.

(Athaeneum).

«Christianity and Modern Civilization» by William Samuel Lilly. London (*Chapman and Hall*). Авторъ обсуждаетъ вліяніе христіанства на современную цивилизацію съ безпристрастіемъ историка, ищущаго въ прошломъ данныхъ для разрѣшенія проблемъ настоящаго.

(Daily News).

«Tuskegee: its Story and Work» by Max Beunett Thrasher. Witti an introduction by Bocker Washington (*Small, Magnard and C°*). (*Тускеги: его исторія и дѣятельность*). Въ этой книгѣ описывается нормальная школа для негровъ, директоромъ которой состоитъ Букеръ Вашингтонъ. Сотни мужчинъ и женщинъ выходятъ ежегодно изъ этого учебнаго заведенія и способствуютъ распространенію свѣта и знанія среди своихъ соплеменниковъ негровъ. Обученіе въ Тускеги носитъ, главнымъ образомъ, практическій характеръ, причемъ, однако, обращается огромное вниманіе на нравственное воспитаніе. Авторъ упомянутой книги знакомитъ читателей съ дѣятельностью этого, въ своемъ родѣ замѣчательнаго, воспитательнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью поднять нравственный и умственный уровень чернокожихъ гражданъ великой сѣверной республики.

(Daily News).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Годъ XII-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 28-го мая 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Историческій очеркъ).

Глава I.

Семейство Тургеневыхъ.—Отецъ, братья.—Воспитаніе.—Геттингенскій университетъ.—Германія и идеи, господствовавшія въ нѣмецкомъ обществѣ въ 1807—1813 гг.—Служба Тургенева при Штейнѣ. — Личность Штейна и его миссія.—Его дѣятельность по возрожденію Германіи и его вліяніе на европейскую политику (черезъ посредство императора Александра).—Вліяніе Штейна на окончательное сформированіе нравственнаго облика Николая Тургенева.

Не имѣя въ виду писать въ настоящее время полную біографію Н. И. Тургенева, я не собиралъ матеріаловъ о его дѣтскихъ и отроческихъ годахъ и располагаю лишь очень немногими свѣдѣніями о его воспитаніи и юношескихъ связяхъ. Главная задача настоящей статьи дать очеркъ его общественной, литературной и государственной дѣятельности, а для этой цѣли имѣется уже достаточно опубликованныхъ матеріаловъ и данныхъ, чтобы дать правильную оцѣнку этой замѣчательной личности.

Николай Тургеневъ, братъ Андрея и Александра, небезъизвѣстныхъ въ нашей литературѣ по ихъ связямъ съ Жуковскимъ и другими писателями, родился въ Симбирскѣ въ 1789 году. Родъ Тургеневыхъ принадлежитъ къ числу старыхъ дворянскихъ родовъ и записанъ въ VI части дворянской родословной книги Симбирской и Московской губерній *). Отецъ Николая Ивановича Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ просвѣщеннымъ и весьма замѣтнымъ въ свое время дѣятелемъ. Онъ былъ однимъ изъ выдающихся массоновъ екатерининскаго времени. Въ Симбирскѣ онъ основалъ ложу, въ которую между прочимъ принялъ молодого тогда Карамзина. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ Н. И. Новиковымъ и не только, какъ массонъ, но и какъ постоянный и близкій сотрудникъ всѣхъ издававшихся Новиковымъ

---

*) Ник. Ив. Тургеневъ не былъ родственникомъ Ив. Серг. Тургенева, какъ думаютъ нѣкоторые. Они принадлежали къ двумъ различнымъ родамъ: Н. И.—къ симбирскому, и Ив. Серг.—къ тульскому (срав. „Энцикл. слов.“ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 67, стр. 113).

журналовъ *). Когда Новиковъ подвергся, въ концѣ царствованія Екатерины преслѣдованію, то и И. П. Тургеневъ отправленъ былъ въ ссылку и возвращенъ лишь при Павлѣ **). Въ началѣ царствованія Александра онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и кураторомъ Московскаго университета.

Иванъ Петровичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Качаловой и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей ***): Ивана, умершаго въ дѣтствѣ, Андрея, родившагося въ 1781 году и скончавшагося въ 1803 г., Александра, родившагося въ 1785 и умершаго въ декабрѣ 1846, Николая, родившагося 11-го октября 1789 и умершаго 29-го октября 1881 г., и, наконецъ, Сергѣя, умершаго молодымъ человѣкомъ въ 1827 г. на рукахъ у брата Александра и Жуковскаго въ Парижѣ, отъ нервной болѣзни, развившейся вслѣдъ за вызовомъ его по недоразумѣнію вмѣсто брата его Николая къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ ****).

Раннее дѣтство Николай Тургеневъ провелъ въ Симбирскѣ въ лонѣ своей просвѣщенной семьи; затѣмъ онъ переѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Москву и здѣсь поступилъ черезъ нѣсколько времени въ университетскій благородный пансіонъ, въ которомъ воспитывались и братья его Андрей и Александръ, встрѣтившіеся и подружившіеся здѣсь на всю жизнь съ В. А. Жуковскимъ. Изъ пансіона онъ перешелъ въ университетъ, а по окончаніи курса въ послѣднемъ, поѣхалъ для довершенія своего образованія за границу и поступилъ здѣсь такъ же, какъ и его старшій братъ Александръ, въ гёттингентскій университетъ, гдѣ слушалъ знаменитыхъ въ то время профессоровъ Шлецера, Геерена, Гёде *****) и другихъ.

Гёттингенскій университетъ со второй половины XVIII-го стол. славился, какъ одинъ изъ лучшихъ разсадниковъ просвѣщенія и гуманныхъ идей въ Германіи. Въ этомъ университетѣ получили свое образованіе два величайшихъ государственныхъ дѣятеля тогдашней Гер-

---

*) Свѣдѣнія объ этомъ въ книгѣ проф. Незеленова „Н. И. Новиковъ". Спб. 1875 г., стр. 95, 124, 145, 237, 238, 407, 418, 435.

**) Пыпинъ. „Общественное движеніе при Александрѣ I". Стр. 533.

***) Эти свѣдѣнія приведены въ некрологѣ, составленномъ И. С. Тургеневымъ. Т. X его сочиненій (изд. 2-е, 1884 г.), стр. 445—447. И. С. Тургеневъ часто бывалъ за границей у Николая Ивановича и эти свѣдѣнія получилъ несомнѣнно отъ него лично.

****) См. письма А. Тургенева и Жуковскаго въ „Русск. Старинѣ" 1902 г. № 4.

*****) Самъ Н. И. Тургеневъ особенно цѣнилъ лекціи Гёде, молодого криминалиста, преждевременно умершаго и не оставившаго по себѣ печатныхъ трудовъ. „Преподаваніе Гёде, пишетъ Тургеневъ, произвело на меня живѣйшее впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что повязка спала съ моихъ глазъ. Я вдругъ увидѣлъ, что ходячія понятія о наказаніяхъ, о преступленіяхъ, объ осуществленіи права наказывать исчезаютъ, какъ пустые и вредные предразсудки предъ этой простой и раціональной теоріей..." „La Russie et les Russes", I, 391.

нанія — баронъ Штейнъ и князь Гарденбергъ, своими великими преобразованіями положившіе начало обновленію прусскаго гражданскаго и государственнаго строя, какъ разъ въ то время, когда Николай Тургеневъ прибылъ въ Германію для завершенія своего образованія...

Это былъ замѣчательный моментъ въ исторіи Германіи. Порабощенная Наполеономъ страна, управлявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ мелкими и крупными деспотами, теперь пришла въ броженіе. Это броженіе, направленное противъ иноземнаго ига, подняло въ то же время духъ націи, и идеи, занесенныя во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ изъ Франціи, стали быстро распространяться въ германскомъ обществѣ. Невозможность дѣйствовать противъ завоевателя открыто, привела въ Пруссіи къ возникновенію тайныхъ обществъ и организацій, дѣятельность которыхъ была однако извѣстна королю и его министрамъ. Изъ нихъ Штейнъ считался даже главнымъ фактическимъ вдохновителемъ этихъ патріотическихъ организацій. Не имѣя силы безъ содѣйствія народныхъ массъ сбросить съ себя унизительный гнетъ французовъ, самъ король обѣщалъ впослѣдствіи (въ 1813 г.) своимъ возставшимъ противъ французовъ подданнымъ свободу и право голоса въ государственныхъ дѣлахъ. Это освободительное движеніе, рѣзко проявившееся въ Германіи послѣ неудачнаго похода Наполеона въ Россію, подготовлялось съ 1807 года реформами Штейна и Гарденберга, приступившими къ отмѣнѣ крѣпостного права и даровавшими самоуправленіе городскимъ общинамъ. Освободительное движеніе въ Германіи поставило крестьянскій вопросъ на первый планъ, такъ что, напримѣръ, по уставу Tugendbund'а, для лицъ, вступившихъ въ его члены было обязательно прежде всего освободить своихъ крестьянъ. Въ гёттингенскомъ университетѣ крестьянскій вопросъ также сосредоточивалъ на себѣ вниманіе лучшей части учащейся молодежи. Это отразилось не на одномъ Тургеневѣ, а и на другихъ его товарищахъ, слушавшихъ въ то время гёттингенскихъ профессоровъ. Еще въ 1803 г. здѣсь была издана небольшая брошюрка (на французскомъ языкѣ) объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, написанная русскимъ дипломатическимъ чиновникомъ Фрейгангомъ, а въ 1806 г. въ Геттингенѣ же была напечатана на латинскомъ языкѣ диссертація Кайсарова «Объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи», посвященная авторомъ императору Александру и доставленная ему при посредствѣ Александра Тургенева черезъ Н. Н. Новосильцева. Авторъ этого сочиненія учился въ гёттингенскомъ университетѣ вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, а затѣмъ съ нимъ же путешествовалъ по Европѣ и по славянскимъ землямъ *).

Николай Ивановичъ Тургеневъ пишетъ о себѣ, что его занятія въ

*) В. И. Семевскій „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, I, 286—287.

*

Геттингенскомъ университетѣ усилили отвращеніе къ рабству и къ крѣпостнымъ порядкамъ, заложенное въ немъ съ дѣтства, и въ тоже время просвѣтили его на счетъ неправедности тѣхъ учрежденій, которыя господствовали въ его отечествѣ *).

Въ бытность свою въ гёттингенскомъ университетѣ онъ написалъ сочиненіе, посвященное теоріи налоговъ, въ которомъ касался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Это сочиненіе было имъ издано впослѣдствіи въ Петербургѣ (лишь въ 1818 г.) въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ «Опытъ теоріи налоговъ» **). Въ своемъ мѣстѣ я остановлюсь на немъ болѣе подробно.

Великія событія развивались передъ глазами молодого Тургенева. Въ 1810 году онъ видѣлъ Наполеона во время эрфуртскаго свиданія его съ Александромъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ пишетъ, что горько почувствовалъ въ тотъ моментъ униженіе Александра и преобладаніе Наполеона, который былъ тогда дѣйствительнымъ распорядителемъ судебъ Европы ***). Вообще Тургеневу, какъ воспитаннику гёттингенскаго университета, видѣвшему своими глазами притѣсненія и униженія, испытываемыя нѣмецкимъ народомъ отъ французскихъ побѣдителей, было глубоко несимпатично торжество французовъ. Впрочемъ это не помѣшало ему нѣсколько позже понять и оцѣнить тѣ блага гражданскаго обновленія, которыя внесены были французскимъ владычествомъ въ завоеванныя французами страны. Эту сторону французскаго вліянія онъ особенно ясно почувствовалъ во время своего второго посѣщенія Швейцаріи и Италіи въ 1816 году. Въ 1811 году его живѣйшія симпатіи были на сторонѣ прусскихъ патріотовъ, работавшихъ въ тиши надъ возрожденіемъ народа. Упоминая въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о героическихъ попыткахъ возстанія Шилля и другихъ несчастныхъ его сообщниковъ, Тургеневъ говоритъ: «Однако, какъ ни безнадежны казались усилія, производимыя Пруссіей, столь слабой и подавленной въ то время, они все же свидѣтельствовали, что національное чувство не умерло въ сердцахъ ея сыновъ, и обѣщали въ будущемъ несомнѣнное и славное возстановленіе.

Вскорѣ ему пришлось принять непосредственное участіе во временной администраціи освобожденныхъ германскихъ земель и близко видѣть возрожденіе нѣмецкаго народа.

Въ началѣ 1812 года Николай Тургеневъ возвратился въ Россію и поступилъ было на службу въ коммиссію законовъ, гдѣ служилъ его братъ Александръ. Но уже въ слѣдующемъ 1813 году онъ получилъ

---

*) „La Russie et les Russes", I, 1, 2.

**) "La Russie et les Russes", I, 74.

***) La Russie et les Russes", I, 11

назначеніе состоять при знаменитомъ прусскомъ реформаторѣ баронѣ Штейнѣ.

Вліяніе этой необыкновенной личности на образованіе взглядовъ и всей нравственной физіономіи Николая Тургенева было такъ велико, что нельзя не остановиться здѣсь, чтобы обрисовать хотя нѣсколькими штрихами личность и дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка *).

Будучи аристократомъ по происхожденію, по воспитанію и даже въ значительной мѣрѣ по своему образу мыслей, баронъ Штейнъ ставилъ, однако же, всегда на первый планъ народные интересы **). Горячій и искренній патріотъ, онъ умѣлъ вѣрно понять коренные нужды и интересы народа и умѣлъ во время положить правильное и твердое начало ихъ удовлетворенію. Не удивительно поэтому, что въ годину народнаго бѣдствія онъ съумѣлъ отбросить свой аристократизмъ и сдѣлался истинно народнымъ вождемъ и главнымъ дѣятелемъ германскаго возрожденія. Призванный къ участію въ центральномъ управленіи Пруссіи еще въ 1804 году, онъ не могъ, однако, въ то время добиться довѣрія короля и необходимой свободы дѣйствій. Правдивый

*) Огромную біографію Штейна написалъ нѣмецкій историкъ Пертцъ „Stein's Leben, Perts, Berlin, 1850 — 1855, 6 томовъ. На русскомъ языкѣ собирался дать его біографію въ 1857 г. Ю. Ѳ. Самаринъ, но затѣмъ онъ вмѣсто того написалъ для „Сельск. благоустройства“ рядъ статей подъ заглавіемъ „Упраздненіе крѣпостного права Пруссіи“, въ которыхъ содержится лишь краткій очеркъ жизни барона Штейна (См. Собраніе сочиненій Самарина. Томъ II, стр. 193, 237 и слѣдующ.). Свѣдѣнія о дѣятельности Штейна имѣются также въ 7 и 8-мъ томахъ „Исторіи XVIII вѣка“ Шлоссера. Н. И. Тургеневъ упоминаетъ о немъ многократно и даетъ краткій очеркъ его жизни въ I томѣ „La Russie et les Russes“. Стр. 293 и слѣдующ. О пребываніи Штейна въ Россіи и его вліяніи на императора Александра и на русскія дѣла вообще приводитъ интереснѣйшія свѣдѣнія, по обыкновенію, въ сжатомъ видѣ А. И. Пыпинъ въ „Общественномъ движеніи при Александрѣ I“. Стр. 178—290.

**) „По его убѣжденію,—говоритъ его біографъ,—дворянинъ долженъ всегда быть готовымъ служить своими совѣтами и мечомъ государю и государству. Государь, по его мнѣнію, долженъ быть человѣкъ простой, храбрый, первый крестьянинъ своего государства, образецъ порядка, экономіи, нравственности, принадлежащій безраздѣльно душой и тѣломъ тому сообществу, которымъ онъ управляетъ“ („La Russie et les Russes“, I, 299). Вотъ какъ онъ отзывался (въ одномъ изъ писемъ) о мекленбургскихъ крѣпостникахъ: „Домъ мекленбургскаго помѣщика, такъ мало заботящагося объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ, напоминаетъ мнѣ,—писалъ Штейнъ,—нору хищнаго звѣря, опустошающаго окрестность и окружающаго себя гробовымъ безмолвіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и выгоды, имъ извлекаемыя, въ сущности, ничтожны, ибо хлѣбопашество не можетъ достигнуть полноты своего развитія и совершенства при недостаткѣ людей и напряженія человѣческихъ силъ. Въ земляхъ, гдѣ населеніе гуще и гдѣ промышленность движется свободнымъ усердіемъ, цѣнность имѣній выше, доходы изобильнѣе, сбытъ вѣрнѣе и гораздо легче приводятся въ исполненіе общеполезныя предпріятія, чѣмъ тамъ, гдѣ человѣкъ причисляется къ животному инвентарю имѣнія“ (Самаринъ. „Сочиненія“, т. II, 241).

и рѣзкій, онъ плохо уживался въ придворной атмосферѣ, и король Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ спокойно выносить его независимаго и смѣлаго образа дѣйствій *). Однако, въ 1807 г., когда Пруссія была на краю гибели и не была совершенно уничтожена, лишь благодаря заступничеству императора Александра, Фридрихъ-Вильгельмъ призвалъ Штейна къ управленію дѣлами вмѣстѣ съ княземъ Гарденбергомъ, а когда Гарденбергъ былъ вскорѣ устраненъ по требованію Наполеона, Штейнъ остался единственнымъ руководителемъ судебъ разгромленнаго королевства. Онъ внушилъ королю мысль, что только подъемомъ всей націи можно спасти королевство, и король предоставилъ ему дѣйствовать. Онъ началъ, еще совмѣстно съ Гарденбергомъ, съ отмѣны крѣпостныхъ отношеній и съ проведенія началъ самоуправленія въ демократическіе слои населенія. Но и ему, въ свою очередь, не пришлось дѣйствовать долго. Уже въ 1808 г. французской полиціей было перехвачено его письмо къ князю Витгентштейну, которое обнаружило Наполеону его смѣлые и дальновидные планы. Штейнъ былъ не только смѣщенъ, но изгнанъ **). Семья его отправилась въ Ганноверъ, а онъ принужденъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жить въ различныхъ

---

*) Біографы Штейна приводятъ слѣдующій любопытный разсказъ, свидѣтельствующій о горячности, съ какой Штейнъ отстаивалъ свои задушевныя убѣжденія, гдѣ бы онъ ни находился. „По выступленіи французовъ изъ Москвы, когда въ Петербургѣ распространилась большая радость, Штейнъ былъ приглашенъ на обѣдъ ко двору. Императрица Марія, которая еще недавно такъ настаивала на мирѣ, много говорила о великомъ событіи и, наконецъ, сказала: „Право если хоть одинъ человѣкъ изъ французской арміи вернется за Рейнъ на родину, я буду стыдиться, что я нѣмка!“ Штейнъ поблѣднѣлъ и тотчасъ, вставши, отвѣчалъ: „В. В. очень неправы, когда говорите это, и притомъ передъ русскими, которые столько обязаны нѣмцамъ. Вамъ надо было сказать не то, что вы будете стыдиться за нѣмцевъ, а надо было назвать вашихъ родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я жилъ на Рейнѣ въ 1792, 1793, 1794, 1795, 1796 г. и т. д. Честный нѣмецкій народъ не былъ виноватъ; если бы ему довѣряли, если бы съумѣли воспользоваться имъ, ни одинъ французъ не перешелъ бы за Эльбу, не говоря уже за Вислу или Днѣпръ“. Императрица сначала смутилась отъ этихъ рѣзкихъ словъ, но потомъ оправилась и съ достоинствомъ отвѣчала: „Быть можетъ, вы правы, баронъ; благодарю васъ за урокъ“. Пыпинъ, „Общественное движеніе“, стр. 284.

**) Въ приказѣ по случаю взятія штурмомъ Бургоса было тогда напечатано въ „Монитёрѣ“, оффиціальномъ органѣ Наполеона: „Можно бы пожелать, чтобы тѣ, которые, подобно г. Штейну, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, нами сокрушенныхъ, задумываютъ поднять народныя массы, могли увидѣть сами, какія бѣдствія они ведутъ за собою и какъ они безсильны противъ правильно устроенной арміи“.

„Понятно и извинительно, прибавляетъ Самаринъ,—что французское правительство клеймило Штейна прозвищемъ врага общественнаго порядка и злого революціонера; но, къ стыду высшаго берлинскаго общества, должно сказать, что эти обвиненія были ревностно подхвачены и пущены въ ходъ домашними противниками министра, уже сходившаго съ политическаго поприща“ (Самаринъ. „Сочиненія“, т. I, 269).

странахъ и, наконецъ, по приглашенію императора Александра, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ былъ окруженъ почестями и знаками вниманія, хотя наотрѣзъ отказался вступить въ русскую службу *).

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Берлина въ 1808 году онъ оставилъ своимъ друзьямъ нѣчто вродѣ политическаго завѣщанія, которое свято и по справедливости чтилось германскими патріотами. Вотъ что писалъ онъ, между прочимъ, въ этомъ замѣчательномъ циркулярѣ **): «Я взялъ на свою долю внутреннее управленіе страной. Нужно было примирить домашнюю вражду въ самомъ народѣ, положить конецъ губящей насъ борьбѣ сословій, предоставить каждой личности законную свободу развитія всѣхъ ея силъ и этимъ поднять въ народѣ любовь къ государю и отечеству до полной готовности пожертвовать за нихъ имуществомъ и жизнью... Многое уже сдѣлано. Послѣднее проявленіе рабства, крѣпостное право, упразднено и воля свободныхъ гражданъ признана краеугольнымъ камнемъ, на которомъ держится престолъ. Даровано неограниченное право пріобрѣтенія собственности. Народу предоставлена возможность собственными средствами добывать свой хлѣбъ... Новый городовой уставъ далъ городамъ право управлять собственными дѣлами... Немного шаговъ остается сдѣлать, и я беру смѣлость указать на нихъ». Затѣмъ Штейнъ указываетъ еще восемь главныхъ потребностей ***), которыя должны быть удовлетворены для превращенія прусскаго государства изъ мертвой машины въ одно органическое цѣлое, одаренное самостоятельною жизнью. Вотъ эти принципы: 1) правленіе должно быть исключительно въ рукахъ верховной власти. «Какъ скоро, пишетъ Штейнъ, право опредѣлять и ограничивать дѣйствія согражданъ передается и покупается вмѣстѣ съ клочкомъ земли (феодализмъ), верховная власть теряетъ свое достоинство, а въ оскорбленномъ подданномъ слабѣетъ привязанность къ государю...» 2) Судья долженъ зависѣть только отъ верховной власти, потому патримоніальныя судилища должны быть уничтожены; 3) въ довершеніе уничтоженія крѣпостного состоянія должны быть уничтожены постановленія о зависимости домашней прислуги, стѣсняющія свободу, особенно въ Силезіи; 4) представительство народа устроено очень неудовлетворительно даже тамъ, гдѣ существуетъ; должно быть введено общее національное представительство, отъ этого зависитъ спасеніе или погибель прусскаго государства ****); 5) между дворянствомъ и среднимъ

---

*) Онъ принялъ лишь пожалованный ему Александромъ орденъ Андрея Первозваннаго и небольшой пенсіонъ, достаточный для удовлетворенія его несложныхъ потребностей. („La Russie“, I, 295).

**) Ю. Ѳ. Самаринъ. „Сочиненія“, т. II, 269.

***) Ф. К. Шлоссеръ. „Исторія XVIII столѣтія“, т. VIII, стр. 73 (русск. перев. изд. 1860 г.)

****) Вотъ его аргументація по этому пункту, приводимая у Тургенева („La Russie et les Russes“, I, 300): „Всенародное національное представительство

сословіемъ нѣтъ никакой связи; дворянство должно быть преобразовано и поставлено въ связь съ другими сословіями; изъ этого слѣдуетъ: 6) необходимость учредить *всеобщую* обязательность службы на защиту отечества; 7) сословіе поселянъ надобно возвысить установленіемъ законныхъ правилъ къ отмѣненію обязательныхъ работъ; 8) оживленіемъ религіознаго духа (Штейнъ былъ ревностный лютеранинъ) въ народѣ и заботою о просвѣщеніи и училищахъ надобно вообще возвысить народъ. Штейнъ прибавляетъ, что по введеніи такихъ основаній для государственной жизни скоро уничтожатся мелкіе недостатки другихъ и въ особенности финансовыхъ учрежденій королевства.

Изъ этого циркуляра мы видимъ насколько демократиченъ по своимъ тенденціямъ былъ планъ реформъ составленный этимъ аристократомъ. Современникамъ онъ казался прямо революціоннымъ. Прусскіе дворяне въ оффиціальныхъ заявленіяхъ королю, не обинуясь, честили Штейна и Гарденберга выскочками, якобинцами, революціонерами.

Тургеневъ, еще въ Геттингенѣ пріобщившійся къ принципамъ одушевлявшимъ лучшую часть нѣмецкаго общества, конечно, съ радостью воспользовался представившимся ему случаемъ попасть въ число сотрудниковъ великаго прусскаго реформатора. Его рекомендовалъ Штейну Уваровъ, сблизившійся со Штейномъ во время пребыванія его въ Россіи *). Штейнъ въ это время былъ поставленъ во главѣ временнаго центральнаго управленія областей, отвоеванныхъ у Наполеона союзными арміями. При немъ были назначены, кромѣ прусскаго коммиссара и нѣсколькихъ прусскихъ чиновниковъ, коммиссары австрійскій и русскій. Послѣдняя должность и была предоставлена Николаю Тургеневу.

Тургеневу въ это время было всего 24 года. Не имѣя никакой

необходимо. Права и могущество нашего короля всегда были и останутся для меня священны; но для того, чтобы эти права и могущество могли быть направлены къ дѣйствительному благу страны, мнѣ представляется необходимымъ придать верховной власти способъ узнавать желаніе народа и сообщать жизненность своимъ собственнымъ распоряженіямъ. Народъ, лишенный совершенно участія въ дѣлахъ страны, всегда, въ концѣ концовъ, смотритъ на правительство или глазами индефферентнаго къ общественному благу человѣка, или становится къ нему въ оппозицію. Тамъ, гдѣ народное представительство имѣло у насъ мѣсто, оно было недостаточно урегулировано; вотъ почему я проектировалъ предоставить право участія въ представительствѣ каждому дѣйствительному гражданину, владѣетъ ли онъ сто арпанами земли или однимъ, занимается ли онъ земледѣліемъ или какимъ-либо промысломъ выполняетъ ли онъ какое-нибудь ремесло или привязанъ къ государству лишь интеллектуальною связью.

„По этому предмету существуетъ нѣсколько проектовъ. Отъ принятія какого-либо изъ этихъ проектовъ или отверженія ихъ зависитъ спасеніе или погибель нашей страны, потому что лишь этимъ путемъ духъ народный можетъ быть пробужденъ и оживленъ“.

*) Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, стр. 284.

опытности, онъ, понятно, не пользовался въ этой должности вліяніемъ на дѣла и исполнялъ лишь порученія, даваемыя ему Штейномъ. Но зато самъ онъ получилъ здѣсь такое завершеніе своего политическаго и юридическаго образованія, какое не можетъ дать никакой университетъ. Находясь въ центрѣ великихъ событій, отражавшихся на судьбѣ всѣхъ европейскихъ народовъ, притомъ состоя при человѣкѣ, который имѣлъ въ то время несомнѣнно наибольшее вліяніе на императора Александра, главнаго вершителя судебъ Европы, и являясь представителемъ самыхъ либеральныхъ и благородныхъ принциповъ, Тургеневъ въ эти два года получилъ для окончанія своего образованія такъ много, какъ можетъ только получить человѣкъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что Штейнъ относился съ неизмѣнной симпатіей къ своему молодому сотруднику. Имя Тургенева для него было, по его собственному выраженію, синонимомъ чести и честности *).

Какъ только французы были прогнаны въ концѣ 1812 г. за Нѣманъ, прусскія войска подъ командою генерала Іорка, входившія въ составъ корпуса Макдональда, отдѣлились отъ послѣдняго и заключили перемиріе съ русскими. Хотя король прусскій продолжалъ считаться до конца февраля 1813 года въ союзѣ съ Наполеономъ, но его подданные уже возстали въ это время противъ владычества французовъ. Патріоты, руководимые друзьями Штейна Шарнгорстомъ и Гнейзенау, дѣйствовали весьма энергично. Они призвали въ войска всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, уничтоживъ при этомъ привилегіи дворянства и обѣщая равныя права на повышеніе всѣмъ военнымъ. 1-го марта былъ оффиціально заключенъ оборонительный и наступательный союзъ между Россіей и Пруссіей. 19-го марта была заключена при дѣятельномъ участіи Штейна дополнительная конвенція, въ которой было между прочимъ сказано, что союзники будутъ приглашать къ сверженію французскаго ига не однихъ государей, какъ дѣлалось прежде, когда не обращали вниманія на народъ, но и народы, особенною прокламаціею. «Это значило,—поясняетъ Шлоссеръ,—что союзники будутъ призывать народы къ сверженію тѣхъ государей, которые стали бы держаться французовъ» **).

Прокламація, обнародованная 17-го марта, прямо говорила, что начинающаяся война не похожа на обыкновенныя войны, что тутъ все ставится на карту и надобно погибнуть или побѣдить. Въ награду за неслыханныя усилія была именемъ короля обѣщана всѣмъ свобода и право имѣть голосъ въ государственныхъ дѣлахъ ***). Такова была начинавшаяся народная война за освобожденіе Германіи ****).

*) „La Russie et les Russes“, I, 133.

**) Шлоссеръ. „Исторія XVIII-го столѣтія“, VIII, 202.

***) Шлоссеръ. „Исторія XVIII-го столѣтія“, 202—203.

****) Хотя всѣ эти мѣры предпринимались прусскими патріотами въ Прус-

Въ III-й главѣ своей книги «La Russie et les Russes» Тургеневъ очерчиваетъ огромную роль Штейна въ событіяхъ 1813—1814 гг. Видѣвшему въ 1810 г. Наполеона въ Парижѣ наверху славы, Тургеневу пришлось теперь увидѣть Парижъ, принимавшій съ оваціями и ликованіями союзниковъ и особенно императора Александра, великодушію котораго Тургеневъ отдаетъ должное. Необыкновенная роль, которую сыгралъ этотъ монархъ, оставила въ душѣ Тургенева особое впечатлѣніе. Въ своихъ воспоминаніяхъ, при всей ихъ бѣглости, онъ останавливается довольно подробно на такихъ поступкахъ Александра, какъ поддержка имъ конституціонныхъ требованій французскихъ гражданъ и твердая рѣшимость дать конституціонное устройство царству польскому, несмотря на всю оппозицію этому его намѣренію не только со стороны Меттерниха, но даже и со стороны такихъ лицъ, какъ Штейнъ (который желалъ дать жителямъ Польши лишь гарантіи личной свободы и провинціальныя собранія совѣщательнаго характера *). Самъ Тургеневъ, несмотря на всю авторитетность въ его глазахъ мнѣнія Штейна стоитъ всецѣло на сторонѣ великодушнаго рѣшенія Александра. Въ своихъ мемуарахъ онъ даетъ еще и другія любопытныя черты характера Александра и условій, въ которыя онъ былъ поставленъ тогда силою сложившихся обстоятельствъ. «Онъ былъ,—пишетъ Тургеневъ,— главнымъ двигателемъ всѣхъ великихъ предпріятій; но дѣйствовать онъ могъ не при помощи приказовъ и самовластныхъ распоряженій; онъ долженъ былъ добиваться всего путемъ переговоровъ и убѣжденія. Иногда онъ вставалъ среди ночи и въ сопровожденіи адъютанта съ фонаремъ шелъ на совѣщаніе съ Шварценбергомъ **), котораго заставалъ въ постели. Онъ не позволялъ ему вставать и, взявъ себѣ стулъ, начиналъ разговоръ съ главнокомандующимъ. Начальникъ штаба Шварценберга, Лангенау, былъ почтенъ однажды подобнымъ же посѣщеніемъ Александра» ***).

Вмѣстѣ со Штейномъ Тургеневъ былъ и на вѣнскомъ конгрессѣ, куда Штейнъ, не будучи акредитованнымъ представителемъ ни одной изъ державъ, явился по выраженію Тургенева «представителемъ своего собственнаго генія».

сіи, но цѣлью войны было именно освобожденіе и объединеніе Германіи. „Мое желаніе,—писалъ въ одномъ письмѣ Штейнъ,—видѣть Пруссію великой и сильной вовсе не проистекало изъ слѣпой преданности къ этой монархіи, а изъ убѣжденія, что всякое раздробленіе ослабляетъ Германію, лишаетъ ее національной гордости, національнаго чувства, препятствуетъ хорошему веденію ея хозяйства и, лишая отдѣльныхъ лицъ одного изъ величайшихъ нравственныхъ благъ, каковымъ является любовь къ отечеству, способствуетъ ихъ порчѣ“ („La Russie et les Russes“, I, 46).

*) „La Russie et les Russes“, I, 48—50, 310—322.

**) Князь Шварценбергъ—австрійскій полководецъ—былъ главнокомандующимъ союзныхъ войскъ.

***) „La Russie et les Russes“, I, 30.

Въ 1815 году, когда «центральный департаментъ», управлявшійся Штейномъ, ликвидировалъ свои дѣла, Тургеневъ былъ прикомандированъ къ бывшему русскому послу въ Парижѣ, Алопеусу, назначенному тогда генералъ-губернаторомъ занятыхъ русскими войсками французскихъ провинцій. Отъ него послѣ Штейна Тургеневу нечему было учиться, но и здѣсь его пребываніе въ смыслѣ накопленія опытности, наблюденія и практическихъ знаній было далеко небезполезно. Здѣсь ему пришлось познакомиться съ сложнымъ дѣломъ снабженія арміи припасами и принимать участіе въ разборѣ различныхъ недоразумѣній между жителями занятыхъ союзными войсками французскихъ провинцій и квартировавшими въ нихъ и проходившими по нимъ войсками. Въ заключеніе онъ еще разъ видѣлъ занятый союзниками Парижъ уже послѣ вторичнаго низложенія Наполеона; видѣлъ вторичное водвореніе Бурбоновъ и поднятое ими преслѣдованіе и казни бонапартистовъ. При этомъ онъ испытывалъ чувства подобныя тѣмъ, которыя описалъ въ недавно изданныхъ запискахъ другой его современникъ, постигнутый впослѣдствіи одинаковымъ съ нимъ приговоромъ, кн. С. Г. Волконскій *).

Въ концѣ 1816 года Тургеневъ возвратился въ Россію. «Оставайтесь съ нами, вамъ будетъ здѣсь лучше, чѣмъ въ вашей странѣ»,— сказалъ ему Штейнъ, когда онъ пріѣхалъ къ нему проститься передъ отъѣздомъ на родину. Но Тургеневъ, вѣрный своему долгу и патріотически настроенный, не могъ воспользоваться этимъ совѣтомъ.

Глава II.

Возвращеніе Тургенева въ Россію.—Петербургское общество того времени.—Положеніе дѣлъ въ Россіи.—Господство либеральныхъ идей среди просвѣщенной части русскаго общества.—Положеніе, которое занялъ въ ней Тургеневъ.—Близость его къ военнымъ кружкамъ. — Его научно-литературная дѣятельность. — „Опытъ теоріи налоговъ".—Дружба Тургенева съ Жуковскимъ, семьей Карамзиныхъ и связи съ арзамасцами.—Отношеніе Николая Тургенева къ Арзамасу.— Намѣреніе издавать журналъ вмѣстѣ съ Куницынымъ.

Тургеневъ возвратился въ Россію въ концѣ 1816 года, одушевленный самыми лучшими гражданскими и патріотическими намѣреніями. Онъ подробно описываетъ состояніе умовъ въ русскомъ обществѣ въ эту эпоху въ своихъ мемуарахъ. «Съ войсками, возвратившимися на родину,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ своей книги—проникли черезъ границу кой-какія либеральныя идеи: казалось, что въ Россіи должна была наступить новая эра.

«Кромѣ войскъ регулярныхъ, — пишетъ онъ далѣе,—за границей были также большія массы ополченія; эти ополченцы всѣхъ ранговъ,

*) „Записки С. Г. Волконскаго (декабриста"). Спб. 1901 г., стр. 381 и слѣд.

переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда. Это новое расположеніе умовъ проявлялось, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были собраны военныя силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточіемъ дѣлового міра и гдѣ былъ многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ».

Указавъ между прочимъ на рукописную литературу, какъ на одинъ изъ важныхъ источниковъ, по которому можно узнать о настроеніи общественнаго мнѣнія въ странахъ, гдѣ нѣтъ свободы печати *), Тургеневъ продолжаетъ: «Въ то время можно было видѣть довольно многочисленныя произведенія этого рода, замѣчательныя иногда по остротѣ сарказма, иногда по высокому и поэтическому вдохновенію. Маленькіе шедевры, неизвѣстные ранѣе, отмѣтили дни своего расцвѣта, какъ время жизни, надежды и — надо добавить — здраваго смысла и трезваго разсудка. Сама дозволенная печать принимала участіе въ этомъ движеніи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичному обсужденію, стали трактоваться въ серьезныхъ работахъ. Періодическая печать болѣе, нежели прежде, стала заниматься тѣмъ, что происходитъ въ чужихъ краяхъ и въ особенности во Франціи, гдѣ происходили опыты новыхъ учрежденій **). Имена извѣстныхъ французскихъ публицистовъ были въ Россіи ***) также популярны, какъ они могли быть у себя на родинѣ, и русскіе воины, забывая великаго полководца, только что павшаго, освоивались съ именами Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые, казалось, предпринимали тогда политическое воспитаніе европейскаго континента» ****).

«Многіе,—продолжаетъ Тургеневъ, — возвращаясь въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, высказывали чрезвычайное удивленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ нравахъ, разговорахъ и

---

*) Сравнительное показаніе Вильгельма Кюхельбекера о томъ же, приведенное у Богдановича („Исторія царствованія Александра I-го“, т. VI, стр. 412).

**) Т.-е. конституціи съ народнымъ представительствомъ, данной реставрированными Бурбонами по настоянію императора Александра.

***) Здѣсь Тургеневъ разумѣетъ конечно лишь тотъ слой болѣе или менѣе образованнаго общества, среди котораго онъ вращался, и главнымъ образомъ военную молодежь.

****) Здѣсь Тургеневъ дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ обращаетъ вниманіе на то, что либеральныя идеи и конституціонныя теоріи во всей континентальной Европѣ принимались большинствомъ публики, какъ новость: „Многія вещи—замѣчаетъ онъ—представляющіяся теперь намъ просто банальными, принципы, которые теперь можно считать общими мѣстами, были новы тогда и разсматривались почти какъ открытія. Даже идеи и политическія правила, провозглашенныя во время французской революціи и въ особенности безсмертной конституантой, казалось стерлись изъ памяти народа во время войнъ республики и имперіи“. La Russie et les Russes“, I, 65 примѣчаніе.

самыхъ поступкахъ молодежи этой столицы: молодежь какъ будто пробудилась для новой жизни, чтобы воодушевляться всѣмъ, что было благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили — въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній. Никто не думалъ о шпіонствѣ, которое въ это время было почти ничтожно и неизвѣстно».

Правительство, какъ многимъ казалось въ то время, «не только не противилось направленію, которое повидимому принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно—пишетъ Тургеневъ—привести образъ дѣйствій императора въ Польшѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, Александръ въ форменныхъ выраженіяхъ объявилъ, что намѣренъ даровать представительныя учрежденія и самой Россіи».

Правда, это продолжалось недолго. Немного времени спустя правительственная реакція обнаружилась явно. Молодые люди за неосторожныя рѣчи стали расплачиваться высылками и переводами изъ гвардіи въ армейскіе полки *). Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія водворились Магницкій и Руничъ и пошли преслѣдованія свободомыслящихъ и прогрессивныхъ профессоровъ **). И въ то самое время, какъ благосклонный цензоръ (Тимковскій) пропустилъ «Опытъ теоріи налоговъ» Тургенева, попечитель Руничъ наложилъ руку на совершенно невинную книгу его пріятеля проф. Куницына «Право естественное», причемъ самъ авторъ былъ отставленъ отъ преподаванія (въ 1818 г.) ***).

Въ 1816 году это новое реакціонное направленіе правительства еще не было замѣтно; хотя по справедливому замѣчанію Н. К. Шильдера, его уже можно было предчувствовать по манифесту 1 января 1816 г., написанному Шишковымъ, въ которомъ сказано было, между прочимъ, о Парижѣ, что онъ является гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной, и по поводу котораго искренно огорченный его появленіемъ Лагарпъ писалъ Александру, что онъ уже болѣе не сомнѣвается въ существованіи заговора противъ славы Александра, пріобрѣтенной имъ въ 1814 г. ****).

---

*) Такова, напримѣръ, ссылка Пушкина въ 1820 г., переводъ Вадковскаго изъ гвардіи въ армейскій полкъ.

**) Богдановичъ. „Исторія царствованія Александра“, т. V. Шильдеръ „Жизнь и царствованіе Александра I-го“, т. IV.

***) А. П. Куницынъ (1783—1841), проф. Александровскаго лицея, которому Пушкинъ посвятилъ извѣстное стихотвореніе: „Куницыну дань сердца и вина“ и проч.

****) Шильдеръ „Жизнь и царствованіе Александра I-го“, т. IV, 1 и 449.

Ни молодые офицеры, вернувшіеся изъ-за границы, ни самъ Н. И. Тургеневъ не предчувствовали еще тогда этого поворота въ настроеніи правительства.

Тургеневъ, сдѣлавшій (въ качествѣ гражданскаго чиновника) всю кампанію 1813—1814 гг. и остававшійся во Франціи вмѣстѣ съ русскими войсками, временно тамъ расположенными *), до 1816 года, имѣлъ среди военныхъ всѣхъ ранговъ и особенно молодежи много знакомствъ и другихъ связей. Популярность Тургенева въ военномъ кругу Петербурга была такъ велика въ это время, что для него было сдѣлано даже исключеніе изъ правилъ одной массонской ложи, въ которую вообще принимались одни лишь военные и тѣмъ не менѣе былъ принятъ и онъ, никогда не служившій въ военной службѣ **).

Тургеневъ много помогалъ военной молодежи, стремившейся къ самообразованію, своими разносторонними знаніями и особенно своимъ выдающимся политическимъ образованіемъ. Онъ устраивалъ для молодыхъ людей частные кружки и лекціи по политическимъ наукамъ и указывалъ имъ книги для ознакомленія съ началами политической экономіи и теоріей конституціоннаго права ***).

Было бы однако, ошибочно думать, что Тургеневъ велъ въ этомъ случаѣ какую-либо опредѣленную пропаганду съ опредѣленными политическими цѣлями, или даже что этого рода дѣятельность поглощала значительную часть его времени. По возвращеніи въ Россію онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность статсъ-секретаря государственнаго совѣта въ департаментѣ экономіи, важнѣйшемъ изъ департаментовъ государственнаго совѣта. Къ этому вскорѣ присоединились весьма сложныя и отвѣтственныя работы по министерству финансовъ, въ которомъ онъ получилъ должность директора канцеляріи по кредитной части.

Независимо отъ этихъ оффиціальныхъ занятій онъ приступилъ вскорѣ по возвращеніи своемъ на родину къ обработкѣ своего ученаго трактата, первоначально составленнаго имъ еще въ Гёттингенѣ. Онъ издалъ его въ 1818 г. подъ заглавіемъ «Опытъ теоріи налоговъ».

---

*) Корпусъ гр. М. С. Воронцова, начальникомъ штаба котораго былъ извѣстный М. Ѳ. Орловъ, пріятель Тургенева. Впослѣдствіи Бенкендорфъ упоминалъ въ своемъ донесеніи объ особомъ вліяніи Тургеневыхъ (Н. и А.) на Воронцова (Н. К, Шильдеръ. „Жизнь и царст. Алекс.". Т. IV. Стр. 210). При Воронцовѣ состоялъ въ это время и младшій братъ Тургенева — Сергѣй Ивановичъ—(срав. „Записки" Н. И. Греча. Стр. 415 и слѣд. тоже въ воспоминаніяхъ Ф. Ф. Вигеля)

**) Пыпинъ. „Общественное движеніе". Стр. 326.

***) „La Russie et les Russes". I, 82. Бенкендорфъ въ донесеніи, поданномъ императору Александру въ 1821 г. выставлялъ Тургенева опаснѣйшимъ членомъ тайныхъ обществъ именно за эти его лекціи. Онъ утверждалъ, что „его наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслей", и предлагалъ запретить офицерамъ посѣщать частно преподаваемые курсы, особенно политическихъ наукъ (Шильдеръ „Жизнь и царств. Александра", IV, 210—215).

«Безпрестанно занимаясь наукою государственнаго хозяйства—пишетъ Тургеневъ въ предисловіи къ этой книгѣ — мы открыли много недостатковъ въ изложенной нами теоріи налоговъ, особливо въ отношеніи къ общему свойству и дѣйствію оныхъ. Замѣтно также, что о налогахъ въ Россіи существующихъ, почти совсѣмъ не упоминается въ сей книгѣ: сіе происходитъ оттого, что книга сія написана внѣ Россіи. Извѣстно, сколь непріятно и даже неудобно передѣлывать оконченное однажды; потому я рѣшился издать мой первый опытъ въ первобытномъ его видѣ, надѣясь, что онъ будетъ для меня не послѣднимъ въ обширной области политики. Впрочемъ я полагалъ, что изложеніе теоріи налоговъ—служащихъ основаніемъ финансовъ—какъ бы недостаточно оно ни было, не можетъ быть совершенно излишнимъ въ такое время, когда у насъ столь многіе говорятъ о финансахъ и столь немногіе о нихъ пишутъ» *).

Книга эта, написанная легкимъ и изящнымъ для того времени языкомъ, даетъ очень ясное изложеніе усвоенныхъ авторомъ истинъ, господствовавшихъ въ то время въ политической экономіи и экономической политикѣ. По свидѣтельству проф. Куницына сочиненіе Тургенева является первымъ оригинальнымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ. Подробно излагая въ своей статьѣ содержаніе этого сочиненія ученый критикъ не рѣшается однако сдѣлать ни одного критическаго замѣчанія объ этомъ трудѣ, къ которому онъ относится съ величайшимъ почтеніемъ. Онъ не пытается даже указать источники идей, взглядовъ и фактовъ, изложенныхъ Тургеневымъ **). Въ сущности это было не самостоятельное изслѣдованіе въ области финансовъ, а лишь обстоятельная, умно и добросовѣстно составленная ученая компиляція. Главнымъ теоретическимъ основаніемъ этого трактата явились истины и идеи, провозглашенныя Адамомъ Смитомъ въ его знаменитомъ «Изслѣдованіи о природѣ и причинахъ богатства народовъ», особенно въ книгѣ V («О доходѣ государя или государства») ***). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Тургеневъ въ трактатѣ своемъ обнаруживаетъ на ряду съ весьма значительной, даже по тому времени необыкновенной эрудиціей умѣніе очень стройно и систематично расположить матеріалъ. Положенія, взятыя у Адама Смита, Сея, Стюарта

---

*) „Опытъ теоріи налоговъ". Изд. 2-ое. Спб. 1819 г. Стр. VII.

**) Статья Куницына перепечатана во 2-мъ изданіи книги Тургенева вслѣдъ за предисловіемъ автора. Стр. XIX—XLI.

***) См. томъ III перевода Бибикова. Изд. 1866 года. Если мы развернемъ III томъ Адама Смита и сравнимъ главу II книги V „Объ источникахъ государственныхъ доходовъ" съ трудомъ Тургенева, то увидимъ, что двѣ основныя главы „Опыта теоріи налоговъ", именно: глава II „Главныя правила взиманія налоговъ" и глава III „Источники и разные роды налоговъ" составляютъ въ сущности нечто иное какъ изложеніе знаменитыхъ четырехъ правилъ или законовъ Адама Смита (стр. 185 — 191. Т. III перевода Бибикова) и его анализа источниковъ обложенія (стр. 191—314 русск. перевода).

и другихъ первоклассныхъ экономистовъ того времени, постоянно иллюстрируются авторомъ удачно подобранными примѣрами изъ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ. Первоначально составленный очеркъ дополненъ впослѣдствіи ссылками на новѣйшую литературу, за ходомъ которой авторъ не упускалъ слѣдить и въ Россіи, и свѣжими статистическими свѣдѣніями и парламентскими отчетами (по 1816 годъ включительно). Въ двухъ-трехъ мѣстахъ сдѣланы большія примѣчанія, относящіяся къ вопросамъ и фактамъ современной автору русской дѣйствительности, довольно рѣзко и смѣло задѣвающія крѣпостное право и основанную на немъ податную систему. Къ нимъ мы возвратимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Появленіе этой книги вызвало въ обществѣ большую сенсацію. Не говоря о болѣе просвѣщенныхъ людяхъ, какъ адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, гр. Потоцкій, даже болѣе отсталые люди, сановники и дѣльцы стараго времени, какъ, напр., членъ государственнаго совѣта Тутолминъ, высказывали, что книга эта можетъ служить важнымъ пособіемъ даже для членовъ высшаго законодательнаго учрежденія имперіи. Государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, прочитавъ книгу, пожелалъ лично познакомиться съ молодымъ авторомъ *).

Многіе удивлялись, какъ такая книга могла быть допущена цензурой, и самъ Тургеневъ считалъ большимъ счастьемъ, что ему пришлось въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ доброжелательнымъ цензоромъ, который, не безъ риска для себя, разрѣшилъ ее къ печати.

Въ публикѣ появленіе этого труда было сразу замѣчено и автору своему эта книга создала сразу почетную извѣстность. Общественное значеніе появленія этого труда уясняется, прежде всего, слѣдующими строками статьи Куницына: «До перевода сочиненія графа Верри мы ничего на русскомъ языкѣ не читали о государственномъ хозяйствѣ. До перевода творенія Адама Смита мы ничего не могли знать о налогахъ изъ русскихъ сочиненій, и искусство опредѣлять и собирать подати почитали непринадлежащимъ къ кругу свѣдѣній частнаго человѣка. То, что непосредственно насъ касается, почитали мы дѣломъ чуждымъ и отдаленнымъ отъ нашихъ выгодъ; то, что составляетъ общій предметъ нашего вниманія, мы признавали собственностью нѣкотораго только класса людей. Нынѣ другое получаемъ понятіе о финансахъ; *дѣло общее становится предметомъ общаго разсужденія.* Дабы убѣдиться въ пользѣ познанія государственнаго хозяйства вообще и науки финансовъ въ особенности, любопытнымъ совѣтуемъ читать предисловіе разсматриваемой нами книги» **).

И «любопытныхъ» нашлось, очевидно, не мало, потому что, несмотря на серьезность сюжета, все первое изданіе разошлось въ нѣ-

*) „La Russie et les Russes“, I, 76.

**) „Опытъ теоріи налоговъ“. Изд. 2-ое. Стр. XX, стат. Куницына.

сколько мѣсяцевъ и уже въ слѣдующемъ 1819 году выпущено было второе.

Предисловіе, на которое Куницынъ указываетъ, чрезвычайно знаменательно и по ясности мысли, и по благородству тона.

«Кромѣ существенныхъ выгодъ, — писалъ въ этомъ предисловіи Тургеневъ,—которыя доставляетъ политическая экономія, научая, напримѣръ, не дѣлать вреда, когда стремишься къ пользѣ, она благотворна въ своихъ дѣйствіяхъ на нравственность политическую. Занимающійся политической экономіею, разсматривая систему меркантилистовъ, невольно привыкаетъ ненавидѣть всякое насиліе, самовольство и въ особенности методы дѣлать людей счастливыми вопреки имъ самимъ. Проходя систему физіократовъ, онъ пріучается любить правоту, свободу, уважать классъ земледѣльцевъ, столь достойный уваженія согражданъ и особенной попечительности правительства, и потомъ, видя пользу, принесенную сею, впрочемъ неосновательною системою, убѣждается, что при самыхъ великихъ заблужденіяхъ дѣйствія людей могутъ быть благодѣтельны, когда имѣютъ источникомъ желаніе добра, чистоту намѣреній и благоволеніе къ ближнему. Система физіократовъ и происхожденіемъ и духомъ своимъ принадлежитъ XVIII-му вѣку. Тогда каждая идея о свободѣ принималась съ восхищеніемъ и быстро проникала въ умы людей, особенно во Франціи. Къ несчастью, такой энтузіазмъ не допускалъ строгаго разбора, и вредное рѣдко было отличаемо отъ полезнаго. Физіократы однимъ изъ главныхъ правилъ представляли свободу совмѣстничества (конкуренціи) въ промышленности народной: система ихъ необходимо долженствовала плѣнить современниковъ, утомленныхъ игомъ меркантилизма. Наконецъ занимающійся политическою экономіею, проходя систему, называемую Смитовою, или *критическою*, научается вѣрить однимъ только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу, и всему, что естественно, непринужденно. Онъ и здѣсь увидитъ, что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую обязанность за другихъ смотрѣть, думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать о нихъ самое мелочное и всегда тщетное попеченіе...» *)

Понятно, какое дѣйствіе могли вызывать подобныя строки, написанныя въ эпоху, когда аракчеевщина уже достаточно осязательно давала себя чувствовать, и мудрено ли, что графъ Аракчеевъ ужасался, что можно писать и печатать подобныя вещи. Тургеневъ намекаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Аракчеевъ только потому не принялъ по этому поводу репрессивныхъ мѣръ, что зналъ, что такія мѣры про-

*) „Опытъ теоріи налоговъ", 2 изд., IV—VI.

тивъ Тургенева не понравятся Александру, который дорожилъ даровитымъ молодымъ человѣкомъ *).

Огромное общественное и воспитательное значеніе для тогдашнихъ читателей этой книги должны были имѣть такія мѣста ея, какъ требованіе въ нѣкоторыхъ странахъ народнаго согласія на взиманіе и распредѣленіе налоговъ, какъ разсужденіе о необходимости «отклоненія тяжести налоговъ отъ простого народа» или о пользѣ гласности бюджета. Разсужденіе о необходимости справедливаго распредѣленія налоговъ между лицами разныхъ сословій и классовъ общества Тургеневъ заканчиваетъ такой фразой: «Древніе римляне поставляли себѣ за честь платить тѣмъ болѣе, чѣмъ знатнѣе они были: знатные люди новѣйшаго времени, какъ мы видѣли, находятъ честь свою совсѣмъ въ противномъ».

Само собой разумѣется, что подобныя указанія не всѣмъ могли нравиться. Но еще болѣе непозволительными казались многимъ прямыя нападки автора на крѣпостной строй въ Россіи. Такъ, говоря о личныхъ повинностяхъ крѣпостныхъ людей въ Россіи, авторъ помѣстилъ въ выноскѣ особое замѣчаніе о крѣпостномъ состояніи. Указавъ въ немъ, что въ послѣднее время довольно говорили «и даже иногда писали» о крѣпостномъ правѣ, авторъ останавливается на двухъ крайнихъ мнѣніяхъ: одни (главнымъ образомъ иностранцы) сравнивали крѣпостныхъ съ африканскими невольниками, другіе сравнивали господина съ отцомъ семейства. Упомянувъ, что тогда какъ первыхъ позволялось опровергать свободно, а возраженія вторымъ встрѣчали затрудненія, Тургеневъ поясняетъ: «Если послѣднимъ (т.-е. сторонникамъ патріархальныхъ теорій) говорено было о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, если говорено было о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая въ дѣйствіяхъ своихъ часто бываетъ противна религіи и человѣчеству, то они дѣлали восклицаніе противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влещи за собой уничтоженіе религіи и законовъ! Пусть сіи люди взглянутъ въ исторію. Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія? Всегда и вездѣ народъ платилъ любовію, признательностью и повиновеніемъ за дѣлаемыя ему благодѣянія. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго. Но таковы люди! Введеніе добраго вездѣ легче, нежели искорененіе злого. Въ Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ въ народѣ показалось сильное стремленіе къ нравственному усовершенствованію, въ соразмѣрности съ большими успѣхами въ хорошемъ, мы гораздо менѣе отстали отъ

*) „La Russie et les Russes", I, 75.

дурного. Будемъ, однако же питать сладостную надежду, что Россія, имѣющая много другихъ преимуществъ предъ прочими государствами, станетъ на ряду съ ними и въ семъ отношеніи. Духъ времени, выгоды самыхъ помѣщиковъ служатъ основаніемъ сей надеждѣ. Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа».

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о мѣрахъ взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ, Тургеневъ возставалъ противъ тѣлеснаго наказанія. «Во всякомъ случаѣ—говоритъ онъ—тѣлесныя наказанія никогда не должны быть употребляемы: сіе противно не токмо достоинству человѣка вообще, но и свойству самой вещи въ особенности: налоги берутся не съ лица подданнаго, а съ его имѣнія; и такъ въ самой величайшей крайности правительство можетъ лишить его имѣнія, но никогда не должно касаться его особы».

Послѣднюю главу своей книги авторъ посвятилъ вопросу «о бумажныхъ деньгахъ, какъ налогѣ», причемъ изложилъ довольно подробно исторію банковъ и господствовавшія тогда въ политической экономіи теоріи денегъ и кредита. Главу эту онъ заключилъ слѣдующими словами: «Вѣкъ бумажныхъ денегъ прошелъ для теоріи,—и прошелъ безвозвратно. Вѣкъ кредита наступаетъ для всей Европы. Усовершенствованіе системы кредитной пойдетъ на ряду съ усовершенствованіемъ политическаго законодательства, въ особенности съ усовершенствованіемъ системы народнаго представительства. Да благословитъ небо благіе подвиги мудрыхъ правительствъ и преданныхъ отечеству гражданъ» *).

---

*) „Опытъ теоріи налоговъ", 336. Въ виду того, что „Опытъ теоріи налоговъ" представляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, я укажу здѣсь вкратцѣ его содержаніе по главамъ. Въ первой главѣ „О происхожденіи налоговъ" авторъ излагаетъ происхожденіе современныхъ системъ обложенія, относя начало ихъ къ среднимъ вѣкамъ; даетъ очеркъ феодальной системы; и выясняетъ вліяніе развитія городовъ и мирной цивилизаціи; доказываетъ необходимость налоговъ, какъ неизбѣжнаго зла, безъ котораго немыслимо существованіе государства. Здѣсь же онъ высказываетъ мысль, что по дѣйствующей въ каждомъ государствѣ системѣ налоговъ можно судить о степени его цивилизаціи. Во второй главѣ онъ излагаетъ четыре основныхъ правила всякой порядочной системы налоговъ, заимствованныя у Адама Смита и къ нимъ прибавляетъ пятое, по которому налогъ всегда долженъ быть взимаемъ съ чистаго дохода, а не съ капитала, дабы не уничтожился самый источникъ обложенія. Всѣ эти положенія авторъ подкрѣпляетъ и иллюстрируетъ примѣрами изъ исторіи разныхъ странъ. Въ главѣ III изложены и разсмотрѣны источники и разные виды налоговъ, причемъ авторъ также придерживался Адама Смита, иллюстрируя лишь взятыя у него положенія историческими примѣрами. Попутно онъ излагаетъ и критически разсматриваетъ мнѣнія физіократовъ, Стюарта и нѣкоторыхъ другихъ писателей. Въ IV главѣ—„Собираніе налоговъ"—Тургеневъ излагаетъ и критикуетъ откупную систему, какъ она про-

«Опытъ теоріи налоговъ» сильно содѣйствовалъ расширенію связей Тургенева. Впрочемъ его литературныя связи были значительны и до того времени. По своимъ родственнымъ отношеніямъ или вѣрнѣе, по стариннымъ дружескимъ связямъ своего семейства Тургеневъ ближе всего стоялъ въ это время къ кружку арзамасцевъ. Его братья Андрей и Александръ были со школьной скамьи въ большой дружбѣ съ В. А. Жуковскимъ. Андрей Тургеневъ умеръ почти юношей въ 1803 г., успѣвъ написать лишь нѣсколько, отмѣченныхъ дарованіемъ, стихотвореній, но дружба Александра, а затѣмъ и Николая Тургеневыхъ съ Жуковскимъ съ годами росла и крѣпла. Карамзинъ, изъ-за котораго арзамасцы и ломали, главнымъ образомъ, копья, былъ землякъ Тургеневыхъ и связь его съ этимъ семействомъ началась еще во времена его молодости, когда онъ былъ введенъ въ массонскую ложу въ Симбирскѣ отцомъ Николая Ивановича И. П. Тургеневымъ. Эта дружеская связь перешла и къ дѣтямъ И. П. Тургенева и окрѣпла особенно въ виду тѣхъ литературныхъ и научныхъ услугъ, которыя Александръ Тургеневъ постоянно оказывалъ Карамзину *). О дружескихъ отношеніяхъ всего семейства Карамзина къ Николаю Тургеневу свидѣтельствуютъ письма, недавно напечатнныя въ «Русскомъ Архивѣ» **). Эта связь не нарушалась, повидимому, и значительной

явилась во Франціи, Испаніи, Голландіи и у древнихъ, а затѣмъ устанавливаетъ принципы собиранія налоговъ посредствомъ правительственныхъ агентовъ и разсматриваетъ средства понужденія неисправныхъ плательщиковъ. Въ V главѣ онъ разсматриваетъ способы „уравненія налоговъ", изслѣдуя при этомъ, при какихъ условіяхъ и на какіе классы населенія падаютъ въ дѣйствительности тѣ или другіе налоги. Тутъ онъ критикуетъ мнѣніе Канара, причемъ доказываетъ необходимость при изслѣдвваніи налоговыхъ системъ имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находится данное государство: „упадающемъ", „неперемѣняющемся", или „успѣвающемъ". Тургеневъ старается прослѣдить распредѣленіе налоговой тяжести при каждомъ изъ этихъ трехъ состояній, постоянно приводя въ поясненіе примѣры изъ исторіи разныхъ странъ. Въ VI главѣ авторъ разсматриваетъ вліяніе налоговъ на состояніе народнаго богатства, на промыслы, движеніе народонаселенія, успѣхи цивилизаціи и нравственность народную, причемъ начинаетъ съ опроверженія различныхъ невѣрныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Въ концѣ главы онъ останавливается на значеніи министровъ, управляющихъ финансами, и доказываетъ необходимость гласности бюджета. Въ главѣ VII (послѣдней) авторъ разсматриваетъ вопросъ о бумажныхъ деньгахъ, какъ о своего рода налогѣ, причемъ излагаетъ довольно подробно исторію бумажныхъ денегъ и банковъ въ разныхъ странахъ и разбираетъ разные способы подъема курса бумажныхъ денегъ, причемъ указываетъ и мѣры къ прекращенію или ограниченію дѣйствія ажіотажа и спекуляцій. Въ концѣ главы авторъ высказываетъ убѣжденіе, что съ успѣхами цивилизаціи и политической свободы получатъ прочное развитіе правильныя системы государственнаго кредита.

*) П. Н. Милюковъ. „Главныя теченія русской исторической мысли", I, 188, 189.

**) „Русскій Архивъ" 1895 г. № 12, тамъ же портретъ Н. И. Тургенева того времени.

разницей во взглядахъ, въ 1818 г. уже достаточно обнаружившейся. Нападая на политическое направленіе «Исторіи Государства Россійскаго» и совершенно расходясь съ Карамзинымъ во взглядахъ на политическій строй Россіи, на польскій вопросъ и особенно на крестьянскій вопросъ, Н. И. Тургеневъ сохранилъ и въ позднѣйшія времена полное уваженіе къ его нравственному облику, къ его честному и безкорыстному отношенію къ императору Александру *). Мы видѣли, что одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Арзамаса» Уваровъ еще въ 1812 г. рекомендовалъ Николая Тургенева Штейну. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1816 г. Николай Ивановичъ и самъ вступилъ въ число членовъ «Арзамаса». Литературный споръ съ представителями ветхо-завѣтнаго направленія (шишковцами), который послужилъ поводомъ для основанія «Арзамаса», самъ по себѣ конечно мало увлекалъ Николая Тургенева, но въ этомъ спорѣ была несомнѣнно и общественная сторона, довольно ясно выразившаяся въ полемикѣ Шишкова съ Дашковымъ **), къ которой онъ уже не могъ относиться равнодушно. Ему также же, какъ и его другу М. Θ. Орлову, не нравилась шутовская внѣшность и общій легкомысленный тонъ бесѣдъ «Арзамаса»; но такъ какъ въ собраніяхъ арзамасцевъ были не одни чисто литературные разговоры и потѣшные ужины, а происходили нерѣдко и интересные споры и разговоры о текущей дѣйствительности, причемъ члены кружка были безспорно люди умные, тонко образованные и прекрасно обо всемъ освѣдомленные, то Николай Тургеневъ часто посѣщалъ ихъ собранія—гораздо чаще, нежели собранія членовъ союза благоденствія, которыя вообще происходили не часто ***). Въ своихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ говоритъ даже, въ видѣ упрека Блудову, составителю впослѣдствіи «Донесенія» слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ, а въ то время одному изъ главныхъ членовъ и даже иниціатору кружка арзамасцевъ—что эти разговоры при желаніи можно было бы также легко обратить въ матеріалъ для обвиненія въ государственномъ преступленіи, какъ тѣ рѣчи и фразы, которыя произносились въ собраніяхъ членовъ союза благоденствія и послужили впослѣдствіи противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обвинительными пунктами ****). Конечно, на этихъ саркастическихъ строкахъ нельзя построить вѣрнаго представленія о физіономіи «Арзамаса», члены котораго были люди въ политическомъ отношеніи безусловно невинные и вполнѣ лояльные, но самое присутствіе въ ихъ средѣ такихъ людей, какъ Николай Тургеневъ и Θ. М Орловъ *****), съ которыми нѣкоторые

---

*) „La Russie et les Russes“, I, 68—69 и 323.

**) Е. П. Ковалевскій. „Гр. Блудовъ и его время“, 105.

***) „La Russie et les Russes“, I, 125.

****) „La Russie et les Russes“, стр. 125, т. I.

*****) М. Θ. Орловъ, одинъ изъ блестящихъ молодыхъ генераловъ того времени, заключившій въ 1814 году капитуляцію Парижа, бывшій потомъ пред-

изъ нихъ были и остались и послѣ 14-го декабря 1825 г. въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ (В. А. Жуковскій, А. И. Тургеневъ), показываетъ, какъ близко соприкасались въ это время такіе кружки, какъ «Арзамасъ», изъ котораго вышли впослѣдствіи министры и государственные дѣятели Николаевскаго царствованія (Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ, кн. Вяземскій и воспитатель наслѣдника престола В. А. Жуковскій), и союзъ благоденствія, изъ котораго вышли декабристы.

М. Θ. Орловъ пытался впрочемъ, какъ разсказываетъ Н. И. Тургеневъ, при самомъ вступленіи въ своемъ въ «Арзамасъ», измѣнить содержаніе его бесѣдъ и вмѣсто обычной (полагавшейся по уставу) шутовской рѣчи въ похвалу какому-нибудь шишковцу, онъ произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой проводилъ мысль, что стыдно и нелѣпо серьезнымъ и образованнымъ людямъ заниматься столь легкомысленнымъ времяпрепровожденіемъ, какое принято было въ «Арзамасѣ», въ то время, когда страна нуждается въ глубокомъ и внимательномъ обсужденіи самыхъ серьезныхъ и назрѣвшихъ народныхъ нуждъ и общественныхъ дѣлъ. Рѣчь Орлова по свидѣтельству Н. И. Тургенева произвела на членовъ кружка сильное впечатлѣніе, но большого и прочнаго вліянія на ихъ настроеніе не оказала *). Впрочемъ, и самый кружокъ вскорѣ распался, вслѣдствіе отъѣзда главнѣйшихъ его членовъ **).

На ряду съ отношеніями Тургенева къ Арзамасу здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о другихъ его литературныхъ связяхъ того времени. Такова его связь съ профессоромъ Александровскаго лицея А. П. Куницынымъ. Выше я приводилъ выписки изъ статьи Куницына о книгѣ Тургенева «Опытъ теоріи налоговъ». Куницынъ, о которомъ съ благодарностью вспоминали его ученики-лицеисты ***), занимался не одной

ставителемъ Александра и дѣйствовавшій очень самостоятельно по вопросу о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи. Въ 1816—1821 годахъ онъ былъ участникомъ и часто иниціаторомъ многихъ либеральныхъ предпріятій того времени, имѣвшихъ политическій характеръ. О немъ въ „La Russie et les Russes“ Тургеневъ говоритъ довольно часто; срав. также у Пыпина „Общественное движеніе“, стр. 365 и др. въ „Запискахъ“ С. Г. Волконскаго, 401 и слѣд. Свѣдѣнія о характерѣ участія Орлова въ закрытіи „союза благоденствія„, приведенныя въ „Запискахъ“ Якушкина и въ „Исторіи царствованія Александра I-го“ Богдановича опровергнуты въ „Русск. Старинѣ“ сыномъ Орлова (Н. М.) въ 1871 г., IV, 775 и письмомъ гр. Граббе. 1873 г., III, 374, а равно воспоминаніями Тургенева „La Russie et les Russes“ и „Записками„ С. Г. Волконскаго.

*) „La Russie et les Russes“, I, 126, 127. Ср. „Воспоминанія“ Ф. Ф. Вигеля, V, стр. 48, 49, 51—52,

**) Ковалевскій. „Графъ Блудовъ“, стр. 115. Арзамасское прозвище Тургенева было „Варвикъ“, Орлова—„Рейнъ“. Изъ будущихъ декабристовъ въ „Арзамасѣ“ участвовалъ еще Никита Михайловичъ Муравьевъ (Вигель, V, 45—50).

***) Достаточно вспомнить извѣстное Пушкинское стихотвореніе:

„Куницыну дань сердца и вина“ и т. д.

преподавательской дѣятельностью. Онъ служилъ также въ коммиссіи составленія законовъ, гдѣ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ былъ А. И. Тургеневъ, и занимался литературною дѣятельностью. Въ 1818 году за книгу «Право естественное», которую попечитель Руничъ призналъ антихристіанскою и направленною противъ союза родителей и дѣтей, онъ былъ отставленъ отъ преподаванія *). Около того времени Н. И. Тургеневъ собирался при его участіи издавать журналъ, о чемъ упоминается и въ донесеніи Бенкендорфа и что было поставлено Тургеневу въ вину слѣдственной коммиссіей по дѣлу декабристовъ. По словамъ Тургенева, журналъ этотъ долженъ былъ быть ежемѣсячнымъ обозрѣніемъ. Предполагалось, между прочимъ, посвятить особое вниманіе вопросу судебной реформы, которою Тургеневъ въ это время довольно много занимался; Тургеневу хотѣлось провести въ русскую публику идеи современныхъ германскихъ юристовъ: Геде, Миттермайера и другихъ. Но все это предпріятіе осталось, какъ замѣчаетъ Тургеневъ, однимъ изъ тѣхъ добрыхъ намѣреній, которыми вымощенъ адъ.

Глава III.

Крестьянскій вопросъ и мѣсто, которое онъ занималъ въ міросозерцаніи и дѣятельности Тургенева.—Отношеніе къ собственнымъ крестьянамъ.—Записка, поданная Милорадовичу.—Попытка одного кружка учредить общество для освобожденія крестьянъ помѣщиками.

Главнѣйшимъ вопросомъ русской жизни, отодвигавшимъ на второй планъ всѣ другіе вопросы, Тургеневъ считалъ въ это время, какъ и впослѣдствіи, вопросъ крестьянскій. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ писалъ: «Принадлежа по своему происхожденію къ классу рабовладѣльцевъ, я съ дѣтства зналъ жестокія условія, въ которыхъ стонутъ эти милліоны людей въ Россіи въ цѣпяхъ рабства. Зрѣлище столь явной несправедливости живо поразило мое юное воображеніе и оставило въ душѣ моей слѣдъ, который никогда не долженъ былъ уже исчезнуть...

«Для меня, въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ далѣе,—всѣ вопросы были подчинены этому вопросу и если я, несмотря на обременявшія меня дѣла по службѣ въ государственномъ совѣтѣ и въ министерствѣ финансовъ находилъ въ себѣ еще достаточно энергіи для изслѣдованія въ разныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ вопросовъ юридическихъ, административныхъ, финансовыхъ, то это только потому, что въ основѣ всѣхъ моихъ мыслей при этомъ лежало освобожденіе крестьянъ; въ ихъ интересахъ желалъ я успѣховъ цивилизаціи, потому что они больше всего въ этомъ нуждались и казались мнѣ болѣе всѣхъ до-

*) „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона.

стойными. Классъ русскихъ крестьянъ всегда былъ для меня прежде всего и преимущественно предъ другими объектомъ моихъ стремленій, тѣмъ болѣе горячихъ, что я никогда не видѣлъ, чтобы этимъ людямъ отдавали должную имъ справедливость; вопросу ихъ благосостоянія были посвящены въ это время почти всѣ мои думы и впослѣдствіи это братское чувство только усиливалось...» *).

Прослѣдивъ дѣятельность Тургенева за то время, можно съ увѣренностью сказать, что она была дѣйствительно вся сполна посвящена пропагандѣ и выясненію этого вопроса. Съ большой настойчивостью и искусствомъ онъ постоянно связывалъ всѣ экономическіе и финансовые вопросы съ крестьянскимъ, стараясь вліять и на членовъ государственнаго совѣта въ качествѣ статсъ-секретаря сперва департамента экономіи, а затѣмъ департамента гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и въ министерствѣ финансовъ, гдѣ онъ во время своей непродолжительной службы тамъ въ качествѣ директора канцеляріи по кредитной части исполнялъ также спеціальныя законодательныя работы. Руководствуясь тѣми же стремленіями, онъ пытался пропагандировать свои идеи и въ частныхъ запискахъ, составлявшихся имъ или при его участіи независимо отъ его прямыхъ служебныхъ занятій. Съ тою же цѣлью, по его словамъ, онъ вступилъ и въ союзъ благоденствія, разсчитывая и тамъ пропагандировать эти свои излюбленныя идеи. Ниже мы займемся подробнѣе выясненіемъ его роли и характера его участія въ этомъ сообществѣ; теперь же остановимся на различнаго рода попыткахъ практическаго осуществленія и распространенія его освободительныхъ плановъ и идей.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія отношеніе Турненева къ его собственнымъ крѣпостнымъ людямъ. Что касается дворовыхъ людей, бывшихъ въ его личномъ распоряженіи, то онъ далъ имъ всѣмъ отпускныя. Крѣпостныхъ же крестьянъ въ родовомъ симбирскомъ имѣніи, принадлежавшихъ ему вмѣстѣ съ братьями и матерью, Н. И. Тургеневъ ѣздилъ устраивать лѣтомъ 1818 года. Онъ перевелъ ихъ тогда же съ барщины на оброкъ, причемъ обязалъ крестьянъ уплачивать лишь 2|3 прежняго дохода. Нѣсколько позже онъ вошелъ съ крестьянами въ соглашеніе, которое онъ сравнивалъ впослѣдствіи съ договорами, заключавшимися на основаніи указа 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ **). Вопросъ, почему онъ не устроилъ своихъ крестьянъ на основаніи указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г. остается пока не вполнѣ разъясненнымъ. Предположительное объясненіе мы можемъ найти въ томъ, что имѣніе это принадлежало не ему лично, а составляло собственность всей семьи и слѣдовательно,

*) „La Russie et les Russes“, I, 3.

**) Ibidem, II, 342. Ср. статью В. И. Семевскаго о Н. И. Тургеневѣ въ „Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона“ (полутомъ 67, стр. 107.

Н. И. Тургеневъ могъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ членовъ своей семьи, т.-е. двухъ братьевъ и матери. Съ другой стороны, онъ и самъ видѣлъ въ законѣ 1803 года много условій, затрудняющихъ дѣло. Къ числу ихъ онъ ошибочно (какъ это указалъ В. И. Семевскій) *), причислялъ необходимость надѣлить крестьянъ восьмидесятиннымъ душевымъ надѣломъ и разныя другія формальности, которыя и въ данномъ случаѣ могли затормозить дѣло **).

Въ декабрѣ 1819 года Н. И. Тургеневъ составилъ и подалъ гр. Милорадовичу особую записку о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, узнавъ черезъ своего пріятеля Глинку ***), адъютанта Милорадовича, о томъ, что графъ желалъ бы имѣть записку по этому предмету для представленія ея государю ****). Въ этой запискѣ *****) Тургеневъ не выражалъ мысли о необходимости *немедленнаго* освобожденія крестьянъ. «Составляя эту записку,—писалъ Тургеневъ впослѣдствіи,—я употребилъ всѣ усилія, чтобы сдержать проявленіе ужаса, который внушало мнѣ рабство. Я обращался вѣдь къ человѣку и такъ уже убѣжденному. Мнѣ хотѣлось въ особенности обратить вниманіе царственнаго читателя на тотъ мракъ, которымъ крѣпостной вопросъ обволакивался въ Россіи, и на причины этого явленія; я старался показать, какъ тѣ, кто создаютъ и направляютъ общественное мнѣніе, тѣ, кто пишутъ исторію, тѣ, кто составляютъ и выполняютъ законы, будучи всѣ владѣльцами крѣпостныхъ душъ, заинтересованы въ томъ, чтобы этотъ вопросъ обсуждался какъ можно менѣе» ******).

Въ самомъ началѣ своей записки Тургеневъ ставитъ вопросъ, слѣдуетъ ли желать въ Россіи расширенія политическихъ правъ, которыми пользуется привилегированное сословіе. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно.

«Чтобы разрѣшить по совѣсти этотъ вопросъ, надо помнить, что въ Россіи милліоны человѣческихъ существъ не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія противорѣчило бы интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи самодержавная власть можетъ быть разсматриваема какъ якорь спасенія въ нашей странѣ; отъ этой только власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Непозволительно мечтать о политической

---

*) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. I, стр. 279.

**) „La Russie et les Russes", II, 46—50.

***) Полковникъ Ѳ. Н. Глинка, членъ союза благоденствія, осужденный верховнымъ уголовнымъ судомъ въ 1826 году.

****) „La Russie et les Russes", II, 149.

*****) та записка издана впослѣдствіи Тургеневымъ въ видѣ приложенія ко II-му тому „La Russie et les Russes", стр. 323 и слѣд.

******) „La Russie et les Russes", II, 150 стр.

свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы» *).

Переходя далѣе къ оцѣнкѣ того, что же сдѣлала до тѣхъ поръ эта абсолютная власть въ пользу крестьянъ, Тургеневъ писалъ:

«Что отличаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ нынѣшнее правительство, это то, что оно думаетъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ объ участи поселянъ. Оно отказалось отъ обычая вознаграждать за услуги государству пожалованіемъ населенныхъ имѣній; оно предприняло освобожденіе крестьянъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Эти дѣйствія дѣлаютъ ему величайшую честь...

«Но слѣдуетъ ли удовлетворяться этими благодѣяніями и отказаться отъ надежды видѣть ихъ продолженіе? Развѣ достаточно этихъ мѣръ въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое терпѣли и продолжаютъ терпѣть милліоны крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ?

«Конечно, нѣтъ! Наша вѣра въ божественную справедливость и довѣріе къ благоразумію просвѣщеннаго и доброжелательнаго правительства заставляетъ насъ предчувствовать для Россіи наступленіе того радостнаго дня, когда ея сыны вмѣсто того, чтобы принадлежать одни другимъ, будутъ всѣ принадлежать отечеству, одному только отечеству».

Отъ этой сладкой надежды авторъ переходитъ къ суровой дѣйствительности.

Онъ начинаетъ съ указанія, что двѣнадцать милліоновъ душъ принадлежитъ въ Россіи дворянамъ, разбогатѣвшимъ откупщикамъ и лицамъ, владѣющимъ фабриками и заводами. Указавъ мимоходомъ на бѣдственное положеніе крестьянъ на фабрикахъ и на безразсудство политики, которая установила этотъ порядокъ, авторъ подробно очерчиваетъ разницу въ положеніи крестьянъ въ барщинныхъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ. Разъяснивъ, что рабство никогда не было установлено въ Россіи закономъ, что всего за 150 лѣтъ передъ тѣмъ крестьяне были свободны, онъ указываетъ, что простая мѣра прикрѣпленія ихъ къ землѣ превратила ихъ съ теченіемъ времени, благодаря невмѣшательству правительства и господству сильнаго, въ настоящихъ рабовъ. Тутъ-то онъ и замѣчаетъ, что если исторія не разъяснила какъ слѣдуетъ этого обстоятельства, то это лишь потому, что она писалась не крестьянами, а ихъ господами. Упомянувъ о законѣ Павла I, ограничившаго барщину 3 днями въ недѣлю, Тургеневъ говоритъ, что законъ этотъ не исполняется, очевидно, по той же причинѣ, по которой русскіе историки не разъяснили незаконностью постепеннаго превращенія крестьянъ въ рабовъ. Останавливаясь далѣе на вопіющихъ злоупотребленіяхъ крѣпостниковъ, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что лишь ничтожная часть изъ нихъ доходитъ до суда и преслѣдуется,

*) Ibidem, 324.

а что въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ такія злоупотребленія покрываются предводителями дворянства и ближайшимъ начальствомъ, какъ людьми заинтересованными въ сохраненіи существующаго порядка вещей. Указывая на рѣдкость жалобъ со стороны крестьянъ, Тургеневъ писалъ: «А главное, въ случаяхъ жалобъ, правительство несмотря на все доброжелательство къ этимъ несчастнымъ крестьянамъ, не перестаетъ твердить себѣ, что если принимать всѣ эти жалобы къ разсмотрѣнію и по каждой назначать разслѣдованіе, то это можетъ возбудить въ краѣ извѣстное безпокойство, а потому оно воздерживается и, изъ любви къ порядку, слишкомъ часто забываетъ, что слѣдовало бы любить также и справедливость» *).

Упоминая, что защитники рабства любятъ заявлять, что злоупотребленія помѣщичьей властью есть вещь противузаконная и что правительство можетъ противъ виновныхъ принимать мѣры строгости, Тургеневъ старается раскрыть лицемѣріе этихъ заявленій. «Есть ли, говоритъ онъ, въ этомъ справедливость, чтобы человѣкъ, который незаслуженно терпитъ притѣсненія, долженъ былъ терпѣливо дожидаться, когда правительство соберется принять участіе въ его дѣлѣ? И какое же правительство въ мірѣ можетъ съ успѣхомъ поддерживать справедливость тамъ, гдѣ оно находитъ на одной сторонѣ всѣ права, а на другой всѣ обязанности?..»

Еще хуже положеніе дворовыхъ. «Здѣсь, по замѣчанію Тургенева, мы находимъ всѣ послѣдствія рабства во всей ихъ отвратительной наготѣ: привычка лгать, обманывать, единственная защита слабаго противъ сильнаго, и столько другихъ пороковъ, производящихъ, въ общемъ глубокую безнравственность. Но слуги не рождаются слугами, т.-е. они не рождаются со всѣми этими дурными качествами; они пріобрѣтаютъ ихъ лишь понемногу, по мѣрѣ того, какъ они старѣются въ ихъ положеніи...»

«Неужели и здѣсь, предпринимая улучшеніе въ судьбѣ этого вида рабовъ, слѣдуетъ ограничиться для настоящаго времени лишь какими-нибудь паліативами и отложить попеченіе объ истинномъ прогрессѣ до слѣдующаго поколѣнія? Но вѣдь не легко рѣшиться жертвовать такимъ образомъ настоящимъ для будущаго. Одинъ Богъ знаетъ, будутъ ли существовать слѣдующія поколѣнія. Какъ же рѣшиться человѣку отложить до неизвѣстнаго будущаго добро, сдѣлать которое онъ можетъ безотлагательно?..»

Разсматривая далѣе различныя улучшенія, которыя можно внести въ положеніе крестьянъ, авторъ доказываетъ, что иниціативы въ этомъ случаѣ нельзя ожидать отъ дворянства, представители котораго обык-

*) „La Russie et les Russes“, II, 329. По уложенію о наказаніяхъ 1845 года жалоба крестьянъ на помѣщика прямо уже признавалась дѣяніемъ запрещеннымъ и наказуемымъ.

новенно не живутъ въ своихъ имѣніяхъ, а иногда даже и вовсе ихъ не видали. Поэтому онъ полагаетъ, что представители дворянства, особенно богатаго, не столько враждебны реформамъ въ бытѣ крестьянъ, сколько къ нимъ равнодушны и бездѣятельны.

Онъ полагалъ даже, что многіе помѣщики въ Россіи ничего не имѣютъ противъ освобожденія крестьянъ. Наоборотъ, онъ утверждалъ, что сомнѣніе въ этомъ являлось бы обидой для русскаго дворянства. «Въ самомъ дѣлѣ, какъ повѣрить, чтобы люди, посвящающіе свою жизнь отечеству, въ гражданской службѣ или на полѣ брани, вдругъ оказались бы ему невѣрны, если бы оно призвало ихъ устами своего верховнаго вождя поднять ихъ униженныхъ братьевъ, такихъ же, какъ они, сыновъ великой вѣчной Россіи?»

Итакъ, по мнѣнію Тургенева, правительству слѣдовало принять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, и всѣ порядочные люди съ восторгомъ отозвались бы на его призывъ.

Полагая, однако, что каждый человѣкъ, не равнодушный къ общественному благу, имѣетъ право предложить проектъ уничтоженія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій, Тургеневъ высказываетъ далѣе свои предположенія этого рода.

Останавливаясь, прежде всего, на чрезмѣрномъ обремененіи работой крѣпостныхъ крестьянъ, Тургеневъ указывалъ на необходимость добиться строгаго выполненія закона Павла I, для чего предлагалъ установить, что за отбытіемъ 3-хъ-дневной барщины крестьяне свободны отъ исполненія всякой иной повинности. Затѣмъ, указывая опять на беззастѣнчивую эксплуатацію крестьянъ, даже женщинъ и дѣтей, на помѣщичьихъ фабрикахъ, Тургеневъ, какъ мѣру пресѣченія этого зла, предлагалъ обязать помѣщиковъ представлять ежегодно уѣздному предводителю дворянства планъ хозяйственныхъ работъ и повинностей въ ихъ имѣніяхъ и затѣмъ эти планы публиковать во всеобщее свѣдѣніе. Онъ полагалъ, что вынося существующіе порядки на свѣтъ Божій, можно привлечь къ обсужденію ихъ общественное мнѣніе и тѣмъ самымъ устранить массу притѣсненій и злоупотребленій, совершавшихся безпрепятственно воココракѣ.

Останавливаясь далѣе на необходимости болѣе опредѣленнаго и строгаго запрещенія продажи людей безъ земли и разлученія членовъ семействъ, онъ предлагалъ запретить всякому человѣку, не владѣющему земледѣльческими имѣніями, имѣть крѣпостныхъ людей. При этомъ Тургеневъ основательно замѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ законъ безъ санкціи останется мертвой буквой. Въ видѣ санкціи онъ предлагалъ объявить, что всякій человѣкъ, купленный съ нарушеніемъ закона, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ свободу, и предписать судамъ немедленно признавать свободными всѣхъ тѣхъ, кто представитъ доказательство неправильности совершенной при ихъ продажѣ. Онъ полагалъ также желательнымъ воспретить обращеніе крестьянъ въ дворовые, причемъ

въ случаѣ нарушенія этого запрещенія, предлагалъ и этихъ крестьянъ объявлять свободными.

Въ устраненіе жестокаго и несправедливаго обращенія господъ съ крѣпостными Тургеневъ предложилъ слѣдующія правила. Что касается дворовыхъ, находящихся въ городахъ, онъ находилъ полезнымъ установить, чтобы помѣщикъ не имѣлъ права лично наказывать или бить ихъ, предоставляя налагать и исполнять наказанія полиціи, которая однако не должна быть сведена къ роли пассивныхъ исполнителей, что противорѣчило бы достоинству правительственной власти, а должна бы подвергать наказанію виновныхъ лишь убѣдившись въ дѣйствительности проступка и сообразуя съ нимъ размѣръ наказанія. Каждый человѣкъ, самовольно наказанный или избитый помѣщикомъ, долженъ быть отпускаемъ на волю. Что касается дворовыхъ, находящихся въ деревняхъ, и крестьянъ, то ихъ наказанія должны быть регламентированы съ запрещеніемъ давать болѣе опредѣленнаго числа ударовъ и подвергать тѣлесному наказанію одного и того же человѣка чаще опредѣленнаго срока. Всѣ налагаемыя помѣщикомъ наказанія должны быть записываемы въ особый журналъ или реестръ. Тургеневъ предлагалъ также ограничить компетенцію помѣщиковъ по роду преступленій и проступковъ, передавъ большую часть ихъ въ обыкновенные суды *).

Для защиты крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти Тургеневъ проектировалъ особыя должности правительственныхъ коммиссаровъ, которые бы непосредственно наблюдали за обращеніемъ вотчинныхъ властей съ крестьянами, особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сами помѣщики не живутъ, и принимали бы отъ крестьянъ жалобы на злоупотребленія и притѣсненія помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ. Сверхъ того, по мысли Тургенева, долженъ былъ быть учрежденъ особый губернскій комитетъ изъ губернатора, предводителя дворянства и представителя интересовъ крестьянъ, назначаемаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ комитетъ долженъ былъ бы разсматривать жалобы крестьянъ, представленныя коммиссарами, и въ потребныхъ случаяхъ назначать по нимъ разслѣдованія. Если такія разслѣдованія устанавливали бы наличность злоупотребленій и превышеній помѣщикомъ предоставленной ему власти, то предводитель дворянства долженъ былъ принимать мѣры къ огражденію крестьянъ, отдавая имѣніе уличеннаго помѣщика въ опеку. Если же разслѣдованіемъ были обнаружены случаи, влекущіе ipso facto освобожденіе потерпѣвшаго отъ крѣпостной зависимости, то комитетъ долженъ былъ бы немедленно истре-

*) Тургеневъ хорошо понималъ всю недостаточность этихъ мѣръ, но считалъ, что и подобныя преобразованія, при всемъ ихъ несовершенствѣ, были бы въ то время для крестьянъ истиннымъ благодѣяніемъ... «Благодѣяніе! — восклицаетъ Тургеневъ—А вотъ уже восемнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тотъ, Кто искупилъ людей своею кровью, сказалъ: „любите другъ друга и дѣлайте добро вашимъ врагамъ“ („La Russie...“ II, 337).

бовать въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ соотвѣтствующій приговоръ. Въ подобныхъ случахъ Тургеневъ находилъ справедливымъ установить, чтобы вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ получала свободу и вся его семья: отецъ, дѣти, жена.

Обращаясь затѣмъ къ способамъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Тургеневъ критикуетъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Признавая его вообще мѣрой весьма благодѣтельной, онъ жаловался на излишнія формальности, требуемыя этимъ закономъ, и указывалъ въ цѣляхъ поощренія помѣщиковъ къ освобожденію крестьянъ на необходимость предусмотрѣть и такіе договоры, которые оставляли бы всю землю въ рукахъ помѣщиковъ, сообщая крестьянамъ лишь личную свободу, причемъ Тургеневъ признавалъ желательнымъ предоставить крестьянамъ свободу переселеній.

Эти послѣднія замѣчанія, разобранныя В. И. Семевскимъ въ его книгѣ «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», вызывали съ его стороны основательную критику *).

Въ концѣ записки Тургеневъ указываетъ на необходимость свободнаго обсужденія вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ повременной печати.

Мѣры, предложенныя Тургеневымъ въ этой запискѣ, носятъ несомнѣнный отпечатокъ вліянія Штейна. Въ настоящее время нѣкоторыя мѣста этой записки на неподготовленнаго читателя могутъ произвести впечатлѣніе слишкомъ большого опортюнизма; но если мы сравнимъ ихъ именно съ законодательствомъ Штейна и Гарденберга и вообще съ ходомъ крестьянской реформы въ тогдашней Пруссіи, а равно примемъ въ соображеніе среду и обстоятельства, въ которыхъ составлена была эта записка, то безъ сомнѣнія должны будемъ признать, что въ глазахъ современниковъ она должна была представляться скорѣе выраженіемъ крайняго радикализма. Недаромъ же Тургенева за его взгляды честили тогдашніе консерваторы якобинцемъ и революціонеромъ, «готовымъ на все» **).

Доброжелательному Милорадовичу эта записка такъ понравилась, что, когда во время чтенія ея входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ, онъ немедленно объявлялъ его свободнымъ ***). Встрѣтивъ

---

*) Т. I, стр. 277--281.

**) Сравни донесеніе Бенкендорфа у Шильдера „Жизнь и царствованіе Александра I-го“, т. IV, 213. „La Russie et les Russes“, II, 148. В. И. Семевскій признаетъ, что при всей умѣренности требованій, выставленныхъ Тургеневымъ въ этой запискѣ, мѣры, имъ предложенныя, были однѣ изъ наиболѣе необходимыхъ и практичныхъ.

***) В. И. Семевскій („Крестьянскій вопросъ“, томъ I, 453) приводитъ этотъ эпизодъ изъ „Писемъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1872 г.

Тургенева въ государственномъ совѣтѣ, онъ такъ шумно выражалъ ему свое одобреніе, что Тургеневъ даже нашелъ нужнымъ шепнуть ему на ухо, чтобы онъ не компрометировалъ его такъ сильно въ глазахъ присутствовавшихъ при этомъ крѣпостниковъ *).

На императора Александра записка также произвела благопріятное впечатлѣніе. Онъ былъ задѣтъ за живое и сказалъ Милорадовичу, что непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ, выбравъ изъ всѣхъ собранныхъ имъ записокъ самое лучшее **).

Около того же времени Николай Тургеневъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ участвовалъ въ другой попыткѣ обратить вниманіе правительства на крестьянскій вопросъ. Вотъ его собственный разсказъ объ этомъ весьма характерномъ для того времени эпизодѣ:

«Два лица, отличавшіяся столько же своимъ высокимъ положеніемъ, какъ и своею просвѣщенностью, гр. Воронцовъ ***) и князь Меншиковъ ****), приняли однажды рѣшеніе начать дѣло освобожденія и начать его серьезно... Желая искренно успѣха своему предпріятію, они сочли важнымъ оградить его и самихъ себя отъ недоброжелательства и для этого они постарались гарантировать его отъ всякихъ ложныхъ толкованій. Они хотѣли, чтобы само правительство взяло на себя верховное руководство мѣрами, которыя они ему предлагали, и потому рѣшились ничего не предпринимать до разговора съ императоромъ. Они желали не только ознакомить его съ сущностью своего предпріятія, но и сообщить, что и другіе помѣщики имѣютъ тѣ же намѣренія относительно своихъ крѣпостныхъ. Для этого одинъ изъ нихъ составилъ нѣчто въ родѣ деклараціи, въ которой подписавшіе ее обязывались совершенно освободить своихъ крестьянъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, они просили императора разрѣшить учрежденіе общества изъ помѣщиковъ, въ составъ котораго вошли бы всѣ лица, подписавшія декларацію, и которое тотчасъ по открытіи выбрало бы изъ своей среды комитетъ для выработки положенія о совершенномъ освобожденіи крестьянъ. По обсужденіи и одобреніи всѣми членами и лицами, подписавшими декларацію, проектъ положенія долженъ былъ быть представленъ министру внутреннихъ дѣлъ, который уже испросилъ бы на этотъ счетъ указанія императора. Заканчивая эту замѣчательную за-

---

*) „La Russie et les Russes", II, стр. 149.

**) „La Russie et les Russes", II, 150.

***) Гр. М. С. Воронцовъ, впослѣдствіи князь, генералъ-губернаторъ Новороссійскій, а потомъ намѣстникъ Кавказскій (въ 1815—1818 гг. онъ былъ начальникомъ русскаго корпуса, остававшагося во Франціи).

****) Меншиковъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ, повидимому, тотъ самый кн. А. С. Меншиковъ, который превратился впослѣдствіи въ рѣшительнаго защитника крѣпостныхъ порядковъ и такъ неудачно командовалъ арміей въ Крыму въ 1854—1855 гг. (Семевскій. „Крестьянскій вопросъ", I, 458).

писку, авторъ высказалъ государю, что послѣ столькихъ тріумфовъ и славы, пріобрѣтенной Россіей, становилось неотложнымъ стереть единственное пятно, которое оставалось на имени русскомъ.

«Гр. Воронцовъ сообщилъ эту бумагу нѣкоторымъ изъ своихъ родныхъ и друзей. Она была подписана съ готовностью гр. П(отоцкимъ) и г. В(асильчиковымъ), генералъ-адъютантами императора, гр. В(оронцовымъ)-Д(ашковымъ), тогда камергеромъ и дипломатомъ, княземъ В(яземскимъ), однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ писателей,—все людьми очень богатыми, владѣвшими, въ общемъ, болѣе 100.000 крѣпостныхъ. Мой братъ и я,—прибавляетъ Тургеневъ,—очень скромные помѣщики, также подписали эту записку».

«Гр. Воронцовъ взялся представить ее императору. Въ первый разъ, когда Александръ услыхалъ объ этомъ проектѣ эмансипаціи, онъ, казалось, былъ имъ очень доволенъ, выслушалъ благосклонно объясненія графа и сказалъ, что не видитъ препятствій къ осуществленію намѣреній лицъ, подписавшихъ декларацію.

«Авторы проекта, никогда не дѣлавшіе изъ него большого секрета, не думали, чтобы проектъ встрѣтилъ серьезную оппозицію; между тѣмъ какъ только одинъ изъ нихъ сообщилъ проектъ государю, нѣкоторыя лица забили тревогу и начали обычныя декламаціи противъ либераловъ и революціонеровъ. Одна придворная дама, между прочимъ извѣстная рѣзкостью своего языка, увидѣвъ между другими подписями подпись одного изъ своихъ зятьевъ, устроила ему сцену и бѣдный человѣкъ (кажется это былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ) поспѣшилъ взять свою подпись обратно. Бумага эта—заявляли другіе—могла бы еще пройти подъ покровомъ именъ гр. Воронцова, гр. Потоцкаго и др.; но имена якобинцевъ, такихъ, какъ Тургенева, не можетъ оставлять никакого сомнѣнія насчетъ революціонной цѣли этого предпріятія» *).

---

*) Годъ спустя послѣ этого предпріятія генералъ Бенкендорфъ (впослѣдствіи шефъ жендармовъ при императорѣ Николаѣ) писалъ въ своемъ донесеніи о тайныхъ обществахъ про Николая Тургенева, котораго онъ поставилъ на первомъ мѣстѣ въ спискѣ опасныхъ по его мнѣнію лицъ: „1. Николай Тургеневъ, который ни мало не скрываетъ своихъ правилъ, гордится званіемъ якобинца, грезитъ гильотиною и, не имѣя ничего святого, готовъ всѣмъ пожертвовать въ надеждѣ выиграть все при переворотѣ. Его то наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслей“... (Шильдеръ, н. с. IV, 212). Въ той же запискѣ Бенкендорфъ увѣряетъ, что члены тайныхъ обществъ возлагали большую надежду на гр. Воронцова, „на котораго дѣйствовали Тургеневы“. (Тамъ же, 210). Шильдеръ говоритъ, что записка Бенкендорфа очень не понравилась Александру и самъ Бенкендорфъ попалъ въ немилость, въ которой и находился до конца царствованія.

Впрочемъ, около того же времени попечитель московскаго университета Голенищевъ-Кутузовъ писалъ о Карамзинѣ, что сочиненія этого опаснаго для общества и правительства литератора исполнены „вольнодумскаго и якобинскаго яда“ (Ковалевскій. „Гр. Блудовъ и его время“. Стр. 115).

«Я не знаю,—продолжаетъ Тургеневъ,—повліялъ ли на настроеніе императора крикъ старухъ *); но вѣрно во всякомъ случаѣ, что при второмъ свиданіи съ Воронцовымъ государь высказалъ колебаніе. «Для чего вамъ соединяться? сказалъ онъ въ концѣ концовъ. Подписавшіе изъ разныхъ губерній; пусть же каждый работаетъ самъ для себя и представитъ свой отдѣльный проектъ министру внутреннихъ дѣлъ»...

«И эти ледяныя слова оказались достаточными, — пишетъ Тургеневъ, — чтобы заставить графа и другихъ подписавшихся отказаться отъ ихъ плана. Мнѣ говорили, что генералъ-адъютанты, подписавшіе декларацію, встрѣчали нѣкоторое время при дворѣ очень холодный пріемъ. Одинъ изъ нихъ даже оставилъ по этому поводу службу.

«Таковъ былъ исходъ,—заключаетъ свой разсказъ Тургеневъ,—этой попытки, наиболѣе важной и наиболѣе искренней изъ всѣхъ, какія предпринимались когда-либо для уничтоженія крѣпостного права».

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Князь Вяземскій разсказывалъ въ своей „Исповѣди". (Сочиненія, т. II, стр. 88), что главной причиной неудачи этого предпріятія былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, сперва подписавшій эту бумагу, а потомъ отказавшійся отъ своей подписи. Повидимому это у него была та строгая теща, о которой упоминаетъ Тургеневъ. Быть можетъ одной изъ причинъ неудачи были и интриги извѣстнаго Каразина, который желалъ принять участіе въ этомъ предпріятіи, но отъ котораго постарались отстраниться, такъ какъ онъ хотѣлъ примѣшать сюда другія весьма неблаговидныя цѣли. Объ этомъ срав. Семевскаго „Крестьянск. вопросъ въ Россіи", т. I, стр. 454 и слѣд. и Шильдера „Жизнь и царствованіе Александра I", IV, стр. 146.

ЗАРНИЦЫ.

Какъ душно и темно! Какъ все томится зноемъ!
Какъ бьется въ берегахъ чуть слышная рѣка!
И тщетно ждетъ земля съ прохладой и покоемъ
Опять привычныхъ ласкъ въ порывахъ вѣтерка.
Надъ нивою склонясь, колосья золотые
За ночь короткую остынуть не могли,
И яркіе цвѣты, печальные, нѣмые,
Съ мольбой безмолвною склонились до земли.
Какъ душно и темно! Томленью нѣтъ границы,—
Оно растетъ,—безжалостнѣй, сильнѣй...
Вдругъ вспыхнули вдали блестящія зарницы,
Прорѣзавъ мракъ снопомъ сіяющихъ лучей.
Еще одна... еще... горятъ во мракѣ ночи
Онѣ, какъ пламенныя очи,
Неотразимыя, зовущія къ себѣ.
И вѣрится,—придетъ покой, такъ долго жданный,
И снова мѣсто есть надеждѣ и борьбѣ,
И кажется, сейчасъ польется дождь желанный,
Чтобы землю пробудить въ сіяньи красоты,
Ужъ просыпаются цвѣты.
Но снова мракъ и зной... Угаснули зарницы
Съ надеждой лживою на счастье и покой.
Ползутъ, какъ призраки, свинцовыхъ тучъ станицы
Надъ имъ невѣрящей землей.

—

Въ тоскующей душѣ, какъ яркія зарницы,
Вдругъ вдохновеніе нежданное блеснетъ,
И въ прошломъ развернетъ забытыя страницы,
Надежду воскреситъ, обманетъ и замретъ.
И снова мракъ кругомъ, и ночь еще душнѣе,
Въ безсильи брошенъ вновь едва начатый трудъ,
Укоры совѣсти мучительнѣй, больнѣе,
Больнѣй пустыхъ людей несправедливый судъ.
Лишь сердце глупое въ смущеніи не знаетъ
Любить или проклинать ту руку, что зажгла
Небесный пламенникъ, который вдохновляетъ,
Съ кѣмъ борется трепещущая мгла.

Вл. Ладыженскій.

ПО АМЕРИКАНСКИ.

I.

— «Въ праздникъ, а также и въ долгіе зимніе вечера, любимое занятіе норвежца—чтеніе... Въ каждомъ поселкѣ есть книжная лавка... Въ самомъ немудрящемъ домишкѣ всегда можно найти газету...»

Шестнадцатилѣтній Семка читалъ не особенно складно, но громко, и слушатели были вполнѣ довольны. Его мать, женщина съ безкровнымъ и морщинистымъ лицомъ, протянувшись на кровати костлявымъ тѣломъ, машинально гладила рукою свѣтлорусую головку прижавшейся къ ней маленькой дѣвочки, внимательно смотрѣвшей въ ротъ Семки... Около печки сидѣлъ Захаръ Головешкинъ и, дымя длинной вертушкой, сплевывалъ въ уголъ.

У Головешкина прежде всего бросалась въ глаза густая шапка спутанныхъ грязнобурыхъ волосъ. Лицо его не сразу можно было найти: все оно заросло жесткими рыжими волосами, среди которыхъ уродливо торчалъ толстый облупившійся носъ. Низкій лобъ былъ изрѣзанъ глубокими кривыми морщинами; ихъ было такъ много, что казалось, если бы растянуть эту морщинистую кожу, то ея хватило бы на все лицо. Изъ-подъ сросшихся щетинистыхъ бровей выглядывали маленькіе слезящіеся глазки, пытливо устремленные на чтеца...

— Это, слышь, о комъ же написано-то, Семка?

— Про норвежцевъ...

«Гм... не слыхалъ што-то... подумалъ Головешкинъ.—Французовъ знаю, турокъ, нѣмцевъ... англичанъ тоже... А про этихъ не слыхалъ...»

— Какъ будто и правда!—недовѣрчиво откликнулась мать.

— Знамо, правда!—разсердился Семка, не любившій, чтобъ его прерывали.—Не сказку-жъ я вамъ читаю!

— А я думаю—враки все...

— Ну, брось ты...—остановилъ ее Головешкинъ.—А какъ государство-то называется?

— Я ужъ говорилъ—Норвегія...

— Норвегія... гм... А гдѣ это?

— Да вѣдь я ужъ читалъ вамъ!

Семка нетерпѣливо перевернулъ книжку и торопливо перечиталъ начальныя страницы, гдѣ пространно говорилось о безграничномъ морѣ, о высокихъ скалистыхъ горахъ, о водопадахъ и мрачныхъ ущельяхъ и т. д., а о мѣстонахожденіи Норвегіи предлагалось понимать изъ двухъ строчекъ: «Норвегія лежитъ рядомъ съ Швеціей и вмѣстѣ съ нею пріютилась на Скандинавскомъ полуостровѣ, по сосѣдству съ Россіей»...

— Видишь, рядомъ съ Россіей!—объяснилъ Семка.

— То-то, я говорю не слыхать было о такомъ государствѣ... Рядомъ, а не слыхать!.. Рази, слышь, новое какое...

Онъ подошелъ къ столу и, словно желая удостовѣриться собственными глазами, посмотрѣлъ въ книжечку, но ничего не увидалъ въ ней, кромѣ едва замѣтныхъ точечекъ...

На Головешкинѣ были надѣты теплые, ватные штаны. Отъ грязи и отъ заплатъ, нашивавшихся въ теченіе десяти лѣтъ на старыя заплаты, они сдѣлались тяжелы, и Головешкинъ ежеминутно поддергивалъ ихъ...

— А што за народъ живетъ тамъ?—спросила мать.

— Да вѣдь десять разъ сказалъ и прочиталъ—норвежцы!.. Вотъ и читай вамъ!

— Я слышала, что ты читалъ-то!... Спрашиваю я, къ какому племю они принадлежатъ: къ нѣмцамъ али французамъ?

— А я почемъ знаю...

— Къ шведамъ, надо быть,—вставилъ мужъ:—онъ, слышь, прочиталъ—рядомъ со шведами...

«Чудно!—подумалъ онъ про себя:—рядомъ живутъ, а не слышно было...»

Онъ протяжно зѣвнулъ, почесался, поддернулъ штаны и взглянулъ на торопливо тикавшіе часы.

— Пора собираться: шестой часъ ужъ!—молвилъ онъ, проходя въ кухню.—Ты, Марья, отрѣжь-ка хлѣбца...

— О-охо-хо... Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ!—заключила Марья свои размышленія по поводу прочитаннаго.—Пусти-ка, Сашутка, я хлѣба батькѣ отрѣжу...

Дѣвочка подвинулась и пропустила мать.

Головешкинъ одѣлъ по верхъ ситцевой рубахи грязную деревенскую, замѣнявшую ему блузу. Напяливъ лоснившійся полушубокъ и обмотавъ шею грязнымъ цвѣтнымъ шарфомъ, онъ ждалъ, пока жена завязывала въ платокъ хлѣбъ и соленые огурцы.

Сашутка лежала на кровати, подогнувъ чуть не къ головѣ ножонки, и выжидающе смотрѣла на брата.

— Сема!—тихонько позвала она.

Семка, нахмурившись, читалъ.

— А, Сема?..

— Ну? чего тебѣ?—буркнулъ братъ.

— Почитай, Сема!..

— Я читаю...

— Да! про себя-то читаешь... Ты вгулъ почитай!

Семка молчалъ.

— Сема, почита-ай!—тянула Сашутка.

— Да ну тебя!.. отстань!..

Семка любилъ читать вслухъ, если его слушали взрослые... Сегодня онъ былъ разобиженъ невнимательнымъ отношенiемъ: читалъ, читалъ, а они все спрашиваютъ—про кого, да про чтó говорится въ книжкѣ...

— Чего это Лизка-то такъ долго гуляетъ!—брезгливо замѣтилъ Головешкинъ, надѣвая рваную шапку съ ушами.—Давно ночь, а она шляется...

— Къ Орлихѣ, небось, ушла... Чего-жъ не погулять: сегодня праздникъ!

— Праздникъ! . Потакай имъ на свою шею... Праздникъ, такъ можно всю ночь гулять?

— Ну, кака еще ночь—шести часовъ нѣтъ!..

Но Головешкинъ не сталъ слушать и, хлопнувъ дверью, ушелъ.

Въ сущности онъ не на дочь сердился, а только на то, что другiе гуляютъ, онъ же долженъ идти работать. Для него бывалъ лишь одинъ праздникъ за весь годъ—Пасха, когда фабрика останавливалась на 10 дней: топка не прекращалась круглый годъ, и кочегары работали ежедневно въ двѣ смѣны—по шести часовъ каждая...

II.

Въ кочегаркѣ было темно. Обледенѣлыя стекла полукруглыхъ, устроенныхъ на уровнѣ земли, оконъ не хотѣли пропускать сюда дневного свѣта.

Противъ оконъ громоздились двѣ вымазанныя глиною печки, а за ними изъ полумрака вырисовывались большiе и маленькiе паровые котлы и трубы. Въ печахъ выло и трещало пламя, около котловъ шипѣлъ паръ, а за стѣною слышалось равномѣрное постукиванье и тяжелые вздохи центральной паровой машины. Откуда-то издали, словно изъ-подъ земли, доносилось глухое гудѣнiе фабричнаго корпуса...

За второю печкою, около большого парового котла, горѣлъ

газовый рожокъ, и его маленькій желтоватый огонекъ сиротливо колыхался въ окружающемъ сумракѣ...

— Ну, чай, такъ чай... будемъ пить!—благодушно бурчалъ Головешкинъ, ставя на ящикъ двѣ черныя глиняныя кружки.

Онъ пилъ изъ одного чайника съ Козыремъ, сухопарымъ и жилистымъ мужикомъ средняго роста, работавшимъ у одной съ нимъ печи.

Въ противоположность Головешкину, сморщенному и обросшему волосами до самыхъ глазъ, скуластое лицо Козыря было гладко и лишено растительности: только въ углахъ губъ торчали два жидкихъ клочка, да на подбородкѣ имѣлось съ десятокъ короткихъ толстыхъ волосинокъ. Бровей у него не было, а красные глаза безъ рѣсницъ смотрѣли на все прямо—не мигаючи.

Изъ другихъ кочегаровъ одинъ былъ высокій и широкоплечій, съ густою черною бородою, уже испещренной бѣлыми нитями, а другой совсѣмъ маленькій, съ маленькимъ сухонькимъ личикомъ, которое, казалось, всегда о чемъ-то умоляло, и съ длинными цѣпкими руками... Первый назывался Носовъ, второй—Сухановъ Носовъ былъ мраченъ и молчаливъ, Сухановъ же часто разговаривалъ самъ съ собою и почти всегда жалобнымъ голосомъ.

Каждый изъ нихъ пилъ изъ своего чайника, ибо Сухановъ говорилъ, что не можетъ пить такой крѣпкій чай, какой любилъ Носовъ.

— Сердце у меня скулитъ отъ него!—жаловался онъ.—Какъ выпью крѣпкаго, такъ и заскулитъ, и заноетъ...

Кочегары сидѣли въ простѣнкѣ, противъ печки, изъ поддувала которой на ихъ ноги падалъ красный дрожащій свѣтъ.

— Разбудить рази Петьку-то!.. Можетъ завтракать пойдетъ,— замѣтилъ Козырь, приглаживая клочки усовъ.

На утрамбованномъ земляномъ полу между печами спалъ, скорчившись, котельщикъ Лузга̀. Каждую «заработку» онъ приходилъ сюда отсыпаться съ похмелья.

— Эй, Петька!.. Пётра!..—толкнулъ его Козырь.—Вставай... завтракать ушли...

Лузга мычалъ и отмахивался.

— Вставай!..

— Мм... не хочу... рано...

Тогда подошелъ Сухановъ.

— Лузга, дилехторъ!!

Лузга моментально вскочилъ и, тряся головой, дико озирался по сторонамъ. Коротко остриженные волосы торчали на его головѣ, какъ щетина, грязное лицо съ уныло повисшими рыжими усами имѣло заспанное и испуганное выраженіе. Рваное, вывалянное въ землѣ пальто болталось на его худомъ тѣлѣ, какъ на палкѣ.

Лузга потянулся съ болѣзненнымъ стономъ и ухватился обѣими руками за голову.

— Што? Трещитъ?—участливо обратился къ нему Козырь.

Лузга безнадежно махнулъ рукою. Зубы его стучали.

— Сбѣгай «къ Дашѣ» опохмелись!

— Не дастъ!—хрипло отозвался Лузга.

— Почему такъ?

— Ругался съ ней вчерась...

— Ну, ничего... Съ пьянаго какой взыскъ!

— А сколько время-то теперича, братцы?

— Да ужъ девятый часъ... Слесаря давно пробѣжали...

— Пойду!—рѣшилъ Лузга и, пытаясь напялить на затылокъ жокейскую фуражку, невѣрными шагами засѣменилъ къ выходу...

— Охъ... ноженьки разломило!—пожаловался Сухановъ, присаживаясь опять къ чаю.

— Я говорилъ, попробуй настойку изъ шалфея!—упрекнулъ его Головешкинъ.—Думаешь, вру?

— Пробовалъ!—уныло отмахнулся тотъ.

— Ну... и что жъ?

— Да нѣтъ пользы!.. Пить-то противно... съ души воротитъ, а помощи нѣту...

— Коли противно, значитъ у тебя животъ не въ порядкѣ... А то ничего... я завсегда пью...

— А, по моему, нѣтъ лучше нашатырнаго спирту!—увѣренно вставилъ Козырь.—Тоже карасинъ съ солью хорошо... Протрешь, такъ будто огнемъ жгетъ!.. Здорово кровь разгоняетъ...

Всѣ они страдали ревматизмомъ, и каждый лѣчился по своему, кромѣ Суханова, который пробовалъ все, но ни на чемъ опредѣленномъ не могъ остановиться... Носовъ же совсѣмъ отрицалъ лѣченье: если ему становилось не въ моготу, онъ лишній разъ забѣгалъ «къ Дашѣ» и выпивалъ хорошій стаканъ...

— Должно быть, къ снѣгу!—рѣшилъ Сухановъ и успокоился. Какъ большинство рабочихъ, онъ не любилъ много говорить о своихъ болѣзняхъ.

— Да, любопытная книжка!—продолжалъ Головешкинъ начатый еще утромъ разговоръ.—Всѣ, слышь, хрестьяне грамотны... по праздникамъ книжки, газеты читаютъ...

— Ну, а живутъ-то какъ?—полюбопытствовалъ Козырь.

— И живутъ, слышь, ничего!.. Безъ нужды живутъ...

— Какъ, говоришь, государство-то называется?

— Да вотъ, слышь, забылъ!.. Марлегія... Мажеребія... какъ-то такъ... Изъ памяти вонъ! Рядомъ со шведами, слышь...

— За Питеромъ, значитъ,—вставилъ Сухановъ своимъ жалобнымъ голоскомъ.

— Гдѣ-жъ за Питеромъ! Што ты, Илья Иванычъ!—укоряюще возразилъ Козырь, ставя кружку съ чаемъ.—За Питеромъ чухны живутъ—это всякій знаетъ...

— Такъ что-жъ! Чухны подъ Питеромъ, а шведы съ энтими, значитъ, дальше... за моремъ... Вѣдь Питеръ-то у шведовъ отняли при Петрѣ!

— За моремъ—это такъ, а не за Питеромъ...

— Все-таки въ той же сторонѣ!—жалобно настаивалъ Сухановъ.

— Это вѣрно!.. Про море тамъ, слышь, сказано... про горы тожъ!—подтвердилъ, прожовывая хлѣбъ, Головешкинъ.

— А то приносилъ какъ-то Семка книжку про американцевъ!—помолчавъ, продолжалъ онъ.—Тоже любопытно... про рабочихъ тамъ разсказывается...

— Ты ужъ говорилъ...

— Рази говорилъ?.. Про рабочихъ-то тамъ хорошо описано... Ни одинъ рабочій, слышь, не можетъ жить безъ кофею и безъ газеты!

— Привыкли...

— Встаетъ, слышь, утромъ, и сейчасъ это ему стаканъ кофею съ молокомъ подаютъ... и «Вѣдомости» передъ нимъ лежатъ!.. прочитаетъ, слышь, а потомъ на работу...

— Стало быть, достатокъ дозволяетъ... да и время есть!..

— Грамота — великая вещь!—глубокомысленно заявилъ Сухановъ.

— Грамота—все!—неожиданно горячо подхватилъ мрачный Носовъ. Голосъ у него былъ густой, какъ труба.

— Кабы мнѣ грамота, я, можетъ, и до сихъ поръ служилъ бы на желѣзной дорогѣ!—прибавилъ онъ.

— Да, безъ грамоты ноньче, какъ безъ глазъ!—согласился и Козырь.—Хотѣлось мнѣ, чтобъ Васька городское училище кончилъ... да нѣтъ—хребетъ не вытерпитъ!.. А надыть бы поучиться ему...

— А я вотъ и не знаю, отдать свою Сашку али нѣтъ?—задумался Головешкинъ.

— Ну, дѣвчонка-то наплевать!.. На што ей грамота: баба и безъ ней проживетъ...

— Знамо, бабѣ грамота, што курицѣ хохолъ...

Головешкинъ завязалъ остатки хлѣба и сахаръ и, убравъ все въ ящикъ, оглянулся на печь.

— Пора, слышь, шуровать!—кивнулъ онъ Козырю.

Длинной кочергою онъ открылъ чугунныя заслонки. Красное пламя ярко освѣтило кочегарку, а тяжелый сумракъ торопливо попрятался въ дальніе углы и подъ крышу, гдѣ едва вырисовывались почернѣвшія стропила.

Козырь поспѣшно допилъ кружку и присоединился къ Головешкину.

Одинъ справа, другой слѣва—они быстро подхватывали толстыя сучковатыя полѣнья и швыряли ихъ въ широко разверстую пасть. Громадное чудовище шипѣло и трещало и, обдавая кочегаровъ ѣдкимъ, злымъ полымемъ, обжигало лицо и руки. Но работавшіе не обращали вниманія и молчаливо, сосредоточено наклонялись, разгибались и взмахивали руками. Слышались только короткіе вздохи, похожіе на кряканье: «ух... ух... ух...»

Въ длинныхъ грязныхъ рубахахъ, съ напряженными, почти звѣрскими лицами, ярко освѣщенные кровавымъ пламенемъ, кочегары казались какими-то подземными духами, справлявшими адскую работу...

— Буде!—остановилъ Козырь и, взявъ тяжелую кочергу, сталъ ровнять дрова въ печи.

Головешкинъ глубоко вздохнулъ, поправилъ спутавшіеся волосы и погладилъ обнаженныя до локтей узловатыя руки: кожа на нихъ была сухая и потрескавшаяся отъ ужаснаго жара...

— Эй, земляки, отворяйте!—послышался стукъ въ окно.

Головешкинъ взобрался на ящикъ, а съ него на дрова и, откинувъ щеколду, растворилъ раму. Вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ въ кочегарку ворвались волны морознаго воздуха и, окутавъ Головешкина клубами бѣлаго пара, пронизали его до костей.

Когда паръ немного разсѣялся, за окномъ сталъ видѣнъ большой возъ дровъ; около него стоялъ мужикъ съ сосульками на усахъ и бородѣ и съ обвязанными платкомъ ушами. Поддѣвая крючкомъ полѣнья, мужикъ сбрасывалъ ихъ внизъ въ кочегарку.

— Петруха!—позвалъ его Головешкинъ:—иди, слышь, погрѣйся... покури!..

— Покуришь тутъ!—сердито отозвался возчикъ.—Вонъ, чортъ пузатый такъ и смотритъ, какъ бы прицѣпиться!..

— Недавно курилъ!—спокойно добавилъ онъ, отъѣзжая.

Подкатилъ второй возъ.

Сухановъ съ Носовымъ стали шуровать свою печь. Носовъ работалъ, какъ автоматъ, ни мало не смущаясь нестерпимымъ жаромъ, Сухановъ же, бросивъ полѣно, отдергивалъ руки и пожимался... Изъ открытаго окна въ спину ему дулъ ледяной вѣтеръ...

Въ кочегаркѣ становилось холоднѣе.

— Поскорѣй, поскорѣй бросай!—торопилъ Головешкинъ возчика, укладывая дрова.—Вишь, холодина какая несетъ!

— Ну, холодно... Привыкли, какъ кроты, въ ямѣ сидѣть... А мы вотъ весь день на морозѣ!

— Это ничего што на морозѣ: по крайности ровно... А тутъ съ одного боку Петровки, а съ другого Рожество!..

III.

Изъ машиннаго отдѣленія, въ противоположной стѣнѣ, открылась дверь, и въ кочегарку вошли, разговаривая, директоръ съ механикомъ.

Директоръ былъ молодой, высокаго роста, съ большими карими глазами и выхоленными черными усами, рѣзко оттѣнявшими блѣдность его лица. На немъ красиво сидѣла коротенькая визитка и ярко бѣлѣлъ стоячій воротничокъ надъ цвѣтнымъ галстухомъ... Механикъ былъ ниже его почти на голову. Его сѣрый пиджакъ замаслился на локтяхъ и у кармановъ, а отложной воротничокъ былъ грязенъ и измятъ.

— Во всякомъ случаѣ, можно попробовать!—говорилъ директоръ, взбивая усы.—И я не понимаю, Павелъ Павловичъ, что вы имѣете противъ этого?

Механикъ усмѣхнулся и погладилъ сѣдѣющую бороду.

— Рѣшительно, ничего! Мое дѣло назначить сюда еще четверыхъ и... я, конечно назначу...

Кочегары поклонились. Директоръ кивнулъ головой, а механикъ дотронулся до шапки.

— Какъ дѣла?—спросилъ онъ, не обращаясь ни къ одному.

— Ничего, Палъ Павлычъ!.. Вотъ только дрова сыроваты што-то стали подвозить...

— Опять, должно быть, у литейной берутъ! Говорилъ приказчику, чтобы отъ больницы возили!.. Ничего не видитъ...

Механикъ выругался и отшвырнулъ ногою валявшуюся щепку.

— А что, Лузга опять пьяный пришелъ?

— Не замѣтили, Палъ Павлычъ... Кажись, нѣтъ!..

Директоръ прошелся вдоль и поперекъ кочегарки и остановился около печей.

— Вотъ что...—обратился онъ къ рабочимъ, вскидывая пенснэ на носъ и нахмурился.

Кочегары выжидательно вытянули головы: директоръ очень рѣдко разговаривалъ съ ними. Механикъ отошелъ въ сторону. Директоръ искоса взглянулъ на него и продолжалъ болѣе рѣшительно:

— Вотъ что, братцы: теперь требуютъ, чтобы работающіе при паровыхъ машинахъ и котлахъ были грамотны... Вы хотя и не имѣете непосредственнаго отношенія къ котламъ, но... все-таки... Вы вотъ, вмѣсто того, чтобы справляться съ манометромъ, топите, какъ Богъ на душу положитъ... А этого нельзя!.. Я знаю, вы хорошіе рабочіе, работаете давно... и увольнять васъ мнѣ не хотѣлось бы...

Онъ остановился, вынулъ платокъ и высморкался. Въ кочегаркѣ пролетѣлъ нѣжный запахъ духовъ и торопливо исчезъ, словно испугавшись, что попалъ въ такое мѣсто.

Кочегары съ напряженными физіономіями недоумѣвающе ожидали: они поняли только, что директоръ недоволенъ ими и грозится разсчитать.

— Вѣдь вы всѣ неграмотные?—быстро спросилъ директоръ.

— Неграмотны, Аркадій Андреичъ... всѣ!—уныло откликнулись кочегары.

— Я вотъ цыфирь малость знаю... такъ, самую малость!—прибавилъ Головешкинъ.

— Гм... цыфирь...—уставился на него директоръ.—Вѣдь ни одинъ изъ васъ не понимаетъ значенія манометра... вотъ этой штуки!—кивнулъ онъ на блистѣвшій у передняго котла приборъ.—А между тѣмъ...

— Это градусникъ-то?—обрадовался Головешкинъ.—Чего тутъ не знать, Аркадій Андреичъ! Мы хорошо знаемъ...

Поддергивая штаны, онъ подбѣжалъ къ манометру.

— Вотъ, коли стрѣлка зайдетъ сюды, значитъ шуровать надыть... А коли сюды перевалится, значитъ...

Механикъ юмористически-одобрительно улыбался.

— Хорошо, хорошо!—прервалъ директоръ, брезгливо морщась.—Дѣло не въ этомъ... Нужно, чтобы вы были грамотные... Я вотъ что придумалъ. Вы походите эту зиму въ воскресную школу и немножко поучитесь... Хотя читать... Я ужъ говорилъ съ учительницами,—онѣ согласны заниматься съ вами два раза въ недѣлю... по вечерамъ... Чтобы у васъ не отнимать время отдыха, мы поставимъ сюда другихъ работать эти часы...

Кочегары стояли пораженные: они меньше бы удивились, если бы ихъ заставили въ чехарду играть или сейчасъ же прогнали бы съ работы...

— Развѣ самимъ вамъ не хотѣлось бы быть грамотными?—не дождавшись отъ нихъ ни звука, задалъ вопросъ директоръ.—Вѣдь вы учите же своихъ дѣтей, слѣдовательно, признаете пользу грамотности!

— Знамо, грамота... хорошо...

— Само собой...

— Полезно... конешно...—раздались безнадежно-унылыя одобренія.

Одинъ Носовъ молчалъ и, мрачно нахмурясь, почесывалъ подъ мышками.

— Ну, вотъ и отлично,—похвалилъ директоръ.—Вы отправляйтесь завтра, къ четыремъ часамъ, а на работу выходите въ восемь... А тамъ учительница скажетъ, когда приходить... Школа-

то воскресная на Московской улицѣ... рядомъ съ прогимназіей... Впрочемъ, вы, вѣроятно, знаете!—торопливо добавилъ онъ и хотѣлъ уходить.

— Аркадій Андреичъ!—умоляюще обратился къ нему Головешкинъ.

— Ну?

— Я ужъ двадцать пять годовъ тутъ работаю... Справлялся безъ грамоты... нельзя ли...

Директоръ нетерпѣливо повернулся.

— Да вѣдь я ужъ сказалъ, что отъ насъ этого требуютъ!.. И неужели вамъ трудно провести часа два-три въ школѣ?.. Расходовъ у васъ не будетъ: вамъ дадутъ и книжки, и все, что нужно...

— Стыдно, Аркадій Андреичъ: не мальчишки мы!—пояснилъ Козырь.

— Стыдно!? Учиться стыдно, а неграмотными быть не стыдно?!

Директоръ забѣгалъ по кочегаркѣ, свирѣпо крутя усы. Потомъ круто повернулся и побѣжалъ вонъ. Механикъ неторопливо пошелъ за нимъ, усмѣхаясь себѣ въ бороду.

Нѣкоторое время кочегары растерянно молчали.

— Што такое, Боже ты мой!—воскликнулъ Головешкинъ.— Двадцать пять годовъ работалъ... всѣ жилы, слышь, повытянулъ, а теперича учить будутъ!..

— Расчитать хочетъ... предлогъ изыскиваетъ!—сдѣлалъ догадку Козырь.

— Да коли расчитать, такъ ты и расчитай, какъ слѣдуетъ... По-человѣчески!.. А чего надсмѣхаться-то?..

— Съ ума сошелъ, чортъ глазастый!—буркнулъ Носовъ, крутя цыгарку.

— Придется подыскивать работу!—жалобно качалъ головою Сухановъ.—А куды теперя пойдешь... зимой-то!..

— Куды пойдешь...

— Нѣтъ, надобно съ Павелъ Павлычемъ поговорить! Такъ нельзя...

IV.

Въ большой высокой комнатѣ, заставленной длинными столами и скамейками, находилось четыре человѣка. Свѣтъ стѣнной лампы ложился на нѣсколько столовъ, около входа, а въ глубинѣ былъ полумракъ, и тамъ, въ чуть пріоткрытую дверь, виднѣлась еще комната—совсѣмъ темная.

Головешкинъ стоялъ у окна и, тяжко вздыхая, смотрѣлъ на освѣщенныя окна противоположнаго дома. Козырь ходилъ по комнатѣ, оглядываясь на мокрые слѣды отъ своихъ валенокъ, оста-

навливался около черной выпачканной мѣломъ доски, около столовъ, ощупывалъ ихъ рукою и, наклоняясь, заглядывалъ подъ ихъ крышки. Сухановъ сосредоточенно разсматривалъ цвѣтную карту на стѣнѣ и шепталъ что-то про себя. Носовъ сидѣлъ у стола и, какъ всегда мрачный, вертѣлъ «цыгарку».

Со времени прихода сюда они ни словомъ не перемолвились другъ съ другомъ...

Въ сосѣдней комнатѣ, рядомъ съ передней, слышались мелкіе шаги и шелестъ бумаги.

Носовъ черкнулъ сѣрную спичку и закурилъ.

— Здравствуйте, господа!—раздался молодой звонкій голосъ и весело прокатился по пустымъ комнатамъ.

Въ отвѣтъ послышалось нестройное гудѣніе и глухо замерло въ темныхъ углахъ.

— Почему вы не раздѣнетесь?.. Вѣдь здѣсь тепло... Ахъ, слушайте,—увидала она дымящаго Носова,—курить здѣсь нельзя!.. Вы если хотите покурить, то выходите на лѣстницу... Фу, какъ надымили махоркой!—она подбѣжала къ темной комнатѣ и широко распахнула двери.

Смущенный Носовъ про себя бормоталъ что-то и усердно затаптывалъ ногою «цыгарку». Всѣ торопливо раздѣлись, но не знали, что дѣлать съ платьемъ: одинъ положилъ на столъ, другой на окно, третій на полъ. Потомъ, словно сговорясь, понесли въ уголъ и бросили въ одну кучу.

— Нѣтъ, господа, зачѣмъ на полъ: у насъ есть вѣшалки... вотъ здѣсь, въ передней!—учительница указала имъ, куда повѣсить.

Торопясь и сталкиваясь другъ съ другомъ, они забрали одежду и понесли ее въ переднюю...

Головешкинъ съ Сухановымъ оказались въ поношенныхъ пиджакахъ, а Козырь въ чистой ситцевой рубахѣ. Волосы ихъ были немножко причесаны. Носовъ пришелъ въ грязной рабочей рубахѣ, а голова его, казалось, была еще больше всклочена.

Учительница смотрѣла на нихъ, высоко поднявъ брови, словно она ожидала встрѣтить ихъ не такими... А они исподлобья, съ дѣтскимъ любопытствомъ, приглядывались къ ней.

Она была тоненькая и худая, ниже средняго роста, съ черными глазами и смуглымъ лицомъ. На ней была черная юбка, голубенькая кофточка и широкій кожаный кушакъ.

— Ну-съ, господа, будемъ учиться... Но прежде я должна записать васъ!

Она раскрыла школьный журналъ и стала по очереди вписывать ихъ, что заняло минутъ десять. Нѣкоторое затрудненіе встрѣтилось только при опредѣленіи возраста Головешкина, который говорилъ, что ему «можетъ 45, а можетъ и болѣ»...

— Это вашъ сынъ ходитъ сюда въ воскресную школу?

— Семка-то?.. Мой...

— Очень способный мальчикъ!

— Ничего... сорванецъ, хоть куды...

— Вотъ вамъ по тетради, по азбукѣ и по карандашу!.. Въ тетрадяхъ вы будете писать, а по азбукѣ повторять дома, что пройдемъ здѣсь...

— Барышня! — просительно заговорилъ Козырь: — нельзя-ль насъ поскорѣй обучить-то... поменьше бы: на што намъ много-то знать! Одна склока...

— По меньше!—усмѣхнулась она.—Но я и не собираюсь многому учить васъ!.. Мы поучимся пока читать и... немножко писать...

— Вотъ спасибо, барышня!

— Меня зовутъ Марьей Васильевной... А относительно скорости, такъ это отъ васъ будетъ зависѣть: старайтесь, и скорѣе выучитесь!..

— Да ужъ мы-то постараемся!.. Што подѣлаешь... все лучше чѣмъ расчетъ брать...

Учительница удивленно обернулась къ говорившему.

— Развѣ хотятъ увольнять васъ изъ-за этого?.. Я что-то не слыхала...

— Эхъ, што ужъ говорить-то!—съ отчаяніемъ махнулъ рукою Головешкинъ. — Двадцать пять годовъ, слышь, работалъ... можно сказать, всѣ соки выпарила изъ меня печка... И былъ хорошъ!.. А теперь, на-т-ко, за азбуку садись подъ старость... Печку топить—грамота понадобилась!—криво усмѣхнулся онъ.

Остальные уныло вздыхали. Учительница недоумѣвала.

— Я, господа, ничего этого не знаю: Аркадій Андреевичъ просилъ меня заняться съ вами, и я согласилась... Впрочемъ, я еще поговорю съ нимъ... А пока, такъ какъ вы все равно пришли, начнемъ заниматься... Ну, усаживайтесь вотъ хоть за этотъ столъ... здѣсь свѣтлѣе...

Она взяла съ окна ящикъ съ буквами и поставила на сосѣдній столъ.

— Вотъ, господа... Говоримъ мы звуками, а на бумагѣ эти звуки изображаются особыми значками, которые называются буквами... Каждый звукъ имѣетъ свой значокъ... или букву... Такъ, напримѣръ, если я скажу «а», это будетъ звукъ, а если изображу этотъ звукъ значкомъ,—она написала на доскѣ «а», — то это будетъ буква... Впрочемъ, вы все равно не запомните!—какъ бы про себя, скороговоркой прибавила она.

Кочегары смотрѣли на нее, полуоткрывъ рты, и напряженно слѣдили за каждымъ ея движеніемъ.

— Звукъ «а» изображается вотъ такимъ значкомъ—буквой!— она подняла двухвершковую букву и нѣсколько секундъ держала ее, оглядывая сидящихъ.

— Видите! двѣ палочки такъ, а третья поперекъ... Такъ запомните, что это «а»! . Ну, скажите «а»!

— А!.. а!.. а!..—раздалось нѣчто въ родѣ карканья и гулко отозвалось въ темнотѣ сосѣдней комнаты.

Учительница вздрогнула и, подойдя къ двери, притворила ее.

— Ну, такъ, какъ же это произносится?

— Звукъ...

— Не... значокъ, слышь...

— Да, это значокъ, или буква... А произносится-то какъ?

Слышно тяжелое пыхтѣнье.

— «А»!.. Запомните же—«а»!.. Я вотъ сюда поставлю... а вы присмотритесь хорошенько и запомните...

— А теперь раскроемъ книжки... вотъ такъ—на первой страницѣ... и укажите мнѣ здѣсь букву «а»!

Головешкинъ смотрѣлъ въ азбуку и ничего не видалъ: буквы здѣсь были какія-то маленькія и всѣ сливались въ одно...

— А вы?—подошла учительница къ Суханову.

Тотъ наудачу ткнулъ пальцемъ.

— Нѣтъ, это не то... Вы посмотрите хорошенько на эту букву!—указала она на противоположный столъ.—Видите, двѣ палочки идутъ сверху внизъ, а третья поперекъ ихъ...

— Ну, вы найдите «а»!—подошла она къ Носову.

Но тотъ занимался разсматриваніемъ картинки и не слыхалъ, что говорила учительница.

Послѣ продолжительныхъ, но тщетныхъ поисковъ буквы «а», учительница сказала:

— Ну, ничего... когда привыкнете, будете скорѣе находить...

И показала другую букву—«у», заставляя произносить соотвѣтствующій звукъ... Потомъ стала учить сливать звукъ «а» со звукомъ «у». Долго билась она, но въ результатѣ получался лишь какой-то дикій вой! ууу... а... ууу...

Провозившись около часу, она вышла въ «учительскую».

Кочегары сидѣли смущенные, избѣгая смотрѣть другъ на друга. Головешкинъ вытеръ рукавомъ мокрый лобъ, во время работы ему никогда не приходилось такъ потѣть.

— Давайте пока учиться карандашомъ владѣть!—предложила вернувшаяся черезъ нѣсколько минутъ учительница.

Она остановилась, повела носомъ, сморщилась и, быстро пройдя въ сосѣднюю комнату, открыла тамъ форточку.

— Карандашъ нужно держать такъ...—показывала она,—а сидѣть такъ...

Головешкинъ взялъ въ правую руку, похожую скорѣе на лапу крупнаго животнаго, чѣмъ на руку, карандашъ, но, какъ ни прилаживалъ его лѣвою, карандашъ не держался и плясалъ.

Учительница взяла тетрадь.

— Вотъ, видите, здѣсь клѣточки... Вотъ по этимъ клѣточкамъ мы и будемъ... отъ черты до черты... сверху внизъ писать палочки... Это пока... Вотъ смотрите!

Она провела нѣсколько черточекъ.

— Теперь вы!—обратилась она къ Головешкину.

Карандашъ въ рукѣ Головешкина долго плясалъ и вдругъ сдѣлалъ какой-то зигзагъ черезъ всю тетрадь.

— Давайте, я покажу вамъ!

Она наклонилась къ Головешкину и попробовала взять своей бѣленькой ручкой его лапу, но это ей не удалось. Тогда она взяла обѣими руками. Ея ладони ощутили что-то жесткое и шаршавое, какъ отлитый, но не отдѣланный чугунъ.

— Вотъ такъ... сверху внизъ...—усиливалась она дать направленіе рукѣ Головешкина.—Надо нажимать!

Головешкинъ нажалъ—карандашъ хрустнулъ. У другихъ тоже послышался трескъ карандашей.

— Вы очень сильно... нужно чуть-чуть нажимать!

Головешкинъ сокрушенно вздохнулъ. Учительница невольно отшатнулась: на нее пахнуло сивухой...

— Непривышны, знаете...—смущенно оправдывался Головешкинъ.—Все болѣ съ полѣномъ... а энто тонко ужъ очень...

— Ну, не полѣномъ же писать!—довольно сердито замѣтила учительница, зачинивая карандаши.

Она стала показывать другимъ, отъ всѣхъ пахло водкой. Она не знала, что каждый изъ нихъ передъ школой зашелъ «къ Дашѣ», чтобы хватить «для храбрости»...

Черезъ нѣкоторое время она сказала:

— Какія, однако, у васъ руки... Вы моете ихъ когда-нибудь?

— Какъ же можно—не мыть!—усмѣхнулся Козырь.

— Што мы нехристи—штоль!—возмутился даже Носовъ.

— Это, барышня, така работа!—объяснилъ Головешкинъ.—Впитывается, слышь... и ножомъ не отскоблишь...

— У васъ очень тяжелая работа?

— Ничего... справляемся!.. Вотъ только грамота теперича...

Учительница вынула изъ-за пояса маленькіе часики.

— Вы бы отпустили насъ, барышня!—взмолились кочегары.—Чай, скоро ужъ на работу...

— Хорошо...—устало согласилась она.—Приходите въ пятницу... въ это же время... Если, конечно, будете учиться!..

— Какъ не учитцы!.. Хошь не хошь, а учись...

Кочегары торопливо одѣвались.

— А это вы возьмите съ собой!—показала учительница на тетради и азбуки.—И каждый разъ приносите сюда...

V.

Плохо давалась грамота Головешкину и его товарищамъ. Къ тому же и занятія-то ихъ ограничивались почти одной школой! Дома учиться они стыдились.

Головешкинъ пользовался каждымъ случаемъ, когда никого не оставалось дома, что, впрочемъ, бывало очень рѣдко. Часто онъ притворялся спящимъ, и когда всѣ уходили, вскакивалъ съ постели и, вытащивъ изъ кармана азбуку, упорно всматривался слезящимися глазками въ буквы и безсмысленно тянулъ: аауу... ураа... А какъ только слышался стукъ въ ворота, онъ моментально убиралъ азбуку и закрывался съ головой...

Онъ лишился сна и аппетита. Иногда, съ просонокъ онъ кричалъ дикимъ голосомъ: ауу!.. и прибавлялъ къ этому крѣпкое словечко. Жена вздыхала и крестилась. Всѣ домашніе обходили этотъ вопросъ молчаніемъ и уже рѣдко заставляли Семку почитать вслухъ, да и то тогда только, когда самого Головешкина не было дома .. На сына Головешкинъ сталъ частенько покрикивать: чего, дескать, все за книжкой торчишь, шелъ бы хоть снѣгъ подмелъ. .

Въ кочегаркѣ воцарилось уныніе. Уже не слышалось благодушныхъ разсказовъ Головешкина о томъ, «какъ другіе народы живутъ», да и ни о чемъ не разговаривали, а старались обходиться односложными замѣчаніями... Носовъ дѣлался все мрачнѣе и чаще приходилъ на работу «зарядивши»... Сухановъ намекалъ, что хочетъ проситься въ возчики, но говорилъ объ этомъ такъ жалобно и неувѣренно, что его словамъ никто не придавалъ серьезнаго значенія.

Ихъ смѣнщики первое время стали было подтрунивать надъ «учениками», но скоро замолчали: директоръ и ихъ послалъ въ школу, и они такъ же страдали, какъ и первые...

Къ довершенію, всѣ рабочіе узнали объ ученьи кочегаровъ и при всякомъ удобномъ случаѣ смѣялись надъ ними и дразнили ихъ. Но больше всего донималъ ихъ котельный мальчишка Слизень.

Слизню шелъ семнадцатый годъ, но по виду ему нельзя было дать больше одиннадцати. Шестилѣтнимъ взяли его въ «ученики» въ котельную. И хотя на клинообразной гладко остриженной головѣ и на тѣлѣ Слизня было много доказательствъ усерднаго ученья, но онъ до сихъ поръ оставался «мальчикомъ», ибо по тѣлосложенію своему и по гибкости незамѣнимъ былъ для лазанья въ самыхъ узкихъ котлахъ и трубахъ. Отъ долговременнаго пре-

быванія во внутренностяхъ котловъ кожа на его лицѣ и рукахъ приняла цвѣтъ накипи...

На Головешкина Слизень имѣлъ «зубъ»: тотъ часто издѣвался надъ его малорослостью, проводя нелестное сравненіе между худымъ деревомъ, растущимъ въ сукъ и въ сторону, и худымъ человѣкомъ...

Когда котельщики собирались въ кочегаркѣ, Слизень усаживался гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и, наклонивъ черную обезьянью рожу съ большими оттянутыми напередъ ушами, ехидно замѣчалъ Головешкину:

— А ты бы, Захаръ Семенычъ, прочиталъ намъ что-нибудь!.. Напримѣръ, про мериканцевъ..

И если это не производило желаннаго впечатлѣнія, начиналъ разсказывать о томъ, какъ въ прошлый урокъ учительница поставила Головешкина на колѣни и велѣла ему цѣлыхъ два часа тянуть «ау»...

— Стоитъ это бѣдный Захаръ Семенычъ на колѣнкахъ и жалостно таково поетъ: «аауу... аауу...»

— Я-а те дамъ, слизь проклятая!—грозился Головешкинъ.

Его товарищи угрюмо молчали.

— А ну-ка, какъ по-мерикански-то!.. Ну-ка, Слизень!—поощряли котельщики.

— А! это когда онъ газеты будетъ читать?—оживленно вскакивалъ Слизень. — Просыпается Захаръ Семенычъ и кричитъ: «Марья, кофею давай!...» Марья торопится, труситъ, какъ разбитая кляча, и сейчасъ подаетъ на подносѣ стаканъ кофею со сливками... Захаръ Семенычъ беретъ газетину и надѣваетъ очки: «посмотримъ, што, слышь, пишутъ про Бѣлую Арапію!...»

Слизень изображалъ все это въ лицахъ. Котельщики, надрываясь, хохотали. Головешкинъ схватывалъ полѣно и пускалъ имъ въ удиравшаго насмѣшника: эти невинныя шутки изводили его больше самого ученья...

Послѣ шестого или седьмого урока, на которомъ кочегары еще продолжали тщетные поиски слова «ау», Носовъ запьянствовалъ и не вышелъ на работу.

Зайдя передъ смѣной «къ Дашѣ», Головешкинъ увидалъ тамъ такую картину:

Пьяный и растрепанный, безъ пальто и безъ шапки, Носовъ порывался куда-то и мрачно гудѣлъ:

— Пусти!.. Я имъ въ морду дамъ!

А передъ нимъ стоялъ Сухановъ и, то прижимая къ груди длинныя цѣпкія руки, то хватая Носова за рубаху, пошатываясь, жалобно уговаривалъ:

— Нельзя, Вась!.. голубчикъ... нельзя!.. Въ морду онъ не пойметъ... разъяснить надыть...

Въ углу сидѣли два оборванца и, смѣясь, подзадоривали Носова.

— Пойме-етъ!—хохоталъ одинъ.

— Вали, Носовъ: въ морду—это первое!..

— Разъяснить надоть!—твердилъ Сухановъ.—Мы, молъ, Аркадій Андреичъ, старые люди... мохомъ обросли... песокъ сыплется и грамота не удержится... Намъ, молъ, не грамота надобна, а теплая печка... Вотъ!.. Онъ пойметъ, а въ морду не пойметъ...

Въ низкомъ темномъ кабакѣ было парно и накурено. За грязной стойкой стояла толстая съ широкимъ краснымъ лицомъ кабатчица Даша, а за нею виднѣлись полки съ рядами бутылокъ...

Головешкинъ подошелъ и молча указалъ на одинъ зеленоватый стаканчикъ. Даша нацѣдила изъ почернѣвшаго бочонка.

— Загуляли ваши-то!—густо пустила она, кивнувъ на кочегаровъ.

Головешкинъ покачалъ головою и, проглотивъ ѣдкую влагу, отплюнулся. Онъ хотѣлъ уходить, но его увидалъ Сухановъ и полѣзъ къ нему съ объятіями.

— Захаръ Семенычъ!.. голубчикъ... ты куды?—жалобно затянулъ онъ.—Неужто буки-вѣди разыскивать?.. Плюнь, голубчикъ... выпьемъ!.. Вотъ и Вася здѣсь... Вась! Захаръ Семенычъ пришелъ!..

— Въ морду!—кратко отозвался сидѣвшій на скамейкѣ Носовъ.

— На работу пора!—пытался освободиться отъ Суханова Головешкинъ.

— На работу!--всплеснулъ руками Сухановъ.—Плюнь, голубчикъ... Кака теперича работа!.. теперича прямо—ложись да помирай... Выпьемъ, Захаръ Семенычъ!.. Мы съ Васей къ дилектору идемъ... разъяснить... Онъ говоритъ—въ морду, а я говорю—нѣ-ѣтъ... спервоначалу надыть разъяснить...

Скоро они сидѣли вокругъ бутылки, и Сухановъ съ Головешкинымъ горячо разсуждали...

— А? Дарья Харитоновна!—кричалъ Головешкинъ, поддергивая штаны и подбѣгая къ стойкѣ.—Двадцать-пять годовъ, слышь, работалъ... а теперича учить надумали!.. Какъ мальчишку... Ты бы, слышь, прежде училъ!..

— Это вѣрно!--соглашалась кабатчица.—Какъ говоритцы, ровняй дерево смолоду, а подъ старость поздо ровнять...

— Двадцать пять годовъ...

— Полно, голубчикъ!—утѣшалъ его Сухановъ.—Не тревожь серце... плюнь!.. выпьемъ...

Корридорный сторожъ не замѣтилъ, какъ кочегары прошли въ контору. Носовъ остановился около двери и, опустивъ голову на грудь и громко икая, прислонился къ стѣнѣ. А Головешкинъ съ Сухановымъ колеблющимися шагами, лавируя, прошли мимо удивленныхъ конторщиковъ прямо къ директорскому столу.

— Эт-то что такое!—изумленно воскликнулъ директоръ, вскидывая пенснэ на носъ.

— Это мы... насчетъ... слышь, грамоты...

— Аркадій Андреичъ!.. милый человѣкъ!..—жалобно закатился Сухановъ.—Мы разъяснить... дозволь...

— Двадцать пять... годовъ,—бормоталъ въ то же время Головешкинъ.—А што градусникъ-то... такъ это намъ — тьфу! — онъ энергично плюнулъ вправо—на ноги бухгалтеру.

— Эй, сторожъ!.. Кто ихъ пустилъ?.. Позовите сторожа!—кричалъ весь красный директоръ.

Вбѣжалъ сторожъ и развелъ руками.

— Ты зачѣмъ пьяныхъ пускаешь?!.. Гони ихъ вонъ! въ шею!

Съ большимъ трудомъ, при помощи конторщиковъ, удалось сторожу вывести кочегаровъ.

— Разъяснить!..—жалобно твердилъ Сухановъ.

— Пошелъ! пошелъ!—ругался сторожъ:—ужо тебѣ разъяснятъ... Ахъ, черти полосатые!.. Ахъ, Боже ты мой!..

Въ контору вошелъ механикъ и, уловивъ негодующій взглядъ директора, пожалъ плечами.

— Скажите имъ завтра, чтобъ не ходили больше!—обратился къ нему директоръ. И, выбѣгая изъ конторы, скороговоркой добавилъ:—все равно, и учительницы отказываются...

Выгнанные кочегары опять направились «къ Дашѣ»... Здѣсь и нашла Головешкина его жена, узнавшая отъ кого-то, что мужъ запьянствовалъ... Но, ведя мужа домой, она не его ругала, а тѣхъ, кто заставилъ его учиться.

— Съ жиру бѣсятся!—кричала она. — Заставить бы самихъ поработать... захотѣли-бъ тогда грамоты!..

А Головешкинъ, спотыкаясь и карабкаясь на лѣстницу, бормоталъ:

— Семка!.. прр...очитай про Маж... Ма... Мажрелюбію... Я-а те прочит-таю!.. я-те шп... по-мерикански...

Черезъ недѣлю все шло обычнымъ порядкомъ. Только Головешкинъ уже не заставлялъ больше Семку читать вслухъ, да Слизень еще долго донималъ его школой.

Ник. Мельницкій.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Церковь и духовенство.

Особому разсмотрѣнію подлежитъ вопросъ о церкви, какъ учрежденіи, и духовенствѣ, какъ общественной группѣ. О церкви, какъ религіозномъ ученіи, рѣчь пойдетъ позднѣе, при изученіи психологіи русскаго общества въ древнѣйшій періодъ.

Во времена язычества на Руси не существовало особыхъ отъ гражданской власти религіозныхъ учрежденій: по свидѣтельству «Начальной лѣтописи», языческихъ храмовъ не было, идолы даже при Владимірѣ, наканунѣ принятія христіанства, ставились на холмахъ; въ разсказѣ о томъ, какъ язычники убили двоихъ варяговъ-христіанъ, отца съ сыномъ, за то, что отецъ отказался выдать сына для принесенія въ жертву языческимъ богамъ, нѣтъ ни слова о жрецахъ, — дѣйствуютъ только бояре и народъ; ясно, слѣдовательно, что и жрецовъ, какъ особой корпораціи, какъ отдѣльной общественной группы, также не было. Это и неудивительно въ племенныхъ княжествахъ и при господствѣ семейнаго начала въ гражданскомъ правѣ: каждый глава семейства былъ представителемъ его передъ богами, молился имъ, приносилъ имъ жертвы; князь, стоявшій во главѣ племени, исполнялъ жреческія обязанности какъ представитель всего племенного союза. Правда, упоминаются волхвы или кудесники — и не только въ языческое время, но и позднѣе — въ Кіевѣ и на Бѣлоозерѣ въ 1071 году, въ Новгородѣ въ 1074—1078 годахъ и въ Ростовѣ въ 1091 году, — но, какъ видно изъ тѣхъ же лѣтописныхъ разсказовъ, волхвы были гадателями, а не жрецами.

Съ появленіемъ христіанства утверждаются и новыя религіозныя

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1903 г.

учрежденія. Они перенесены были къ намъ изъ Византіи, но утвердились на Руси по той причинѣ, что соотвѣтствовали потребности новопросвѣщаемаго христіанствомъ народа въ особыхъ учителяхъ вѣры, и приняли своеобразный видъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Происхожденіе и организацію этихъ учрежденій мы и должны теперь изслѣдовать.

Первый вопросъ при изученіи этой организаціи—это вопросъ объ отношеніи русской церкви къ византійской и въ частности къ главѣ послѣдней,—константинопольскому патріарху. По каноническому праву, каждая частная церковь должна пользоваться самостоятельностью, автокефальностью. Трудно сказать, такъ ли было сначала съ русской церковью; существуетъ взглядъ, что первоначально было такъ; онъ опирается на то наблюденіе, что монахъ Іаковъ и Несторъ въ своихъ сочиненіяхъ о святыхъ князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ называютъ русскихъ митрополитовъ иногда архіепископами, и въ одномъ спискѣ греческаго сочиненія, написаннаго первымъ русскимъ митрополитомъ Леономъ или Львомъ, значится, что это сочиненіе—Λέοντος ἀρχιεπισκόπου, а архіепископомъ у грековъ назывался *самостоятельный* глава *автокефальной* церкви. Какъ бы то ни было, но эта автокефальность существовала очень недолго: русская церковь скоро подчинилась византійской. Это подчиненіе выражалось въ томъ, что, во-первыхъ, русскій митрополитъ поставлялся константинопольскимъ патріархомъ, притомъ не по каноническому праву, т.-е. не посредствомъ выбора его русскими епископами, подтверждаемаго лишь посвященіемъ отъ патріарха, а путемъ непосредственнаго назначенія патріархомъ; во-вторыхъ, патріархъ имѣлъ право судить и наказывать русскаго митрополита; въ-третьихъ, онъ принималъ апелляцію на судъ митрополита; въ-четвертыхъ, патріархъ могъ изъять отдѣльные русскіе монастыри и церкви изъ вѣдѣнія митрополита и подчинить ихъ непосредственно себѣ.

По нѣкоторымъ позднѣйшимъ, недостовѣрнымъ извѣстіямъ, первымъ русскимъ митрополитомъ былъ Михаилъ, явившійся въ годъ крещенія Руси, т.-е. въ 988 г. Но древнѣйшіе и достовѣрные источники свидѣтельствуютъ, что первымъ митрополитомъ былъ Левъ или Леонъ, прибывшій изъ Греціи лишь въ 991 г. вмѣстѣ съ новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ, такъ что до этого времени митрополита и епископовъ на Руси не было; это подтверждается и прямымъ извѣстіемъ «Начальной лѣтописи», что кіевлянъ въ 988 году крестили только одни «попы», а не архіереи. Митрополиты въ кіевскій періодъ обыкновенно ставились изъ грековъ, и только два раза встрѣчаемъ митрополитовъ изъ русскихъ: въ половинѣ XI вѣка—Иларіона, а 100 лѣтъ спустя—Клима или Климента; въ этомъ, вѣроятно, выразилось стремленіе такихъ князей, какъ Ярославъ и Изяславъ Мстиславичъ, сдѣлать русскую церковь автокефальною. Въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ русскіе

митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ, какъ видно изъ заглавія греческаго сочиненія митрополита Леона и изъ извѣстія лѣтописи подъ 1089 годомъ, что «бѣ преже въ Переяславлѣ митрополья»; Ярославъ, построивъ соборъ св. Софіи, перевелъ и митрополію въ Кіевъ.

Епархіи и епископы появились на Руси съ 991 г.; при Владимірѣ Святомъ ихъ было 8, въ XI вѣкѣ прибавилось еще 2, столько же въ XII, такъ что къ концу періода считалось 12 епархій. Епископы не выбирались соборомъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, а назначались волею и распоряженіемъ князей, что́ составляетъ одну изъ важныхъ особенностей древнѣйшей русской церкви. Съ 1165 г. епископъ новгородскій получилъ отъ патріарха титулъ архіепископа, что возвысило его среди другихъ русскихъ архіереевъ. Тогда какъ въ Византіи въ то время епископы выбирались безразлично изъ бѣлаго и чернаго духовенства, — у насъ ихъ назначали всегда изъ монаховъ, потому что для епископа нужны образованіе и привычка къ административной дѣятельности, т.-е. принадлежность къ высшему общественному слою, а только черное духовенство пополнялось тогда изъ этого слоя.

Епархіальное управленіе отличалось многими чертами, общими ему съ русскимъ гражданскимъ управленіемъ: какъ при князьяхъ были совѣты изъ бояръ, такъ при епископахъ были клиры изъ священниковъ, дававшіе имъ совѣты по дѣламъ епархіальнаго управленія; какъ у князей были посадники и тіуны-приказчики, такъ и у епископовъ видимъ намѣстниковъ и тіуновъ, главнымъ образомъ, для суда и притомъ часто изъ свѣтскихъ лицъ.

По свидѣтельствамъ митрополита Иларіона и монаха Іакова, монахи появились на Руси еще при Владимірѣ Святомъ, но они жили тогда въ отдѣльныхъ кельяхъ около приходскихъ церквей, первый монастырь — Георгіевскій въ Кіевѣ—былъ построенъ Ярославомъ въ 1037 году. Всѣхъ вообще монастырей было въ кіевской Руси до 70, причемъ лишь немногіе изъ нихъ, какъ Кіево-Печерскій, были результатомъ религіознаго усердія самихъ монаховъ, большинство ихъ были монастыри вотчинные, созданные князьями и боярами съ цѣлью обезпечить себѣ особенныя молитвы монашествующей братіи для достиженія царства небеснаго. Строгій студійскій уставъ, введенный св. Θеодосіемъ въ Кіево-Печерскій монастырь съ цѣлью установить строгое общежитіе и нестяжательность, не исполнялся на дѣлѣ не только въ другихъ монастыряхъ, но и въ монастырѣ самого Θеодосія.

Переходя отъ очерка внѣшняго устройства церкви, которое, какъ мы видѣли, сложилось почти всецѣло подъ вліяніемъ организаціи свѣтскаго управленія, къ внутреннему ея строю, мы должны остановить свое вниманіе на вопросахъ о церковномъ законодательствѣ и судѣ. Основнымъ памятникомъ церковнаго законодательства былъ въ

кіевской Руси заимствованный изъ Греціи «Номоканонъ» или «Кормчая книга». «Номоканонъ» существовалъ у грековъ въ двухъ редакціяхъ,—неполной патріарха Іоанна Схоластика (VI-го вѣка) и полной—патріарха Фотія (IX-го вѣка). Обѣ редакціи существовали въ древнемъ славянскомъ переводѣ и обращались въ древней Россіи, но изслѣдователи расходятся въ вопросѣ о томъ, которая изъ нихъ находилась въ большемъ употребленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени «Номоканонъ» или «Кормчая книга» являлась руководствомъ при рѣшеніи дѣлъ на церковномъ судѣ. Но степень примѣненія нормъ византійскаго каноническаго права въ кіевскій періодъ русской исторіи можетъ быть опредѣлена только на основаніи документовъ чисто-русскаго происхожденія, представляющихъ собою переработку Кормчей примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Такими памятниками многіе изслѣдователи признаютъ, прежде всего, дошедшіе до насъ церковные уставы, приписываемые Владиміру Святому и Ярославу. Но въ обоихъ этихъ уставахъ встрѣчаются выраженія и постановленія, внушающія другимъ изслѣдователямъ сомнѣніе и заставляющія ихъ признавать эти уставы позднѣйшей поддѣлкой. Главнѣйшія несообразности заключаются въ томъ, что уставъ Владиміра возводится къ патріарху Фотію, умершему за 100 лѣтъ до крещенія Руси, что тяжбы о наслѣдствѣ поручены въ немъ вѣдѣнію церковнаго суда, что прямо противорѣчитъ «Русской Правдѣ», а уставъ Ярослава даже поджогъ, опять-таки вопреки «Русской Правдѣ», подчиняетъ церковному суду, что, наконецъ, судъ епископовъ, по обоимъ уставамъ, не похожъ на епископскій судъ по «Номоканону», гораздо шире послѣдняго. Эти возраженія настолько серьезны, что, дѣйствительно, мѣшаютъ признать уставы Владиміра и Ярослава достовѣрными; необыкновенная обширность церковной юрисдикціи по этимъ уставамъ даетъ поводъ подозрѣвать, что они составлены въ позднѣйшее время съ цѣлью оправдать притязанія духовенства на расширеніе своего судебнаго значенія. Правда, сторонники подлинности уставовъ старались по своему объяснить нѣкоторыя изъ указанныхъ сейчасъ несообразностей: говорили, напр., что имя патріарха Фотія значится потому, что онъ былъ виднѣйшимъ изъ греческихъ іерарховъ и при немъ крестилась какая-то Русь, нападавшая на Константинополь, какъ крестились тогда же и другіе славянскіе народы; что епископскій судъ о наслѣдствѣ по уставу св. Владиміра не противорѣчитъ княжескому разбору споровъ изъ-за наслѣдства по «Русской Правдѣ», потому что оба порядка существовали рядомъ, былъ періодъ двоеправія. Но первое объясненіе—о Фотіѣ—поражаетъ сразу своей искусственностью и натянутостью: проще дѣло объясняется невѣжествомъ позднѣйшаго составителя. Что же касается двоеправія въ тяжбахъ о наслѣдствѣ, то порученіе разбора такихъ тяжбъ высшему духовенству, вышедшему при Владимірѣ изъ Греціи и, слѣдовательно, чуждому русскихъ юри-

дическихъ понятій, является невозможнымъ по той причинѣ, что, какъ мы убѣдились въ свое время, наслѣдственное и вообще имущественное право кіевскаго періода отличалось сильнымъ мѣстнымъ колоритомъ, было не чѣмъ инымъ, какъ народнымъ юридическимъ обычаемъ, примѣнять который могли только тѣ, кто его зналъ. Предположеніе о заимствованіи наслѣдственнаго права «Русской Правды» изъ византійскаго законодательства, дѣлаемое нѣкоторыми изслѣдователями, не выдерживаетъ критики при ближайшемъ разсмотрѣніи: напр., понятіе о завѣщаніи, какъ «рядѣ», т.-е. договорѣ всѣхъ членовъ семьи, и невыдѣленность личности, какъ субъекта имущественныхъ правъ, изъ состава семейнаго союза—совершенно чужды византійскому или—что почти тоже—римскому праву. Такимъ образомъ, для того, чтобы судить о пространствѣ церковнаго суда въ древнѣйшей Россіи, мы должны обратиться къ другимъ источникамъ, оставивъ въ сторонѣ недостовѣрные уставы Владиміра и Ярослава. Такихъ источниковъ два: церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича 1135 года и грамота князя Ростислава смоленскому епископу, данная въ 1150 году. Первый изъ этихъ источниковъ—уставъ Всеволода—важенъ, главнымъ образомъ, потому, что указываетъ на обычныя въ то время нарушенія «Кормчей» князьями, на неопредѣленность и колебанія церковной юрисдикціи: князь отмѣчаетъ, что онъ раньше «самъ вѣдалъ» тяжбы дѣтей отъ разныхъ браковъ между собою, и только теперь передаетъ «все то епископу управливати», справившись съ греческимъ «Номоканономъ». Грамота Ростислава точно и ясно намѣчаетъ предѣлы юрисдикціи епископовъ: то были по преимуществу преступленія брачныя или такія, которыя требовали суда не по формѣ, а по совѣсти, и въ языческое время преступленіями не считались. Вотъ ихъ перечень: 1) «роспустъ», 2) двоеженство, 3) кровосмѣсительные браки, 4) насильственное похищеніе дѣвушки (собственно тутъ судили органы свѣтской власти, а епископъ получалъ лишь половину штрафа), 5) волшебство и колдовство и 6) драка между двумя женщинами. Но, кромѣ того, епископы судили по *всѣмъ* преступленіямъ все духовенство и еще такъ называемыхъ *прощениковъ*, т.-е. лицъ, получившихъ чудесное исцѣленіе отъ болѣзни.

Чрезвычайно важное значеніе имѣетъ опредѣленіе отношеній церкви къ государству. Мы видѣли уже только что, какъ часто князья нарушали правà церкви и духовенства, въ какомъ подчиненіи находились церковь и духовенство княжеской власти въ кіевскій періодъ: князья вмѣшивались въ дѣла, подсудныя епископамъ, смѣщали, выбирали, даже судили іерарховъ русской церкви. Мало того: они пользовались видными представителями духовенства для своихъ чисто политическихъ цѣлей: въ теченіе всего кіевскаго періода епископы призывались князьями нерѣдко въ боярскую думу для дачи совѣта по

разнымъ государственнымъ дѣламъ, — извѣстенъ, напр., разсказъ о совѣщаніи Владиміра Святого съ епископами по поводу наказанія разбойниковъ; нерѣдко епископы отправлялись въ качествѣ княжескихъ пословъ: такъ, епископъ черниговскій Порфирій въ 1177 и 1187 годахъ былъ посломъ къ Всеволоду III Большое Гнѣздо и ходатайствовалъ передъ нимъ за князей рязанскихъ; примирительная миссія вообще нерѣдко выпадала въ то время на долю представителей русской церковной іерархіи: объ этомъ мы имѣемъ извѣстія, относящіяся, напр., къ 1097, 1127 и 1195 годамъ.

Всѣ эти серьезныя политическія задачи, рѣшеніе которыхъ производилось черезъ посредство духовенства, помимо другихъ соображеній, требовали отъ князей заботы объ обезпеченіи духовенству достаточныхъ средствъ существованія. Однимъ изъ источниковъ этихъ средствъ служило, какъ намъ уже извѣстно, церковное и монастырское землевладѣніе, появившееся въ кіевской Руси. Но помимо этого Владиміръ Святой опредѣлилъ на содержаніе архіереевъ десятину отъ всѣхъ княжескихъ доходовъ,—даней, виръ, продажъ и оброковъ. Позднѣе, какъ видно изъ грамоты Ростислава 1150 года, десятина давалась обыкновенно только отъ однѣхъ даней. Третьимъ источникомъ содержанія архіереевъ и ихъ приближенныхъ, т.-е. лицъ епархіальной администраціи, были подать съ приходскаго духовенства и особый сборъ за поставленіе въ священники. Наконецъ, существовалъ и четвертый источникъ, церковные налоги на населеніе: таковы были, напр., свадебныя пошлины. Что касается рядового приходскаго духовенства, то оно впослѣдствіи получало часть необходимыхъ ему средствъ существованія также отъ населенія, но такъ какъ эти доходы въ началѣ, при большой еще силѣ язычества, не могли быть сколько-нибудь значительны, то княжеская власть и здѣсь приходила на помощь: по лѣтописному извѣстію, записанному подъ 1037 годомъ, Ярославъ назначилъ церквамъ въ городахъ и селахъ «отъ имѣнья своего урокъ».

Таково было положеніе церкви, какъ учрежденія, и духовенства, какъ общественной группы, въ кіевской Руси. Не трудно замѣтить, что это положеніе въ сильнѣйшей степени опредѣлялось политическими задачами времени: къ временамъ Владиміра Святого въ древнѣйшей Россіи исчезли почти всѣ слѣды племенныхъ княжествъ, передъ новымъ государствомъ возникъ цѣлый рядъ небывалыхъ и невѣдомыхъ прежде задачъ; какъ ни слабо было стремленіе къ общему благу и порядку, все-таки оно уже существовало; помочь государству въ осуществленіи вновь возникшихъ цѣлей и должна была церковь. Этимъ объясняется и организація церковнаго управленія, и возникновеніе церковнаго суда, и отношеніе государства къ церкви, и снабженіе духовенства средствами содержанія. Мы видѣли сейчасъ, что и съ точки зрѣнія административной техники церковное управленіе во многомъ походило на свѣтское: среди органовъ его были лица хозяйственно-

административныя,—тіуны, вѣдомство не только подчиненныхъ лицъ, но и высшихъ іерарховъ не всегда отличалось опредѣленностью, постоянствомъ и тѣмъ болѣе самостоятельностью. Въ этомъ сказались тѣ же вліянія, которыя опредѣлили собою природу свѣтскаго управленія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Духовная жизнь древнѣйшаго русскаго общества.

Переходимъ къ изученію самаго труднаго, очень сложнаго и наименѣе разработаннаго отдѣла науки русской исторіи, о духовной жизни древнѣйшаго русскаго общества, о его психологіи. По принятому нами обычаю установимъ прежде всего планъ послѣдующаго изложенія. Современная психологія, изучающая общіе законы духовной жизни человѣка, различаетъ обыкновенно три группы психическихъ явленій: первую группу составляютъ явленія умственныя, вторую чувствованія или эмоціи, третья обнимаетъ волю. Проводя это дѣленіе, психологи оговариваются, что оно имѣетъ лишь относительное значеніе, что въ сущности нѣтъ чисто умственныхъ явленій, чистыхъ чувствованій и тѣмъ болѣе волевыхъ актовъ безъ примѣси элементовъ интеллектуальныхъ и эмоціональныхъ: всякій психическій актъ заключаетъ въ себѣ всѣ три элемента, только не въ равной степени, такъ что, говоря объ опредѣленной группѣ явленій духовной жизни, имѣютъ въ виду собственно лишь тотъ элементъ, который въ ней является господствующимъ. Съ этой оговоркой указанное дѣленіе имѣетъ реальное значеніе. Нельзя при этомъ только забывать, что для того, чтобы понять волевую организацію человѣка, надо выяснить прежде свойства его ума и направленіе его эмоціональной жизни, потому что воля идетъ по направленію равнодѣйствующей этихъ двухъ первыхъ психическихъ силъ. Можно пойти еще дальше и высказать мысль, что, сравнивая между собой явленія умственной жизни и чувствованія, въ большинствѣ случаевъ приходится принять за вѣрное перевѣсъ чувствованій надъ умомъ, бóльшую силу и напряженность первыхъ сравнительно съ вторымъ. Такимъ образомъ естественный порядокъ изученія духовной жизни отдѣльнаго человѣка таковъ: на первый планъ надо поставить изученіе чувствованій, за ними слѣдуетъ умственная организація и, какъ конечный выводъ, опредѣленіе воли. Удобнѣе всего и при изученіи психологіи общества слѣдовать тому же порядку: сначала познакомиться съ эмоціональной жизнью общества, т.-е. съ его нравами и обычаями, съ религіозными чувствами и настроеніями, съ чувствами эстетическими, выражающимися въ искусствѣ, потомъ съ умственнымъ состояніемъ переходомъ къ которому является изученіе литературы, и характеристикой котораго служитъ просвѣщеніе, наука и кругъ идей, въ которомъ вращается общественная мысль; въ результатѣ долженъ

получиться выводъ о томъ, куда направляется воля общества, выводъ, который соединитъ все предыдущее въ одно органическое цѣлое; какимъ именно образомъ надо подойти къ рѣшенію этого послѣдняго, главнаго, все обобщающаго вопроса, это будетъ ясно тогда, когда будутъ разрѣшены на данномъ конкретномъ матеріалѣ всѣ предыдущія сейчасъ намѣченныя задачи.

Итакъ, первый вопросъ—вопросъ о нравственныхъ чувствованіяхъ русскаго общества въ кіевскій періодъ, о его обычаяхъ, привычкахъ, взглядахъ на право, справедливость и взаимныя отношенія людей между собою. Въ жизни человѣка, близкаго къ природѣ, видную роль играетъ обыкновенно грубый инстинктъ, влекущій къ грубымъ наслажденіямъ. То же наблюдается и въ жизни цѣлаго общества, находящагося на одной изъ первыхъ ступеней развитія. Мы имѣемъ множество извѣстій о крайней распространенности пьянства въ древнѣйшей Россіи: еще Ибнъ-Фодланъ говоритъ о необыкновенно сильной склонности славянъ къ пьянству; преданіе о словахъ, будто бы сказанныхъ Владиміромъ: «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того жити», не могло бы возникнуть, если бы не имѣло реальной почвы; въ XI-мъ вѣкѣ митрополитъ Іоаннъ въ своемъ «Правилѣ» къ черноризцу Іакову говоритъ: «въ монастыряхъ часто пиры творятъ, созывающе вокупи (т.-е. вмѣстѣ) и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ друга преспѣваютъ»; по свидѣтельству св. Ѳеодосія Печерскаго, пьянство доходило до того, что одни ползали на колѣнахъ, другіе валялись въ грязи и навозѣ, ежеминутно готовые испустить духъ; въ церковныхъ обличеніяхъ того времени, напр., въ «Словѣ» новгородскаго архіепископа Иліи, жившаго во второй половинѣ XII-го вѣка, много говорится противъ пьянства. На ряду съ этимъ наблюдается чрезвычайная распущенность и извращенность половыхъ отношеній: намъ уже извѣстно, какъ сильно распространено было сначала многоженство, и какъ часты были кровосмѣсительные браки; преданіе о томъ, что у Владиміра, кромѣ 5-ти законныхъ («водимыхъ») женъ, было 800 наложницъ, конечно, преувеличиваетъ то, что́ было въ дѣйствительности, но остается вѣрнымъ духу времени; раба и наложница были синонимами не только во времена Ибнъ-Фодлана, но и позднѣе, вплоть до XII-го вѣка, какъ то видно изъ пространной «Русской Правды». О двоеженствѣ встрѣчаемъ извѣстіе въ грамотѣ Ростислава 1150 года. Новгородскій епископъ XI-го вѣка Нифонтъ въ своихъ отвѣтахъ Кирику не рѣшается даже требовать отъ молодежи сколько-нибудь продолжительнаго воздержанія передъ причащеніемъ. Въ этихъ же вопросахъ Кирика и отвѣтахъ Нифонта встрѣчается рядъ указаній на самые противоестественные пороки. Высшіе классы общества предаваясь самымъ разнузданнымъ наслажденіямъ, заводили необыкновенно роскошную обстановку: одѣвались въ одежды, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, носили золотыя гривны на шеѣ, золотые обручи на рукахъ, драгоцѣнные

пояса, заводили серебряную и золотую посуду, дорогіе ковры и скатерти. Въ одномъ изъ церковныхъ поученій XII-го вѣка, такъ называемомъ «Словѣ о богатомъ и убогомъ», находимъ такую картину нравовъ высшаго общества того времени: богатый ходитъ «въ багрѣ и паволокѣ» (въ пурпурѣ и шелкахъ), кони его тучны, иноходи, сѣдла позолочены; когда онъ выходитъ изъ дому, передъ нимъ идутъ и за нимъ слѣдуютъ множество рабовъ въ монистахъ (ожерельяхъ), обручахъ (браслетахъ), золотыхъ гривнахъ и роскошной одеждѣ; во время обѣдовъ на золотой и серебряной посудѣ подаются тетерева, гуси, журавли, рябчики, голуби, куры, зайцы, олени, вепри; пьютъ вина, медъ и квасъ; во время пировъ играютъ на гусляхъ и свирѣляхъ, забавляются шутами и «смѣхословцами» и пляской; спитъ богатый на шелковой постели.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти проявленія худшихъ свойствъ человѣческой природы играли очень видную роль въ жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ кіевскаго періода. Но не слѣдуетъ думать, что имъ принадлежало исключительное значеніе. Прежде всего на ряду съ грубыми инстинктами или низшими эгоистическими чувствами можно наблюдать уже тогда и появленіе высшихъ эгоистическихъ чувствъ, болѣе сложныхъ и не противорѣчащихъ истинно-человѣческому достоинству, а, напротивъ, возвышающихъ и укрѣпляющихъ самосознаніе человѣка, его личность: таковы, напр., честолюбіе и славолюбіе. Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи совѣтуетъ хорошо обращаться съ иностранцами и гостями, потому что они разносятъ по свѣту добрую славу о хозяинѣ. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» горячо высказывается за славу, за молодецкую соколиную охоту, за богатство, за почетъ отъ иностранцевъ, за походы и добычу. Затѣмъ и чисто этическіе чувства и идеалы пріобрѣли уже вѣсъ и значеніе въ глазахъ древнѣйшаго русскаго общества. Прежде всего въ этомъ отношеніи наблюдаются отдѣльныя проявленія аскетизма. Такъ, св. Θеодосій, еще дома, будучи въ міру, подвергалъ себя аскетическимъ испытаніямъ: одѣвался въ рубище, работалъ вмѣстѣ съ рабами, носилъ вериги. Ставъ во главѣ монастыря, онъ ввелъ строгій студійскій уставъ, вывезенный имъ изъ Греціи, и неуклонно выполнялъ его. Въ Патерикъ Печерскій занесены сказанія о нѣсколькихъ монахахъ, прославившихся аскетическими подвигами,—о Евстратіи постникѣ, Никонѣ многотерпѣливомъ, Аѳанасіи затворникѣ, преподобномъ князѣ Святошѣ. Изрѣдка попадаются также извѣстія о благотворительности, выражавшейся, разумѣется, главнымъ образомъ въ обыкновенной, неорганизованной раздачѣ милостыни нищимъ, какъ то дѣлалъ, напр., Владиміръ Святой. Правда, св. Θеодосій устроилъ было въ Печерскомъ монастырѣ богадѣльню, но она вскорѣ исчезла. Но, можетъ быть, ничто такъ ярко не характеризуетъ нравственнаго состоянія общества, какъ господствующія въ немъ понятія о правѣ и справедливости. На

нихъ мы и должны теперь остановиться, пользуясь драгоцѣннымъ матеріаломъ, доставляемымъ въ этомъ отношенія «Русской Правдой». Прежде всего надо замѣтить, что Русская Правда совершенно чужда племенной исключительности, чувства національной особности. Она не только не лишала чужеземца или чужака уголовной защиты, не только не относилась къ нему, какъ къ паріи и отверженцу, но и давала ему извѣстныя преимущества, принимая, очевидно, во вниманіе, что онъ слабѣе туземцевъ вооруженъ въ житейской борьбѣ: при обвиненіи въ поклепѣ, т.-е. по подозрѣнію, иностранецъ долженъ былъ выставить для своего оправданія *двоихъ* послуховъ, тогда какъ туземецъ обязанъ былъ представить *семерыхъ*; при искѣ о личномъ оскорбленіи для всѣхъ обязательно было представленіе двухъ свидѣтелей, но для иностранцевъ допускалось исключеніе: за отсутствіемъ свидѣтелей или при недостаточности ихъ числа, иностранцы шли на роту, т.-е. присягали, и это считалось достаточнымъ доказательствомъ справедливости иска, ими предъявленнаго; кредиторъ-чужеземецъ при конкурсѣ имѣлъ преимущество передъ кредиторами-туземцами въ отношеніи удовлетворенія своихъ притязаній къ несостоятельному должнику. Чтоже создало эту терпимость къ иностранцамъ и даже покровительство имъ? Конечно, не отвлеченная идея о человѣчествѣ, какъ единомъ цѣломъ, и о братствѣ людей безъ различія племенъ и національностей. Въ основѣ благосклоннаго отношенія къ иностранцамъ лежали инстинктивныя побужденія, заложенныя самой природой и сохранившіяся въ неприкосновенной чистотѣ благодаря примитивнымъ историческимъ условіямъ. Націи ни въ этнографическомъ, ни въ политическомъ смыслѣ еще не было, народились только первоначальные элементы, необходимые для ея образованія; культурныя отличія народовъ не развитыхъ, не сложившись и не вылившись въ окончательную форму, были весьма незначительны: вотъ основная сила, направлявшая общество кіевской Руси въ его отношеніи къ иностранцамъ.

Отмѣченное выше преобладаніе слѣпыхъ, грубыхъ силъ и инстинктовъ при появленіи вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыхъ чистоэтическихъ началъ всего яснѣе выступаетъ на первый планъ при изученіи понятія о преступленіи въ «Русской Правдѣ». Уже въ краткой Правдѣ понятію о преступленіи не чужды были общественные, этическіе элементы. Это видно прежде всего изъ смысла, какой въ то время имѣла кровная месть: она имѣла несомнѣнное общественное значеніе, такъ какъ была обязанностью, и общество слѣдило за ея выполненіемъ, требуя для ея осуществленія или предварительнаго судебнаго рѣшенія, или послѣдующей санкціи. Другое доказательство существованія общественныхъ элементовъ въ понятіи о преступленіи по краткой «Правдѣ» состоитъ въ томъ, что платы краткаго текста въ количественномъ отношеніи соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ вирамъ и продажамъ, слѣдовательно, онѣ соотвѣтствуютъ имъ и въ отношеніи каче

ственномъ, т.-е. тоже платились въ пользу князя, чѣмъ и признается общественное значеніе преступленія. Наконецъ, въ-третьихъ, при Владимірѣ Святомъ, по лѣтописи, князю поступали виры за разбой, а въ краткой «Правдѣ» читаемъ о «поклонѣ *вирномъ*» и о сборѣ *виръ* вирниками при Ярославѣ. Еще съ большей увѣренностью можно указать на общественный элементъ понятія о преступленіи въ пространной «Русской Правдѣ». Прежде всего «потокъ и разграбленіе», т.-е. смертная казнь или изгнаніе и конфискація имущества въ пользу князя,— наказаніе чистообщественнаго характера. Затѣмъ виры и продажи поступали князю, какъ представителю общественной власти, что видно и изъ лѣтописнаго извѣстія о сборѣ виръ Владиміромъ Святымъ, и изъ свидѣтельствъ разнаго рода актовъ: грамоты Мстислава 1125 г., гдѣ монастырю св. Георгія князь передаетъ право сбора виръ и продажъ, или устава новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г., по которому виры и продажи «входятъ въ княжъ дворъ»; наконецъ, изъ самой «Русской Правды», которая прямо говоритъ, что смерды «платятъ *князю* продажю», а холоповъ «*князь* продажею не казнитъ» и т. д. Но констатируя наличность общественнаго элемента въ понятіи о преступленіи по «Русской Правдѣ», нельзя не признать вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ элементъ очень слабымъ. Прежде всего тотъ фактъ, что общественная власть брала деньги съ преступника въ свою пользу, позволяла какъбы откупаться, совершивъ преступное дѣяніе, свидѣтельствуетъ о слабости общественнаго, этическаго элемента въ понятіи преступленія. Не надо притомъ забывать, что штрафъ включаетъ въ себѣ еще ненормальность, состоящую въ реальномъ неравенствѣ кары для различныхъ лицъ: штрафъ платился деньгами, а денежный капиталъ былъ распредѣленъ крайне неравномѣрно, такъ что сумма, которую легко было уплатить одному, оказывалась непосильной тяжестью для другого. Далѣе: слабость общественнаго элемента въ понятіи о преступленіи по «Русской Правдѣ» выступитъ для насъ съ еще большею ясностью, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Правдѣ понятіе о преступленіи почти исключительно матеріальное: это обида, матеріальный, а не нравственный вредъ. Въ виду этого вполнѣ понятно, что объектомъ преступленія по «Русской Правдѣ» считаются лишь права лицъ физическихъ, что Правда не знаетъ цѣлаго ряда преступленій—противъ государства и общества. Наконецъ, въ субъективной сторонѣ преступнаго дѣянія по Русской Правдѣ замѣтно также сильное смѣшеніе разныхъ началъ: степень участія злой воли преступника различалась, но это различіе не было проведено достаточно глубоко и послѣдовательно. Такъ различалось убійство «въ обиду» или «въ разбоѣ», т.-е. злоумышленное, отъ убійства «въ свадѣ» (ссорѣ) или на пиру, т.-е. въ раздраженіи, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія; за имущественныя преступленія продажа назначается лишь при наличности злого умысла: такъ она платилась лишь въ томъ случаѣ,

если заключутъ на торгу о пропажѣ холопа или покражѣ вещи; при «свадѣ» продажу платилъ лишь дѣйствительно виновный; при неосторожной винѣ, т.-е. отсутствіи злого умысла, и закупъ платилъ лишь часть вознагражденіе; кто «пакощами», т.-е. злонамѣренно, порѣжетъ скотъ, тотъ платитъ продажу; то-же назначается и за *злонамѣренный* отказъ платить долгъ. Но часто Русская Правда «заключаетъ изъ внѣшней обстановки правонарушенія на бытіе субъективнаго элемента, такъ сказать примышляетъ внутреннюю сторону правонарушенія къ наличной внѣшней»: такъ, татемъ считается тотъ, кто не отвелъ отъ себя слѣда; ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой всегда признается преступленіемъ и т. д. Степень умысла вообще часто не различалась. Правда знала, напр., сообщничество или соучастіе въ преступленіи, но всѣхъ сообщниковъ наказывала одинаково, не отличая главнаго виновника отъ остальныхъ. Остается отмѣтить, что и въ наказаніяхъ за отдѣльныя преступленія ясно видна слабость чистоэтическаго элемента и первенство понятія о матеріальномъ вредѣ какъ результатѣ преступнаго дѣянія. Извѣстно, напр., что за тяжкое увѣчье, лишавшее человѣка работоспособности, назначалось 10 гривенъ частнаго вознагражденія, а за убійство смерда семья убитаго получала лишь 5 гривенъ: причина этого заключается въ томъ, что, хотя убійство съ нравственной точки зрѣнія является преступленіемъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ увѣчье, но матеріальные интересы семьи при тяжкомъ увѣчьи страдали сильнѣе, чѣмъ при убійствѣ: въ первомъ случаѣ она не только, какъ въ послѣднемъ, лишалась работника, но должна была сверхъ того содержать увѣчнаго.

Предшествующее изложеніе, кажется, въ достаточной степени характеризуетъ нравственное состояніе русскаго общества въ первый періодъ его исторической жизни: это было время сильнаго преобладанія грубыхъ инстинктовъ и элементарныхъ эгоистическихъ чувствъ, время когда болѣе сложные эгоистическіе мотивы и этическія побужденія и цѣли сравнительно очень рѣдко руководили человѣкомъ въ его поведеніи и не вступали притомъ въ органическую связь съ грубыми сторонами человѣческой природы, а примѣшивались къ нимъ чисто механически.

Переходимъ къ характеристикѣ *религіозной жизни* въ кіевской Руси. Языческая религія древнихъ славянъ, подобно религіи другихъ арійцевъ, отличалась друмя главными чертами: во-первыхъ, она была почитаніемъ силъ природы, во-вторыхъ, культомъ предковъ. Почитаніе силъ природы выражалось, прежде всего, въ поклоненіи высшему божеству, Сварогу, богу неба; восточные славяне, правда, уже не поклонялись этому богу, но воспоминаніе о культѣ его сохранилось въ названіи Дажь-бога сыномъ Сварога. Вмѣсто Сварога высшимъ божествомъ у восточныхъ славянъ сталъ Перунъ, богъ грома и молніи, дарующій дождь. Сильно распространено было поклоненіе солнцу какъ

благодѣтельной силѣ природы: какъ податель свѣта солнце почиталось подъ именемъ Дажь-бога, творческая сила солнца олицетворялась въ Хорсѣ; представителемъ лѣтняго солнца и божествомъ веселья и любви былъ Ярило; Волосъ или Велесъ первоначально тоже былъ олицетвореніемъ солнца, его зиждительной силы и лишь впослѣдствіи превратился въ бога скота, имѣвшаго такое важное значеніе въ хозяйственной жизни древнихъ восточныхъ славянъ; остатокъ прежняго значенія Велеса, какъ божества солнца, сказался въ признаніи его источникомъ поэтическаго вдохновенія: вѣщій Боянъ называется въ «Словѣ о полку Игоревѣ» Велесовымъ внукомъ. Туръ, богъ войны, также, вѣроятно, былъ олицетвореніемъ одушевляющей силы солнца. Богомъ воздуха считался Стрибогъ, внуками котораго «Слово о полку Игоревѣ» называетъ вѣтры. Лѣса были населены особыми божествами—лѣшими, воды—русалками. Всѣ сейчасъ перечисленныя божества были олицетвореніемъ благодѣтельныхъ силъ щедрой къ первобытному человѣку природы. Но природа не всегда бываетъ щедра и добра къ этому человѣку,—иногда она оказывается страшной для него. Поэтому на ряду съ добрыми богами почитаются злые или чернобоги. Такими чернобогами были Мара—богиня моровыхъ повѣтрій и Морена—богиня смерти. Но, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ боговъ, олицетворявшихъ силы природы, разсматривались уже и какъ предки людей: такъ, дѣдомъ всѣхъ людей считался Дажь-богъ, потому что солнце—источникъ всякой жизни на землѣ; въ «Словѣ о полку Игоревѣ» читаемъ: «погибаетъ жизнь Дажь-бога внука». Богъ-предокъ, впрочемъ, почитался подъ именемъ Рода или Чура, Щура, т.-е. дѣда. Жены дѣда, которыхъ нѣкоторые изслѣдователи неправильно считали богинями судьбы, назывались рожаницами. По словамъ одной старинной рукописи, поклоненію Роду и рожаницамъ предшествовало почитаніе упырей и берегинь: упырь—мертвецъ, т.-е. тотъ же предокъ, а берегини, очевидно, соотвѣтствуютъ рожаницамъ. Позднѣе, когда задруга или вервь отступила на второй планъ передъ семьей, Родъ превратился въ домового. Къ числу семейныхъ божествъ надо присоединить еще Ладу, богиню согласія и супружеской любви. Язычество русскихъ достигло уже той ступени развитія, когда появляется антропоморфизмъ: извѣстно, что Владиміръ—и, конечно, не онъ первый — поставилъ въ Кіевѣ статуи боговъ, сдѣланныя изъ дерева, но украшенныя золотомъ и серебромъ.

Уже начальный лѣтописецъ указываетъ на существованіе языческихъ праздниковъ — «игрищъ межю селы». Другіе источники позволяютъ намъ съ достаточной полнотой и подробностью возстановить эти праздники, опредѣлить ихъ время и значеніе. Бо́льшая часть этихъ праздниковъ связана съ перемѣнами временъ года и относится къ солнцу. Въ день нашего новаго года праздновался поворотъ солнца на лѣто; этотъ праздникъ носилъ названіе коляды. Второй праздникъ, бывшій въ мартѣ и соотвѣтствовавшій по времени нашей масляницѣ,

былъ посвященъ встрѣчѣ весны. Торжество лѣта праздновалось въ іюнѣ и пріурочивается обыкновенно къ празднику Іоанна Крестителя или Ивана Купалы (24 іюня). Кромѣ этихъ трехъ праздниковъ, посвященныхъ спеціально культу солнца, существовалъ еще рядъ другихъ въ честь иныхъ боговъ: такъ, праздникъ Перуну справлялся въ день перваго дождя или грома, Ярило чествовался въ концѣ апрѣля, Лада на красную горку (въ Ѳомино воскресенье) и въ семикъ (Троицынъ день); праздникъ Волоса совпадаетъ съ днемъ св. Георгія (23 апрѣля).

Богослуженіе языческихъ славянъ, совершавшееся не особыми жрецами, которыхъ не было, а князьями и главами семействъ, отличалось простотой и невыработанностью ритуала. Основной, если не единственной, его частью было жертвоприношеніе: не даромъ въ нашихъ источникахъ употребляются объ этомъ богослуженіи выраженія «класть требу» и «молиться»; слово «молить» первоначально значило «приносить жертву, давать обѣтъ»; поэтому къ глаголу «молить» и прибавлено возвратное мѣстоименіе; «молиться» значитъ «приносить себя въ жертву». Жертвы состояли въ закланіи животныхъ, возліяніяхъ и пр.; иногда, какъ показываетъ разсказъ лѣтописи о смерти двоихъ варяговъ-христіанъ при Владимірѣ, приносились и человѣческія жертвы.

Важное значеніе для изученія языческихъ религіозныхъ вѣрованій каждаго народа имѣетъ знакомство съ существующими у него погребальными обрядами, потому что въ нихъ выражаются обыкновенно представленія о загробной жизни. По археологическимъ даннымъ, славянорусскія могилы языческой эпохи представляютъ собою три типа: курганы съ кострищами, т.-е. съ остатками костра, на которомъ сжигался покойникъ, курганы съ сосудами, въ которыхъ заключенъ прахъ умершаго, сожженнаго не на мѣстѣ насыпки кургана, и курганы съ остатками погребенныхъ, не сожженныхъ покойниковъ. На первый типъ погребенія указываютъ арабъ Ибнъ-Фодланъ, оставившій подробное его описаніе, и грекъ Левъ діаконъ разсказывающій о сожженіи убитыхъ воинами Святослава. Второй—сожженіе на другомъ мѣстѣ, не на мѣстѣ насыпки кургана—засвидѣтельствованъ «Начальной лѣтописью», по словамъ которой «творяху краду («крада»—костеръ; такъ надо читать вмѣсто «кладу») велику и възложатъ на краду мертвѣца и съжигаху и по семъ събравше кости вложаху въ ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ». Слово «столпъ» здѣсь нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ въ смыслѣ «кургана, могилы», такъ что мѣсто оказывается вполнѣ соотвѣтствующимъ по значенію результатамъ археологическихъ раскопокъ,—устройству кургановъ безъ кострищъ, но съ урнами заключающими въ себѣ прахъ сожженнаго въ другомъ мѣстѣ мертвеца. Наконецъ, о погребеніи безъ сожженія говоритъ Ибнъ-Даста. Похоронамъ или сожженію предшествовала тризна: лѣтопись свидѣтельствуетъ, что «аще кто умряше, творяху трызну надъ нимь и *по семъ* (т.-е. послѣ этого) творяху краду велику». Тризна состояла въ военныхъ играхъ

и борьбѣ и заканчивалась пиромъ. Но иногда, какъ показываетъ примѣръ Ольги, совершившей тризну надъ могилой Игоря черезъ годъ послѣ смерти его, тризна слѣдовала за погребеніемъ; впрочемъ надо думать, что это объясняется исключительными обстоятельствами смерти Игоря. Всѣ эти типы погребенія, несомнѣнно, указываютъ на вѣрованія въ загробную жизнь. Погребеніе умершаго вытекало изъ убѣжденія, что человѣкъ, зарытый въ землю, уходитъ въ тотъ же міръ въ который спускается солнце при закатѣ. Вѣрованіе въ воздушныя свойства души, соединенное съ вѣрованіемъ въ очистительную силу огня, повело къ сожженію мертвыхъ. Однако загробное существованіе восточные славяне рисовали себѣ въ матеріальной обстановкѣ; по ихъ мнѣнію мертвецу необходимо въ его будущей жизни то же, въ чемъ онъ нуждался на землѣ. Это всего яснѣе видно изъ разсказа Ибнъ Фодлана: по его словамъ, покойника клали на скамью, покрытую коврами, въ лодку, вмѣстѣ съ нимъ клали напитки, мясо, хлѣбъ, плоды, лукъ, зарѣзанныхъ собаку, двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха, курицу, оружіе; наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ сжигалась также одна изъ наложницъ, которая должна была быть его женой за гробомъ.

Таковы были религіозныя вѣрованія нашихъ предковъ во времена язычества. Не трудно понять, что по самой своей сущности эти вѣрованія не могли удовлетворить потребностямъ русскаго общества въ X-мъ вѣкѣ: язычество было слишкомъ бѣдно нравственнымъ содержаніемъ, а, между тѣмъ, зарождавшееся государство, разбившее старыя племенныя связи, нуждалось въ новыхъ объединяющихъ и возвышающихъ нравственныхъ вліяніяхъ; язычество, кромѣ того, оставляло въ туманѣ основной вопросъ религіознаго сознанія—о загробной жизни, представляя ее неясно и грубо. Въ томъ и другомъ отношеніяхъ христіанство имѣло несомнѣнныя преимущества, чѣмъ и опредѣлилось его торжество въ X-мъ вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что оно далеко не было новостью на Руси: прежде всего очень возможно, что Аскольдъ и Диръ приняли христіанство, потому что, по словамъ патріарха Фотія, русскіе, напавшіе на Константинополь въ 860 г., крестились; затѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что при Игорѣ въ Кіевѣ существовала церковь св. Иліи и были христіане: на это указываетъ договоръ его съ греками; наконецъ, извѣстенъ и вполнѣ достовѣренъ фактъ крещенія Ольги. То преданіе объ этомъ, которое внесено въ «Начальную лѣтопись», не заслуживаетъ довѣрія, потому что, по этому преданію, Ольга крестилась въ Константинополѣ, и воспріемникомъ ея былъ византійскій императоръ, а между тѣмъ, Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи о византійскихъ придворныхъ церемоніяхъ свидѣтельствуетъ, что она прибыла въ Константинополь уже крещеной и имѣла при себѣ священника. Очевидно, Ольга крестилась въ Кіевѣ, гдѣ ей легко было познакомиться съ распространеннымъ тамъ христіанствомъ. Существуютъ, наконецъ, нѣкоторыя, недостаточно, впрочемъ, достовѣрныя, данныя

*

въ пользу того, что старшій сынъ Святослава, Ярополкъ, былъ расположенъ къ христіанству. Какъ бы то ни было, но ясно, что почва для принятія христіанства были совершенно подготовлена къ временамъ Владиміра.

О томъ, какъ крестился Владиміръ, разсказывается, какъ извѣстно, въ «Начальной лѣтописи» по преданію, причемъ, по собственному показанію древняго лѣтописца, уже въ его время существовали объ этомъ событіи различные разсказы: такъ, нѣкоторые утверждали, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, другіе, что въ Василевѣ, а третьи считали мѣстомъ крещенія греческій городъ Херсонесъ или Корсунь въ Крыму, близь нынѣшняго Севастополя. Лѣтописецъ считаетъ достовѣрнымъ только это послѣднее преданіе и подробно передаетъ его: сначала къ Владиміру прибыли посольства отъ болгаръ-магометанъ, нѣмцевъ-католиковъ, хозаръ, исповѣдывавшихъ іудейство, и грековъ; ознакомившись съ ихъ вѣроученіями, Владиміръ, по совѣту бояръ и старцевъ градскихъ, отправилъ посольство изъ 10-ти человѣкъ къ болгарамъ, нѣмцамъ и грекамъ; вернувшись, эти послы выразили недовольство магометанскимъ и католическимъ богослуженіемъ и восхищеніе богослуженіемъ грековъ; тогда бояре и старцы посовѣтовали Владиміру принять крещеніе отъ грековъ и сослались при этомъ на примѣръ Ольги; рѣшившись послѣдовать этому совѣту, Владиміръ взялъ греческій городъ Корсунь и потребовалъ у греческихъ императоровъ Василія и Константина руки ихъ сестры Анны, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ о желаніи своемъ креститься; въ Корсунѣ и состоялись крещеніе Владиміра и свадьба его съ царевной Анной. Таково преданіе. Внимательный критическій анализъ его убѣдилъ, однако, изслѣдователей въ полной его недостовѣрности; даже то, что въ немъ есть фактически-вѣрнаго, сильно извращено и представлено не въ томъ видѣ, какъ было въ дѣйствительности. Прежде всего нельзя признать достовѣрнымъ прибытіе миссіонеровъ разныхъ вѣроисповѣданій къ Владиміру, потому что митрополитъ Илларіонъ въ «Словѣ о законѣ и благодати», монахъ Іаковъ въ «Похвалѣ св. Владиміру» и Несторъ въ «Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ» не только не упоминаютъ о миссіонерахъ, но прямо говорятъ, что Владиміръ самъ рѣшился принять христіанство. Затѣмъ, недостовѣрно и посольство отъ Владиміра для испытанія вѣръ на мѣстѣ, потому что, во-первыхъ, не имѣло никакого смысла наблюденіе обрядовъ, а во-вторыхъ, такой выборъ вѣры психологически невозможенъ: религію мѣняютъ лишь тогда, когда сначала повѣрятъ въ истину, несогласную съ старой религіей. Далѣе: страннымъ былъ бы походъ на Корсунь при рѣшеніи креститься отъ грековъ; къ тому же монахъ Іаковъ въ «Похвалѣ св. Владиміру» указываетъ, что походъ на Корсунь случился лишь два года спустя послѣ крещенія Владиміра и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ лишь женитьбу на греческой царевнѣ и приводъ священниковъ для крещенія народа; это согласуется и съ

извѣстіемъ арабскаго лѣтописца Яхъя, по словамъ котораго Владиміръ сначала былъ въ дружбѣ съ византійскимъ императоромъ Василіемъ и помогъ ему во время возстанія противъ него Варды Фоки, но потомъ произошелъ разрывъ, результатомъ котораго и былъ походъ на Корсунь. Наконецъ, греческіе лѣтописцы не говорятъ о крещеніи Владиміра, а говорятъ только о женитьбѣ его на царевнѣ. Итакъ, достовѣрно въ преданіи только слѣдующее: 1) годъ крещенія Владиміра—988, 2) самый фактъ крещенія, 3) фактъ похода на Корсунь, бывшій, однако, позднѣе крещенія Владиміра и имѣвшій послѣдствіемъ женитьбу его на греческой царевнѣ и приводъ священниковъ для крещенія народа. Такимъ образомъ, остается, принявъ во вниманіе эти достовѣрныя данныя, объяснить фактъ крещенія Владиміра, пополняя ихъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Прежде всего нельзя не признать, что Владиміръ съ дѣтства былъ знакомъ съ христіанствомъ и могъ постепенно проникаться его истинами, потому что онъ былъ воспитанъ Ольгой, и изъ пяти его законныхъ женъ четыре были христіанками. Затѣмъ много значило и вліяніе кіевскихъ христіанъ, особенно изъ варяговъ. Это обстоятельство подтверждается и скандинавской сагой о норвежскомъ конунгѣ Олавѣ, сынѣ Триггвіевомъ, который помогалъ Владиміру въ борьбѣ его противъ Ярополка и, крестившись въ Греціи, убѣждалъ и его принять христіанство. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что Владиміръ сдѣлался христіаниномъ безъ всякаго участія грековъ и крестился или въ Кіевѣ, или въ Василевѣ, что подтверждается и свидѣтельствомъ монаха Іакова. Это случилось въ 988 г., а два года спустя, послѣ разрыва съ императоромъ Василіемъ, которому онъ раньше помогалъ, Владиміръ пошелъ на Корсунь, взялъ его, женился на царевнѣ, вывелъ изъ Корсуня священниковъ и крестилъ кіевлянъ въ 990 году. Такъ надо представлять себѣ фактическую сторону дѣла.

Распространеніе христіанства по всей русской землѣ не было дѣломъ одного Владиміра или его ближайшихъ преемниковъ: для этого потребовались усилія нѣсколькихъ поколѣній. Наибольшаго распространенія христіанство достигло при Владимірѣ въ кіевской землѣ и вообще въ южной Руси: есть, напр., извѣстіе, что Владиміръ самъ крестилъ Волынь. Гораздо менѣе податливымъ къ принятію христіанства оказался сѣверъ: въ Новгородѣ пришлось прибѣгнуть даже къ силѣ, которую и употребили въ дѣло тысяцкій Путята и дядя Владиміра, Добрыня, послѣ прибытія въ Новгородъ епископъ Іоакима; сложилась поэтому пословица «Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ»; и при всемъ томъ новгородская земля сдѣлалась христіанской лишь постепенно, въ XI-мъ и даже отчасти XII-мъ вѣкахъ. Первымъ епископамъ ростовскимъ также долго не удавалось распространить христіанство, и къ лучшему дѣло пошло здѣсь только во второй половинѣ XI-го вѣка, при третьемъ епископѣ ростовскомъ св. Леонтіи и при его преемникѣ

св. Исаіи. Въ землѣ вятичей христіанство распространено было только въ половинѣ XII-го вѣка св. Кукшей. Еще въ XI-мъ вѣкѣ митрополитъ Илларіонъ называлъ русскихъ христіанъ «*малымъ* стадомъ Христовымъ». Но дѣло не въ одной только малочисленности христіанъ и въ медленности распространенія христіанства между русскими, дѣло въ томъ, что самое усвоеніе истинъ христіанской религіи шло очень туго, и вновь воспринятыя вѣрованія безпорядочно перемѣшивались со старыми, языческими, въ результатѣ чего появлялось *двоевѣріе*, одно изъ важнѣйшихъ явленій въ религіозной жизни кіевской Руси, указывающее на такую же безпорядочность и неорганизованность духовнаго существованія русскаго народа въ то время, съ какой мы познакомились, изучая хозяйственный бытъ, устройство общества и политическій строй. Народъ, принявъ христіанство, продолжалъ вѣрить въ языческихъ боговъ и справлять языческіе праздники. Въ обличительныхъ словахъ того времени часто говорится о «христіанахъ, двоевѣрно живущихъ»; митрополитъ Іоаннъ въ своемъ «Правилѣ» черноризцу Іакову упоминаетъ о христіанахъ, которые «жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладеземъ»; не разъ появлялись въ XI-мъ вѣкѣ волхвы, смущавшіе народную массу своими гаданіями; языческіе праздники слились съ христіанскими, и свойства языческихъ боговъ стали переноситься на христіанскихъ святыхъ: напр., св. Георгій и св. Власій чтились, какъ покровители скота, подобно Волосу. Наконецъ, вѣра въ злыхъ боговъ, чернобоговъ, сполна перешла въ христіанство, причемъ чернобоги отожествились съ злыми духами, съ діаволомъ.

Итакъ, въ религіозную жизнь русскаго народа, какъ и въ нравственную, были только заложены новыя сѣмена, которыя съ трудомъ прививались къ почвѣ и терялись въ массѣ старыхъ преданій языческой эпохи. Тотъ же выводъ о безпорядочности и слабой организованности едва проникшихъ на Русь новыхъ началъ получается при изученіи *эстетической жизни* древнѣйшаго русскаго общества, при изслѣдованіи исторіи искусства. Остановимся прежде всего на архитектурѣ и притомъ сначала на построеніи каменныхъ зданій. Каменное зодчество въ Россіи не восходитъ къ глубокой древности: оно не старѣе первыхъ лѣтъ послѣ принятія христіанства. Главнымъ предметомъ каменной стройки были церкви. Древнѣйшая каменная церковь—Десятинная въ Кіевѣ—была построена Владиміромъ Святымъ въ періодъ времени между 991 и 996 годами. Вообще каменныя церкви не были тогда частымъ явленіемъ даже въ большихъ городахъ: въ Кіевѣ и Новгородѣ было по 20—25 каменныхъ церквей при громадномъ количествѣ деревянныхъ, особенно домовыхъ церквей — княжескихъ и боярскихъ. Изучая архитектуру русскихъ каменныхъ церквей кіевскаго періода, можно различить два ихъ типа: характернымъ представителемъ одного является соборъ св. Софіи въ Кіевѣ, основанный Ярославомъ въ 1037 г.; другой типъ представленъ Дмитріевскимъ соборомъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, построеннымъ въ концѣ XII-го вѣка.

Софійскій соборъ въ Кіевѣ есть произведеніе чисто византійскаго архитектурнаго стиля и близко подходитъ по типу къ константинопольской церкви Пантократора (т.-е. Вседержителя). «Зданіе построено изъ кирпича, и лишь на высотѣ пояса перваго этажа выполненъ мелкій мраморный карнизъ». Планъ церкви—четыреугольникъ изъ четырехъ столбовъ, на которыхъ покоится главный куполъ. Этотъ планъ свойственъ византійскимъ церквамъ не только X-го и XI-го, но и VI-го вѣка, напр., собору св. Софіи Юстиніана. Куполъ на этомъ послѣднемъ соборѣ, какъ извѣстно, сферическій, прообразующій небесный сводъ. Но въ позднѣйшемъ византійскомъ искусствѣ эта идея утратилась, и куполъ видоизмѣнился, какъ измѣнилось вслѣдъ затѣмъ и число куполовъ или церковныхъ главъ по той причинѣ, что съ утратой первоначальной идеи одного большого сферическаго купола исчезла необходимость въ томъ, чтобы онъ былъ одинъ, и главы стали простыми внѣшними украшеніями храмовъ. Такимъ видоизмѣненнымъ византійскимъ куполомъ позднѣйшаго времени является и куполъ кіевскаго собора св. Софіи: это уже не сферическій въ собственномъ смыслѣ этого слова куполъ, а такъ называемый тамбурный: на столбахъ четыреугольника помѣщенъ барабанъ или тамбуръ, покрытый сферическимъ верхомъ. Таковъ въ общихъ чертахъ первый византійскій типъ церковной архитектуры кіевскаго періода. Мы тщетно стали бы искать здѣсь сколько-нибудь значительныхъ оригинальныхъ русскихъ измѣненій и дополненій. Единственнымъ русскимъ архитектурнымъ мотивомъ является пристройка къ каменнымъ церквамъ башенъ или теремовъ, заимствованная изъ мѣстнаго деревяннаго зодчества. Не слѣдуетъ думать, что это колокольни, потому что хотя у насъ въ кіевскій періодъ, по примѣру запада и вопреки греческимъ обычаямъ, и были колокола, но они были незначительны по вѣсу и размѣрамъ, и спеціальныхъ колоколенъ для нихъ не строилось, а вѣшались они обыкновенно на перекладинѣ, укрѣпленной на двухъ деревянныхъ столбахъ. Эти башни и терема устраивались для лѣстницъ на хоры или «полати» и для церковныхъ ризницъ и кладовыхъ. Случалось, что въ церковныхъ теремахъ погребались умершіе: такъ сохранилось извѣстіе, что въ 1150 году тѣло князя Игоря Ольговича, убитаго въ Кіевѣ, было перенесено въ Черниговъ и похоронено «у святого Спаса въ теремѣ», т.-е. въ башнѣ черниговскаго Спасо-Преображенскаго собора. Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого оригинальнаго архитектурнаго мотива: церковныя башни или терема были рѣдкимъ явленіемъ и скоро исчезли совершенно, не оставивъ слѣдовъ въ позднѣйшемъ каменномъ зодчествѣ. Другой архитектурный типъ, лучшимъ представителемъ котораго является Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, также мало оригиналенъ, какъ и первый, и можетъ быть названъ если не исключительно, то по преимуществу романскимъ, занесеннымъ въ наше отечество западно-европейскими мастерами. Извѣстно, что Владимірскій Успенскій соборъ, построенный при Андреѣ

Боголюбскомъ, былъ сооруженъ мастерами, пришедшими «изъ всѣхъ земель». Дмитріевскій соборъ былъ только продолженіемъ и завершеніемъ того архитектурнаго стиля, который впервые на Руси нашелъ себѣ выраженіе въ соборѣ Успенскомъ. Правда, и здѣсь сохраненъ былъ чисто византійскій планъ зданія, но отличительной чертой изучаемаго стиля является обиліе внѣшнихъ украшеній: съ внѣшней стороны каждая стѣна собора раздѣлена на три части длинными тонкими колоннами во всю высоту собора; вверху эти колонны соединены арками, такъ что получаются три дугообразныхъ фронтона. На половинѣ высоты церкви устроенъ на каждой стѣнѣ карнизъ, внизъ отъ котораго спускаются небольшія колонки, опирающіяся на кронштейны. Между колонками вылѣплены фигуры святыхъ. Такія же лѣпныя фигуры помѣщены и на верхней половинѣ каждой стѣны, выше карниза: ими окружены здѣсь окна собора; только здѣсь мы имѣемъ уже не изображенія святыхъ, а фигуры людей, животныхъ—львовъ, центавровъ, оленей,—птицъ, цвѣтовъ и листьевъ растеній. Такого же романо-византійскаго стиля былъ и дворецъ князя Андрея въ Боголюбовѣ, остатки котораго уцѣлѣли до нашего времени. Вообще каменная архитектура русскаго сѣверо-востока вся сохраняла этотъ типъ, переходомъ отъ котораго къ южно-русскому чисто византійскому служило каменное зодчество въ Новгородѣ. Итакъ, въ архитектурѣ каменныхъ зданій древнѣйшей Россіи не замѣтно почти совсѣмъ мѣстнаго, русскаго творчества: то былъ рядъ иностранныхъ вліяній, путемъ переработки которыхъ въ будущемъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и вкусамъ, въ кіевскій періодъ еще не образовавшимся, должно было возникнуть будущее русское строительное искусство.

Другимъ элементомъ этого будущаго русскаго зодчества служила деревянная архитектура кіевскаго періода. Въ этой области строительнаго искусства христіанская эпоха унаслѣдовала отъ языческихъ временъ нѣкоторыя архитектурныя традиціи, открывавшія просторъ для болѣе свободнаго и самостоятельнаго проявленія художественнаго вкуса. Обиліе лѣсовъ издавна пріучило восточныхъ славянъ пользоваться этимъ матеріаломъ съ строительными цѣлями. Жилища частныхъ людей строились, разумѣется, всегда изъ дерева, и тогда еще выработался типъ русской деревянной избы, дѣлящейся на клѣть, т.-е. не отапливаемое помѣщеніе, и избу въ собственномъ смыслѣ, «истъбу», или «истопку», т.-е. помѣщеніе, снабженное печью для отопленія. Въ разсказѣ о смерти варяговъ-христіанъ при Владимірѣ въ 983 году встрѣчаемъ извѣстія, что народъ передъ убійствомъ варяговъ «подрубилъ сѣни», гдѣ они находились. Эти сѣни — крытое болѣе или менѣе обширное пространство между отдѣльными клѣтями или избами—находились, значитъ, въ верхнемъ этажѣ, на высокихъ столбахъ, какъ то было позднѣе. Слѣдовательно, тогда уже былъ порубъ или подклѣтъ, т.-е. нижній этажъ, и горница—верхній этажъ. О порубѣ, дѣй-

ствительно, говорится въ XII вѣкѣ, а горенка упоминается въ 1152 году. Такимъ же двухъ-этажнымъ деревяннымъ сооруженіемъ былъ, вѣроятно, и теремъ Ольги, упомянутый въ 945 году, и дворцы князей въ XI и XII вѣкахъ, не считая каменнаго дворца Андрея Боголюбскаго. Масса церквей, появившаяся съ введеніемъ христіанства,— въ Кіевѣ онѣ считались сотнями — была построена изъ дерева. Большинство ихъ представляло собою нехитрыя сооруженія, — обыкновенныя, даже одноэтажныя избы съ деревянными куполами и крестами наверху. Церкви эти строились «о клѣтцѣ» или «клѣтцки», т.-е. также, какъ теперь строятся деревянные дома,—путемъ горизонтальной кладки бревенъ одни на другія клѣткой; но былъ и другой, болѣе примитивный способъ стройки — посредствомъ поставленія бревенъ стоймя. Планъ и куполъ деревянныхъ церквей работались, повидимому, по византійскимъ образцамъ: церкви были квадратныя и съ тамбурными или сферическими куполами. Можно только сказать, что деревянныя церкви нерѣдко имѣли большое количество главъ: такъ, древній новгородскій соборъ, построенный первымъ новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ и сгорѣвшій въ 1045 году, былъ о 13-ти верхахъ. Была ли какая-либо орнаментація, рѣзьба—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, и деревянное строительство открывало лишь нѣкоторыя перспективы на дальнѣйшее образованіе и развитіе русскаго зодчества, но въ изучаемый періодъ не являлось еще сложившейся формой, выражавшей опредѣленный эстетическій вкусъ, потому что такого вкуса еще не было. Элементарныя практическія, утилитарныя соображенія играли еще почти исключительную роль въ области древнѣйшаго русскаго строительнаго искусства. Иностранныя вліянія механически перемѣшивались между собою, плохо объединяясь и не подвергаясь оригинальной переработкѣ.

Живопись въ до-христіанское время совершенно не существовала въ кіевской Руси. Но и послѣ принятія христіанства она появилась лишь въ видѣ иконописанія. Ни въ какой сферѣ древнѣйшаго русскаго искусства вліяніе византійскихъ образцовъ не сказалось такъ сильно, какъ въ иконографіи: можно сказать, что здѣсь это вліяніе господствовало всецѣло, совершенно неограниченно. Сохранилось не мало извѣстій о византійскихъ иконописцахъ въ кіевской Руси; и это можно сказать не только о X-мъ вѣкѣ, когда, при построеніи Десятинной церкви, Владиміръ Святой всѣ иконы вывезъ изъ Корсуни, или объ XI-мъ столѣтіи, когда греческіе иконописцы прибыли въ Кіевъ для украшенія иконами Печерской Лавры, но и о XII-мъ вѣкѣ: именно въ концѣ его въ Новгородѣ иконы часто еще писались греками. Первые русскіе иконописцы — Алимпій Печерскій, о которомъ разсказываетъ «Патерикъ», и суздальскіе мастера конца XII-го столѣтія, обновившіе въ 1194 году церковь Богородицы въ Суздалѣ, несомнѣнно, вышли изъ греческой школы и рабски подражали ея живописнымъ пріемамъ. Греки употребляли два способа изображенія святыхъ въ

церквахъ, — мозаику или мусію, которая привозилась изъ Византіи и вслѣдствіе своей дороговизны примѣнялась въ кіевской Руси рѣдко— она извѣстна только въ четырехъ кіевскихъ церквахъ, Десятинной, Софійской, въ церкви Печерскаго монастыря и, наконецъ, Михайловскаго монастыря, — и фресковую живопись, т.-е. живопись по сухой свѣжей штукатуркѣ водяными красками на клею или на яичномъ бѣлкѣ. И въ отношеніи пріемовъ работы, и въ смыслѣ самыхъ ея художественныхъ результатовъ типической для кіевскаго періода является живопись кіевскаго Софійскаго собора, о которой мы поэтому и скажемъ нѣсколько словъ. Въ основу иконописи этого собора было положено двѣ идеи: во-первыхъ, представить, какъ Божественная Премудрость руководила родомъ человѣческимъ, проводя его черезъ Ветхій и Новый Завѣты къ воплощенію Іисуса Христа и къ искупленію, во-вторыхъ, дать рядъ изображеній заступниковъ и патроновъ церкви въ виду значенія собора какъ митрополичьей церкви, группировавшей около себя нарождавшееся на Руси христіанство. Этой чисто византійской иконописной идеологіи соотвѣтствовали и исключительно византійскіе художественные пріемы и традиціи. Мозаики Кіево-Софійскаго собора, главной изъ которыхъ является мозаическая икона Богородицы Нерушимой Стѣны въ алтарѣ, отличаются пестротой тоновъ массой складокъ на одеждѣ, плоскостью и схематичностью изображеній, неестественностью движеній. Мастеръ «пользуется для своихъ изображеній шаблономъ, передающимъ традиціонный образъ или картинную композицію. Здѣсь все согласно съ преданіемъ, все держится старины, главнымъ образомъ догмата». Больше творчества изслѣдователи наблюдаютъ въ фрескахъ Софійскаго собора, но и фрески во многомъ условны: вездѣ повторяются однѣ и тѣ же черты—круглое лицо, широко открытые глаза, прямой правильный носъ, полныя губы. Однимъ словомъ, полное и безраздѣльное господство византійскихъ традицій.

Гораздо больше историческихъ корней въ языческомъ прошломъ имѣли музыка и пѣніе. Уже Ибнъ-Фодланъ сохранилъ намъ извѣстіе, что при похоронахъ съ умершимъ клали лютню. Въ 1015 году, по разсказу житія св. Ѳеодосія, при дворѣ князя Святослава на пиру играли на гусляхъ. Трубы и бубны были въ войскѣ Юрія Долгорукаго въ XII-мъ вѣкѣ. Раньше, когда у насъ шла рѣчь о нравахъ въ древнѣйшей Россіи, былъ приведенъ текстъ, указывающій на обычай игры на гусляхъ и свирѣляхъ во время обѣдовъ у богатыхъ людей. Наконецъ, по «Слову о полку Игоревѣ», Баянъ вѣщій былъ великимъ пѣвцомъ и музыкантомъ. Эта свѣтская музыка носила впрочемъ, несомнѣнно, очень первобытный характеръ, и говорить на основаніи приведенныхъ данныхъ объ эстетическомъ развитіи нашихъ отдаленныхъ предковъ, конечно, не приходится. Еще меньше значенія съ точки зрѣнія эстетической имѣетъ церковное пѣніе кіевскаго періода: въ немъ уже совершенно не было національно русскихъ элементовъ, какого-либо мѣст-

наго колорита; оно было принесено изъ Болгаріи пѣвчими или «демественниками», выписанными Владиміромъ Святымъ, и изъ Греціи тѣми византійскими пѣвчими, которые прибыли съ царевной Анной. Греки и насаждаютъ въ кіевской Руси «изрядное осмогласіе», т.-е. систему восьми греческихъ гласовъ или напѣвовъ. Если въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ и были какія-либо попытки русскаго церковнаго композиторства, то онѣ во всякомъ случаѣ не выходили изъ предѣловъ рабскаго подражанія византійскимъ образцамъ.

Для того, чтобы точно опредѣлить уровень эстетическаго развитія древнѣйшаго русскаго общества, необходимо познакомиться еще съ исторіей изящной литературы или поэзіи въ кіевскій періодъ. Но такъ какъ, изучая литературу, мы вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно знакомимся также съ умственнымъ состояніемъ общества, съ кругомъ идей, ему доступныхъ, и съ уровнемъ просвѣщенія, то удобнѣе не отдѣлять исторіи поэзіи отъ исторіи литературы вообще и отъ исторіи просвѣщенія и умственнаго развитія.

Начало письменности у славянскихъ народовъ относится, несомнѣнно, къ очень древнему времени, къ эпохѣ, послѣдовавшей довольно скоро за разселеніемъ славянъ изъ прикарпатскаго края. По свидѣтельству болгарскаго писателя X-го вѣка, черноризца Храбра, славяне писали сначала «чертами и рѣзами», а затѣмъ пользовались греческимъ и латинскимъ алфавитами для изображенія звуковъ славянской рѣчи. Св. Кириллъ, надо думать, воспользовался этой совершенной до него продолжительной, вѣковой работой, чтобы усовершенствовать славянскую азбуку и переводомъ Священнаго Писанія на славянскій (болгарскій) языкъ положить прочную основу славянской письменности. Но все, сейчасъ сказанное, относится только къ западнымъ и южнымъ славянамъ, а не къ восточнымъ: восточные славяне долго не знали письменности и, несомнѣнно, заимствовали азбуку изъ Болгаріи. Это видно изъ того, что первыми памятниками письменности на Руси были договоры Олега и Игоря съ греками, договоры эти — несомнѣнный переводъ съ греческаго: по мнѣнію лингвистовъ, выраженіе «равно другого свѣщанья», которымъ начинаются договоры, значитъ «ἴσον τοῦ πρωτοτύπου», т.-е. «точный переводъ (или копія) съ подлинника», и, наконецъ, переводъ этотъ сдѣланъ съ массою болгаризмовъ. Если бы была своя азбука и письменность у восточныхъ славянъ, то незачѣмъ было бы прибѣгать къ такому посредству болгаръ. Но въ языческое время письменность, вѣроятно, и ограничивалась одними текстами договоровъ, потому что тогда не было даже и зачатковъ просвѣщенія или хотя бы самаго элементарнаго образованія.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть I.

(*Продолженіе* *).

V.

Другія причины мѣшали спать Людмилѣ. Улегшись въ постель и погасивъ свѣтъ, она долго не могла отдѣлаться отъ этого новаго ощущенія своей преступности противъ матери.

Дверь въ спальню Ирины Васильевны была полупритворена и Людмила слышала, какъ мать укладывалась въ постель, какъ она поправляла подушки и ворочалась, и слухъ ея, помимо ея воли, напрягался, ей все казалось, что мать еще что-нибудь скажетъ ей.

Но Ирина Васильевна не сказала ни слова, и, наконецъ, Людмила убѣдилась, что ожидать этого не слѣдуетъ. Очевидно, она считаетъ ее уснувшей.

И вотъ ею съ новой силой овладѣваетъ это ужасное чувство: точно между этими двумя комнатами была протянута крѣпкая нить, которая связывала ихъ, и эту нить сегодня кто-то разрубилъ.

Никогда прежде не могло бы случиться этого, чтобы она радовалась тѣмъ минутамъ, когда мать не наблюдала за нею и чтобы затѣмъ она, будучи переполнена новыми и важными мыслями, не подѣлилась ими съ матерью.

Не помнитъ она, чтобы былъ хоть одинъ такой часъ, когда она была безъ матери. Во время ея болѣзни мать не отходила отъ нея, когда же Ирина Васильевна сáма бывала нездорова, она не отпускала отъ себя дѣвочку.

Она никогда такъ не думала, потому что у нея не возникало подобныхъ вопросовъ; но если бы подумала, то затруднилась бы отдѣлить свое существо отъ существа своей матери. Казалось, что это было одно существованіе. И вотъ настаетъ время, когда

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1903 г.

эта «слитность» начинаетъ какъ бы тяготить ее, являются моменты и настроенія, когда она стала мыслить и чувствовать по своему, а, наконецъ, пришелъ и такой моментъ, когда она даже не нашла въ себѣ силы открыть передъ матерью свою душу или, лучше, нашла въ себѣ силы не открыть ее.

Она помнитъ себя съ пятилѣтняго возраста. Всякій, кто приходилъ въ домъ, засматривался на нее и непремѣнно ласкалъ ее. А въ маленькой душѣ вмѣщался неисчерпаемый источникъ теплоты и довѣрчивости. Дѣвочка довѣряла себя всѣмъ, она не дѣлала разницы между людьми, между своими и чужими, охотно шла ко всѣмъ на руки и принимала ласки.

Но смутно помнитъ она, что всякій разъ, когда это случалось, мать осторожно брала ее за руку и, если ей самой нужно было оставаться здѣсь, держала ее у себя на колѣняхъ, нѣжно гладя ея волосы. Но если это были люди ей не нужные, она уводила дѣвочку въ свою комнату и говорила ей:

— Это чужіе, всѣ люди чужіе для тебя, кромѣ твоей мамы.: ты не должна идти къ нимъ, ты не должна принимать отъ нихъ ласки...

— Мамочка, онъ добрый, онъ такой хорошій,—возражала дѣвочка, если кто-нибудь особенно нравился ей.

— Милая моя дѣтка, ты еще мала, ты ничего не понимаешь. Когда выростешь, узнаешь, что добрыхъ и хорошихъ людей нѣтъ, всѣ злые и дрянные. Никому довѣряться нельзя. никого любить не слѣдуетъ...

Эти рѣчи сперва звучали въ ея ушахъ, какъ слова чужого языка, но съ каждымъ годомъ становились для нея яснѣе, да и сама Ирина Васильевна высказывалась ярче и пространнѣе по мѣрѣ того, какъ дѣвочка выростала. Но безсмѣнно она говорила ей все то же, всѣ ея отзывы о людяхъ сводились къ одному: люди—самыя дрянныя существа, ихъ не стоитъ ни любить, ни жалѣть. Если иные изъ нихъ чисты и красивы извнѣ, то внутри у нихъ грязь и мерзость.

Въ это далекое время Людмила, конечно, не умѣла еще наблюдать, да и самъ Модестъ Петровичъ не вызрѣлъ еще въ тотъ опредѣленный типъ, въ какой превратился впослѣдствіи. Онъ никогда не обнаруживалъ особенной нѣжности къ дѣвочкѣ, но и не былъ съ нею суровъ. Случалось даже, что онъ иногда расщедривался и приносилъ ей какія-нибудь дешевыя сласти или грошовую игрушку. Дорогія покупки онъ вообще признавалъ баловствомъ и развратомъ. Онъ говорилъ, что «дѣти бѣдняковъ играютъ камнями и костями, которые находятъ на улицѣ». Это были вѣчные мотивы его разсчетливости.

Но мягкое сердце дѣвочки цѣнило и эти немногія проявленія

любезности, когда онъ ей дѣлалъ ихъ, и маленькія ручонки ея довѣрчиво и благодарно простирались къ нему.

Суровымъ взглядомъ тогда окатывала ее Ирина Васильевна, схватывала за руку и уводила прочь.

— Папа добрый, папа хорошій,—протестующе щебетала дѣвочка.

— Онъ такой же, какъ всѣ... и для тебя онъ то же, что всѣ,—сурово говорила ей Ирина Васильевна.—Никого не надо любить, моя дѣвочка, никого... Всѣ одинаково злы, и никто не стоитъ нашей любви.

Все ея дѣтство было окружено атмосферой этихъ понятій, а она обожала свою мать и не смѣла думать иначе. Въ дѣтствѣ она думала, какъ мать. Когда ей было лѣтъ десять, она уже твердо усвоила все «ученіе» Ирины Васильевны. Она на всѣхъ, кто бывалъ у нихъ въ домѣ, и на тѣхъ, кого она случайно встрѣчала на улицѣ, смотрѣла, какъ на враговъ, которые только желали и могли сдѣлать ей зло. Она не дичилась людей, а какъ бы не удостоивала ихъ своей близости и сторонилась ихъ. Она умѣла прижиматься только къ своей матери, въ которую вѣрила и которая была для нея всѣмъ.

А Ирина Васильевна была для нея все не только на словахъ. Она, дѣйствительно, глубоко вникала въ каждую мелочь ея существованія и старалась обставить ее какъ только можно было лучше при своихъ условіяхъ.

За нее она постоянно сражалась съ Модестомъ Петровичемъ, который съ каждымъ годомъ становился все скареднѣе. Кромѣ того, Людмила своимъ холоднымъ отношеніемъ къ нему вызвала въ немъ сперва равнодушіе, а потомъ и вражду. Она была ему непріятна, она однимъ своимъ существованіемъ заставляла его вспоминать то время, когда онъ унижался передъ Ириной Васильевной, вымаливалъ у нея благосклонность, а она отдала эту благосклонность другому, и о томъ, когда слѣпая любовь заставила его дойти до послѣдняго униженія—жениться на женщинѣ, которая его презирала.

И каждый рубль, который требовала отъ него Ирина Васильевна для дочери, онъ, прежде чѣмъ выдать его, крѣпко зажималъ въ рукѣ, и только ея страшная настойчивость и его боязнь безпорядка въ домѣ заставляли его, въ концѣ концовъ, уступать.

Трудная борьба была съ нимъ, когда наступило время отдать Людмилу въ гимназію. Ирина Васильевна рѣшила отдать ее въ частную гимназію, гдѣ и учатъ лучше, и нравы мягче. Но тамъ полагалась значительная плата, поэтому Модестъ Петровичъ былъ противъ, онъ стоялъ за казенную гимназію, и понадобились мѣсяцы, чтобы вырвать у него согласіе.

Въ гимназію Людмила вступила съ душой, уже вполнѣ отражавшей взгляды Ирины Васильевны. На подругъ она смотрѣла съ недовѣріемъ, каждую подозрѣвая въ томъ, что она всегда готова сдѣлать ей зло. За все время ученія въ гимназіи она сошлась только съ одной дѣвочкой—Любочкой Костровой, да и то потому, что Кострова такъ же недовѣрчиво относилась къ подругамъ, какъ и она. Остальнымъ не вѣрила и гордо отстраняла ихъ отъ себя.

А по мѣрѣ того, какъ она подрастала и ея умственный кругозоръ расширялся, раздвигалась и атмосфера, которою окружила ее Ирина Васильевна. Она раздвигалась, но не измѣнялась по своему составу.

Ирина Васильевна завладѣла всѣмъ. Она выбирала для нея знакомыхъ, развлеченія и книги. Она поставила себѣ задачей осторожно раскрывать передъ нею жизнь съ самыхъ дурныхъ ея сторонъ, чтобы потомъ не было обмана. Поэтому въ четырнадцать лѣтъ она возила Людмилу въ театры на не слишкомъ цѣломудренныя пьесы, гдѣ порокъ выставлялся во всей его наготѣ, поэтому въ томъ же возрастѣ она читала книги, въ которыхъ ярко описывались дурныя страсти, поэтому при ней свободно говорили о подлостяхъ и мерзостяхъ, которыя дѣлали ихъ знакомые.

Мало-по-малу Людмила узнавала все, жизнь не прикрывалась передъ нею завѣсой. Модестъ Петровичъ, принимая тонъ строгаго моралиста, возмущался этимъ.

— Вы умышленно развращаете дѣвочку,—говорилъ онъ Иринѣ Васильевнѣ.

— Неправда, вы, мужчины, лицемѣрно возмущаетесь этимъ и говорите такъ потому, что дѣвушку, воспитанную въ правдѣ, вамъ потомъ труднѣе будетъ развратить... Вы нарочно воспитываете ихъ въ лжи, увѣряете ихъ, что жизнь прекрасна и люди—добрые ангелы, для того, чтобы потомъ, подъ видомъ добрыхъ ангеловъ, ближе подойти къ нимъ, взять отъ нихъ то, что составляетъ цѣль вашего пошлаго бытія, обмануть и уйти... Женщина, вступая въ жизнь, въ сущности вступаетъ въ бой съ мужчиной. Но мужчина знаетъ все, а женщина заблуждается. Нѣтъ, надо, чтобы шансы ихъ были равные. Женщина тоже должна знать жизнь со всѣхъ сторонъ. Она не должна заблуждаться.

— Но, однако, вы этого не доведете до конца и остановите вашу дочь тамъ, гдѣ не останавливаются мужчины,—ѣдко возражалъ Модестъ Петровичъ.

— О, въ этомъ нѣтъ надобности... Она сама остановится, потому что она женщина и, значитъ, чиста, до тѣхъ поръ, разумѣется, пока вы ее не развратили.

Такъ шло образованіе міросозерцанія Людмилы. Но на ряду

съ этимъ постоянно возникалъ и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ и незамѣтно вырабатывались въ ея головѣ другія понятія.

Модестъ Петровичъ Балясовъ дѣлалъ карьеру усердно. Ему везло. Онъ умѣлъ нравиться начальству, съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Его природныя способности помогали ему въ этомъ. Укрѣпившись на вліятельномъ мѣстѣ, отъ котораго зависѣли милліонные подряды, онъ чрезвычайно ловко устраивалъ свои дѣла. Жизнь его протекала весело. Не было почти дня, когда бы онъ не велъ «частные переговоры» съ «искателями». Его возили въ дорогіе рестораны, угощали тонкими обѣдами, заливали дорогимъ виномъ и увеселяли гдѣ-нибудь за городомъ цыганками и другихъ національностей женщинами.

Но эти предварительные переговоры всегда завершались какимъ-нибудь даромъ, въ видѣ ли откровенныхъ банковыхъ билетовъ, или какихъ-нибудь маскирующихъ паевъ, которые самъ же владѣлецъ «искатель»—тутъ же у него покупалъ, и все это были цифры не шуточныя, дававшіе возможность его вкладу въ банкѣ быстро увеличиваться.

Въ послѣдніе годы, когда онъ достигъ статскаго совѣтника и сдѣлался уже вполнѣ вліятельнымъ, онъ разъѣлся, распился, а главное, у него проявилось какое-то почти болѣзненное сластолюбіе, которому онъ давалъ волю, предоставляя его оплачивать «искателямъ», и все это оставляло слѣдъ на его наружности, прежде довольно приличной и даже привлекательной.

Но это не мѣшало ему, на службѣ носившему вицъ-мундиръ, въ частной жизни придерживаться манеръ, усвоенныхъ въ былое время студенчества. Казалось, этотъ человѣкъ ни за что не хотѣлъ уступить своего демократизма, и это проявлялось въ томъ, что онъ цѣпко держался за косоворотую ситцевую рубаху, которую носилъ на выпускъ, покрывая ее грязнымъ заношеннымъ пиджакомъ, пускалъ въ разговорѣ грубыя «народныя словечки», плевалъ на полъ, курилъ плохой и дешевый табакъ и держалъ въ своемъ шкафу и на полкѣ книги, изъ которыхъ нѣкогда почерпалъ цѣлыя страницы умныхъ и благородныхъ словъ.

Его ссылки на то, что «народъ ходитъ въ лаптяхъ и ѣстъ мякину», въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него требовали какой-нибудь траты, сдѣлались трюизмами, ихъ уже можно было предвидѣть.

Онъ любилъ всячески зазывать къ себѣ молодыхъ людей изъ учащихся въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ такихъ случаяхъ въ домѣ раздавался его сиплый, но назойливо громкій тенорокъ, проповѣдывавшій самыя рискованныя вещи...

Для Ирины Васильевны все это давало поводъ высказываться рѣзко и опредѣленно. Она никогда не спорила, потому что не

признавала возраженій. Она не требовала, чтобы съ нею соглашались, ей было рѣшительно все равно, какъ подумаютъ другіе. Она говорила только для Людмилы, которая это понимала.

Модестъ Петровичъ объяснялся въ любви къ молодежи, говорилъ, что она одна хранитъ чистые идеалы правды. Онъ проливалъ слезы по адресу «народа, который погибаетъ отъ невѣжества и недостатковъ», онъ цитировалъ стихи Некрасова, цѣлыя страницы изъ Герцена, изъ Добролюбова, изъ всѣхъ тѣхъ книгъ, изъ которыхъ онъ когда-то почерпнулъ весь свой умственный багажъ...

А Ирина Васильевна говорила:

— Да, молодежь хранитъ идеалы, пока они ей не помѣшаютъ устраиваться. Собственно даже не молодежь ихъ хранитъ, а студенческій мундиръ, къ которому они пришиты, а вмѣстѣ съ мундиромъ они скидываютъ и идеалы. Снявъ студенческій мундиръ, они надѣваютъ чиновничій, инженерный, докторскій, какой хотятъ, и вмѣстѣ съ нимъ принимаютъ другіе идеалы и начинаютъ устраиваться, дѣлать карьеру, прислуживаться, лицемѣрить, взятки брать и копить деньги... А народъ, онъ, дѣйствительно, гибнетъ отъ невѣжества и недостатковъ, но, право же, если бы онъ, этотъ народъ, стоилъ чего нибудь, то и не гибнулъ бы... Всякій достоинъ своей судьбы, а о народѣ у насъ вздыхаютъ и плачутъ уже тридцать лѣтъ, эти вздохи и слезы одно поколѣніе передаетъ другому, а народу отъ этого стало не только не лучше, а даже хуже... Всѣ, въ концѣ концовъ, думаютъ только о себѣ, устраиваютъ только свою судьбу, да такъ, видно, и надо; но тогда говорите ужъ прямо, что такъ надо, и вы такъ дѣлаете...

Она въ такихъ случахъ говорила много и была краснорѣчива и всѣ ея рѣчи были облиты злобой. Людмилу подавлялъ ея тонъ, рѣзкій, авторитетный, не допускавшій и мысли о возраженіи. Иногда въ ея душѣ смутно мелькало ощущеніе какъ бы совершающейся передъ нею несправедливости, въ головѣ намѣчались неясныя мысли, но она чувствовала себя такой маленькой и незначительной передъ матерью, притомъ же она такъ привыкла довѣрять себя ей и мыслить не своей, а ея головой, что все это замолкало въ ней и не проявлялось.

И выростала она съ опредѣленнымъ и несокрушимымъ убѣжденіемъ, что жить надо только для себя, что для этого всѣ пути хороши, что любовь, это—слабость, а идеалы добра, это—коньки, на которыхъ умные и хитрые люди выѣзжаютъ, куда имъ надо...

Ирина Васильевна смотрѣла на свою дочь и любовалась тѣмъ, какъ она хорошо «вооружила ее для жизни».

«Я вѣрила во многое изъ того, противъ чего теперь борюсь, я вѣрила почти во все,—говорила она себѣ,—и была обманута.

Она не вѣритъ ни во что, и потому ее не обманутъ. Если я сегодня умру, завтра она можетъ вступить въ жизнь и идти одна безъ посторонней помощи».

Такъ думала Ирина Васильевна, но она ничего не знала о тѣхъ смутныхъ ощущеніяхъ и неясныхъ мысляхъ, которыя иногда поднимались въ душѣ Людмилы и, подавляемыя ея авторитетомъ, замолкали.

При этомъ она совсѣмъ обходила вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится ея дочь къ Модесту Петровичу. Боялась ли она прикоснуться къ этому больному мѣсту или считала это неважнымъ, но никогда ей не приходило въ голову пойти навстрѣчу тѣмъ сомнѣніямъ, какія могли возникнуть въ душѣ Людмилы.

А между тѣмъ Людмила была наблюдательна. Эту наблюдательность развила въ ней сама Ирина Васильевна. Она видѣла, что отношенія ея матери къ Модесту Петровичу всегда были враждебны. Кромѣ того она сравнивала обращеніе его съ нею и съ Михаиломъ. Это были точно два человѣка. Для Михаила онъ тоже скупился, но если и отказывалъ, то какъ будто стыдился и извинялся, да и отказывалъ рѣдко.

Но на него онъ смотрѣлъ нѣжными глазами, въ его жизнь онъ вмѣшивался, тогда какъ она для Модеста Петровича была въ домѣ—точно жилица.

Эти наблюденія заставляли ее напрягать слухъ въ тѣ минуты, когда между Модестомъ Петровичемъ и ея матерью «при закрытыхъ дверяхъ» происходили крупныя объясненія. И до нея долетали странныя фразы, отрывочные намеки. Она собирала ихъ, сопоставляла и, наконецъ, сдѣлала выводъ, что Модестъ Петровичъ ей не отецъ.

И тогда ей стало ясно, что въ ея жизни есть какая-то тайна, которую ей не хотятъ сказать. И это открытіе внесло совершенно новую черту въ ея отношенія къ матери. Да, между ними было все ясно, Ирина Васильевна жила съ дочерью въ открытую, но вотъ нашлось нѣчто, чего мать ей не сказала, значитъ у нея есть что прятать.

Это была капля яду, благодаря которой, незамѣтно для нея самой, началось разложеніе, казавшагося незыблемымъ, ея довѣрія къ матери.

Когда Людмила кончила гимназію, у Ирины Васильевны явилась новая задача. Она, конечно, не думала такъ скоро выдавать ее замужъ, но хотѣла быть во всякое время къ этому готова.

«Ничто въ ея жизни не должно быть внезапно, я все должна предвидѣть», говорила она себѣ.

Людмила выйдетъ замужъ, этотъ вопросъ былъ рѣшенъ у нея давно.

— Дѣвушки обыкновенно выходятъ замужъ,—говорила Ирина Васильевна.—Очень многія увѣряютъ другихъ и себя, что онѣ презираютъ замужество и иногда очень долго длятъ этотъ обманъ, а замужъ онѣ все-таки выходятъ, но уже поздно, когда это глупо, и выходятъ уже не такъ, какъ хотѣли и могли, а какъ придется. Иныя и такъ остаются, но разспроси ихъ хорошенько, и если онѣ захотятъ сказать тебѣ правду, то ты узнаешь, что онѣ страдаютъ.

О любви не было рѣчи. Любовь стѣсняетъ, любовь налагаетъ цѣпи и помогаетъ быть обманутой. Надо жить въ открытую. Бракъ для женщины—устроеніе жизни. Пусть любятъ мужья, пусть они безумствуютъ, валяются у ногъ женщины. Женщина, чтобы быть властной и повелѣвать, должна презирать. Мужчина и женщина даютъ другъ другу клятвы и потомъ обманываютъ другъ друга. Но если нужно обманывать—а это, очевидно, нужно, потому что дѣлаютъ всѣ,—развѣ не лучше дѣлать это безъ клятвъ? Есть только двѣ формы брака для женщины: однѣ идутъ въ рабство къ мужу—это тѣ, которыя любятъ, другія продаютъ себя—это тѣ, которыя презираютъ. И эти властвуютъ. Людмила будетъ властвовать.

Появленіе Поршнева облегчило работу Иринѣ Васильевнѣ. Какъ только она замѣтила, что этотъ удачливый человѣкъ заглядывается на Людмилу, такъ тотчасъ же стала его приручать и всячески одобрять. Она тонкими средствами укрѣпляла въ немъ надежду и подсказывала ему рѣшимость.

И подъ вліяніемъ этихъ незримыхъ указаній, Поршневъ началъ рѣшительную борьбу съ своей женой, добиваясь отъ нея развода. Онъ былъ уже милліонеромъ и такъ счастливо велъ свои дѣла, что передъ нимъ раскрывались блестящіе горизонты. Ему было сорокъ пять лѣтъ, а Людмила красива и сильна характеромъ. Правда, онъ испорченъ, развратенъ, онъ грязенъ. Но про него это по крайней мѣрѣ извѣстно. А кто же изъ мужчинъ, вступающихъ въ бракъ, не загрязненъ съ головы до ногъ? Но они прикидываются чистыми, ихъ надо еще разгадать.

Нѣтъ, Поршневъ, это именно то, что нужно. Людмила достигнетъ высоты для того, чтобы властвовать надъ нимъ, а значитъ и быть счастливой.

И когда этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь, Людмила въ первое время почувствовала въ своей душѣ какой-то органическій протестъ противъ рѣшенія матери. Ея юное чувство взбунтовалось, и она горячо и сильно высказывала это матери.

Но Ирина Васильевна не дала застать себя врасплохъ. Она этого ждала, она была готова. Она никогда не останавливалась на полдорогѣ, и все, что она рѣшала, покоилось на «твердыхъ основаніяхъ».

*

— Я понимаю твою горячность, твой протестъ, твое негодованіе. Я ихъ ждала, я къ нимъ была готова. Я удивилась бы, если бы у тебя ихъ не нашлось. Ты—здоровая, сильная дѣвушка, ты—нетронутая, чистая, каждая точка на твоемъ тѣлѣ свята, каждая капля твоей крови возмущается и кипитъ негодованіемъ при мысли о прикосновеніи къ тебѣ этого стараго сатира. Но, другъ мой, если люди создали тысячи маленькихъ обмановъ, такихъ же маленькихъ, какъ ихъ души, обмановъ, которыми они стараются украсить свою жизнь, то природа создала для насъ, женщинъ, великій обманъ, чтобы при помощи его ловить насъ въ свои сѣти. Когда молодая дѣвушка любитъ молодого мужчину, ей кажется, что прикосновеніе его къ ней будетъ свято. Но это обманъ, злѣйшій изъ обмановъ. Молодой онъ или старый, все равно—его прикосновеніе будетъ грязно. Природа цинична, она преслѣдуетъ свои цѣли самыми низменными способами. Она одуряетъ наши головы, чтобы заставить насъ добровольно идти на эту низость. Развѣ любовь не опьяненіе? Мы влюбляемся и, какъ пьяные, идемъ служить природѣ, воображая, что служимъ какому-то дивному богу... Любимъ или не любимъ—все равно, мы дѣлаемъ одно и то же. Такъ не лучше ли идти на это съ незатуманенной головой и съ открытыми глазами? Ты хочешь любви?—ты ее найдешь, но уже тогда, когда ты будешь властвовать.

Людмила давно уже не убѣждалась убѣжденіями матери, но власть Ирины Васильевны была огромна. Она пасовала передъ нею, внутренній голосъ смолкалъ въ ней, и она пассивно подчинялась. И Поршневъ все больше и больше укрѣплялся въ ихъ домѣ.

Такъ прямолинейно шла жизнь въ женской половинѣ казенной квартиры Балясова, такъ, повидимому, все было въ ней установлено разъ навсегда и, какъ казалось, безъ малѣйшей запинки изъ этихъ «основъ» выростала и развивалась душа Людмилы.

Но было что-то странное въ этой жизни, что-то необъяснимое, проявлявшееся только тогда, когда Ирина Васильевна бывала одна: вдругъ на нее точно внезапно налетало неотвязное настроеніе и она одна цѣлые часы просиживала неподвижно, съ блѣднымъ лицомъ, вся подавленная, безсильная.

Никто не видѣлъ ее въ эти часы. Она прятала себя отъ людскихъ глазъ, потому что это были часы слабости. Даже отъ Людмилы, жизнь которой была неотдѣлима отъ ея жизни, она скрывала себя въ эти часы и, если Людмила входила къ ней, она дѣлала страшное усиліе надъ собою, какъ-то вся встряхивалась и вызывала улыбку на своемъ лицѣ.

Но Людмила тонко воспринимала все, что касалось ея матери и отъ нея это не ускользало.

Она не понимала этихъ настроеній, но все равно, когда ловила

ихъ, въ душѣ ея точно подтачивалась вѣра въ непогрѣшимость Ирины Васильевны. Значитъ, у нея есть сомнѣнія, значитъ, она не все еще рѣшила и переживаетъ какія-то колебанія, въ душѣ ея не все въ такомъ строгомъ порядкѣ, какъ въ словахъ.

Одна мимолетная сцена надолго запечатлѣлась въ ея памяти. Это былъ день, когда у нихъ былъ долгій и горячій разговоръ о Поршневѣ. Брезгливость къ нему Людмилы встрѣчала энергичный отпоръ со стороны Ирины Васильевны, и въ концѣ концовъ Людмила уступила и вышла къ Поршневу и была любезна съ нимъ.

Ирина Васильевна зачѣмъ-то задержалась въ своей комнатѣ, а Людмилѣ понадобилось что-то взять тамъ. Она вернулась на минуту и увидѣла Ирину Васильевну, лежащую на кровати, съ лицомъ, зарытымъ въ подушки. Плечи ея тихо вздрагивали. Людмила остановилась пораженная.

— Мама,—тихо окликнула она.

— Что тебѣ?—спросила Ирина Васильевна, не поднявъ головы и не показавъ своего лица.

— Что съ тобой?

— Ничего... Ничего... У меня просто... зубъ разболѣлся.

— Зубъ?..

Людмила ушла. Черезъ нѣсколько минутъ явилась Ирина Васильевна. Глаза ея смотрѣли прямо и твердо, но были въ нихъ какіе-то слѣды только что пережитаго волненія и, какъ показалось Людмилѣ, недавнихъ слезъ.

«Отъ зубной боли не плачутъ, въ особенности такія, какъ мама», сказала себѣ Людмила и съ этой минуты она начала догадываться, что въ душѣ Ирины Васильевны не все такъ прямолинейно и стройно, какъ это ей казалось.

И передъ этимъ открытіемъ она становилась втупикъ, и оно съ своей стороны способствовало разложенію въ ея душѣ того міропониманія, надъ которымъ такъ работала Ирина Васильевна.

Встрѣча съ Кручениновымъ случилась какъ разъ въ то время, когда она испытывала особенно напряженныя колебанія. Подходили ея двадцать лѣтъ, и Ирина Васильевна, точно боясь, какъ бы она не осталась безъ мужа, видимо нажимала пружину: она все яснѣе и яснѣе подавала Поршневу надежду.

И въ то же время отъ вниманія Людмилы не ускользало то отвращеніе, какое проглядывало въ глазахъ Ирины Васильевны въ тѣ минуты, когда она говорила съ Поршневымъ.

«Какъ же это», думала она, «мама толкаетъ меня на то, что въ ней самой вызываетъ отвращеніе, какъ же такъ?»

И смущеніе въ ея душѣ возрастало до болѣзненности. Въ этотъ вечеръ она пробовала избѣжать свиданія съ Поршневымъ, но это не удалось. И вотъ встрѣча съ Кручениновымъ, который съ пер-

ваго же знакомства затянулъ ее въ сѣти своихъ многозначительныхъ намековъ и недомолвокъ...

Теперь, лежа въ постели безъ сна, съ широко раскрытыми глазами, она припоминала. Все то, что онъ говорилъ, показывало, что онъ, дѣйствительно, знаетъ многое, относящееся къ ея жизни. Онъ такъ мѣтко изобразилъ Модеста Петровича, и потомъ эта фраза: «это надо сдѣлать, потому что иначе ваша жизнь будетъ односторонняя и несправедлива...»

— И конечно, это надо сдѣлать, то-есть надо во что бы то ни стало найти способъ увидѣться съ нимъ въ болѣе свободной обстановкѣ, но какъ? Вѣдь мать ни зачто, ни зачто не отпуститъ ее надолго. Если ей и нужно было выходить одной, то это позволялось только днемъ и на очень короткое время для какого-нибудь очень опредѣленнаго порученія: что-нибудь купить въ Гостинномъ, перемѣнить книгу въ библіотекѣ.

И вдругъ ея голову освѣтила мысль: Любочка Кострова! И ей показалось, что эта мысль блестяща.

И такъ какъ голова ея была страшно утомлена, то она не разбирала подробностей своей мысли, а просто успокоилась на ней.

Она заснула.

VI.

На другой день Людмила проснулась очень поздно и то потому только, что ее разбудили. Вошла Ирина Васильевна и тономъ легкаго упрека сказала:

— Какъ ты долго спишь сегодня! къ тебѣ пришла уже Кострова!

— Любочка Кострова?—почти еще сквозь сонъ произнесла Людмила и открыла глаза. Былъ моментъ, когда ей казалось, что это продолжаются ея вчерашнія мысли. Вчера она заснула съ этимъ именемъ.

Она еще не припомнила всего того, что было вчера, и ей только смутно припоминалось, что было что-то важное, тревожное, и что съ именемъ Любочки Костровой было связано какое-то избавленіе.

— Почему тебя это удивляетъ?—сказала Ирина Васильевна.— Уже второй часъ; не всѣ такъ поздно встаютъ, какъ ты.—Она ждетъ тебя, она говоритъ, что вы собирались вмѣстѣ покупать ей какую-то шапочку.

«Въ самомъ дѣлѣ, мы собирались, какъ это хорошо!» подумала Людмила, разомъ припомнивъ все вчерашнее.

— Да, да, я ей это обѣщала. Она вѣритъ въ мой вкусъ...

— Такъ вставай и одѣвайся... скоро стемнѣетъ и ничего нельзя

будетъ выбрать. Только, пожалуйста, не забирайтесь далеко, а то я буду безпокоиться...

— О, нѣтъ, мы тутъ, близко, тутъ есть магазинъ...

Людмила вскочила съ постели и чрезвычайно быстро вымылась, одѣлась и наскоро устроила себѣ прическу. Черезъ какія-нибудь пять минутъ она уже была въ маленькой гостинной, гдѣ ждала ее Кострова,—стройная, изящная блондинка съ блѣднымъ красивымъ лицомъ и чудными веселыми глазками.

— Ты забыла свое обѣщаніе... Мнѣ шапочка нужна до зарѣзу, понимаешь,—сегодня я выступаю въ маленькой роли, внезапно заболѣла актриса и мнѣ дали... Это важно... это очень важно... И я должна быть въ шапочкѣ, которая мнѣ къ лицу,—говорила Кострова, цѣлуясь съ подругой. —Понимаешь ли, у меня на этотъ счетъ нѣтъ вкуса, и я тебѣ вѣрю.

Людмила извинилась, ссылаясь на вчерашній балъ, и онѣ рѣшили сейчасъ же идти.

— Ты бы что-нибудь выпила или съѣла,—сказала Ирина Васильевна.

— Не хочется, мама, я потомъ... Мы черезъ полъ-часа вернемся и будемъ вмѣстѣ съ Любочкой завтракать.

Въ сущности ей хотѣлось выпить кофе, но она торопилась. Любочка Кострова, очевидно, послана ей судьбой. Менѣе всего ее интересовала эта шапочка. Но она не хотѣла пропустить случая подвинуть впередъ «свое дѣло»

Онѣ вышли на улицу. Былъ легкій морозъ, безъ вѣтра. Тротуары были засыпаны свѣжимъ снѣгомъ. По улицѣ весело сновали сани,—хорошій зимній день, когда на улицы столицы гурьбой выползаютъ обыватели суровыхъ многоэтажныхъ домовъ и запасаются воздухомъ.

Дѣвушки не взяли извозчика, имъ хотѣлось движенія.

— Ты мнѣ страшно нужна, Любочка. Ты даже не можешь себѣ представить...—сказала Людмила.

— Не могу, — весело смѣясь, отвѣтила Любочка. — Можетъ быть, ты хочешь поступить на сцену и взять у меня нѣсколько уроковъ драматическаго искусства?

— О, нѣтъ, у меня нѣтъ никакихъ способностей...

— Ха, а у меня, думаешь, есть? До сихъ поръ еще никто не открылъ ихъ...

— Неужели ты такъ думаешь въ самомъ дѣлѣ? Тогда зачѣмъ же ты на сценѣ?

— Какъ зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы занимать на землѣ мѣстечко получше того, какое предоставляется всѣмъ.

— Но развѣ безъ способностей это можно?

— О, милая, девяносто девять изъ ста, занимающихъ на сценѣ

первыя мѣста, дѣлаютъ это безъ всякихъ способностей. Но для чего же я тебѣ нужна?

— Ахъ, это такъ нельзя разсказать... Это слишкомъ сложно...

— Ну, какъ-нибудь надо же...

— Да, надо, надо... Видишь ли, я тебѣ послѣ объясню, почему, а теперь только скажу, что мнѣ надо какъ-нибудь уйти изъ дому на нѣсколько часовъ.

— А развѣ это такъ трудно? Я ухожу на полъ-дня.

— Да, ты, но не я. У насъ съ мамой такой молчаливый договоръ. Я безъ нея нигдѣ не бываю. Вотъ вышла съ тобой и, если черезъ полъ-часа не вернусь, она уже будетъ вся—безпокойство.

— Ты вообще, мой другъ, слишкомъ подъ крылышкомъ своей матери. Я давно уже хотѣла сказать тебѣ это. Это надо перемѣнить.

— Этого нельзя перемѣнить. Мама слишкомъ привязана ко мнѣ... Она только и живетъ мною. Такъ какъ же это устроить, Любочка?

— Надо подумать. Вотъ погоди, купимъ шапочку, и тогда у меня явится умственный полетъ... А ты знаешь, зачѣмъ мнѣ нужна шапочка? Понимаешь ли, у насъ есть одинъ изъ директоровъ, его фамилія Оглынскій. Онъ очень богатъ и далеко не старъ. Онъ сильно за мной ухаживаетъ, и я хочу закрѣпить его за собой.

— Какъ? Неужели ты...

— Нѣтъ, нѣтъ, никакихъ «неужели». Я не такъ глупа. Я не пойду на содержаніе, не бойся. Видишь ли, по моему, женщина до тридцати лѣтъ должна думать о замужествѣ. Если за нею кто-нибудь ухаживаетъ, она должна вести дѣло такъ, чтобы онъ женился. И если она энергична, умна и настойчива, то она непремѣнно этого достигнетъ. До тридцати лѣтъ.

— А если онъ женатъ?

— Пусть. Это они дѣлаютъ какъ-то легко. Двѣ-три недѣли, смотришь—уже и свободенъ. Въ особенности, если денегъ много. Ну, а послѣ тридцати лѣтъ она должна смотрѣть съ другой точки зрѣнія. Тутъ, если женится, то хорошо, но настаивать на этомъ ей не резонъ. Шансы ея на это уже не велики.

— Такъ ты думаешь, что онъ на тебѣ женится?

— Кто? Оглынскій? Нѣтъ, я объ этомъ еще не думаю, а просто надо, чтобы онъ немножно обезумѣлъ. Ты знаешь, когда на сценѣ, это необходимо. Непремѣнно надо имѣть кого-нибудь такого, съ вліяніемъ. Вотъ даже и эту маленькую роль, которую играю сегодня, я получила благодаря ему... Не будь онъ влюбленъ въ меня, отдали бы другой.. А шапочки мнѣ вообще очень идутъ... Тамъ есть сцена на улицѣ зимой, и я хочу быть въ хо-

рошей шапочкѣ. Я знаю, что онъ послѣ этого съ ума сойдетъ... Ну, а если онъ сойдетъ съ ума, такъ ужъ мнѣ ничего не будетъ стоить получить и большую роль... Да, а какъ же твой Поршневъ?

— Мой Поршневъ?

— Ну, да, онъ, кажется, уже сошелъ съ ума...

— Не знаю, Любочка, меня онъ мало интересуетъ.

— Напрасно, ты заинтересуйся побольше Я слышала у насъ въ театрѣ, что ему предстоитъ какой-то подрядъ, который дастъ ему милліона три...

— Я это знаю...

— Ну, такъ что же? Онъ, правда, порядочный негодяй, я это тоже слышала. Но, знаешь, это ничего... Это даже лучше... Когда мужъ негодяй, ты можешь дѣлать все, что хочешь. А если онъ честный человѣкъ, да еще влюбленъ, тутъ явятся соображенія совѣсти, и, я думаю, это страшно скучно... А вотъ наши шапочки.

Онѣ давно уже шли по Невскому и дошли до магазина, гдѣ продавались шапки. Начался выборъ. Любочка примѣрила, по крайней мѣрѣ, сотню шапокъ и, наконецъ, онѣ выбрали котиковую, стоившую двадцать пять рублей.

— Ужасно дорого, ужасно,—съ жалостнымъ выраженіемъ говорила Любочка,—но необходимо...

Она вчера получила жалованье, и деньги у нея были, но она не разсчитывала такъ много истратить на шапочку. Ей такъ удивительно шла эта шапочка и дѣлала ее такой красивой, что ея колебанія скоро уступили мѣсто рѣшенію, и шапочка была куплена.

Отсюда онѣ пошли обратно. Наступило время, когда Ирина Васильевна должна была начать безпокоиться. Людмила это чувствовала.

— Поторопимся, мама уже прислушивается къ звонкамъ.

— Это ужасно, милая, это просто ужасно! Ты должна отучить ее отъ этого. Но шапочка удивительная! Я вижу уже, какъ у Оглынскаго слюнки текутъ...

— Любочка,—остановила ее Людмила,—гдѣ ты научилась такимъ выраженіямъ?

— Это въ театрѣ, у насъ всѣ такъ говорятъ и еще хуже. У насъ не стѣсняются. Ну и привыкаешь, и сама начинаешь такъ говорить... А, постой! меня осѣнило вдохновеніе. Вотъ что значитъ купить шапочку. Вѣдь я сегодня играю маленькую роль. Это чрезвычайно важное событіе въ моей жизни, и было бы странно, если бы ты, моя близкая подруга, не присутствовала въ театрѣ...

— Ты думаешь, мама согласится?.. Ни зачто.

— Она не можетъ не согласиться. Это было бы противъ всѣхъ правилъ дружбы.

— Она не очень-то признаетъ эти правила.

— Я буду просить ее. Я скажу, что ты мнѣ необходима.

— Ну, да, и она рѣшитъ пойти вмѣстѣ со мной.

— Ну, знаешь, ты поставила себя такъ, какъ будто тебѣ четырнадцать лѣтъ. Погоди: вотъ мысль еще болѣе блестящая... О, шапочка!.. Я увѣрю твою маму, что я, какъ дебютанка, трушу невѣроятно,-и что мнѣ нужна твоя поддержка... Понимаешь? Ты будешь не въ театрѣ, а въ уборной. А у меня, благодаря сумасшествію Оглынскаго, сегодня будетъ отдѣльная уборная. Не пойдетъ же она съ тобой сидѣть въ моей уборной.

— Это пожалуй... Ахъ, да нѣтъ, все это не годится... Вѣдь я же должна написать ему.

— А, ему!..

— Да нѣтъ, это не то, что ты думаешь... Это нѣчто серьезное.

— Ну, ты и напиши ему свое серьезное.

— Ничего не выйдетъ; его адресъ—университетъ.

— Студентъ?

— Да, студентъ, только совсѣмъ особенный...

— Ну, да, они всѣ особенные.

— А сегодня воскресеніе, онъ тамъ не будетъ, а квартиры я не знаю...

— Какъ это глупо—не знать квартиры!.. Что за таинственная личность!

— Я тебѣ послѣ все разскажу... А теперь... нѣтъ, ничего не выйдетъ...

— Нѣтъ, выйдетъ, отлично выйдетъ... Я тебѣ это устрою за шапочку... Ты напиши ему, адресуй въ университетъ, а я пошлю въ университетъ и тамъ узнаютъ его адресъ. Понимаешь, отъ тебя я зайду въ театръ и возьму два билета—мнѣ дадутъ даромъ. Одинъ будетъ тебѣ, а другой вложу въ конвертъ ему и вы будете сидѣть рядомъ и сколько угодно говорить ваше «серьезное». Поняла?

— Я не могу написать... Мама теперь во мнѣ сомнѣвается и зорко слѣдитъ за мной.

— Боже!.. Но до чего ты глупо устроила свои дѣла!.. Но постой, мы и это уладимъ; зайдемъ куда-нибудь и ты напишешь.

— Какъ куда-нибудь?

— Да просто куда-нибудь, въ мелочную, въ табачную лавочку; ну, вотъ кондитерская, съѣдимъ по пирожку и попросимъ бумагу и конвертъ.

— Какъ ты находчива, удивительно!

Онѣ зашли въ кондитерскую, съѣли по пирожку, хотя Людмилѣ натощакъ это было противно, и Люба безъ всякихъ колебаній спросила бумагу и конвертъ.

— Я не знаю, какъ написать...—сказала Людмила, вдругъ почувствовавшая колебаніе.

— Да никакъ. Напиши только адресъ и фамилію, я вложу билетъ, вотъ и все. Никогда не слѣдуетъ писать записокъ. Это неосторожно... Если онъ не дуракъ, то пойметъ, что его приглашаютъ. И это практично.

Людмила такъ и сдѣлала и отдала ей конвертъ. Послѣ этого онѣ торопливо пошли домой.

Здѣсь уже столъ былъ накрытъ, и Ирина Васильевна ждала ихъ. Ей была показана шапочка и заслужила полное ея одобреніе. Модестъ Петровичъ былъ приглашенъ на какой-то «дружескій» завтракъ. Это значило, что явились новые «искатели», которые добивались отъ него вліянія.

Любочка сейчасъ же напала на Ирину Васильевну и начала самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказывать, что дружеская поддержка Людмилы ей совершенно необходима. Ирина Васильевна сдѣлала очень серьезное лицо.

— Простите, Любочка, но я не нахожу это удобнымъ,—сказала она.—Людмила вчера была утомлена, и сегодня ей нуженъ отдыхъ.

— Но она вовсе не будетъ утомляться, она будетъ сидѣть у меня въ уборной, во время представленія можетъ даже лежать, тамъ есть диванъ. Можетъ спать, если захочетъ.

— Я думаю,—отвѣтила Ирина Васильевна,—что и сама Людмила откажется.

И при этихъ словахъ она внушительно посмотрѣла на Людмилу. Людмила отвѣтила ей прямымъ открытымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, мама, я не откажусь, мнѣ очень хочется поѣхать.

— Да?

— Меня интересуетъ этотъ маленькій дебютъ Любочки... И кромѣ того я совсѣмъ не имѣю понятія о закулисной жизни... Ты сама говоришь, что нужно все видѣть и все знать...

— Да, я это говорила,—задумчиво сказала Ирина Васильевна. А сама въ это время думала о томъ, какъ быстро развивается въ ея дочери стремленіе обходиться безъ нея.

Ей это было очень тяжело. Она чувствовала, какъ будто отъ нея самой отдѣляется и отходитъ ея существенная часть, и у нея отъ этого болѣло сердце. Но что же? Наложить на это стремленіе властную руку, придавить его своимъ авторитетомъ, показать свою силу, употребить нравственное насиліе?..

А что, если она почувствуетъ это, и въ душѣ ея поднимется протестъ противъ ея тираніи? Теперь она въ такомъ настроеніи, что это можетъ случиться. Людмила въ томъ возрастѣ, когда легко подчиняются нравственной силѣ, если ея не замѣчаютъ. Но если замѣчаютъ и чувствуютъ давленіе, то не прощаютъ.

Тутъ же она старалась изслѣдовать, есть ли какая-нибудь опасность въ этомъ попустительствѣ, котораго отъ нея требуютъ? Желаніе Любочки получить поддержку отъ подруги—законно. Она будетъ въ уборной, можетъ быть, посидитъ въ партерѣ или въ ложѣ. Обыкновенная театральная опасность, что какой-нибудь нахалъ можетъ позволить себѣ съ нею вольность, Ирину Васильевну не страшила. О, Людмила съумѣетъ устранить отъ себя всякую назойливость. Ирина Васильевна всегда боялась для своей дочери только одного: какого-нибудь вліянія. Никакого вліянія, кромѣ ея собственнаго... И, обсудивъ предложеніе Любочки, она пришла къ заключенію, что опасности нѣтъ, и послѣ этого она вдругъ удивила обѣихъ дѣвушекъ своимъ согласіемъ.

— Ну, хорошо, пусть Людмила ѣдетъ, но условіе: вы доставите ее домой.

— О, конечно, я занята только въ трехъ актахъ, и значитъ часовъ въ одиннадцать съ половиной мы обѣ уже будемъ здѣсь.

Получивъ согласіе, Любочка наскоро кончила завтракъ и заторопилась. Ужъ если она взялась устроить «дѣло» подруги, то хотѣла устроить его навѣрняка. А для этого ей нужно было время.

— Я за тобой зайду въ семь часовъ,—сказала она прощаясь.— Вѣдь мнѣ надо одѣться и загримироваться. Ты мнѣ поможешь.

Было уже часа четыре. Она поѣхала прямо въ театръ. Тамъ не было никого, кромѣ кассира, который не имѣлъ права безъ записки режиссера или директора давать мѣста. Но ему была извѣстна слабость Оглынскаго къ молоденькой актрисѣ и, кромѣ того, у Любочки Костровой были хорошенькіе глазки, дѣйствіе которыхъ доходило даже до сердца кассира, и Любочкѣ удалось упросить его.

Въ театрѣ было нѣсколько удобныхъ ложъ съ аванложами. Въ глубинѣ ихъ можно было удобно помѣститься и не быть никѣмъ замѣченнымъ. Такъ какъ сборъ былъ не блестящій, то кассиръ рѣшился дать ей одну изъ этихъ ложъ.

Любочка торжествовала,—подруга будетъ устроена отлично. Въ серьезное дѣло Людмилы она не вѣрила и была глубоко убѣждена, что устраиваетъ любовное свиданіе. Затѣмъ она вложила билетъ въ конвертъ, запечатала и отнесла посыльному, которому дала самую подробную инструкцію. Онъ долженъ былъ отыскать Александра Крученинова во что бы то ни стало, и къ шести часамъ сообщить ей объ этомъ на квартирѣ.

Людмила все больше и больше погружалась въ ощущеніе преступности. У нея было такое чувство, какъ будто она завертывалась въ какія то грязныя сѣти, и въ то же время неотразимая сила толкала ее исполнить то, что задумала.

Ей было тяжело оставаться въ одной комнатѣ съ матерью. Ей казалось, что мать читаетъ въ ея глазахъ, чуетъ, что дѣлается въ ее душѣ. Если Ирина Васильевна задавала ей какой-нибудь простой обыденный вопросъ, и она отвѣчала, ей казалось, что въ ея голосѣ есть что-то предательское. И она страдала.

Наконецъ, раздался звонокъ, стремительно вошла Кострова и тотчасъ же наполнила квартиру своимъ звонкимъ веселымъ голоскомъ.

Людмилѣ достаточно было посмотрѣть Любочкѣ въ глаза, чтобы понять удачу. Въ этихъ глазахъ не было ни малѣйшей тѣни, и почувствовавъ это, Людмила вдругъ испугалась своего рѣшенія. Значитъ, сегодня она непремѣнно встрѣтится съ Крученинымъ, это рѣшено. И Богъ знаетъ, что разскажетъ онъ ей, куда толкнетъ ее своими рѣчами.

Рѣшительно не предвидѣла она, что именно будетъ онъ говорить, но было у нея какое то чувство, что его сообщеніе будетъ имѣть страшно важное значеніе въ ея жизни.

И когда она прощалась, цѣлуя свою мать, ей сдѣлалось жаль эту бѣдную женщину, потому что сегодня она шла наперекоръ всѣмъ ея желаніямъ.

Онѣ вышли и взяли извозчика. Любочка затараторила:

— Удача, полная удача! Твой герой живетъ у чорта на куличкахъ—ахъ, извини, это опять театральное выраженіе,—гдѣ-то у Тучкова моста, вѣдь это въ другомъ полушаріи; но геніальный посыльный отыскалъ его и вручилъ...

— И что же онъ сказалъ?

— Ну, знаешь, посыльный разсказываетъ какія-то чудеса въ рѣшетѣ; его приняли въ совершенно пустой комнатѣ. Кажется, три стула стояло...

— Ну, такъ что же, можетъ быть, переѣзжаютъ, или просто мебели нѣтъ..

— Онъ говоритъ, что видѣлъ нѣсколько комнатъ-анфиладой и все тоже пустыя. Впрочемъ, это все равно...

— Разумѣется, все равно. Что же онъ сказалъ?

— Да никакого его не было, а былъ нѣкій препочтенный господинъ съ сѣдой бородой. Надѣюсь, у твоего героя нѣтъ сѣдой бороды!

— У него нѣтъ никакой бороды...

— Ну, да, и этотъ почтенный человѣкъ сказалъ, что его, то-есть твоего Крученинова, нѣтъ дома, но что онъ долженъ придти часовъ въ семь и ему сейчасъ передадутъ; спросилъ—отъ кого? Посыльный съ дуру разсказалъ, что послала барышня и въ университетъ и такъ дальше. Онъ сказалъ: «А...» И больше ничего не сказалъ, но, видимо, заинтересовался.

— Ну, значитъ, еще неизвѣстно, будетъ ли онъ.

— А я думаю, будетъ. Пусть-ка попробуетъ не явиться... Изъ-за него столько хлопотъ было.. А ты мнѣ непремѣнно покажи его, что за птица такая!

— Не знаю, не обѣщаю.

— Ну, вотъ... что же, не боишься же ты, что я стану отбивать...

— Любочка, не говори пошлостей. Я сказала тебѣ: тутъ нѣтъ никакого романа.

— Не вѣрю.

— Увѣряю.

— Ну, значитъ, глупо. Почему нѣтъ романа? Это естественно, чтобы былъ романъ. Ну, вотъ и пріѣхали.

Извозчикъ, дѣйствительно, остановился у театра, онѣ сошли и какими-то сложными путями прошли на сцену.

Здѣсь былъ еще полумракъ. Людмилу, которая никогда не бывала за кулисами, охватилъ холодъ и какое-то жуткое чувство. Повсюду торчали грубые и угловатые предметы,— кулисы, намалеванные кусты, скамейки и множество декорацій, сложенныхъ въ кучи.

— Уфъ, какъ здѣсь неуютно!—сказала она.

— Это пока не освѣтили, а потомъ хорошо!—отвѣтила Любочка.—Я люблю кулисы, мнѣ ужасно нравится эта безпорядочность. Когда я устроюсь своимъ домомъ, у меня будетъ все валяться, гдѣ попало. Право, въ этомъ есть какое-то разнообразіе. Терпѣть не могу, когда все на своемъ мѣстѣ и когда заранѣе знаешь, гдѣ что лежитъ. Это скучно!

Онѣ вошли въ уборную, и Любочка освѣтила ее электрической лампочкой. Это оказалась миніатюрная комнатка, вся завѣшанная какими-то старыми разноцвѣтными тряпками. На стѣнахъ висѣли фотографическія карточки.

Любочка сѣла къ зеркалу и начала гримироваться. Она дѣлала это довольно искусно. Гримъ подчеркивалъ счастливыя качества ея лица, и хорошенькая Любочка мало-по-малу превращалась въ красавицу.

Потомъ явился парикмахеръ и принялся за ея голову. Затѣмъ она начала одѣваться.

На сценѣ началось движеніе. Слышались голоса, передвигали декораціи. Въ корридорѣ между уборныхъ была бѣготня, въ сосѣднихъ уборныхъ говоръ.

Людмила нашла, что это, пожалуй, весело, но когда представила себѣ, что это повторяется каждый день, то ей казалось, что можно съ ума сойти. Нѣсколько разъ стучались въ уборную къ Любочкѣ и происходилъ такой разговоръ.

— Къ вамъ можно, Любовь Михаиловна?—спрашивалъ густой мужской голосъ.

— Кто тамъ?—спрашивала Любочка.

— Это я, Оглынскій.

— Невозможно, я не одѣта.

— Но это еще лучше.

— Убирайтесь къ чорту.

— О, Боже!.. Любочка! — воскликала Людмила, всплеснувъ руками.

— Не безпокойся, здѣсь это считается любезностью.

Уже въ корридорѣ звонили два раза, уже помощникъ режиссера подбѣгалъ къ уборной и звалъ участвующихъ на сцену. Любочка была одѣта и, наконецъ, впустила Оглынскаго.

Вошелъ высокій плотный мужчина, съ хорошо расчесанной черной бородой, съ густыми, завивающимися волосами на головѣ.

— Ахъ, вы не одна?—промолвилъ онъ съ выраженіемъ разочарованія.

— Мой другъ — Балясова, Людмила Модестовна,—познакомила Любочка.—А это Оглынскій, одинъ изъ нашихъ директоровъ.

— Вы сегодня очаровательны. И я увѣренъ, что вы со сцены всѣхъ убьете вашей красотой,—откровенно любуясь ею, сказалъ Оглынскій.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь,—промолвила Любочка, поправляя прическу.—И надѣюсь, что послѣ этого убійства мнѣ дадутъ сыграть что-нибудь получше.

— Я тоже надѣюсь, почти увѣренъ.

— И соотвѣтственно этому прибавятъ жалованья...

— И прибавятъ, какъ они смѣютъ не прибавить?..—шутя говорилъ Оглынскій.

Раздалось рѣшительное приглашеніе на сцену.

— Ну, теперь убирайтесь, мнѣ нужно поговорить съ подругой,—сказала Оглынскому Любочка.

— Можетъ быть, я могу проводить мадмуазель въ партеръ?—предложилъ Оглынскій.

— Нѣтъ, благодарю васъ... я... можетъ быть, не пойду,—съ смущеніемъ сказала Людмила. Оглынскій поклонился ей и вышелъ.

— Ты не ходи туда сейчасъ. Онъ долженъ придти раньше. Вѣдь у него билетъ, хотя тебя и такъ впустятъ. Замѣть, № 7 бенуаръ. Но лучше, если онъ будетъ уже тамъ. Меня ты увидишь, я выхожу въ срединѣ дѣйствія. Ну, поцѣлуй меня... Въ затылокъ, въ затылокъ, тутъ вездѣ намазано.

Людмила поцѣловала ее въ затылокъ. Съ этой минуты она начала переживать усиленное волненіе.

Не встрѣча съ Крученинымъ волновала ее—до него ей не

было никакого дѣла. Что для нея этотъ, въ сущности, неизвѣстный ей человѣкъ? Но то, что онъ разскажетъ... О, она уже знала навѣрное, что это будетъ начало какой-то новой эры въ ея жизни. Она нетерпѣливо посматривала на свои маленькіе часы, и все ей казалось, что они остановились, такъ медленно шло время.

Наконецъ, она дождалась половины девятаго. На сценѣ уже давно былъ поднятъ занавѣсъ и тамъ играли. Она вышла и очутилась за кулисами. Въ пространствѣ между двухъ кулисъ она увидѣла всю сцену. Любочка стояла у кулисы и ждала своего выхода. Она увидѣла Людмилу и дружески кивнула ей головой.

Людмила прошла дальше и не знала, какъ ей попасть въ залъ. Она спросила объ этомъ стоявшаго у двери служителя, и тотъ вызвался проводить ее. Вотъ она въ коридорѣ бенуара. Она отыскала седьмой номеръ.

— Тамъ есть уже кто-нибудь, въ ложѣ?—спросила она капельдинера.

— Одинъ господинъ,—отвѣтилъ тотъ, отворяя дверцу ложи.

«Одинъ господинъ» какъ-то черезчуръ громко раздалось въ ея головѣ, гораздо громче, чѣмъ сказалъ это капельдинеръ, и она съ замирающимъ сердцемъ вошла и тихонько притворила за собою дверь.

Въ маленькой комнаткѣ, освѣщенной электрической лампочкой, никого не было. На столѣ лежала студенческая фуражка. Людмила взглянула въ зеркало, лицо ея было очень блѣдно.

Она пріотворила дверь, которая вела въ самую ложу. Въ театральной залѣ было совсѣмъ темно. Кто-то поднялся въ ложѣ, въ самой глубинѣ ея, свѣтъ изъ комнатки на мгновеніе освѣтилъ мужскую фигуру, и Людмила узнала Крученинова. Онъ тоже узналъ ее.

— Я былъ увѣренъ, что это отъ васъ, благодарю васъ!—шопотомъ произнесъ онъ.—Вы будете смотрѣть?

— Я должна... сейчасъ выйдетъ на сцену моя подруга... Сядемте.

Она сѣла поближе къ барьеру. Въ темнотѣ все равно никто не могъ ее разглядѣть. Крученинов остался на своемъ мѣстѣ за ея спиной.

Какъ разъ въ это время выбѣжала на сцену Любочка и начала смѣяться и что-то говорить и ея звонкій голосъ свободно разносился по театру. Это освѣжило нѣсколько скучавшую публику.

Людмила смотрѣла и слушала и ничего не понимала. Хорошо ли играетъ Любочка, плохо ли, она не могла судить. Ея душа была полна другимъ, и ей было совѣстно передъ подругой. Но съ этимъ она ничего не могла подѣлать. Тамъ изображали какую-то сцену. Любочка двигалась, быстро ходила по сценѣ, за

нею гнались, все это было весело, живо. Въ публикѣ кой-гдѣ смѣялись, кажется, было это хорошо. Наконецъ, Любочка убѣжала а вслѣдъ ей раздались апплодисменты, правда, не очень густые, но все же былъ успѣхъ.

Представленіе продолжалось. Людмила поднялась и сдѣлала шагъ въ глубину ложи.

— Если вамъ все равно, то пойдемте туда,—сказала она и пріотворила дверь.

— Конечно...—отвѣтилъ Крученинковъ, вѣдь я не зрителемъ пришелъ сюда.

И оба вошли въ комнатку.

— Вы взволнованы?—спросилъ Крученинковъ.

— Да, очень... Но вы на это не обращайте вниманія. Сядемте.

И она сѣла въ углу дивана, какъ-то съежившись, потому что ее охватила лихорадочная дрожь, а Крученинковъ не сѣлъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ и молча ждалъ, пока она успокоится.

VII.

— Благодарю васъ за то, что вы пришли, — сказала Людмила:—я очень боялась, что васъ не найдутъ. Это такъ вышло неудачно, именно въ воскресенье!..

— Но это вполнѣ удалось, — возразилъ Крученинковъ,—и я благодарю васъ за то, что вы меня позвали.

Впрочемъ, когда я не нашелъ здѣсь никого, меня взяло сомнѣніе. Я началъ придумывать другія предположенія, но они всѣ были нелѣпы. Въ это время вы вошли...

— Васъ зовутъ Александръ...

— Максимовичъ... А вы—Людмила Модестовна?..

— Сегодня вы будете щедрѣе на слова, Александръ Максимовичъ?

— О, да, я скажу вамъ все, что вы захотите слушать...

— А я хочу слушать все, что вы скажете...

— Такъ давайте будемъ говорить... У васъ много времени?

— Часовъ до одиннадцати... Но иногда надо смотрѣть на сцену, когда играетъ Кострова...—Пожалуйста пріотворите дверь въ ложу. Мы будемъ слышать по голосу, когда выйдетъ Любочка Кострова.

Крученинковъ пріотворилъ дверь и изъ зала стали глухо доноситься голоса актеровъ, игравшихъ на сценѣ.

— Нужно вамъ замѣтить, что я къ этому разговору готовился—началъ Крученинковъ.—Я приготовилъ въ головѣ своей все такъ, чтобы быть краткимъ и яснымъ. И я начну, какъ бываетъ въ повѣстяхъ: это было около двадцати лѣтъ тому назадъ...

— Я родилась около двадцати лѣтъ тому назадъ...

— А это было нѣсколько раньше... Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Петербургѣ. Среди передовой молодежи живетъ всѣми почитаемая дѣвушка, молодая, красивая и вѣрующая...

— Во что?

— Въ людей и въ добро, въ то, что на землѣ только по несчастью нѣтъ правды, но что дружной работой можно ее найти и водворить среди людей. Она была цѣломудренна и придерживалась строгихъ нравовъ. Всѣхъ окружающихъ, которые передъ нею преклонялись, она считала ниже себя, да это такъ и было, по крайней мѣрѣ, по силѣ характера они не стоили ея пальца. Но вотъ явился человѣкъ крупнаго калибра. Онъ былъ цѣлой головой выше не только окружающихъ, но и ея самой, и она отдала ему себя. Но, отдавая ему себя, она думала, что знаетъ его, а въ дѣйствительности не знала. Она думала, что онъ то же, что и она, то-есть, что онъ любитъ добро и людей, чтобы пользоваться добромъ и людьми для себя, жить среди этихъ людей, водворяя среди нихъ добро, главенствуя надъ ними и испытывая отъ этого наслажденіе. Она думала, что онъ, призывая людей на дружную работу для водворенія добра на землѣ, ищетъ только успѣха среди людей, чтобы жить своими человѣческими страстями, окруженный общимъ признаніемъ и почетомъ и мечтала, прилѣпившись къ нему, пользоваться тѣмъ же почетомъ.

Но у него были другіе планы. На личное счастье, на страсти и чувства онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто мимолетное и второстепенное, а всѣ его силы были отданы дѣлу, которому онъ служилъ. И вотъ, когда настало время ему уходить, онъ сказалъ ей:

«Я здѣсь уже сдѣлалъ, что могъ и что долженъ былъ сдѣлать, и теперь я ухожу, чтобы въ другомъ мѣстѣ дѣлать то же, то-есть собирать людей на работу, объединять ихъ, строить ихъ въ ряды. Моя жизнь вся обречена на эту работу, моя жизнь полна лишеній и безпокойства. Но я отдалъ ее дѣлу, которое считаю своимъ долгомъ, и я иду.

— Какъ,—сказала она,—ты, значитъ, можешь обходиться безъ меня? Ты, которому я отдала себя безъ разсчета?

Онъ отвѣтилъ: «Я лично для себя не существую: все, что у меня есть, принадлежитъ моему дѣлу».

— А твои ласки, твои увѣренія въ любви?

— Мои ласки были искренни: увѣряя тебя въ любви, я говорилъ правду.

— Наконецъ, твой ребенокъ, котораго я должна родить чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

— Все это большое счастье: и твоя любовь, и ребенокъ, кото-

раго ты родишь; но все это личное, а у меня не должно быть ничего личнаго.

— Но почему же ты не зовешь меня съ собой? Развѣ ты не знаешь, что я охотно пойду за тобой?

— Я не могу звать тебя съ собой, потому что это значило бы, что я взялъ на себя новыя обязательства. На мнѣ лежатъ уже обязательства, которыя требуютъ отъ меня всей моей жизни, и я не имѣю права взять другихъ. Ты можешь идти одна. Ты знаешь цѣль и знаешь дорогу...

И онъ ушелъ, а она осталась оскорбленная. И вотъ тутъ проявилось различіе между ними и то, что она его не понимала. Она все примѣряла къ себѣ, къ своей личности. Она считала искреннимъ, правдивымъ только то, что было для нея хорошо. Она признавала великимъ только то, что ее возвышало. И онъ былъ въ ея глазахъ огроменъ, пока и она рядомъ съ нимъ поднималась, но какъ только онъ ушелъ—онъ пересталъ быть для нея добромъ и сдѣлался простымъ обманщикомъ. Онъ оттолкнулъ ее ради чего-то—все равно чего, онъ обманулъ ее, измѣнилъ ей, бросилъ... Въ ней закипѣла гордость, которая была оскорблена, и она озлобилась на все, на весь міръ и изъ вѣрующей превратилась въ презирающую.

Изъ презрѣнія вышла она за человѣка, которымъ прежде пренебрегала, изъ презрѣнія она воспитала свою дочь въ недовѣріи и въ ненависти къ людямъ, изъ презрѣнія она во всю свою остальную жизнь шла наперекоръ своимъ убѣжденіямъ, которыя жили въ ней, въ глубинѣ ея души, и, несмотря ни на что, мучили ее. Изъ презрѣнія она обманула душу своей дочери, систематически, изо дня въ день, впродолженіи почти двадцати лѣтъ подтасовывая въ ея глазахъ жизнь, показывая ей только дрянныя, уродливыя стороны жизни, только пороки людей и скрывая отъ нея все, что есть свѣтлаго въ жизни и въ людяхъ... Наконецъ, изъ презрѣнія она сдѣлала свою дочь почти—замѣтьте, я говорю почти—способной въ двадцать лѣтъ, въ пору чистыхъ порывовъ и безкорыстныхъ, безразсчетныхъ чувствъ, продать себя богатому негодяю, единственно ради того, чтобы, опираясь на его богатство, быть властной... Погодите... кажется, на сценѣ ваша подруга..

Онъ остановился и какъ бы перевелъ духъ. Но Людмила не двигалась съ мѣста, она смотрѣла на него большими внимательными глазами, въ головѣ ея былъ готовъ вопросъ, но она точно страшилась его, у нея было такое чувство, какъ будто, произнеся этотъ вопросъ, она перейдетъ границу, разомъ перешагнетъ въ міръ, изъ котораго ей не будетъ возврата.

Но вопросъ сверлилъ ея мозгъ, стучался въ ея черепъ и

требовалъ выхода. Она смутно слышала его слова о подругѣ, точно изъ безконечнаго далека доносились до нея оттуда, со сцены, какія-то чужія слова, но она ничего не понимала изъ нихъ. Ей до всего этого не было дѣла. У нея было такое ощущеніе, что вотъ сейчасъ рѣшится ея судьба, и это зависитъ отъ ея вопроса.

— Притворите дверь, я не могу теперь...—сказала она.

Крученинновъ покорно исполнилъ ея желаніе и притворилъ дверь.

— Слушайте... вѣдь вы разсказываете...—наконецъ, произнесла она съ страшнымъ невѣроятнымъ напряженіемъ воли:—вы разсказываете исторію моей матери?

И она смотрѣла на него пристально, не сводя глазъ съ его лица, точно боясь, чтобы онъ какъ-нибудь не увильнулъ съ отвѣтомъ, не спрятался за что-нибудь.

Но онъ отвѣтилъ ей простымъ и яснымъ взглядомъ и такимъ же простымъ и яснымъ голосомъ сказалъ:

— Да, вашей матери и вашего отца...

Людмила приподнялась и выпрямилась.

— Откуда вы знаете все это?

— Я знаю это отъ него...

— Это тотъ человѣкъ съ сѣдой бородой, который принялъ письмо отъ посыльнаго?

— Погодите... Къ этому надо еще придти... Притомъ же вы слишкомъ волнуетесь.

— Вы хотѣли бы, чтобы я въ тѣ минуты, когда чувствую, что вся моя жизнь съ трескомъ переламывается надвое, не волновалась... Это странно!..

— Ну, успокойтесь же... Не совсѣмъ, а хоть немного... Я знаю, что у васъ долженъ быть сильный характеръ.

— Почему вы это знаете?

— Потому что я вѣрю въ кровь женщины, которая способна двадцать лѣтъ неукоснительно преслѣдовать одну и ту же цѣль, и какъ преслѣдовать!—не отклоняясь отъ нея ни на одну минуту какъ въ главномъ, такъ и ничтожномъ,—женщины, которая способна, безумно любя свою дочь, въ угоду своей оскорбленной гордости, своей злобѣ, развращать ея душу до способности продать себя богатому негодяю... Такая женщина должна обладать желѣзнымъ характеромъ. А мужчина, сознательно отдавшій всю свою жизнь на общественное дѣло, отъ котораго не получилъ ни капли выгоды, не вкусилъ ничего, кромѣ страшныхъ лишеній, мужчина, ради своихъ высокихъ цѣлей отказавшійся отъ любви прекрасной, умной, сильной женщины, отъ счастья быть ея мужемъ пользоваться ея лаской и быть отцомъ... такой мужчина обла-

даетъ несомнѣнно могучей волей, а вы ихъ дочь... Я вѣрю въ кровь, Людмила Модестовна.

— Не называйте меня такъ, прошу васъ,—промолвила Людмила и на лицѣ ея выразилось отвращеніе.

— Я не понимаю,—возразилъ Крученинковъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Называйте меня Людмилой. Поймите же это...

— А, я понимаю, простите. Да, это большое несчастье, что вамъ приходится носить это позорное имя господина Балясова... Господинъ Балясовъ—взяточникъ и развратникъ. Онъ еще и до сихъ поръ пускаетъ пыль въ глаза слабымъ людямъ при помощи звонкихъ фразъ, которыя въ тѣ времена у немногихъ переходили въ дѣло, а для большинства сами были дѣломъ... Вы должны бы носить другое имя...

— Какое оно?

— Его зовутъ—Сергѣй Николаевичъ Рокотовъ.

— Рокотовъ...—тихо повторила Людмила:—Людмила Сергѣевна Рокотова... Какое звучное имя!.. Гдѣ же онъ, этотъ Сергѣй Николаевичъ Рокотовъ?

— Вы впадаете въ безпорядокъ... Что изъ того, что я скажу, что онъ здѣсь, въ Петербургѣ... Это ничего не говоритъ вамъ, вѣдь вы ничего не можете чувствовать къ нему.

— Я его не знаю...

— А онъ знаетъ васъ, немного. Онъ пріѣхалъ сюда три года назадъ. Я встрѣтился съ нимъ почти случайно. Онъ человѣкъ оригинальный. Прежде, до своей дѣятельности и до встрѣчи съ вашей матерью, онъ былъ студентомъ естественнаго факультета и съ увлеченіемъ занимался химіей. Но налетѣло повѣтріе, его захватило, тогда онъ двинулся работать на просвѣщеніе народа, и онъ отдалъ этому дѣлу все безъ остатка. Онъ работалъ двадцать длинныхъ лѣтъ и не странно ли? Въ эти годы онъ совсѣмъ не сталкивался съ народомъ. Онъ жилъ въ городахъ, вращался среди молодежи и вліялъ на нее въ смыслѣ своихъ идей. Въ народъ онъ просто вѣрилъ. Но, наконецъ, онъ усталъ; когда-нибудь, вы, можетъ быть, подробнѣе узнаете, какія онъ терпѣлъ лишенія и какую онъ велъ жизнь. А главное, когда онъ усталъ и оглянулся вокругъ себя, то вдругъ увидѣлъ, что тѣ времена, когда горячія слова зажигали сердца, прошли. И что онъ теперь вопіетъ въ пустыни. Тогда онъ сложилъ оружіе, но не разочаровался и не палъ духомъ... Онъ сказалъ: «значитъ, теперь мы не по времени, но было и наше время. Мы свое сдѣлали, пора отдохнуть. Теперь другія птицы и другія пѣсни. Ну, что жъ, пусть поютъ...» Онъ явился сюда сильно постарѣвшимъ, съ сѣдой бородой. Но его дѣятельный духъ не могъ оставаться безъ движенія.

Ему надо было что-нибудь дѣлать. И вотъ къ нему вернулась прежняя его любовь къ изученію природы и онъ пришелъ къ нашему профессору, его старому знакомому и товарищу, и, какъ юный студентъ, началъ работать въ лабораторіи. Вотъ тутъ я съ нимъ познакомился, понравился ему, мы близко сошлись. Онъ разсказалъ мнѣ всю свою исторію. И съ тѣхъ поръ я сталъ интересоваться вами и вашей жизнью—для него.

— А развѣ моя жизнь ему интересна? Вѣдь онъ меня не знаетъ, никогда не думалъ обо мнѣ.

— Не думалъ, когда высшія цѣли поглощали его всего. Тогда онъ не былъ человѣкомъ, тогда онъ былъ высшимъ существомъ, лишеннымъ страстей и человѣческихъ слабостей. Когда же онъ вернулся къ человѣку, то кровь подсказала ему о васъ... Онъ узналъ всю исторію вашего воспитанія, но не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться. Когда же выяснилось, что васъ ожидаетъ замужество съ этимъ господиномъ, съ Поршневымъ, онъ сказалъ, что ваша мать слишкомъ послѣдовательна въ своей злобѣ и рѣшилъ вмѣшаться въ вашу судьбу... Вотъ вамъ и объясненіе нашей вчерашней встрѣчи.

— Все это похоже на сонъ,—сказала Людмила и закрыла глаза.—Я не знаю, что я должна думать и чувствовать. Не знаю... Я растерялась...

— Позвольте мнѣ попытаться помочь вамъ... Навести васъ... Скажите, что васъ больше всего тревожитъ въ этомъ?

— Я вамъ скажу, что̀... И это явилось не сейчасъ. Это уже давно. Вы говорите — отецъ; я его не знаю... Онъ для меня не больше, какъ дѣйствующее лицо вашего разсказа...

— Это человѣкъ огромной души.

— Можетъ быть... Я вамъ вѣрю, но я его не знаю. Онъ не игралъ никакой роли въ моей жизни и я ему ничѣмъ не обязана... Но мать — я люблю ее... Еслибъ вы знали, чѣмъ она была для меня, какъ она всю жизнь боролась за меня съ этимъ...

— Съ Балясовымъ.

— Послушайте, но вѣдь она отдала мнѣ двадцать лѣтъ жизни и отдала безраздѣльно... И вотъ моя душа возмутилась противъ того, что̀ она для меня приготовила... Не теперь, нѣтъ; а раньше, гораздо раньше...

— Это кровь... Это Рокотовская кровь..

— Пусть такъ. Но мнѣ надо же быть какъ-нибудь... Не могу же я, живя съ нею одной жизнью, ежеминутно обманывать ее.

— Не обманывайте... Надо жить въ открытую, по крайней мѣрѣ, съ людьми, съ которыми мы дѣлимъ жизнь. Обманывая ихъ, мы поступаемъ, какъ недобросовѣстный компаніонъ, скрываю-

шій часть выгоды въ свою пользу или предпринимающій въ общемъ дѣлѣ рискованный шагъ, скрывая это отъ другого.

— Сказать правду!.. сказать эту правду моей матери!.. Вы не представляете... Вѣдь это значитъ разбить ее.

— Слушайте, я не думаю такъ мрачно, но если бы даже и такъ... Ваше стремленіе справедливо. Ручей пробиваетъ себѣ дорогу потому, что ему нужно нести куда-нибудь впередъ свои воды. Задержать ихъ онъ не можетъ и пойти обратно тоже не можетъ... Если на пути стоитъ домъ, наполненный людьми, и если эти люди спятъ и не видятъ, что онъ надвигается, онъ смоетъ и домъ, и людей, это неизбѣжно. Но все же для людей лучше, если они во-время услышатъ его шумъ: тогда они не спасутъ дома, но спасутъ свои жизни.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда... двадцать лѣтъ жизни она отдала мнѣ... Никогда!..

— Постойте, вы разсуждаете чувствомъ, а чувство пристрастно, односторонне. Скажите, та жизнь, которую приготовила вамъ мать, она вамъ годится?

— Нѣтъ...

— Вы способны ее вести? Вы способны сдѣлаться женой Поршнева и, опираясь на его милліоны, прожигать жизнь, обманывать его и другихъ или, что еще хуже, служить удовлетворенію его страсти, пока ему это не надоѣстъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Я сошла бы съ ума отъ одного его прикосновенія.

— Такъ. Но если вы останетесь подъ вліяніемъ матери, она неизбѣжно поведетъ васъ туда. У васъ будетъ выборъ между двумя рѣшеніями: если она побѣдитъ ваше отвращеніе, вы пойдете за Поршнева, или вы упретесь на своемъ и откажетесь. Второе, это—уже катастрофа, а первое раньше или позже поведетъ къ катастрофѣ. Во всякомъ случаѣ, неизбѣжно страшное столкновеніе съ нею. Вамъ этого не миновать. Но погодите, погодите. Это не все, что я хочу сказать. Вы говорите: двадцать лѣтъ жизни! Да, это такъ. Но позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Двадцать лѣтъ жизни ваша мать пригибала васъ подъ тяжестью своей сильной и властной руки. Двадцать лѣтъ она обливала вашу душу собственной злобой, двадцать лѣтъ старалась вытравить изъ васъ все свѣтлое и доброе...

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать... Я не знаю, правы ли вы... или нѣтъ... я ничего не могу рѣшить...

— Я вамъ подскажу, если вы мнѣ позволите. Мы слишкомъ слабы оба. Мы мало знаемъ жизнь. Да, я согласенъ съ вами, что въ такомъ видѣ, какъ теперь, вы не можете открыть душу вашей матери. Но, можетъ быть, вамъ что-нибудь поможетъ, если

вы согласитесь повидаться съ нимъ. Вѣдь онъ мудрецъ. Вы не можете составить даже приблизительное представленіе объ этомъ человѣкѣ. Когда вы услышите отъ него первыя десять словъ, вы уже почувствуете просвѣтлѣніе... Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ на меня дѣйствуетъ. Передъ тѣмъ, какъ встрѣтиться съ нимъ, я блуждалъ въ темнотѣ сомнѣній и противорѣчій, когда-нибудь я вамъ это объясню. Онъ однимъ словомъ освѣтилъ мнѣ все. Можетъ быть, онъ самъ все это устроитъ. Неужели васъ не тянетъ къ нему?

Людмила сидѣла на диванѣ у круглаго стола, опершись на него обѣими руками и закрывъ лицо. На его слова она не отвѣтила. Онъ ждалъ, она молчала. Теперь она забыла даже и о немъ и погрузилась въ себя.

Кручениновъ понялъ, что въ душѣ ея происходитъ работа, которая не нуждается въ его участіи. Есть моменты въ жизни, когда человѣкъ долженъ быть одинъ. Есть вопросы, которые нельзя разрѣшить вдвоемъ; бываетъ ноша, которую, какъ бы ни была она тяжела, человѣкъ не можетъ раздѣлить ни съ кѣмъ, а долженъ нести ее одинъ, хотя бы она грозила раздавить его своей тяжестью.

Кручениновъ понялъ это и, тихонько пріотворивъ дверь, прошелъ въ ложу и сѣлъ тамъ. Посмотрѣвъ на сцену, онъ увидѣлъ, что тамъ была уже совсѣмъ другая обстановка. Изъ этого онъ заключилъ, что они не замѣтили, какъ прошелъ антрактъ и началось новое дѣйствіе.

Онъ сидѣлъ въ углу ложи, поглядывая на сцену и часто прислушиваясь къ тому, что дѣлается въ комнаткѣ.

Прошло минутъ десять. Людмила все сидѣла въ своей позѣ съ закрытымъ лицомъ.

Она думала о томъ, что жизнь какъ бы нарочно толкаетъ ее на иной путь, чѣмъ тотъ, какой приготовила ей мать. Уже давно стала выходить она изъ-подъ ея вліянія и сворачивать на другую дорогу, но это только въ затаенныхъ мысляхъ. Въ послѣдніе два года особенно это стало проявляться.

Когда Ирина Васильевна говорила съ нею въ своемъ обычномъ направленіи, она слушала и чувствовала въ себѣ какой-то голосъ, который непрестанно, неумолчно какъ бы возражалъ. Мать говорила, а голосъ шепталъ: «Это не такъ, это несправедливо, это противъ истины... Жизнь не такова, люди не такъ злы, есть въ жизни свѣтлое и доброе, во что можно вѣрить... развѣ ты не чувствуешь его въ себѣ? Развѣ тебѣ не хотѣлось тысячу разъ откликнуться на людское горе, протянуть руку помощи, выразить сочувствіе? Ты всегда подавляла въ себѣ эти стремленія подъ вліяніемъ твоей матери...»

Да, да, это такъ и было, она подавляла; но откуда же это бралось у нея? Вѣдь никогда во всю свою жизнь она не слышала другихъ взглядовъ. Если она встрѣчала ихъ въ книгахъ, то Ирина Васильевна разбивала ихъ своимъ «толкованіемъ». Она зорко слѣдила за всѣмъ и не пропускала ничего. Все было подчинено ея контролю.

И тѣмъ не менѣе въ ней всегда жило что-то протестующее. «Это кровь», сказалъ Крученинровъ, его кровь, Рокотова, котораго онъ изображаетъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, святымъ.

А можетъ быть, и не Рокотова только, а и самой Ирины Васильевны, потому что вѣдь и она въ тѣ дальнія времена была другой. Въ тѣ дальнія времена? А потомъ? Въ самомъ ли дѣлѣ она такъ ужъ совсѣмъ похоронила все прежнее и безповоротно стала иной?

А эти долгіе мучительные часы, когда она бывала одна, просиживая въ креслѣ съ блѣднымъ лицомъ, неподвижная, съ глазами, точно устремленными въ то далекое прошлое, изъ котораго она сама вышла и противъ котораго теперь жила, или когда она лежала на кровати, уткнувъ лицо въ подушку и никому не показывая своихъ глазъ...

Можетъ быть, въ эти часы она душой жила въ тѣхъ временахъ... Можетъ быть, ей являлись какіе-нибудь полузабытые образы, укорявшіе ее, каравшіе, и душа ея передъ ними трепетала?

А то отвращеніе, которое иногда являлось у нея въ глазахъ, когда она разговаривала съ Поршневымъ? А та непримиримость, съ которой она относилась къ Балясову!

Вѣдь Балясовъ живетъ совсѣмъ такъ, какъ нужно, по ея взглядамъ. Онъ ни во что не вѣритъ, презрѣлъ всякую правду, живетъ для себя, ѣстъ, пьетъ, развратничаетъ, выжимаетъ изъ людей и изъ случая для себя выгоду, умножаетъ свой капиталъ, чтобы потомъ «властвовать», какъ она любитъ говорить. А между тѣмъ, она его презираетъ...

И какъ вдругъ послѣ разсказа Крученинова ея мать вся освѣтилась въ ея глазахъ! До сихъ поръ она многое не понимала въ ней. Какъ съ ея природной брезгливостью, съ ея тонкой чуткой организаціей она могла сдѣлаться женой Балясова? Какъ она не почувствовала въ немъ того, чѣмъ онъ сталъ? Какъ могла она, любя ее, Людмилу, безумно, сознательно и съ такой желѣзной послѣдовательностью вести ее на тотъ путь, который она, Людмила, не задумываясь, считаетъ гибелью для всего, что есть въ ней человѣческаго?

Теперь она понимаетъ все это. Изъ всѣхъ душевныхъ качествъ, между которыми есть очень цѣнныя, у Ирины Васильевны

больше всего была развита гордость, гордость законная, потому что она была лучше другихъ, тѣхъ, что окружали ее. И эта гордость была оскорблена. Вотъ откуда пошла эта злоба противъ людей и противъ всего свѣтлаго и добраго.

Она берегла себя, была недоступна, она какъ бы хранила себя для *него* и *онъ* пришелъ и она ему отдалась и вотъ не прошло и года, какъ онъ оттолкнулъ ее въ сторону ради какихъ-то высшихъ цѣлей. Для Людмилы эти высшія цѣли непонятны. Она ихъ не знаетъ. И судить сейчасъ о томъ, былъ ли онъ правъ, она не можетъ.

Но почему же ее влечетъ туда? Ей кажется, что тамъ-то именно и есть тотъ другой свѣтлый міръ, который до сихъ поръ былъ закрытъ для нея.

«Надо знать жизнь со всѣхъ сторонъ», всегда говоритъ ей мать, а развѣ это не жизнь? Развѣ это не новая и не важная сторона ея? До сихъ поръ она видѣла только однѣ тѣни, теперь ее зовутъ увидѣть свѣтъ.

Затѣмъ явился у нея практическій вопросъ: какъ сдѣлать это? Если она пойдетъ напрямикъ и сейчасъ вотъ, придя домой, скажетъ все матери—ей никогда не увидѣть того міра. Что сдѣлаетъ Ирина Васильевна, она не знаетъ, но знаетъ навѣрное, что она сдѣлаетъ все, она умретъ, если это будетъ нужно. Значитъ, надо солгать. Такъ она ищетъ свѣта при посредствѣ обмана Должно быть, жизнь такъ устроена, что безъ обмана въ ней ничего не добьешся, даже истины.

И по мѣрѣ того, какъ она сосредоточивалась на этихъ мысляхъ, въ душѣ ея проходило смятеніе, понемногу она освоивалась съ своимъ новымъ положеніемъ. Дѣло начинало казаться ей простымъ.

Когда-то, въ давнія времена, помимо ея участія, случилось что-то—она произошла на свѣтъ и посторонняя воля поставила ее въ такія условія, противъ которыхъ теперь возмущается въ ней что-то, не знаетъ она что—можетъ быть, кровь... И вотъ теперь судьба точно хочетъ исправить свою ошибку и показываетъ ей новую дорогу. Но вѣдь это еще не значитъ, что она непремѣнно выберетъ ту дорогу. Ей почти двадцать лѣтъ, благодаря старанію Ирины Васильевны, въ ней развиты наблюдательность и критическая сторона ума, она увидитъ и разсудитъ. Но что она должна и имѣетъ право увидѣть, въ этомъ она уже ни на минуту не сомнѣвалась.

На сценѣ еще продолжался второй актъ, Кручениновъ вышелъ изъ ложи и увидѣлъ ее уже совсѣмъ оправившейся, она точно очнулась отъ долгаго сна. Глаза ея смотрѣли разумно, она даже чуть-чуть улыбалась. Она протянула ему руку.

— Благодарю васъ, Александръ Максимовичъ... Вы видите, я уже переварила... Благодарю васъ.

— За что?—съ удивленіемъ спросилъ Крученинов.

— За все. И за то, что вы встрѣтились со мной, и за то, что пришли сюда и разсказали мнѣ то, что близко меня касается, и даже за то, что вы три года были моей тайной полиціей...

— Вы рѣшили?

— Да я рѣшила, хотя еще не знаю, какъ это сдѣлать. Впрочемъ, Любочка Кострова поможетъ мнѣ. Вы ее не знаете?

— Немного знаю...

— И, конечно, не одобряете... У васъ такой тонъ...

— Она еще слишкомъ молода,—неизвѣстно, во что выльется.. но много шансовъ, что выльется она въ...

— Не стѣсняйтесь...

— Въ кокотку.

— А мы развѣ дадимъ ей сдѣлать это?

— Мы?

— Да, это я поторопилась. Мнѣ вдругъ показалось что... ну, однимъ словомъ... да, вы правы; но у Любочки хорошая душа.

— Я не знаю ее. Знаю только, что вы сохранились, несмотря на всѣ старанія извратить васъ, а она какъ разъ напротивъ: сама себѣ создала міросозерцаніе кокотки, несмотря на противодѣйствіе ея матери... Впрочемъ, сейчасъ мнѣ до нея нѣтъ дѣла. Значитъ, я получу отъ васъ предупрежденіе. Я больше вамъ не нуженъ?

— Вы можете досмотрѣть пьесу.

— Но я ея не видѣлъ... Нѣтъ, я пойду, мнѣ вѣдь далеко.

Онъ протянулъ руку:

— До скораго свиданія... Я разскажу много хорошаго моему старому химику...

— Какъ странно!—сказала Людмила.—Я узнала, что существуетъ мой отецъ и что онъ здѣсь и вотъ къ нему лично я не почувствовала никакого влеченія. Меня онъ интересуетъ, но не влечетъ... Онъ мнѣ чужой... Знаете, вотъ вы сказали: вашъ старый химикъ... и мнѣ представляется, что я вышла изъ химической реторты, развѣ это не странно?

— Не знаю. Это вопросъ физіологіи, мы его обсудимъ вмѣстѣ съ нимъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Крученинов, простился съ нею и вышелъ.

Тогда Людмила встала, подошла къ зеркалу, поправила свою прическу и привела себя въ порядокъ. Второе дѣйствіе еще шло. Она нашла удобнымъ выйти теперь, когда въ корридорѣ не было публики, и пройти за кулисы. Теперь она нашла дорогу довольно легко.

Любочка была въ уборной.

— Ну, что, ты меня видѣла? Какъ нашла?—спросила она.

— Видѣла, но... милая Любочка, ты прости меня... я была въ такомъ состояніи... что ничего не могла понять... Кажется, хорошо, весело, смѣялись и апплодировали.

Людмила почувствовала себя утомленной и улеглась на диванѣ. Любочка болтала. Во время антракта къ ней стучались, но она гнала всѣхъ.

Потомъ начался третій актъ, она уходила играть, а Людмила все лежала и чувствовала, какъ отдыхаетъ не только ея тѣло, но и душа.

Любочка прибѣжала веселая, радостная. Въ послѣдней сценѣ третьяго дѣйствія она играла такъ весело, что весь театръ хохоталъ и ее проводили дружными аплодисментами. Ее поздравляли не только Оглынскій, но и другіе директора. Всѣ открыли въ ней комическій талантъ.

Она переодѣвалась, снимала гримъ и дѣлала все это чрезвычайно быстро. Онѣ вышли изъ уборной, когда еще продолжался антрактъ, сейчасъ же взяли извозчика и поѣхали къ Балясовымъ.

— Ты не покидай меня сейчасъ,—попросила Людмила,—мнѣ будетъ тяжело одной съ матерью.

— Ну, право же, я могу подумать, что ты замышляешь что-нибудь ужасное.

— Можетъ быть, и такъ, Любочка.

— Но противъ кого же?

— Противъ всего моего прошлаго, мой другъ. Но ты не напрягай свой мозгъ, все равно ничего не поймешь, пока не узнаешь. Ахъ да, ты мнѣ еще нужна. Какъ можно скорѣе придумай что-нибудь, чтобы я могла опять уйти изъ дому часа на четыре.

— И это будетъ всю жизнь продолжаться?

— О, нѣтъ.. Еще только одинъ разъ. А потомъ—потомъ я уже буду въ открытую,—очень твердо и рѣшительно сказала Людмила.

Онѣ пріѣхали.

VIII.

Модестъ Петровичъ Балясовъ въ канцеляріи занималъ отдѣльный кабинетъ. Правда, было начальство выше его, и не одно, къ которому онъ являлся съ докладомъ, но это начальство существовало больше для порядка, чтобы чиновники не думали, что у нихъ нѣтъ высшаго начальства и не распускались. Настоящее начальство—не надъ чиновниками, а надъ дѣлами,—былъ Балясовъ. Въ его кабинетъ тоже приходили съ докладами, но доклады

эти уносились не съ резолюціями, а съ указаніемъ, какъ что надо сдѣлать, какое дать направленіе тому или иному дѣлу.

Почти двадцать лѣтъ работалъ въ этой канцеляріи Балясовъ и зналъ ее «до мозга костей», какъ онъ самъ любилъ говорить. Помимо способностей и знанія спеціальной стороны дѣла, онъ обладалъ еще умѣньемъ дѣлаться необходимымъ. И здѣсь онъ сдѣлался такимъ больше, чѣмъ кто бы то ни было.

Связей у него не было и потому онъ считалъ, что, дойдя за двадцать лѣтъ до «своего» кабинета, онъ свершилъ многое. А главное, что онъ ничего больше не желалъ, и не только не желалъ, но даже боялся. Балясовъ разсуждалъ такимъ образомъ: министромъ я все равно не буду, самое большое, что заткнутъ меня въ какую-нибудь почетную дыру и заставятъ въ ней почетно догнивать свой вѣкъ. А тутъ рангъ не Богъ знаетъ какой высокій, а польза есть. Такъ лучше при пользѣ оставаться.

Правда, за нимъ почему-то установилась репутація человѣка демократическихъ убѣжденій.

Но дѣло въ томъ, что демократизмъ этотъ ему не только не мѣшалъ, а даже способствовалъ.

Когда кто-нибудь отдаленно намекалъ начальству на нѣкоторыя односторонности Балясова въ вопросахъ о казенныхъ подрядахъ, проходившихъ черезъ его руки, то начальство возражало:

— Что вы, помилуйте, Балясовъ,—онъ такой демократъ! Это невозможно!

И не вѣрило. И когда Балясовъ думалъ объ этомъ, то съ полнымъ основаніемъ могъ утверждать, что «демократизмъ тоже имѣетъ свои хорошія стороны».

Это было на другой день послѣ того воскресенія, когда у Модеста Петровича былъ «дружескій завтракъ», а у Людмилы свиданіе съ Крученинымъ.

Модестъ Петровичъ завтракалъ что-то слишкомъ долго и пріѣхалъ домой часа въ два ночи. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно пользовался чернымъ ходомъ и, пройдя черезъ кухню, входилъ прямо изъ корридора въ свой кабинетъ. Тамъ, въ глубокомъ альковѣ, стояла его кровать и онъ на нее ложился. Происходило это отъ того, что онъ не могъ ручаться за твердость своихъ ногъ и не хотѣлъ своимъ домашнимъ давать матеріалъ для осужденія. Такъ было и въ этомъ случаѣ и никто уже не справлялся, пришелъ ли онъ. Къ этому привыкли. Въ послѣдніе два-три года Модестъ Петровичъ «дружески завтракалъ и обѣдалъ» чуть не каждый день.

Но одной изъ добродѣтелей, на которыхъ держалась его репутація въ канцеляріи, была аккуратность. Несмотря ни на что, онъ всегда приходилъ на службу въ десять съ половиною часовъ.

Для этого надо было вставать въ девять, что онъ сдѣлалъ и въ этотъ день.

Поэтому физіономія его была сонная, глаза сильно воспалены, а мѣшки вокругъ ихъ какъ-то вздуты, точно въ нихъ накачали воздуха. Но дѣлалъ онъ свое дѣло исправно,—чиновники къ нему входили и выходили съ бумагами, а съ двѣнадцати до часу являлись и постороннія лица, имѣвшія дѣло до канцеляріи.

Немного раньше двѣнадцати часовъ курьеръ подалъ ему карточку, на которой было напечатано: «Владиміръ Ивановичъ Поршневъ». Владѣлецъ карточки тотчасъ же былъ приглашенъ въ кабинетъ.

Поршневъ участвовалъ во вчерашнемъ «завтракѣ», но онъ былъ гораздо крѣпче Балясова, и въ лицѣ его не осталось никакихъ слѣдовъ.

— Осмѣлюсь обезпокоить ваше превосходительство, — комически сказалъ Поршневъ, пародируя почтительность, рабски кланяясь и какимъ-то особеннымъ образомъ выгибая свою заднюю часть. Потомъ онъ разсмѣялся и просто сказалъ:—давненько не видались, соскучился...

— Еще бы, со вчерашней ночи, отозвался Балясовъ,—садись-ка.

Поршневъ сѣлъ на предложенный стулъ.—Ну, и лицо же у тебя, не приведи Богъ... Знаешь, для статскаго совѣтника не того, не подходитъ...

— Чортъ возьми, будетъ такое лицо, коли каждый день этакъ-то завтракать..: Нѣтъ, это надо прекратить... Здоровье дороже...

— Прекращаютъ обыкновенно завтра, а сегодня въ послѣдній разъ...

— А что такое сегодня?

— Сегодня мы обѣдаемъ съ Разбухаевымъ. Я именно и думалъ, что ты позабудешь и заѣхалъ напомнить...

— Я не поѣду...

— Ну, вотъ... Какъ же не поѣдешь, когда обѣщано?... И мнѣ извѣстно, что уже предприняты мѣры...

— Какія мѣры?

— Мѣры серьезныя—сообразно званію и положенію вашего превосходительства.

— А именно?

— А именно: въ трактирѣ «Малый Ярославецъ» приговорены къ смертной казни черезъ кипяченіе ради ухи три стерляди, съ малыхъ лѣтъ воспитанныя примѣнительно къ потребностямъ и вкусамъ вліятельныхъ петербургскихъ особъ.

— Ну, это что... Это ужъ надоѣло.

— Постой, ты слушай, что будетъ дальше. Къ нимъ изготовляются по особому рецепту, добытому у тѣстовскаго повара, въ бытность мою въ Москвѣ, растегаи съ волшебной кашицей изъ манны небесной съ примѣсью олимпійской амброзіи...

— Толкуй! Прескверные тамъ растегаи...

— Нѣтъ, нѣтъ, это особые... Ужъ это, братъ, съ моимъ благосклоннымъ участіемъ и за моимъ ручательствомъ, и такъ же вѣрно, какъ если бы, напримѣръ, я сдѣлалъ бланковую надпись на векселѣ... За симъ будутъ разнаго рода нектары и между ними одинъ—красный нектаръ изъ бургундской земли такого качества, что пальчики оближешь, если бы они даже были выпачканы въ казенныхъ чернилахъ.

— Хорошее бургонское?—спросилъ Модестъ Петровичъ и въ его до сихъ поръ вялыхъ и сонныхъ глазахъ появился легкій блескъ.

— Да ужъ это повѣрь: всего три бутылки такихъ во всемъ Петербургѣ и они будутъ тамъ... А впослѣдствіи сего—у подъѣзда зазвенятъ бубенцы, и лихая тройка умчитъ насъ въ края, «гдѣ жизнь и любовь, и блаженство».

— Это на Крестовскій, что ли? Ну, знаешь, меня тамъ уже отъ каждаго угла тошнитъ... Помилуй, чуть не каждый день...

— Крестовскій что? Крестовскій, это такъ, для порядка... Ну, въ родѣ какъ если ѣхать въ Мадридъ или въ Лондонъ, то не миновать Парижа. А главное-то будетъ послѣ: съ дебютантками!.. Понимаешь? Свѣжая майская роза...

— Да ну?

У Модеста Петровича заиграли огни въ глазахъ и пухлыя щеки его зарумянились. Онъ даже всталъ со стула, и вся сонливость его прошла.

— Такъ теперь ты не забудешь?—лукаво подмигнувъ, спросилъ Поршневъ.

— Нѣтъ, братъ, не забуду, если не врешь,—отвѣтилъ Балясовъ.

— Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ никогда не вру... Ага, вишь, какъ зарумянился... Ахъ, старый развратникъ!.

Кто-то постучался въ дверь.

— Ну, ну, я сейчасъ убираюсь,—промолвилъ Поршневъ,—я вѣдь только напомнить забѣжалъ. Ахъ, да, вотъ что: обѣдъ въ шесть съ половиной, а ты пріѣзжай пораньше, прямо отсюда.

— Въ вицъ-мундирѣ?

— Ничего, я заѣду къ тебѣ и захвачу твой пиджакъ, тамъ переодѣнешься... Видишь ли, у меня есть кое-что сказать тебѣ, помимо обѣда и помимо Разбухаева!.. Понимаешь? Очень интересное. Иду, иду...

— Войдите!—сказалъ Балясовъ тому, кто стучался.

Вошелъ чиновникъ съ бумагой, а Поршневъ сейчасъ же простился и вышелъ.

Чиновникъ показалъ бумагу и излагалъ какое-то дѣло, а Модестъ Петровичъ слушалъ его разсѣянно и плохо понималъ. Сообщеніе Поршнева о предстоящемъ обѣдѣ мало трогало его, но прибавка относительно поѣздки куда-то послѣ Крестовскаго съ обѣщаніемъ «дебютантокъ» сильно взволновало его порядочно-таки обостренную чувственность.

— Хорошо, пожалуйста оставьте это мнѣ,—сказалъ онъ чиновнику и тотъ поклонился и ушелъ. Въ дѣлахъ онъ на слово никому не вѣрилъ, а между тѣмъ, по совѣсти долженъ былъ сказать, что плохо усвоилъ то, что говорилъ ему чиновникъ. Но онъ былъ добросовѣстный начальникъ и со всякимъ дѣломъ знакомился лично. Притомъ же всѣ дѣла между собою были въ связи, одно цѣплялось за другое. Въ его тонкихъ оборотахъ съ «искателями», при небрежности можно было попасть въ просакъ.

Видъ бумаги и чернилами начертанныхъ буквъ скоро возвратилъ ему присутствіе духа и онъ занялся дѣломъ.

Онъ принималъ чиновниковъ, потомъ частныхъ лицъ, затѣмъ опять чиновниковъ. Пріѣхало начальство, онъ пошелъ къ нему съ докладомъ и получилъ желательныя резолюціи, которыя были имъ подготовлены такимъ образомъ, что ни въ какомъ случаѣ не могли быть другими.

Но среди всѣхъ этихъ дѣлъ его часто волновала мысль о томъ «кое-что», которое пообѣщалъ ему Поршневъ и ради котораго надо было пріѣхать въ ресторанъ пораньше. Что такое? Балясовъ привыкъ, чтобы у него все шло гладко, онъ не признавалъ ничего непредусмотрѣннаго. А тутъ, очевидно, что-то непредусмотрѣнное.

Поршневъ не даромъ воздержался отъ сообщенія сейчасъ. Очевидно, онъ нашелъ неудобнымъ говорить это въ канцелярскихъ стѣнахъ.

Съ Поршневымъ они стали пріятелями и на ты не такъ давно. Въ студенческія времена они хотя и были знакомы, но очень мало и между ними не было ничего общаго. Когда Поршневъ явился въ качествѣ «искателя», то ему пришлось напоминать о себѣ, настолько мало зналъ его Модестъ Петровичъ.

Но когда было «сдѣлано дѣло», очень замѣтно увеличившее вкладъ Модеста Петровича въ банкѣ и когда было воспринято вмѣстѣ нѣсколько завтраковъ и обѣдовъ, они хорошо познали другъ друга, сблизились, а затѣмъ оказалось, что Поршневъ чрезвычайно удобенъ и полезенъ для Балясова. По мѣрѣ того, какъ дѣла расширялись, Балясову все становилось неудобнѣе входить въ личныя сношенія съ «искателями». Поршневъ же зналъ полъ-міра и ему ничего не стоило сдѣлаться посредникомъ. Такимъ образомъ

не было ни одного завтрака и обѣда, въ которыхъ не участвовалъ бы Поршневъ. А въ близкомъ будущемъ предвидѣлось еще большее сближеніе. Поршневъ смотрѣлъ на себя, какъ на будущаго зятя Балясова, и Модестъ Петровичъ, хотя это отъ него и не зависѣло, сильно поощрялъ его. Такимъ образомъ, ихъ отношенія были очень тѣсныя, и если Поршневъ нашелъ нужнымъ для сообщенія назначить особый часъ и мѣсто, то значитъ было что-нибудь тонкое.

Въ пять съ четвертью въ канцеляріи обыкновенно кончались занятія. Собственно, работа кончалась въ пять, а четверть часа шли на расхожденіе чиновниковъ. Модестъ Петровичъ прямо со службы поѣхалъ въ ресторанъ.

Когда онъ вошелъ въ подъѣздъ, швейцаръ чуть не принялъ его въ объятія и сообщилъ, что «Владиміръ Ивановичъ уже съ полчаса дожидаются».

Когда же Балясовъ поднялся наверхъ и путешествовалъ знакомыми ходами въ отдѣльный кабинетъ, встрѣчавшіеся на пути лакеи кланялись ему и говорили: «Мое почтеніе, ваше превосходительство!»

— Ну, вотъ, наконецъ-то,—воскликнулъ Поршневъ, выглядывавшій изъ-за цѣлой горы уставленныхъ на столикѣ закусокъ и водокъ. А вотъ и партикулярный пиджакъ для превращенія его превосходительства въ демократа...—прибавилъ онъ, указывая на пиджакъ, лежавшій на диванѣ.

— Вотъ и отлично!

И Модестъ Петровичъ снялъ вицъ-мундиръ и облачился въ пиджакъ.

— Развѣ я опоздалъ? Я торопился.

— Не то что-бъ... А только я здѣсь погибаю въ одиночествѣ... Знаешь, вѣдь я животное общественное.

— Что ты животное, я въ этомъ не сомнѣваюсь, а насчетъ общественности—это мы подождемъ.

— Ну, ладно, ладно, не въ этомъ дѣло.

— Вотъ именно я хотѣлъ бы знать, въ чемъ дѣло.

— А дѣло въ твоемъ, такъ сказать, предшественникѣ...

— Что? Это кто же?

— Ха, ха! вотъ какъ ты недогадливъ, ваше превосходительство! А еще считаешься умнымъ чиновникомъ. Кто же, какъ не онъ, подвижникъ и агитаторъ, Сергѣй Николаевичъ Рокотовъ?

— Какое мнѣ до него дѣло?—сказалъ Модестъ Петровичъ и на лицѣ его появилась брезгливая мина.

— Тебѣ-то нѣтъ до него дѣла, а ему есть до тебя. Онъ шевелится, а мой Алабекъ не дремлетъ.

— Это твой татаринъ-студентъ?

— Ну, да. Сегодня прибѣжалъ ко мнѣ въ десять часовъ утра и повѣдалъ, что вчера въ нѣкоемъ театрѣ было свиданіе между наперсникомъ Рокотова, этимъ малоумнымъ Крученинов ымъ, и Людмилой Модестовной.

— Твой Алабекъ навралъ! Это невозможно... Бдительная Ирина этого не допуститъ.

— Ну, знаешь, и бдительную Ирину Васильевну можно обойти. Людмилочка, она святая-святая, а поди-ка, оплела Ирину Васильевну такъ, что она ничего и не подозрѣваетъ.

— Это фактъ?

— Да ужъ если Алабекъ прибѣжалъ въ десять часовъ утра, то значитъ было съ чѣмъ. Зря не станетъ безпокоить; я его въ строгости содержу.

— И, разумѣется, онъ попросилъ у тебя денегъ?

— Само собою. Это вѣдь стоитъ. И кромѣ того я ему разрѣшилъ явиться сегодня, но не сюда, ибо здѣсь будетъ съ Разбухаевымъ дѣловой разговоръ, а прямо на Крестовскій и пріобщиться къ блаженной жизни на счетъ Разбухаева.

— Это для чего же?

— А именно для того, чтобы онъ тебѣ самолично подтвердилъ фактъ.

— Но чего же онъ хочетъ, наконецъ, этотъ господинъ?

— Кто это? Рокотовъ? Да какъ чего? Дѣла его всегда были плохи, а твои вотъ хороши. Ну, отчего же не пошантажировать? Вѣдь если хорошенько приняться, то изъ тебя, ваше превосходительство, можно кое-что выудить... А, какъ ты думаешь? Ха, ха! Ну, ужъ и покраснѣлъ... Ничего, ничего, это я по дружбѣ... А все-таки остерегайся... Людмилочка теперь въ какой-то необыкновенной ажитаціи... Того и гляди—снюхается съ нимъ... И станетъ онъ требовать отъ тебя—не денегъ, о, нѣтъ, а такъ въ родѣ какъ бы отступного... Я тебѣ совѣтую одно изъ двухъ: или внуши Иринѣ Васильевнѣ, чтобы поскорѣе привела ее къ моему знаменателю... Или повѣдай о нахожденіи этого сокровища въ Петербургѣ Иринѣ Васильевнѣ и она ужъ съумѣетъ поступить съ нимъ по его заслугамъ.

— Чортъ его возьми, этого господина! Его присутствіе меня бѣситъ. Я не понимаю, чего это я съ Ириной деликатничаю? вотъ возьму да и скажу... Пусть вѣдается съ нимъ. Вѣдалась же когда-то...

— Ого!.. А что, какъ она возьметъ да и уйдетъ къ нему съ дочерью?...

— Ну и пускай себѣ... На извозчика выдамъ, вотъ и все...

— Ай-ай-ай!.. Мо-дестъ! Ваше превосходительство!.. А мои интересы ты, значитъ, по-боку? Изъ-за чего же я огородъ го-

родилъ? Прими мѣры, прими мѣры, Модестъ Петровичъ. Могутъ быть большія непріятности тебѣ и мнѣ. Хоть ты и очень ловокъ, а все же не неуязвимъ. А онъ, ты знаешь, шутить не умѣетъ.

— Ты это нарочно передъ обѣдомъ разсказалъ мнѣ, чтобы испортить мнѣ аппетитъ?

— Ну, аппетитъ тебѣ испортить трудно. Стой, шаги... Это Разбухаевъ... Я распознаю его мелкіе шаги... Тебѣ онъ нравится этотъ мужчина?

— Нисколько.

— Препротивный мужчина... Ящерица какая-то...

Постучались въ дверь.

— Милости просимъ,—привѣтливо сказалъ Поршневъ,—а вотъ и онъ самъ, а мы только что объ васъ говорили.

— Бранили небось?—спросилъ какимъ-то хриплымъ жалкимъ надтреснутымъ голосомъ вошедшій человѣкъ страннаго сложенія.

— Что вы? что вы? За что же васъ бранить? Когда дѣло дѣлаютъ вмѣстѣ, и бранить другъ друга, такъ это лучше не начинать.

Разбухаевъ не соотвѣтствовалъ своей фамиліи. Средняго роста, какой-то необыкновенно узкотѣлый, онъ, казалось, состоялъ изъ однѣхъ только костей, обтянутыхъ кожей. Фигура его представляла не прямую, а скорѣе дугообразную линію, хотя онъ не былъ ни горбатъ, ни сутуловатъ. Просто у него была такая манера держаться.

Можетъ быть, онъ выработалъ ее низпоклонствомъ, которымъ занимался въ свое время, когда состоялъ на службѣ, съ которой его выгнали за какую-то чрезмѣрную гадость.

На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ. Волосы на головѣ его были рѣдкіе и сѣдые, лицо обросло тоже рѣдкими, но еще почти сплошь черными, жесткими волосами, торчавшими такимъ образомъ, что казалось, будто каждый изъ нихъ вколотъ въ тѣло отдѣльно. Усы у него были подстрижены и полудугой возвышались надъ ртомъ. На тонкихъ синихъ губахъ, какъ-то мигавшихъ и вздрагивавшихъ, постоянно играла змѣиная усмѣшка. Недобрый огонь горѣлъ въ его глазахъ, а онъ усердно старался придать ему льстивость, вслѣдствіе чего впечатлѣніе получалось какое-то смѣшанное и очень непріятное.

Пиршество началось и продолжалось обычнымъ порядкомъ. Всѣ трое ѣли и пили изрядно, но больше всѣхъ Модестъ Петровичъ.

Балясовъ тутъ являлся просто-таки жертвой своей разсчетливости. Онъ никогда ничего не платилъ за пиршества, но онъ зналъ, что за все предлагаемое заплачено. И онъ не могъ равнодушно видѣть съѣдобныхъ предметовъ, за который заплачены дорогія цѣны и которые оставались не истребленными. Поэтому онъ

*

съѣдалъ множество закусокъ, въ особенности дорогихъ. Увидитъ, что зернистая икра осталась недоѣденной, и его роковымъ образомъ тянетъ докончить ее.

Когда же его желудокъ отказывался вмѣщать, онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на лакеевъ, уносившихъ закуски вонъ и у него являлась затаенная мысль: «все это можно бы унести домой и угощать знакомыхъ,—вѣдь заплачено».

Благодаря этому онъ во всякомъ обществѣ, несмотря на то, что по природѣ не былъ пьяницей, напивался больше всѣхъ. На этотъ разъ случилось тоже. Въ то время, какъ Поршневъ и Разбухаевъ часамъ къ десяти были только на веселѣ, Модестъ Петровичъ уже сильно нуждался въ свѣжемъ воздухѣ. Глаза его посоловѣли, голова отяжелѣла.

Они собрались уѣзжать и уже надѣли шубы. И вдругъ глаза Балясова остановились на пузатой бутылкѣ, стоявшей на столѣ среди другихъ бутылокъ и грязной посуды. Это была третья изъ тѣхъ знаменитыхъ бутылокъ, которыя такъ расхваливалъ утромъ Поршневъ, дѣйствительно рѣдкое и дорогое вино.

Модестъ Петровичъ, несмотря на то, что былъ уже въ шубѣ и въ калошахъ, пошатываясь, подошелъ къ столу и протянулъ руку къ бутылкѣ.

— Брось,—сказалъ ему Поршневъ, видѣвшій, что ему теперь полезнѣе всего свѣжій воздухъ.

— Ну, нѣтъ, братъ... четверть бутылки осталось... Дорогое!.. Зачѣмъ пропадать будетъ?..—возразилъ Модестъ Петровичъ и, наливъ цѣлый стаканъ краснаго вина, залпомъ выпилъ его.

И пришлось компаніонамъ вести его подъ руки и усаживать въ троечныя сани.

Въ саняхъ онъ заснулъ. Морозный воздухъ обвѣялъ его голову и, когда пріѣхали на Крестовскій, онъ встряхнулся, вышелъ изъ саней и былъ уже трезвъ. Это для него уже сдѣлалось дѣломъ привычки. Участвуя чуть не каждый день въ дружескихъ завтракахъ и обѣдахъ, онъ пріучилъ свою голову экстренно протрезвляться, чтобъ она могла воспринимать новый хмѣль.

Когда они вошли въ залъ, гдѣ раздавались звуки оркестра и выкрикиванія какого-то женскаго голоса, лакеи бросились къ нимъ, какъ къ своимъ лучшимъ друзьямъ, и стали предлагать имъ столъ. Въ то же время изъ-за лакейскихъ спинъ выглянула высокая плечистая фигура съ огромной головой, на которой какъ-то преобладали черные волосы, остриженные ежомъ, захватывая значительную часть лба, отчего самый лобъ казался невѣроятно малымъ. Лицо у него было четырехъугольное, темносѣраго цвѣта, сильно изрытое оспой. Пара черныхъ глазъ горѣли на немъ, какъ угли, растительность на лицѣ была странная, расположенная по

щекамъ кустиками. Фигура была въ свѣжемъ студенческомъ мундирѣ съ отдувавшейся на боку шпагой.

— А вотъ и Алабекъ!.. Поджидаешь?—сказалъ Поршневъ.

— Тутъ какъ тутъ!—сказалъ самъ Алабекъ, раздвинувъ губы въ широкую улыбку и показавъ очень бѣлые зубы и блѣдно-синія десны.

Студентъ Алабековъ былъ татаринъ по происхожденію. Уроженецъ юга, онъ принадлежалъ къ разбогатѣвшей торговой семьѣ и въ дѣтствѣ пользовался благами богатства. Тогда онъ учился въ гимназіи и кончилъ ее.

Но когда ему надо было ѣхать въ университетъ, въ семьѣ его случилась катастрофа. Богатство ихъ оказалось дутымъ. Отецъ Алабекова весь былъ въ долгахъ, и чтобы поправить дѣло, онъ устроилъ грандіозный пожаръ своего магазина, былъ уличенъ и осужденъ въ Сибирь. Семейство осталось безъ гроша.

Но молодой Алабековъ все-таки добрался до Петербурга и поступилъ въ университетъ. Сразу онъ повелъ себя странно. Кромѣ вкусовъ человѣка, вышедшаго изъ богатой, но не культурной семьи, онъ обладалъ еще способностью навязывать себя людямъ, которые вовсе не хотѣли имѣть съ нимъ дѣла.

Онъ ловко составлялъ знакомства, присасывался къ кутящимъ компаніямъ и наслаждался жизнью, ничего не платя, пока его не гнали. Среди товарищей у него была самая скверная репутація, какую только можно представить. Съ нимъ не хотѣли разговаривать; въ аудиторіи скамейка, на которой онъ сидѣлъ, оказывалась обыкновенно пустой.

Про него ходили самые отчаянные слухи, а въ послѣднее время, когда онъ былъ на третьемъ курсѣ, говорили даже, что онъ исполняетъ порученія полиціи и тайно слѣдитъ за товарищами. Было это или нѣтъ, никто достовѣрно не зналъ, и по всей вѣроятности не было, но склонности сыщика у Алабекова были несомнѣнныя. Это онъ доказалъ послѣ своего знакомства съ Поршневымъ.

Познакомились они здѣсь же, на Крестовскомъ. Алабековъ просто присталъ къ кутящей компаніи, которая была уже достаточно пьяна, чтобы принять въ себя всякаго желающаго. Случилось какъ разъ, что въ этотъ вечеръ Поршневъ выпилъ много лишняго, что съ нимъ бывало рѣдко, и Алабековъ оказалъ ему благодѣяніе: привезъ его домой на извозчикѣ и передалъ швейцару.

Но уже, разумѣется, Алабековъ этого ему не простилъ и на другой день пришелъ узнать о его здоровьи, а затѣмъ сталъ ходить часто.

Въ это время Поршневъ очень интересовался недавно прибывшимъ въ Петербургъ Рокотовымъ. О его знакомствѣ съ Кру-

ченииовымъ онъ зналъ, но проникнуть въ ихъ кругъ его попытки не удались.

Ради знакомства съ Крученииовымъ онъ завязалъ сношенія съ однимъ семействомъ, гдѣ тотъ бывалъ и дѣйствительно встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ. Но тамъ его скоро раскусили и онъ не только отъ Крученинова получилъ отпоръ, но и въ семействѣ ему дали понять, что не хотятъ его знакомства.

Когда же однажды Поршневъ пристально взглянулъ въ физіономію Алабекова, который шлялся къ нему безъ всякой нужды и котораго онъ рѣшилъ было отвадить, его вдругъ осѣнила мысль: «Ба! у этого татарина такое лицо, какое бываетъ у людей, готовыхъ на все!» и онъ сдѣлалъ Алабекову «предложеніе»; тотъ, не задумываясь принялъ и до сихъ поръ исполнялъ довольно удачно.

Неизвѣстно, какими способами, но онъ узнавалъ все, что дѣлалось въ квартирѣ Рокотова и Крученинова, гдѣ они жили вмѣстѣ, у Тучкова моста, и все добросовѣстно докладывалъ Поршневу. За это отъ Поршнева онъ получалъ подачки, а иногда, въ видѣ особаго расположенія, допускался и къ «дружескимъ» завтракамъ и обѣдамъ, но, разумѣется, въ его присутствіи никакихъ дѣловыхъ разговоровъ не вели.

— Алабекъ, подтверди, сказалъ ему Поршневъ, когда они усѣлись за столикъ, и при этомъ выразительнымъ взглядомъ пояснилъ, что именно нужно подтвердить.

Алабековъ посмотрѣлъ на Модеста Петровича и сказалъ:—

— Подтверждаю, чистѣйшій достовѣрнѣйшій фактъ.

Модестъ Петровичъ махнулъ головой въ знакъ того, что онъ понимаетъ и вѣритъ и дальнѣйшихъ объясненій по этому поводу не потребовалъ.

Здѣсь они что-то выпили и затѣмъ, захвативъ съ собой Алабекова, отправились въ таинственное мѣсто, упоминаніемъ о которомъ утромъ Поршневъ привелъ въ такое волненіе Модеста Петровича.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОСТОЕВСКІЙ И НИТЦШЕ.

Сопоставленіе не новое, однако, вопросъ далеко не исчерпанъ и стоитъ на немъ остановиться подробнѣе. Читая Нитцше, такъ часто приходится вспоминать Достоевскаго. Его интересовалъ какъ разъ тотъ инстинктъ жизни, который мучилъ Нитцше всю жизнь. Въ сочиненіи Нитцше «Помраченіе кумировъ» нѣсколько строкъ посвящено автору «Записокъ изъ мертваго дома»: «Достоевскій,—пишетъ Нитцше,—это единственный психологъ, отъ котораго я научился многому; онъ принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ случайностямъ моей жизни, къ лучшимъ даже, чѣмъ открытіе Стендаля. Этотъ *глубокій* человѣкъ, который имѣлъ полное право не высоко ставить поверхностныхъ нѣмцевъ, ощутилъ нѣчто неожиданное для себя по отношенію къ сибирскимъ каторжникамъ, среди которыхъ онъ долго жилъ, къ этимъ тяжелымъ преступникамъ, для которыхъ не было возврата къ обществу; онъ почувствовалъ, что они какъ бы выточены изъ лучшаго, прочнѣйшаго, драгоцѣннѣйшаго дерева, которое только росло на русской почвѣ» *).

Достоевскій глубоко проникъ въ *Нитцшеанскую* сторону человѣческой души, но онъ стоялъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія, чѣмъ Нитцше. Какая разница между идеалами, оцѣнками этихъ двухъ философовъ морали! То, что авторъ «Заратустры» ставитъ на вершину горы, авторъ «Преступленія и Наказанія» низводитъ въ подполье, казнитъ. Нитцше рветъ цѣпи тамъ, гдѣ Достоевскій заковываетъ. То, что ненавидитъ авторъ «Веселой науки» (Fröhlichc Wissenschaft»), то сіяетъ, какъ солнце, надъ воззрѣніями автора «Братьевъ Карамазовыхъ».

Тамъ, гдѣ Нитцше кричитъ—«стой!»: Достоевскій восклицаетъ: «прочь». Но оба эти моралиста отъ нравственности требовали отвѣта на одинаковые запросы, до поразительности одинаковые. Пиши Достоевскій свои произведенія теперь, мы могли бы видѣть въ нихъ критику нитцшеанства въ формѣ художественныхъ воспроизведеній,

---

*) „Помраченіе кумировъ“. Пер. Ефимова, стр. 119.

«сверхчеловѣковъ», преломляемыхъ чрезъ призму христіанской морали Достоевскаго.

I.

Въ самыхъ краткихъ словахъ мы постараемся воспроизвести тѣ вопросы, которые ставилъ морали Нитцше. Въ обычномъ словѣ Нитцше *имморалистъ*. «Меня называютъ разрушителемъ нравственности добрые и праведные: разсказъ мой безнравственнымъ» *).

Дѣйствительно, всю жизнь свою Нитцше воевалъ съ нравственностью или, вѣрнѣе сказать, «съ нравственностью нравовъ». «Есть два рода людей, отрицающихъ нравственность,—говоритъ онъ въ «Morgenröthe» **),—отрицать нравственность, значитъ: отрицать возможность того, чтобы нравственные мотивы, на которые ссылаются люди, дѣйствительно, руководили ими въ ихъ дѣйствіяхъ, другими словами это значитъ, утверждать, что нравственность состоитъ въ словахъ и принадлежитъ къ самымъ грубымъ и тонкимъ обманамъ (именно къ самообману) людей. *Во-вторыхъ*, «отрицать нравственность»—значитъ отрицать, что нравственныя сужденія основываются на истинахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предполагается, что нравственныя сужденія были, дѣйствительно, мотивами дѣйствія, но что человѣка привели къ его нравственнымъ дѣйствіямъ ошибки, служащія основою всего нравственнаго сужденія. Это *моя* точка зрѣнія. Я не отрицаю, что многихъ поступковъ, которые называются безнравственными, надо избѣгать и надобно сдерживать ихъ. Я не отрицаю, что слѣдуетъ и требовать, чтобы дѣлали многое изъ того, что называется нравственнымъ. Но то и другое *должно стоять на иной почвѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ*. Мы должны переучиться, чтобы, наконецъ, можетъ быть и поздно достигнуть большаго—*измѣнить свои чувства*».

Итакъ, Нитцше началъ съ вопроса, что есть нравственная истина. Гдѣ критерій истины? И онъ нашелъ его въ нашемъ «я» въ нашей «*жизни*», въ «*я творящемъ, хотящемъ и оцѣнивающемъ*». Надо, слѣдовательно, прежде всего, проанализировать этотъ феноменъ.

Что такое *я*, что такое *жизнь*? Какимъ законамъ она подчиняется? Жизнь есть выраженіе нашего тѣла. «Тѣло—великій разумъ». Это не значитъ восхвалять тѣлесную жизнь. Нѣтъ, это только говоритъ, что жизнь нельзя укладывать въ рамки чувства или разума. Она больше всего этого. Жизнь есть *воля я*. Жизнь есть инстинктъ накопленія силъ, жажда къ власти, творчество, активность. Чего же, въ концѣ концовъ, она добивается? «Смотри,—сказала мнѣ жизнь,—я должна всегда *преодолѣвать* себя самое» («Такъ говорилъ Заратустра», пер.

---

*) „Такъ говорилъ Заратустра". Перев. Ю. Антоновскаго. 1901 г., стр. 127.

**) „Утренняя заря". Пер. И. Н. С. М. 1901 г. Стр. 39—40.

Антоновскаго, 1901 г., стр. 215). Жизнь должна перейти въ *новую форму*. Человѣкъ, сосудъ этой жизни, доженъ перейти въ *новый типъ*—въ *сверхчеловѣка* (Uebermensch). «Я учу васъ о сверхчеловѣкѣ. Человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть». Итакъ, ключъ къ жизни найденъ. Въ этомъ направленіи сначала и развивался человѣкъ. Между людьми происходила борьба. «Жажда власти» (Wille zur Macht) явилась двигателемъ исторіи. Болѣе сильныя племена побѣждали и устанавливали свои понятія *добраго* и *хорошаго*. Эти понятія, конечно, не имѣли той цѣны у побѣжденныхъ, какъ у побѣдителей. То, что для побѣдителя *добро*, для побѣжденнаго *зло*. Такимъ образомъ слагаются двѣ морали: «*господская*» и «*рабья*». Между ними завязывается борьба. Вскорѣ образуется *духовная* аристократія въ средѣ рабовъ, мало-по-малу она побѣждаетъ господъ и воцаряется со своей моралью. Эту побѣду одержалъ въ Греціи Сократъ со своимъ ученіемъ о добродѣтели. Затѣмъ выступилъ на сцену еврейскій міръ и, наконецъ, христіанскій. И вотъ результатомъ этого явилось то, что человѣкъ остановился въ своемъ развитіи къ сверхчеловѣку и не только не переходитъ въ высшую форму, а наоборотъ, все болѣе мельчаетъ; онъ измельчалъ уже до того, что не смотритъ на идеалъ, а только «*мигаетъ*». Человѣкъ, который по натурѣ «господинъ», «аристократъ», превращенъ еврейскою и христіанской моралью въ «раба»; человѣкъ, который по натурѣ эстетически-жизнерадостное существо, превращался, начиная съ Сократа, въ раціонально-утилитарную формулу и разучился даже смѣяться какъ слѣдуетъ. Человѣкъ, который по натурѣ стремится стать сверхчеловѣкомъ, превращается демократической моралью «въ человѣка «средняго уровня», полезнаго, трудолюбиваго, годнаго на многое, и ловкаго стаднаго животнаго». Это паденіе человѣка прогрессируетъ.

«Все несчастье—въ *современномъ ученіи о счастьѣ и добродѣтели*». Нравственные же идеалы, которые господствуютъ теперь—это мораль любви къ ближнему, къ угнетенному, мораль любви къ стаду, къ толпѣ, мораль отреченія, мораль равенства, *а главное*, мораль, учащая *о будущемъ счастьѣ людей и объ уничтоженіи страданія*. И ходитъ Заратустра «между людьми, какъ между облаками и отдѣльными частями человѣка!» Онъ видитъ, что человѣчество идетъ по ложной дорогѣ, и люди не понимаютъ, что́ дѣло не «въ счастьѣ» большинства, что справедливость гласитъ: «люди не равны и не должны быть равны». Если всѣ люди равны, то гдѣ критерій для оцѣнки общества, гдѣ психологическая возможность думать о высшемъ типѣ человѣка, о сверхчеловѣкѣ? Извѣстное разстояніе между людьми—это психологически и логически необходимое условіе для стремленій людей къ сверхчеловѣку.

Единственное, что можетъ спасти еще человѣчество, это направить всѣ усилія на *воспитаніе новаго типа европейца*. Для этого надо

создать новый общественный строй, аристократическій вмѣсто демократическаго. Вверху сидятъ философы-законодатели, которые повелѣваютъ добру и злу, т.-е. создаютъ цѣнности, а внизу толпа работаетъ на нихъ и для нихъ. Люди должны разбить свои скрижали нравственныхъ цѣнностей и понять, что жизнь не ищетъ счастья, пользы для себя; она хочетъ творчества, красоты, любви, рождающей идеалы, она хочетъ культурной активности, чего бы это ей не стоило, какихъ бы жертвъ это не требовало, ибо *меньше* всего жизнь боится *страданій* и самое сильное страданіе—это признакъ созидающихъ. Пусть человѣчество всегда страдаетъ, но только пусть оно остается при этомъ вѣрно смыслу земли, смыслу жизни—сверхчеловѣку. Долой всякія эвдемонистическія, аскетическія, пессимистическія оковы. Отнынѣ «*пусть дѣломъ вашимъ будетъ созданіе сверхчеловѣка!*»

Мы изложили въ самыхъ краткихъ чертахъ смыслъ ученія Нитцше, чтобы только показать, какіе вопросы онъ ставитъ морали и къ какимъ выводамъ онъ пришелъ. Точка зрѣнія, съ какой Нитцше смотритъ на будущій идеалъ —это идеалъ «страдающаго и измученнаго божества» и идеалъ «новаго типа человѣка», съ которымъ онъ соединяетъ могущество, силу, величіе, творчество и самозаконодательство личности.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ иллюстрировать положенія Достоевскаго соотвѣтствующими цитатами изъ Нитцше.

II.

Если Нитцше можно назвать философомъ-белетристомъ, то Достоевскаго вполнѣ можно окрестить беллетристомъ - философомъ. Этическія проблемы занимали всю жизнь Достоевскаго, особенно же онъ задумался надъ ними, повидимому, въ острогѣ. Но несомнѣнно, что эти проблемы волновали его и до ссылки. Это видно по его произведеніямъ до 1848 г. Увлеченіе Бѣлинскимъ, затѣмъ связь съ кружкомъ Дурова и Петрашевскаго были далеко не такъ серьезны. Но во всякомъ случаѣ острогъ повліямъ на Достоевскаго въ смыслѣ его міровоззрѣнія, какъ онъ самъ въ этомъ признается неоднократно. Въ 1873 году въ «Дневникѣ Писателя» онъ пишетъ: «Нѣтъ, нѣчто другое измѣнило нашъ взглядъ, наши убѣжденія и сердца наши. Это было непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи. Мнѣ не легко было убѣдиться, наконецъ, во лжи и неправдѣ всего того, что я считалъ у себя дома свѣтомъ и истиной».

Въ Дневникѣ за 1880 годъ онъ говоритъ: «Отъ народа я принялъ въ мою душу Христа, котораго узналъ въ родительскомъ еще домѣ ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился въ свою очередь въ «европейскаго либерала».

Свои взгляды Достоевскій началъ отстаивать уже въ началѣ 60-хъ

годовъ въ своихъ журналахъ: «Время» и «Эпоха». Въ романѣ «Преступленіе и Наказаніе» они уже получаютъ очень яркую окраску, и съ этого времени все сильнѣе и сильнѣе выростаетъ идеалъ христіанскаго православнаго смиренія, пока, наконецъ, старецъ Зосимъ окончательно не успокоилъ Достоевскаго. Онъ умеръ успокоенный на найденной имъ истинѣ въ то время, когда у Нитцше созрѣвалъ его «Заратустра» и истина мучила его.

Насъ не столько будетъ занимать идеалъ Достоевскаго, сколько то «преступленіе», которое онъ открылъ въ человѣкѣ и противъ котораго онъ воевалъ всю жизнь. Такой блистательный характеристики этого «преступленія» намъ не далъ никто *). Достоевскій писалъ втеченіе 31 года. Написалъ очень много. Произведенія въ которыхъ главнымъ образомъ разрабатывается «преступленіе» человѣка относятся ко 2-й половинѣ его дѣятельности **), но мы находимъ въ зачаткѣ идеи его уже въ первыхъ произведеніяхъ. Особенное вниманіе обращаетъ въ этомъ отношеніи повѣсть «Неточка Незванова» (1849 г.) Всѣ главные герои Достоевскаго: Раскольниковъ, Верзиловъ, Иванъ и Дмитрій Карамазовы, Ставрогины и др., несмотря на все ихъ различіе имѣютъ одно свойство — всѣ они преступники, или уже совершившіе преступленіе или могущіе совершить. Конечно, само по себѣ преступленіе не можетъ еще служить признакомъ сродства ихъ, но суть въ томъ, что у всѣхъ у нихъ одно «преступленіе». Это все одинъ мыслитель-преступникъ, но подъ разными именами и въ разныхъ формахъ. Это будетъ ясно видно изъ послѣдующаго. Соединивъ всѣ ихъ «преступныя» мысли (насъ они только и интересуютъ въ данный моментъ) мы получимъ одну цѣльную фигуру... сверчеловѣка, прошедшаго чрезъ прокурорскія руки Достоевскаго.

III.

И Раскольниковъ, и Карамазовъ и Верзиловъ и др. всѣ они ищутъ смысла жизни и подвергаютъ сомнѣнію утилитарной, христіанскій, демократическій взгляды на жизнь. Для нихъ еще вопросъ, на сколько истинны всѣ эти воззрѣнія. Тотъ нравственный идеалъ, которымъ живетъ человѣчество, для нихъ является еще съ вопросительнымъ знакомъ и они подвергаютъ его критикѣ. Всѣ они признаютъ истиннымъ прежде всего—это существованіе я, волю этого я. «Je pense, que je suis

*) Теперь когда у насъ имѣется рядъ сочиненій Нитцше и сродныхъ ему писателей, мы глубже понимаемъ ту моральную борьбу, которая составляетъ душу романовъ Достоевскаго.

**) „Записки изъ Мертваго Дома" 1861 г. „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ" 1863 г. „Записки изъ подполья" 1865 г. „Игрокъ" 1867 г. „Преступленіе и наказаніе" 1866 г. „Идіотъ" 1868 г. „Бѣсы" 1870 г. „Подростокъ" 1875 г. „Братья Карамазовы" 1879—1880 г. и др.

(я думаю, что я существую) говоритъ Иванъ Карамазовъ, *это я знаю навѣрное. Все остальное сомнѣніе*». (XII. 751) *). Самоцѣнность воли, самоцѣнность жизни—для нихъ является важнѣе всякихъ теорій пользы, дома, счастья. «Дѣло *въ жизни*, говоритъ князь Мышкинъ (Идіотъ), въ одной только жизни, въ откровеніи ея, безпрерывномъ и вѣчномъ, а совсѣмъ не въ открытіи». «И кто знаетъ, философствуетъ герой «Записокъ изъ подполья»—моженъ быть, что и вся та цѣль на землѣ заключается въ одной этой безпрерывности процесса достиженія, иначе сказать, *въ самой жизни*, а не собственно въ цѣли» (Зап. изъ подполья III 97).—«Или отказаться отъ *жизни* совсѣмъ! Послушно принять судьбу, какъ она есть, и разъ на всегда задушить въ себѣ все, отказавшись *отъ права дѣйствовать жить, любить*» (Раскольниковъ въ «Преступленіи и Наказаніи» V, 46—47).

«Я спрашиваю себя, говоритъ Ив. Карамазовъ, есть ли въ мірѣ такое отчаяніе, что бы побѣдило во мнѣ эту иступленность и неприличную, можетъ быть, *жажду жизни* и рѣшилъ, что нѣтъ такого... эту жажду жизни иные чахоточные сопляки моралисты называютъ часто подлою, особенно поэты... Жить хочется и я живу, хотя бы вопреки логикѣ» (Братья Карамазовы т. XII. 272).

Герой «Записокъ изъ Подполья» возмущается всякими системами, рамками, всякимъ утилитаризмомъ. «Съ чего взяли мудрецы, кричитъ онъ, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія. Съ чего взяли, что человѣку надо непремѣнно благоразумно-выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо только *самостоятельнаго хотѣнія*, чего бы эта самостоятельность не стоила, къ чему бы не привела» (III. 90).

«Разсудокъ есть вещь безспорно хорошая, но разсудокъ удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а *хотѣніе* есть проявленіе *всей жизни*, т.-е. всей человѣческой жизни и съ разсудкомъ и съ его всѣми почесываніями *). И хоть жизнь наша въ этомъ направленіи выходитъ дрянцо зачастую, но все-таки жизнь, а не только извлеченіе изъ квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно *хочу* для того, чтобы удовлетворить *всей моей способности жить*, а не для того, чтобы удовлетворить одной только моей разсудочной способности, т.-е. какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить...

«Повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ такой случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобы *имѣть*

---

*) „За мыслями и чувствами твоими стоитъ болѣе могущественный повелитель, безвѣстный мудрецъ,—онъ называется *само*. Въ твоемъ тѣлѣ оно живетъ, оно и есть твое тѣло. Въ твоемъ тѣлѣ больше разума, чѣмъ въ твоей лучшей мудрости“ и т. д. (Т. гов. Зар. 57—58).

право пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть обязаннымъ желать себѣ только умнаго» (III, 90—92).

Тотъ же герой немного раньше говоритъ:

«Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реэстръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формъ. Вѣдь ваши выгоды: *благоденствіе, богатство, свобода, покой и т. д.* Но отчего вы одну выгоду пропускаете всѣ? Всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству его настоящихъ и нормальныхъ интересовъ съ тѣмъ, чтобы оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало бы тотчасъ и благороднымъ, покамѣстъ по моему одна только *логистика*... Человѣкъ до того пристрастенъ къ системѣ и отвлеченному выводу, что готовъ умышлено исказить правду, готовъ видомъ не видѣть, слухомъ не слыхать, только что бы оправдать свою логику... Слѣдственно эти законы природы стоитъ только открыть и уже за проступки свои человѣкъ не отвѣчаетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко... Человѣкъ любитъ дѣйствовать всегда, и вездѣ, кто бы они ни былъ такъ, *какъ хотѣлъ*, а не такъ какъ повелѣваетъ разумъ и выгода. Хотѣть же можно и противъ своей собственной выгоды, а иногда и *положительно должно. Свое собственное, вольное и свободное хотѣніе*, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествія—вотъ это-то все и есть та самая пропущенная самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи разлетаются къ чорту» (III, 85—90).

Въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» Достоевскій описываетъ разныя «продѣлки» арестантовъ и находитъ, что они прямо необходимы для нихъ. «Весь смыслъ слова арестантъ означаетъ человѣка безъ воли, а тратя деньги онъ поступаетъ уже по *своей волѣ*. Несмотря ни на какія клейма, кандалы, клѣтки—онъ можетъ достать вина, т.-е. страшно запрещеннаго наслажденія, пользоваться клубничкой, даже иногда подкупить своихъ ближайшихъ начальниковъ, даже унтеръ-офицера, даже можетъ сверхъ торгу покуражиться надъ ними, а покуражиться арестантъ очень любитъ, т.-е. представиться предъ товарищами или увѣрить даже себя хоть на время, что у него *воли и власти* несравненно больше, чѣмъ кажется... Наклонность къ куражу, хвастовству и т. п., можетъ быть лежитъ въ этомъ. Въ кутежѣ есть свой рискъ—значитъ все это имѣетъ хоть какой-нибудь признакъ *жизни*, хоть отдаленный признакъ свободы (т. III, ч. I, 83—84) *).

---

*) Даже въ дѣтской психологіи Достоевскій любилъ найти эту непреклонную волю, гордость, насколько она можетъ быть, конечно, выражена у дѣтей. Вспомните Неточку, Илюшу (въ братьяхъ Карамазовыхъ), Нелли (въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ») Катю (въ „Неточкѣ Незв."). Вообще, къ слову сказать, Достоевскій замѣчательный психологъ дѣтей. Въ этомъ отношеніи нѣтъ рав-

Изъ приведенныхъ цитатъ уже ясно, какое громадное значеніе придается *волѣ и ея самоцѣнности.* Это презрѣніе къ утилитаризму всѣхъ сортовъ, эта красота жизни самой по себѣ, чувствуется у Достоевскаго всюду. Всѣ его произведенія—это сплошное движеніе, сплошная жизнь, но среди дѣйствующихъ лицъ его романовъ выведена цѣлая категорія лицъ, для которыхъ *жизнь сама по себѣ* выше всякаго счастья, благополучія. Одинъ Дмитрій Карамазовъ чего стоитъ, а затѣмъ цѣлый рядъ женскихъ типовъ: Настасья Филипповна и Аглая въ «Идіотѣ», Екатерина Николаевна въ «Подросткѣ», Екатерина Ивановна въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» и т. д.

Надо, впрочемъ, сейчасъ же отмѣтить одну черту, отличающую «жизнь» Достоевскаго и «жизнь» Нитцше.

У Достоевскаго чувствуется «русскій духъ», «русская удаль». Его «жизнь» временами *менѣе* «культурна», чѣмъ у Нитцше. Самой основной чертой «жизни» Нитцше считаетъ ея *стремленіе къ власти* (Wille zur Macht). Это чувствуется и у Достоевскаго, какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ. Человѣка Достоевскій не разъ называетъ «бунтомъ»: «Да человѣкъ *бунтъ*, можно ли жить бунтомъ, а я *хочу* жить» говоритъ Иванъ Карамазовъ. Въ рѣчи «Великаго инквизитора» люди называются бунтовщиками. «*Они невольники, хотя бунтовщики.*» Этотъ бунтъ очень близокъ къ «Wille zur Macht». По Достоевскому это стремленіе къ власти уживается съ невольничествомъ а Заратустра говоритъ: «Вездѣ, гдѣ я находилъ жизнь, находилъ я жажду власти и даже въ *покорности* повинующагося я находилъ желаніе быть господиномъ» («Т. гов. Заратустра», 214).

Нитцше считалъ «жажду власти» историческимъ двигателемъ, исходнымъ пунктомъ культуры. Раскольниковъ въ объясненіи съ Соней говоритъ: «и я теперь знаю: кто крѣпокъ и силенъ, умомъ и духомъ, тотъ надъ ними (людьми) и властелинъ. Кто много *посмѣетъ*, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ законодатель, а кто *больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе.* Такъ доселѣ велось и такъ будетъ всегда» (V, 416). «Если я сталъ себя спрашивать, имѣю ли я право *власть имѣть?*—то, стало быть, не имѣю право, или же, если я задаю вопросъ себѣ: вошь ли человѣкъ?—то стало быть не вошь человѣкъ *для меня*, а вошь для того, кому этого и въ голову не заходитъ» (417). У Нитцше жизнь не ищетъ счастья. Эвдемонизмъ противенъ Нитцше до глубины души. Преступ-

---

наго ему въ нашей литературѣ (Повидимому у Горькаго есть тоже талантъ въ этомъ смыслѣ, какъ можно судить по нѣкоторымъ сценамъ изъ „Ѳомы Гордѣева“ и „Трое“). Достоевскій любилъ изображать дѣтей. Напомню, кромѣ упомянутыхъ только что лицъ еще „маленькаго героя“, Колю Касаткина и другихъ школьниковъ въ братьяхъ Карамазовыхъ, сцену изъ Идіота, когда Мышкинъ разсказываетъ о своей любви къ дѣтямъ (VI, 72—82), разсказъ „маточки“ изъ „Бѣдныхъ людей“ и т. д.

никамъ Достоевскаго эвдемонизмъ также противенъ. Ивану Карамазову эвдемонистическій идеалъ представляется «въ образѣ толстой семипудовой купчихи». А Нитцше по поводу его говоритъ: «мы не завидуемъ нравственной коровѣ и жирному счастью, принадлежащему спокойной совѣсти» («Помраченіе кумировъ»). «Не хочу гармоніи, изъ любви къ человѣку не хочу: я хочу оставаться лучше со страданіями неотомщенными»—говоритъ Иванъ Карамазовъ самъ себѣ, когда раздумался о всевозможныхъ фактахъ человѣческаго страданія, записывая ихъ въ свою памятную книжку. «Можетъ быть человѣкъ не одно благоденствіе, но и страданіе любитъ? Я вѣдь не за страданіе или благоденствіе стою, а за свой капризъ. Страданіе – да вѣдь это *единственная причина* сознанія» («Зап. изъ подполья» III, стр. 97). «Страданіе и боль всегда были обязательны,—говоритъ Раскольниковъ,—для широкаго сознанія и глубокаго сердца. Истинно великіе люди должны ощущать на свѣтѣ великую грусть» (V, 261). «Все великое, говоритъ Нитцше, создавалось до сихъ поръ только дисциплиной сильнаго страданія; наиболѣе одухотворенныя натуры переживаютъ наиболѣе глубокія трагедіи» («По ту сторону добра и зла»). «Школа страданія, *великаго* страданія, развѣ не извѣстно вамъ, что *единственно* ею создано все, до чего сумѣлъ возвыситься человѣкъ» («По ту сторону добра и зла»).

«Въ страданіи-то и есть жизнь,—говоритъ Иванъ Карамазовъ въ своей галлюцинаціи, безъ страданія какое бы въ ней было удовольствіе; все обратилось бы въ безконечный молебенъ: оно свято, да скучновато».

«Вы желали бы уничтожить страданіе, если бы это было возможно (и нѣтъ ни одного болѣе безсмысленнаго возможно). А мы? Мы, кажется, предпочли бы, чтобы оно стало сильнѣе, чѣмъ когда-либо было. То благополучіе, которое вы себѣ рисуете—вѣдь это не *цѣль*; мы сказали бы, это конецъ!» («По ту сторону добра и зла»).

Раскольниковъ, растроганный Соней, кланяется ей въ ноги и говоритъ ей потомъ: «не тебѣ, а всему страданію человѣческому я поклонился» (V, 391). А Порфирій Никитичъ на рѣчь Раскольникова замѣчаетъ: «да, страданіе великая вещь! Въ страданіи идея есть». Герои Достоевскаго считаютъ что страданіе тѣсно связано съ жизнью, что оно присуще жизни». «Человѣкъ до страсти любитъ страданіе» заключаетъ герой «Записокъ изъ подполья». «Видя страданіе,—говоритъ Нитцше,—мы испытываемъ какое-то удовольствіе, причиненіе его доставляетъ еще большее удовольствіе. Таковъ законъ жестокій, но старый и могучій» («Genealogie der Moral»). У Нитцше страданіе соединено съ творчествомъ и красотой, что составляетъ также потребность природы человѣка. Здѣсь Достоевскій вполнѣ согласенъ съ Нитцше. «Потребность красоты и творчества неразлучны съ человѣкомъ,—говоритъ онъ, и безъ нихъ человѣкъ, можетъ быть, не захотѣлъ бы жить на свѣтѣ» (Ст. Г—овъ и вопросъ объ искусствѣ). «Болѣзнь

эстетики, говоритъ Раскольниковъ, есть первый признакъ безсилія». Если читатель помнить въ «Подросткѣ» Макара Ивановича (одна изъ эмбріональныхъ стадій Зосима), то, конечно, помнитъ, что Достоевскій надѣлилъ его эстетическимъ чувствомъ, которое играетъ роль въ его воззрѣніяхъ на окружающихъ.

IV.

На основаніи своихъ предпосылокъ, Нитцше пришелъ къ выводу о *сверхчеловѣкѣ*. Современный человѣкъ это только *мостъ* къ сверхчеловѣку. Идея сверхчеловѣка была вполнѣ продумана преступниками Достоевскаго, и если не употреблено это слово, то есть синонимъ его: человѣкъ-богъ, который неоднократно упоминается Достоевскимъ.

Читатель, вѣроятно, помнитъ фигуру Кириллова въ «Бѣсахъ» — также «преступника». Этотъ Кирилловъ—эпилептикъ, но мы не будемъ останавливаться *) на чертѣ его болѣзненности. Вспомнимъ его разсужденія о человѣкѣ. «Жизнь есть боль,—говоритъ онъ, жизнь есть страхъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ *новый* человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ *богъ* будетъ. Богъ есть боль страха и смерти. Тогда будетъ все новое и исторію будутъ дѣлить на 2 части: отъ гориллы до уничтоженія Бога и отъ уничтоженія Бога до перемѣны земли и человѣка физически» (VII, 112). Сходство съ Нитцше идетъ дальше. По мнѣнію Нитцше, надо «убить Бога» чтобы жилъ *сверхчеловѣкъ*. «Всѣ боги умерли,—говоритъ Заратустра,—я хочу, чтобы жилъ теперь сверхчеловѣкъ». Въ «Fröhliche Wissenschaft» описывается глубокое впечатлѣніе и значеніе убійства Бога: «Богъ умеръ! Останется мертвымъ. И убили Его мы! Не должны ли мы сами стать богами, чтобы только оказаться достойными Его. Никогда еще не было болѣе великаго поступка, и тотъ, кто родится послѣ насъ, уже поэтому принадлежитъ исторіи *болѣе возвышенной*, чѣмъ какая была до этого времени». Это убійство Бога ахиллесова пята Достоевскаго міровоззрѣнія. Всѣ несчастья происходятъ отъ этого убійства, но что человѣкъ дѣйствительно хочетъ

---

*) Что Достовскій великій психологъ и не менѣе великій психопатологъ—извѣстная фраза. Но мы должны здѣсь замѣтить, что Достоевскій увлекался своей *психопатіей* и надѣлялъ ею чуть не всѣхъ. Что ни герой, особенно мыслящій герой—то у него психопатъ. Это вредитъ впечатлѣнію, и многіе люди, которые могли бы явиться предъ читателемъ вполнѣ здоровыми умственно, являются больными. Здѣсь уже тенденціозная психопатія. Извѣстная книга Чижа „Достоевскій, какъ психопатологъ“ страдаетъ очень важнымъ недостаткомъ, свойственнымъ многимъ психіатрамъ, а именно *расширеніемъ* понятія психопатіи. Больше всего обрисованъ въ психопатологическомъ отношеніи, по нашему, кн. Мышкинъ въ „Идіотѣ“. Это самое замѣчательное, что только далъ художникъ-психопатологъ.

его совершить и уже это совершили многіе, онъ со страхомъ признается. Вмѣсто бога-человѣка, хотятъ чтобы жилъ человѣкъ богъ, пишетъ онъ въ отвѣтъ Градовскому на его замѣтку по поводу рѣчи, произнесенной Достоевскимъ въ память Пушкина.

Упоминаемый только что Кирилловъ въ разговорѣ съ молодымъ Верховенскимъ опять философствуетъ на ту же тему.

«— Если есть Богъ, то вся воля Его и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя и я обязанъ заявить свое своеволіе».

«— Своеволіе? А почему обязанъ?—спросилъ Верховенскій.

«— Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей землѣ, кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволіе, не осмѣлится заявить своеволіе въ самомъ полномъ пунктѣ!?» «Всѣ несчастны, потому что всѣ боятся заявлять свое своеволіе. Человѣкъ потому и былъ несчастенъ и бѣденъ, что боялся заявить самый главный пунктъ своего своеволія. Я три года искалъ аттрибутъ божества моего и нашелъ: аттрибутъ этотъ—своеволіе» (VII, 597).

Иванъ Карамазовъ долго думалъ на эту тему и написалъ даже статью «о геологическомъ переворотѣ, въ которой онъ, между прочимъ, пишетъ: «Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога, то падетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее міросозерцаніе и, главное, вся прежняя нравственность и наступитъ все новое. Люди совокупятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непремѣнно для счастья и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. («Сверхчеловѣкъ есть *смыслъ земли»*, проповѣдуетъ Заратустра Нитцше). Человѣкъ возвеличится духомъ божественной, титанической гордости и явится *человѣкъ-богъ*. Но такъ какъ въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому сознающему уже и теперь истину позволительно устроиться совершенно, какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ «ему все позволительно». Мало того, если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, такъ какъ бога и безсмертія нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать *человѣкомъ-богомъ*, даже хотя бы *одному* въ цѣломъ мірѣ, и уже, конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить чрезъ всю *прежнюю нравственную преграду* прежняго *раба*-человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона» (XII, 754). Идеалъ Раскольникова былъ Наполеонъ, а это одинъ изъ «сверхчеловѣковъ» по Нитцше.

V.

У сверхчеловѣка понятія о добрѣ и злѣ далеко не сходятся съ понятіями современной морали. Съ критики ученія «о добрѣ и злѣ» и началъ Нитцше свой имморализмъ. Понятія совѣсти, долга, любви къ ближнему, состраданіе, добро, зло и пр., все это должно быть провѣ-

рено. Надъ всѣмъ надо было поставить знакъ вопроса. «Гдѣ Эдипъ — гдѣ сфинксъ...»

И преступники Достоевскаго надъ всѣмъ этимъ ставятъ вопросъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Нравственность, которой хотятъ исправить жизнь, должна доказать еще свое *право* на это. Можетъ быть, воля, хотѣніе, жизнь имѣетъ право быть противъ этого исправленія?

«Откуда вы знаете,—спрашиваетъ герой «Записокъ изъ подполья»,— что человѣка не только можно, но и *нужно* передѣлать? Изъ чего вы заключаете, что *хотѣнію* человѣческому *надо* исправиться?» (III, 96).

«Зачѣмъ непремѣнно надо быть благороднымъ?» спрашиваетъ подростокъ Долгоруковъ (VIII, 57). А когда въ кружкѣ Дергачева спорятъ и доказываютъ необходимость служить общему благу, этотъ подростокъ заканчиваетъ отвѣтъ свой на эту тему такими словами: «но я только хочу, чтобы этого (т.-е. службы человѣчеству) *никто не смѣлъ требовать*» (VIII, 56). «Кто же *не имѣетъ права* желать?» восклицаетъ Дмитрій Карамазовъ. Герои Достоевскаго постоянно сталкиваются съ общественной моралью и принуждены отрицать ее, какъ вредную для жизни. Мизерность всей морали окружающихъ ясно бросается въ глаза, когда имъ приходится сталкиваться съ «преступниками» Достоевскаго. Добродѣтельные люди являются въ романахъ Достоевскаго, можетъ быть, помимо воли автора, какими-то пигмеями предъ преступниками. Художественная правда столкнулась здѣсь у Достоевскаго съ его этической правдой. Пробывъ 5 лѣтъ на каторгѣ, онъ выходитъ съ восклицаніемъ: «И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ. *Вѣдь надо ужъ все сказать*: вѣдь этотъ народъ былъ *необыкновенный* народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный изъ всего народа русскаго! Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно! А кто виноватъ? То-то, кто виноватъ?!» («Записки изъ Мертваго Дома»).

«Что совѣсть?—спрашиваетъ Иванъ Карамазовъ.—Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ же мучаюсь? По привычкѣ, по всемірной привычкѣ за 7.000 лѣтъ. Такъ отвыкнемъ же и станемъ боги!» *) (XII, 753).

Мораль любви къ ближнему также преступниками Достоевскаго не

---

*) У Ивана Карамазова были ученики, въ томъ числѣ и Смердяковъ, который всю философію Ив. Карамазова вложилъ въ положеніе „все позволено" понимая это буквально, не заботясь о томъ, какой смыслъ это „все позволено" имѣетъ у Ив. Карамазова. Такова судьба всѣхъ ученій. Всегда найдутся Смердяковы. По отношенію къ Нитцше такихъ Смердяковыхъ пониманія очень много и среди нашихъ критиковъ и философовъ-моралистовъ. Рекомендую читателю полюбопытствовать хотя бы (за неимѣніемъ сейчасъ другихъ источниковъ подъ рукой) въ книгѣ «Критическія статьи о произведеніяхъ Горькаго», а именно въ статьяхъ Меньшикова и Скабичевскаго. Въ полномъ смыслѣ Смердяковское пониманіе Нитцше.

принимается. Иванъ Карамазовъ прямо говоритъ: «я никогда не могъ понять, какъ можно любить ближнихъ. Именно *ближнихъ*-то по моему, и невозможно любить, а развѣ только *дальнихъ*». Не слова ли это Заратустры: «братья мои, я не любовь къ *ближнему* совѣтую вамъ, я совѣтую вамъ любовь къ *дальнему*.

«Отвлеченно еще можно любить ближняго, и даже иногда издали, но вблизи почти никогда!»

(Иванъ Карамазовъ). «Люди любятъ любить изъ страха. Не поддавайся на *такую* любовь и не переставай *презирать*» («Подростокъ», VIII, 219). «Вы жметесь къ ближнему и для этого у васъ красивыя слова, говоритъ Заратустра, но ваша любовь къ ближнему есть дурная любовь къ самимъ себѣ» (112). «Отъ всего сердца я *люблю* только жизнь и больше всего, когда *ненавижу* ее» («Такъ говорилъ Заратустра»). Достоевскій не разъ изображаетъ любовь и ненависть, соединенныя вмѣстѣ. Вспомните отношенія Рогожина и Мышкина, Мышкина и Аглаи («Идіотъ»), Екатерины Ивановны къ Дмитрію Карамазову и пр. Въ Раскольниковѣ также очень сильны и чувство любви, и чувство ненависти, презрѣнія. Версиловъ о любви къ ближнему говоритъ: «по моему, человѣкъ созданъ съ физическою невозможностью любить своего ближняго. Тутъ какая-то ошибка въ словахъ съ самаго начала и любовь къ *человѣчеству* надо понимать лишь къ тому человѣчеству, которое ты создалъ самъ въ душѣ своей и котораго никогда *не будетъ* на самомъ дѣлѣ». («Но скажите, братья мои, если человѣчеству до сихъ поръ недостаетъ цѣли, то *существуетъ ли оно само?*» «Такъ говорилъ Заратустра», 111).

Съ любовью соединено *состраданіе*, къ которому Нитцше относится крайне отрицательно. Въ числѣ многихъ возраженій онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, вліяніе состраданія на самолюбіе сильныхъ личностей. Заратустра встрѣтилъ «самаго отвратительнаго человѣка» (4 часть «Такъ говорилъ Заратустра»), который говоритъ ему, между прочимъ, что онъ бѣжалъ отъ *состраданія* людей и онъ узналъ Заратустру только потому, что онъ прошелъ мимо него безъ состраданія, но *покраснѣвъ*, а «всякій другой кинулъ бы мнѣ милостыню свою, свое состраданіе...» (507). Достоевскаго герои-преступники далеко не раздѣляютъ общей мысли о состраданіи и даже самый мягкій изъ нихъ, Версиловъ, убѣдился на своемъ опытѣ, что своимъ состраданіемъ онъ много разъ «бѣду надѣлывалъ», а вспомнилъ объ этомъ онъ по поводу послѣдняго его случая, когда онъ хотѣлъ искренно помочь одной несчастной учительницѣ и послалъ 15 р., а въ результатѣ учительница, оскорбленная помощью Версилова, повѣсилась.

Любовь по Нитцше можетъ вполнѣ уживаться со зломъ, съ жестокостью. Жестокость, это въ характерѣ человѣка. Въ «Genealogie der Moral» онъ пишетъ: «жестокость доставляетъ праздничную радость человѣчеству и входитъ, какъ составная часть, во всѣ его формы». На

*

тему о жестокости у Достоевскаго много матеріала; это даже подало поводъ Н. К. Михайловскому назвать его «*жестокимъ* талантомъ».

«Человѣкъ отъ природы деспотъ и любитъ быть мучителемъ» («Игрокъ»). Въ «Преступленіи и наказаніи» Достоевскій дѣлаетъ такое замѣчаніе по поводу жильцовъ, сбѣжавшихся посмотрѣть на убійство: «жильцы одинъ за другимъ протѣснились съ тѣмъ страннымъ чувствомъ довольства, которое всегда замѣчается, даже если несчастье съ ихъ ближнимъ, и отъ котораго не избавленъ ни одинъ человѣкъ безъ исключенія, несмотря даже на самое искреннее чувство сожалѣнія и участія» (V, 179).

«Я до того дошелъ,—говоритъ герой «Записокъ изъ подполья»,—что думаю иногда, что любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать».

А «тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность» («Дядюшкинъ сонъ»).

VI.

Мораль Нитцше имѣетъ своимъ основаніемъ признанное имъ *неравенство людей*. «Справедливость гласитъ: люди не равны и не должны быть равны» (Заратустра).

Это неравенство раздѣляетъ людей на *господъ* и *рабовъ* У тѣхъ и другихъ своя мораль: мораль аристократическая и мораль толпы. Толпа должна жить для господъ. Всѣ эти идеи очень рельефно вырисовались у «преступниковъ» Достоевскаго. Проповѣдникомъ дѣленія людей на господъ и толпу является, прежде всего, Раскольниковъ. На эту тему у него существуетъ работа, которую слѣдователь Порфирій Петровичъ съ удовольствіемъ цитируетъ. «Въ ихъ статьѣ всѣ люди раздѣляются на *обыкновенныхъ* и *необыкновенныхъ*. Обыкновенные должны жить въ послушаніи и не имѣютъ права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имѣютъ право дѣлать всякія преступленія и всячески преступать законъ, собственно потому, что они необыкновенные». Какъ ни просто, а все-таки Порфирій Петровичъ именно выразилъ всю суть.

«Необыкновенный человѣкъ, поясняетъ самъ Раскольниковъ, имѣетъ право—не оффиціальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть чрезъ иныя препятствія и единственно въ томъ случаѣ, если его идея того требуетъ. Если бы Кеплеръ, Ньютонъ открыто не могли стать извѣстными иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, двухъ, десяти, ста и т. д. человѣкъ, мѣшавшихъ этому открытію, то они имѣли бы право *устранить* этихъ десять или сотню человѣкъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы Ньютонъ имѣлъ право убивать, кого онъ захочетъ. Великіе законодатели всѣ были преступники; давая новый законъ, они нарушали древній. Однимъ

словомъ, я вывожу, что и всѣ не только великіе, нó и чуть-чуть изъ колеи выходящіе люди, т.-е. чуть-чуть даже способные сказать что-либо новенькое, должны по природѣ своей быть непремѣнно преступниками, болѣе или менѣе, разумѣется...

Люди по закону природы раздѣляются *вообще* на 2 разряда: на низшій (обыкновенные), т.-е., такъ сказать, на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, т.-е. имѣющихъ даръ, талантъ сказать *новое слово.* Первые люди, по натурѣ консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными, потому что это ихъ назначеніе и тутъ рѣшительно нѣтъ ничего для нихъ удивительнаго. Вторые—всѣ переступаютъ законъ, разрушители. Но если имъ надо для своей идеи перешагнуть хотя бы чрезъ трупъ, чрезъ кровь,—то они внутри себя, по совѣсти могутъ, по моему, дать себѣ разрѣшеніе и перешагнуть чрезъ кровь, смотря, впрочемъ, по идеѣ и по размѣрамъ. Первый разрядъ всегда господинъ настоящаго, второй разрядъ господинъ будущаго. Первые сохраняютъ міръ, вторые двигаютъ его и ведутъ ихъ къ цѣли, однимъ словомъ, vive la guerre eternelle—до новаго Іерусалима, разумѣется!»

«Огромная масса людей - матеріалъ для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, чрезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого-то перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ ну хотъ одного изъ тысячи, сколько-нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкой самостоятельностью рождается, можетъ быть, изъ 10.000 одинъ. Геніальные люди изъ милліоновъ». (V, 259). «Все человѣчество,—говоритъ Нитцше—должно неустанно работать надъ тѣмъ чтобы воспитать нѣсколько личностей. Это *его* задача» (Unzeit im. Betrachtungen). Для Нитцше крайне важны именно эти великіе люди, ибо только ими оцѣнивается человѣчество. Сверхчеловѣкъ—эта высота, до которой доходитъ человѣчество. Теперь еще сверхчеловѣкъ не существуетъ, но уже многіе чувствуютъ его и пока они еще одиноки. «Вы теперь одинокіе, вы покинувшіе общество, вы должны нѣкогда народомъ: отъ васъ, что избрали себя сами, долженъ произойти народъ избранный, а отъ него сверхчеловѣкъ,» (Зар., 146). Объ этомъ думалъ и Раскольниковъ. Когда онъ лежитъ въ госпиталѣ острожномъ, ему снятся страшные сны: «будто на свѣтѣ появилась *язва.* Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всемъ мірѣ могли лишь только нѣсколько человѣкъ. Это были чистые и *избранные*, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю» (V, 543).

Въ разсужденіяхъ Раскольникова вырисовалась идея неравенства людей, но онъ еще не продумалъ до конца устройство государства при такомъ положеніи. Въ этомъ отношеніи много поработали Версиловъ и Иванъ Карамазовъ.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ аристократическимъ государствомъ, которое проповѣдовалъ Нитцше. Версиловъ много думалъ на эту тему и пришелъ къ заключенію, что въ Россіи «должно главенствовать главенствующее сословіе». «У насъ создался вѣками какой-то еще нигдѣ не виданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ *) — типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ. Это типъ русскій. Онъ взятъ въ высшемъ культурномъ слоѣ русскаго народа. Онъ хранитъ въ себѣ будущее Россіи. Но насъ быть можетъ всего только 1000 человѣкъ—не болѣе. *Но вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу...»* Само собой, эта тысяча—дворяне «ибо тутъ по крайней мѣрѣ, все, что было у насъ завершеннаго, напр., законченныя формы чести и долга, чего, кромѣ дворянства, нигдѣ на Руси не только нѣтъ законченнаго, но даже нигдѣ не начато». Но Верзиловъ видитъ, что дѣйствительное дворянство не удовлетворяетъ его, поэтому онъ считаетъ возможнымъ, что его 1000 должна будетъ набираться вообще изъ лучшихъ людей. «Пусть великій подвигъ чести, науки, доблести даетъ у насъ права всякому примкнуть къ верхнему разряду людей. Такимъ образомъ, сословіе само собой обращается лишь въ собраніе лучшихъ людей въ смыслѣ буквальномъ и истинномъ, а не въ прежнемъ смыслѣ привилегированной касты». Словомъ, Версиловъ вполнѣ подписался бы подъ словами Заратустры «нужна *новая аристократія...* но пусть составитъ отнынѣ честь ея не то, *откуда* она происходитъ, но то, *куда* идетъ она».

Еще глубже эту идею продумалъ Иванъ Карамазовъ. Его мысли вылились въ повѣсти о «*великомъ* инквизиторѣ». Это самыя замѣчательныя страницы у Достоевскаго. Припомнимъ вкратцѣ эту поэму, въ которой заключается столько элементовъ «нитцшеанства». Дѣло, какъ извѣстно, происходитъ въ XVI в. Человѣчество ждетъ Христа. И онъ пожелалъ явиться къ народу. Онъ снисходитъ на «стогны жаркія» южнаго города, какъ разъ назавтра послѣ совершенія «великолѣпнаго аутодафе», на которомъ было сожжено чуть не сто еретиковъ. Онъ появился тихо, незамѣтно. Но его узнали. Народъ сталъ собираться вокругъ него. Онъ благословляетъ; народъ плачетъ, цѣлуетъ землю, по которой онъ ходитъ. Христосъ входитъ на паперть св. собора и воскрешаетъ здѣсь дѣвочку. Народъ въ смятеніи. Крики. Рыданія. Но вотъ идетъ 90-лѣтній кардиналъ, великій инквизиторъ; старикъ прямой, высокій, съ изсохшимъ лицомъ, съ блестящими, хотя и впавшими глазами. Онъ видитъ все, что происходитъ. Толпа, увидѣвъ его, испугалась и склонилась до земли. Онъ велитъ взять Христа и отвести его въ темницу... Ночь. Къ плѣннику входитъ инквизиторъ и начинаетъ съ нимъ говорить: «Зачѣмъ ты пришелъ намъ мѣшать? Завтра я сожгу тебя и народъ будетъ подгребать угли... Ты хотѣлъ людей сдѣлать *свобод-*

*) Кстати сказать, Нитцше поразительно высокаго мнѣнія о Россіи.

ними. Вотъ видишь ихъ. 15 вѣковъ мучились мы съ этой свободой но теперь это кончено. Теперь люди убѣждены, что свободны, а между тѣмъ, сами же они принесли намъ свободу свою и положили ее къ ногамъ нашимъ. *Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ, а развѣ бунтовщики могутъ быть счастливы?..* Тебя предупреждали. Великій духъ говорилъ съ тобой въ пустынѣ. Его три вопроса... истина. А ты называешь это *искушеніемъ*. Въ этихъ вопросахъ вся исторія человѣчества. Первый вопросъ: ты хочешь идти въ міръ, и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы. Ничего никогда не было невыносимѣе для человѣческаго общества, какъ свобода. Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтель. Лучше поработите насъ, но накормите. Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный. Но можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагороднаго людского племени съ земнымъ? И если за тобой во имя хлѣба небеснаго пойдутъ тысячи, то что станется съ милліонами существъ, которыя не въ силахъ пренебречь хлѣбъ земной. Или тебѣ дороги лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ, а остальные должны лишь послужить матеріаломъ для великихъ и сильныхъ! Нѣтъ, намъ дороги и слабые. Они порочны, бунтовщики, но они станутъ послушны. Они будутъ считать насъ за боговъ, что мы согласились выносить свободу, которой они испугались, и надъ ними господствовать. Нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ бы преклониться. Забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ и другому преклониться, а то, чтобы сказать такое, чтобы *всѣ* увѣровали въ него, и *всѣ вмѣстѣ* преклонились. Вотъ эта потребность *общности* преклоненія и есть главное мученіе человѣка и человѣчества съ начала вѣковъ. Вмѣсто того, чтобы овладѣть людской свободой, ты умножилъ ее, обременилъ ея мученіями душевное царство человѣка..

«Есть три силы, могущія плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ: чудо, тайна и авторитетъ. Но ты отвергъ все это.

Второй вопросъ духа ты отвергъ. Ты не хотѣлъ броситься внизъ. Ты не хотѣлъ искушать Бога. Ты хотѣлъ, чтобы человѣкъ не нуждался въ чудѣ. Ты не захотѣлъ и съ креста сойти. Ты не думалъ поработить человѣка чудомъ, а жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Ты жаждалъ свободной любви. Но и тутъ ты о людяхъ высоко думалъ. *Они невольники, хотя бунтовщики.* Посмотри, что сталось послѣ 15 вѣковъ?..

«Итакъ, неспокойство, смятеніе и несчастье—вотъ теперешній удѣлъ людей, послѣ того, какъ ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ. Мы исправили твой подвигъ. Основали его на чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ. И они обрадовались. Неужели же мы не любили человѣчество, столь смиренно сознавъ его безсиліе. Мы не съ тобой, а съ *нимъ*—вотъ наша тайна. Мы объявили себя царями земными, царями едиными. А ты бы

могъ тогда взять кесаря. Принявъ этотъ *третій* совѣтъ могучаго духа, ты восполнилъ бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, т.-е. предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какъ соединиться всѣмъ въ безспорный общій и согласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соединенія есть *третье* мученіе людей. О, пройдутъ еще вѣка безчинства свободнаго ума; они кончатъ антропофагіей. Тогда звѣри приползутъ къ намъ...

«Но тогда лишь и настанетъ для людей царство покоя и счастья. У тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ. Мы имъ дадимъ тихое, смиренное царство. Мы ихъ убѣдимъ не гордиться. Они станутъ робки и будутъ прижиматься къ намъ въ страхѣ. Мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные часы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру съ дѣтскими пѣснями и плясками, съ хоромъ. Мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ... *Всѣ будутъ счастливы, кромѣ сотни тысячъ ими управляющихъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла...*»

Иванъ Карамазовъ видитъ глубокую разницу въ потребностяхъ толпы и господъ. Толпа въ концѣ концовъ ищетъ повелителя, да она и должна повиноваться, ибо не умѣетъ повелѣвать. «Развѣ ты не знаешь, кто наиболѣе нуженъ всѣмъ? Тотъ, кто приказываетъ великое»? (Заратустра, 281). «Кто не умѣетъ повелѣвать, долженъ повиноваться» («Такъ говорилъ Заратустра» 384). И Нитцше глубоко убѣжденъ, «что есть жизнь, отъ которой не вкушала толпа», и что идеалъ толпы это идеалъ счастья и довольства. Вотъ почему въ его государствѣ для толпы удѣляется «вѣра и подчиненіе» и существованіе этихъ людей будетъ болѣе обезпеченнымъ, болѣе счастливымъ, чѣмъ тѣхъ, кто будетъ выше ихъ стоять и на послѣднихъ будетъ лежать вся, отвѣтственность. Эти стоящіе во главѣ и должны взять на себя проклятіе познанія добра и зла, т.-е. опредѣляютъ, что такое добро и зло. «Они опредѣляютъ сначала «куда идти», а затѣмъ «для чего» («По ту сторону добра и зла» 166). Для нихъ цѣль жизни не счастье а *страданіе* за добро и зло. Эти повелители великіе страдальцы. Только съ глубокимъ страданіемъ соединено созиданіе цѣнностей. И у Достоевскаго великій инквизиторъ глубокимъ страданіемъ познаетъ добро и зло.

VII.

Можно бы еще провести нѣсколько параллелей между «преступниками» Достоевскаго и Нитцше, но самое существенное уже сказано. Если мы соберемъ всѣ разрозненныя черты этихъ преступниковъ, то у насъ получится приблизительно такой типъ: современная мораль его не удовлетворяетъ, стѣсняетъ его жизненность; не удовлетворяетъ также и та мораль, которую ставятъ себѣ идеаломъ прогрессивные элементы. Онъ мечтаетъ по ту сторону добра и зла, и додумался до постановки критеріемъ морали—жизни, воли я; въ жизни онъ видитъ волю къ вла-

сти. Онъ додумался до идеала трагическаго творчества, до аристократизма, до сверхчеловѣка (человѣка-бога)... а это все проблемы, которыя мучили Нитцше. Крайне любопытно, что пути которыми шли Достоевскій и Нитцше, совершенно различны. Несомнѣнно, Достоевскій всю «преступную» мораль развилъ изъ своей критики и пониманія *католичества*, а Нитцше—изъ своего пониманія *до-христіанскаго* міросозерцанія. Одинъ смотрѣлъ чрезъ очки православнаго христіанина, а другой съ точки зрѣнія древняго антихристіанина. Для одного смыслъ жизни: братское единеніе людей, для другого—сверхчеловѣкъ. Достоевскій считалъ критику морали Раскольниковыхъ, Карамазовыхъ и пр.—преступленіемъ, зломъ, а Нитцше считалъ эти вопросы самыми важными для человѣчества, такъ какъ только извѣстное рѣшеніе ихъ можетъ спасти человѣчество отъ гибели. Все зло происходитъ, по мнѣнію Достоевскаго, въ отпаденіи отъ православнаго христіанскаго ученія, т.-е. отъ атеизма (католичество, соціализмъ—тожъ). Это такъ глубоко вкоренилось у Достоевскаго, что онъ всѣхъ своихъ героевъ мучаетъ больше всего вопросомъ о Богѣ и ни одному не позволилъ окончательно съ нимъ покончить. Причины всевозможныхъ преступленій, самоубійствъ и пр. Достоевскій видитъ въ потерѣ вѣры въ Бога и въ безсмертіе. Въ «Дневникѣ писателя» за 1876 г. онъ прямо заявляетъ: «я объявляю, что любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ немыслима, непонятна и *совсѣмъ невозможна* безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой. Тѣ же, кто, отнявъ у человѣка вѣру въ безсмертіе, хотятъ замѣнить эту вѣру въ смыслѣ высшей цѣли жизни «любовью къ человѣчеству», тѣ, говорю я, подымаютъ руки на самихъ себя, ибо вмѣсто любви къ человѣчеству они насаждаютъ въ сердцѣ потерявшаго вѣру лишь зародышъ ненависти къ человѣчеству» («Дневникъ писателя» за 1876 г., кн. XII). Нитцше же все зло видитъ какъ разъ въ христіанствѣ и его видоизмѣненіяхъ.

Исторію Достоевскій представляетъ себѣ въ такомъ видѣ: идеаломъ и исходомъ нравственныхъ стремленій всего древняго міра была римская имперія. Являлся человѣкъ-богъ. Имперія сама воплощалась, какъ религіозная идея. Но этотъ муравейникъ—римская имперія была подкопана церковью. Человѣка-бога встрѣтилъ бого-человѣкъ Аполлонъ Бельведерскій—Христа. Началась создаваться всебратская національность, всечеловѣческая въ формѣ общей вселенской церкви. Но она была гонима. Идеалъ создавался теперь подъ землею, а на землѣ торжествовала римская имперія. Явился компромисъ. Имперія приняла христіанство, а церковь римское право и государство. Малая часть церкви ушла въ пустыню и продолжала свою работу: явились опять христіанскія общины, потомъ монастыри—все только пробы, даже до нашихъ дней. Оставшаяся же огромная часть церкви раздѣлилась на 2 половины. Въ западной половинѣ государство одолѣло церковь. Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно въ государ-

ство. Явилось папство—продолженіе римской имперіи въ новомъ воплощеніи. Въ восточной же половинѣ государство было покорено и разрушено мечомъ Магомета и остался лишь Христосъ, уже отдѣленный отъ государства. А то государство, которое вновь приняло Христа, претерпѣло такія страшныя страданія отъ враговъ, отъ татарщины, отъ неустройства, отъ крѣпостного права, отъ Европы, отъ европеизма и столько до сихъ поръ выноситъ, что настоящей общественной формулы въ смыслѣ духа и любви христіанскаго самоусовершенствованія еще не выработалось. Мѣшали этому главнымъ образомъ русскіе европейцы. Но Европа уже наканунѣ гибели и спасеніемъ явится православное христіанство, идею котораго воплощаетъ русскій народъ. Онъ именно и спасетъ человѣчество *). Совсѣмъ другое видитъ въ исторіи Нитцше. Онъ, дѣйствительно, думаетъ, что древній міръ стремился къ идеѣ человѣка-бога, но христіанство убило эту идею и побѣдило Римъ. Вся исторія—это постепенное убійство идеи человѣка-бога, но эта идея восторжествуетъ. «Кто же нѣкогда долженъ придти и не можетъ не придти? Нашъ великій случай, это наше великое, далекое царство человѣка, царство Заратустры, которое продолжится 1.000 лѣтъ» («Такъ говорилъ Заратустра» 463). Идеальное будущее, отъ котораго Достоевскій приходитъ въ умиленіе прекрасно нарисовано въ «Подросткѣ.» Вотъ какъ мечтаетъ Достоевскій словами Версилова: «Я представляю себѣ, что бой кончился уже и борьба улеглась. Послѣ проклятій, комьевъ грязи, свистковъ, настало затишье. Люди остались *одни*, какъ желали. Великій источникъ силъ, до сихъ поръ питавшій и грѣвшій ихъ, отходилъ, какъ величавое зовущее солнце на картинѣ Кл. Лорренца, но это былъ уже послѣдній день человѣчества. И люди вдругъ поняли, что остались совсѣмъ одни и почувствовали великое сиротство. Осиротѣвшіе люди тотчасъ стали бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе, любовнѣе, исчезла бы великая идея безсмертія и приходилось бы замѣнить ее. И весь избытокъ прежней любви, который былъ къ Тому, Который и былъ безсмертіе, обратился бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо уже не прежней любовью. Они смотрѣли бы на природу глазами любовника на возлюбленную и открыли бы въ ней такія явленія и тайны, которыхъ не предполагали прежде. Они просыпались бы и спѣшили бы цѣловать другъ друга торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это все, что у нихъ остается. Они работали бы другъ для друга и каждый отдавалъ бы всѣмъ все свое состояніе и тѣмъ однимъ былъ бы счастливъ. Каждый ребенокъ зналъ бы и чувствовалъ, что всякій на землѣ

*) Всѣ эти мысли повторяются и въ романахъ и въ публицистикѣ Достоевскаго. Все резюмировалось въ рѣчи въ память Пушкина и въ отвѣтѣ на статью Градовскаго (см. „Дн. писателя", XI, стр. 495—498).

ему какъ отецъ и мать. «Пусть завтра послѣдній день мой, думалъ бы каждый, смотря на заходящее солнце; но все равно я умру, но останутся всѣ они, а послѣ нихъ дѣти ихъ»—и эта мысль, что они останутся все также любя и трепеща другъ за друга, замѣнила бы мысль о загробной встрѣчѣ. И они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть въ своихъ сердцахъ. Они были бы горды и смѣлы за себя, но сдѣлались бы робкими другъ за друга; каждый трепеталъ бы за жизнь и счастье другого. Они стали бы нѣжны другъ къ другу и не стыдились бы того, какъ теперь, и ласкали бы другъ друга, какъ дѣти. Встрѣчаясь смотрѣли бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ и во взглядахъ ихъ была бы любовь и грусть... Милый мой, все это фантазія... но замѣчательно, что я всегда кончалъ картину мою видѣніемъ, какъ у Гейне «Христа на Балтійскомъ морѣ». Я не могъ обойтись безъ него, не могъ не вообразить его, наконецъ, посреди осиротѣлыхъ людей. Онъ приходилъ къ нимъ, простиралъ къ нимъ руки и говорилъ: «какъ могли вы забыть Его». И тутъ какъ бы пелена упадала со всѣхъ глазъ и раздавался бы великій восторженный гимнъ новаго послѣдняго воскресенія» (VIII, 483—481). А вотъ картина умиленія Заратустры—Нитцше. «Но тутъ случилось, что Заратустра вдругъ почувствовалъ себя окруженнымъ какъ бы множествомъ птицъ, летавшихъ вокругъ него. Онъ чувствовалъ, что на него спустилась какъ бы туча изъ стрѣлъ; но это была туча любви, спускавшаяся на новаго друга. «Что происходитъ со мной?» думалъ Заратустра въ удивленномъ сердцѣ своемъ и опустился на большой камень, лежавшій у входа въ пещеру. Но пока онъ махалъ руками вокругъ себя, защищаясь отъ нѣжности птицъ, онъ нечаянно запустилъ свои руки въ космы густой теплой шерсти, и въ тотъ же моментъ раздалось предъ нимъ рыканіе,—нѣжное протяжное рыканіе льва. *Знаменіе приближается*, сказалъ Заратустра и сердце его преобразилось. Предъ нимъ лежалъ левъ и летали вокругъ голуби. Видя все это, Заратустра произнесъ: *Дѣти мои близко, мои дѣти* и сталъ совершенно нѣмъ. Но сердце его было утѣшено, и изъ глазъ текли слезы, падавшія на руки ему. Голуби же улетали и прилетали, садились на плечи ему, ласкали сѣдые волосы его, а могучій левъ лизалъ слезы, падавшія на руки Заратустры». И вспомнилъ Заратустра, что вчера встрѣтилъ онъ здѣсь прорицателя, который сказалъ ему; я иду, чтобы ввести тебя въ твой послѣдній грѣхъ. «Въ мой послѣдній грѣхъ?—воскликнулъ Заратустра, гнѣвно смѣясь надъ своимъ собственнымъ словомъ: *что же было сбережено для меня*, какъ мой послѣдній грѣхъ.—И еще разъ Заратустра погрузился въ раздумье. Вдругъ онъ вскочилъ:—*Жалость. Жалость къ высшему человѣку!*—воскликнулъ онъ и лицо его стало суровымъ. Ну, что-жъ! *Этому* было свое время. Мое страданіе и мое сострадание—ну, что-жъ? Развѣ *счастья* ищу я? Я ищу своего *дѣла*. И вотъ, левъ пришелъ, мои дѣти близко, Заратустра созрѣлъ, часъ

мой пришелъ. Это *мое* утро, брежжитъ *мой* день. *Вставай же, вставай, великій полдень!*

«Такъ говорилъ Заратустра и покинулъ свою пещеру сіяющій и сильный, какъ утреннее солнце поднимающееся изъ-за темныхъ горъ» («Такъ говорилъ Заратустра», 620—624).

Своему «преступнику» Достоевскій прописалъ рецептъ: *смирись!* А Нитцше своего Заратустру привѣтствуетъ. Смиреніе является для него самымъ сильнымъ врагомъ. «Червякъ, на котораго наступятъ, заворачивается вверхъ. И это очень умно съ его стороны. Въ такомъ положеніи ему гораздо менѣе шансовъ быть опять раздавленнымъ. На языкѣ морали это—смиреніе», такъ смѣется Нитцше въ одномъ афоризмѣ въ «Помраченіи кумировъ».

Если мы резюмируемъ нормы, данныя Достоевскимъ и Нитцше личности, то получимъ приблизительно слѣдующее. Достоевскій какъ бы говоритъ человѣку: люби живую жизнь. Не связывай себя насквозь наукой и научными теоріями. Знай, что въ тебѣ сидитъ бѣсъ, который искушаетъ тебя пренебречь христіанскою моралью, отрицать Бога и надѣяться лишь на себя самого, но не поддавайся этому. Безъ Бога погибнемъ, безъ христіанской добродѣтели будешь несчастнымъ, это доведетъ до преступленія. Будь по существу православнымъ христіаниномъ и будешь счастливъ. Люби ближняго безъ затѣй, просто, сердечно. Нѣтъ больше радостей, чѣмъ это. Это глубоко лежитъ въ человѣческой натурѣ. Свою гордыню смиряй! Свое *я* не ставь критеріемъ истины. На свѣтѣ есть *одна* истина, *одна* мораль! А Нитцше какъ бы говоритъ: люби живую жизнь. Люби науку, которая «пахнетъ землей» въ тебѣ сидитъ бѣсъ, который искушаетъ тебя пренебречь *жизнью.* Это христіанскій идеалъ съ его дальнѣйшими развитіями. Онъ дѣлаетъ тебя несчастнымъ и ведетъ къ вырожденію. Будь прежде всего самимъ собой. Люби дальнее, но люби со всей силой своей добродѣтели, хотя бы и пришлось погибнуть отъ этого. Нѣтъ больше радостей, чѣмъ это. Это глубоко заложено въ самой жизни. Ни предъ чѣмъ не смиряйся. Самъ создавай себѣ истину и мораль.

Несмотря на всю глубокую разницу міросозерцанія Достоевскаго и Нитцше, они сошлись на томъ, что Европа наканунѣ гибели. Конечно, и здѣсь они сошлись только въ констатированіи факта. Для Нитцше вся Европа измельчала и все мельчаетъ. Человѣкъ превращается въ какое-то уродливое домашнее животное. «И я кричу на всѣ 4 стороны, взываетъ Заратустра.—Вы все мельчаете, вы маленькіе люди, вы распадаетесь на крошки,- любители благополучія! И я еще увижу, какъ вы погибнете отъ безчисленныхъ вашихъ маленькихъ добродѣтелей!..» Причиной всего этого, какъ мы уже не разъ говорили, служитъ по Нитцше, христіанское ученіе и соціалистическія теоріи (то и другое по Нитцше тѣсно связано).

Но для Нитцше служитъ утѣшеніемъ, что «демократическое теченіе

Европы способствуетъ воспитанію *тирана*, понимая это слово въ какомъ угодно значеніи, а также въ умственномъ» «(По ту стор. добра и зла». 223). Съ этимъ выводомъ согласенъ и Достоевскій, только онъ видитъ какъ разъ въ этомъ паденіе Европы. Мнѣніе о гибели Европы у него выражено очень ясно: «Да, Европа ваша на концѣ паденія, обращается онъ къ западникамъ,—повсемѣстнаго общаго, ужаснаго. Муравейникъ давно уже созидавшійся безъ церкви и безъ Христа съ расшатаннымъ до основанія нравственнымъ началомъ, утратившимъ все общее и абсолютное,—этотъ созидавшійся муравейникъ, говорю, весь подкопанъ. Грядетъ 4-е сословіе, стучится и ломится въ дверь, и если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякій доселѣ бывшій законъ. На компромиссы, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданіе. Уступочки только разжигаютъ а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое, чего никто и не мыслитъ» (XI, 495). Европа рухнетъ, и спасительницей явится Россія. Это миссія ея *).

Какъ Нитцше, такъ и Достоевскій видятъ грозу отъ надвигающагося пролетаріата.

М. Хейсинъ.

---

*) Въ разсказѣ о мужикѣ Марреѣ (Дневникъ писателя за 1876 г.) Достоевскій пишетъ: Россія окажется сильнѣе всѣхъ въ Европѣ. Произойдетъ это оттого, что въ Европѣ уничтожатся всѣ великія державы, и по весьма простой причинѣ: онѣ всѣ будутъ обезсилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремленіями огромной части своихъ низшихъ подданныхъ, своихъ пролетаріевъ, своихъ нищихъ. Въ Россіи же этого не можетъ случиться совсѣмъ. Нашъ демосъ доволенъ и чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе будетъ удовлетворенъ, ибо все къ тому идетъ.

„А потому останется одинъ лишь колосъ въ Европѣ—Россія. Это случится гораздо ближе, можетъ быть, чѣмъ думаютъ. Будущность Европы принадлежитъ Россіи". (X, 153). Дѣло въ томъ, что „цивилизація не развила у насъ сословій, напротивъ, замѣчательно стремится съ сглаживанію и къ соединенію ихъ въ одно. Можетъ быть „Р. В." это будетъ очень досадно, но англійскихъ лордовъ у насъ нѣтъ; французской буржуазіи тоже нѣтъ, пролетаріевъ тоже не будетъ, мы въ это вѣримъ. Взаимной вражды сословій у насъ развиться не можетъ напротивъ, они сливаются („Время". VII. IX. 105).

МОЛОХЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

(*Продолженіе*) *).

38.

Въ комнатѣ средней величины, выходившей окнами въ садъ, еще освѣщенный лучами заходящаго солнца, сидѣлъ Ханка и разыгрывалъ на роялѣ сонату Гайдна; Беата, забившись въ уголъ, перелистывала альбомъ съ фотографическими карточками и время отъ времени зѣвала.

— Совершенно излишне было его приглашать,—сказала она, воспользовавшись паузой между анданте и аллегро,—тѣмъ болѣе, что Шпехтъ не придетъ. Что мы будемъ дѣлать съ Арнольдомъ Анзорге? И вообще какое намъ до него дѣло? Вдобавокъ онъ невѣжливъ и заставляетъ себя ждать.

Ханка на вертящемся табуретѣ медленно повернулся къ ней. Посмотрѣвъ на часы, онъ причмокнулъ губами и сказалъ:

— Вѣдь мы же хотѣли какъ-нибудь пригласить обоихъ подолинцевъ, а что твой другъ Шпехтъ откажется придти, никто заранѣе предположить не могъ. Впрочемъ, Анзорге меня интересуетъ гораздо больше.

Беата нетерпѣливо болтала ногами.

— А на меня такъ онъ нагоняетъ скуку,—сказала она почти съ волненіемъ,—вообще, я скучаю; Господи, почему мы уже не въ дорогѣ. Какъ много еще остается времени до завтрашняго утра! Мнѣ хочется каждый день быть гдѣ-нибудь на новомъ мѣстѣ, а ты... ты спишь и днемъ, и ночью.—Въ одно и то же время улыбаясь и стискивая зубы, она продолжала:—заказалъ ли ты билеты на завтра?

Ханка раскачивающейся походкой сталъ прогуливаться поперекъ комнаты и ничего не отвѣтилъ. Уже впродолженіи нѣсколькихъ дней его волновали неуловимыя и перемѣнчивыя ощущенія. Всѣмъ существомъ онъ былъ привязанъ къ Беатѣ, но раньше она, какъ бы от-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1903 г.

дыхая, отдавалась ему, теперь онъ то и дѣло подмѣчалъ въ ней какое-то внутреннее возмущеніе. Ему не было необходимо постоянное проявленіе чувства, чтобы повѣрить въ него; ему была важна возможность обращаться съ Беатой по виду даже нѣсколько суховато. И если бы, понимая его, она облегчила ему подобное обращеніе, она могла бы совершенно завладѣть имъ. Но для него стало яснымъ до очевидности то, что ей слѣдовало бы видѣть; она не чувствовала того, что ей слѣдовало бы чувствовать. Ея скользящая по поверхности подвижность была не чѣмъ инымъ, какъ средствомъ спастись отъ того крѣпкаго и прочнаго, чѣмъ его самого надѣлила природа. Слѣдовательно ему было вдвойнѣ трудно насильно выставлять на показъ свое чувство. Теперь очень часто къ спокойному размышленію у него примѣшивалась досада. «Притягательная сила растетъ съ квадратомъ разстоянія», насмѣшливо говаривалъ онъ себѣ и со свойственной ему основательностью хотѣлъ досконально доискаться, благодаря какимъ качествамъ Беата стала для него столь необходимой. Но дойдя до этого пункта, его мысль цѣломудренно останавливалась; съ постоянно возрастающей нѣжностью, на которую только и способно такое замкнутое сердце, онъ видѣлъ въ ней сильное и капризное дитя природы, которому его собственная ослабѣвшая воля прихотливо должна была подчиниться.

— Ты опять началъ расхаживать взадъ и впередъ, словно медвѣдь?—замѣтила Беата, но въ ту же минуту вскочила на ноги, такъ какъ въ передней позвонили.

Вошелъ Арнольдъ. Ханка встрѣтилъ его сердечнымъ пожатіемъ руки, а Беата съ нѣсколько неумѣло дѣланнымъ холодомъ. Всѣ трое сейчасъ же сѣли къ столу.

Небо заволокло тучами и по саду пронесся грозовой вихрь. Ханка вновь всталъ съ мѣста и, отвертывая электрическіе крантики, спросилъ Арнольда, почему онъ пришелъ такъ поздно.

— По настоящему васъ слѣдовало бы оставить безъ обѣда въ наказаніе,—съ досадой проговорила Беата.

На ней было блѣдно-лиловое батистовое платье, еще рельефнѣе подчеркивавшее ея сходство въ манерѣ и движеніи съ мотылькомъ. Взглядъ у нея былъ какой-то сосущій, безпокойный и пустой. Арнольдъ не извинился.

— Я до послѣдней минуты колебался, идти мнѣ или нѣтъ,—сказалъ онъ.—Это невѣжливо, но имѣетъ свое основаніе.

Беата была поражена.

— У него вѣчно на все какія-то основанія,—колко замѣтила она.

— Ну, вы для старыхъ знакомыхъ какъ будто черезчуръ пикируетесь,—добродушно замѣтилъ Ханка. Онъ въ сущности былъ радъ тому, что Арнольдъ Анзорге сидитъ противъ него; ему даже показалось почти важнымъ видѣть и наблюдать такого человѣка. «Вотъ изъ

какого тѣста пекутся друзья,—подумалъ онъ и въ ту же минуту рѣшилъ приняться за «печенье».

Одно мгновенье ему показалось даже возможнымъ отложить изъ-за этого завтрашній отъѣздъ; представивъ себѣ, что бы сказала на подобное предложеніе Беата, онъ ѣдко усмѣхнулся про себя.

Обѣдъ начался при приближающихся раскатахъ грома. Но вскорѣ Беата бросила ножикъ и вилку, и ея лицо видимо мѣнялось подъ вліяніемъ страха.

— Да, да, вотъ что значитъ гроза,—замѣтилъ Ханка, морща лобъ,—для женщины, выросшей въ деревнѣ, это довольно стыдно.

Необыкновенно сильная молнія заставила поблѣднѣть даже огни въ комнатѣ. Послѣ продолжительнаго удара грома Беата вскочила съ мѣста и, бросивъ на Арнольда растерянный взглядъ, пробормотала:

— Отошли его, Александръ.

Ханка также поднялся. Взявъ Беату за руки, онъ старался ее успокоить; но при новой ослѣпительной вспышкѣ молніи, все ея тѣло судорожно вздрогнуло. Съ силой оттолкнувъ Ханка, причемъ на ея сердитомъ лицѣ появилось выраженіе, дѣлавшее ее похожей на вѣдьму, она стала кричать грому: «я не хочу, не хочу», и потомъ бросилась вонъ изъ комнаты.

Ханка тотчасъ же послѣдовалъ за ней. Черезъ минуту онъ вернулся, позвалъ горничную, и Арнольдъ снова остался одинъ у накрытаго стола. Онъ отнесся къ происшествію съ меньшимъ участіемъ, нежели по его человѣколюбивому и отзывчивому характеру можно было ожидать. Все, что касалось Беаты, скользило по немъ и такъ же мало смѣшивалось съ его душой, какъ масло съ водой. А можетъ быть, и разыгравшіяся силы природы казались ему привлекательнѣе и глубже затрагивали его, нежели эгоистичная трусость мелкой душонки. Онъ медленно подошелъ къ садовому окну и при новыхъ вспышкахъ молніи почувствовалъ, что непремѣнно обязанъ внести въ этотъ домъ истину. Онъ потянулся, закрылъ глаза и улыбнулся. Ханка вернулся ничуть не смущенный и почти въ юмористическомъ настроеніи.

— Закуталась въ простыни и заткнула уши, — сказалъ онъ. — Я долженъ былъ ей обѣщать, что вы уйдете. Не произошло ли между вами чего-нибудь? Для меня это непонятно. Пойдемте, дружище, давайте кончать обѣдъ. Я радъ что вы у меня и не такъ-то скоро отпущу васъ.

— Ваша жена, можетъ быть, боится оставить меня съ вами наединѣ,—спокойно отвѣтилъ Арнольдъ, слѣдуя за Ханка къ столу.

— Да почему? Вѣдь она сама же хотѣла, чтобы вы какъ-нибудь побывали у насъ. Чего же бояться?—И Ханка весело и съ аппетитомъ положилъ себѣ на тарелку мяса и зелени.

— Я-то вполнѣ понимаю это,—сказалъ Арнольдъ. — Можетъ быть, она и желала моего прихода, чтобы видѣть, какъ ей слѣдуетъ себя

держать со мною. Къ тому же, вѣдь и Шпехтъ долженъ былъ придти. Почему его нѣтъ?

— Ай, ой, какимъ вы стали прозорливцемъ! Во всякомъ случаѣ, то, что вы говорите, имѣетъ кое-что за себя. Именно женщины часто жаждутъ имѣть предметъ своей ненависти вблизи себя. Въ этомъ кроется дѣтскій инстинктъ самообороны. Но предполагать что-либо подобное у Беаты было бы смѣшно.

Арнольдъ молчалъ. Его вновь охватила нерѣшительность. Вдругъ ему показалось, что Ханка все извѣстно, что между нимъ и Беатой нѣтъ тайнъ, а онъ самъ подобенъ человѣку, желающему влить грязную воду въ чистый потокъ.

— Страхъ женщины во время грозы насъ затрагиваетъ также и съ эстетической точки зрѣнія, если позволено такъ выразиться,—продолжалъ Ханка, видимо расположенный поболтать. — Въ женщинахъ есть что-то столь же элементарное, какъ и въ грозовой тучѣ; можно бы даже предположить, что природѣ доставляетъ удовольствіе, когда, при соприкосновеніи ихъ другъ съ другомъ, происходитъ взрывъ и обнаруживаются кроющіяся въ нихъ свойства. По крайней мѣрѣ, меня это нисколько не разстраиваетъ, а, наоборотъ, скорѣе пріятно.

Опять сверкнула синеватая молнія, сразу освѣтила всю комнату и прервала рѣчь Ханка; послѣдовавшій за нею почти безъ промежутка раскатъ грома заставилъ задрожать стѣны и задребезжать тарелки.

— Почему, собственно, не пришелъ Максимъ Шпехтъ?—спросилъ Арнольдъ, глядя на окно, по стеклу котораго хлесталъ дождь. — Онъ мнѣ говорилъ, что будетъ здѣсь. Это мнѣ кажется страннымъ лишь потому, что вчера я его встрѣтилъ съ вашей женой въ закрытой каретѣ.

Ханка быстро поднялъ голову, и лицо его выразило сильное удивленіе.

— Вотъ какъ?—коротко спросилъ онъ. И вдругъ онъ вспомнилъ, какими безконечными показались ему вчера часы, проведенные Беатой у портнихи. Онъ покачалъ головой, неувѣренно улыбнулся, но очень ласково проговорилъ:

— Можетъ быть, вы ошибаетесь?

— Нѣтъ, я не ошибаюсь, — отвѣтилъ Арнольдъ,—хотя шторы въ каретѣ приподнялись лишь на одно мгновеніе.

Ханка пересталъ ѣсть. «Почему она мнѣ этого не разсказала?» подумалъ онъ, точно желая еще разъ насильно обмануть самого себя. Откинувшись на спинку стула, онъ раскрылъ было ротъ, но потомъ снова закрылъ его, не произнеся ни слова. По обѣимъ сторонамъ носа проступила какая-то странная желтоватая блѣдность.

— А я думалъ, что вамъ извѣстны отношенія Беаты къ Шпехту,— снова съ непоколебимой серьезностью началъ Арнольдъ. Онъ облокотился на столъ, подперъ голову рукой и, не спуская глазъ, смотрѣлъ

на Ханка.—Не только настоящія, но и прежнія. Они были въ Подолинѣ, какъ мужъ и жена, днемъ и ночью. Я знаю это, и не сталъ бы говорить, не зная навѣрное. Поэтому выслушайте меня сразу до конца, чтобы мнѣ не долго мучать васъ. Послѣ Шпехта она жила со старшимъ работникомъ въ имѣніи Рандоміровъ, т.-е. вначалѣ она надувала того и другого, но работникъ побоями заставилъ ее всецѣло подчиниться себѣ. Объ этомъ у насъ ежедневно судачила прислуга. Мнѣ и тогда внутренній голосъ подсказывалъ, что вамъ все это неизвѣстно, потому что вѣдь вы видѣли въ ней другую Беату. И можетъ быть, даже оттолкнули бы женщину, которая во всемъ откровенно призналась бы вамъ. Поэтому-то меня и тянуло сюда къ вамъ, какъ ни тяжела вся эта исторія; я думаю, есть люди, живущіе ложью, и другіе, умирающіе отъ нея: не надо допускать, чтобы они смѣшивались. Вотъ и все.

Во время этой рѣчи желтоватыя пятна на лицѣ Ханка все увеличивались. И онъ также, не спуская глазъ, смотрѣлъ въ лицо своего визави и мало-по-малу утрачивалъ сознаніе, что передъ нимъ сидитъ человѣкъ, а видѣлъ лишь какой-то бѣловатый кругъ; будто мѣсяцъ спустился съ неба и заговорилъ... И все-таки онъ слушалъ и слушалъ, пока не почувствовалъ въ головѣ необычайную ужасающую боль и Арнольдъ не кончилъ говорить; тогда на его губахъ появилась искаженная, безсмысленная улыбка. Арнольдъ молчалъ, молчалъ и Ханка; такъ просидѣли они съ четверть часа, пока гроза не улеглась. Наконецъ, Ханка отодвинулъ стулъ, перегнулся впередъ, точно собираясь произнести комплиментъ, и сиплымъ, страннымъ, точно у судьи, голосомъ произнесъ:

— Доказательства!—причемъ широко раскрылъ черные глаза.

Арнольдъ ничего не возразилъ; онъ молча посмотрѣлъ Ханкѣ прямо въ глаза. Какъ во взглядѣ, такъ и на всемъ лицѣ у него лежало выраженіе такой строгости, такой сознательности и благородства, что Ханка вновь откинулся назадъ, какъ бы желая забыть свои слова. Онъ плашмя положилъ руку на голову, щеки его залила краска, потомъ снова исчезнувшая; съ губъ сорвался неопредѣленный короткій звукъ; наконецъ, онъ всталъ и точно въ знакъ своего самообладанія закурилъ сигару, послѣ чего, молча, большими шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Арнольдъ также поднялся съ мѣста.

— Прощайте, докторъ Ханка,—сказалъ онъ.—Зовите меня, какъ хотите—другомъ или врагомъ,—это зависитъ отъ васъ.

Ханка повернулся къ нему спиной, скрестилъ руки на груди и сталъ смотрѣть въ окно. Но когда Арнольдъ повернулся къ дверямъ, онъ догналъ его, посмотрѣлъ на него неописуемымъ взглядомъ и протянулъ холодную, влажную руку.

39.

Ханка продолжалъ прогуливаться по комнатѣ. Теперь онъ не думалъ ни о себѣ, ни о Беатѣ, но направилъ всѣ свои помыслы и всю силу мышленія, на какую только былъ способенъ, на личность Арнольда Анзорге. По своему характеру, въ основѣ котораго лежала справедливость, онъ обязательно долженъ былъ сначала справиться со всѣмъ внѣшнимъ, и уже затѣмъ углубиться въ самого себя. Онъ представлялъ себѣ Арнольда, котораго знавалъ въ Подолинѣ и сравнивалъ съ тѣмъ, что сегодня говорилъ съ нимъ; старался измѣнить глубину своего довѣрія къ этому человѣку. Онъ считалъ его за личность, дѣятельно прибивающую себѣ дорогу въ жизни; личность, которую никогда не покидаетъ глубочайшее сознаніе своего я. Въ концѣ концовъ Ханка пришелъ къ заключенію, что Арнольдомъ руководила симпатія, когда онъ хотѣлъ заставить его прозрѣть. «Слѣдовательно, я былъ слѣпъ», думалъ онъ дальше и всѣми силами старался побороть въ себѣ чувство, близко походившее на непріязнь и даже ненависть къ Арнольду. Какъ онъ ни раздумывалъ, а вѣрить слышанному онъ все-таки еще не могъ. На одно мгновеніе ему даже показалось фантастичнымъ и смѣшнымъ сомнѣваться въ Беатѣ. Что привело его сюда? Упрямо и грустно задѣвалъ онъ себя вопросомъ. Состраданіе? Въ такомъ случаѣ его правда не есть правда. Какъ могъ онъ предположить, что между ними нѣтъ знанія прошлаго другъ друга? Въ Ханка заговорило самолюбіе. «Можетъ быть, его самого отвергли и теперь онъ разыгрываетъ мстителя», продолжалъ онъ допытываться полный отчаянія; но при этой мысли по кожѣ у него пробѣжалъ холодъ, точно его коснулось отвращеніе. Тысячи предположеній жгли его мозгъ, съ помощью тысячи разныхъ маневровъ старался онъ исказить лицо обвинителя, но всякій разъ качалъ головой и вновь заявлялъ самому себѣ: «стало быть, я былъ слѣпъ!» Онъ началъ даже жалѣть, что не остался въ невѣдѣніи, но поймавъ себя на этой мысли, привычнымъ движеніемъ положилъ на голову ладонь руки, какъ бы желая остеречь или удержать себя отъ чего-то. И снова, и снова ходилъ онъ взадъ и впередъ. Онъ точно окружилъ себя множествомъ Беатъ со всѣми ея минами и жестами, заставлялъ звучать передъ собой всѣ ея слова, которыя помнилъ, какъ бы принялся изучать даже ея молчаніе, и, наконецъ, ему стало казаться, что съ нѣкоторыхъ изъ этихъ образовъ точно спадаетъ завѣса, за которой скрывалась черствость подъ маской ребячества, лживость подъ прикрытіемъ тысячи обманчивыхъ улыбокъ. «Что же мнѣ дѣлать?» подъ конецъ вырвалось у него. Ему казалось, что вотъ онъ долженъ лечь на полъ и впродолженіи многихъ, многихъ лѣтъ думать обо всѣмъ этомъ. Онъ копался въ душѣ даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, ибо въ сущности прекрасно зналъ, какъ поступить. Только теперь ему пришло въ го-

лову, что онъ можетъ отправиться къ Беатѣ, и тогда все рѣшится, но тутъ же съ жесткой логикой доказалъ себѣ, что ему самому хочется отдалить рѣшеніе. «Да развѣ все это до такой степени скверно?» пробормоталъ онъ. «Одной женщиной меньше для меня, вотъ и все. Проступокъ съ ея стороны очень незначительный: она вѣдь не та, какою я ее считалъ. Не слѣдуетъ осложнять весьма простого положенія вещей. Обманъ или не обманъ—въ концѣ концовъ это дѣло вкуса и чувства брезгливости. Для меня же дѣло заключается гораздо въ большемъ. Какъ я не могу идти по несуществующей дорогѣ, такъ и не могу жить съ существомъ, котораго нѣтъ».

Путемъ такихъ разсужденій Ханка достигъ необходимаго спокойствія, зажегъ свѣчу, вышелъ изъ комнаты, прошелъ черезъ гостиную въ которой уже вся мебель была въ чехлахъ, и вошелъ въ спальню. Беата въ капотѣ лежала на постелѣ и спала. Онъ поколебался съ минуту, но потомъ намѣренно громко поставилъ подсвѣчникъ на мраморный столъ; Беата вздрогнула и проснулась.

— Отослалъ ты его?—спросила она спросонья. — Потуши свѣчу, Александръ, не то загорится занавѣсъ,—продолжала она, разгулявшись.—Здѣсь достаточно свѣтло, развѣ не видишь?

Онъ, не отвѣчая, принялся, какъ и въ столовой, расхаживать взадъ и впередъ, а она нетерпѣливо стала слѣдить за нимъ глазами.

— Ты бы легъ теперь,—съ досадой проговорила она,—намъ надо хорошенько выспаться, вѣдь завтра утромъ мнѣ еще придется уложить свой ручной сакъ.

— Можешь укладывать его,—спокойно возразилъ Ханка,—можешь даже и ѣхать, если тебѣ это нравится, но думаю, это обойдется безъ меня.

Беата съ удивленіемъ раскрыла глаза.

— Ты съ ума сошелъ, что ли? — наконецъ закричала она, снова широко раскрывая глаза. Потомъ она громко засмѣялась, сѣла на постель и опустила ноги на полъ; лицо ея выражало одновременно страхъ, заботу и ненависть.

Казалось, Ханка ничего этого не замѣчалъ. Какія-то невидимыя вещи въ пространствѣ приковывали его вниманіе. Онъ покачалъ головой изъ стороны въ сторону и заговорилъ ровнымъ голосомъ.

— Я не спрашиваю, въ какихъ ты состоишь отношеніяхъ съ Максимомъ Шпехтомъ; ни о томъ, что побуждаетъ тебя таинственно кататься съ нимъ по городу въ закрытой каретѣ; ни о томъ, что между вами было уже въ Подолинѣ. Не спрашиваю, что было между тобой и работникомъ графа Рандоміра. Я хочу лишь знать, что ты мнѣ скажешь теперь, когда тебѣ извѣстно, что я все знаю.

Лицо Беаты приняло земляной оттѣнокъ. Спина ея согнулась, голова свѣсилась, губы медленно раскрылись, а изъ за нихъ стали видны крѣпко стиснутые зубы. Казалось, ей хочется въ одно и то же время

смѣяться и кричать. Пальцы ея двигались, большіе пальцы на ногахъ шевелись подъ тоненькими чулками, колѣна сжимались, руки подергивало... Потомъ она дико вскочила на ноги и съ безграничнымъ презрѣніемъ закричала:

— Такъ это дѣло той собаки! Великолѣпно!

Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ схватила она шаль, валявшуюся на кровати, накинула ее на голову и плечи и гордо, въ однихъ чулкахъ, вышла изъ комнаты, изо всѣхъ силъ хлопнувъ дверью.

По лицу Ханка скользнула растерянная улыбка. Онъ пріостановился, закрылъ глаза, точно желая сказать: довольно, слишкомъ даже довольно! Не прошло минуты, какъ Беата вернулась. Она сѣла на стулъ и, заплакавъ, стала прижимать къ глазамъ платокъ.

— Теперь зависитъ отъ тебя одной устроить свою будущую жизнь, какъ можно лучше. Мнѣ окончательно претитъ публичный скандалъ. Слѣдовательно, лучше всего, если ты безъ шума покинешь городъ. Я даю тебѣ время устроить все это такъ, чтобы ничто не бросилось въ глаза; самъ я на нѣсколько недѣль уѣду. Завтра прикажу письменно сообщить тебѣ, какія матеріальныя средства могу удѣлить, чтобы ты могла жить вполнѣ прилично. Можетъ быть, ты имѣешь еще что-нибудь сказать мнѣ?

Когда Беата поняла, что дѣло приняло такой серьезный оборотъ, съ ней произошла еще новая перемѣна.

— Я не виновата, Александръ, какъ Богъ святъ, это они соблазнили меня. Они сдѣлали меня несчастной.

Она упала около постели на колѣни и уткнула лицо въ подушки.

— Можетъ быть, это и правда,—ласково сказалъ Ханка, стоявшій передъ зеркаломъ и въ него наблюдавшій за нею. Беата быстро подняла голову и на ея лицѣ появилось наивное выраженіе надежды. Ханка улыбнулся необыкновенно тонко и горько. Онъ понялъ, что его слова не могутъ достигнуть слуха этой женщины, что его понятія происходятъ изъ иныхъ сферъ, что у него иная кровь, чѣмъ у Беаты, и что она даже не въ состояніи догадаться объ этомъ. Такимъ образомъ, онъ осудилъ себя самого и безъ всякихъ уже иллюзій вернулся въ тотъ кругъ, въ центрѣ котораго находилось его фаталистически-покорное, второе я.

— Сообразуйся со сказаннымъ мною,—холодно замѣтилъ онъ и повернулся къ дверямъ.

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, до него донесся не то крикъ, не то смѣхъ Беаты. Вернувшись въ столовую, онъ сѣлъ къ піанино, развернулъ первыя попавшіяся ноты и одеревенѣвшими пальцами сталъ перебирать клавиши. Но между нимъ и инструментомъ точно выросла стѣна; звуки оставались глухими и отдаленными. Тогда онъ всталъ, раскрылъ окно и стеклянную дверь, ведущую въ садъ, и вышелъ. Съ кустовъ и деревьевъ падали дождевыя капли, клумбы окутывала не-

проглядная тьма. По бѣловато-сѣрому небу бѣжали тучи, а вдали еще сверкала молнія. «Я былъ другимъ человѣкомъ, когда эти молніи прорѣзывали горизонтъ по сю сторону», подумалъ Ханка. «Въ промежуткѣ между двумя порывами вѣтра измѣнилась моя судьба». Онъ бродилъ по извилистымъ дорожкамъ сада, и однообразные звуки отъ падающихъ дождевыхъ капель казались ему ударами молоточковъ по струнамъ піанино, которое въ этотъ вечеръ не хотѣло повиноваться ему. Было уже поздно, когда онъ вернулся въ комнату, заперъ ее со всѣхъ сторонъ и опять сѣлъ къ піанино, точно его что-то побуждало во чтобы то ни стало побесѣдовать съ нѣмымъ инструментомъ. Но онъ молчалъ. Ханка сѣлъ въ уголъ, схватилъ книгу, потомъ другую, третью... Что въ ней написано? Ничего, кромѣ: духъ умираетъ, а буква живетъ. Ханка почувствовалъ тяжесть и усталость, какъ будто прокутилъ двѣ ночи напролетъ. Онъ развалился въ креслѣ; въ головѣ у него зашевелились тяжелыя думы, перешедшія потомъ, когда уже листья въ саду зардѣлись подъ лучомъ утренняго солнца, въ такой же тяжелый сонъ.

40.

На то же розовѣющее небо смотрѣлъ и Арнольдъ, также еще не смыкавшій глазъ. Покинувъ домъ Ханка, онъ нѣкоторое время въ нерѣшительности простоялъ передъ воротами. Потомъ пошелъ по незнакомой дорогѣ, но скоро опять вернулся назадъ. Молчаливо тянулись виллы и дачи по обѣ стороны улицы, и ни единый звукъ, кромѣ паденія дождевыхъ капель, не долеталъ до его ушей. Дойдя до скамьи, оставшейся, благодаря прикрытію стараго каштановаго дерева, почти сухой, онъ опустился на нее. Послѣдній взглядъ и пожатіе руки Александра Ханка не выходили у него изъ головы. Арнольдъ хорошо понималъ, что въ томъ и другомъ было болѣе и нѣчто иное, нежели, благодарность за дружескую услугу; во всякомъ случаѣ, не то, чего ожидалъ Арнольдъ. Онъ ждалъ, что человѣкъ, который спокойно сидѣлъ себѣ въ темнотѣ, удивленно, бодро и рѣшительно повернется къ свѣту, который другъ внесетъ въ его домъ. Вмѣсто того—ему это подсказывали и чувство, и наблюденіе,—онъ только что покинулъ униженнаго человѣка, протягивающаго свои окровавленныя руки за старыми цѣпями. Арнольдъ хотѣлъ отдать домъ истинѣ, а вмѣсто того устроилъ судьбище. Взглядъ Ханка былъ ясенъ: «ты судишь, но кто далъ тебѣ право на это?» Было ли это слѣдствіемъ слабости Ханка или вообще человѣческой слабости, или же онъ, Арнольдъ, заблуждался? Съ этого пункта мысли Арнольда поплыли дальше, какъ тяжелыя струи огненнаго потока, зажигающаго все, находящееся на берегахъ. «Если это результатъ слабости Ханка», думалъ онъ, «то его счастье состоитъ въ томъ, чтобы не видѣть, также какъ мое въ желаніи

видѣть. И насколько у меня нѣтъ силы передать ему свой мозгъ, свои глаза и мускулы, настолько же я не имѣлъ права поступать такъ, какъ поступилъ сегодня. Можно ли въ такомъ случаѣ утверждать, что для Ханка нѣтъ иной правды, кромѣ той, что живетъ въ немъ самомъ и опредѣляетъ его поступки? Если да, то я правъ, и моя истина опредѣляетъ и мои поступки. Изъ этого нѣтъ выхода, хотя я отлично вижу, что каждая вещь, какъ хорошая, такъ и дурная, имѣетъ двѣ стороны. Если же это слабость, присущая человѣку вообще, то она могла быть и моею и для меня еще труднѣе найти оправданіе такъ какъ кромѣ меня существуютъ еще и другіе люди. То, чѣмъ обладаетъ Ханка,—его собственность, платье, домъ и жена. Положимъ, Ханка пришелъ бы ко мнѣ и сказалъ: деньги твоего отца, которыя ты тратишь, собраны чужимъ потомъ и чужой нуждой. Мнѣ нужно было бы провѣрить его слова и, найдя ихъ справедливыми, отказаться отъ того, чѣмъ я обладаю, благодаря лжи; потому что вѣдь я исхожу изъ того, что каждый долженъ стряхнуть съ себя ложь, въ которой живетъ. Но какъ же съ Беатой? Можетъ быть, путь, избранный ею—молчаніе, и есть вѣрный путь, также какъ отцовское наслѣдство, которое черезъ меня пойдетъ лишь на хорошія дѣла? Можетъ быть, ея сила и заключается именно въ томъ, что она не созналась и ея любовь къ Ханка лучше всего и выразилась въ томъ, что она оставляла его въ невѣдѣніи? Можетъ быть, въ данномъ случаѣ ложь была полезнѣе. Вѣдь, собственно говоря, ложь—лишь пустой звукъ. А я развѣ въ правѣ попирать ногами силу другого? Если такъ, то мой поступокъ былъ заблужденіемъ, черствостью, самомнѣніемъ, но почему? А если бы Ханка узналъ обо всемъ, благодаря чьей-нибудь грубости или низости? Можетъ ли цѣль служить оправданіемъ поступка, сдѣлать его темнымъ, или свѣтлымъ? можно ли ставить на одну доску волю сознательно совершающую что-нибудь съ слѣпымъ случаемъ? и нельзя ли счесть все происшедшее за судьбу, хотя я сознательно стремился къ этому? Моя воля не можетъ быть ниже случая. До чего же я дошелъ, что болѣе уже не знаю, гдѣ истина и гдѣ заблужденіе! Что со мною дѣлается?»

Начиная съ этого пункта, его думы утрачивали свою поразительную прозрачность; раскаленный потокъ начиналъ мутнѣть и застывать. Въ душѣ у него шевельнулось раскаяніе и раздвоеніе. Будто въ немъ жили два человѣка; одинъ молча, чувствовавшій свою правоту, а другой умѣло оспаривавшій ее. Онъ сидѣлъ и сидѣлъ и никакъ не могъ ни успокоиться, ни придти къ какому-нибудь выводу. И вдругъ передъ нимъ всплыло странное существо—съ фигурой Беаты, а головой Самуэля Элассера. Онъ испугался и хотѣлъ разсмѣяться; тупая боль въ душѣ отъ дикаго разлада съ каждой минутой все усиливалась и наконецъ, словно расщелина, прорѣзала все его существо и раскolола на-двое. Тогда онъ задалъ себѣ вопросъ: самъ ли онъ повиненъ въ

этой трещинѣ? Хотя и безсознательно, но онъ чувствовалъ, что въ его душѣ что-то сломлено, его внутреннее единство раздвоилось, голова ему подсказываетъ одно, а сердце—другое. Такимъ образомъ случилось, что собственная добросовѣстная вдумчивость довела его въ эту минуту до отчаянья и гнѣва и онъ страстно жаждалъ съ веселымъ сердцемъ вернуться къ прежнему состоянію. Весь міръ раздвоился въ его глазахъ. Въ своемъ смятеніи и блужданіи онъ рѣшилъ всецѣло довѣриться Веренѣ и попросить ее высказать свое рѣшеніе; онъ уже не обращалъ вниманія на то, что это будетъ съ его стороны новымъ проявленіемъ слабости и наполнитъ душу новыми страданіями. Онъ поднялся со скамьи; его тяготили думы, которыя раньше не имѣли мѣста въ его мозгу.

Востокъ уже подернулся желтизной.

41.

Въ концѣ августа Анна Барромео вернулась съ дачи и тотчасъ же стала дѣлать визиты, принимать, брать абонементы на концерты и спектакли и вообще, порывисто и какъ бы желая уйти отъ самой себя, готовиться къ обычной жизни осенняго и зимняго сезоновъ. Съ кухаркой у нея вышло крупное недоразумѣніе и она ее прогнала... Казалось, она даже не замѣчала того, что у нея передъ глазами, до такой степени ея взглядъ былъ мутенъ и блуждающъ. Изъ книжныхъ лавокъ и библіотекъ ей присылали цѣлые вороха романовъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи занять ее долѣе одного утра. Не переводя духа, она металась изъ стороны въ сторону, жаловалась на безсонницу, то казалась совершенно обезсиленной, то необыкновенно возбужденной; то болтливой, то нѣмой, какъ рыба. Хорошо, если за все время она удостоивала Арнольда однимъ словомъ; у нея было почти физическое ощущеніе, что онъ наблюдаетъ за ней. Его же смущала мысль, что она и дядя связаны такими тѣсными и неразрывными узами, какія, по его мнѣнію, налагаетъ бракъ. И онъ часто раздумывалъ объ этомъ—раздумывалъ по новому, копаясь въ ихъ душахъ, все разбирая и разлагая на части. За послѣднее время онъ все болѣе и болѣе поддавался подобному способу анализа, онъ думалъ: въ какомъ свѣтѣ эти два человѣка видятъ другъ друга, когда ихъ не подслушиваетъ ни одно ухо, не наблюдаетъ за ними ни единый глазъ? Онъ сталъ избѣгать совмѣстныхъ обѣдовъ, его оскорбляло, что ради него они накидываютъ прозрачную завѣсу свѣтской вѣжливости и искусственной простоты на свои взаимныя отношенія. Фридрихъ Барромео, какъ всегда, глубоко уходилъ въ себя. Ничто не могло сравниться съ усталостью и равнодушіемъ, съ какими онъ бралъ въ руки ножикъ и вилку и накладывалъ себѣ на тарелку кушанье, съ отсутствіемъ аппетита, съ которымъ онъ кушалъ, или видомъ, съ

которымъ еле-еле дотягивалъ до конца какой-нибудь безразличный разговоръ. Арнольду было досадно и обидно видѣть все это. Въ немъ еще горѣло желаніе заботиться о людяхъ, познавать ихъ во всей ихъ глубинѣ и широтѣ, а все безразличное, случайное и внѣшнее въ нихъ сводить къ центральному пункту ихъ существа. Очутившись однажды утромъ за завтракомъ вдвоемъ съ докторомъ Барромео, онъ открыто заговорилъ съ нимъ; голосъ его звучалъ почти молитвенно, съ такой пламенной искренностью онъ спросилъ:

— Не можешь ли ты сказать мнѣ, дядя, что тебя такъ угнетаетъ? Я не хочу выпытывать у тебя признанія, но думаю,—онъ покраснѣлъ въ пылу желанія высказаться до конца, нельзя ли что-нибудь измѣнить? Развѣ все такъ и должно оставаться, какъ оно есть?

Барромео медленно поднявъ брови. Оба его зрачка какъ-то потухли и закатились.

— Ты спрашиваешь, какъ юноша,—сказалъ онъ,—а я не могу отвѣчать тебѣ, какъ мужъ. Оставимъ это. Даже у умирающихъ есть свое nil nisi bene!..

Послѣ, прощаясь, Барромео очень тепло пожалъ ему руку, но уваженіе, которое сказывалось въ этомъ пожатіи, не было вызвано предыдущимъ короткимъ разговоромъ. Какъ ни незамѣтно, но Барромео все время слѣдилъ за поступками и образомъ жизни племянника съ какимъ-то почти мистическимъ вниманіемъ. И онъ видѣлъ, какъ на немъ оправдались всѣ признаки человѣка, спокойно и увѣренно идущаго къ своей цѣли. Его только нѣсколько смущала извѣстная легкость перерожденія, быстрое подчиненіе новымъ формамъ жизни, почти изысканная сдержанность манеръ и плавная, хотя и оригинальная рѣчь Арнольда. Доктора заставляло задумываться лишь то, что внушало довѣріе, болѣе того—симпатію легко доступному внѣшнимъ явленіямъ и впечатлительному молодому человѣку.

Но послѣдніе дни въ него закралось безпокойство. Разъ, когда Арнольдъ улыбнулся, въ его головѣ молніей мелькнула догадка, что племянникъ даетъ себѣ полный отчетъ въ этой улыбкѣ. И въ немъ стало разростаться и мучать его темное опасеніе, что Арнольдъ многое произноситъ съ намѣреніемъ, обдумавъ заранѣе или подхвативъ на лету, и что не все, высказанное имъ, выливается у него прямо изъ души.

Съ молодымъ учителемъ Вольмутомъ у Арнольда установились прекрасныя отношенія. Между ними не было никакихъ излишнихъ объясненій и все-таки они превосходно понимали другъ друга. Однажды одинъ изъ служащихъ въ канцеляріи Барромео сдѣлалъ попытку обмануть Арнольда, онъ сталъ остерегать его отъ Вольмута, называя послѣдняго холоднымъ карьеристомъ, котораго онъ якобы отлично знаетъ; говорилъ что даже изумительное прилежаніе его ничто другое какъ маска для прикрытія весьма неблаговидныхъ намѣреній. Арнольдъ

спокойно спровадилъ этого господина. При этомъ онъ впервые имѣлъ случай сравнить репутацію человѣка съ нимъ самимъ и далъ себѣ слово никогда не колебаться между тѣмъ и другимъ, но навсегда сохранить въ своей душѣ зеркало достойное вѣры. При дальнѣйшемъ размышленіи на эту тему оказалось, что для сношенія съ внѣшнимъ міромъ необходимо запастись самообладаніемъ. Такимъ образомъ, онъ очень рано сталъ помышлять о средствахъ для огражденія себя и пріобрѣтенія душевнаго спокойствія, можетъ быть, въ этомъ отношеніи безсознательно поддаваясь излюбленной теоріи Вольмута; въ послѣднемъ онъ тотчасъ же призналъ счастливую и здоровую способность равномѣрно развивать всѣ силы своего существа и потому наблюдалъ за нимъ такъ зорко, точно созерцая чужой характеръ безъ личныхъ усилій, былъ въ состояніи усовершенствовать свой собственный.

Всецѣло дитя своего вѣка, въ которомъ царила наука, Вольмутъ былъ изъ числа людей, сначала вырабатывающихъ себѣ извѣстное міросозерцаніе и, уже исходя изъ него, относящихся такъ или иначе къ дѣйствительной жизни. Самыя мелкія дѣла онъ исполнялъ съ неутомимымъ рвеніемъ и суровой добросовѣстностью, а свою бѣдность переносилъ съ вполнѣ понятною гордостью. Онъ жаждалъ во что бы то ни стало учиться и любилъ оказывать помощь.

Его ясный и сухой умъ дѣлалъ его способнымъ тотчасъ же подмѣтить малѣйшіе промахи въ жизни другого человѣка. Въ Арнольдѣ заговорило любопытство, какъ отнесся бы Вольмутъ къ Алассеру и насилію, совершенному надъ его дочерью монашенками.

Съ той дождливой ночи, проведенной имъ подъ каштановымъ деревомъ, онъ не переставалъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлымъ анализомъ перебирать въ умѣ мельчайшія подробности дѣла Ютты. Какъ раньше онъ относился къ нему подъ вліяніемъ заполнившаго его чувства, такъ теперь смотрѣлъ на все происшедшее сквозь призму спокойнаго разсудка. И теперь онъ походилъ на человѣка, воодушевленнаго жаждой борьбы за справедливость, но удаляющагося съ поля сраженія, чтобы добыть подкрѣпленіе противъ врага; вначалѣ онъ спѣшитъ и задыхается отъ сознанія своего великаго назначенія; потомъ его лобъ остываетъ; онъ начинаетъ любоваться видомъ, постепенно пускаетъ лошадь шагомъ и дозволяетъ ей щипать траву на заросшихъ мѣстахъ. Ночь переходитъ въ утро, утро—въ полдень.

Отчаянные вопли, окрылявшіе его шаги постепенно смолкаютъ; молящіе взоры на блѣдныхъ отъ испуга лицахъ, проникавшіе въ душу посланца, все дальше отодвигаются къ горизонту... и кончается тѣмъ что рыцарь начинаетъ глубокомысленно взвѣшивать, что справедливо и несправедливо, гдѣ истина и гдѣ дѣло идетъ лишь о торжествѣ партіи...

Къ тому же Арнольдъ за послѣдніе дни былъ сильно занятъ, чтобы

отдѣлаться отъ новаго для себя ощущенія какой-то мягкости; оно тѣмъ болѣе казалось ему непривычнымъ, что рѣзко противорѣчило, съ бродившими въ головѣ мыслями, заставлявшими его во всемъ сомнѣваться и все различать. Подъ вліяніемъ тяготы подобного раздвоенія онъ задалъ Вольмуту повидимому невинный вопросъ; онъ хотѣлъ видѣть, какое отношеніе можетъ вызвать происшествіе въ Подолинѣ въ человѣкѣ, столь чуждомъ ему и въ то же время воистину живущемъ общею жизнью.

— Насколько мнѣ извѣстно, эта исторія стоитъ на точкѣ замерзанія,—отвѣтилъ студентъ, — я слышалъ, будто правительство отправило кого-то къ папѣ; но это ничему не поможетъ. И для чего волноваться? Если само правительство утеряло свои непосредственныя права, то отдѣльному человѣку тѣмъ болѣе нѣтъ возможности бороться. Сознаніе права нельзя создать, или внушить кому-нибудь: оно должно возникнуть и развиться подобно языку.

Арнольдъ нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на него.

— Это звучитъ какъ нельзя лучше, — наконецъ, рѣзко замѣтилъ онъ,—до тѣхъ поръ, пока ударъ не направленъ на васъ... Что же, вы хотите отказаться противодѣйствовать несправедливости, не касающейся васъ лично?

Вольмутъ улыбнулся.

— Такъ и слѣдовало бы поступать. Дѣло идетъ объ уничтоженіи въ себѣ нецѣлесообразныхъ побужденій. Для чего нужно платоническое участіе? Развѣ завести самого себя, стать машиной, приводящей въ движеніе наибольшее количество колесъ; регулировать топку этой машины и при наибольшемъ количествѣ труда достичь наименьшей траты силъ,—развѣ въ этомъ не проявляется достаточнаго участія?

Маленькій, худенькій и хорошенькій человѣчекъ съ розовымъ личикомъ произнесъ все это спокойно, убѣдительно и съ такой строгой выдержкой, точно собирался немедленно проводить свои взгляды на практикѣ.

— Это правда, потому что можетъ быть правдой,—нѣсколько раздраженно отвѣтилъ Арнольдъ;—я не хочу сказать, что думаю иначе; но когда я совсѣмъ не думаю—все сразу становится иначе.

— Чувство разрушаетъ, — продолжалъ утверждать Вольмутъ, — поучительнымъ тономъ и съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Очертите вокругъ себя кругъ; запретите своей ногѣ переступать за его границу хотя бы на одинъ милиметръ. Счастье въ позитивизмѣ: желать измѣнить свѣтъ, значитъ уничтожать самого себя.

Лицо Арнольда вспыхнуло.

— Это мудрость эгоиста, — гнѣвно крикнулъ онъ, — стало быть, еврейку не слѣдуетъ спасать, чтобы мы, вы и я, были счастливы?

Вольмутъ пожалъ плечами.

— А почему же нѣтъ? Каждая культура влачитъ за собою остатки

тьмы; они все уменьшаются, подобно тѣнямъ при солнечномъ восходѣ. Я не проповѣдую апатіи или банальнаго эгоизма. Но каждый человѣкъ безусловно долженъ соразмѣрять свои поступки съ своими силами. Онъ долженъ также въ каждую данную минуту ясно давать себѣ отчетъ, чтобы ничто въ собственномъ характерѣ не могло его удивить и никакое происшествіе въ мірѣ не могло сбить его съ пути и заставить вмѣсто головы пустить въ ходъ руки или вмѣсто того, чтобы пришли въ движеніе ноги, у него вдругъ заговорило сердце.

У Арнольда появилось чувство, точно къ нему приблизился вредный двойникъ его, приводящій въ извѣстную систему его собственныя мысли, оправдывавшія его охлажденіе и отчужденіе.

Этотъ твердый и честный человѣкъ далеко не убѣдилъ его, а лишь заслонилъ его я въ собственныхъ глазахъ и увеличилъ внутреннія колебанія и неувѣренность. Онъ собирался было возражать, но вдругъ почувствовалъ, что всѣ слова будутъ безполезны. Остатокъ дня онъ не работалъ а занимался тѣмъ, что отыскивалъ объясненіе своимъ новымъ чувствамъ въ какомъ-нибудь кроющемся въ себѣ недостаткѣ. Онъ винилъ во всемъ юность и первоначальное воспитаніе, не давшее ему того, чего другіе достигаютъ безъ всякихъ трудовъ и такъ планомѣрно. При этомъ передъ нимъ всталъ образъ матери и съ чувствомъ стыда и испуга онъ вновь впалъ въ прежнее мягкое настроеніе или, вѣрнѣе, разстройство, въ облакахъ котораго носилось лицо Верены. Но теперь онъ относился къ этому явленію не съ чувствомъ, а упрямо, подозрительно, какъ будто этимъ совершалось нѣчто незаконное и насильственное.

Довольно вяло собрался Арнольдъ послѣ обѣда навѣстить Верену Гофманъ. Къ удивленію онъ засталъ у нея въ комнатѣ за чаемъ маленькое общество незнакомыхъ и полузнакомыхъ людей. Тамъ были Вольмутъ и Тецнеръ и еще какая-то барышня, заявившая, что знаетъ его. Это была Жозефина Друзіусъ, сестра стараго барона; Арнольдъ тоже вспомнилъ, что встрѣчалъ ее у Натали. Она встрѣчалась съ Вереной на лекціяхъ. Верена, какъ и всегда, была сдержана, но веселѣе обыкновеннаго.

Тецнеръ молчаливо сидѣлъ у окна, а Вольмутъ излагалъ обѣимъ женщинамъ свой взглядъ на аскетизмъ. Верена поднялась и подошла къ Арнольду.

— У меня есть два билета на завтрашній концертъ,—ласково заговорила она,—можетъ быть, вы пойдете со мной?

Арнольдъ долго и какъ-то неопредѣленно улыбался и ничего не отвѣчалъ. Верена слегка удивилась; потомъ сжала губы, поблѣднѣла и бросила бѣглый взглядъ на Тецнера, молча сидѣвшаго къ нимъ спиной. Послѣ этого они впервые на такомъ близкомъ разстояніи заглянули другъ другу въ глаза; Арнольдъ открытымъ, далекимъ, но нѣ-

сколько дѣтскимъ взглядомъ, а Верена одновременно и сердитымъ, и молящимъ.

— Пойдемте,—наконецъ, повторила она попрежнему ласково,—будутъ играть Бетховена.

Подавленый, нѣсколько хриплый голосъ Вольмута звучалъ въ комнатѣ, какъ струйка воды. Жозефина Друзіусъ слушала его почти съ благоговѣніемъ. Она казалась чувственной и себялюбивой, но лишенной жизнерадостности и вѣчно неувѣренной въ себѣ. Ея очаровательная стройная фигура, хорошенькое, живое, но нѣсколько грустное личико указывало на какую-то неудачу въ жизни и на борящіяся въ ней и ослабляющія другъ друга душевныя наклонности. Судя по тому какъ она теперь слушала Вольмута, можно было предположить, что всю свою дальнѣйшую жизнь она построитъ сообразно его словамъ.

Арнольдъ собрался уходить раньше другихъ. На лѣстницѣ его догналъ Тепнеръ.

— Молодой Вольмутъ до вашего прихода страшно расхваливалъ васъ,—сказалъ онъ простодушно-весело. — Но въ какомъ же положеніи дѣло моихъ водочекъ? Избранныя изъ нихъ давно приготовлены для васъ. Онѣ жаждутъ мочить достойную глотку.

Это внезапное нападеніе казалось Арнольду не кстати и окончательно не подходило къ какъ бы струящемуся, золотому настроенію его. Онъ поспѣшилъ проститься, но при этомъ впервые, точно во снѣ, увидѣлъ изъ-за очковъ ясный, проницательный взглядъ Тепнера.

42.

Въ работѣ Арнольда наступилъ застой; нечего было и помышлять о томъ, чтобы сосредоточиться. Міръ духа внезапно сталъ казаться ему пустымъ, но въ томъ, что онъ сулилъ тѣлеснымъ взорамъ, болѣе богатымъ и болѣе заманчивымъ.

Несмотря на это, Арнольдъ принуждалъ себя къ привычной дѣятельности и у него, по крайней мѣрѣ, было удовлетвореніе, что онъ дисциплинируетъ себя. Въ общемъ онъ относился теперь съ нѣсколько игривымъ юморомъ къ спеціальнымъ знаніямъ; а это всегда опасно до тѣхъ поръ, пока серьезные труды не принесли еще плодовъ. Но игривость все болѣе овладѣвала имъ и угловатости характера постепенно начали сглаживаться. Въ семь часовъ Арнольдъ долженъ былъ ждать Верену у портала университета. Отъ дождя она надѣла плащъ, падавшій съ плечъ прямыми складками, отчего вся ея фигура казалась стройнѣе. Во время ходьбы имъ приходилось слѣдить другъ за другомъ и за экипажами, и громадными лужами; такимъ образомъ настоящаго разговора не завязывалось, но Арнольдъ успѣлъ замѣтить, что сегодня что-то особенное смыкаетъ уста Верены, или что обычное ея состояніе обострилось. Спрашивать онъ не смѣлъ. Какимъ го-

лосомъ могъ бы онъ задать подобный вопросъ и къ чему прицѣпилъ бы первое слово, чтобы не показаться грубымъ и нескромнымъ. Хотя послѣднее время все казалось ему какъ бы окутаннымъ туманомъ, но здѣсь, нечего дѣлать, ему самому приходилось учиться брести въ туманѣ. Онъ съ наслажденіемъ выказалъ бы ей свою симпатію, поддержалъ бы ее, чтобы она могла выпрямиться, быть веселѣе, вѣдь прежде всего, все зависитъ отъ жизнерадостности и бодрости. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что утрачиваетъ свободу движеній, начинаетъ стѣсняться и что по его тѣлу пробѣгаетъ неравномѣрная теплота. Верена, безшумно подвигаясь въ резиновыхъ калошахъ, была поглощена тѣмъ, чтобы получше подбирать платье и держать зонтикъ. Шла она осторожно, вглядываясь въ неопредѣленный вечерній сумракъ. Погода стояла совершенно сентябрьская. Старая листва шелестѣла, точно по ней проводили невидимой метлой. Уже настало время года, предшествующее зимѣ, когда не слышно болѣе пѣсенъ. Музыкальный залъ наполовину пустовалъ, такъ какъ для городскихъ жителей настоящій сезонъ, сезонъ модныхъ сборищъ еще не наступалъ. Арнольдъ слушалъ звуки, повидимому, не соединенные ни для утѣшенія, ни для мірскихъ горестей. Ему казалось, что передъ нимъ къ самому небу медленно и нѣжно вздымается колонна, а тамъ на верху сверкаютъ рожденныя на землѣ молніи. У него явилось ощущеніе, будто ему кто-то отверзъ два новыхъ уха и онъ прислушивается къ звукамъ и глубочайшимъ разумѣніемъ одобряетъ ихъ. Изъ одного его порывистаго замѣчанія Верена заключила, что онъ не склоненъ къ расплывчатости... Она такъ и ожидала, но ее почти пугало, что въ чужой душѣ она встрѣчаетъ ту же сущность характера, что и у себя, но выраженную въ высшей степени опредѣленно и вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно. До сихъ поръ она чувствовала себя совершенно одинокой свидѣтельницей общей жизни и теперь ей приходилось почти насильно подавлять въ себѣ враждебное чувство къ новому наблюдателю; свободный отъ воспоминаній и какого бы то ни было обмана, онъ также смотрѣлъ на пеструю картину общей жизни лишь со стороны. Припомнила она и свое собственное прошедшее, — какіе-то обрывки, виляющіе теперь передъ нею въ сумракѣ жизни, словно клочья ненужной бумаги. Ей захотѣлось подобрать эти клочки, поднести ихъ къ его глазамъ, чтобы его молчаливая самоувѣренность соскочила съ него! Они уже довольно долго шли по Рингу. Дождь пересталъ, но осеннія испаренія наполняли воздухъ.

— Я голоденъ,—сказалъ Арнольдъ.—А вы?

— И я то же, — отвѣтила Верена, остановилась и посмотрѣла, не идетъ ли конка.

— Зайдемте вонъ въ тотъ ресторанъ? — продолжалъ Арнольдъ, указывая на освѣщенныя окна роскошнаго ресторана. Верена склонила голову на сторону и лукаво улыбнулась.

— Я не милліонерша,—отвѣтила она,—и должна экономить. Кромѣ того, я обѣщала Тецнеру пить чай вмѣстѣ съ нимъ. Пойдемте ко мнѣ.

Молодая дѣвушка ускорила шаги. Съ ея мыслей какъ бы постепенно стала спадать какая-то завѣса и на нее пахнуло юностью и свѣжестью ея провожатаго; она чувствовала то же, что человѣкъ, выходящій весной наружу съ непокрытой головой; передъ собой, на мокрой мостовой, она видѣла длинную тѣнь Арнольда и свою собственную, съ трудомъ подвигающуюся впередъ.

— Пока я живу на деньги Тецнера,—вдругъ вырвалось у нея, къ ея собственному удивленію.

Увидавъ ея грустное лицо и хватающій за душу взглядъ, Арнольдъ опечалился и въ то же время почувствовалъ гнѣвъ противъ того неизвѣстнаго, что враждебно затрогивало Верену. И все-таки ему стоило не малаго труда сдержать въ себѣ какую-то загадочную радость, охватившую его съ ногъ до головы. Верена сдѣлала первый шагъ къ сближенію, хотя онъ и состоялъ только въ упрямомъ признаніи.

— Еще недѣлю тому назадъ я была убѣждена,—продолжала она тѣмъ же ровнымъ голосомъ,—что я ни съ однимъ человѣкомъ больше не въ состояніи быть вполнѣ откровенной. Да и сегодня я сомнѣваюсь еще, смогу ли говорить. Развѣ нужно, чтобы я истекла кровью изъ-за какой-то нравственной причуды? И даже, если это нѣчто большее, такъ неужели же мнѣ погибать?

Она остановилась, судорожно сжала руки и съ горечью и мукой посмотрѣла на землю.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Арнольдъ съ покорностью, удивившей его самого,—вы не должны мнѣ ничего давать и ничего позволять такого, что не доставило бы вамъ самой радости. Если вы почувствуете, что можетъ быть иначе, я уйду отъ васъ, куда велите.

Они стояли въ это время передъ домомъ, въ которомъ жила Верена; послѣ этого неожиданнаго порыва она пытливо и горячо заглянула ему въ глаза.

— Ничто не можетъ согрѣться только отъ солнечнаго свѣта,—сказала она съ неопредѣленно дипломатической и грустной улыбкой.

Швейцаръ сообщилъ имъ, что Тецнеръ ждетъ ихъ наверху. Верена засвѣтила восковую свѣчу и задумчиво пошла впередъ, поднявъ высоко надъ головой руку съ огнемъ, и глубоко и живо чувствуя благодарность за присутствіе Арнольда. Придя наверхъ, она постучала въ дверь; черная широкая шляпа, длинный гладкій плащъ и наклоненная впередъ голова, магически освѣщенная быстро догорающей свѣчой, дѣлали ее похожей на темную волшебницу, принесшую нехорошія вѣсти въ жилище, гдѣ ее не ожидаютъ.

Тецнеръ сидѣлъ передъ спиртовой лампой и кипятилъ воду для чая. Онъ едва отвѣтилъ на привѣтствіе прибывшихъ, и когда чай былъ готовъ, взялъ свою книгу и сѣлъ къ сторонкѣ. Верена разло-

жила на нѣсколько тарелокъ хлѣбъ, масло и холодное мясо, и ужинъ былъ накрытъ. Арнольдъ едва рѣшился дотрогиваться до ѣды—имъ овладѣло чисто ребяческое смущеніе; что-то бурлило и кипѣло внутри его и въ то же время, когда онъ прислушивался къ мимолетнымъ звукамъ и стремился уловить ихъ, въ немъ все какъ-то необыкновенно затихало. Здѣсь, въ тишинѣ комнаты, онъ чувствовалъ себя, точно на башнѣ, высоко приподнятымъ надъ залитой солнцемъ землей и вдали отъ всѣхъ перемѣшивающихся и сливающихся звуковъ. Верена тоже была совершенно новая—покойная, уравновѣшанная, будто отдыхающая въ праздничный день. Точно бѣлый лепестокъ, свѣтился ея низкій лобъ надъ тихими голубыми глазами. Закусывая, она взяла кусокъ мѣла и принялась что-то чертить по столу, причемъ, лукаво улыбаясь, нѣсколько разъ покосилась на Арнольда. Онъ перегнулся черезъ столъ и съ удивленіемъ узналъ свой профиль въ каррикатурномъ видѣ: круглый, выступающій впередъ подбородокъ, чрезвычайно круто загибающійся ко рту и вмѣстѣ съ выпяченными губами образовывающій какъ бы настоящую бухту; греческая, коротенькая верхняя губа, кусочекъ жалкихъ усовъ, длинный прямой и нескромно торчащій въ воздухѣ носъ, а надъ прямымъ лбомъ прилично и гладко зачесанные волосы. Увидавъ это, Арнольдъ, въ свою очередь, взялъ мѣлъ и началъ рисовать шляпу Верены; ея теперь не было у ней, но когда онъ вспоминалъ ея наружность, то она первая вставала въ его памяти. На это трудное дѣло ему понадобилось столько времени, что Верена, развеселившись, хлопнула въ ладоши и воскликнула:

— Видите, даже для этого нуженъ талантъ!

Тецнеръ снялъ очки и положилъ ихъ на раскрытую книгу. Большими, широко раскрытыми глазами онъ посмотрѣлъ въ ихъ сторону и сказалъ съ глубокомысленнымъ и добродушнымъ выраженіемъ:

— Когда я въ первый разъ въ жизни влюбился, то впервые же узналъ, что на свѣтѣ есть истина.

Арнольдъ внимательно приподнялъ голову. Верена наморщила лобъ и стала катать хлѣбные шарики; въ то же время кожа на ея лицѣ начала вибрировать, такъ что Арнольдъ, переведшій взглядъ съ Тецнера на Верену, испугался. Въ это мгновеніе въ его стѣсненномъ сердцѣ пробудилась вся жажда и страсть, на которыя онъ только былъ способенъ. Это испугало его до глубины души—колѣни у него задрожали.

— Но когда я бросаю взглядъ на жизнь вокругъ,—задумчиво продолжалъ болтать Тецнеръ, причемъ его взглядъ мрачно устремился на стѣну,—то вижу все одно и то же заблужденіе: то, чѣмъ человѣкъ обладаетъ и на что имѣетъ право, онъ отшвыриваетъ въ сторону, а другое, что обманчиво блеснетъ ему въ глаза, покупаетъ дорогою цѣною. Любовь здѣсь, любовь тамъ, но гдѣ же тотъ міръ, который распался бы если бы изъ заблужденія въ концѣ концовъ не возникала

истина? Одного только слѣдуетъ опасаться, а именно: дѣлать изъ любви что-то роковое. Не слѣдуетъ быть молотомъ, но не надо превращаться и въ наковальню. Нужно оставаться подобно двумъ потокамъ. Море и то давнымъ давно высохло бы, если бы всѣ маленькіе ручейки не несли своихъ водъ въ одно мѣсто. Ни одному изъ нихъ не приходитъ въ голову отдѣльно образовать свой собственный океанъ.

Прислонившись къ печкѣ, Верена нервно прошептала:

— И къ чему эти безконечныя рѣчи? Я по горло сыта ими. Мнѣ надоѣло знать все, что я чувствую и должна чувствовать.

Тецнеръ прогуливался взадъ и впередъ по комнатѣ и вздыхалъ...

— Вѣрно: пока на землѣ есть супъ и мясо, не слѣдуетъ толковать о любви,—сказалъ онъ, снова впадая въ обычную свою манеру язвить, причемъ побарабанилъ пальцами въ воздухѣ. Потомъ онъ остановился передъ столомъ и, широко разставивъ ноги, уставился на огонь лампы и запѣлъ измѣнившимся, хриплымъ голосомъ народную пѣсенку:

Звенятъ за пирушкой на свадьбѣ стаканы.
Онъ съ жадностью ѣстъ, какъ голодный...
Что съѣсть не успѣетъ, то прячетъ въ карманы...
Бѣдняга учитель народный!..
Когда-жъ его трудъ непосильный раздавитъ,
Во мракѣ поселка глухого
Кто памятникъ тамъ надъ могилой поставитъ
Учителю мысли и слова!..

Затѣмъ онъ накинулъ плащъ, надѣлъ шляпу съ отвислыми полями и, ни съ кѣмъ не прощаясь, удалился. Вскорѣ раздался звукъ захлопываемой имъ двери. Верена стояла около окна, прижавшись лбомъ къ стеклу.

— На дворѣ очень темно,—пробормотала она съ дѣланнымъ равнодушіемъ.

Повернувшись и взглянувъ на Арнольда, она поблѣднѣла. Онъ поднялся къ ней и горячо схватилъ за руки. Она молчала, но дышала такъ тяжело, точно за нею кто-то гнался. Все сильнѣе сжималъ онъ ея руки, точно въ нихъ заключалось все, что онъ хотѣлъ урвать у жизни, и молодая дѣвушка напрасно старалась вырвать ихъ у него.

— Развѣ вы счастливы, Верена?—спросилъ онъ, наконецъ, самымъ задушевнымъ голосомъ съ захватывающей искренностью и готовностью на всякое самопожертвованіе. Ея лицо приняло спокойное какъ у мертвой, холодное и замкнутое выраженіе, тогда онъ выпустилъ ее. Когда она сѣла къ столу и положила голову на руки, Арнольдъ не зналъ что ему дѣлать; онъ былъ потрясенъ, какъ никогда, оскорбленъ и напуганъ. И въ то же время въ его воображеніи проносились ни съ чѣмъ несообразныя смѣшныя картины, какъ, напр., извозчикъ, съ пѣсней подгоняющій пару лошадей. Ему казалось, что вокругъ него не дѣйствительность, а когда закрывалъ глаза, чудилось, что онъ летитъ куда-то внизъ.

— Сегодня вы должны уйти, Арнольдъ, — неожиданно, но очень мягко сказала Верена,—но мы будемъ видаться каждый день.

Онъ безпрекословно покорился; она взяла лампу и стала свѣтить ему въ темныхъ сѣняхъ, а затѣмъ, далеко перегнувшись черезъ перила и твердо держа ее въ рукахъ, свѣтила, пока онъ не дошелъ до самаго низу. Тамъ онъ еще разъ остановился и уже въ полномъ сознаніи дѣйствительности еще разъ посмотрѣлъ наверхъ, также какъ раньше продѣлывалъ это мысленно. Ихъ глаза встрѣтились; раздѣленные лишь незначительнымъ разстояніемъ они привѣтствовали другъ друга, но безъ обѣщаній, безъ желаній, безъ увѣренности.

43.

Теперь въ глазахъ Арнольда время пріобрѣло иное значеніе, день иные звуки, свѣтъ—иные лучи. Вся прошедшая жизнь представлялась ему какъ одинъ шагъ отъ ничего къ иному міру, полному чудесъ, и гдѣ царили душевный покой и равновѣсіе. Ему казалось, что лишь теперь онъ сталъ видѣть; его собственный внутренній міръ сдѣлался ему ближе и казался содержательнѣе. Не было такого мимолетнаго мгновенія, въ которое хоть единая мысль не додумалась бы имъ до конца; изъ сумбура движущихся вокругъ образовъ всплывала не одна интересная личность, еще наканунѣ казавшаяся ему безцвѣтной и пустой и, благодаря его собственному равнодушію, расплывалась въ ничто. Всѣ свои душевныя силы онъ направлялъ на работу, но онѣ отъ этого точно увеличивались во много разъ и ихъ хватало и на то, чтобы временами всецѣло отдаваться своимъ мечтамъ. Ничто не распускалось отъ безсилія, ни одинъ порывъ не ослабѣвалъ и что бы онъ ни предпринималъ, все было окрашено очарованіемъ всеобщей любви и стремленіемъ къ лучшему. Всякія трудности сглаживались подъ напоромъ благопріятныхъ условій, всякія опасности, показывавшіяся на горизонтѣ, уже издали боязливо и торопливо погружались въ бездну счастья. Окружающіе часто съ удивленіемъ поглядывали на него — Анна Барромео, дядя, Вольмутъ, лакей. Было похоже, что невидимые воздушные духи собрали всѣ припрятанные для своихъ любимцевъ дары, чтобы хлопотливо наградить ими Арнольда.

Вечера онъ проводилъ съ Вереной. Они встрѣчались ежедневно и, если дозволяла погода, цѣлыми часами прогуливались по улицамъ, или же проводили время у нея въ комнатѣ, или въ какомъ-нибудь ресторанчикѣ форштадта. Гдѣ они встрѣтятся и сколько времени проведутъ вмѣстѣ—назначала Верена. Она удивлялась, какъ онъ, подъ вліяніемъ ея взгляда, дыханія или неуловимаго настроенія, дѣлался мягче, теплѣе, впечатлительнѣе; какъ онъ весь содрогался отъ чуть-чуть шевельнувшейся въ ней мысли, со страхомъ направленной на будущее. Мало-помалу ее стало даже безпокоить все это. Она боялась за него, потому

что чѣмъ острѣе лезвіе, тѣмъ глубже порѣзъ, думала она. Она боялась также и за себя; нельзя завоевать безъ труда подобнаго человѣка, думала она; мучилась сомнѣніемъ, можетъ ли такая ясная и кипучая натура, какъ его, слиться съ ея, измученной и надломленной? Она стала осторожной, копалась въ своей душѣ, чтобы получить, по крайней мѣрѣ, хоть нѣкоторое удовлетвореніе въ познаніи себя самой, но скоро должна была признать, что въ его бурныхъ чувствахъ горитъ болѣе возвышенный свѣтъ, безсознательно для него самого на много превышающій ея душевныя силы. Она всячески стремилась уйти отъ него, но это вело лишь къ тому, что все сильнѣе и горячѣе ощущала вліяніе его близости. Видя, что теряетъ силы, она перестала бороться. Но въ то же время, замѣтя, что ей стоитъ лишь поднять руку, чтобы господствовать, она такъ и сдѣлала, хотя движеніе вышло безжизненнымъ.

Глаза ея были какъ бы закрыты, но сердце отверсто. Ихъ разговоры равномѣрно и интересно заполняли и глубины, и плоскости совмѣстнаго пребыванія. Верена всегда выжидала, что отъ нея потребуютъ, и такъ какъ это было весьма немного, то смѣло могла выказывать великодушіе; чтобы одаривать, ей приходилось превосходить лишь скромныя желанія.

Арнольда все болѣе и болѣе поражала бѣдность ея жизни; его огорчало и обижало, что между его и ея положеніемъ была громадная разница. Однажды онъ пришелъ къ ней. Тецнеръ, сгорбленный и съ опущенной головой стоялъ вблизи дверей. Когда Арнольдъ, поздоровавшись съ Вереной, повернулся къ нему, его уже не было. Верена была молчалива и задумчива. Лишь вечеромъ она сказала:

— Теперь рѣшено, я буду стоять на собственныхъ ногахъ. Пусть будетъ, что будетъ, но я не могу накапливать долгъ, который можетъ быть, никогда не буду въ состояніи выплатить.

Только послѣ старательнаго обдумыванія понялъ Арнольдъ объ чемъ идетъ рѣчь.

— Чѣмъ же вы хотите жить?—спросилъ онъ; послѣднія слова онъ произнесъ съ трудомъ, точно ихъ громадное значеніе только что выяснилось ему. Она пожала плечами.

— Умираютъ съ голоду только благодаря собственному неумѣнію,— отвѣтила она, отвернулась, улыбаясь, вздохнула и по своему, какъ-то чувственно-устало вытянула руки. Буду давать уроки, возьму переписку, стану рубить дрова, что придется. Впрочемъ, я вѣдь не совсѣмъ еще нищая.

Слѣдующіе дни Арнольдъ чувствовалъ себя огорченнымъ и страшно мучился: онъ вдругъ сталъ презирать блескъ, богатство, все разукрашенное; онъ самъ съ своей беззаботностью и сытостью казался себѣ достойнымъ крайняго осужденія. Но въ одно прекрасное утро онъ проснулся съ чувствомъ блаженства отъ принятаго рѣшенія,

осѣнившаго его точно молнія. Торопливо одѣвшись и оставивъ Вольмуту записку, онъ отправился къ Веренѣ. Ея не было дома; прогуливаясь взадъ и впередъ по улицѣ онъ прождалъ ее полтора часа.

«Вотъ такъ ранняя птичка», подумалъ онъ въ приливѣ нѣжности и ощутилъ лишь опьяненіе своей счастливой выдумкой. Она пришла, свѣтлая, какъ утро и радостно взволнованная при видѣ его. Мягкія черты лица и плотная фигура такъ полно и привлекательно отражали и ея дѣятельную натуру, и ея благоразуміе, какъ никогда. Арнольдъ сейчасъ же заговорилъ.

— Я оселъ, Верена, и вы должны быть очень плохого мнѣнія обо мнѣ; у меня цѣлый мѣшокъ золота, и если я въ немъ прорѣжу хоть крохотную дырочку, оно разсыпется по мостовой. Вамъ стоитъ только взять его, Верена, даже не брать, а лишь наступить на него и оно ваше.

Гордо и холодно посмотрѣла на него Верена. Потомъ истерически расхохоталась.

— Это значило бы промѣнять кукушку на ястреба,—рѣзко проговорила она и бросила его одного передъ домомъ.

Не будучи въ силахъ послѣдовать за нею, Арнольдъ, точно его прибили, остановился на порогѣ. Наконецъ, онъ медленно, крадущейся походкой отправился домой, гдѣ засталъ поджидавшаго его Вольмута. Тотъ, какъ всегда, былъ въ невозмутимомъ настроеніи духа, какъ и подобаетъ умному учителю. Но смущенный ученикъ какъ-то разсѣянно относился ко всему настоящему. Вечеромъ Арнольдъ получилъ странное письмо отъ Верены. Какъ бы, помимо воли, стремясь найти въ немъ поддержку, она раскрывала передъ нимъ свои глухія страданія и указывала на тѣни, бросаемыя на ея жизнь невидимыми для него предметами. Въ первый разъ она изливалась въ чисто женскихъ жалобахъ, и онъ свободно вздохнулъ, утѣшился и сталъ смотрѣть на безжизненную бумагу какъ на близкаго друга; въ ней увидалъ онъ якорь, способный удержать ладью его чувства, безпрерывно плавающую то взадъ, то впередъ у твердаго берега.

Съ этого времени онъ сталъ тратить массу денегъ на благотворительныя цѣли. Имъ руководилъ и, можно сказать, почти внушалъ и подталкивалъ его на это Вольмутъ, хорошо знавшій и умѣвшій придумать, гдѣ и какимъ способомъ можно принести пользу. Передъ Арнольдомъ неожиданно открывались новые пути, завязывались сотни новыхъ отношеній. Быстро распространяющаяся молва донесла его имя, имя помощника въ бѣдѣ, въ самые темные закоулки, населенные обдѣленными людьми. Вскорѣ передняя Арнольда ежедневно стала наполняться самой разношерстной толпой; женщины и старики, юноши, отцы семействъ, дѣти, больные, предсѣдатели разныхъ обществъ, коллекціонеры, разорившіеся купцы и ремесленники, актеры безъ средствъ, чиновники, дворяне, рабочіе, всѣ выжидали свои четверть часа и ухо-

дили удовлѣтворенными или разочарованными. Дошло до того, что къ нему являлись люди, вовсе не желавшіе получить денегъ, а лишь за совѣтомъ въ какомъ-нибудь затруднительномъ жизненномъ положеніи, напр., при наступившихъ осложненіяхъ по службѣ, по семейнымъ дѣламъ, по дѣламъ наслѣдства или даже по вопросамъ своей дѣятельности и своего общественнаго положенія. Часто приходилось смѣяться, но часто и глубоко заглядывать въ странную жизнь людей и сложный механизмъ ихъ обязанностей и предразсудковъ; множество скрытыхъ страданій вызывались половыми заблужденіями. И подобно тому, какъ у смертельно раненаго животнаго, когда у него кусками отпадаетъ помертвѣвшая кожа, выступаютъ наружу всѣ мускулы, подергиваемые судоргами, такъ и передъ глазами Арнольда раскрылось во всей наготѣ содрогающееся тѣло его родины и общества. Нетерпимость и произволъ, хладнокровное потворство и безправіе, безпощадныя интриги—вотъ изъ какихъ ранъ вытекали жизненные соки государства. Но Арнольдъ вовсе не такъ сильно страдалъ отъ этого, какъ хотѣлъ увѣрить себя; не разъ, когда ему случалось призывать къ отвѣту свою совѣсть, онъ задавалъ себѣ вопросъ: можно ли назвать честнымъ отношеніе между испытываемыми страданіями и созерцаніемъ ихъ? Казалось, что страсть окружила его рѣшеткой. Онъ видѣлъ, какъ летали стрѣлы и падали раненые, а самъ чувствовалъ сладкую дерзкую увѣренность въ своемъ счастьѣ... И въ то время, какъ, повидимому, въ немъ еще продолжалась борьба, онъ на самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе погружался въ личную жизнь и горячій туманъ своихъ чувствъ.

Вольмутъ, какъ безкорыстный и ловкій министръ, относился къ каждому отдѣльному случаю съ сухой дѣловитостью: онъ внимательно распутывалъ сѣть мелкихъ дѣлъ и все время стоялъ на стражѣ, можетъ быть, даже сознательно подготовляясь къ большей роли, которую надѣялся играть впослѣдствіи на сценѣ жизни. Не обладая фантазіей, но увѣренный въ своей дорогѣ, онъ относился съ пренебреженіемъ ко всякому требованію удовольствій. У него Арнольдъ научился ограничиваться самымъ простымъ и цѣлесообразнымъ и избѣгать всего раздутаго и излишняго. Обстановку онъ завелъ себѣ самую простую и такъ боязливо экономилъ на всемъ, что сдѣлался предметомъ насмѣшекъ окружающихъ его людей.

Чѣмъ болѣе онъ предавался спокойной дѣятельности и обдуманно распредѣлялъ и управлялъ своимъ временемъ, тѣмъ менѣе становились для него понятными наблюдатели жизни и люди усталые, стоящіе поодаль отъ нея. Онъ находился какъ бы въ полуснѣ; чудныя картины окружали его и навѣвали грезы.

Наступила суровая зима; раннимъ утромъ выпалъ снѣгъ. Арнольдъ въ сумерки сидѣлъ за книгой и какое-то скрытое, хотя уже вошедшее въ привычку волненіе не давало ему вникнуть въ смыслъ словъ. Онъ не могъ отогнать отъ себя ни одного изъ тѣхъ представленій,

которыя во снѣ и на яву связывали его съ Вереной. Вовсе не раздумывая о любви и не связывая своихъ опущеній съ какой-нибудь опредѣленной картиной, онъ, совсѣмъ неожиданно для себя, пересталъ думать о себѣ какъ объ одномъ лицѣ, а какъ бы раздвоился. Свѣтлая струя страсти смела всю пыль съ его жизни, и если слѣпое желаніе по временамъ еще вспыхивало въ немъ какъ неугасимый пламень, то всетаки образъ Верены авторитетно охранялъ и предостерегалъ отъ него.

Долго онъ просидѣлъ въ угнетенномъ раздумьѣ, потомъ быстро принялъ рѣшеніе и отправился къ Веренѣ. Она была дома.

— Почему въ такой поздній часъ?—спросила она пѣвучимъ голосомъ и снова подсѣла къ лампѣ, при свѣтѣ которой работала.

— Такъ, Верена,—пробормоталъ онъ и смущенно вздохнулъ.

Наступило до странности продолжительное молчаніе. Ихъ взгляды встрѣтились — они искали другъ друга. Кроткое и доброе выраженіе лица Верены измѣнилось отъ грустнаго предчувствія. Испуганно опустила она глаза; глубокая деликатность заставляла молчать Арнольда; онъ улыбался, точно въ лихорадкѣ. Каждое подергиваніе вѣкъ, каждое движеніе пальцевъ было преисполнено желанія. Вся жизнь, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя сконцентрировалась въ одномъ желаніи, быстро заполнявшимъ, казалось, всю комнату таинственнымъ шумомъ. Онъ протянулъ руки, подошелъ къ Веренѣ, схватилъ ея голову и съ неимовѣрной силой притянулъ къ себѣ. Пальцы его запутались въ ея волосахъ и касались холодноватой кожи головы. Съ расширенными глазами смотрѣла Верена въ его лицо, выражавшее необузданность и въ то же время какое-то дикое спокойствіе, показавшіяся ей чѣмъ то вродѣ застывшей бури. То же застывшее выраженіе было на лбу, а надъ жадно изогнутыми бровями показались двѣ глубокія параллельныя складки. Сквозь стиснутыя зубы Верены вырвался тихій крикъ. Одной рукой она уперлась ему въ грудь и толкала отъ себя, другой безсильно обхватила шею. Внутренно она дивилась его силѣ; ее парализовала усталость; ротъ принялъ молящее выраженіе, вѣки медленно закрылись. Замѣтивъ это Арнольдъ осторожно выпустилъ ее изъ рукъ. Она прислонилась къ стѣнѣ и бросила на него покорный, но полный горечи взглядъ. Арнольдъ смотрѣлъ на свѣтящійся бѣлымъ свѣтомъ абажуръ лампы и молчалъ. Потомъ Верена принялась ходить взадъ и впередъ вдоль все одной и той же стѣны; казалось, что она то преслѣдуетъ свою тѣнь, то бѣжитъ отъ нея. Вдругъ она остановилась и проговорила:

— Выслушайте меня, Арнольдъ, я вамъ разскажу, что мнѣ пришлось пережить.

Она обѣими руками стала поправлять волосы и въ ея движеніи сквозили опять-таки утомленіе и задумчивость.

— Необыкновеннаго нѣтъ ничего; съ большинствомъ бываетъ го-

раздо хуже; но вы должны все знать, чтобы ничто во мнѣ не возбуждало въ васъ ненужныхъ сомнѣній.

Она стала разсказывать. Съ воспоминаніями ранняго дѣтства у нея, какъ и у большинства людей, связывалось чувство навсегда утраченнаго, безграничнаго счастья. Ясно возстановить въ своей памяти хоть одну картину — она не могла, ни одно представленіе изъ того времени не принимало реальной формы. И лишь тотъ день, когда она попала въ имѣніе одной своей родственницы, жившей гдѣ-то очень далеко, окружающее стало яснѣе выступать изъ-за ея ребяческихъ грезъ и тумана дѣтства. Ей минуло семь лѣтъ, и ея умъ, разъ уже пробуженный, тотчасъ же обнаружилъ и остроту и холодность ея дѣтства. Она узнала, что полуглухая тетка вызвалась взять ее на воспитаніе, и родители съ радостью приняли это предложеніе, такъ какъ были очень бѣдны. Всѣ ея мысли и помыслы съ тѣхъ поръ были направлены на обожаемыя личности матери и отца. Въ одинъ прекрасный день она написала отцу дѣтски-серьезное письмо, въ которомъ говорила о своей заброшенности и воркотнѣ тетки, безпрестанно занятой чаепитіемъ. Посланіе попало въ руки старухи, она позвала дѣвочку къ себѣ и не говоря худого слова, дважды сильно ударила по щекѣ. Верена, не умѣвшая объяснить себѣ подобнаго обращенія, замкнулась въ самое себя и стала ея сторониться. Время текло. Простая и однообразная деревенская жизнь выработала въ ней необыкновенную глубину и спокойствіе, такъ ярко характеризующія ее и теперь. Учителямъ было не трудно учить ее, но очень трудно удовлетворить ея жажду знанія. Она никогда не довольствовалась видимой стороной вещей, никогда не довѣряла формулѣ, и ея дѣятельный и пытливый умъ всегда жаждалъ узнать и понять всѣ внутреннія пружины, отыскать движеніе за видимой неподвижностью и корень всего, что росло. Такъ какъ ея внѣшняя жизнь протекла въ узкомъ и замкнутомъ кругу, то мысли ея стремились въ широкую даль; и такъ какъ ей приходилось ежедневно подчиняться, то ей хотѣлось пріобрѣсти господство въ такой области, куда окружающіе ее обыкновенные люди не могли бы послѣдовать за нею. Уже въ пятнадцать лѣтъ въ ея образѣ мыслей и сужденіяхъ проглядывала такая увѣренность, зрѣлость и самостоятельность, которыя могли смутить всякаго, не относящагося къ жизни столь же серьезно какъ и она. При этомъ она сохранила еще непонятную чистоту сердца, а можетъ быть и пріобрѣла ее, такъ какъ что ни говори, а въ концѣ концовъ только мысль можетъ обуздать волненіе крови. Родители все еще продолжали быть для нея образцами совершенствъ; она не замѣчала разныхъ намековъ и исключительно въ данномъ случаѣ цѣлыми годами довольствовалась плодами своей фантазіи и обманчивыми воспоминаніями дѣтства, даже не провѣряя бросающейся въ глаза дѣйствительности. Письма, что писала она имъ, были нѣжны и наполнены сердечными

изліяніями, а тѣ, что она получала отъ нихъ, коротки, холодны и написаны наскоро.

Четыре мѣсяца спустя послѣ того, какъ Веренѣ минуло шестнадцать лѣтъ, умерла старуха-помѣщица. Верена написала домой. Отецъ отвѣтилъ, что важныя дѣла мѣшаютъ ему пріѣхать за ней, но вмѣсто себя онъ присылаетъ вѣрнаго и испытаннаго друга. Верена смутилась: ей показалось это непонятнымъ; небрежный и напыщенный слогъ бросился ей въ глаза но она не хотѣла думать; какъ ни было это неудобно и странно, но пришлось довѣриться чужому человѣку, пріѣхавшему за нею три дня спустя. Его звали Тецнеръ; нѣмецъ по происхожденію, онъ производилъ впечатлѣніе тяжелаго, скучнаго и спокойнаго человѣка. Впродолженіи довольно долгаго переѣзда въ экипажѣ на ближайшую желѣзнодорожную станцію, онъ все время молчалъ; его глаза повидимому мрачно созерцали что-то утраченное имъ въ жизни. Позднѣе онъ весьма внимательно отнесся къ ней даже сдѣлалъ нѣсколько обсненій на счетъ своихъ отношеній къ родителямъ Верены. Когда они приближались уже къ цѣли своей поѣздки, молодая дѣвушка не могла совладать со своимъ волненіемъ и несмотря на присутствіе Тецнера, разразилась слезами. По пріѣздѣ оказалось, что госпожа Велоцина, мать Верены, въ гостяхъ, а Петръ Сергѣевичъ, отецъ, въ клубѣ: Удивленная и смущенная бродила Верена по комнатамъ; безпорядокъ, царившій въ нихъ, убожество и негодность опечалили ее еще болѣе нежели несбывшіяся радостныя ожиданія. Къ десяти вечера, вернулась мать. Дрожащая отъ волненія Верена, встрѣтила ее на порогѣ. Шурша шолкомъ и распространяя вокругъ себя запахъ мускуса, она подошла къ дочери и съ приторно-сладкой улыбкой поцѣловала ее въ лобъ. Толстое лицо было накрашено, въ ушахъ болтались фальшивые бриліанты; Верену она сейчасъ же послала спать. Отца молодая дѣвушка увидѣла лишь на слѣдующій день.

Натуру Верены можно было сравнить съ кипящею въ котлѣ водою, которая то поднимается, то опускается, но никогда не переходитъ черезъ край; зато внутри своего котла она иногда доходитъ до сильнѣйшаго клокотанья. Страдать какъ страдаютъ женщины, она не была способна, и еще усиливала свое горе тѣмъ, что постоянно строго наблюдала за всѣмъ происходящимъ кругомъ. Довольно скоро она поняла, что живетъ въ одной изъ тѣхъ обнищавшихъ дворянскихъ семей, слишкомъ гордыхъ и слишкомъ глупыхъ, чтобы работать; они съ трудомъ прикрываютъ свои прорѣхи, кое-какъ собранными остатками прошлаго величія. Родители Верены были кругомъ въ долгахъ; мебель была заложена, портной и хозяинъ колоніальной лавки съ ругательствомъ ежедневно требовали денегъ. Всѣ чудесныя видѣнія дѣтства разлетѣлись передъ Вереной, словно цвѣты въ бурю; она убѣдилась, что отецъ ея распутникъ, пьяница, игрокъ и развратникъ; какъ палка, плавающая по поверхности воды, не вѣдаетъ ея глубины такъ и онъ скользилъ лишь по поверхности жизни. Красивая супруга награждала

его жалкими карманными деньгами, чтобы онъ могъ жить «прилично», а сама переживала пеструю осень любви въ объятіяхъ богатыхъ виверовъ. Узнавъ все это, Верена не могла ни читать, ни думать; она потеряла всякую власть надъ собой и ея сердце точно окаменѣло. Она уже болѣе не распредѣляла своего времени и жизнь ея была похожа на дымъ, колеблемый вѣтромъ, и казалась ей безконечной потому что она влачила ее, стараясь не думать отъ горя. Тепнеръ, богатство котораго весьма соблазняло Петра Сергѣевича, когда-то раньше видѣлъ карточку Верены, присланную ею родителямъ изъ деревни и высказалъ имъ тогда свое восхищеніе. Ему намекнули, что онъ можетъ обладать красивой дѣвушкой и такъ съумѣли обставить дѣло, что онъ чистыми деньгами оплачивалъ подаваемыя надежды. Онъ позволилъ уговорить себя поѣхать за Вереной подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ, но при видѣ ея, почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ отъ стыда. Почти на глазахъ у нея онъ переродился— лучшая сторона его природы взяла верхъ. Молча наблюдалъ онъ какъ она жила, точно за бронзовой оградой, день за днемъ, вела жизнь безъ всякаго внутренняго содержанія. Постепенно онъ до того измѣнился, что потребовалъ у себя самого отчетъ и по достоинству оцѣнилъ свои прежнія поступки. Иногда между нимъ и Вереной завязывался разговоръ, въ которомъ, несмотря на силу и тонкость его ума, проскальзывало съ его стороны что-то въ родѣ просьбы о прощеніи и едва уловимыя обѣщанія, заставлявшія Верену призадумываться. Но впереди ее ожидалъ цѣлый рядъ мѣсяцевъ еще болѣе мрачной жизни. Родители рѣшили выдать ее замужъ; съ этою цѣлью они приглашали и заманивали къ себѣ богатыхъ стариковъ.

Но сумрачность и тяжеловатыя, сдержанныя манеры дѣвушки отнимали у нихъ всякую рѣшимость. Тогда отецъ сталъ грозить и ругаться а госпожа Велоцина притворно продѣлывала разныя истерики и спазмы, а потомъ попрежнему, шурша шелковыми юбками, отправлялась на поиски приключеній. Она стала приводить въ домъ молодыхъ людей изъ общества и надѣялась возбудить заглохшую чувственность молодой дѣвушки самыми двусмысленными увеселеніями.

Верена почувствовала сильное отвращеніе ко всѣмъ приближавшимся къ ней мужчинамъ и подвергала ихъ самому пренебрежительному и уничтожающему разбору.

Ничто въ нихъ не могло ускользнуть отъ ея наблюдательности и никто изъ нихъ не могъ съ успѣхомъ выдержать ея проницательной критики и унижался тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе чувствовалъ себя отвергнутымъ. Ея предубѣжденіе упрочилось и превратилось въ принципъ. Болѣе того, каждое прикосновеніе, каждое слово, каждое движеніе, лишь отпугивало ее. Чувственная борьба половъ не только не возбуждала въ ней любопытства, но возмущала ее и казалась непонятной. Она считала ее грѣхомъ, не въ библейскомъ смыслѣ слова, а въ духовномъ; видѣла въ ней только отрицаніе и загрязненіе честной сим-

патіи, которая могла бы возникнуть между людьми. И хотя и разсудокъ, и пониманіе, заставляли ее признавать могучій и безпощадный законъ природы, но ненависть, накопившаяся горечь и выработавшееся въ характеръ отсутствіе мягкости, давали ей силы не преклоняться передъ ними. Въ концѣ концовъ она стала обсуждать всѣ эти вопросы такъ холодно, дѣловито, съ чисто научной точки зрѣнія, что ея разговоры съ Тецнеромъ большею частью касались именно этой темы и она, хотя очень рѣдко, но единственно къ нему, чувствовала что-то въ родѣ дружескаго расположенія. Онъ чувствовалъ то же, что и она, и признавалъ ее во всемъ правой. Онъ охотно подчинялся ея взглядамъ и все болѣе и болѣе подавлялъ въ себѣ страсть.

Онъ долгое время служилъ единственнымъ дружескимъ звеномъ между Вереной и окружающимъ міромъ. Но однажды случилось слѣдующее:

Петръ Велоцинъ вернулся домой поздно ночью и Верена встрѣтилась съ нимъ въ темнотѣ. Услыхавъ его безсвязное бормотанье она остановилась, охваченная испугомъ и отвращеніемъ. Отецъ плохо повинующейся рукой зажегъ восковой огарокъ и при его свѣтѣ тупо и жадно впился въ поблѣднѣвшее лицо дочери. Потомъ сталъ что-то лепетать и, шаркая, подошелъ къ ней, обнялъ, поцѣловалъ, потомъ обнялъ еще крѣпче и пробормоталъ самое безумное требованіе. Тогда Верена съ громкимъ крикомъ, собравъ всѣ силы, вырвалась. Убѣжавъ изъ дому она долго бродила по улицамъ и не знала, что дѣлать; думала было покончить собою. Но такая сложная, честная и въ высшемъ значеніи словъ, религіозная натура, какъ ея, не способна была рѣшиться на это. Нужно было, чтобы она не только испытала ужасное и внезапное потрясеніе, но была бы безусловно одинокой. Потрясеніе вызвало бы такой поступокъ, а одиночество заставило бы соединить всѣ жизненныя нити въ одинъ, послѣдній узелъ. Верена могла лишь остановиться на промежуточныхъ рѣшеніяхъ.

Ей пришелъ въ голову Тецнеръ. Случайно она знала его квартиру и поспѣшила туда; было уже около часу ночи; его не было дома; она стала его ждать. Тецнеръ, вернувшись былъ пораженъ и заботливо провелъ ее въ свою комнату. Въ то время какъ онъ еще со шляпой на головѣ зажигалъ лампу, Верена уже успѣла сбросить съ себя шаль и такъ близко подошла къ нему, что онъ даже не могъ видѣть заразъ всего ея лица. Онъ задрожалъ и отступилъ, а молодая дѣвушка съ изсиня-блѣднымъ лицомъ и влажными глазами схватила его за руки и прошептала голосомъ, въ которомъ слышалось и что-то дикое и что-то молящее.

— Увезите меня, возьмите меня отсюда, увезите въ другую страну.

Тецнеръ отгадалъ. То, чего не произносили ея губы, становилось яснымъ изъ ея поступковъ. Ея слова показали ему до какого сердечнаго опустошенія она дошла. Съ этого момента, благодаря ей, онъ

самъ сталъ нравственно выростать. Ее онъ увѣрялъ, что стоило ему узнать Верену, чтобы стать достойнымъ ея. Чистымъ нравственно и безъ желаній жилъ онъ около нея, болѣе, чѣмъ старикъ-покровитель, менѣе нежели другъ.

Онъ увезъ ее, они почти бѣжали — въ Цюрихъ. Ея грудь, впродолженіи послѣднихъ лѣтъ точно окамѣнѣвшая, теперь, подъ вліяніемъ свободнаго, стремящагося къ одной съ нею цѣли, общества, глубоко вздохнула. Она не сразу почувствовала приливъ энергіи и силу воли, но то и другое медленно, но постоянно прибывали въ ней. Въ пылу загорѣвшейся потребности познанія истины, она сначала рѣшила изучать математику и философію, но послѣ короткаго колебанія, остановилась на медицинѣ. Чтобы навсегда покончить съ своимъ прошедшимъ, она приняла имя Гофманъ, затѣмъ въ поразительно короткій срокъ сдала необходимые экзамены и вскорѣ уже ничто кромѣ научныхъ занятій, не пополняло ея внутренняго міра. У нея не было никакихъ средствъ, а отъ Тецнера, съ восторгомъ озолотившаго бы ее, она принимала въ видѣ ссуды ровно столько, сколько нужно было, чтобы не умереть съ голода. Ея бѣдная и до чрезвычайности экономная жизнь была единственнымъ пунктомъ, вызывавшемъ иногда между ними разногласіе.

Таково было содержаніе разсказа Верены.—Сегодня вы пришли ко мнѣ не такимъ, какъ всегда, Арнольдъ, — сказала она въ концѣ.—Я понимаю это. Можетъ быть, вы также уйдете инымъ. Не подумайте только, что естественное кажется мнѣ неестественнымъ, или что я стыжусь быть женщиной и поступать, какъ женщина. Но пусть наши отношенія останутся чистыми; не нарушайте того, чего потомъ уже никогда болѣе нельзя будетъ возобновить. Положимъ, что вмѣсто прежняго возникло бы что-либо даже болѣе прекрасное, но оно все-таки продолжалось бы не долго.

Спокойное, умное лицо Арнольда съ перваго момента до послѣдняго было обращено прямо къ Веренѣ.

Подъ вліяніемъ ея необыкновенно-ласковаго голоса и неподвижности лица; у него явилось желаніе, чтобы ея страданія заполняли бы и его.

— А почему бы новымъ отношеніямъ не быть продолжительными, Верена?—спросилъ онъ наконецъ съ нѣкоторой досадой. — И то, что вы зовете чистотой, не есть ли это только страхъ?

Верена пожала плечами. Она до тѣхъ поръ смотрѣла ему прямо въ глаза, пока наконецъ, его взглядъ, точно покоренный, не опустился къ землѣ.

— Возможно,—отвѣтила она, выпрямляясь во весь ростъ и наклоняя нѣсколько впередъ плечи.— Возможно. Да и больше я ничего не стану говорить, а лишь напомню вамъ ваши же слова: «вы не должны ничего давать мнѣ, Верена, кромѣ того, что можетъ доставить вамъ

самимъ радость. Я уйду отъ васъ, куда прикажете, если вамъ покажется, что можетъ быть иначе». Развѣ вы не говорили этого?

Арнольду нечего было отвѣтить. Молодая дѣвушка пріотворила печную дверцу и стала грѣть руки передъ огнемъ.

— А объ радости,—продолжала она,—нечего и думать. Этого никогда не будетъ, никогда—съ моего согласія.

Весь съежившись и перегнувшись впередъ, Арнольдъ сжалъ голову руками. Звукъ голоса Верены болѣе чѣмъ когда-либо восторгалъ его; онъ почти не слыхалъ, что она говоритъ, и вдругъ улыбнулся. Верена, замѣтивъ это, испугалась. Она почувствовала приливъ необыкновенной слабости, и лицо ея, освѣщенное лампой, покрылось рѣзкими, темными тѣнями; овалъ его вытянулся, напряженная кожа на шеѣ выдавала лихорадочное волненіе крови.

— И что выиграли бы вы, взявъ мое тѣло и обладая имъ точно оболочкою меня самой? — сказала она, и звукъ ея словъ проникалъ въ душу.—Душу же мою вы утратили бы.

— Но это болѣзненно,—помимо воли, нѣсколько бурно вырвалось у Арнольда. — Это похоже на то, какъ если бы человѣкъ никогда не вкушавшій яблока, думалъ, что всѣ они отравлены; и только потому, что отравлено его мнѣніе о нихъ.

— Подобныя сравненія всегда немного сбиваютъ съ толку,—сказала Верена, — особенно тѣхъ, кто ихъ дѣлаетъ. Это не честно, Арнольдъ, я не знаю, что мнѣ отвѣтить вамъ, потому что вѣдь я то жила своею жизнью, а не вашей.

Быстро и просительно протянулъ ей Арнольдъ руку. Она подала ему свою, думая, что принимаетъ отъ него обѣщаніе.

Успокоенный и пристыженный Арнольдъ почувствовалъ все очарованіе ея. Онъ сравнивалъ ясность ея души съ самимъ небомъ, скрывающимъ множество темныхъ звѣздныхъ тайнъ. Вдругъ ея присутствіе смутило его и онъ со страхомъ почувствовалъ, что дикія желанія лишь на время улеглись въ немъ. Они вышли вмѣстѣ. Безпокойство окутывало его лобъ, затемняло память... На лѣстницѣ онъ жадно прислушивался къ шуму ея шаговъ, и его мечты словно ящерицы, ползли по ея стопамъ!.. Воображеніе его воровски, несмѣло разыгрывалось... Точно ища въ ней защиты, онъ схватилъ руку Верены и тутъ замѣтилъ, что и она искала его руки. На одну секунду она пріостановилась, осторожно прислонила голову къ его плечу и прямо и твердо посмотрѣла на его губы; потомъ вздохнула, отвернулась и быстро пошла впередъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ЕЛИЗАВЕТЫ БРОУНИНГЪ.

1) Даль.

Подобье мы дѣтей, когда они, вздыхая,
Капризно лбомъ прильнувъ къ поверхности стекла,
Туманятъ гладь его, которая свѣтла,
Даль неба и полей отъ взора закрывая...

—

Съ тѣхъ поръ, какъ Промысломъ разлучена была
Съ душою скорбною за гробомъ жизнь другая—
Межъ ней и взорами, преграду воздвигая.
Мѣшаетъ въ даль смотрѣть печали нашей мгла.

—

О, братъ! О, человѣкъ! Сдержи свои рыданья,
Будь мужественъ, молчи. Души твоей стекло
Пусть дуновеніемъ не отуманитъ зло,
Чтобъ взоромъ яснымъ ты въ концѣ существованья
Могъ видѣть издали, когда блеснутъ они:
Предсмертныхъ факеловъ священные огни.

2) Горецъ и поэтъ.

Случается порой: пастухъ простой
Межъ Альпами и небомъ средь тумана,
Увидѣвъ тѣнь свою надъ высотой,
Похожую на образъ великана,
Не возгордясь и чуждъ самообмана,
Еще сильнѣй сжимаетъ посохъ свой,
Межъ тѣмъ, какъ высь главою снѣговой,
Сапфировой короной осіяна—
Вздымается предъ нимъ. Ты, къ высотѣ
Стремящійся поэтъ, познай смиренно:
Не ты великъ—міръ Божій, постепенно
Во всей его могучей красотѣ
Открывшійся тебѣ для постиженья,
И ты—его же славы отраженье.

О. Чюмина.

ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ.

Романъ

Изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока.

(*Продолженіе* *).

IV.

Солнце было уже низко надъ горизонтомъ, когда стойбище всадниковъ зачернѣло на снѣгу. Они, повидимому, окончили торгъ и собирались кочевать. Всѣ олени были собраны, и ни одна палатка не стояла на мѣстѣ. Но приблизившись, развѣдчики замѣтили, что на стойбищѣ, дѣйствительно, происходитъ что-то необыкновенное. Рядомъ съ верховыми оленями стояли упряжныя санки и даже собачьи нарты. Какіе-то рослые люди двигались взадъ и впередъ, а другіе лежали на землѣ и какъ будто спали, не обращая вниманія на приготовленія къ уходу. Еще приблизившись, пришельцы узнали мышеѣдовъ, которые съ дѣловымъ видомъ собирали сумки съ рухлядью и увязывали ихъ на санкахъ. Тутъ было все наличное населеніе лагеря мышеѣдовъ, мужчины, женщины, всего около сотни человѣкъ, въ разнообразныхъ одеждахъ и вооруженіяхъ. Они только что разграбили стойбище всадниковъ, перебили хозяевъ и теперь собирались увезти добычу. Большая часть мужчинъ были въ панцыряхъ, связанныхъ ремешками изъ роговыхъ пластинокъ, оленьихъ реберъ или круглыхъ кожаныхъ полосъ, облегавшихъ тѣло до пояса, оставляя руки, свободными. Вооруженіе ихъ состояло изъ короткихъ, но крѣпкихъ луковъ изъ лиственнаго дерева, обвитыхъ для крѣпости оленьими жилами и оплетенныхъ ремешками; стрѣлы были маленькія, съ остріемъ изъ кости или раковины, обмазаннымъ ядовитымъ сокомъ лютика, убивающимъ въ нѣсколько минутъ даже лося и медвѣдя.

Нѣкоторые панцыри были снабжены страннымъ щитомъ, въ видѣ высокаго деревяннаго воротника, окружавшаго голову и

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май 1903 г.

свисавшаго на правую руку. Такіе латники были вооружены очень длинными копьями и, соединяясь по-двое и по-трое, могли противостоять самому стремительному нападенію легко вооруженныхъ людей.

Другіе воины мышеѣдовъ, напротивъ, не имѣли ни панцырей, ни копій и размахивали палицами или тяжелыми каменными кистенями на крѣпкомъ ремнѣ. У третьихъ на поясѣ висѣла праща, и черезъ плечо была перекинута сумка, наполненная мелкими круглыми камушками. Иные несли на плечѣ связку дротиковъ и короткую метательную доску, которая увеличивала вдвое полетъ копья и силу удара. Женщины мышеѣдовъ носили странную одежду въ родѣ мѣшка, сшитаго изъ мѣховыхъ лоскутьевъ, собраннаго вокругъ шеи и снабженнаго рукавами и штанами, но теперь онѣ большей частью напялили на свои толстыя плечи вышитые кафтаны погибшихъ женщинъ. Узкія полы не сходились; изъ-подъ криво прилаженныхъ нагрудниковъ выглядывали грязныя отвислыя груди, но мышеѣдки воображали себя красавицами и самодовольно показывали другъ другу свои обновки. Нѣкоторыя поворачивали взадъ и впередъ свѣжіе трупы съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто это были оленьи туши, выдирали изъ женскихъ волосъ жалкія украшенія, снимали ожерелья изъ медвѣжьихъ зубовъ и браслеты изъ рыбьихъ костей, часто запачканные кровью. Въ сторонѣ догорали остатки большого костра, и валялись кости отъ обильнаго пиршества, устроеннаго торжествующими побѣдителями по окончаніи бойни.

Мышеѣды, не желая затѣвать ссору съ другими племенами, съ самаго начала рѣшились напасть на всадниковъ, ибо трепетная осторожность этого жалкаго племени какъ бы призывала къ себѣ враговъ и при нѣкоторой хитрости сулила безкровную побѣду. Они сторожили всадниковъ два дня съ упорствомъ медвѣдя, подстерегающаго полевыхъ сурковъ. Но лишь сегодня имъ удалось застигнуть ихъ врасплохъ. Всадники только что вернулись съ своего торговаго мѣста, гдѣ ихъ постоянные мѣновые друзья,—торговцы изъ Вайкена, оставили взамѣнъ за волосяныя вышивки и роговые ковши плату ожерельями изъ пестрыхъ раковинъ, какихъ много попадается на морскихъ берегахъ къ югу. Все населеніе лагеря сбѣжалось разсматривать эти пестрыя игрушки, и ихъ восторженные крики послужили сигналомъ для враждебныхъ воиновъ.

Кровавая схватка длилась не больше часа. Застигнутые врасплохъ всадники не думали о бѣгствѣ и не искали оружія, и только полубезсознательно защищались когтями и зубами, какъ защищается молодая лисица, внезапно схваченная за горло большой охотничьей собакой. Мышеѣды перебили мужчинъ и женщинъ,

перехватали оленей и нѣсколько штукъ закололи на ѣду, а остальныхъ дѣятельно нагружали добычей, собираясь въ дорогу. Достигнувъ цѣли, они собирались уйти въ родныя тундры и не желали больше встрѣтиться съ другими племенами, бывшими на ярмаркѣ.

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, оставленныхъ въ живыхъ, теперь вмѣстѣ съ мышеѣдами занимались приведеніемъ въ порядокъ вьюковъ. Побѣдители подгоняли ихъ бранью и ударами копейнаго древка. Судьба этихъ дѣвушекъ не предвѣщала ничего хорошаго. Шайка имѣла мало женщинъ, и потому воины оставили ихъ въ качествѣ временныхъ женъ, но было сомнительно, чтобы ревнивыя бабы тундры потерпѣли соперничество этихъ маленькихъ и пугливыхъ плѣнницъ, столь отличнаго отъ нихъ происхожденія. У мышеѣдовъ вообще не было ни плѣнниковъ, ни рабовъ. Бѣглые чужеплеменники становились полноправными членами орды, но люди, взятые въ плѣнъ, тотчасъ же погибали отъ жестокости своихъ хозяевъ и въ особенности хозяекъ.

Завидѣвъ группу молодыхъ людей, подбѣгавшихъ съ юга, мышеѣды бросили оленей и, держа въ рукахъ луки, вышли впередъ, выражая готовность защищать грудью свою новую собственность.

Новые пришельцы остановились въ нерѣшимости. Они были вооружены только копьями, и то далеко не всѣ, а мышеѣды были въ панцыряхъ, и стрѣлы ихъ были обмазаны ядомъ. Мами, привлеченная любопытствомъ, подбѣжала ближе всѣхъ; увидѣвъ, какъ воинъ въ костяномъ панцырѣ, толкнулъ рукоятью палицы молодую дѣвочку, немногимъ старше той, которая прискакала на стойбище оленеводовъ, она не могла удержаться, и размахнувшись своимъ легкимъ копьемъ, бросила его, какъ дротикъ, прямо въ грудь насильнику.

Мышеѣдъ, однако, былъ на сторожѣ и быстро вскинулъ вверхъ руку со щитомъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что роговой наконечникъ копья свернулся въ сторону. Дѣвушка взвигнула отъ ярости и бросилась впередъ, чтобы подобрать копье и нанести новый ударъ, но мышеѣдъ быстро нагнулся и подхвативъ плетеный изъ жилъ арканъ, искусное издѣліе женщинъ погибшаго стойбища, накинулъ его ей на плечи и тотчасъ же затянулъ петлю.

— Го-го!—закричали другіе мышеѣды:—важенку поймалъ, важенку!

Но Колхочъ быстрѣе, чѣмъ раненый соболь, бросился впередъ и, выхвативъ ножъ съ широкимъ блестящимъ лезвіемъ, въ одно мгновеніе перерѣзалъ веревку. Это было желѣзо, мало знакомое жителямъ далекаго сѣвера, но куру доставали его изъ-за моря вмѣстѣ съ серьгами и бусами. Молодая дѣвушка сдернула съ себя обрывокъ петли, но не стала поднимать копья. Она обернулась

назадъ и, окинувъ взглядомъ кучку своихъ товарищей, во главѣ которой съ копьемъ въ рукахъ стоялъ мрачно и неподвижно огромный Ваттанъ, почувствовала, до какой степени они безсильны передъ мышеѣдами.

Противникъ Мами, впрочемъ, не возобновилъ нападенія. Мышеѣды были утомлены не столько рѣзней, сколько предварительнымъ ожиданіемъ подходящей минуты и не желали новыхъ столкновеній. Человѣкъ со щитомъ, впрочемъ, заинтересовался разрѣзаннымъ арканомъ, кажется еще больше, чѣмъ дѣвушкой. Онъ поднялъ оба конца веревки и съ интересомъ разсматривалъ гладкую поверхность разрѣза.

— Мами, иди сюда!—крикнулъ Ваттанъ такимъ повелительнымъ тономъ, что молодая дѣвушка повиновалась безъ колебаній и заняла мѣсто рядомъ съ нимъ.

— Вы, собаки!—громко сказалъ онъ, обращаясь къ противникамъ.

— Чего?—отозвался человѣкъ, накинувшій арканъ на дѣвушку, какъ будто признавая бранную кличку за своимъ племенемъ. Онъ былъ также высокъ и плотенъ, какъ молодой оленеводъ. Лицо его было очень смугло и заросло кудрявой бородой. На головѣ стояла дыбомъ курчавая грива, какъ видно, нечесанная со дня рожденія.

— Зачѣмъ вы осквернили мѣсто?—сурово спросилъ Ваттанъ.

— А тебѣ какое дѣло?—дерзко возразилъ мышеѣдъ, скаля большіе бѣлые зубы, не то для улыбки, не то въ видѣ угрозы врагу.

— Вы хуже собакъ,—сказалъ Ваттанъ.—Даже собаки чтутъ море и полярную звѣзду.

— Ругаешься, какъ баба! — презрительно возразилъ мышеѣдъ.—Видно у васъ мужчины за бабъ, а бабы за мужчинъ,—прибавилъ онъ, бросая взглядъ въ сторону Мами и намекая на недавнюю схватку.

— Бродяга!—воскликнулъ Ваттанъ:—пятеро васъ на одного, а то бы мы вамъ пощупали подъ панцыремъ.

— Попробуй!—задорно предложилъ мышеѣдъ, выставляя грудь.

— Пожиратели падали, отпустите хоть женщинъ!—кричалъ запальчиво Ваттанъ.

— Для тебя, что ли, отпустить?—насмѣшливо возразилъ мышеѣдъ.—Давайте лучше мѣняться! Вы намъ отдайте вашу одну дѣвку, а сами возьмите всю эту дрянь.

— Безстыдная рожа!—закричалъ Ваттанъ, уязвленный въ самое чувствительное мѣсто.—Выходи, помѣряемся!.. Я тебѣ подъ этими оленьими ребрами изломаю твои собственныя!

Мышеѣдъ бросилъ арканъ и вышелъ впередъ, потрясая копьемъ:

— А что ставка?—сказалъ онъ упрямо.—Не стану безъ ставки!

Несмотря на свой гнѣвъ, Ваттанъ замялся, ибо у него не было съ собой ничего, кромѣ копья.

— Поставь ножъ, такой... блестящій! — сказалъ мышеѣдъ, вспомнивъ ножъ Колхоча. Прежде чѣмъ Ваттанъ успѣлъ отвѣтить, молодой ительменъ выдвинулся впередъ и подалъ ему свое удивительное оружіе.

— Вотъ ножъ!—сказалъ Ваттанъ, разглядывая странныя начертанія, вырѣзанныя на лезвіи.

— А у тебя что?—прибавилъ онъ уже безъ крика. Мысль о предстоящемъ поединкѣ принесла безсознательное успокоеніе его чувствамъ.

— А я поставлю дѣвку?—сказалъ мышеѣдъ, выдвигая впередъ дѣвчонку, которую только что укрощалъ ударами древка. Она посмотрѣла дико сперва на своего хозяина, потомъ на новыхъ заступниковъ, и тотчасъ же снова съежилась и втянула голову въ плечи.

— Поставь всѣхъ женщинъ, — предложилъ Ваттанъ, крѣпче подтягивая поясъ,—а я прибавлю двадцать оленьихъ шкуръ.

— Поди къ чорту со шкурами!—грубо возразилъ мышеѣдъ, поднимая копье кверху.—Подставляй бока, ты, болтунъ!..

При этомъ новомъ оскорбленіи, Ваттанъ взялъ копье на перевѣсъ и, не говоря ни слова, стремительно бросился на противника. Мышеѣдъ неподвижно стоялъ на мѣстѣ, выставивъ свое копье навстрѣчу. Деревянный воротникъ его панцыря, стянутый ремнями изнутри, поднялся дыбомъ вверхъ. На бѣлой кожѣ, облекавшей дерево, было нарисовано красной охрой большое солнце, пускавшее отъ себя крестъ-на-крестъ четыре длинныхъ луча. На четвероугольномъ щитѣ, оклеенномъ кожей и пришитомъ ремешками къ панцырю, пониже воротника, были нарисованы той же краской двѣ человѣческія фигуры, сражавшіяся копьями и стрѣльбой изъ лука. Одна изъ фигуръ была одѣта въ панцырь, изображенный маленькими продольными полосками и снабженный деревяннымъ воротникомъ и щитомъ. Рисунокъ имѣлъ въ виду изобразить преимущество тяжелаго вооруженія надъ легкимъ, но можно было подумать, что онъ имѣлъ въ виду именно поединокъ, происходившій теперь.

Ваттанъ, однако, не имѣлъ никакого намѣренія разбить свое копье, подобно Мами, о твердый щитъ противника. Подбѣгая къ мышеѣду, онъ вдругъ повернулъ копье древкомъ къ землѣ и, опираясь на него, сдѣлалъ такой огромный прыжокъ, что очутился за спиной противника. Панцырный воинъ повернулся на мѣстѣ и опять подставилъ противнику копье. Раздался рѣзкій стукъ столкнувшагося дерева, потомъ копья раздѣлились снова, отталкивае

мыя упругостью удара. Еще нѣсколько ударовъ было нанесено и отражено безъ всякаго результата. Копье Ваттана было короче, но гораздо толще, чѣмъ у противника, ибо въ лѣсахъ у родной рѣки онъ заботливо подобралъ себѣ древко по рукѣ. Напротивъ, мышеѣды на безлѣсной тундрѣ не могли быть очень разборчивыми къ качеству дерева. Это составляло важное преимущество, ибо отраженіе ударовъ производилось преимущественно древкомъ. Тяжелое вооруженіе мышеѣда, кромѣ того, не представляло большой выгоды при битвѣ на копьяхъ, ибо стѣсняло свободу движеній. Оно соотвѣтствовало больше всего лучной стрѣльбѣ, причемъ нужна была защита для тѣла и возможность спокойно прицѣливаться и посылать стрѣлу.

Битва продолжалась безъ перевѣса въ чью-либо сторону. Ваттанъ, съ дѣтства искусившійся во всѣхъ хитростяхъ копейнаго боя, вился вокругъ тяжело вооруженнаго противника, какъ волкъ вокругъ россомахи, но мышеѣдъ спокойно поворачивался во всѣ стороны, подставляя противнику щитъ и конецъ копья. Слабые роговые наконечники требовали осторожности въ нанесеніи ударовъ, чтобы не испортить лезвія. Ваттанъ все высматривалъ слабое мѣсто въ вооруженіи противника, какой-нибудь швъ или щель, удобную для рѣшительнаго удара, но броня была плотно стянута ремешками и представляла несокрушимую поверхность сзади и спереди. Наконецъ, Ваттанъ въ десятый разъ бросился на противника и, поднимая копье вверхъ, сдѣлалъ новый прыжокъ, показывая видъ, что хочетъ нанести навѣсный ударъ, черезъ деревянную защиту ворота. Такіе удары были возможны при удачномъ прыжкѣ, особенно противъ малорослаго противника, но огромный мышеѣдъ возвышался на мѣстѣ, какъ башня, и поразить его въ голову можно было развѣ съ высокаго холма.

Тѣмъ не менѣе, чтобы отбить нападеніе, мышеѣдъ тоже наставилъ копье вверхъ, и лѣвая его рука поднялась такъ высоко, что обнаружила вырѣзъ брони, проходившій подъ мышкой. Ваттанъ тотчасъ же опустилъ копье и направилъ страшный ударъ въ обнаженное мѣсто. Но мышеѣдъ во-время повернулся и подставилъ щитъ. Копье съ трескомъ ударилось въ твердую доску. Крѣпкій роговой наконечникъ, вываренный въ тюленьемъ жиру и входившій на полторы пяди въ гнѣздо древка, обмотанный поверхъ дерева сухожиліями оленьихъ ногъ, крѣпкими и тонкими, какъ проволока, вонзился въ древо щита съ такой силой, что оно дало трещину, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приходился щитъ, принадлежавшій панцырному воину нарисованной группы. Товарищи Ваттана испустили ободрительный крикъ, принимая такой ударъ за счастливое предзнаменованіе. Однако, перевѣсъ былъ скорѣе на сторонѣ мышеѣда. Наконечникъ Ваттанова копья за-

*

стрялъ въ щитѣ. Пользуясь этимъ, мышеѣдъ нагнулся впередъ и, протянувъ свое длинное копье, попытался достать незащищенную грудь противника. Ваттанъ сильно дернулъ свое копье и отскочилъ въ сторону: конецъ рогового лезвія хрустнулъ и наконечникъ вышелъ изъ щита. Копье мышеѣда, однако, успѣло уколоть Ваттана въ плечо и, прорѣзавъ одежду, нанести не глубокую, но чувствительную рану. Ваттанъ почувствовалъ, что тонкій мѣхъ его исподней рубахи смачивается кровью, вытекающей изъ разрѣза. Внезапно повернувъ свое копье тупой стороной впередъ и дѣйствуя имъ, какъ дубиной, онъ нанесъ ударъ по копью противника внѣ всякихъ правилъ, но съ такой силой, что наконечникъ его ткнулся въ землю и жидкое древко сломилось пополамъ.

Пользуясь внезапнымъ преимуществомъ, Ваттанъ подскочилъ къ обезоруженному мышеѣду и, не надѣясь на роговое лезвіе, просто продвинулъ копье между ногъ противника, дѣйствуя имъ, какъ рычагомъ, и упираясь о собственное бедро, свалилъ его на землю. Мышеѣдъ, падая, съ силою ударился объ рубецъ собственнаго воротника. Связи воротника лопнули. Кровь хлынула у него изъ носу и потекла по грязнымъ щекамъ и короткой черной бородѣ. Товарищи Ваттана испустили торжествующій крикъ, но толпа воиновъ противной стороны выскочила изъ саней на защиту своему бойцу. Въ это время Гирканъ, незамѣтно отдѣлившійся отъ товарищей и зашедшій въ тылъ оленямъ, вдругъ упалъ на четвереньки и испустилъ волчій вой, до такой степени похожій, что всѣ обернулись, ожидая увидѣть звѣря, внезапно забѣжавшаго на стойбище. Олени шарахнулись. Тѣ, которые были привязаны въ поперечномъ положеніи, различили своими близорукими глазами какую-то темную фигуру, величиною съ волка, бѣжавшую прямо къ нимъ: они стали рваться и подыматься на дыбы. Наступило невыразимое смятеніе и скоро больше половины оленей были свободны и, перепрыгивая черезъ линію санокъ, стоявшую на дорогѣ, стали разбѣгаться по полю. Плѣнницы бросились ловить оленей, но вмѣсто того, чтобы привести ихъ обратно и привязать къ санкамъ и кольямъ, вбитымъ въ снѣгъ, онѣ внезапно вскакивали верхомъ и, какъ вѣтеръ, помчались изъ стойбища, припадая къ шеѣ скакуновъ и подбодряя ихъ особымъ гортаннымъ крикомъ. Услышавъ призывъ, всѣ остальные олени изъ стада побѣжденныхъ помчались имъ вслѣдъ, увлекая съ собой немало и другихъ животныхъ, принадлежавшихъ мышеѣдамъ.

Выгодное нападеніе грозило окончиться потерею. Мышеѣды, выбѣжавшіе на мѣсто поединка, бросились къ санямъ и, расхвативъ луки, тоже побѣжали по полю, пуская стрѣлу за стрѣлою въ догонку бѣглянкамъ. Нѣсколько свободныхъ оленей упали, но дѣвушки, искусныя въ верховой ѣздѣ, проворно скользили внизъ

и прятались подъ оленьей шеей. Одна изъ нихъ, потерявъ скакуна, раненаго долетѣвшей стрѣлой, соскочила на землю, поспѣшно подманила другого и вскочивъ на него, пустилась догонять подругъ.

Убѣгавшее стадо уже скрывалось изъ вида.

Благодаря вмѣшательству другихъ мышеѣдовъ, Ваттанъ не успѣлъ добить противника. Теперь, видя смятеніе въ ихъ лагерѣ, онъ на минуту почувствовалъ желаніе напасть на нихъ съ тылу, но тотчасъ же сообразилъ, что бѣгство плѣнницъ съ оленями, конечно, нисколько не ослабило свирѣпости и силы противниковъ и благоразумно подавилъ искушеніе. Напротивъ того, именно эта минута, когда толпа лучниковъ разсѣялась по полю въ безполезной погонѣ, показалась ему самой благопріятной для отступленія, тѣмъ болѣе, что плѣнницы спаслись бѣгствомъ и больше нечего было отстаивать на стойбищѣ.

V.

Дѣвочка, послужившая первымъ яблокомъ раздора, не убѣжала вмѣстѣ съ другими. Впрочемъ, Ваттанъ теперь считалъ ее призомъ, взятымъ съ боя, и вѣроятно не допустилъ бы ея бѣгства. Она шла въ толпѣ молодыхъ людей, рядомъ съ Колхочемъ, небольшая и стройная фигура котораго внушала ей повидимому больше довѣрія, чѣмъ высокій станъ ея первой защитницы. Ваттанъ досталъ изъ-за пояса желѣзный ножъ Колхоча и собрался вручить его по назначенію, но внезапно почувствовалъ желаніе присвоить его себѣ. Онъ пытался бороться, но искушеніе было сильнѣе.

— Слушай, Колхочъ,—сказалъ онъ полушутя,—вотъ я возьму ножъ, а ты возьми дѣвку... Что тебѣ,—прибавилъ онъ въ видѣ оправданія,—ты достанешь себѣ другой.

Колхочъ положилъ руку на плечо плѣнницы въ знакъ безмолвнаго согласія. Побратимъ долженъ былъ отдавать побратиму по первому слову даже собственную жену или ребенка.

— Я тебѣ дамъ шкуръ!..—поспѣшно заговорилъ Ваттанъ.—И новую одежду, и двухъ упряжныхъ оленей.

Онъ чувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти предъ великодушіемъ товарища. Ножъ былъ дорогою собственностью, а плѣнница случайнымъ подаркомъ судьбы; но предложенные имъ подарки могли уравнять какіе угодно убытки.

Колхочъ покачалъ головой.

— Мой грузъ полонъ,—возразилъ онъ;—по нашимъ горамъ нельзя возить лишняго, а ѣздить на оленяхъ я не умѣю... Дай

мнѣ лучше свою натѣльную рубаху!..—прибавилъ онъ, видя, какъ Ваттанъ хмурится отъ огорченія.

Морщины на челѣ оленевода разгладились; онъ сдернулъ съ себя сначала верхнюю рубаху изъ толстой шкуры, черной, какъ атласъ, потомъ снялъ нижнюю тонкую и легкую, вывернутую вверхъ гладкой мездрой, красиво окрашенной въ оранжевый цвѣтъ сокомъ ольхи и отдалъ ее ительмену, который въ свою очередь сдѣлалъ тоже. Обмѣнъ рубахами предполагалъ высшую степень интимности, но, къ сожалѣнію, побратимы были слишкомъ неравнаго роста. Рубаха Ваттана достигала Колхочу до пятъ и послѣ нѣкотораго колебанія онъ надѣлъ ее сверху, какъ верхній балахонъ. Лѣвое плечо ея было выпачкано свѣжею, но уже засохшей кровью. Ваттанъ, впрочемъ, не обращалъ вниманія на свою рану. Онъ просто надѣлъ свою верхнюю одежду прямо на тѣло; а обмѣнный подарокъ свернулъ и сунулъ за пазуху. Безкорыстіе молодого ительмена удивляло его, ибо онъ привыкъ, что всѣ гости изъ приморскихъ поселковъ постоянно выпрашиваютъ у оленеводовъ подачки и не могутъ насытить свою жадность ни выгодами самаго дешеваго торга, ни наиболѣе обильными дарами. Но земля южныхъ ительменовъ была богаче; они также мало привыкли просить и унижаться, какъ и зажиточные кочевники тундры.

Мами внезапно разсмѣялась: Колхочъ въ своемъ новомъ балахонѣ и Ваттанъ съ голой грудью и пазухой, раздувшейся отъ дружескаго подарка, показались ей въ высшей степени смѣшны. Но вспомнивъ, что именно заступничеству обоихъ друзей она обязана спасеніемъ отъ плѣна, она устыдилась и, чтобы замять свою неумѣстную веселость, снова пустилась въ путь, увлекая за собой отрядъ товарищей. Гирканъ опять бѣжалъ рядомъ съ нею впереди всѣхъ. Глаза его широко улыбались, ибо онъ тоже былъ чувствителенъ ко всему смѣшному. Мами вспомнила вдругъ, что плѣнницы обязаны освобожденіемъ, строго говоря, его хитроумной штукѣ и, посмотрѣвъ на него внимательнѣе, замѣтила, что на его одеждѣ не было ни одной лишней складки, хотя онъ участвовалъ въ бѣгѣ и битвѣ. Ея интересъ къ этому веселому и щеголеватому юношѣ снова заслонилъ ея вниманіе ко всей остальной толпѣ.

— Гдѣ вы живете, люди одулъ?—спросила она, желая что-нибудь знать о загадочномъ родѣ одулъ, который по словамъ многихъ, происходилъ отъ волка и унаслѣдовалъ любовь къ бродяжеству отъ своего безпокойнаго предка.

— Тамъ!—сказалъ неопредѣленно Гирканъ, указывая рукою на западъ.—Мы не любимъ одной и той же рѣки или лѣса; сегодня здѣсь, а завтра тамъ.

— А много ли васъ?—продолжала дѣвушка съ любопытствомъ.

Гирканъ отрицательно покачалъ головой

— Насъ только четыре рода,—сказалъ онъ съ извѣстной гордостью.—Бурыя лисицы рѣдки, но онѣ всѣхъ лучше,—прибавилъ онъ многозначительнымъ тономъ.

— Неужели у васъ нѣтъ родныхъ рѣкъ и пастбищъ?—съ удивленіемъ спросила Мами. Она съ ранняго дѣтства привыкла, что стадо ея отца уходитъ на лѣто на ледники Острой сопки, а на зиму спускается къ тополевымъ лѣсамъ, на большой рѣкѣ Лососи, и считала это мѣсто своей родиной.

— На что намъ пастбища?—сказалъ Гирканъ презрительно.— Наши стада вольны, какъ мы; они пасутся по всей землѣ между трехъ морей, а пасетъ ихъ Пичвучинъ!

Дѣвушка поняла, что онъ говоритъ о дикихъ оленяхъ, ибо богъ Пичвучинъ, маленькій карликъ, обладавшій, какъ Протей, способностью превращаться въ любого звѣря, считался по преимуществу пастухомъ всѣхъ дикихъ оленьихъ стадъ.

— Неужели у васъ нѣтъ собственныхъ оленей?—сказала она съ сожалѣніемъ въ голосѣ. Жизнь безъ стадъ казалась ей крайней степенью бѣдности, лишенной не только увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, но и совершенно пустой и безсодержательной, похожей на жизнь звѣря, но недостойной человѣка.

— Олени—обуза,—сказалъ Гирканъ.—Вотъ наши братья на сѣверномъ рубежѣ земель,— онъ опять сдѣлалъ рукой широкій и неопредѣленный жестъ,—попробовали завести... Бѣда! Очень большая забота, отнимаетъ веселье у человѣка.

— Кого же вы запрягаете?—спросила Мами тѣмъ же огорченнымъ голосомъ.—Собакъ?

Она раздѣляла презрѣніе своего народа къ приморскимъ собачникамъ, и длинная нарта, запряженная сворой лающихъ животныхъ, всегда казалась ей унизительной выдумкой, противной здравому смыслу.

Гирканъ презрительно сплюнулъ въ сторону.

— Наши собаки вольныя, какъ мы,—сказалъ онъ.—Грѣхъ надѣвать лямку, все равно человѣку или звѣрю. Я бы этихъ собачниковъ самихъ запрегъ вмѣстѣ съ ихъ псами.

— На чемъ же вы ѣздите?—спросила Мами съ изумленіемъ— безъ собакъ и безъ оленей?—она слышала смутные разсказы о жизни народа одулъ, но никогда не могла себѣ представить ихъ воочію.

— На лыжахъ,—отвѣтилъ Гирканъ, и лицо его просіяло отъ пріятнаго воспоминанія.—Ухъ, весело!—съ восторгомъ воскликнулъ онъ.—Лыжи гладкія, весенній снѣгъ скользкій. Догоняемъ оленя, лося. Развѣ птица удержится вмѣстѣ съ нами!..

«Люди о двухъ ногахъ быстрѣе звѣрей о четырехъ»,—припомнилъ онъ родную поговорку.

Мами тщетно старалась сообразить, какое веселье могъ находить этотъ стройный юноша въ вѣчномъ скитаніи по горамъ и полямъ на своихъ собственныхъ ногахъ.

— А женщины на чемъ ѣздятъ?—спросила она черезъ минуту.

— Тоже на лыжахъ! сказалъ Гирканъ.—Ого! Онѣ еще нашего брата научатъ, если спускаться съ горъ.

Ему представилась картина цѣлой толпы парней и дѣвушекъ, спускавшихся на лыжахъ съ высокой, покрытой снѣгомъ горы. Они съ Мами продолжали неторопливо бѣжать впередъ, но среди этого монотоннаго бѣга въ немъ внезапно возникло ощущеніе стремительнаго движенія, похожаго на паденіе камня, и даже въ ушахъ загудѣло, какъ отъ пролетавшаго мимо воздуха.

— А маленькія дѣти?—продолжала спрашивать Мами.

— А это бабье дѣло!—равнодушно возразилъ Гирканъ.—Сами нарожали, сами и возятъ!—

— Видишь!—съ негодованіемъ сказала дѣвушка—Собакъ запрягать грѣхъ, а бабы въ лямкѣ ходятъ. Скверная жизнь.

Гирканъ молча пожалъ плечами...

— И неужели вы никогда не останавливаетесь?—снова спросила дѣвушка, возвращаясь къ вѣчному скитальчеству соплеменниковъ Гиркана, поразившему ея воображеніе. Оленеводы проводили средину зимы и все лѣто на неподвижныхъ стойбищахъ, по изстари-излюбленнымъ мѣстамъ.

— Никогда!—увѣреннымъ тономъ сказалъ Гирканъ.—Скучно жить на мѣстѣ, кровь застаивается... Видѣть кругомъ тѣ же деревья и холмы... «Маленькія дѣти плачутъ подъ старымъ шалашомъ».—Припомнилъ онъ другую поговорку своего племени.

— Шалашомъ?—повторила Мами.—Развѣ у васъ нѣтъ шатровъ?

Гирканъ отрицательно покачалъ головой.

— Въ шатрѣ дурно пахнетъ—возразилъ онъ,—а шалаши каждый разъ свѣжіе...

Опять наступило молчаніе.

— У моего отца большое стадо, и только одна дочь,—начала молодая дѣвушка и остановилась, какъ будто пріискивая слова.

Гирканъ усмѣхнулся своей загадочной улыбкой и выжидательно повернулъ къ ней лицо.

— А много у васъ дѣвушекъ?—вдругъ спросила Мами съ странной непослѣдовательностью.

— Много!—подтвердилъ Гирканъ, подмигивая и кивая головой съ многозначительнымъ видомъ.

— Какія, хорошія?—сказала Мами чрезвычайно серьезнымъ, почти строгимъ тономъ.

— Конечно хорошія!—подтвердилъ опять Гирканъ.

«Наши дѣвушки красивѣй всѣхъ на свѣтѣ,
Косы у нихъ, какъ бѣличьи хвосты,
И сами проворны, какъ бѣлочки».

запѣлъ онъ на своемъ родномъ языкѣ.—

«Глазки у нихъ, какъ черныя ягоды,
Ихъ слѣды, какъ слѣды горностая;
Онѣ мягче собольей шерсти
И пушистѣе снѣжинокъ».

— Слушай, Гирканъ!—сказала она опять.—У моего отца большое стадо. Если хочешь, мы дадимъ тебѣ двѣ «руки», «человѣка» *), отобьемъ цѣлый косякъ. Будешь со стадомъ.

— Не надо!—наотрѣзъ отказался Гирканъ.—Я говорю—обуза. У пастуха въ рукахъ—арканъ, на одномъ концѣ олень, а на другомъ самъ привязанъ.

— Олени—богатство, олени—людская жизнь!—твердила Мами, не находя другихъ аргументовъ.

— Плевать!—дерзко возразилъ Гирканъ.—Сегодня богатство, а завтра волкъ угналъ—и нѣтъ ничего. Вѣчная работа, вѣчный страхъ.

Это былъ споръ двухъ культурныхъ ступеней, чуждыхъ и враждебныхъ другъ къ другу, и всякіе аргументы были совершенно безполезны.

Они бѣжали все дальше и дальше, только снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами; другіе такъ далеко отстали, что ихъ почти не было видно въ надвигавшихся сумеркахъ.

— Послушай, Гирканъ, — начала Мами въ третій разъ, — у моего отца большое стадо и только одна дочь. Ему нуженъ пріемный сынъ. Если хочешь, можешь взять все, и стадо, и меня.

Теперь въ голосѣ ея не было слышно колебанія. Она предлагала молодому иноплеменнику себя и свое имущество такъ просто, какъ предлагаютъ пищу или сухую обувь заѣзжему гостю

Гирканъ немного помолчалъ.

— У насъ все вольное! — сказалъ онъ съ разстановкой. — И любовь тоже... Если парень и дѣвка любятъ другъ друга, то не спрашиваютъ объ имуществѣ или отцѣ.

Дѣвушка не удивилась, но покачала головой.

— Нельзя! — сказала она безповоротнымъ тономъ. — Оленній богъ не дастъ счастья. У меня нѣтъ братьевъ. На мнѣ очагъ и домъ и святыня. Мнѣ нуженъ прочный товарищъ, чтобъ семейное тавро не стерлось съ оленей...

— Зачѣмъ ты хочешь впречь меня въ нарту?—съ упрекомъ сказалъ Гирканъ.

*) Рука—пять, двѣ руки—десять, человѣкъ—двадцать.

— Ты этого не понимаешь!—возразила дѣвушка задумчивымъ и какъ будто даже безнадежнымъ голосомъ.

Гирканъ опять тряхнулъ головой.

— Дикій быкъ ходитъ въ домашнее стадо,—хвастливо сказалъ онъ,—но важенки его любятъ лучше всѣхъ.

— Уйди!—сказала дѣвушка съ внезапной ненавистью.—Бродяга! Волчій сынъ!

Она ускорила бѣгъ, но видя, что Гирканъ не отстаетъ, круто повернула назадъ къ товарищамъ, бѣгущимъ сзади. Но молодой одулъ поймалъ ее за руку и сдѣлалъ попытку привлечь къ себѣ. Она не вырывалась, но сплела свои пальцы съ пальцами дерзкаго ухаживателя, и вмѣсто любовнаго пожатія Гирканъ почувствовалъ, что она изо всей силы крутитъ и ломаетъ его руку. Мускулы его сами напряглись на встрѣчу. Оба они остановились, началась молчаливая борьба двухъ сплетенныхъ рукъ, какъ будто они пробовали, чья сила больше.

Минута или двѣ прошли въ этомъ странномъ и молчаливомъ поединкѣ, потомъ Гирканъ, видя, что ему не перегнуть маленькой руки Мами, крѣпкой, какъ скрученныя жилы оленя, внезапно наклонился къ ней и дерзко поцѣловалъ ее въ губы. Пальцы Мами разжались, Гирканъ высвободилъ руку, обнялъ ее и прижалъ ее къ себѣ.

— Пусти!—съ крикомъ вырвалась Мами:—Ваттанъ, Ваттанъ!

Она рѣшительно пустилась бѣжать назадъ, громко повторяя имя молодого оленевода. Она полуинстинктивно сознавала, что въ мужественномъ и полномъ силъ юношѣ оленнаго племени живетъ такое же глубокое уваженіе къ стаду и его святынямъ, и что союзъ съ нимъ дастъ ей прочную опору, а быть можетъ хотѣла также напомнить хвастливому чужеземцу, что у него есть соперникъ, и еще такой опасный, какъ молодой побѣдитель сегодняшняго дня. Гирканъ, впрочемъ, нисколько не смутился и видя, что дѣвушка не перестаетъ кричать и убѣгаетъ назадъ, пронзительно свиснулъ, чтобы составить ей аккомпаниментъ, и какъ ни въ чемъ не бывало побѣжалъ сзади.

VI.

Солнце уже взошло, когда молодые люди вернулись на рѣку, но въ стойбищахъ никто не спалъ. Дѣвочка, прискакавшая на оленѣ безъ сѣдла, была такъ перепугана, что даже не обратила вниманія на предложенную пищу. Она все норовила спрятаться въ самый темный уголъ шатра, какъ побитая собачонка, и жители, не умѣя извлечь отъ нея никакихъ новыхъ свѣдѣній, кончили тѣмъ, что оставили ее въ покоѣ. Ея отрывистые и безсвяз-

ные жесты все же изображали новыя ожерелья всадниковъ, и многіе изъ оленныхъ людей пришли къ убѣжденію, что маленькіе всадники передрались между собой изъ-за этихъ новыхъ игрушекъ. Дѣйствительно, мелкіе роды всадниковъ, трусливые передъ чужеплеменными, часто вели между собой самыя опустошительныя войны. Напротивъ того, члены одного и того же рода жили между собой очень дружно и дѣлили поровну охотничью добычу и даже чужеземные товары. Но жизнь всадниковъ не была хорошо извѣстна сосѣдямъ.

Какъ бы тамъ ни было, вѣсть о вѣроломномъ нападеніи мышеѣдовъ быстро распространилась со стойбища на стойбище и произвела смятеніе во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля. Подобное нарушеніе святости мѣста было неслыхано съ самыхъ далекихъ временъ, насколько хватала память стариковъ и разсказы сказочниковъ. Столкновенія и даже убійства на игрищахъ или во время торга случались почти ежегодно, но то были случайныя и непреднамѣренныя вспышки страстей, и Авви, по всей вѣроятности, смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, ибо не посылалъ виновникамъ ни голода, ни мора, и позволялъ имъ на будущій годъ снова безпрепятственно сходиться на ярмарку. Кровавыя стычки племенъ, неоднократно имѣвшія мѣсто на возвратномъ пути, уже за предѣлами священнаго поля, тоже не касались правъ Великаго Рака, но на этотъ разъ было совершено вѣроломное нападеніе на первый же день торга и въ предѣлахъ вѣчнаго мира рѣки Анапки и безъ всякаго повода, единственно съ цѣлью грабежа. Взаимное недовѣріе племенъ внезапно обострилось. Каждый лагерь опасался, что его чередъ можетъ наступить съ минуты на минуту и подозрительно старался угадать, какіе замыслы таятъ ближайшіе сосѣди.

Всѣ высыпали наружу изъ палатокъ и снѣжныхъ землянокъ и поспѣшно стали приводить въ порядокъ оружіе. Мореходы юитъ потрясали метательными дротиками и гарпунами и оправляли брони изъ твердой кожи лахтака*), оленеводы расправляли длинные арканы, которые вмѣстѣ съ копьемъ были ихъ излюбленнымъ оружіемъ для охоты и войны. Приморскіе жители осматривали палицы и остроги и запихивали въ узорчатые колчаны множество стрѣлъ самой разнообразной формы. Ительмены доставали изъ налучней маленькіе луки съ деревяннымъ ложемъ, которое давало большую вѣрность стрѣльбѣ. Однако, никто не думалъ о томъ, чтобы наказать мышеѣдовъ за ихъ вѣроломное поведеніе. Всадники были чужды и малоизвѣстны; кромѣ того, всякое общее предпріятіе теперь было совершенно невозможно. У всѣхъ преобладало

---

*) Крупная порода тюленей съ твердой и крѣпкой кожей.

стремленіе къ немедленному бѣгству. Мстительный Ракъ, конечно, не захочетъ остаться равнодушнымъ къ кровавому святотатству, и можно было ожидать, что, за удаленіемъ истинныхъ виновниковъ, гнѣвъ его обрушится на перваго, кто подвернется подъ руку.

Камакъ на стойбищѣ таньговъ сталъ собираться къ отходу прежде всѣхъ. Совѣсть его была нечиста. Вчерашняя сцена въ мухоморной палаткѣ оставила въ его ограниченномъ умѣ яркое впечатлѣніе, и вспоминая угрожающіе жесты Авви, овладѣвшаго въ критическую минуту тѣломъ Ваттувія, онъ чувствовалъ опасеніе, чтобы не явиться первой жертвой Рака.

У него была еще другая причина для торопливости. Онъ привелъ съ собою всѣхъ старыхъ и молодыхъ быковъ, между тѣмъ какъ стельныя коровы остались на берегу рѣки Лососи. Камакъ былъ такъ тщеславенъ, что не хотѣлъ путешествовать безъ большого стада, чтобы чужеплеменники не подумали, что онъ бѣдный и зависимый «подсосѣдокъ», а не богатый хозяинъ. Вѣтвисторогіе быки составляютъ высшую степень оленьяго богатства, и стадо Камака, надъ которымъ какъ будто стоялъ лѣсъ короткихъ бурыхъ сучьевъ, представляло предметъ удивленія для всѣхъ стойбищъ, мимо которыхъ онъ проходилъ по пути. Но гнать впередъ такое стадо можно было только малыми переходами, и люди Камака должны были отправиться въ обратный путь раньше всѣхъ.

Стадо выступило въ походъ почти тотчасъ же по возвращеніи Мами; объ отдыхѣ послѣ утомительнаго путешествія къ всадникамъ не было и рѣчи, но Мами привыкла по двое и по трое сутокъ проводить у своего стада, не зная сна. Ея обычными помощниками были Чайвунъ и двое молодыхъ, но очень проворныхъ подростка.

Камакъ, отдѣливъ упряжныхъ быковъ для своего обоза, остался на нѣсколько часовъ, чтобы свести счеты съ вайкенцами. Обозъ обыкновенно слѣдовалъ на нѣкоторомъ отдаленіи отъ стада, но Камакъ велѣлъ тремъ воинамъ, которыхъ привелъ съ собой съ рѣки Лососи, сопровождать Мами, а самъ обѣщалъ подъѣхать къ утру на первой стоянкѣ.

Бóльшая часть стойбищъ предполагала сняться съ мѣста на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Ваттану предстояло справить братское кровопомазаніе съ Колхочемъ, которымъ нельзя было пренебрегать даже подъ смертной опасностью. Гирканъ и его племя не назначили себѣ срока. Они всегда снимались съ мѣста внезапно, спасаясь отъ перваго проблеска монотонности. Но именно теперь жизнь на Чагарскомъ полѣ представляла любопытное зрѣлище, и можно было ожидать, что эти неисправимые бродяги на этотъ разъ уйдутъ послѣдними. Торговля кое-какъ продолжалась, но игрищъ больше не было; всѣ угрюмо сидѣли въ своихъ лагеряхъ,

какъ въ укрѣпленіяхъ. Послѣ полудня небо нахмурилось; пошелъ снѣгъ и почти внезапно налетѣлъ жестокій ураганъ, какіе свирѣпствуютъ на открытыхъ сѣверныхъ равнинахъ круглый годъ, зимою погребая караваны въ снѣгу, а лѣтомъ опрокидывая лодки у самаго берега. Двѣ палатки сорвало съ мѣста, несмотря на огромные камни, привязанные къ ихъ поламъ, и хозяева остались безъ всякой защиты предъ яростью сумасшедшей вьюги. Земляныя и снѣжныя норы забивало наглухо, и обитатели должны были постоянно прочищать выходъ, чтобы не очутиться въ полной темнотѣ. Во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля старики мрачно размышляли, что гнѣвъ Авви пришелъ и ожидали самаго худшаго.

Колхочъ съ радостью разстался бы со своей плѣнницей, но дѣвать ее было некуда, да и сама она не отставала отъ него ни на шагъ. На этихъ невѣдомыхъ стойбищахъ, среди толпы незнакомыхъ людей, она хваталась за молодого ительмена, какъ за якорь спасенія. Все-таки это было уже знакомое лицо, и она инстинктивно чувствовала, что онъ не хочетъ сдѣлать ей зла. Въ концѣ концовъ онъ привелъ ее въ землянку къ своимъ единоплеменникамъ; она была наполовину выкопана въ землѣ, сверху укрыта древесными вѣтвями и хворостомъ и завалена дерномъ; лѣзть внутрь приходилось по темному извилистому корридору, гдѣ вмѣсто дверей были повѣшены толстыя оленьи шкуры. Дѣвочка сначала не хотѣла спускаться внизъ, но Колхочъ потянулъ ее за руку, и она уступила. Колхочъ привелъ ее въ принадлежавшій ему уголокъ и посадилъ на собственной шкурѣ. Она была голодна; онъ хотѣлъ накормить ее сушенымъ мясомъ медвѣдя, но она съ ужасомъ отклонилась назадъ. Всадники поклонялись медвѣдю и считали его своимъ предкомъ, въ противоположность ительменамъ, которые питались въ значительной степени медвѣжатиной. Вмѣсто медвѣжьяго мяса, Колхочъ досталъ баранину и рыбу; дѣвочка стала ѣсть жадно и проворно, отщипывая маленькіе кусочки пищи, съ ужимками голодной бѣлки, попавшей въ орѣшникъ. Скоро началась вьюга, и нужно было отсиживаться въ землянкѣ. Но спать было не совсѣмъ безопасно на случай обвала, да шумъ вѣтра и не давалъ заснуть. Колхочъ и плѣнница просидѣли всю ночь, скорчившись и прижавшись другъ къ другу въ своемъ тѣсномъ углу. Дѣвочка, утомленная дневными ужасами и волненіями, все-таки заснула, безцеремонно уронивъ голову на плечо своего владѣтеля. Колхочъ тоже дремалъ, но часто просыпался, прислушиваясь къ реву бури, потомъ опять забывался на нѣсколько минутъ, все время ощущая маленькое худощавое тѣльце, наивно склонившееся почти въ самыя его объятія. Онъ чувствовалъ даже ея острыя плечи, наталкивался на плоскую совсѣмъ неразвитую грудь и говорилъ себѣ, что это совсѣмъ ребенокъ, которому нужно еще нѣсколько

лѣтъ, чтобы развиться въ женщину. Однако, онъ не ощущалъ также прежняго желанія освободиться отъ обузы. И ему внезапно даже представилось, что она могла быть хорошимъ товарищемъ во время непрерывныхъ странствій за промысломъ на вершинахъ Южнаго мыса и въ ущельяхъ прилегающихъ горъ.

Наконецъ буря стихла и опять стало ясно; только оленныя женщины, отряхавшія съ наружной стороны отъ снѣга мѣховыя стѣны шатровъ, ударяли все сильнѣе деревянными колотушками и, наконецъ, стали ругаться.

Многіе все-таки собирались въ дорогу. Однако, на стойбищѣ людей, пришедшихъ съ юга, отъ Боброваго моря, столѣтній шаманъ Раипъ, старикъ съ волосами совсѣмъ бѣлыми и безъ одного зуба во рту, далъ совѣтъ принести предварительно жертву рѣкѣ Анапкѣ и такимъ образомъ отвратить гнѣвъ Рака. Раипъ былъ такъ старъ, что угрожалъ развалиться каждую минуту, но дѣти привозили его сюда ежегодно для обезпеченія прибыльности торга, ибо духи любили Раипа, и демоны заразы слушали его совѣта. Совѣты его были необычайно мудры и послѣдовавшій имъ никогда не находилъ повода къ раскаянію. И теперь всѣ рѣшили послѣдовать благоразумному совѣту.

Съ ранняго утра во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля сталъ раздаваться грохотъ бубновъ и прерывистое пѣніе. Бубны оленеводовъ были маленькіе, круглые, похожіе на крышку отъ котла, съ полоской китоваго уса въ видѣ колотушки. Бубны приморскихъ жителей походили на широкіе щиты, обвѣшанные костяными и каменными погремушками и производили постоянный шумъ. Южные ительмены колотили палкой о палку, обвѣшавъ ихъ мѣховыми хвостиками въ знакъ посвященія богамъ. Мореходы Юитъ пронзительно свистали въ пищалки, сдѣланныя изъ гусиныхъ перьевъ. Вездѣ стали приносить жертвы; оленеводы закалывали быковъ и, ободравъ съ нихъ шкуру, раскладывали на снѣгу, головою по направленію къ рѣкѣ.

— Ѣшь, ѣшь! — кричали они, призывая Авви на пиръ, но женщины плакали, сожалѣя о множествѣ жирнаго мяса, безполезно брошеннаго на полѣ.

Поморяне безпощадно удавливали на ремнѣ лучшихъ собакъ изъ нарты; люди Юитъ сдѣлали игрушечную лодку со всѣми принадлежностями, нарисовали на ея кормѣ знаки успѣшной охоты и принесли ее въ даръ Авви.

Скоро къ рѣкѣ потянулись процессія за процессіей. Племена шли отдѣльно съ шаманами во главѣ, которые испускали громкіе и странные крики. Нѣкоторые покрыли лицо деревянными масками, раскрашенными кровью, другіе закутались въ медвѣжьи шкуры, покрывъ голову мохнатымъ мѣхомъ и приспособивъ раз-

рѣзы медвѣжьихъ глазъ и носа къ своему собственному лицу. Молодые люди шли впереди, неся жертвенныя блюда, наполненныя жиромъ и похлебкой, тальничныя вѣтки и даже небольшіе берестяные сосуды, наполненные теплой водой. Пробивъ маленькія круглыя отверстія во льду рѣки, племена начали погружать туда свои дары.

— Ѣшь, ѣшь!—кричали со всѣхъ сторонъ.—Не сердись, Авви!

Раипъ, котораго принесъ на себѣ его собственный внукъ, опустился на ледъ въ сторонѣ отъ всѣхъ и пробивъ, трясущимися руками небольшую прорубь, окружилъ ее полой своей широкой одежды, чтобы закрыть отъ взглядовъ солнца, потомъ опустилъ въ нее куклу, спрятанную у него за пазухой. Она имѣла расколотую голову и грудь, проткнутую осколкомъ кости, и прорѣзы ея были испачканы настоящей человѣческой кровью; кукла эта представляла мышеѣда, котораго старый шаманъ приносилъ Раку, какъ искупительную жертву.

Торговцы изъ поселка Вайкенъ на другомъ берегу рѣки приносили въ жертву другую куклу, изображавшую новорожденное дитя, одѣтое въ обычный смертный костюмъ, богато разукрашенный вышивками, подвѣсками и амулетами.

— Ѣшь, Авви, ѣшь!—слышалось повсюду.—Не сердись Авви!.

Но къ вечеру того же дня буря воротилась съ новой силой, загребая жилище снѣгомъ и забивая безъ слѣда наѣзженныя дороги и тропинки. Люди съ южной стороны повѣсили голову. Въ каждомъ ущельи на ихъ пути теперь залегъ снѣгъ толстымъ мягкимъ слоемъ на аршинъ глубины, и въ опасныхъ мѣстахъ собрались навѣсы, готовые обрушиться на голову неосторожнаго путника. Къ утру буря опять утихла, но на каждомъ стойбищѣ остались ея слѣды. Волки воспользовались вьюгой, напали на стадо, принадлежащее стойбищу Алютъ, передушили лучшихъ быковъ и разогнали остальныхъ въ разныя стороны. Пастухи собрали ихъ, но съ большими потерями, и теперь этому стойбищу было трудно укочевать домой. У поморянъ почти всѣ собачьи упряжки, привязанныя съ подвѣтренной стороны холмовъ, совсѣмъ ослабѣли. Нѣкоторыя собаки задохнулись на смерть, подъ твердой корой облѣпившаго ихъ заноса; другія оторвались и убѣжали въ поле, быть можетъ, раздраженныя запахомъ волковъ или увлеченныя соблазномъ охоты за оленями. Авви, очевидно, презиралъ принесенныя ему жертвы и властной рукой собиралъ новую дань. Можно было опасаться, что послѣ оленей и собакъ онъ перейдетъ къ людямъ.

Люди, жившіе вокругъ морской бухты Алютъ *), какъ олене-

---

*) Олюторская губа.

воды, такъ и рыболовы, были бѣдны и отличались кровожадностью; они вели между собой постоянные кровавые счеты, подводя итоги посредствомъ убійствъ и грабежей; даже родственники и братья убивали другъ друга и если, во время голода, мора или другого общественнаго бѣдствія, имъ случалось захватить въ плѣнъ когонибудь изъ враговъ, они обыкновенно приносили его въ жертву, на сторону заката, злымъ духамъ, причиняющимъ человѣку вредъ.

Послѣ ночныхъ потерь люди Алютъ стали говорить, что нужно принести въ жертву Авви спасенныхъ дѣвочекъ племени всадниковъ, чтобы уничтожить всѣ слѣды преступнаго побоища.

Дѣвочка, бѣжавшая отъ рѣзни на неосѣдланномъ оленѣ, осталась на стойбищѣ Ваттанова отца, Ватанта, но дикость ея не уменьшалась. Первую ночь она проспала на голой землѣ во внѣшнемъ шатрѣ, и ни за что не хотѣла войти подъ теплый спальный пологъ. Люди, окружавшіе ее, повидимому, смѣшивались въ ея умѣ съ мышеѣдами, и когда кто-либо изъ мужчинъ подходилъ къ ней съ разспросами, она вздрагивала, какъ пойманный звѣрекъ, и норовила дать тягу. Учиться языку оленеводовъ она не могла, ибо ея общеніе съ людьми было чрезвычайно ничтожно; она пряталась даже отъ бабъ, предлагавшихъ ей ѣду, но въ обѣ бурныя ночи люди, выходившіе изъ полога, замѣтили, что она ползетъ по юртѣ, не страшась грохота мятели, и отыскиваетъ въ снѣжномъ сугробѣ, наметенномъ сквозь дымовое отверстіе, объѣдки и брошенные куски. Женщины стали на нее коситься, ибо жители пустынь вообще боялись безумцевъ и считали ихъ слугами злыхъ духовъ, и при условіяхъ кочевой жизни они требовали неудобныхъ заботъ. Поэтому кровожадное предложеніе стойбища Алютъ съ этой стороны не встрѣтило особаго неудовольствія. Однако, Ваттувій рѣшительно воспротивился. Быть можетъ, въ дикой природѣ обезумѣвшей дѣвочки, въ ея нелюдимомъ ужасѣ и странныхъ ночныхъ похожденіяхъ, онъ чувствовалъ нѣчто родственное, или его злорадное сердце забавлялось при мысли о суевѣрномъ отвращеніи, которое уже успѣло возникнуть у женщинъ шатра по отношенію къ странной гостьѣ. Какъ бы то ни было, Ваттувій сказалъ, что Авви явился ему во снѣ и объявилъ, что гнѣвъ его не прекратится, пока всѣ стойбища не устроятъ торжественныхъ бѣговъ на Чагарскомъ полѣ.

— Вы нечестивѣе мышеѣдовъ, — сказалъ будто бы Авви,— ибо хотите убѣжать, укравъ мой праздникъ; но я не пущу васъ отсюда, пока не отниму послѣдняго упряжнаго быка. Тогда буду устраивать бѣга самъ на своихъ подводныхъ поляхъ.

Всѣ оленные люди тотчасъ же спохватились. Всѣмъ было извѣстно пристрастіе Авви къ состязаніямъ, которое принесло ему владѣніе Чагарскимъ полемъ. Изстари велось, что оленныя

стойбища, сходившіяся на торгъ, устраивали передъ уходомъ поочередно торжественный бѣгъ на оленяхъ, съ богатыми призами и жертвоприношеніемъ. Оленеводы были такъ пристрастны къ этому роду игрищъ, что съѣзжались на Чагарское поле больше для участія въ скачкахъ, чѣмъ для торговли. Но на этотъ разъ дерзкое нападеніе мышеѣдовъ едва не привело ихъ къ нарушенію обычая.

Всякая мысль о бѣгствѣ была отложена. Торговые дни прошли безъ скачекъ. но теперь каждый владѣлецъ стада хотѣлъ устроить бѣгъ; для того, чтобы наверстать потерянное время, бѣга устраивались въ одинъ и тотъ же день на разныхъ концахъ Чагарскаго поля, и гости съ утра до вечера переѣзжали со стойбища на стойбище, чтобы не пропустить ни одного зрѣлища. Поморяне тоже не думали объ отъѣздѣ, ибо праздникъ означалъ угощеніе жирнымъ мясомъ, всеобщее обиліе, даровой кормъ для собакъ. Они вообще никогда не покидали Чагарскаго поля прежде ухода заманчивыхъ оленьихъ стадъ. Чтобы не отстать отъ Оленныхъ, они устраивали иногда между собою бѣга на собакахъ, но оленные люди смѣялись надъ этими состязаніями, которыя не сопровождались ни пиршествомъ, ни съѣздомъ гостей.

Такъ прошло три дня, наполненныхъ весельемъ и оживленіемъ. Скачки перемежались разнообразными играми, чехардой и прыжками черезъ шестъ, плясками, которыя изображали то оленье стадо въ періодѣ любви, то тюленье руно, выползшее на берегъ, и сопровождались странной мимикой и своеобразнымъ горловымъ пѣніемъ. Но борьба и бѣгъ были предоставлены подросткамъ и дѣтямъ, и серьезные бойцы не вмѣшивались, изъ опасенія подать поводъ къ новой ссорѣ.

Ваттанъ выигралъ послѣдовательно три приза на бѣгу и, по совѣту Ваттувія, послѣ того отказался отъ дальнѣйшаго участія, ибо слишкомъ большое счастіе возбуждаетъ зависть людей и духовъ. Онъ безцѣльно ходилъ съ своимъ новымъ другомъ Колхочемъ со стойбища на стойбище и отводилъ свое сердце въ разговорахъ с Мами.

— На зиму возьму бѣговыхъ оленей, санки съ полозьями изъ уса*), подстилку изъ бѣлой шкуры, поѣду къ Таньгамъ,—твердилъ молодой оленеводъ.—Гдѣ же ей найти мужа лучше?

Непріятное воспоминаніе о пораженіи на бѣгу почти изгладилось въ его умѣ. Воинская доблесть и физическая сила, впрочемъ, считались важнѣе быстроты ногъ, которая годилась преимущественно для бѣгства, а Ваттанъ успѣлъ доказать, что въ борьбѣ

*) Полозья, подбитыя китовымъ усомъ, легче скользятъ по твердому снѣгу тундры.

и поединкѣ никто не можетъ одержать надъ нимъ верхъ. Ительменъ уныло молчалъ. Онъ проводилъ вечера въ своемъ лагерѣ въ обществѣ плѣнной дѣвочки, и даже не зная ея имени, сталъ называть ее Карритой по имени своей бабушки изъ рода Куру. Дѣвочка понемногу становилась смѣлѣе и начала схватывать нѣкоторыя ительменскія слова; но на лицѣ Колхоча лежало постоянное облако... Ваттану иногда казалось, что его другъ хвораетъ тайной хворостью, которую не хочетъ открывать чужому любопытству.

— Не болитъ ли у тебя что-нибудь,—спросилъ онъ его, наконецъ.—Быть можетъ, Палланецъ повредилъ тебѣ спину?..

Колхочъ усмѣхнулся и, отвернувъ рубаху, показалъ на лѣвой лопаткѣ широкіе, давно заросшіе слѣды медвѣжьихъ когтей.

— Та лапа была тяжелѣе,—сказалъ онъ,—но я все еще хожу на своихъ ногахъ.

— Знаешь что,—вдругъ предложилъ оленеводъ,—проживи это лѣто съ нами! Зимой поѣдемъ на сѣверъ вмѣстѣ, я тебѣ дамъ оленей, какихъ только захочешь.—Онъ, дѣйствительно успѣлъ привязаться къ своему новому побратиму, но упорно игнорировалъ его собакъ. Ему было бы пріятно имѣть его съ собой въ лагерѣ чужихъ людей, тѣмъ болѣе, что ему и въ голову не приходило считать его соперникомъ.

Колхочъ слегка покраснѣлъ.

— Нѣтъ!—возразилъ онъ.—У меня семья, мать, отецъ, братья...

— Проживутъ одно лѣто безъ тебя!—возразилъ безпечно Ваттанъ.

— У меня есть еще шкуры и оленьи жилы, — перечислялъ Колхочъ.

— Пошлешь съ товарищами,—предлагалъ оленеводъ.

— Не хочу!—твердо возразилъ молодой Ительменъ. — Лѣто безъ моря, земля безъ горъ,—какая это жизнь?

Ваттанъ обидѣлся, но не возразилъ ни слова.

— Въ нашемъ мѣстѣ тепло, —продолжалъ Ительменъ.—Пока доѣду домой, сопки зазеленѣютъ, въ травѣ спрятаться можно, хохлачки свищутъ подъ скалами; вездѣ цвѣты, какъ капли жертвенной крови, какъ радуга, какъ солнечный лучъ...

Вспоминая свою родную землю, онъ измѣнилъ обычной молчаливости и сталъ почти краснорѣчивъ. Ваттанъ слушалъ съ любопытствомъ, но эта яркая картина ничего не говорила его воображенію.

— Въ горахъ тѣсно,—возразилъ онъ,—а тундрѣ нѣтъ конца... Воля, просторъ.

— А море?—продолжалъ Колхочъ,—безъ лодки—полчеловѣка!.. Пускай волны, прибой, у насъ пристани. Гонишь въ байдаркѣ бобра, и самъ не хуже водяного звѣря.

— За сто байдарокъ не дамъ бѣговую нарту!..—сказалъ Ваттанъ.—А дѣвчонку съ собой возьмешь?—внезапно спросилъ онъ съ чуть замѣтной шуткой.

— Въ нашемъ жильѣ десять дѣвушекъ, — сказалъ Колхочъ важно, — будетъ лишняя въ десяткѣ!.. Обижать малолѣтнихъ и бранить стариковъ—одно! — прибавилъ онъ, отвѣчая на затаенную мысль товарища.

Ваттанъ молча пожалъ плечами.

— У Ительменовъ всѣ парни — братья, всѣ дѣвки — сестры, старики—отцы, старухи—матери!—объяснилъ Колхочъ.

— А гдѣ люди Одулъ?—вдругъ спросилъ Ваттанъ, по какой-то странной связи идей вспоминая о племени пѣшихъ странниковъ, которые ни разу не показывались на скачкахъ.

— Ушли!—сказалъ Колхочъ, который проходилъ мимо стоянки родичей Гиркана и видѣлъ опустѣвшіе и полуразрушенные шалаши.

— Бродяги,—сказалъ Ваттанъ, употребляя тоже самое слово, которое Мами бросила въ упрекъ Гиркану, — не видѣть бы ихъ никогда!

Онъ вспоминалъ соперника не безъ горечи, но утѣшалъ себя тѣмъ, что до будущей весны у Гиркана нѣтъ никакихъ шансовъ встрѣтиться съ Мами.

Люди Одулъ въ первый же день скачекъ снялись и ушли неизвѣстно куда, ибо зрѣлище чужого веселья внезапно потеряло для нихъ заманчивость.

Послѣднія скачки окончились на третій день съ заходомъ солнца. На утро всѣ разсчитывали собраться въ путь, но ночью, пришла вьюга еще сильнѣе, чѣмъ обѣ предыдущія. Жадный Ракъ соблазнился неосмотрительнымъ предложеніемъ племени Алютъ и, лукаво дождавшись конца праздниковъ, потребовалъ теперь послѣдняго и самаго цѣннаго дара.

VII.

Мами остановилась на ночлегъ въ ближайшемъ ущельѣ, но, не дождавшись отцовскаго пріѣзда, утромъ рѣшила перегнать стадо дальше. Снѣгъ на ущельѣ былъ слишкомъ глубокъ, и олени, уставъ разрывать его копытами, ложились на отдыхъ, не наѣвшись. Зато въ глубинѣ ущелья мятель, всполошившая восемь племенъ на просторѣ Чагарскаго поля, хватала не такъ сильно. Утромъ, когда вѣтеръ стихъ, не было никакихъ причинъ, чтобы оставаться на мѣстѣ. Объ отцѣ Мами нисколько не безпокоилась: стадо двигалось медленно и часто отдыхало, и легкій обозъ могъ догнать его даже за пять, или за шесть дней пути. Ночью была

новая буря. и Мами опять стояла, а утромъ двинулась въ дальнѣйшій путь. Чагарское поле, гдѣ разноплеменныя стойбища заражали другъ друга взаимнымъ внушеніемъ испуга, было далеко. а объ Авви она совершенно забыла и безъ большихъ сомнѣній шла себѣ и шла по торной дорогѣ, уводившей на Палпалъ, а оттуда на рѣку Лосось. Зато мысли ея постоянно обращались къ Гиркану, а также къ молодому оленеводу и его другу, которые спасли ее отъ мышеѣдовъ и оказали ей столько услугъ и вниманія. Она пробовала разсчитывать, когда именно ей придется встрѣтиться съ молодымъ Гирканомъ или даже съ Ваттаномъ, но сбилась и безнадежно перестала. Впрочемъ, свободнаго времени для размышленій у ней было мало. Олени чувствовали себя безпокойно и норовили разбиться порознь, и пастухи бѣгали взадъ и впередъ, возвращая отсталыхъ и направляя полудикое стадо по прямой дорогѣ впередъ. Дорога проходила по тундрѣ, мѣстами перемежавшейся холмистыми грядами. Время отъ времени въ глубокомъ и узкомъ оврагѣ, заросшемъ густымъ тальникомъ, встрѣчалась рѣчка, уходившая къ Бобровому морю. Тундра стлалась, какъ бѣлая скатерть, даже одинокіе кусты ползучаго кедровника были прибиты къ землѣ вѣчными вьюгами и замурованы въ затвердѣвшемъ снѣгу, какъ въ бѣломъ мраморѣ.

Къ вечеру четвертаго дня стадо достигло болѣе значительной рѣки Ваката, протекавшей на сѣверо-западѣ. Она раздѣлялась на нѣсколько притоковъ, которые прорыли глубокія рытвины въ мягкой землѣ тундры. Берега ихъ поросли густыми ивовыми кустами, а на внутреннихъ островахъ росли даже ветлы и тополи, смыкаясь малорослымъ, но непроходимымъ лѣсомъ. Такіе лѣса были для пастуховъ самыми трудными мѣстами, ибо непокорные олени разсѣивались во всѣ стороны, а въ густой чащѣ, усыпанной буреломомъ и валежникомъ, нельзя было ничего видѣть. Пастухи разбились на двѣ группы и гнали оленей справа и слѣва, стараясь не позволить имъ уклоняться въ стороны. Но какъ только олени и люди вошли въ глубину лѣса, со всѣхъ сторонъ послышалось уханье, крики и стукъ тяжелыхъ палицъ о древесные стволы. Стадо въ слѣпомъ ужасѣ ринулось впередъ, увлекая съ собою пастуховъ, которые, опасаясь потерять его, не думали даже о нападеніи, угрожавшемъ сзади. Теперь олени держались всѣ вмѣстѣ, и даже самые непокорные тѣснились поближе къ центру, испуганные странными криками, вырывавшимися изъ лѣсной глубины. Но когда черезъ десять минутъ стадо опять выскочило на открытую степь, ни одного изъ четырехъ мужчинъ не было видно, а сзади почти по пятамъ бѣжала толпа воиновъ, вооруженныхъ луками, копьями и длинными арканами. То были мышеѣды. Обоз-

ленные потерей всей добычи послѣ удачнаго нападенія, они рѣшили отомстить за нее на первомъ караванѣ оленеводовъ, который рискнетъ пуститься въ путь со слабыми силами, и случай привелъ къ нимъ Мами, которая была зачинщицей въ дѣлѣ освобожденія плѣнныхъ женщинъ.

Впереди показались другіе мышеѣды, ѣхавшіе и бѣжавшіе навстрѣчу. Опытные грабители не позабыли загородить путь бѣглецамъ. Черезъ нѣсколько минутъ задніе и передніе воины соединились и стали забѣгать, слѣва и справа, окружая стадо.

Въ головѣ Мами мелькнула мысль о бѣгствѣ, но сѣверный пастухъ не бросаетъ своихъ оленей даже въ смертельной опасности. На бедрѣ ея былъ большой ножъ, но при видѣ такого множества враговъ мужество ея упало, и она остановилась среди нерѣшительно волнующагося стада.

Тотъ же самый воинъ, который при первомъ столкновеніи едва не взялъ ее въ плѣнъ, опять подскочилъ съ арканомъ и накинулъ его на плечи молодой дѣвушкѣ.

— Попалась!—кричалъ онъ съ хохотомъ,—не ушла!—Онъ грубо сорвалъ съ дѣвушки поясъ вмѣстѣ съ ножомъ и связалъ ей руки концомъ аркана.

Мужчины и женщины съ криками бѣгали вокругъ захваченнаго стада.

— Быки!—кричали они въ изступленномъ торжествѣ.—Жирные!

Наиболѣе свирѣпые, видя такое множество животныхъ, не могли удержаться и стали стрѣлять въ самыхъ большихъ быковъ. Мами отчаянно вскрикнула. Воинъ, связавшій ей руки, тоже спустилъ стрѣлу и поразилъ большого бѣлаго оленя съ отпиленными рогами, который былъ ея любимцемъ и прибѣгалъ ѣсть изъ ея рукъ, какъ собака.

— Мѣтко стрѣляетъ Рынто! — сказалъ мышеѣдъ съ усмѣшкой, обращаясь къ дѣвушкѣ.—Безъ промаха, небось!..

— Убейте меня тоже! — крикнула Мами отчаяннымъ голосомъ.—Вмѣстѣ съ оленями.

— Постой, все будетъ! — сказалъ мышеѣдъ въ видѣ утѣшенія. Волосы на его головѣ были гладко выбриты и на затылкѣ была приклеена полоска грязной кожи, надъ подживающей раной.

Обезумѣвшіе олени, видя угрожающую гибель, полѣзли напроломъ, прямо на окружавшихъ людей. Мышеѣды размахивали арканами, но олени только храпѣли и старались прорваться на просторъ.

Подростки остались на волѣ, но, видя смертельную опасность и плѣнъ своей руководительницы, совершенно растерялись и только безцѣльно перебѣгали съ мѣста на мѣсто внутри стада.

Мышеѣдъ, захватившій Мами, выпустилъ арканъ и побѣжалъ

къ пастухамъ сквозь толпу оленей, разступавшихся передъ нимъ, какъ живыя волны.

— Собирайте стадо, — кричалъ онъ съ ужасными ругательствами.—Я васъ!..

Догнавъ передняго мальчика, Рынто, внѣ себя отъ гнѣва, замахнулся и ударилъ его по плечамъ лукомъ, который все еще держалъ въ правой рукѣ. Крѣпкое лиственничное дерево опустилось, какъ дубина; мальчикъ съ крикомъ упалъ на землю и тотчасъ же поползъ въ сторону, какъ раненая лисица, стараясь забраться въ кусты. Разъяренный мышеѣдъ уже подбѣгалъ къ другому, но тотъ протянулъ къ нему навстрѣчу руки.

— Мы не можемъ!—кричалъ онъ раздирающимъ голосомъ.— Безъ Мами не можемъ ничего. Насъ олени не слушаютъ!

Мышеѣдъ съ ненавистью посмотрѣлъ на пастуха, потомъ на огромную добычу, которая опять угрожала ускользнуть. Нѣсколько животныхъ успѣли вырваться изъ круга воиновъ и убѣгали впередъ, несмотря на стрѣлы, летѣвшія въ догонку, но большая часть стада еще держалась вмѣстѣ. Мышеѣдъ поспѣшно вернулся къ дѣвушкѣ и развязалъ ей руки.

— Собери ихъ вмѣстѣ!—приказалъ онъ, толкая ее по направленію къ стаду.

— Скажи своимъ людямъ, пусть уйдутъ съ дороги! — отвѣтила дѣвушка.

Рынто, очевидно бывшій главнымъ въ шайкѣ, побѣжалъ къ своимъ товарищамъ. Послѣ краткихъ переговоровъ, мышеѣды соединились вмѣстѣ и отошли въ сторону, держа на готовѣ луки и недовѣрчиво наблюдая за движеніями пастуховъ.

Мами бѣгала вдоль стада, успокоивая оленей особымъ призывнымъ крикомъ, похожимъ на хорканье молодой важенки.

— Га-га-гакъ! гакъ! гакъ! — кричала она, заставляя оленей сгруживаться вмѣстѣ.

Ободренные мальчики ревностно помогали ей, забѣгая дорогу самымъ смѣлымъ животнымъ. Бѣлый быкъ все еще стоялъ на мѣстѣ, стрѣла поразила его подъ лѣвую лопатку, но онъ боролся съ болью и смертью и не хотѣлъ упасть на землю. Завидѣвъ подходившую Мами, онъ поднялъ голову и протянулъ ее впередъ. Изъ его глазъ выкатились двѣ большія слезы и потекли по гладкой шерсти щекъ; потомъ глаза животнаго пріобрѣли неподвижное выраженіе, въ бедрахъ его пробѣжала мелкая дрожь, и оно тяжело рухнуло на снѣгъ, подергиваясь въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Вожакъ стада какъ будто только ожидалъ хозяйку, чтобы попрощаться съ ней, и потомъ покориться концу.

По лицу Мами тоже текли слезы, но она продолжала бѣгать и успокоивать стадо. Убѣжавшіе олени одинъ за другимъ стали

возвращаться. Стадо понемногу двигалось впередъ, а за нимъ слѣдовала шайка мышеѣдовъ, жадными глазами наблюдая за своей новой собственностью. Убитыя животныя были безпечно брошены въ добычу песцамъ и волкамъ.

Съ лѣвой стороны показался обозъ на собакахъ подъ предводительствомъ женщинъ, которыя ловко управлялись съ плохо выдрессированными псами тундры. Но воины изъ осторожности не позволили имъ подъѣхать близко, чтобы не испугать стада. Справа подъѣхали немногіе олени, оставшіеся у мышеѣдовъ послѣ недавняго бѣгства. Очевидно, нападеніе было строго обдумано, и отдѣльные отряды расположены на соотвѣтственныхъ мѣстахъ, какъ того требовали правильные боевые разсчеты.

Въ эту ночь на стоянкѣ мышеѣдовъ было много веселья. Они знали тундру лучше Мами и указали ей для остановки другой лѣсъ за четыре часа пути, гдѣ было прекрасное пастбище для оленей и обильное топливо для людей. Скоро нѣсколько большихъ костровъ засіяли на опушкѣ. Мышеѣды изловили самыхъ жирныхъ животныхъ и, убивъ ихъ копьями, приготовляли ужинъ. Когда стемнѣло, они опять отпустили мальчиковъ охранять отдыхающее стадо, но Мами велѣли сѣсть у самаго большого костра.

Они смотрѣли на дѣвушку, какъ на заложницу, и чувствовали увѣренность, что пока она съ ними, стадо не ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Дѣвушка устало опустилась на землю передъ огнемъ. Чувство полной безпомощности разрослось въ ея душѣ и превратилось въ оцѣпененіе. Она готова была машинально выполнить всякое приказаніе, лишь бы эти дикіе люди не били ее и не вязали ей рукъ арканомъ. Такъ чувствовали себя во всѣ вѣка военноплѣнныя рабыни, только что начинающія свое тяжелое поприще подъ чужеземной властью.

Мышеѣды разорвали мясо на части и пекли его на раскаленныхъ угольяхъ, каждый для себя; женщинамъ достались части похуже, съ большими костями, которыя онѣ постепенно обгладывали, разбивали каменными молотами и глодали снова. Вождь мышеѣдовъ былъ теперь добрѣе къ Мами и даже бросилъ ей безформенный кусокъ, который наполовину обуглился, забытый въ глубинѣ костра, и потому не годился для счастливыхъ побѣдителей.

Мами, однако, не стала ѣсть, она посмотрѣла на эту дикую толпу, уничтожавшую съ волчьей жадностью лучшихъ животныхъ ея стада, и въ душѣ ея на минуту проснулось прежнее отчаяніе.

— Лучше бы ты убилъ меня вмѣстѣ съ оленями,—повторила она, стиснувъ руки и склоняя голову къ землѣ.

— Зачѣмъ?—нагло усмѣхнулся Рынто.—Ты доведешь намъ стадо къ Телькену!

Такъ называлась главная рѣка мышеѣдовъ.

— А потомъ?—невольно спросила дѣвушка.

— Потомъ видно будетъ!—уклончиво возразилъ Рынто.—А ты ѣшь!..—повелительно прибавилъ онъ, видя, что Мами все еще держитъ въ рукахъ нетронутый кусокъ.

Мышеѣды кончили ужинъ и теперь заѣдали его сухимъ снѣгомъ, какъ собаки. Женщины мало по малу собрались вокругъ Мами. Ихъ было около двухъ десятковъ, многія были высоки и статны, но всѣ лица обезображивались низкимъ лбомъ и массивными, выходившими впередъ челюстями. Онѣ разсматривали молодую дѣвушку съ видимымъ недружелюбіемъ.

— Чертовка!—шипѣли онѣ.—Таньгинская вѣдьма!..

Самыя смѣлыя стали плевать ей въ лицо. Другія бросали въ нее комья снѣга или сучья, валявшіеся вокругъ.

Вождь схватилъ изъ костра головню и, размахивая ею направо и налѣво, сталъ отгонять женщинъ, какъ отгоняютъ хищныхъ животныхъ, наступающихъ слишкомъ близко.

— Суки!—кричалъ онъ.—Пошли отсюда!.. Пошли къ санямъ!.-

Онъ приложилъ къ губамъ продырявленный олeній позвонокъ, висѣвшій у него на шеѣ, и замѣнявшій свистокъ, и пронзительно свиснулъ, созывая свое племя на ночной совѣтъ.

Ото всѣхъ костровъ стали собираться воины съ раскраснѣвшимися лицами, еще лоснившимися отъ недавняго ужина; нѣкоторые держали въ рукахъ кости, продолжая ихъ обгладывать на ходу.

— Слушайте,—сказалъ вождь, когда собраніе было въ полномъ составѣ.—Мы захватили въ плѣнъ много быковъ и одну важенку... Быковъ съѣдимъ. А съ важенкой что дѣлать?

— Убить ее, чертовку!—кричали бабы, которыя все-таки вернулись вмѣстѣ съ мужчинами, но опасаясь вождя, теперь стали сзади, ибо у мышеѣдовъ женщины большею частью принимали участіе въ совѣтѣ.

— Слушайте, люди!—сказалъ Рынто, немного помолчавъ.—Я возьму ее себѣ... рабыней!

— Не надо рабынь!—кричали бабы.—Задушить чужую тварь!..

— Если мнѣ надо,—возразилъ Рынто вызывающимъ тономъ,—то вамъ какое дѣло?

Мужчины тоже заворчали. Мышеѣды устраивали жизнь сообща, а браки заключались у нихъ по добровольному взаимному согласію и не были крѣпки; владѣніе плѣнницей было новымъ и неслыханнымъ дѣломъ.

— Еще подростки есть! —напомнилъ приземистый воинъ съ коричневымъ лицомъ, курчавой головой и приплюснутыми губами, похожій на негра или мулата.—Придемъ на тундру, тамъ видно будетъ.

Рынто подумалъ съ минуту.

— Ты Каянто, ты Петки, ты Теуль, ты Екуйгинъ,—онъ перечислилъ еще шесть или восемъ именъ,—придите сюда!

Названные одинъ за другимъ вышли впередъ и стали рядомъ съ вождемъ. Это были самые выдающіеся воины, если судить по ихъ росту и всему внѣшнему виду. Всѣ они были друзьями Рынто и теперь вмѣстѣ съ ними онъ чувствовалъ себя въ состояніи противоборствовать толпѣ.

— Слушайте теперь вы!—сказалъ Рынто, обращаясь къ своимъ товарищамъ.—Вотъ насъ десятокъ. Этой рабыней давайте владѣть вмѣстѣ. Подростковъ возьмемъ тоже: будутъ пасти оленей, какіе достанутся, будемъ съ работниками, а ее станемъ имѣть женой... отдѣльно отъ всѣхъ.

Толпа глухо роптала.

— Придемъ на тундру, тамъ видно будетъ,—съ угрозой повторилъ смуглолицый,—какія бываютъ отдѣльныя жены!

Будущіе совладѣльцы Рынто, однако, были довольны новымъ проектомъ. Для пущей осторожности они даже легли спать вмѣстѣ съ вождемъ. Рынто на ночь обвязалъ станъ молодой дѣвушки концомъ аркана, а другой конецъ обернулъ вокругъ собственной ноги для предупрежденія побѣга. Другіе мышеѣды шли къ своимъ кострамъ и улеглись, кто гдѣ могъ, нерѣдко прямо на снѣгу, бросивъ подъ голову связку хвороста или полѣно и укрываясь разной рухлядью, и даже кровавыми шкурами, содранными съ оленей, недавно убитыхъ на ѣду.

Танъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.**

Перев. съ англійскаго **З. Журавской.**

Продолженіе *).

Глава XXIII.

Въ маленькой гостинницѣ въ Шарнэ пробило полночь. Дождь, столько ночей подрядъ поливавшій деревню, наконецъ перересталъ. Ночь была тихая, ясная, одна изъ тѣхъ ночей, когда до слуха вашего изъ глубины безмолвія порой внезапно доносится—звонкой и чистой нотой—голосъ горныхъ потоковъ.

Жюли лежала въ постели. Она почти не замѣтила, какъ горничная раздѣла и уложила ее. Въ обычномъ теченіи жизни какъ бы наступилъ перерывъ. Передъ нею попеременно плыли двѣ картины — одна вызванная памятью, другая воображніемъ, и эта другая была живѣе и реальнѣе первой. Она видѣла себя въ гостиной леди Генри; возлѣ нея сидѣли сэръ Уильфридъ Бёри и сѣдовласый генералъ. Но вотъ отворяется дверь, и входитъ Уорквортъ—молодой, красивый, съ военной выправкой, съ мальчишески-побѣдоноснымъ видомъ который такъ нравился однимъ и такъ возмущалъ другихъ. Глаза ихъ встрѣтились, и волна счастья прилила къ ея сердцу.

Затѣмъ лондонская гостиная вдругъ исчезла. Она была въ низенькой походной палаткѣ. Солнце жгло и сквозь парусину; въ палаткѣ было трудно дышать. Она стояла вмѣстѣ съ двумя мужчинами и докторомъ у низкой походной кровати, чутко ловя сердцемъ каждый звукъ, каждое движеніе больного. Она слышала, какъ шелестѣлъ вѣеръ въ рукахъ доктора, видѣла мухъ на блѣдномъ вспотѣвшемъ лбу...

Но слезъ у нея не было. Ей казалось только, что жизнь кончилась, провалилась въ какую-то страшную бездну, гдѣ юность и отвага, раскаяніе и благородная рѣшимость, любовь и наслажденіе, все свалено въ кучу и схоронено навѣкъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1903 г.

А эта бѣдняжка тамъ наверху, ее нельзя было увезти домой — она была еле жива. При ней были сидѣлка и докторъ; мать со страхомъ прислушивалась къ каждому ея дыханію. Недавній дифтеритъ ослабилъ ея сердце и нервную систему; ударъ былъ жестокъ, и врачи не обѣщали ничего хорошаго въ будущемъ.

— Мама!.. мама!.. умеръ!

Крикъ этотъ до сихъ поръ звучалъ въ ушахъ Жюли, отдавался въ каждомъ углу просторной и низкой спальни. Ей чудилось, будто его повторяютъ горы, будто онъ доносится къ ней стономъ изъ безконечной глубины озера. Она чувствовала тамъ во тьмѣ, за стѣнами комнаты враждебную природу, громады горъ и пропасти, грозныя, неумолимыя...

Онъ лежитъ тамъ мертвый, въ пескахъ пустыни, а она жива, невредима, жена Джэкоба Делафильда—по крайней мѣрѣ, по имени.

Въ дверь постучали. Въ первый разъ Жюли не отвѣтила— ей казалось, что и это ей чудится, но стукъ повторился, и она машинально сказала: «Войдите!»

На порогѣ стоялъ Делафильдъ, со свѣчей въ рукѣ, заслоняя отъ нея свѣтъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Могу я войти? Я знаю, что вы не спите.

Это было въ первый разъ, что онъ вошелъ въ спальню своей жены. Не смотря на все горе Жюли, у нея какъ-то странно дрогнуло сердце, когда она увидѣла лицо своего мужа, ярко освѣщенное, въ этотъ поздній полуночный часъ. Затѣмъ волненіе перешло въ боль — боль новаго и остраго раскаянія.

Делафильдъ былъ, собственно говоря, года на три моложе Уоркворта, но Жюли показалось, что она видитъ передъ собой человѣка пожилого, преждевременно состарившагося. Онъ сталъ много старше и серьезнѣе даже со времени ихъ свадьбы, съ того памятнаго вечера на берегу Комо, когда, покоряясь нравственной силѣ, надъ которой онъ, казалось, самъ былъ не властенъ, воля ея сдалась, и она согласилась соединить свою судьбу съ его судьбой.

Она смотрѣла на него съ какимъ-то ужасомъ. Почему онъ такъ блѣденъ? Почему у него такое скорбное выраженіе лица? Вѣдь смерть Уоркворта не смертельный ударъ для *него*.

Онъ подошелъ ближе; Жюли все не могла свести съ него глазъ. Неужели это ея вина, что онъ такъ мраченъ, что на лицѣ его лежитъ печать нѣмой душевной борьбы и муки, съ которой не справиться даже его сильной молодости. Сердце ея въ первый моментъ возмутилось противъ подобнаго обвиненія, затѣмъ вдругъ смягчилось какимъ-то теплымъ чувствомъ—она сама не знала, какимъ.

Она приподнялась, сѣла въ постели и протянула ему обѣ руки. Ему вспомнился тотъ вечеръ въ Гериберть-стритѣ, послѣ ухода Уоркворта,

когда она была такъ грустна и покорна. Та же тоска, та же растерянность и тревога были въ ея позѣ теперь.

Онъ опустился на колѣни возлѣ кровати и обнялъ ее. Она обвилась руками вокругъ его шеи, спрятала лицо у него на плечѣ и тутъ только въ первый разъ заплакала.

— Онъ былъ такъ еще молодъ,—говорила она прерывающимся голосомъ,—такъ молодъ!

Делафильдъ нѣжно гладилъ ее по головѣ.

— Онъ умеръ, служа своей родинѣ,—выговорилъ онъ, съ трудомъ владѣя своимъ голосомъ. — И вы такъ горюете о немъ. Я не могу такъ ужъ сильно жалѣть его.

— Вы дурно думали о немъ, я знаю,—рыдая, говорила Жюли.— Но онъ не былъ—не былъ дурнымъ человѣкомъ.

Она откинулась на подушки; слезы градомъ катились по ея щекамъ.

Делафильдъ молча поцѣловалъ ея руку.

— Когда-нибудь я все вамъ скажу,—выговорила она прерывающимся голосомъ.

— Да, скажите. Намъ обоимъ будетъ легче.

— Я докажу вамъ, что онъ не былъ низкимъ человѣкомъ. Когда— когда онъ предложилъ мнѣ ту поѣздку, онъ былъ доведенъ до отчаянія. И я тоже. Развѣ онъ могъ взять назадъ свое слово? Вы сами видите, какъ она любила его. Но мы не могли такъ разойтись, проститься навѣки. Все это нахлынуло на насъ такъ неожиданно. Мы хотѣли принадлежать другъ другу всецѣло—только два дня—прежде чѣмъ разстаться навсегда. О! я все скажу вамъ...

— Скажите мнѣ все сейчасъ! — молвилъ онъ властно, ломая въ своихъ рукахъ ея нѣжныя руки и прижимая ихъ къ своей груди, такъ что она чувствовала біеніе его сердца.

— Отпустите мою руку. Я покажу вамъ письмо — его послѣднее письмо ко мнѣ.

И она, вся дрожа, вытащила изъ-подъ подушки его письмо, наскоро нацарапанное въ убогомъ отелѣ, близъ Gare de Sceaux.

Но не успѣла она передать его Делафильду, какъ ощутила въ душѣ приливъ новыхъ чувствъ, и ея поступокъ перестал казаться ей такимъ простымъ. Она защищала своего возлюбленнаго и себя передъ лицомъ друга, который только по имени былъ ея мужемъ. Это былъ крикъ души, мольба о сочувствіи—одного человѣка къ другому.

Но когда Делафильдъ взялъ письмо и началъ читать, у нея какъ-то странно, по другому, забилось сердце, и кровь застучала въ виски. Она вспомнила страстныя фразы, заключавшіяся въ письмѣ, и въ душѣ ея проснулись новыя страхи, новыя угрызенія.

Делафильдъ переживалъ также нестерпимо сложныя ощущенія. Ночное время, эта нѣжная интимность—естественная близость мужа и жены;

чувство близости Жюли, ея лица, волосъ, всего ея милаго тѣла—близости, которую онъ все время ощущалъ, какъ ни старался забыть объ этомъ; утонченное изящество этой женской спальни, невольно выдающее вкусы хозяйки; его полуправа на неё, и взывающія къ любви, и напоминающія о торжественномъ обязательствѣ, которое онъ взялъ на себя, чтобы завладѣть ею,—какой мужчина на его мѣстѣ не былъ бы глубоко смущенъ и взволнованъ?

Сердечная боль, естественные физическіе порывы, и рядомъ иные голоса—состраданія, самообузданія, великодушія, и еще голосъ, суровый и нѣжный голосъ религіи, болѣе всѣхъ властный надъ душой этого глубоко вѣрующаго человѣка.

Съ этой бурей въ душѣ онъ читалъ письмо, все еще не вставая съ колѣнъ и не выпуская ея руки. Жюли закрыла глаза и лежала тихо; только свободная рука ея по временамъ вздрагивала, отирая слезы, медленно струившіяся по ея щекамъ.

— Благодарю васъ,— сказалъ онъ, наконецъ, нетвердымъ голосомъ, кладя письмо на подушку,—благодарю васъ! Хорошо, что вы дали мнѣ прочесть это письмо. Оно совершенно мѣняетъ мое мнѣніе о немъ. Еслибъ онъ остался живъ...

— Но онъ умеръ! умеръ!—мучительно вскрикнула вдругъ Жюли, стараясь вырвать у него свою руку и пряча лицо въ подушки.—Умеръ какъ разъ тогда, когда ему такъ хотѣлось жить... О, Боже мой! Боже мой! Нѣтъ! Бога нѣтъ! Никто не жалѣетъ, никому нѣтъ дѣла...

Она вся тряслась отъ конвульсивныхъ рыданій. Делафильдъ утѣшалъ её, какъ могъ. Вдругъ она жалобнымъ жестомъ протянула руку и коснулась его лица.

— И вы тоже—что я съ вами сдѣлала? Какой у васъ ужасный видъ! Я приношу несчастье... Зачѣмъ вы только женились на мнѣ? Я не могу вырвать этого изъ своего сердца, не могу!

И она опять зарылась въ подушки. Делафильдъ нагнулся къ ней.

— Вы думаете, я такъ малодушенъ, что сталъ бы просить васъ объ этомъ?

Мигъ, и вся душа Жюли была уже полна мятежнымъ протестомъ. Отъ этихъ возвышенныхъ чувствъ на нее вдругъ повѣяло холодомъ. Будь онъ болѣе обыкновеннымъ человѣкомъ, болѣе доступнымъ слабости, страсти, эгоистически жалѣющимъ самого себя, онъ больше выигралъ бы въ ея глазахъ. Еслибъ боль его живой души, ускользнувъ изъ-подъ контроля разсудка, встала рядомъ съ властнымъ воспоминаніемъ о погибшемъ возлюбленномъ, Делафильдъ, можетъ быть, нашелъ бы въ своихъ объятіяхъ другую Жюли. Но такъ ея мужъ казался ей больше и меньше, чѣмъ человѣкомъ; она невольно преклонялась передъ нимъ, но ея мятежное сердце не лежало къ этому суровому аскетизму.

Когда, наконецъ, она сдержала слезы, онъ понялъ, что ей хочется

быть одной, и чутьемъ угадалъ происшедшую въ ней реакцію. Съ невольнымъ тяжелымъ вздохомъ онъ поднялся съ мѣста. Она разслышала вздохъ, но не тронулась имъ; ей стало только непріятно.

— Можетъ быть, уснете немножко?

— Попробую, mon ami.

— Если сна не будетъ и вамъ захочется, чтобы я почиталъ вамъ, позовите меня, я буду въ сосѣдней комнатѣ.

Она слабо поблагодарила его, и онъ пошелъ, но отъ дверей вернулся обратно.

— Сегодня вечеромъ,—онъ колебался,—пока здѣсь были врачи, я сбѣгалъ въ Монтре кратчайшимъ путемъ и послалъ телеграмму. Консулъ въ Занзибарѣ мой старый пріятель. Я просилъ его сообщить подробности по телеграфу. Письма придутъ не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Я знаю. Вы очень, очень добры!

Часъ за часомъ сидѣлъ Делафильдъ въ своей комнатѣ въ ожиданіи зова, пока не занялась заря.

Къ его комнатѣ примыкалъ небольшой балкончикъ, и, выйдя на него въ четвертомъ часу утра, онъ очутился въ безмолвномъ обществѣ окутаннаго туманомъ озера, высокихъ горъ, розовѣвшихъ на восточной окраинѣ неба и лѣсистыхъ холмовъ, одинъ за другихъ выступавшихъ изъ тумана навстрѣчу утру. Все было такъ свѣжо, торжественно и пустынно—и широко раскинувшееся озеро, и ущелья ледниковъ, гдѣ залегли багряныя тѣни, и крутизны Нэйскихъ утесовъ, гдѣ сверкалъ на солнцѣ только что выпавшій снѣгъ, и прохладный вѣтеръ, несшійся изъ воротъ Италіи по извилистымъ закоулкамъ дивной долины, которая споконъ вѣковъ служила большой дорогой.

На всемъ озерѣ ни одной лодки; кругомъ ни голоса, ни звука; и луга, и виноградники были пустынны. Но инстинктъ, а также легкій шорохъ въ сосѣдней комнатѣ говорили ему, что Жюли не спитъ, какъ и онъ. Да и наверху слышны голоса и осторожные шаги сидѣлки. Бѣдная маленькая наслѣдница! она также бодрствуетъ, борясь со своимъ горемъ.

Странное чувство стыда, самоосужденія закрадывалось въ его сердце. Все это время онъ каждый день ложился съ тревогой и вставалъ съ горечью въ душѣ. Не было дня, съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали въ Швейцарію, когда бы онъ, человѣкъ съ сильными отъ природы страстями, не заставлялъ себя взглянуть въ лицо жестокой правдѣ: онъ почти насильно женился на женщинѣ, которая никогда его не полюбитъ, сдѣлалъ ложный и непоправимый шагъ, послѣдствія котораго, по всей вѣроятности, окажутся гибельными для него и нестерпимыми для нея.

И все же, несмотря на грусть и мрачныя предчувствія, даже и въ

эту ночь, когда онъ мучительно завидовалъ мертвому, но все еще любимому Уоркворту, онъ не былъ безусловно несчастливъ. Таинственная сила, всегда живущая въ душѣ мистика и вливающая въ нее новую бодрость, не покидала его никогда, была съ нимъ и теперь, говорила съ нимъ таинственными переливами зари.

Такъ могъ ли онъ равняться съ Жюли, когда ему не дано было испытывать настоящее, острое, мучительное горе? На душѣ у него было какъ-то странно; онъ точно двоился. Онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, защищенный въ борьбѣ волшебными доспѣхами, и совѣсть корила его, и ему хотѣлось сбросить съ себя заколдованное вооруженіе, чтобы быть такимъ же, какъ его братья, слабые, бьющіеся ощупью, во мракѣ. Но тутъ онъ вспоминалъ о томъ, чья рука укрыла его волшебнымъ щитомъ, и сердце его таяло отъ благоговѣйнаго умиленія.

«Другъ моей души и всего міра, сдѣлай меня твоимъ орудіемъ. Ты любовь, вѣщай моими устами, привлеки ко мнѣ ея сердце».

Наконецъ, убѣдившись, что ему не уснуть, и находя, что онъ думалъ достаточно, Делафильдъ вышелъ изъ гостинницы и росистыми лугами, гдѣ только что появились косцы, пробрался къ ручью Les Avants. Купанье совсѣмъ освѣжило его, и онъ вернулся домой полемъ, вдыхая ароматъ весеннихъ цвѣтовъ, настойчиво гоня отъ себя свои ночныя мысли и вмѣсто нихъ, заставляя себя думать объ организаціи мелкой аренды въ одномъ изъ помѣстій, принадлежавшихъ его кузену.

Спускаясь къ Шарнэ, онъ повстрѣчалъ почтальона и взялъ у него письма. Одно изъ нихъ было отъ герцога Чедлея и заключало въ себѣ грустныя вѣсти. Отецъ и сынъ возвратились въ Англію, и, благодаря сырой, холодной погодѣ, юный лордъ Эльмира, въ довершеніе всѣхъ своихъ бѣдъ, схватилъ еще воспаленіе легкихъ. Сама по себѣ форма была не тяжелая, и болѣзнь почти уже прошла. «Но эта новая болѣзнь страшно истощила его силы, а ты знаешь, много ли ихъ осталось. Не забывай его. Онъ постоянно думаетъ и говоритъ о тебѣ».

Делафильда потянуло домой, на родину. Но онъ зналъ, что Жюли будетъ чувствовать себя теперь трагически связанной съ Моффатами,— а развѣ онъ можетъ оставить ее? Онъ печально говорилъ себѣ, что ему нельзя рисковать единственнымъ шансомъ завоевать ея сердце. Отъ того, какъ онъ будетъ держать себя теперь, въ эту горькую для нея минуту, когда она оплакиваетъ Уоркворта, зависитъ, можетъ быть, все ихъ будущее.

Но и родные имѣли на него право. Ему мучительно тяжело было думать о герцогѣ и его бѣдномъ сынѣ, которые такъ трогательно-безпомощно цѣплялись за него. Джэкобъ зналъ, что герцогъ самъ неизлѣчимо боленъ. Надолго ли онъ переживетъ своего бѣднаго мальчика?

И тутъ Делафильда неожиданно захватила врасплохъ мысль, которой онъ такъ старательно и хитро избѣгалъ,—мысль объ ожидавшемъ

его колоссальномъ наслѣдствѣ и герцогскомъ титулѣ. У всякаго другого англичанина при этой мысли сильнѣе забилось бы сердце отъ естественной радости, но Делафильдъ ощущалъ только смутное предвкушеніе будущихъ мукъ. Въ этомъ отвращеніи къ титулу и богатству было, можетъ быть, что-то болѣзненное, что-то близкое къ «чудачествамъ» его отца, къ ханжеству и фанатизму его бабушки, вѣчно окруженной «цѣлой сворой поповъ», какъ выражался сэръ Уильфридъ. Эти странности, проявлявшіяся въ его предкахъ въ грубой и рѣзкой формѣ, въ немъ сказались переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей, своеобразностью критерія, которую заурядный здравомыслящій англичанинъ назвалъ бы ханжествомъ или глупостью.

И однако, чувство, говорившее въ Делафильдѣ, не было ни тѣмъ, ни другимъ; у него была своя логика и своя исторія. Делафильдъ съ ранней юности былъ окруженъ преимуществами знатнаго имени и богатства. Они утратили для него обаяніе, а между тѣмъ, онъ видѣлъ какія тяжелыя обязанности они налагаютъ и какъ они безсильны дать самое необходимое для человѣка—здоровье и душевный покой. Да и какъ могъ бы онъ не понять этого, видя передъ собой печальную фигуру герцога и его обреченнаго смерти сына? Никакой пищи воображенію и поэтическому чувству Делафильдъ въ этомъ не находилъ. Въ традиціяхъ, несомнѣнно, есть что-то волнующее, но что завиднаго въ мысли, что будешь владѣть несмѣтнымъ количествомъ акровъ земли, такимъ множествомъ домовъ и новыхъ, и старыхъ, что во всѣхъ въ нихъ нѣтъ возможности жить, такой уймой денегъ, которой благоразумному человѣку во вѣкъ не истратить, и нести кучу обязательствъ, которыхъ не въ состояніи выполнить? Все это часто казалось Делафильду сущимъ бѣдствіемъ, тягостнымъ бременемъ—и только. И то, что законъ и обычай могутъ принудить его и когда-нибудь непремѣнно принудятъ возложить на себя это бремя, представлялось ему жестокой соціальной несправедливостью.

Ко всему этому примѣшивалось еще его страстное поклоненіе демократіи духа. Возсѣдать на тронѣ, словно какое-то божество, окруженное купленными знаками уваженія близкихъ, и обладать могуществомъ, съ которымъ не знаешь, что дѣлать—это вызывало въ Делафильдѣ такой же презрительный протестъ, какъ и въ святомъ Францискѣ. Въ его душѣ непрестанно звучали слова святого: «Пусть никто не называетъ тебя господиномъ!»

Всѣ эти привычныя мысли, кружившіяся въ умѣ Делафильда въ то время, какъ онъ шелъ по улицѣ Шантрэ, время отъ времени пронизывала новая острая мысль—о Жюли! Зналъ ли онъ, пытался ли онъ узнать, какъ она смотритъ на это будущее, предстоящее ему? Нѣтъ, у него не хватало духу. Она пробовала зондировать его на этотъ счетъ, но сама не высказывалась.

Въ то время, когда Жюли жила у леди Генри, Делафильдъ нерѣдко

замѣчалъ въ ней пристрастіе къ высокому званію и богатству. Вначалѣ это казалось ему естественнымъ въ женщинѣ романтизмомъ; потомъ онъ объяснялъ это себѣ иначе, приводя это въ связь съ ея усиліями помочь Уоркворту.

Но что, если онъ въ концѣ концовъ убѣдится, что это и есть цѣль, къ которой она стремилась, что въ этомъ и заключается ея награда? Она согласилась выйти замужъ безъ любви и потеряла возлюбленнаго, но герцогскій титулъ вознаградитъ ее за все. Онъ зналъ, что такъ чувствовали бы на ея мѣстѣ девять женщинъ изъ десяти. Но одна мысль что Жюли можетъ быть такова же, сводила его съ ума. Такъ значитъ онъ всегда останется для нея только символомъ низменныхъ удовольствій и выгодъ, а сердце ея попрежнему будетъ принадлежать Уоркворту?

Нѣтъ! не можетъ быть!

Онъ даже остановился, чтобы крѣпче запечатлѣть въ себѣ этотъ радостный и самодовольный отвѣтъ. Такъ не можетъ быть. Вѣдь она отказала ему дважды, зная его обстоятельства и его виды на будущее. Въ эту минуту онъ вдвойнѣ обожалъ ее за ея прежніе отказы.

Ровно черезъ двадцать четыре часа Делафильдъ получилъ отвѣтную телеграмму отъ своего пріятеля изъ Занзибара. Она повторяла то, что уже было напечатано въ англійскихъ газетахъ съ добавленіемъ извѣстія, что Делафильдъ похороненъ вблизи одной деревни на пути каравановъ въ Мокембе и что на его могилѣ поставленъ знакъ. Телеграмма заканчивалась словами: «Славный юноша. Не повезло. Всѣ здѣсь очень огорчены».

За эти слова Делафильдъ былъ неожиданно награжденъ взоромъ горячей признательности, сверкнувшей въ темныхъ впалыхъ глазахъ Жюли. Она сжала его руку и прильнула лицомъ къ его плечу.

Леди Бланшъ тоже поплакала надъ телеграммой, восклицая, что она всегда вѣрила въ Генри Уорквoрта и что теперь сплетники въ Симлѣ, такъ усердно чесавшіе языки насчетъ его и Эйлинъ, можетъ быть устыдятся.

Къ великому неудовольствію Делафильда, она вылила на него потокъ откровенностей, которыхъ онъ предпочелъ бы избѣжать. Онъ принесъ ей телеграмму въ ея гостиную. Въ комнатѣ рядомъ лежала Эйлинъ, по словамъ ея матери, еще совсѣмъ больная, почти безъ языка. Делафильдъ только дивился, какъ мать, рядомъ съ такой трагедіей, находитъ возможнымъ разсказывать исторію дочери сравнительно чужому человѣку. Леди Бланшъ представилась ему неуравновѣшенной и глупой женщиной, игрушкой — съ одной стороны, смутной зависти и антипатій, съ другой—романическаго и сентиментальнаго темперамента, кичащагося своимъ презрѣніемъ къ «свѣту»,—подъ которымъ подразумѣвалось, въ сущности, самое обыкновенное благоразуміе.

Она съ перваго же дня вдовства жаловалась на опекуновъ своей

дочери, ревнуя къ тому, что не ей предоставлено закономъ распоряжаться деньгами и судьбою Эйлинъ, и въ душѣ рѣшила все дѣлать по своему. Своенравіе и причуды отца, принявшія такую красивую и странную форму въ Розѣ Деланэй, утратили всякую привлекательность въ болѣе мелкой, эгоистичной и преданной условностямъ леди Бланшъ.

А впрочемъ, по своему она была добра. Она ни въ чемъ не могла отказать Эйлинъ. Она легко способна была расчувствоваться надъ любовной исторіей. И когда Уорквортъ сталъ ухаживать за ея дочерью съ пылкостью, которая испугала бы всякую осторожную мать, и робкая, прелестная восемнадцатилѣтняя дѣвочка сдѣлалась предметомъ разговоровъ всей Симлы, леди Бланшъ, купленная лестью Уорквoрта, всей душой встала на сторону Эйлинъ и противъ ея гадкихъ опекуновъ.

Бѣдная женщина! Она была жестоко наказана за свое легкомысліе. Съ удивленіемъ и ужасомъ замѣтила она, какъ властно овладѣла страсть нѣжной и хрупкой дѣвичьей душой. Ея маленькая дочка, такая невинная, нѣжная, дѣвственно чистая, обнаружила способность любить, всецѣло отдаваясь чувству, какая рѣдко встрѣчается въ наше время.

Она жила и дышала только Уорквортомъ. Ея здоровье, всегда хрупкое, сильно пострадало отъ ихъ разлуки. Она стала худенькой и воздушной, какъ видѣніе, — настоящей «кисейной барышней». Обычный строй ея жизни, общество и путешествія утратили для нея всякую привлекательность; она тяготилась этой жизнью и выносила ее съ отвращеніемъ, что уже само по себѣ подрывало ея жизненныя силы. Мать страшно встревожилась и сейчасъ же пошла на уступки, — разрѣшила Эйлинъ переписываться съ женихомъ, по секрету отъ опекуновъ. Но каждое письмо несло съ собой волненія, которыя ураганомъ врывались въ душу этого полуребенка и, казалось, подкашивали у корня молодую жизнь. А тамъ явился дифтеритъ съ его ядовитымъ воздѣйствіемъ на уже разстроенную нервную систему.

И тутъ на огорченную мать, какъ громъ, свалилось извѣстіе, что Уорквортъ, съ которымъ она сама регулярно переписывалась, которому Эйлинъ и съ одра болѣзни посылала маленькія записочки карандашемъ, предназначенныя утѣшить тоскующаго влюбленнаго, — что Уорквортъ спутался въ Лондонѣ съ другой — какой-то миссъ Ле-Бретонъ, безъ роду и племени, платной компаньонкой леди Генри, но красивой, беззастѣнчивой и ловкой интриганкой, — именно такой женщиной, которая, какъ коршунъ, способна была вырвать кусокъ изо рта ея бѣдной голубки.

Письмо Эмили Лауренсъ, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вечера, проведеннаго въ домѣ герцогини Кроуборо, подняло бурю тоски и тревоги въ материнской груди. Леди Бланшъ посмотрѣла на дочь, которая лежала въ постели, откинувшись на подушки, блажен-

но сжимая въ своихъ худенькихъ ручкахъ письма Уорквόрта, и ничего не сказала, но сейчасъ же сѣла писать измѣннику.

Измѣнникъ отвѣтилъ съ первой же почтой. Онъ защищался, оправдывался, умолялъ не обращать вниманія на сплетни. Миссъ Ле-Бретонъ—его другъ, который трудится на пользу столько же его, сколько и Эйлинъ. Своимъ теперешнимъ назначеніемъ, которое должно такъ быстро двинуть впередъ его служебную карьеру, онъ обязанъ въ значительной степени вліянію миссъ Ле-Бретонъ. Въ то же время онъ совѣтовалъ леди Бланшъ не доводить до свѣдѣнія Эйлинъ не только глупыхъ сплетенъ, но даже и этого правдиваго и невиннаго факта его дружескихъ отношеній съ миссъ Ле-Бретонъ. Нельзя предвидѣть, какъ она отнесется къ этому, — молоденькія дѣвушки такія фантазерки,—лучше онъ самъ ей разскажетъ современемъ.

Лэди Бланшъ пришлось удовольствоваться этимъ. Вѣсть о командировкѣ Уорквορта въ Мокембе сыграла видную роль въ выздоровленіи Эйлинъ. Дѣвушка ликовала, радовалась день и ночь и писала ангельскія письма жениху.

Мать слѣдила за ней съ самыми противоположными чувствами. Что касается отвѣтовъ Уорквόрта, которые иногда ей показывались, леди Бланшъ, въ дѣвицахъ весьма увлекавшаяся и героиня многихъ романовъ, втайнѣ находила, что любовныя письма мужчинъ стали теперь очень блѣдны и жалки, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ писали встарину.

Но Эйлинъ была болѣе, чѣмъ довольна ими. Какъ онъ, должно быть, занятъ, бѣдняжка! — и какими все важными дѣлами! Бѣдный, милый! Какъ онъ добръ, что находитъ время вспомнить о ней, черкнуть ей словечко!

И вотъ, леди Бланшъ видѣла свою дочь сломанной, разбитой, искалѣченной раньше, чѣмъ она, въ сущности, начала жить. Ея материнское горе было очень искренно и должно было бы быть трогательнымъ. Но она была не изъ тѣхъ, кто внушаетъ участіе. Вся ея наружность—глаза съ красными вѣками, растрепанные волосы, непріятная манера сопѣть носомъ, въ соединеніи съ отсутствіемъ достоинства и сдержанности въ ея манерахъ, возбуждали скорѣе нетерпѣніе, чѣмъ сочувствіе.

«А мама такъ любила ее!» говорила себѣ иногда Жюли, вспоминая немного дикую грацію и оригинальную красоту своей матери и сопоставляя ихъ съ неуклюжей распущенной фигурой ея сестры, оставшейся знатной леди.

Леди Бланшъ, въ свою очередь, зорко слѣдила за своей неожиданно обрѣтенной племянницей, вспоминая исторію, разсказанную ей братьями, и стараясь припомнить сестру, которую она потеряла, когда сама была почти еще дѣвочкой. И тутъ же рядомъ ей вспоминалось письмо Эмили Лауренсъ и разные дошедшіе до нея слухи объ отношеніяхъ Жюли и Уорквόрта.

*

Что у нея теперь на умѣ—у этой женщины? Лицо блѣдное, взглядъ трагическій. Но какое право имѣетъ она горевать? Или она представляется грустной для того, чтобъ ее жалѣли?

Джэкобъ Делафильдъ былъ такъ глупъ, что женился на ней, а теперь еще судьба, чего добраго, сдѣлаетъ ее герцогиней. Кому не надо, тѣмъ везетъ,—это ужъ всегда такъ!

Иногда въ памяти леди Бланшъ неожиданно вставалъ образъ ея черноглазой сестры Розы, ихъ дѣтскія прогулки въ колясочкѣ, запряженной пони, вспоминалось, какъ Роза учила ее, какъ она обожала Розу и какъ потомъ словно черная пелѐна забвенія и осужденія спустилась и закрыла Розу и все относившееся къ ней.

Но дочь Розы! О ней можно сказать только одно: изъ нея вышло то, что и должно было выйти при такихъ условіяхъ — жеманница, кривляка! На этотъ счетъ у ея тетки не было никакихъ сомнѣній. А ея бѣдняжка Эйлинъ такъ привязалась къ этой женщинѣ, не выпускаетъ ея руки изъ своей, такъ ласково смотритъ своими грустными кроткими глазками на эту интриганку, которая хотѣла отнять у ней милаго!

Что такое сталось съ дѣвочкой? Письмо Уорквορта да общество Жюли—больше ей, кажется, ничего и не нужно!

И вотъ, наконецъ, когда ужъ на дворѣ блисталъ іюнь, и торжествующее лѣто прогнало жалкую весну, когда луга были полны красокъ и благоуханій, и ясныя горы на ясномъ небѣ и на зарѣ, и въ полдень, и ночью дышали вѣчно новой и неувядаемой красотой, бѣдная исхудалая больная посмотрѣла прямо въ глаза Жюли и безъ слезъ разсказала ей свою исторію:

— Это его письма — потомъ какъ-нибудь я вамъ прочту ихъ;—а это его портретъ. Я знаю, вы встрѣчались съ нимъ у леди Генри. Онъ упоминалъ о васъ въ письмахъ. Пожалуйста, раскажите мнѣ все.—Вы часто видѣли его?—что онъ вамъ говорилъ? Вы видите—я уже поправляюсь—я все могу перенести!

Эти двѣ недѣли ожиданія писемъ изъ Африки и выздоровленія Эйлинъ страшно трудно доставались Делафильду; и мозгъ, и нервы его были напряжены до послѣдней степени. Все его вниманіе было поглощено Жюли и его отношеніями къ ней.

Прежде всего онъ видѣлъ, что она не можетъ свободно отдаться своему горю, должна глушить, таить въ себѣ свою тоску, мучительную нѣжность и жалость, томившія ея душу. Онѣ были бы оскорбленіемъ для леди Бланшъ и жестокой неожиданностью для Эйлинъ. Вся душевная жизнь Жюли сосредоточилась въ данный моментъ на ея дружбѣ съ новоявленной кузиной. Эта слабенькая хрупкая дѣвушка чуть не умерла отъ того, что смерть отняла у нея жениха. А Уорквортъ и не

любилъ, и не стоилъ ея; Жюли знала, что онъ ѣхалъ въ Африку и шелъ навстрѣчу смерти съ другимъ образомъ въ сердцѣ.

Въ этомъ была постоянная, непоправимая жестокость, и Жюли не могла не испытывать угрызеній. День за днемъ нѣжность льнувшей къ ней дѣвушки глубже захватывала ея сердце, и тѣмъ больнѣй колола её мысль, что между ними всегда будетъ перегородка и тайна, которой нельзя раскрыть безъ того, чтобы Эйлинъ не отшатнулась въ ужасѣ.

Это былъ новый видъ нравственной муки для человѣка, который до тѣхъ поръ жилъ лишь умомъ и страстью. До извѣстной степени это отодвигало на второй планъ даже ея скорбь объ Уорквортѣ и безумную жалость къ его грустной участи. Подъ вліяніемъ вѣчнаго страха, какъ бы больная не разгадала и не возненавидѣла её, горе Жюли незамѣтно утратило свою первоначальную остроту.

Волнуемая въ глубинѣ души этими тайными чувствами Жюли была все время блѣдна и молчалива, но никогда еще ея врожденная грація такъ не бросалась въ глаза. Всѣ обитатели маленькаго пансіона, хозяева, прислуга, посѣтители, чувствовали какой-то романическій трепетъ въ ея присутствіи. Леди Бланшъ, растерянная, любопытная и надоѣдливая, возбуждала нетерпѣніе или скуку; ея горе никого не трогало. Но Жюли всѣ въ глаза смотрѣли, всѣ кидались исполнять ея порученія.

А когда день приходилъ къ концу, наступала очередь Делафильда. Жюли страдала безсонницей, и онъ мало-по-малу присвоилъ себѣ право читать ей вслухъ и развлекать её разговоромъ. Это были очень интимныя и очень странныя отношенія. Онъ стучался къ ней въ спальню, входилъ и заставалъ ее на кушеткѣ, печальной, нерѣдко въ слезахъ, съ распущенными по плечамъ черными волосами. Съ внѣшней стороны ихъ отношенія были очень церемонны, даже далеки; внутренно каждый испытывалъ другого, и въ отношеніи Жюли къ Делафильду было теперь больше неувѣренности, больше волненія и какая-то новая для нея робость, какая-то трепетная почтительность. Въ прежніе дни, когда Жюли, съ ея начитанностью и успѣхами въ свѣтѣ, была центромъ ихъ маленькаго кружка, когда всѣ восхищались ею и льстили ей, Делафильдъ чувствовалъ себя рядомъ съ ней неуклюжимъ, топорнымъ, и это сковывало его уста. Ея превосходство было такъ естественно, и она всегда была милостивой владычицей; и онъ самъ любилъ подчеркивать это ея превосходство, выдвигать его, считать его вполнѣ законнымъ.

Но роли ихъ незамѣтно перемѣнились.

— Вы судья!—вы всегда судите! — сказала она однажды съ нетерпѣніемъ. И теперь она все время подстерегала, старалась угадать эти его внутренніе приговоры надъ жизнью и людьми. Они безконечно интриговали ее, дразнили ея любопытство. Она старалась вырвать ихъ у него изъ души, а когда ей это удавалось, она часто отшатывалась, какъ бы обиженная.

Онъ, съ своей стороны, чѣмъ ближе узнавалъ эту странную натуру, тѣмъ больше дивился ей — ея неровности и причудамъ, ея блестящимъ способностямъ и полному отсутствію въ ней устоевъ или плана жизни. Ею очень долго руководили ея общественные инстинкты, потомъ—страсть. Но при всемъ томъ, что за женщина! сколько въ ней обаянія! Эти поэтическіе жесты и взгляды, эта меланхолически-граціозная манера обращенія непрерывно восхищали его. А какъ она очаровательна теперь, въ этой позѣ ребенка, который льнетъ къ вамъ, заглядываетъ вамъ въ лицо, ждетъ отъ васъ совѣта, помощи и руководительства!

Ея близость опьяняла его, и съ каждымъ днемъ все сильнѣе. По временамъ наступала реакція — оба предвидѣли, что такія отношенія могутъ привести къ нравственной тираніи и инстинктивно отступали...

Однажды ночью Жюли была особенно нервна и загадочна. Она молчала, и Делафильдъ не могъ опредѣлить, что собственно съ ней творится. Это было нѣсколько дней спустя послѣ ихъ разговора объ Уорквортѣ. Делафильдъ неожиданно сжалъ ея руку и почти грубо напомнилъ ей ея обѣщаніе все разсказать ему.

Она отнѣкивалась, но его взглядъ и голосъ были властны, а душевная мука искала выхода. Она покорно начала свой разсказъ тихимъ журчащимъ голосомъ, перебирая прошлое—зиму въ Брутонъ-стритѣ, первые слухи о помолвкѣ Уорквортa съ Эйлинъ Моффатъ; ея хлопоты объ Уорквортѣ, злополучный вечеръ, приведшій къ ея изгнанію, душевную борьбу, пережитую ими обоими, безумный планъ, неожиданно мелькнувшій въ его умѣ во время прощальнаго свиданія, поѣздка въ Парижъ...

Въ ея рѣчахъ звучало волненіе, скорбь и меньше всего--раскаяніе. На Делафильда это производило странное впечатлѣніе. Ему становилось все яснѣе, что онъ посланъ былъ свыше спасти ее.

Вдругъ она оборвала свой разсказъ.

— Я знаю, что вы не можете найти оправданія всему этому!

— Могу. Всему, кромѣ одного,—былъ тихій отвѣтъ.

Она вздрогнула, не спуская глазъ съ его лица.

— Этой бѣдной дѣвочки,—докончилъ онъ шепотомъ.

Жюли жалобно смотрѣла на него. Онъ поднесъ ея руку къ губамъ.

— Понимали ли вы, что дѣлали?

— Нѣтъ, нѣтъ! Откуда же мнѣ было знать? Мнѣ она представлялась совсѣмъ другой, я никогда не видала ея...

Она остановилась, пытливо глядя на него сквозь слезы широко раскрытыми глазами, словно умоляя его подсказать ей оправданіе.

Но онъ тихонько покачалъ головой.

Она вдругъ зарыдала и судорожно прижалась лицомъ къ его рукамъ, какъ человѣкъ, который уже не проситъ и не защищается, но всецѣло ввѣряетъ себя милосердію судьи.

Онъ нѣжно попросилъ ее простить его, если онъ обидѣлъ ее, но не позволилъ себѣ ни одной ласки. Внѣшнія проявленія самыхъ прекрасныхъ и острыхъ моментовъ жизни просты и строги.

Глава XXIV.

— Вы встревожены? Вы получили непріятныя извѣстія?

Голосъ, произнесшій эти слова, принадлежалъ Жюли. Делафильдъ стоялъ какъ бы въ задумчивости, въ самомъ концѣ невысокой террасы возлѣ отеля. Тѣмъ не менѣе онъ сразу разслышалъ въ ея голосѣ сочувствіе и тревогу.

— Боюсь, что мнѣ придется покинуть васъ сегодня вечеромъ,— отвѣтилъ онъ, поворачиваясь къ ней и протягивая ей письмо.

Въ немъ было нѣсколько наскоро набросанныхъ строкъ отъ герцога Чёдлея.

«Доктора говорятъ, что этого мой мальчикъ не вынесетъ. Онъ мужественно боролся, но это выше его силъ. Недѣлю или двѣ, не больше. Попроси м-рсъ Делафильдъ отпустить тебя. Она позволитъ, я знаю, она прислала мнѣ такое милое письмо. Мервинъ все время говоритъ о тебѣ, еслибъ ты слышалъ его, ты бы непремѣнно пріѣхалъ. Страшно, до какой степени все это жестоко! Съумѣю ли я жить безъ него, вотъ главное».

— Конечно, надо ѣхать,—сказала Жюли, возвращая письмо.

— Сегодня же вечеромъ, если вы разрѣшите.

— Само собой. Вы должны.

— Мнѣ страшно непріятно оставлять васъ одну, у васъ на рукахъ столько хлопотъ. Что вы думаете дѣлать?

— Я могу пріѣхать къ вамъ на будущей недѣлѣ. Эйлинъ сегодня уже сойдетъ внизъ. И потомъ я хотѣла бы дождаться здѣсь почты.

— Она будетъ здѣсь дней черезъ пять.

Наступила пауза. Жюли опустилась въ кресло возлѣ баллюстрады и смотрѣла вдаль, на озеро. Онъ думалъ: «Что ей почта? Неужели она думаетъ, что онъ ей писалъ?»

Вслухъ онъ спросилъ нѣсколько смущенно:

— Вы ждете писемъ для себя?

Она не сразу отвѣтила.

— Я ничего не жду. Но Эйлинъ живетъ только надеждой получить письмо.

— Она можетъ ничего не получить, кромѣ своихъ собственныхъ писемъ, бѣдняжка!

— Она это знаетъ. Но все-таки она живетъ надеждой.

«А ты?» съ тоской думалъ Делафильдъ, глядя на ея блѣдный профиль. Онъ почувствовалъ вдругъ нестерпимую обиду. Неужели же въ душѣ Жюли вѣчно будетъ противоставлять живому мужу мертваго

возлюбленнаго, причемъ послѣднему всегда будетъ доставаться выигрышная роль?

Но онъ поспѣшилъ отогнать отъ себя эти низкія мысли и полный раскаянія, какъ бы мысленно обнажилъ голову передъ умершимъ.

— Проѣздомъ черезъ Лондонъ, я побываю въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ,—шепнулъ онъ ей...—Тамъ должны быть письма. Все, что узнаю, сообщу вамъ сейчасъ же.

— Благодарю васъ, mon ami,—выговорила она почти беззвучно.

Потомъ посмотрѣла на него, и онъ былъ пораженъ выраженіемъ ея глазъ. Онъ ожидалъ увидѣть горе, они сверкали робкимъ оживленіемъ.

— Пишите мнѣ часто!—сказала она повелительно.

— Само собой. Но вы не утруждайте себя отвѣтами. У васъ тутъ полны руки дѣла.

Она сдвинула брови.

— Не утруждайте себя! Зачѣмъ вы меня такъ балуете? Просите, требуйте, чтобъ я писала!

Онъ улыбнулся.

— Ну, хорошо. Я прошу, я требую!

Она глубоко вздохнула и медленно пошла отъ него по направленію къ дому.

Если въ тайныхъ помыслахъ ея и былъ антагонизмъ, то, несомнѣнно, больше не было ужъ ни холодности, ни критическаго отношенія. Ибо помыслы эти неслись къ человѣку, который не только былъ господиномъ собственной жизни, но неожиданно угрожалъ сдѣлаться и ея господиномъ.

Вначалѣ она тѣшила себя мыслью объ отношеніяхъ, хотя и не похожихъ на обычныя супружескія отношенія, но все же включающихъ значительную долю интимности и тонкостей любви. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше занимали ее и приковывали ея вниманіе неожиданно раскрывавшіяся стороны его характера. Онъ оказывался вовсе не святымъ. Умная и проницательная Жюли скоро подмѣтила въ немъ слѣды упрямаго и раздражительнаго характера, а также врожденной инертности, съ которой постоянно боролась и побѣждала ее духовная энергія его второго, позднѣе развившагося «Я». И вотъ это-то второе «Я», его жизнь и поступки Жюли наблюдала неотступно, то затаивъ дыханіе отъ восторга, то съ возвратомъ прежняго страха. Что человѣкъ можетъ не только казаться, но на самомъ дѣлѣ быть такимъ хорошимъ—это все еще представлялось ей немного нелѣпымъ. Быть можетъ, въ ней говорилъ въ данномъ случаѣ просто прирожденный скептицизмъ. «Слѣдуетъ внимать голосамъ свыше, но такъ, чтобы, если бы оказалась вѣрной другая гипотеза, мы были бы не слишкомъ ужъ одурачены!»

Она охотно выискивала въ немъ раздражавшіе её предразсудки и

суевѣрія. И все же Делафильдъ безсознательно притягивалъ её къ себѣ, какъ птицеловъ приманиваетъ порхающую птичку. Благородство его стремленій, необычайная утонченность его духовнаго склада плѣняли не только ея сердце, но—что для Жюли было очень важно—и ея вкусъ, ея собственную тщательно подавляемую склонность ко всему рѣдкому и прекрасному.

Она признавала, что въ нѣкоторыхъ сферахъ духовной жизни онъ выше ея. Ну и пусть въ этомъ руководитъ, даже, если ему угодно, повелѣваетъ ею. Она будетъ сидѣть у его ногъ, а онъ открывать ей новыя, доселѣ невѣдомыя ей области чувства, восторговъ и тончайшихъ оттѣнковъ нравственныхъ ощущеній.

Понемногу скука, вызванная реакціей и удручавшая её въ первыя недѣли ея супружеской жизни, совершенно исчезла. Делафильдъ уже не казался ей угрюмымъ педантомъ. Приступы нестерпимой душевной боли и жалости къ мертвому смѣнялись у нея теперь минутами волненія и ожиданія, относившихся къ живому, ея мужу. Она думала объ ихъ свиданіи и бесѣдахъ ночью наканунѣ и съ волненіемъ ждала новаго вечера, новой встрѣчи.

Между тѣмъ въ его отношеніи къ ней было еще много наивнаго невѣжества и смиренія. Какъ настоящему большому человѣку, ему и въ голову не приходило ни въ мелочахъ ни въ крупномъ приписывать себѣ вкусы и знанія, которыми онъ не обладалъ. Но это только придавало еще болѣе цѣны его рѣчамъ, когда разговоръ переходилъ на такія темы, гдѣ онъ чувствовалъ себя, какъ дома, и опять-таки безсознательно давалъ ей почувствовать всю возвышенность его нравственной и умственной жизни. И эти контрасты слабости и силы, въ связи съ сознаніемъ разницы половъ, всегда присущимъ такого рода положеніямъ, создавали очень разнообразную и постепенно обостряющуюся игру чувства, возможную, безъ сомнѣнія, только для raffinés этого міра, но для такихъ раффинированныхъ натуръ полную страннаго обаянія и даже волненія.

Передъ вечеромъ Делафильдъ уѣхалъ въ Монтрё, а оттуда въ Лозанну и Лондонъ. Прощаясь съ женой, онъ нагнулся поцѣловать её, и какъ только лицо Жюли коснулось его лица, сильныя руки охватили её и смяли въ жадномъ объятіи. Когда онъ выпустилъ её, краснѣя и бормоча что-то въ родѣ извиненія, она покачала головой и грустно улыбнулась, но ничего не сказала. Только, когда дверь захлопнулась, она, словно разбуженная этимъ звукомъ, побѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Джэкобъ! возьмите меня съ собой!

Но ея голосъ замеръ въ трескѣ и грохотѣ отъѣзжавшаго дилижанса, и она осталась одна у дверей, вся дрожа подъ наплывомъ противоположныхъ ощущеній, которыя, казалось, то возвышали, то унижали её.

Полчаса спустя послѣ отъѣзда Делафильда на террасѣ появилась

исхудалая фигурка Эйлинъ Моффатъ въ черномъ платьѣ и шляпкѣ. Она едва держалась на ногахъ и цѣплялась за руку матери, но не захотѣла лечь въ кресло-качалку, нарочно приготовленное для нея, съ разложенными на немъ плэдами и подушками.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте!—И она сѣла на простой стулъ, обводя террасу и озеро внимательнымъ, пристальнымъ взглядомъ, словно что-то припоминая. И вдругъ склонила голову на руки.

— Эйлинъ!—вскрикнула леди Бланшъ, бросаясь къ ней.

Но дѣвушка отстранила ее.

— Оставь мама, мнѣ хорошо.

Она овладѣла собой, подавила волненіе и, опершись руками на балюстраду, долго и кротко смотрѣла въ пурпурную глубь и мерцающіе вдали снѣга Ронской долины. Шляпа давила ей голову, и Эйлинъ сняла ее, обнаруживъ всю роскошь своихъ свѣтло-золотистыхъ волосъ, матовыхъ, безъ блеска, словно отмѣченныхъ той же печатью физическаго страданія и утраты, какъ и все ея существо.

Лицо ея было лицомъ существа, обреченнаго гибели и утратившаго способность бороться, за право жить. Прежняя чувствительность перешла въ меланхолію; складочка между бровями врѣзалась глубже, блѣдныя губы были плотно сжаты. И все же минутами въ ней было столько обаятельной ласки,—послѣднее усиліе прекрасной души, созданной для счастья и увядшей до времени.

Жюли стояла возлѣ нея. Улучивъ минутку, когда леди Бланшъ вышла въ салонъ за книгой, бѣдная дѣвочка взяла ее за руку.

— Очень возможно, что письмо придетъ сегодня вечеромъ,—торопливо шепнула она.—Моя горничная пошла въ Монтрё. Тамъ есть на почтѣ одинъ такой славный служащій. Онъ умный, онъ все знаетъ. Онъ говоритъ, что это можетъ быть сегодня вечеромъ.

— Только не огорчайтесь очень, если ничего не будетъ,—сказала Жюли, гладя ея ручку, такую тоненькую, холодную и безжизненную. Ей стало жутко отъ этого ледяного прикосновенія. Какъ легко могло это крушеніе силъ и здоровья стать дѣломъ ея рукъ!

Колокола въ Монтре пробили половину седьмого. Въ каждомъ движеніи больной сквозило нетерпѣливое мучительное ожиданіе. Она не могла больше сидѣть на мѣстѣ и прохаживалась по террасѣ, опираясь, на руку Жюли. Ея медлительная поступь, траурный цвѣтъ ея одеждъ борьба между молодостью и смертью въ обострившихся чертахъ ея лица придавали трагическій оттѣнокъ ея хрупкой красотѣ. Жюли мучительно больно было смотрѣть на нее; и въ то же время она сама втайнѣ съ замираніемъ сердца ждала послѣдняго привѣта Уорквoрта.

Какъ только леди Бланшъ вернулась, она поспѣшила уйти, вышла черезъ корридоръ отеля на улицу и направилась по дорогѣ въ Монтре. Почта уже въѣзжала въ деревню, и почтальонъ, знавшій ее, охотно отдалъ ей письма.

Да! пакетъ для Эйлинъ, надписанный неизвѣстной рукой, адресованный въ Лондонъ и пересланный сюда. На маркѣ стояло: «Денга».

Другое письмо было на ея имя, изъ Лондона, съ адресомъ, писаннымъ рукою мадамъ Борнье. Жюли разорвала конвертъ; внутри былъ другой и на немъ выведенный слабѣющей рукою Уорквората адресъ: «Mademoiselle Ле-Бретонъ, 3, Герибертъ-стритъ, Лондонъ».

У нея хватило силы снести письмо въ свою комнату, позвать горничную Эйлинъ и съ нею отослать другой пакетъ леди Бланшъ. Затѣмъ она заперлась на ключъ...

О! этотъ бѣдный измятый листокъ, съ трудомъ выведенныя буквы...

«Жюли, я умираю. Всѣ здѣсь такіе добрые, но они не могутъ спасти меня. Это ужасно...

«Я прочелъ о вашей помолвкѣ въ газетѣ наканунѣ отъѣзда изъ Денги. Вы правильно разсудили. Онъ сдѣлаетъ васъ счастливой. Скажите это ему отъ меня. О! Боже мой, я никогда больше не потревожу васъ. Благословляю васъ за ваше письмо. Вотъ оно... Нѣтъ... не могу... не могу прочесть. Все спать хочется... Боли нѣтъ...»

Здѣсь очевидно перо выпало у него изъ рукъ. Она стала искать въ конвертѣ продолженія и вынула свое собственное, безумное и страстное письмо, писанное въ Герибертъ-стритъ, раннимъ утромъ, въ ожиданіи Делафильда съ вѣстями объ умирающемъ лордѣ Лэкинтонѣ.

За маленькимъ табльд'отомъ отеля въ этотъ день сидѣло еще меньше обыкновеннаго. Леди Бланшъ обѣдала съ больной дочерью; м-рсъ Делафильдъ тоже не вышла.

Но когда надъ озеромъ выплылъ мѣсяцъ, Жюли, не въ силахъ больше оставаться въ своей комнатѣ, наединѣ съ своими мыслями, накинувъ на голову кружевной шарфъ, пошла бродить куда глаза глядятъ, по крутымъ тропинкамъ, ведущимъ къ Les Avants. Тропинки и озеро въ лунномъ свѣтѣ казались серебряными; только на восточный конецъ его ложилась наискось тѣнь отъ сосѣднихъ горъ и неожиданно бѣлѣли межъ сосновыхъ стволовъ снѣговыя вершины.

Ночной воздухъ охлаждалъ ея пылающій лобъ, глубокая ночная тишина лила бальзамъ въ ея измученное сердце; острая боль понемногу стихала. Время отъ времени она присаживалась отдохнуть и видѣла сны наяву. Ей представлялось, что она поддерживаетъ въ своихъ объятіяхъ умирающаго Уорквората, голова его покоится у нея на груди; она шепчетъ ему на ухо слова любви и ободренія. Но она не была Жюли Ле Бретонъ! И среди этихъ мучительныхъ грезъ, доходившихъ до полной иллюзіи ощущеній, она не забывала, что она жена Делафильда. И въ потокѣ беззвучныхъ рѣчей, которыми она, чудилось ей, тѣшила умирающаго, она какъ будто предлагала ему состраданіе и участіе не только отъ себя, но и отъ Джэкоба.

Одинъ разъ, опомнившись, она замѣтила, что сидитъ на краю луга.

Цвѣты кругомъ пахли такъ сильно, что даже трудно было дышать. Сквозь выбѣленные стволы яблонь далеко внизу блестѣло озеро. Лунный свѣтъ игралъ на стѣнахъ Шильона и домовъ Монтре; напротивъ густые лѣса Буврэ и св. Жингольфа бросали на озеро черную тѣнь; надъ ними плылъ мѣсяцъ. А на востокѣ высокія Альпы, съ ихъ чистыми очертаніями, слегка стушевывавшимися въ этомъ свѣтѣ, словно подъ легкой завѣсой, опущенной надъ святилищемъ...

Жюли смотрѣла вокругъ, на весь этотъ просторъ, и по естественной ассоціаціи идей ей казалось, что она видитъ передъ собою сразу всю свою жизнь—и прошлое, и будущее. Она вспоминала свое дѣтство, родителей, суровую юность, всю ушедшую на борьбу за существованіе, годы, прожитые у леди Генри, думала объ Уорквортѣ, о своемъ мужѣ, о жизни, въ которую онъ такъ неожиданно и быстро втянулъ ее своей сильной рукой. Ей были чужды религіозныя размышленія, столь привычныя для него; но ея раздумье также носило религіозный оттѣнокъ, и ей самой казалось, что вся душа ея дрожитъ подъ наплывомъ невѣдомыхъ ей дотолѣ волненій, нѣжности, страха, и, оглядываясь назадъ, она во всемъ, происшедшемъ съ нею, видѣла особый сокровенный смыслъ, значеніе и цѣль. Эта мысль не укладывалась въ слова, но расходившееся воображеніе вызывало передъ ней образъ Делафильда, а въ памяти вставали его недавнія слова и поступки.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ часовъ, которые рѣшаютъ судьбу человѣка. И въ немъ не послѣднюю роль играла величественная красота альпійскаго ландшафта; все время при этой печальной и волнующей самопровѣркѣ Жюли чувствовала присутствіе и господство надъ собой высшихъ силъ.

На ея заплаканное лицо понемногу ложилась печать торжественнаго спокойствія ночи. Но по временамъ сурово сжатыя губы смягчались улыбкой, необычайно нѣжной и милой, словно сердцу вспоминалось что-то такое, что уму представлялось лишь сладкимъ безуміемъ.

Ей самой было странно происходившее въ ней. Это было какое-то опрощеніе, возвращеніе къ дѣтству, словно въ душѣ взрослаго человѣка, утомленной бурной жизнью эгоизма и страсти, просыпались инстинкты ребенка, которыхъ онъ однако же никогда не зналъ въ дѣтскіе годы—инстинкты довѣрія, кроткой покорности, быть можетъ вспоенные тѣми слезами, которыя сами по себѣ уже счастье.

На обратномъ пути она столкнулась съ другой женской фигурой, вынырнувшей изъ темноты.

— Леди Бланшъ!

Леди Бланшъ остановилась.

— Въ отелѣ такъ душно,—сказала она, напрасно пытаясь придать твердость своему голосу.

Жюли замѣтила, что она плакала.

— Эйлинъ уснула?

— Можетъ быть. Ей дали принять сонныя капли.

Онѣ вмѣстѣ пошли дальше къ отелю. Жюли колебалась, наконецъ тихо выговорила:

— Она не была разочарована въ своихъ ожиданіяхъ?

— Нѣтъ!—рѣзко вырвалось у ея матери.—Конечно, письма надо было ждать; оно не могло не придти. Благодаря Бога, она убѣдилась теперь, что его послѣдняя мысль была о ней! Письмо писано наканунѣ того рокового дня, какъ онъ заболѣлъ. Онъ подробно описываетъ свой походъ—чрезвычайно интересно!—Это показываетъ, какъ онъ довѣрялъ ей во всемъ, хотя она еще такое дитя. Ее успокоитъ сознаніе, что она вполнѣ владѣла его сердцемъ... Бѣдный юноша!

Жюли ничего не отвѣтила, и лэди Бланшъ, съ горькимъ чувствомъ удовлетворенія, скорѣе почувствовала, чѣмъ увидала въ ея поникшей, окутанной чернымъ фигурѣ то, что казалось ей заслуженнымъ униженіемъ.

На другой день на щечкахъ Эйлинъ опять выступилъ легкій румянецъ, и ея чудные волосы, разсыпавшіяся волной по плечамъ, какъ будто ожили, и розы, поставленныя ея матерью на столикѣ у кровати, представляли не слишкомъ ужъ печальный контрастъ съ ея хрупкой красотой.

— Прочтите, пожалуйста! — сказала она, оставшись вдвоемъ съ Жюли и ласково пододвигая къ ней письмо.—Онъ разсказываетъ мнѣ все-все!—все, что онъ дѣлаетъ и на что надѣется, совѣтуется со мной обо всемъ. Развѣ это не честь мнѣ, такой еще несвѣдующей и ребяческой? Я постараюсь быть мужественной, — постараюсь быть достойной...

И все ея худенькое тѣло затряслось отъ глухихъ беззвучныхъ рыданій; но тѣмъ не менѣе она жадно слѣдила за Жюли, читавшей письмо.

— Не правда ли, я должна попытаться жить, разъ онъ такъ любилъ меня? — сказала она, отирая слезы и принимая письмо изъ рукъ Жюли.

М-рсъ Делафильдъ съ страстной жалостью поцѣловала ее. Она не могла освободиться отъ сознанія своей вины передъ этимъ ребенкомъ. Такое письмо можно было написать другу, прелестной дѣвочкѣ, къ которой питаетъ нѣжность человѣкъ много старше ея. Въ письмѣ заключался дѣловой отчетъ о походѣ, нѣсколько фразъ о политикѣ, два-три юмористическихъ портрета дорожныхъ спутниковъ; въ концѣ нѣсколько шутливыхъ и ласковыхъ наставленій.

Но въ часъ борьбы со смертью у Делафильда вырвался только одинъ крикъ сердца, и его послѣднее слово, послѣднее письмо лежало теперь на груди Жюли.

Прошло нѣсколько дней. Письма Делафильда были коротки и пе-

чальны. Больной еще жилъ, но съ часу на часъ ждали конца. А герцогъ... Но это было такъ страшно, что писать объ этомъ онъ не могъ даже ей. Поддерживать въ себѣ бодрость и быть хоть сколько-нибудь полезнымъ этимъ двумъ несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣческимъ существамъ возможно было только однимъ способомъ—не чувствовать, не отдавать себѣ отчета...

Наконецъ, черезъ недѣлю съ небольшимъ послѣ отъѣзда Делафильда пришли двѣ телеграммы. Одна отъ Делафильда: «Мервинъ скончался сегодня утромъ. Страшно за герцога». Другая отъ Эвелины Кроуборо: «Эльмира умеръ сегодня утромъ. Ѣду Строфшайръ помочь Джэкобу».

Жюли разорвала телеграммы. Гордыя слезы подступали къ ея глазамъ, но она сдержала ихъ и позвала горничную.

Та пришла, дивясь сверкающимъ глазамъ и натянутому обращенію своей госпожи и спрашивая себя, за какую невѣдомую провинность ей собираются сдѣлать выговоръ. Но Жюли только велѣла ей поскорѣе уложить вещи. Она хотѣла захватить въ Лозаннѣ восьмичасовой поѣздъ, идущій въ Англію.

Двадцать часовъ спустя лондонскій поѣздъ остановился на станціи Викторія. На платформѣ стояла маленькая герцогиня въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Жюли попала прямо въ ея объятія и только въ экипажѣ замѣтила блѣдность и разстроенный видъ пріятельницы.

— О! Жюли!—воскликнула герцогиня, сжимая ея руки, когда экипажъ тронулся.—Жюли, голубушка!

Жюли съ удивленіемъ повернулась къ ней. Въ голубыхъ глазахъ, устремленныхъ на нее, не было слезъ, но и глаза, и все лицо герцогини выражали такой страхъ и волненіе, что у Жюли дрогнуло сердце.

— Что это значитъ?—спросила она, едва дыша.—Что случилось?

— Жюли! Я уже совсѣмъ собралась нынче утромъ въ Фэркортъ. Только ваша телеграмма задержала меня. Я рѣшила дождаться васъ и ѣхать вмѣстѣ. Потомъ пришла другая, отъ Делафильда. Герцогъ!—бѣдный герцогъ!

Выраженіе лица Жюли безсознательно мгновенно измѣнилось.

— Да—скажите мнѣ!

— Теперь это уже во всѣхъ газетахъ—на столбахъ... Не смотрите въ окно!—И герцогиня спустила шторы.—Весь день вчера онъ былъ въ страшномъ волненіи, но подъ вечеръ какъ будто успокоился и просилъ, чтобъ его оставили одного. Доктора все-таки слѣдили за нимъ, но онъ какъ-то ухитрился всѣхъ обмануть и утромъ исчезъ. А черезъ два часа его нашли—въ рѣкѣ, что протекаетъ передъ домомъ!

Наступило молчаніе.

— А Джэкобъ?—хриплымъ шепотомъ спросила Жюли.

— Онъ-то меня и безпокоитъ! О! Какъ я рада, что вы пріѣхали!

Вы знаете, какъ Джэкобъ былъ привязанъ къ герцогу и Мервину — какъ ему ненавистна мысль о наслѣдствѣ. Вчера туда поѣхала Сюзанна; она телеграфировала мнѣ вчера вечеромъ, еще до этого ужаса, что онъ «страшно измученъ и надорванъ».

— Наслѣдство?—разсѣянно повторила Жюли. Она машинально подняла штору и смотрѣла вдаль, на грязныя стѣны домовъ, пока передъ ней не мелькнулъ въ окнѣ бумажнаго магазина листъ телеграммъ съ аршиннымъ заглавіемъ: «Трагическая смерть герцога Чёдлея и его сына».

Герцогиня посмотрѣла на нее съ любопытствомъ и ничего не отвѣтила. Выраженіе лица Жюли было какое-то странное. Она какъ бы старалась поймать мысль, ускользавшую отъ нея, или, вѣрнѣе, вытѣсненную другой, болѣе неотложной.

— Джэкобъ боленъ?—спросила она вдругъ, круто повернувшись лицомъ къ своей спутницѣ.

— Я знаю только то, что сказала вамъ. Сусанна пишетъ: «измученъ и изнервничался». Но это все пройдетъ, когда онъ будетъ съ вами!

Жюли не отвѣтила, не шевельнулась, и герцогиня, украдкой покосившись на нее, несмотря на свое волненіе и тревогу, подумала, что ея черты и вся ея фигура стали какъ будто еще нѣжнѣе, еще утонченнѣе, и отпечатокъ индивидуальности еще ярче.

— Вы не разсердитесь?—робко спросила Эвелина.—Видите ли, у меня гоститъ леди Генри и сэръ Уильфридъ Бери также. Онъ, бѣдный, такъ простудился въ своихъ номерахъ, что я недѣлю тому назадъ, съ разрѣшенія доктора, съѣздила за нимъ и перетащила его къ себѣ. И м-ръ Монтрезоръ хотѣлъ зайти. Онъ говоритъ, что жаждетъ пожать вашу руку. Но они не будутъ вамъ надоѣдать, если вы утомлены. Нашъ поѣздъ идетъ въ 10 час. 10 мин. и Берти выхлопоталъ, чтобы экспрессъ остановился для насъ въ Вестонпортѣ около 3 часовъ ночи.

Карета въѣхала на Гросвеноръ—скверъ и остановилась передъ домомъ герцогини. Жюли вышла, озираясь вокругъ, на іюльскую зелень сквера, на огромныя свѣтлыя окна, на лакея, снимавшаго съ нея накидку, того самаго, который въ былыя времена кормилъ сухариками собакъ леди Генри. Ее поразило, что онъ оказывалъ ей сегодня какое-то особенно почтительное вниманіе.

Тѣмъ временемъ въ гостиной герцогини собралось нѣсколько старыхъ друзей леди Генри, сэръ Уильфридъ Бери и д-ръ Мередитъ. На обращеніи каждаго по своему отражалось угнетающее и вмѣстѣ волнующее вліяніе великихъ событій. Леди Генри была разговорчивѣе обыкновеннаго, сэръ Уильфридъ молчаливѣе.

Леди Генри, повидимому пошло на пользу ея пребываніе въ Торквэѣ. Строгая, прямая, какъ струна сидя на стулѣ съ высокой прямой спинкой, опираясь обѣими руками на палку, она, какъ всегда, являла

собой характерный образецъ англійской солидности, съ нѣкоторой примѣсью не англійской свободы и оживленія. Она уже воевала съ сэромъ Уильфридомъ, безъ обиняковъ высказывая свое мнѣніе о «соціалистическихъ», взглядахъ на рангъ и собственность, приписываемыхъ Джэкобу Делафильду. «Если его желудокъ не перевариваетъ пирога, это еще не значитъ, что пирогъ не хорошъ!» восклицала она нетерпѣливо. Сэръ Уильфридъ перебилъ ее:

— Осталось всего нѣсколько минутъ,—сказалъ онъ, взглянувъ на часы.—Ну-съ, господа, и такъ мы должны рѣшить, какъ намъ себя держать. Какъ вы полагаете, насколько наша пріятельница освѣдомлена относительно положенія дѣлъ.

— Если только она не ослѣпла, о чемъ Эвелина не сообщала,— сухо возразила леди Генри, она будетъ знать все или почти все, прежде чѣмъ отъѣдетъ на сто шаговъ отъ вокзала.

— Ахъ, уличные плакаты! Да, но въ такихъ случаяхъ, когда событія смѣняются такъ быстро, на людей находитъ иногда странное ослѣпленіе.

— Но только не на Жюли де-Бретонъ!

— Мнѣ желательно было бы знать, какую роль вы отводите себѣ въ этой маленькой интермедіи, чтобы я могъ играть вамъ въ тонъ,— сказалъ сэръ Уильфридъ Бери, понизивъ голосъ.—На чемъ вы порѣшили?

Оба посмотрѣли на д-ра Мередита, который отошелъ къ самому дальнему окну и смотрѣлъ на улицу. Леди Генри хорошо знала, что онъ не простилъ ей и, по правдѣ говоря, ей хотѣлось примирить его съ собой. Она тоже понизила голосъ.

— Я склоняюсь передъ учрежденіями моей страны,—сказала она, и въ суровыхъ сѣрыхъ глазахъ ея сверкнула искорка лукавства.

— Иными словами вы прощаете герцогинѣ.

— Я признаю главу рода.

— А если Джэкобъ не захочетъ мириться.

— У него не хватитъ характера.

— А она?

— Ея совѣсть будетъ на моей сторонѣ.

— Мнѣ казалось, что вы совсѣмъ не признаете въ ней этой добродѣтели.

— Надо надѣяться, что Джэкобъ развилъ ее. У него этого хоть отбавляй.

Сэръ Уильфридъ засмѣялся.

— Такъ что прощать приходится вамъ?

— Я предлагаю вооруженный и почетный миръ. Герцогиня Чедлей можетъ интриговать и лгать, сколько душѣ угодно, если ей это нравится. Я не плачу ей 100 ф. въ годъ.

Наступила пауза.

— Почему собственно—если можно узнать—вы поссорились съ Джэкобомъ? Насколько я понимаю, здѣсь была особая причина?

Леди Генри колебалась.

— Онъ заплатилъ мнѣ долгъ,—выговорила она, наконецъ, и неожиданная краска выступила на ея старчески-блѣдныхъ щекахъ.

— И вамъ это было досадно? Странныя у васъ правила!

Леди Генри закусила губу.

— Никому не можетъ быть пріятно, когда вамъ швыряютъ въ лицо ваши деньги.

— Вы самая несправедливая женщина, какую я знаю.

— Что дѣлать, Уильфридъ. Каждый чувствуетъ по своему.

— Вотъ именно!.. Ну, конечно, Джэкобъ помирится съ вами. Что же до... Ага, вотъ и Монтрезоръ.

Леди Генри замѣтно взволновалась. Лакей распахнулъ настежъ дверь и доложилъ:

— Господинъ военный министръ. Ея свѣтлость, сэръ, еще не вернулись.

Монтрезоръ вошелъ, задѣвая за стулья и даже при помощи двойныхъ очковъ не сразу могъ разглядѣть, кто находится въ гостиной.

Сэръ Уильфридъ пошелъ ему навстрѣчу.

— А! Бери! Какъ здоровье? Надѣюсь, поправились?

— Совершенно. Герцогиня поѣхала встрѣчать м-рсъ Делафильдъ.

— М-рсъ?—Монтрезоръ даже ротъ раскрылъ отъ удивленія.—Но вѣдь вы же знаете...

— О, да, я знаю. Но языкъ такъ скоро не пріучишь. Вы видите, здѣсь леди Генри.

Монтрезоръ вздрогнулъ и принужденнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Радъ видѣть леди Генри.

Леди Генри медленно поднялась съ кресла и шагнула впередъ. Она спокойно протянула ему руку и съ улыбкой заглянула ему въ лицо.

— Вотъ моя рука. Намъ больше не изъ-за чего ссориться. Я снимаю запретъ.

Министръ взялъ ея руку и покачалъ головой.

— Вы не имѣли права его налагать.

— О, ради Бога, встрѣтьте же меня на полъ-дорогѣ, иначе мнѣ не выдержать!—воскликнула леди Генри.

Сэръ Уильфридъ, чувствовавшій себя не совсѣмъ ловко и не подымавшій глазъ, взглянулъ на нее и увидѣлъ—да, несомнѣнно увидѣлъ влажный блескъ въ этихъ старческихъ глазахъ.

— Зачѣмъ вы до сихъ поръ выдерживали? Развѣ мнѣ не все равно, что миссъ Жюли сдѣлалась герцогиней? Развѣ это вознаградитъ меня за то, что ваша дверь столько мѣсяцевъ была для меня заперта? Притомъ же вы мнѣ все время давали понять, что для васъ это совершенно безразлично.

— Я высидѣла три мѣсяца въ Торквэѣ,—сказала леди Генри, пожавъ плечами.

— Надѣюсь, что тамъ было скучно до отчаянія!

— Такъ оно и было. И доктора объявили мнѣ, что чѣмъ больше я буду волноваться, тѣмъ больше у меня будетъ разыгрываться подагра.

— Такъ что вы вернулись сюда не изъ великодушія, а ради своего здоровья?

— Цѣлуйте мою руку, сэръ, и довольно объ этомъ! Всѣ вы отомщены. Въ Торквэѣ я перемѣнила за семь недѣль четырехъ компаньонокъ.

— Дай имъ Богъ здоровья! Мередитъ, пожалуйте сюда. Что же мы принимаемъ условія?

Мередитъ медленно подошелъ, держа руки за спиною.

— Леди Генри приказываетъ—мы повинуемся,—выговорилъ онъ медленно.—Итакъ, сегодня открывается новый міръ, возникшій на развалинахъ, какъ и всѣ, впрочемъ...

Онъ поднялъ на нихъ свои прекрасные глаза, въ которыхъ не было смѣха—скорѣе тяжелая напряженность мысли. Леди Генри вздрогнула.

— Если вы думаете о Чёдлеѣ,—промолвила она неувѣренно,—за него надо радоваться. Это для него освобожденіе. А Генри Уорквортъ...

— Да! бѣдняга!—вставилъ Монтрезоръ.—Бѣдный юноша!

Онъ выпустилъ было руку леди Генри, но теперь опять взялъ ее и сжалъ въ своихъ ея покрытые перстнями пальцы.

— Такъ значитъ, миръ? Ну что жъ, я радъ всей душой!—Онъ нагнулся и поцѣловалъ ея пальцы.—А теперь, когда вы ждете нашу пріятельницу?

— Съ минуты на минуту.

Леди Генри сѣла, и Монтрезоръ сѣлъ возлѣ нея.

— Мнѣ говорили,—началъ Монтрезоръ,—что весь этотъ ужасъ не только печалитъ Делафильда, какъ родственника погибшихъ, но что ему это наслѣдство и титулъ въ тягость.

— Гм... и вы этому вѣрите?

— Стараюсь,—засмѣялся Монтрезоръ.—Ага! вотъ и онѣ?

Мередитъ отошелъ отъ окна, къ которому опять вернулся.

— Подъѣхала карета,—сообщилъ онъ и остановился въ ожиданіи, нетерпѣливо переминаясь съ ноги на ногу и ероша свою сѣдую гриву. Онъ былъ блѣденъ, и внимательный наблюдатель подмѣтилъ бы дрожь душевнаго волненія въ его грубоватыхъ чертахъ.

Въ передней послышался шумъ, зазвенѣлъ серебристый голосокъ герцогини. Въ ту же минуту отворилась дверь въ концѣ гостиной, и на порогѣ появился герцогъ Кроуборо.

— Я какъ будто слышалъ голосъ моей жены,—сказалъ онъ,—на ходу здороваясь съ Монтрезоромъ, и направляясь въ переднюю.

Легкіе шаги, шелесть платья, и въ гостиную вошла герцогиня.

— Берти! со мной Жюли!..

За нею шла высокая фигура въ черномъ. Всѣ бывшіе въ комнатѣ двинулись ей навстрѣчу, включая и леди Генри, которая однакожъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась позади другихъ, опираясь на палку.

Жюли обвела взглядомъ маленькое общество и остановилась на герцогѣ, который торжественно подалъ ей руку. Общее сдержанное волненіе явно сообщилось и ей. Она ни на минуту не потеряла самообладанія, но лицо ея приняло умоляющее выраженіе.

— Неужели это правда? Можетъ быть, это ошибка?

— Боюсь, что ошибки не можетъ быть,—печально молвилъ герцогъ;—бѣднаго Чёдлея нашли уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ его смерти.

— Берти!—перебила его герцогиня:—я сказала Грэсвелю, чтобы карета была готова въ половинѣ десятаго. Тебѣ это удобно?

— Конечно.

Грэсвель, красавецъ-камердинеръ, подошелъ къ Жюли.

— Горничная вашей свѣтлости спрашиваетъ, не угодно ли вашей свѣтлости, чтобъ она съѣздила въ Герибертъ-стритъ, прежде чѣмъ везти багажъ въ Эштонъ.

Жюли посмотрѣла на него съ изумленіемъ, и яркая краска вдругъ прилила къ ея щекамъ.

— Онъ о моей горничной говоритъ?—растерянно спросила она у герцога.

— Конечно. Она ждетъ вашихъ распоряженій.

Жюли отдала приказаніе, повернулась опять къ герцогу и закрыла рукою глаза.

— Что все это значитъ?—выговорила она дрожащимъ голосомъ.— Мы какъ будто всѣ сошли съ ума.

— Вы понимаете, конечно, что Джэкобъ наслѣдуетъ титулъ,—суховато пояснилъ герцогъ, съ интересомъ глядя на эту женщину, которая, ему казалось, должна была чувствовать себя теперь на вершинѣ благополучія, достигнувъ цѣли своихъ честолюбивыхъ стремленій.

Жюли съ трудомъ перевела духъ и тутъ только замѣтила леди Генри. Моментально, порывисто быстрыми шагами перешла она черезъ комнату, къ ней, и вдругъ остановилась; при видѣ этой спокойной величественной ф гуры, прежній страхъ, прежняя робость охватили ее. Потомъ она протянула руку.

Леди Генри взяла ее. Обѣ женщины молча смотрѣли другъ на друга. Остальные инстинктивно отвернулись, чтобы не мѣшать ихъ встрѣчѣ. Въ первый моментъ во взглядѣ леди Генри было только любопытство. Потомъ, при видѣ взволнованнаго лица Жюли, въ которомъ за это

время произошла какая-то неуловимая перемѣна, облагородившая его, старуха отвела глаза. Но скоро она овладѣла собою.

— Мы встрѣчаемся,—начала она, — при странныхъ обстоятельствахъ, хотя я давно ихъ предвидѣла. Наши прежнія отношенія сложились на ложной почвѣ, и оттого мы обѣ глупили. Теперь вы съ Джэкобомъ главы семьи. И если въ этомъ новомъ положеніи вы желаете быть со мною въ дружбѣ, я готова. Что касается моего поведенія, я думаю, что оно было естественно, но если вы еще не забыли обиды—я извиняюсь.

Странныя это были слова. Въ нихъ звучала личная гордость, склонившаяся передъ гордостью семейныхъ традицій. Жюли стояла передъ нею, вся дрожа; грудь ея высоко вздымалась.

— Я тоже сожалѣю и извиняюсь,—выговорила она тихо.

— Тогда начнемъ сначала. Но теперь вамъ надо отдохнуть часикъ-другой. Вы всю ночь провели въ дорогѣ.

Жюли прижала руки къ груди свойственнымъ ей драматическимъ жестомъ.

— О, я должна видѣть Джэкоба!—выговорила она едва слышно.—Я должна видѣть Джэкоба!

И она отошла, растерянно озираясь кругомъ. Къ ней приблизился Мередитъ.

— Успокойтесь!—сказалъ онъ, ласково пожимая ея руку.—Это былъ тяжелый ударъ, но теперь, когда вы здѣсь, онъ оправится.

— Джэкобъ?

Выраженіе ея лица, ея жалобный голосъ кольнули его въ самое сердце. Онъ подивился, какія могутъ быть отношенія между супругами. И въ то же время онъ, какъ и леди Генри, почувствовалъ, что замужество произвело въ ней огромную внутреннюю перемѣну. Передъ нимъ стояла другая женщина. И когда черезъ нѣсколько минутъ герцогиня исчезла и увела съ собой Жюли, настаивая, что ей необходимо отдохнуть, Мередитъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ съ горькимъ чувствомъ разрозненности между людьми и случайности всѣхъ человѣческихъ привязанностей. Затѣмъ онъ простился съ герцогомъ и леди Генри и незамѣтно вышелъ. Онъ перевернулъ страницу въ книгѣ своей жизни и, шагая по Гросвеноръ-скверу, заставлялъ себя думать исключительно объ одномъ изъ политическихъ вопросовъ, стоявшихъ для него на очереди, какъ для боевого и вліятельнаго журналиста.

Леди Генри тоже смотрѣла вслѣдъ Жюли, когда та выходила изъ комнаты, и думала:

«Такъ теперь она воображаетъ себя влюбленной въ Джэкоба».

Её это забавляло.

— А что, если Делафильдъ откажется принять герцогскій титулъ?—шепнулъ ей на ухо сэръ Уильфридъ.

— Это будетъ положеніе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ конститу

ціи,— спокойно сказала леди Генри.—Совѣтую вамъ, однако, подождать, пока это еще будетъ.

Сѣверный экспрессъ мчался безъ устали среди безмолвія ночи. Речьи, Старфордъ, Крью остались позади. Въ лунномъ свѣтѣ уже бѣлѣли долины и болота Йоркшира. Жюли сидѣла въ своемъ уголкѣ напротивъ мирно спавшей герцогини, и въ умѣ ея проносились нескончаемой вереницей образы. Напрасно жаждала она хоть нѣсколькихъ минутъ отдыха и забвенья. Она думала о почтительной услужливости начальника станціи, о суматохѣ, которую вызвало ихъ появленіе на эштонской платформѣ; о томъ, какъ начальникъ приказывалъ, чтобы поѣздъ остановили на той станціи, гдѣ имъ нужно было выйти.

Фэркартъ? Тотъ самый старинный домъ, о которомъ ей разсказывалъ Джэкобъ? Огромный полубаракъ, полудворецъ, гдѣ, по его словамъ, ни одно человѣческое существо не могло чувствовать себя ни дома, ни счастливымъ?

И теперь это его и ея домъ? И опять мысли заплясали и закружились въ ея головѣ.

Дикая гористая мѣстность—въ долинахъ темныя кущи деревъ, блескъ рѣкъ и ручьевъ, огромныя безжизненныя зданія фабрикъ; а вдали—серебристые края и густыя тѣни болотъ... Поѣздъ замедлилъ ходъ. Маленькая герцогиня вдругъ пробудилась.

— Безъ десяти минутъ три. Жюли, мы пріѣхали!

Холодный разсвѣтъ чуть брезжилъ, когда онѣ вышли на платформу Ихъ ждали экипажи и слуги, какіе-то люди, роль и обязанности которыхъ не легко было опредѣлить. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Жюли; она сообразила, что это докторъ.

— Я очень радъ пріѣзду вашей свѣтлости,—сказалъ онъ, приподымая шляпу.—Герцогъ сильно потрясенъ и страдаетъ безсонницей.

Жюли съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Давно ли боленъ мой мужъ?

Докторъ шелъ рядомъ съ нею, описывая ей въ немногихъ словахъ мучительные дни, предшествовавшіе смерти юноши, попытки Делафильда утѣшить и сдержать обезумѣвшаго отца, хитрость бѣднаго герцога, съумѣвшаго всѣхъ ввести въ обманъ, томительные поиски ночью, подъ проливнымъ дождемъ, и на зарѣ—найденный трупъ герцога, запутавшійся въ водоросляхъ въ глубокой ямѣ...

— Когда тѣло внесли въ домъ, съ вашимъ мужемъ,—докторъ какъ-то неувѣренно произнесъ эти слова—сдѣлался продолжительный обморокъ. По всей вѣроятности это былъ результатъ истощенія—усталость при поискахъ, столько времени безъ пищи, столько безсонныхъ ночей. Мы весь день продержали его въ постели. Но къ вечеру онъ захотѣлъ непремѣнно встать. Онъ все время обнаруживаетъ безпокойство—это признакъ удара, потрясенія. Я надѣюсь, что теперь, когда вы здѣсь,

вамъ удастся убѣдить его поберечь себя. Иначе это можетъ имѣть серьезныя послѣдствія.

Дорога къ замку шла наполовину огромнымъ паркомъ, перемежающимся темными и печальными рощами. Утро было пасмурное даже шиповникъ на изгородяхъ и маргаритки въ травѣ были какія-то безцвѣтныя и смотрѣли невесело. Скоро показался и домъ — огромное каменное зданіе съ рядомъ колоннъ у фронтона и двумя флигелями по бокамъ,—выстроенное въ ложбинѣ, не на солнечной сторонѣ. Со спущенными шторами, сѣрое непривѣтливое, оно смотрѣло скорѣе мавзолеемъ, памятникомъ умершихъ, чѣмъ обиталищемъ живыхъ.

Однако-жъ, когда экипажъ подъѣхалъ, дверь распахнулась и на крыльцѣ появились слуги. На верхней площадкѣ, вся дрожа, съ распухшими глазами, ждала Сюзанна Делафильдъ.

Она робко посмотрѣла на Жюли. Онѣ вошли въ огромную центральную залу и тутъ со слезами поцѣловались.

— Онъ въ своей комнатѣ—ждетъ васъ. Доктора убѣдили его не сходить внизъ. Но онъ одѣтъ, можетъ читать и писать. Онъ, кажется, всю эту недѣлю вовсе не спалъ. Сюда, пожалуйста, — прибавила она, отстраняясь.—Вотъ дверь.

Жюли тихонько отворила дверь и затворила ее за собою. Делафильдъ слышалъ ея шаги и ждалъ, стоя, опираясь на столъ. Онъ такъ измѣнился, что Жюли стало страшно. Она бросилась къ нему и обняла его. Онъ упалъ въ кресло, и она очутилась на колѣняхъ возлѣ него, шепча ему слова утѣшенія, нѣжно прижимая его голову къ своему плечу.

— Джэкобъ!—Я здѣсь, съ тобой! Мнѣ давно слѣдовало пріѣхать. Это ужасно!—ужасно! Но, Джэкобъ, ты не долженъ такъ мучиться, — теперь, когда я здѣсь — когда мы вмѣстѣ—когда я люблю тебя— Джэкобъ?!

Слезы заглушили ея голосъ. Она откинула назадъ волосы, упавшіе ему на лобъ, и поцѣловала его съ нѣжностью, въ которой былъ и порывъ, и кроткое смиреніе любящей женщины. Потомъ отстранилась немного, съ тоской ожидая отвѣтъ.

Но онъ, казалось, не могъ говорить. Онъ слабо высвободился, словно волненіе, которое вызвали въ его душѣ эти слова, было ему не по силамъ, и глаза его закрылись.

— Джэкобъ, вы бы легли,—убѣждала она его въ страхѣ. — Позвольте мнѣ позвать доктора.

Онъ покачалъ головой и слабо пожалъ ея руку, какъ бы прося остаться возлѣ него.

— Это скоро пройдетъ. Дайте мнѣ оправиться. Я разскажу вамъ...

И опять смолкъ. Она сидѣла, держа его руку, не сводя глазъ съ его лица. Сколько времени прошло такъ, она не знала. Вошла Сю-

занна сказать, что для нея приготовлена сосѣдняя комната. Жюли только взглянула на неё и молча покачала головой.

Пришелъ докторъ и заставилъ Делафильда проглотить нѣсколько ложекъ бульона и принять лекарство. Тотъ, видимо, съ усиліемъ исполнилъ это и, словно уставъ, припалъ головой къ ручкѣ кресла.

— Пожалуйста—оставьте насъ однихъ! — сказалъ онъ властно, и оба, Сюзанна и докторъ, вышли.

Но долго еще онъ не могъ собраться съ силами, чтобы начать свой разсказъ о смерти юнаго лорда Эльмира и самоубійствѣ его отца. Онъ сидѣлъ, весь согнувшись, не подымая глазъ, руки его повисли, голосъ прерывался, ему, видимо, трудно было говорить.

Жюли слушала его, и этотъ несвязный разсказъ наполнялъ её тѣмъ же ужасомъ, отъ котораго пошатнулось его душевное равновѣсіе. И когда онъ вдругъ поднялъ на нее глаза со словами: «А теперь отъ меня ждутъ, что я займу ихъ мѣсто и воспользуюсь ихъ кончиной! Какой законъ, Божій, или человѣческій, вправѣ обязать меня принять образъ жизни и отвѣтственность, которыя мнѣ ненавистны!» Жюли откинулась назадъ, какъ будто онъ ударилъ её. Его точно подмѣнили; его голосъ, тонъ—все было другое; въ нихъ слышалась какая-то рѣзкость, угроза спеціально по ея адресу. Его глаза, казалось, говорили: «Если-бъ не ты, я могъ бы отказаться отъ этого наслѣдства, которое погубитъ меня физически и морально».

Она молчала, только сердце ея трепетно билось; а онъ продолжалъ, ища словъ, точно ощупью отыскивая дорогу.

— Я могъ бы дѣлать это, конечно,—я вѣдь дѣлаю это пять лѣтъ. Я могъ бы управлять имѣніемъ и рабочими. Но деньги, обстановка—орава слугъ, вся эта мишура!.. Зачѣмъ, Жюли, зачѣмъ навязывать намъ все это? Какое счастье—спрашиваю я васъ—какое счастье можетъ это принести вамъ или мнѣ?

И опять онъ взглянулъ на неё, и опять ей показалось, что въ его взглядѣ была острая вражда и антагонизмъ, какъ будто она воплощала въ себѣ въ данный моментъ всѣ доводы, выгоды закона и обычая, которые онъ мысленно отрицалъ и старался опровергнуть. У нея упало сердце — она чувствовала себя такой далекой, чужой ему. Въ самой его позѣ—безсознательно—какъ будто чувствовался оттѣнокъ первобытнаго антагонизма между мужчиной и женщиной, сильнымъ и слабымъ; болѣе духовнымъ и болѣе земнымъ.

— Вы думаете, конечно,—сказалъ онъ, помолчавъ,—что я *долженъ* принять это—даже если-бъ я *могъ* отказаться?

— Я не знаю, что я думаю,—поспѣшно возразила она.—Это очень странно, конечно,—то, что вы говорите. Намъ надо обсудить это всесторонне. Дайте мнѣ время сообразить.

Онъ нетерпѣливо вздохнулъ и вдругъ поднялся.

Хотите взглянуть на нихъ?

Она тоже встала и вложила свою руку въ его.

— Ведите меня, куда хотите.

— Ничего ужаснаго нѣтъ,—сказалъ онъ, на мигъ прикрывъ глаза рукой.—Они успокоились.

Нетвердой поступью, опираясь на ея руку, онъ повелъ ее черезъ весь большой, темный домъ. Жюли смутно видѣла широкія лѣстницы, корридоры, высокія залы, гдѣ со стѣнъ глядѣли портреты Делафильдовъ. Часъ былъ уже не ранній, и въ домѣ работало много народу, но Жюли видѣла только смутныя фигуры вдали, исчезавшія при ихъ приближеніи. Они шли одни, охраняемые отъ всякой помѣхи страхомъ и сочувствіемъ окружавшихъ ихъ невидимыхъ человѣческихъ существъ.

Делафильдъ отворилъ запертую дверь.

Отецъ и сынъ лежали рядомъ. На лицѣ юноши было такое блаженно-спокойное выраженіе, что на первый взглядъ, на немъ не видно было даже слѣдовъ долгихъ физическихъ страданій. Лицо отца, съ закрытыми глазами и строго сжатыми губами, также дышало не отчаяніемъ, толкнувшимъ его на смерть, но скорѣе какимъ-то мрачнымъ торжествомъ: онъ добился своего, взялъ у смерти все изглаживающій сонъ и забвеніе.

Они постояли немного; потомъ Делафильдъ опустился на колѣни и Жюли возлѣ него. Она молилась, но недолго,—она чувствовала такую усталость отъ всѣхъ этихъ переѣздовъ. Но Делафильдъ былъ неподвиженъ, и Жюли казалось, что ему трудно дышать.

Она поднялась; слезы душили ее. Давно уже она не чувствовала себя такой одинокой, такъ глубоко несчастной. Она готова была отдать все на свѣтѣ, чтобы забыть о себѣ, утѣшая Джэкоба. Но онъ, казалось, не нуждался въ ней и совсѣмъ не думалъ о ней.

Озираясь кругомъ, Жюли замѣтила на столѣ возлѣ покойника фіалки, единственные въ комнатѣ цвѣты,—нѣсколько фотографическихъ карточекъ и двѣ-три старыхъ истрепанныхъ книги. Она осторожно взяла одну изъ нихъ. Это были «Размышленія» Марка Аврелія, съ подчеркнутыми фразами, съ отмѣтками на поляхъ. Она сочла бы святотатствомъ вглядываться въ эти отмѣтки, но замѣтила между страницами книги письмо, и, при яркомъ уже свѣтѣ утра, лившемся въ комнату сквозь окно, выходившее въ садъ, разглядѣла, что оно было написано на тонкой французской бумагѣ, запечатано и адресовано ея мужу.

— Джэкобъ!

Она тихонько дотронулась до его плеча, встревоженная этой долгой неподвижностью.

Онъ поднялъ глаза и Жюли показалось, какъ будто онъ съ трудомъ стряхиваетъ съ себя какое-то ненормальное состояніе, похожее на трансъ. Но все-таки онъ всталъ, глядя на нее какъ-то странно.

— Джэкобъ, это вамъ!

Онъ почти вырвалъ у нея книгу, какъ будто она не имѣла права держать ее въ рукахъ. Потомъ увидалъ письмо, и краска прилила къ его щекамъ. Онъ взялъ письмо, постоялъ съ минуту въ нерѣшимости, затѣмъ отошелъ къ окну и распечаталъ его.

Она видѣла, какъ онъ пошатнулся, и бросилась къ нему. Но онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы отстраняя ее.

— Это его послѣднія строки,—сказалъ онъ и, прочитавъ только первую фразу, сунулъ письмо въ карманъ.

Жюли отошла униженная. Его жестъ сказалъ ей, что такой интимной и священной тайной онъ не считаетъ возможнымъ дѣлиться съ своей женой.

Они молча вернулись въ ту комнату, откуда вышли. Готовыя фразы одна за другой просились на уста Жюли, но ей казалось безполезнымъ произносить ихъ. И опять она уже совсѣмъ по другому, по новому, «боялась» человѣка, шедшаго рядомъ съ ней.

Вскорѣ затѣмъ она ушла отъ него, по его собственному желанію.

— Я лягу, а вамъ надо отдохнуть—сказалъ онъ рѣшительно.

Жюли взяла ванну, переодѣлась и позволила добренькой бѣлокурой Сюзаннѣ накормить себя и по своему разсказать ей всѣ перипетіи этой страшной недѣли, пережитой ею вмѣстѣ съ Джэкобомъ. Жюли замѣтила, что Сюзанна мало говорила о своемъ братѣ и совсѣмъ не упоминала о его измѣнившемся положеніи и наслѣдствѣ. Раза два она поймала на себѣ взглядъ прелестныхъ глазъ дѣвушки съ выраженіемъ вопроса или раздумья и почувствовала, что висящая въ воздухѣ тайна и трепетное ожиданіе тяготятъ не одну ея душу.

Часовъ въ девять Сюзанна ушла отъ нея распорядиться по хозяйству. Утромъ ждали слѣдователя, а затѣмъ кучу всякаго народу: гробовщиковъ, факельщиковъ и т. д.—вѣдь надо устроить двойныя похороны.

— Бѣдный Джэкобъ!—вздохнула его сестра, уходя.

Но эта трагическая сутолока еще не началась. Въ домѣ пока было тихо, и Жюли въ первый разъ осталась одна.

Она подняла шторы и смотрѣла въ окно на паркъ, теперь залитый свѣтомъ, на знаменитый итальянскій садъ съ фонтанами и статуями; на большое озеро посрединѣ и холмы за озеромъ, съ плантаціями и аллеями. Все это входило въ паркъ: онъ былъ огромный, куда глазомъ ни кинь—всюду онъ.

Жюли хорошо понимала значеніе перемѣны въ своей судьбѣ. Годы, проведенные въ домѣ леди Генри, ея собственное тайное тяготѣніе къ знатности и богатству достаточно ознакомили ее съ условіями жизни англійской знати. Въ данный моментъ она *была* герцогиней Чёдлей; ясный умъ ея уже вполнѣ оцѣнилъ значеніе этого факта, всю связанную съ нимъ власть и вліяніе. Вѣдь она выросла не *внутри* этого міра, какъ Делафильдъ, а внѣ его, выброшенная изъ жизни, которая

по праву должна была стать ея удѣломъ, иногда полная зависти и всѣхъ страстей, порождаемыхъ завистью.

Ее не пугало высокое общественное положеніе,— напротивъ. Были минуты, когда она всѣмъ своимъ существомъ тянулась къ нему съ гордымъ и увѣреннымъ въ себѣ честолюбіемъ. Притомъ же она не была ни мистикомъ, ни смиренницей. Присущая ей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ яркая оригинальность не имѣла ничего общаго съ уничтоженіемъ классовыхъ различій; какъ католичка, она была пріучена принимать ихъ, какъ должное.

Минуты шли; Жюли стояла у окна, прижимаясь головой къ косяку, опустивъ руки. Она вся ушла въ свои мечты. Раза два она замѣтила, что слезы катятся у ней изъ глазъ, раза два улыбнулась.

Она не думала о той трагедіи, изъ которой возникло это положеніе. Въ этомъ мимолетномъ трансѣ чувства даже скорбныя фигуры мертвыхъ отца и сына какъ-то стушевались, исчезли; Уорквортъ не исчезалъ, но онъ представлялся ей теперь уже облеченнымъ безстрастной и безполой красотой того міра, гдѣ—будь онъ для насъ поэзія или дѣйствительность—«не женятся и не выходятъ замужъ». Ея горячія, живыя мысли стремились къ одному—возстановить духовное равновѣсіе. Она больше не нищая по отношенію къ своему мужу: у нея есть, что дать. До сихъ поръ она только брала и брала, пока не очутилась въ неоплатномъ долгу, но теперь!..

И при этой мысли по лицу ея скользила улыбка, трепетная, мимолетная, радостная.

Звонъ колокольчика разнесся по длинному корридору, и этотъ звукъ вернулъ ее къ жизни. Она пошла къ двери, отдѣлявшей ее отъ гостиной, гдѣ она оставила своего мужа и, не постучавшись, отворила ее.

Делафильдъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ нишѣ окна. Онъ, очевидно, писалъ, но, когда она вошла, онъ сидѣлъ, задумавшись и разсѣянно вертя въ рукѣ перо.

Услышавъ шаги онъ поднялъ глаза, и ей показалось, что и лицо, и настроеніе его перемѣнились. Это была смутная, мимолетная мысль, но Жюли инстинктивно ускорила шаги и протянула ему обѣ руки.

— Джэкобъ! Вы предложили мнѣ вопросъ, на который я не могла отвѣтить сразу. Мнѣ нужно было подумать. Теперь я пришла съ отвѣтомъ. Если для вашего счастья нужно отказаться отъ герцогства,— откажитесь! Я не стану вамъ поперекъ дороги - и никогда не упрекну васъ. Вѣроятно,—она заставила себя улыбнуться,—вѣроятно, есть способы дѣлать и такія странныя вещи. Васъ будутъ много судить, можетъ быть, порицать. Но, если вамъ кажется, что такъ надо,— сдѣлайте это. Я поддержу васъ и помогу. Что сдѣлаетъ васъ счастливымъ, сдѣлаетъ счастливой и меня, если только...

Делафильдъ порывисто поднялся и взялъ ее за руки. Грудь его тяжело вздымалась, отъ волненія онъ едва могъ говорить.

— Если только—что?—выговорилъ онъ хрипло.

Она посмотрѣла на него.

— Если только, mon ami,—она тихонько высвободила одну руку и положила ее на его плечо,—вы подарите мнѣ ваше довѣріе и—голосъ ея вдругъ упалъ—вашу любовь!

Они смотрѣли другъ на друга. Передъ обоими проносились воспоминанія прошлаго—Уорквортъ, сѣрыя волны Ламанша, духовное родство, выросшее между ними въ Швейцаріи, вмѣстѣ съ сознаніемъ этой новой нежданной перемѣны и выросшихъ въ нихъ самихъ новыхъ чувствъ.

— Вы готовы всѣмъ этимъ пожертвовать?—мягко спросилъ Делафильдъ, все еще держа ее на разстояніи отъ себя.

— Да.—Она, улыбаясь, кивнула головой.

— Для меня? Ради меня?

Она опять улыбнулась. Онъ глубоко перевелъ духъ, повернулся къ столу, взялъ лежавшее на немъ письмо и протянулъ ей.

— Я хочу, чтобъ вы прочли это.

Она невольно вздрогнула и отшатнулась. Онъ понялъ.

— Родная!—вскричалъ онъ, страстно сжавъ ея руку.—Я былъ самъ не свой, я умиралъ! Прочти—будь добра ко мнѣ!

Стоя съ нимъ рядомъ, въ то время, какъ рука его обвивала ея станъ, она прочла эти печальныя строки, послѣднее письмо герцога.

«Дорогой мой Джэкобъ, я оставляю тебѣ тягостную задачу, которая, я знаю, въ твоихъ глазахъ будетъ только бременемъ. Но—ради меня—прими ее. Человѣкъ, который бѣжитъ съ поста, пожалуй, не въ правѣ проповѣдывать мужество. Но ты знаешь, какъ я боролся, и если никто другой, то ты будешь милосерднымъ судьей. И въ тебѣ тоже есть капля горечи, которая отравляетъ жизнь всѣмъ намъ; но ты будешь не одинъ. Съ тобой твоя жена, и ты любишь ее. Займи мое мѣсто здѣсь—заботься о нашихъ крестьянахъ, говори о насъ иногда своимъ дѣтямъ и молись за насъ. Благослови тебя Богъ, мой родной—единственные проблески утѣшенія, какія я зналъ въ этомъ году, исходили отъ тебя. Я жилъ бы, еслибъ могъ, но я долженъ, *долженъ* уснуть...»

Жюли выронила письмо и повернулась къ мужу.

— Послѣ того, какъ я прочелъ это,—выговорилъ онъ медленно,—я все сидѣлъ здѣсь одинъ, т.-е., вѣрнѣе, не одинъ, но мнѣ трудно говорить объ этомъ,—даже съ вами. Какъ бы то ни было, я почувствовалъ напоминаніе о дисциплинѣ, приказъ. Мой бѣдный кузенъ дезертировалъ. Я, повидимому,—договорилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ,—долженъ остаться въ рядахъ.

— Давай обсудимъ это,—сказала Жюли, и они сѣли рука съ рукой, и полилась спокойная серьезная бесѣда.

Внезапно Делафильдъ повернулся къ ней, съ новымъ приступомъ волненія.

— Я уже чувствую, какую энергію, какое благородное честолюбіе ты съумѣешь вложить въ это. Но все-же, Жюли, ты способна была бы отказаться отъ всего этого?—всѣмъ пожертвовать?..

Жюли отвѣтила, выбирая слова.

— Да. Но теперь, когда мы рѣшили сохранить это, ты не возненавидишь меня, если когда-нибудь—когда намъ будетъ не такъ грустно, какъ сейчасъ,—мнѣ это доставитъ удовольствіе? Право же, это сильнѣе меня. Когда мы были въ Ла-Вернѣ, я все думала, что тебѣ слѣдовало родиться въ тринадцатомъ столѣтіи, дать обѣтъ бѣдности и идти по стопамъ св. Франциска. Но теперь ты сдѣлался безумно, безнадежно богатъ. А я всегда была суетная, свѣтская. То, что заставитъ тебя страдать, меня можетъ быть будетъ радовать!

Слова эти рѣзко прозвучали въ потемнѣвшей комнатѣ. Делафильдъ вздрогнулъ, какъ будто смерть осѣнила его крыломъ. Жюли порывисто взяла его за руку.

— Можетъ быть, это моя судьба чтобы я была свѣтской и суетной вмѣсто тебя!

Глаза ихъ встрѣтились. Ея лицо свѣтилось откровеніемъ, красотой, обволакивавшей ихъ обоихъ.

Делафильдъ упалъ на колѣни возлѣ нея и положилъ голову къ ней на грудь. Она прелестнымъ жестомъ обвила его шею руками. Наконецъ онъ нуждался въ ней, и это отрадное сознаніе наполнило и укротило ея сердце.

Конецъ.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ.

Среди безконечнаго разнообразія областей человѣческой дѣятельности земледѣліе занимаетъ вполнѣ особое положеніе. Служа важнѣйшимъ и почти единственнымъ источникомъ для поддержанія жизни людей, земледѣліе всегда и повсемѣстно было предметомъ горячихъ заботъ и стараній человѣка.

Въ виду такой исключительной важности земледѣлія, человѣкъ, казалось бы, долженъ былъ удѣлить наибольшее вниманіе этой области своей дѣятельности и довести её въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ до самаго высокаго развитія. Однако изученіе исторіи земледѣлія убѣждаетъ насъ въ противномъ, показывая, что до сравнительно очень недавняго времени земледѣліе оставалось самою отсталою отраслью: въ продолженіе тысячи лѣтъ оно сдѣлало лишь ничтожные успѣхи и цѣлыми столѣтіями совсѣмъ не двигалось впередъ. Мало того,—рутинные пріемы, прочно установившіеся въ земледѣльческой практикѣ, были не только крайне несовершенны, но въ своемъ основаніи являлись хищническими, направленными къ полному истощенію почвы. Это хищническое отношеніе къ природнымъ богатствамъ красной нитью проходитъ черезъ всю исторію земледѣлія вплоть до XVIII и даже начала XIX вв. и обусловливается сложными и глубокими причинами, коренящимися въ всемъ строѣ предшествовавшихъ эпохъ. Разсмотрѣніе этихъ причинъ не входитъ въ нашу задачу, и мы можемъ ограничиться по этому поводу лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Развитіе знаній и техники есть единственный источникъ всякаго прогресса. Но этотъ процессъ совершается не самъ по себѣ, а тѣсно связанъ со всѣмъ остальнымъ общественнымъ устройствомъ. Такимъ образомъ низкій уровень и полная неподвижность земледѣлія въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка всецѣло зависѣли отъ условій жизни рабовладѣльческихъ и феодальныхъ обществъ.

По свойству человѣческой природы люди не склонны затрачивать на поддержаніе своего существованія больше труда, чѣмъ это безусловно необходимо. Поэтому крайне слабое развитіе земледѣльческой техники могло сравнительно очень долгое время удовлетворять потребостямъ населенія; и только когда равновѣсіе между потребностями и

запасами природы было окончательно и безповоротно нарушено, потребовалось увеличить количество работы и искать болѣе совершенныхъ пріемовъ земледѣлія. Въ этомъ отношеніи, на ряду съ другими факторами, самое сильное дѣйствіе оказало развитіе городской промышленности и денежнаго хозяйства. Къ XVI—XVII в.в. старыя формы земледѣлія съ общиной и трехпольемъ становятся окончательно непригодными; благодаря чрезмѣрному истощенію полей и неурожаямъ земледѣліе приходитъ въ небывалый упадокъ; населеніе подвергается періодическимъ голодовкамъ, количество его сильно уменьшается; въ то же время цѣлый рядъ другихъ факторовъ экономической жизни дѣлаетъ положеніе крестьянскаго населенія прямо невыносимымъ. Переходъ къ новой, болѣе совершенной формѣ земледѣлія становится необходимымъ во что бы то ни стало. Однако этотъ переходъ на практикѣ могъ осуществиться лишь при условіи полнаго переворота во всемъ общественно-экономическомъ строѣ. Въ этомъ направленіи первый шагъ былъ сдѣланъ Англіей, гдѣ революціей 1688 г. были разрушены основы феодальнаго хозяйства, и начала развиваться капиталистическая система. Въ остальной Европѣ только великая революція 1789 г. окончательно сбросила тягостное феодальное иго и, уничтоживъ общинное владѣніе землею, ввела полную частную собственность. Путь капиталистическому хозяйству былъ освобожденъ, начинается новая эпоха земледѣлія. Начало этой эпохи ознаменовалось замѣчательными открытіями въ области естествознанія и положило первое основаніе научному пониманію земледѣлія.

Разсмотрѣніе теоретической и практической эволюціи земледѣлія въ новую эпоху и составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Необходимо отмѣтить, что въ развитіи земледѣлія на долю *науки* выпадаетъ особенно выдающаяся роль: весь прогрессъ сталъ возможнымъ главнымъ образомъ благодаря тѣмъ открытіямъ, которыя были сдѣланы въ естествознаніи — химіи, физіологіи растеній и механикѣ. Передъ нами открывается цѣлый рядъ важнѣйшихъ работъ различныхъ ученыхъ,—но справедливость требуетъ признать, что среди нихъ имя нѣмецкаго химика Юстуса. Либиха, создавшаго впервые главнѣйшія основы земледѣльческой науки, должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ *).

---

*) Выходъ настоящаго очерка совпадаетъ съ столѣтіемъ со дня рожденія Либиха 4 мая нов. ст.). Юстусъ Либихъ (Iustus v. Liebig) родился 4 мая (нов. ст.) 1803 г. въ Дармштадтѣ († 18 апр. 1873 г.). Отецъ его держалъ небольшую лавку аптекарскихъ и москательныхъ товаровъ, и это обстоятельство, по всей вѣроятности, впервые пробудило въ будущемъ ученомъ интересъ къ химіи, которою онъ серіозно занимался уже въ раннемъ дѣтствѣ, но какъ сынъ бѣдныхъ родителей, конечно, не могъ и мечтать о научной карьерѣ. Однако ничто не могло помѣшать развиться его таланту.—19-ти лѣтъ въ 1822 г. Либихъ выступаетъ съ

I.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію развитія теоретическихъ воззрѣній на земледѣліе, необходимо вкратцѣ упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ чисто случайнаго характера, принимавшихся ранѣе для улучшенія земледѣлія; хотя онѣ и не имѣютъ значенія для развитія теоретическихъ воззрѣній, тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ привели къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ.

Сознательное отношеніе къ земледѣлію пробуждается приблизительно въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, до этого же времени, систематически истощая природныя богатства земли, человѣкъ не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ для сохраненія ея плодородія. Таковъ общій основной фонъ всей прошлой земледѣльческой практики. Въ частности же нерѣдко дѣлались попытки искусственнаго повышенія урожайности, приводившія иногда къ весьма хорошимъ результатамъ. Но въ огромномъ большинствѣ способы, примѣнявшіеся для этой цѣли, не соотвѣтствовали ни степени развитія населенія, ни условіямъ общественнаго устройства, и въ результатѣ дѣло не шло дальше примѣненія одного навознаго удобренія. Повидимому въ лучшіе моменты земледѣлія предпринимались и нѣкоторыя другія улучшенія. Такъ напр. по словамъ Плинія и Колумеллы римлянамъ было хорошо извѣстно травосѣяніе; ихъ любимою посѣвною травой была люцерна, которой они приписывали удобрительную силу. Но этотъ принципъ былъ скоро забытъ, и только въ половинѣ XVIII в. мы вновь встрѣчаемся съ травосѣяніемъ, которое усиленно проповѣдуется различными учеными въ Англіи и Германіи. Заслуга введенія кормовыхъ травъ принадлежитъ Шубарту, посвятившему на это всю свою жизнь. Впервые травосѣяніе было введено въ Саксоніи, на родинѣ Шубарта *). Однако надо замѣтить, что это было уже дѣломъ новой эпохи. Къ

своею первою химическою работою, а уже 21-го года онъ получаетъ профессорскую каѳедру въ гессенскомъ университетѣ, не имѣя диплома классической гимназіи и не прослушавъ полнаго университетскаго курса, и основываетъ здѣсь *первую* общественную химическую лабораторію. Работы его въ разнообразныхъ областяхъ естествознанія настолько обширны, и заслуги такъ велики, что останавливаться на этомъ здѣсь нѣтъ возможности. Извѣстный химикъ и біографъ Либиха А. В. Гофманъ по этому поводу говоритъ: „можно смѣло утверждать, что ни одинъ ученый не оставилъ человѣчеству бо́льшаго наслѣдства“. — Работы Либиха тотъ же Гофманъ называетъ благодѣяніемъ для человѣчества.

*) За заслуги въ этомъ дѣлѣ Шубартъ былъ прозванъ фонъ-Клефельдомъ (отъ Kleefeld—клеверное поле) и возведенъ Іосифомъ II въ потомственное дворянство. Интересно, что въ 1779 году Екатерина II приглашала Шубарта переселиться въ Россію и завести здѣсь образцовое хозяйство съ правомъ выбора до 70.000 десятинъ лучшей земли и съ ссудою въ 100.000 руб. Однако Шубартъ не поѣхалъ; но его ученіе было извѣстно у насъ подъ названіемъ „Новаго земледѣлія“.

тому же времени относятся и такія мѣры, которыя при едва начавшей развиваться земледѣльческой техникѣ не могли имѣть другого значенія, какъ палліативовъ. Сюда относятся, напримѣръ, усиленный ввозъ гуано, какъ удобрительнаго средства, и введеніе картофеля.

Гуано, хотя и представляетъ довольно полное удобреніе, но залежи его даже въ самомъ началѣ ихъ выработки были столь незначительны, что могли оказать лишь кратковременную помощь *).

Что касается картофеля, то будетъ не лишне сказать два слова о той исключительной роли, которую ему приходится играть въ жизни бѣдныхъ классовъ населенія.

Картофель впервые ввезенъ изъ Америки въ 1584 г., но окончательное распространеніе получаетъ въ XVII—XVIII в. в. **), заступая при этомъ мѣсто истинно питательныхъ растеній (напр. гороха), которыя уже не могли расти на истощенной почвѣ, въ то время какъ картофель, благодаря сильному развѣтвленію корней, растетъ довольно успѣшно. На его введеніе первоначально смотрѣли, какъ на благодѣяніе. Между тѣмъ, помимо своей способности еще сильнѣе истощать землю, картофель представляетъ растеніе *мало питательное*, и мы теперь хорошо знаемъ, что онъ не можетъ служить нормальной пищей для человѣка и кормомъ для скота (фактъ, впрочемъ, и тогда уже извѣстный) ***).

Теоретическія воззрѣнія на земледѣліе въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ застаемъ въ первые моменты развитія (въ XVIII в.) еще въ достаточной степени сохранили отпечатокъ самыхъ грубыхъ представленій о природѣ. Въ то время среди сельскихъ хозяевъ господствовало

---

*) Именемъ гуано называются полуразложившіеся остатки экскрементовъ морскихъ птицъ, находившіеся въ большомъ изобиліи по берегамъ Перу и ближайшихъ островов. Быстрое истощеніе его запасовъ предсказывалъ еще Либихъ, и дѣйствительно его предсказанія сбылись; въ настоящее время разрабатываются только незначительныя второстепенныя залежи.

**) У насъ въ Россіи картофель появляется впервые въ Петербургѣ въ первой половинѣ XVIII в., гдѣ разводится „партикулярными людьми". При Екатеринѣ II принимаются мѣры къ его распространенію на помощь голодавшимъ крестьянамъ Финляндіи. Затѣмъ въ началѣ XIX в. правительствомъ нѣсколько разъ дѣлаются попытки къ всеобщему распространенію картофеля, но всѣ онѣ встрѣчаются полнымъ недовѣріемъ со стороны крестьянъ. Только въ 40-хъ годахъ Николай I въ виду неурожая приступаетъ къ энергичному введенію этого растенія, причемъ назначаются даже преміи и награды за его разведеніе.

***) Съ особенной силой нападаетъ на картофель Либихъ, указывая на сильное уменьшеніе способности къ работѣ населенія, питающагося преимущественно картофелемъ. Свое мнѣніе онъ подтверждаетъ различными неоспоримыми данными, въ томъ числѣ изъ области статистики рекрутскихъ наборовъ Франціи и Германіи, констатирующей значительное пониженіе роста и другихъ нормъ со времени введенія картофеля.

мнѣніе, что почва неистощима въ своемъ плодородіи; что въ ней заложена особая «сила», являющаяся ближайшей причиной плодородія, и всѣ старанія земледѣльца должны быть направлены къ тому, чтобы пробудить эту силу. Правда, сельскій хозяинъ XVIII в. уже отлично зналъ, какую роль играетъ солнечный свѣтъ и дожди, былъ знакомъ практически съ дѣйствіемъ того или другого случайнаго удобренія и потому иногда пытался такъ или иначе обосновать свои взгляды, облечь въ форму теоріи. Но въ сущности онъ не зналъ причинъ плодородія земли, не зналъ и причинъ неплодородія, наступавшаго послѣ продолжительнаго воздѣлыванія почвы.

Первой стройной теоріей, стремившейся проникнуть въ глубь явленія, была такъ называемая «перегнойная или гумусовая теорія» Тэра *). Эта теорія объясняла производительность почвы присутствіемъ въ ней нѣкотораго органическаго вещества—перегноя (гумуса «humus»). Поэтому для повышенія плодородія почвы старались тѣмъ или инымъ путемъ внести въ нее возможно большее количество перегноя, такъ что основою хозяйства считалось напр. полученіе навоза.

Ученіе о гумусѣ ставило, въ связи съ перегноемъ, какъ питательнымъ веществомъ для растеній, дѣйствіе почвенной силы въ зависимость отъ круговорота органическихъ веществъ, который въ формѣ перегноя способствовалъ поддержанію растительной жизни, а въ формѣ растительныхъ веществъ служилъ пищей для животныхъ и людей. Изъ такого взгляда вытекало, что возможенъ моментъ, когда всѣ органическія остатки животныхъ и растеній войдутъ въ круговоротъ, и тѣмъ будетъ положенъ конецъ ихъ дѣйствію: всякое увеличеніе производительности земли и приращеніе населенія сдѣлаются невозможными.

Эта теорія господствовала приблизительно до 1840 года, который Либихъ отмѣчаетъ, какъ важный переходный моментъ въ исторіи земледѣлія. Химія и физіологія растеній сдѣлались тогда уже настолько самостоятельными, что могли принять участіе въ развитіи другихъ областей знанія, и пришли въ соприкосновеніе съ сельскимъ хозяйствомъ. Къ этому времени стали извѣстны тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ составѣ воздуха подъ вліяніемъ растительнаго процесса. Ученые уже выяснили, что зеленыя части растеній при содѣйствіи солнечнаго свѣта выдѣляютъ кислородъ (Пристлей 1772 г.). Отецъ физіологіи растеній Соссюръ (Saussure. «Recherches chimiques sur la végétation», 1804) съ неопровержимостью доказалъ, что образованіе растительнаго вещества происходитъ на счетъ углекислоты воздуха: растенія разлагаютъ углекислоту, усвоивая ея углеродъ. Минеральныя вещества, находимыя въ золѣ растеній, однако, въ большинствѣ случаевъ считались

*) Альбертъ Тэръ (Thaer) знаменитый нѣмецкій агрономъ (1752—1828). Его классическое сочиненіе „Grundsätze d. rationellen Landwirtschaft" переведено на русскій языкъ.

только случайными составными частями растеній, измѣняющимися съ характеромъ почвы (Соссюръ). Однако тотъ же Соссюръ придавалъ уже огромное значеніе для жизни растеній фосфорнокислой извести, а знаменитый химикъ и агрономъ Бусенго (Boussingault. «Economie rurale», 1844 и др.) уже достаточно ясно понималъ значеніе минеральныхъ веществъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ названныя и многія другія важныя открытія совершенно не проникали въ практику, оставаясь пріобрѣтеніемъ лишь узкой научной сферы. Съ одной стороны этихъ свѣдѣній, носившихъ отрывочный характеръ, было слишкомъ недостаточно, чтобы составить полное представленіе о питаніи растеній, а съ другой—сельскіе хозяева-практики оставались еще слишкомъ вѣрными силѣ преданія, чтобы согласиться на введеніе у себя новшествъ, да еще со стороны науки, которой они тогда не придавали значенія.

Величайшая заслуга коренного измѣненія земледѣлія въ смыслѣ его научной постановки принадлежитъ замѣчательному ученому—химику Юстусу Либиху *)

Старая перегнойная теорія Тэра признавала самымъ важнымъ условіемъ развитія растеній вещества *органическія*; новое ученіе Либиха принимаетъ какъ разъ наоборотъ, что пища всѣхъ растеній (кромѣ грибовъ) состоитъ изъ веществъ *неорганическихъ*; «что въ организмѣ растенія минеральныя вещества становятся способными отправлять органическую дѣятельность». Вслѣдствіе своей противоположности старому ученію, новое получило названіе «минеральной теоріи».

Либихъ выставилъ слѣдующее основное положеніе этой теоріи: «Углекислота, амміакъ (азотная кислота), вода, кислоты — фосфорная, сѣрная, кремневая, известь, магнезія, кали, желѣзо, для нѣкоторыхъ и поваренная соль,—суть вещества, которыми живетъ растеніе».

Было доказано научнымъ путемъ, что растенія берутъ изъ земли нѣкоторыя составныя части, всегда одинаковыя, на какой бы почвѣ они ни выростали, и что соли и землистыя вещества не случайныя составныя части, а существенно необходимыя вещества для развитія массы растенія; что безплодная почва становится плодородной, если количество такихъ веществъ будетъ увеличено. Отсюда слѣдуетъ, что земля, по мѣрѣ воздѣлыванія, становится бѣдною этими веществами, и что для сохраненія плодородія необходимо возвращать почвѣ все то, что изъ нея было взято. Содержаніе этихъ питательныхъ веществъ даже въ самой плодородной почвѣ сравнительно не велико, и сельскій хозяинъ въ интересахъ всего человѣчества, говоритъ Либихъ, долженъ

*) Важнѣйшія его сочиненія по агрономіи: „Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur u. Physiologie", „Naturwissensch. Briefe ü. d. moderne Landwirtschaft" и другія переведены на различные языки, въ томъ числѣ и на русскій.

заботиться о возвращеніи почвѣ недостающихъ веществъ изъ другихъ источниковъ.

Либихъ разработалъ во всей полнотѣ вопросъ о значеніи для растеній минеральныхъ веществъ, собралъ и провѣрилъ всѣ свѣдѣнія по вопросу о питаніи растеній и удобреніи почвы, поставилъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій и, наконецъ, весь этотъ обширный матеріалъ привелъ въ ясность, сдѣлалъ его разработку во всѣхъ подробностяхъ даже съ естественно-исторической и философской точки зрѣнія и создалъ стройную, законченную теорію, носившую не только спеціально-научный характеръ, но являвшуюся горячей проповѣдью новаго раціональнаго земледѣлія, при которомъ *плодородіе почвы сохраняется вѣчно и производительность земли можетъ быть повышена соразмѣрно потребностямъ населенія.*

На первыхъ порахъ воззрѣнія Либиха были встрѣчены нападками, бранью, враждой. И прежде чѣмъ новая теорія окончательно восторжествовала, Либиху пришлось долгое время выступать на ея защиту.

Какъ разъ къ этому времени, около средины 40-хъ годовъ, распространилось ученіе объ азотѣ, какъ главномъ предметѣ попеченія земледѣльца. Въ то время германскіе агрономы и даже сельскіе хозяева серьезно принялись за разработку вопроса о питаніи растеній, и нѣкоторые, согласно съ французскою школой, начали усиленно налегать на азотъ, считая его и фосфорную кислоту чуть ли не единственными питательными элементами, такъ что всѣ удобрительныя средства стали оцѣниваться по содержанію въ нихъ азота. Эта азотная теорія, представителями которой были Штекгардтъ и Вольфъ, хотя не прямо, но подрывала нѣкоторымъ образомъ минеральную теорію Либиха. Противъ этихъ-то нѣмецкихъ «адвокатовъ» азотной теоріи, какъ ихъ называлъ Либихъ, и противъ англійскихъ ученыхъ Лоза и Жильберта Либихъ написалъ извѣстное сочиненіе: «Theorie u. Praxis in d. Landwirthschaft». 1856 г.

Важное значеніе минеральной теоріи выразилось не только въ тѣхъ огромныхъ практическихъ результатахъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже, но еще и въ томъ отношеніи, что только съ этой теоріей впервые была познана роль растеній въ природѣ. Все живущее на землѣ получаетъ свою энергію, главнымъ образомъ, изъ готовыхъ сложныхъ углеродистыхъ соединеній, принимая эти послѣднія въ видѣ пищи. Запасъ такихъ веществъ крайне ограниченъ, въ то же время большинство организмовъ не въ состояніи приготовить ихъ изъ веществъ болѣе простыхъ. Одни только зеленыя растенія (хлорофильныя) изъ всѣхъ организмовъ обладаютъ замѣчательной способностью создавать при помощи энергіи солнечнаго свѣта изъ простыхъ минеральныхъ веществъ тѣ сложныя углеродистыя соединенія, которыя необходимы животнымъ. Эта замѣчательная истина, ставшая нынче общимъ достояніемъ, впервые была понята Либихомъ.

*

Дѣйствительно, казалось бы, что разъ познано значеніе минеральныхъ веществъ, то изложенный выводъ напрашивается самъ собой. Однако, на практикѣ дѣло обстояло иначе.

Уже много раньше было извѣстно, что въ растеніяхъ всегда присутствуютъ нѣкоторыя минеральныя вещества; но такъ какъ никакія изслѣдованія не могли выяснить ихъ участія въ растительномъ процессѣ, то, несмотря на разнорѣчивыя мнѣнія, этимъ веществамъ въ общемъ не придавали никакого значенія. Оставалось одно—или отказаться отъ познанія роли минеральныхъ веществъ за невозможностью прослѣдить связь ихъ съ развитіемъ растительнаго процесса, или же искать уясненія ихъ роли въ другихъ соотношеніяхъ. Этотъ второй путь и былъ выбранъ Либихомъ. Онъ понялъ, что здѣсь нельзя ограничиваться частными наблюденіями, а необходимо найти общую законность, управляющую этой областью.

Подобно тому, какъ Лавуазье, создавшій новую химію, исходилъ изъ откровенія своего генія, что «ничто въ природѣ не пропадаетъ и не творится вновь», такъ и для Либиха исходнымъ пунктомъ служило простое, но глубокое философское обобщеніе, обнимающее два царства природы.

«Безъ постояннаго содержанія фосфорной кислоты или фосфорнокислой извести въ пищѣ невозможно образованіе мозга и костей; равнымъ образомъ безъ желѣза и щелочей невозможно образованіе крови и мускуловъ. Если же эти вещества существенно необходимы для поддержанія жизни въ организмѣ животнаго, то они должны быть (таково было, говоритъ Либихъ, умозаключеніе, къ которому я пришелъ) необходимы и для растительной жизни; иначе, если бы ихъ присутствіе въ растеніяхъ было случайностью, жизнь животныхъ не была бы обезпечена» *).

Вотъ тотъ путь, по которому этотъ ученый пришелъ къ минеральной теоріи, сознавъ все важное значеніе зеленыхъ растеній въ природѣ. И только имѣя въ рукахъ такую законность, Либихъ могъ, дѣйствительно вдохнуть жизнь въ безчисленныя разрозненныя наблюденія надъ питаніемъ растеній...

Слишкомъ 60 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Либихъ своимъ первымъ сочиненіемъ «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie» произвелъ реформу въ теоріи питанія растеній. За этотъ продолжительный срокъ земледѣлію были посвящены въ различныхъ областяхъ знанія многочисленныя изслѣдованія, и они-то, идя уже по расчищенному Либихомъ пути, и привели земледѣльческую науку и практику къ современному высокому развитію.

---

*) Liebig. Die Chemie in ihr. Anw. auf Agrikultur u. Physiologie.

II.

Въ то время, какъ наука быстрыми шагами совершала свое побѣдоносное шествіе, жизнь обществъ продолжала также разъ начатую эволюцію. Переворотъ, совершенный въ 1789 году въ Парижѣ классами, политически руководимыми буржуазіей, освободилъ крестьянъ отъ феодальной тяготы и даже снабдилъ ихъ землею, которую еще не успѣла захватить въ свои руки крупная буржуазія. Подъ вліяніемъ Франціи тѣ же измѣненія произошли и въ остальной Европѣ, но мирнымъ, легальнымъ путемъ постепенныхъ реформъ, и потому буржуазія осталась въ огромномъ выигрышѣ.

Частное владѣніе землею и товарный характеръ производства характеризуютъ то направленіе, въ которомъ происходитъ въ культурныхъ странахъ развитіе земледѣльческой промышленности. На ряду съ крестьянскимъ мелкимъ хозяйствомъ растутъ и развиваются крупныя капиталистическія хозяйства. Городская промышленность въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ создала техническія и научныя условія новаго раціональнаго земледѣлія, но въ то же время, дѣлая всѣ новѣйшія усовершенствованія доступными только для крупнаго капиталистическаго производства, привела къ техническому превосходству этого послѣдняго надъ мелкимъ крестьянскимъ. Однако, это обстоятельство вовсе не вызвало, какъ можно было бы ожидать, и не вызываетъ полнаго вытѣсненія и исчезновенія мелкой земледѣльческой промышленности: тамъ, гдѣ процессъ концентраціи землевладѣнія зашелъ слишкомъ далеко, вновь начинается обратное движеніе къ раздробленію, и такимъ образомъ оказывается, что обѣ эти формы производства обусловливаютъ другъ друга (Каутскій. «Agrarfrage»).

Развитіе сельскаго хозяйства, хотя и совершается по своимъ собственнымъ законамъ, вполнѣ отличнымъ отъ законовъ развитія промышленности, однако оба эти процесса не только не исключаютъ другъ друга, какъ это принято думать, но неуклонно ведутъ къ одной и той же цѣли, вызывая необходимость въ новыхъ общественныхъ формахъ производства и собственности.

Сказавъ два слова о современномъ экономическомъ состояніи земледѣльческой промышленности, мы перейдемъ теперь къ болѣе интересующимъ насъ современнымъ теоретическимъ воззрѣніямъ.

Система хозяйства на новыхъ основаніяхъ плодосмѣннаго пріема, широкаго раздѣленія ручного и интеллигентнаго труда; превращеніе земледѣлія въ науку, большое распространеніе машинъ и всякихъ механическихъ сооруженій, точное счетоводство и т. п.—все это, сразу намѣтившееся уже частью въ первой половинѣ, частью въ срединѣ прошлаго XIX-го вѣка, получаетъ небывалое развитіе по мѣрѣ приближенія къ нашему времени.

Что касается преимуществъ современнаго «свободнаго» или «воль-

наго» плодосмѣннаго хозяйства и раздѣленія труда, то здѣсь намъ придется ограничиться лишь краткими указаніями. Плодосмѣнное хозяйство дало возможность въ широкихъ размѣрахъ культивировать самыя разнообразныя растенія, на которыя рынокъ предъявляетъ спросъ, приноравливаясь въ то же время, въ зависимости отъ свойствъ этихъ растеній, къ требованіямъ раціональнаго сѣвооборота, дающаго возможность увеличить урожайность. Эта система открыла цѣлый новый міръ многочисленныхъ комбинацій, позволяющихъ легко удовлетворить какъ измѣнчивымъ условіямъ земледѣлія, такъ и рыночнаго спроса.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи главное вниманіе мы удѣлимъ современному состоянію земледѣльческой науки, какъ ея слѣдствію — вопросу объ искусственномъ удобреніи, и примѣненію сельскохозяйственныхъ машинъ.

Основой современнаго научнаго земледѣлія является, безъ сомнѣнія, ученіе о питаніи растеній; главнѣйшими же элементами этого послѣдняго служатъ вопросы объ усвоеніи углерода, элементовъ золы (т.-е. неорганическихъ веществъ) и объ усвоеніи азота.

Въ первыхъ двухъ отношеніяхъ сущность дѣла мало измѣнилась со времени Либиха. Объ ассимиляціи углерода въ настоящее время, какъ и тогда, физіологія растеній принимаетъ, что всѣ зеленыя (хлорофилоносныя) растенія для своего питанія пользуются исключительно углекислотой, содержащейся въ атмосферѣ; при этомъ первыми продуктами ассимиляціи являются углеводы (напр., крахмалъ) и нѣкоторыя другія вещества. Для образованія органическаго вещества во всякомъ зеленомъ растеніи на солнечномъ свѣтѣ происходитъ усвоеніе углерода, водорода и кислорода.

Что касается усвоенія неорганическихъ веществъ, то на основаніи культуръ на искусственныхъ почвахъ оказалось, что изъ большого числа элементовъ, находимыхъ въ золѣ растеній, безусловно необходимо опредѣленное количество только немногихъ: азота, сѣры, фосфора, калія, кальція, магнія, желѣза и нѣкоторыхъ другихъ. Что же касается до значенія, роли этихъ веществъ, то и въ настоящее время извѣстно объ этомъ еще очень мало. Такимъ образомъ воззрѣнія Либиха въ этой области больше чѣмъ оправдались: къ тому, что было сказано имъ, не прибавлено, можно сказать, ни одного слова.

Переходя теперь къ вопросу объ усвоеніи азота и его источникахъ въ природѣ, мы должны замѣтить, что въ этой области произошли съ тѣхъ поръ значительныя перемѣны, и это заставляетъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Источниками азота въ природѣ является азотъ атмосферный и почвенный. Первый въ видѣ амміака усвоивается листьями растеній, но въ естественныхъ условіяхъ этотъ способъ почти не имѣетъ значенія. Почвенный азотъ находится въ видѣ органическихъ соединеній, амміака и азотной кислоты. Доказано, что весь свой азотъ ра-

стенія получаютъ изъ почвы, и всѣ названныя выше три рода веществъ одинаково пригодны, но наилучшее усвоеніе происходитъ съ солями азотной кислоты. Наибольшее количество азота находится въ почвѣ въ видѣ органическихъ соединеній, но въ почвѣ существуютъ условія для перевода различныхъ азотистыхъ соединеній въ азотную кислоту. Поэтому азотистыя органическія соединенія и амміачныя соли составляютъ основной капиталъ почвы: постоянно окисляясь въ азотную кислоту, они служатъ для питанія растеній.

При нитрификаціи, т.-е. превращеніи въ азотную кислоту сложныхъ органическихъ азотистыхъ соединеній, эти послѣднія предварительно разрушаются живущими въ почвѣ бактеріями до амміачныхъ солей, которыя, въ свою очередь, окисляются также бактеріями до азотнокислыхъ солей, и уже въ такомъ видѣ непосредственно усвоиваются. (Работы Шлёзинга, Мюнца (1877) и особенно нашего русскаго ученаго Виноградскаго, получившаго нитрифицирующія бактеріи въ чистыхъ культурахъ *).

Многіе ученые, напр., Буссенго, Шлёзингъ и др., долгое время держались того мнѣнія, что всѣ растенія усвоиваютъ только связанный азотъ,—элементарный же азотъ воздуха для нихъ не имѣетъ значенія. Отсюда родилось представленіе о круговоротѣ азотистыхъ соединеній въ природѣ: азотная кислота (ея соли), образовавшаяся въ почвѣ, превращается растеніями въ сложныя азотистыя соединенія, идущія для питанія животныхъ; эти послѣднія соединенія опять возвращаются почвѣ въ видѣ растительныхъ и животныхъ остатковъ, вновь окисляются въ азотную кислоту и т. д., и т. д. Однако съ другой стороны извѣстны нѣкоторые такіе процессы, при которыхъ происходитъ разрушеніе азотистыхъ соединеній съ выдѣленіемъ свободнаго азота. Слѣдовательно, часть связаннаго азота уходитъ изъ общаго круговорота, и его количество въ организованной природѣ уменьшается. Это обстоятельство дало поводъ къ исканію такихъ явленій въ природѣ, при которыхъ происходилъ бы переходъ элементарнаго азота въ его соединенія. Дѣйствительно, найденъ цѣлый рядъ такихъ случаевъ **), но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ большого значенія.

И только въ сравнительно очень недавнее время, благодаря открытіямъ Гельригеля и Вильфарта, мы узнали, наконецъ, процессы, при которыхъ происходитъ усвоеніе элементарнаго азота. Эти открытія, сдѣлавшія цѣлую эпоху, заключаются въ слѣдующемъ.

Какъ уже раньше упоминалось, еще въ древности было извѣстно особенное свойство бобовыхъ улучшать почву. Позже на ихъ важное

*) См. статью д-ра А. Яроцкаго „О жизни въ почвѣ“. „Міръ Божій“ 1903 г. Январь.

**) Азотъ соединяется съ кислородомъ во время грозы, при испареніи воды и др.; дождевая вода и снѣгъ всегда содержатъ азотную кислоту и амміакъ.

значеніе не разъ указывалъ Тэръ. Либихъ пошелъ дальше и высказалъ взглядъ, что эти растенія (благодаря своей большой лиственной поверхности) могутъ не нуждаться въ азотистыхъ удобреніяхъ. Это положеніе было точно установлено опытами Лоза и Жильберта. Далѣе было замѣчено, что корни бобовыхъ растеній всегда несутъ небольшіе клубеньки. Гельригель и Вильфартъ показали, что такіе клубеньки образуются только въ нестерилизованныхъ почвахъ; въ почвахъ же стерилизованныхъ (т.-е. такихъ, въ которыхъ микроорганизмы уничтожены) клубеньки никогда не образуются. На основаніи своихъ опытовъ эти ученые пришли къ заключенію, что образованіе клубеньковъ есть результатъ симбіоза бобовыхъ растеній съ особыми бактеріями, и что при помощи такихъ клубеньковъ эти растенія обладаютъ способностью усвоивать азотъ воздуха. Пражмовскому и Бейеринку удалось получить чистыя культуры этихъ бактерій, названныхъ Bacillus или Bacterium radicicola. Позднѣйшія изслѣдованія показали, что существуетъ цѣлый рядъ разновидностей этихъ бактерій.

Наконецъ, очень недавно Виноградскому удалось открыть особый микробъ, названный имъ Clostridium Pasteurianum, обладающій свойствомъ непосредственно усвоивать азотъ воздуха.

Важность открытій такого рода явленій заключается въ томъ, что они указали на цѣлую новую область, совершенно неизвѣстную до того времени, изученіе которой только и можетъ дать вѣрное представленіе о питаніи растеній. Дѣло въ томъ, что прежде всѣ процессы, имѣющіе значеніе для жизни растительнаго организма разсматривались, какъ явленія, обусловленныя чисто *химическими* причинами. Въ настоящее же время, съ открытіемъ участія въ этой области дѣятельности микроорганизмовъ, дается такимъ образомъ другое, именно, *біологическое* объясненіе этихъ процессовъ. Однако, при этомъ не слѣдуетъ забывать и дѣйствія химизма, такъ какъ химическіе и біологическіе процессы неразрывно связаны другъ съ другомъ.

Таковы въ краткихъ чертахъ тѣ главныя завоеванія, которыя къ нашему времени сдѣлала наука по вопросу о питаніи растеній. Въ то же время сильно успѣлъ измѣниться и типъ практическаго сельскаго хозяина. Нѣкогда равнодушный и даже глумившійся надъ наукой, какъ это было при появленіи минеральной теоріи, сельскій хозяинъ былъ искусно вовлеченъ Либихомъ въ открытое состязаніе и при первомъ же столкновеніи долженъ былъ разъ навсегда отказаться отъ принятой имъ по преданію рутины. Эти споры освѣтили въ свое время многія и многія частности и, что самое главное, заставили земледѣльца перестроить наново все свое хозяйство на началахъ, установленныхъ наукой.

При такихъ огромныхъ теоретическихъ успѣхахъ основное либиховское положеніе практическаго земледѣлія: «возвращать землѣ все,

что изъ нея было взято», получаетъ значеніе обязательной истины, и на этой прочной почвѣ пріобрѣтаетъ широкое современное развитіе вопросъ объ искусственномъ *удобреніи.*

Какъ уже говорилось, жизнь растеній зависитъ отъ успѣшнаго усвоенія извѣстныхъ питательныхъ веществъ. Въ дикомъ состояніи почвы заселены, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣми растеніями, для которыхъ данная почва по содержанію въ ней этихъ питательныхъ веществъ наиболѣе благопріятна. Земледѣліе же заставляетъ воздѣлывать такія растенія, условіямъ развитія которыхъ почва въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяетъ. Это обстоятельство заставляетъ человѣка такъ или иначе приспособлять свою землю къ воздѣлываемымъ растеніямъ, что и достигается путемъ внесенія необходимыхъ питательныхъ веществъ — удобреній. Удобреніе практиковалось съ древнѣйшихъ временъ, но, какъ мы уже видѣли, только начиная съ перегнойной теоріи Тэра, оно пріобрѣтаетъ значеніе одного изъ важныхъ факторовъ земледѣлія. Согласно этой послѣдней теоріи, лучшимъ удобрительнымъ средствомъ признавался навозъ. Основою хозяйства считалось полученіе навоза, который, были убѣждены, даетъ высокіе урожаи.

Подъ именемъ навоза разумѣютъ вообще продукты пищеварительнаго процесса животныхъ, состоящіе изъ неусвоенныхъ частей пищи, и продукты процессовъ, совершающихся въ тканяхъ и крови, выдѣляющіеся въ видѣ углекислоты, воды, мочевины и т. под. Почти половина принятой пищи (сухого вещества) теряется въ видѣ углекислоты и воды, и только половина переходитъ въ навозъ въ видѣ твердыхъ и жидкихъ экскрементовъ; сюда же входитъ весь азотъ и минеральныя соли пищевыхъ веществъ. Гніеніе навоза есть исключительно результатъ жизнедѣятельности различныхъ низшихъ организмовъ, изъ которыхъ одни переводятъ навозъ въ состояніе, удобное къ усвоенію растеніями его питательныхъ веществъ, другіе, напротивъ, къ большой потерѣ этихъ послѣднихъ.

Однако, съ появленіемъ минеральной теоріи даже самымъ строгимъ приверженцамъ перегнойной теоріи пришлось убѣдиться, что навозъ не есть универсальное средство для поддержанія постояннаго плодородія земли: одного навоза слишкомъ недостаточно; этотъ недостатокъ можетъ быть пополненъ только прямымъ внесеніемъ минеральныхъ веществъ: азота, фосфорной кислоты, кали и извести. И главнѣйшей основой современнаго ученія объ удобреніи является внесеніе этихъ веществъ, всѣхъ или только нѣкоторыхъ, въ зависимости отъ того, чего недостаетъ въ почвѣ.

Всѣ питательныя вещества одинаково необходимы растеніямъ, и такъ какъ они нужны въ строго опредѣленныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, то Либихомъ былъ высказанъ весьма простой *законъ minimum'а,*

по которому развитіе растеній (урожайность) опредѣляется тѣмъ изъ питательныхъ веществъ, которое находится въ почвѣ въ наименьшемъ количествѣ, сравнительно съ другими.

При рѣшеніи вопроса, какія вещества должны быть внесены въ почву, необходимо принимать во вниманіе не только составъ почвы, но и особенности самихъ растеній и наконецъ, даже ту форму, въ которой вносятся питательныя вещества. Къ этому еще нужно прибавить, что при употребленіи удобреній немаловажную роль играетъ сторона экономическая: искусственныя удобренія должны быть вполнѣ доступными и оправдывать сдѣланныя на нихъ затраты.

Развитіе этой области цѣликомъ обязано минеральной теоріи, благодаря которой началось широкое примѣненіе важнѣйшаго удобрительнаго средства — костей, возникла фабрикація искусственныхъ удобреній, открыты громадныя залежи фосфоритовъ, начали приготовляться калійныя удобренія, неистощимый матеріалъ для которыхъ открытъ въ страссфуртскихъ копяхъ, и наконецъ, компостъ, легко получаемый во всякомъ хозяйствѣ, и многіе другія удобренія.

Изъ отдѣльныхъ искусственныхъ удобреній назовемъ важнѣйшія.

Костяное удобреніе—одно изъ самыхъ важныхъ, какъ содержащее фосфоръ и азотъ. До половины XIX-го столѣтія на кости никто не обращалъ вниманія; Тэръ придавалъ имъ ничтожное значеніе, такъ что въ Германіи даже были рады ихъ вывозу. Одна только Англія опередила и въ этомъ отношеніи всѣ европейскія государства почти на полъ-вѣка.

Кости содержатъ до 60% минеральныхъ веществъ, въ числѣ которыхъ находится около 50% фосфорнокислой извести. Но сами по себѣ кости очень тверды и долго могутъ оставаться въ почвѣ неизмѣненными; въ размельченномъ же состояніи онѣ усваиваются очень хорошо. Однако размельченіе костей долгое время являлось на практикѣ очень затруднительной операціей. Въ настоящее время кости перерабатываются на большихъ заводахъ слѣдующимъ образомъ. Сперва ихъ обезжириваютъ путемъ нагрѣванія съ летучимъ растворителемъ (бензиномъ и др.). Такой продуктъ гораздо цѣннѣе пареныхъ или вываренныхъ въ водѣ костей, такъ какъ въ нихъ остаются всѣ азотъ—содержащія части (хрящъ); кости же, изъ которыхъ вываренъ клей, содержатъ азота очень мало. Обезжиренныя кости перемалываются на такъ называемую костяную муку, непосредственно идущую на удобреніе.

Другой способъ превращенія сырыхъ костей въ муку былъ предложенъ въ 60-хъ годахъ А. Энгельгардтомъ и заключается въ обработкѣ костей щелочами, причемъ, благодаря прибавкѣ щелочей, извести и др. веществъ цѣнность такого костяного удобренія значительно повышается. Важное преимущество этого способа заключается еще и въ томъ, что этотъ способъ легко доступенъ въ каждомъ хозяйствѣ, такъ какъ для такой обработки необходимы только зола и известь.

Однако, въ настоящее время всѣ подобные фабрикаты, приготовляемые изъ костей, какъ удобренія, начинаютъ терять цѣнность среди хозяевъ. Причина этого заключается въ томъ, что найдены другіе матеріалы, изъ которыхъ добывается фосфорная кислота и азотъ гораздо дешевле.

Развитіе примѣненія фосфорныхъ удобреній вызвало фабрикацію спеціальныхъ продуктовъ, такъ называемыхъ *суперфосфатовъ*. Главною составною частью суперфосфатовъ является растворимая въ водѣ кислая фосфорно-кальціевая соль, получаемая вмѣстѣ съ гипсомъ при дѣйствіи сѣрной кислоты на среднюю фосфорноизвестковую соль. Сырымъ матеріаломъ для полученія суперфосфатовъ могутъ служить во-первыхъ различные продукты и отбросы, какъ напр., тѣ же кости, и во-вторыхъ, что наиболѣе важно, природные фосфаты, напр., фосфориты, изъ которыхъ и готовится главнѣйшая масса суперфосфатовъ. Сама операція очень не сложна: матеріалъ сперва тщательно измельчаютъ и затѣмъ обрабатываютъ сѣрной кислотой; затвердѣвшая масса вновь измельчается и въ такомъ видѣ идетъ на удобреніе.

Изъ удобреній, богатыхъ фосфоромъ, интересно еще указать на *томасову шлаковую муку*, введенную Гильхристомъ Томасомъ. Этотъ продуктъ получается при переработкѣ желѣзныхъ рудъ, богатыхъ фосфоромъ. Для этого расплавленный чугунъ подвергается продуванію при прибавленіи извести, причемъ весь фосфоръ переходитъ въ шлаки, прежде представлявшіе лишь отбросы, не имѣвшіе никакой цѣны. Опыты показали, что фосфорная кислота этихъ шлаковъ находится въ такомъ соединеніи, которое дѣйствіемъ воздуха, углекислоты и воды легко переводится въ растворимое состояніе, такъ что для употребленія въ качествѣ удобренія нужно ее только измельчить.

Изъ другихъ искусственныхъ удобреній мы упомянемъ о *калійныхъ удобреніяхъ*. Кали безусловно необходимо для жизни растеній. Для возмѣщенія его убыли въ почвѣ самымъ древнимъ средствомъ была зола. Въ новѣйшее же время (съ 60-хъ годовъ) пользуются стассфуртскими солями, лежащими въ этихъ копяхъ надъ залежами поваренной соли. Смѣсь калійныхъ удобреній съ суперфосфатомъ въ продажѣ извѣстна подъ названіемъ калійнаго суперфосфата.

Къ числу искусственныхъ удобреній принадлежитъ также *компостъ*,—удобреніе приготовляемое изъ самыхъ разнообразныхъ остатковъ. Для этого служатъ разные отбросы, накопляющіеся во всякомъ хозяйствѣ, а также и при очисткѣ базаровъ, площадей, улицъ, шоссейныхъ дорогъ, при постройкахъ и т. под. Всѣ эти вещества особымъ образомъ закладываются въ кучи, и изъ нихъ постепенно, самъ собой вырабатывается богатый запасъ удобрительныхъ веществъ. Особое преимущество этого рода удобренія заключается въ томъ, что полученіе компоста не сопряжено ни съ какими затратами и потому вполнѣ

доступно для самаго бѣднаго хозяина. Къ сожалѣнію, этотъ родъ удобренія очень мало распространяется.

Кромѣ поименованныхъ удобрительныхъ средствъ, извѣстныхъ подъ названіемъ искусственныхъ туковъ, въ болѣе интенсивныхъ хозяйствахъ примѣняется также большое количество различныхъ солей, какъ напримѣръ, чилійская селитра, сѣрнокислый аммоній, хлористый, сѣрнокислый азотнокислый калій и др., на которыхъ мы не будемъ останавливаться.

Переходя теперь къ вопросу о доставленіи почвѣ азота, мы встрѣчаемся здѣсь уже съ совершенно новыми принципами, непосредственно связанными съ открытіемъ Гелльригеля.

Естественные источники азота, доступные растеніямъ, крайне скудны, и потому внесеніе ихъ въ почву обходится очень дорого. Наиболѣе распространенное удобрительное средство—навозъ—содержитъ азота менѣе 1%, причемъ накопленіе навоза связано съ скотоводствомъ. Другія содержащія азотъ удобренія, какъ гуано, селитра, аміачныя соли и различные отбросы сравнительно очень дороги и потому мало доступны.

На помощь всему этому какъ разъ явилось открытіе Гелльригеля и новѣйшее біологическое объясненіе процессовъ образованія азотистыхъ соединеній изъ элементарнаго азота воздуха.

Еще старые агрономы какъ Тэръ, Пабстъ и др., называли бобовыя растенія «обогащающими» почву. Но такой взглядъ не мирился съ минеральною теоріею, по которой всѣ растенія, какъ разъ наоборотъ только берутъ изъ почвы питательныя вещества. Въ настоящее же время открытіе Гелльригеля получило огромное практическое значеніе, выразившееся въ томъ, что всѣ культурныя растенія стали разсматриваться, какъ «азотособиратели» или «азотопотребители» (впрочемъ это дѣленіе было предложено еще до открытія Гелльригеля Шульцемъ).

Въ этомъ то обстоятельствѣ и заключается объясненіе той очень важной роли, которую играетъ въ земледѣліи сѣяніе *кормовыхъ травъ*. Эти послѣднія, большая часть которыхъ принадлежитъ къ семейству бобовыхъ, не только не истощаютъ почву азотомъ, но, напротивъ, въ очень значительной степени обогащаютъ ее этимъ важнѣйшимъ элементомъ *). Такимъ образомъ, кормовыя травы могутъ освободить земледѣліе отъ подчиненія скотоводству. И дѣйствительно, начинаетъ распространяться безнавозное хозяйство, т.-е. безъ скота, производителя навоза; минеральныя вещества, расходуемыя изъ почвы воздѣлываніемъ, пополняются минеральными удобреніями, главнымъ обра-

---

*) По опытамъ Безелера бобовыя растенія, служившія для удобренія, давали ежегодно болѣе 400 килограммъ (около 25 пудовъ) азота на гектаръ (около 0,9 нашей казенной десятины). Это количество составляетъ цѣнность (при обычной цѣнѣ на чилійскую селитру въ 1 р. 60 к. за пудъ) около 40 рублей на десятину.

зомъ, фосфоритной мукой и стассфуртскими солями, а органическія и азотъ такъ называемымъ «*зеленымъ удобреніемъ*».

Зеленымъ удобреніемъ или *сидераціей* называется запахиваніе въ почву выращенныхъ на ней травъ изъ числа азотособирателей *). Назначенныя для сидераціи растенія запахиваются обыкновенно въ цвѣту, когда въ нихъ, какъ оказалось, содержится наибольшее количество азотистыхъ веществъ.

Помимо приведеннаго огромнаго значенія травосѣянія, какъ способа обогащенія почвы азотомъ, необходимо упомянуть и о другихъ выгодахъ этого пріема. Эта культура, въ сравненіи съ разведеніемъ другихъ растеній, принадлежитъ къ культурамъ новымъ. Общій недостатокъ луговъ и выгоновъ особенно у крестьянъ является главной причиной, помимо другихъ, скудости скотоводства, недостатка въ навозѣ и малой урожайности полей. Какъ выходъ изъ такого тяжелаго положенія явилось разведеніе на поляхъ не однихъ хлѣбныхъ но и кормовыхъ растеній для скота. Выгода этого способа хозяйства выразилась, прежде всего, въ полученіи гораздо большихъ количествъ сѣна, чѣмъ на естественныхъ лугахъ; а затѣмъ, кромѣ разсмотрѣннаго выше улучшенія почвы съ химической стороны, оказалось, что кормовыя травы производятъ благопріятное дѣйствіе и на физическія и механическія свойства земли.

Мы упомянули только главнѣйшіе виды искусственныхъ удобреній; для каждой почвы, для каждаго рода культуры и растеній приготовляются и смѣшиваются въ настоящее время безчисленное множество особыхъ удобреній. Все это даетъ полную возможность не только сохранять, но и значительно повышать силы почвы. Современное земледѣліе въ этомъ отношеніи обладаетъ настолько совершенными средствами, что можетъ свободно обойтись безъ плодосмѣна и безъ навознаго удобренія. Эта «свободная», независимая форма земледѣлія является въ техническомъ отношеніи высшимъ моментомъ развитія.

Всѣмъ этимъ развитіемъ мы обязаны безсмертной заслугѣ Либиха: современная техника есть полный расцвѣтъ того, что имъ было выставлено слишкомъ полвѣка назадъ.

Кромѣ этихъ разсмотрѣнныхъ нами областей знанія, перевороту и современному высокому развитію земледѣльческой техники не мало также способствовало введеніе земледѣльческихъ орудій и механическихъ приспособленій.

Земледѣльческая машина ведетъ свое происхожденіе изъ Англіи Введеніе машины въ земледѣліе граничитъ вообще съ довольно высо-

*) Изъ такихъ хозяйствъ заслуживаетъ упоминанія хозяйство, принадлежавшее Шульцу въ Липицѣ. Благодаря сидераціи Шульцъ велъ свое хозяйство на сильно песчаной почвѣ безъ всякаго азотистаго удобренія.

кою степенью обработки почвы, поэтому въ Англіи машина нашла себѣ отвѣчающія условія раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Послѣ Англіи земледѣльческая машина получила широкое распространеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Европѣ эти условія не столь благопріятны, но все же и здѣсь всюду мы встрѣчаемъ быстро возрастающее примѣненіе машинъ

Изъ такихъ машинъ назовемъ главнѣйшія.

Сѣялки, дающія блестящіе результаты; зерноочистительныя и сортировочныя машины, съ успѣхомъ замѣняющія ручное вѣянье. Паровой плугъ, позволяющій достигать глубокой вспашки, которая оказалась полезной для большинства растеній. Наконецъ, паровая молотилка, нашедшая теперь огромное распространеніе, и многія другія. Въ самое послѣднее время электричество и здѣсь начинаетъ вытѣснять паръ, и въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ уже примѣняютъ электрическіе плуги; кромѣ того электрической энергіей пользуются для освѣщенія, что позволяетъ такія важныя спѣшныя работы, какъ, напр., жатву, производить ночью.

Наконецъ, полевыя желѣзныя дороги, осушительныя и оросительныя сооруженія играютъ немаловажную роль въ современномъ земледѣліи.

Такимъ образомъ земледѣліе за послѣднюю половину XIX-го столѣтія превратилось въ науку, пріобрѣтенія ея явились, какъ результатъ самаго оживленнаго единенія сельскаго хозяйства съ естествознаніемъ, и это обстоятельство является характерной особенностью новѣйшаго земледѣлія. Оно сдѣлалось не только предметомъ изученія въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ совершенно новыхъ учрежденіяхъ—«опытныхъ станціяхъ».

III.

Послѣ такого общаго обзора развитія земледѣлія интересно будетъ познакомиться съ нѣкоторыми конкретными данными о его современномъ состояніи въ различныхъ странахъ, а затѣмъ остановиться на положеніи земледѣльческой промышленности у насъ въ Россіи.

Итоги современнаго состоянія земледѣлія выражаются слѣдующимъ образомъ *).

Соединенные Штаты. Климатъ, въ общемъ, мало благопріятный. Земледѣліе характеризуется значительнымъ производствомъ зерновыхъ хлѣбовъ, разнообразіемъ культуръ, широкимъ примѣненіемъ машинъ,

*) Всѣ статистическія характеристики современнаго состоянія земледѣлія въ различныхъ странахъ, а также помѣщенная ниже характеристика современнаго земледѣлія въ Россіи, составлены по изслѣдованію Петра Лохтина: „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги XX-му вѣку“. Спб. 1901 г. Интересующихся подробностями мы и отсылаемъ къ этой книгѣ, дающей богатый матеріалъ.

желѣзныхъ дорогъ, отсутствіемъ очень мелкихъ и крупныхъ земельныхъ владѣній и огромнымъ примѣненіемъ искусственныхъ удобреній.

Въ 1890 г. на населеніе въ 63 милліона приходилось удобной земли 132,4 милл. десятинъ (всей 703 милл. дес.). Такимъ образомъ удобной земли въ 1890 году приходилось на одного человѣка:

Населенія вообще . . . . 2,1 десят.
Земледѣльческаго . . . . 4,4 »

Средній урожай зерновыхъ хлѣбовъ съ 1 десятины 83,2 пуда (безъ сѣмянъ 78,8 пуд.). Система полеводства характеризуется чередованіемъ посѣвовъ зерновыхъ хлѣбовъ съ кормовыми травами—клеверомъ, тимоѳеевкой, люцерной и др. (азотособиратели).

Интересно замѣтить, что въ Соединенныхъ Штатахъ достигаютъ наивысшихъ сборовъ хлѣба и картофеля (далеко впрочемъ не являющихся крайней границей интенсивной культуры). Напр., въ долинѣ Сакраменто получаютъ сборы пшеницы въ 280—320 пудовъ съ 1 десятины. Землеръ разсказываетъ объ урожаѣ въ 432 пуда. Чарльзъ Буллокъ въ Миннезотѣ добился сбора картофеля въ 6.050 пудовъ съ 1 десятины.

Прогрессъ земледѣлія характеризуется слѣдующими цифрами: количество производительной земли увеличилось за 30 лѣтъ съ 60,3 милліоновъ десятинъ (1860 годъ) до 132,4 милл. десятинъ (1890 г.); сборъ хлѣба увеличился за 46 лѣтъ съ 1.297,5 милліоновъ пудовъ (1850 г.) до 5.210,1 милл. пуд. (1896 г.). Такимъ образомъ въ періодъ 1850—1896 гг. сборъ хлѣба увеличился въ 4 раза при увеличеніи населенія въ 3 раза.

Что касается искусственныхъ удобреній, то ихъ примѣненіе видно изъ слѣдующихъ чиселъ. Въ 1895 г. употреблено 123 милліона пудовъ искусственныхъ удобреній; въ 1891 г. ввезено 7 милл. пуд. калійныхъ солей; въ 1897—1898 гг. добыто 63—80 милл. пуд. фосфоритовъ.

Австралія. Климатъ материка неблагопріятенъ, напротивъ въ Тасманіи и Новой Зеландіи—хорошій. Въ 1890 г. подъ культурами было 3,3 милліона десятинъ, изъ нихъ подъ пшеницей 1,4 милл. десятинъ, остальная часть—подъ овсомъ, ячменемъ, маисомъ, травосѣяніемъ. Въ 1891 г. населенія было 3,9 милліона, такъ что обработанной земли на 1 человѣка приходилось 0,85 десятины. Кромѣ того, имѣются обширнѣйшія пастбища. Распредѣленіе земли по хозяйствамъ неравномѣрное. Относительно небольшое число лицъ, прибывшихъ въ Австралію ранѣе другихъ, завладѣло большею частью удобной земли (латифундіи).

Средній урожай пшеницы на 1 десятину 44,7 пуда (безъ сѣмянъ 40,2 пуд.). Земледѣліе Австраліи сильно страдаетъ отъ погоды и отъ набѣговъ кроликовъ. Въ послѣднее время сильно развивается устройство картезіанскихъ колодцевъ. Въ общемъ земледѣліе прогрессируетъ.

Франція. По климату внутренняя и восточная Франція приближается къ многимъ русскимъ мѣстностямъ. Въ 1892 г. на населеніе 38,3 милліоновъ (17,4 мил. земледѣльческаго) приходилось удобной

земли (безъ лѣса) 31.595 тысячъ десятинъ, что составляетъ на 1 человѣка:

Населенія вообще . . . . 0,82 десят.
Земледѣльческаго . . . . 1,81 »

По распредѣленію земли по хозяйствамъ Франція типичная страна мелкаго землевладѣнія. Въ среднемъ размѣрѣ владѣнія отъ 0,54 до 6,65 дес. составлшютъ 85% общаго числа хозяйствъ.

Изъ сопоставленія среднихъ величинъ урожаевъ, ввоза и вывоза хлѣба выводится потребленіе хлѣба на 1 человѣка населенія 33,6 пуда. Потребленіе хлѣба во Франціи постоянно возрастаетъ: потребленіе одной пшеницы возросло съ 7,17 пуда (1820—1829 гг.) до 14,4 (1888—1894 гг.). Прогрессъ въ техникѣ земледѣлія ярко выражается увеличеніемъ сборовъ зерновыхъ хлѣбовъ въ правильные промежутки времени съ начала XIX-го ст. съ 51,6 пуд. (1816—1820 гг.) до 80,02 пуд. (1891—1896) съ 1 десятины.

Всего во Франціи получаютъ 5 милліардовъ пудовъ навоза въ годъ. Искусственныя удобренія пользуются широкимъ распространеніемъ. Въ 1895 г. израсходовано 46 милліоновъ пуд. суперфосфата, 5,1 мил. пуд. томасово-шлаковой муки и т. п., всего — минимумъ 61 мил. пуд. искусственныхъ удобреній.

Англія. Историческія условія, благопріятный климатъ и почва и дружныя усилія фермеровъ, общества и правительства поставили англійское сельское хозяйство выше хозяйствъ всѣхъ другихъ странъ. Высокая техника обработки полей, образцовая система удобреній, обиліе сельскохозяйственныхъ обществъ и опытныхъ станцій,—все это характеризуетъ высокую ступень развитія земледѣлія въ Англіи.

Въ 1895 г. населенія было 39,1 милліона. Земледѣльческое населеніе составляетъ лишь 17% отъ всего населенія. Культивируемая площадь—18.044.000 десят. Удобной земли (безъ лѣса) приходится:

На 1 челов. населенія вообще . . . . . . 0,48 десятины.
Земледѣльческаго . . . . 2,82 »

Въ отношеніи распредѣленія земли по хозяйствамъ въ 1895 г. въ общемъ изъ 100 хозяйствъ Великобританіи 84,5 было арендованныхъ; изъ 100 десятинъ культурной земли 85,8 въ арендѣ. Пастбища составляли 51% и пахатная земля 49%.

Средній годичный сборъ хлѣбовъ за 11 лѣтъ (1887—1897 гг.):

На 1 челов. населенія вообще . . . . . . 12,5 пуд.
Земледѣльческаго . . . . 73,3 »

Ввозъ хлѣба въ Англію постепенно увеличивается, считая на 1 человѣка населенія, съ 260 фунтовъ (1861—1865 гг.) до 558 фунт. (1891—1895 гг.), причемъ увеличивается потребленіе. Количество всѣхъ хлѣбныхъ продовольственныхъ средствъ составляетъ въ общемъ на 1 человѣка:

Своего зерна и картофеля	12,5 пуда
Ввозныхъ	13,9 »
Всего	26,4 пуда.

Искусственныхъ удобреній въ 1895 г. было употреблено: суперфосфата—60 мил. пуд.; томасовой муки—10,7 мил. пуд.; ввозной кости—5 мил. пуд.; гуано—3 мил. пуд. Итого 78,7 мил. пудовъ. Это число составляетъ на 1 десятину посѣвной площади 10 пудовъ, а на 1 десят. удобной земли—4,4 пуда.

Германія. Въ 1895 году при населеніи въ 52,3 милліона (изъ которыхъ существовало земледѣліемъ 18,5 мил.) удобной земли (безъ лѣса) приходилось:

На 1 челов. населенія вообще	0,62 десят.
Земледѣльческаго	1,75 »

Средній размѣръ владѣній	0,68 десят.	составл.	5,6%	отъ	всей земли
	3,72 »	»	9,7	»	» »
	11,30 »	»	29,2	»	» »
	42,70 »	»	30,7	»	» »
	401,40 »	»	24,8	»	» »

Средній годичный сборъ хлѣбовъ на 1 человѣка:

Населенія вообще	24,2 пуда
Земледѣльческаго	64,3 »

Ввозъ хлѣба въ 1890—1893 гг. въ годъ 183,6 милліон. пуд., что даетъ въ суммѣ съ среднимъ сборомъ общее потребленіе на 1 человѣка:

Населенія вообще	27,8 пуд.
Земледѣльческаго (безъ ввоза) . . .	64,3 »

Искусственныхъ удобреній въ 1890 году употреблено до 70 милл. пудовъ.

Бельгія. Мы приводимъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Бельгіи, въ виду высокой постановки интенсивнаго хозяйства, въ отношеніи чего земледѣліе Бельгіи очень сходно съ англійскимъ.

На населеніе въ 6 милліоновъ (землед. 1,3 мил.) въ 1890 г. приходилось 1 724.610 десятинъ производительной площади, т.-е. на 1 человѣка:

Населенія вообще	0,28 десят.
Земледѣльческаго	1,31 »

По величинѣ хозяйства большею частью мелкія и среднія.

Всего чистаго остатка хлѣба и картофеля на 1 человѣка:

Населенія вообще	23,7 пуд.
Земледѣльческаго	109,2 »

Ввозъ, за вычетомъ вывоза, составляетъ на 1 чел. около 11,5 пуд., такъ что все потребляемое количество хлѣба составляетъ на 1 челов. общаго населенія 35,2 пуда.

Въ 1889 г. добыто фосфоритовъ 13,4 мил. пуд. и ввезено искус-

ственныхъ удобреній 5,3 мил. пуд.; вывезено удобреній 7,3 мил. пуд. и дома потреблено 11,3 мил. пуд.

Въ заключеніе упомянемъ о *Китаѣ*, какъ о странѣ съ очень старой и весьма интенсивной земледѣльческой культурой. Крупныхъ владѣній въ Китаѣ почти нѣтъ, а имѣющіяся подѣлены между мелкими арендаторами. Почти вся земля находится подъ посѣвомъ. Удобреніе примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, главнымъ образомъ, человѣческими экскрементами и навозомъ, а затѣмъ рѣшительно всѣмъ, что только можетъ для этого годиться: золой, водорослями, волосами (изъ парикмахерскихъ) и т. д. Обработка ведется самымъ тщательнымъ образомъ. Земледѣльцы платятъ незначительные налоги и, въ общемъ, кормятся удовлетворительно.

Россія. Климатъ Россіи континентальный, т.-е. отличающійся болѣе суровой зимой и болѣе жаркимъ лѣтомъ. Его считаютъ суровымъ и засушливымъ для земледѣлія, но при сравненіи съ другими странами это мнѣніе оказывается неосновательнымъ:—климатъ Россіи можетъ быть разсматриваемъ, какъ благопріятный, а указанные отрицательные факторы, если и имѣютъ значеніе, то ни въ коемъ случаѣ ихъ вліяніе нельзя считать первостепеннымъ.

Господствующей системой является, какъ у крестьянъ, такъ и у владѣльцевъ, *трехполье* съ мертвымъ паромъ, «чумою земледѣлія», по выраженію Шубарта. Значительная часть владѣльческихъ земель арендуется крестьянами; бо̀льшая часть владѣльческой посѣвной площади обрабатывается крестьянами же и крестьянскими земледѣльческими орудіями и пріемами. Все это относится къ общему веденію хозяйства. Въ частности здѣсь выдѣляются отдѣльныя мѣстности съ болѣе интенсивной культурой. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ при наибольшей урожайности стоитъ Прибалтійская область, несмотря на малоблагопріятную почву и климатъ. Второй слѣдуетъ Привислинская область, гдѣ также довольно высока интенсивная культура. Въ остальной Россіи встрѣчающаяся наибольшая урожайность юго-западныхъ губерній черноземнаго района обусловлена исключительно качествомъ почвы.

При преобладаніи мелкаго землевладѣнія въ Россіи, малоземельныхъ хозяйствъ меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Начавшаяся съ освобожденія крестьянъ усиленная мобилизація земельной собственности даетъ «поучительную картину перераспредѣленія общественныхъ группъ, причемъ наиболѣе яркимъ фактомъ является общая, свойственная всѣмъ районамъ Евр. Россіи, *тенденція замѣны крупныхъ собственниковъ дворянъ крупными собственниками изъ другихъ сословій* (курсивъ автора) *).

Улучшеніе техники (машины и т. под.) идетъ крайне медленно. Искусственныя удобренія почти совершенно не употребляются. Един-

*) П. Масловъ. „Условія развитія с.-х. въ Россіи“, стр. 251.

ственную прогрессивную сторону нѣкоторые авторы и правительство видятъ въ введеніи травосѣянія, о которомъ такъ много говорится и которое якобы можетъ поднять крестьянское скотоводство, увеличивъ кормовую площадь. Но такіе взгляды рѣшительно неосновательны, такъ какъ въ самомъ лучшемъ случаѣ травосѣяніе можетъ лишь на короткое время задержать процессъ разоренія крестьянъ *), а въ общемъ «вопросъ заключается не въ увеличеніи количества кормовыхъ средствъ, а въ доставленіи крестьянамъ возможности достаточнаго удобренія полей» **). При полномъ же отсутствіи удобреній введеніе травосѣянія можетъ оказаться даже вреднымъ для крестьянъ, такъ какъ напр. клеверъ извлекаетъ изъ почвы въ 4—10 разъ больше кали и фосфорной кислоты, чѣмъ крестьянскій зерновой хлѣбъ ***).

Такимъ образомъ положеніе земледѣлія критическое. Къ этому надо прибавить, что при такомъ критическомъ положеніи, при паденіи производительныхъ силъ населенія, при недостаткѣ средствъ существованія у значительной части этого населенія, государственный бюджетъ Россіи быстро расширяется.

Если общепринятый взглядъ таковъ, что въ земледѣліи вообще больше всего остатковъ средневѣковыхъ правовыхъ и экономическихъ отношеній, то по отношенію къ современному состоянію земледѣлія въ Россіи вполнѣ справедливо нерѣдко высказываемое мнѣніе, что въ сельскохозяйственномъ и правовомъ быту крестьянъ въ Россіи мы находимъ еще въ настоящее время средневѣковые порядки въ чистомъ видѣ, что напр. въ Германіи такіе порядки существовали еще до средины XVIII ст.

Обратимся къ частной характеристикѣ.

Въ 1892 г. въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи были слѣдующія количества удобной земли:

Крестьянской надѣльной	111.094	тыс. десят.
Купленной крестьянами	7.538	» »
Владѣльческой	55.077	» »
Удѣльной и казенной подъ оброчн. статьями . .	5.774	» »
Всего . . .	179.483	тыс. десят.

Это составляетъ на 1 человѣка населенія вообще 2,01 дес.
Земледѣльческаго . . . . 2,59 »

Въ Евр. Россіи 30% пахотной земли лежитъ подъ паромъ, пропадая безъ пользы для народной экономіи.

Средній урожай—30,3 пуд. чистаго остатка съ 1 десят., причемъ онъ колеблется отъ 41,1 до 20,5 пуд. Сравненіе показываетъ, что

*) Ibid., стр. 232.

**) П. Лохтинъ. «Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ». М 1902 г., стр. 73.

***) Ibid., стр. 71.

нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы средній сборъ былъ менѣе, чѣмъ въ Россіи, иначе—гдѣ землепашество велось бы хуже. При сравненіи урожаевъ у владѣльцевъ и крестьянъ интересно отмѣтить, что въ то время какъ въ урожайные годы чистые остатки на 1 дес. у владѣльцевъ только на 20—25% выше, чѣмъ у крестьянъ, въ годы неурожайные они выше на 40 и даже 80%. Такимъ образомъ крестьяне и владѣльцы неодинаково страдаютъ отъ неурожаевъ, которые для послѣднихъ даже выгодны; причина такой разницы—сильное истощеніе крестьянскихъ полей.

Искусственныя удобренія не употребляются: расходуемые въ Россіи 5 милл. пуд. искусственныхъ удобреній почти всѣ идутъ въ Привислянскія и Прибалтійскія губерніи. По сравненію же съ другими странами мы бы должны были употребить ихъ 400 милл. пуд.

Количество потребляемаго хлѣба: въ среднемъ за 16 лѣтъ (1883—1898 гг.) на 1 чел. населенія всего хлѣба и картофеля приходилось 22,4 пуд. (весь сборъ хлѣба). Сравненіе съ другими странами показываетъ, что Россія *собираетъ* хлѣба меньше, чѣмъ сколько *потребляютъ* другія страны. Сравненіе физіологической нормы пищи съ количествомъ потребляемаго хлѣба показываетъ, что за 10 лѣтъ (1889—1898) крестьянское населеніе въ 45 губерніяхъ имѣетъ 18,4 пуда чистаго остатка зерна и картофеля (за вычетомъ вывоза) на 1 чел. населенія; физіологическая потребность въ пищѣ составляетъ для крестьянъ 17,2 пуда. Если принять во вниманіе неравномѣрность распредѣленія хлѣба и другія потребности государства въ хлѣбѣ, какъ для горожанъ, войска, винокуренія и т. под., то станетъ ясно, что для большинства крестьянъ земледѣліе даетъ лишь самыя скудныя средства личнаго потребленія, для скота же и продажи почти ничего не остается.

Въ противоположность предшествовавшимъ эпохамъ, современное земледѣліе нерѣдко называютъ «свободнымъ».

Съ одной стороны, эта характеристика какъ нельзя больше подходитъ къ современному техническому прогрессу. Земледѣліе, какъ мы видѣли раньше, съ перваго же момента, какъ только оно стало въ благопріятныя условія своего существованія, оказалось производствомъ, въ высшей степени способнымъ къ прогрессу, достигнувъ въ самое короткое время—какихъ-нибудь 50—60 лѣтъ—высшей точки своего развитія. Плодосмѣнная система сдѣлала земледѣліе свободнымъ въ выборѣ того или другого способа обработки; искусственное удобреніе вывело его изъ подчиненія скотоводству; травосѣяніе и сидерація освободили его отъ случайностей луговодства и даже отъ необходимости въ удобреніи (азотомъ); наконецъ, машины и всякія механическія сооруженія дѣлаютъ это производство независимымъ отъ всякихъ мѣстныхъ, климатическихъ и т. под. условій. Въ этомъ смыслѣ совре

менное земледѣліе по справедливости можетъ быть названо «свободнымъ». Многое изъ необъяснимаго и угрожающаго стало яснымъ и открывающимъ широкія надежды на возможность и доступность лучшаго будущаго...

Съ другой стороны, представленіе о «свободномъ» земледѣліи опредѣляетъ его современныя общественно-экономическія основанія. Въ этомъ отношеніи названное понятіе приходится разсматривать условно и съ важными оговорками. Прежде всего этимъ хотятъ выразить современныя общественныя отношенія, какъ не заключающія рабства или крѣпостной зависимости. Но такая характеристика будетъ неполной и даже не вполнѣ вѣрной, если къ ней не прибавить самаго существеннаго.

Дм. Лещенко.

ПОДЪ СОСНАМИ.

Сосны безмолвно глядятъ въ вышину,
Въ море жемчужныхъ нѣмыхъ облаковъ...
Пѣсней нарушить боюсь тишину—
Такъ хорошо, что не хочется словъ!..

* * *

Розово-блѣдной брусники цвѣты
Шепчутъ о чемъ-то, раздвинувъ траву...
Ясны и тихи, какъ небо, мечты.
Жизнью одной я съ природой живу.

* * *

Такъ мнѣ спокойно—какъ будто пришла
Я, наконецъ, въ уголокъ свой родной,
Будто разгадку и смыслъ я нашла
Вѣчной загадки земной!..

Галина.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

(1857—1864 гг.).

„Каррикатуры нѣтъ... кромѣ той, которую представляетъ сама дѣйствительность". *Салтыковъ.*

„Литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ и, между тѣмъ, все-таки, не сдѣлалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьезной необходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ-то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ". *Добролюбовъ.*

Задача настоящей работы—освѣщеніе, по возможности всестороннее, одного изъ періодовъ жизни русской сатирической журналистики, съ конца 50-хъ и до половины 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія. періода, по общимъ, вполнѣ основательнымъ отзывамъ, наиболѣе выдающагося изъ неблестящаго вообще существованія русской сатирической литературы, развитію которой не могли особенно содѣйствовать условія, регулирующія у насъ печатное выраженіе мысли. Останавливаясь лишь на разсмотрѣніи указаннаго періода, я совершенно не затрогиваю вопроса о зарожденіи и самыхъ первыхъ шагахъ сатирической печатной литературы. Этотъ вопросъ долженъ составить тему особой работы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не выполненной во всѣхъ подробностяхъ. Однако, имѣется рядъ работъ, которыя мы кстати теперь же укажемъ для интересующихся вопросомъ: если ни одна изъ нихъ въ частности не представляется исчерпывающей, то въ совокупности онѣ все же проливаютъ на него нѣкоторый свѣтъ *).

---

*) *Аѳанасьевъ, А.* „Кошелекъ", „Поденщица" и „Пустомеля"—сатирическіе журналы 1760—1774 гг. М. 1858 г., „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.", М. 1859 г., „Сатирическія изданія девяностыхъ годовъ" —„Москов. Вѣд." 1856 г., №№ 80, 83, 84; *Бородинъ, С.* „Русская журналистика въ концѣ XVIII ст."—„Наблюд." 1891 г., III, *Добролюбовъ, Н.* „Русская сатира екатерининскаго времени". „Собр. соч.", т. I, *Городецкій, Д.* „Зарожденіе каррикатуры въ Россіи"—„Литер. Вѣстн." 1902 г., VIII, *Зотовъ, В.* „Воспоминанія"—„Ист. Вѣстн." 1900 г.

I.

Сатира, это—обличеніе неправды жизни, негодованіе, борьба; сатирическая журналистика непрерывное ихъ выраженіе. Для рожденія сатиры необходимо сознаніе неудовлетворенности окружающимъ или его отдѣльными элементами, необходимо желаніе побороть общепринятые предразсудки, разстаться съ отрицательными сторонами индивидуальной, общественной и политической жизни, наконецъ, необходимы положительные идеалы. Все это возникаетъ, очевидно, не сразу, и періоды обличенія настунаютъ обыкновенно въ эпохи перелома, броженія, критическаго отношенія къ тому, что раньше пользовалось всеобщимъ признаніемъ и даже въ извѣстномъ смыслѣ возвеличивалось. Поэтому, при разсмотрѣніи сатирической литературы даннаго періода, намъ необходимо все-таки нѣсколько заглянуть назадъ, чтобы дать себѣ отчетъ въ условіяхъ, породившихъ это новое направленіе въ умственной жизни.

Не вдаваясь въ подробности тяжелаго времени 1848—1855 гг., уже неоднократно описаннаго нашими историками, я бѣгло коснусь лишь нѣкоторыхъ главнѣйшихъ моментовъ, которые помогутъ лучше вспомнить пережитое русскимъ обществомъ время. А такъ какъ переломъ начался послѣ неудачнаго исхода восточной войны 1853—1856 годовъ, въ которую Россія вступала съ гордо поднятой головой, подъ громкимъ барабаннымъ боемъ, а выходила изъ нея съ заунывно плачущимъ зовомъ отступленія,—то мнѣ кажется безусловно интереснымъ остановиться на этихъ двухъ моментахъ, дающихъ ключъ ко всему дальнѣйшему.

По свидѣтельству современнаго историка, Россія вступала въ войну съ сознаніемъ своей силы: «Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся», вотъ выраженіе чувствъ большинства *). Нерѣшительныя дѣйствія въ началѣ кампаніи создаютъ недовольство; по словамъ С. Т. Аксакова, оборонительная война вызывала «оскорбленіе, негодованіе всей Москвы, слѣдовательно всей Россіи» **). Хорошей иллюстраціей тогдашняго настроенія большинства русскаго общества

IV, *Лонгиновъ, М.* „Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII в.“—„Р. В.“, 1858 г. IV, *Мордовцевъ, Д.* „Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности“—„Рус. Слово“ 1860 г. II, III, *Незеленовъ, А.* „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—85 гг. Спб. 1875 г., *Пекарскій, П.* „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“. „Зап. ак. наукъ“ 1863 г. III, *Пыпинъ, А.* „Исторія русской литературы“, IV, *Ровинскій, Д.* „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889 г. II, *Солнцевъ, В.* „Всякая Всячина“ и „Спектаторъ“—„Жур. Мин. Нар. Пр.“ 1892 г. I. *Его же.* „Смѣсь“, сатирическій журналъ 1769 г., „Библіографъ“ 1893 г. I.

*) *Соловьевъ, С.* „Записки“. „Р. В.“, 1896 г. V, 127.

**) *Барсуковъ, Н.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, XIII, 36.

служитъ первое стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки, открывшее на два года ихъ неизсякаемый потокъ. Озаглавленное «Ура!», оно начиналось такъ:

Ура!.. На трехъ ударимъ разомъ!
Недаромъ же трехгранный штыкъ!
Ура отгрянетъ надъ Кавказомъ,
Въ Европу грянетъ тотъ же кликъ!
И двадцать шло на насъ народовъ,
Но Русь управилась съ гостьми:
Ихъ кровь замыла слѣдъ походовъ;
Поля бѣлѣлись ихъ костьми.
Тогда спасали мы родную
Страну и честь, и царскій тронъ;
Тогда о нашу грудь стальную
Расшибся самъ Наполеонъ!..
Теперь же вздрогни, вся природа!
Во снѣ не снилось никому:
Два христіанскіе народа
На насъ грозятся за чалму!
Но годъ двѣнадцатый не сказки,
И западъ видѣлъ не во снѣ,
Какъ двадцати народовъ каски
Валялися въ Бородинѣ.

Заканчивалъ поэтъ угрозой по адресу враговъ, уже предвидя присоединеніе къ нимъ Англіи и Франціи:

Но, вѣрьте, ваши всѣ мытарства,
Расчетъ и вычетъ—все мечта!
Вамъ русскаго не сдвинуть царства:
Оно съ Христомъ и за Христа! *)

Изданное въ брошюрѣ «Ура!» очень быстро разошлось въ 9.000 экземплярахъ, изъ нихъ половина въ Петербургѣ. Если принять во вниманіе тогдашнее состояніе книжной торговли, въ этомъ нельзя не видѣть широкаго общественнаго сочувствія и солидарности съ авторомъ.

Правительство понимало служебное, практическое значеніе такой поэзіи и потому вполнѣ ее поощряло. Въ той же «Сѣверной Пчелѣ» появляется стихотвореніе неизвѣстнаго автора, быстро обошедшее всю Россію и до сихъ поръ памятное:

На нынѣшнюю войну.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновенъ его отвагой
И французъ за нимъ туда жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: Allons, courage! и т. д. **).

---

*) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 2.
**) „Сѣв. Пч.“, 1854 г., № 37.

Редакція получила рукопись этого стихотворенія при слѣдующей бумагѣ отъ министра императорскаго двора: «Министръ императорскаго двора, препровождая при семъ въ редакцію «Сѣв. Пчелы» стихи, объявляетъ, что государю императору угодно, чтобы оные были напечатаны въ означенной газетѣ» *).

По словамъ г. Усова, «Сѣв. Пчела», послѣ этихъ двухъ образцовъ, стала получать массу стиховъ подобнаго содержанія, изъ нихъ многіе, конечно, были лишены всякаго размѣра и смысла. И, дѣйствительно, весь 1854 годъ, особенно въ первую половину, почти нѣтъ номера газеты безъ «патріотической» музы. Тутъ и Орестъ Миллеръ, и П. Каратыгинъ, и Ѳ. Глинка, и кн. Вяземскій, и Бенедиктовъ, и Рафаилъ Зотовъ и «ученикъ VI-го класса пензенскаго дворянскаго института Евграфъ Масловъ», и очень многіе другіе. Проза, повидимому, не считалась формой, соотвѣтствующей такому содержанію, и если и попадаются прозаическія произведенія, то они гораздо блѣднѣе. Не отставали, разумѣется, и другія газеты, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости», въ которыхъ писали стихи М. Стаховичъ, К. Аксаковъ, Ѳ. Миллеръ, Я. Полонскій, кн. Вяземскій и пр.

Насколько напряженно было именно такое настроеніе самоувѣреннаго общества, можно судить по неудачѣ, постигшей въ широкихъ кругахъ извѣстные стихи А. С. Хомякова: «Россіи».

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой

*) *Усовъ*. „Изъ моихъ воспоминаній“. „Ист. В.“ 1882 г., II.

Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ! *)

Облетѣвшія въ рукописи всю Россію, стихи эти были приняты крайне враждебно, а московскій генералъ-губернаторъ, гр. Закревскій, требовалъ отъ автора объясненій, такъ какъ получилъ соотвѣтствующее предписаніе изъ Петербурга... Не хотѣли слышать о какихъ бы то ни было прорѣхахъ и недочетахъ, а дыръ и серьезныхъ язвъ не хотѣли даже подозрѣвать...

Для того, чтобы современный читатель могъ представить себѣ вполнѣ струю «патріотической» поэзіи, могъ видѣть, до чего она спускалась, ради угожденія вкусамъ толпы, приведу «Солдатскую пѣсню», сочиненную для «Сѣверн. Пчелы» какимъ-то Малышевымъ.

Вотъ французъ у турка въ службѣ,
Англичанинъ съ ними въ дружбѣ,
Покумились, знать.

Времена настали тяжки,
Два союзника въ пристяжкѣ,
А султанъ въ корню.

И кричатъ, что Русь погибла!
А на дѣлѣ, смотришь—рыло
У самихъ въ крови.

Вотъ „Непиръ“ подъ парусами
Сталъ надъ финскими водами,
Все погоды ждетъ.

. . . .
. . . .

Вамъ друзья французы? Враки—
Кинь лишь кость, то, какъ собаки,
Загрызетесь вы.

. . . .
. . . .

Съ вами зависть, зло, *киченье*,
Съ нами вѣра и *смиренье*,
Съ нами правда, Богъ! **)

---

*) „Стихотворенія“, М., 1868 г., 123—124.
**) „Сѣв. Пчела“ 1854 г № 162.

Не насмѣшка ли здѣсь и со «смиреньемъ», котораго во всей подобной поэзіи не было даже и слѣда?..

Брошюра Ѳ. Глинки, несомнѣнно, не была единственною; за нею тоже слѣдовалъ цѣлый рядъ брошюръ и книжекъ вполнѣ однороднаго содержанія. Въ моемъ распоряженіи находится довольно полная коллекція такихъ изданій за 1854 и 1855 года, предоставленная однимъ изъ авторовъ ихъ *). Первымъ выступившимъ на это поприще вслѣдъ за Глинкой былъ нѣкій Петръ Татариновъ, издавшій за два года около десяти брошюръ «патріотическаго» содержанія. Первая его проба—«Война съ Турціею», помѣчена цензурою 9-го марта 1854 года. Какъ и всѣ ей подобныя изданія, она не болѣе 15-ти страничекъ. Второе сочиненіе—«Русскій патріотъ или война съ турками и англо-французами», Татариновъ продалъ, какъ и всѣ остальныя, А. Г. Черноглазову, брату сенатора В. Г. Черноглазова. Изъ другихъ авторовъ назову Н. Р. Щиглева, Н. Смирнова, А. К. Нестерова, К. Козлова, В. Прѣснова, Г. Ѳедорова и А. Попова.

Уже самыя названія такихъ сочиненій предназначены были служить приманкой для публики; напримѣръ, «Непиръ у Кронштадта или ѣхалъ—да не доѣхалъ», «Ай да англичане! или Соловецкій монастырь», «Англичане и съ русскимъ пѣтухомъ не сладили, или бухта Колинги 18-го іюня 1854 года», «Донесеніе адмирала Непира о побѣдѣ его надъ тремя чухонскими лодками», «Одинъ на троихъ или Джонъ-Буль, Роберъ-Макеръ и Абдулъ-Ага противъ Силы Богатырева», «Торжество Непира или побѣда надъ салакушкой и вой чухонца», «Ай да Абдулъ! всѣхъ въ Парижѣ обманулъ, или донесеніе татарина Людовику-Наполеону о взятіи Севастополя», «Разсказъ чухонской кошки, бывшей въ плѣну у англичанъ лѣтомъ 1854 года», и т. д.

Содержаніе всей этой «литературы» вполнѣ соотвѣтствуетъ даннымъ ей ярлыкамъ-заглавіямъ. Распространяться о немъ здѣсь излишне.

По разсказамъ г. Нестерова, одного изъ усердныхъ авторовъ этой литературы, послѣдняя, несмотря на дороговизну цѣнъ—обыкновенная стоимость листовой брошюрки 15—20 коп. серебромъ—шла въ продажѣ очень и очень бойко. Получить 100—150 руб. чистаго было дѣломъ вполнѣ обыкновеннымъ. И продавались эти сочиненія не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но вездѣ, гдѣ существовала книжная торговля...

Такъ проходилъ 1854 годъ. Предчувствіе чего-то недобраго если и было, то только у очень немногихъ современниковъ. Громадное боль-

---

*) Считаю своимъ долгомъ принести здѣсь искреннюю благодарность особенно помогшимъ мнѣ въ пользованіи рѣдкими матеріалами для настоящей работы, П. И. Вейнбергу, Н. А. Лейкину, Н. М. Лисовскому, А. К. Нестерову, ученому хранителю рукописей библіотеки академіи наукъ—Вс. И. Срезневскому, А. Г. Шиле и В. Р. Щиглеву.

шинство не различало еще первыхъ призраковъ грядущаго отмщенія за русское ни на чемъ ровно не основанное самодовольство; оно все еще было увѣрено въ крѣпости сковавшаго его организма. Какимъ затеряннымъ звукомъ въ шумѣ криковъ: «Громъ побѣды раздавайся! Веселися храбрый россъ!» прозвучала нотка предчувствія бѣды, пропѣтая хорошо знавшимъ положеніе дѣлъ Тютчевымъ *). Онъ написалъ стихотвореніе «На новый 1855 годъ», гдѣ говорилъ о наступавшей годинѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Не просто будетъ онъ воитель,
Но исполнитель Божьихъ каръ,—
Онъ совершитъ какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.
Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
Другой—сѣкира палача.
Но на кого?.. Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?..
Слова не ясны роковыя
И смутенъ замогильный стонъ **).

Одиноко прозвучалъ этотъ голосъ; только потомъ въ немъ увидѣли пророчество... Масса оглушала себя увѣреніями успѣха, «Сѣв. Пчела», «Московскія Вѣдомости» и аналогичные органы гипнотизировали ее славословіемъ, брошюры расходились въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Твердо вѣрилось, что

Крамольный западъ намъ не страшенъ
И флоты грозные враговъ...
Съ севастопольскихъ твердыхъ башенъ,
Съ гранитныхъ скалъ, изъ бездны рвовъ,
Какъ бы перуны съ облаковъ,
Васъ встрѣтятъ бомбы и картечи,
Ряды воинственныхъ полковъ...
Среди кровавой грозной сѣчи
Мужаемъ мы и крѣпнемъ вновь ***).

Когда, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, слово нуждается въ выпуклости, яркости и образности, прибѣгаютъ за помощью къ художнику; смотря по надобности и настроенію, это—то жанристъ, то портретистъ, то каррикатуристъ. Въ 1855 году обратились къ последнему. Обращеніе было, разумѣется, безмолвное; его формулировало настроеніе большинства. Большинство это требовало усиленія впечатлѣній, жаждало осмѣянія враговъ и въ другомъ видѣ. Въ подобныхъ случаяхъ за спросомъ всегда слѣдуетъ предложеніе.

---

*) Поэтъ занималъ сравнительно видное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

**) „Стихотворенія", М. 1868 г., 166—167.

*** Изъ одной брошюры 1855 года.

Въ 1855 году уже довольно извѣстный каррикатуристъ Н. А. Степановъ выпускаетъ альбомы «Каррикатуръ», сплошь посвященные событіямъ восточной войны, особенно же Наполеону III-му и Пальмерстону.

Издателемъ альбома былъ А. Беггровъ. Въ теченіе года вышли три выпуска, по десять листовъ каждый. Самая ранняя цензурная дата—10-ое марта, самая поздняя—30-ое апрѣля. Исполненіе рисунка и его композиція были гораздо выше «патріотической» поэзіи; въ каррикатурахъ былъ не только квасной патріотизмъ, но и остроуміе и даже частично вѣрный взглядъ на вещи. Кромѣ того, въ нихъ не била такимъ ключомъ самоувѣренность, бахвальство же почти отсутствовало.

Напримѣръ, что касается Наполеона III-го, то Степановъ хорошо понялъ эту личность авантюриста и довольно мѣтко отмѣтилъ его наиболѣе слабыя стороны. Кстати, именно эти каррикатуры должны считаться наиболѣе удачными, имѣющими значеніе и не только въ Россіи. Воспроизводимъ одну изъ нихъ на стр. 270.

Очень остроумна и вторая—«Какъ изобрѣли Наполеона III». На табуретѣ стоитъ ребенокъ, вдали виднѣется монументъ Наполеона I въ треуголкѣ, плащѣ; со скрещенными на груди руками. Пальмерстонъ, желая достичь сходства съ нимъ ребенка, надѣваетъ послѣднему треуголку, скрещиваетъ на груди его руки—сходство поразительное; а въ одинъ изъ кармановъ два англичанина всыпаютъ такому Наполеону жирный кушъ стерлинговъ. Подъ каррикатурой подпись: «Полагаю, что въ этомъ видѣ и онъ будетъ страшенъ».

Доставалось не мало и Непиру, и французскимъ генераламъ (Сенъ-Арью, Раглану), словомъ, остроуміе каррикатуриста нашло обильную пищу. Публика приняла «Каррикатуры» очень сочувственно, и, несмотря на стоимость ихъ въ 9 руб. за три выпуска, раскупала ихъ бойко. Теперь онѣ, разумѣется, представляютъ библіографическую рѣдкость.

Не могу при этомъ не замѣтить, что каррикатуры того времени были вообще лишены своеобразной пикантности, которую публика въ изобиліи находила въ брошюрахъ и частью въ газетахъ, просто въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 30 декабря 1854 года, даннаго именно для каррикатуръ, т.-е. произведеній, могущихъ имѣть распространеніе и внѣ предѣловъ Россіи. Европейскому обществу и его петербургскимъ представителямъ не хотѣли обнаруживать всего прилива народныхъ страстей... Повелѣніе гласило: «каррикатуры политическаго содержанія, направленныя противъ враждебныхъ намъ государствъ и народовъ, допускать къ печати въ такомъ только случаѣ, если онѣ представляютъ смѣшную сторону предмета, съ соблюденіемъ приличія, и не заключаютъ въ надписяхъ брани» *). Исполненіе этого постано-

*) „Сбор. постанов. и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ“, 1862 г., 299—300.

Французы! Имперія есть миръ—а подтвержденіе этой истины—позади васъ.—До свиданія.
(Да здравствуетъ Наполеонъ!).

вленія было гарантировано, конечно, уже самымъ фактомъ существованія, такъ называемаго, бутурлинскаго комитета—верховнаго литературнаго судилища съ точки зрѣнія цензуры.

Сказаннаго выше, думаю, достаточно для составленія яснаго понятія о настроеніи русскаго общества, по крайней мѣрѣ его огромнаго большинства, въ теченіе 1854 и первой половины слѣдующаго года. Короче—это было завершеніе періода самообожанія. Меньшинство... Но что такое было меньшинство въ разсматриваемую историческую эпоху?.. Имѣло ли оно право и возможность высказать вслухъ тѣ мысли и чувства, которыя потомъ стали азбукой? Хотѣлъ ли кто-нибудь въ массѣ слушать этихъ недовольныхъ людей?..

II.

Но вотъ грянуло 27-ое августа 1855 года, принесшее Россіи небывалый разливъ умственныхъ и политическихъ теченій...

Первый моментъ чувства почти всѣхъ формулировались не иначе, какъ словами: «какое гибельное событіе для Россіи! Бѣдное человѣчество!» *) Въ подобныхъ выраженіяхъ, вѣроятно, было встрѣчено и древнимъ египтяниномъ первое разлитіе Нила, которое приводило въ ужасъ непосредственно за нимъ слѣдующими бѣдствіями... Но прошло нѣкоторое время, и несчастіе, оказавшееся плодоноснымъ, получило надлежащее толкованіе.

До чего возбуждала панику вѣсть о паденіи Севастополя, можно судить хотя бы изъ такой записи одного современника:

«Ударъ былъ страшный, тѣмъ болѣе, что не ожиданъ никѣмъ. Всѣ уже повѣрили и частнымъ, и нечастнымъ, своимъ и чужимъ объявленіямъ о недоступности Севастополя. Многіе изъ москвичей лишились, отъ одной вѣсти о взятіи неодолимаго, своихъ членовъ: напримѣръ, говорятъ объ Ермоловѣ, что у него отнялись на время ноги. Я знаю одного москвича, который созвалъ было къ себѣ гостей на обѣдъ, какъ именинникъ, и когда только подано было первое блюдо, то новый гость изъ почтамта вошелъ къ нему и при всѣхъ разсказалъ о паденіи Севастополя. Гости не могли болѣе продолжать обѣда, встали и черезъ минуту разошлись во-свояси» **).

Такъ выражалось настроеніе большинства. Немного спустя, оно же было крайне недовольно и согласіемъ на миръ. «Драться надо,—говорили отчаянные патріоты, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка» ***). Другой очевидецъ записываетъ: «На-дняхъ въ

*) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Русск. Стар.", 1890 г., VI, 627.

**) *О. Бодянскій*, „Дневникъ", „Сбор. Об--ва Люб. Рос. слов." 1891 г., 130.

***) *Никитенко*, „Русск. Стар.", 1890 г., VII, 133.

Петербургѣ давали трагедію Озерова «Дмитрій Донской». При стихѣ

„Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ миръ постыдный“,

«поднялась буря рукоплесканій...» *)

«Литература» въ видѣ брошюръ, правда, прекращается, но Степановъ все еще продолжаетъ подогрѣвать массу: снова Беггровъ издаетъ альбомъ его каррикатуръ, названный «Современныя шутки», полный патріотизма и насмѣшки надъ побѣдителемъ. Приготовленъ къ выпуску въ свѣтъ и четвертый альбомъ «каррикатуръ», но миръ заключенъ, выходки противъ бывшаго непріятеля найдены неумѣстными, альбомъ конфискованъ **). Наука «патріотистика», введенная въ циклъ другихъ наукъ безсмертнымъ Салтыковымъ, начинаетъ терять почву, корни ея слабѣютъ...

«Какъ неумолимо правосудна судьба! Какъ жестока въ своей логикѣ! Признаюсь - я не очень негодую на Горчакова; Севастополь палъ не случайно, не по его милости; я жалѣю, что не было тутъ искуснѣйшаго генерала, чтобы отнять всякій поводъ къ искаженію истины; онъ долженъ былъ пасть, чтобы явилось на немъ дѣло Божіе, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа. Видно—еще мало жертвъ, мало позора, еще слабы уроки; нигдѣ сквозь окружающую насъ мглу не пробивается лучъ новой мысли новаго начала!» ***) Эти слова, писанныя въ срединѣ октября 1855 года, еще разъ иллюстрируютъ происходившую общественную дифференціацію. Въ нихъ же ясно твердое сознаніе ненормальности окружающаго строя. Наступило время, «когда всякій захотѣлъ думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотѣлъ высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать» ****). Въ другомъ мѣстѣ своихъ «Воспоминаній» Шелгуновъ даетъ очень вѣрную картину перерождавшаго общества *****).

Созданіе новаго немыслимо безъ критики и уничтоженія стараго, молодой лѣсъ глушится валежникомъ. И вотъ наступаетъ прежде всего время обличительнаго жара, время сатирическаго негодованія, эпоха осмѣянія, разрушенія. Получившая небольшую дозу свободы, литература съ честью, съ высоко поднятой головой исполняетъ эту миссію, она подготовляетъ почву будущихъ реформъ, она даетъ имъ свѣтъ и солнце. Ниже мы болѣе или менѣе подробно разсмотримъ піонеровъ обличенія и ихъ продолжателей, тогда же отдѣлимъ пшеницу отъ плевелъ, а они должны были быть,—теперь же остановимся на показа-

*) *П. Валуевъ*, „Дневникъ“, „Русск. Стар.“, 1891, VI, 606.

**) *С. Трубачевъ*, „Каррикатуристъ Н. А. Степановъ“, „Ис. В.“, 1891 г., II—IV; III, 764—765.

***) „И. Аксаковъ въ его письмахъ“, III, ч. I, М. 1892 г., 180.

****) *Шелгуновъ*. „Соч.“, II, „Воспоминанія“, 638.

*****) Ibidem, 624—625.

ніяхъ одного историческаго и притомъ строго офиціальнаго по своему происхожденію документа. Я говорю о «Собраніи матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г.», изданномъ въ 1865 г. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и вначалѣ считавшимся секретнымъ. Составитель обзора литературы эпохи 1854—1864 гг. гр. П. И. Капнистъ даетъ очень цѣнныя указанія о роли обличенія въ періодѣ конца 50-хъ годовъ.

«Замѣчательно,—пишетъ онъ,—что вычурные стихи г. Бенедиктова и, такъ сказать, сухая поэзія г. Розенгейма, задавшись гражданской скорбью и обличеніемъ, были встрѣчены при своемъ появленіи въ пятидесятыхъ годахъ почти съ одинаковой благосклонностью. Доказательство, что причина успѣха заключалась не столько въ талантѣ поэтовъ, сколько въ настроеніи публики. И дѣйствительно, настроеніе это есть явленіе болѣе глубокое, чѣмъ оно можетъ показаться съ перваго разу. Не успѣло общество насладиться чистой поэзіей Лермонтова и Кольцова, какъ оно уже забываетъ прелесть непринужденной формы, возвышенность содержанія и предпочитаетъ повседневный характеръ обличенія и протеста въ какой бы то ни было вычурной формѣ. Ясно, что обществу нужно было не поэзіи, а протеста и обличенія» *).

Въ этихъ словахъ слышится очень неодобрительное отношеніе къ законной потребности общества, но не за тѣмъ они и приведены, чтобы дать мѣсто «авторитетному» мнѣнію офиціальнаго историка литературы. Они нужны были просто для констатированія стремленія общества къ обличенію и протесту.

III.

Въ августѣ 1856 года Н. Щедринъ выступаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ своими «Губернскими очерками». Это первый крикъ рождавшейся истинной сатиры послѣ цѣлаго ряда темныхъ годовъ.

Какъ уже было замѣчено, я ограничилъ свою задачу обозрѣніемъ сатирической литературы данной эпохи преимущественно лишь по періодическимъ изданіямъ и потому не буду останавливаться на дѣятельности Салтыкова-Щедрина. Отмѣчу только, что одна часть общества отнеслась съ чисто материнскою любовью къ раздавшемуся крику своего первенца, а другая—встрѣтила со страхомъ за окружающій «порядокъ» первое непріятельское ядро. Въ теченіе 1857 года разошлись два изданія «Губернскихъ очерковъ»...

Здѣсь снова обратимся къ цитированному уже источнику и посмотримъ, какъ имъ оцѣнивался Салтыковъ.

Послѣ очень длиннаго объясненія разницы «истиннаго гоголев-

*) Стр. 85—86.

скаго натурализма» и «ложной натуральной школы», сводящейся къ отсутствію въ произведеніяхъ послѣдней «невидимыхъ міру слезъ» и «возвышенной любви» къ караемому смѣхомъ человѣку, офиціальный критикъ говоритъ:

„Наша обличительная литература принялась вытаскивать *на пользу гласности*, на публичное осмѣяніе весь хламъ изъ каждаго канцелярскаго подвала, изъ каждаго грязнаго закоулка, изъ каждаго бѣднаго угла—жилища нищаго чиновника. Произведеній съ подобнымъ направленіемъ явилось въ журналистикѣ нашей минувшаго десятилѣтія (1854 — 1864 гг. *М. Л.*) множество, начиная съ холодныхъ и вполнѣ фельетонныхъ сочиненій г. *И. Панаева*. Большая часть литературы этого рода полна бездарности и самолюбивыхъ претензій на скандалъ; но и нѣсколько истинныхъ талантовъ посвятили свою дѣятельность этому направленію. Замѣтнѣе другихъ въ этомъ отношеніи г. *Щедринъ (Салтыковъ)* *), начавшій свою литературную дѣятельность еще въ минувшее царствованіе и пріобрѣтшій извѣстность и даже нѣкоторый авторитетъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ стали печататься его „Губернскіе очерки“. Изображая съ юмористическимъ обличеніемъ административную среду и бюрократическій бытъ въ провинціяхъ, г. Щедринъ взглянулъ на него со свойственной ему точки зрѣнія, представивъ смѣшную фальшь или злоупотребленія этой среды, находя все въ этой средѣ комическимъ или пошлымъ. Тутъ у него являются и *либералы*, но они изображены смѣшными, потому, вѣроятно, что они не такъ либеральны, какъ бы автору того хотѣлось; являются люди *отживающіе*, люди въ какомъ-то среднемъ *переходномъ* состояніи, а также чиновники и помѣщики прежняго закала и новые, модные дѣятели, комичные сколько отъ самихъ себя, столько же и отъ условій, въ которыя они поставлены самимъ свойствомъ ихъ гражданскаго положенія. Несмотря на бывшій огромный успѣхъ ихъ въ публикѣ, произведенія Щедрина имѣютъ больше значеніе бойкаго, легкаго и юмористическаго фельетона во вкусѣ *отрицанія*. Замѣчательно, что въ произведеніяхъ Щедрина нигдѣ не замѣтно никакого *идеала* и ничего положительнаго. Къ этой же категоріи принадлежатъ нѣкоторыя произведенія *Печерскаго* (*Мельникова*), „Провинціальныя воспоминанія“ *г. Селиванова* и проч. **).

Этого одного, конечно, достаточно, чтобы понять истинное значеніе «Губернскихъ очерковъ» въ свое время... Въ связи съ нѣкоторыми другими произведеніями, въ связи съ развивающейся общественной мыслью, они, разумѣется, не мало способствовали перерожденію общественныхъ вѣрованій непередовой части; отдѣльные люди подъ натискомъ новыхъ идей—новыхъ не абсолютно, конечно, а относительно, новыхъ потому, что впервые громко выражающихся—мѣняли свои убѣжденія. Прекраснымъ примѣромъ такой эволюціи служитъ Степановъ, обратившій теперь свой мѣткій карандашъ на осмѣяніе окружающаго, еще такъ недавно или обходимаго имъ молчаніемъ, или просто похваляемаго.

Въ ноябрѣ 1856 года онъ начинаетъ выпускать новый каррика-

---

*) Ко времени составленія цитируемаго источника Салтыковъ написалъ, кромѣ „Губернскихъ очерковъ“, „Брусина“, „Невинные разсказы“, „Сатиры въ прозѣ“ и часть „Помпадуровъ и помпадуршъ“.

**) „Собраніе матеріаловъ“, 184—185.

турный альбомъ «Знакомые», издаваемый тѣмъ же Беггровымъ. Предполагалось названіе «Наши знакомые», но, по словамъ г. Трубачева, цензура не нашла возможнымъ пропустить слово «Наши» *). Въ теченіе 1857 года закончился первый томъ, 1858 года—второй. Первый годъ всѣ рисунки были исполняемы только Степановымъ, второй—еще и М. Зиччи, Г. Дестунисомъ, А. Волковымъ, Р. Жуковскимъ, П. Анненскимъ, потому что «Знакомые» не имѣли особеннаго успѣха и побуждали Степанова принять мѣры къ улучшенію дѣла, къ его оживленію. Съ этою же цѣлью съ 20-го ноября 1857 года къ «Знакомымъ» сталъ прилагаться *Листокъ Знакомыхъ*, вышедшій въ теченіе подписного 1857—1858 г. въ 12 номерахъ **). Это былъ большой листъ плотной бумаги, на которомъ печатался текстъ, состоящій почти всегда изъ фельетона и мелкихъ сатирическихъ, чаще—юмористическихъ замѣтокъ, принадлежавшихъ В. Р. Зотову, Вс. С. Курочкину и Щербинѣ, но никогда не подписываемыхъ. Весьма возможно, что въ текстѣ участвовалъ и самъ Степановъ, хотя его біографъ, г. Трубачевъ, ровно ничего объ этомъ не говоритъ.

«Знакомые» 1857—1858 гг., когда они, благодаря *Листку*, стали вполнѣ, въ сущности, сатирическимъ періодическимъ изда́ніемъ, испытывали на себѣ весь трудъ работы піонера. Данная имъ программа, по собственному заявленію редакціи, была узка, не позволяя развивать сколько-нибудь широкихъ общественныхъ вопросовъ. Вотъ, главнымъ образомъ, почему содержаніе и «Знакомыхъ» и *Листка* было такъ еще мелко, такъ блѣдно, такъ сатирически немощно. Бывшій раньше обычай, узаконенный окончательно «Ералашемъ» (1846—1849 гг.), давать въ каррикатурахъ точные портреты, правда, почти всегда съ любезнаго разрѣшенія обладателя необходимой художнику физіономіи,—теперь, когда приходилось зло обличать, не былъ одобренъ цензурой и уже во второмъ номерѣ *Листка Знакомыхъ* редакція вынуждена была успокоить волновавшагося обывателя: «условимся однажды навсегда, портретовъ нѣтъ и не можетъ быть между нашими знакомыми. Это дѣло рѣшенное и подписанное. Въ нашемъ альбомѣ есть только типы, черты и характеры физіономій, общихъ многимъ личностямъ, которыя мы стараемся возвести въ перлъ художественнаго созданія... Итакъ, да будутъ благосклонны къ намъ всѣ наши знакомые,

*) „Каррикатуристъ Н. А. Степановъ". „И. В." 1891 г. III, 771.

**) Попутно исправляю неточность Н. М. Лисовскаго. Въ своей цѣнной работѣ „Русск. період. печать 1703—1894 гг.", вып. II, говоря о „Листкѣ", онъ пишетъ: „Листокъ Знакомыхъ. Журналъ каррикатуръ, съ литературными прибавленіями. 1857—1858. Спб. Безсрочно (№№ 1—12)" (стр. 34). Во-первыхъ, мы уже знаемъ, что „Листокъ" есть самъ литературное прибавленіе къ „Знакомымъ"; во-вторыхъ, выходилъ онъ въ вполнѣ опредѣленные сроки—ежемѣсячно 20-го числа, начиная съ 20-го ноября 1857 г. и кончая 20-мъ октября 1858 г.

*

да не скандализируются они, встрѣтивъ на «Листкахъ» нашихъ не чуждыя имъ черты и позы. Можемъ увѣрить ихъ, что это дѣлается безо всякаго злого умысла предать посмѣянію ихъ почтенныя и заслуживающія полнаго уваженія физіономіи».

Надо ли говорить, какъ трудно было работать каррикатуристу, когда нельзя было дать «натуры». Понятно поэтому, что карандашъ не касался почти самыхъ животрепещущихъ вопросовъ и фактовъ, а занимался изображеніемъ медоваго мѣсяца новопроизведеннаго прапорщика; издателя, взявшаго въ сотрудники парикмахера; офицера, на котораго надо поскорѣе любоваться, пока онъ не заговорилъ; нѣмца-педагога, сѣкущаго свою Фидельку и то «для зистемъ», etc., etc. Изрѣдка проскакивали такія каррикатуры, какъ крестьянинъ, несущій черезъ болото помѣщика, у котораго подъ мышкой собака и который увѣряетъ, что у всякаго есть свое бремя... Портреты бывали, но какіе? Есть, напримѣръ, рисунокъ, изображающій стоящихъ другъ противъ друга Степанова и И. А. Гончарова, цензуровавшаго «Знакомыхъ»; въ рукахъ послѣдняго такой же рисунокъ на листѣ бумаги, и Гончаровъ говоритъ: «Да, вѣдь, это моя каррикатура! Ну, батюшка, одолжили! А впрочемъ, печатать позволяется...»

Литературная сторона была едва ли не блѣднѣе. Дальше легкихъ очерковъ и анекдотовъ редакція, положимъ, и не обѣщала ничего, но, очевидно, такое замураливаніе было тоже не добровольнымъ.

«Знакомые» испытали на себѣ вполнѣ настоящія потребности возрождавшагося общества: послѣднее отнеслось къ нимъ довольно индифферентно; впрочемъ, не могла не имѣть вліянія и цѣна—каждый годъ стоилъ 10 руб. серебромъ. Редакція, повидимому, сама понимала мертвенность своей затѣи, что ясно изъ ея «Прощанья съ публикой» въ послѣднемъ номерѣ *Листка*. «Наша цѣль,—читаемъ тамъ между прочимъ, была скромна. Мы только слегка набросали тѣ очерки петербургскихъ нравовъ и особенностей, о которыхъ можно написать цѣлые томы». Далѣе «Знакомые», извѣщая о прекращеніи своего изданія, привѣтствовали основывавшуюся съ января 1859 года «Искру», куда переходилъ Степановъ.

Начиная изданіе «Искры», Степановъ покидалъ не только свое собственное дѣло: онъ уходилъ и изъ «Сына Отечества» А. В. Старчевскаго, старавшагося воспользоваться общественной страстью къ обличенію и открывшаго съ этою цѣлью отдѣлъ каррикатуръ на задней страницѣ номеровъ своего журнала.

Въ № 27 за 1857 г., отъ 7-го іюля, редакція *Сына Отечества* заявляетъ, что будетъ сверхъ «обѣщанныхъ въ этомъ году восьми эскизовъ съ картинъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ художниковъ, начиная съ іюля, постоянно помѣщать политипажъ, котораго сюжетъ будетъ заимствованъ исключительно изъ русской жизни, игриво переданъ свободнымъ и ловкимъ карандашомъ г. Анненскаго и исполненъ на

деревѣ даровитыми нашими русскими художниками, вырѣзывающими на деревѣ, гг. Сѣряковымъ и Куренковымъ. Этотъ новый еще у насъ, игривый родъ живописи нашей русской школы, мы рѣшились открыть рисунками къ «Губернскимъ очеркамъ» Щедрина. Къ рисункамъ этимъ мы нашли необходимымъ предпослать введеніе, которое представляетъ первый рисунокъ «Встрѣча пріятелей».

Рисунокъ изображаетъ двухъ мужчинъ, встрѣтившихся въ публичномъ саду, у одного въ рукахъ книжка. Подъ нимъ текстъ:

«— Ого, какой рагланъ *) на тебѣ! Вѣрно обстоятельства перемѣнились, видно ты на хорошемъ жалованьи?

«— Все также, тѣ же 23 руб. сер., да не въ нихъ дѣло—мѣстечко тепленькое.

«— Гм!.. А ты читалъ «Губернскіе очерки» Щедрина?

«— Нѣтъ еще, но вотъ купилъ, говорятъ хорошая вещь...

«— Прочти, прочти, книга весьма назидательна».

Съ № 28 и по № 38 помѣщены иллюстраціи различныхъ сценъ изъ «Губернскихъ очерковъ», снабженныя точными цитатами оттуда. Затѣмъ идутъ уже иллюстраціи—это вѣрнѣе, чѣмъ каррикатуры, на всякія мелочи жизни, ничего общаго съ серьезной сатирой не имѣющія. Въ № 45 первая въ *Сынѣ Отечества* работа Степанова: четыре рисунка къ нравамъ журналистики. Они очень блѣдны и по исполненію и по тексту. Болѣе удачна каррикатура на чиновничьи нравы въ № 47. Затѣмъ до конца года работаетъ уже одинъ Степановъ, то же продолжаетъ и въ слѣдующемъ 1858 году. Но и тутъ злой, мѣткой, широкой по замыслу сатиры очень мало; въ большинствѣ случаевъ это перепѣвы Щедрина изъ быта мелкаго провинціальнаго чиновничества, преслѣдованіе общечеловѣческихъ слабостей и т. п.; иногда фигурируетъ пріятель Степанова—композиторъ Глинка.

Текстъ *Сына Отечества* тоже былъ подгоняемъ къ характеру обличеній; Старчевскій приглашаетъ Сенковскаго, который и ведетъ фельетоны «Листокъ барона Брамбеуса». Но съ первыхъ же шаговъ такое оживленіе журнала встрѣтило препятствія. Такъ, въ №№ 38 и 39 за 1857 г. былъ помѣщенъ разсказъ Ивана Кушнерева «Червячки». Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ главноуправляющаго путями сообщенія, извѣстнаго реакціонера — Чевкина, сдѣлалъ замѣчаніе за пропускъ этого произведенія петербургскому цензурному комитету; предсѣдатель послѣдняго, князь Щербатовъ, нашелъ необходимымъ выяснить министру свой взглядъ на обнаруженіе злоупотребленій вообще и въ своемъ донесеніи писалъ:

«Польза такихъ статей неопровержима: снимать покровъ съ таящагося злоупотребленія, дѣлать его явнымъ, не есть ли уже нравственно наказывать преступника, а еще болѣе, отвращать другихъ отъ

*) Родъ пальто, тогда моднаго.

поползновенія къ пороку, слѣдовательно, обращать ихъ къ добродѣтели?.. При томъ § 14 цензурнаго устава, допускающій печатаніе статей «подъ общими чертами осмѣивающихъ общіе пороки и слабости», очевидно, допускаетъ и настоящую статью» *).

А такъ какъ «Червячки» касались и лицъ военнаго вѣдомства, то Норовъ просилъ заключенія и военнаго министра Сухозанета. Послѣдній ее одобрилъ и сообщалъ Норову, что «по ближайшемъ своемъ разсмотрѣніи этой статьи, онъ, съ своей стороны, находитъ, что за исключеніемъ въ ней мѣстъ, обозначенныхъ краснымъ карандашомъ, со стороны военнаго вѣдомства не встрѣчается препятствій къ напечатанію оной» **). Не такъ смотрѣлъ на дѣло подчиненный Сухозанету предсѣдатель военно-цензурнаго комитета, тоже небезызвѣстный мракобѣсъ баронъ Медемъ. Онъ находилъ, что статья, «заключая въ себѣ оскорбительные и насмѣшливые извѣты насчетъ всѣхъ вообще ротныхъ, эскадронныхъ и полковыхъ командировъ, по точному смыслу §§ 22 и 6 Высоч. утв. дополнительной инструкціи къ общему уставу о цензурѣ для руководства военно-цензурнаго комитета, не можетъ быть допущена къ напечатанію въ ея настоящемъ видѣ» ***).

Баронъ Медемъ замѣчалъ при этомъ, что дозволеніе осмѣивать общіе пороки и слабости «согласовать не трудно съ сохраненіемъ уваженія къ осмѣиваемому предмету; стоитъ только, чтобы авторъ не представлялъ обнаруживаемыя имъ злоупотребленія, какъ явленія общія, въ той или другой части военнаго правленія, а лишь какъ злоупотребленія частныхъ лицъ: это принесетъ еще и ту пользу, что откроетъ правительству всѣ тайныя увертки и хитрыя продѣлки злоупотребленій» ****). Надо ли говорить, насколько рецептъ Медема не вязался съ § 14 дѣйствовавшаго тогда цензурнаго устава, какъ разъ безусловно запрещавшимъ говорить о лицахъ въ отдѣльности?..

Норова все это не удовлетворило, и вотъ 7-го октября 1857 года послѣдовалъ приказъ по цензурѣ, гдѣ, указавъ на то, что въ «Червячкахъ» «выставляются въ самой грубой картинѣ личности и дѣйствія губернскихъ чиновниковъ и въ особенности чиновъ вѣдомства путей сообщенія», министръ «обращалъ вниманіе на эту статью и вообще на полицейское направленіе которое своевольно и неумѣстно принято въ послѣднее время большинствомъ нашихъ періодическихъ изданій. Обязанность цензуры имѣть благоразумное понятіе того, что можно допускать къ печати и чего нельзя, безъ потрясенія и подрыва общественнаго довѣрія и уваженія къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Подтверждено всѣмъ цензорамъ быть впредъ осмотрительнѣе въ пропускѣ статей, которыя дѣлаютъ изъ журналовъ какую-то уго-

---

*) „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", Спб., 1862 г., 96—97.

**) Idem., 97.

***) Idem., 97.

****) Idem., 97.

ловную палату, а изъ всѣхъ чиновниковъ и администраторовъ безъ разбора лицъ,—подсудимыхъ журнальному суду» *).

Я привелъ это дѣло, какъ очень ясно опредѣляющее, въ какихъ условіяхъ приходилось пробиваться сатирѣ и обличенію съ самаго начала, какъ осмотрительно нужно порицать изданія за безсодержательность и безцвѣтность. Когда обличеніе квалифицируется съ «полицейскимъ направленіемъ», а открывающее злоупотребленія изданіе насмѣшливо называется «уголовной палатой», тогда не легко обличителямъ и сравнительно спокойно взяточникамъ, насильникамъ и всякаго рода «усмотрителямъ».

Одновременно съ «Знакомыми» второго года ихъ существованія выходилъ еще *Каррикатурный Листокъ* К. Данилова, тоже, хотя и менѣе Степанова, талантливаго художника. Это не было періодическое изданіе, но выходило серіями по 15 листовъ каждая и, судя по тому, что въ академической библіотекѣ имѣется второе изданіе, можно предполагать успѣхъ его у публики. Такіе же большіе листы, какъ и «Знакомыхъ», тѣ же темы, но нѣсколько острѣе, ярче выраженныя. Если Даниловъ былъ менѣе блестящимъ каррикатуристомъ, зато онъ былъ выше Степанова по умѣнію дать своему рисунку очень подходящій текстъ, иногда страшно смѣшной, иногда до боли грустный. Эта сторона даниловскаго изданія была въ свое время отмѣчена еще Панаевымъ **), и слѣдовательно, и тогда принималась въ разсчетъ публикой.

Мнѣ удалось найти только первую серію *Каррикатурнаго Листка*, но уже по ней можно судить о цѣломъ изданіи. Очень остроуменъ листъ, озаглавленный «Три эпохи тяжбы» и воочію рисующій порядки дореформеннаго суда. Вы видите мальчика, начинающаго, вѣроятно, наслѣдственное дѣло; видите его выросшимъ, но все еще не знающимъ, чѣмъ кончится процессъ; затѣмъ—дряхлымъ старикомъ, завѣщающимъ уже собственному сыну довести процессъ до конца и, наконецъ, узнаете, что черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти этой руины, дѣло приходитъ къ концу.

Не менѣе удаченъ другой—«Люди на зеленомъ полѣ», гдѣ подъ картинкой «преферансъ на службѣ», изображающей важнаго начальника и двухъ подчиненныхъ, подписано:

«Начальникъ. Чѣмъ это ты, любезнѣйшій, бьешь козырнаго туза?

«Подчиненный. Визитной карточкой—съ вашего превосходительства.

«Начальникъ. Хе, хе, хе!»

Безусловно злободневнымъ былъ такой рисунокъ: черта города;

---

*) „Сборникъ постановленій", 416.

**) „Замѣтки Новаго поэта" „Соврем.", 1858 г., LXVIII, кн. 2, 219.

въ парадной формѣ стоятъ четыре старшіе въ городѣ чиновника, у всѣхъ руки по швамъ, взоры устремлены на мчащуюся къ нимъ изъ уѣзда карету въ четверку съ кучеромъ и ливрейнымъ лакеемъ. Подпись: «Чиновникъ по особымъ порученіямъ въѣзжаетъ инкогнито въ уѣздный городъ».

Я потому остановился на альбомѣ Данилова, что нигдѣ не нашелъ о немъ ничего болѣе или менѣе доступнаго широкой публикѣ, тогда какъ, напримѣръ, о Степановѣ есть уже цитированная мною работа г. Трубачева, если и не совсѣмъ удовлетворительная, то, во всякомъ случаѣ, могущая дать общее представленіе о человѣкѣ и его дѣятельности.

IV.

Въ періодъ 1856—1860 гг. число изданій политическихъ, общественныхъ и литературныхъ, по вычисленіямъ г. Лисовскаго, увеличилось почти втрое *). Органовъ сатирическихъ, однако, было не такъ много; они какъ будто не рѣшались выступать, пока не выяснилось, что печать, а въ особенности обличеніе, можетъ имѣть хоть какой-нибудь шансъ на существованіе. Предыдущая эпоха исключала совершенно такую возможность и потому дѣло это было почти новое. Послѣ *Знакомыхъ*, перваго года ихъ изданія, послѣ преобразованій въ «*Сынъ Отечества*, возникаетъ первый, въ сущности, настоящій по виду сатирическій журналъ *Весельчакъ*».

Въ концѣ 1857 г. книгопродавецъ издатель Адольфъ Плюшаръ, игравшій когда то очень видную роль въ нашей книжной торговлѣ, задумалъ поправить свои уже разстроенныя дѣла и съ этою цѣлью рѣшилъ приняться за изданіе сатирическаго журнала, потребность въ которомъ чувствовалъ нюхомъ опытнаго коммерсанта. Къ участію былъ приглашенъ видный по тогдашнимъ временамъ юмористъ О. И. Сенковскій. Послѣдній охотно далъ свое согласіе и настолько энергично взялся за дѣло, что самъ составилъ «частное письмо къ «почтеннѣйшей» публикѣ, подписанное «Иванъ Ивановъ, сынъ Хохотенко-Хлопотуновъ-Пустяковскій». Журналъ назывался: «Весельчакъ», журналъ всякихъ разныхъ странностей свѣтскихъ, литературныхъ, художественныхъ и иныхъ». Въ «частномъ письмѣ» публика подготовлялась къ встрѣчѣ изданія. Послѣ шутовскаго разсказа о причинахъ возникновенія мысли издавать журналъ, Пустяковскій разсказываетъ свои странствія по писателямъ, такъ какъ «нужно было найти трехъ-четырехъ умныхъ писателей, отлично смышленыхъ въ глупости», мастеровъ «выдумать важную глупость, сочинить и отдѣлать такъ натурально, какъ будто бы она была сдѣлана или сказана настоящимъ дуракомъ». «Это,

*) „Литературный Вѣстникъ“ 1902 г., VIII.

сколько я знаю, писалъ Пустяковскій, удается только его сіятельству графу Владиміру Александровичу Соллогубу». Соллогуба онъ не засталъ въ Россіи, побѣжалъ къ Брамбеусу, отъ него къ Н. В. Кукольнику, А. Ѳ. Погосскому, Н. М. Львову, П. Н. Кушнереву, В. Г. Бенедиктову; всѣ дали свое согласіе принять посильное участіе. Изъ художниковъ Пустяковскій пригласилъ Зичи, Микѣшина и Лебедева.

Затѣмъ къ читателямъ обращена была такая рѣчь: «Земля наша широка и обильна, но смѣху въ ней нѣтъ. Люди умные, мужи разумные, послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы пріятно посмѣяться ради эстомаха, для движенія крови и мысли, для здоровья, садятся на весь вечеръ играть въ карты, насиживаютъ себѣ болѣзни или головныя боли и на слѣдующее утро являются къ дѣламъ въ дурномъ расположеніи духа. Смѣху нѣтъ! Приходите смѣяться съ нами, смѣяться надъ нами, надъ ними, надъ собою, надо всѣмъ и ибо всемъ смѣяться, лишь бы только не скучать». Цѣна была за годъ въ Петербургѣ 4 руб., въ Москвѣ 5, вездѣ 5 р. 50 к. Форматъ теперешней «Нивы». Редакторомъ былъ Я. Григорьевъ *).

1-го февраля 1858 г. вышелъ первый номеръ *Весельчака*. Заглавная виньетка изображала кабинетъ; на диванѣ, передъ круглымъ столомъ, сидѣли Плюшаръ, Смирдинъ, Григорьевъ и Брамбеусъ съ трубкой въ зубахъ. Передъ ними стоялъ и очень ихъ, повидимому, забавлялъ самъ Пустяковскій, теперь уже умышленно, разумѣется, отдѣленный отъ Сенковскаго. Въ двери просовывались головы публики. Виньетка была нарисована М. Микѣшинымъ, ему же принадлежали и почти всѣ остальные рисунки. Пустяковскому принадлежали забавные фельетоны, наиболѣе смѣшное въ номерахъ. Но вотъ въ № 6 объявлено о смерти Сенковскаго, а съ № 9 исчезаетъ и редакторъ Григорьевъ. Изъ сотрудниковъ участвовали какъ разъ не тѣ, которые были анонсированы въ «частномъ письмѣ»; попадаются подписи А. А. Козлова, Канибакса (Г. Блока), В. Толбина и др. Ничего серьезно сатирическаго въ *Весельчакѣ* не было, остроумія же и юмора отрицать нельзя. Каррикатуръ не помѣщали, а лишь иллюстрировали первый длинный чей-нибудь разсказъ. Иллюстраціи подбирались неумѣло и, въ сущности, совершенно часто не оттѣняли текста.

Съ № 18 редакторомъ *Весельчака* подписывается Н. М. Львовъ, авторъ пресловутыхъ комедій: «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» и «Предубѣжденіе». Такъ какъ этому quasi-драматургу удалось получить брилліантовый перстень отъ великаго князя Константина Николаевича, то Плюшаръ не преминулъ неоднократно подчеркнуть публикѣ высокія достоинства новаго редактора. При немъ начинаютъ сотрудничать В. Толбинъ и П. И. Вейнбергъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Тамбова.

---

*) У г. Лисовскаго ошибочно сказано: „и О. И. Сенковскій“.

Львовъ сдѣлалъ *Весельчакъ* оружіемъ личной злобы и ненависти, главнымъ образомъ, по адресу Панаева («Новаго поэта»), очень неодобрительно отозвавшагося о его комедіяхъ, а затѣмъ и вообще всего «Современника». Онъ просто писалъ пасквиль за пасквилемъ, клевету за клеветой, но при одномъ изъ двухъ условій: или называлъ дѣйствующихъ лицъ вымышленными именами, и тогда подписывался полностью, или говорилъ о нихъ прямо, но подписывался «К. И. Журцевъ». Панаевъ и Некрасовъ фигурировали въ статьяхъ «Опыты біографіи» и «Нѣсколько словъ въ видѣ предисловія». Все это было очень грязно, пошло, отдавало разухабистымъ кабакомъ и публикѣ вовсе не такъ нравилось, какъ думалъ клеветникъ. Не давалось проходу и «Сыну Отечества», но не потому, что *Весельчакъ* принципіально не сходился съ журналомъ, а просто въ силу конкуренціи. Въ іюлѣ было выпущено особое прибавленіе «Литература и ея странности», вполнѣ соотвѣтствовавшее самому *Весельчаку*. Съ № 30-го начали помѣщать каррикатуры безотносительно къ тексту номера, но онѣ были очень неудачны — плохой каррикатуристъ Микѣшинъ и не могъ дать въ этой области чего-нибудь выше посредственности. Съ № 45-го Львовъ оставляетъ редакцію, а на седьмомъ номерѣ 1859 года *Весельчакъ* уже съ редакторомъ А. Козловымъ прекратилъ свое существованіе.

Просматривая его за весь періодъ изданія, нельзя не согласиться съ публикой, не давшей совершенно подписки на второй годъ. При Львовѣ *Весельчакъ* поднялся на ходули и, избѣгая прежняго остроумія, не успѣлъ избѣжать прежней грубости. Вышло то, что въ немъ остались топорныя замашки, а острота исчезла. «Явленіемъ литературнымъ *Весельчакъ* все-таки не сдѣлался» — такъ писалъ Добролюбовъ, просмотрѣвъ нѣсколько отдѣльныхъ номеровъ, и былъ совершенно правъ *). Плюшаръ принималъ всякія мѣры для распространенія своего журнала и, повидимому, достигъ этого; по крайней мѣрѣ вотъ что находимъ у Добролюбова: «въ трактирахъ онъ есть столь же необходимая принадлежность, какъ «Полицейскія Вѣдомости», на станціяхъ желѣзной дороги сотни экземпляровъ послѣдняго номера *Весельчака* красуются вмѣстѣ съ «Пріятнымъ собесѣдникомъ» г. Булгарина, «Атакой женскихъ сердецъ» г. Ѳедорова и «Предубѣжденіемъ» г. Львова. Изъ книжнаго магазина присылаютъ вамъ книги: онѣ завернуты въ листокъ *Весельчака*; въ него же обернутъ вамъ въ лавкѣ папиросы, свѣчи и т. п. На лоткѣ разносчика подъ яблоками или апельсинами, разостланъ опять *Весельчакъ*. И, несмотря на такой *избытокъ* экземпляровъ «Весельчака», ничего нѣтъ труднѣе,

*) „Собр. соч.", II, 228. Кстати надо исправить ошибку Добролюбова: „Весельчакъ" былъ вполнѣ періодическимъ изданіемъ, а не уличнымъ, безсрочнымъ листкомъ.

какъ достать полный экземпляръ его, съ начала изданія» *). Очевидно, нумера раздавались кому угодно, лишь бы рекламироваться. Вотъ почему трудно вѣрится, что у *Весельчака* была сколько-нибудь замѣтная подписка. Сама редакція опредѣляла ее въ 8.000 (см. второе частное письмо), Старчевскій говоритъ о 7.000 («Ист. Вѣст.» 1892 г., XI), а одинъ изъ современниковъ доходитъ даже до 9.000 подписчиковъ **). Судя по тиражу другихъ, позднѣйшихъ, сатирическихъ изданій, можно смѣло предположить, что Плюшаръ не имѣлъ болѣе 2.500—3.000 подписчиковъ, потому что и закрытъ *Весельчакъ* именно по ихъ недостатку.

Въ сущности, это былъ лишь традиціонный первый блинъ, тотъ опытъ, который и создалъ лучшіе журналы. Плюшаръ и Львовъ показали какъ *не* слѣдуетъ вести сатирическое изданіе, и въ этомъ вся ихъ заслуга.

Первая половина 1858 года ознаменовалась еще наплывомъ всевозможныхъ уличныхъ листковъ, выбивавшихся изъ силъ посмѣшить публику. Первый такой листокъ—«Смѣхъ» А. Нестерова, вышелъ 1-го марта, черезъ мѣсяцъ послѣ выхода *Весельчака*, собственно и вызвавшаго къ жизни всю эту юмористику низкаго пошиба. Четыре года тому назадъ издатели листковъ наводняли Россію «патріотическими» брошюрами, имѣя видъ бутафорскихъ рыцарей; теперь они спѣшили заставить ее смѣяться, походя на заурядныхъ, грубыхъ клоуновъ. Я не буду подробно останавливаться на содержаніи этой quasi-юмористики, потому что оно хорошо обрисовано Добролюбовымъ ***), а сдѣлаю лишь необходимыя замѣчанія и нѣкоторыя дополненія и поправки.

Полный списокъ листковъ читатель найдетъ въ трудѣ г. Лисовскаго: «Русская періодическая печать 1703—1894 гг.», вып. II, стр. 35; у Добролюбова онъ съ пробѣлами. Изъ тридцати двухъ листковъ только три вышли въ Москвѣ, остальные всѣ—въ Петербургѣ. Въ сущности это были совершенно безпрограмныя спорадическія изданія, и потому замѣчаніе г. Лисовскаго, что они имѣли програму подобную *Весельчаку*, является просто неточностью: почтенный библіографъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать, что ихъ содержаніе было близко по характеру къ плюшаровскому журналу. Содержаніе ихъ, дѣйствительно, аналогично съ *Весельчакомъ*, но все-таки нельзя не признать, что послѣдній былъ гораздо выше своихъ уличныхъ послѣдователей. Тутъ часто просто-напросто одинъ наборъ словъ, ругательствъ, поговорокъ, пословицъ, и все это гдѣ прикрыто, а гдѣ и нѣтъ ясной аферой, желаніемъ сорвать пятачокъ — обычная цѣна листковъ. Читая *Весельчакъ*, то

---

*) Ibidem, 228.

**) *Ивановъ, В.* „Наши сатирическіе журналы и фельетонная сатира", „Всемірный Трудъ" 1867 г. VIII.

***) „Собраніе сочиненій", IV, изд. 5-е, 224—234.

смѣешься, при этомъ все-таки, иногда искренно и много, то негодуешь, но все это непосредственно благодаря самому содержанію, его сути; читая листки—а мнѣ удалось собрать ихъ болѣе двухъ третей—большею частью поражаешься только тупости и пошлости совершенно безграмотныхъ часто авторовъ; смѣхъ и негодованіе вызываются уже не содержаніемъ, а просто формой изложенія, способомъ выраженія. Еще одна черта—хронологически первые листки все-таки хоть на что-нибудь похожи, ну, хоть на желаніе сравняться съ *Весельчакомъ*, послѣдніе же—исключительная бездарность, безсмысленность и афера. У Добролюбова упомянуто показаніе «Сплетника» объ успѣхѣ «Смѣха», выразившемся въ 13.000 экземплярахъ. «Сплетникъ» сболтнулъ такъ; я знаю, что въ суммѣ издатель «Смѣха»—лучшаго листка—во всѣхъ видахъ не выпустилъ болѣе 8.000 экземпляровъ, да и тѣ не разошлись. Вообще тиражъ листковъ не оправдалъ ожиданій издателей и вся эта «юмористика» закончилась къ серединѣ же года, такъ что цензурныя стѣсненія, о которыхъ я сейчасъ скажу, были, собственно, уже post factum, въ предупрежденіе будущаго, которое, однако, и не могло быть при полной безсодержательности листковъ, даже въ трактирахъ не имѣвшихъ денежныхъ читателей.

У меня есть подлинные цензурованные рукописные экземпляры «Смѣха», изъ которыхъ ясна общая тенденція петербургскаго цензурнаго комитета (цензуровали въ разное время Бекетовъ и Палаузовъ) по возможности лишить листки значенія періодическаго изданія. Первый номеръ «Смѣха» былъ представленъ съ помѣткой *№ 1*, Бекетовъ передѣлалъ единицу на нуль, такъ онъ и вышелъ затѣмъ № 0; а черезъ двѣ недѣли—№ 00. Третій разъ издатель написалъ уже № 000, но Бекетовъ совсѣмъ вычеркнулъ это указаніе, и «Смѣхъ» вышелъ съ подзаголовкомъ: «(подъ хрѣномъ)». Въ первомъ номерѣ вычеркнуты такія строки, являвшіяся подражаніемъ частнымъ газетнымъ объявленіямъ: «Господинъ Вельзевуловъ ищетъ мѣсто повара, на такихъ условіяхъ, что жалованье будетъ получать онъ, а работать вмѣсто него крѣпостной его человѣкъ Никита, или иначе: отпускается отъ господъ въ услуженіе поваръ». Очевидно, къ уличной литературѣ были особенно внимательны и при общей тенденціи не давать мѣста статьямъ о крѣпостномъ правѣ, боялись даже напоминать о его существованіи. Когда смотришь на эти цензорскіе экземпляры, то положительно недоумѣваешь, какъ можно было тамъ что-либо вычеркивать: ни одной серьезной мысли, ни одного «вреднаго» слова, словомъ, ничего, привлекавшаго взоры тогдашней цензуры.

Подъ 17-ое мая 1858 г. Никитенко записалъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Въ главномъ управленіи училищъ генералъ-губернаторъ напалъ на несчастные листки, которыхъ развелось нынѣ множество, и которые продаются на улицѣ по пяти копеекъ. Это его пугаетъ. Между тѣмъ, въ этихъ листкахъ нѣтъ ничего ни умнаго, ни опаснаго; имъ строго

воспрещено печатать что-нибудь относящееся къ общественнымъ вопросамъ. Это пустая болтовня для утѣхи гостинодворцевъ, грамотныхъ дворниковъ и пр. Одинъ господинъ литераторъ и мнѣ говорилъ, что ихъ слѣдовало бы запретить.—«Зачѣмъ?» отвѣчалъ я. Конечно, это вздоръ, но онъ пріучаетъ грамотныхъ людей къ чтенію; все-таки это лучше, кабака и харчевни» *). Никитенко не ошибся: 22-го мая, а затѣмъ и 13-го августа министромъ народнаго просвѣщенія были изданы циркуляры, предписывавшіе: «1) руководствоваться въ точности относительно этихъ листковъ высочайшимъ повелѣніемъ 1850 г. касательно цензуры книгъ для простого народа, 2) воспретить придавать симъ листкамъ наружную форму, исключительно принадлежащую періодическимъ изданіямъ вообще, а въ особенности газетамъ, и 3) не допускать въ нихъ никакихъ безнравственныхъ статей, намековъ и выраженій» **).

Но какъ бы ни было мелко и безцвѣтно содержаніе этихъ «Сплетниковъ», «Смѣховъ» и «Рододендроновъ», во всякомъ случаѣ, появленіе ихъ именно и только въ періодъ пересмотра и перестройки русской дѣйствительности, въ эпоху обличенія и протеста, крайне характерно. Это было какъ будто желаніе загладить «патріотическое самодовольство» недавней эпохи, посмѣяться надъ тѣмъ, что только наканунѣ воспѣвалось и идеализировалось. Для анализа настроенія массы фактъ этотъ не можетъ быть пройденъ молчаніемъ.

Настоящее обличеніе, гроза неправды, неумолимый бичъ сатиры уже готовились—въ концѣ 1858 года появляются объявленія объ изданіи съ предстоявшаго года *Искры*.

V.

Прежде, чѣмъ приступить къ подробному ознакомленію читателя съ *Искрой*—этимъ лучшимъ и понынѣ изъ выходившихъ въ Россіи сатирическихъ журналовъ, считаю необходимымъ передать вкратцѣ исторію и содержаніе другихъ изданій интересующаго насъ періода. Это тѣмъ легче, что всѣ они такъ или иначе подражали—иногда болѣе или менѣе удачно, иногда совершенно неумѣло — именно *Искрѣ* въ которой сами видѣли достойный образецъ.

Одновременно съ *Искрой* возникли въ Петербургѣ: *Арлекинъ* и *Гудокъ*, въ Москвѣ—*Развлеченіе* ***).

Первый такъ опредѣлилъ свои задачи: «интересовать и забавлять, не сбиваясь на грубую личность, на рѣзкую шутку, на крупную соль,

*) „Русск. Стар.“, 1890 г., IX, 597.

**) „Сбор. постановленій“, 429.

***) Библіографическія данныя, какъ-то: редакторъ, издатель, размѣръ, цѣна и пр., интересующіеся найдутъ въ трудѣ г. Лисовскаго „Русская періодическая печать“.

съ одной стороны, и на безцвѣтность и вялость—съ другой»... Надо было совершенно не понимать настроенія пробуждавшагося общественнаго великана, чтобы думать удовлетворить такой программой хоть незначительную его часть. Ни ноты, ни моды, прилагавшіяся къ *Арлекину*, не дали ему лишняго шанса на успѣхъ и, проволоча годъ очень безцвѣтнаго существованія, въ которомъ совсѣмъ нечего отмѣтить, журналъ прекратился на послѣднемъ номерѣ 1859 года.

Гудокъ почти съ первыхъ номеровъ имѣлъ мужество заявить о близкомъ своемъ концѣ по совершенному безденежью и на 22-омъ № прекратился. Кстати, это, кажется, единственное періодическое изданіе печатно объявившее, что причина его смерти—неспособность сотрудниковъ...

Развлеченіе, имѣющее теперь совершенно опредѣленную физіономію уличнаго паяца, начало, правда, не съ этого, но и къ маломальски серьезному органу безусловно не подходило, несмотря на редакцію Ѳ. Б. Миллера, тогда небезызвѣстнаго литератора, и на сотрудничество А. И. Левитова, Б. Н. Алмазова, Н. В. Гербеля, Л. Мея, П. И. Вейнберга, В. П. Буренина и другихъ, выступавшихъ въ журналѣ въ разное время.

Отсутствіе наблюдательнаго, талантливаго каррикатуриста чувствовалось на каждомъ шагу. Рисунки сплошь и рядомъ заимствовались въ слегка измѣненномъ видѣ изъ *Искры*. Такъ, напримѣръ, въ 1862 г. былъ цѣлый рядъ каррикатуръ «Журнальный міръ», композиція которыхъ замѣтно не своя, но исполнена плохо. Литературный отдѣлъ былъ содержательнѣе, чѣмъ въ двухъ только что разсмотрѣнныхъ журналахъ, но очень часто блисталъ отсутствіемъ злободневности, злости, страстью къ обличенію. Сохранялась та посредственная середина, которая меньше всего прощалась именно въ разсматриваемый нами періодъ 1857—64 г. г. Пародіи Алмазова, лишенныя сатирическаго элемента, не давали журналу успѣха, не помогло этому и привлеченіе въ 1863 г. А. Плещеева. Провинціальный отдѣлъ былъ такъ «умѣренно-благодѣтеленъ», что совершенно не распространялъ изданіе въ провинціи. Въ 1864 г. *Развлеченіе* замѣтно ударилось въ свое нынѣшнее амплуа: преобладалъ кутила или деспотъ-купецъ, бывшее маленькое остроуміе уступило мѣсто уличному балагану, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, выходъ на улицу, повидимому, не особенно улыбался журналу, какъ будто тщившемуся оставаться въ ряду сатирическихъ органовъ.

Приводить что-либо изъ содержанія *Развлеченія* тоже не считаю нужнымъ, потому что, познакомивъ читателя съ нѣсколькими болѣе или менѣе удачными мѣстами, дамъ ему поводъ думать о журналѣ лучше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ; приведя же рядъ безцвѣтностей—утомлю лишь вниманіе. Если изданіе Миллера и имѣло въ Москвѣ нѣкоторый успѣхъ, то исключительно благодаря отсутствію тамъ другихъ

органовъ, не исключая и *Зрителя*, о которомъ ниже будетъ нѣсколько словъ. Такъ *Развлеченіе* шло до 1865 года, т.-е. до перелома въ жизни сатирической журналистики, когда послѣдняя была направлена по пути, свойственному ей и сейчасъ.

Въ 1862 г. въ Петербургѣ основывается другой *Гудокъ*, въ Москвѣ — *Зритель*. Первый изъ нихъ заслуживаетъ большого вниманія, какъ очень хорошее филіальное отдѣленіе *Искры*.

Гудокъ, редактировавшійся сначала Обличительнымъ поэтомъ (Д. Д. Минаевымъ), издавался при газетѣ «Русскій Міръ», принадлежащей аферисту Стелловскому, крупному тогда нотному и книжному торговцу. Это его и погубило потомъ...

Какъ только вышелъ первый номеръ, увидѣли нѣчто смѣлое и совершенно неожиданное... На виньеткѣ былъ портретъ Герцена! Да еще какой! — со знаменемъ въ рукахъ стоялъ Искандеръ среди крестьянъ и объяснялъ имъ, что значила надпись на полотнищѣ: «уничтоженіе крѣпостного права». Внимательно слушаютъ его бывшіе рабы, мальчишки играютъ на свирѣлькахъ, читаютъ *Гудокъ*. На всѣхъ лицахъ радость, всѣ встрѣчаютъ зарю новой жизни. Встрѣчаютъ ее и на лѣвой сторонѣ картины, но иначе... Помѣщики бѣгутъ отъ сосѣдства съ лондонскимъ злодѣемъ, а одинъ изъ нихъ, въ злобѣ потрясаетъ трехвостной плетью, не смѣя уже испробовать ее на спинахъ своихъ бывшихъ Филекъ и Прошекъ... Чиновничество въ ужасѣ смотритъ на пришлеца, а одинъ изъ нихъ пускаетъ мыльные пузыри...

Рисунокъ принадлежалъ карандашу А. Богданова и сразу пріобрѣлъ листку большой успѣхъ. Выступить съ портретомъ Герцена, имя котораго до 9-го 1862 г. не произносилось въ частной иеріодической печати четырнадцать лѣтъ—нужна была смѣлость *)...

Съ пятаго номера виньетка исчезаетъ навсегда... Минаевъ работаетъ сразу подъ семью псевдонимами (Гудошникъ, Донъ-Кихотъ Петербургскій, Обличительный поэтъ, Д. Свіяжскій, Ж. Симбирскій, Темный Человѣкъ, Т. Ч.) и подъ фамиліей. Затѣмъ въ теченіе короткаго времени присоединяются: П. И. Вейнбергъ (Донъ-Алонзо), А. Козловъ (К. Зловъ), Д. Ломачевскій, Вс. Крестовскій, Г. Дестунисъ, М. Стопановскій, Н. С. Курочкинъ; тутъ же получаетъ литературное крещеніе С. Н. Терпигоревъ (Ванька Хрѣновъ, Сергѣй Заноза). Неизвѣстно почему, но, начиная съ 14-го номера, Минаевъ перестаетъ редактировать *Гудокъ*, хотя сотрудничества въ немъ не прекращаетъ.

Провинція получаетъ въ *Гудкѣ* значительное мѣсто не только въ отдѣлѣ «Изъ провинціи», который, по «независящимъ» отъ ре-

---

*) Въ этотъ день „Сѣверная Пчела“ перепечатала изъ № 16 „Вятскихъ Губерн. Вѣд.“ за 1862 г. рѣчь Герцена, произнесенную имъ въ Вяткѣ 6-го декабря 1837 г. по случаю открытія тамъ публичной библіотеки. Это было начало палемики съ Герценомъ, поддержанной Катковымъ и К°.

дакціи обстоятельствамъ, очень часто продолжительно отсутствовалъ, но въ массѣ отдѣльныхъ замѣтокъ, всегда остроумно и живо написанныхъ. Ниже я познакомлю читателя съ тѣмъ, какъ велась работа въ *Гудкѣ*, теперь же еще нѣсколько словъ. Приглашеніе писать каррикатуры талантливаго художника Іевлева было очень кстати. Каррикатурная часть стояла очень хорошо, хотя не такъ, какъ въ *Искрѣ*— весь *Гудокъ* былъ ниже ея, — но былъ замѣтенъ недостатокъ силъ. Кромѣ того, въ *Гудкѣ* не чувствовалось редакторской руки: Минаевъ не обладалъ этимъ талантомъ, замѣнившій его Гіероглифовъ (редакторъ «Рус. Міра») и еще того менѣе, не говоря уже о томъ, что онъ не отличался прочно выработанными общественными идеалами и взглядами, не обладалъ способностью быстро схватывать общественное настроеніе.

Теперь обратимся къ воспоминаніямъ Терпигорева о *Гудкѣ*.

„Четвергъ —это былъ замѣчательный день, или, собственно, вечеръ. Въ четвергъ приходили тогда непремѣнно Минаевъ, художникъ Іевлевъ и еще кто-нибудь. И вотъ, втроемъ, вчетверомъ составляли весь номеръ „Гудка". Подавалась закуска, самая простая, водка и двѣ или три бутылки портеру. Закуску ѣли, водку и портеръ пили, а въ это время Іевлевъ рисовалъ каррикатуры на сообща придуманныя темы, а Минаевъ на тоже сообща придуманныя темы высыпалъ нѣсколько десятковъ строкъ стиховъ. Половину, по крайней мѣрѣ, того и другого цензура не пропускала, но довольно было и того, что оставалось, и листокъ положительно блестѣлъ остроуміемъ и беллетристикой. Эта дребедень, что издавалась послѣ, что издается и теперь, и въ подметки, конечно, не годится тогдашнему „Гудку"...

...„Гіероглифовъ почти всякаго, приходившаго къ нему въ редакцію со статьей какой-нибудь, спрашивалъ:

„— Вы какой губерніи?

„— Смоленской (напримѣръ).

„— Ну, что у васъ тамъ дѣлается?

„— То-есть, какъ что?

„— Ну, какіе, напримѣръ, скандалы, мошенничества тамъ были за это послѣднее время?

„Пришедшій смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, а онъ продолжалъ:

„— Вамъ вѣдь это ни на что не нужно, для васъ это хламъ, а мнѣ годится...

„И то и дѣло случалось, что какой-нибудь солидный господинъ, принесшій чрезвычайно умную и необыкновенно скучную статью для „Русск. Міра", которую черезъ недѣлю Гіероглифовъ обязательно ему возвращалъ, разсказывалъ тоже какіе-нибудь очень „веселенькіе" скандальчики, „маленькій" анекдотикъ; Гіероглифовъ ихъ печаталъ въ „Гудкѣ"; и въ результатѣ пять, десять подписчиковъ изъ Смоленска прибавлялось.

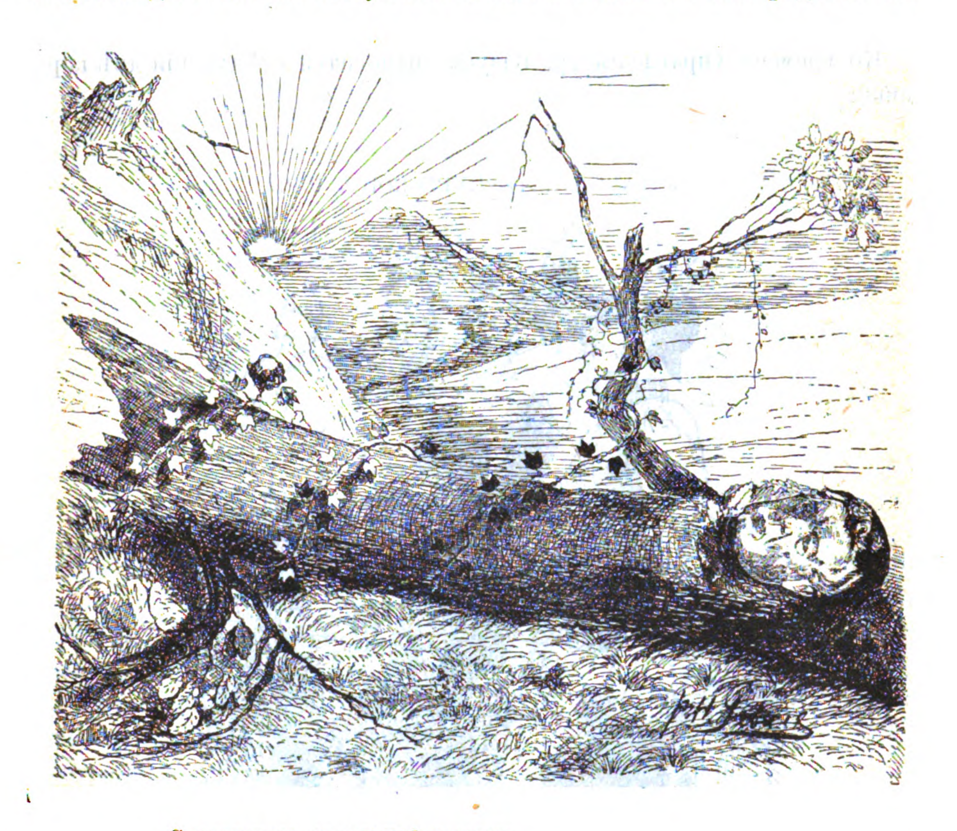
„Мнѣ онъ говорилъ:

„— Вотъ вы изъ Тамбова, къ вамъ оттуда пишутъ, земляки ваши сюда пріѣзжаютъ, ну, что вамъ стоитъ разспросить ихъ, навѣрно, вѣдь что-нибудь и пригодится для „Гудка". Посмотрите, вонъ, Минаевъ изъ Симбирска, такъ вѣдь онъ въ какомъ трепетѣ-то всю губернію держитъ. И онъ показывалъ мнѣ массу писемъ, полученныхъ изъ Симбирска, съ подтвержденіями, опроверженіями разсказаннаго или нарисованнаго въ „Гудкѣ". Такъ вотъ и вы бы могли сдѣлать съ вашей Тамбовской губерніей.

„Мысль была заманчивая, и я помаленьку, полегоньку началъ.
— Хорошо, хорошо,—повторялъ одобрительно Гіероглифовъ“ *).

И, дѣйствительно, *Гудокъ* перомъ Терпигорева нагналъ большого страху на тамбовскаго губернатора Данзаса, который неоднократно фигурировалъ подъ «Дурандасомъ»...

Когда читатель познакомится подробно съ *Искрой*, то ему уже не нужно будетъ отдѣльное знакомство съ *Гудкомъ*; достаточно сказать, что послѣдній вполнѣ заслуженно можетъ стоять съ нею рядомъ. За



Скатившись съ горной высоты,
Лежитъ здѣсь дубъ между нами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ кругомъ его обвитый...
О, служба, это ты!

(*Гудокъ*, 1862 г. № 43).

одинъ годъ своего существованія *Гудокъ* далъ несравненно больше, чѣмъ его соименникъ, *Развлеченіе*, *Арлекинъ* и другіе журналы за все время своего изданія. Это былъ безусловно интересный и полезный голосъ въ семьѣ той прогрессивной печати, которой принадлежитъ великая заслуга расчистки первобытныхъ лѣсовъ реакціонной эпохи, созданія новыхъ условій русской жизни. Поэтому надо искренно сожа-

*) „Истор. Вѣстн.“ 1896 г. IV, 51—52.

лѣть о безвременной кончинѣ *Гудка*, происшедшей на почвѣ матеріальныхъ недоразумѣній редактора съ издателемъ, дошедшихъ до полнаго скандальнаго разрыва.

Приведу лишь четыре-пять каррикатуръ, которыя дадутъ возможность вѣрнѣе оцѣнить достоинства *Гудка*.

Когда свалился мрачный консерваторъ крѣпостничества Чевкинъ, не столько замѣтный, какъ министръ путей сообщенія, сколько—какъ оплотъ лиги обскурантовъ, *Гудокъ* вышелъ съ каррикатурой-портретомъ (см. рисунокъ на стр. 289).

Ко времени управленія гр. Валуева относятся слѣдующія двѣ картинки:

ВЫСТАВКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФЛОРЫ.

Кактусы.

(*Гудокъ*, 1862 г. № 13).

НАШИ НА НѢМЕЦКОЙ МАСЛЯНИЦѢ.

Видимые знаки привязанности къ начальству.

(*Гудокъ*, 1862 г. № 9).

Область литературы, получившая въ *Гудкѣ* свое постоянное мѣсто, имѣла въ лицѣ этого журнала своего вѣрнаго стража отъ притока темныхъ, недобросовѣстныхъ силъ. Изъ малыхъ каррикатуръ этого рода особенно цѣнныхъ двѣ.

Одна изображаетъ редактора-издателя «Домашней Бесѣды» Аскоченскаго — человѣка совершенно юродиваго и до нельзя враждебнаго прогрессивнымъ теченіямъ.

Написанное на полу число 666 выведено каррикатуристомъ *Гудка* изъ фамиліи мрачнаго изувѣра съ помощью славянскихъ цифръ.

А— 1
С— 200
К— 20
О— 70
Ч— 90
Е— 5
Н— 50
С—200
К— 20
І— 10
Итого . . 666

На этой картинкѣ буквально вся дѣятельность Аскоченскаго начиная съ змѣино-хитрыхъ доносовъ и кончая сумерками, благопріятными для летучей мыши.

В. И. Аскоченскій вызываетъ духовъ для усмиренія нигилистовъ, но Вельзевулъ насылаетъ на русскую землю цѣлую тучу ежедневныхъ газетъ.

(*Гудокъ*, 1862 г. № 40).

Другая посвящена «Сѣверной Пчелѣ», П. С. Усова. Видя въ этой газетѣ еще такъ недавно распрощавшейся съ позорными именами Булгарина и Греча, крайне вредный суррогатъ политическаго органа, строившаго свое благополучіе на полномъ невѣжествѣ массы; *Гудокъ*

слѣдилъ буквально за каждымъ шагомъ его редактора, хорошо аттестованнаго Гречемъ... Всѣ эти особенности въ «Сѣверной Пчелѣ» воспроизведены бойкимъ перомъ Іевлева.

ВОЛОНТЕРЫ, СФОРМИРОВАННЫЕ РЕДАКЦІЕЙ „СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ“.

Пожарный. А-а! вы... (слѣдуетъ трехъ-этажное крѣпкое слово) вотъ подождите, попадетесь ко мнѣ подъ команду,—поставлю тамъ, гдѣ чорту жарко.

Волонтеры. (Продолжаютъ ѣхать, молча исполняя свое призваніе).

(*Гудокъ*, 1862 г. № 22).

За кучера самъ Усовъ. Когда «Пчела» приняла эту каррикатуру, но удивилась присутствію на ней лишнихъ дѣйствующихъ лицъ, *Гу-*

докъ разъяснилъ ея недоумѣнія и разъясненіе имѣетъ извѣстное значеніе для исторіи журналистики:

«Авторъ каррикатуры уполномочилъ насъ растолковать редакціи «Сѣверной Пчелы», что, рисуя трехъ ословъ, онъ не имѣлъ въ виду ничьихъ личностей, а желалъ лишь только олицетворить въ нихъ убѣжденія, направленіе и стремленіе той благородной коалиціи, которая засѣдаетъ въ экипажѣ, везомомъ *послушными* животными. Что же касается до четвертаго ослика, осѣдланнаго арлекиномъ, то этотъ осликъ знаменитъ тѣмъ въ особенности, что на немъ ѣздятъ постоянно и на гору Парнасъ и въ раскольничьи скиты, и даже на крутыя возвышенности вліятельныхъ лѣстницъ, за высокими чинами».

О московскомъ *Зритель* сказать совершенно нечего, кромѣ того, что это была крайняя безсодержательность, безталанность и просто-на-просто какое-то недоразумѣніе, которое и кончилось на № 36 въ 1863 году за неимѣніемъ подписчиковъ.

1863 годъ принесъ съ собою два новыхъ петербургскихъ журнала *Занозу* и *Осу*. Если первая дѣйствительно причинила безпокойство людямъ «темнаго толка», то зато вторая никого, кромѣ самой себя, не жалила.

Заноза основана поэтомъ М. П. Розенгеймомъ, думавшимъ дать русской публикѣ нѣчто въ родѣ «Ponch'a» или «Kladderadatch'a»—настолько почтенный полковникъ былъ мало знакомъ съ русскими условіями печати даже 1863 года, года наиболѣе благопріятнаго для сатирической журналистики...

Первый номеръ *Занозы* не могъ не обратить на себя вниманіе, тоже благодаря заглавной виньеткѣ. Содержаніе ея сводилось, собственно, къ иллюстраціи отдѣльныхъ штриховъ не столько спеціально русской, сколько общечеловѣческой жизни; тутъ было поклоненіе золотому тельцу, спихиваніе другъ друга съ житейской лѣстницы, нищіе, богатые, балы, фабриканты, акціонеры, биржевики, помѣщики, модницы, гурманы. Заинтриговывалъ всѣхъ верхъ большой виньетки. Тамъ сидѣлъ въ раздумьи надъ своими рукописями Гоголь, съ лицомъ, выражавшимъ не столько сожалѣніе, сколько легкую усмѣшку надъ проходящими передъ нимъ картинами. Двое какихъ-то человѣчковъ, можно думать—министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и А. В. Никитенко—загораживали его офиціозными органами и, главнымъ образомъ, основанной ими офиціальной «Сѣверной Почтой». Лица загораживателей такъ малы, что сказать утвердительно, кто они, положительно нельзя.

Истолкованная вкривь и вкось, виньетка эта исчезла съ 10 номера и появилась лишь въ слѣдующемъ году, но и то въ слегка измѣненномъ видѣ. Здѣсь я не могу останавливаться на довольно интересной исторіи внутренней жизни *Занозы*; скажу только, что съ середины 1864 года она стала сильно падать благодаря переходу въ руки

очень непопулярнаго въ обществѣ И. А. Арсеньева, а потомъ, въ 1865 г. и совсѣмъ прекратилась по отсутствію средствъ.

Въ содержаніи *Занозы* необходимо отмѣтить прежде всего особыя приложенія, благодаря которымъ она завоевала себѣ особенное расположеніе публики на первыхъ же порахъ. Розенгеймъ рѣшилъ ввести въ каррикатуры самые верхи русскаго бюрократическаго Олимпа и съ этою цѣлью при первомъ же номерѣ хотѣлъ выпустить особое приложеніе въ видѣ карты Европы съ изображеніемъ политики великихъ державъ въ типахъ русской литературы. По описанію г. *** (мнѣ не удалось увидѣть это приложеніе и потому приходится ограничиться словами г. *** *), это была карта, гдѣ на каждой великой державѣ нарисованъ былъ тогдашній руководитель ея иностранной политики. Такъ, на Англіи стоялъ Пальмерстонъ—Собакевичъ, на Франціи—Наполеонъ III—Загорѣцкій, на Австріи—Шмерлингъ—Чичиковъ, на Пруссіи—военный генералъ съ надписью Скалозубъ, на Россіи—кн. Горчаковъ—Молчалинъ. Всѣ лица были точными портретами. Карта была сначала пропущена цензурой и потому лежала уже готовой для отсылки подписчикамъ. Но о ней узналъ французскій посланникъ гр. Монтебелло, справился о личности Загорѣцкаго и, ознакомившись съ нею, приложилъ небольшія, конечно, усилія, чтобы карта была конфискована. По словамъ г. ***, нѣсколько экземпляровъ все-таки успѣли пройти черезъ кавдинскія ущелья цензуры въ теченіе 1863 года.

Первый неуспѣхъ не останавливаетъ Розенгейма, и при 9 № за 1863 г. онъ выпускаетъ приложеніе, въ видѣ большого листа, надѣлавшее много шуму. Это былъ «концертъ въ с—дурномъ тонѣ» **), иллюстрировавшій роль гр. Валуева, какъ подающаго тонъ литературѣ, только что перешедшей подъ надзоръ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ министерства народнаго просвѣщенія. Смѣлость каррикатуры состояла прежде всего въ томъ, что съ камертономъ стоялъ самъ Валуевъ, дирижировалъ предсѣдатель цензурнаго комитета Цеэ, умѣряли тонъ три цензора: на стулѣ А. Г. Петровъ, рядомъ съ нимъ В. Н. Бекетовъ, слѣва—не знаю кто. Во-вторыхъ, въ углу герценовскій «Колоколъ».

Почти всѣ лица взяты съ портретовъ и прекрасно переданы на камнѣ академикомъ П. Борелемъ ***). Со скрипкой—Старчевскій, шарманка—В. Р. Зотовъ («Иллюстрація»), рядомъ поетъ—Краевскій («Голосъ»), другая шарманка—П. С. Усовъ («Сѣв. Пчела»), на стулѣ съ гитарой—

*) *** „М. П. Розенгеймъ", „Рус. Стар." 1887 г. IX.

**) Тутъ остроумный каламбуръ: с—дурный значитъ цедурный, но подразумѣвалось, конечно, „въ самомъ дурномъ".

***) Каррикатура приведена, между прочимъ, въ декабрьской книжкѣ 1902 г. „Литер. Вѣстника", но съ невѣрнымъ заглавіемъ, безъ объясненія повода и съ нѣкоторыми ошибками въ указаніяхъ лицъ; печаталась она и въ „Новомъ Времени", но тоже съ ошибочными объясненіями.

Некрасовъ, гармонія—Благосвѣтловъ («Русское Слово»), бубны — Писемскій («Библіотека для Чтенія»), балалайка—И. С. Аксаковъ («День»),

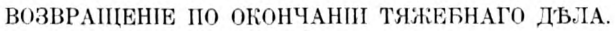
КОНЦЕРТЪ ВЪ С—ДУРНОМЪ ТОНѢ.

(*Заноза*, 1863 г. № 9).

волынка—Катковъ, свирѣль, поддерживаемая мальчикомъ—Писаревскій («Современное Слово»), турецкій барабанъ—Меньковъ («Военный Сбор-

никъ»), кларнетъ-пистонъ—Капельмансъ («Journal de St.-Petersbourg»), лира—Н. Ф. Павловъ («Наше Время»), кости — Трубниковъ («Биржевыя Вѣдомости»), труба—В. Ѳ. Коршъ («Петербургскія Вѣдомости»), цимбалы—Вс. С. Курочкинъ («Искра») рядомъ осѣдланный—Елисеевъ, на немъ Очкинъ («Очерки»), въ колясвѣ съ треугольникомъ—И. Балабинъ («Народное Богатство»), юродивый въ веригахъ—Аскоченскій («Домашняя Бесѣда»), гусли—Н. Н. Страховъ (Косица) («Время»), литавры на деревянной лошадкѣ—самъ Розенгеймъ, уличная колотушка—Ротчевъ («Полицейскія Вѣдомости»), віолончель — И. А. Гончаровъ («Сѣверная Почта»), гобой — Илья Арсеньевъ (политикъ «Сѣверной Почты») и барабанъ — Д. И. Романовскій («Русскій Инвалидъ»). На креслѣ — собирающаяся убѣжать Россія.

Надо ли говорить, какое огромное количество экземпляровъ этого «концерта» разошлось въ продажѣ, пока послѣдняя не была прекращена, а самая каррикатура не изъята, по возможности, изъ обращенія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней раскуплено было 6.000 экземпляровъ.


ВОЗВРАЩЕНІЕ ПО ОКОНЧАНІИ ТЯЖЕБНАГО ДѢЛА.

Выигравшій процессъ. Проигравшій процессъ.
(*Заноза*, 1863 г. № 23).

Были ли затѣмъ, въ продолженіе 1863 г. подобныя отдѣльныя приложенія — не знаю; на страницахъ *Занозы* никакихъ указаній нѣтъ. Но въ слѣдующемъ году при четвертомъ № было разослано снова

приложеніе «Разнохарактерные танцы», продававшееся въ отдѣльности (не для подписчиковъ) за три рубля. Этой каррикатуры мнѣ тоже не пришлось видѣть и потому сообщу о ней со словъ г. ***. «Въ шести медальонахъ изображены были попарно нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей (въ портретахъ), пляшущіе разные танцы, соотвѣтственно ихъ дѣятельности... Каррикатура была конфискована (однако,

Я застафилъ фасъ люпитъ руски грамотъ и нѣмецка педагогія.
(*Заноза*, 1863 г. № 32).

послѣ выхода нумера), и въ видѣ оправданія цензора, что фигуркамъ, которыя были на представленномъ въ цензуру рисункѣ, редакція, при исполненіи на камнѣ, самопроизвольно придала портреты государственныхъ людей, сдѣлано было распоряженіе, чтобы впредь рисунки

каррикатуръ представлялись въ цензуру вполнѣ начисто отдѣланными» *).

Приложенія были самой удачной частью *Занозы*, далеко не щеголявшей разнообразнымъ содержаніемъ, хотя гораздо болѣе талантливо ведущейся, чѣмъ всѣ названныя раньше изданія, кромѣ минаевскаго *Гудка*.

Изъ каррикатуръ въ номерахъ приведу немного.

«Возвращеніе по окончаніи тяжебнаго дѣла» очень вѣрно воспроизвело дореформенный нашъ судъ.

Русская школа, ввѣренная нѣмцамъ, бывшимъ на родинѣ сапожниками и барабанщиками, представлена тоже не менѣе удачно.

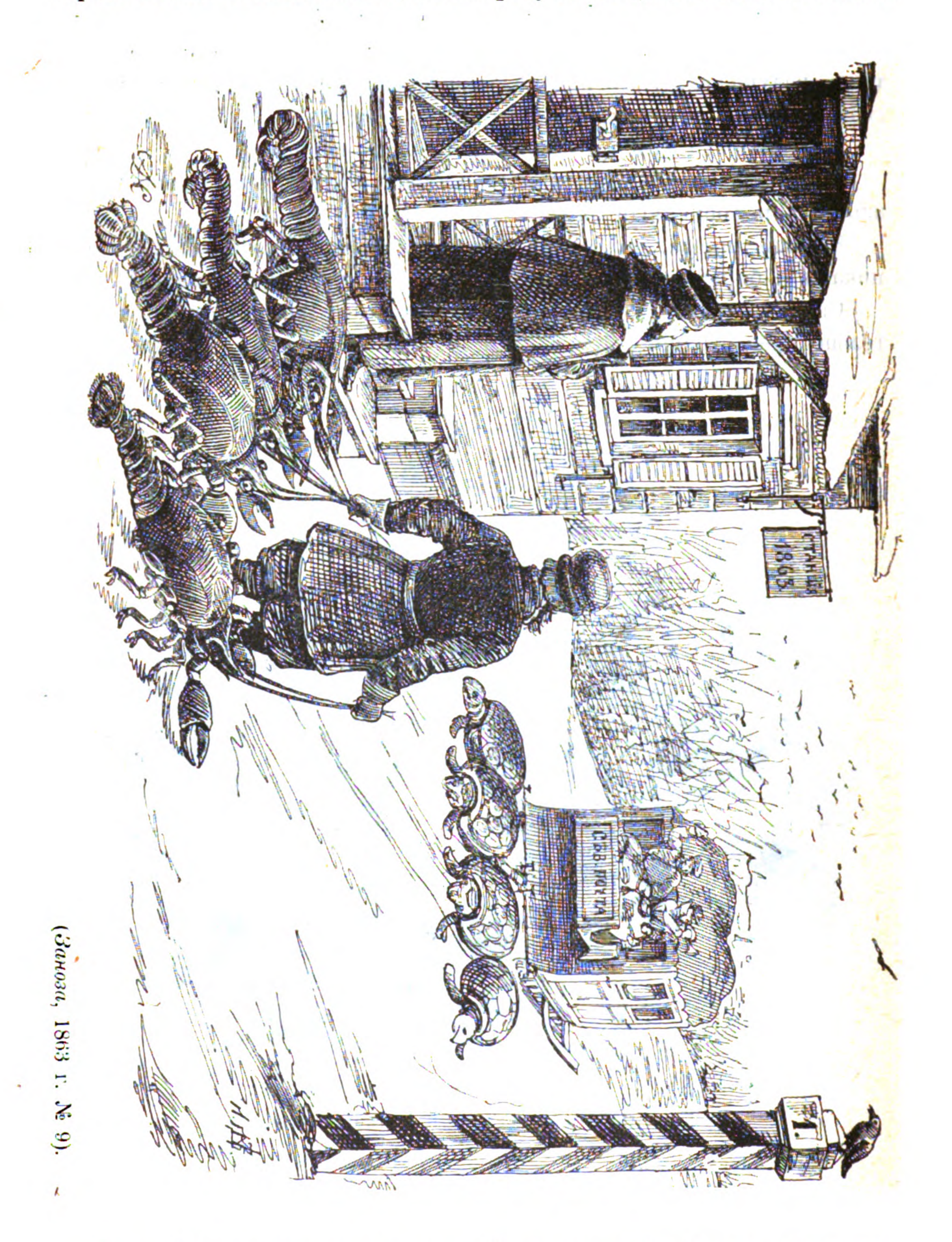
Сила и власть «господина городового» иллюстрированы положительно превосходно.

Сухопутная гонка на гонкѣ рѣчного яхтъ-клуба.
(*Заноза*, 1863 г. № 28).

Несмотря на свои не совсѣмъ либеральныя убѣжденія, *Заноза* при всякомъ удобномъ случаѣ нападала на изданіе «Сѣверной Почты» — газеты министерства внутреннихъ дѣлъ, но не того типа, къ которому

*) „Рус. Стар.“ 1887 г. IX, 624.

принадлежитъ смѣнившій ее «Правительственный Вѣстникъ». «Сѣверная Почта» ставила себѣ цѣлью борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ.



(*Заноза*, 1863 г. № 9).

Если *Искра* назвала органъ гр. Валуева «оффиціально-постепенно-либеральной газетой», а *Гудокъ* вставилъ его въ каламбуръ: «какая почта возитъ хуже всѣхъ? Сѣверная» — то *Заноза* прямо обрисовала его карандашомъ.

Дѣйствительно даже съ точки зрѣнія своихъ создателей (гр. Валуева и Никитенка) «Почта» шла черепашьимъ шагомъ съ самаго начала. 1863 годъ — второй — начался уже при новомъ редакторѣ — И. А. Гончаровѣ, нарисованномъ въ ожиданіи подъѣзжающаго дормеза. Рядомъ съ кучеромъ сидитъ трубачъ — это намекъ на широковѣщательныя рекламы «Почты».

Не можетъ быть сомнѣнія, что *Заноза* имѣла серьезный успѣхъ, несмотря на нотки вовсе не прогрессивнаго тона. Покупался онъ, конечно, не всей *Занозой*, какъ органомъ, а отдѣльными ея нумерами, вѣрнѣе, статьями и каррикатурами въ отдѣльныхъ нумерахъ. Стоимость интереснаго приложенія въ 3 руб., очевидно, многихъ побуждала прямо подписаться и, истративъ 4—5 руб. 50 к., имѣть уже гарантію, что ничего мимо рукъ не пройдетъ. Вотъ почему, начавшись съ 3.000 экземпляровъ, *Заноза* съ № 3-го печаталась въ 4.000, съ № 4-го — въ 5.000, а съ памятнаго 9-го — въ 6.000 экз. 1864 годъ начатъ при 5.000 подписчикахъ *) и это лучшее доказательство, что разъ послѣ 9-го нумера не было серьезно волновавшихъ общество каррикатуръ, то сама по себѣ *Заноза* не имѣла въ глазахъ читателей особеннаго значенія. Въ началѣ 1864 г., послѣ № 4-го, когда были даны «Разнохарактерные танцы», подписка, вѣроятно, снова увеличилась.

Но цензурныя преграды разочаровывали Розенгейма все больше и больше. По словамъ г. * * *, «Розенгеймъ скоро убѣдился, что мечта его о созданіи русскаго Понча, серьезнаго сатирическаго журнала, неосуществима» **).

«Сатирическій листокъ съ каррикатурами» *Оса* былъ приложеніемъ къ журналу «Якорь», подобно *Гудку*, издававшемуся при «Рус. Мірѣ»; сходство тѣмъ большее, что и издателемъ былъ тотъ же Стелловскій. Выходила *Оса* тоже еженедѣльно и въ томъ же размѣрѣ и объемѣ, что и *Гудокъ*. Вотъ и все ихъ сходство. Затѣмъ идутъ различія гораздо болѣе существенныя. Редактировалъ *Осу* редакторъ «Якоря» Ап. Григорьевъ, сотрудничали въ ней Аверкіевъ, Н. Страховъ, П. П. Сухонинъ (А. Шардинъ); принимали также участіе В. В. Бажановъ (Болгарскій), А. Завалишинъ (Прикамскій). Григорьевъ мало входилъ въ *Осу*, тамъ главенствовалъ Аверкіевъ (Ѳ. Горкіевъ, Невелещагинъ), этотъ рыцарь «мракобѣсія и сикофанства», какъ его называлъ Писаревъ, этотъ врагъ передовой общественной мысли 60-хъ годовъ. Этого достаточно, чтобы понять, органомъ чего являлась *Оса*.

Сколько-нибудь детально останавливаться на ея содержаніи нѣтъ,

---

*) „Рус. Стар.“ 1887 г. IX, 622.

**) Ibidem, 625.

разумѣется, никакой надобности. Представить себѣ, что тамъ было, легко, зная имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Скажу только, что весь ядъ жала ея былъ направляемъ по адресу, прежде всего, «Русскаго Слова», его сотрудниковъ, издателя, редактора, даже конторскихъ служащихъ. Затѣмъ шли Чернышевскій съ романомъ «Что дѣлать?», «Современникъ», «Искра». Допущеніе женщинъ въ университетъ, воскресныя школы—всѣ эти и другія начинанія свѣтлой общественной мысли осмѣивались съ пѣной у рта.

25-го сентября умеръ Ап. Григорьевъ. Слѣдующій № 37-й редактируетъ уже Н. Шульгинъ, къ которому перешло и право на изданіе «Якоря» и *Осы*. Размѣръ послѣдней сразу увеличивается, подаются надежды, что изданіе перемѣнитъ тонъ, вступаетъ въ редакцію свѣжій элементъ сотрудниковъ и между ними А. К. Шеллеръ (Левъ Звонковъ); Аверкіевъ и «Косица» ее покидаютъ. Въ 1865 году выходитъ соединенный номеръ: №№ 1—2, и на этомъ *Оса* заканчиваетъ свое существованіе *).

Вотъ въ краткихъ чертахъ бѣглое описаніе всѣхъ періодическихъ сатирическихъ изданій, шедшихъ параллельно съ тѣми или другими годами *Искры*, къ подробной исторіи которой мы и приступимъ въ слѣдующей главѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мих. Лемке.

*) Нельзя не отмѣтить, что въ виньеткѣ въ числѣ медальоновъ былъ и портретъ Радищева—это рѣдкость.

ЖУРАВЛИ.

(Изъ М. Конопницкой).

Умирало лѣто; зори
Въ тишинѣ блестѣли.
Надъ пустыннымъ полемъ съ крикомъ
Журавли летѣли.

— Ты прощай, родное поле!
Въ голубомъ просторѣ
Мы летимъ, мы улетаемъ
Въ теплый край за море.

Мы летимъ, мы улетаемъ
Голубой дорогой;
Ты кормить ужъ насъ не будешь,
Полное тревогой.

Ты поить ужъ насъ не будешь
Ключевой водою;
Мы не крикнемъ: «слава солнцу!»
Утренней порою.

Мы не крикнемъ: «слава солнцу!»
Дружно, съ шумомъ смѣлымъ
Не взмахнемъ уже крылами
Мы надъ хлѣбомъ спѣлымъ.

Не взмахнемъ уже крылами
Шумно и широко,
Унося твои напѣвы
Въ небеса высоко.

Гей, покинутое поле!
Изъ чужого края
Жди насъ,—мы къ тебѣ вернемся
Вмѣстѣ съ солнцемъ мая.

Поджидай насъ, поле, глядя
На закатъ блестящій,
Чуть повѣютъ ароматомъ
Лугъ и лѣсъ шумящій.

Поджидай насъ тихимъ утромъ
Съ полнымъ вѣры взглядомъ,
Чуть придетъ весна, блистая
Голубымъ нарядомъ.

А дороги не забудемъ
Въ голубомъ просторѣ,—
Мы по перышку уронимъ
Съ высоты на море.

А дороги не забудемъ
Мы къ отчизнѣ бѣдной,—
По зарѣ ее узнаемъ,
По лазури блѣдной.

По росѣ ее узнаемъ
Утренней порою,
По льнянымъ головкамъ дѣтокъ,
Вскормленныхъ тобою.

Улетаютъ, улетаютъ,
Все быстрѣй несутся...
— Не горюй, родное поле,
Журавли вернутся!

Е. Чернобаевъ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ „НА ДНѢ“ ГОРЬКАГО.

Отношеніе петербургской публики къ представленію пьесы.—Отзывы прессы.—Разборъ мнѣнія Н. К. Михайловскаго. — Лука, какъ положительный типъ, несмотря на отрицательное отношеніе автора къ проповѣдуемой имъ теоріи. — „Идейное содержаніе“ пьесы.—Параллельные типы къ героямъ г. Горькаго въ описаніи сахалинцевъ г. Дорошевича (Лука и Тихонъ Бѣгоножкинъ).—Характеристика Сатина.—Тезисъ и антитезисъ въ пьесѣ г. Горькаго.—Повторяемость нѣкоторыхъ мотивовъ. — „Прибавки“ автора отъ себя не нарушаютъ самостоятельнаго значенія созданныхъ имъ образовъ.—М. Горькій, какъ драматургъ.—Стремленіе приблизиться къ жизненной правдѣ, минуя условную композицію драмы.—Внутренняя связь явленій.—Общественное значеніе пьесы. — Справедливо ли, что г. Горькій исчерпалъ міръ своихъ героевъ? — „Бывшіе люди“ и „Отверженные“ —Отзывъ Ѳ. М. Достоевскаго.—Заключеніе.

Пріѣздъ артистовъ московскаго художественнаго театра на гастроли въ Петербургъ съ двумя только пьесами—«На днѣ» М. Горькаго и «Дядей Ваней» А. Чехова вызвалъ переоцѣнку пьесы М. Горькаго, переоцѣнку довольно любопытную въ томъ отношеніи, что петербуржцы, словно по уговору, говорили и писали «напротивъ» того, что было высказано объ этомъ произведеніи, при постановкѣ его на московской сценѣ. Доходило до того, что въ однихъ и тѣхъ же органахъ петербургской прессы появились разнорѣчивые отзывы—московскихъ корреспондентовъ и петербургскихъ «очевидцевъ»; усматривалось колебаніе даже у видѣвшихъ пьесу тамъ и здѣсь, какъ будто въ самомъ дѣлѣ «атмосфера» играла какую-то роль въ настроеніи зрителей; какъ будто съ другой стороны Москва и Петербургъ—двѣ столь различныя аудиторіи, что можно говорить о двухъ разныхъ «вкусахъ» москвичей и петербуржцевъ. Впрочемъ, до извѣстной степени разница между требованіями и вкусами у тѣхъ и другихъ есть, и примѣры различной оцѣнки бывали и прежде: если не ошибаемся, «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго получилъ первое признаніе въ Москвѣ, а петербуржцамъ эта опера сперва не понравилась. Однако, вскорѣ единодушіе «признанія» было возстановлено. «Мѣщане» Горькаго имѣли вначалѣ большій успѣхъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ Москвѣ. Съ пьесой «На днѣ» случилось наоборотъ: будемъ надѣяться, что произойдетъ со временемъ и тутъ соглашеніе мнѣній въ пользу произведенія, которое не только въ Москвѣ, но, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, и въ Германіи пользовалось выдающимися успѣхомъ и привлекло къ себѣ общее вниманіе.

Талантъ автора и оригинальность его пріемовъ композиціи стоятъ внѣ

сомнѣній. Спорными представляются только нѣкоторыя стороны его дарованія, вопросъ — обладаетъ ли онъ качествами настоящаго драматурга, и затѣмъ остается нѣсколько неясныхъ пунктовъ въ самомъ произведеніи, поддающихся различнымъ толкованіямъ. Въ свое время (см. «Міръ Божій», январь) мы высказались подъ впечатлѣніемъ перваго представленія въ Москвѣ, которое внѣ всякаго сомнѣнія было настоящимъ тріумфомъ автора и артистовъ, и успѣхъ пьесы длился непрерывно въ теченіе всего зимняго сезона въ Москвѣ. Мы не останавливались въ первой нашей замѣткѣ на анализѣ общаго идейнаго содержанія пьесы и многихъ ея частностей, что представлялось затруднительнымъ, не имѣя текста въ рукахъ. Здѣсь же пьесу читали и комментировали, раньше чѣмъ ее видѣть на сценѣ. Быть можетъ, и это даже весьма вѣроятно, ожиданія петербуржцевъ были чрезмѣрны, что и повліяло неблагопріятнымъ образомъ на впечатлѣніе отъ спектакля, отъ котораго ожидались какія-то необыкновенныя откровенія, даже послѣ прочтенія пьесы, и чрезмѣрность ожиданій вызвала нѣкоторое разочарованіе. Окончательная оцѣнка пьесы, на нашъ взглядъ, до сихъ поръ еще не сдѣлана и, можетъ быть, не такъ скоро еще будетъ установлена. Во всякомъ случаѣ, считаемъ умѣстнымъ остановиться на нѣкоторыхъ пунктахъ, представляющихся наиболѣе спорными въ произведеніи, за которымъ мы продолжаемъ признавать весьма выдающееся значеніе.

Прислушаемся сперва къ нѣкоторымъ отзывамъ въ петербургской прессѣ: «Въ «Днѣ» нѣтъ общей мысли, нѣтъ идеи, — сказалъ П. И. Вейнбергъ (см. «Новости», № 98).—Драма кончается и все остается по старому, герои продолжаютъ пить и сражаться въ свои засаленныя карты, философствовать и дѣлать гадости...» Минуемъ другіе болѣе рѣзкіе отзывы маститаго литератора, за неувѣренностью въ точности ихъ воспроизведенія «интервьюеромъ». «Наборъ сценъ безъ связи, смысла и общей идеи»—высказался г. Минскій (ibid., № 99). «Безъ всякаго развитія драматическаго дѣйствія, безъ всякой психологической послѣдовательности, вдругъ, ни съ того, ни съ сего обвариваютъ Наташу кипяткомъ» и т. д. Н. К. Михайловскій, не только черезъ посредство интервьюера, но уже самъ отъ себя пишетъ (см. «Русское Богатство», апрѣль), что г. Горькій «сдѣлалъ ложный шагъ, ступивъ на поприще драматурга». Онъ повторяетъ уже использованные имъ типы и мотивы; онъ по темпераменту больше публицистъ, чѣмъ художникъ; однако, въ настоящемъ произведеніи слишкомъ много не только недоговореннаго, но и недодуманнаго, такъ что получается общее впечатлѣніе какой-то неясности.

«Лука наговорилъ много, а сдѣлалъ только одно дѣло: облегчилъ смерть Анны. Весь мракъ и грязь жизни «На днѣ» какъ былъ до него, такъ и остался послѣ его ухода и даже усугубился». Почтенный критикъ напоминаетъ, какъ «всѣ навѣянные Лукой золотые сны пошли прахомъ, и ничему его «вранье» не помогло». Мы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ прочли эти строки, безъ всякаго дальнѣйшаго вывода изъ сдѣланнаго замѣчанія, какъ будто критикъ почелъ бы себя удовлетвореннымъ, если бы «вранье» Луки помогло, и тогда пьеса получила бы общій смыслъ и авторъ выказалъ бы достаточную «додуманность»... Конечно, мы не вѣримъ, чтобы Н. К. Михай-

ловскій это думалъ на самомъ дѣлѣ, но почему же онъ остановился на полусловѣ? При всемъ его отрицательномъ и, съ нашей точки зрѣнія, неправильномъ отношеніи къ произведенію г. Горькаго, Н. К. Михайловскій все же весьма близко подошелъ къ опредѣленію «идейнаго содержанія» пьесы, но не довелъ его до конца, не формулировалъ выводовъ, которые, однако, казалось, напрашивались сами собой. Мы не будемъ перечислять и приводить всѣ разнорѣчивыя сужденія въ повременной прессѣ,—имъ имя легіонъ,—которыя были высказаны за послѣднее время по поводу «Дна»: достаточно приведенныхъ примѣровъ, чтобы прямо перейти къ главнымъ вопросамъ, возбужденнымъ пьесой.

Во-1-хъ, справедливо ли, что въ сценахъ г. Горькаго нѣтъ ни связи, ни общей идеи? Какую роль играетъ въ ней «старецъ Лука», котораго то стремятся сблизить съ Акимомъ (мы уже въ прошлой замѣткѣ указали въ чемъ различіе обоихъ типовъ), то, съ легкой руки Василія Пепла, величаютъ «лукавымъ старцемъ», а согласно отзыву Клеща, дѣлаютъ изъ него какого-то правдо-ненавистника? Луку принимали то за положительный, то за отрицательный типъ, а Н. К. Михайловскій затрудняется уловить настоящее намѣреніе автора, все-таки замѣтивъ, что, по его мнѣнію, скорѣе «въ Сатинѣ, чѣмъ въ Лукѣ, слѣдуетъ признать положительный типъ въ смыслѣ выразителя собственныхъ взглядовъ автора» (103). Въ этомъ отношеніи, если довѣрять сообщеніямъ газетъ о личныхъ отзывахъ автора, г. Михайловскій, кажется, правъ; но «положительный типъ» вѣдь опредѣляется не только его ролью «выразителя собственныхъ взглядовъ автора»: послѣдній можетъ и иначе мыслить, чѣмъ выставляемое имъ дѣйствующее лицо, которое все-таки останется съ чертами положительнаго типа, если положительныя черты присущи его натурѣ.

Въ образѣ Луки есть, дѣйствительно, нѣкоторая двойственность, которая объясняется на нашъ взглядъ, тѣмъ, что авторъ, какъ художникъ, задумалъ и вѣрно воспроизвелъ интересный, вполнѣ реальный и, въ общемъ, симпатичный типъ, уже обозначенный намъ «искателемъ правды» изъ народа, типъ человѣка, весьма чуткаго къ запросамъ совѣсти, любящаго и жалостливаго, обладающаго даромъ проникать въ сердца людей и глубоко имъ сочувствовать, но, какъ «публицистъ» (пользуемся терминомъ въ томъ значеніи, которое имѣлъ въ виду Н. К. Михайловскій, примѣнивъ его къ г. Горькому), авторъ съ нимъ не согласенъ и старается довести теорію Луки—«жизненной правды сердца», отличной отъ общей правды an und fur sich, до крайности, чтобы показать ея несостоятельность. Сатинъ, конечно, ближе воспроизводитъ собственные взгляды автора и съ этой точки зрѣнія можетъ съ большимъ правомъ претендовать — не столько, впрочемъ, на обозначеніе «положительнаго типа», какъ на роль резонера пьесы. Но конечныхъ выводовъ «морали» Сатина мы не улавливаемъ. Впрочемъ, ниже мы еще вернемся къ Сатину. Лука же, это всячески живое лицо и типичный представитель народнаго сектанства, хотя фигура нѣсколько испорчена приписанными дѣйствующему лицу пьесы крайностями теоріи, которую, повидимому, хотѣлъ изобличить авторъ-публицистъ.

*

Основными положеніями Луки-миротворца и печальника о страданіяхъ людскихъ, являются высказываемыя имъ соображенія, что «человѣка приласкать никогда не вредно», что «правда не всегда по недугу человѣку... не всегда правдой душу вылечишь», что «во-время человѣка пожалѣть хорошо бываетъ» и т. п. Отсюда его «жалость» къ людямъ и цѣлый рядъ поступковъ, подсказанныхъ этимъ чувствомъ состраданія къ людскому горю. Однако, если, именно жалѣя людей, Лука допускаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится отступать отъ той правды, которая «не по недугу человѣку», то спрашивается: самъ-то онъ, дѣйствительно ли не любитъ правды и гдѣ остановиться въ этихъ отклоненіяхъ отъ нея? Правильна ли, допустима ли какъ общій, руководящій принципъ жизни, — «теорія жалости» и къ какимъ результатамъ она приводитъ? Въ первой половинѣ пьесы мы видимъ примѣненіе принципа, что «во-время пожалѣть человѣка хорошо бываетъ»; въ двухъ послѣднихъ актахъ — опроверженіе даннаго взгляда, обличеніе несостоятельности «теоріи жалости», какъ средства *исправлять жизнь*. Такъ объясняется, на нашъ взглядъ, странное лишь на первый взглядъ явленіе, на которое было сдѣлано нѣсколько указаній, что Лука, который, казалось по первоначалу, долженъ былъ играть роль какого-то всеобщаго утѣшителя и спасителя, въ сущности, ухудшаетъ (за исключеніемъ Анны и перваго раза, когда онъ помѣшалъ убійству Костылева) положеніе тѣхъ лицъ, которымъ онъ желалъ помочь. Что же изъ этого, однако, слѣдуетъ? Отнюдь не выводъ, что Лука— отрицательный типъ, что онъ на самомъ дѣлѣ лишь—«старецъ лукавый» (такая игра словъ умѣстна лишь въ устахъ Васьки Пепла), а только то, что авторъ считаетъ «теорію жалости» ошибочной и хотѣлъ представить наглядный примѣръ ея несостоятельности. Но изъ ошибочности теоріи (допустимъ это пока) не вытекаетъ обличеніе лица, выступающаго ея сторонникомъ. Лука «хитроуменъ», какъ вѣрно обозначилъ его и Н. К. Михайловскій, но отнюдь не «лукавъ» въ настоящемъ смыслѣ слова. Мало того: онъ самъ отнюдь не «правдоненавистникъ», а напротивъ жаждетъ правды и вѣритъ въ нее. Пока онъ еще не знаетъ, въ чемъ правда, однако, собирается за ней «въ хохлы»:

«Слыхалъ я — открыли тамъ новую вѣру... поглядѣть надо... да! Все ищутъ люди, все хотятъ—какъ лучше... дай имъ, Господи, терпѣнья!» И на вопросъ Пепла—«какъ думаешь... найдутъ?»—Лука отвѣчаетъ: «люди-то? Они найдутъ! *Кто ищетъ—найдетъ... Кто крѣпко хочетъ—найдетъ*!» Это мѣсто достаточно характерно для Луки, чтобы опредѣлить его основную черту, главное отличительное свойство его индивидуальности. Вѣдь если бы онъ на самомъ дѣлѣ мирился съ «ложью», какъ крайній пессимистъ, извѣрившійся въ возможность открыть «истинную», спасительную правду, то что же могло побудить его искать «новой вѣры» и быть убѣжденнымъ, что «кто ищетъ— найдетъ?» Но эта «новая вѣра» должна быть «для ума», т.-е. удовлетворять умственнымъ запросамъ искателя правды, а пока онъ довольствуется правдой сердца, указаніямъ котораго онъ слѣдуетъ неотступно.

Н. К. Михайловскій назвалъ отвѣтъ Луки на вопросъ Пепла: «Богъ есть?»

кощунственно—уклончивымъ: «коли вѣришь, есть; не вѣришь, нѣтъ. Во что вѣришь, то и есть». Однако, можно посмотрѣть на этотъ отвѣтъ и съ другой точки зрѣнія, не прибѣгая къ столь «страшнымъ» эпитетамъ, а вспомнивъ правильное замѣчаніе того же Луки, что «не въ словѣ дѣло, а почему слово говорится». Въ самомъ дѣлѣ, первый выводъ изъ отвѣта Луки тотъ, что каждый носитъ Бога въ своемъ сердцѣ, и если не чувствуешь его въ себѣ самомъ, то безполезно спорить объ его объективномъ существованіи. Вѣдь *доказывать* существованіе Бога нельзя, если не возвращаться къ наивнымъ и давно осужденнымъ пріемамъ схоластической науки. Въ Бога можно только вѣрить или не невѣрить, поэтому, съ индивидуальной точки зрѣнія, Лука отвѣтилъ вполнѣ правильно: «во что вѣришь, то и есть». Помнится, когда-то Н. К. Михайловскій написалъ слѣдующія строки: «нѣтъ абсолютной истины, есть только истина для человѣка, и за предѣлами человѣческой природы нѣтъ истины для человѣка («Соч.», I, 105). Но такая «истина для человѣка» и составляетъ область его вѣры, согласно его разумѣнію; это и есть признаніе лишь того, во что вѣришь, что усвоилъ. Почему же теперь отвѣтъ Луки, передающій лишь въ болѣе наивной, простой формѣ положеніе, которое является основнымъ въ ученіи индивидуалистовъ, представился уважаемому критику «кощунственнымъ?» Намъ это не вполнѣ ясно. А какъ пріемъ убѣжденія, на почвѣ чисто психологической, отвѣтъ Луки гораздо внушительнѣе, чѣмъ еслибы онъ пустился въ споръ съ Василіемъ о существованіи Бога, на основаніи текстовъ св. Писанія или правилъ катехизиса, котораго онъ могъ и не знать. «Ищи въ себѣ самомъ Бога, а не спрашивай у людей; во что вѣришь, то и есть, но нельзя жить безъ вѣры, научись создавать ее себѣ»—таковъ смыслъ отвѣта Луки, въ которомъ мы не усматриваемъ ни кощунства, ни лукавства. И опять-таки, если бы Лука стоялъ на точкѣ зрѣнія безразличія скептиковъ, думалъ, что въ самомъ дѣлѣ все-равно, во что и какъ вѣрить, «а не вѣришь, такъ нѣтъ ничего», то онъ не высказывалъ бы вслѣдъ за тѣмъ убѣжденія, даже увѣренности, что именно ищущіе—обретутъ.

По поводу нашего толкованіи типа Луки мы слышали возраженіе, что личность этого старца недостаточно ясно обрисована авторомъ въ пьесѣ, что нѣтъ опредѣленныхъ указаній о его прошломъ (фраза о томъ, что онъ «бабъ-то, можетъ, больше зналъ, чѣмъ волосъ на головѣ было», выступаетъ какъ-то внезапно, для краснаго словца. Хотя почемъ знать?—съ молоду всяко бываетъ и у людей, пріявшихъ потомъ святую жизнь), что не видно, почему онъ былъ въ Сибирѣ и въ какомъ положеніи онъ тамъ жилъ и т. п. Намъ кажется, однако, спроста ни въ Сибирь, ни изъ Сибири, особенно безъ паспорта, люди не ходятъ и у автора могли быть основанія, почему онъ не далъ болѣе ясныхъ указаній о прошломъ Луки. И все-таки каково бы ни было его прошлое, мы видимъ въ немъ типичное выраженіе русскаго сектантства, которое, какъ извѣстно, выразилось въ двухъ различныхъ формахъ: съ одной стороны, мы знаемъ сектантовъ-фанатиковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что ихъ вѣра настоящая, самая правильная; съ другой—есть сектанты искатели, которые не успокоиваются на данныхъ формахъ, а стремятся къ такой вѣрѣ,

которая отвѣчала бы ихъ запросамъ и чаяніямъ, удовлетворяла бы ихъ по разумѣнію. Мы уже ссылались въ прошлый разъ на нѣкоторыя данныя въ очеркахъ Вл. Г. Короленко. Отмѣтимъ кстати, что оба типа указаны и въ описаніи «Сахалина» г. Дорошевича. Лука не подходитъ къ типу Галактіонова, очерченнаго г. Дорошевичемъ, но весьма близокъ къ другому сектанту, тоже сосланному за «вѣру», Тихону Бѣлоножкину. Этотъ «Тихонъ Бѣлоножкинъ,— пишетъ г. Дорошевичъ,—еще дома, въ Воронежской губерніи, сокрушался, что кругомъ никто «по-божески» не живетъ, и искалъ такой вѣры, чтобы «не только съ мертвыми ходили цѣловаться, а и съ живыми цѣловались; а то съ мертвыми-то прощаются, а живымъ не прощаютъ».

Именно это стремленіе, образно переданное словами: «съ живыми цѣловаться», весьма близко той человѣческой религіи, которую проповѣдуетъ и Лука. «За что покойниковъ любить?—говоритъ онъ, между прочимъ, Пеплу. Любить живыхъ надо... живыхъ». «Попалось подъ руки Тихону молоканство,— продолжаетъ г. Дорошевичъ,—онъ и принялъ молоканство. Но къ прибытію на Сахалинъ Тихонъ Бѣлоножкинъ и въ молоканствѣ разочаровался: «Не то это все. Не настоящее». Не такъ же ли думаетъ Лука, отправляясь «въ хохлы»? Мы, конечно, не отожествляемъ очерченный г. Горькимъ типъ съ опредѣленными мучениками «за вѣру» или за свои поиски настоящей вѣры,—поиски, которые привели упомянутаго Тихона Бѣлоножкина на Сахалинъ, но считаемъ себя въ правѣ предположить, что не со вчерашняго дня въ немъ родилось стремленіе уяснить себѣ смыслъ жизни и отыскать такую вѣру, которая научила бы людей, «какъ лучше». И «хитроуміе» Луки вполнѣ подходитъ къ характеру типа сектанта, ищущаго своей правды и уже много испытавшаго на своемъ вѣку всякихъ мытарствъ. Быть можетъ, порою не только находчивость, но и нѣкоторая уклончивость его отвѣтовъ—результатъ горькаго опыта жизни.

Остается вопросъ о внезапномъ исчезновеніи Луки въ такой моментъ когда, казалось, онъ особенно былъ нуженъ, чтобы предотвратить катастрофу. Но развѣ онъ на самомъ дѣлѣ могъ ее предотвратить? Допустимъ, что автору понадобилось «убрать» Луку для своихъ цѣлей, т.-е., чтобы показать, что вся «жалость» нисколько не помогла, а скорѣе повредила тѣмъ, которыхъ «жалѣли», навѣвая имъ «золотые сны»: соотвѣтствовалъ ли такой пріемъ характеру самого Луки? Г. Сутугинъ, въ своихъ «Разговорахъ о На днѣ» (см. «Театръ и Искусство», № 13), по поводу этой сцены замѣчаетъ, что «дѣйствія Луки съ Пепломъ выразились въ безтолковой и гибельной для послѣдняго «суетѣ»: онъ умолялъ всѣхъ позвать скорѣе Василія (Пепла)—«позвать бы Васю-то»... Позвали, и онъ убилъ Костылева». Стало быть, онъ какъ бы самъ натолкнулъ Василія на убійство. Да и, вообще, если бы Лука по настоящему жалѣлъ людей, ушелъ ли бы онъ въ такой критическій моментъ? А почему же нѣтъ, разъ ему было приказано еще раньше хозяиномъ ночлежки скорѣе убраться, подъ угрозой иначе прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи, (а Лука, несмотря на его уклончивые отвѣты, конечно, былъ безпаспортнымъ)? Услышавъ о новой дракѣ между сестрами, онъ естественно могъ подумать, что это такая же ссора, какихъ онъ много разъ уже былъ свидѣтелемъ. Теперь, счи-

тая, что въ Василіѣ Наташа имѣетъ какъ бы законнаго заступника, такъ какъ только что произошла ихъ помолвка, при его же содѣйствіи, Лука могъ самъ повѣрить въ то, что онъ совѣтовалъ исполнить, и счелъ свое дальнѣйшее пребываніе излишнимъ. Онъ, конечно, назвалъ Василія, увѣренный въ его заступничествѣ, а самъ ушелъ, чтобы не раздражать хозяевъ своимъ присутствіемъ; Лука, со своей точки зрѣнія, не могъ предугадать дальнѣйшаго.

Такимъ образомъ, уходъ Луки намъ кажется достаточно обоснованнымъ и вызываетъ онъ неудовольствіе только у тѣхъ, которымъ хотѣлось бы, чтобы Лука на самомъ дѣлѣ сыгралъ роль нѣкотораго провидѣнія въ устроеніи жизни «ночлежниковъ». Вмѣсто драмы мы имѣли бы мелодраму сомнительнаго достоинства.

Но правъ ли авторъ въ своемъ антитезисѣ? Умѣстно ли въ художественномъ произведеніи подвергать обсужденію отвлеченный, теоретическій вопросъ и какова положительная сторона его программы?

Положительная сторона въ пьесѣ г. Горькаго въ смыслѣ изложенія какой-нибудь личной идеи, симпатичной автору, очерчена всего слабѣе. Есть попытка новой группировки дѣйствующихъ лицъ въ концѣ драмы,—перевѣсъ данъ свободолюбивымъ и независимымъ личностямъ, къ которымъ нужно причислить и Квашню, новую хозяйку ночлежки; есть велерѣчивыя разсужденія Сатина о свободѣ человѣка, о томъ, что такое человѣкъ вообще, что онъ выше «сытости», и что не слѣдуетъ унижать человѣка жалостью и т. д. Клещъ какъ бы формулируетъ разницу въ воззрѣніяхъ и въ отношеніи къ людямъ между Лукой и Сатинымъ замѣчаніемъ, что Сатинъ «не то, что пожалѣть можетъ, а не умѣетъ обижать». Послѣднее свойство чисто пассивное, а жалость активна. Реакція противъ старика обусловлена тѣмъ, что онъ «поманилъ куда-то... а самъ дорогу не сказалъ». Однако, на замѣчаніе Клеща, что старикъ правды не любилъ, «очень противъ правды возставалъ», Сатинъ же возражаетъ: «Старикъ—не шарлатанъ! Что такое правда? Человѣкъ—вотъ правда! Онъ это понималъ», и въ этомъ толкованіи Сатинъ, повидимому, вполнѣ солидаренъ съ Лукой. Итакъ, нѣтъ рѣзкой противоположности, за исключеніемъ вопроса о «жалости», между направленіемъ Сатина и практической моралью Луки. Есть только общее сознаніе неудовлетворенности предлагаемыхъ имъ средствъ спасенія, или исправленія жизни. Лука «для многихъ былъ лишь, какъ мякишъ для беззубыхъ»—говоритъ Сатинъ; «какъ пластырь для нарывовъ»—дополняетъ баронъ. Этими и однородными замѣчаніями, а главное—трагической развязкой судьбы актера, Наташи, Пепла и др., не взирая на участливое отношеніе къ нимъ Луки, подчеркивается недостаточность «теоріи жалости». Авторъ, конечно, правъ: *одною* жалостью жизнь не исправишь, а все-таки «человѣкъ человѣка добру научить можетъ». Что нужно еще другого? Но вѣдь художественное произведеніе не есть трактатъ о мѣрахъ исправленія несовершенствъ жизни: авторъ не высказывается и не могъ высказаться вполнѣ опредѣленно за тотъ или другой способъ практической дѣятельности; онъ только указалъ съ двухъ сторонъ на значеніе одного принципа, основаннаго на чувствѣ состраданія къ людямъ, именно представилъ его въ положительномъ и отрица-

тельномъ освѣщеніи, далъ намъ лицевую и оборотную сторону медали и больше съ него мы требовать не въ правѣ. Художникъ ставитъ вопросъ, а рѣшеніе его принадлежитъ уже другимъ—философамъ, моралистамъ, теоретикамъ, каждому, желающему выработать себѣ ясное представленіе объ основныхъ принципахъ жизни и дѣятельности. Произведенія искусства могутъ служить матеріаломъ для рѣшенія такихъ проблемъ, но отнюдь не должны представлять готовые рецепты. И г. Горькій, мудро воздержался отъ «рецепта». Выводы предоставлены читателямъ и зрителямъ, и какими бы они ни представились индивидуальному сознанію каждаго, при вдумчивомъ отношеніи къ содержанію пьесы, нельзя отказать ни въ глубинѣ, ни въ ширинѣ захвата поставленнаго вопроса, одного изъ самыхъ жгучихъ, основныхъ въ человѣческой дѣятельности—какъ относиться къ ближнимъ, сочувствуя имъ, но не принижая «жалостью», которая умѣстна только при любви, требуетъ особой осмотрительности, сердечной чуткости въ отношеніяхъ сильнѣйшаго къ болѣе слабому, и въ то же время не можетъ стать универсальнымъ средствомъ «исправленія жизни». Жалость есть то же, что благотворительность въ общественной организаціи: палліативъ необходимый, за отсутствіемъ другихъ мѣръ излеченія; но идеальное общество, конечно, не можетъ быть основано на принципѣ благотворительности и точно также нормальный, независимый человѣкъ нуждается не въ жалости, а только въ любви и сочувствіи.

Однако, пока мы очень далеки отъ всякаго идеала въ практическомъ его воплощеніи, пусть будутъ—и благотворительность, и «жалость», пусть человѣка добру научаютъ и внушаютъ ему, что «для лучшаго люди-то живутъ», что, какъ ни густы сумерки вокругъ насъ, «а все-таки... все-таки... впереди огни». Эта вѣра такъ же необходима, какъ и истинна. Смотря на какую почву сѣмя упадетъ: иной алкоголикъ и взаправду попадаетъ въ лечебницу, гдѣ вылечится отъ запоя; иной—дурной жизни человѣкъ, котораго испортили грубымъ къ нему отношеніемъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ выбраться на лучшій путь, если къ нему будутъ относиться съ довѣріемъ и помогутъ побѣдить въ самомъ себѣ пагубныя наклонности и т. д., и т. д. Все это «возможности», которыми брезгать нельзя. «Хитроумный» Лука отнюдь не лжепророкъ, а большой сердцевѣдъ, умѣющій глубоко проникать въ души людскія и заронить въ нихъ искру живительной вѣры. Если не всегда онъ въ состояніи, поманивъ, одновременно и «пути указать», то вѣдь, не забудемъ, самъ онъ тоже человѣкъ темный, убогій странникъ, безпаспортный бродяга, искатель, но, и блуждая средь потемковъ, онъ силенъ не столько своей проповѣдью въ практическомъ ея примѣненіи, какъ именно вѣрой, что «кто ищетъ—найдетъ!» Онъ и побуждаетъ, прежде всего, искать—въ чемъ правда, и какая правда «по недугу» человѣку.

Типъ Луки, быть можетъ, типъ переходнаго времени. Но кто можетъ утверждать, что мы достигнемъ настоящей правды и будемъ обходиться безъ дальнѣйшихъ «исканій»? Несмотря на крайности нѣкоторыхъ выводовъ Луки по пути этихъ исканій, несмотря на то, что авторъ, повидимому, ему не вполнѣ сочувствуетъ, мы все-таки усматриваемъ въ этомъ образѣ положитель-

ный типъ и вѣримъ, что ему принадлежитъ будущее. Къ тому же онъ очерченъ вполнѣ жизненно, реально, соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ типамъ въ жизни и является новымъ лицомъ въ нашей художественной литературѣ.

Что касается Сатина, то образъ этотъ, какъ уже было нами замѣчено, менѣе удался автору. Бывшій каторжникъ, опустившійся «на дно», онъ философствуетъ и жульничаетъ, жульничаетъ и философствуетъ, подъ конецъ какъ бы верховодитъ ночлежниками, но образъ его двоится, троится до неуловимости. Судился онъ за убійство оскорбителя чести своей сестры. Параллельный случай мы имѣемъ и въ упомянутыхъ очеркахъ г. Дорошевича, который разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ такимъ «Валентиномъ» на каторгѣ: сосланный на Сахалинъ за убійство, онъ, оказывается, сталъ убійцей, мстя за поруганную честь сестры и не захотѣлъ оправдываться на судѣ, чтобы не оглашать позора дѣвушки. На каторгѣ онъ уже сталъ форменнымъ жуликомъ и обвинялся неоднократно въ поддѣлкѣ и сбытѣ документовъ. «Первый-то разъ я по принужденію сдѣлалъ,—разсказываетъ онъ посѣтителю,—а дальше... дальше ужъ пошелъ. Три документа за вытертую, старую бобровую шапку краденую сдѣлалъ...» «Какъ они падаютъ!—восклицаетъ при этомъ авторъ.— Быстро. Перпендикулярно. Идутъ, какъ топоръ ко дну. Черезъ годъ, черезъ два, вы даже по внѣшности не узнаете, что передъ вами существо, у котораго на груди можно повѣсить надпись: «здѣсь когда-то жилъ интеллигентный человѣкъ»». Сравнивая съ этимъ «Валентиномъ» имѣвшаго одинаковую съ нимъ судьбу Сатина, мы съ трудомъ представляемъ себѣ въ его устахъ афоризмы въ родѣ того, что «человѣкъ—это звучитъ гордо! Человѣкъ—это великолѣпно» и т. п. Конечно, случаи могутъ быть разные, но мы пожелали бы большей убѣдительности типа и большей ясности въ его обрисовкѣ.

Автору поставили въ упрекъ повторяемость нѣкоторыхъ мотивовъ въ этой пьесѣ, сравнительно съ сюжетами въ его прежнихъ очеркахъ, а также то, что онъ по временамъ самъ говоритъ устами своихъ героевъ, высказываетъ вещи «отъ себя», что не всегда вяжется съ объективной правдой образа. Повторяемость мотивовъ (въ общемъ, все же весьма незначительная) и даже нѣкоторыхъ психологическихъ чертъ не можетъ служить обвиненіемъ противъ автора, который, избравъ новую форму творчества, использовалъ кое-что изъ раньше имъ созданнаго. Общій замыселъ пьесы и цѣлый рядъ дѣйствующихъ лицъ (баронъ, актеръ, Бубновъ, Яшка, семья Костылевыхъ и т. д.), во всякомъ случаѣ, даетъ новое, хотя мы встрѣчаемся опять съ «бывшими людьми». Нѣкоторая повторяемость при описаніи однородной среды неизбѣжна, какъ повторяются «Титъ - Титовичи» и свахи въ пьесахъ изъ купеческаго быта Островскаго, какъ однородна характеристика духовныхъ лицъ въ произведеніяхъ Лѣскова, какъ повторяются «мелкіе люди» въ разсказахъ г-на Альбова, какъ... но излишне продолжать: примѣры повторяемости встрѣчаются и у просто талантливыхъ и у великихъ писателей, такъ какъ естественно, что каждый писатель, ближе всего изучившій, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, извѣстный слой общества, по преимуществу останавливается на нѣкоторыхъ чертахъ, особенно поразившихъ его, пользуется пріемами письма,

свойственными ему по преимуществу. Разнообразятся положенія, детали; новое сказывается въ замыслѣ цѣлаго, но матеріалъ обработки можетъ быть кое въ чемъ и прежній. Развѣ мы не видимъ у живописцевъ,—и первоклассныхъ—повтореніе нѣкоторыхъ фигуръ, какого-нибудь поворота тѣла (напр., наклонъ шеи у Гвидо Рени), устойчивость облюбованнаго типа въ цѣломъ рядѣ картинъ? Повтореніе лишь тогда предосудительно, когда художникъ или писатель какъ бы списываетъ у самого себя: ничего подобнаго въ пьесѣ г. Горькаго нѣтъ и никакія «хрестоматіи» не могутъ убѣдить насъ въ противномъ.

Что касается упрека въ томъ, что авторъ вкладываетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ своей драмы замѣчанія «отъ себя», то съ подобнаго рода обвиненіями необходима большая осмотрительность, иначе они представляются голословными, а порою свидѣтельствуютъ о неправильномъ усвоеніи даннаго авторомъ образа. Н. К. Михайловскій указалъ на неумѣстность слѣдующаго замѣчанія татарина, строгаго блюстителя Корана и «законника»: «Магометъ далъ коранъ,—говоритъ татаринъ,—сказалъ: вотъ законъ! Дѣлай, какъ написано тутъ! Потомъ *придетъ время,—коранъ будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... Всякое время даетъ свой законъ* (курсивъ г. Михайловскаго)». «Это, конечно, слова не вѣрующаго мусульманина, а самого г. Горькаго,—замѣчаетъ г. Михайловскій,—слова, выдѣляющіяся изъ рѣчи татарина, какъ заплатка совсѣмъ другого цвѣта. Подобныя заплаты занимаютъ у г. Горькаго иногда цѣлыя страницы, цѣлые ряды страницъ» и т. д. (l. c., 98). Напрасно уважаемый критикъ такъ спѣшитъ съ обобщеніями, не справившись, какъ возникла эта «заплата» и дѣйствительно ли она такъ неумѣстна? Дѣло въ томъ, что въ самомъ Коранѣ есть мѣста, которыя не только вполнѣ оправдываютъ автора въ томъ, что онъ приписалъ татарину приведенныя фразы, но послѣднее выраженіе татарина почти буквально воспроизводитъ текстъ Корана: «*На всякое время своя священная книга*» (гл. XIV «Громъ», стихъ 38) *). Замѣчаніе татарина, въ общемъ, кажется противорѣчивымъ тому духу религіозной нетерпимости, который мы привыкли связывать съ нашими представленіями объ исламѣ, какъ историческомъ явленіи. Однако, этой нетерпимости на самомъ дѣлѣ уже давно нѣтъ у нашихъ мусульманъ и непосредственное знакомство съ текстомъ Корана, который заучивается всѣми «правовѣрными», могло привести и къ иному пониманію взаимоотношенія разныхъ религій настоящихъ и будущихъ. Въ самомъ дѣлѣ и въ Коранѣ неоднократно Магометъ, устанавливая свое отношеніе къ прежнимъ вѣроученіямъ, которое магометанство восприняло, выражается настолько обще, что въ индивидуальномъ толкованіи какого-нибудь начетчика его слова могутъ получить и иное значеніе, именно—въ указанномъ г. Горькимъ смыслѣ. «*Всякій народъ имѣлъ своего пророка*,—читаемъ мы въ книгѣ Іона (Коранъ, l. c., стр. 150, ст. 48); когда пророкъ являлся также и къ нимъ, то споръ былъ рѣшаемъ справедливо и они не будутъ судимы неправедно». «*Для всякаго народа мы установили обычай...*»

---

*) Цитуемъ по переводу Корана Магомета г. Николаева (Москва, 1865), за неимѣніемъ подъ рукой другого перевода (стр. 178, ст. 38).

«Если тебя обвинятъ въ обманѣ, о Магоммедъ! Размысли, что до нихъ народы Ноя, Ада, Темуда, Авраама, Лота, Медіонитяне обвиняли своихъ пророковъ въ томъ же. Моисей тоже былъ сочтенъ обманщикомъ» (l. c., стр. 242, ст. 43). «*Мы постепенно посылали апостоловъ.* Каждый разъ, какъ посылаемый являлся передъ народомъ, этотъ считалъ его за обманщика *Мы повелѣвали одному народу наслѣдовать другому*» (стр. 248, ст. 46). «О, вы, которые получили Писанія! Зачѣмъ спорите объ Авраамѣ? Пятикнижіе и Евангеліе ниспосланы свыше долго спустя послѣ него. Не поймете ли вы это когда-нибудь» (стр. 46, ст. 58). Приведенныя выраженія могли запасть въ голову какому-нибудь мусульманину и привести къ естественному изъ нихъ выводу, что, какъ было въ прошломъ, такъ случится и въ будущемъ—«время дастъ свой законъ, новый». Пусть такое толкованіе представляется ересью съ точки зрѣнія «ортодоксальнаго мусульманства»,—оно возможно; оно характеризуетъ живое, индивидуальное пониманіе заученныхъ текстовъ, которые не всегда же усвоиваются въ ихъ цѣлостности и въ связи съ основными догматами даннаго вѣроученія. Это не «заплата», скрывающая по выраженію г. Михайловскаго, «подлинную одежду изображаемаго лица», а именно характерная черта живого лица, съ котораго только снята «условная» одежда, принимаемая за подлинную лишь по традиціоннымъ представленіямъ. А главное, что такая вставка правдоподобна, ибо не произвольна, а указана текстомъ того самаго Корана, на который ссылается татаринъ, въ возможномъ личномъ его толкованіи (если не самъ «крючникъ» дошелъ до этихъ выводовъ, то онъ могъ ихъ услышать отъ какого-нибудь толкователя Писанія, каковые имѣются же и среди татаръ, пишущіе и пропагандирующіе свои воззрѣнія). Татаринъ-крючникъ, слѣдующій основному правилу своего вѣроученія, что надо дѣйствовать «по закону», жить «честно», во всякомъ случаѣ живое лицо, и если онъ лично вѣрилъ истинности своего исповѣданія, то усвоилъ изъ Корана мудрое изреченіе: «Въ религіи нѣтъ принужденія. Истинный путь довольно отличается отъ заблужденія» (стр. 35, ст. 257).

Мы не знаемъ о какихъ «страницахъ» и даже «цѣлыхъ рядахъ страницъ» говоритъ г. Михайловскій, но если допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, дѣйствительно, «досказываетъ» устами своихъ героевъ воззрѣнія, лично ему симпатичныя или важныя для его цѣли, то весь вопросъ въ томъ, какъ это сдѣлано.

Нужно ли при этомъ напоминать, что данный «недостатокъ» усматривается и у величайшихъ писателей и объясняется тѣмъ, что творчество не есть фотографія и что художникъ въ рѣдкихъ случаяхъ только художникъ, а не стремится въ то же время быть толкователемъ своихъ образовъ и проводить черезъ нихъ извѣстныя идеи. Сколько разъ указывалось, что «ушки» Толстого какъ бы торчатъ за тѣмъ или другимъ изъ созданныхъ имъ образовъ. Есть все-таки существенная разница между тѣми прибавками, иногда не вполнѣ законными въ устахъ дѣйствующаго лица, которые позволяетъ себѣ авторъ-художникъ, и разсудочными, головными созданіями, фальшивыми по своей «придуманности»: г. Горькій, несомнѣнно, *видѣлъ*

свои типы раньше, чѣмъ задумалъ свое произведеніе; работа воображенія предшествуетъ у него работѣ логическаго мышленія, и, будь онъ сколько угодно «публицистъ» по предположеннымъ у него наклонностямъ, онъ все-таки прежде художникъ, а потомъ толкователь явленій жизни. И это легко распознать: стоитъ отнять прибавки и фигуры все-же стоятъ передъ вами живыми и цѣльными, написанными съ натуры. У разсудочныхъ писателей, если отнять въ ихъ созданіяхъ то, что они хотѣли воплотить въ своихъ образахъ,—вся фигура немедленно расползется, такъ какъ она съ самаго начала была лишена плоти и крови. Не то у г. Горькаго, который имѣетъ огромное преимущество, что онъ близко знаетъ ту жизнь, которую описываетъ, а не судитъ объ ней лишь по книжкамъ. И многое новаго и неожиданнаго, что онъ раскрываетъ въ своихъ типахъ, представляется намъ, быть-можетъ, маловѣроятнымъ, хотя оно и дѣйствительно, потому, что мы склонны къ апріорнымъ сужденіямъ, мало считаясь съ фактами жизни.

Нѣкоторая рѣзкость контуровъ, сгущеніе красокъ, пожалуй, по временамъ, даже подчеркиваніе извѣстныхъ чертъ въ дѣйствующихъ лицахъ усматриваются въ произведеніи г. Горькаго, предназначенномъ для сцены, въ большей степени, чѣмъ въ его повѣстяхъ и очеркахъ: это сдѣлано отчасти въ виду требованій концентраціи впечатлѣнія, необходимой именно въ театральномъ произведеніи. Представляетъ ли театръ преимущества или стѣсненія для полноты художественнаго воспроизведенія жизни? Есть ли драма высшій или низшій видъ творчества? Это старый вопросъ, который мы не будемъ теперь рѣшать: о немъ написано немало, и когда-нибудь надѣемся къ нему вернуться. Театръ имѣетъ во всякомъ случаѣ преимущество большей наглядности и поэтому оказываетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на широкій кругъ зрителей. Уже съ этой точки зрѣнія врядъ ли возможно утверждать, чтобы г. Горькій сдѣлалъ «ложный шагъ», вступивъ на поприще драматурга. Если картины г. Горькаго не подходятъ подъ мѣрило обыкновенной, шаблонной драмы, но это не значитъ, чтобы онѣ не имѣли своего raison d'être.

Мы всѣ болѣе или менѣе, сознательно или безсознательно, слишкомъ начинены отголосками поэтики Аристотеля, его объясненіемъ, что драма, есть прежде, всего дѣйствіе, что каждое дѣйствіе имѣетъ начало, середину и конецъ и т. д., и т. д. Мы ищемъ въ произведеніи искусства органической цѣлостности, причинной связи событій, сплоченности эпизодовъ, отсутствія случайностей,—ищемъ во многомъ того, чего нѣтъ въ жизни, и выказываемъ себя въ большей степени раціоналистами, чѣмъ отдаленный предшественникъ и родоначальникъ раціонализма. Но подъ поэтику Аристотеля не подходятъ, какъ это давно уже указано, весьма многіе шедевры драматическаго творчества и прежде всего многія и изъ античныхъ драмъ. Раціоналистическая поэтика не есть во всякомъ случаѣ, единственная и универсальная. Новѣйшее драматическое искусство пошло по иному пути, и Горькій, вслѣдъ за другими современными драматургами, ищетъ новыхъ формъ болѣе непосредственнаго изображенія жизни такъ, какъ она есть, а не въ искусственной рамкѣ условныхъ пріемовъ драматической

композиціи. Онъ идетъ за Чеховымъ и вырабатываетъ новыя схемы. По двумъ произведеніямъ еще нельзя произнести окончательнаго приговора о томъ, что онъ можетъ создать въ области драмы.

Въ сценахъ «На днѣ» авторъ сразу приводитъ насъ къ моменту кризиса, который только ускоренъ случайными обстоятельствами, но мы прекрасно видимъ, что онъ неминуемо долженъ былъ наступить: цѣлая семья—мужъ, жена, сестра жены, ея возлюбленный гибнутъ у насъ на глазахъ, и въ трагической развязкѣ (какъ въ классическихъ французскихъ трагедіяхъ) съ достаточной ясностью обрисовывается вся предшествующая исторія этихъ людей, которая обусловила ихъ гибель. Случайностью можетъ представиться подслушанный Василисою разговоръ Васьки Пепла съ Наташей; случайностью кажется вмѣшательство Луки, побуждающаго Наташу согласиться на предложеніе Пепла; случайностью, во время обычной ссоры обѣихъ сестеръ-соперницъ, является ошпариваніе кипяткомъ; случайно убійство Костылева, котораго Пепелъ только толкнулъ слишкомъ сильно; по недоразумѣнію Наташа повѣрила словамъ Василисы, что все было сдѣлано по уговору, и отвернулась отъ жениха и т. д. Однако, всѣ эти случайности, если вникнуть въ ядро драмы, должны были рано или поздно произойти, въ той или другой формѣ, такъ какъ приданное имъ значеніе обусловлено психикой дѣйствующихъ лицъ: Василиса давно ревновала Пепла къ сестрѣ и старалась поймать его на измѣнѣ; давно Пепелъ остылъ къ Василисѣ и заглядывался на Наташу, и, хотя послѣдняя не любила его, она, вѣроятно, сама все-таки рѣшилась бы за него идти, такъ какъ, по замѣчанію Луки, вѣдь иначе куда ей дѣваться; и все-таки этотъ бракъ не могъ состояться потому, что Наташа не довѣряла Василію, не любила по настоящему и не могла ему повѣрить, зная про его связь съ сестрой, и неизбѣжно—не та, такъ другая случайность разстроила бы ихъ отношенія. При кажущейся отрывочности и безсвязности, сцены г. Горькаго тѣмъ не менѣе тѣсно сплетаются сѣтью психологическихъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ и, нарушивъ формальный кодексъ «правилъ» Аристотеля, авторъ все-таки представляетъ намъ развязку «по необходимости или вѣроятію», какъ совѣтовалъ древній законодатель драмы. Но исторія названной семьи составляетъ только эпизодъ въ картинѣ: множество дѣйствующихъ лицъ привлекаютъ самостоятельно наше вниманіе. Они нужны для другой, болѣе общей цѣли автора; они появляются передъ нами, какъ случайное общество постоялаго дома или «ночлежки», но каждое изъ нихъ обладаетъ специфическими чертами, вслѣдствіе которыхъ они какъ бы проясняютъ и восполняютъ другъ друга, по контрастамъ, или по ихъ взаимоотношеніямъ. Далѣе, такъ какъ жизнь непрерывна, то и дѣйствіе заканчивается по виду также, какъ оно началось: нѣтъ традиціоннаго «финала» и, какъ мы видѣли, этотъ умѣлый пріемъ автора заставилъ нѣкоторыхъ думать, что безъ финала нѣтъ и драмы и что въ концѣ пьесы мы остаемся на томъ же, съ чего начали и что такъ можно продолжать до безконечности. Да вѣдь и на самомъ дѣлѣ жизнь въ ночлежкахъ продолжается все въ тѣхъ же одноформенныхъ, однотонныхъ рамкахъ: авторъ пожелалъ сохранить это впечатлѣніе,

вызвать его въ зрителѣ. Ему весьма не трудно было бы сосредоточить интересъ въ интригѣ и эффектно закончить разгромомъ ночлежки и судомъ надъ хозяйкой. Но этотъ театральный эффектъ былъ бы неправдой: пусть вдумчивый зритель самъ ощутитъ, отыщетъ разницу между началомъ и концомъ пьесы, при кажущейся и «всамдѣлешной» неизмѣнности внѣшнихъ очертаній: жизнь, съ общественной точки зрѣнія, непрерывна; авторъ имѣлъ въ виду не столько психологическую драму, какъ именно картины общественнаго значенія, что онъ и далъ намъ почувствовать.

Напослѣдокъ еще одно замѣчаніе: возбужденъ былъ вопросъ о томъ, что Горькій уже использовалъ цѣликомъ матеріалъ изъ міра босяковъ; по выраженію Н. К. Михайловскаго, авторъ именно въ «На Днѣ» исчерпалъ своихъ героевъ «до дна» и ему предстоитъ «либо безъ конца варіировать одни и тѣже типы, одни и тѣже мотивы, либо направить свое вниманіе въ какую-нибудь другую сторону («Русск. Бог.», l. с., 96). Это утвержденіе довольно смѣло. Разумѣется, если авторъ «направитъ свое вниманіе въ другую сторону»—это его дѣло и его добрая воля, но мы нѣсколько недоумѣваемъ, чтобы человѣка въ какой бы то ни было сферѣ возможно было такъ быстро «исчерпать до дна». Въ среду «бывшихъ людей» попадають разные типы, изъ разныхъ слоевъ общества, по преимуществу же — изъ «міра отверженныхъ». Можно ли утверждать, что когда-либо этотъ міръ пересталъ привлекать вниманіе потому, что все про него уже извѣстно? Больше сорока лѣтъ прошло со времени появленія въ свѣтъ «Записокъ изъ мертваго дома», однако, и Достоевскій, оказывается, не могъ «исчерпать» міра отверженныхъ, къ которому послѣ него обращался и г. Короленко, создавшій вполнѣ оригинальные образы и «Соколинца», и Яшки (въ «Подслѣдственномъ отдѣленіи») и цѣлый рядъ типовъ, намѣченныхъ въ его сибирскихъ очеркахъ; описывалъ этотъ міръ и г. Мельшинъ, не повторяя Достоевскаго; А. П. Чеховъ со своей точки зрѣнія взглянулъ на «Сахалинъ» и его мастерское описаніе быта каторжниковъ не помѣшало, однако, новымъ, талантливымъ страницамъ г. Дорошевича, посвященнымъ той же средѣ, тѣмъ же «отверженнымъ». Г. Дорошевичъ намѣтилъ даже цѣлыя категоріи типовъ, которые образуютъ оригинальную группировку обитателей каторги, съ характерными прозвищами, которые въ грубой, элементарной формѣ представляютъ, однако, большую аналогію съ однородными, по психическимъ свойствамъ, типами, которыхъ мы встрѣчаемъ въ нашемъ обществѣ: всѣ эти «Иваны», «храпы», «жиганы», «асмодеи», «крохоборы», «хамы», «поддувалы»... какое богатство и мѣткость эпитетовъ для обозначенія различныхъ характеровъ и типовъ, далеко еще не использованныхъ полностью въ художественной литературѣ.

Мы слышали мнѣніе, что у г. Дорошевича нѣкоторыя очерченныя имъ личности представляютъ болѣе глубокое «дно» человѣка», чѣмъ герои въ «Днѣ» Горькаго, и послѣднему предстоитъ еще дальше проникнуть въ сущность человѣческой природы, чтобы представить человѣка во всей его «наготѣ». Да и вообще, сдается намъ, человѣкъ никогда не можетъ быть «исчерпанъ», въ какой бы средѣ и при какихъ условіяхъ мы его ни разсматривали.

М. Горькій именно ищетъ «человѣка» и въ его паденіи. Въ числѣ же «падшихъ», «отверженныхъ», въ средѣ «бывшихъ людей», какъ и между обитателями «Мертваго дома», попадается, какъ это отмѣтилъ Достоевскій,—«необыкновенный народъ». «Вѣдь это, писалъ авторъ «Записокъ изъ мертваго дома»,—можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный изъ всего народа русскаго! Но погибли даромъ могучія силы... а кто виноватъ! То-то кто виноватъ!»—И мы только тогда повѣримъ, что, въ частности, будетъ исчерпанъ міръ героевъ г. Горькаго, когда не будетъ самого «дна». Желать этого мы можемъ и, конечно, не любоваться типами опустившихся на «дно» приглашаетъ насъ талантливый драматургъ, впервые представившій намъ ихъ на сценѣ—въ серіозномъ, внушающемъ произведеніи,—тогда какъ до Горькаго эти личности составляли достояніе лишь мелодрамъ,—а содрогнуться при видѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ, которые, въ какую бы позу они ни становились, какой бы видъ ни старались принять,—гордый, равнодушный, безпечный, озлобленный, больше всего напоминаютъ мрачныя тѣни дантовскаго «Ада». Съ «комедіей» итальянскаго поэта имѣетъ много общаго по замыслу и «идея» картинъ г. Горькаго. Только парализующая тенденція Данте и его представленіе о возмездіи уступили мѣсто инымъ запросамъ, и новый, современный адъ, о которомъ мы узнаемъ съ подмостокъ театра, находится не подъ землей; онъ не спускается кругами въ преисподнюю; онъ на одной поверхности съ нами; онъ около насъ; мы каждый день можемъ зайти взглянуть на него воочію, только при этомъ не съумѣемъ, конечно, проникнуть въ его тайники, раскрывающіеся передъ нами лишь при посредствѣ интуиціи художника.

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

«Желѣзный» съѣздъ. 27-го апрѣля окончилъ свои занятія съѣздъ, созванный въ Петербургѣ для выработки мѣропріятій къ возможно широкому распространенію желѣза въ Россіи. Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ спеціальный съѣздъ, съ его чисто спеціальными задачами, вынужденъ былъ выйти за предѣлы своей программы и приступить къ обсужденію такихъ вопросовъ, которые, казалось, ничего общаго съ задачами съѣзда имѣть не могутъ. Въ этомъ отношеніи «желѣзный» съѣздъ напомнилъ постановленія бывшаго съѣзда дѣятелей по кустарной промышленности, который также былъ вынужденъ ставить болѣе общіе вопросы, безъ рѣшенія которыхъ, по его мнѣнію, немыслимо улучшеніе такого частнаго вопроса, какими является кустарная промышленность. Настоящій «желѣзный» съѣздъ также нашелъ нужнымъ указать на два общіе вопроса, безъ рѣшенія которыхъ нельзя рѣшить вопросъ о возможно-широкомъ распространеніи желѣза въ Россіи. Первый вопросъ—это печальное экономическое положеніе народной массы, которая не можетъ при настоящихъ условіяхъ явиться крупнымъ потребителемъ желѣза, а второй—народное невѣжество, которое если и не является одной изъ главныхъ причинъ экономическаго обнищанія, то, во всякомъ случаѣ, служитъ серьезнымъ тормазомъ къ улучшенію условій народной жизни. Въ частности съѣздъ обратилъ вниманіе на положеніе рабочихъ въ русской желѣзной промышленности,—которое находится въ генетической связи съ вопросомъ объ улучшеніи самой промышленности.

Для возможно быстраго осуществленія подъема культурнаго уровня рабочихъ необходимо, по мнѣнію съѣзда, привлеченіе къ дѣлу народнаго образованія возможно большаго числа интеллигентныхъ силъ и облегченіе организаціи какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго обученія. Затѣмъ, по мнѣнію съѣзда, необходимо созданіе условій, обезпечивающихъ лучшую обстановку жизни рабочихъ желѣзной промышленности, и въ томъ числѣ созданіе страхованія рабочихъ и рабочихъ организацій взаимопомощи. Необходимо, кромѣ того, выработать такія правовыя нормы, которыя обезпечивали бы болѣе правильное взаимоотношеніе между предпринимателями и рабочими, и при кото-

рыхъ рабочіе группы могли бы отстаивать свои интересы, какъ коллективныя единицы, объединенныя общностью работы и жизненныхъ условій.

Послѣ осуществленія главнѣйшихъ изъ намѣченныхъ пожеланій русская желѣзная промышленность получитъ, по мнѣнію съѣзда, возможность «спокойно и безъ боязни потрясеній выполнять свою плодотворную задачу — распространеніе желѣза въ Россіи».

Законодательство о сектантахъ. Интересный докладъ о дѣйствующемъ законодательствѣ о сектантахъ сдѣлала г-жа В. И. Ясевичъ-Бородаевская въ засѣданіи юридическаго общества 18-го апрѣля. На ряду съ профессорами и выдающимися юристами на засѣданіи было много представителей различныхъ сектъ, которые съ рѣдкимъ вниманіемъ слушали объ интересномъ и близко касающемся ихъ вопросѣ. Сущность доклада г-жи Ясевичъ-Бородаевской сводится къ слѣдующему:

«Расколъ отъ сектантства принято раздѣлять и въ обыденной жизни, и въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія; при этомъ подъ расколомъ подразумѣвается то движеніе, которое со временъ Никона борется за свое существованіе и крѣпко держится традицій древне-православной Руси, именуя себя старообрядчествомъ, тогда какъ сектантство въ основу своего вѣроученія кладетъ только Евангеліе, или придерживается лишь одного Ветхаго Завѣта. Сектанты ничего общаго ни съ догматами, ни съ обрядами, ни съ преданіями православной церкви не имѣютъ. Законъ же, издавна считая раскольникомъ всякаго отклонившагося отъ православія, подъ этимъ общимъ наименованіемъ совмѣщаетъ и объединяетъ два совершенно противоположныя и по свойствамъ, и по задачамъ, религіозныя теченія, т.-е. и старообрядчество, и сектантство. Это недоразумѣніе, основанное на различныхъ точкахъ зрѣнія двухъ работающихъ въ одномъ направленіи правительственныхъ силъ, вѣдомствъ православнаго исповѣданія и свѣтскаго законодательства, дало возможность, при одностороннемъ толкованіи закона, по усмотрѣнію лишать отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыя общины гражданскихъ правъ и даже игнорировать вовсе религіозное движеніе, ростъ и значеніе котораго въ послѣдніе годы настолько окрѣпли, что нельзя уже съ нимъ не считаться. Первый періодъ возникновенія раскола старообрядчества (примѣнительно къ терминологіи законодательства подъ именемъ раскола разумѣются всѣ секты: и старообрядцы, и сектанты) почти до 1714 г. отличался чрезвычайно строгими, даже жестокими мѣропріятіями. Мы имѣемъ цѣлые томы законодательныхъ постановленій, но всѣ они отличаются характеромъ случайнымъ, такъ какъ касаются лишь отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ районовъ, съ которыми приходилось считаться.

«Законодательство по вопросу о расколѣ всѣхъ сектъ двигается чрезвычайно медленно. Общихъ законовъ мы не видимъ до 1864 г., когда былъ образованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Панина; труды его не отразились на законѣ 1864 г.; по смыслу этого закона почти всѣ секты попали въ разрядъ особо вредныхъ. Послѣ перевода Библіи на русскій языкъ создалось сближеніе двухъ чуждыхъ народностей нѣмца-колониста и русскаго крестьянина

на почвѣ духовной. На сцену выступило шалопутство, и бранная кличка шалопутъ стала у насъ переплетаться съ кличкой штундистъ. Появившись сначала на страницахъ духовныхъ журналовъ, она превратилась въ штундо-баптиста, изъ малеванца сдѣлала штундо-малеванца и разрослась теперь до крайнихъ размѣровъ, а въ силу закона 1894 г. совершенно утратила безобидное значеніе. Возвращаясь къ законодательству, приходится указать, что потребовалось ровно 10 лѣтъ, пока опять былъ поднятъ вопросъ о гражданскихъ правахъ католиковъ. Законъ 19-го апрѣля 1874 г. предоставляетъ старообрядцамъ существенныя льготы по благоустройству семейной жизни, но обставилъ эти льготы обременительными формальностями. Благодѣтельное дѣйствіе закона 1883 г., предоставившаго раскольникамъ всѣхъ сектъ право богослуженія, было ввѣрено административной практикѣ. На основаніи Высочайше утвержденнаго 1894 г. положенія комитета министровъ, секта штундистовъ признана болѣе вредной, съ воспрещеніемъ послѣдователямъ ея общественныхъ молитвенныхъ собраній, дозволенныхъ раскольникамъ предыдущимъ закономъ».

Докладчица указала на замалчиваніе самого существованія русскаго баптизма, на постановку дѣлъ съ «экспертами», призываемыми на помощь мировымъ судьямъ въ дѣлахъ о сектантахъ. Эти люди, несмотря на свою extra-политическую благонадежность, въ глазахъ духовенства являются безпокойнымъ элементомъ, а потому особенно къ русскимъ баптистамъ и примѣняется «универсальное орудіе борьбы—обвиненіе въ штундизмѣ. Особенно много ошибокъ и ненормальностей по отношенію къ сектантамъ дѣлается въ судахъ земскихъ начальниковъ. Много бѣдъ сектантамъ приноситъ невыясненность, напримѣръ, какое количество присутствующихъ составляетъ общественное молитвенное собраніе: соберутся 2—3 сектанта, чтобы потолковать о своихъ домашнихъ дѣлахъ, а застанутъ ихъ за чтеніемъ Евангелія—уже готовъ протоколъ о процессѣ съ цѣлымъ рядомъ судебной волокиты. Намѣчая необходимость ряда мѣропріятій и законоположеній по отношенію къ сектантамъ, докладчица указала на необходимость удовлетворенія ходатайствъ сектантовъ о внесеніи бракосочетаній, рожденій и смерти ихъ членовъ въ метрическія книги и примѣненіи къ нимъ закона 19-го октября 1874 г., не взирая на степень вредности ихъ ученія. Кромѣ этого, выдвигаются на очередь вопросы объ административной ссылкѣ сектантовъ.

Заводскій врачъ. Въ «Донской Рѣчи» напечатано слѣдующее письмо служащаго на заводѣ «Русскій Провидансъ» въ Маріуполѣ Р. Сторинскаго:

«29-го декабря прошлаго года, я проходилъ мимо машины, которая дробитъ жженный камень. Когда рабочіе бросали въ ковшъ камни, одинъ изъ камней случайно попалъ въ маховикъ и, выскочивъ изъ него, ударилъ меня прямо въ грудь. Я потерялъ сознаніе и очнулся только въ заводской больницѣ.

На второй день послѣ ушиба начальникъ отдѣленія, опросивъ всѣхъ рабочихъ, которые находились при котлѣ, и получивъ точныя свѣдѣнія объ увѣчьѣ, сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе врачу.

Какъ только врачъ г. Медалье прочиталъ, очевидно, непріятную для него

бумажку, онъ явился ко мнѣ въ комнату, одинъ, безъ фельдшера, и повелъ такую рѣчь:

— Я не признаю у тебя никакого увѣчья. У насъ ушибомъ называется, когда оторветъ руку или ногу! А у тебя, слава Богу, и руки, и ноги совершенно цѣлы.

Такъ продолжалось три дня. Докторъ все убѣждалъ меня, что я ничуть не ушибленъ. Я же старался убѣдить его, что чувствую себя очень нехорошо, не взирая на цѣлыя руки и ноги...

Пролежалъ я въ больницѣ до 23-го января с. г. и все время докторъ обращался со мною очень грубо, и, кромѣ рѣзкостей и брани, я отъ него ничего не слышалъ.

Однако, надо было подумать и о будущемъ, о своей судьбѣ и о судьбѣ своей семьи. Я обратился къ врачу съ просьбой дать мнѣ записку въ главную контору о правѣ моемъ на половинное жалованье, какъ полагается всѣмъ увѣчнымъ.

На это г. Медалье отвѣтилъ:

— Я не дамъ тебѣ никакой записки, потому что у тебя неизлечимая болѣзнь. И лечить тебя не желаю.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ отлучиться часа на два къ директору завода. Я буду просить его о пособіи...

Докторъ замахалъ руками и головой.

— Да убирайся ты отсюда совсѣмъ. Все-равно я не буду лечить тебя...

Что тутъ было дѣлать? Кое-какъ я добрался до конторы и обратился съ просьбой къ помощнику директора г. Туманову.

Тумановъ заявилъ, что необходимо посовѣтоваться съ докторомъ и предложилъ зайти на другой день.

Спускаясь со второго этажа и потерявъ послѣднія силы, я не могъ удержаться на ногахъ и полетѣлъ съ лѣстницы и расшибся до крови.

Тогда г. Тумановъ распорядился, чтобы меня на заводскій счетъ отправили на квартиру.

На другой день я вновь явился въ главную контору къ г. Туманову.

Увидѣвъ меня, онъ сейчасъ же началъ переговоры по телефону съ заводскимъ врачомъ.

Что говорилъ докторъ,—не знаю, но я отлично запомнилъ, что отвѣчалъ ему г. Тумановъ:

— Какое намъ дѣло защищать интересы страхового общества? Почему вы такъ заботитесь о немъ? Мы застрахованы, мы платимъ страховую премію, а кто и почему требуетъ, это не наше дѣло...

Затѣмъ г. Тумановъ выслушалъ доктора и вновь возразилъ:

— Я ничего не знаю. Вы должны выдать ему записку, чтобы онъ получилъ съ страхового общества «Россія» слѣдуемую сумму. Я же со своей стороны выдамъ ему пособіе изъ штрафной кассы.

Мнѣ выдали 20 рублей, и затѣмъ г. Тумановъ приказалъ отправиться въ больницу къ врачу за запиской на полученіе изъ главной конторы половиннаго жалованья.

*

И я вновь, со страхомъ уже, отправился въ больницу. Завидѣвъ меня еще издали, докторъ до того разозлился, что не въ состояніи былъ написать записки.

Руки его дрожали, онъ кусалъ свои длинные усы и все твердилъ, что мнѣ не слѣдуетъ половиннаго жалованья...

— Какъ же не слѣдуетъ?—возражалъ я.—Вѣдь составленъ протоколъ объ увѣчьѣ. Свидѣтелей допросилъ начальникъ отдѣленія...

— Ну, такихъ свидѣтелей можно купить за рюмку водки или за пять копѣекъ!..

Записку, однако, я все-таки получилъ, а вмѣстѣ съ нею и половинное жалованье, на которое началъ лечиться у маріупольскихъ врачей.

Всѣ они признали несомнѣнное увѣчье, но свидѣтельство никто не хотѣлъ дать по причинамъ, мнѣ неизвѣстнымъ и непонятнымъ.

Я продолжалъ лечиться; однако, денегъ хватило не надолго и мнѣ вновь пришлось обратиться къ заводскому врачу съ просьбой о запискѣ, но на этотъ разъ онъ наотрѣзъ отказалъ.

Я отправился къ директору завода.

Тотъ немедленно распорядился выдать половинное жалованье за 14 дней.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ о вознагражденіи меня страховымъ обществомъ оставался открытымъ. Къ несчастью, г. горнаго инженера въ это время въ Маріуполѣ не было, онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Что было дѣлать? Я вновь отправился къ г. Медалье: авось, смилуется!

Въ больницѣ меня встрѣтилъ фельдшеръ.

— Что нужно?

— Я хочу видѣть врача.

— Для чего?

— Хочу просить о выдачѣ удостовѣренія для представленія страховому обществу.

— Хорошо, спрошу...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и заявилъ:

— Докторъ не желаетъ тебя видѣть.

Но, ради Бога! Не умирать же мнѣ!...

Въ это время появился г. Медалье. Я бросился къ нему.

— Умоляю васъ, дайте удостовѣреніе объ увѣчьѣ, или, наконецъ, дайте записку о моей трудоспособности. Я буду работать, сколько силъ хватитъ. Вѣдь, безъ вашей записки не могутъ принять на работу.

— Ничего не дамъ: ни объ увѣчьѣ, ни о здоровьѣ, потому что ты — больной... Неспособенъ къ труду...

— Такъ напишите же, что я неспособенъ... Вѣдь вы уже не въ первый разъ объ этомъ говорите...

Докторъ повернулся и хотѣлъ уйти.

— Ради Бога! —закричалъ я.—Не дайте умереть! Говорите со мной по-человѣчески!..

И докторъ заговорилъ со мною по-человѣчески.

Онъ размахнулся и хватилъ меня кулакомъ въ грудь. Это меня до того возмутило, что я замахнулся палкой, но фельдшеръ, провизоръ и другіе люди, которые были тутъ, схватили меня, а докторъ началъ бить меня тою же палкой по рукамъ и по всему тѣлу...

Больные это видѣли и нѣкоторые закричали:

— Разбойники! Вы убить хотите человѣка!..

И теперь нахожусь я въ ожиданіи.

Дадутъ-ли мнѣ пособіе, или посадятъ въ тюрьму?..»

Комментаріи излишни...

Рабочіе-торфяники. «Влад. Газета» указываетъ на тѣ поистинѣ невозможныя условія, въ какихъ живутъ и работаютъ рабочіе-торфяники въ Орѣховѣ-Зуевѣ, Владимірской губерніи, гдѣ на разработкѣ торфа занято нѣсколько тысячъ пришлыхъ рабочихъ. Добываніе торфа, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ тяжелыхъ, по условіямъ труда, работа: рабочій стоитъ по поясъ въ водѣ или болотной грязи. Работу начинаетъ чуть забрезжитъ свѣтъ, съ 3—4 часовъ утра, и кончаетъ въ 8—9 часовъ вечера, не имѣя почти отдыха въ обѣденное время. Рабочій за день перекидаетъ или перевезетъ нѣсколько сотъ, если не тысячъ, пудовъ жидкой торфяной массы. Цѣна на трудъ дешевая: въ цѣлое лѣто заработокъ торфяника, за вычетомъ харчей и пр., не свыше 50—60 руб.; лишь только благодаря обилію мясной пищи, можетъ поддерживаться въ немъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ нечеловѣческая мускульная энергія.

Жилища торфяниковъ напоминаютъ что-то въ родѣ конюшенъ: спятъ въ нихъ вповалку; грязь, вонь и пр.; о гигіенѣ и санитаріи не можетъ быть тамъ и помину. По окончаніи тяжелаго рабочаго дня торфянику лишь бы поскорѣе отдохнуть, уснуть, поэтому о чистотѣ и говорить нельзя. Хорошей питьевой воды для рабочихъ не существуетъ, да и негдѣ ее взять, такъ какъ жилища ихъ устраиваются въ центрѣ болотъ. Бань также нѣтъ (за послѣднее время стали строиться кое-гдѣ); благодаря этому они за лѣто прямо «паршивѣютъ», появляется масса накожныхъ заболѣваній, и ихъ, какъ они выражаются, «заѣдаетъ вша». Вообще, грязный и до невозможности неряшливый видъ торфяника нашему фабричному городскому обывателю кажется чѣмъ-то дикимъ, какъ будто бы эти люди—выходцы съ острова Явы. Моются торфяники тутъ же, въ болотной, грязной водѣ. Медицинская помощь находится въ зачаточномъ состояніи. На громадныхъ Верейскихъ болотахъ фабрики Викулы Морозова, на которыхъ работаютъ иногда свыше 1.000 человѣкъ, нѣтъ не только постояннаго врача и больницы, но даже не имѣется и хорошо устроеннаго фельдшерскаго пункта—пріемной. Это на такой громадной фабрикѣ, что же происходитъ въ этомъ отношеніи на болѣе мелкихъ фабрикахъ? Тамъ о медицинской помощи торфяникамъ никогда и не думали!

День отдыха служитъ днемъ пьянства, въ которомъ они забываютъ все... Безпросвѣтная жизнь, естественно, рождаетъ пьянство. Наемъ торфяниковъ происходитъ въ зимнее время, въ самое тяжелое для крестьянъ время. Фабрики посылаютъ по деревнямъ своихъ агентовъ, которые законтрактовываютъ ихъ

на какихъ угодно условіяхъ. Если дѣло идетъ туго, то въ ходъ пускается водка. Голодъ и отсутствіе средствъ существованія заставляютъ ихъ соглашаться на какія угодно агентамъ условія.

Назрѣла надобность урегулировать трудъ и условія этихъ работъ. Этотъ починъ должны взять на себя земства.

Какъ узнать писателя. Провинціальныя газеты передаютъ слѣдующій курьезный случай, бывшій недавно съ А. П. Чеховымъ во время его послѣдней поѣздки на родину въ Таганрогъ. Въ Царицынѣ А. П. зашелъ въ одну изъ донскихъ пароходныхъ конторъ купить билетъ для проѣзда на пароходѣ отъ Калача до Ростова. Скромный на видъ и разговорчивый, А. П. Чеховъ получилъ билетъ и разговорился съ конторщикомъ этого общества и подъ конецъ назвалъ свою фамилію. Знакомая каждому грамотному человѣку фамилія не могла не обратить вниманія.

О пребываніи писателя Чехова было донесено агенту, и тотчасъ же послѣдовало въ Калачъ извѣщеніе, что съ такимъ-то поѣздомъ выѣхалъ Чеховъ и пересядетъ въ Калачѣ на пароходъ. Агентъ этого общества въ Калачѣ былъ славный, добрый нѣмецъ, и полученное имъ сообщеніе смутило его до крайности: ѣхалъ въ Калачъ самъ писатель Чеховъ, но лично ему неизвѣстный, а надо встрѣтить и проводить его съ честью. Агентъ хлопоталъ, давалъ распоряженія, наказывалъ командиру, что съ ними поѣдетъ самъ Чеховъ. Всѣ знали, что на пароходѣ ѣдетъ Чеховъ, а узнать никто не могъ. Утромъ пароходъ «Волга» отвалилъ отъ пристани и вскорѣ же достигъ Царицынскаго переката, гдѣ началась пересадка пассажировъ съ одного парохода на другой. Между пассажирами былъ одинъ чахоточный господинъ съ женой, помѣстившійся тоже во второмъ классѣ. Неожиданная пересадка утромъ,—на зарѣ, холодъ вывели больного господина изъ себя, и онъ далъ почувствовать это. Онъ кричалъ, ругалъ все пароходство, команду парохода, обѣщалъ пропечатать въ газетахъ и наговорилъ много страшныхъ вещей. Командиръ и помощникъ чувствовали себя неловко, извинялись, просили мнимаго Чехова успокоиться и перевезли крикливаго господина въ отдѣльной лодкѣ чуть не сами. Въ дальнѣйшемъ пути выяснилось, что Чеховъ не этотъ господинъ, который кричалъ, ругался и обѣщалъ протянуть, «притащить сквозь газеты», а другой, все время сидѣвшій и ничего о себѣ не говорившій. Впослѣдствіи командиръ разсказалъ, какъ писатель Чеховъ ѣхалъ на пароходѣ по Дону, и чистосердечно сознался, что Чеховъ вовсе на писателя не похожъ: «проѣхалъ тихо, скромно и не ругался. Никто бы не узналъ его, если бы онъ самъ не сказалъ».

Оригинальный процессъ. «Русское Слово» сообщаетъ объ интересномъ судебномъ процессѣ, который въ скоромъ времени будетъ разбираться въ харьковскомъ окружномъ судѣ. Дѣло имѣетъ принципіальное значеніе.

Его возбудилъ присяжный повѣренный Е. И. Раппъ, который предъявилъ искъ къ редакціи «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» въ суммѣ 6 р. 75 к. Основаніемъ для иска послужилъ переходъ редактированія газеты изъ рукъ

г. Ефимовича въ руки профессора Остроумова и послѣдовавшее черезъ это коренное измѣненіе литературной физіономіи газеты. Исковое прошеніе г. Раппъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

«Около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ редактированіе неоффиціальнымъ отдѣломъ «Харьк. Вѣдом.» принялъ на себя г. Ефимовичъ; при немъ и его ближайшихъ сотрудникахъ газета эта приблизилась къ типу ежедневнаго политическаго, общественнаго и литературнаго органа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, содержаніе газеты, нося на себѣ, какъ и всякое произведеніе искусства отпечатокъ индивидуальнаго творчества руководителей ея, пріобрѣло и упрочило за собою совершенно опредѣленное качество. Послѣдними свойствами періодическаго изданія, какъ извѣстно, и руководствуются подписчики при выборѣ той или иной газеты. Указанный характеръ и общій тонъ «Харьк. Вѣд.» сохранили до послѣдняго времени и пріобрѣли себѣ извѣстный кругъ читателей, въ числѣ коихъ я состоялъ годовымъ подписчикомъ около 10 лѣтъ. Въ прошломъ 1902 году въ «Харьк. Вѣд.» въ №№ 309, 329, 330 и др. появилась обычная публикація объ открытіи подписки на 1903 годъ на «Хар. Вѣд.»—газету «политическую, общественную и литературную» съ указаніемъ тѣхъ же отдѣловъ, которые существовали и раньше. Прочитавъ это объявленіе, я, по примѣру прежнихъ лѣтъ, подписался и на 1903 годъ. Дѣйствительно, до 22-го марта сего года «Харьк. Вѣд.» продолжали давать читателямъ свой обычный матеріалъ, на который они вправѣ были разсчитывать при подпискѣ. Но, начиная съ номера отъ 22-го марта 1903 г., газета стала неузнаваема: отъ нея остались лишь заголовокъ и оффиціальная часть, общій тонъ газеты и характеръ содержанія—все настолько рѣзко измѣнилось, что эту новую газету уже никакимъ образомъ никто не можетъ назвать изданіемъ «политическимъ, общественнымъ и литературнымъ», характеристика которой, какъ сказано выше, такъ заманчиво для подписчиковъ красовалась въ объявленіяхъ о подпискѣ на «Харьк. Вѣд.» на 1903 годъ. Такая рѣзкая перемѣна, какъ оказалось, явилась послѣдствіемъ того, что взамѣнъ всего состава старой редакціи вступилъ новый. Такимъ образомъ, не оставалось сомнѣнія, что указанная рѣзкая перемѣна—явленіе не случайное и что нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать въ будущемъ какого-либо измѣненія содержанія. При такихъ обстоятельствахъ я, считая, что, заключая договоръ подписки на изданіе опредѣленнаго (въ главныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ) характера, я имѣю право требовать сохраненія его (въ тѣхъ же объемахъ) во все время теченія срока договора и что предложеніе чего-то, не имѣющаго ничего общаго съ тѣмъ изданіемъ, на которое я подписался, даетъ мнѣ основаніе и право считать договоръ подписки нарушеннымъ, я обратился 27-го марта съ просьбою къ новому редактору прекратить высылку газеты и войти куда слѣдуетъ съ представленіемъ о возвращеніи мнѣ денегъ по разсчету за 9 мѣсяцевъ. Не получивъ никакого отвѣта, я нахожусь вынужденнымъ обратиться въ судъ съ искомъ, цѣну котораго опредѣляю въ 6 р. 75 к.

«До разбора дѣла по существу покорнѣйше прошу произвести экспертизу черезъ свѣдущихъ людей—публицистовъ, въ подтвержденіе того, что при

нынѣшней редакціи «Харьк. Вѣд.» ничего не имѣютъ общаго съ прежними, и что къ нимъ никоимъ образомъ не можетъ относиться опредѣленіе «политическая, общественная и литературная газета».

Въ настоящее время, «Харьк. Губ. Вѣд.» составляются почти сплошь изъ однѣхъ перепечатокъ.

Первый провинціальный журналъ. «Русск. Вѣд.» приводятъ интересныя данныя о журналѣ «Уединенный Пошехонецъ», который издавался въ Ярославлѣ въ 1786 году подъ редакціей секретаря ярославскаго приказа общественнаго призрѣнія В. Д. Санковскаго.

Издателями журнала были: Н. Ѳ. Уваровъ, А. Н. Хомутовъ и Н. И. Коковцевъ, принадлежащіе къ числу наиболѣе просвѣщенныхъ людей своего времени и еще ранѣе открывшіе первую вольную типографію въ Ярославлѣ, пользуясь закономъ 13-го января 1783 г., разрѣшившимъ всѣмъ частнымъ лицамъ заводить типографію. Журналъ возникъ при ближайшемъ содѣйствіи и покровительствѣ (а, быть можетъ, даже и по иниціативѣ) тогдашняго ярославскаго намѣстника Алексѣя Петровича Мельгунова, одного изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей екатерининскихъ временъ.

Возникновеніе журнала въ серединѣ 80-хъ годовъ объясняетъ намъ и самый характеръ, который долженъ былъ носить «Уединенный Пошехонецъ». Это было время, когда въ русской журналистикѣ сатира отступила на второй планъ и періодическія изданія, сдѣлавшись чуждыми соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, поставили своею цѣлью служить «развлеченіемъ на досугѣ для покровителей наукъ».

Возникъ «Уединенный Пошехонецъ» при нѣсколько исключительныхъ условіяхъ: надъ нимъ была установлена своего рода цензура. Когда въ Ярославлѣ открылась вольная типографія, въ которой позднѣе печатался и «Уединенный Пошехонецъ», намѣстникъ счелъ, однако, необходимымъ обратиться къ мѣстному архіепископу Арсенію съ просьбой опредѣлить «особу ученую духовную», для исполненія обязанностей цензора; такъ какъ въ типографіи могли печататься иногда книги, «до закона и дѣлъ духовныхъ касательныя», то намѣстникъ желалъ, чтобы безъ освѣдомленія этой духовной особы «никакая вышеозначенная книга не выходила». Вотъ почему архіепископъ Арсеній, сотрудникъ «Уединеннаго Пошехонца», оказывалъ значительное вліяніе на нѣкоторыя статьи журнала: въ немъ печатались проповѣди Арсенія, «ярославскаго Златоуста», богословскія статейки и громовыя рѣчи противъ «вольнодумцевъ», ярославскихъ безбожниковъ. Такъ, напримѣръ, заподозрѣннымъ въ вольтеріанствѣ неизвѣстный піитъ въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» грозитъ ужасной карой на страшномъ судѣ, когда грѣшники попадутъ въ «челюсти ада».

Поставивъ своею задачей изучать по мѣрѣ возможности ярославскій край, «Уединенный Пошехонецъ» не отступилъ отъ своей программы и далъ очень много, любопытныхъ и для насъ, свѣдѣній по этому поводу: онъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о городахъ ярославскаго намѣстничества, даетъ подробное

описаніе географическаго положенія мѣстности, этнографическаго состава населенія, приводя статистическія и цифровыя данныя о существующихъ фабрикахъ, заводахъ, ярмаркахъ, о числѣ жителей, о занятіяхъ въ городахъ и уѣздахъ, даетъ въ то же время картину экономическаго благосостоянія края; онъ описываетъ, наконецъ, обычаи, нравы, повѣрія и вообще образъ жизни населенія. Существовалъ въ журналѣ и отдѣлъ благотворительности, гдѣ помѣщается отчетъ о пожертвованіяхъ... Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ перваго провинціальнаго журнала: издавался онъ въ небольшомъ форматѣ (немного болѣе in 8°), на сѣрой бумагѣ, съ множествомъ корректурныхъ ошибокъ; двѣнадцать тоненькихъ книжекъ составили два небольшихъ томика,—всего около 600 страницъ; имена издателей и редактора не помѣщались на обложкѣ, также не подписывались и помѣщенные въ немъ статьи, за рѣдкимъ исключеніемъ, когда подъ ними ставились иниціалы редактора Н. С. «Уединенный Пошехонецъ» издавался всего два года, откинувъ въ 1787 г. первую половину своего заглавія и именуясь просто «Ежемѣсячнымъ Сочиненіемъ»; со смертью намѣстника прикончилъ свое существованіе и журналъ.

«Уединенный Пошехонецъ» оправдалъ отчасти свое названіе: онъ, дѣйствительно, остался уединеннымъ и не повлекъ за собою подражанія въ провинціи; если не считать малозначущаго журнала, издававшагося въ Тобольскѣ съ 1789 по 1796 г., «Иртышъ», превращающагося въ «Ипокрену», и перепечатокъ, которыя дѣлались, напримѣръ, въ Орлѣ съ московскаго новиковскаго журнала «Дѣтское Чтеніе», то появленіе слѣдующаго періодическаго изданія въ провинціи относится уже къ 1811 г.—«Казанскія Извѣстія». Какъ бы неудачной ни казалась намъ первая попытка организаціи провинціальной печати, появленіе «Уединеннаго Пошехонца» въ Ярославлѣ заслуживаетъ, тѣмъ не менѣе, вниманія уже потому, что въ остальной провинціальной Россіи потребность въ литературѣ была чрезвычайно слаба и еще меньше были развиты литературныя силы.

Отчетъ московской консультаціи. Та же газета приводитъ краткій отчетъ о дѣятельности московской консультаціи при музеѣ содѣйствія труду за 1902 г. Консультація была открыта въ 1901 г. Въ составъ ея входятъ юристы, врачи и техники. Участіе послѣднихъ вызывается необходимостью разрѣшать спеціальные вопросы о степени утраты трудоспособности вслѣдствіе увѣчья, о наличности необходимыхъ ограждeній жизни и здоровья рабочихъ при работѣ и т. п.

Обращаются группы лицъ, объединенныя общностью интереса. Въ 1902 г. было 271 обращеніе отъ 3.854 человѣкъ. Большинство кліентовъ консультаціи по происхожденію — крестьяне, по профессіи—рабочіе. Дѣятельность консультаціи выражалась въ подачѣ совѣтовъ, въ составленіи разнаго рода прошеній, жалобъ и заявленій, въ наблюденіи за производящимися въ судахъ дѣлами.

Подводя итоги своей дѣятельности, консультація отмѣчаетъ многочисленные случаи, когда она оказалась безсильной помочь нуждающимся. Значительную

(около одной трети) группу составляли лица, утратившія трудоспособность при работахъ на фабрикахъ и заводахъ. Изъ нихъ въ самомъ безпомощномъ положеніи оказываются тѣ, которые утратили трудоспособность не вслѣдствіе увѣчья при эксплуатаціи, а по преклонности возраста или вслѣдствіе общихъ тяжелыхъ условій и обстановки труда. Въ консультацію являются рабочіе, прослужившіе 25—50 лѣтъ на фабрикахъ, имѣющіе аттестатъ о своей службѣ и поведеніи и уволенные только потому, что не могутъ болѣе работать съ надлежащею энергіей. Ихъ трудно убѣдить въ томъ, что они по закону не имѣютъ права на пенсію или болѣе или менѣе значительное пособіе, которое помогло бы имъ устроиться. Утратившіе трудоспособность вслѣдствіе особыхъ условій работы тоже не могутъ понять разницы между ними и тѣми увѣчными, которые имѣютъ право, по 684-й ст. X т. ч. I, искать вознагражденія судебнымъ порядкомъ. Немногимъ лучше положеніе тѣхъ, которые потерпѣли увѣчье. По закону, на нихъ лежитъ обязанность доказать, что несчастье произошло по винѣ предпринимателя, а между тѣмъ, увѣчный очень часто встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія при изслѣдованіи причинъ происшедшаго несчастья. Но даже въ томъ случаѣ, когда увѣчному повезло и удалось собрать необходимыя данныя, онъ можетъ получить исполнительный листъ въ среднемъ не ранѣе 1½—2-хъ лѣтъ, и то, если отвѣтная сторона ограничится двумя инстанціями и не перенесетъ дѣла въ сенатъ. Нельзя не указать и на то, что выигравшій процессъ рабочій ничѣмъ не гарантированъ въ томъ, что онъ пожизненно будетъ получать ежемѣсячное пособіе, которое ему присуждено. Въ случаѣ разстройства дѣлъ отвѣтчика, увѣчный останется при одномъ правѣ на пособіе, не имѣя возможности взыскать присужденную сумму. Изученіе этихъ случаевъ убѣждаетъ въ томъ, что всѣ рабочіе, утратившіе трудоспособность при работѣ на фабрикахъ и заводахъ, находятся въ такомъ ужасномъ положеніи, что большею частью вынуждены оканчивать дѣла свои миромъ за нѣсколько сотъ рублей, которые ихъ не устраиваютъ. Необходимо принять законодательныя мѣры къ обезпеченію рабочихъ на случай болѣзни, несчастія и инвалидности, и такою мѣрой и для насъ является государственное принудительное страхованіе. Въ отчетѣ консультаціи отмѣчены блестящіе результаты, которые принесло въ Германіи обязательное страхованіе. По статистикѣ страхованія въ періодъ времени съ 1885 по 1899 годъ въ разныя страховыя учрежденія поступило въ пользу рабочихъ до 3¾ милліардовъ марокъ. Эти суммы принесли и непосредственно пользу, оказавъ помощь тысячамъ рабочихъ и ихъ семьямъ въ тяжелую пору ихъ жизни, но значеніе страхованія сказалось и въ предупредительной дѣятельности страховыхъ учрежденій по огражденію жизни и здоровья наблюденіемъ за надлежащимъ содержаніемъ фабрикъ, введеніемъ всѣхъ необходимыхъ огражденій и т. п.

Вторую значительную группу обращеній, 25%, составляютъ жалобы рабочихъ на неправильные разсчеты при исполненіи ими договоровъ найма. Они жалуются на то, что при сдѣльной работѣ заработокъ значительно понижается тѣмъ, что они принуждены безплатно заправлять станки, присучивать и навивать основы, чинить челноки, чистить товаръ, перетаскивать машины, мыть

иглы, что, съ одной стороны, ихъ штрафуютъ за прогулъ, но ничего не платятъ за вынужденный прогулъ, когда фабрикантъ не даетъ сырья для работы, что неправильно мѣряютъ сдаваемый ими товаръ, отбрасывая часто отъ одного до шести вершковъ. Во многихъ случаяхъ эти жалобы вполнѣ основательны, но, къ сожалѣнію, рабочимъ трудно ихъ обосновать юридически и точно опредѣлить размѣры требованій. Всѣ доказательства правоты требованій имѣются у предпринимателя, а часто доказательства утрачены. Фабричные инспектора направляютъ рабочихъ въ судъ, который предъявляетъ къ нимъ рядъ такихъ требованій, исполнить которыя онъ не въ силахъ.

Консультація подчеркиваетъ въ своемъ отчетѣ безвыходное положеніе мелкаго городского страхователя, который, вслѣдствіе отказа со стороны страховыхъ обществъ принимать мелкія страхованія, предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ такимъ стихійнымъ бѣдствіемъ, какъ пожаръ. Значительныя группы рабочихъ обращались въ консультацію съ вопросомъ, въ какое учрежденіе имъ обратиться для страхованія своего имущества, которое пріобрѣтено цѣной многолѣтняго труда; но, къ сожалѣнію, такого учрежденія, которое приняло бы на страхъ имущество рабочихъ, не нашлось. Конечно, необходимо подумать о мелкихъ страхователяхъ, которые не представляютъ собою интереса для частныхъ предпринимателей—страховыхъ обществъ—и рискуютъ всѣмъ своимъ состояніемъ.

Консультація заканчиваетъ свой отчетъ обращеніемъ къ музею содѣйствія труду о включеніи въ программу его дѣятельности научно-практической разработки вопросовъ по страхованію рабочихъ на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ и инвалидности, по организаціи рабочихъ на фабрикахъ на началахъ представительства для разрѣшенія недоразумѣній рабочихъ съ хозяевами, вытекающихъ изъ исполненія договора найма, по организаціи особыхъ, близко стоящихъ къ фабричному производству судовъ для рѣшенія разнаго рода требованій рабочихъ къ предпринимателямъ и т. п. Императорское русское техническое общество, въ составъ котораго входитъ музей и консультація, имѣетъ цѣлью содѣйствовать развитію техники и технической промышленности, и въ числѣ средствъ къ достиженію этихъ цѣлей обществу уставомъ предоставлено «ходатайствовать о принятіи мѣръ, могущихъ имѣть полезное вліяніе на развитіе промышленности».

Акробаты въ деревнѣ. Г-жа Иваненко разсказываетъ въ «Спб. Жизни» о томъ впечатлѣніи, какое произвела на крестьянъ, въ одномъ изъ сибирскихъ селъ, бродячая труппа акробатовъ.

«3 марта часа въ 3 дня, когда я сидѣла съ крестьянами и разговаривала о «предстоящемъ» свѣтопреставленіи,—разсказываетъ г-жа Иваненко,—мнѣ принесли афишу. Афиша, какъ ей и полагается въ нашихъ мѣстахъ, была напечатана на красной бумагѣ и имѣла довольно измятый и изорванный видъ, а сообщала она о пріѣхавшихъ въ нашъ медвѣжій уголъ какихъ-то артистахъ-акробатахъ, намѣревающихся дать представленіе. Я стала читать афишу, крестьяне всѣ превратились въ слухъ, хлопали глазами и... ровно ничего не по-

нимали. Окончивъ чтеніе, я постаралась объяснить присутствующимъ содержаніе «бумаги», а когда они уразумѣли (конечно, по своему!), въ чемъ дѣло, всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: «Вотъ бѣда-то стряслась надъ нами! Кто же пойдетъ въ великій постъ сатану смотрѣть?» Пошли пересуды и толки по поводу предстоящаго сатанинскаго навожденія. Не прошло и полчаса, какъ вдругъ раздался звукъ, напоминающій рожокъ пастуха, и крикъ нѣсколькихъ голосовъ. Всѣ бросились къ окнамъ, и моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: на худой клячонкѣ возсѣдаетъ въ розовомъ костюмѣ и бѣлой маскѣ клоунъ и правитъ лошадью; за спиной клоуна сидитъ мужчина въ трико, а за спиной мужчины совсѣмъ маленькій мальчикъ, тоже въ трико. Вся моя аудиторія высыпала на улицу. Меня, какъ знакомую съ «городскими людьми», обступили и начали разспрашивать, кто это и что это. Я удовлетворяла любопытство окружающихъ, а группа акробатовъ, продолжая путь по улицѣ, выкрикивала: «сегодня въ 6 часовъ вечера въ домѣ № будетъ представленіе! Покорнѣйше просимъ почтеннѣйшую публику пожаловать за 12 копѣекъ! Сегодня представляемъ, а завтра уѣзжаемъ».

«Появленіе акробатовъ на улицахъ нашего медвѣжьяго уголка произвело прямо переполохъ! На улицахъ кучками собирались крестьяне и бабы и обсуждали небывалое явленіе. А такъ какъ это «явленіе» появилось въ великій постъ то всѣ порѣшили, что это ни больше, ни меньше, какъ самъ... сатана. Многіе увѣряли, что они «своими глазами» видѣли у каждаго изъ проѣхавшихъ по улицѣ и хвостъ, и рога и красные глаза, словомъ все, что долженъ имѣть сатана. Ко мнѣ подбѣжала маленькая дѣвочка и осыпала вопросами: «Кто это? Чего на нихъ надѣто? Чего они кричатъ?» и проч., но я не успѣла удовлетворить любопытство ребенка, такъ какъ стоявшая рядомъ бабушка, поймавъ дѣвочку за рукавъ, начала толковать, что одѣты они въ кожу сатаны и даже съ хвостами, точь-въ-точь, какъ у него! закончила бабушка такимъ убѣжденнымъ тономъ, какъ будто она, дѣйствительно, когда-нибудь видѣла господина сатану.

«Вотъ вѣдь, правду сказывали старые люди, что сатана будетъ верхомъ ѣздить по деревнямъ и смущать православный народъ!» говорили крестьяне. Долго я старалась растолковать, что это совсѣмъ не сатана, а обыкновенные смертные люди, но подѣйствовали ли мои убѣжденія—весьма сомнительно.

«Вечеромъ на представленіи были, конечно, одни клоуны и акробаты, крестьяне-же, съ болѣе горячей молитвой, чѣмъ когда-либо въ 6 часовъ улеглись спать, продолжая и во снѣ молиться Богу, что бы онъ избавилъ ихъ отъ «лукаваго».

За мѣсяцъ. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ.

«6-го и 7-го сего апрѣля въ гор. Кишиневѣ толпой мѣстныхъ жителей преимущественно изъ простонародья были произведены безпорядки, направленные противъ еврейской части населенія, причемъ 45 человѣкъ были убиты или умерли отъ побоевъ, 74 ранены тяжело и около 350 получили сравнительно

легкія пораненія. Во время безпорядковъ, сопровождавшихся расхищеніемъ принадлежащаго евреямъ имущества, до 700 еврейскихъ домовъ и 600 лавокъ было разграблено. Произведенное по сему поводу разслѣдованіе выяснило, что безпорядки эти возникли вслѣдствіе создавшихся въ Бессарабской губерніи между христіанами и евреями обостренныхъ отношеній, при которыхъ всякій нелѣпый слухъ о евреяхъ могъ послужить предлогомъ для взрыва народныхъ страстей. Такимъ предлогомъ оказались ложныя обвиненія евреевъ въ совершеніи будто бы ими, съ ритуальными цѣлями, въ мѣстечкѣ Дубоссарахъ сосѣдней Херсонской губерніи, въ гор. Кіевѣ и въ самомъ Кишиневѣ нѣсколькихъ убійствъ христіанъ. Распространеніе подобныхъ вымысловъ повело къ тому, что въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля среди рабочихъ и простонародья въ Кишеневѣ стали ходить упорные толки о необходимости бить евреевъ, и даже появились въ обращеніи рукописные листки, которые, повторяя взводимыя на нихъ обвиненія, призывали населеніе къ избіенію евреевъ.

«Въ первый день св. Пасхи, 6-го апрѣля, на Чуфлинской площади гор. Кишенева, въ ожиданіи открытія балагановъ и другихъ увеселеній, собралась толпа, въ настроеніи которой ничего необычайнаго замѣтно не было. Около 4-хъ часовъ дня какая-то женщина, христіанка, съ ребенкомъ на рукахъ, сѣла въ повозку карусели; недовольный этимъ хозяинъ карусели, еврей, столкнулъ женщину съ занятаго ею мѣста и ударилъ такъ, что она упала и выронила ребенка. Этотъ случай послужилъ ближайшею причиною безпорядковъ. Озлобленная толпа стала бросать камнями въ окна сосѣднихъ еврейскихъ жилищъ; затѣмъ безпорядки перешли на сосѣднія улицы, и толпа разбѣжалась по разнымъ кварталамъ, разбивая лавки и дома евреевъ. За лицами, производившими разгромъ домовъ, появились люди, начавшіе грабить имущество. Быстро распространившіяся безчинства не могли быть подавлены сразу и разрослись настолько, что уже къ вечеру 6-го апрѣля неистовства толпы выразились въ насиліяхъ не только надъ имуществомъ евреевъ, но и надъ ними самими; было убито 9 человѣкъ. Часамъ къ 10 вечера безпорядки прекратились. На слѣдующее утро на Новомъ базарѣ гор. Кишинева толпа евреевъ, значительно превышавшая количественно собравшуюся тамъ же группу христіанъ, вооруженная палками, напала на послѣднихъ. Схватка скоро прекратилась, но на другомъ концѣ базара евреи скопились вновь и напали на менѣе численную кучку христіанъ, изъ толпы евреевъ раздался выстрѣлъ, одинъ христіанинъ упалъ раненымъ, и вслѣдъ за симъ въ городѣ снова возникли безпорядки, обратившіеся въ сплошной разгромъ еврейскихъ жилищъ и избіеніе евреевъ. Разосланныхъ по городу съ вечера для охраны порядка воинскихъ патрулей оказалось недостаточно, и были вызваны новыя команды войскъ, причемъ распорядительная власть по охраненію порядка была передана губернаторомъ военному начальству. Первоначально вызваннымъ войсковымъ частямъ не удавалось подавить безпорядки, такъ какъ, вслѣдствіе нераспорядительности полиціи, не имѣвшей, очевидно, должнаго руководства, улицы были запружены не только безчинствующими, но и толпами любопытныхъ; затѣмъ, когда войска были размѣщены въ извѣстной системѣ по участкамъ города,

охваченнымъ безпорядками, послѣдніе къ вечеру 7-го апрѣля прекратились и на слѣдующій день уже не возобновлялись.

«События въ Кишиневѣ вызвали тревогу еврейской части населенія во многихъ мѣстностяхъ имперіи и породили среди христіанъ толки о предстоящихъ еврейскихъ погромахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ евреи стали образовывать изъ своей среды кружки самообороны.

«По всеподданнѣйшему докладу моему вышеизложенныхъ свѣдѣній о ходѣ безпорядковъ, полученныхъ на мѣстѣ исправляющимъ должность директора департамента полиціи, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ подтвердить начальникамъ губерній и городовъ, что имъ вмѣняется въ долгъ, подъ личною ихъ отвѣтственностью, принимать всѣ мѣры къ предупрежденію насилій и для успокоенія населенія, дабы устранить поводы къ появленію въ какой-либо его части опасеній за жизнь и имущество.

Поставляя ваше превосходительство въ извѣстность о таковой Монаршей волѣ, долгомъ считаю сообщить вамъ къ руководству, во-первыхъ, что никакіе кружки самообороны терпимы быть не должны, и во-вторыхъ, что гражданскія власти во время безпорядковъ, исполняя въ точности требованія 15 и 16 пп. приложенія къ ст. 316 т. II св. зак., не имѣютъ права при вызовѣ войскъ передавать военному начальству свои обязанности по водворенію спокойствія, а должны, присутствуя лично на мѣстахъ, направлять совокупную дѣятельность вызванныхъ войскъ и полиціи къ умѣлому и энергичному подавленію безчинствъ. По смыслу приведенныхъ постановленій, гражданское начальство прекращаетъ свои личныя распоряженія только послѣ обращеннаго имъ къ командирамъ воинскихъ частей приглашенія дѣйствовать оружіемъ и только на время сего дѣйствія и лишь тамъ, гдѣ пришлось прибѣгнуть къ этому крайнему способу возстановленія порядка.

— Обязательныя постановленія, изданныя и. д. бессарабскаго губернатора для города Кишинева и его уѣзда, на основаніи 15 и 16 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прилож. 1 къ ст. 1 уст. о пред. и пресѣч. прест. т. XIV св. зак., изд. 1890 г.), объявлены въ «Бессарабцѣ». Согласно этимъ постановленіямъ, между прочимъ, воспрещаются всякія сборища, сходки и собранія на улицахъ, площадяхъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ съ какою бы цѣлью они ни собирались, за исключеніемъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ въ селеніяхъ и сходовъ мѣщанъ въ городѣ, собираемыхъ законною властью.

Не дозволяются также и всякія, невызываемыя необходимостью, остановки проходящихъ группами на улицахъ и тротуарахъ, затрудняющія свободное движеніе другимъ и такія сборища обязаны, по первому требованію полиціи, безпрекословно разойтись.

Воспрещается носить при себѣ и хранить въ жилищахъ всякое огнестрѣльное оружіе, безъ особаго на то разрѣшенія полицейской власти всѣмъ жителямъ безъ изъятія, кромѣ состоящихъ на военной или полицейской службѣ и вообще по роду своей службы обязанныхъ носить или имѣть при себѣ оружіе

на храненіе огнестрѣльнаго оружія должно быть въ теченіе 10 дней испрошено разрѣшеніе полиціймейстера или исправника по принадлежности.

Въ равной мѣрѣ воспрещается носить всякое холодное оружіе, а также трости со вдѣланными въ нихъ потайными клинками, кастеты и т. п.

Лица, виновныя въ неисполненіи или нарушеніи объявленныхъ требованій, подвергаются: или полицейскому аресту до трехъ мѣсяцевъ, или денежному штрафу до 500 рублей, или закрытію торговаго заведенія.

Наложеніе взысканій будетъ производиться постановленіями губернатора по протоколамъ мѣстной полиціи о нарушеніяхъ и приводиться въ исполненіе въ теченіе 24 часовъ со времени полученія о томъ въ полиціи распоряженія.

— Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ («Times», № отъ 18-го мая новаго стиля, «Münchener Neueste Nachrichten» № 236, «Daily News» и др.) появились извѣстія, заключающія ложное освѣщеніе происшедшихъ въ городѣ Кишиневѣ 6-го и 7-го минувшаго апрѣля безпорядковъ. Сообщенія эти ссылались на письмо министра внутреннихъ дѣлъ на имя бессарабскаго губернатора и приводили это письмо въ слѣдующемъ изложеніи: «Министръ внутреннихъ дѣлъ. Канцелярія министра. 25-го марта 1903 года, № 341, совершенно секретно. Господину бессарабскому губернатору. До свѣдѣнія моего дошло, что во ввѣренной вамъ области готовятся большіе безпорядки, направленные противъ евреевъ, какъ главныхъ виновниковъ эксплуатаціи мѣстнаго населенія. Въ виду общаго среди городского населенія безпокойнаго настроенія, ищущаго только случая, чтобы проявиться, а также принимая во вниманіе безспорную нежелательность слишкомъ суровыми мѣропріятіями вызвать озлобленіе противъ правительства въ населеніи, еще не затронутомъ (революціонной) пропагандой, вашему превосходительству предлагается изыскать средства немедленно по возникновеніи безпорядковъ прекратить ихъ мѣрами увѣщанія, вовсе не прибѣгая, однако, къ оружію».

Вышеизложенныя свѣдѣнія вымышлены: письма министра внутреннихъ дѣлъ бессарабскому губернатору приведеннаго содержанія не существуетъ, и никакого сообщенія съ предупрежденіемъ бессарабскихъ властей о готовящихся безпорядкахъ не было.

— Опубликовано о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ земское хозяйство въ девяти западныхъ губерніяхъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ каждой губерніи образуется изъ губернскаго и уѣздныхъ комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства и губернской и уѣздныхъ управъ по дѣламъ земскаго хозяйства. Губернскимъ комитетомъ присвоивается распорядительная власть по дѣламъ управленія; уѣздные комитеты созываются для подготовительнаго обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ земскаго хозяйства. Исполнительныя дѣйствія по земскому хозяйству возлагаются въ губерніи на губернскую, а въ уѣздахъ—на уѣздныя управы. Губернскій комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, начальника управленія земледѣлія, представителя удѣльнаго вѣдомства въ губерніяхъ, гдѣ имѣются удѣльныя земли, уѣздныхъ предводителей дворянства, непремѣннаго члена губернскаго по городскимъ дѣ-

ламъ присутствія, непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія, предсѣдателя и членовъ губернской управы и головы губернскаго города. Гласные назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ на три года изъ числа представленныхъ губернаторомъ или изъ другихъ лицъ. Губернская управа состоитъ изъ предсѣдателя и трехъ лицъ, назначаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и пользующихся правами государственной службы. Уѣздныя управы образуются подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ исправника и одного изъ податныхъ инспекторовъ уѣзда и двухъ земскихъ гласныхъ, уѣзда изъ числа входящихъ въ составъ губернскаго комитета, по назначенію послѣдняго, и непремѣнныхъ членовъ управы. Жалобы на постановленія губернскаго комитета приносятся сенату. При хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образуется совѣщаніе по земскимъ дѣламъ, вѣдающее дѣла, означенныя въ положеніи о земскомъ хозяйствѣ, и тѣ подлежащія разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и другихъ по управленію этимъ хозяйствомъ, которыя эти министры признаютъ полезнымъ передать въ совѣщаніе. Опубликованное положеніе будетъ введено въ Витебской, Минской и Могилевской губ. въ теченіе 1903 года. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется относительно времени введенія въ дѣйствіе положенія въ губерніяхъ Виленской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской и Подольской испрашивать установленнымъ порядкомъ законодательное разрѣшеніе, возложивъ на него обязательство по возможности заблаговременно обнародовать во всеобщее свѣдѣніе о предстоящемъ введеніи положенія въ дѣйствіе и предоставивъ ему образовывать отдѣльныя учрежденія управленія земскимъ хозяйствомъ и замѣщать должности по сему управленію въ порядкѣ признаваемой имъ необходимой постепенности.

— Въ оффиціальной части газеты «Кавказъ» напечатано: 27-го апрѣля, съ 10 часовъ утра, на центральныхъ улицахъ Тифлиса появилось много рабочихъ, число которыхъ достигало приблизительно отъ 1.000 до 1.200 человѣкъ. Двигаясь вмѣстѣ съ гуляющей публикой по тротуарамъ, они вначалѣ порядка ничѣмъ не нарушали, но, около 12 часовъ дня, часть ихъ, приблизительно человѣкъ сто, быстро соединилась въ группу посреди Головинскаго проспекта, противъ казеннаго театра, и съ крикомъ «ура» подняла красный значокъ, проявивъ стремленіе двинуться по Головинскому проспекту. Однако, усиленный нарядъ полиціи и дворники не дали этой толпѣ возможности пройти впередъ, а прибывшій немедленно на мѣсто происшествія полицеймейстеръ съ конными стражниками разсѣяли манифестантовъ, не давъ въ то же время сбѣгавшимся рабочимъ къ нимъ присоединиться.

Въ теченіе приблизительно 10 минутъ порядокъ на улицахъ былъ возстановленъ, причемъ 63 человѣка были задержаны. Во время столкновенія между чинами полиціи и манифестантами тяжело пострадавшихъ не оказалось.

Изъ 63 арестованныхъ тридцать, по невозможности твердо установить свидѣтельскими показаніями ихъ участіе въ безпорядкахъ, освобождены; остальные же 33 подвергнуты и. д. тифлисскаго губернатора аресту на различные сроки въ порядкѣ усиленной охраны.

— Въ той же газетѣ отъ главноначальствующаго на Кавказѣ объявляется:

«Въ посадѣ Сочи, Черноморской губерніи, 17-го марта, ночью, умеръ въ арестномъ помѣщеніи поселянинъ деревни «3-я Рота», Свиностригинъ, арестованный наканунѣ въ пьяномъ видѣ.

«Начальникъ участка и окружной врачъ произвели осмотръ трупа, и врачъ опредѣлилъ смерть отъ опьяненія.

«Около 12 часовъ дня толпа, около ста человѣкъ (въ числѣ которыхъ было много пьяныхъ), остановила трупъ Свиностригина, который везли изъ арестнаго помѣщенія, по распоряженію окружного врача, для предстоящаго вскрытія, причемъ заявила прибывшему на мѣсто начальнику Сочинскаго округа, что опасается похоронъ Свиностригина безъ вскрытія, такъ какъ послѣдній убитъ городовымъ въ арестномъ помѣщеніи. Несмотря на увѣщанія и разъясненія, что безъ вскрытія трупа погребеніе его не можетъ быть допущено, толпа устремилась къ арестному дому, избила городовыхъ, разбила камнями слабые запоры и двери арестнаго помѣщенія и освободила всѣхъ арестованныхъ; одинъ изъ брошенныхъ толпой камней попалъ начальнику округа въ руку, другой—поручику потійскаго полка въ шею; одинъ городовой сильно избитъ.

«Прибывшая воинская команда разсѣяла толпу.

«Изъ содержащихся подъ стражею скрылось лишь 8 человѣкъ неважныхъ арестантовъ.

«Произведеннымъ врачами вскрытіемъ трупа Свиностригина констатировано что смерть его, дѣйствительно, произошла отъ побоевъ, нанесенныхъ ему при арестованіи, признаковъ же отравленія алкоголемъ не найдено.

«Виновные городовые предаются суду; что же касается степени виновности начальника участка, въ вѣдѣніи котораго находится арестное помѣщеніе, а также окружного врача, осматривавшаго трупъ Свиностригина, то таковая будетъ опредѣлена по окончаніи слѣдствія, которое уже ведется при личномъ участіи прокурора екатеринодарскаго окружного суда; до того же названныя выше должностныя лица устранены отъ должности.

«Будутъ также привлечены къ отвѣтственности и наиболѣе виновные изъ толпы въ учиненныхъ ими безпорядкахъ и самоуправствѣ».

— Въ «Вѣд. Од. Град.» напечатано:

«Въ виду представленныхъ и. об. одесскаго полицеймейстера свѣдѣній о нарушеніи студентами новороссійскаго университета: Григоріемъ Лордкипанидсе, Акакіемъ Коркашвили, Александромъ Коркашвили, Василіемъ Церетели, Алексѣемъ Арафаиловымъ, Александромъ Чикваидзе и Иваномъ Эксаревымъ дѣйствующаго въ одесскомъ градоначальствѣ обязательнаго постановленія, изданнаго, 4-го марта 1902 года, о воспрещеніи всякаго рода нарушающихъ общественный порядокъ и спокойствіе собраній, сходбищъ и сборищъ на улицахъ, площадяхъ, въ скверахъ, садахъ, театрахъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ, и. д. одескаго градоначальника, на основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, 25-го сего апрѣля постановилъ: названныхъ лицъ подвергнуть денежному взысканію по 150 рублей каждаго, а при неуплатѣ—аресту на 30 сутокъ каждаго.

— Въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ напечатано:

«Въ виду представленныхъ и. об. одесскаго полицеймейстера свѣдѣній о нарушеніи мѣщанами Мордкой Милесомъ, Зельдой Бронштейнъ и Песей Быстрицкой обязательнаго постановленія, изданнаго 4-го марта 1902 года, о воспрещеніи всякаго рода нарушающихъ общественный порядокъ и спокойствіе собраній, сходбищъ и сборищъ на улицахъ, площадяхъ, въ скверахъ, садахъ, театрахъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ, и. д. одесскаго градоначальника, на основаніи ст. 15-й Положенія объ усиленной охранѣ, 28-го сего апрѣля постановилъ: подвергнуть названныхъ лицъ: мѣщанина Милеса—штрафу въ 500 рублей или аресту на три мѣсяца, а Бронштейнъ и Быстрицкую—штрафу въ 300 рублей съ замѣной арестомъ на два мѣсяца каждую. За нарушеніе того же обязательнаго постановленія 4-го марта 1902 г. и. д. одесскаго градоначальника постановилъ подвергнуть: дворянина Трофима Лаврова—аресту на семь сутокъ, мѣщанина Моисея Вербицкаго—денежному взысканію въ 150 руб. съ замѣной при неуплатѣ арестомъ на одинъ мѣсяцъ и мѣщанина Аврума Айзенберга—денежному взысканію въ 70 руб. съ замѣной при неуплатѣ арестомъ на двѣ недѣли».

— Постановленіемъ и. д. одесскаго градоначальника, состоявшимся 2-го сего мая, 30 человѣкъ за нарушеніе обязательнаго постановленія, изданнаго 4-го марта 1902 года о воспрещеніи всякаго рода собраній, сходбищъ и сборищъ, независимо отъ той отвѣтственности, коей могутъ подлежать въ общемъ порядкѣ, подвергнуты, на основаніи ст. 15 Положенія объ усиленной охранѣ, денежному взысканію въ 500 рублей каждый или аресту на 3 мѣсяца.

— По постановленіямъ господина томскаго губернатора, 7 человѣкъ за то, что они 18-го апрѣля текущаго года, находясь въ толпѣ, не подчинились требованію полиціи и не пожелали разойтись, въ административномъ порядкѣ подвергнуты аресту при тюрьмѣ.

— Кіевскія газеты сообщаютъ, что на видныхъ мѣстахъ города расклеено слѣдующее объявленіе г. кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками, генералъ-адъютанта Драгомирова, изданное на основаніи ст. 15 и п. 2-го ст. 16-й Положенія объ усиленной охранѣ: Толпа, или единичные нарушители порядка, кто бы они ни были, должны немедленно и безпрекословно подчиняться 1-му требованію власти. Предупреждаю всякаго, что, въ случаѣ неповиновенія, ослушники подвергнутся отвѣтственности по закону, причемъ, по требованію гражданской власти, будутъ вызываемы войска для дѣйствія оружіемъ. Настоящее мое объявленіе поручаю кіевскому губернатору распубликовать по городу и, если потребуется, приводить въ исполненіе безъ всякаго замедленія.

Генералъ-губернаторъ и командующій войсками, генералъ-адъютантъ Драгомировъ.

— Въ саратовскихъ газетахъ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе саратовскаго губернатора:

1) Воспрещается повсемѣстно въ предѣлахъ Саратовской губерніи всякаго

рода сборища и собранія, не дозволенныя установленнымъ порядкомъ, независимо отъ ихъ цѣли и мѣста.

2) Собравшіеся обязаны по первому требованію полиціи разойтись.

3) Всякія вмѣшательства въ дѣйствія чиновъ полиціи при исполненіи ими обязанностей по службѣ безусловно не допускаются.

4) Виновные въ нарушеніи настоящаго постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ аресту до 3 мѣсяцевъ или денежному взысканію до 500 рублей.

5) Настоящее обязательное постановленіе объявляется населенію губерніи: въ гг. Саратовѣ и Царицынѣ—путемъ опубликованія въ мѣстныхъ газетахъ, въ прочихъ уѣздныхъ городахъ и посадѣ Дубовкѣ—путемъ расклейки печатныхъ объявленій, а въ селеніяхъ—черезъ гг. земскихъ начальниковъ на сельскихъ сходахъ.

6) Постановленіе это вступаетъ въ законную силу со дня его обнародованія.

— Въ «Правит. Вѣстн.» отъ 7-го мая напечатано: «Сегодня въ 4 часа дня, въ городскомъ паркѣ (въ Уфѣ) двумя злоумышленниками девятью пулями убитъ губернаторъ Богдановичъ».

— Въ Иркутскѣ предстоитъ разбирательство дѣла по обвиненію пяти человѣкъ рабочихъ Кругобайкальской жел. дор. въ убійствѣ жандармскаго унтеръ-офицера Лебедева. Первоначально дѣло это предполагалось передать военно-окружному суду для сужденія обвиняемыхъ по законамъ военнаго времени, но въ виду данныхъ предварительнаго слѣдствія выяснившихъ, какъ-то уже сообщило «Забайкалье», что основной причиной убійства было непомѣрно жестокое обращеніе покойнаго жандарма съ рабочими, высшая власть въ краѣ не сочла возможнымъ изъять это дѣло изъ общей подсудности, и оно будетъ заслушано въ обычномъ порядѣ.

— Охрана гимназистовъ. Г. бакинскимъ полицеймейстеромъ изданъ приказъ, коимъ предлагается приставу 4-го уч. къ началу и окончанію занятій въ мужской прогимназіи на малой Морской ул. обязательно назначать къ зданію этой прогимназіи городового, изъ находящихся при участкѣ, а также и одного городового на Телефонной улицѣ. Городовымъ этимъ ни въ какомъ случаѣ не допускать скопленія публики какъ у зданія прогимназіи, такъ равно и на прилегающихъ улицахъ. Къ указанному времени быть тамъ мѣстному околоточному надзирателю. Намъ извѣстно, что того же распоряженія полиціймейстера добивается директоръ реальнаго училища («Касп.»).

— По распоряженію градоначальника въ ночь на 1-е мая въ Петербургѣ былъ произведенъ обходъ всѣхъ меблированныхъ комнатъ, ночлежныхъ домовъ и пріютовъ. Задержано 1.379 безпаспортныхъ.

— Редакція «Курской Газеты» доводитъ до свѣдѣнія своихъ гг. сотрудниковъ и подписчиковъ, что «Курская Газета» г. министромъ внутреннихъ дѣлъ пріостановлена впредь до пріисканія новаго отвѣтственнаго редактора.

— Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28-го апрѣля: 1) въ

виду вреднаго направленія газеты «Право», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «Кишиневская кровавая баня», помѣщенной въ № 18 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 114 уст. о цензурѣ и печати, опредѣлилъ объявить газетѣ «Право» первое предостереженіе въ лицѣ издателей-редакторовъ ея: привать-доцента Императорскаго с.-петербургскаго университета Владиміра Гессена и коллежскаго ассессора Николая Лазаревскаго; 2) въ виду вреднаго направленія газеты «Восходъ», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «За недѣлю», помѣщенной въ № 17 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о цензурѣ и печати, опредѣлилъ объявить газетѣ «Восходъ» первое предостереженіе въ лицѣ редактора-издателя ея присяжнаго повѣреннаго Максима Сыркина.

— По распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, въ Финляндіи дано предостереженіе выходящей въ Гельсингфорсѣ газетѣ, подъ названіемъ «Гельсингфорсъ Постенъ».

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. 20-го апрѣля 1903 года. На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Новое Время».

— Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ 5-го мая 1903 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «Кіевское Слово», воспрещенную распоряженіемъ отъ 5-го марта сего года.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ «Самарской Газеты», пріостановленной распоряженіемъ отъ 4-го апрѣля сего года.

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газты «Новости».

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., т. XIV, св. зак., изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Волынь».

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. 4-го мая 1903 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «Новое Время», воспрещенную распоряженіемъ отъ 20-го апрѣля текущаго года.

Некрологи. 30-го апрѣля, въ 5½ ч. дня, скончался заслуженный профессоръ московскаго университета, недавно назначенный помощникомъ ректора, *Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ*. Въ лицѣ покойнаго университетъ утратилъ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ и уважаемыхъ своихъ членовъ, а русская наука—одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи литературы. Заимствуемъ изъ «Русск. Вѣд.» слѣд. біогр. данныя: «Покойный родился въ 1845 г. въ Мценскѣ и получилъ образованіе въ Москвѣ, въ 1-й гимназіи и въ московскомъ университетѣ. Наибольшее вліяніе изъ профессоровъ имѣлъ на А. И—ча Ѳ. И. Буслаевъ; покойный считалъ себя его ученикомъ и относился всегда къ

его памяти съ глубочайшимъ уваженіемъ. По окончаніи курса А. И. скоро занялъ должность преподавателя русскаго языка въ 1-й и 5-й московскихъ гимназіяхъ и составилъ въ это время, въ концѣ 60-хъ годовъ, отчасти съ Ѳ. Гиляровымъ учебники этимологіи и синтаксиса русскаго языка, выдержавшіе нѣсколько десятковъ изданій. Въ началѣ 70-хъ годовъ А. И. занимался за границей, а въ 1873 году по защитѣ въ московскомъ университетѣ диссертаціи «Поэмы ломбардскаго цикла» получилъ степень магистра всеобщей словесности и вскорѣ послѣ того поступилъ доцентомъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ въ 1879 г., защитивъ въ Петербургѣ докторскую диссертацію («Св. Георгій и Егорій Храбрый»), былъ избранъ экстро-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ всеобщей литературы. Въ 1885 г. онъ перешелъ въ Новороссійскій университетъ въ званіи ординарнаго профессора, а въ 1898 г. занялъ соотвѣтственную каѳедру въ московскомъ университетѣ. Еще въ 1894 г. покойный былъ избранъ академіей наукъ въ свои члены-корреспонденты. Кромѣ многихъ спеціальныхъ работъ по всеобщей литературѣ, А. И—чу принадлежитъ составленіе нѣсколькихъ отдѣловъ въ «Исторіи всеобщей литературы» Корша, по смерти котораго онъ принялъ на себя редакцію этого изданія, «Очерка исторіи книги» (публ. лекціи, Одесса 1888) и мн. др. Любимымъ предметомъ занятій покойнаго въ послѣдніе годы была исторія русской литературы; имъ былъ написанъ рядъ статей о Буслаевѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Жуковскомъ и др., а равно изготовлено два изданія сочиненій Гоголя (съ біографіей и примѣчаніями). Но не менѣе интересовался покойный археологическими вопросами, особенно церковными древностями и христіанскимъ искусствомъ. Онъ принималъ участіе въ археологическихъ съѣздахъ, выступая на нихъ неоднократно съ рефератами, а по переселеніи въ Москву принялъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ московскаго археологическаго общества, въ засѣданіяхъ котораго имъ было сдѣлано много сообщеній, а въ 1898—1899 гг. онъ работалъ кромѣ того въ качествѣ редактора издававшихся обществомъ «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ». Въ 1898 г. покойный занялъ должность хранителя отдѣленія доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей въ Румянцевскомъ музеѣ, а въ 1902 г., по выходѣ въ отставку Н. И. Стороженко,—должность библіотекаря тамъ же. Неоднократно выступалъ также покойный съ рефератами на современныя литературныя темы въ обществѣ любителей россійской словесности, гдѣ онъ занималъ въ послѣднее время должность временнаго предсѣдателя и былъ предсѣдателемъ организованной при этомъ обществѣ пушкинской коммиссіи. Въ то же время онъ состоялъ предсѣдателемъ библіографическаго общества и принималъ участіе въ дѣятельности педагогическаго общества. Вообще это былъ необыкновенно отзывчивый и дѣятельный человѣкъ, умѣвшій соединять кабинетный трудъ съ широкою общественною дѣятельностью. Талантливый профессоръ, онъ умѣлъ привлекать къ занятіямъ учащуюся молодежь, а живой интересъ, съ которымъ онъ относился къ жизни университета, его широкая отзывчивость, необыкновенное добродушіе его характера распологали къ нему какъ его товарищей-профессоровъ, такъ и всѣхъ его знавшихъ. Обстоятельная оцѣнка его научныхъ заслугъ—дѣло спеціалистовъ; здѣсь достаточно отмѣтить

его широкую и плодотворную дѣятельность какъ профессора и члена различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ Москвы, въ которыхъ онъ не переставалъ трудиться, можно сказать, до самой своей кончины.

«Покойный страдалъ, повидимому, нефритомъ. Въ субботу, 26-го апрѣля, находясь въ Румянцевскомъ музеѣ, онъ внезапно почувствовалъ себя очень нехорошо и былъ доставленъ на квартиру въ полусознательномъ состояніи. Состояніе быстро ухудшилось, и 30 апрѣля въ $5^1/_2$ час. А. И—ча не стало».

— 6-го мая скончался извѣстный педагогъ и общественный дѣятель *Александръ Николаевичъ Страннолюбскій*. Покойный родился въ 1839 году и первые годы провелъ въ Камчаткѣ, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ области. Образованіе А. Н. получилъ въ морскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ офицерскихъ его классахъ (нынѣ Николаевская морская академія). Съ 1867 по 1894 г. состоялъ преподавателемъ математики въ морскомъ училищѣ. Онъ выступилъ на педагогическое поприще какъ разъ въ эпоху подготовленія реформъ, когда въ Петербургѣ образовалось нѣсколько педагогическихъ кружковъ, имѣвшихъ цѣлью открывать безплатныя школы и примѣнять въ дѣлѣ первоначальнаго обученія и воспитанія идеи гр. Л. Н. Толстого и другихъ сторонниковъ полнѣйшей непринудительности ученія, основаннаго исключительно на возбужденіи въ дѣтяхъ интереса къ знанію. Покойный А. Н. вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ и В. П. Острогорскимъ и др. лицами принималъ дѣятельное участіе въ организаціи и занятіяхъ василеостровской безплатной школы, главнымъ руководителемъ которой былъ Ѳ. Ѳ. Резенеръ. Въ концѣ 60-хъ годовъ, когда былъ выдвинутъ вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, А. Н. примкнулъ къ общественному движенію и сдѣлался участникомъ женскихъ организаторскихъ кружковъ для самообразованія. Когда открылись Аларчинскіе женскіе курсы, А. Н. принялъ на себя чтеніе лекцій по математикѣ. Онъ участвовалъ, затѣмъ, въ разработкѣ плана Спб. высшихъ женскихъ курсовъ и явился однимъ изъ учредителей общества доставленія средствъ этимъ курсамъ. Въ девяностыхъ годахъ А. Н. участвовалъ въ дѣятельности Спб. комитета грамотности, въ которомъ проводилъ идею широкаго распространенія народнаго образованія. Съ 1890 года А. Н. принималъ видное участіе въ дѣятельности постоянной коммиссіи по техническому образованію, гдѣ занималъ должность товарища предсѣдателя. Здѣсь А. Н. постоянно отстаивалъ необходимость широкаго общаго образованія для русскаго рабочаго и энергично боролся противъ излишне усердныхъ сторонниковъ техническаго образованія, полагавшихъ, что достаточно научить рабочаго извѣстнымъ механическимъ пріемамъ и навыкамъ, но совсѣмъ не слѣдуетъ давать ему общее образованіе. Покойный А. Н. Страннолюбскій былъ не чуждъ и литературѣ и является авторомъ многихъ трудовъ преимущественно на педагогическія темы.

Смерть А. Н. отняла у народнаго образованія одного изъ энергичныхъ и убѣжденныхъ его защитниковъ.

— 6-го мая въ Неаполѣ скончался извѣстный писатель *Константинъ Михайловичъ Станюковичъ*. Покойный родился въ 1844 году и первоначальное образованіе получилъ въ пажескомъ корпусѣ, откуда перешелъ въ морской, гдѣ и

кончилъ курсъ 16-ти лѣтъ. Выпущенный въ офицеры К. М. былъ отправленъ въ кругосвѣтное путешествіе. Благодаря большимъ связямъ его отца, на молодого моряка было обращено особое вниманіе со стороны начальства и для него, несомнѣнно, открывалась блестящая карьера. Но К. М. мечталъ совершенно о другой дѣятельности. Движеніе 60-хъ годовъ властно захватило молодого офицера и онъ, несмотря на сильное противодѣйствіе со стороны отца, сурового адмирала «стараго закала»—выходитъ въ отставку съ чиномъ лейтенанта и на годъ поступаетъ въ народные учителя въ Муромскій уѣздъ Владимірской губерніи. На литературное поприще К. М. выступилъ въ 1861 году, напечатавъ въ «Морскомъ Сборникѣ» очерки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ «Искрѣ», «Будильникѣ», «Эпохѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ» и газетѣ «Гласность». Литературную извѣстность К. М. начинаетъ пріобрѣтать въ 70-хъ годахъ, когда помѣстилъ въ «Дѣлѣ» рядъ разсказовъ и романовъ: «Безъ исхода», «Два брата», «Омутъ» и др. Въ 1841 году онъ написалъ комедію: «На то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ», но эта пьеса была запрещена наканунѣ представленія по особому ходатайству желѣзнодорожныхъ дѣльцовъ. Съ 1874 по 1884 гг. К. М. помѣщалъ въ «Дѣлѣ» фельетонно-сатирическіе очерки текущей жизни подъ псевдонимомъ *Откровеннаго писателя* и подъ заглавіемъ: «Картинки общественной жизни» и «Письма знатныхъ иностранцевъ». Кромѣ того, К. М. писалъ въ «Новостяхъ», «Молвѣ» и «Порядкѣ» воскресные фельетоны подъ псевдонимомъ *Пемпъ*. Съ 1881 года К. М. становится соредакторомъ журнала «Дѣло», который въ 1883 г. переходитъ въ его собственность. Въ 1885 г. журналъ былъ пріостановленъ, а К. М. арестованъ и сосланъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, административнымъ порядкомъ въ Томскую губернію на 3 года. Въ Сибири онъ написалъ первые свои разсказы изъ морской жизни, которые доставили ему такую громкую извѣстность. По возвращеніи изъ ссылки К. М. возобновилъ въ «Русской Мысли» свои письма знатныхъ иностранцевъ, затѣмъ писалъ фельетоны въ «Сынѣ Отечества» (ред. С. Н. Кривенко) и напечаталъ въ разныхъ журналахъ («Вѣстн. Европы», «Русск. Мысль», «Сѣв. Вѣстникъ», «Русское Богатство», «Дѣтское Чтеніе» и др.) цѣлый рядъ романовъ и разсказовъ. Въ «Мірѣ Божіемъ» были помѣщены слѣдующіе его произведенія: въ 1894 г.—«Куцый», разсказъ изъ морской жизни; въ 1895 г.—«Исторія одной жизни», романъ; въ 1898 г.—«Письмо», разсказъ; въ 1899 г.—«Равнодушные», романъ; въ 1900 г.—«Морской штормъ», разсказъ изъ морской жизни и въ 1901 г.—разсказъ «Дождался» *).

---

*) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Міра Божія“ напечатаны будутъ воспоминанія о К. М. Станюковичѣ г. Гарина (Н. Г. Михайловскаго), бывшаго съ нимъ въ давнихъ и близкихъ отношеніяхъ. *Ред.*

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Вѣстникъ Знанія“. №№ 1 и 2. — „Историческій Вѣстникъ“. № 1.—„Вѣстникъ Европы“. № 5).

Безъ всякаго внѣшняго повода наша журналистика снова и снова останавливаетъ свое вниманіе на томъ тяжеломъ жребіи, который выпалъ на долю Ѳедора Михайловича Достоевскаго. 1903 годъ не является для Достоевскаго «юбилейнымъ» ни въ какомъ смыслѣ. Съ этимъ годомъ не связано никакой годовщины со дня рожденія, смерти, появленія въ печати перваго произведенія или того рокового для писателя момента, который оторвалъ его отъ родной страны и родной литературы на многіе и многіе годы. И тѣмъ не менѣе, къ давно извѣстной уже судьбѣ Достоевскаго, видимо, привлекаются взоры журналистики. Темѣ этой посвящена напечатанная въ двухъ первыхъ книжкахъ новаго журнала «Вѣстникъ Знанія» статья г. Кузьмина, носящая названіе «Ѳ. М. Достоевскій въ каторгѣ и послѣ ссылки»; о Достоевскомъ же напечаталъ въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статью г. Скандинъ; послѣдняя называется «Достоевскій въ Семипалатинскѣ» и касается времени подневольнаго пребыванія великаго писателя въ этомъ глухомъ городишкѣ. Помѣщая статью о Достоевскомъ г. Кузьмина, редакція «Вѣстника Знанія» снабдила ее такимъ примѣчаніемъ: «Не соглашаясь съ нѣкоторыми выводами автора статьи, помѣщаемъ ее въ виду интереса сгруппированнаго въ ней матеріала». Такое примѣчаніе помѣстить было безусловно необходимо, ибо съ «выводами» г. Кузьмина соглашаться, дѣйствительно, очень трудно, а матеріалъ, имъ сгруппированный, хотя и не блещетъ новизною, но принадлежитъ къ тому его виду, который, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Кузьминъ, «едва ли когда-нибудь можетъ «устарѣть». Да, матеріалъ этотъ не старѣется, ибо едва полъ-столѣтія отдѣляетъ насъ отъ того тяжелаго времени, когда людямъ грозила смертная казнь за разговоры въ частныхъ кружкахъ о тяжеломъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, необходимости судебной реформы или строгости цензуры. Такія вещи не изглаживаются легко изъ памяти не только современниковъ, но и цѣлыхъ рядовъ слѣдующихъ за ними поколѣній, къ которымъ можно примѣнить слова одного изъ лермонтовскихъ персонажей: «Забвенья не далъ Богъ, да онъ и не взялъ бы забвенья...»

Впрочемъ, не всѣ люди нашего времени, даже и не отличающіеся рѣзко выступающей реакціонной закваской, относятся надлежащимъ образомъ къ событіямъ прошлаго. Такое недоразумѣніе усматривается и въ сужденіяхъ, высказываемыхъ г-номъ Кузьминымъ. Пусть судитъ, впрочемъ, самъ читатель о смыслѣ слѣдующей цитаты изъ статьи названнаго писателя:

«Не установилось еще вполнѣ правильнаго и справедливаго во взглядахъ на причины и поводъ ссылки Достоевскаго, *благодаря* нѣкоторой скудности свѣдѣній, относящихся къ этой эпохѣ. (Это неумѣстное употребленіе *благодаря* достаточно характеризуетъ «стиль» г. Кузьмина, на неправильностяхъ языка котораго считаемъ излишнимъ настаивать). Между тѣмъ, теперь, имѣя

въ своемъ распоряженіи новыя свѣдѣнія и документы, добытые два года тому назадъ Ан. Гр. Достоевской совмѣстно съ г-жей Ниной Гофманъ, нѣмецкимъ біографомъ Достоевскаго, пріѣзжавшей съ этой цѣлью нарочно въ Россію, *можно вполнѣ утвердительно признать нѣкоторую виновность Достоевскаго въ переходѣ извѣстной дозволенной черты и границы* (курсивъ нашъ), что повлекло за собою роковыя послѣдствія въ страшное и тяжелое повсюду не только у насъ въ Россіи, время, когда приходилось быть особенно осторожнымъ. Юный, увлекающійся, проникнутый соціализмомъ, свободомысліемъ и не установившійся еще въ ту пору Ѳ. М. Достоевскій *не съумѣлъ во время остановиться.* Тогда во имя «общечеловѣческой справедливости» устраивались молодежью кружки и ассоціаціи,—какъ было не примкнуть къ нимъ такому гуманисту и либералу, какъ юный Достоевскій?! И онъ понесъ, по собственному сознанію, заслуженную кару: за преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе, но не всякаго примиряетъ оно такъ, какъ Достоевскаго, съ жизнью».

Какъ читателю нравится такое истолкованіе одного изъ мрачныхъ эпизодовъ нашей исторіи? Пусть Достоевскій самъ считалъ все, происшедшее съ нимъ въ 1849 году, «заслуженною карою»,—мы можемъ интересоваться причинами такого воззрѣнія, главнымъ образомъ, съ психологической точки зрѣнія, но г. Кузьмину не мѣшало бы намъ представить въ подтвержденіе своего взгляда на заслуженность Достоевскимъ постигшей его кары и какія-нибудь доказательства фактическаго характера. Не мѣшало бы указать намъ, профанамъ, болѣе опредѣленно, какія основанія имѣются у г. Кузьмина для утвержденія, что въ настоящее время «можно вполнѣ утвердительно признать нѣкоторую виновность Достоевскаго въ переходѣ извѣстной дозволенной черты и границы». При этомъ надо думать, что такой переходъ Достоевскимъ «дозволенной черты и границы» былъ чрезвычайно великъ. Если же у г. Кузьмина такихъ основаній нѣтъ, то можно лишь пожалѣть «Вѣстникъ Знанія», начавшій свой дебютъ подобною , исполненною легкомыслія, статьею. Тутъ уже примѣчанія о несогласіи съ «выводами» автора со стороны редакціи, пожалуй, и маловато.

Посмотримъ же, какой новый свѣтъ прольетъ намъ г. Кузьминъ на содѣянныя Достоевскимъ тяжкія вины.

Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ его статьѣ:

«Опубликованная въ 1898 году «Оправдательная записка» Ѳ. М. Достоевскаго *) по дѣлу Петрашевскаго, найденная въ архивахъ бывшаго «Третьяго Отдѣленія», проливаетъ новый свѣтъ на дѣло Петрашевскаго. «Ни по характеру, ни по моимъ взглядамъ не сходился я съ Петрашевскимъ,—пишетъ въ ней Достоевскій.—Поэтому я поддерживалъ сношенія съ нимъ только въ той

*) Подлинный текстъ этой записки, помѣщенный въ нѣмецкомъ переводѣ не вполнѣ точномъ) въ трудѣ г-жи Гофманнъ, былъ напечатанъ въ русскомъ отдѣлѣ журнала „Космополисъ“ за 1898 г., сентябрь. Это, повидимому, осталось неизвѣстнымъ г-ну Кузьмину. Приводимыя ниже цитаты возстановлены по подлиннику.

степени, въ какой этого требовала вѣжливость т.-е. я посѣщалъ его приблизительно разъ въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже». Тѣмъ не менѣе, установленъ тотъ фактъ, что въ одно изъ своихъ посѣщеній Достоевскій принесъ и прочелъ громко въ большомъ собраніи гостей у Петрашевскаго рукописное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю съ рѣзкимъ осужденіемъ въ немъ тогдашней дѣйствительности.

«Достоевскій никогда не мечталъ о революціи, какъ на него донесли, быть можетъ, изъ-за одной необдуманной, неосторожно вырвавшейся фразы. Дебу разсказываетъ о Достоевскомъ между прочимъ слѣдующее: «какъ теперь вижу я передъ собою Ѳедора Михайловича на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго, вижу и слышу его разсказывающимъ о томъ, какъ былъ прогнанъ сквозь строй фельдфебель финляндскаго полка или же о томъ, какъ поступаютъ помѣщики съ своими крѣпостными. Не менѣе живо помню его, разсказывающаго намъ свою «Неточку Незванову» гораздо полнѣе, чѣмъ она была напечатана. Помню, съ какимъ живымъ человѣческимъ чувствомъ относился онъ и тогда къ общественному продукту, олицетвореніемъ котораго явилась у него впослѣдствіи Сонечка Мармеладова».

«Болѣе яркія и опредѣленныя указанія на слишкомъ (?!) возбужденное въ то время состояніе Достоевскаго даетъ намъ еще Милюковъ.

«Въ своихъ запискахъ онъ разсказываетъ: «я помню, какъ съ обычной своей энергіей до ссылки Достоевскій читалъ стихотвореніе Пушкина «Уединеніе». Это происходило въ собраніяхъ кружка. Какъ теперь слышу восторженный голосъ, съ какимъ онъ произнесъ заключительный куплетъ:

Увижу-ль, о, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

«Только разъ Достоевскій вспылилъ и увлекся. Когда однажды споръ перешелъ на вопросъ: «ну, а если бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе какъ черезъ возстаніе?» Достоевскій воскликнулъ: «такъ хотя бы черезъ возстаніе!» «Дуровцы,—какъ вспоминаетъ Милюковъ,—въ своихъ бесѣдахъ не мало сѣтовали на строгость цензуры. Но особенно ихъ занимали политическіе вопросы и, прежде всего, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ». Конечно, чуть ли не самымъ отзывчивымъ на такіе вопросы въ ихъ кружкѣ являлся юный другъ и защитникъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» Ѳ. М. Достоевскій.

«Проникнутый высокими и гуманными идеями, отзывчивый только на все доброе, какъ человѣкъ, глубоко вѣрующій въ сознаніе русской самобытной національности, Достоевскій не могъ и мыслить о какомъ-нибудь политическомъ переворотѣ; но слишкомъ чуткій, слишкомъ отзывчивый, онъ не съумѣлъ таить въ себѣ сочувствія къ рѣзкимъ сужденіямъ Бѣлинскаго. «Оправдательная записка» его дышетъ мыслями и чувствами человѣка, истинно любящаго свою родину, человѣка искренняго и благороднаго. «Кто видѣлъ мою душу? У кого мѣрило вѣроломства, дурного вліянія и подстрекательства, въ кото-

рыхъ меня обвиняютъ?—пишетъ въ ней Ѳ. М. Достоевскій. «Я три раза говорилъ: два раза о литературѣ и одинъ разъ о предметѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ политикою—о личности и человѣческомъ эгоизмѣ. Ничего политическаго и либеральнаго не было въ моихъ словахъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ еще слѣдующія знаменательныя и откровенныя по тому времени строки: «да, если *желать лучшаго* есть либерализмъ, вольнодумство, то въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, я вольнодумецъ, въ томъ же смыслѣ, въ которомъ можетъ быть названъ вольнодумцемъ и каждый человѣкъ, который въ глубинѣ сердца своего чувствуетъ въ правѣ быть гражданиномъ, чувствуетъ себя въ правѣ желать добра своему отечеству, потому что находитъ въ сердцѣ своемъ и любовь къ отечеству, и сознаніе, что никогда ничѣмъ не повредилъ ему. Но это *желаніе лучшаго* было въ возможномъ или въ невозможномъ? Пусть уличатъ меня, что я желалъ перемѣнъ и переворотовъ насильственно, революціонерно, возбуждая желчь и ненависть! Но я не боюсь улики, ибо никакой доносъ на свѣтѣ не отниметъ отъ меня и не прибавитъ мнѣ ничего, никакой доносъ не заставитъ меня быть другимъ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ». Гдѣ же предположенный г-номъ Кульнинымъ «переходъ извѣстной дозволенной черты и границы»? Въ вышеприведенныхъ словахъ, звучащихъ независимо и искренно, выразилась именно теплая любовь къ родинѣ Достоевскаго, все его credo. «Но въ чемъ же обвиняютъ меня?—продолжаетъ нѣсколько ниже Ѳ. М. Достоевскій.—Въ томъ, что я говорилъ о политикѣ, о Западѣ, о цензурѣ и пр.? Но кто же не говорилъ и не думалъ въ наше время объ этихъ вопросахъ? Зачѣмъ же я учился, зачѣмъ наукой во мнѣ возбуждена любознательность, если я не имѣю права сказать моего личнаго мнѣнія или не согласиться съ такимъ мнѣніемъ, которое само по себѣ авторитетъ?» «Я говорилъ объ цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время (по мнѣнію г-на Кульнина, такъ *сознается* (?!) въ концѣ своей исповѣди Достоевскій), сѣтовалъ объ этомъ, ибо чувствовалъ, что произошло какое-то недоразумѣніе, изъ котораго вытекаетъ натянутый, тяжелый для литературы порядокъ вещей...» «Я подвергся (цензурному) запрещенію собственно за то, что картина написана была слишкомъ мрачными красками. Но если бы знали, въ какое мрачное положеніе поставленъ былъ авторъ запрещеннаго сочиненія! Онъ увидѣлъ передъ собою необходимость просидѣть хуже, чѣмъ безъ хлѣба, цѣлыхъ три мѣсяца, ибо работа давала мнѣ средства къ существованію». Достоевскій справедливо жалуется дальше на то, что безъ литературы общество не можетъ существовать, что цѣлыя отрасли искусства должны этимъ путемъ исчезнуть, говоритъ, что, хотя онъ объясняетъ себѣ «запасную революцію, какъ *историческую необходимость* тамошняго современнаго кризиса», но въ то же время онъ отстаиваетъ самобытность нашей страны, «не сложившейся, подобно Западу», и напоминаетъ о двукратномъ спасеніи Россіи единственно усиленіемъ авторитета, усиленіемъ самодержавія: въ первый разъ отъ татаръ, второй разъ въ реформу Петра Великаго. Указанными мыслями почти исчерпывается, по мнѣнію г-на Кузьмина, содержаніе драгоцѣннаго и знаменательнаго для оцѣнки личности Достоевскаго и мотивовъ, послужившихъ къ ссылкѣ его, документа». Въ немъ звучитъ голосъ

человѣка гуманнаго, вѣрующаго въ Бога и свое отечество, чуждаго европеизма на русской почвѣ, съ горячей любовью къ роднымъ основамъ и литературѣ, но, можетъ быть, слишкомъ чуткаго (!) для того тревожнаго времени, слишкомъ честнаго и правдиваго (какъ видите, «честнымъ» и «правдивымъ» можно быть только въ умѣренной степени) публициста, который не могъ покоиться въ сладкомъ самоусыпленіи во время всеобщей литературной спячки и отозвался не во-время со всей полнотой и энтузіазмомъ юной, свѣжей, чистой, нетронутой души».

Вотъ все, что сообщаетъ намъ г. Кузьминъ о преступленіяхъ Достоевскаго, за которыя онъ понесъ «заслуженную кару» въ видѣ приговора къ смертной казни, замѣненной на эшафотѣ ссылкой въ каторгу. Подведемъ же итоги этимъ «преступленіямъ»: 1) обнаруживалъ «свободолюбивый» образъ мыслей, но считалъ, что «спасеніе Россіи въ силѣ самодержавія»; 2) ожидалъ освобожденія крестьянъ отъ верховной власти, съ энтузіазмомъ мечталъ о томъ времени, когда «рабство падетъ по манію царя» и только одинъ разъ воскликнулъ, что освобожденіе крестьянъ должно стать совершившимся фактомъ «хотя бы и черезъ возстаніе»; 3) прочелъ на собраніи у Петрашевекаго рукописное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, причемъ, добавляетъ г. Кузьминъ «не съумѣлъ таить въ себѣ сочувствія къ рѣзкимъ сужденіямъ Бѣлинскаго» *). Вотъ и все. Гдѣ же тотъ переходъ «дозволенной черты и грани», который заставляетъ, по мнѣнію г. Кузьмина, отвѣчать на вопросъ о «нѣкоторой (?) виновности» Достоевскаго «вполнѣ утвердительно»... Вотъ ужъ подлинно можно сказать: et voilà comme l'on écrit l'histoire!..

Времени пребыванія Достоевскаго въ военной службѣ посвящена статья г. Скандина, помѣщенная въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» и называющаяся «Ѳ. М. Достоевскій въ Семипалатинскѣ». Небольшой сравнительно промежутокъ этотъ изъ жизни Достоевскаго авторъ обработалъ живо и интересно. Предъ нами Достоевскій въ мундирѣ рядового какого-то Сибирскаго № 7 линейнаго баталіона, Достоевскій, несущій тяжелую службу солдата Николаевской эпохи. Вмѣстѣ съ Достоевскимъ въ баталіонѣ служилъ, поступивъ туда изъ кантонистовъ, Н. Ф. Кацъ. Со словъ этого то Каца и передаетъ г. Скандинъ нѣкоторыя подробности о пребываніи Достоевскаго въ военной службѣ. «Глубоко запечатлѣлась въ памяти Н. Ф. Каца,—пишетъ г. Скандинъ,—одна экзекуція, а именно наказаніе шпицрутенами, когда Достоевскій находился въ строю, и, конечно, принужденъ былъ нанести и свой очередной ударъ по обнаженной спинѣ осужденнаго... Сзади строя въ это время зловѣще шагала фигура грознаго фронтовика-офицера Веденяева, больше извѣстнаго семипалатинцамъ старожиламъ подъ произвищемъ «Буранъ». Веденяевъ наблюдалъ за экзекуціей и зорко слѣдилъ, «не облегчаетъ ли кто удара»...

*) Читатель благоволитъ припомнить, что положительная программа, развитая Бѣлинскимъ въ этомъ страшномъ письмѣ сводится къ тремъ пунктамъ „уничтоженію крѣпостного права, отмѣненію тѣлесныхъ наказаній да введенію по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть“.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра II въ атмосферѣ повѣяло, какъ извѣстно, нѣкоторою оттепелью, но дуновеніе ея коснулось Достоевскаго далеко не сразу. Ему для этого пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ барону Врангелю, котораго онъ просилъ побывать у Тотлебена, передать ему письмо и добиваться у государя о смягченіи участи просителя. Просьба Достоевскаго состояла въ томъ, что ему позволено было перейти въ гражданскую службу возвратиться въ Россію и имѣть право печатать свои произведенія. Вмѣсто всего этого и вслѣдствіе усиленныхъ хлопотъ друзей Достоевскаго, онъ получилъ милость въ формѣ производства въ прапорщики съ оставленіемъ въ томъ же баталіонѣ. Конечно, жизнь офицера была многимъ лучше доли солдата, но не того жаждалъ Достоевскій. Лишь въ 1859 году послѣдовало, наконецъ, давно желанное Достоевскимъ увольненіе его въ отставку. Бумага, которой извѣщалось начальство Достоевскаго объ этомъ фактѣ гласила:

«Дежурный генералъ главнаго штаба его императорскаго величества 27-го марта за № 318 увѣдомилъ, что высочайшимъ приказомъ, въ 18-й день минувшаго марта состоявшимся, прапорщикъ Сибирскаго линейнаго баталіона изъ политическихъ преступниковъ, Достоевскій уволенъ за болѣзнью отъ службы съ награжденіемъ слѣдующимъ чиномъ.

«Къ сему свиты его величества генералъ-маіоръ Герштенцвейгъ присовокупилъ, что объ учрежденіи за подпоручикомъ Достоевскимъ секретнаго надзора, по избранному имъ мѣсту жительства въ городѣ Твери, и о воспрещеніи ему въѣзда въ губерніи С.-Петербургскую и Московскую вмѣстѣ съ симъ сообщено министру внутреннихъ дѣлъ и управляющему III отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

«Вслѣдствіе отзыва начальника штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса отъ 28-го минувшаго апрѣля № 2.586, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для свѣдѣнія. Подписано: начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Домете и начальникъ дивизіоннаго штаба подполковникъ Бабковъ».

Описанію не особенно далекаго прошлаго нѣкоторыхъ уголковъ жизни нашей родины посвящена и печатающаяся въ «Вѣстникѣ Европѣ» автобіографія извѣстнаго историка и профессора кіевскаго университета г. Романовича-Славатинскаго. Автобіографія эта началась печататься уже нѣсколько книжекъ тому назадъ. Не разъ думали мы дать изъ нея и читателямъ нашего журнала тѣ или иныя любопытныя странички, но ни разу не привели этого въ исполненіе по той причинѣ, что, скажемъ прямо и скажемъ, конечно, съ сожалѣніемъ, что въ воспоминаніяхъ г. Романовича-Славатинскаго интереснаго очень очень мало. Не того ждали мы отъ извѣстнаго автора книги о дворянствѣ на Руси. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, повторять читателю о томъ, что, когда г. Славатинскій встрѣтился въ Лондонѣ съ Герценомъ, то узналъ, что послѣдній любитъ русскія ватрушки и притомъ непремѣнно съ заклеенными краями, что пріѣхавъ во Флоренцію, авторъ воспоминаній нашелъ этотъ городъ очень красивымъ, а въ Венеціи онъ видѣлъ своими глазами, что тамъ ѣздятъ на гондолахъ и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ. Печатью какой-то необыкновен-

ной поверхностности отмѣчены вообще всѣ до сихъ поръ напечатанныя главы изъ автобіографіи г. Славатинскаго. Прочли мы продолженіе ея и въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» и остались почти подъ тѣмъ же самымъ впечатлѣніемъ. А казалось бы, что поразсказать г-ну Романовичу-Славатинскому есть о чемъ. Авторъ воспоминаній былъ въ 1862 году уже профессоромъ въ Кіевѣ и вотъ какъ описываетъ онъ, напр., то горячее время: «Въ концѣ апрѣля разнеслась вѣсть, что въ окрестностяхъ Кіева идетъ война повстанцевъ съ русскими войсками. Въ виду всѣхъ этихъ событій, задумано было подать государю всеподданнѣйшій адресъ. Въ квартирѣ ректора собрались нѣсколько профессоровъ. и я въ томъ числѣ, и мы выслушали проектъ адреса, составленный Незабитовскимъ. Проектъ былъ хорошо составленъ и безъ измѣненій предложенъ былъ совѣту, отъ лица котораго и препровожденъ государю. Скоро мы получили благодарность. Адресомъ университетъ не ограничился: въ иностранной прессѣ помѣщалась масса невѣрныхъ свѣдѣній изъ польскихъ источниковъ; составлена была брошюра за подписью всѣхъ членовъ совѣта, въ которой эти ложныя свѣдѣнія опровергались, а факты возстановлялись въ подлинномъ видѣ. Въ 1864 году, по предложенію Милюкова, былъ выбранъ почетнымъ членомъ университета Катковъ, какъ бы въ видѣ протеста противъ Шедо-Ферота, порицавшаго публицистическую дѣятельность редактора «Московскихъ Вѣдомостей».

Вотъ и все. И фактическая часть сказанія, какъ видитъ читатель, уже черезчуръ убога, да и настроенія окрашены ужъ слишкомъ въ одинъ цвѣтъ. А между тѣмъ, даже и такія страницы въ автобіографіи г. Славатинскаго разсыпаны далеко не въ изобиліи. Типичны будутъ страницы въ родѣ такой: «въ маѣ 1870 г. я уѣхалъ въ Петербургъ. Въ первый разъ я былъ въ этомъ городѣ и онъ мнѣ очень понравился. Меня особенно поражали бѣлыя ночи, къ которымъ я долго не могъ привыкнуть, страдая безсонницей. Рукопись своей исторіи русскаго дворянства я отдалъ для напечатанія въ типографію министерства внутреннихъ дѣлъ, а самъ устроился на Надеждинской улицѣ, противъ государственнаго коннозаводства» и пр., и пр., и пр. Какъ хотите, а подобнаго рода подробности и вообще мало интересны, а когда онѣ растянуты на десяти страницахъ, причемъ бсзсодержательность ихъ не компенсируется рѣшительно никакими положительными сторонами, то невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ это люди пишутъ автобіографіи, если имъ сказать нечего? Кому онѣ могутъ быть интересны?

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Германскія дѣла: закрытіе рейхстага и начало избирательнаго періода.—Театральная—цензура. Германскіе газеты напечатали прощальныя статьи рейхстагу, закончившему свою законодательную дѣятельность. Нельзя, однако сказать, чтобы этотъ рейхстагъ—второй въ Гер-

маніи, просуществовавшій весь полный пятилѣтній законодательный періодъ,— оставилъ по себѣ особенно блестящее воспоминаніе. Всѣ партіи отзываются о немъ не вполнѣ одобрительно, такъ что, очевидно, онъ не съумѣлъ угодить ни друзьямъ, ни врагамъ; и тѣ и другіе обвиняютъ его съ слабости, нерѣшительности и безцвѣтности. Особенно отличался этими качествами послѣдній періодъ его существованія. Депутаты блистали своимъ отсутствіемъ, вслѣдствіе чего большею частью пренія затягивались, такъ какъ не хватало наличности депутатовъ для поименнаго голосованія. Правда, обсужденіе нѣкоторыхъ законопроектовъ выиграло отъ такихъ затягиваній, но въ большинствѣ случаевъ они все таки вредили дѣлу и интересъ къ работамъ рейхстага постепенно ослабѣвалъ. Консервативная печать жалуется на то, что рейхстагъ, въ которомъ оффиціально господствующею партіей былъ центръ, въ концѣ концовъ перешелъ въ руки соціалъ-демократовъ. Вѣроятно, это было причиною, что закрытіе рейхстага и его распущеніе совершилось безъ всякой торжественной обстановки и былъ только прочитанъ соотвѣтствующій императорскій указъ, между тѣмъ какъ предшедствующій рейхстагъ удостоился похвалы изъ устъ самого императора Вильгельма, произнесшаго прощальную тронную рѣчь 5-го мая 1898 года по случаю окончанія законодательнаго періода. Впрочемъ, это понятно; прошлый рейхстагъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ императора, принявъ законопроектъ о флотѣ, почти удвоившій расходы морского бюджета, и военный законопроетъ, который также повелъ за собою значительное финансовое отягощеніе страны. Центръ въ обоихъ случаяхъ игралъ роль правительственной партіи. Однако, наслѣдіе, оставленнос этимъ рейхстагомъ, выказавшимъ такую угодливость, оказалось черезмѣрно тяжелымъ, что выразилось особенно ясно въ исторіи съ съ китайскою экспедиціей. Въ организаціи этой экспедиціи проявилось полнѣйшее игнорированіе парламентскихъ учрежденій страны, экспедиція была предпринята въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это было вызвано необходимостью, и при этомъ не было внесено въ рейхстагъ никакого предложенія относительно ассигновки суммъ на эту экспедицію и со стороны рейхстага не требовалось никакого предварительнаго согласія на расходы, сопряженные все съ этимъ предпріятіемъ. Между тѣмъ, расходы эти далеко превысили предположенную смѣту и рейхстагу надо было уже заднимъ числомъ давать свое согласіе. Но графу Бѣлову, замѣнившему князя Гогенлоэ на канцлерскомъ посту, пришлось не мало потрудиться, чтобы добиться этого согласія. Рейхстагъ далъ его, но при этомъ подвергъ рѣзкой критикѣ всю экспедицію и такъ какъ заявленія рейхстага были вполнѣ основательны, то Бѣлову ничего больше не оставалось, какъ дать пароль своей партіи: раздѣлаться какъ можно скорѣе съ этимъ непріятнымъ вопросомъ и снять со сцены китайскую экспедицію. Между тѣмъ, и финансовое положеніе государства въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи вполнѣ оправдало опасенія тѣхъ депутатовъ, которые предостерегали отъ чрезмѣрно большой угодливости въ дѣлахъ, касающихся бюджета страны. Теперь почти вся печать ставитъ въ упрекъ правительству, что оно не жалѣло розовой краски для изображенія финансоваго положенія, когда дѣло шло о томъ,

чтобъ добиться согласія рейхстага на новые кредиты, а теперь, ссылаясь именно на финансовыя затрудненія, правительство всячески старается увеличить бремя плательщиковъ налоговъ.

Однако, либеральная печать все-таки признаетъ, что кончившій свою дѣятельность рейхстагъ заслуживаетъ быть помянутымъ добромъ, потому что онъ быстро провалилъ нѣкоторые реакціонерные законопроекты, въ родѣ закона Гейнце и т. д., хотя это и было сдѣлано конечно подъ давленіемъ сильнаго общественнаго движенія. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать все-таки, что реакціонныя силы рейхстага дѣйствовали дружно и смѣло и благодаря имъ парламентская власть привратилась въ послѣднее время въ пустой звукъ. Вся оппозиціонная печать напоминаетъ объ этомъ избирателямъ, такъ какъ отъ состава будущаго рейхстага должно зависѣть и будущее парламентаризма въ Германіи. Собственно избирательный періодъ уже начался въ Германіи, но печать жалуется на то, что не замѣтно еще никакого оживленія въ обществѣ. Партіи, впрочемъ, усиленно готовятся къ предстоящему генеральному сраженію, и мобилизуютъ свои отряды. «Frankfurter Zeitung» и другія газеты того же лагеря напоминаютъ избирателямъ о серьезной и важной отвѣтственности, которая лежитъ на нихъ теперь, такъ какъ правительство, несомнѣнно, будетъ сообразовываться съ исходомъ выборовъ въ своей экономической политикѣ. Націоналъ-либеральная печать, однако, очень озабочена успѣхами соціалъ-демократіи и упрекаетъ рейхстагъ въ томъ, что онъ работалъ на руку ихъ партіи. При наличности аграрнаго большинства и господствѣ центра, сила, на практикѣ, оказалась тѣмъ не менѣе на сторонѣ соціалъ-демократовъ, несмотря на ихъ численное меньшинство. Въ дѣйствительности они могли во всякое время прервать ходъ занятій рейхстага и даже терроризировать неспособное къ работѣ большинство, которое въ состояніи было совладать съ оппозиціей, во время обсужденія тарифнаго законопроекта, только путемъ примѣненія незаконныхъ средствъ. Это создало въ высшей степени неблагопріятныя условія для будущаго рейхстага и несомнѣнно должно будетъ повліять на выборы.

Вопросъ о театральной цензурѣ, выдвинутый запрещеніемъ въ Берлинѣ пьесы Пауля Гейзе «Марія Магдалина» все еще не сходитъ со сцены. По этому поводу кельнская газета приводитъ нѣкоторые факты изъ исторіи театральной цензуры, которые должны примирить германскую публику съ существующимъ положеніемъ вещей. Такъ ли было раньше? Вотъ что, напр., дѣлалось въ Вѣнѣ, въ 1795 году, когда во главѣ театральной цензуры находился нѣкій Хегелинъ. Почти всѣ темы, какія только могъ затрогивать драматическій авторъ въ своихъ произведеніяхъ, оказывались для него запретными, такъ какъ къ нимъ цензоръ могъ примѣнить принципъ «о неподходящемъ направленіи». Въ такъ называемомъ австрійскомъ «организаціонномъ статутѣ» 1778 года было сказано о допущеніи драматическихъ произведеній: «Нельзя допускать такихъ произведеній, которыя противорѣчатъ системѣ» (т.-е. правительству); Хегелинъ, однако, счелъ нужнымъ пояснить это дальнѣйшимъ образомъ: «Само собою разумѣется, говоритъ онъ въ своемъ руководствѣ цензорамъ—что театральная цензура должна быть гораздо строже обыкновенной, такъ какъ дѣйствіе, про-

изводимое на зрителей театральными представленіями, гораздо сильнѣе простого чтенія этихъ произведеній». Далѣе Хегелинъ перечисляетъ темы, которыя не могутъ быть затронуты на сценѣ; къ числу ихъ принадлежитъ, между прочимъ, смерть Цезаря, изгнаніе Тарквинія, событія изъ исторіи эрцгерцогскаго дома, могущія набросить тѣнь на этотъ домъ, исторія Вильгельма, возстаніе Нидерландовъ и вообще всякія другія возстанія. Нельзя выводить на сценѣ духовныхъ лицъ, хоть бы въ хвалебномъ видѣ; нельзя касаться военныхъ и т. д. Но лучше всего этотъ параграфъ: «Лица мужского пола могутъ разставлять сѣти добродѣтели, совершать попытки совращенія со стези добродѣтели и выступать съ предложеніями преступнаго характера, но женщины никогда, даже для виду, не должны сеглашаться на такія предложенія. Цензура должна наблюдать, чтобы двое влюбленныхъ на сценѣ не удалялись вмѣстѣ. На сценѣ не могутъ быть допущены также нарушительницы супружеской вѣрности. Выраженій: тиранъ, тиранія, деспотизмъ, угнетеніе подчиненныхъ и т. д. слѣдуетъ старательно избѣгать, также какъ словъ: просвѣщеніе, свобода и равенство...» Это было въ 1795 году, но еще въ 1826 году вѣнская цензура слово «Volk» вездѣ замѣняла словомъ «Leute», даже въ историческихъ драмахъ. «Однако то, что было возможно въ первой половинѣ XIX-го вѣка, немыслимо теперь, замѣчаетъ кельнская газета.—Общественное мнѣніе слишкомъ сильно возмущено оскорбительною для него опекой и въ будущемъ законодательномъ періодѣ вопросъ о театральной цензурѣ и ея упраздненіи вѣроятно будетъ выдвинутъ на сцену».

Недавно опубликованъ годовой отчетъ дѣятельности женскихъ юридическихъ ферейновъ въ Германіи. Девять лѣтъ тому назадъ такой ферейнъ былъ основанъ впервые въ Дрезденѣ г-жею Маріей Штрифтъ съ цѣлью оказанія юридической помощи женщинамъ въ различныхъ случаяхъ жизни. Дѣятельность этого ферейна оказалась настолько полезной, что по примѣру его образовались другіе такіе же ферейны въ разныхъ городахъ Германіи. Въ настоящее время число этихъ ферейновъ достигаетъ 35-ти; изъ нихъ 23 соединились вмѣстѣ для образованія центральнаго отдѣленія въ Берлинѣ подъ вѣдѣніемъ доктора правъ, Маріи Рашке. Изъ отчета этого центральнаго отдѣленія видно, что объединенные ферейны оказали юридическую помощь 5.453 женщинамъ, изъ всѣхъ классовъ общества, обращавшихся къ намъ за совѣтомъ, причемъ оказывается, что число замужнихъ кліентокъ, разведенныхъ и вдовъ превышало на 11,21 проц. число незамужнихъ; точно также и число зарабатывающихъ женщинъ, обращавшихся за юридическимъ совѣтомъ, превысило на 20,64 проц. число женщинъ, не имѣющихъ никакой профессіи. Что касается поводовъ къ обращенію за юридическими совѣтами, то въ 840 случаяхъ это были распри супруговъ; въ 503—недоразумѣнія съ квартирными хозяевами; въ 744—недоразумѣнія, касающіяся заработной платы и т. д.

Въ настоящее время Австрія также послѣдовала примѣру своей сосѣдки и австрійскій женскій ферейнъ устроилъ въ Вѣнѣ три юридическихъ бюро для женщинъ по образцу берлинскаго. Вообще идея устройства такихъ бюро оказалась въ практическомъ отношеніи очень цѣлесообразной.

На этихъ дняхъ берлинскій вечерній пріютъ для работницъ перебрался въ новое и болѣе просторное помѣщеніе, такъ какъ прежнее оказалось слишкомъ тѣснымъ. Число вечернихъ посѣщеній въ этомъ пріютѣ среднимъ числомъ бываетъ 20, а дневныхъ посѣтительницъ, приходящихъ обѣдать въ пріютъ, обыкновенно бываетъ чуть ли не вдвое больше. Въ новомъ помѣщеніи пріюта находится просторная столовая, гостиная съ балкономъ, кабинетъ для чтенія, ванная и спальня для 15-ти живущихъ; смотря по величинѣ комнаты, въ ней помѣщаются двѣ и три кровати. Устроительницы пріюта прежде всего имѣли въ виду доставить наивозможныя удобства тяжело работающимъ женщинамъ, которыя въ пріютѣ находятъ все, что нужно. Къ ихъ услугамъ имѣются четыре швейныя машины, очень недурная библіотека, разныя газеты и піанино; всѣмъ этимъ онѣ могутъ пользоваться въ свои свободные часы. Плата очень умѣренная: отъ 4-хъ съ половиною марокъ до 9-ти въ мѣсяцъ, смотря по величинѣ комнаты; удобствами же пользуются всѣ одинаково. Также дешевы цѣны и за завтраки и обѣды. Кромѣ того въ пріютѣ устроены и безплатные курсы шитья, пѣнія и гимнастики, а по воскресеньямъ читаются лекціи и устраиваются музыкальные вечера. По случаю перехода пріюта въ новое помѣщеніе, берлинскія газеты печатаютъ сочувственныя статьи и одобряютъ идею его устройства. Фабричныя работницы этого района, гдѣ находится пріютъ (Berlin, N. W.), по собственному почину выразили благодарность его устроительницамъ. Даже тѣ изъ нихъ, которыя живутъ въ семьяхъ и не имѣютъ нужды въ такомъ пріютѣ, съ удовольствіемъ посѣщаютъ устраиваемые въ нихъ вечера.

Ирландскій билль.—Рѣчь Карнеджи о проблемахъ промышленности. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ (443 противъ 26) палата общинъ приняла во второмъ чтеніи ирландскій аграрный законопроектъ, внесенный Циндгемомъ. Большинство, вотировавшее законопроектъ, состояло изъ депутатовъ министерской партіи, ирландцевъ и либераловъ, меньшинство—изъ нѣкоторыхъ непримиримыхъ уніонистовъ и радикаловъ, протестующихъ противъ того, чтобы въ карманы ирландскихъ землевладѣльцевъ попадали деньги англійскихъ плательщиковъ податей. Это голосованіе вызвало, конечно, много толковъ въ англійской печати. Газеты всѣхъ направленій указываютъ на него какъ на побѣду либеральной идеи въ англійской политикѣ, но въ то же время констатируютъ окончательный расколъ либеральной партіи. Дальнѣйшее обсужденіе законопроекта, конечно, должно будетъ вызвать очень оживленные и горячіе дебаты, но тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается, что законопроектъ пройдетъ громаднымъ большинствомъ голосовъ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. По общему отзыву министерство Бальфура избрало очень удобный моментъ для рѣшенія аграрнаго вопроса въ Ирландіи, такъ какъ въ первый разъ землевладѣльцы и арендаторы оказались согласны между собой насчетъ принциповъ закона, цѣль котораго—положить конецъ давнишнимъ раздорамъ, существующимъ между ними. Какъ бы то ни было, но кабинетъ Бальфура осуществилъ все-таки часть программы Гладстона и то, что не удалось совер-

шить либеральному министерству, будетъ сдѣлано консервативнымъ. Джонъ Морлей въ блестящей рѣчи, произнесенной имъ по поводу принятія аграрнаго билля, постарался все-таки поставить эту побѣду на счетъ либеральной партіи. «Въ данномъ случаѣ торжествуетъ никакъ не консервативная, а либеральная политика. Новый аграрный законъ знаменуетъ собой полный переворотъ въ ирландской правительственной политикѣ, такъ какъ онъ стремится къ уничтоженію ландлордизма въ Ирландіи», сказалъ Морлей.

Либеральная печать указываетъ, однако, что аграрный законопроектъ не исчерпываетъ всего ирландскаго вопроса. Ирландскій вопросъ чисто практическій и какъ таковой можетъ быть рѣшенъ съ большею легкостью, несмотря на всѣ затрудненія, вызываемыя аграрными порядками Ирландіи. Не въ примѣръ труднѣе рѣшеніе политическаго вопроса. Многіе полагаютъ, что когда ирландскій крестьянинъ сдѣлается владѣльцемъ клочка земли, который онъ обрабатываетъ, то ирландскимъ политическимъ агитаторамъ, встрѣчающимъ теперь благопріятную почву, не такъ легко будетъ воздѣйствовать на него. Но если это и справедливо до нѣкоторой степени, то все-таки нельзя отрицать, что въ ирландскомъ народѣ націоналистскія чувства весьма сильны и ирландская идея пустила глубокіе корни въ душѣ ирландцевъ, такъ что вырвать ее оттуда довольно трудно. Уніонистскіе органы печати утверждаютъ теперь, что аграрный законъ нанесетъ смертельный ударъ гомрулю, какъ только будетъ вотированъ, но на это можно возразить, что такъ какъ принудительная система оказалась не въ силахъ водворить спокойствіе въ Ирландіи, то пришлось волей-неволей обратиться вспять. Послѣ почти двадцатилѣтняго крутого управленія въ странѣ, консервативное министерство предлагаетъ ей либеральную мѣру—выкупъ земель. Возможно, что это только первый шагъ къ дальнѣйшимъ, вынужденнымъ обстоятельствами, уступкамъ и большинство либераловъ убѣждены, что аграрный билль проложитъ дорогу къ реализаціи политическихъ мечтаній Ирландіи.

Много шума возбудила въ англійской печати рѣчь знаменитаго нынѣ архимилліардёра Карнеджи, произнесенная имъ въ собраніи представителей желѣзной и стальной промышленности. Карнеджи былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ и поблагодаривъ за эту честь, сказалъ, что онъ особенно цѣнитъ ее, такъ какъ еще никогда институтъ желѣзныхъ и стальныхъ промышленниковъ не выбиралъ своимъ предсѣдателемъ иностраннаго подданнаго. Тѣмъ не менѣе, институтъ носитъ вполнѣ космополитскій характеръ и насчитываетъ среди своихъ членовъ много громкихъ именъ ученыхъ изобрѣтателей, какъ Бессемеръ, Сименсъ и др. «Я не имѣю никакихъ правъ занимать мѣсто рядомъ съ ними,—сказалъ Карнеджи.—Я не ученый, не изобрѣтатель, не химикъ и не механикъ, я просто «дѣлецъ» (business man) и буду говорить съ вами, какъ дѣлецъ. Поэтому я, прежде всего, хочу обратить ваше вниманіе на организацію и управленіе самымъ сложнымъ изъ всѣхъ механизмовъ—человѣческимъ трудомъ». Далѣе Карнеджи весьма подробно изложилъ свой взглядъ на отношенія между трудомъ и капиталомъ. Великая тайна успѣха промышленности заключается, по его словамъ, въ привлеченіи къ участію къ барышахъ всѣхъ

тѣхъ, кто своимъ трудомъ помогаетъ реализировать эти барыши. Слѣдуя этому принципу, Карнеджи сдѣлалъ своихъ лучшихъ рабочихъ участниками въ дѣлѣ и благодаря такой системѣ реализировалъ громадные барыши. Заработная плата служитъ большею частью однимъ изъ главныхъ поводовъ къ столкновенію между трудомъ и капиталомъ, но если каждый рабочій будетъ въ то же время акціонеромъ дѣла, для котораго работаетъ, то это положитъ конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. «Рабочій и работодатель—это сіамскіе близнецы,—сказалъ Карнеджи въ заключеніе,—и связь между ними такова, что благоденствіе одного невозможно безъ благоденствія другого. Они должны жить и умирать вмѣстѣ, и отдѣленіе ихъ другъ отъ друга также равносильно смерти!»

Эти заключительныя слова были покрыты громкими апплодисментами и вызвали оживленныю толки въ обществѣ. Сравненіе съ сіамскими близнецами, повидимому, понравилось. Одна изъ газетъ, впрочемъ, ядовито замѣчаетъ, что Карнеджи не всегда раздѣлялъ эти взгляды на отношенія труда и капитала и въ 1892 году прибѣгнулъ къ весьма крутымъ мѣрамъ въ Питтсбургѣ для рѣшенія конфликта съ рабочими. Очевидно, онъ былъ далекъ тогда отъ мысли о сіамскихъ близнецахъ, но опытъ навелъ его на эту мысль.

Вообще Карнеджи снова заставляетъ много говорить о себѣ, особенно по поводу своего послѣдняго пожертвованія полутора милліона долларовъ на сооруженіе дворца для третейскаго суда въ Гаагѣ.

Лондонскія картинки. Вопросъ объ эмиграціи иностранцевъ въ Англію давно уже интересуетъ англійскую печать и даже въ палату общинъ былъ внесенъ билль, имѣющій цѣлью ограничить эммиграцію, которая начинаетъ стѣснять коренныхъ жителей страны. Иностранцы, ищущіе работы или тѣснимые законами своей страны, отправляются въ Англію, куда ихъ въ особенности привлекаютъ свободныя англійскія учрежденія и неприкосновенность личностей. Но изъ всѣхъ народностей, чаще всего ищутъ убѣжища въ Англіи евреи, эмигрирующіе изъ тѣхъ странъ, гдѣ законы относятся къ нимъ слишкомъ сурово. «Лондонъ переполненъ евреями», говоритъ англійскій журналистъ описывающій въ «Birmingham Post» посѣщеніе квартала, населеннаго евреями. «Бѣдняки» воображаютъ, что лондонскія улицы вымощены золотомъ!—замѣтилъ ему секретарь еврейскаго общества вспомоществованія бѣднымъ. Сколькихъ намъ пришлось отправить назадъ на родину! Въ прошломъ году, мы истратили на это 1.200 фунтовъ».

Иностранные евреи, впрочемъ, всегда пріѣзжаютъ въ Лондонъ съ какою-нибудь рекомендаціей, адресомъ какой-нибудь мастерской или какого - нибудь знакомаго. И тѣмъ не менѣе первые шаги для нихъ бываютъ трудны, такъ какъ очень часто случается, что пріятель, адресъ котораго имѣется у эмигранта, переѣхалъ въ Америку, а въ мастерской его не принимаютъ, потому что онъ «новичокъ». Обыкновенно такіе новички становятся жертвою такъ называемыхъ «Sweater»—«кровопійцевъ портняжнаго или башмачнаго ремесла». Но у бѣдняка, оставшагося съ нѣсколькими грошами въ карманѣ, нѣтъ выбора. Въ извѣстное время года нѣтъ недостатка въ работѣ, но въ другія времена

работу бываетъ очень трудно достать. Бѣднякъ работаетъ часовъ 18 въ день, хотя это и является нарушеніемъ фабричнаго закона, но тутъ законъ совершенно безсиленъ. Фабричный инспекторъ можетъ быть не разъ видѣлъ черезъ окно, что швеи работаютъ далеко за полночь, но лишь только онъ показывается въ мастерской, какъ работы уже нѣтъ и слѣда—ее прячутъ необыкновенно быстро и искусно и онъ застаетъ только мирно бесѣдующихъ мастерицъ. Между тѣмъ законъ требуетъ, чтобы онъ засталъ людей на мѣстѣ преступленія, т.-е. за работой, и то, что онъ видѣлъ въ окно, недостаточно и не можетъ служить законною уликой. Большею частью хозяева такихъ мастерскихъ—пройдохи, умѣющіе прятать концы въ воду и обходить законы, но еще лучше они умѣютъ высасывать соки изъ своихъ жертвъ и этими жертвами обыкновенно бываютъ иностранцы. Условія труда такъ тяжелы, рабочее время такъ длинно, что англійскій рабочій лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ является тутъ конкурентомъ иностранцу. Кромѣ того англичанинъ далеко не отличается такою покорностью и всегда требуетъ опредѣленной заработной платы; иностранецъ же, въ особенности еврей, отличается выносливостью и скорѣе покоряется своей участи, соглашаясь глодать корку хлѣба. Впрочемъ, въ сущности ему ничего другого и не остается.

«Я долженъ сознаться, говоритъ англійскій журналистъ—что при ближайшемъ знакомствѣ съ населеніемъ этого квартала, чувство антипатіи, которое я испытывалъ сначала къ этимъ чужеземцамъ, почти совершенно исчезло. Я даже позабылъ, что передо мною были чужеземцы и видѣлъ только человѣческія существа, которыя боролись съ голодомъ. Въ «Great Pearl Street»—улицѣ, которую генералъ Бутсъ причисляетъ къ самымъ ужаснымъ трущобамъ, гдѣ порокъ и преступленіе свили гнѣздо, я разговорился съ однимъ маленькимъ мастеровымъ. Это былъ башмачникъ, работавшій по контракту на одну фабрику, которой онъ долженъ былъ поставлять готовую обувь. Онъ все дѣлалъ отъ руки и эта ручная работа должна была въ цѣнѣ конкурировать съ машинною работой фабрики. Когда работы было много, то ему помогала жена и четверо подмастерьевъ. Конечно ему приходилось трудно и въ его маленькой квартирѣ царила нужда. Больше всего онъ жаловался на конкуренцію машинъ и сообщилъ мнѣ, что получаетъ работу только тогда, когда фабрика не въ состояніи выполнить всѣ заказы. Все что можно было заложить изъ вещей—было заложено: часы, праздничная одежда. «Мнѣ надо кормить и одѣвать моихъ дѣтей,—сказалъ онъ.—Я могу обходиться и безъ часовъ, и безъ праздничнаго платья. Надо только хорошенько умыться послѣ работы и тогда нѣтъ надобности перемѣнять одежду!»

«Вездѣ, куда я ни заглядывалъ, я встрѣчалъ такую же точно нужду и и такую же заботливость о дѣтяхъ. Дѣтей было изобиліе; въ каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ, въ каждомъ домѣ! И надо отдать справедливость, что еврейскія матери, несмотря на нищету, заботятся о нихъ такъ, какъ не умѣютъ заботиться о своихъ дѣтяхъ англійскія матери, находящіяся въ такихъ же точно условіяхъ.

«Странное зрѣлище для англичанина представляетъ въ настоящее время

лондонскій Истъ-Эндъ. Это какъ будто чужая страна. Надъ лавками виднѣются вывѣски на русскомъ, польскомъ, румынскомъ, еврейскомъ или нѣмецкомъ языкахъ. Афиши, наклеенныя на стѣнахъ, также на половину еврейскія и даже англійскій театръ выпускаетъ еврейскія афиши. Тутъ же издается и газета на еврейскомъ языкѣ. Англійскаго языка почти не слышно. Я переходилъ изъ одной улицы въ другую и всѣ онѣ были исключительно населены чужеземцами. Мнѣ указали на домъ, въ которомъ обитала англійская семья, какъ на достопримѣчательность. Чужеземцы въ этомъ кварталѣ вытѣснили совершенно англичанъ. Въ домахъ, гдѣ прежде помѣщались не болѣе какъ двѣ англійскія семьи, тепеперь живутъ пять или шесть семействъ чужеземцевъ. И эти чужеземцы платятъ за помѣщеніе гораздо больше англичанъ, такъ что квартирная плата за послѣднія десять лѣтъ возросла на 100 проц. Въ стеннейской общинной школѣ обучаются 89 англійскихъ дѣтей и 991 чужеземцевъ. Каждый только что отстроенный домъ, моментально наполняется чужеземцами.

«Я провелъ очень интересное послѣобѣда въ еврейской школѣ, въ которой обучается болѣе 3.000 дѣтей. Главный наставникъ сказалъ мнѣ, что 90 проц. поступаютъ не понимая ни слова по-англійски. Въ старшемъ классѣ изъ 40 мальчиковъ только одинъ имѣлъ родителей уроженцевъ Англіи. Двѣ трети мальчиковъ родились за границей и большинство въ Россіи.

«Во время перерыва 2.000 дѣтей съ шумомъ устремились на улицу. Точь-въ-точь англійскія дѣти! Трое изъ каждаго класса несли флагъ «Union Lacks»— это былъ признакъ, что въ теченіе цѣлой недѣли весь классъ велъ себя примѣрно и никто изъ учениковъ ни разу не былъ наказанъ.

«Въ противоположность другимъ иностранцамъ, поселяющимся въ Англіи, русскій и польскій еврей никогда не превращается въ англичанина. Нѣмецъ, пріѣзжающій въ Англію, скоро вступаетъ въ національную жизнь. Онъ усвоиваетъ англійскіе обычаи, женится и, такъ сказать, «растворяется въ англійскомъ народѣ»; его потомки становятся уже истыми англичанами. Но евреи держатся между собою. Строгіе религіозные законы не допускаютъ ихъ ассимиляціи съ англійскимъ народомъ и въ этомъ отношеніи евреи отличаются отъ всѣхъ другихъ иностранцевъ, высаживающихся на берегахъ Англіи. Англія никогда не дѣлается ихъ родиной.

«Цѣлыя улицы и цѣлые кварталы заселены теперь чужеземцами. Англичане почти совершенно вытѣснены ими. Впрочемъ, домовладѣльцы не желаютъ отдавать свои квартиры внаймы англичанамъ, такъ какъ съ чужеземца они могутъ брать высшую плату и притомъ они не такъ требовательны, не обращаютъ, напр., вниманія на то, что сырость покрываетъ стѣны и никогда не жалуются властямъ на домовладѣльцевъ. Я посѣтилъ одну такую квартиру, сырую, низкую, темную. Выбитое стекло въ окнѣ было заткнуто тряпкой. Вездѣ по стѣнамъ облупилась штукатурка. Внутренность квартиры состояла изъ грязной кухни и двухъ, похожихъ на ящикъ, спаленъ. Тутъ жило семейство, состоящее изъ мужа и жены и девяти дѣтей. Старшая дѣвочка уже работала, дѣлала папиросы и получала два шиллинга за тысячу штукъ. Въ то же время

она должна была няньчить свою четырехмѣсячную сестренку. Прежде плата за это помѣщеніе была 6 съ половиною шиллинговъ въ недѣлю, а теперь 10.

«Въ предмѣстьи Стеиней вмѣсто 8.000 англичанъ поселились 20.000 чужеземцевъ. Англичане покинули это предмѣстье именно вслѣдствіе чрезмѣрнаго повышенія наемной платы. Стеиней переполненъ русскими и польскими евреями. Изъ 38.000 русскихъ евреевъ въ Лондонѣ, $^{19}/_{20}$ живутъ въ Стеинеѣ; 12.500 изъ нихъ портные, 3.200 башмачники и 1.200 столяры.

«Еврейскія благотворительныя общества употребляютъ неимовѣрныя усилія, чтобы какъ-нибудь заставить жителей этихъ перенаселенныхъ кварталовъ перебраться въ другую болѣе здоровую мѣстность. Комитетъ посылаетъ такихъ, которые могутъ работать, въ Лидсъ и даже устраиваетъ фабрики за предѣлами Лондона, чтобы отвлечь туда избытокъ населенія. Но все напрасно, потому что каждую недѣлю въ Лондонъ прибываютъ новыя толпы чужеземцевъ, ищущихъ работы и убѣжища...»

Новое примѣненіе доктрины Монроё. Англійская и въ особенности германская печать съ большимъ жаромъ обсуждаетъ предложеніе, сдѣланное аргентинскою республикою вашингтонскому кабинету. Воспользовавшись раздраженіемъ, которое вызвалъ въ Америкѣ венецуэлльскій конфликтъ, аргентинская республика предлагаетъ Соединеннымъ Штатамъ присоединиться къ деклараціи, заявляющей, что государственный долгъ не можетъ служить поводомъ къ вмѣшательству европейской державы, являющейся кредиторомъ какой-нибудь американской республики. Чтобы склонить Соединенные Штаты въ пользу своей деклараціи, Аргентина выразила согласіе признать безъ всякихъ оговорокъ столь дорогую сердцу сѣвероамериканцевъ доктрину Монроё, т.-е. право Соединенныхъ Штатовъ покровительственнаго вмѣшательства и нравственной опеки надъ всею испанскою Америкой и Новымъ міромъ.

Конечно, такой планъ нельзя не признать весьма остроумнымъ. Доктрина Монроё, еще такъ недавно совершенно игнорируемая европейскою традиціонною дипломатіей, все болѣе и болѣе начинаетъ выдвигаться на первый планъ, становясь центромъ тяжести политики первоклассной державы. Въ англійскихъ газетахъ даже высказывается опасеніе, что она будетъ руководить судьбами цѣлаго полушарія. Имперіализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ нѣкотораго времени принялъ широкое и неожиданное развитіе. «Благодаря этой доктринѣ,— замѣчаетъ одна изъ нѣмецкихъ газетъ,—Соединенные Штаты не только получаютъ преимущественныя права и нравственную власть надъ всею латинскою Америкой, но какъ будто бы владѣютъ гипотекой на различныя американскія государства». Вполнѣ объяснимо поэтому, что европейская печать съ напряженною тревогой ожидала отвѣта вашингтонскаго кабинета на это предложеніе. Нѣкоторая часть американской печати высказывалась въ пользу него и вашингтонскій кабинетъ сначала какъ будто нѣсколько колебался. Другія же газеты предостерегали американское правительство отъ этой ловушки, указывая, что это признаніе фундаментальнаго принципа внѣшней политики Соединенныхъ

Штатовъ—не болѣе какъ вынужденное обстоятельствами и поэтому Соединеннымъ Штатамъ не стоитъ изъ-за этого рисковать своимъ нравственнымъ авторитетомъ и финансовымъ кредитомъ, которые неминуемо должны будутъ пострадать, если сѣверо-американская республика будетъ оказывать поддержку всѣмъ обанкротившимся американскимъ государствамъ.

Послѣдняя точка зрѣнія, очевидно, восторжествовала. Вашингтонскій кабинетъ отказалъ аргентинской республикѣ въ ходатайствѣ, отославъ ее къ заявленію, сдѣланному президентомъ Рузвельтомъ: «Мы не можемъ гарантировать безнаказанность никакому государству,—сказалъ Рузвельтъ,—если оно ведетъ себя дурно, лишь бы только наказаніе не принимало формы территоріальнаго вознагражденія и пріобрѣтенія въ Америкѣ территоріи державой «неамериканской».

На этотъ разъ доктрина Монроё не вывезла латиноамериканскую республику, пожелавшую сыграть при ея помощи свою партію. Но тѣмъ не менѣе эта доктрина озабочиваетъ европейскихъ государственныхъ дѣятелей и въ особенности императоръ Вильгельмъ часто наталкивается на нее въ своихъ гигантскихъ планахъ міровой политики.

Демократія въ американскихъ университетахъ. Близкія отношенія и согласіе, существующія между людьми, стоящими во главѣ американскаго просвѣщенія и крупными промышленными дѣятелями, составляетъ одну изъ выдающихся чертъ американской жизни. Щедрые дары, которыми осыпаютъ милліонеры американскіе университеты, поддерживаютъ постоянную связь между финансовымъ міромъ и міромъ культуры и благодаря этой связи между практическими дѣятелями и воспитателями возникаетъ полная гармонія во взглядахъ и поступкахъ. Архимилліонеры, въ родѣ Карнеджи и Рокфеллера, создаютъ новыя каѳедры въ университетахъ, помогаютъ увеличить число учащихся и отводятъ этимъ послѣднимъ все больше и больше мѣста въ дѣловой жизни, университеты же, съ своей стороны, чувствуютъ свою отвѣтственность и долгъ передъ промышленниками, которые въ награду за свою щедрость въ отношеніи университетовъ имѣютъ право требовать отъ нихъ, чтобы они подготовляли практическихъ дѣятелей. Въ Америкѣ укоренилось мнѣніе, что лучшій дѣятель—это тотъ, который долженъ былъ съ юныхъ лѣтъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и лишь «въ потѣ лица» достигъ ученыхъ степеней, поэтому американскіе университеты стараются все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ бѣдныхъ юношей, занимающихся какимъ-нибудь ремесломъ. Въ настоящее время, благодаря повышенію престижа высшаго образованія, американскіе университеты осаждаются ремесленниками, желающими попасть въ число студентовъ. Университеты охотно принимаютъ ихъ, такъ какъ престижъ ручного труда также очень повысился въ американскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, такимъ образомъ, дѣловой міръ и міръ науки работаютъ вмѣстѣ надъ созданіемъ новаго класса «служащихъ студентовъ», и «дипломированныхъ ремесленниковъ», который въ Соединенныхъ Штатахъ займетъ, вѣроятно, въ будущемъ первенствующее мѣсто

Въ демократической организаціи университетовъ наиболѣе дѣйствительною мѣрой явилось учрежденіе студенческаго бюро для найма и пріисканія занятій. Въ Іолѣ такое бюро существуетъ два года, а въ колумбійскомъ университетѣ—годъ. Въ первый годъ существованія этого бюро въ Іолѣ 30 студентовъ покрыли всѣ свои расходы своимъ заработкомъ, а 69 — только часть своихъ издержекъ въ университетской коллегіи. Во второй годъ 400 студентовъ обратились за работой и 300 получили ее. Самый обыкновенный заработокъ студента составляетъ прислуживаніе за столомъ; рестораны и маленькіе пансіоны охотно даютъ имъ столъ и комнату взамѣнъ ихъ услугъ въ часы обѣда. Демократическій духъ настолько силенъ, что въ Іолѣ даже въ университетской столовой, гдѣ обѣдаютъ большинство студентовъ, роль кёльнеровъ исполняютъ ихъ товарищи. Другіе ихъ товарищи устраиваютъ крохотныя коопераціи и сами являются ихъ администраторами, закупаютъ провизію, наблюдаютъ за кухаркой и, взамѣнъ этихъ услугъ, пользуются даровымъ обѣдомъ. Но они, въ свою очередь, нанимаютъ другихъ студентовъ, чтобы прислуживать за столомъ.

Другимъ, наиболѣе распространеннымъ заработкомъ студентовъ служитъ присмотръ за калориферами въ городскихъ домахъ. Одинъ французскій журналистъ разсказываетъ въ «Temps», что онъ познакомился въ Нью-Іоркѣ съ молодымъ зулусомъ-студентомъ, который такимъ образомъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе. На своей родинѣ, въ Наталѣ, онъ слышалъ, что «студентъ, не боящійся труда», всегда можетъ пропитать себя въ Америкѣ. Онъ рѣшилъ ѣхать туда, хотя ему нужно имѣть англійскій дипломъ, для того, чтобы получить право заниматься медицинскою практикой въ Южной Африкѣ. Но зулусъ надѣется заслужить потомъ одну изъ стипендій Сесиля Родса въ Оксфордѣ, а пока онъ старается получить дипломъ колумбійскаго университета, такъ какъ тамъ онъ имѣетъ возможнотть зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Его примѣръ можетъ служить доказательствомъ, до какой степени американская демократія представляется привлекательной даже очень отдаленнымъ и различнымъ расамъ. Его письмо въ университетское бюро труда замѣчательно своею трога-[illegible] про[illegible]той: «Я — молодой африканецъ, зулусъ по рожденію,—пишетъ онъ.—Я [illegible]тываю возможность получить образованіе, которое дастъ мнѣ возможность, [illegible] Божьею помощью и руководствомъ, воспитать мою расу. Я могу исполнять разныя обязанности, смотрѣть за лошадьми, топить калориферы, присматривать за садомъ; кромѣ того я умѣю прислуживать за столомъ и мыть посуду и т. д. Я сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ англійскаго на зулусскій языкъ, но врядъ ли въ Нью-Іоркѣ можетъ существовать спросъ на такой трудъ. Но я не требователенъ и готовъ исполнять все что могу».

Обязанности, которыя исполняютъ студенты, нуждающіеся въ заработкѣ, необыкновенно разнообразны. Газовыя и водопроводныя общества нанимаютъ ихъ въ качествѣ инспекторовъ. Похоронныя бюро также обращаются къ ихъ услугамъ. Въ церкви они раздуваютъ мѣха органовъ; садовники поручаютъ имъ подрѣзывать газонъ и кусты, нѣкоторые же исполняютъ должность метръ д'отелей въ ресторанахъ въ случаѣ большихъ пріемовъ. Есть и такіе, которые

служатъ сторожами, присматриваютъ за домомъ въ отсутствіе хозяевъ, отбираютъ билеты и деньги у входа въ концертный залъ, служатъ разсыльными и т. д. Нѣтъ такого предложенія труда, на которое не нашлось бы желающихъ; американскіе студенты совершенно лишены какъ ложнаго самолюбія, такъ и ложнаго стыда и отказываются отъ какой-нибудь обязанности только въ томъ случаѣ, если она лишаетъ ихъ возможности слѣдовать за курсомъ въ университетѣ и посѣщать занятія, но въ свободные отъ лекцій часы они готовы исполнять всякое дѣло, которое имъ дадутъ. Бюро колумбійскаго университета недавно разослало всѣмъ негоціантамъ въ Нью-Іоркѣ письма слѣдующаго содержанія: «Многіе студенты колумбійскаго университета выразили желаніе заработать средства для уплаты за свое содержаніе и квартиру... Они заявляютъ, что могутъ присматривать за калориферами, чистить, мыть посуду, служить разсыльными, присматривать за лошадьми и вообще исполнять всякую работу, какую только они въ состояніи дѣлать... Если вамъ самимъ не нужны ихъ услуги, то не будете ли вы такъ добры рекомендовать лицо, которому могли бы они понадобиться».

Во время учебнаго года студенты располагаютъ временемъ только настолько чтобы покрыть расходы на пропитаніе и квартиру. Но сезонъ вакацій даетъ имъ возможность даже дѣлать сбереженія. Многіе изъ нихъ служатъ проводниками въ разныхъ городахъ и курортахъ или кёльнерами и метръ-д'отелями въ ресторанахъ и отеляхъ. Въ прошломъ году лѣтомъ 50 студентовъ іолскаго университета служили кондукторами на трамваяхъ.

Ручной трудъ не заключаетъ въ себѣ ничего унизительнаго въ глазахъ студентовъ, и напротивъ, они даже гордятся тѣмъ, что сами работаютъ. Болѣе счастливые изъ ихъ товарищей, имѣющіе достатокъ, всегда относятся съ уваженіемъ къ нимъ и никто не позволилъ бы себѣ насмѣяться надъ товарищемъ, какимъ бы трудомъ онъ ни зарабатывалъ себѣ кусокъ хлѣба. Какъ относятся къ этому общество и печать, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующая замѣтка, появившаяся нынѣшнею весной въ одной нью-іоркской газетѣ: «Пребываніе въ Бруклинѣ будетъ представлять въ этомъ году лѣтомъ еще одно преимущество: общество трамваевъ нуждается въ 800 добавочныхъ служащихъ и предпочтеніе будетъ отдано студентамъ. Какая реклама для Бруклина! Университетъ распространится и на трамваи и ѣдущіе въ нихъ должны почитать себя счастливыми, имѣя дѣло съ вѣжливыми и образованными студентами, вмѣсто грубыхъ зачастую кондукторовъ».

Американскіе университеты гордятся своею демократическою организаціей, понимая, что именно она развиваетъ въ молодежи энергію и способность къ труду. Одинъ изъ администраторовъ іолскаго университета, наиболѣе демократичнаго изъ всѣхъ американскихъ университетовъ, пріѣхавшій въ Англію, на обѣдѣ у одного профессора въ Оксфордѣ, разсказывалъ присутствующимъ о порядкахъ въ іолскомъ университетѣ и о томъ, какъ студенты работаютъ, чтобы заплатить за себя въ университетъ. «Они не отказываются ни отъ какой работы, прибавилъ онъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, нѣтъ унизительнаго труда и работа эта нисколько не мѣшаетъ имъ пользоваться дружбою и ува-

женіемъ своихъ товарищей. Возможно ли что-нибудь подобное въ Оксфордѣ?»— «Нѣтъ!» отвѣчалъ профессоръ оксфордскаго университета, послѣ минутнаго колебанія.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Шекспиръ на японской сценѣ.—Положеніе артистическаго пролетаріата въ Германіи.—Англійская герцогиня въ УайтъЧэпелѣ.—Жилищный вопросъ въ Европѣ.

Въ этомъ году, въ мартѣ, Шекспиръ въ первый разъ появился на японской сценѣ, въ театрѣ Токіо. «Это событіе огромной важности, имѣющее значеніе историческаго факта и открывающее новую эру въ японской литературѣ» говоритъ французскій журналъ «La Revue». До сихъ поръ произведенія Шекспира не только никогда не ставились на сценѣ японскихъ театровъ, но не было даже переводовъ его трагедій на японскій языкъ, кромѣ четырехъ отрывковъ, появившихся въ 1882 году въ онтологіи англійскихъ поэтовъ составленной профессоромъ японскаго университета Тойяма Масакору и его двумя коллегами Ятабе Ріокичъ и Инуе Летсуциро. Но эта смѣлая попытка произвести нѣчто въ родѣ литературной революціи въ Японіи не прошла безслѣдно и сдѣлалась источникомъ движенія, которое уже не прекращалось въ теченіи одинадцати лѣтъ и результатомъ котораго явилось представленіе «Отелло» на японской сценѣ. Театръ «Meiji-za», гдѣ совершилось это важное въ литературномъ отношеніи событіе, былъ исключительно переполненъ японскою публикой. Англичане и другіе иностранцы, проживающіе въ Японіи, блистали своимъ отсутствіемъ. Впрочемъ театръ этотъ не можетъ особенно привлекать иностранцевъ, такъ какъ онъ малъ, оченъ неудобенъ, бѣдно обставленъ, но въ то же время очень дорогъ, такъ, напр., ложа на троихъ, очень тѣсная стоитъ около 55 франковъ. Большинство зрителей вынуждено сидѣть по японской модѣ, на циновкахъ и только цѣною золота можно добыть для себя грязное и запыленное кресло. Зимою въ этомъ театрѣ очень холодно, такъ какъ отопленіе совершенно отсутствуетъ. Представленіе длится обыкновенно безъ всякихъ антрактовъ, съ половины второго до половины восьмого вечера и поэтому надо обладать поистинѣ изумительными силами, чтобы вынести подобное испытаніе, при такой низкой температурѣ и такихъ неудобствахъ. Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти неудобства и неблагопріятныя условія, успѣхъ «Отелло» былъ такъ великъ, что труппа Каваками, вызвавшая самые бурные апплодисменты публики, проигравъ нѣсколько дней подрядъ въ Токіо, отправилась оттуда въ Кіото и Осаку, и вездѣ вызывала такой же точно энтузіазмъ среди зрителей.

Однако, Шекспиръ все-таки подвергся нѣкоторой передѣлкѣ въ примѣненіи къ японской сценѣ. Авторъ этой передѣлки Эми Суійнъ, впрочемъ, строго придерживался текста Шекспира, но только перенесъ мѣста дѣйствія изъ Венеціи на Формозу, а мавръ превратился у него въ генералъ-губернатора этого острова и называется «Муро». Вмѣсто дожа въ пьесѣ фигурируетъ первый японскій министръ подъ именемъ маркиза Уенисли. Дездемона называется «Томоне»,

Яго—лейтенантъ Ия Гоцо, Кассіо—маіоръ Катцу Тотіо, Біанка—Гейела Біаки и т. д. Трудно конечно распознать дѣйствующихъ лицъ шекспировской трагедіи, скрывающихся подъ этими именами, въ японскихъ костюмахъ и въ японской обстановкѣ. Однако, кромѣ этихъ переодѣваній и перемѣны именъ, шекспировская трагедія не подверглась никакимъ измѣненіямъ. Роль Дездемоны и Отелло исполняли двое извѣстныхъ европейской публикѣ артистовъ Сада Якко и Каваками. Къ несчастью, для талантливой японской артистки ея полному успѣху помѣшало ея прошлое. Сада Якко была прежде гейшей и поэтому въ глазахъ японской публики она оставалась все-таки не болѣе, какъ авантюристкой. Японская критика отнеслась къ ней очень сурово, но тѣмъ не менѣе она все-таки одержала побѣду и обратила на себя вниманіе. Сада—по словамъ японскаго журналиста Гаяши, создала Дездемону японскаго типа, достигающую идеальнаго совершенства. Правда, это не была итальянка, а японка, кроткая, скромная, сохраняющая покорное спокойствіе, вмѣсто того чтобы громко заявлять о своихъ страданіяхъ оскорбленной женщины и протестовать противъ обвиненій. Сада однимъ словомъ, придала Дердемонѣ національный характеръ, японскую душу.

Сада и Кумегаши, исполняющая роль жены Яго,—единственныя актрисы, участвующія въ представленіи японской передѣлки Шекспира. Роль Біанки, или, вѣрнѣе, нагассакской гейши Біаки поручена актеру Ямада, который вкладываетъ въ нее столько изящества и чисто женскаго кокетства, что непосвященные зрители ни за что не догадаются, что эту роль исполняетъ мужчина. Впрочемъ исполненіе женскихъ ролей мужчинами составляетъ въ Японіи самое обыденное явленіе и прежде только мужчины имѣли право выходить на театральные подмостки.

«Первое представленіе Шекспира на японскомъ театрѣ имѣетъ значеніе какъ первый шагъ къ ознакомленію японскаго народа съ великими произведеніями западной драматической литературы,—говоритъ Гаяши. Японскіе образованные люди, читающіе въ оригиналѣ шедёвра англійской литературы, охотно говорятъ о Шекспирѣ, а романисты, какъ, напримѣръ, Судо Нансуи, часто его цитируютъ. Ихъ читатели такъ же разнообразны, какъ разнообразна ихъ эрудиція и не рѣдкость, поэтому, слышать отъ нихъ намеки на Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Канта, Диккенса, Виктора Гюго. Съ другой стороны, извѣстно то очень замѣтное вліяніе, которое оказываютъ Байронъ и Нитцше на современную японскую литературу. Въ настоящее же время переводная литература въ Японіи очень умножилась и японцы пользуются для этого не только произведеніями англійской литературы, но и французской, нѣмецкой и русской. Начало этого движенія въ японской литературѣ относится еще къ 1879 году и съ тѣхъ поръ оно все разросталось, но соприкосновеніе съ литературнымъ западомъ не имѣло реальныхъ послѣдствій для страны и отразилось только на избранныхъ. Массы, не читающія по неумѣнью или же по недостатку времени, оставались до сихъ поръ въ сторонѣ отъ этого движенія и только театръ, болѣе непосредственно привлекающій ихъ, можетъ пріобщить ихъ къ идеямъ Европы. Авторъ передѣлавшій «Отелло», очевидно, пришелъ къ заключенію, что

наступилъ такой моментъ, когда душа японскаго народа въ состояніи понять и оцѣнить Шекспира. Вотъ поэтому-то онъ и нарядилъ шекспировскихъ героевъ въ японскіе костюмы и присвоилъ имъ японскія чувства, такъ какъ имѣлъ въ виду придать произведенію великаго англійскаго писателя такую форму, которая сдѣлаетъ его болѣе удобнымъ для усвоенія японскою аудиторіей. Критика теперь единогласно признаетъ, что онъ достигъ своей цѣли.

Артистическій пролетаріатъ существуетъ, конечно, во всѣхъ странахъ и вездѣ первые шаги на театральномъ поприщѣ бываютъ затруднительны. Содержаніе начинающихъ артистовъ всегда бываетъ не велико и едва обезпечиваетъ существованіе впроголодь. Странствующія труппы актеровъ также часто терпятъ большія лишенія, но, по словамъ Анри Пари (La Revue), положеніе артистическаго пролетаріата въ Германіи все-таки лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Германіи существуетъ много обществъ взаимопомощи актеровъ, которыя обезпечиваютъ имъ поддержку въ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. И въ другихъ отношеніяхъ положеніе актеровъ лучше въ Германіи, нежели во Франціи, благодаря децентрализаціи. Въ Германіи существуетъ множество городовъ, совершенно независимыхъ отъ Берлина и не прислушивающихся къ голосу берлинской критики. Эти города имѣютъ собственные хорошіе театры и не ожидаютъ, какъ манны небесной, посѣщенія ихъ какою-нибудь звѣздой берлинскаго театра съ труппой изъ второстепенныхъ актеровъ. Кромѣ того, въ разныхъ княжествахъ, герцогствахъ и т. д. дворы всегда имѣютъ хорошія труппы актеровъ и театры содержитъ казна. Притомъ вообще во всѣхъ нестоличныхъ городахъ Германіи, гдѣ существуетъ частная театральная антреприза, театры находятся подъ контролемъ городского управленія въ финансовомъ отношеніи, что, во всякомъ случаѣ, является гарантіей для артиста.

Несмотря, однако, на то, что карьера актера лучше обставлена въ Германіи, чѣмъ во Франціи, положеніе его все-таки весьма непрочное; продолжительная болѣзнь, лишающая актера возможности заниматься своею профессіей, неминуемо превращаетъ его въ пролетарія, если только онъ не успѣлъ раньше скопить себѣ капиталъ, что бываетъ, конечно, очень рѣдко. Германскіе артисты въ этомъ отношеніи выказали большую предусмотрительность. Въ 1871 году въ Веймарѣ была основана ассоціація «Genossenschaft deutseher Bühnenangehöriger» представляющая синдикатъ драматическихъ артистовъ, насчитывающій теперь 5.000 членовъ. Этотъ синдикатъ поставилъ себѣ цѣлью оберегать артистическіе, юридическіе и соціальные интересы своихъ членовъ и достигъ уже въ этомъ направленіи весьма важныхъ результатовъ. Каждый членъ уплачиваетъ взносъ 13 марокъ и получаетъ газету, издаваемую ассоціаціей, и альманахъ, въ которомъ заключаются свѣдѣнія рѣшительно о всѣхъ театрахъ, находящихся въ германской землѣ. Кромѣ этого синдиката, существуетъ еще нѣсколько обществъ взаимопомощи, пенсіонныхъ какъ и т. д. Ассоціаціи «Einigkeit» и «Künstlerheim» оказываютъ вспомоществованіе своимъ членамъ въ случаѣ болѣзни. Касса взаимопомощи, основанная Маріей Зеебахъ, обезпечиваетъ воспитаніе дѣтей отъ 8 до 18 лѣтъ, употребляя на это проценты съ капитала въ 60.000 марокъ. Очень интересное общество взаимопомощи драматическихъ артистокъ

было основано въ 1899 году. Это общество снабжаетъ артистовъ необходимыми туалетами для сцены. Берлинскія артистки соединились для этой цѣли и образовали ассоціацію, которая старается добывать туалеты по дешевой цѣнѣ, скупая ихъ у свѣтскихъ дамъ, знаменитыхъ и богатыхъ актрисъ и т. д. Члены этой ассоціаціи платятъ три марки и за это пользуются правомъ получать туалеты и всѣ принадлежности къ нимъ по дешевой цѣнѣ и уплачивать за нихъ въ разсрочку и вообще какъ пожелаютъ, это значительно облегчаетъ актрисамъ ихъ положеніе, такъ какъ иначе имъ приходилось тратить большую часть своего жалованья на свои туалеты для сцены. Въ настоящее время въ этой ассоціаціи находится уже 300 членовъ и учреждены филіальныя отдѣленія въ Франкфуртѣ, Гамбургѣ, Мюнхенѣ и многихъ другихъ городахъ.

Девятнадцать театровъ въ Германіи обладаютъ своими собственными спеціальными кассами взаимопомощи, существующими независимо отъ только что названныхъ ассоціацій. Въ Касселѣ, напр., есть пенсіонная касса актеровъ на случай старости или болѣзни и вспомогательная касса для вдовъ и сиротъ артистовъ. Такія же учрежденія существуютъ въ Кёльнѣ и въ Кобургѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Ганноверѣ, Мюнхенѣ, Мангеймѣ Штутгартѣ, и др. городахъ. Какъ бы то ни было, но благодаря всѣмъ этимъ кассамъ взаимопомощи въ Германіи, положеніе артистовъ въ этой странѣ болѣе обезпечено отъ всякихъ случайностей, нежели въ другихъ государствахъ Европы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кардиналъ Воганъ учредилъ соціальный союзъ (Social Union) и созвалъ въ архіепископскомъ дворцѣ митингъ, на которомъ предложилъ великосвѣтскимъ дамамъ организовать соціальную дѣятельность въ юго-восточной части Лондона, гдѣ находятся бѣднѣйшіе кварталы. На его призывъ откликнулась вдовствующая герцогиня ньюкэстльская, которая и переселилась въ Уайтчэпель, въ самый центръ рабочаго населенія. Вмѣстѣ съ другими двумя дамами она основала клубъ для дѣвочекъ въ 1893 году, а въ 1896 году помѣщеніе клуба уже оказалось слишкомъ тѣснымъ и пришлось значительно расширить его. Описывая въ «Pall Mall Magazine» свою жизнь въ Уайтчэпелѣ, герцогиня говоритъ, что она научилась очень многому въ той средѣ, въ которой она теперь вращается. Она не находитъ, чтобы населеніе Уайтчэпеля было болѣе безнравственнымъ, нежели населеніе какого-либо другого лондонскаго квартала, гдѣ живутъ зажиточные люди. Но лондонское общество, по ея словамъ, допустило нищету пустить слишкомъ глубокіе корни, такъ что теперь уже трудно искоренить ее, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ главною основою ея является пьянство. Прежде всего надо спасать дѣтей, родители которыхъ пьютъ и это можетъ сдѣлать только школа. Соціальная дѣятельность поселеній (Settlements) полезна уже въ томъ отношеніи, что она научаетъ живущихъ въ этихъ поселеніяхъ преклоняться передъ героическимъ мужествомъ и терпѣніемъ тѣхъ, для которыхъ жизнь составляетъ сплошное мученіе и которые работаютъ безъ отдыха и безъ надежды на лучшее. Среди этихъ людей герцогиня встрѣчала удивительные примѣры самопожертвованія и готовности идти на помощь другимъ страдальцамъ, не ожидая за это никакого вознагражденія. Можетъ быть, нигдѣ такъ не развито чувство соли-

дарности, какъ среди этихъ обездоленныхъ людей, и блестящій лондонскій Вестъ-Эндъ можетъ многому поучиться у Истъ-Энда, гдѣ гнѣздится самая непроглядная нищета и гдѣ, по общему мнѣнію, порокъ свилъ себѣ гнѣздо. Только жизнь въ этомъ кварталѣ, ближайшее знакомство со всѣми этими людьми, можетъ раскрыть глаза предубѣжденному человѣку и заставить его убѣдиться, что въ этомъ гнѣздѣ нищеты и порока драгоцѣнныя свойства человѣческой души встрѣчаются, можетъ быть, даже чаще, чѣмъ тамъ, гдѣ жизнь протекаетъ гладко и не представляетъ такого сплошного страданія.

«Nouvelle Revue» посвящаетъ статью жилищному вопросу въ Европѣ. Во всѣхъ странахъ вопросъ объ устройствѣ жилищъ для рабочихъ классовъ выдвигается теперь на первое мѣсто. Въ столицѣ Франціи, напримѣръ, согласно новѣйшей статистикѣ, 256.000 семействъ занимаютъ только одну комнату, и хотя государство, повидимому, не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ такой скученности, на многія частныя торговыя фирмы взялись за это дѣло и самостоятельно заботятся о томъ, чтобы служащіе у нихъ не были вынуждены тѣсниться въ углахъ и каморкахъ. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ было основано французское общество дешевыхъ квартиръ и эта крупная строительная ассоціація принесла много пользы и даже содѣйствовала проведенію нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ. Тѣмъ не менѣе во Франціи до сихъ поръ еще насчитывается 200.000 домовъ, не имѣющихъ оконъ, потому что существуетъ такса на окна.

Англія, за послѣднія 60 лѣтъ, сдѣлала очень много для разрѣшенія этой проблемы, и авторъ съ большою похвалой отзывается о дѣятельности англійскаго общества въ этомъ отношеніи. Деревни рабочихъ шоколаднаго фабриканта мистера Кэдбюри могутъ служить образцомъ устройства жилищъ для рабочихъ. Въ Германіи же только теперь начинаютъ серьезно заниматься этимъ вопросомъ. Въ Берлинѣ сотни семействъ помѣщаются въ одной тѣсной конурѣ, зачастую лишенной воздуха и свѣта, и до 100.000 рабочихъ живутъ въ подвальныхъ помѣщеніяхъ. Заводы Круппа, однако, показали примѣръ, устроивъ колоніи рабочихъ, и прусское правительство послѣдовало ему, учредивъ нѣчто въ родѣ такихъ же колоній въ Шпандау. Въ Голландіи правительство позаботилось о томъ, чтобы рабочіе имѣли за небольшую плату здоровое помѣщеніе. Тѣмъ не менѣе жилищный вопросъ представляется настолько сложнымъ, что подобныя отдѣльныя мѣропріятія, несмотря на приносимую ими пользу, не могутъ все-таки разрѣшить его, тѣмъ болѣе, что онъ находится въ тѣсной связи съ соціальнымъ вопросомъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюнь 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Естествознаніе и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Библіотека великихъ писателей". Шекспиръ II и III. — *Р. Киплингъ.* „Смѣлые мореплаватели".

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Шекспиръ, тома II и III Спб. 1903 г. (изд. Брокгаузъ-Ефрона). Въ эти два тома новаго раскошнаго изданія Шекспира въ русскихъ переводахъ вошли уже созданія полной художественной зрѣлости великаго драматурга. Во второмъ томѣ передъ нами проходятъ «Король Джонъ», «Ричардъ II», обѣ части «Генриха IV», «Конецъ всѣму дѣлу вѣнецъ», «Много шуму изъ ничего», «Генрихъ V», «Виндзорскія кумушки» и «Двѣнадцатая ночь». Третій томъ открывается комедіей «Какъ вамъ это понравится», и за ней идутъ «Гамлетъ», «Юлій Цезарь», «Мѣра за мѣру», «Отелло»; «Король Лиръ», «Макбетъ» и «Тимонъ Аѳинскій». По самому содержанію эти томы такимъ образомъ вызываютъ особый интересъ. Въ центрѣ второго тома стоитъ любимецъ Шекспира, славный король Гарри, Генрихъ V, и рядомъ съ нимъ остроумный и безпутный, геніальный гуляка и бездѣльникъ Фальстафъ, котораго автора предисловія къ обоимъ частямъ, «Генрихъ IV» и къ «Виндзорскія кумушки», проф. Ѳ. А. Браунъ, мѣтко охарактеризовалъ, назвавъ его «олицетвореніемъ абсолютной свободы духа, связаннаго съ землею однимъ только желудкомъ». Въ третьемъ томѣ среди великаго трагическаго тріумвирата: Отелло, Лиръ и Макбетъ, высится спутникъ самыхъ завѣтныхъ и самыхъ задушевныхъ думъ Шекспира, вѣчно живой и вѣчно юный въ своей скорби философъ-мститель Гамлетъ. Предисловіе къ этой трагедіи, занявшее больше печатнаго листа, принадлежитъ ученику Н. И. Стороженка, приватъ-доценту московскаго университета М. Розанову.

На предисловіяхъ къ «Генриху IV» и къ «Гамлету» я и остановлюсь нѣсколько дольше.

Ѳ. А. Браунъ все свое вниманіе сосредоточилъ на Фальстафѣ. Критикъ полагаетъ, что въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV» интересъ зрителя совершенно поглощенъ сэромъ Джономъ, и это заставляетъ его даже съ нѣкоторымъ безразличіемъ относиться ко всѣмъ тѣмъ сценамъ, гдѣ участвуютъ лишь остальные герои драмы. «Передъ нами,—пишетъ Ѳ. А. Браунъ,—совершаются великія событія, выступаютъ настоящіе герои, но нѣтъ Фальстафа—и все намъ кажется постылымъ. Гдѣ же Фальстафъ? Скоро ли будетъ Фальстафъ?» Сообразно такому взгляду, проф. Браунъ какъ-то немного замолчалъ будущаго короля Ген-

риха V. Даже Генрихъ IV Бокинброкъ, перенесенный, по его словамъ, «прямо изъ хроники», и тотъ оказался гораздо болѣе тщательно очерченнымъ. Если принять въ соображеніе, что и въ предисловіи къ «Генриху V», написанномъ П. О. Морозовымъ, было бы напрасно искать всесторонней характеристики молодого короля, то придется съ сожалѣніемъ отмѣтить, что въ этомъ изданіи Шекспира побѣдителя при Азенкуръ, любимца англійской публики елизаветинскихъ временъ, героя балладъ и безусловно одного изъ наиболѣе интересныхъ созданій Шекспира, русскій читатель не прочувствуетъ и не продумаетъ такъ полно и сознательно, какъ онъ это сдѣлалъ бы, если бы имъ руководили авторы предисловій. И какъ ни ярко очерченъ проф. Брауномъ Фальстафъ, и его фигура остается, вслѣдствіе этого невниманія къ его царственному собутыльнику, понятой только односторонне. Вѣдь Фальстафъ не даромъ введенъ въ исторію молодости Генриха V, въ тотъ моментъ, когда его отвага и его дарованія неожиданно впервые должны развернуться съ такой силой. Проф. Браунъ напрасно оставилъ такъ мало вниманія на связь обоихъ сюжетовъ Генриха IV. Всесторонне понять и Фальстафа можно, лишь выяснивъ себѣ, почему его тучная фигура возникла въ воображеніи Шекспира какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній взялся за изображеніе короля—національнаго героя. Что Генрихъ V національный герой и что такимъ именно и изобразилъ его Шекспиръ, на этомъ едва ли надо настаивать. Это вѣдь бросается въ глаза и это достаточно разъяснено и проф. Брауномъ, и П. О. Морозовымъ. Но какъ понималъ національнаго героя Шекспиръ? Вотъ вопросъ въ высшей степени интересный для всякаго читателя, въ сознаніи котораго запечатлѣлись созданія великаго драматурга. И понять это лучше всего поможетъ именно разборъ того, что собственно влекло молодого Генриха къ Фальстафу въ пору его шальнаго безпутства, какова была среда, окружавшая стараго рыцаря-кутилу, и что могла она дать наслѣднику престола. Разсказы о бурной молодости Генриха и о дурномъ обществѣ, среди котораго онъ вращался, Шекспиръ понялъ по своему, сообразно своимъ собственнымъ мыслямъ и чувствамъ. Отвѣтомъ на нихъ и явилась эта загадочная и яркая, безобразная и великолѣпная фигура сэра Джона. Приблизительно около 1597 г., когда имъ былъ купленъ Нью-Плесъ въ Страффордѣ, Шекспиръ вновь побывалъ на родинѣ. И въ пьесахъ этого времени «Укрощеніе строптивой», во 2-й части «Генриха IV» и въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», въ первый и въ послѣдній разъ появляются у Шекспира намеки на личныя знакомства и личныя отношенія поэта у себя дома, тамъ, въ родномъ Страффортѣ, гдѣ онъ особенно чувствовалъ себя самимъ собой, гдѣ онъ получилъ первыя впечатлѣнія отъ реальной, настоящей жизни. Этотъ періодъ драматической дѣятельности Шекспира вообще можно было бы назвать реалистическимъ. Изображая національнаго героя, Шекспиръ создалъ и героя народнаго. Изъ разсказовъ о похожденіяхъ Генриха въ молодости онъ сдѣлалъ повѣствованіе о столкновеніяхъ короля съ самой «веселой Англіей», съ самимъ англійскимъ народомъ. Вѣдь именно англійская жизнь встаетъ передъ нами и въ кабачкѣ, гдѣ царилъ Фальстафъ, и въ деревнѣ у судьи Шалло, и среди мѣщанокъ Виндзора. Эта жизнь англійскихъ захолустій освѣщается неистощимымъ, геніальнымъ, общечеловѣческимъ юморомъ Фальстафа, но и самое его остроуміе чисто англійское. Черезъ Фальстафа и въ его обществѣ Генрихъ узналъ немного больше о жизни, чѣмъ если бы молодость его протекала лишь среди льстецовъ его придворныхъ, говорящихъ высокопарнымъ слогомъ и юфуизмами. Острота ума самого Генриха изощрилась въ обществѣ толстаго философа-бражника, и самая ихъ дружба, несмотря на жестокую сцену изгнанія Фальстафа, должна была прибавить несомнѣнно симпатичную, задушевную черточку къ фигурѣ побѣдителя при Азенкурѣ,—черточку, которую должны были особенно цѣнить не только придворные

поклонники Фальстафа съ самой Елизаветой во главѣ, но всѣ эти «приказчики» и «мастеровые», «клерки» и «торговые люди», которые апплодировали Шекспиру, не развязно раскинувшись на сценѣ въ своихъ роскошныхъ нарядахъ, а снизу, изъ партера, куда щеголи тѣхъ временъ пренебрежительно бросали пригоршнями мелкія монеты и откуда по ихъ адресу тѣмъ не менѣе летѣли не совсѣмъ лестныя замѣчанія. Не политика и даже не исторія занимали умъ Шекспира въ періодъ написанія послѣднихъ хроникъ. Ѳ. А. Браунъ справедливо замѣчаетъ, что—«политика мало интересуетъ Шекспира въ этой драмѣ». Надо было прибавить, что если Шекспиръ «останавливаетъ вниманіе исключительно на борьбѣ ради династическихъ интересовъ», то и это только канва, только внѣшность драмы, которая обезпечивала успѣхъ хроники при дворѣ. Самого художника увлекаетъ именно изображеніе жизни, самой жизни родной Англіи. Поэтъ съ наслажденіемъ изощряетъ свое остроуміе надъ своими сосѣдями и земляками, и сквозь добродушный его смѣхъ сквозитъ то теплое чувство къ родинѣ, которое заставило его не только постоянно возвращаться въ родной Страффордъ, но и вовсе порвать съ Лондонскими связями, чтобъ кончить жизнь простымъ обывателемъ въ глухомъ уголкѣ «зеленого острова». И черезъ это чувство къ родинѣ ведетъ Шекспиръ зрителя непосредственно къ восторгу передъ своимъ героемъ.

Политика вообще осталась чуждой Шекспиру. Онъ былъ человѣкомъ Возрожденія. Ему человѣкъ былъ важнѣе группы людей; прослѣдить жизнь личности казалось ему заманчивѣе, чѣмъ изучить жизнь общины. Оттого, когда, начитавшись Плутарха, онъ примется за «Юлія Цезаря» и тутъ обнаружитъ болѣе вдумчивое отношеніе къ вопросамъ управленія, чѣмъ во времена мечтаній о королѣ —народномъ героѣ, онъ все-таки всей силой своего творческаго проникновенія вопьется въ самую личность Брута, въ чисто личную моральную проблемму, которая встала передъ этимъ новымъ героемъ и героемъ уже трагическимъ. И Брутъ даже выведетъ Шекспира изъ сферы политическихъ интересовъ и подведетъ его вплоть къ Гамлету. Въ изданіи С. А. Венгерова «Юлій Цезарь» помѣщенъ, однако, почему-то послѣ «Гамлета» и это тѣмъ болѣе странно, что авторъ интереснаго предисловія къ «Юлію Цезарю» Л. Шестовъ, повидимому, также склоненъ видѣть въ Брутѣ какъ бы подготовительный эскизъ къ Гамлету.

Остановимся и мы немного на Брутѣ раньше, чѣмъ переходить къ Гамлету.

Г. Шестовъ толкуетъ Брута сквозь призму своихъ исканій въ области морали, возникшихъ въ немъ послѣ долгихъ занятій Нитцше. Его предисловіе можно было бы назвать поэтому скорѣе размышленіями современнаго нитцшеанца о шекспировскомъ Брутѣ, чѣмъ введеніемъ къ лучшему пониманію Шекспировскаго произведенія и возбуждаемыхъ имъ сомнѣній, нужно признать, что образы поэта пріобрѣли какъ-бы самостоятельное развитіе за три вѣка, въ теченіе которыхъ они живутъ въ сознаніи мыслящаго человѣчества.

Эту дальнѣйшую жизнь художественныхъ образовъ такъ ясно и такъ наглядно показываетъ намъ исторія «Гамлета» отъ того момента, когда онъ впервые появился на сценѣ елизаветинской Англіи, черезъ его послѣдовательныя передѣлки Шекспиромъ и вплоть до самыхъ послѣднихъ, современныхъ намъ толкованій его, будь то философомъ Паульсономъ или Куно Фишеромъ, будь то критикомъ Брандесомъ или какимъ-либо изъ современныхъ шекспирологовъ-спеціалистовъ.

Эту исторію очень удачно представилъ намъ М. Розановъ. Въ его предисловіи читатель найдетъ отвѣты на всѣ основные вопросы, возникающіе при изученіи «Гамлета». И появленію этого изслѣдованія порадуется всякій русскій читатель, привязанный къ безсмертному генію Шекспира. Гамлетъ уже вызы-

валъ замѣчанія у насъ Бѣлинскаго, Тургенева и Гончарова; г. Розанова нельзя не поблагодарить за то, что онъ не забылъ о нихъ. И въ изложеніи г. Розанова ярко выступаетъ вдумчивость этихъ замѣчаній. Но именно потому, что предисловіе г. Розанова мнѣ кажется вполнѣ удачнымъ, я не могу не пожалѣть, что на составленіи его не отразились, повидимому, три маленькихъ событія, которыми ознаменовались послѣднія десять лѣтъ изученія «Гамлета». Я разумѣю книжку Саразина о Томасѣ Кидѣ, изслѣдованіе американскаго молодого шекспиролога, Корбина, о елизаветинскомъ «Гамлетѣ» и, наконецъ, тянувшуюся нѣсколько лѣтъ, отъ конца 80-хъ годовъ до самой середины 90-хъ, полемику между Тюркомъ и Куно Фишеромъ. Г. Розановъ, установивъ, что «кровавая трагедія о Гамлетѣ» конца 80-хъ годовъ XVI в., о которой упоминаютъ Натъ и Лоджъ, вѣрнѣе всего принадлежитъ Киду, замѣчаетъ, однако, что заимствованія Шекспира у его предшественника «едва ли были значительны». Напротивъ, Саразинъ, мнѣ кажется, воочію доказалъ какъ разъ обратное. По его мнѣнію, если мы и не можемъ точно установить зависимость шекспировскаго «Гамлета» отъ кидовскаго, потому что этотъ послѣдній до насъ не дошелъ, то сличая «Гамлета» Шекспира съ другими произведеніями Кида, мы не можемъ не придти къ заключенію, что великій драматургъ вначалѣ просто передѣлалъ кровавую трагедію Кида и только постепенно все больше и больше сталъ вкладывать въ нее своего собственнаго. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени важное значеніе и имѣетъ сличеніе «Гамлета» 1603 года съ «Гамлетомъ» 1604 г. Первый «Гамлетъ», такъ называемый текстъ. А, ближе къ Киду, чѣмъ второй. И эти же самыя соображенія Саразина въ истинномъ свѣтѣ представляютъ и отношеніе «Гамлета» къ античной «Орестейи», съ которой его такъ часто сопоставляли. Кидъ былъ поклонникомъ и подражателемъ Сенеки. Старый разсказъ о «Гамлетѣ», датскомъ принцѣ, оттого такъ и плѣнилъ его, что онъ былъ похожъ на «Орестейю». Сходство между обоими мировыми трагическими замыслами, такимъ образомъ, не случайно; оно есть результатъ сознательнаго новаго претворенія старинной темы. И въ эпоху королевы Елизаветы оно было понято и воспроизведено именно сообразно запросамъ того времени. Въ упомянутой работѣ Корбина ясно выступаетъ «Гамлетъ» именно начала XVII в. еще слишкомъ для насъ грубый, производившій чисто комическій эффектъ сценами сумасшествія. Шекспировскій «Гамлетъ» стоитъ, такимъ образомъ, на перепутьи между новымъ воспроизведеніемъ античной «Орестейи», прошедшей черезъ перемолъ ритора Сенеки и обновленной новой фабулой Кидомъ и нашей, близкой намъ «Орестейи», нарождавшейся постепенно съ того момента, когда Шекспиръ сталъ передѣлывать своего перваго «Гамлета» 1603 года во второй (1604 года), черезъ всѣ безконечныя толкованія и поясненія «Гамлета», отъ XVIII в. до начала XX, и всѣ воспроизведенія «Гамлета» отъ Гаррика до Ирвинга, Росси и Сальвини. Конечно, текстъ «Гамлета» застылъ и не измѣняется съ его изданія in-folio 1623 г. въ полномъ собраніи сочиненій Шекспира. Но этотъ текстъ насилуетъ и не можетъ не насиловать толкователь; этотъ текстъ неравномѣрно отражается въ сознаніи читателя, актера, зрителя, толкователя. Вотъ почему, кому бы ни принадлежало новое, уже болѣе не гётевское толкованіе «Гамлета», Тюрку или Куно Фишеру, это толкованіе законно, если оно не насилуетъ текстъ, а органически развиваетъ его сообразно современному міровоззрѣнію. Саразинъ (самъ держащійся гораздо ближе къ Гетевскому толкованію, распространенному у насъ извѣстной тургеневской статьей «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ») справедливо замѣчаетъ, что современный толкователь не долженъ вовсе педантически принимать во вниманіе каждый поступокъ «Гамлета», каждое приписанное ему дѣйствіе. Очень часто поступки «Гамлета» не болѣе какъ атавизмы стараго «Гамлета», когда онъ былъ еще мстителемъ-притворщикомъ. Современный

Гамлетъ, Гамлетъ-философъ, все еще притворщикъ и мститель, но мы въ правѣ любить и цѣнить въ немъ именно философа, представлять себѣ его мщеніе черезъ наше современное міровоззрѣніе. И «современный «Гамлетъ», какъ справедливо замѣчаетъ Корбинъ, — и есть настоящій Гамлетъ. Въ истинномъ смыслѣ слова онъ Гамлетъ шекспировскій, и онъ останется такимъ и тогда, когда новыя поколѣнія прибавятъ новыя красоты къ его толкованію». Вѣдь философъ-эволюціонистъ опредѣляетъ явленіе не на основаніи его первобытной, начальной формы, а по тому виду, какой она приняла въ своемъ современномъ, на время кажущемся конечнымъ, выраженіи. Толкованіе г. Розанова значительно опередило гёте-тургеневское толкованіе: путемъ удачно скомбинированныхъ выдержекъ изъ отголосковъ «Гамлета» въ современной литературѣ г. Розановъ заставляетъ насъ подойти вплоть къ современному Гамлету-философу, какимъ онъ выступаетъ у Куно Фишера. Но дальше онъ уже насъ не ведетъ, мы останавливаемся въ преддверіи. И, можетъ быть, отъ «историко-литературнаго» предисловія ничего большаго, ничего дальнѣйшаго не слѣдуетъ и требовать.

Изъ остальныхъ предисловій надо прежде всего отмѣтить очеркъ Н. И. Стороженки къ «Королю Лиру», высказавъ сожалѣніе, что только относительно этого произведенія русскій читатель воспользуется руководствомъ нашего маститаго и глубоко симпатичнаго шекспиролога. Интересны также предисловія Л. Полонскаго къ «Отелло» и Э. Радлова къ «Тимону Аѳинскому». Добавочную замѣтку Ѳ. Зѣлинскаго къ «Юлію Цезарю», въ которой онъ стремится указать значеніе знакомства съ античной литературой (въ данномъ случаѣ съ Плутархомъ) для развитія шекспировскихъ пріемовъ творчества будетъ удобнѣе разсмотрѣть, когда мы будемъ имѣть возможность ознакомиться и съ его же очеркомъ объ «Антоніи и Клеопатрѣ» въ слѣдующемъ томѣ.— До окончанія изданія я оставлю и разборъ новыхъ переводовъ шекспировскихъ драмъ, вошедшихъ въ настоящее изданіе. Покамѣстъ ихъ вышло всего три: переводъ «Ричарда II» Холодковскаго, переводъ обѣихъ частей «Генриха IV» Зин. Венгеровой и Н. Минскаго, и «Генриха V» А. Ганзенъ. *Е. А.*

Смѣлые мореплаватели. Повѣсть Рэдіарда Киплинга. Полный переводъ съ англійскаго А. Каррикъ. Москва. 1903 года. Давно извѣстно, что самый трудный и отвѣтственный родъ литературы—это произведенія, предназначенныя для дѣтства и юношества. Русская литература, которую ужъ никакъ нельзя назвать бѣдной, и которая съ каждымъ годомъ завоевываетъ все болѣе и болѣе почетное положеніе на міровомъ рынкѣ, почти ничего не дала въ этомъ направленіи. Попытокъ, правда, и теперь достаточно много, но всѣ онѣ пріурочены къ предпраздничной широкой торговлѣ дѣтскими книгами и представляютъ изъ себя или жалкія и грубыя компиляціи съ иностраннаго, или неуклюжія доморощенныя произведенія, въ которыхъ даже дѣтскій умъ, не смотря па свою нетребовательность, гибкость и легкую приспособляемость ко всякимъ перспективамъ и освѣщеніямъ, невольно чувствуетъ фальшивое заигрываніе, поддѣлку, слащавое и болтливое сюсюканье.

О дѣтяхъ, правда, у насъ изрѣдка пишутъ, и пишутъ тонко, умно, съ нѣжнымъ, добрымъ юморомъ, но, мнѣ кажется, я не ошибусь, сказавъ, что изъ современныхъ нашихъ художниковъ только одинъ г. Маминъ-Сибирякъ умѣетъ и можетъ писать тѣ прелестные разсказы для дѣтей, тайна которыхъ заключается въ томъ, что они одинаково неотразимо захватываютъ и взрослыхъ.

Послѣднее условіе можно считать самымъ безошибочнымъ признакомъ того, что произведеніе написано талантливо, и что оно найдетъ вѣрный путь къ дѣтскому сердцу, и въ этомъ отношеніи разсказъ «Смѣлые мореплаватели» смѣло можно поставить рядомъ съ Давидомъ Коперфильдомъ и съ прекраснымъ

разсказомъ Марка Твэна,—«Принцъ и нищій», который такъ широко, во множествѣ переводовъ и въ тысячахъ экземпляровъ расходится среди читающей публики.

Интересно,—что какъ Твэнъ, такъ и Киплингъ положили въ основу своихъ разсказовъ почти одинъ и тотъ же замыселъ. Оба автора заставляютъ своихъ героевъ,—юношей, богато взысканныхъ милостями судьбы, но совершенно незнакомыхъ съ суровымъ существованіемъ сѣрой и бѣдной массы, зависящей въ будущемъ отъ этихъ счастливчиковъ,—пройти временно, благодаря сплетенію всякихъ случайностей, желѣзную школу жизни, полной нужды, опасностей, огорченій и обидъ. Въ обоихъ произведеніяхъ завовѣсъ опускается какъ разъ послѣ счастливаго возвращенія скитальцевъ въ родные дома; какъ станутъ поступать въ будущемъ умудренные опытомъ и просвѣтленныя видомъ народной нужды и народной силы юные герои,—авторы этого не говорятъ, но читатель остается при непоколебимой увѣренности, что оба юноши заплатятъ народу сторицей за ту науку, которую они почерпнули изъ его нѣдръ.

Здѣсь впрочемъ не мѣсто говорить о разсказѣ Твэна, героемъ котораго является наслѣдный англійскій принцъ, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи, вкратцѣ сообщить содержаніе «Смѣлыхъ мореплавателей».

Гарвей Чэнъ мальчикъ лѣтъ 15-ти, сынъ американскаго милліонера, которому принадлежитъ полдюжины желѣзныхъ дорогъ и половина лѣсныхъ дворовъ на берегу Тихаго океана,—ѣдетъ на почтовомъ пароходѣ въ Европу съ цѣлью кончить свое образованіе, которое еще не начиналось, какъ насмѣшливо замѣчаетъ одинъ Филаделфіецъ. Какъ на пассажировъ, такъ и на читателя этотъ молодой человѣкъ производитъ довольно противное впечатлѣніе. Онъ куритъ, хвастаетъ своими карманными деньгами, которые безъ нужды постоянно вынимаетъ и пересчитываетъ, говоритъ жестокія и глупыя вещи и фамильярничаетъ со взрослыми—серьезными и занятыми людьми. Однако путешествіе его кончается плохо. Сильная качка и крѣпчайшая черная сигара, предложенная ему шутникомъ-нѣмцемъ, дѣлаютъ то, что Гарвей въ страшномъ припадкѣ морской болѣзни лишается сознанія и падаетъ за бортъ.

Но будущій милліардеръ не погибъ, (что, въ сущности является почти невѣроятнымъ). Его спасъ рыбакъ съ Глочестерской шхуны «Мы здѣсь», и съ этого момента для Гарвея началась жизнь, исполненная самыхъ неожиданныхъ и подчасъ весьма тяжелыхъ испытаній.

Разсказамъ его о богатствѣ отца никто не вѣритъ; весь экипажъ твердо убѣжденъ, что мальчикъ во время паденія ударился о бортъ головой, и что съ тѣхъ поръ у него «приключилась непріятность въ верхнемъ этажѣ». Шкиперъ судна, по имени Диско Трупъ—старый, честный морской волкъ,—былъ даже вынужденъ однажды, какъ онъ выразился, собственноручно «прочистить Гарвею мозги», когда молодой человѣкъ, забывшись, высказалъ подозрѣніе, что его карманные деньги вытащены кѣмъ то изъ экипажа шхуны. Именно съ этого эпизода, окончившагося кровопролитіемъ изъ Гарвеева носа, и началось нравственное перерожденіе молодого Чэна.

Гарвей—по натурѣ чистый, смѣлый и добрый мальчикъ, но избалованный безалабернымъ воспитаніемъ чувствительной матери,—сначала поневолѣ, а потомъ и съ горячимъ увлеченіемъ втягивается, подъ руководствомъ своего сверстника, веселаго и бойкаго Дена, въ трудовую, но полную своеобразной поэзіи жизнь рыбаковъ въ открытомъ океанѣ. Онъ безропотно, съ сознанізмъ выполняемаго долга, моетъ палубу, подаетъ старшимъ матросамъ обѣдъ, ловитъ и чиститъ рыбу, воруетъ у кока жаренный горохъ, учится ставить парусъ, управлять рулемъ и бросать лотъ-линь. Понемногу онъ дѣлается признаннымъ членомъ экипажа, имѣетъ свое мѣсто за столомъ, участвуетъ въ долгихъ разговорахъ въ бурную погоду, когда всѣ охотно слушаютъ «волшебныя сказки»

объ его прежней жизни, и вообще нападаетъ на мысль что его настоящее положеніе много лучше того, когда онъ выслушивалъ насмѣшки надъ собой въ курительной комнатѣ почтоваго парохода. И чѣмъ больше онъ узнаетъ своихъ невольныхъ спутниковъ среди опасностей и трудовъ долгаго плаванія, тѣмъ большей любовью и уваженіемъ проникается онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и читатель, къ этимъ простымъ и великодушнымъ людямъ, соединяющимъ дѣтскую чистоту сердецъ съ хладнокровной отвагой закаленныхъ моряковъ и откровенное невѣжество съ житейской мудростью. И, когда наконецъ послѣ долгихъ и разнообразныхъ приключеній, разсказъ о которыхъ неудержимо захватываетъ читателя, Гарвей опять встрѣчается съ отцомъ и матерью, уже отчаявшимися его отыскать, то передъ нами совсѣмъ другой юноша,—серьезный, бодрый, съ несокрушимымъ здоровьемъ и съ дѣловымъ уваженіемъ къ чужому и своему труду. Само собою разумѣется, что авторъ вложилъ много трогательнаго и забавнаго въ счастливую развязку своего разсказа, который въ общемъ производитъ такое же сильное, ясное и свѣжее впечатлѣніе, какъ и навѣявшее его морская стихія. Переведена книга отличнымъ языкомъ и снабжена многими рисунками. Цѣна 1 р. 25 к. *А. К—ринъ.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Андреевскій. „Литературные очерки".—*А. И. Кирпичниковъ.* „Очерки по исторіи новой русской литературы".—*Е. Соловьевъ.* „Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка".

С. А. Андреевскій. Литературные очерки. Спб. 1902 г. Выходящее въ свѣтъ подъ новымъ заглавіемъ 3-е дополненное изданіе «Литературныхъ чтеній» г. Андреевскаго содержитъ въ себѣ рядъ живо и интересно написанныхъ критическихъ статей и замѣтокъ, разнообразныхъ по содержанію, но объединенныхъ одною общею для нихъ всѣхъ и характерною для г. Андреевскаго чертой. Черта эта—односторонняя, исключительно эстетическая оцѣнка такихъ различныхъ во всѣхъ отношеніяхъ художественныхъ дарованій, какъ Баратынскій и Лермонтовъ, Некрасовъ и Достоевскій, Мопассанъ и Гаршинъ.

Какъ своего рода эстетическое «profession de foi» г. Андреевскаго интересны его «Замѣтки о современной поэзіи», носящія нѣсколько рискованное названіе «Вырожденіе риѳмы». «Считая отъ середины истекшаго столѣтія, пишетъ Андреевскій, внутренняя поэтичность стихотворныхъ произведеній обратно пропорціональна ихъ близости къ нашему времени, т.-е. чѣмъ дальше стихотвореніе отъ нашихъ дней, тѣмъ болѣе шансовъ найти въ немъ истинную поэзію». По мнѣнію автора только еще г. Фофановъ и г-жа Лохвицкая—потомки Аполлона по прямой линіи; только они пишутъ еще «подлинные» стихи и знаютъ «истинную поэзію»; муза Некрасова, тоскующая муза мести и печали, находитъ себѣ откликъ лишь въ рядахъ того «Ландвера», который «борется за гражданскую свободу» и, быть можетъ, Тургеневъ былъ не совсѣмъ не правъ называя ее «жеваннымъ папьемаше съ поливкой изъ острой водки». Впрочемъ Некрасову г. Андреевскій посвятилъ особую статью. Въ ней онъ пытается дать оцѣнку некрасовскаго творчества не только по формѣ, но и по содержанію, не только со стороны стиля, но и со стороны тѣхъ идей, которыя исповѣдывалъ Некрасовъ. И къ чему же приходитъ г. Андреевскій? «Всѣ русскіе люди, конечно, прочтутъ книгу Некрасова, и мѣстами съ удивленіемъ передъ его талантомъ; но по собственному побужденію брать и перечитывать её можно лишь въ особенномъ, исключительномъ настроеніи». И дальше: «его прозвали поэтомъ-гражданиномъ, что это значитъ?.. Лестно ли для поэтической

славы сказать: поэтъ—гласный думы или даже поэтъ-полководецъ?!» Итакъ, гласный думы и гражданинъ—для г. Андреевскаго, какъ будто синонимы?..

Не лучшаго мнѣнія г. Андреевскій о неуспѣвшей расцвѣсть музѣ Надсона. «Надсонъ, пишетъ онъ, разсказалъ самого себя въ стихахъ простыхъ, милыхъ и музыкальныхъ, иногда юношески болтливыхъ, съ немудреными мыслями, съ ученическими сравненіями, подчасъ со звонкими либеральными фразами объ идеалѣ, наукѣ, родинѣ». Зато стихотворенія г-жи Гиппіусъ «вещи безспорно талантливыя, оригинальныя, а иногда и глубокія»; Башкирцева—«мученица славы», «несчастная юная жрица искусства», «упавшая замертво къ подножію своей богини», «едва только завидѣвъ глубокія тайны истиннаго творчества», а Баратынскій не болѣе не менѣе, какъ «отецъ современнаго пессимизма въ русской поэзіи». Конечно, нельзя отрицать необыкновенной талантливости такъ рано угасшей Башкирцевой или метрическихъ недосатковъ Некрасовской музы, какъ нельзя отрицать и того, что риѳма имѣетъ свою исторію и стихъ современныхъ поэтовъ не похожъ на стихъ Пушкина, Тютчева и Лермонтова; но пѣть отходную «великой покойницѣ-риѳмѣ», съ легкимъ сердцемъ играть словомъ «гражданинъ», въ совершенно неумѣренныхъ выраженіяхъ восхвалять дарованія г-жи Лохвицкой, г. Фофанова и г-жи Гиппіусъ и рядомъ съ этимъ называть такого несомнѣнно талантливаго художника, какъ Бальмонтъ, лишь «искуснымъ версификаторомъ»,—все это—не болѣе, какъ рядъ гиперболъ, часто красивыхъ и остроумныхъ, но всегда узкихъ и одностороннихъ, какъ узка и одностороння исходная точка зрѣнія г. Андреевскаго—эстетическая, критика произведеній искусства чуждая всякихъ общественныхъ запросовъ. *Б. Савинковъ.*

А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. I. Изд. 2-ое. М. 1903 г. Стр. 483. Цѣна 2 р. Появленіе перваго изданія «Очерковъ» проф. Кирпичникова было отмѣчено въ нашемъ журналѣ (1896 г., іюнь). Новое изданіе значительно отличается отъ прежняго: выпущены двѣ статьи о Пушкинѣ, которыя предположено помѣстить во II томѣ «Очерковъ», и вновь помѣщены шесть статей: двѣ о Жуковскомъ («Жуковскій, какъ поэтъ-воспитатель» и «Послѣдніе годы и дни Жуковскаго»), двѣ о Гоголѣ (объ отношеніяхъ его къ Погодину и Бѣлинскому), восторженныя воспоминанія о Буслаевѣ и небольшая замѣтка о повѣсти Мельгунова «Да или нѣтъ?», интересной тѣмъ, что въ ней читающая публика тридцатыхъ годовъ нашла детальное изображеніе суда присяжныхъ. Всѣ прежнія статьи, за исключеніемъ біографическаго очерка, посвященнаго Гоголю, оставлены безъ измѣненія, несмотря на то, что отдѣльные взгляды и выводы проф. Кирпичникова въ свое время вызвали серьезныя возраженія. Даже въ статьѣ о Дружининѣ не сдѣлано никакихъ поправокъ, и онъ попрежнему величается «царемъ фельетонистовъ» и сопоставляется съ Лукіаномъ, Эразмомъ Роттердамскимъ, Свифтомъ и даже съ Вольтеромъ.

Статьи проф. Кирпичникова о Жуковскомъ и Гоголѣ не возвышаются надъ обычнымъ уровнемъ юбилейныхъ статей, наскоро написанныхъ. Наибольшій интересъ представляетъ статья, излагающая исторію знаменитаго столкновенія Гоголя и Бѣлинскаго изъ-за «Переписки съ друзьями». Но и тутъ дѣло не обошлось безъ преувеличенія того вліянія, которое было произведено на Гоголя знаменитымъ письмомъ Бѣлинскаго изъ Зальцбрунна.

Что касается прежнихъ «Очерковъ» проф. Кирпичникова, то, при всѣхъ своихъ недочетахъ, многіе изъ нихъ представляютъ несомнѣнный интересъ, сообщая давно позабытые и даже совсѣмъ новые историко-литературные факты. Поэтому извѣстіе о внезапной смерти проф. Кирпичникова, имѣвшаго въ виду выпустить 2-ой томъ «Очерковъ», куда должно было войти все относящееся къ Пушкину и нѣкоторымъ его друзьямъ, въ томъ числѣ къ Чаадаеву, пред-

ставляется особенно прискорбнымъ. Надо надѣяться, что друзья покойнаго озаботятся о посмертномъ изданіи трудовъ почтеннаго ученаго, такъ преждевременно унесеннаго въ могилу. *С. А.*

Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. (Третья и четвертая тысячи, исправленныя и дополненныя). Спб. 1903 г. Стр. XXXIV + 566. Цѣна 2 руб. Первое изданіе книги г. Соловьева было встрѣчено крайне несочувственными отзывами критики. Автору этой книги пришлось выслушать упреки и въ непомѣрной претенціозности, съ одной стороны, и въ непомѣрномъ верхоглядствѣ, съ другой. Кромѣ того, было указано на крайне беззастѣнчивую манеру автора пользоваться чужими мыслями и взглядами, не указывая источниковъ. Въ газетѣ «Курьеръ» (1902 г. № 42) книгѣ г. Соловьева былъ посвященъ цѣлый фельетонъ г. В. Шулятикова съ очень характернымъ заглавіемъ «Литературный хищникъ». Но всѣ эти крайне неблагосклонныя для г. Соловьева рецензіи не помѣшали первому изданію его книги разойтись въ теченіе одного года. Очевидно, у г. Соловьева есть своя публика, знающая его по цѣлому ряду книжекъ біографической библіотеки Павленкова и по журнальнымъ статьямъ.

Второе изданіе книги г. Соловьева «исправлено и дополнено». Но дополненія сдѣланы только въ предисловіи и въ заключеніи. Текстъ же книги, напечатанный стереотипомъ, остался безъ всякихъ измѣненій, исключая нѣсколькихъ страницъ, гдѣ говорится о Герценѣ и Гончаровѣ.

Въ предисловіи и въ заключеніи книги мы находимъ болѣе полное, по сравненію съ первымъ ея изданіемъ, изложеніе взглядовъ автора на ходъ литературнаго развитія Россіи въ теченіе XIX-го вѣка. «Основная идея русской литературы,—говоритъ г. Соловьевъ,—религіозно-нравственная и основана на сознаніи святости человѣческой личности и человѣческой жизни вообще. Эта идея, зародившаяся еще въ концѣ XVIII-го вѣка, выросла и окрѣпла, какъ сталь, выкованная булатомъ, въ безконечно долгой борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ и духомъ крѣпостничества, еще и теперь далеко не исчезнувшимъ изъ нашей жизни» (с. IV). Этой же самой идеей была проникнута и русская критика съ тою только разницею, что «религіозно-нравственная идея нашей художественной литературы не обходилась безъ нѣкоторой примѣси мистицизма, безъ нѣкотораго содроганія передъ тайнами и загадками жизни» (с. IX), въ критикѣ же нашей ничего мистическаго нѣтъ. Указанная основная идея русской литературы придала ей «особый проповѣдническій характеръ», обусловила преобладаніе въ ней «мотивовъ совѣсти и покаянія» и заставила ее стремиться къ освобожденію жизни и личности человѣка отъ всякаго рода опеки.

Отсюда и та «формула главнаго русла русской литературы», которую г. Соловьевъ даетъ въ новомъ изданіи своей книги. «Борьба съ крѣпостнымъ правомъ и его переживаніями во имя освобожденія общинно-земледѣльческаго строя народной жизни и общинно-земледѣльческаго мышленія, какъ дѣятельное начало славянофильскаго теченія,—борьба съ тѣми же устоями во имя эмансипаціи личности и ея развитія, какъ дѣятельное начало теченія западническаго,—таковъ смыслъ исторіи нашей литературы въ ея главномъ руслѣ, такова формула нашего литературнаго развитія за XIX вѣкъ» (XXXIII).

Эту формулу г. Соловьевъ изложилъ «въ процессѣ ея діалектическаго развитія». «Я далъ сначала,—говоритъ онъ въ заключеніи, общую характеристику барской литературы, затѣмъ ея противоположности литературы разночинной и, наконецъ, литературы, созданной кающимся дворяниномъ. Эти три фигуры—барина-идеалиста 40-хъ годовъ, разночинца 60-хъ и кающагося дворянина 60-хъ, 70-хъ годовъ я считаю основными въ исторіи нашего литературнаго развитія. Вражда принциповъ, внесенныхъ въ литературу бариномъ и разночинцемъ, и затѣмъ примиреніе этихъ принциповъ вотъ схема, по

которой я расположилъ свою книгу» (549). «Литература барина-идеалиста,— говорится въ другомъ мѣстѣ, какъ выраженіе идеи прекраснаго въ условіяхъ нашего общественнаго строя и въ ея столкновеніяхъ съ нимъ; литература разночинца, какъ выраженіе идеи полезнаго, какъ голоса сословно недифференцированной, непривилегированной Руси; литература кающагося дворянина, какъ выраженіе идеи героическаго, вотъ діалектическая схема нашего литературнаго развитія за 100 лѣтъ» (561).

Въ приведенныхъ цитатахъ заключаются основныя идеи «Очерковъ» г. Соловьева. Эти идеи, въ сущности, не представляютъ ничего новаго; даже термины, вошедшіе въ схему г. Соловьева, не принадлежатъ ему. Въ этомъ признается и самъ авторъ, настаивая только на томъ, что до него «никто не устанавливалъ діалектической связи между этими тремя терминами». Но установить связь между терминами, которая сама бросается въ глаза, не такая большая заслуга, чтобы ее нужно было подчеркивать. Если же раньше никто не рѣшился изложить развитіе русской литературы по схемѣ г. Соловьева, то, по всей вѣроятности, по тому же самому, почему творцу этой схемы не удалось втиснуть въ нее всю русскую литературу XIX-го вѣка, несмотря на всѣ натяжки и старанія.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что эта схема не охватываетъ всей русской литературы истекшаго столѣтія. Литературы барина-идеалиста, разночинца и кающагося дворянина, и по признанію самого г. Соловьева, охватываютъ не болѣе полъ-столѣтія. «Барину-идеалисту» или, по другой терминологіи, «эстетику-гуманисту», по словамъ г. Соловьева, предшествуетъ въ русской литературѣ XIX-го вѣка «личность въ пониманіи сентименталиста» и «личность въ пониманіи романтика» (с. XXVIII). Литература же кающагося дворянина, по словамъ того же г. Соловьева, ограничивается семидесятыми годами. Но даже и въ предѣлахъ полъ-столѣтія схема г. Соловьева не охватываетъ всѣхъ главнѣйшихъ литературныхъ явленій. Въ этой схемѣ не оказалось мѣста для цѣлаго ряда русскихъ писателей, въ томъ числѣ даже для такихъ дѣятелей, какъ Островскій и Писемскій.

Но схема литературнаго развитія далеко не самый главный недостатокъ «Очерковъ» г. Соловьева. Текстъ этой книги представляетъ собою нѣчто небывалое въ русской литературѣ. Прежде всего читателя поражаетъ обиліе длиннѣйшихъ цитатъ изъ книгъ и статей самыхъ разнородныхъ авторовъ. Если бы цитаты приводились съ цѣлью характеризовать тѣхъ лицъ, у которыхъ онѣ взяты, это было бы понятно. Но дѣло въ томъ, что вмѣсто собственныхъ своихъ мнѣній о томъ или иномъ литературномъ явленіи г. Соловьевъ даетъ намъ мнѣнія другихъ лицъ. Такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ оказывается солидарнымъ съ писателями самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ направленій. Цитаты въ «Очеркахъ» напечатаны иногда мелкимъ, иногда обыкновеннымъ шрифтомъ, иногда онѣ заключены въ кавычки, иногда не заключены, что и послужило поводомъ къ обвиненію автора въ плагіатѣ. Относительно однѣхъ цитатъ указано, кому онѣ принадлежатъ и откуда онѣ извлечены, относительно другихъ—никакихъ указаній не дается. Если же любопытный читатель захочетъ узнать, чьи мнѣнія ему преподносятся, то поиски приведутъ его иногда къ сочиненіямъ Н. К. Михайловскаго, иногда къ «Новѣйшей исторіи русской литературы» г. Скабичевскаго, иногда къ книжкамъ г. Розанова, а иногда даже къ статьямъ г. Фаресова. Нѣкоторыя цитаты такъ понравились г. Соловьеву, что онъ перепечаталъ ихъ по два и даже по три раза въ разныхъ мѣстахъ своей книги (ср. напр. сс. XIV, 333, 380). Не только чужія мысли, но и свои собственныя любитъ повторять г. Соловьевъ, притомъ безъ всякихъ оговорокъ и указаній. Кто знакомъ съ его краткими біографіями русскихъ писателей въ изданіи Павленкова, тотъ найдетъ въ

«Очеркахъ» цѣлыя главы, перепечатанныя напр. изъ книжекъ о Сенковскомъ, Писаревѣ, Достоевскомъ, Толстомъ и др. Нѣкоторыя свои мнѣнія г. Соловьевъ перепечатываетъ уже въ третій разъ. Такъ, напримѣръ, сдѣланная имъ характеристика Сенковскаго изъ біографическаго очерка перешла и въ книгу о Бѣлинскомъ и въ разбираемые «Очерки». Не трудная, кажется, работа, переписывать изъ одной книжки въ другую, но и тутъ дѣло не всегда обошлось благополучно. Встрѣчается въ «Очеркахъ» чисто-механическая спайка цитатъ, повергающая читателя въ недоумѣніе, которое можетъ быть разрѣшено только при обращеніи къ оригиналу (см. напр. с. 494).

Но наборъ цитатъ, откуда ни попало, «числомъ поболѣе», содержаніемъ подлиннѣе, не избавилъ автора отъ высказыванія собственныхъ мнѣній. Цитаты нужно было скрѣпить собственнымъ цементомъ, а цементъ этотъ оказался очень не высокаго качества. Прежде всего въ книгѣ г. Соловьева бросаются въ глаза вопіющія противорѣчія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, иногда на одной и той же страницѣ и даже въ одномъ и томъ же предложеніи. О Радищевѣ въ одномъ мѣстѣ говорится, что «онъ горячо убѣждаетъ современниковъ приступить къ освобожденію крестьянъ», а въ другомъ мѣстѣ сказано: «нигдѣ не выражаетъ онъ требованія уничтожить это гнусное состояніе, а только возмущается имъ» (сс. IV и 4).

Первые годы царствованія императора Александра I на стр. 22 характеризуются такъ: «Надо представить себѣ ту ужасающую бѣдность общественной жизни, ту духовную нищету, которая ничѣмъ не интересовалась, никуда не стремилась, ничего не искала, совершенно довольная своей рабской обстановкой и приходившая въ восторгъ отъ разрѣшенія носить фраки и круглыя шляпы... Только 12-й годъ заставилъ встряхнуться это стоячее болото». Но не далѣе, какъ черезъ десять страницъ говорится уже совершенно иное: «Многіе помнили еще первые годы царствованія императора Александра I, ихъ радужныя надежды, ихъ несбывшіяся мечтанія, ихъ общій радостный тонъ» и т. д. О смерти Пушкина сначала говорится: «было почти полное единодушіе въ общемъ сожалѣніи», а потомъ утверждается, что современники, «съ постыднымъ равнодушіемъ» отнеслись къ смерти великаго поэта (сс. 40 и 81). По одному мнѣнію г. Соловьева, Карамзинъ въ своей «Исторіи» «старается въ особенности возвеличить русскія духовныя качества—покорность и смиреніе», а по другому мнѣнію то же самое сочиненіе представляетъ собою «панегирикъ внѣшней силѣ и внѣшнему могуществу» (сс. 20 и 55). На стр. 53 мы читаемъ: «Во всякомъ случаѣ одинаково можно говорить о вліяніи Полевого на Бѣлинскаго, какъ о вліяніи Надеждина. Въ сущности «Отечественныя записки» были прямымъ продолженіемъ «Московскаго Телеграфа», а не «Телескопа». А черезъ восемь страницъ говорится: «Однако, Чернышевскій и притомъ съ очень значительнымъ основаніемъ видитъ въ Надеждинѣ предшественника Бѣлинскаго... Г. Венгеровъ это отрицаетъ, но я предпочитаю держаться мнѣнія Чернышевскаго» (с. 61). Не угодно ли разобраться въ этой путаницѣ? О Бѣлинскомъ на стр. 94 говорится, что онъ «до конца дней никакъ не могъ взять въ толкъ» славянофильской «премудрости», а черезъ пятнадцать страницъ оказывается, что «позже Бѣлинскій призналъ здоровое зерно славянофильской доктрины».

Основами міросозерцанія шестидесятыхъ годовъ на стр. 206 признаются матеріализмъ въ философіи и утилитаризмъ въ этикѣ и въ искусствѣ, а черезъ двадцать страницъ движеніе шестидесятыхъ годовъ формулируется, какъ «бьющій черезъ край идеализмъ». На стр. 364 сказано, что «отвлеченный, въ юности воспринятый идеалъ красоты, добра, истины, человѣчности, идеалъ Щедрина нашелъ свое воплощеніе въ крестьянскомъ царствѣ». А черезъ двѣ съ половиной страницы оказывается, что «совершенно неправы, тѣ, кто на-

вязывалъ Щедрину идеалы крестьянскаго быта или преклоненіе передъ его устоями». Но, помилуйте! какъ же не преклоняться передъ устоями той жизни, въ которой воплотились идеалы красоты, добра, истины, человѣчности, если только это вѣрно? О Глѣбѣ Успенскомъ на стр. 416 утверждается, что съ его точки зрѣнія для русскаго крестьянина «не только культуртрегера, а и вообще никого и ничего не нужно, кромѣ власти земли и крѣпостной отъ нея зависимости». А дальше говорится, что у того же Успенскаго была «вѣра въ интеллигенцію, созданную цивилизаціей» и «почти мистическая надежда на барина-интеллигента, который вотъ-вотъ придетъ въ деревню и устроитъ тамъ благорастворепіе воздуховъ» (сс. 509, 558). На одной и той же страницѣ сначала Достоевскій защищается отъ упрековъ въ преувеличеніи, а потомъ его проекты соціальнаго преобразованія называются «дикими» (с. 487). Въ одномъ и томъ же предложеніи сначала Страховъ названъ «замѣчательнымъ и глубокомысленнымъ русскимъ публицистомъ», а далѣе говорится, что онъ «всегда какъ-то удивительно ловко и остроумно приходитъ къ утвержденію тѣхъ выводовъ, которые онъ взялся отрицать!» (с. 325). Удивительное глубокомысліе!

Противорѣчія можно найти даже тамъ, гдѣ г. Соловьевъ излагаетъ свои основные взгляды на ходъ литературнаго развитія Россіи. На стр. XVII предисловія говорится, что русская литература и до шестидесятыхъ годовъ «въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей вовсе не думала о забавѣ и развлеченіи, не думала о виртуозности слова: она учила, вела, указывала путь и притомъ обыкновенно въ довольно тяжеловатой формѣ». А въ «заключеніе» вся литература барина-идеалиста считается выраженіемъ идеи красоты, которая распространялась и на словесную форму выраженія мыслей. Въ концѣ «заключенія» г. Соловьевъ говоритъ, что жажда абсолютнаго и презрѣніе къ относительному—вотъ настроеніе нашей литературы» (с. 562). Но развѣ ненависть къ крѣпостному праву и борьба съ нимъ свидѣтельствуютъ о «жаждѣ абсолютнаго и презрѣніи къ относительному»? Въ предисловіи г. Соловьевъ строго различаетъ «литературу» и «словесность». «Словесность — по его словамъ—это все безбрежное море написаннаго и напечатаннаго; литература выражаетъ общественно-историческія идеи и общественно-историческое настроеніе въ каждую данную эпоху развитія. Чеховъ, напр.,—это литература, а Боборыкинъ — словесность» (стр. IV). Далѣе, г. Соловьевъ заявляетъ, что въ своихъ очеркахъ онъ занимается исключительно литературой. Но въ концѣ своей книги онъ забываетъ сдѣланное въ предисловіи заявленіе и представителю «словесности» г. Боборыкину удѣляетъ столько же вниманія, сколько Гоголю, и больше, чѣмъ Грибоѣдову и Лермонтову. Здѣсь же кстати будетъ упомянуть, что для г. Соловьева и В. Г. Короленко—представитель «словесности», а не «литературы», поэтому для него не нашлось мѣста въ «Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XIX вѣка»!

Не особенно строго исполняетъ авторъ и свое обѣщаніе излагать «лишь исторію литературныхъ идей» (стр. 67). Сплошь и рядомъ отвлекается онъ въ стороны, сообщая мало характерные или общеизвѣстные біографическіе факты и заполняя цѣлыя страницы характеристиками стиля того или другого писателя. Правда, въ погонѣ за «идеями», авторъ довольно пренебрежительно относится къ фактическому матеріалу. По части фактовъ его «Очерки» не особенно богаты, но и съ немногочисленными сравнительно фактами далеко не всегда дѣло обстоитъ благополучно. Рецензенты перваго изданія «Очерковъ» отмѣтили цѣлый рядъ довольно грубыхъ ошибокъ, которыя отчасти оговорены въ предисловіи ко второму изданію. Но и послѣ пересмотра «Очерковъ» въ нихъ осталось не мало фактическихъ ошибокъ. Авторъ увѣряетъ насъ, что Пушкину позволили напечатать «Деревню» въ полномъ видѣ (стр. 74), тогда

какъ на самомъ дѣлѣ это стихотвореніе съ знаменитымъ окончаніемъ появилось только въ 1870 году. На стр. 130-й говорится, что «Пушкинъ хотѣлъ было переслать первый № своего «Современника» Бѣлинскому такъ, чтобы никто, никто не зналъ объ этомъ, да все же не переслалъ, боясь mésaillance'a». На самомъ же дѣлѣ «Современникъ» былъ посланъ Бѣлинскому и полученъ имъ, что подтверждается цѣлымъ рядомъ показаній, въ томъ числѣ письмомъ самого Пушкина къ Нащокину. Имя Бѣлинскаго не упоминается только въ первыхъ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы», а изъ словъ г. Соловьева можно сдѣлать такой выводъ, что Чернышевскій нигдѣ въ названной книгѣ не называетъ великаго критика (см. стр. 220). «Любопытно,— говоритъ г. Соловьевъ,—что на «Войну и миръ» критика передового лагеря почти не откликнулась» (стр. 281). На самомъ же дѣлѣ въ 1868 году о романѣ Льва Толстого появились статьи и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Отечественныхъ Запискахъ», и въ «Недѣлѣ», и въ «Дѣлѣ», причемъ авторами отдѣльныхъ статей были такіе представители передового лагеря, какъ Писаревъ, Шелгуновъ, Флеровскій и др. Въ поэмѣ Некрасова «Морозъ—красный носъ» Дарья замерзаетъ въ лѣсу въ тотъ же самый день, когда похоронила мужа, а у г. Соловьева «эта Дарья послѣ смерти мужа беретъ на себя всю мужскую работу и справляется съ ней стоически и самоотверженно, чудно, красиво справляется съ ней» (стр. 316).

Значеніе подобныхъ ошибокъ въ разбираемой книгѣ усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что на ошибочныхъ фактахъ авторъ нерѣдко строитъ довольно важные выводы. Отсюда необычайное обиліе въ книгѣ г. Соловьева парадоксальныхъ, сомнительныхъ, крайне преувеличенныхъ и прямо невѣрныхъ и даже курьезныхъ выводовъ и мнѣній. Онъ преувеличиваетъ значеніе крѣпостного права, приписывая ему и созданіе понятій о дворянской чести и гордости, и порчу народнаго характера, и нарожденіе славянофильства, и расцвѣтъ русской художественной литературы (стр. 14—15). Жуковскій, который рѣдко былъ доволенъ собой и окружающими, у г. Соловьева является человѣкомъ «удивительно довольнымъ собой и всѣмъ окружающимъ» (стр. 46—47). Пушкинъ, если вѣрить г. Соловьеву, «не интересовался ни политикой, ни общественностью и не любилъ ихъ» (стр. 47). Григорій Данилевскій, какъ историческій романистъ, для г. Соловьева не лучше Лажечникова и «хуже Загоскина» (стр. 68). Грибоѣдовъ, по увѣренію г. Соловьева, возмущается продажей людей только въ розницу, а къ продажѣ ихъ оптомъ онъ отнесся бы совершенно спокойно, «никакъ» (стр. 72). О Гоголѣ говорится, что «онъ какъ бы не замѣчалъ преступленій, жестокостей, которыя ежедневно и ежеминутно творились возлѣ него, не замѣчалъ человѣческой злобы, взаимной ненависти, зависти и т. д., словомъ, всего того, что дѣлаетъ существованіе невыносимымъ и преступнымъ. Не замѣчалъ онъ и слезъ людскихъ, людского страданія» (стр. 74). «Западничество,—по заявленію г. Соловьева,—съ самаго начала выбирало своихъ руководителей изъ разночинцевъ. Дворяне-западники *всегда* тяготѣли и тайно, и явно къ славянофильству» (стр. 82). Въ доказательство приводятся Герценъ и Чаадаевъ, но умалчивается о Грановскомъ и Тургеневѣ. Погодинъ, этотъ ученый, профессоръ, педагогъ, публицистъ, авторъ повѣстей и драмъ, ораторъ, путешественникъ, журналистъ, если повѣрить г. Соловьеву, широко пользовавшемуся извѣстнымъ трудомъ г. Барсукова — «всю свою жизнь просидѣлъ за Несторомъ и другими лѣтописями» (стр. 101). Литературнымъ предкомъ образованнаго и развитого Обломова г. Соловьевъ считаетъ грубаго и невѣжественнаго Митрофанушку Простакова (стр. 182). Характеризуя писателей-народниковъ, г. Соловьевъ говоритъ: «часто это человѣкъ полуграмотный, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, едва преодолѣвшій азы» (стр. 207). О Рѣшетниковѣ говорится, что «духъ, помыслы, интересы и

идеалы народа были его собственными» (стр. 310). Но Тургеневъ все-таки «зналъ мужика не хуже нашихъ народниковъ, а пожалуй, что и получше ихъ» (стр. 337). О Глѣбѣ Успенскомъ въ «Очеркахъ» напечатаны такія строки: «Возьмете ли вы слогъ Успенскаго, или его юморъ, или его міросозерцаніе, или его манеру писать, куда бы, словомъ, вы ни обратили свой взглядъ— вездѣ мужикъ, вездѣ вліяніе его жизни, интересовъ, характера» (стр. 401). Въ талантѣ Достоевскаго никакой жестокости и никакого мучительства не признается (стр. 439). О. М. Горькомъ сказано, что онъ «вышелъ изъ Толстого», что онъ «не побоялся во всеуслышаніе сказать то слово, которое, быть можетъ, всю жизнь вертѣлось на языкѣ у Толстого» (стр. 532). И т. д., и т. д. Подобными парадоксами и голословными утвержденіями переполнены всѣ страницы «Очерковъ», принадлежащія перу г. Соловьева. И всѣ эти сужденія произносятся самымъ авторитетнымъ тономъ, какъ нѣчто несомнѣнное и не нуждающееся въ доказательствахъ и объясненіяхъ.

Авторъ разбираемой книги неоднократно называетъ себя не критикомъ, а историкомъ литературы. На самомъ же дѣлѣ передъ нами бойкій журналистъ, сплошь и рядомъ приносящій истину въ жертву хлесткимъ, а иногда даже такимъ грубымъ выраженіямъ, какъ «сволочь», «мразь», «чортъ знаетъ» и т. п. Иногда г. Соловьевъ превращается даже въ памфлетиста, когда, напримѣръ, изображаетъ русскаго консерватора, или характеризуетъ литературу восьмидесятыхъ годовъ, или излагаетъ взгляды Н. К. Михайловскаго. По адресу послѣдняго въ книгѣ г. Соловьева разсыпано не мало ядовитыхъ замѣчаній. Тутъ мы находимъ такія выраженія, какъ «невыработавшійся художникъ», «поражающая самоувѣренность тона», «случайный гость высотъ теоріи», «разрушенная храмина» въ видѣ шести томовъ его сочиненій, «глубина его научныхъ открытій», которыхъ на стр. 374 г. Соловьевъ не рѣшается оцѣнить, но дальше цѣнитъ очень сурово.

Для пополненія нашей коллекціи перловъ всякаго рода, щедрою рукой разсыпанныхъ въ книгѣ г. Соловьева, можно было бы привести еще цѣлый рядъ такихъ курьезныхъ выраженій, какъ, напримѣръ: «гигантская черепаха вдохновенія», «барская связка чувствъ», «шишка двуперстія» и т. п. Можно было бы указать рядъ такихъ гиперболизмовъ, какъ монологи въ пятнадцать страницъ, найденные г. Соловьевымъ въ юношеской драмѣ Бѣлинскаго, или заявленіе, что Помяловскаго «редакціи рвали на части» (стр. 293). Можно было бы спросить автора, что такое «гомерическій дактиль», найденный имъ у Златовратскаго, и что такое «александрійскій стихъ», къ которому будто бы «не перешелъ» Пушкинъ (стр. 37). Можно было бы привести даже грамматически неправильныя предложенія изъ книги г. Соловьева. Но и приведенныхъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы видѣть, какъ небрежно составлена книга г. Соловьева и какъ неуважительно онъ относится и къ русской литературѣ и къ русскому читателю. *С. Ашевскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Рагозина. „Древнѣйшая исторія Востока.—*Костинскій.* „Желѣзнодорожная политика".—*Оглоблинъ.* „Красноярскій бунтъ„.

З. А. Рагозина. Древнѣйшая исторія востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. Съ 113 рисунками и 2-мя картами. Спб. Изд. А. Ф. Маркса (XVI+423 стр.) Ц. 2 р. 50.

Ея же. Древнѣйшая исторія востока. Исторія Ассиріи. Отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. Съ 101 рисункомъ и 2-мя кар-

тами, печат. красками. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. (XVI+500 стр.) Ц. 2 р. 50 к. Г-жа Рагозина задалась цѣлью познакомить русскую публику въ общедоступномъ изложеніи съ древнѣйшей исторіей востока, и два тома, излагающіе исторію Вавилоніи и Ассиріи, уже появились въ хорошемъ, обильно иллюстрированномъ изданіи. Нечего и говорить о томъ, насколько своевременно появленіе трудовъ г-жи Рагозиной въ настоящее время, когда интересъ къ результатамъ изслѣдованій ассиріологовъ началъ широко распространяться въ публикѣ, особенно благодаря извѣстнымъ докладамъ Фридриха Делича о «Babel und Bibel». Поэтому книгамъ г-жи Рагозиной мы можемъ пожелать только самаго широкаго распространенія и надѣемся, что это распространеніе имъ легко удастся завоевать. Г-жа Рагозина обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ живого и яснаго изложенія, ея книги читаются очень легко и съ большимъ интересомъ. Она не предполагаетъ въ читателѣ почти никакихъ знаній и потому нерѣдко останавливается на разъясненіи того, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ ея темѣ. Хотя это обстоятельство и нарушаетъ стройность изложенія, однако, едва ли автору можно поставить это въ упрекъ. Такія отступленія дѣлаютъ книгу дѣйствительно общедоступной, или по крайней мѣрѣ значительно расширяютъ кругъ ея читателей. Особенно много такихъ отступленій въ первомъ, по времени появленія, томѣ, въ «Исторіи Халдеи». Какъ на примѣръ, можно указать на V главу этого тома, носящую заглавіе «Кочевники и осѣдлые. Четыре степени культуры» (стр. 140 — 150). Здѣсь нѣтъ ничего, что бы непосредственно касалось исторіи Халдеи: здѣсь разъясняются главныя черты кочевого и осѣдлаго быта народовъ вообще. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 114 сл.) разсказывается о томъ, что побудило людей «писать книги» и т. д. Подобныя отступленія всегда имѣютъ въ виду указать связь исторіи вавилонской и ассирійской культуры съ общимъ ходомъ культурнаго развитія человѣчества вообще. Далеко не всегда можно согласиться съ тѣмъ, что говоритъ г-жа Рагозина; но мотивы, заставляющіе ее держаться того или другого порядка, всегда заслуживаютъ вниманія.

Другое достоинство изложенія заключается въ томъ, что г-жа Рагозина кромѣ результатовъ раскопокъ въ Мессопотаміи излагаетъ и ихъ исторію. Благодаря этому, читатель какъ бы дѣлается свидѣтелемъ того, какъ шагъ за шагомъ однѣ находки пополняли и разъясняли другія и какъ изъ этихъ обломковъ возсоздана была довольно полная и стройная исторія Вавилона и Ассиріи.

Въ изложеніи обращено вниманіе не только на политическую исторію, но и на культурную: религіи, мифологіи и тѣсно съ ними связанному исскуству отведено въ книгѣ значительное мѣсто. Можно сказать даже, что политическая исторія вмѣстѣ съ общественной организаціей даже нѣсколько потерпѣла вслѣдствіе преобладанія въ изложеніи другихъ культурныхъ сторонъ. Такъ напр., о законахъ Хаммураби не упомянуто вовсе, между тѣмъ какъ даже одинъ фактъ существованія этого кодекса законовъ въ XXIII вѣкѣ до Р. Х. заслуживалъ бы упоминанія.

Излагать содержаніе о книгѣ г-жи Рагозиной мы не будемъ: одно заглавіе ихъ даетъ достаточное представленіе объ ихъ содержаніи; не будемъ мы также отмѣчать отдѣльные промахи, которые во всякомъ случаѣ не измѣнятъ общаго хорошаго впечатлѣнія. Мы хотѣли только еще указать на нѣкоторую переоцѣнку, которую самъ авторъ дѣлаетъ своимъ произведеніямъ въ предисловіи къ «Исторіи Халдеи». «Если неподготовленный читатель, заинтересовавшись даннымъ предметомъ, прочтетъ эту книгу, онъ—можно смѣло сказать—будетъ знать все существенно интересное въ этой области... Однимъ словомъ, читатель, ознакомившись съ моимъ трудомъ, сдѣлается настолько свѣдущъ по исторіи востока, что ему будетъ доступно и понятно все, что онъ ни встрѣтитъ по этому предмету и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ періодической

печати». Этого, однако, мало, и авторъ продолжаетъ: «Если же моя исторія настолько увлечетъ читателя, что онъ пожелаетъ спеціализировать свои занятія, то она же послужитъ ему лучшимъ, надежнѣйшимъ введеніемъ въ спеціальныя занятія древнѣйшей исторіей Востока». Въ этомъ увѣрена г-жа Рагозина потому, что къ «Исторіи Халдеи» приложенъ «подробный списокъ крупнѣйшихъ сочиненій по исторіи востока». Я думаю, однако, что это послѣднее мнѣніе автора далеко не имѣетъ того значенія, какое ему придается. Алфавитный указатель книгъ, статей и журналовъ не можетъ быть названъ «введеніемъ въ спеціальныя занятія»; для этой цѣли нуженъ не алфавитный порядокъ, а нѣсколько иной. Во всякомъ случаѣ, чтобы служить «введеніемъ въ спеціальныя занятія», къ указателю книгъ слѣдовало бы прибавить еще хотя бы самыя краткія указанія, что читатель найдетъ въ каждой изъ указываемыхъ книгъ. Такъ, напр., можно бы указать, что въ 2-хъ томахъ «Лекцій по наукѣ о языкѣ» Макса Мюллера читатель едва ли найдетъ и 5 страницъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Ассиріи и Вавилоніи. Полезно, конечно, познакомиться и съ языкознаніемъ; но право трудно угадать, чѣмъ руководилась г-жа Рагозина, помѣщая въ свой списокъ и этотъ трудъ М. Мюллера. Этими замѣчаніями мы не хотимъ, однако, дѣлать упрекъ библіографическому списку г-жи Рагозиной: для той скромной цѣли, которой долженъ служить ея трудъ этотъ списокъ, быть можетъ, даже слишкомъ обширенъ и подробенъ; наши замѣчанія имѣютъ въ виду только слишкомъ смѣлыя притязанія г-жи Рагозиной. Она думаетъ научить читателя *всему*. Мы же хотимъ сказать читателю, чтобы онъ никогда не вѣрилъ тѣмъ людямъ, которые убѣждены, что знаютъ *все*, хотя бы даже только существенное.

Внѣшность изданія обоихъ томовъ можно назвать прекрасною: хорошая бумага, четкій шрифтъ, многочисленныя, хорошо исполненныя иллюстраціи, географическія карты, вполнѣ удовлетворяющія своей цѣли и при всемъ томъ сравнительно недорогая цѣна—большаго и требовать невозможно. Этими двумя томами «Древнѣйшая исторія востока» однако не заканчивается. Сколько будетъ еще томовъ и какъ будетъ въ нихъ расположенъ матеріалъ, мы пока не знаемъ; но слѣдующій томъ, насколько можно судить по словамъ автора въ «Ист. Ассир.» на стр. 398, «будетъ посвященъ главнымъ образомъ древней иранской расѣ», т.-е. исторіи Ирана. Искренне желаемъ полнаго успѣха начинанію г-жи Рагозиной. *Д. Кудрявскій.*

Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ, Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Томъ третій. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. Спб. 1902 г. Давая отзывъ о первыхъ двухъ томахъ труда г. Кислинскаго (см. «Міръ Божій» за 1902 годъ, іюль, библіографическій отдѣлъ, стр. 89—90), мы отмѣтили, какъ главный недостатокъ его, то обстоятельство, что, увлекаясь конкретными подробностями, лицами и событіями, авторъ нерѣдко заслоняетъ ими болѣе общія теченія и вліянія. Въ третьемъ томѣ этотъ недостатокъ выступаетъ особенно выпукло вслѣдствіе предвзятой и, по нашему мнѣнію, совершенно невѣрной мысли автора, что царствованіе императора Александра III-го въ отношеніи къ желѣзнодорожной политикѣ представляетъ собою нѣчто цѣльное и единое съ начала до конца (см. стр. 3—4). Исходя изъ этой мысли, авторъ отказывается отъ хронологическаго разсмотрѣнія желѣзнодорожной политики во всѣхъ ея проявленіяхъ въ теченіе 1881—1894 гг. и предпочитаетъ вести систематическій обзоръ отдѣльныхъ сторонъ дѣла, которыхъ онъ различаетъ три: 1) общія законодательныя и административныя мѣры, 2) выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, 3) постройка казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и предъявленіе частнымъ желѣзнодорож-

нымъ обществамъ видоизмѣненныхъ условій сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ (стр. 4). Нельзя не признать, что такой планъ изложенія стираетъ индивидуальныя черты, свойственныя отдѣльнымъ моментамъ желѣзнодорожной (и не одной только желѣзнодорожной) политики правительства въ минувшее царствованіе. Поэтому, обозрѣвая существенные результаты труда г. Кислинскаго, мы постараемся различить эти моменты, ясно обозначающіеся, если расположить богатый матеріалъ, использованный авторомъ, въ надлежащемъ порядкѣ, опредѣляемомъ самимъ ходомъ дѣла.

Первый хронологическій моментъ желѣзнодорожной политики императора Александра III-го—это первая половина 80-хъ годовъ. Въ сущности этотъ моментъ совершенно искусственно отдѣленъ отъ конца царствованія Александра II-го, потому что, какъ мы видѣли при разборѣ первыхъ двухъ томовъ сочиненія г. Кислинскаго, уже въ концѣ 70-хъ и въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ намѣтились основныя черты, характерныя для всей первой половины 80-хъ годовъ. Уже при Александрѣ II-мъ правительство пришло къ сознанію необходимости усилить свой надзоръ за дѣйствіями частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, строить желѣзныя дороги на средства казны и подъ ея распоряженіемъ и выкупать старыя линіи въ казну. Все это стало исполняться въ первые годы новаго царствованія. Потребность въ усиленіи надзора вызвала усиленную законодательную и административную работу по желѣзнодорожному дѣлу. Прежде всего въ 1883 году было установлено Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, что всѣ вопросы желѣзнодорожной политики подлежатъ разсмотрѣнію комитета министровъ, а затѣмъ финансовая сторона дѣла подвергается обсужденію департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Въ 1885 г. былъ утвержденъ вырабатывавшійся нѣсколько лѣтъ «Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», по которому учреждался желѣзнодорожный совѣтъ при министерствѣ путей сообщенія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, устанавливались правила о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ и т. д. Въ 1884 году положено начало контрольному надзору правительства за частнымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ. Наконецъ, въ тотъ же періодъ поставлена на очередь тарифная реформа. Этой оживленной административной и законодательной дѣятельности по желѣзнодорожному дѣлу соотвѣтствовалъ приступъ правительства къ выкупу частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Онъ не достигъ, правда, пока большихъ размѣровъ, но начало было сдѣлано: именно выкуплены были досрочно, по соглашенію съ желѣзнодорожными обществами, четыре дороги (Харьково-Николаевская, Тамбово-Саратовская, Муромская и Путиловская) протяженіемъ болѣе 1.300 верстъ. Наконецъ, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ наблюдается нѣкоторое оживленіе желѣзнодорожнаго строительства,—казеннаго и частнаго: правительство построило Криворогскую, Бискунчакскую, часть стратегическихъ полѣсскихъ дорогъ и т. д.; частными обществами сооружены дороги Ивангородо-Домбровская, Обоянская и др. Средства для постройки были получены путемъ правительственныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ и выпуска облигацій частныхъ обществъ. Въ общемъ періодъ времени съ конца 70-хъ до половины 80-хъ годовъ можно характеризовать какъ эпоху ликвидаціи старыхъ порядковъ въ желѣзнодорожоомъ дѣлѣ и установленія порядковъ новыхъ, отличительною чертою которыхъ является планомѣрная организація прежде нестройнаго и пестраго желѣзнодорожнаго хозяйства.

Вторая половина 80-хъ годовъ существенно отличается отъ только что разсмотрѣннаго періода. Законодательная и административная работа по желѣзнодорожному дѣлу потеряла въ это время прежнюю напряженность, сводясь къ выполненію ранѣе намѣченнаго. Важнѣйшей мѣрой надо признать въ этомъ отношеніи изданіе въ 1889 году «Временнаго положенія о желѣзнодорожныхъ

тарифахъ и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ». Съ тѣхъ поръ началась важная работа по выработкѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Далѣе: стремленіе правительства къ установленію бюджетнаго равновѣсія и къ подъему кредита Россіи на европейскихъ денежныхъ рынкахъ, а также экономическій кризисъ повели къ сильнѣйшему сокращенію, можно сказать, почти полному прекращенію желѣзнодорожнаго строительства: въ этотъ періодъ были построены очень немногія дороги, какъ, напр., частная Ярославско-Костромская и казенная Псково-Рижская и Ржево-Вяземская. Зато выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну усилился и повелъ къ весьма большому увеличенію протяженія казенной желѣзнодорожной сѣти: досрочно выкуплены были дороги Уральская, Ряжско-Вяземская, Моршано-Сызранская, Закавказская; по истеченіи означеннаго въ уставахъ срока для выкупа—Рижско-Моршанская, Курско-Харьковско-Азовская, Варшаво-Тереспольская, Московско-Курская, Балтійская.

Съ 1890 года начинается третій моментъ русской желѣзнодорожной политики въ новѣйшее время, продолжающійся и теперь. Въ экономической жизни Россіи это было время, когда она сдѣлала нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ по дорогѣ, ведущей страну къ преобразованію въ хозяйственный организмъ высшаго типа, съ развитымъ и глубоко проникшимъ въ народныя массы товарнымъ оборотомъ, съ растущей обрабатывающей промышленностью. Желѣзнодорожная политика, естественно, поэтому направлена была главнымъ образомъ къ одной цѣли,—къ поощренію промышленнаго, по преимуществу фабричнаго и торговаго развитія страны. Въ это время не было уже нужды въ интенсивной законодательной и административно-учредительной дѣятельности по желѣзнодорожному дѣлу, потому что все главное было уже намѣчено и въ значительной своей части завершено. Заслуживаютъ вниманія лишь начатая уже раньше тарифная реформа, постоянно подвергающаяся пересмотрамъ и поправкамъ въ силу тѣсной связи тарифнаго вопроса съ перемѣнами въ хозяйственной жизни страны, и образованіе въ 1891 году высшаго законосовѣщательнаго учрежденія по желѣзнодорожнымъ дѣламъ—соединеннаго присутствія комитета министровъ и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Зато въ двухъ другихъ областяхъ желѣзнодорожной политики—въ дѣлѣ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну и въ желѣзнодорожномъ строительствѣ—наблюдается большое оживленіе: до одиннадцати большею частью очень важныхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ линій было выкуплено правительствомъ въ послѣднія пять лѣтъ царствованія императора Александра III-го, такъ что общая протяженность выкупленныхъ казною желѣзныхъ дорогъ достигла въ 1894 году почти $12^1/_2$ тысячъ верстъ; въ то же время на казенныя средства стала строиться Сибирская желѣзная дорога, сооружались казной также нѣкоторые подъѣздные пути и стратегическія желѣзныя дороги; частныя компаніи построили рядъ линій, какъ Уманскія, Новоселицкія, Раненбургскія вѣтви, Ириновская, Рязанско-Казанская, Воронежско-Курская, Пермь-Котласская, Архангельско-Вологодская и др. линіи. Усиленію частной дѣятельности по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ содѣйствовало сліяніе мелкихъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ крупныя компаніи: такихъ компаній къ концу 1894 года образовалось шесть. Такимъ образомъ къ концу минувшаго царствованія въ Россіи было уже болѣе 31 тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ около 17 тысячъ верстъ принадлежало казнѣ.

Такова грандіозная и поучительная картина, развертывающаяся передъ глазами всякаго, кто дастъ себѣ трудъ прочитать третій томъ разбираемаго сочиненія и раздѣлить на отдѣльные періоды матеріалъ, въ немъ изложенный. Недостатокъ порядка, отсутствіе раздѣленія на хронологическіе моменты, мѣшающее цѣльности и ясности впечатлѣнія, не представляютъ собою, однако, единственнаго повода для упрека по адресу автора. Въ связи съ этимъ недо-

статкомъ, зависящимъ отъ того, что авторъ—собственно не изслѣдователь, а собиратель и систематизаторъ матеріала, находится другой дефектъ: поверхностное объясненіе, иногда даже необоснованное толкованіе отдѣльныхъ фактовъ. Не въ силахъ будучи возвыситься надъ частностями, авторъ склоненъ важныя явленія приписывать мелкимъ причинамъ и преувеличиваетъ часто вліяніе отдѣльныхъ личностей. Такъ, напр., нельзя не замѣтить, что вопросъ о личной роли императора Александра III-го въ желѣзнодорожной политикѣ его царствованія, не разъ затрогиваемый авторомъ, разсматривается имъ безъ достаточныхъ фактическихъ данныхъ: на стр. 18-й совершенно не доказано ничѣмъ, что уже въ 1881 году императоръ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну; слабы также доказательства личнаго почина Александра III-го въ дѣлѣ постройки стратегическихъ дорогъ (стр. 189—190). Вопросъ такимъ образомъ остается открытымъ; между тѣмъ, оффиціальное положеніе автора и наличность живыхъ свидѣтелей описываемыхъ имъ событій могли бы бросить на него больше свѣта и если не рѣшить его вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, поставить его болѣе правильно. Поражаетъ затѣмъ своей невѣрностью и поверхностностью объясненіе основного направленія желѣзнодорожной политики до конца 70-хъ годовъ: недостатокъ планомѣрности, господство частной иниціативы и слабость правительственнаго вліянія на желѣзнодорожное дѣло объясняется «французскими и англійскими идеями о необходимости развитія самодѣятельности отдѣльныхъ общественныхъ группъ» (стр. 15), тогда какъ на дѣлѣ причина лежала глубже, въ условіяхъ народнаго и государственнаго хозяйства и въ новизнѣ самаго дѣла желѣзнодорожнаго строительства.

Указанные недостатки, свойственные и первымъ двумъ томамъ разбираемаго труда и лишь рѣзче выразившіеся въ третьемъ томѣ, не мѣшаютъ намъ, однако, признать за сочиненіемъ г. Кислинскаго важное значеніе по богатству изучаемаго и приведеннаго авторомъ въ первоначальную систему матеріала. Книга будетъ настольнымъ пособіемъ въ рукахъ каждаго изслѣдователя исторіи русскаго экономическаго быта, русскихъ финансовъ и путей сообщенія.

Н. Рожковъ.

Н. Н. Оглоблинъ. Красноярскій бунтъ 1695—1698 годовъ. Очеркъ изъ исторіи народныхъ движеній въ Сибири. Томскъ 1902. г., in 8-vo. Въ нашей литературѣ Сибирь совершенно справедливо привлекаетъ значительное вниманіе писателя; она интересуетъ его съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, и за послѣднее время этотъ интересъ выигрываетъ и въ силѣ, и въ значеніи. Прошлое Сибири изучено очень недостаточно, и нельзя не признать, что Н. Н. Оглоблинъ положилъ прочный фундаментъ для научнаго изученія исторіи Сибири XVII-го вѣка по архивнымъ документамъ. Ему принадлежитъ капитальный въ русской археографіи трудъ *«Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» (1592—1768 гг.)*, четвертая часть котораго вышла въ свѣтъ года два тому назадъ; каждый, занимающійся исторіей Сибири XVII-го вѣка, принужденъ исходить изъ названнаго «Обозрѣнія», какъ изъ первоисточника, и подъ его руководствомъ быстро и легко продвигаться среди пыльныхъ архивныхъ полокъ; своимъ «Оборѣніемъ» авторъ оказалъ незамѣнимыя услуги московскому архиву министерства юстиціи, и послѣдняя представляетъ любопытный образецъ того, что въ силахъ создать у насъ *частная* иниціатива и глубокая преданность научнымъ интересамъ среди бюрократическаго равнодушія и канцелярскаго произвола, еще царящихъ въ нѣкоторыхъ архивахъ. Работая много лѣтъ надъ документами Сибирскаго приказа съ спеціальною цѣлью дать имъ систематическій и подробный обзоръ, г. Оглоблинъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе общеинтересные по своему содержанію, подвергалъ особому изслѣдованію: такъ, въ печати появилась цѣлая серія его мелкихъ ра-

ботъ, болѣе или менѣе популярнаго характера; всѣ эти работы примыкаютъ къ «Обозрѣнію» и состоятъ съ нимъ въ родственной связи. Такою же работой является и выпущенная недавно въ свѣтъ отдѣльною брошюрой статья г. Оглоблина о красноярскомъ бунтѣ 1695—1698 годовъ. Красною нитью проходитъ по исторіи Сибири печальное раздвоеніе между элементами «жилецкимъ» и «приказнымъ», т.-е. между населеніемъ и администраціей. Мартирологъ населенія, грабежи и звѣрства приказныхъ, частью неумѣнье, а частью и нежеланіе центра справиться съ послѣдними—вотъ тема, которая надолго обезпечила себѣ право гражданства въ литературѣ и до нѣкоторой степени увлекла г. Оглоблина. Читатели помнятъ, конечно, чѣмъ былъ въ Сибири приказный хотя бы для протопопа Аввакума. Для этого стоитъ переглядѣть цѣнныя страницы перваго очерка въ книгѣ В. А. Мякотина «*Изъ исторіи русскаго общества*» (см. о ней нашъ отзывъ на стр. 135 и слѣд. первой книги журнала «Научное Слово»). Аввакумъ противопоставлялъ разбойнику-воеводѣ величайшую *нравственную* силу, и передъ этой силой порой останавливался самъ Аѳанасій Пашковъ. Гораздо чаще населеніе противопоставляло силу *физическую*, и тогда происходило то, что не совсѣмъ правильно называютъ народнымъ бунтомъ. Исторію одного изъ такихъ бунтовъ и разсказываетъ г. Оглоблинъ въ своей интересной работѣ по архивнымъ документамъ. Движенія противъ воеводской власти въ Сибири XVII вѣка были часты и рѣзки. «Нигдѣ, пишетъ нашъ авторъ, кромѣ Сибири, злоупотребленія воеводъ не доходили до той грандіозной степени, когда населенію становилось *не можно жить*, и оно послѣ безплодныхъ воплей къ государю о смѣнѣ воеводъ, открыто поднимало противъ нихъ бунтъ и пыталось своими силами и средствами оградить себя отъ *воеводъ-раззорителей, грабителей, мучителей*. Насколько грандіозны были воеводскія злоупотребленія въ Сибири, настолько же поражаютъ своими размѣрами и вызванные ими бунты. Иногда бунты длились по нѣскольку лѣтъ, переходя въ открытыя военныя дѣйствія противъ воеводъ и ихъ сторонниковъ, которыхъ возставшее населеніе держало *въ осадѣ* и преслѣдовало всячески,—воеводамъ *отказывали отъ воеводства* или прямо изгоняли ихъ изъ городовъ. На мѣсто упраздненной воеводской власти или совмѣстно съ нею, служилые люди избирали своихъ выборныхъ властей—*выборныхъ судеекъ* и др., заводили *мірскіе круги, совѣты, думы*, руководившіе борьбою съ воеводами и всѣмъ, вообще, движеніемъ. При отсутствіи воеводъ, эти *думы* брали на себя всѣ функціи воеводской власти и отправляли на мѣстѣ всякія *государевы дѣла*». Такова общая схема сибирскихъ бунтовъ, создававшихся своеобразною атмосферой сибирскаго житья-бытья. Читателю приходится ставить рядъ вопросовъ, незатронутыхъ этою схемою, но сильно подчеркиваемыхъ той массой цѣнныхъ фактовъ и подробностей, которые приводятся г. Оглоблинымъ относительно красноярскаго бунта. Каковъ соціальной составъ «бунтовщиковъ», что соединяло вмѣстѣ разнородные соціальныя группы, почему сибирскія движенія не привели къ установленію порядка и внѣдренію хотя бы отдаленныхъ признаковъ законности въ странѣ—все это вопросы, на которые читатель или вовсе не получаетъ отвѣта, или находитъ только намеки на отвѣтъ въ брошюрѣ г. Оглоблина. Этимъ замѣчаніемъ мы не думаемъ отрицать интереса или вниманія къ нимъ г. Оглоблина, а хотимъ лишь посѣтовать на литературную манеру почтеннаго автора, который спѣшитъ говорить «фактами», предоставляя ихъ анализъ другимъ; г. Оглоблинъ удѣлилъ себѣ горькіе корни, а вкушать вкусные плоды онъ предоставилъ другимъ, тѣмъ, которые будутъ опираться на его работы, вскрывшія массу новаго и значительнаго по своей научной цѣнности матеріала. Ловкіе «приказные», жадные до легкой добычи, уже начинаютъ пользоваться добромъ г. Оглоблина, не считая необходимымъ не только поблагодарить почтеннаго труженика, но даже открыто сослаться на

*

него!.. Мы не будемъ пересказывать фактическихъ нитей красноярскаго бунта 1695—1698 гг., отсылая читателей къ самой брошюрѣ г. Оглоблина. Послѣднимъ къ кругу упомянутыхъ выше вопросовъ придется прибавить еще два, намѣренно выдѣленныхъ нами особо. Недовольство сибирскимъ житьемъ-бытьемъ и полная неспособность московскаго правительства установить какой-либо порядокъ въ сибирскихъ земляхъ создавали не одни только народныя движенія, которыя въ настоящее время требуютъ самаго внимательнаго научнаго изученія и не могутъ быть объясняемы дѣтскими средствами, путемъ разнаго рода страшныхъ словечекъ. Недовольные шли искать «новыхъ землицъ», гдѣ можно было бы, по словамъ г. Оглоблина, *жить особо* и отъ *лихихъ воеводъ*, и отъ всѣхъ вообще московскихъ порядковъ. Эти банды вольныхъ охочихъ людей сыграли видную роль въ исторіи Сибири, а нѣкоторые изъ представителей этихъ бандъ попадаютъ нынѣ въ школьные учебники, въ родѣ, напр., Семена Дежнева, открывшаго Берингорь проливъ (въ обширномъ литературномъ формулярѣ г. Оглоблина имѣется особая монографія, посвященная Дежневу). Когда же случалось, что сбили воеводу, и на мѣстѣ уже готово свое мірское управленіе съ выборными судейками: цѣлый городъ съ уѣздомъ, по удачному выраженію г. Оглоблина, «добровольно и охотно» признавалъ власть выборныхъ судеекъ и руководительство думы. Это мірское самоуправленіе—явленіе, которое возбуждаетъ высокій интересъ ученаго изслѣдователя; къ его изученію надо подойти рѣшительно, и кто знаетъ, не будетъ ли въ результатѣ этого безстрастнаго научнаго изученія воспитываться въ насъ необходимое уваженіе и безграничная преданность принципу самоуправляющейся общественной единицы. Еще такъ недавно г. Покровскій совершенно справедливо указывалъ въ своей статьѣ *мѣстное самоуправленіе въ древней Руси*, напечатанной въ сборникѣ «Мелкая земская единица», на то, что въ наше время можно было бы поискать слѣдовъ общественной самодѣятельности въ московской Руси. «По справедливому замѣчанію одного русскаго ученаго, идеи лишь тогда начинаютъ двигать массами, когда онѣ превращаются въ нѣчто такое, о чемъ уже не спорятъ, въ своего рода черноземъ мысли. Разсматривая то, что дѣлали и думали мелкіе люди въ мелкихъ дѣлахъ уѣзднаго городка или деревни, мы легче получимъ анализъ этого чернозема, нежели изучая журналы, газеты, крупныя научныя и литературныя произведенія той или другой эпохи». Мы, конечно, не склонны раздѣлять во всемъ объемѣ основную мысль этой цитаты, мы не откажемся отъ изученія журналовъ и газетъ, но что современное изученіе можетъ и должно направиться вглубь народной жизни, представляется совершенно безспорнымъ.

Брошюра г. Оглоблина представляется намъ имѣющей большой интересъ. И въ разбираемой книжкѣ, и въ цѣломъ рядѣ другихъ работъ г. Оглоблинъ даетъ цѣнную канву для изученія очень многихъ очередныхъ вопросовъ, литературная манера автора, условія, при которыхъ ему пришлось работать, не дали ему возможности произвести *изслѣдованіе* въ собственномъ смыслѣ этого слова; онъ остановился на искусной передачѣ архивнаго первоисточника и съумѣлъ въ этомъ послѣднемъ отобрать для опубликованія именно то, что можетъ представлять широкій научный и общественный интересъ. Нельзя не пожелать очень настойчиво, чтобы г. Оглоблинъ собралъ въ одно цѣлое свои многочисленные очерки и этюды и издалъ ихъ въ большомъ томѣ. Богатый матеріалъ разбросанъ имъ по разнымъ изданіямъ послѣдняго тридцатилѣтія, и было бы грѣшно хоронить его и заставлять рыться изслѣдователя по печатнымъ источникамъ. *В. Сторожевъ.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Катаевъ. „Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія".—*Максимовъ.* „Что сдѣлано по исторіи семьи".—*А. Колонтай.* „Жизнь финляндскихъ рабочихъ".

Николай Катаевъ. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. (Въ виду недавняго увлеченія утопическимъ фатализмомъ). Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1903 г. Стр. 192. Ц. 80 к. Книга г. Катаева ставитъ себѣ цѣлью окончательно опровергнуть марксистскую программу и замѣнить ее другою, новой. О жизнеспособности и практичности этой новой программы можно быть разныхъ мнѣній. Но одно для насъ несомнѣнно: программа, предлагаемая г. Катаевымъ, не *замѣнитъ* марксизма, если даже ей и суждено *смѣнить* его; она не удовлетворяетъ тѣмъ запросамъ и потребностямъ, которымъ удовлетворялъ марксизмъ, она не способна вызвать того повышеннаго свѣтлаго настроенія, которое вызывалъ марксизмъ. Торжество подобной или подобныхъ программъ обозначало бы не только отказъ отъ заблужденій марксизма, но и отказъ отъ его достоинствъ, отъ его положительныхъ завоеваній, которыя достались не легко, и которыя еще могутъ сослужить хорошую службу въ будущемъ.

Г. Катаевъ слишкомъ увлекся опроверженіемъ и упустилъ изъ виду тѣ наиболѣе существенныя черты марксизма, которыя именно и доставили ему торжество въ недавнемъ прошломъ. И, проглядѣвъ въ марксизмѣ самое существенное, онъ естественнымъ образомъ вернулся къ тѣмъ же заблужденіямъ, въ борьбѣ съ которымъ выросъ марксизмъ. Эти заблужденія сводятся къ преувеличенному мнѣнію о значеніи національной и политической борьбы. Международное соперничество значительно ослабило въ образованномъ обществѣ XIX в. сознаніе общечеловѣческой солидарности, приглушило мысль объ общихъ основахъ и общихъ задачахъ христіанской культуры и вредно отразилось на судьбѣ народныхъ массъ. Успѣхи каждаго отдѣльнаго народа разсматривались только какъ опасность для другихъ народовъ и потому не принесли міру всей той пользы, какую могли бы принести при иныхъ условіяхъ. Успѣхи Англіи казались опасностью для остальной Европы, также какъ впослѣдствіи успѣхи Германіи были названы «германской опасностью» для англичанъ, а успѣхи Америки—«американской опасностью» для Европы. Ущербъ, наносимый Англіей, Германіей, Франціей, другъ другу и другимъ странамъ, заслонялъ собою огромную культурную работу, которая дѣлалась и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи и въ другихъ странахъ на пользу всего человѣчества. Общечеловѣческій прогрессъ пересталъ радовать и воодушевлять людей, потому что каждый думалъ не о прогрессѣ, а о томъ, чтобы не остаться позади другихъ. Интересы трудящейся массы, почти одинаково бѣдной и невѣжественной во всей Европѣ, приносились въ жертву «національному богатству», которое имѣло реальное значеніе только для командующихъ классовъ. И вотъ какъ протестъ противъ этой національной точки зрѣнія, явилось ученіе Маркса, который снова установилъ, что современную международную и классовую борьбу нужно разсматривать только какъ временное выраженіе и переходную ступень общаго поступательнаго движенія всего человѣчества, и снова показалъ, что людямъ разныхъ національностей можно работать вмѣстѣ надъ общими задачами, не заботясь о взаимныхъ распряхъ, коалиціяхъ и столкновеніяхъ сильныхъ міра сего. Какъ Гегель въ послѣдовательномъ торжествѣ отдѣльныхъ великихъ народовъ видѣлъ обнаруженіе единаго всемірнаго духа, такъ и Марксъ въ успѣхахъ капиталистическихъ странъ видѣлъ особую форму рѣшенія всемірно-исторической задачи, названной у него «развитіемъ производительныхъ

силъ». И какъ бы ни была ошибочна и пристрастна данная Марксомъ критика капитализма, великая заслуга его заключалась въ томъ, что онъ изучалъ капитализмъ какъ общечеловѣческую проблему, и боролся съ капитализмомъ во имя общечеловѣческихъ идеаловъ.

Подобнаго же рода заслуга останется за Марксомъ и въ области чисто политическихъ вопросовъ. Политическія «права гражданина» такъ же повредили естественнымъ «правамъ человѣка», какъ «народное богатство»—благосостоянію трудящагося человѣчества. Преувеличенная вѣра въ силу законодательныхъ реформъ привела къ политическимъ экспериментамъ, къ процвѣтанію экономическаго рабства подъ флагомъ политической свободы и къ глубокому отчаянію лучшихъ представителей общественной мысли, разочаровавшихся въ своихъ политическихъ мечтаніяхъ. И вотъ усталыхъ борцовъ, потерявшихъ вѣру въ свободу, равенство и братство, снова ободрило ученіе Маркса, гласившее, что политическая свобода, политическое равенство и политическое братство вовсе не самое существенное въ исторіи, что политическія реформы это только косвенное поверхностное отраженіе глубокихъ внутреннихъ перемѣнъ, медленно назрѣвающихъ въ современномъ обществѣ, перемѣнъ, которыхъ уже ничто не можетъ остановить, въ которыхъ уже нѣтъ мѣста произволу и случаю, которыя рано или поздно приведутъ къ полному торжеству правды. Политическія права это только частичное, неполное выраженіе вѣчныхъ незыблемыхъ правъ человѣка. Исторію пойметъ только тотъ, кто будетъ оцѣнивать политическія реформы по ихъ значенію для цѣлостнаго и всесторонняго развитія всей человѣческой личности. Сознательно дѣлать исторію будетъ только тотъ, кто въ политическихъ реформахъ будетъ видѣть лишь средство, а не самостоятельную цѣль. Права человѣка Марксъ отожествилъ съ правами рабочихъ. Въ этомъ была его ошибка. Но права рабочихъ онъ отожествилъ съ правами человѣка. Въ этомъ было его оправданіе. И вѣчныя права человѣка онъ защитилъ противъ злободневныхъ притязаній политики. Въ этомъ была его заслуга.

Несомнѣнно, однако, что увлекаясь своей схемой общечеловѣческаго развитія, Марксъ слишкомъ низко оцѣнилъ значеніе національныхъ различій, національной борьбы и политическихъ реформъ. Это то заблужденіе и составляетъ предметъ язвительной критики въ книгѣ г. Катаева. Если бы при этомъ г. Катаевъ ограничился тѣмъ, что впалъ въ противоположную крайность, если бы онъ только преувеличилъ значеніе политическаго и національнаго факторовъ, то это было бы понятно и простительно: одна крайность всегда вызываетъ другую. Но г. Катаевъ не просто преувеличиваетъ. Онъ уничтожаетъ самую задачу, которую рѣшалъ марксизмъ. У него исчезаетъ самая идея объ общечеловѣческомъ развитіи. А безъ идеи общечеловѣческаго развитія какую цѣну имѣетъ сравненіе національныхъ и политическихъ особенностей разныхъ странъ и разныхъ эпохъ? Вся книга наполнена негодованіемъ противъ Англіи, но авторъ не разъясняетъ: въ какой степени другія страны повинны въ тѣхъ же преступленіяхъ, что и Англія, и если совсѣмъ неповинны, то почему? Марксъ призналъ Англію классическимъ образцомъ общечеловѣческаго развитія. Г. Катаевъ совершенно справедливо опровергаетъ это мнѣніе, но вмѣсто того, чтобы отвести Англіи другое болѣе подходящее мѣсто въ общечеловѣческомъ развитіи, онъ не отводитъ никакого мѣста, а просто бранитъ. Марксъ преувеличилъ преимущества Англіи передъ другими странами, но онъ изучалъ на явленіяхъ англійской жизни общія черты человѣческой исторіи, которыя остаются одинаковыми и у передовыхъ, и у отсталыхъ странъ. Г. Катаевъ, преувеличивая національные недостатки англичанъ, не находитъ въ ихъ исторіи ничего общечеловѣческаго, или, вѣрнѣе, усматриваетъ въ ней одну только нечеловѣческую звѣриную дикость. Г. Катаевъ говоритъ, что вся исторія

Англіи представляетъ сплошное насиліе однихъ расъ надъ другими. Но г. Катаевъ не говоритъ, что же такое представляетъ исторія другихъ странъ и что представляетъ исторія человѣчества. Г. Катаевъ говоритъ, что англійскіе рабочіе раздѣляютъ съ англійскими капиталистами прибавочную цѣнность, выколачиваемую изъ колоній (стр. 94, 112) и потому поддерживаютъ существующій въ Англіи строй, хотя послѣдній и обреченъ на близкое крушеніе (118. 88). Но г. Катаевъ умалчиваетъ, откуда берется прибавочная цѣнность, напр., въ Сѣверной Америкѣ, которая, по его мнѣнію, «представляетъ, очевидно, національный типъ соціальной эволюціи, отличный отъ Англіи, отвѣчающій идеямъ Фр. Листа и Ад. Вагнера» (128). Умалчиваетъ г. Катаевъ и о томъ, почему американскіе рабочіе, по крайней мѣрѣ, столь же терпимо относятся къ американскому капитализму, какъ и англійскіе рабочіе—къ англійскому капитализму, хотя американскіе капиталисты до послѣдняго времени не собирали колоніальныхъ поборовъ, которыми могли бы дѣлиться съ своими рабочими.

Что-нибудь одно—или нужно признать, что вся человѣческая исторія до сихъ поръ не представляла ничего иного, кромѣ насилія однихъ народовъ надъ другими, но тогда исчезаетъ всякая разница между Англіей и другими странами, на которой настаиваетъ г. Катаевъ, и нѣтъ никакой гарантіи, что Германія, которой г. Катаевъ обѣщаетъ столь блестящее будущее, а также Соединенные Штаты не повторятъ съ буквальной точностью начальной исторіи Англіи, или нужно признать, что на ряду съ національной борьбой въ исторіи происходитъ накопленіе культуры, ростъ производительныхъ силъ, развитіе международной солидарности и общій прогрессъ человѣчества. Въ послѣднемъ случаѣ нужно допустить, что одинъ и тотъ же народъ можетъ имѣть великія вины передъ другими слабѣйшими народностями и въ то же время великія заслуги передъ человѣчествомъ въ дѣлѣ укрѣпленія всемірной цивилизаціи, что одна и та же страна можетъ быть родиной и хищныхъ колонизаторовъ и самоотверженныхъ піонеровъ культуры. Симпатіи къ нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ не должны закрывать отъ него того факта, что нѣмецкіе феодалы и капиталисты столь же охотно прибѣгали къ политикѣ «огня и крови», какъ и командующіе классы Англіи. А съ другой стороны антипатіи къ англійскимъ колонизаторамъ не должны уничтожать изъ нашей памяти того, что англійскіе рабочіе честно и мужественно боролись за свои человѣческія права и давали и продолжаютъ давать примѣръ для подражанія рабочимъ всѣхъ странъ. И всѣ классы Англіи, начиная съ лордовъ и кончая безработными, которыхъ г. Катаевъ сравниваетъ съ «голодной чернью» римской имперіи, во многомъ были учителями цивилизованныхъ народовъ а въ томъ числѣ и учителями нѣмцевъ, настойчиво рекомендуемыхъ г. Катаевымъ въ качествѣ учителей Россіи.

Но г. Катаевъ умѣетъ считаться съ національнымъ вопросомъ только до тѣхъ поръ, пока опровергаетъ заблужденія Маркса. Когда же онъ защищаетъ собственный идеалъ, тогда—долой все разнообразіе національныхъ особенностей! Историческія традиціи, сложность международныхъ отношеній, экономическія условія, высота достигнутаго народомъ умственнаго развитія и нравственныхъ его качествъ—все пренебрегается и урѣзывается ради облюбованной г. Катаевымъ программы. А программа эта вся умѣщается въ рамкахъ одного недавняго историческаго факта—дарованія Бисмаркомъ всеобщаго избирательнаго права молодой германской имперіи. Опять-таки скажемъ: если бы г. Катаевъ только преувеличивалъ значеніе политическаго фактора, и, въ частности, значеніе дарованныхъ германскому народу политическихъ правъ, это было бы съ полъ-бѣды. Но г. Катаевъ не только преувеличиваетъ. Онъ дѣлаетъ изъ политической реформы какую-то самодовлѣющую цѣль, какой-то кумиръ. Велико,

огромно значеніе современнаго государства. Но народъ, который надѣется исключительно только на государство, исключительно на помощь свыше, не съумѣетъ воспользоваться никакими политическими правами и недостоинъ ихъ. А законодатели, которые воображаютъ, что здоровье, сила и счастье народа зависятъ только отъ совершенства законодательной работы, способны погубить въ мертвечинѣ бюрократизма самыя благія намѣренія. Г. Катаевъ произвольно выдергиваетъ изъ исторіи одинъ фактъ—нѣмецкое всеобщее избирательное право и въ немъ видитъ все, а внѣ его—ничего. Почему именно всеобщее избирательное право въ той формѣ, въ какой оно существуетъ въ Германіи, является наивысшимъ проявленіемъ политической свободы,—это остается загадкой для читателя...

Вѣдь и сами нѣмцы вовсе не такъ ужъ удовлетворены своими политическими правами. «Всеобщее прямое избирательное право», даже если разсматривать его съ чисто политической точки зрѣнія, не есть нѣчто вполнѣ опредѣленное, а наоборотъ можетъ принимать различныя формы и имѣть различное значеніе. Въ частности, въ Германіи, всеобщее избирательное право далеко еще не осуществляетъ всѣхъ требованій полной и послѣдовательной демократіи: во-первыхъ, оно тамъ существуетъ только для имперскаго законодательства, но не для законодательства отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, а во-вторыхъ германской имперіей управляютъ министры, свободно назначаемые короной и не отвѣтственные передъ народными представителями, такъ что волѣ избирателей не обезпечено прямое вліяніе на ходъ имперской политики. Наконецъ, примѣръ другихъ странъ съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ—Франціи и Соединенныхъ Штатовъ,—показываетъ, что не вездѣ, гдѣ есть всеобщее избирательное право, есть и тѣ успѣхи, которые такъ радуютъ г. Катаева.

Г. Катаевъ откровенно признаетъ, что его національно-государственная точка зрѣнія приводитъ къ политическому оппортюнизму. Эта откровенность, въ отсутствіи которой г. Катаевъ съ полнымъ основаніемъ упрекаетъ нѣкоторыхъ вождей рабочаго движенія на западѣ, составляетъ, безспорно, большую заслугу автора. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что его симпатіи до нѣкоторой степени раздваиваются. Съ одной стороны, онъ сочувствуетъ, напримѣръ, дальнѣйшему сближенію нѣмецкой соціалъ-демократіи съ буржуазными партіями. Съ другой же стороны, сочувствуя идеямъ Ад. Вагнера, г. Катаевъ возстаетъ противъ его «консервативнаго и шовинистскаго эклектизма» и находитъ у «современныхъ нѣмецкихъ соціалъ-политиковъ», «типичныхъ оппортюнистовъ», «значительную дозу филистерскаго тумана въ ихъ національзмѣ» (161). Самъ г. Катаевъ еще мечтаетъ о концѣ «товарно капиталистической формы производства», концѣ, который наступитъ вмѣстѣ съ окончаніемъ насилія международнаго и плутократически государственнаго (156). Такое раздвоеніе симпатій автора позволяетъ намъ высказать надежду, что со временемъ, когда яснѣе опредѣлится необходимость сдѣлать выборъ между двумя направленіями, г. Катаевъ откажется отъ соблазновъ политическаго оппортюнизма. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ заслугой книги г. Катаева, что въ ней довольно ясно и откровенно опредѣлилось одно изъ двухъ возможныхъ направленіи—именно этотъ самый политическій оппортюнизмъ. Мы потому такъ долго и остановились на книгѣ г. Катаева (не претендующей, конечно, на научныя достоинства), что соблазны политическаго оппортюнизма дѣйствительно велики и, воплотившись въ тѣ или иныя программы, способны будутъ завоевать симпатіи многихъ изъ тѣхъ, которыхъ раньше объединяли наши многоразличныя «недавнія увлеченія» вплоть до развѣнчаннаго «утопическаго фатализма». И если можно согласиться съ г. Катаевымъ, что русскій марксизмъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, явленіемъ безпочвеннымъ, то, къ сожалѣнію, будущій русскій оппортюнизмъ съ преувеличенными надеждами на бюрократію найдетъ себѣ

достаточно подготовленную почву. Русское подражаніе заграничнымъ утопіямъ было увлеченіемъ. Но русское подражаніе заграничному бюрократизму было традиціей. Горькіе плоды этой традиціи на лицо: русскій человѣкъ плохо привыкаетъ въ самодѣятельности. Землевладѣніе, торговля и промышленность, мѣстное самоуправленіе—все у насъ постоянно обращаетъ взоры наверхъ и ждетъ отъ государства и денежной помощи, и поученія, и руководства.

Г. Катаевъ, конечно, мало заботится о землевладѣльцахъ и капиталистахъ. Главной задачей въ Россіи онъ считаетъ заботы о крестьянахъ. Но вѣдь и по отношенію къ крестьянамъ можно преувеличивать роль государства и строить бюрократическія утопіи. Намъ кажется, что примѣръ подобной утопіи можно найти у самого г. Катаева въ его брошюрѣ о «Сельскомъ кредитѣ и крестьянскомъ хозяйствѣ» (М. 1902 г.), гдѣ предсказывается чуть ли не полный переворотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ отъ культурнаго воздѣйствія государственнаго и земскихъ банковъ и гдѣ авторъ такъ низко оцѣниваетъ способность нашего крестьянства къ самодѣятельности и самопомощи.

Закончимъ пожеланіемъ г. Катаеву подольше сохранить и наилучшимъ образомъ развить то общее, что еще соединяетъ его съ «утопическими фаталистами». Затѣтимъ еще, что слогъ г. Катаева оставляетъ желать лучшаго. Нельзя сказать, чтобы ясность изложенія выигрывала отъ такихъ, напр., оборотовъ: «механико-физіологически-натуралистическая почва трудовой теоріи мѣновой цѣнности» (150); «Положительный базисъ реально-идейно-идеалистической цѣлесообразности» (20). *А. Рыкачевъ.*

А. Максимовъ. Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака. Изд. В. Линдо и Д. Байкова. 1901 г. Ц. 80 к. Вопросъ объ исторіи семьи, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ въ соціологіи, привлекъ къ себѣ у насъ особенно широкое вниманіе публики послѣ опубликованія перевода извѣстной книги Энгельса «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства». Огромное значеніе этой книги заключается въ томъ, что она дала картину развитія формъ семьи въ тѣсной связи со всей эволюціей общества, выяснила зависимость ея отъ этой эволюціи. Большая часть положеній Энгельса далеко не была нова, книга его заключаетъ много односторонняго, слишкомъ легко рѣшаетъ нѣкоторыя сложныя проблемы, но эти недостатки, быть можетъ и весьма крупные съ точки зрѣнія ученаго спеціалиста, рѣшительно отступаютъ на второй планъ передъ ясностью общей мысли, выдержанностью проведенія ея широкими, блестящими обобщеніями, дѣлающими ее прекраснѣйшей популяризаціей предмета.

Книга г. Максимова можетъ служить хорошимъ дополненіемъ для лица, ознакомившагося съ трудомъ Энгельса. Она представляетъ изъ себя добросовѣстный, сжатый обзоръ массы взаимно противорѣчивыхъ фактовъ, теорій и мнѣній, накопившихся у различныхъ писателей по вопросу объ исторіи семьи. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью дать не новое, оригинальное построеніе этой исторіи, а точную сводку старыхъ мнѣній и посильную, также не претендующую на оригинальность ихъ оцѣнку, и въ этихъ предѣлахъ онъ хорошо выполнилъ свою задачу. Напрасно было бы искать у него широкихъ выводовъ, освѣщенія общей эволюціи семьи. Но зато лицо, уже имѣющее эти свѣдѣнія, найдетъ здѣсь богатый (сравнительно съ небольшимъ объемомъ книги) фактическій матеріалъ, иллюстрирующій различныя формы семейныхъ отношеній, и безпристрастное изложеніе взглядовъ разныхъ авторовъ на каждое явленіе. Безпристрастіе это, думается, идетъ даже слишкомъ далеко, заставляя его нѣсколько эклектично относиться къ различнымъ, сообщаемымъ имъ, мнѣніямъ, и слишкомъ осторожно критиковать ихъ, отчего и зависитъ указанное отсутствіе у него яркой картины развитія семейныхъ формъ и взаимной ихъ связи.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, трудъ г. Максимова является полезнымъ обогащеніемъ нашей популярной литературы по исторіи семьи. *Б. В.*

А. Коллонтай. Жизнь финляндскихъ рабочихъ. Экономическое изслѣдованіе. Спб. 1903 г. (Первая часть). Стр. 335. Ц. 2 р. 35 к. Книга г. Коллонтая принадлежитъ къ числу сочиненій, которыхъ достоинства и недостатки зависятъ не столько отъ автора, сколько отъ имѣющагося у автора матеріала. Г. Коллонтай даетъ сводку существующихъ въ печати данныхъ (главнымъ образомъ статистическихъ) объ условіяхъ жизни финляндскихъ рабочихъ, пользуясь источниками шведскими, финскими, русскими, нѣмецкими и французскими. А такъ какъ матеріалъ этотъ, въ общемъ, скудный и авторъ не оживляетъ его сообщеніемъ какихъ-либо личныхъ наблюденій то картина получается довольно блѣдная. Среднія цифры и голые факты мало даютъ для знакомства съ жизнью общественнаго класса даже тогда, когда данный классъ ясно отграниченъ отъ другихъ рѣзкими внѣшними признаками. Поэтому статистики и экономисты, пользуясь результатами массовыхъ наблюденій; стараются по возможности освѣщать ихъ отдѣльными живыми, на глазъ выхваченными картинами типичныхъ хозяйствъ. Къ сожалѣнію, г. Коллонтай почти совсѣмъ не пользуется этимъ методомъ. А между тѣмъ, именно, по отношенію къ финляндскимъ рабочимъ такой методъ особенно необходимъ. Финляндскій капитализмъ — явленіе молодое, недавно народившееся, неустановившееся, а потому и обусловленный капитализмомъ особый классъ рабочихъ-пролетаріевъ, на которомъ сосредоточено вниманіе г. Коллантая, не успѣлъ вполнѣ опредѣлиться. По всѣмъ вѣроятіямъ и самъ финляндскій рабочій хорошенько не знаетъ, что такое финляндскій рабочій. Тѣмъ менѣе знаютъ это посторонніе наблюдатели. Описывать же жизнь финляндскаго рабочаго, не зная, что такое финляндскій рабочій, — трудъ довольно неблагодарный. Поэтому, тутъ особенно умѣстно было бы вмѣсто описанія жизни «рабочаго» вообще. давать описанія отдѣльныхъ типичныхъ хозяйствъ трудящагося люда.

Г. Коллонтай сообщаетъ много свѣдѣній о заработной платѣ, длинѣ рабочаго дня, о бюджетахъ, о жилищахъ рабочаго класса, но читателю трудно судить о значеніи приводимыхъ свѣдѣній, потому что изъ книги не видно, насколько однородную массу представляетъ финляндскій рабочій классъ. Напр., авторъ говоритъ, что «заработокъ финляндскаго рабочаго выше, чѣмъ у русскаго рабочаго» и что «по своимъ потребностямъ онъ значительно опередилъ своего русскаго собрата и по культурнымъ запросамъ стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ рабочими западно-европейскими» (81). Однако, цифры, на основаніи которыхъ сдѣланъ этотъ выводъ, не позволяютъ судить, о комъ здѣсь идетъ рѣчь: только о рабочихъ фабрично-заводской промышленности или также о чернорабочихъ и о ремесленникахъ, и слѣдуетъ ли преимущества финляндскихъ рабочихъ передъ русскими поставить на счетъ финляндскому капитализму или общимъ условіямъ финляндской жизни. Какое разстояніе отдѣляетъ въ Финляндіи чернорабочаго отъ обученыхъ рабочихъ съ повышеннымъ заработкомъ? Какая связь существуетъ между городскими и сельскими рабочими? Насколько сохранилось соединеніе сельскихъ занятій съ кустарными, ремесленными и фабрично-заводскими? Какое отношеніе существуетъ между ремесленниками-одиночками, ремесленниками-хозяевами, ремесленниками-рабочими и фабрично-заводскими рабочими? Какая разница въ благосостояніи и умственномъ развитіи всѣхъ этихъ категорій? Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта. Мало помогаютъ дѣлу и старанія автора «прослѣдить за отраженіемъ капиталистическаго духа, въ общихъ и частныхъ его проявленіяхъ, на экономическомъ укладѣ жизни финляндскихъ трудящихся массъ», что выставлено въ предисловіи, какъ задача предпринятаго изслѣдованія (стр. 5). Ибо «капиталистическій духъ» принимаетъ у автора форму шаблоновъ, скорѣе украшающихъ

изложеніе, чѣмъ объединяющихъ содержаніе. Многія данныя, приводимыя авторомъ (напр., почти всѣ данныя главы III—о бюджетахъ), относятся къ ремесленникамъ, а не къ рабочимъ, занятымъ въ крупной промышленности, причемъ авторъ совершенно не останавливается на вопросѣ о борьбѣ крупной промышленности съ мелкой, и о томъ, насколько «капиталистическій духъ» проникаетъ въ ремесло.

Невыгодно отразилась на книгѣ и принятая авторомъ система изложенія. Въ настоящей первой части своего труда, авторъ обходитъ молчаніемъ фабричное законодательство, фабричную инспекцію, страхованіе рабочихъ, рабочіе союзы, кассы взаимопомощи, отмѣтивъ все это для второй части. Между тѣмъ, описаніе «условій труда въ промышленныхъ заведеніяхъ» (гл. 6) много выиграло бы, если бы читатель тутъ же могъ узнать объ организаціи фабричной инспекціи, а исторія стачекъ и вообще отношеній между предпринимателями и рабочими (гл. 8) стоитъ въ самой тѣсной связи съ исторіей рабочихъ союзовъ, о которыхъ въ первой части сообщаются лишь случайныя отрывочныя свѣдѣнія.

Но, во всякомъ случаѣ, книга г. Коллонтая содержитъ много интереснаго. Русскій издатель найдетъ достаточно матеріала для поучительныхъ сопоставленій съ русскими условіями. Также какъ и Россія, Финляндія — страна по преимуществу земледѣльческая. Также какъ и въ Россіи, крупный капиталъ въ Финляндіи еще только начинаетъ по настоящему расправлять свои крылья. «Еще лѣтъ 20 тому назадъ,—говоритъ г. Коллонтай, — Финляндія гордилась мирнымъ, патріархальнымъ духомъ, царившимъ въ сферѣ ея индустріальной жизни» (стр. 1). Насчетъ «патріархальности» наступило быстрое разочарованіе. Тяжелый для промышленности 1901 г. ознаменовался рядомъ серьезныхъ стачекъ. Отношенія между предпринимателями и рабочими обостряются болѣе и болѣе. И тѣмъ не менѣе чувство законности этимъ обостреніемъ не уничтожается. Основой взаимныхъ отношеній предпринимателей и рабочихъ все-таки служатъ, по удостовѣренію автора, «взаимное уваженіе, отсутствіе произвола и приверженность съ обѣихъ сторонъ къ законному образу дѣйствій» (247). Г. Коллонтай приходитъ къ общему оптимистическому заключенію, что и «Финляндія во-время успѣла уловить призракъ надвигающейся опасности и въ лицѣ своего правительства, общества и самихъ рабочихъ вступила въ борьбу съ темными сторонами капитализма» (3). *А. Рыкачевъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГИГІЕНА.

Э. Лесгафтъ. „Краткій курсъ физической географіи".—*Van't Hoff.* „Химическое равновѣсіе".—*N. Helmholtz.* „Два изслѣдованія по гидродинамикѣ".—*Кузнецовъ.* „Флора Кавказа".—*Л. Бюхнеръ.* „Психическая жизнь животныхъ".—*Л. Морганъ.* „Изъ міра животныхъ".—*С. Сегенъ.* „Воспитаніе, гигіена и пр.".

Краткій курсъ физической географіи. Составилъ Э. Лесгафтъ. Спб. 1903 г. Цѣна 80 к. «Дать учебную книгу, стоящую на уровнѣ современныхъ знаній и воспроизводящую въ миніатюрѣ научную систему физической географіи»—такова задача автора. Нельзя не привѣтствовать такого почина! Въ то время какъ большинство нашихъ учебниковъ—и не одной только физической географіи—представляетъ собою сборники какъ бы случайно понадерганныхъ свѣдѣній по излюбленнымъ оффиціальными программами отдѣламъ науки, книга г. Лесгафта, не смотря на свой небольшой объемъ (всего 160 стр. in 8°), дѣйствительно оказывается законченнымъ цѣлымъ, на основаніи котораго можно составить довольно полное представленіе о содержаніи той науки, элементы которой здѣсь сообщаются. Къ числу особенностей «Краткаго курса».

предназначеннаго для учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, а также для цѣлей самообразованія, нужно прежде всего отнести то, что авторъ не ограничивается одной фактической стороной дѣла: всюду, гдѣ возможно, онъ старается познакомить учащихся съ главнѣйшими изъ существующихъ въ наукѣ мнѣній по каждому данному вопросу, избѣгая такимъ образомъ излишней догматичности и дѣлая свое изложеніе занимательнымъ, несмотря на его крайнюю сжатость: Правда, такой пріемъ можетъ вызвать нападки со стороны педагоговъ, полагающихъ рѣзкую грань между курсомъ средней школы и высшей. Но естествознаніе и догматизмъ—двѣ вещи несовмѣстныя и г. Лесгафту нужно было бы отказаться отъ намѣренія воспроизвести научную систему въ миніатюрѣ, если бы ему пришлось тщательно избѣгать всѣхъ гипотетическихъ, зачастую противорѣчивыхъ толкованій...

Что касается чисто научной стороны учебника, то, кромѣ нѣсколькихъ маловажныхъ упущеній (напримѣръ ни слова не сказано о присутствіи въ атмосферѣ газовъ группы аргона), намъ кажется нѣсколько страннымъ то предпочтеніе, которое авторъ отдаетъ механической теоріи вулканизма (стр. 103—104). Вопросъ, конечно, спорный, но приводимая авторомъ аргументація въ пользу упомянутой теоріи на нашъ взглядъ не выдерживаетъ критики. Новѣйшія изслѣдованія Таммана касательно различнаго аггрегатнаго состоянія тѣлъ при громадныхъ давленіяхъ дѣлаютъ существованіе жидкаго ядра земного шара не такимъ ужъ проблематичнымъ; съ другой стороны факты, собранные геологами, въ значительной степени поколебали зависимость, которая будто бы существуетъ между образованіемъ трещинъ и возникновеніемъ очаговъ вулканической дѣятельности, между тѣмъ, какъ для механической теоріи такая зависимость является непремѣннымъ условіемъ.

Книга издана небрежно: бумага и рисунки плоховаты, встрѣчаются опечатки, на что мы совѣтовали бы автору обратить вниманіе при слѣдующемъ изданіи его прекраснаго учебника. *Дм. Мон—ій.*

Vant-Hoff. Химическое равновѣсіе. Переводъ съ французскаго подъ редакц. А. Н. Щукарева. Цѣна 40 к. Helmholtz. Два изслѣдованія по гидродинамикѣ. Перев. подъ ред. С. А. Чаплыгина. Цѣна 60 коп. Книгоиздательство «ΠΑΛΛΑΣ». Москва. 1903 г. Эти двѣ изящно изданныя брошюры являются первыми выпусками серіи научныхъ сочиненій, предназначаемыхъ книгоиздательствомъ «Палласъ» «преимущественно для студентовъ физико-математическаго факультета, а вмѣстѣ съ тѣмъ для лицъ, интересующихся этой областью знанія въ цѣляхъ самообразованія». Мы нѣсколько затрудняемся точно опредѣлить «эту область знанія», такъ какъ въ спискѣ книгъ, предположенныхъ къ выпуску этой фирмой преобладаютъ сочиненія по физикѣ, но помѣчены и такія, какъ: L. Galvani. «Электрическая сила и ея дѣйствіе на мускулы» и «Кантовская исторія мірозданія и теорія неба» и H. S. Williams. «Исторія науки XIX-го вѣка». Вѣроятно, характеръ этого изданія будетъ приближаться къ извѣстной нѣмецкой серіи «классиковъ» науки, издаваемой подъ редакціей Оствальда. Такое предпріятіе можно, конечно, только привѣтствовать, хотя врядъ ли оно можетъ разсчитывать на широкое распространеніе въ нашемъ малокультурномъ еще отечествѣ. Пока, и, вѣроятно, еще долго, намъ нужна болѣе широкая популяризація.

Изданныя работы Гельмгольца и Вантъ-Гоффа—одни изъ основныхъ въ области современныхъ физическихъ наукъ и, конечно, не требуютъ никакой рекомендаціи; для прочтенія или, вѣрнѣе, изученія они требуютъ основательнаго знакомства съ высшей математикой, физикой и химіей. *В. А.*

Н. Кузнецовъ. Н. Бушъ. А. Ѳоминъ. Матеріалы для флоры Кавказа. Вып. 1—4. Юрьевъ. 1901—1902 г. Цѣна каждаго выпуска 50 коп. Профессоръ юрьевскаго университета, Н. И. Кузнецовъ слишкомъ десять лѣтъ уже

занимается интереснѣйшей и богатѣйшей флорой Кавказа; неоднократно посѣщалъ онъ Кавказъ, а кромѣ того—собралъ громадные матеріалы по кавказской флорѣ трудами своихъ ближайшихъ учениковъ—Н. Буша и А. Ѳомина, а также многочисленныхъ другихъ сотрудниковъ.

Результатомъ всѣхъ этихъ изслѣдованій и являются издаваемые нынѣ «Матеріалы для флоры Кавказа», которые должны, по мнѣнію авторовъ, послужить основой для флоры популярной, предназначенной для начинающихъ или для публики. Разумѣется, это такъ, и необходимо начинать именно съ такой критической переработки всего имѣющагося матеріала, которую предприняли г. Кузнецовъ, Бушъ и Ѳоминъ. Но намъ думается, что и это изданіе представляетъ интересъ не для однихъ лишь спеціалистовъ, а для гораздо болѣе широкой публики. Уже въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ имѣются сейчасъ «Матеріалы» (изданіе будетъ закончено черезъ 20—30 лѣтъ) оно представляетъ необходимое пособіе для всякаго «любителя и начинающаго», кто поѣдетъ на Кавказъ и вздумаетъ ознакомиться съ флорой. Въ разсматриваемыхъ выпускахъ описываются, между прочимъ, рододендроны, первоцвѣты (описанные проф. Кузнецовымъ) и лютиковыя (описанныя Н. А. Бушемъ). Не ограничиваясь однимъ описаніемъ растеній, авторы даютъ ключи для ихъ опредѣленія, а также весьма подробныя указанія распространенія ихъ по Кавказу и, наконецъ, въ примѣчаніяхъ приводятъ весьма любопытныя указанія по систематикѣ и географическому распространенію описываемыхъ видовъ.

Пожелаемъ этому изданію самаго широкаго распространенія среди русскихъ ботаниковъ и любителей, а авторамъ—энергіи, необходимой для доведенія начатаго предпріятія до конца. *Б. Федченко.*

Л. Бюхнеръ. Психическая жизнь животныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Успенской, подъ редакціей М. А. Энгельгардта. Изд. Ф. Павленкова. Цѣна 1 р. 25 к. 472 стр. + XVI. Это произведеніе знаменитаго бойца за матеріализмъ не оригинальное научное изслѣдованіе, а интересная популяризація, довольно полная сводка фактовъ, касающихся жизни и психики муравьевъ, термитовъ, пчелъ, осъ и нѣкоторыхъ пауковъ и жуковъ. Книга написана съ обычной для Людвига Бюхнера талантливостью, легко, занимательно и доступно для самой широкой публики; неудивительно, что она выдержала нѣсколько изданій въ Германіи и переведена почти на всѣ европейскіе языки.

Авторъ является рѣзкимъ противникомъ ученыхъ, которые видятъ въ психической жизни насѣкомыхъ только одно проявленіе инстинкта и не считаютъ возможнымъ проводить аналогіи между духовными способностями человѣка и этихъ животныхъ; онъ вмѣстѣ съ Форелемъ и многими другими учеными утверждаетъ, что всѣ элементы нашей психики находятся въ той или иной степени развитія и въ психикѣ муравьевъ и пчелъ. По мнѣнію Бюхнера «большіе круги или отдѣлы животнаго царства располагаются не другъ *подъ* другомъ, а другъ подлѣ друга, и что, слѣдовательно, высшіе представители одного, болѣе низкаго отдѣла могутъ подниматься, и дѣйствительно, поднимаются, физически и духовно, очень высоко надъ низшими или средними ступенями другого, въ цѣломъ болѣе высокаго круга... Въ сущности, можно смѣло сказать, что муравей—высшій типъ высшаго класса членистыхъ — по своей общей организаціи далеко превосходитъ представителей низшихъ классовъ позвоночныхъ животныхъ, напр., рыбъ и амфибій, а въ отношеніи духовныхъ способностей поднимается до уровня птицъ и высшихъ млекопитающихъ» (стр. 53 и 54).

И дѣйствительно авторъ приводитъ массу примѣровъ изъ жизни муравьевъ, термитовъ и пчелъ, которые указываютъ на такое высокое психическое развитіе этихъ насѣкомыхъ, что какъ-то странно и неловко становится сваливать все это на пресловутый «инстинктъ». Пусть инстинктомъ построены

сложные муравейники и еще болѣе удивительные «холмы» термитовъ съ миріадами комнатъ, камеръ, помѣщеній для дѣтвы, запасныхъ магазиновъ, сторожекъ, переходовъ, корридоровъ, арокъ, мостовъ, подземныхъ улицъ и каналовъ, трубъ, сводовъ, лѣстницъ, куполовъ и проч., пусть только инстинктомъ обусловлены мужество и самоотверженность всѣхъ этихъ насѣкомыхъ, ихъ стратегія въ битвахъ, ихъ сложная общественная жизнь, однимъ словомъ всѣ ихъ нравы и навыки, но какое отношеніе имѣетъ инстинктъ къ тѣмъ проявленіямъ умственной дѣятельности, которыя уже выходятъ изъ круга данныхъ нравовъ и навыковъ, которыя указываютъ на индивидуальное, сознательное отношеніе къ явленіямъ.

Термиты, чтобы добраться до мѣшка съ мукой, хорошо защищеннаго снизу, продѣлали дыру въ крышѣ и провели къ мѣшку отвѣсную трубу; вскорѣ они убѣдились, что по этой трубѣ имъ не унести муки; тогда они выстроили рядомъ съ нею другую, спирально изогнутую и благодаря ей могли воспользоваться своей добычей. Развѣ это инстинктъ?!

Форель помѣстилъ колонію дерновыхъ муравьевъ внутри валика изъ сухого гипса. Въ теченіе двухъ недѣль муравьи тщетно пытались перелѣзть черезъ этотъ барьеръ—гипсъ осыпался, и плѣнники скатывались внизъ. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли они стали рыть въ этомъ гипсовомъ валѣ туннель. Первыя попытки не удавались, вслѣдствіе осыпанія рыхлой гипсовой массы, но, въ концѣ концовъ, животнымъ удалось прорыть насквозь весь барьеръ. Форель снова засыпалъ туннель, но, очевидно, муравьи успѣли усовершенствоваться въ своей работѣ такъ, что въ короткое время возстановили разрушенный туннель. Форель оставилъ ихъ въ покоѣ и они убѣжали съ своими личинками и куколками. Также несомнѣнно вліяніе индивидуальнаго опыта на психику муравьевъ-рабовъ. Они сначала противодѣйствуютъ новымъ набѣгамъ своихъ господъ, но мало-по-малу привыкаютъ къ этому и, по увѣренію нѣкоторыхъ наблюдателей; даже плохо принимаютъ своихъ повелителей, если послѣдніе возвращаются изъ похода съ пустыми руками.

Бюхнеръ приводитъ въ своей книгѣ массу подобныхъ фактовъ, которые заставляютъ допустить въ психикѣ муравьевъ, пчелъ, термитовъ и нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ наличность элементовъ сознанія. Также несомнѣнно присуща имъ и индивидуальная память, благодаря которой пчелы отыскиваютъ, напр., дерево или цвѣтокъ, гдѣ они разъ нашли медъ, и отличаютъ свой улей отъ множества другихъ; присуща и способность отличать однихъ людей отъ другихъ,—хозяина отъ постороннихъ и т. п.

Все это такъ и, конечно, только предвзятая мысль можетъ видѣть въ жизни этихъ насѣкомыхъ только проявленіе видовой, автоматической психики. но съ другой стороны нельзя и слишкомъ увлекаться аналогіей «духовнаго міра» насѣкомыхъ и человѣка. А въ этомъ грѣхѣ нѣсколько повиненъ старый матеріалистъ Бюхнеръ.

Такъ, онъ утверждаетъ (стр. 310), что «вся жизнь улья держится исключительно идеальнымъ, существующимъ въ мозгу маленькихъ животныхъ, представленіемъ о будущемъ событіи (выходъ царицы), и притомъ событіи исключительномъ, такъ что вліяніе его не можетъ быть объяснено ни «инстинктомъ», ни «наслѣдственностью», а только мыслительнымъ процессомъ».

Своевременное избіеніе рабочими пчелами трутней авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Прилежныя рабочія пчелы *знаютъ*, что въ теченіе всей долгой зимы трутни, какъ безполезные ѣдоки, будутъ только вредить благосостоянію улья, такъ какъ въ это время царица уже оплодотворена и они, стало быть, не могутъ принести никакой пользы. Оттого ихъ и истребляютъ» (стр. 300). Ненависть старой царицы къ появляющимся соперницамъ, побуждающую ее къ убійству послѣднихъ, Бюхнеръ объясняетъ «унаслѣдованнымъ

отъ поколѣнія къ поколѣнію стремленіемъ или влеченіемъ къ единодержавію, соединеннымъ съ *тревожнымъ сознаніемъ* того, что съ появленіемъ соперницы придется отказаться отъ власти въ старомъ гнѣздѣ и отыскивать новое пристанище» (стр. 317). Такого рода объясненія, конечно, не оправдываются никакими соображеніями о большей общедоступности и картинности; это — грубый антропоморфизмъ, недопустимый и въ популяризаціи.

Къ счастью такихъ мѣстъ относительно немного и книгу А. Бюхнера, съ сдѣланной нами оговоркой, можно рекомендовать для самой широкой публики, желающей ознакомиться съ жизнью и нравами муравьевъ, пчелъ и другихъ соціальныхъ насѣкомыхъ.

Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, издана книга хорошо.

В. Агафоновъ.

Ллойдъ Морганъ. Изъ міра животныхъ. Съ 53 рисунками художника В. Рау. Переводъ М. К. Ланге. Изданіе П. А. Беркоса Спб. 1903 г. Цѣна 1 р 50 к. Книжка заключаетъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ очерковъ изъ жизни самыхъ разнообразныхъ животныхъ—отъ слона до пчелы. Цѣлью этихъ очерковъ, предназначенныхъ для дѣтей, «было скорѣе вызвать интересъ и, если можно, побудить къ наблюденію, чѣмъ научить». Сообщаемыя въ книгѣ свѣдѣнія распадаются на двѣ группы: наряду съ анатомическими особенностями животныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, авторъ говоритъ объ ихъ привычкахъ, образѣ жизни и т. д., пускаясь при случаѣ въ экскурсіи болѣе общаго характера. Такъ напр., на стр. 225 онъ знакомитъ читателя даже съ такимъ широкимъ обобщеніемъ въ біологіи, какъ знаменитый біогенетическій законъ. Послѣднее обстоятельство вызываетъ въ насъ крайнее недоумѣніе: для кого же собственно предназначается эта книга? Если для дѣтей младшаго возраста, то врядъ ли тѣ поймутъ, что «развитіе особи есть болѣе или менѣе сокращенное повтореніе развитія расы» (вида?), если же имѣется въ виду старшій возрастъ, то зачѣмъ было автору поддѣлываться подъ языкъ малышей? Возьмемъ для контраста начало третьей главы: «Изъ всѣхъ животныхъ въ зоологическомъ саду кого ты больше всего любишь?» спросилъ я прелестную маленькую дѣвочку съ прекрасными волосами, которой я помогалъ сойти со слона. «Я думаю, что я люблю длинноносаго, длинношея и чурбана за то, что они такіе громадные и странные, а длинноносаго больше всѣхъ за то, что онъ меня покаталъ. Знаете ли вы, что это у него носъ?» И т. д. въ томъ же духѣ. Очеркъ называется: «Длинноносый, длинношей и чурбанъ». Иногда этотъ дѣланный языкъ, которымъ написана вся книга, становится на придачу еще слащавымъ. Такъ на стр. 132 читаемъ: «... бѣдная, глупая синевато-металлическая муха (безъ сомнѣнія молодая и незнакомая съ естественной исторіей летучихъ мышей) прогуливалась съ невиннымъ довѣріемъ по летучей мыши». И вдругъ среди этого младенческаго лепета мы наталкиваемся на такіе термины, какъ «параличъ въ нервныхъ центрахъ, общее истощеніе и колляпсусъ» (стр. 181), которые даются безъ объясненія, или даже на своеобразный критическій разборъ... теоріи Дарвина (стр. 126).

Несмотря на отмѣченныя несуразности въ способѣ изложенія, книга Моргана все-таки сообщаетъ массу свѣдѣній, могущихъ возбудить въ дѣтяхъ интересъ къ самостоятельному наблюденію. Освѣщеніе фактовъ дается въ большинствѣ случаевъ правильное: даже говоря о психикѣ животныхъ, авторъ не сбивается на обычный антропоморфизмъ—камень преткновенія большинства популяризаторовъ. Но стараніями переводчика книга сдѣлана окончательно никуда негодной. Какихъ только ошибокъ и перловъ грамотности вы здѣсь ни найдете! На стр. 71, гдѣ описывается устройство тазобедреннаго сочлененія у антропоморфныхъ обезьянъ, читатель узнаетъ, что «въ этой гибкой свободѣ есть большое преимущество для лазанія»; «О, дьявольская, одушевленная

помпа!» раздается восклицаніе по адресу гвіанскаго вампира на стр. 129; «никогда не было видно болѣе разсвирѣпѣлыхъ чудовищъ» (стр. 216); «докторъ Гиксонъ недавно разработалъ съ большой тщательностью строеніе оптическаго пути, который лежитъ между конусами хрусталика и мозгомъ» (стр. 259). И такъ на каждой страницѣ. Рисунки скверные, нѣкоторые изъ нихъ кажутся прямо-таки загадочными картинками, наприм. «левъ и ориксъ» на стр. 88 и на обложкѣ. Въ общемъ можно лишь пожелать, чтобы поменьше появлялось такихъ книгъ. *Дм. Мон—ій.*

Е. Сегенъ. Воспитаніе, гигіена и нравственное лѣченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей. Пер. съ фр. М. П Лебедевой, подъ редакціей В. А. Енько. Спб. 1903 г. Ц. 2 руб. Нельзя не быть благодарнымъ группѣ лицъ, не пожалѣвшихъ труда и средствъ на переводъ и изданіе замѣчательной книги д-ра Сегена, написанной около 60-ти лѣтъ тому назадъ.

Пусть многое въ ней устарѣло въ смыслѣ научномъ, пусть многое изъ того, что въ то время казалось новымъ и требовало доказательствъ, уже осуществлено, тѣмъ не менѣе въ книгѣ осталось не мало такого, что еще ждетъ своего осуществленія, что придаетъ ей большой интересъ современности.

Развѣ не покажутся читателю вполнѣ современными слѣдующія, напр., слова Сегена о воспитаніи: «У народовъ, которые провозглашаютъ себя стоящими во главѣ прогресса и скромно мнятъ себя уже достигнувшими послѣднихъ возможныхъ ступеней цивилизаціи, у такихъ народовъ воспитаніе состоитъ въ томъ, что тысячи дѣтей запихиваются въ своего рода казармы, гдѣ, не обращая вниманія ни на физическія особенности, ни на разнообразныя физіологическія потребности, ни на несходныя интеллектуальныя склонности, всѣмъ имъ даютъ каждый день четыре или пять порцій интеллектуальной пищи, обременяющей ихъ память, и при этомъ нисколько не заботятся о томъ, вызываются ли къ дѣйствію или не вызываются другія интеллектуальныя ихъ способности, нисколько не думаютъ о развитіи ни органовъ чувствъ, ни мышечной системы, болѣе или менѣе атрофированныхъ всѣмъ этимъ сидячимъ существованіемъ, при этомъ гибнетъ личность психическая, физическая и моральная, и культивируютъ только одну способность, именуемую памятью, истинный символъ равенства, какъ мы понимаемъ его, настоящее воспитаніе *средняго* человѣка, человѣка обыкновеннаго, дюжиннаго воспитанія, при которомъ подрѣзывается все, что поднимаетъ голову, и топчется ногами все, что склоняетъ ее, это воспитаніе большинства, воспитаніе, въ которомъ всякая мысль отвергается до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается настолько обыкновенной и ничтожной, что ее сможетъ вмѣстить всякая голова, въ то время какъ люди, мыслящіе самостоятельно, независимо отъ ходячихъ идей, третируются какъ вредныя животныя, и изгоняются, какъ дикіе звѣри» (89 стр.). «Оно (воспитаніе) должно быть поставлено на другихъ основаніяхъ, если мы не хотимъ, чтобы человѣческій разумъ спустился съ высоты свободной мысли до повторенія однообразныхъ credo передовыхъ статей наиболѣе распространенныхъ газетъ, еще болѣе подчеркивающихъ умственную банальность эпохи. И когда я требую, чтобы воспитаніе охватывало всего человѣка, включая сюда всѣ его способности, функціи и наклонности, вмѣсто того, чтобы развивать одну только способность память, то я не считаю себя слишкомъ требовательнымъ, потому что я желаю только, чтобы въ воспитаніе французскаго юношества была внесена та же заботливость, какою въ Англіи и Нормандіи уже окружены воспитанники породы бычачьей, лошадиной и другихъ» (стр. 90).

Говоря о гимнастикѣ, преслѣдующей только развитіе мускульной системы, Сегенъ говоритъ, что «такъ направляемая гимнастика—ничто для воспитанія: она имѣетъ одинъ только результатъ, очень далекій отъ соціальныхъ задачъ нашего времени», а между тѣмъ, правильно поставленная, она содѣйствуетъ

равновѣсію функцій, ведетъ ребенка отъ упражненій чисто физическихъ къ упражненіямъ физіологическимъ или, говоря точнѣе, отъ упражненія мускуловъ къ упражненіямъ чувствъ въ той непрерывной послѣдовательности, которая уже въ силу инерціи предупреждаетъ остановку». Не правда ли, что всѣ эти разсужденія — а такихъ въ книгѣ Сегена очень много — сохраняютъ до сихъ поръ всю прелесть новизны?

Врачъ по образованію и воспитатель по призванію, Сегенъ посвятилъ всю свою жизнь выработкѣ системы ухода за умственно-отсталыми дѣтьми и проведенію этой системы въ жизнь. Принадлежа по своимъ воззрѣніямъ къ лучшимъ педагогамъ психологической школы XIX столѣтія, Сегенъ, при воспитаніи отсталыхъ дѣтей, придаетъ огромное значеніе нравственному воздѣйствію на нихъ, причемъ онъ прежде всего индивидуализируетъ всякій случай.

Въ русскомъ переводѣ книги, въ которомъ допущены переводчиками нѣкоторые пропуски и сокращенія, имѣются 4 части: первая часть, въ сокращенномъ изложеніи прив.-доц. М. Ю. Гольдштейна, посвящена идіотіи съ чисто медицинской точки зрѣнія, вторая — гигіенѣ умственно-ненормальныхъ дѣтей, третья — ихъ воспитанію и четвертая — нравственному леченію.

Явившись въ свое время новаторомъ въ дѣлѣ воспитанія обойденныхъ природой дѣтей, Сегенъ встрѣтилъ очень холодный пріемъ среди своихъ соотечественниковъ и, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ покинуть родину и переселиться въ Америку, гдѣ его приняли съ распростертыми объятіями и гдѣ онъ получилъ возможность широко примѣнить свои теоретическія воззрѣнія въ жизни.

Русскій переводъ книги Сегена очень хорошо выполненъ и снабженъ горячо написанной вступительной статьей издательницы, г-жею М. Л. Лихтенштадтъ, и можно только пожалѣть, почему издательница, очевидно, хорошо знакомая съ дѣломъ, не приложила къ книгѣ хотя бы краткой біографіи д-ра Сегена, которая, безъ всякаго сомнѣнія, крайне интересна и поучительна во многихъ отношеніяхъ.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го апрѣля до 15-го мая.

Альманахъ книгоиздательства Грифъ. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

Германъ Баръ. Апостолъ. Комедія. Перев. и изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Н. Разуваевъ. Скромныя картинки. Разсказы и стихотворенія. Козловъ. 1903 г. Ц. 40 к.

К. Станюковичъ. Блестящій капитанъ. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1903 г. Ц. 5 к.

В. Г. Дмитріева. На скалѣ. Изданіе то же. Ц. 10 к.

И. К. Гордикъ-второй. Дѣти провинціи. Очерки и разсказы. Екатеринодаръ. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Максъ Дрейеръ. Кандидатъ. Драма. Перев. Н. Сыцянко. Изд. Раппъ и Потапова. 1903 г. Ц. 30 к.

Алексѣй Мошинъ. Штрихи и настроенія. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Мск. 1903 г. Ц. 75 к.

Ataiena. Въ студенческой богемѣ.

П. А. Травинъ. Разсказы и стихотворенія. Мск. 1903 г. Ц. 10 к.

Образовательная библіотека. № 1. Воздушныя, свѣтовыя и солнечныя ванны. Книгоизд. «Наука и Жизнь». Спб. Ц. 10 к.

Образовательная библіотека. № 2—3. Политическая и общественная жизнь Англіи. Изд. то же. Ц. 15 к.

Элизе Реклю. Земля и люди. Вып. VI. Франція. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Г. В. Демченко. Судебный прецедентъ. Варшава. 1903 г. Ц. 2 р.

Азіатская Россія. Иллюстр. географическій сборникъ. Изд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Мск. 1903 г. Ц. 2 р.

В. Ѳ. Боцяновскій. Максимъ Горькій. Критико-біографич. этюдъ. Спб. Изд. Т-ва «Литература и Наука» Ц. 60 к.

С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи. Спб. Изд. Суворина. Ц. 1 р. 75 к.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Т. II. Спб. Изд. Суворина. 1903 г. 2 р.

Шарль Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Т. I и II. Ц. 3 р. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1903 г.

Георгъ Брандесъ. Т. XII. Литературныя характеристики. Изд. Фукса. Кіевъ. 1903 г. Ц. за 12 т. 6 р.

Б. П. Вейнбергъ. Физика частичныхъ силъ. (Публ. лекціи съ математ. приложеніями). Одесса. 1903 г. Ц. 1 р. 70 к.

В. И. Никольскій. Объ алкогольномъ опьяненіи, объ алкоголизмѣ и мѣрахъ противъ нихъ. Варшава. 1903 г.

Карлъ Менгеръ. Основанія политической экономіи. Общая часть. Пер. подъ ред. Оржецкаго. Одесса. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Евгеній Цабель. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литер.-біогр. очеркъ. Перев. съ нѣм. Григоровича. Кіевъ. 1903 г. Ц. 80 к.

Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ. Подъ ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филипова. Спб. Изд. Т-ва «Общественная Польза» Т. II. Вып. VI.

Ф. Гизель. О радіоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Мск. Ц. 35 к.

Н. В. Ельмановъ. Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ въ хозяйствахъ. Новгородъ. 1903 г. Ц. 10 к.

А. Дмитревскі . Методическія замѣтки по чтенію, письму и счету. Нѣжинъ. Ц. 25 к. 1903 г.

К. Очунковъ. Былинная поэзія на Печорѣ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Земля Объясненіе къ атласу географическихъ картинъ. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Вып. XI. Мск. Изд. П. Юргенсона.

П. Руссофилъ. Къ вопросу о малоуспѣвающихъ учащихся въ начальныхъ школахъ. Харьковъ. Ц. 20 к.

333 загадки. Сборникъ для дѣтей школьнаго возраста. Изд. И. Ѳ. Жирнова. Ц. 15 к.

В. В. Рюминъ. Краткій очеркъ главнѣйшихъ органическихъ соединеній. Харьковъ. 1903 г. Ц. 35 к.

А. Г. Клинге. Сборникъ избранныхъ прописей по фармацевтич. и технич. производствамъ. Вып. I, II и III. Ц. кажд. вып. 70 к. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1903 г.

А. Ѳ. Музыченко. Творчество учениковъ земскихъ школъ. Одесса. 1903 г. Ц. 40 к.

С. Я. Яновскій. Еврейская благотворительность. Изъ журн. «Трудовая Помощь». 1902 г. Спб.

А. Чарвинскій. Пороки произношенія. Руководство къ самоизлеченію. 1903 г. Ц. 50 к.

Григорій Москвичъ. Практич. путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностямъ. Ц. 1. р. 50 к.

Доклады вологодской губернской земской управы по санитарн. отдѣленію. 1903 г.

Отчетъ правленія екатеринославск. о-ва взаимнаго вспоможенія приказчиковъ за 1902 г.

Отчетъ перваго московскаго о-ва трезвости за 1901 г.

Труды пятаго кіевскаго областного сельско-хозяйств. съѣзда.

Отчетъ правленія о-ва попеченія о безплатной школѣ В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ за время съ 24-го октября 1903 г. по 1-е января 1903 г.

Записка о раціональной постановкѣ государственнаго хозяйства въ связи съ использованіемъ неудобныхъ земель предсѣд. казанск. губ. земск. упр. В. В. Марковникова и учен. лѣсовода В. В. Перцова.

Программа Орловской областной земской сельско-хозяйст. и кустарно-промышл. выст. 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощн. прис. повѣр. при московск. миров. съѣзда за 1902 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ псковской губерніи за 1902 г.

Врачебная помощь на пріискахъ Томской горной области.

Г. Н. Ливчакъ. Колейныя дорожныя панели, какъ средство помочь нашему бездорожью.

Ѳ. Р-а. Прогрессъ школы. Нижній-Новгородъ. 1903 г. Связь вѣроученія евреевъ съ ихъ экономической дѣятельностью.

Городскія безпыльныя санаторіи.

Два года дѣятельности комитета содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи. Спб. 1903 г.

Основы изготовленія ортопедической обуви. А. И. Годземба-Высоцкаго. Ц. 50 к. Спб. Книготорговля «Помощь».

Отчетъ херсонской общественной библіотеки за 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Political Parties and Party Problems in the United States*» *by Iames Albert Woodbarn* (*Putuam's Sons*). *9 s.* (*Политическія партіи и партійныя проблемы въ Соединенныхъ Штатахъ*). Авторъ глубокій знатокъ американской исторіи и политики. Онъ начинаетъ свой трудъ съ изученія условій происхожденія американскихъ партій въ Англіи и затѣмъ уже переходитъ къ разсмотрѣнію этихъ партій и ихъ дѣятельности въ Соединенныхъ Штатахъ. Значительная часть книги посвящена и изслѣдованію механизма выборовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а заключительныя страницы представляютъ разсужденіе объ этическихъ проблемахъ въ политикѣ партій.

(Morning Post).

«*A Diary of a Turk*» *by Halil Halid* (*A. and C. Black.*) *5 s.* (*Дневникъ турка*). Авторъ этой книги родился и воспитывался въ Турціи и усвоилъ себѣ всѣ обычаи, чувства и религію турокъ. Онъ кончилъ курсъ въ турецкой коллегіи, изучалъ мусульманское богословіе и турецкое законовѣдѣніе и хотѣлъ поступить на правительственную службу. Однако, онъ все-таки не зараженъ пристрастіемъ въ своихъ сужденіяхъ объ отечествѣ, хотя въ молодости и пережилъ таки періодъ слѣпой ненависти ко всему иностранному. Впослѣдствіи его начали подозрѣвать въ слишкомъ близкихъ сношеніяхъ съ партіей реформъ и тогда онъ счелъ за лучшее укрыться въ Англіи. Нѣсколько главъ книги посвящены авторомъ разсказу о его собственныхъ испытаніяхъ, причемъ читатель знакомится съ обычаями и взглядами, характерными для турецкаго народа. Очень интересно описаніе гарема, относительно котораго по словамъ автора, существуютъ въ Европѣ совершенно неправильныя представленія. Но самую важную часть книги составляетъ то, гдѣ говорится о султанѣ, его положеніи и политикѣ. Осуждая очень многое, авторъ все таки не отчаивается въ будущности Турціи и находитъ, что турки вполнѣ созрѣли для новыхъ идей и готовы воспринять ихъ.

(Times).

«*Thoughts on Some Social Questions, Past and Present*» *by Louisa Twining* (*Elliot Stock*) *6 s.* (*Мысли о нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросахъ*). Въ книгѣ помѣщаются статьи, касающіяся самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ вопросовъ, которые составляютъ въ настоящее время злобу дня въ Англіи и другихъ мѣстахъ.

(Morning Post).

South Africa: Old and New by Thomas Kirkup. (*Macdonald and Martin*) (*Южная Африка: старая и новая*). Очеркъ исторіи буровъ и теперешняго положенія Южной Африки. Цѣль книги: выяснить условія, при которыхъ могло бы состояться соглашеніе между бурами и англичанами.

(Morning Post).

«*The Sand of the Boxers*» *by Captain Gordon Casserly* (*Longmans, Grun and C°*) *10 s.* (*Страна боксёровъ*). Эта книга должна занять видное мѣсто среди обширной литературы о Китаѣ и снова возбудить интересъ къ дѣламъ азіатскаго востока. Очень занимательно описываетъ авторъ жизнь въ разоренномъ Пекинѣ во время и послѣ осады. Къ китайцамъ авторъ относится очень симпатично.

(Times).

«*A Doctor and his Dog in Uganda*» *from the Letters and Journal of A. T. Cook. Medical Missionary. London* (*Religions Tract Society*) (*Докторъ и его собака въ Угандѣ*). Въ этой маленькой книгѣ разсказывается о приключеніяхъ миссіонера-медика въ Угандѣ на основаніи его писемъ и дневника.

(Bookseller).

«*Social Origins*» *by Andrews Lang. London.* (*Longman Green*) *10 s. 6 d.* (*Соціальныя начала*). Антропологическая наука, повидимому, дѣлаетъ большіе успѣхи, судя по количеству вышедшихъ въ послѣднее время книгъ, посвященныхъ изслѣдованію теоретической эволюціи различныхъ человѣческихъ учрежденій. Названная книга также занимается этимъ вопросомъ. Авторъ изучаетъ происхожденіе соціальныхъ учрежденій у самыхъ первобытныхъ народовъ, австралійскихъ дикарей, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, и старается выяснить эволюцію человѣчества въ этомъ отношеніи. Въ дополненіе къ своему изслѣдованію авторъ печатаетъ статью Аткинсона о первоначальномъ законѣ, въ которой го-

ворится объ образованіи соціальныхъ группъ и возникновеніи обычаевъ, сдѣлавшихся закономъ.

(Daily News).

«*Die Erde und das Leben*» *von Friedrich Ratzel. Eine vergleichende Erdkunde. Zweiter Band. Leipzig und Wien* (*Bibliographisches Institut*) (*Земля и Жизнь*). Вышелъ второй объемистый томъ сравнительнаго землевѣдѣнія, въ которомъ авторъ изучаетъ въ первыхъ главахъ дѣйствіе воды и воздуха на земную кору и ея поверхность, а затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію водной стихіи и ея разнообразныхъ проявленій на землѣ, вліяніе рѣкъ и морей на развитіе жизни и т. п. Очень интересны главы, въ которыхъ говорится о рѣкахъ, какъ о путяхъ сообщенія и ихъ вліяніи на цивилизацію, о передвиженіяхъ народовъ, о сношеніяхъ и столкновеніяхъ расъ, о націи и національности, о народѣ и государствѣ и т. п.

(Frankfurter Zeitung).

«*Lomai of Lenakel: a Hero of the New Hebrides*» *by Fiank H. L. Paton* (*Hodder and Stoughton*) *6 s.* (*Герой Ново-Гебридскихъ острововъ*). Авторъ этой книги миссіонеръ—поселился на островѣ Танна (Ново-Гебридскій архипелагъ) и постепенно сдѣлался другомъ туземцевъ, принявшихъ его сначала очень недружелюбно. Проведя нѣсколько лѣтъ среди туземцевъ Ново-Гебридскихъ острововъ, авторъ хорошо изучилъ ихъ нравы и описываетъ перемѣны, которыя произошли въ туземной жизни подъ вліяніемъ миссіонерской пропаганды. Авторъ разсказываетъ чрезвычайно интересную исторію одного молодого ново-гебридскаго вождя, который является настоящимъ героемъ.

(Daily News).

«*Les devoirs des hommes envers les femmes*» *Par l'abbé de Gibergues* (*Ch. Poussielque*) *2 fr. 50* (*Долгъ мужчинъ по отношенію къ женщинамъ*). Въ книгѣ заключается изслѣдованіе съ нравственной точки зрѣнія взаимныхъ отношеній мужчины и женщины въ семьѣ и обществѣ.

(Journal des Débats).

«*The New Nation*» *A sketch of the present Conditions of Life and of the Economic and Political Ootlook in the Australian Commonwealth, by Percy F. Rowland* (*Imilh, Eldes and C°*) *7 s. 6 d.* (*Новая нація*). Эта книга представляетъ попытку общедоступнаго изложенія исторіи австралійской федераціи. Авторъ лично изучилъ колоніальную жизнь въ Австраліи и условія ея развитія и хорошо знакомъ съ исторіей страны, ея обществомъ, политикой, литературой, воспитаніемъ и экономическимъ положеніемъ.

(Bookseller).

«*The Development of Modern Philosophy, with other Lectures and Essay*» *by Robert Adamson. 2 vol.* (*Blackwood Sons*) (*Развитіе современной философіи*). Лекціи профессора Адамсона, собранныя въ этой книгѣ, представляютъ большой интересъ, не только вслѣдствіе своего содержанія, но и потому, что въ нихъ изображается весьма замѣчательная эволюція мысли. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи лекціи по психологіи, полныя критическихъ и смѣлыхъ замѣчаній о Кантѣ и Гегелѣ.

(Athaeneum).

«*The True History of the American Revolution*» *by Sydney George Fishes* (*I. B. Lippincott Company*) (*Истинная исторія американской революціи*). Авторъ этой книги съ большимъ стараніемъ изслѣдовалъ историческіе документы, относящіеся къ ссорѣ, возникшей между Англіей и ея американскими колоніями и постарался исторически вѣрно представить зарожденіе великой республики и ея первые шаги.

(Athaeneum).

«*Voyages en Maroc, 1899 — 1901*» *Par le Marquis de Ségonzal. Paris* (*Armand Colin*) (*Путешествіе въ Марокко*). Книгу эту можно было бы раздѣлить на двѣ части. Въ первой заключается дорожный журналъ, служащій какъ бы дополненіемъ къ фотографіямъ и картамъ, находящимся въ книгѣ, а во второй добавочныя и очень подробныя статьи о разныхъ народностяхъ, населяющихъ Марокко, ихъ обычаяхъ и нравахъ и т. д. Авторъ посѣтилъ такія области, гдѣ по его словамъ, никогда не ступала нога бѣлаго человѣка и такъ какъ онъ переодѣлся туземцемъ для большаго удобства, то, конечно, не разъ подвергался опасности быть узнаннымъ и жизнь его висѣла на волоскѣ. Нѣкоторые эпизоды изъ его путешествія проникнуты драматизмомъ.

(Bookseller).

«*The Art of Living*» *by I. E. Buckrose* (*Murray*) (*Искусство жить*). Въ книгѣ обсуждаются самыя разнообразныя темы, касающіяся соціальной и домашней жизни, причемъ авторъ вкладываетъ свои разсужденія въ уста молодой замужней женщины, которая такимъ образомъ вводитъ читателя въ жизнь своей семьи, въ свои интересы и т. п. Нѣсколько главъ написано въ формѣ діалоговъ и самая интересная изъ нихъ та, въ которой говорится о нѣкоторыхъ условіяхъ жизни съ точки зрѣнія нравственности. Многіе читатели прочтутъ эту книгу не только съ интересомъ, но и съ пользою.

(Athaeneum).

«*The Mystery of Sleep*» *by Iohn Bigelow. New-York and London* (*Harpes and Brothers*) *1903* (*Тайна сна*). Авторъ этой книги разсматриваетъ тайну сна съ точки зрѣнія философа-спиритуалиста. Съ этой

же точки зрѣнія онъ разсматриваетъ всѣ аналогичныя явленія, сновидѣнія, галлюцинаціи и т. п. Книга читается съ интересомъ, хотя многіе взгляды автора сами напрашиваются на возраженія.

(Daily News).

«Art in the Nineteenth Century» by Charles Waldstein. Cambridge, (University Press) 1903 (Искусство въ XIX-мъ вѣкѣ). Эта небольшая книга заключаетъ въ себѣ лекцію, произнесенную авторомъ въ присутствіи студентовъ Кэмбриджскаго университета, въ августѣ 1902 года. Лекція эта вызвала такой энтузіазмъ среди слушателей, что по ихъ просьбѣ она была напечатана.

(Daily News).

«Das Recht zu leben und die Phlicht zu sterben» von Iosef Popper, Social philosophische Betrachtungen. III Auflage. Dresden und Leipzig. (Verlag von Karl Reissner) (Право жить и обязанность умереть). Авторъ изыскиваетъ средства сдѣлать человѣчество болѣе счастливымъ, уменьшить или даже совсѣмъ уничтожить преступленія, войны и т. д. Онъ говоритъ, что пока огромное большинство обитателей земли ведетъ борьбу съ экономическою нуждой, пока существуютъ преступленія, войны и другія бѣдствія и пока призракъ смерти до такой степени пугаетъ людей, что они должны призывать на помощь всякія метафизическія и религіозныя утѣшенія, до тѣхъ поръ человѣчество не можетъ быть счастливымъ на землѣ. Авторъ предлагаетъ довольно оригинальные способы борьбы со всѣмъ этимъ зломъ. Что же касается страха смерти, то по мнѣнію автора, онъ можетъ быть уничтоженъ лишь посредствомъ постепеннаго развитія у людей сознанія своего «долга умереть», т.-е. спеціальнаго воспитанія.

(Frankfurt. Zeitung).

«The Last Days of Great Men» (Cromwel, Napoleon, Mahomet) by W. Quartermaine East. (Sampson Low) 6 s. (Послѣдніе дни великихъ людей). Названіе этой книги можетъ ввести въ заблужденіе. Авторъ вовсе не ограничивается только описаніемъ послѣднихъ минутъ жизни своихъ героевъ; онъ изображаетъ вообще конецъ ихъ карьеры и особенности, характеризующія жизненную карьеру каждаго изъ нихъ.

(Times).

«Über das Pathologische bei Nietzsche» von Paul Möbius (Verlag I. F. Borgmann) (О патологическомъ у Ницше). Эта обширная монографія посвящена очень трудному вопросу,—особенно трудному потому, что при разрѣшеніи каждой научной проблемы непремѣнно приходится принимать во вниманіе массу побочныхъ обстоятельствъ. Авторъ старается въ сочиненіяхъ Ницше отыскать границы между его второю нормальною и болѣзненною мозговою дѣятельностью. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе автора имѣетъ научно-критическій интересъ, но переходя отъ чисто медицинскаго разбора произведеній писателя, часто высказывающагося подъ вліяніемъ патологическаго возбужденія, къ литературно-критическому анализу, авторъ дѣлаетъ слишкомъ поспѣшные выводы, съ которыми нельзя согласиться.

(Berliner Tageblatt).

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

О природѣ человѣка и о «сущности» жизни.

I.

О „дисгармоніяхъ“ человѣческой природы и о борьбѣ съ ними, предлагаемой И. Мечниковымъ.

«Несмотря на значительный прогрессъ, осуществленный наукой, противъ нея часто выражаютъ нѣкоторое неудовольствіе. Наука, говорятъ, дѣйствительно, улучшила въ значительной степени условія человѣческаго существованія, но она проявляетъ полное безсиліе, когда дѣло заходитъ о разрѣшеніи вопросовъ нравственныхъ и философскихъ, которые въ высокой степени интересуетъ культурныхъ людей; въ этомъ отношеніи наука не сдѣлала ничего, но разрушила религіозныя основы. Она вырвала у человѣчества утѣшеніе, которое ему доставляла религія и не поставила на ея мѣсто ничего болѣе цѣннаго и болѣе устойчиваго». Такими словами начинаетъ знаменитый біологъ *И. Мечниковъ* свою интересную книгу—«Etudes sur la nature humaine» *).

«Дѣйствительно, — продолжаетъ онъ,—человѣчество переживаетъ какое-то общее недомоганіе. Несмотря на то, что для отправленія большей части своихъ функцій человѣкъ поставленъ въ условія гораздо болѣе благопріятныя, чѣмъ прежде, онъ все же находится въ затрудненіи, когда ему нужно выяснить себѣ основу своего нравственнаго поведенія и своего отношенія къ различнымъ категоріямъ индивидуумовъ—къ семьѣ, къ народу, къ человѣчеству. Это недомоганіе выражается недовольствомъ существующими условіями жизни и ведетъ къ пессимизму и мистицизму. Извѣстно, что большинство философскихъ системъ XIX-го вѣка имѣютъ очень меланхолическую окраску и приводятъ въ концѣ не только къ отрицанію счастья, но даже и къ подавленію существованія. Мы знаемъ, что число самоубійствъ возросло въ очень сильной степени во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Чтобы исцѣлить человѣчество отъ этого тяжелаго недуга пытались воскресить религіозную вѣру и мистицизмъ. Мы видимъ, что всюду появляются попытки основать новыя религіи или улучшить старыя».

Мечниковъ полагаетъ, что эти попытки будутъ безуспѣшны и что только одна наука можетъ дать тѣ устои, на которыхъ человѣчество должно

*) „Etudes sur la nature humaine. Essai de philosophie optimiste“ par Elie Metchnikoff, professeur á l'Institut Pasteur. Paris. Masson et C-ie. 1903.

строить какъ свое міровоззрѣніе, такъ и свою нравственность. Та основа, которой руководились въ своей жизни древніе греки и которую Сенека выразилъ въ извѣстномъ положеніи: «возьмите себѣ въ проводники природу, пусть разумъ наблюдаетъ ее и съ ней совѣтуется; тогда ваша жизнь будетъ счастлива и согласна природѣ», эта основа, по мнѣнію Мечникова, также недостаточна для осуществленія человѣкомъ возможнаго счастья; и вотъ почему: руководиться природой при построеніи своей жизни человѣкъ можетъ только въ томъ случаѣ, если бы эта природа, какъ міровая, такъ и человѣческая, была бы гармонична во всѣхъ своихъ частяхъ,—между тѣмъ, рядомъ съ проявленіемъ въ природѣ гармоніи и цѣлесообразности мы видимъ также и случаи рѣзкой дисгармоніи и избытокъ различныхъ ненужностей въ видѣ рудиментарныхъ органовъ, произведенія громадныхъ массъ элементовъ размноженія, изъ которыхъ только ничтожная часть послужитъ для созданія новаго организма, дисгармоніи, въ видѣ далеко не рѣдкаго въ природѣ извращенія инстинктовъ: полового, материнскаго и даже инстинкта самосохраненія.

Мечниковъ не признаетъ закона всеобщаго прогресса, въ доказательство чего приводитъ, напримѣръ, слѣдующіе факты. Въ третичный періодъ въ Европѣ существовало большое количество видовъ различныхъ обезьянъ, даже антропоидныхъ; мы знаемъ, что эти животныя, несмотря на свою организацію гораздо болѣе сложную, чѣмъ организація скорпіоновъ и таракановъ, все же исчезли съ нашего материка, а скорпіоны и тараканы, на наше несчастье, остались; то же можно сказать про мамонтовъ и мастодонтовъ. Человѣкъ—одинъ изъ послѣднихъ видовъ, появившихся на землѣ, и, въ то же время, онъ безспорно наиболѣе прогрессивный организмъ, но имѣются виды еще болѣе молодые: напримѣръ, весьма вѣроятно, что нѣкоторые виды вшей появились послѣ человѣка. Между настоящими паразитами, которые живутъ только въ человѣческомъ тѣлѣ, нѣкоторые пріобрѣли свои специфическія свойства только послѣ появленія человѣка; таковы нѣкоторые виды глистовъ и различные микробы, напримѣръ, гонококъ трипера. Такимъ образомъ, паразиты, а не человѣкъ, являются послѣднимъ словомъ созданія. «Въ природѣ не существуетъ слѣпого стремленія къ прогрессу, громадное количество организмовъ рождается ежедневно съ неодинаковыми свойствами. Тѣ изъ нихъ, которые хорошо приспособляются къ внѣшнимъ условіямъ, выживаютъ и производятъ потомство, подобное родителямъ, но большое число организмовъ не достигаетъ этого и, неспособное къ продолжительной жизни, умираетъ, не оставивъ потомковъ» (стр. 22).

Такимъ образомъ задолго до появленія человѣка, на землѣ жили существа счастливыя, хорошо приспособленныя къ условіямъ существованія и существа несчастныя, которыя слѣдуя своимъ дисгармоническимъ инстинктамъ калѣчили или даже совсѣмъ теряли свою жизнь. Если бы эти существа могли бы разсуждать и разсказать намъ о своихъ ощущеніяхъ, то организмы хорошо приспособленные оказались бы оптимистами и объявили бы, что міръ построенъ наилучшимъ образомъ и что нужно только повиноваться естественнымъ, природнымъ инстинктамъ, чтобы достигнуть наиболѣе полнаго удовлетворенія и счастья;

наоборотъ—существа съ инстинктами дисгармоническими, плохо приспособленныя къ условіямъ жизни, проявили бы настроеніе рѣзко пессимистическое, такими оказались бы, напримѣръ, насѣкомыя, которыхъ инстинктъ гонитъ на огонь, гдѣ они обжигаютъ себѣ крылья и гибнутъ.

Такого рода вредные для организма инстинкты, а также и рудиментарные органы, не приносящіе данному виду никакой пользы, а чаще вредъ, являются печальнымъ наслѣдіемъ даннаго вида отъ его далекихъ предковъ, у которыхъ эти инстинкты и эти органы играли, въ большинствѣ случаевъ, благотворную роль.

У человѣка имѣются органы, какъ вполнѣ рудиментарные, такъ и близкіе къ этому состоянію, но отправляющіе еще, хотя и неполнымъ образомъ, свои физіологическія функціи, и наконецъ, органы, показывающіе значительный прогрессъ сравнительно съ соотвѣтственными органами антропоморфныхъ обезьянъ. Такихъ эволюціонировавшихъ органовъ Видерсгеймъ насчитываетъ у человѣка 15; это: нижняя конечность, хорошо приспособленная къ вертикальному положенію тѣла и продолжительной ходьбѣ, тазъ и крестецъ, развившіеся въ ширину, ходъ въ малый тазъ у женщины, претерпѣвшій значительное расширеніе, изгибъ поясничной части позвоночника, развившіеся мускулы ягодицы и икряные, нѣкоторые проводящіе пути спинного и головного мозга (полушарій и затылочныхъ долей), появившіеся впервые, корковый слой головного могза и мускулы лица, носа и гортани, претерпѣвшіе значительную дифференціацію. Органовъ вырождающихся, но все же способныхъ еще къ физіологическимъ отправленіямъ, Видерсгеймъ насчитываетъ 17; изъ нихъ укажемъ на мускулы голени и ступни, обнаруживающіе упрощеніе, на 11-ю и 12-ю пару реберъ, на большіе пальцы ноги, на слѣпую кишку и т. д. Рудиментарныхъ же органовъ въ человѣческомъ организмѣ находится, по крайней мѣрѣ. 107; они не отправляютъ уже никакихъ физіологическихъ функцій; это: копчикъ, 13-я пара реберъ у взрослаго человѣка, ушные мускулы, червеобразный отростокъ слѣпой кишки и т. д.

Существованіе этихъ рудиментарныхъ органовъ является одной изъ «дисгармоній человѣческой природы», обусловливающихъ, по мнѣнію Мечникова, несчастія человѣка и влекущихъ его къ пессимизму и къ мистицизму.

Разсмотримъ же подробнѣе эти «дисгармоніи». Мечниковъ раздѣляетъ ихъ на слѣдующія главныя группы: дисгармоніи, коренящіяся въ строеніи нашего пищеварительнаго аппарата; дисгармоніи, зависящія отъ строенія и отправленій полового аппарата; дисгармоніи инстинктовъ семейнаго и соціальнаго; дисгармоніи инстинкта самосохраненія.

Дисгармоніи пищеварительнаго канала начинаются уже съ нашей зубной системы; здѣсь нужно указать на безполезность четырехъ зубовъ мудрости, жевательная способность которыхъ очень слаба; даже потеря всѣхъ четырехъ этихъ зубовъ не обнаруживаетъ никакого вліянія на жевательный процессъ и, какъ показали изслѣдованія Шмидта, у 10% европейцевъ они отсутствуютъ; прорѣзаются зубы мудрости у людей въ большинствѣ случаевъ послѣ 30-ти лѣтъ, а иногда даже на 60-мъ или 70-мъ году. Между тѣмъ, несмотря на свою ненужность, эти зубы чаще, чѣмъ всѣ остальные подвергаются порчѣ, которая

влечетъ за собою очень серьзныя послѣдствія (флегмоны, гніеніе челюстей и даже смертельное гнилостное зараженіе крови). Извѣстно нѣсколько случаевъ менингита, опасныхъ опухолей и даже рака, явившихся вслѣдствіе порчи зубовъ мудрости.

Слѣдующій рудиментарный органъ человѣческаго организма заслуживаетъ еще большаго вниманія. Это—такъ называемый червеобразный отростокъ слѣпой кишки, тоже, какъ и зубы мудрости, генеалогическій документъ нашего родства съ антропоморфными обезьянами. Стѣнки этого органа состоятъ изъ железъ, мускульнаго слоя и лимфатическихъ узловъ, но, несмотря на такое сложное строеніе не играютъ никакой полезной роли для человѣка; это доказано многими хирургическими случаями, когда отростокъ слѣпой кишки вырѣзался и оперированные люди не испытывали никакого ухудшенія въ процессѣ ихъ пищеваренія. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ лицъ замѣчается и природное вырожденіе слѣпой кишки, когда просвѣтъ ея почти исчезаетъ и она какъ бы отдѣляется отъ остальныхъ кишекъ. Физіологическая слабость червеобразнаго отростка является главной причиной частаго его заболѣванія; такъ, напримѣръ, въ одномъ парижскомъ госпиталѣ за 5 лѣтъ наблюдалось 433 случая апендицита; болѣзнь эта обусловлена тѣмъ, что отростокъ слѣпой кишки обладаетъ, какъ вырождающая часть кишечника, весьма слабой сократительной способностью, благодаря чему посороннія тѣла, попавшія въ него, остаются тамъ, повреждаютъ стѣнку органа и даютъ возможность проникнуть въ ткань многочисленнымъ микробамъ, наполняющимъ нашъ кишечникъ; иногда въ эти поврежденныя мѣста проникаютъ и паразитные черви, живущіе въ нашемъ пищеварительномъ органѣ и тоже вызываютъ серьезныя заболѣванія.

Сама слѣпая кишка находится у человѣка также въ періодѣ вырожденія. Она крайне незначительно развита сравнительно съ слѣпой кишкой травоядныхъ; даже у человѣческаго зародыша эта часть кишечника развита относительно больше, чѣмъ у взрослаго человѣка.

Но не только эти рудиментарные органы пищеварительнаго аппарата говорятъ о дисгармоніи внутренней организаціи человѣка. Даже нѣкоторыя части нашего пищевого канала, достигнувшіе полнаго своего развитія, должны, по мнѣнію Мечникова, разсматриваться какъ безполезное наслѣдство, доставшееся намъ отъ нашихъ животныхъ предковъ. Всѣ толстыя кишки можно считать органомъ излишнимъ для нашего организма; значеніе ихъ въ процессѣ пищеваренія человѣка ничтожно: даже какъ органъ предназначенный для поглощенія продуктовъ пищеваренія, толстыя кишки имѣютъ второстепенное значеніе. Поэтому неудивительно, что почти полное удаленіе или отсутствіе толстыхъ кишекъ переносится весьма легко человѣкомъ. Въ хирургіи извѣстно много случаевъ, когда у больныхъ вырѣзалась большая часть толстыхъ кишекъ и оперированные не только выздоравливали, но пищевареніе ихъ даже улучшалось послѣ этой операціи; извѣстенъ даже одинъ случай, когда операція обнаружила полную атрофію толстыхъ кишекъ у одной женщины, которая, несмотря на это, жила около 40 лѣтъ.

Какъ извѣстно, толстыя кишки сильно развиты у травоядныхъ и прино-

сятъ имъ несомнѣнную пользу въ процессѣ пищеваренія, такъ какъ громадное количество клѣтчатки, поглощаемое этими животными въ видѣ растительной пищи, не могло бы быть переварено безъ помощи безчисленнаго количества микробовъ, населяющихъ столь объемистыя толстыя кишки. Съ другой стороны, сравнительная анатомія показываетъ намъ, что этотъ пищеварительный органъ хорошо развитъ только у млекопитающихъ. Это объясняется Мечниковымъ слѣдующимъ образомъ. Большинство млекопитающихъ—животныя наземныя и проворныя; частью для того, чтобы достигнуть добычу, частью для того, чтобы избѣжать преслѣдованія, они должны бѣгать очень быстро; поэтому вмѣстительный кишечникъ является для нихъ очень полезнымъ, такъ какъ позволяетъ долго не опоражнивать пищеварительнаго аппарата и потому долго не прерывать бѣга. Ни у птицъ, ни у пресмыкающихся, ни у амфибій толстыхъ кишекъ не имѣется. Такимъ образомъ, мы получили въ наслѣдство отъ травоядныхъ совершенно ненужный намъ органъ; не только ненужный, но опасный для нашего здоровья и для жизни. Толстыя кишки служатъ вмѣстилищемъ для отбросовъ нашей пищи, которые тамъ застаиваются и загниваютъ; продукты этого гніенія часто весьма вредны для нашего здоровья, они поглощаются нашимъ организмомъ и вызываютъ иногда очень сильныя отравленія. Извѣстно, что запоръ у родильницъ и у лицъ, только что оперированныхъ, вызываетъ повышеніе температуры и другіе лихорадочные симптомы; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ послѣдствіями поглощенія вредныхъ продуктовъ, выработанныхъ микробами толстыхъ кишекъ; эти же яды вызываютъ иногда различныя болѣзни кожи. Вообще, этотъ органъ является очагомъ многихъ очень тяжкихъ болѣзней, изъ которыхъ главное мѣсто занимаетъ дезинтерія; въ Тонкинѣ 30% смертей отъ внутреннихъ болѣзней приходится на дезинтерію. Тѣ же толстыя кишки являются и избраннымъ мѣстомъ для злокачественныхъ опухолей. Такъ, на 1.148 случаевъ рака въ кишкахъ, наблюденныхъ въ 1895 и 1896 годахъ въ госпиталяхъ Пруссіи, 1.022 случая, т.-е. 89% были обнаружены въ толстыхъ кишкахъ. Вѣроятно, это обусловливается еще и тѣмъ, что продукты пищеваренія задерживаются въ толстыхъ кишкахъ гораздо дольше, чѣмъ въ тонкихъ.

Этой же причиной, должно быть, объясняется и тотъ фактъ, что изъ всего числа раковыхъ заболѣваній пищеварительныхъ органовъ, констатированныхъ въ госпиталяхъ Пруссіи, 40% приходится на желудокъ. Желудокъ далеко не такъ безполезенъ для человѣческаго организма, какъ толстыя кишки, такъ какъ онъ служитъ, главнымъ образомъ, для перевариванія бѣлковыхъ веществъ, но все же и онъ легко можетъ быть замѣненъ тонкими кишками. Извѣстны многіе случаи, когда желудокъ, пораженный ракомъ, удалялся хирургами цѣликомъ и результатъ былъ вполнѣ благопріятенъ въ томъ смыслѣ, что оперированные выживали и могли питаться удовлетворительнымъ образомъ: имъ приходилось только ѣсть гораздо чаще и переваривать пищу только при посредствѣ тонкихъ кишекъ и панкреатической железы.

Понятно, что животнымъ—нашимъ предкамъ,—питавшимся сырой и грубой пищей, нужны были болѣе объемистые и сложные органы пищеваренія;

человѣкъ, научившійся приготовлять гораздо болѣе удобоваримую пищу, не нуждается въ большей части этихъ органовъ. Нѣкоторые животные виды, напримѣръ, паразитные черви—солитеры потеряли въ своей регрессивной эволюціи пищеварительные органы. Человѣкъ не претерпѣлъ этой эволюціи и поэтому онъ не можетъ внести въ свое питаніе возможныя для него усовершенствованіи; такъ, наша пища не можетъ состоять только изъ веществъ легко перевариваемыхъ и не дающихъ отбросовъ, потому что въ этомъ случаѣ толстыя кишки опоражнивались бы съ большимъ трудомъ, и причиняли бы организму большія хлопоты; поэтому въ нашу пищу мы поневолѣ должны вводить растительныя вещества, которые даютъ значительное количество отбросовъ.

Животныя руководятся въ выборѣ своей пищи инстинктомъ; въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ ихъ не обманываетъ; даже у высшихъ животныхъ инстинктъ играетъ главную роль при выборѣ пищи. Извѣстно, какъ трудно отравить мышей, собакъ и волковъ; обезьяны производятъ самый детальный осмотръ предлагаемой имъ пищи, но не смотря на это они часто отравляются всевозможнаго рода ядовитыми веществами. У человѣка такія уклоненія инстинкта при выборѣ пищи въ особенности часты: дѣти поднимаютъ и тянутъ въ ротъ всевозможные предметы, которые только попадаются имъ подъ руку, да и позже они часто объѣдаются сырыми и ядовитыми ягодами и фруктами; но и взрослые люди зачастую отравляются рожью съ спорыньей, испорченнымъ маисомъ и нѣкоторыми бобовыми растеніями. Этимъ же уклоненіемъ, слѣпотою инстинкта, объясняетъ Мечниковъ, отравленіе людей алкоголемъ, эфиромъ, морфіемъ и т. п. «Громадная и печальная роль алкоголизма является, по мнѣнію знаменитаго ученаго, наиболѣе демонстративнымъ и постояннымъ примѣромъ той дисгармоніи, которая существуетъ между инстинктомъ выбора пищи и инстинктомъ сохраненія жизни».

Но не одни органы пищеваренія человѣка указываютъ на существованіе дисгармоніи въ его организмѣ. Уже давно Гельмгольцъ говорилъ по поводу нашего глаза, что природа при устройствѣ этого органа какъ будто нарочно собрала все, чтобы разрушить идею о гармоніи, существующей между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ. Мечниковъ утверждаетъ, что такую же дисгармонію обнаруживаютъ и всѣ остальные органы нашихъ внѣшнихъ воспріятій, а также и органы воспроизведенія. Послѣдніе имѣютъ самое различное происхожденіе: рядомъ съ частями очень древними имѣются относительно недавнія пріобрѣтенія. Внутренніе половые органы указываютъ на гермафродитный источникъ происхожденія: у мужчины мы встрѣчаемъ слѣды женскихъ половыхъ органовъ—матки и фаллопіевыхъ трубъ, у женщинъ—слѣды мужскихъ половыхъ органовъ. Эти рудиментарные органы (органы Вебера, Розенмюллера и т. д.) совершенно безполезны и, разростаясь, образуютъ либо уродливости, либо опухоли, всегда болѣе или менѣе опасныя; таковы, напримѣръ, уродливыя разростанія органа Вебера у мужчинъ, благодаря которому образуется анормальная матка, нѣкоторыя кисты, развивающіяся на рудиментарныхъ органахъ мочеполового аппарата мужчины,—нѣкоторыя кисты у женщинъ, происходящія тоже благодаря патологическому разростанію рудиментарныхъ остат-

ковъ, не свойственныхъ женщинѣ частей половыхъ органовъ; иногда эти кисты являются причиной весьма тяжелыхъ заболѣваній. Такъ какъ рудиментарные половые органы встрѣчаются у всѣхъ позвоночныхъ, то это указываетъ, что гермафродитизмъ существовалъ у этихъ животныхъ въ очень далекія отъ насъ времена.

Рядомъ съ этими рудиментарными органами въ нашемъ половомъ аппаратѣ существуетъ органъ, такъ сказать, весьма недавняго пріобрѣтенія — это дѣвственная плева, присущая только одному человѣку, она отсутствуетъ даже у антропоморфныхъ обезьянъ и является, по словамъ Мечникова, наиболѣе рѣзкимъ анатомическимъ отличіемъ между ними и человѣкомъ. Казалось бы, что столь недавнее появленіе новаго органа должно было бы обусловливаться его опредѣленной полезностью для организма, между тѣмъ ясно, что онъ совершенно не нуженъ человѣку, настолько не нуженъ, что у многихъ народовъ (нѣкоторыя народности Китая, Бразиліи, Камчатки, Филиппинскихъ островов и мног. др.) издревле установился обычай искусственно различнымъ образомъ отдѣлываться отъ него. Дѣвственная плева не только органъ ненужный, но она является даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиной опасныхъ заболѣваній; разрывъ ея вызываетъ иногда разрывъ промежности, а также сильныя и даже смертельныя кровотеченія, кромѣ того она задерживаетъ кровь во время менструацій и потому способствуетъ развитію микробовъ. Многіе случаи анеміи у дѣвушекъ обязаны дѣятельности микробовъ, развившихся на этой почвѣ. Но въ силу чего же появился этотъ органъ, совершенно ненужный и даже опасный для здоровья? Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ еще въ области гипотезъ. Мечниковъ предполагаетъ, что на зарѣ жизни человѣчества люди начинали совершать половой актъ очень рано, когда половые органы ихъ далеко не достигали своего полнаго развитія, при этихъ условіяхъ дѣвственная плева не являлась препятствіемъ для coitus'а и неразрывалась во время его, а въ то же время вызывала болѣе сильное половое ощущеніе. Дѣйствительно, и въ настоящее время у многихъ некультурныхъ народовъ браки заключаются необычайно рано, задолго до наступленія половой зрѣлости. Такъ напр., на Цейлонѣ браки заключаются, когда мальчикамъ наступаетъ 7—10 лѣтъ, а дѣвочкамъ не болѣе 8.

Также дисгармоніей въ сферѣ половыхъ отправленій Мечниковъ считаетъ и менструаціи, во время которыхъ женщина теряетъ отъ 100 до 600 граммовъ крови и которыя также присущи только человѣческому роду; менструаціи имѣютъ только слабую аналогію съ течкой животныхъ и съ слизистыми истеченіями, весьма бѣдными кровью, обезьянъ. Менструаціи нельзя считать признакомъ способности къ дѣторожденію; такъ, почти у всѣхъ некультурныхъ народовъ бракъ совершается до наступленія менструацій и, вѣроятно, наши доисторическіе предки незнали этой «дисгармоніи»: за беременностью слѣдовалъ періодъ кормленія, затѣмъ опять беременность и такъ до тѣхъ поръ, пока не наступала половая старость. Эта непрерывающаяся половая способность и необыкновенная плодовитость людей, вѣроятно, и была причиной, по мнѣнію Мечникова, столь широкаго распространенія человѣческаго рода. Когда же человѣкъ вышелъ изъ пер-

вобытнаго состоянія и принужденъ былъ ограничить свою плодовитость и замедлить время вступленія въ бракъ, тогда-то и начало прогрессировать развитіе менструацій и достигло современнаго состоянія съ громадными потерями крови, съ сильными нервными и общими физіологическими потрясеніями. Ту же дисгармонію видитъ Мечниковъ и между инстинктомъ размноженія и тѣми болѣзненными явленіями, которыми сопровождаются роды у женщины.

Вообще исходя изъ идеи цѣлесообразности слѣдовало бы ожидать, что всѣ части процесса полового размноженія должны были бы протекать гармонично, идти такъ сказать рука-объ-руку, на самомъ же дѣлѣ этого далеко не наблюдается. Половая зрѣлость вовсе не совпадаетъ съ общей зрѣлостью человѣческаго индивидуума. Прежде всего развивается половое чувство. И изъ жизни, и изъ литературы мы знаемъ, какъ рано оно проявляется. Данте былъ влюбленъ 9, Канова 5, Байронъ 7 лѣтъ. Половая возбудимость проявляется еще раньше, когда не можетъ быть и вопроса о зрѣлости воспроизводительныхъ элементовъ; извѣстные клиницисты обнаруживали ее у дѣтей моложе пяти лѣтъ. Вотъ гдѣ основная причина онанизма, который обыкновенно опредѣляютъ, какъ «удовлетвореніе половой потребности при помощи средствъ, противныхъ природѣ». «Но это сама природа,—говоритъ знаменитый біологъ,—сдѣлала то, что половая чувствительность развилась преждевременно, задолго до зрѣлости производительныхъ элементовъ» и Мечниковъ соглашается съ Летурно, что половыя уклоненія анормальны, но ихъ нельзя считать противными природѣ, такъ они встрѣчаются и у животныхъ. И дѣйствительно, мы видимъ широкое распространеніе онанизма у многихъ животныхъ, а у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ (готтентоты) этотъ «порокъ» настолько вошелъ въ нравы, что ему предаются открыто, не стѣсняясь. А между тѣмъ онанизмъ безспорно приноситъ большой вредъ и здоровью, и способностямъ человѣка и часто, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, угрожаетъ даже жизни.

Половая чувствительность развивается раньше (у мужчинъ, по крайней мѣрѣ) зрѣлости половыхъ элементовъ (сперматозоидовъ); но вѣдь и половая зрѣлость не есть зрѣлость мужчины (особенно въ культурныхъ странахъ); она наступаетъ еще позже; но для вступленія въ бракъ и этого мало, нужна зрѣлость психическая, нужно получить образованіе, «сдѣлать карьеру» и пр. и мы видимъ, что европейцы мужчины женятся обыкновенне въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ, тогда какъ половая ихъ зрѣлость наступаетъ между 12 и 14 годами.

При угасаніи воспроизводительной способности возникаютъ подобныя же дисгармоническія явленія: организмъ старца вырабатываетъ еще сперматозоидовъ, половое чувство еще сильно, но возможность удовлетворить это чувство нормальнымъ путемъ исчезло.

Эта дисгармонія, говоритъ авторъ, является источникомъ столькихъ золъ, начиная съ наиболѣе нѣжнаго возраста вплоть до старости, что почти всѣ религіи относятся къ половому акту болѣе или менѣе сурово, и не удивительно, что онѣ объявили природу человѣка извращенной.

Разъ половой инстинктъ, столь глубоко внѣдренный въ организованный

міръ, все же представляетъ въ человѣческой природѣ столько уклоненій, то, конечно, заранѣе можно ожидать, что семейный инстинктъ, гораздо болѣе молодой, проявитъ у человѣка еще болѣе рѣзкую дисгармонію. И Мечниковъ даетъ намъ довольно полную картину этихъ уклоненій. У большинства первобытныхъ и некультурныхъ народовъ выкидыши производятся совершенно открыто и не считаются предосудительными; семьи многихъ племенъ не имѣютъ больше двухъ, трехъ дѣтей; даже и нѣкоторые болѣе культурные народы считаютъ выкидыши дозволенными въ извѣстныхъ предѣлахъ; такъ, турки, исходя изъ того предположенія, что зародышъ до 5 мѣсяцевъ не владѣетъ еще дѣйствительной жизнью, производятъ выкидыши съ совершенно легкимъ сердцемъ: въ Константинополѣ въ теченіе 6 мѣсяцевъ въ 1872 г. было констатировано болѣе 3.000 искусственныхъ выкидышей. Древніе греки также не считали выкидышъ предосудительнымъ и ихъ философы—Платонъ и Аристотель придерживались того же мнѣнія. Впрочемъ, нѣкоторые народы (какъ, напр., персы, мидяне, евреи) съ самыхъ древнихъ временъ относились очень сурово къ искусственнымъ выкидышамъ. У культурныхъ европейскихъ народовъ выкидыши считаются уголовнымъ преступленіемъ, но всѣ хорошо знаютъ, что они производятся тайно и если число ихъ уменьшилось, то только благодаря тому, что люди стали предусмотрительнѣе и образованнѣе и создали цѣлую «науку презервативахъ», благодаря которой могутъ не допускать и самаго зачатія; мы видимъ, что во всѣхъ культурныхъ странахъ этими «неуголовными» средствами регулируется дѣторожденіе и утверждается система de deux enfants; во Франціи благодаря этой системѣ число рожденій не превышаетъ числа смертей и народонаселеніе ея не возрастаетъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ статистиковъ даже уменьшается.

Еще болѣе рѣзко нарушается семейный инстинктъ дѣтоубійствомъ; въ современныхъ культурныхъ странахъ дѣтоубійство считается преступленіемъ и конечно далеко не имѣетъ столь широкаго распространенія, какое имѣло у древнихъ грековъ, римлянъ и германцевъ. Арабы до Магомета большое число новорожденныхъ дѣвочекъ закапывали живыми въ землю, то же практикуется еще и нынѣ въ Индіи, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Китая (Хакъ-Ло) туземцы убиваютъ около $^2/_3$ новорожденныхъ дѣвочекъ; многіе первобытные народы придерживаются подобной же практики.

Такимъ образомъ мы видимъ, что семейный инстинктъ, хотя и глубоко присущій природѣ человѣка и достаточный для сохраненія человѣческой расы, все же часто претерпѣваетъ такія рѣзкія извращенія, которыя могутъ привести и, вѣроятно, приводили уже къ исчезновенію цѣлыхъ народностей.

Безъ сомнѣнія, говоритъ Мечниковъ, человѣкъ животное соціальное, но соціальный инстинктъ такъ еще молодъ (даже у самыхъ высшихъ млекопитающихъ—у антропоморфныхъ обезьянъ обнаруживаются только зачатки этого инстинкта), что уклоненія отъ него еще болѣе значительны, чѣмъ для инстинктовъ полового и семейнаго, и Мечниковъ не думаетъ, подобно Бюхнеру и Геккелю, что можно было бы строить и происхожденіе и развитіе морали на одномъ этомъ инстинктѣ. Недостаточно сказать, что соціальный инстинктъ свойственъ всякому человѣку,—вѣдь воры и разбойники тоже имѣютъ его,

но ихъ соціальныя чувства распространяются только на подобныхъ себѣ,—нужно установить, на кого должны быть направлены наши соціальныя чувства: на семью, на единоплеменниковъ, на единовѣрцевъ? Самъ по себѣ соціальный инстинктъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ и въ разныя эпохи, при различныхъ условіяхъ люди различно на него отвѣчали: каждый понимаетъ ближняго по своему.

Часто думаютъ, что соціальный инстинктъ, чувства симпатіи будутъ охватывать все болѣе и болѣе широкіе круги и наконецъ эти чувства сдѣлаются столь общими, что всѣ люди станутъ братьями. Но негрскій и китайскій вопросъ въ Америкѣ, колоніальныя звѣрства европейцевъ, китайская экспедиція, та полная потеря соціальнаго инстинкта, которая наблюдается у большинства людей во время какихъ нибудь катастрофъ, когда власти бездѣйствуютъ и законъ молчитъ, показываютъ какъ далеки мы отъ этого времени и какъ слабо развитъ въ насъ этотъ инстинктъ.

По мнѣнію Мечникова, вопросъ гораздо сложнѣе. Чувство симпатіи, идущее слишкомъ далеко, можетъ оказаться вреднымъ. Чувствомъ симпатіи руководились многія кровавыя войны, не приведшія къ тому же ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ; такъ же гибельна можетъ быть симпатія, проявляемая по отношенію къ злымъ и опаснымъ людямъ. Часто, даже въ интересахъ счастья той группы лицъ, которая стремится къ одной съ вами цѣли, полезно ограничить соціальный инстинктъ. Но что такое счастье? Есть ли это чувство благополучія, испытываемое самимъ индивидуумомъ или это мнѣніе другихъ людей о цѣнности подобнаго чувства? Какъ противоположны эти точки зрѣнія и какъ трудно часто сказать, счастливъ ли данный человѣкъ или нѣтъ! Также безсиленъ соціальный инстинктъ разрѣшить проблему справедливости, подчиненную въ свою очередь проблемѣ о цѣли существованія человѣческаго рода. Одно несомнѣнно, что въ настоящее время неизбѣжно совершать, а особенно быть объектомъ различнаго рода несправедливостей.

Для того, чтобы найти основной принципъ для руководства въ проявленіи соціальнаго инстинкта необходимо, по мнѣнію Мечникова, прежде всего опредѣлить что такое индивидуальное счастье и истинная справедливость,—тогда только можно было бы сказать, что̀ нужно дѣлать, чтобы существованіе людей сдѣлалось возможно болѣе счастливымъ...

Казалось бы, инстинктъ сохраненія жизни долженъ представлять въ высокой степени гармоническое развитіе; и дѣйствительно мы видимъ, что онъ рѣзко проявляется на всѣхъ степеняхъ организованнаго міра и въ эволюціи получилъ яркое выраженіе въ различнѣйшихъ формахъ приспособленій, при помощи которыхъ организмы охраняютъ себя отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ воздѣйствій. Всѣ эти приспособленія пріобрѣтены ими, такъ сказать, безсознательно: ни одно изъ животныхъ не имѣетъ представленія о смерти, большинство изъ нихъ остается совершенно индифферентными рядомъ съ трупомъ своихъ сородичей, и даже часто пожираютъ ихъ съ рискомъ погибнуть отъ той же заразной болѣзни. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ позвоночныхъ наблюдается какъ бы слабый намекъ на представленіе о смерти. Такъ, напримѣръ, лошади,

проходя мимо трупа своего сородича обнаруживаютъ явное безпокойство и пытаются бѣжать; также быки на бойнѣ—свидѣтели смерти подобныхъ,—проявляютъ чувства паническаго ужаса. Но несомнѣнно, что ни у одного изъ самыхъ высшихъ животныхъ не имѣется никакого представленія о неизбѣжности смерти, какъ своей, такъ и всего живого. Это сознаніе является пріобрѣтеніемъ человѣческаго рода.

У человѣка инстинктъ самосохраненія развитъ самымъ несомнѣннымъ образомъ; хотя онъ слабо проявляется въ началѣ жизни человѣка, но уже замѣтенъ у очень маленькихъ дѣтей: при видѣ человѣческаго трупа они испытываютъ ощущеніе паники, совершенное аналогичное тому, которое вызываетъ въ нихъ видъ змѣи или другого отвратительнаго животнаго. У юношей этотъ инстинктъ самосохраненія, вообще неразрывно связанный съ инстинктомъ смерти, развитъ еще не слишкомъ сильно. Молодые люди, когда они здоровы, совершенно не чувствуютъ страха смерти, но зато во время болѣзни, или при какихъ-либо необыкновенныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ на войнѣ, это чувство проявляется у нихъ необыкновенно сильно. Слабымъ развитіемъ инстинкта самосохраненія Мечниковъ объясняетъ и то, что молодые люди такъ часто рискуютъ своей жизнью изъ-за незначительныхъ причинъ и совершаютъ различнаго рода безразсудства, опасныя не только для ихъ здоровья, но и для жизни. Иногда, говоритъ онъ, ихъ влечетъ къ этому какой-нибудь идеальный мотивъ, но чаще они расточаютъ свои силы для удовлетворенія инстинктовъ довольно низкаго порядка. Съ другой стороны, удовольствія и радости, которыя они испытываютъ, возбуждаютъ въ нихъ менѣе сильныя реакціи, чѣмъ страданія, обусловленныя часто совершенными пустяками; въ силу этого молодежь такъ легко переходитъ отъ эпикуреизма къ пессимизму. Интересно, что творцы наиболѣе выдающихся пессимистическихъ произведеній были относительно молодые люди: Шопенгауэръ опубликовалъ свою теорію пессимизма 31 года, Гартманъ—26; наоборотъ, оптимистическія воззрѣнія развивались или людьми уже пожилыми, или лицами, которыя, въ силу особенныхъ обстоятельствъ, могли оцѣнить счастье существованія: такъ Леббокъ опубликовалъ свою книгу «Счастье жизни» 53-хъ лѣтъ, а Дюрингъ свою «Цѣнность жизни» писалъ слѣпымъ.

Уже давно было отмѣчено, что старики цѣнятъ жизнь гораздо болѣе, чѣмъ молодые; еще Жанъ-Жакъ Руссо говорилъ: «Мы начинаемъ заботиться о своей жизни по мѣрѣ того, какъ она теряетъ свою цѣнность». Но конечно не нужно стать старикомъ, чтобы чувствовать, что смерть есть большое зло. Мечниковъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, когда люди, утверждавшіе противное, оказывались просто больными, которыхъ измучили страданія.

Инстинктъ жизни и страхъ смерти, который есть только проявленіе перваго инстинкта, имѣютъ необыкновенную важность въ изученіи природы человѣка. Отсюда вышли, по мнѣнію Мечникова, всѣ религіи и, можетъ быть, всѣ философскія системы. Мечниковъ приводитъ знаменитый разсказъ о первомъ выѣздѣ Сакья-Муни изъ дома своего отца и разсужденія, высказанныя этимъ творцомъ буддійской религіи по поводу смерти, и указываетъ, что эти

чувства и мысли создали, какъ буддизмъ, такъ и пессимизмъ. Авторъ сообщаетъ много примѣровъ изъ жизни выдающихся людей—философовъ, писателей; примѣры эти показываютъ, какое громадное вліяніе на міровоззрѣніе и на всю жизнь людей накладывалъ страхъ смерти. Особенно много мѣста отводитъ Мечниковъ Льву Толстому. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что страхъ смерти является тѣмъ основнымъ мотивомъ, изъ котораго вытекли всѣ философскія и религіозно-моральныя произведенія нашего великаго писателя, несмотря на то, что онъ въ своемъ произведеніи о страхѣ смерти считаетъ этотъ страхъ результатомъ ложнаго представленія о жизни. По Толстому человѣкъ не долженъ бояться смерти больше, чѣмъ какой-либо другой перемѣны, которую онъ испытываетъ во время всей своей жизни. Никто не боится заснуть, говоритъ Толстой, и однако во время сна, какъ и во время смерти, дѣло идетъ о потери сознанія; и Толстой думаетъ, что страхъ смерти является самовнушеніемъ, которое исчезаетъ, когда начинаешь постигать истинный смыслъ своей жизни.

Мечниковъ же утверждаетъ, что страхъ смерти совершенно инстинктивенъ и не зависитъ ни отъ какихъ разсужденій; такого же мнѣнія придерживался Шопенгауеръ и Байронъ. Этотъ инстинктъ развивается медленно и прогрессивно, вмѣстѣ съ жизнью и въ этомъ отношеніи отличается отъ другихъ инстинктовъ. Существуютъ, впрочемъ, исключенія изъ этого общаго правила, и у многихъ дикихъ народовъ старики и старухи достигнувъ извѣстнаго возраста сами убиваютъ себя; у другихъ народовъ, такихъ стариковъ убиваютъ сыновья и внуки, часто ихъ даже погребаютъ живыми. Въ культурныхъ странахъ мы также видимъ, что самоубійства стариковъ очень часты, но это происходитъ, по мнѣнію Мечникова, не потому, что у нихъ утраченъ инстинктъ самосохраненія, но главнымъ образомъ потому, что на старости лѣтъ они лишились средствъ къ существованію и легче другихъ подвержены различнымъ тяжелымъ заболѣваніямъ; авторъ посѣщалъ многія убѣжища для стариковъ, разговаривалъ съ престарѣлыми женщинами, находившимися въ Сальпетріерѣ, и вынесъ убѣжденіе, что у всѣхъ этихъ лицъ не исчезъ страхъ смерти и что они цѣпляются всѣми силами за свою печальную жизнь.

Такимъ образомъ, къ разсмотрѣннымъ уже нами дисгармоніямъ человѣческой природы прибавляется еще дисгармонія инстинкта жизни, который съ такою силою проявляется въ тотъ періодъ, когда смерть уже близка.

Человѣчество съ давнихъ поръ стремилось найти ключъ къ этой трагической загадкѣ. Религія и философія всегда сильно занимались этимъ вопросомъ. «Религія,—говоритъ Гюйо,—въ большей своей части есть размышленіе о смерти, если мы не должны были бы умирать, у насъ все же были бы суевѣрія, но, вѣроятно, не было бы ни систематизированыхъ суевѣрій, ни религіи». Съ другой стороны многіе философы древности выражали мысль, что философія есть не что иное, какъ размышленіе о смерти. Шопенгауеръ тоже высказывалъ мысль, что безъ смерти не существовало бы философіи.

Итакъ Мечниковъ приходитъ къ заключенію, что природа человѣка, во многихъ отношеніяхъ совершенная и высокая, все же представляетъ

многочисленныя и рѣзко выраженныя дисгармоніи, которыя являются источникомъ нашихъ несчастій. Даже въ самыя отдаленныя эпохи, когда человѣчество не имѣло никакого представленія о человѣческой природѣ, у людей все же существовало смутное представленіе объ ея дисгармоніяхъ и оно пыталось найти средство излечить этотъ недугъ. Средствами этими были религія и философія.

Желаніе жить, сохранять здоровье и удовлетворять инстинктамъ заставило людей съ первыхъ же шаговъ ихъ сознателей жизни изыскивать средства противъ несовершенствъ человѣческой природы. Человѣкъ давно замѣтилъ, напр., что инстинктъ плохой руководитель при выборѣ пищи и пытался найти какіе-нибудь другіе, болѣе точные способы отличать полезные для него пищевые продукты отъ вредныхъ; вся мудрость первобытнаго человѣка была направлена на выработку примитивной гигіены; также пытался онъ бороться съ несовершенствами воспроизводительныхъ функцій. Но самыми сильными стимулами, заставлявшими его искать выходъ изъ его тяжелаго положенія были инстинктъ жизни и страхъ смерти: первобытный человѣкъ создавалъ свою первобытную пищевую гигіену и регулировалъ половыя функціи, прежде всего, для того, чтобы сохранить здоровье и жизнь.

Съ самаго возникновенія своего интеллекта человѣкъ былъ поставленъ въ необходимость судить о неизвѣстномъ по аналогіи съ тѣмъ, что онъ зналъ лучше всего, т.-е. съ самимъ собою; поэтому всѣмъ предметамъ его окружавшимъ, онъ приписывалъ свойства и мотивы, подобные своимъ; не только всѣ живыя вещества, но и всѣ окружавшіе его неодушевленные предметы представлялись ему дѣйствовавшими такъ же, какъ человѣкъ. Отсюда явился «анимизмъ» — эта основа философіи и религіи. Когда человѣкъ умираетъ, говоритъ анимизмъ, то онъ въ дѣйствительности не исчезаетъ совершенно, но только переходитъ въ новое состояніе; трупъ продолжаетъ жить особымъ, но всеже аналогичнымъ намъ образомъ. Такое представленіе отвѣчало потребности сохраненія жизни и ослабляло страхъ смерти. Отсюда развилась идея о загробной жизни, о душѣ и ея безсмертіи, культъ мертвыхъ и предковъ, появились боги и религія. Религія утѣшаетъ человѣка, отвлекаетъ его отъ мыслей о несовершенствахъ человѣческой природы, отъ мысли о смерти.

Дѣйствительно, мы видимъ, что многіе первобытные народы, которые вѣрятъ въ загробную жизнь, какъ въ непререкаемый фактъ, не боятся смерти; напримѣръ, фиджійцы убѣждены, что въ загробномъ мірѣ они возродятся совершенно такими же, какими отошли въ него, и потому, лишь только замѣтятъ наступленіе первыхъ признаковъ старости, спокойно идутъ на самоубійство; въ нѣкоторыхъ городахъ о-въ Фиджи нѣтъ людей старше сорока лѣтъ. Но у болѣе цивилизованныхъ людей, даже высоко религіозныхъ, такое отсутствіе страха смерти встрѣчается, по мнѣнію Мечникова, очень рѣдко, и потому уже съ давнихъ поръ различныя религіи искали еще какой-нибудь другой идеи, кромѣ перспективы вѣчной жизни, для того, чтобы ослабить эту главную дисгармонію человѣческой природы. Авторъ подробно останавливается на буддизмѣ и указываетъ, что такой идеей въ этой религіи явилось отреченіе отъ жизни: страданіе исчезнетъ, если подавить въ себѣ жажду удовольствій, жажду

существованія, жажду властолюбія, достигнуть такого состоянія, чтобы не имѣть никакихъ желаній.

Помимо основной своей цѣли, религіи шли на помощь человѣку въ борьбѣ его и съ другими дисгармоніями его природы: онѣ пытались регулировать отправленія его органовъ пищеваренія и размноженія и лечить его отъ болѣзней. Всѣмъ извѣстно, какъ точно регламентировали нѣкоторыя религіи пищевой режимъ человѣка: въ книгахъ Моисея находятся, напримѣръ, даже рецепты для приготовленія нѣкоторыхъ блюдъ. Вліяніе религій на половую жизнь людей было еще сильнѣе. Большинство основателей религій особенно живо чувствовало дисгармонію этой части человѣческой природы, но такая повышенная чувствительность приводила ихъ, какъ, напр., Будду, только къ проповѣди полнаго воздержанія.

Постепено гигіена и медицина, выработанныя нѣкоторыми религіями, должны были уступить мѣсто наукѣ и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, основной, если не единственной, проблемой религій остался вопросъ о смерти. Мы не послѣдуемъ за ученымъ біологомъ въ его анализѣ значенія тѣхъ средствъ, которыя предлагаютъ религіи для уничтоженія дисгармоній человѣческой природы, скажемъ только, что Мечниковъ не видитъ, чтобы въ жизни людей исчезъ или ослабѣлъ страхъ смерти въ зависимости отъ того, какой религіи они придерживаются, буддистское же отреченіе отъ жизни не можетъ удовлетворить человѣчество, которое жаждетъ жить и въ страхѣ останавливается передъ неизбѣжностью смерти.

Съ религіей неразрывно связана философія и немудрено, что въ теченіе долгаго времени идея о загробной жизни являлась одной изъ важнѣйшихъ концепцій различныхъ философскихъ системъ, стремившихся разрѣшить проблему смерти, но въ тоже время уже у Платона мы видимъ нѣкоторые зачатки сомнѣнія въ безсмертіи души, у Аристотеля они выражены уже рѣзче, и въ концѣ концовъ эта идея замѣняется у него вѣрою въ неразрушимость «дѣятельнаго разума». Постепенно скептицизмъ окончательно изгоняетъ изъ философскихъ системъ идею о безсмертіи души и замѣняетъ ее довольно туманными пантеистическими воззрѣніями и стоическою моралью; блестящимъ выразителемъ послѣдней является Маркъ-Аврелій; философъ, говоритъ онъ, ожидаетъ смерть съ спокойнымъ сердцемъ и видитъ въ ней только раствореніе элементовъ, изъ которыхъ состоитъ каждое существо. Если эти элементы не испытываютъ никакого зла въ своихъ безпрерывныхъ взаимныхъ превращеніяхъ, почему же намъ смотрѣть огорченнымъ взоромъ на измѣненіе и раствореніе всѣхъ вещей. Это соотвѣтствуетъ природѣ, а все что согласно природѣ не можетъ быть зломъ.

Такимъ образомъ, стоическая мораль свелась къ покорности судьбѣ: пусть съ покорностью умираетъ не только старикъ, но и юноша—безразлично созерцаешь ли происходящее сто лѣтъ или три года.

Появленіе христіанской религіи измѣнило это направленіе философіи и послѣдняя въ теченіе многихъ вѣковъ занималась только тѣмъ, что пыталась подкрѣпить религіозные догматы разсужденіями, не исходящими изъ божествен-

наго откровенія, и разрѣшить важную и гнетущую людей проблему смерти, доказывая безсмертіе души.

Реакціей противъ этихъ идеалистическихъ системъ явился матеріализмъ, уступившій затѣмъ мѣсто скептическому позитивизму или что то же агностицизму; смерть снова трактуется, какъ явленіе, вытекающее изъ законовъ природы, которое нужно принимать безъ всякаго протеста; такимъ образомъ снова выплываетъ идея покорности природѣ или судьбѣ.

Въ сторонѣ отъ этихъ философскихъ теченій стоитъ пессимизмъ. Мечниковъ удѣляетъ изложенію философскихъ пессимистическихъ системъ очень много мѣста, но мы не можемъ слѣдовать за нимъ въ этомъ обзорѣ; какъ всѣмъ извѣстно, пессимисты приходятъ въ конечномъ выводѣ къ отреченію отъ жизни въ той или иной формѣ, къ проповѣди безбрачія и даже самоубійства (Мейландеръ). Мечниковъ признаетъ за философами пессимизма большую заслугу: они впервые не побоялись предъявить природѣ человѣка обвинительный актъ и не допустили насъ до самодовольнаго фатализма и квіетизма. Конечно, говоритъ онъ, пессимизмъ не есть послѣднее слово человѣческой мудрости, и многіе философы пытаются дать проблемѣ жизни и смерти разрѣшеніе, болѣе соотвѣтствующее нашимъ инстинктамъ, но эти попытки носятъ скорѣе поэтическій, чѣмъ философскій характеръ (Гёте, Гюйо, Мейеръ Бенфи).

«Обозрѣвъ всѣ философскія системы, затратившія столько силъ для разрѣшенія проблемы объ индивидуальной смерти, Мечниковъ приходитъ къ выводу, что всѣ онѣ, или почти всѣ, отрицаютъ будущую жизнь и безсмертіе души, и наоборотъ—большинство принимаетъ нѣкоторый общій принципъ, неясный, но вѣчный, который долженъ поглотить въ себѣ индивидуальныя души. Исходя изъ этихъ туманныхъ идей, неспособныхъ утѣшить бѣдное человѣчество, которое боится уничтоженія послѣ смерти, философы не перестаютъ проповѣдывать о резиньяціи, возможно болѣе полной».

Болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до появленія точныхъ наукъ, Будда формулировалъ наиболѣе важные виды человѣческихъ страданій: «рожденіе есть страданіе, старость есть страданіе, болѣзнь — страданіе, смерть — страданіе и т. д.».

Наука въ своемъ медленномъ прогрессивномъ движеніи отъ частнаго къ общему, до сихъ поръ осмѣливалась браться только за наименѣе трудныя изъ этихъ проблемъ, мы говоримъ о болѣзни. Религія также занималась этой проблемой; причину болѣзни она видѣла въ воздѣйствіи злыхъ духовъ или гнѣвѣ боговъ, лекарствами ея были жертвоприношенія и молитвы. И теперь еще, напримѣръ, на Суматрѣ приписываютъ кровотеченіе, которое не можетъ быть остановлено, вмѣшательству злого духа; онъ сосетъ рану и дѣлаетъ ее неизлечимой; а въ Ніасѣ на кровотеченіе изъ носа у дѣтей смотрятъ, какъ на наказаніе отца за то, что онъ убилъ свинью во время беременности своей жены. Лекарствомъ служитъ жертвоприношеніе божеству.

Впрочемъ, нужно сказать, что рядомъ съ такими способами леченія въ религіозныхъ рецептахъ первобытныхъ народовъ имѣются и весьма полезные, легшіе въ

основу такъ называемой народной медицины; но, конечно, она не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ научной медициной, основанной на строгомъ и систематическомъ наблюденіи и опытахъ. Эта медицина потребовала для своего развитія много времени, но теперь достигла уже такой высоты, что человѣчество можетъ ею гордиться. Вѣдь прошло всего 70 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Шопенгауеръ—однимъ изъ главныхъ аргументовъ своего основного утвержденія, что нашъ міръ есть наихудшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, считалъ распространеніе эпидемическихъ болѣзней и думалъ, что «измѣненіе атмосферы настолько слабое, что оно не можетъ быть открыто химическимъ анализомъ, вызываетъ холеру, желтую лихорадку, черную смерть и т. п. болѣзни, которыя уносятъ милліоны людей; нѣсколько болѣе сильное измѣненіе атмосферы въ состояніи было бы уничтожить всю жизнь». Еще позже Гартманъ увѣрялъ, что сколько бы ни находили средствъ противъ болѣзней, послѣднія всегда останутся; особенно хроническія, не очень опасныя, но болѣзненныя заболѣванія будутъ прогрессировать быстрѣе, чѣмъ медицина.

Въ настоящее время мы хорошо знаемъ, что холера и чума не имѣютъ ничего общаго съ химическимъ составомъ воздуха, а обязаны своимъ появленіемъ двумъ микробамъ, природа и свойства которыхъ изучены также точно, какъ любое растеніе. Холера вызывается вибріономъ, открытымъ Кохомъ, микроскопическимъ организмомъ, живущимъ въ водѣ и переходящимъ въ пищеварительный каналъ человѣка вмѣстѣ съ пищей; до сихъ поръ неизвѣстно лѣкарства противъ холеры, но уже выработаны вѣрныя средства для того, чтобы воспрепятствовать ея распространенію; наиболѣе простое изъ нихъ—это варить все, что мы принимаемъ во внутрь, и избѣгать всякой грязи, происходящей отъ отбросовъ, воды и другихъ веществъ, въ которыхъ могутъ развиваться холерные вибріоны; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ можно пользоваться и сыворотками, способными бороться съ холерой. Относительно чумы мы также знаемъ, что она производится особымъ микробомъ, открытымъ одновременно Китазато и Іерсиномъ въ 1894 году;—чумная бацилла производитъ эпидеміи среди нашихъ крысъ и мышей, а эти животныя передаютъ чумныхъ зародышей намъ. Поэтому борьба съ чумой сосредоточивается на истребленіи крысъ и мышей, что является достаточной мѣрой для того, чтобы оградить культурныя страны отъ чумныхъ эпидемій; но кромѣ того также пользуются уже прививками противочумной сыворотки, не только какъ предохранительной мѣрой, но и какъ лекарствомъ, если болѣзнь не приняла еще угрожающаго развитія.

Также невѣрнымъ оказалось утвержденіе Гартмана о прогрессивномъ увеличеніи болѣзней; это утвержденіе находится въ полномъ противорѣчіи съ хорошо установленными фактами; наоборотъ, можно утверждать, что съ прогрессомъ гигіены и съ популяризаціей ея предписаній, болѣзни стали менѣе частыми и менѣе смертельными. Громадное вліяніе на прогрессъ медицины и хирургіи оказалъ Пастеръ, выяснивъ, что броженіе, т.-е. измѣненіе органическаго вещества, происходитъ, благодаря вмѣшательству микроскопическихъ организмовъ, распространенныхъ въ громадномъ количествѣ въ окружающей человѣка средѣ. Это открытіе прежде всего было примѣнено къ хирургіи; зна-

менитый шотландскій хирургъ Листеръ доказалъ, что гніеніе ранъ происходитъ, благодаря громадному количеству микробовъ, развивающихся въ нихъ. Прибѣгнувъ къ соотвѣтственнымъ перевязкамъ и предохраняя раны отъ всякой грязи, онъ достигъ необыкновеннаго уменьшенія числа послѣоперапіонныхъ заболѣваній. Когда къ этому присоединилось еще открытіе анастэзирующихъ веществъ, то развитіе хирургіи пошло гигантскими шагами и въ настоящее время она производитъ операціи во всѣхъ областяхъ человѣческаго тѣла. Какъ за это время понизилась смертность послѣ операцій, видно изъ слѣдующаго факта: во время франко-итальянской войны въ 1859—1860 гг. послѣ операцій погибало болѣе 17%, во время же недавней войны между испанцами и американцами эта смертность была всего 6,64%. Наконецъ, относительно недавно, Пастеръ, работая въ сообществѣ съ Шемберленомъ и Ру- открылъ, что возможно предупреждать многія заразныя болѣзни при помощи особо приготовленныхъ животныхъ ядовъ. Такъ, ему удалось особыми прививками вылечивать людей, укушенныхъ бѣшеными собаками, болѣзнь, считавшуюся до тѣхъ поръ безусловно смертельной. Въ этомъ новомъ направленіи медицина развивается съ необыкновенной быстротой и осуществила уже цѣлый рядъ новыхъ открытій. Укажемъ, напримѣръ, на открытіе дѣйствія кровяной сыворотки животныхъ, подвергнутой дѣйствію нѣкоторыхъ микробовъ и ихъ растворимыхъ продуктовъ. Такъ, Берингъ, въ сотрудничествѣ съ японцемъ Китазато, показалъ, что подобная сыворотка, приготовленная при воздѣйствіи на нее яда дифтеритнаго микроба, способна не только предохранять здоровыхъ людей отъ дифтерита, но даже излечивать уже зараженныхъ этой болѣзнью, если только захватить болѣзнь во-время. Примѣненіе антидифтеритной сыворотки за послѣднія 8 лѣтъ понизило смертность отъ дифтерита отъ 50%, даже 60%, до 12—14%. Тотъ же методъ серотерапіи начинаетъ примѣняться уже къ нѣкоторымъ другимъ болѣзнямъ. Благодаря Коху, выясненъ также микробный характеръ туберкулеза, и хотя до сихъ поръ еще не найдено прямого лекарства для борьбы съ этимъ бичомъ человѣчества, но уже одно выясненіе причины болѣзни дало возможность гигіенѣ установить различные способы борьбы съ ея распространеніемъ. И если еще туберкулезъ распространяется, то это вина не медицины, а невѣжества и бѣдности, препятствующихъ слѣдовать предписаніямъ гигіены.

Мечниковъ указываетъ, конечно, и на тѣ болѣзни, причины коихъ не выяснены еще медициной и борьба съ которыми поэтому представляется болѣе затруднительной. Таковы ракъ и различныя злокачественныя опухоли, но и здѣсь нельзя отчаяваться, такъ какъ первые шаги къ выясненію вопросовъ уже сдѣланы: Моро, Іенсену и Борелю удалось искусственно вызвать ракъ у бѣлыхъ мышей. Кромѣ того, нужно замѣтить, что оперативное леченіе рака могло бы принести гораздо болѣе удачные результаты, если бы больные обращались къ медицинѣ своевременно.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Мечниковъ утверждаетъ, что одна изъ дисгармоній человѣческой природы, съ которой тщетно боролись древнія религіи и которая являлась однимъ изъ обоснованій пессимизма, сильно ослаб-

лена научной медициной и можно надѣяться, что съ теченіемъ времени послѣдняя справится со всѣми болѣзнями.

Но, говорятъ противники науки, болѣзнь только одинъ эпизодъ человѣческой жизни, а основныя проблемы ея остаются неразрѣшенными наукой. Каково назначеніе человѣка, почему онъ долженъ стариться и умирать тогда, когда онъ такъ еще жаждетъ жить?

Эти возраженія высказывались уже давно. Руссо былъ первый, который формулировалъ ихъ съ необыкновенной ясностью и талантливостью. Въ настоящее время съ особенной страстностью стремится показать всю безполезность науки въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ человѣческой жизни Левъ Толстой; онъ утверждаетъ, что всѣ научныя изслѣдованія о происхожденіи живыхъ существъ, о строеніи ткани и т. п. не представляетъ никакого значенія для человѣчества. Все, что мы зовемъ культурой, наши науки и искусства, всѣ усовершенствованія удобствъ жизни—это попытки, чтобы обмануть моральные запросы человѣка. Все, что мы зовемъ гигіеной и медициной—это попытки обмануть естественныя человѣческія нужды. До сихъ поръ наука не только не улучшила, но скорѣе ухудшила положеніе большинства т.-е. рабочихъ. Безъ знанія смысла жизни и того, въ чемъ состоитъ счастье всѣхъ людей, всѣ остальныя наши знанія и искусства становятся безполезной и даже вредной забавой.

За Толстымъ слѣдуютъ и нѣкоторые другіе писатели, напр., Брюнетьеръ. Впрочемъ, даже ученые, отстаивающіе науку отъ нападокъ этихъ писателей, какъ, напримѣръ, Шарль Рише, согласны, что, хотя «каждый день приноситъ намъ какую-нибудь новую побѣду, но послѣдняя загадка — назначеніе человѣка—остается и, вѣроятно, останется навсегда неразрѣшенной».

Понятно,—говоритъ Мечниковъ,—что если наука является безсильной разрѣшить вопросы наиболѣе важные, которые мучатъ человѣчество, послѣднее, даже въ лицѣ своихъ выдающихся представителей, отвертывается отъ нея и ищетъ утѣшенія въ объятіяхъ метафизики и мистицизма; мы видимъ, что во всѣхъ слояхъ современнаго общества проявляется какая-то жажда сверхъестественнаго. Даже такой позитивный и скептическій умъ, какимъ былъ Золя и тотъ, по свидѣтельству Гонкура, поддавался иногда этой волнѣ мистицизма; «этотъ вечеръ послѣ обѣда у подножія кровати изъ скульптурнаго дерева, гдѣ подаютъ обыкновенно ликеры, Золя началъ говорить о смерти, мысль о которой не покидаетъ его со времени похоронъ матери. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ прибавляетъ, что эта смерть произвела проломъ въ нигилизмѣ его религіозныхъ убѣжденій; такъ ему ужасна мысль о вѣчной разлукѣ».

В. Агафоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТУМАННОСТИ.

Съ примѣненіемъ фотографіи къ астрономіи началась новая эра въ изученіи туманностей, которая отмѣчена богатыми результатами. На страницахъ «Міра Божія» уже упоминалось объ изслѣдованіяхъ съ новыми свѣтосильными инструментами на Ликской обсерваторіи и на обсерваторіи въ Кёнигштулѣ близъ Гейдельберга. Теперь вниманіе астрономовъ опять привлекается въ эту интересную область. Профессоръ Вольфъ директоръ астрофизическаго отдѣленія обсерваторіи въ Кёнигштулѣ сдѣлалъ интересное открытіе. Онъ обнаружилъ, что существуютъ на небѣ области, чрезвычайно густо усыпанныя маленькими туманными пятнами. Въ созвѣздіи Дѣвы, напримѣръ, вокругъ звѣзды *Иты* на пространствѣ одного квадратнаго градуса, т.-е. приблизительно четырехъ лунныхъ дисковъ, оказалось 130 отдѣльныхъ туманностей, въ другихъ мѣстахъ неба встрѣчаются подобныя же скопленія туманностей. Ничего подобнаго раньше не знали. Даже въ большую трубу эти туманности не видны не только отдѣльно каждая, но и въ общей массѣ, на фотографической же пластинкѣ Вольфа можно измѣрять положенія каждаго незначительнаго пятна. Вольфъ очень заинтересовался открытыми имъ скопленіями туманностей и рѣшился заняться детальнымъ изученіемъ ихъ сначала въ предѣлахъ трехъ созвѣздій: Дѣвы, Льва и Волосъ Вероники, гдѣ они встрѣчаются въ большомъ числѣ. Въ опубликованномъ теперь томѣ даны положенія и описанія 1.528 туманныхъ пятенъ, а это лишь только тѣ объекты, которые оказались на фотографической пластинкѣ, снятой въ ночь на 20-ое апрѣля 1901 года. Сколько труда пошло на обработку этого матеріала! Самое фотографированіе продолжалось $2^1/_2$ часа, а измѣреніе пластинки нѣсколько мѣсяцевъ. Формы этихъ туманностей самыя разнообразныя, Есть круглыя съ центральнымъ уплотненіемъ, круглыя съ спиральнымъ строеніемъ овальныя съ центральнымъ уплотненіемъ, подобныя извѣстной большой туманности въ созвѣздіи Андромеды, туманности на подобіе планетнаго диска, т.-е круглыя, размытыя но безъ всякаго ядра; есть и неправильныя формы. Вольфъ отмѣчаетъ туманности въ видѣ отдѣльныхъ прямолинейныхъ лучей, исходящихъ изъ нѣкотораго центра, туманности въ видѣ прямыхъ полосъ, отдѣленныхъ болѣе или менѣе темными промежутками. Особенно интересны такъ называемыя цѣпи, встрѣчающіяся довольно часто. Онѣ исходятъ всегда изъ центра звѣзды *) или туманнаго пятна и на далекомъ протяженіи, постоянно извиваясь, соединяютъ удаленныя другъ отъ друга туманныя массы или свѣтлыя звѣзды съ туманностями. Эти цѣпи по большей части очень тонки, имѣютъ видъ разлившейся слизи или нитей въ желатинѣ. Часто онѣ состоятъ изъ большого числа маленькихъ узловъ, которые напоминаютъ жемчугъ на ниткѣ. Поразительный видъ имѣютъ эти образованія въ стереокомпараторѣ. Цѣлая область неба какъ бы покрыта сѣткой.

Изъ 1528 туманностей, описанныхъ Вольфомъ, раньше было извѣстно

*) На фотографической пластинкѣ звѣзды представляются различной величины кружочками.

только 79, т.-е. приблизительно всего 5 процентовъ. Девяносто пять процентовъ обнаружено теперь съ помощью фотографіи. Уже В. Гершель отмѣтилъ, что малыя туманности разбросаны на небѣ не повсюду равномѣрно, а находятся въ нѣкоторомъ отношеніи къ млечному пути — онѣ группируются вокругъ сѣвернаго полюса его, т.-е. точки, въ которой небо пересѣкается линіей, перпендикулярной къ средней плоскости млечнаго пути. Подтвержденіе этого дано, между прочимъ, недавно въ прекрасномъ изслѣдованіи ташкентскаго астрофизика Стратонова «Строеніе вселенной». Группа туманностей Вольфа какъ разъ тоже оказывается близъ полюса млечнаго пути. Вольфъ постарался графически представить относительную густоту ихъ распредѣленія и получилъ слѣдующую картину. Въ серединѣ полюсъ млечнаго пути. Онъ совершенно пустъ. Но вокругъ него идутъ туманности неправильнымъ кольцомъ, которое наибольшую плотность имѣетъ къ сѣверовостоку. Въ этомъ широкомъ уплотненіи замѣтна закономѣрность: чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ гуще и гуще распредѣляются туманности. Центральная часть выдается по своему богатству. Разстояніе ея отъ принятаго полюса млечнаго пути немного больше $1^1/_2$ градуса. Но млечный путь есть сложное образованіе, о полюсѣ его, какъ точкѣ, говорить нельзя. Вольфъ задаетъ поэтому вопросъ: нельзя ли, за полюсъ «Млечнаго Пути» принять этотъ центръ скопленія туманностей. Отмѣчая несомнѣнную правильность въ распредѣленіи отдаленныхъ міровъ во вселенной, онъ рѣшается назвать его «полюсомъ міра».

Поразило Вольфа и видимое сходство въ распредѣленіи овальныхъ туманностей, внѣшній видъ которыхъ напоминаетъ туманность Андромеды. Большинство изъ нихъ наклонены своими большими осями къ небесному экватору подъ угломъ приблизительно въ 60 градусовъ. Чѣмъ ближе къ центральному уплотненію, тѣмъ лучше оправдывается этотъ законъ. Конечно, еще рано дѣлать изъ этого факта какія-либо общія заключенія, но онъ во всякомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе.

Наконецъ, Вольфомъ указанъ еще одинъ интереснѣйшій фактъ. Большія туманности, какъ оказывается, обыкновенно граничатъ съ пустотами, вокругъ нихъ на нѣкоторомъ протяженіи совсѣмъ нѣтъ мелкихъ звѣздъ. Это было отмѣчено еще В. Гершелемъ. Но явленіе, отмѣченное геніемъ великаго наблюдателя, было слишкомъ сложно для разслѣдованія въ деталяхъ, замѣчаніе Гершеля осталось неоцѣненнымъ и даже забылось со временемъ. Теперь фотографія раскрываетъ предъ нами картину наглядно. На фотографической пластинкѣ мы сразу охватываемъ глазомъ и большую туманность на всемъ ея протяженіи и всѣ ея окрестности.

Проф. Вольфъ высказываетъ заключеніе, что большія туманности всегда граничатъ съ темными пустотами или, по крайней мѣрѣ, съ областями очень бѣдными мелкими звѣздами. Въ этихъ пустотахъ могутъ быть звѣзды, но болѣе яркія. Особенно поразительно такое явленіе въ млечномъ пути. Безчисленныя, равномѣрно разбросанныя малыя звѣзды пропадаютъ сразу, когда приближаемся къ туманности, и широкое темное пространство съ нѣсколькими яркими звѣздами выступаетъ съ поразительной опредѣленностью.

Знаменитая туманность Оріона и широкое туманное пятно *Америка*, въ созвѣздіи Лебедя, представляютъ наиболѣе рѣзкіе примѣры указаннаго явленія.

Туманность въ Стрѣльцѣ, поставленная въ каталогѣ Мессье подъ № 8, и примыкающая къ ней туманная масса, которая тянется на 10 кв. градусовъ, съ южной стороны охвачены пустой отъ звѣздъ каймой, такія же полосы прорѣзываютъ широкую туманность около *гаммы* Щита Собіескаго, туманность вокругъ *ро* Змѣеносца и туманность къ сѣверу отъ Антареса. Въ послѣднемъ случаѣ эти полосы особенно рѣзко очерчены и совершенно черны, онѣ совсѣмъ лишены звѣздъ, но при тщательномъ разслѣдованіи оказываются заполненными слабыми туманностями. Поразительно, что онѣ несомнѣнно находятся въ связи съ пустотой, примыкающей къ туманности, которая лежитъ къ сѣверу отъ *ни* Скорпіона, отстоящей отъ Антареса почти на 10 градусовъ.

Но имѣется, конечно, много туманностей, около которыхъ не замѣтно никакихъ пустотъ. Въ этомъ отношеніи опредѣленно вполнѣ обособленны тѣ, которыя имѣютъ форму туманности Андромеды. Никакого уменьшенія числа звѣздъ около нихъ не выступаетъ, чувствуется непосредственно, что окружающія звѣзды связи съ туманностью не имѣютъ. Изъ такого рода большихъ туманностей, кромѣ туманности Андромеды, здѣсь можно назвать спиральную туманность въ треугольникѣ, стоящую въ каталогѣ Мессье подъ № 33, ракообразную туманность въ Тельцѣ, длинную туманность Гершеля V 19 Андромеды, безформенную туманную массу Гершеля V 14 Лебедя.

Мы встрѣчаемся такимъ образомъ съ двумя совершенно различными родами образованій. Однѣ туманности, очевидно, принадлежатъ къ нашей звѣздной системѣ и находятся въ непосредственной связи съ окружающими ихъ звѣздами. Другія ничего общаго съ нашей звѣздной системой не имѣютъ, представляя сами иногда подобныя же системы безчисленныхъ міровъ. Чтобы имѣть болѣе надежное основаніе для выводовъ въ первомъ случаѣ, когда туманность сказывается въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ областью, бѣдной звѣздами, проф. Вольфъ предложилъ г. Копфу произвести тщательное статистическое разслѣдованіе относительно звѣздъ около туманности *Америка* и большой туманности въ созвѣздіи Оріона. По тѣмъ числамъ, которыя онъ получилъ на основаніи счета звѣздъ на фотографической пластинкѣ съ помощью сильной лупы, составлены были графики, показавшія наглядно, какъ распредѣляются пустоты.

По ихъ направленію, какъ оказывается, можно чрезвычайно точно выяснить даже контуры туманностей. Устанавливается интересный фактъ, что большая туманность Оріона находится въ связи съ туманностью около *дзиты* Оріона, лежащей довольно далеко отъ нея въ направленіи къ сѣверо-востоку. Но особенное значеніе, по мнѣнію Вольфа, имѣетъ то обстоятельство, что, какъ въ этихъ двухъ случаяхъ, такъ и въ другихъ, пустоты не охватываютъ собственно туманностей со всѣхъ сторонъ, но примыкаютъ къ нимъ съ какой-либо одной стороны, хотя всегда вокругъ идетъ узкая полоска безъ звѣздъ. Повидимому, въ этомъ мы имѣемъ указаніе на ходъ тѣхъ процессовъ, которые производятъ пустоты въ пространствѣ. Рядомъ съ пустотой мы ви-

димъ сгущеніе матеріи, блѣдноватую туманность. Сюда, въ этомъ направленіи гонится матерія, сзади остается свободное пространство. Такимъ образомъ туманность *Америка*, какъ будто бы перемѣщается на сѣверо-востокъ, туманность Оріона на сѣверо-западъ, двѣ туманности въ Единорогѣ на юго-востокъ или югъ, туманность при звѣздѣ *кси* Персея на юго-востокъ. Возможны и дальнѣйшія заключенія. Молодой астрономъ Курвуазье отмѣчаетъ, что, принявъ указанныя Вольфомъ смѣщенія туманностей за реальныя явленія, можно судить объ относительныхъ разстояніяхъ отъ насъ этихъ интереснѣйшихъ образованій. Онъ разсчиталъ, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ движеніе туманности, оказывается, происходитъ по большому кругу, проходящему черезъ точку неба, къ которой видимо несется наша солнечная система. Туманность Оріона движется какъ разъ по направленію къ этой точкѣ, четыре остальныя наоборотъ отъ нея. Видимыя смѣщенія звѣзды или въ данномъ случаѣ туманности могутъ быть отраженіемъ движенія солнечной системы. Когда мы ѣдемъ въ поѣздѣ, то деревья, телеграфные столбы, сторожевые домики вдоль полотна желѣзной дороги кажутся намъ бѣгущими въ направленіи, обратномъ движенію поѣзда. Далекіе предметы смѣщаются меньше. Если мы констатируемъ, что туманности перемѣщаются относительно окружающихъ звѣздъ въ направленіи, обратномъ движенію солнечной системы, мы можемъ предположить, что онѣ ближе къ намъ, чѣмъ звѣзды. Но туманность Оріона, наоборотъ, должна находиться дальше тѣхъ звѣздъ, которыя разсыпаны на небѣ вокругъ нея. Конечно, возможны смѣщенія самихъ звѣздъ такъ называемыя собственныя движенія ихъ, но эти движенія очень разнообразны и по величинѣ и по направленію. Если выступаетъ подобіе для большого числа звѣздъ, приходится искать общую причину, или физическую связь звѣздъ въ извѣстной группѣ, или отраженія движенія нашей солнечной системы. По отношенію къ туманностямъ, поэтому, мы дѣйствительно можемъ развивать соображенія объ ихъ относительномъ удаленіи отъ насъ, разъ констатируемъ ихъ смѣщенія въ ту или другую сторону отъ сосѣднихъ звѣздъ.

Такимъ образомъ фотографія не только показала намъ существованіе безконечнаго числа туманныхъ пятенъ, не только обнаружила интересное строеніе многихъ изъ нихъ, она заставляетъ насъ теперь перерабатывать наши общія воззрѣнія на эти образованія, вызываетъ новыя идеи о ихъ отношеніи къ нашей звѣздной системѣ, различнымъ группамъ звѣздъ, о ихъ относительномъ разстояніи.

К. Покровскій.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

ія
у-
н-
въ
и
я-
ю
ъ

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637079